

Алексей Подберезкин

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛЪ

том I

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

УДК 32
ББК 66.2(2Рос)
П44

Подберезкин А. И.

П44 Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1. Роль идеологии в модернизации России / А.И. Подберезкин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — М. : МГИМО–Университет, 2012.

ISBN 978-5-9228-0884-2

Т. 1: Роль идеологии в модернизации России — 2012. — 468 с.
ISBN 978-5-9228-0886-6 (Т. 1)

Книги, объединённые в пять томов под названием «Национальный человеческий капитал», могут представлять интерес для тех, кто интересуется современной политикой, национальной стратегией развития и теми идеологическими и политическими вопросами, которые к моменту публикации, стали уже современной российской политической историей. Третий том вышел в издательстве МГИМО(У) в июле 2011 г.

Автор — известный в стране и за рубежом учёный, который в разное время работал с самыми различными политическими и общественными деятелями, активно занимался политикой. В разное время был советником вице-президента РФ, советником Председателя Совета Федерации РФ, Счётной палаты, референтом Д. А. Медведева, членом экспертных советов различных министерств. В настоящее время — член Экспертного Совета при Председателе Государственной Думы России С. Е. Нарышкине и советник Гендиректора ОАО «Алмаз-Антей», является проректором по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Работа, подготовленная автором, охватывает широкий спектр общественных проблем — от политической философии и социальной экономики до внутренней и внешней политики. Однако сам автор полагает её незаконченной, предпочитает относиться к ней как к проекту.

Полагаем, что работу можно и сегодня предложить заинтересованному читателю, который, прочитав её сможет открыть для себя много полезной информации, познакомиться с оригинальным видением решения острейших проблем, окружающих жизнь современного человека.

Автор выражает благодарность своим коллегам по Университету за помощь в редакционно-издательской подготовке: Н. Ф. Абдрахимой за бесконечную перепечатку, А. С. Тумановой — за подготовку макета.

УДК 32
ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-9228-0886-6 (т. 1)

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2012

© Подберезкин А. И., 2012

ISBN 978-5-9228-0884-2

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Мы лишь часть начавшейся мировой социально-экономической трансформации¹.

В. Якунин

Гораздо более насущным стал кризис идентичности национальных и культурных групп, возникающий в условиях глобализации².

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Основная проблема России, как и 300 лет назад во времена М. В. Ломоносова, — недооценка значения национального человеческого капитала (НЧК), национальных школ, науки, образования, культуры и духовности, которые и создают тот качественно новый продукт, который делает страну не просто конкурентоспособной страной, но передовой нацией. Великой нацией-лидером. Сегодня это лидерство определяется именно национальной новизной, оригинальностью, креативностью, которые являются обязательным условием создания качественного нового, принципиально отличного от других, продукта или услуги. Это не заимствование или повторение чужого опыта. Это не критика чужих результатов, а создание своего результата. Великий русский философ Н. Бердяев писал: «Мы дерзаем обнаружить лишь своё **о чём-то** и не дерзаем быть **чем-то**»³.

В этом, как мне кажется, сегодня заключаются многие проблемы России. Мы почти не предлагаем себе и миру **чего-то** качественно, принципиально

нового — ни в науке, ни в культуре, ни в идеологии, — а значит мы и не претендуем на технологическое и идеологическое лидерство, без которых не может быть лидерства и высокой конкурентоспособности вообще. Мировой опыт сегодня показывает, что лидерами в мире являются страны, которые опережают другие государства не только и даже не столько по темпам роста ВВП, но которые являются прежде всего **идеологическими лидерами**. И такие страны есть. Это, конечно же, США, Китай, некоторые страны Евросоюза. Но в их число начинают активно «пробиваться» Бразилия, Индонезия, Сингапур и другие страны. Иными словами «современная международная конкурентоспособность, о которой любят говорить либералы, подразумевая лишь её финансово-технологическую составляющую, это прежде всего мировая конкурентоспособность в идеологии и институтах социального человеческого потенциала, выражающих эту идеологию, а в конечном счете — в качестве национального

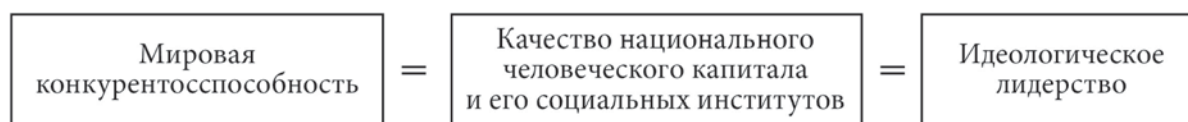

Рис. 1.

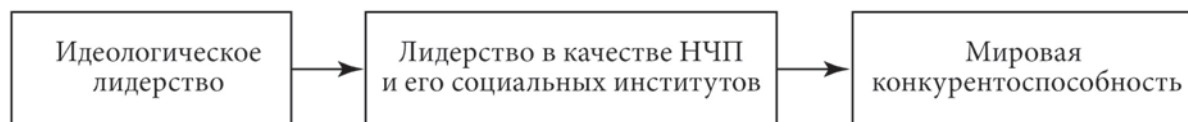

Рис. 2.

человеческого капитала. Это может быть выражено в простом тождестве (рис. 1).

Это тождество можно рассмотреть и в обратном порядке (рис. 2), что особенно актуально для современной России:

На мой взгляд, такая последовательность — идеологическое лидерство → лидерство в НЧП → мировая конкурентоспособность — для России сегодня неизбежна и обязательна, если мы хотим предложить нации и государству реальную, а не наспех скопированную «Стратегию–2020» в качестве долгосрочной стратегии национального развития.

Важно отчетливо понимать, что конкуренция в мире стала определяться уже не столько экономическими, финансовыми и даже технологическими возможностями, сколько результатами борьбы за наивысший в мире национальный человеческий капитал. В том числе и чужой, присвоенный себе. Сегодня гораздо выгоднее переманить специалиста, на подготовку которого были потрачены миллионы долларов, чем готовить его у себя в стране. Это очень хорошо понимают в США, где этому придается наивысший приоритет. Б. Обама в ежегодном послании конгрессу страны в январе 2012 года откровенно признал (хотя таких признаний и до него было немало): «Давайте помнить о том, что сотни тысяч талантливых работающих студентов в нашей стране сталкиваются с проблемой отсутствия у них американского гражданства. Многих привезли сюда детьми, и хотя они с ног до головы являются американцами, они изо дня в день живут под угрозой депортации. Другие приехали недавно изучать ведение бизнеса, науки, инженерное дело, но когда они получают диплом, мы отправляем их домой изобретать новые товары и создавать новые рабочие места где-то еще»⁴, — сказал Обама.

Россия на протяжении последних двадцати пяти лет является одним из крупнейших поставщиков в развитые страны человеческого капитала — самого ценного и востребованного современного ресурса. Речь идет о миллионах наших граждан, успешно развивающих другие страны. По некоторым оценкам, за 20 лет Россию покинуло более 2 млн высококлассных специалистов. Ущерб, на мой взгляд, превышает утечку финансов, которая ежегодно измеряется десятками миллиардов долларов.

Сегодня идеологическое лидерство выражается прежде всего в нравственности, а в прикладном понимании, — образовании, науке и технологиях, культуры и духовности, т. е. в НЧП и его социальных институтах. В конечном счете, в «мягкой силе». Недооценка этого российской правящей элитой продолжает оставаться серьезным тормозом в развитии нации. Лишь в феврале 2012 года в своей программной статье В. Путин наконец-то не только четко обозначил угрозу «мягкой силы», но и заявил о приоритете, необходимости лидерства России в области НЧП⁵. Но недооценка этого значения продолжается и сегодня. Примеров множество. Так, в последние годы в России стало даже модным утверждать, что число выпускников университетов и ученых не влияет на качество экономики, что «прямой связи между уровнем благосостояния и степенью образованности исследователи не наблюдают»⁶.

Источник: Education at a glance 2011 (ОЭСР)

Рис. 3. Доля населения с высшим образованием, % (в возрасте от 25 до 64 лет)

Эта неверная посылка и политика в области образования «не замечает», что наиболее передовые страны по развитию НЧП являются и наиболее передовыми по доле населения с высшим образованием, по количеству ученых, качеству публикаций и ин-

дексу цитирования. Как видно из приведенных выше данных, по доле лиц с высшим образованием Россия существенно уступает Норвегии, США, Нидерландам. Но почему-то наши руководители полагают, что, незначительно опережая Германию, российский образовательный потенциал не сказывается на росте ВВП и других показателях. Это, конечно, — большая политико-идеологическая ошибка, ведь каждый гражданин, получивший высшее образование, не только в 2,5–3 раза дает больший вклад в рост душевого и странового ВВП и доходы государства, но и, как показывает опыт Франции, живет на 10–12 лет дольше, делает НЧК более современным и мощным, а общество и экономику — конкурентоспособными. В конечном счете это сказывается на совокупной мощи и позициях государства в мире.

Необходимо понимать, что итоговый результат национально-государственного развития выражается количественно в демографических показателях, а качественно — в показателях национального человеческого капитала (НЧК). Этого российские политики в массе своей до сих пор также не осознали. Так, к 2011 году численность населения России по сравнению с 2002 годом сократилась на 2,3 млн⁷, а индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) «замер» на достаточно низкой отметке вот уже два десятилетия. Мы продолжаем оставаться по этому показателю в седьмом десятке государств. Это и есть наше реальное положение в мире, которое определяется не местом страны по ВВП, а в показателях НЧК.

Это объясняется не только пренебрежительным отношением к продолжительности жизни, образованию, но и другим важнейшим критериям, характеризующим НЧП, — науке, здравоохранению и культуре. Так, ситуацию в здравоохранении вполне четко характеризуют следующие данные Всемирного банка, где расходы на здравоохранение в России составляют 475 долларов на человека, а в США — 7410, т. е. почти в 15 раз больше!⁸

Аналогичная ситуация не только в образовании и здравоохранении, но и в культуре, науке, наукоемких технологиях и других важнейших составляющих НЧП, что позволяет говорить не просто о недофинансировании или относительном отставании в развитии этих направлений НЧП, а о принципиальном недопонимании, существующем пока в российской элите, определяющей роли НЧП в развитии нации и государства. Это недопонимание и игнорирование, существующие все последние десятилетия, является **важнейшей политико-идеологической системной ошибкой**, существующей в российских реалиях. Хуже того, ошибкой, которую, судя по бюджету на 2012–2014 год, и не спешат исправлять.

Модернизация, опережающее развитие России, — темы, ставшие наиболее популярными во второй половине первого десятилетия XXI века, неизбежно натываются на нерешенные идеологи-

ческие вопросы. Прежде всего о роли НЧК. И на нежелание политической элиты их решать. Как следствие — непоследовательность в действиях, слабое целеполагание и стратегическое планирование, а, в конечном счете — слишком большое количество невыполненных решений и тактических ошибок. На уровне общественного сознания действия власти воспринимаются как декларативные меры, без реальных результатов, но с попытками их замены «паркетной» и «партийной пропагандой». Это выражается в том числе и в кадровой политике, когда на важнейшее наукоемкое направление направляются профессиональные политтехнологи и пиарщики. Как точно заявил в декабре 2011 года патриарх Кирилл, «Сегодня массовые настроения людей определяются не Божьей правдой, а информационными технологиями»⁹.

Для реального осуществления модернизационного проекта в России, как, впрочем, и в любой другой стране, необходима прежде всего **идеологическая мобилизация и идеологическое лидерство**, за которыми неизбежно последует мобилизация политическая, организационная, ресурсная — власти и элиты, — даже кураж, убежденность в правильности поставленных целей и в своих силах. Просто «сигналов обществу» или частных решений как в 2000–2012 году уже недостаточно. Время отдельных проектов, даже крупных приоритетных национальных, прошло. Достижение цели может обеспечить только идеологическое лидерство. Применительно к современной России, — идеология опережающего национального развития, т. е. новая система взглядов на национальные цели, приоритеты и способы развития, в основе которых находится человек, его потенциал. На практике это выражается прежде всего в критериях НЧК, опережающем развитии НЧК.

Вообще-то говоря, вся история человечества — это история идей и идеологий¹⁰. Включая, конечно же, современный период, который, на мой взгляд, является наиболее идеологизированным. В идеологической форме выражаются наиболее актуальные потребности и интересы наций и их элит, отдельных социальных слоев и групп. Идеология также означает, по сути, **выбор средств их реализации**, выбор из широкого набора возможных путей достижения поставленных целей. Так, например, в конце 2011 года в докладе ИНСОРа был сделан такой политико-идеологический выбор — превращение России в «лидера ресурсных экономик мира», т. е. по сути дела закрепления за ней прежнего, неверного и неэффективного вектора развития¹¹. Что в корне противоречит единственно возможной и эффективной ставке на развитие НЧК.

Таким образом, весь процесс — от целеполагания, прогноза, стратегического планирования до методов реализации (то, что мы называем национальной и государственной стратегией), —

является **частью процесса, производного от идеологии**. Поэтому вряд ли возможно «изобрести» эффективную стратегию или концепцию развития вне идеологии. Такие попытки, которые мы нередко видим сегодня, выливаются в лучшем случае в некий нормативный документ, по образцу Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года, о котором забывают на следующий день после его принятия. Либо такой же «деидеологизированный» вариант, скорректированный экспертами «Стратегии–2020», предложенный в марте 2012 года под названием «Новая модель роста — новая социальная политика»¹², который выгодно отличается от предыдущего варианта, но так и не стал ни национальной стратегией, ни сколько-нибудь обоснованным документом стратегического прогноза и планирования.

Хотим мы того или нет, но тщательно избегаемый властью разговор об идеологии национального развития — давно назревший (что видно даже из идеологического кризиса «Единой России»), но всячески откладываемый — придется начинать. Ни «ручное управление», ни «паркетный пиар», ни «сигналы обществу» не могут заменить отсутствие у правящей элиты устойчивой системы взглядов на национальное развитие. Вот почему разговор об идеологии имеет сугубо практический, даже прагматический характер применительно к обсуждению модели национального развития и модернизации России.

В первом томе работы «Национальный человеческий капитал», состоящем из трех книг, рассматриваются отдельные элементы современной идеологии национального развития именно как системы взглядов, а также факторы влияния, под воздействием которых формируются и эволюционируют эти элементы. Как объективные, так и субъективные, как внешние, так и внутренние. Это необходимо для того, чтобы максимально системно, исторично подойти к анализу формирующейся современной идеологии, правящей элиты и общества, учесть множество основных и даже второстепенных факторов, влияющих на формирование такой системы взглядов. А также сделать выводы из тех ошибок, которые не позволили России выйти из системного кризиса последних десятилетий и которые можно и нужно быстро устраним, сформулировав **Идеологию Национального Развития России**.

Примечательно, что, вопреки декларируемому «прагматизму» и отказу от идеологии, идеологические выступления, тексты и документы неизбежно появляются. В том числе и не только в ходе избирательных кампаний 2011–2012 годов, но, прежде всего, из-за объективной необходимости внятно сформулированного политического курса. Дискуссия, начавшаяся в 2011 году и продленная выборами 2012 года, — это прежде всего идеологическая дискуссия, когда стороны, хотя и того или нет, занимают вполне определенную идеологическую

позицию. Приходится признать, что, по-настоящему позитивно и содержательно в этой дискуссии пока выступил только В. Путин, опубликовавший серию своих программных статей. Оппозиция и «критика режима» фактически не участвовали в разговоре по-существу.

Но странным образом и сторонники В. Путина не поддержали его инициативы, которые фактически остались безответными в период избирательной кампании 2011–2012 годов. Более того, либеральная часть элиты прямо или косвенно выступила против В. Путина. Как справедливо заметил К. Затулин, «Определенная часть политологов — „свои среди чужих, чужие среди своих“ — заранее оплакивает всякую попытку России вести себя независимо, страдая санкциями и изоляцией вместо модернизации и „десталинизации“. Разговор о союзниках России превратился в разговор о ее несамодостаточности.

А между тем нет сегодня большей подножки для подъема нашей страны, чем попытка уже сейчас втянуть ее в какую-нибудь Антанту: с Китаем против США или с США против Китая. В любом таком союзе Россия в ее нынешнем положении окажется младшим партнером, вассалом. Уйти от этого выбора, быть самодостаточными, чтобы, как 20 лет назад, не развалить страну под чужие аплодисменты, — в этом я вижу смысл и статьи В. Путина и его внешнеполитической деятельности. Союзники „придут“»¹³.

Сегодня нужен новый идеологический подход. И не просто новая социальная модель, как считают авторы «скорректированной в марте 2012 года «Стратегии–2020», а новая политико-идеологическая система взглядов, способная заменить обанкротившуюся «либеральную традицию». Необходимость такого нового широкого политико-идеологического подхода стала очевидной даже для западных политиков, бизнесменов и ученых, которые сделали выводы из мирового кризиса 2008–2012 годов, в том числе и выводы идеологического характера. Так, в Давосе, в конце января 2012 года на ежегодной встрече лидеров мировой экономики было признано, что основное противоречие — растущий разрыв между богатством немногих и усиливающейся нищетой — непреодолимо в рамках существующей модели социально-экономического развития. Это признание означает по существу признание кризиса пресловутой «либеральной традиции» и моделей «идеальной экономики», хотя, конечно, от такого признания до практических выводов дистанция огромная. Важно, чтобы мы не игнорировали эту реальность, а нашли в себе силы найти собственные, оригинальные решения для нейтрализации новых вызовов и угроз, в основе которых лежала бы собственная политико-идеологическая система взглядов, способная обеспечить России опережающее развитие. Это и есть, собственно говоря, новая идеология развития национального человеческого потенциала.

- ¹ Якунин В. И. «Диалог цивилизаций» во времени глобальных трансформации // Независимая газета. 2011. 28 декабря. С. 6.
- ² Торкунов А. Найти выход из тупика неэффективности / В кн.: Торкунов А. В. Подороже в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 33.
- ³ Бердяев Н. Философия свободы / В кн.: Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 31.
- ⁴ Табак М., Ворошилов Д. Послание Обамы конгрессу стало мостом во второй срок // РИА Новости. 25.01.2012 // www.ria.ru/politics/20120125/548301998.html
- ⁵ Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. С. 2.
- ⁶ Полухович А. Ученых — тьма // Известия. 2011. 19 декабря. С. 1.
- ⁷ Итоги переписи: населения РФ с 2002 сократилось на 2,3 млн человек. 2011. 16 декабря // Forbes. [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.ru/>
- ⁸ Власов В. Так лечиться нельзя // Независимая газета. 2012. 25 января. С. 3.
- ⁹ Мальцев В. В Facebook Божьей правды нет // Независимая газета. 2011. 19 декабря. С. 1.
- ¹⁰ От слова «идея» производными являются слова «идеал» и «идеология», что для настоящей работы имеет значение: «идеальный образ» России является, например, наиболее адекватным восприятием национальных интересов элитой страны, а «идеология» может рассматриваться как система мер по достижению идеала (См., например: Федорова Т. М., Щеглова О. А. Словообразовательный словарь русского языка. М.: ЛадКом, 2009. С. 250.
- ¹¹ Сидибе П. Россию записали в лидеры клуба ресурсных держав // Известия. 2011. 19 декабря. С. 4.
- ¹² «Стратегия–2020»: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М. 2012. Март.
- ¹³ Затулин К. Союзники придут // Известия. 2012. 29 февраля. С. 9.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

...исторически капитализм зародился не как экономическая система сама по себе, но начинался с революции в сфере этики и религии¹.

Ю. Лужков

Новая политическая реальность. Новая стабильность².

В. Сурков

Национальный человеческий капитал как главная цель и одновременно средство развития современной цивилизации неизбежно ведет к перевороту во всей системе сложившихся политико-идеологических взглядов не только в развитых странах, но и других государствах.

Мысли, представителей правящей элиты России первого десятилетия нового века свидетельствуют, на мой взгляд, что главная проблема нынешней России — отсутствие внятной системы взглядов большинства элиты и общества, т. е. идеологии. Можно было бы привести десятки других полярных высказываний «образца 2011 года», подтверждающих этот вывод. От В. Якунина до Л. Кудрина: мы одновременно остаемся и коммунистами, и националистами, и либералами. Ведущего тренда нет, хотя либералы первого десятилетия XXI века реально формировали социально-экономическую политику страны. Некоторые из них даже пытались сформулировать стратегию. Отсюда — непоследовательность, неэффективное использование ресурсов, прежде всего ресурса национального человеческого капитала.

2011 год подвел определенную черту под этапом «стабилизации» и «модернизации» в развитии России, было признано многими, в том числе и В. Путиным, и Д. Медведевым, и В. Сурковым. «Новая политическая реальность», о которой заявил в декабре 2011 года В. Сурков, не означает, однако, главного — новой идеологии, новой концепции национального развития. Это ощущение «нехватки» идеологии в России выражается во многом. И, прежде всего, в отсутствии внятной стратегии национального развития, которая вытекала бы из такой идеологии. Естественно, что в отсутствии такой стратегии практические результаты социально-экономического развития малозначительны. Именно отсутствие практических результатов стало основной социальной причиной формирования оппозиции в России в 2011 году. Сами по себе либеральные требования стали лишь поводом, очередной попыткой либералов укрепиться во власти в России.

Элементы такой идеологии складывались в последние годы, но целостной системы взглядов, разделяемой большинством правящей элиты и общества,

так и не сформировалось. Хотя деклараций и даже документов было достаточно. В чем-то прав Г. Зюганов, когда говорит, что у правящей элиты нет до сих пор идеологии: «Наша власть не желает заниматься стратегией, и в отчете В. Путина я о ней снова не услышал. Власть желает жульничать и манипулировать. „Единой России“ нужно удержать кресла в Думе и в правительстве и присосаться к бюджету. У „Единой России“ море средств, а идеологии нет. Ее идеология называется „питерский чекизм“. Единороссы делятся на платформы, потому что им деваться некуда»³. Принятая еще в августе 2002 года Экологическая доктрина Российской Федерации совершенно справедливо декларировала, что «сохранение природы и улучшение окружающей среды являются приоритетными направлениями деятельности государства и общества. Природная среда должна быть включена в систему социально-экономических отношений как ценнейший компонент национального достояния. Формирование и реализация стратегии социально-экономического развития страны и государственная политика в области экологии должны быть взаимосвязаны, поскольку здоровье, социальное и экологическое благополучие населения находятся в неразрывном единстве»⁴.

За прошедшие 10 лет, однако, этот декларативный тезис, как и многие другие, не получил желаемого развития. Прежде всего с точки зрения взаимосвязи между социально-экономической, финансовой и экологической политикой, которые фактически существовали вне единой системы, сами по себе. Это в полной мере относится и к Стратегии национальной безопасности России до 2020 года, и Концепции внешней политики, и Военной доктрине России. Принятые «провальные» документы остались декларациями.

Между тем новые международные реалии, стремительно влияющие на условия существования наций и государств, требуют их интеграции в единую национальную стратегию развития, которая невозможна без устойчивой политико-идеологической системы взглядов. Так, неизбежно предстоит учитывать как последствия вступления России в ВТО⁵, так и военно-политические последствия нового американского стратегического руководства по обороне «Поддержание глобального превосходства: приоритеты для обороны XXI века», принятого Б. Обамой 5 января 2012 года⁶, а также стремительно нарастающий процесс евразийской интеграции, последствия «арабской весны», рост мощи и влияния новых экономических и политических гигантов и т. д.

Интересно, что только к концу 2011 года разговоры о национальной стратегии и стратегическом планировании перешли в фазу проекта Федерального закона о стратегическом планировании. Однако и сегодня речь идет практически только об экономике. Важнейшие политико-идеологические стороны жизни нации, которые концентрируются в национальном

человеческом капитале, — наука, образование, культура, духовность, институты социального потенциала — остаются вне национальной стратегии. Конкурентоспособность — исключительно экономическая категория. Как признают в Минэкономразвитии, «важнейшим фактором обеспечения конкурентоспособности российской экономики в современных условиях является наличие эффективно функционирующей системы государственного стратегического управления»⁷.

В позиции руководства Минэкономразвития, отражающей логику рассуждений значительной части правящей элиты страны, уже заметно влияние НЧК, но он остается второстепенным, подчиненным макроэкономическим показателям. Есть смысл подробнее привести ход размышлений аналитиков МЭРА:

«Система государственного стратегического управления позволяет:

- формирование долгосрочных приоритетов деятельности государства в области социально-экономического развития, позволяющих частным компаниям снизить риски, в том числе при принятии долгосрочных инвестиционных решений;
- развертывание долгосрочных решений (со сроком реализации 7 и более лет) в комплекс среднесрочных и краткосрочных задач, согласованных между собой;
- балансировку планируемых действий, требующих значительных организационных и ресурсных затрат (проекты в энергетике, транспорте, демографии, национальной безопасности, в сфере развития человеческого потенциала)»⁸.

Как видно, приоритетом развитие НЧП не является. Во всяком случае в документе, подготовленном МЭРОм. В нем говорится о «балансировке», а не о приоритете, т. е., чтобы развитие НЧП как-то соответствовало планам социально-экономического развития. Не более того.

Следующие положения документа о «стратегическом планировании» подтверждают этот вывод. Таким образом, идеология нынешнего понимания элитой стратегического планирования по сути остается прежней — прагматизм, основанный на приоритетах сохранения макроэкономической стабильности:

- «— ориентированность субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на деятельность в соответствии с поставленными долгосрочными целями;
- увязку принимаемых в процессе государственного стратегического управления решений с бюджетными ограничениями, определяемыми как на среднесрочную, так и на долгосрочную перспективу;
- мониторинг реализации принимаемых решений»⁹.

Направленный в правительство в конце 2011 года проект закона «О государственном стратегическом планировании» разрабатывался три года, а «дозре-

вание» до необходимости этого закона шло более десятилетия. Этот проект, как считается, «объединяет все разрабатываемые программы и стратегии, а также ранжирует их по уровню важности и последовательности. И хотя у Минфина есть возражения, Минэкономразвития настаивает на скорейшем принятии закона»¹⁰.

Другими словами, медленно и непоследовательно, но правящая элита идет в направлении разработки национальной стратегии развития. На этом пути встречаются два основных препятствия:

- во-первых, нежелание признать, что стратегия национального развития является следствием идеологии как системы устойчивых взглядов на национальное развитие;
- во-вторых, либеральная идеология, и её носители, прежде всего монетарные власти упорно сопротивляются этому движению, отстаивая «чистоту» либеральной традиции.

Таким образом, отдельные «ростки» национальной идеологии стали проявляться к концу 2011 года вполне отчетливо, но... не складывались в систему. Речь шла, конечно, прежде всего, о «евразийской» инициативе В. Путина — Н. Назарбаева, о модернизации политической системы, наконец, о давно назревшем вопросе «вывода национальной экономики, ее стратегических отраслей из оффшорной тени»¹¹. Это движение, повторю, было непоследовательным и всё более встречает серьезное сопротивление неолиберальных кругов. И, к сожалению, это движение не было подкреплено какими-то результатами. Ни в финансовой, ни в промышленной политике. Существует огромная пропасть между декларациями и даже реальными директивными документами и конкретными результатами их исполнения.

И все-таки движение есть. Оно обусловлено вполне объективными причинами: ко второй половине нынешнего десятилетия у **значительной части общественного мнения** России сложилось убеждение, что нация остро нуждается именно в национальной стратегии развития, которую не может заменить «всесильная рука рынка».

Не случайно, в 2011–2012 годах остро встали такие неэкономические вопросы, как миграция, национальная политика и т. п. Одна из программных статей кандидата в президенты В. Путина в январе 2012 года была посвящена именно национальной политике и вызвала острую дискуссию, означавшую, на мой взгляд, что элита уже не может игнорировать эти проблемы¹².

Проявления идеологической активности элиты стали во многом признанием того, что «неидеологические» концепции и стратегии предыдущих лет оказались провальными. Так, попытка создания Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года оказалась абсолютно провальной. К этому же времени, а именно 2007–2011 годам, относится и возвращение интереса

к стратегическому прогнозу и стратегическому планированию, который выразился в шквале различных стратегических концепций — отраслевых, региональных, корпоративных.

В это же время появились работы А. Кокошина, посвященные стратегическому управлению, и даже отдельные учебные курсы¹³.

Стали готовиться и документы общенационального значения — Концепция социально-экономического развития до 2020 года, Стратегия национальной безопасности России до 2020 года (в редакции от 2009 г.), Концепции внешней политики, информационной безопасности и т. д., которые имели не только декларативное, но и определенное нормативное значение. Наконец, все большее значение приобретают Послания Президентов России Федеральному Собранию Российской Федерации, в которых В. Путин, а затем Д. Медведев декларировали свои оценки и сигналы общественному мнению. «Оценки» и «сигналы», которые, к сожалению, так и **не стали идеологической системой**. И не смогли стать. А значит, не могло быть ни эффективной стратегии, ни прогноза, ни планирования. Тем более не могло быть эффективного политического и государственного управления.

Множество документов (чьё появление я приветствую и неоднократно пытался инспирировать начиная с 1990 года)¹⁴, так и не сложилось в идеологию как национальную систему общепринятых взглядов, ценностей и принципов, которая только и может породить логичную, долгосрочную и эффективную стратегию опережающего развития России. Можно сказать, что такая долгосрочная национальная стратегия и есть «прикладная идеология», следствие сложившейся общей системы взглядов правящей элиты и общества страны. Чего, к сожалению, не произошло. Об этом я тоже не раз писал, в том числе под псевдонимом и в соавторстве начиная с 90-х годов прошлого века¹⁵.

К 2012 году, как и 20 лет назад, политики и ученые больше всего боятся использовать два слова — «идеология» и «социализм»: кто-то до сих пор напуган гонениями 90-х годов, кто-то так и не освободился от влияния неолибералов, а кто-то прячется под маской «прагматизма», пытаясь угодить и левым, и правым, и центристам, выдавая неопрагматизм за новую идеологию. Во многом из-за этого мы стремительно теряем время — годы, даже десятилетия. А время, как справедливо заметил, А. Кокошин, в условиях кризиса «самый ценный ресурс»¹⁶. Так, один из авторов прямо пишет: «Сегодня на российской политической арене мы не наблюдаем особого идейного содержания идеологии, которая бы завлекала умы людей в неведомые дали... в обществе начинает править не собственно наличие какой-либо идеологии, но ее отсутствие, прагматизм сегодняшнего дня»¹⁷.

Я попытаюсь реабилитировать идеологию и доказать, что без нее все экономические, социальные

и прочие «прикладные» стратегии, таковыми не являются, но выступают в лучшем случае лишь нормативными документами, известными узкому кругу чиновников. Да и то не всегда. «Новая» «Стратегия–2020», подготовленная экспертами к марту 2012 года, вообще, как полагают ее авторы, представляет собой набор рекомендаций правительству. Эти стратегии и концепции не объединены ни общей национальной идеей, ни общей стратегией, хотя иногда и пытаются это сделать, предлагая в качестве такой объединяющей идеи «рост благополучия граждан» или «комфортности проживания». В результате вопрос о посткапиталистической идеологии и стратегии развития России остается на сегодня открытым. Как, впрочем, и во всем остальном мире. «Капитаны» мирового бизнеса в Давосе в январе 2011 года это открыто признали, хотя и не предложили что-либо новое взамен «либеральной традиции» и уже не идеальных либеральных моделей.

Кризис 2008–2012 годов обострил эту проблему. Стало очевидно даже сторонникам «идеальной»

либеральной модели, что она не способна ни обеспечить устойчивого развития, ни решить глобальные проблемы, ни добиться социальной справедливости. Начавшись в 2008 году как финансовый и ипотечный, кризис быстро перерос в экономический, социальный, а теперь уже и политико-идеологический кризис либерализма. Выход из этого кризиса также возможен только при решении возникших политико-идеологических проблем, а не их консервации с помощью либеральных механизмов. Это, повторю, признают уже даже представители политической и бизнес-элиты Запада. Но пока еще не в России, где либеральная традиция обладает мощной инерцией.

Выход из кризиса возможен только путем смены алгоритма социально-экономического и политического развития, что означает прежде всего отказ от примитивной либеральной модели и признание новых реалий и новых правил и принципов социально-экономического развития. Ключом к пониманию нового механизма является понимание роли национального человеческого капитала.

¹ Лужков Ю. Транскапитализм и Россия. М. 2009; Ю. Капитализм и Россия (Выпадение из будущего?). М. 2009. С. 10.

² Эксперты анализируют «План Суркова» // Независимая газета. 2011. 16 декабря. С. 3.

³ Жермелева О. В мире есть только три политических течения. Все остальное — от лукавого // Известия. 2012. 18 апреля.

⁴ Экологическая доктрина Российской Федерации (Утверждена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р).

⁵ Речь, в частности, идет о резком снижении конкурентоспособности отечественных товаров. См. подробнее: Куликов С. Россия в ВТО может оказаться беззащитной // Независимая газета. 2012. 20 марта. С. 1, 4.

⁶ Юрченко Г. О приоритетах и направлениях военной политики и стратегии США в ближайшей перспективе. [Электронный ресурс] URL: <http://www.belvpo.com>. 2012. 13 февраля.

⁷ Стратегическое планирование. Официальный сайт Минэкономразвития. [Электронный ресурс] URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity...>

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Жебит М. Планированию не хватает стратегии // Известия. 2011. 30 декабря. С. 1.

¹¹ Путин: российская экономика должна выйти из «оффшорной тени» // Forbes. 2011. 19 декабря. [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.ru/news>

¹² См., например: Радзиховский Л. Квадратура круга // Независимая газета. 2012. 25 января. С. 3.

¹³ Кокошин А. А. Формулы управления. М.: ЛЕНАНД, 2009.

¹⁴ См., например: Подберезкин А. (под псевдонимом А. Иванов). Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее. М.: Европа, 2007.

¹⁵ См., например: Подберезкин А. И. Приоритетные национальные проекты и новая идеология для России. М.: Вагриус, 2007.

¹⁶ Кокошин А. А. Формулы управления. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 13.

¹⁷ (Антипрагматическая) идеология отсутствия идеологии. [Электронный ресурс] URL: <http://p-development.narod.ru/116html>

ГЛАВА 1

ЧТО ЖДЕТ РОССИЮ? — ЗАВИСИТ ОТ ВЫБОРА ИДЕОЛОГИИ¹

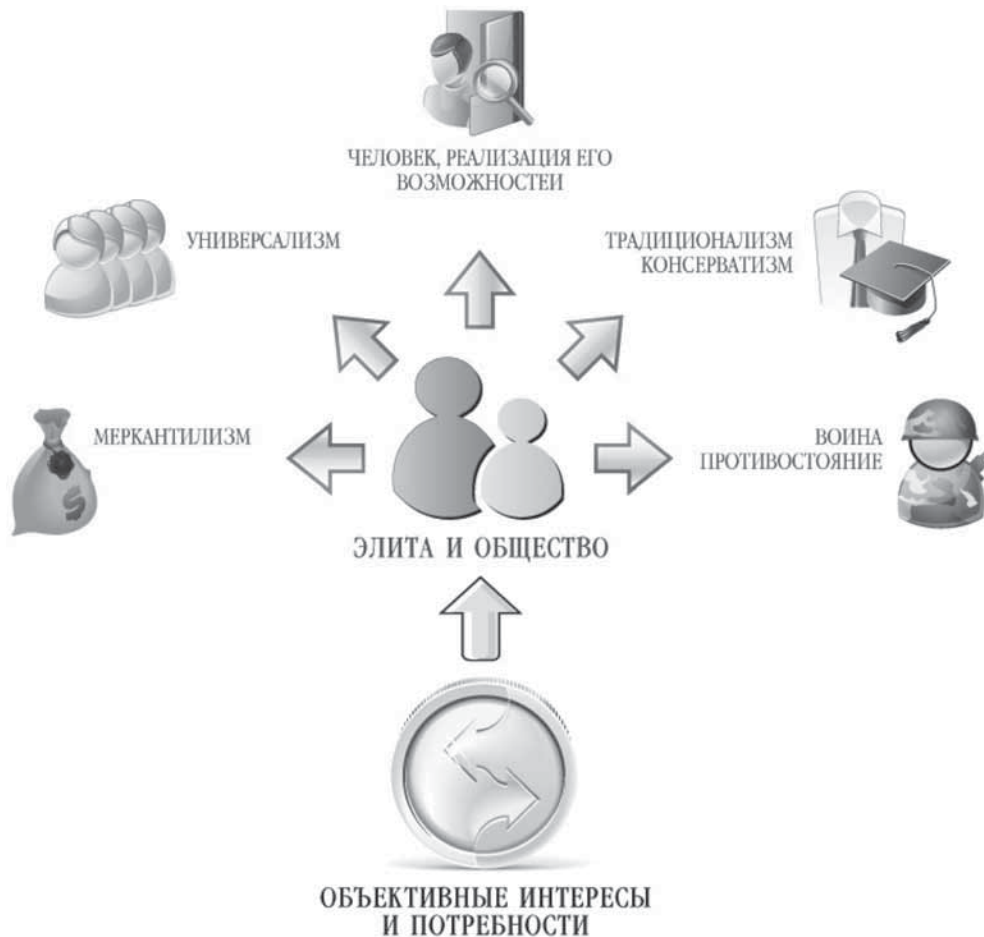
Деидеологизация политики выхолостила ее душу, вместе с этим и интерес к ней больших, масштабных людей².

А. Владиславлев

Ученые — это те, кто много знают.

Умные — это те, кто понимают.

М. Задорнов

Ответ на вопрос о будущем России сегодня, как правило, дается с точки зрения перспектив экономического и технологического (а иногда даже только финансового) развития страны. Или в лучшем случае с точки зрения политической модернизации³. Между тем, ответ надо искать в совсем другой области, а именно — духовной и идеологической, — хотя именно идеологии правящая российская элита и боится больше всего. Даже опубликовав идеологическую статью, посвященную национальной политике в январе 2012 года, В. Путин тщательно старался избегать идеологических формулировок и оценок. Как заметил политолог В. Иванов, это была «...попытка описать империю, не прибегая к самому термину...»⁴.

При всей «деидеологизации» последних лет власть вынужденно подчеркивала, как минимум, два стратегических приоритета — «рост благосостояния» и «демократизацию». Или, как сказал академик РАН А. Торкунов, «стратегический вектор развития нашей страны — от несвободы к свободе — остается неизменным»⁵. Что также является, по сути дела, идеологией, но идеологией упрощенной, даже примитивной, ориентированной только на материальные потребности граждан. Такая идеология получила свое определение как «прагматизм». Естественно, это мало способствовало стратегическому мышлению и разработке эффективных стратегий развития. В конечном счете в феврале 2012 года это был вынужден признать даже автор такой идеологии В. Путин, заявивший, что «нужно научиться «смотреть за горизонт», оценивать характер угроз на 30–50 лет вперед. Это серьезная задача, требующая мобилизации возможностей гражданской и военной науки, алгоритмов достоверного, долгосрочного прогноза»⁶.

Это признание означало, что кандидат в президенты, ответственный за политический курс последних 12 лет, был вынужден признать бесперспективность «деидеологизации» и «прагматизма» последнего времени как несостоятельных подходов. Но именно такие подходы доминировали в российской элите последние десятилетия. В нормативных документах, принятых за это время, было сложнее совсем отказаться от идеологии: там оценки, понятийный аппарат и в целом идеология (даже при ее отрицании) обязаны присутствовать. Так, в принятой 17 декабря 2009 года Климатической доктрине Российской Федерации, признается, что климатические «...факторы предопределяют необходимость учета изменений климата в качестве одного из ключевых долговременных факторов безопасности Российской Федерации...»⁷.

«Деидеологизация» оказала власти плохую услугу и с точки зрения эффективности госуправления. Колоссальное расхождение по времени между принятием решений и документов, а иногда и вообще их невыполнение, — очень характерно не только для времени президентства В. Путина — Д. Медведева. Это расхождение объясняется опять же прежде всего отсутствием идеологии, которая выполняет **функцию национального и государственного управления**.

Причем управления не только массой чиновников, но и всей нацией. Так, Комплексный план реализации Климатической доктрины России до 2020, утвержденная в 2009 году, был принят правительством... только в конце апреля 2011 года⁸.

Таким образом отсутствие идеологии у правящей элиты неминуемо вело в последние десятилетия к следующим последствиям:

- упрощенному, даже примитивному восприятию реалий. Описание и анализ мировых процессов базировалось на примитивном макроэкономическом анализе;
- отсутствию стратегии, прогноза и стратегического планирования;
- неэффективному и запоздалому принятию решений, а в целом плохому госуправлению;
- неспособности адекватно оценить и распределить даже имеющиеся ресурсы.

Ограничивается ли национальная идеология и идеологема развития этими двумя трендами? Конечно, нет. «Доходы» и «свобода» понятия относительные, а в разных странах и в разное время понимаются по-разному. Кроме того, эти два понятия не являются универсальными. Особенно для таких стран, которые сами по себе цивилизации, где исторические, культурные и духовные корни заложили глубокую традицию. Между тем именно эти два приоритета повторялись как заклинание Д. Медведевым в 2008–2011 годы. Лишь в марте 2012 года на конференции Российского совета по международным делам (РСМД)⁹ Д. Медведев шире посмотрел не только на идеологию европейской безопасности, но и идеологию вообще, заявив, в частности, что «Сегодня состояние международной безопасности как никогда ранее зависит от общеевропейского человеческого потенциала. Россия очень дорожит этим национальным богатством, потому что мы многонациональная страна, очень сложная страна и с той системой ценностей, которая складывалась тысячелетиями, развивалась и обогащалась во взаимодействии с другими европейскими культурами. Мы понимаем и то, что в основе европейской идентичности лежит наша историческая и духовная общность»¹⁰.

Растущая нестабильность в мире и непредсказуемость последствий глобализации, новые угрозы человечеству — стали реалиями второго десятилетия XXI века, которые особенно ярко обнажил мировой кризис 2008–2011 годов. В этих условиях роль государств, национальных правительств стала объективно возрастать, требуя от них ясного политического ответа и выбора, в т. ч. идентификационного. Самоидентификация нации означает прежде всего осознанный выбор между приоритетами и путями их достижения, а этот выбор может быть только сознательным идеологическим выбором, обществом, но, прежде всего, правящей элитой. Как и в прежней российской истории, современная политическая история России предполагает вполне конкретный идеологический выбор. Если в XIII веке, как писал Г. Вернадский, «ла-

тинство было воинствующей религиозной системой, стремившейся подчинить себе и по своему образцу переделать православную веру русского народа»¹¹, так и в XXI веке выбор алгоритма национального развития общества и государства предполагает прежде всего идеологический выбор. Выбор цивилизационный, идеологический и, в конечном счете, политический. Не случайно, в 2011–2012 годы отмечены были две усилившиеся тенденции в идеологическом дискурсе — евразийство и евроатлантизм. Без ответа на этот вопрос о выборе бессмысленно, даже вредно принимать любые социально-экономические, политические и прочие концепции развития, которые массово стали предлагаться и приниматься во второй половине первого десятилетия XXI века в России.

Это надо четко осознавать особенно в условиях политических изменений, начало которым было положено в декабре 2011 года. О «Политической реформе», руководство страны заявило после выборов 4 декабря 2011 года, но без новой идеологии (а ее нет), что может привести к очередному политическому провалу. Как это было в конце 80-х годов прошлого века. Ситуация на рубеже 2012 года удивительно напоминала ситуацию 1988 года: протестные массы, недовольные всем, с одной стороны, и непонятная позиция власти, не имеющей идеологии, — с другой. Происходит очередной разрыв между элитой и обществом. Это отметил и новый Председатель Госдумы С. Нарышкин: «...может быть, темпы перемен в общественном сознании и настроениях людей бывают несколько выше, чем скорость тех изменений, которые власть вносит в политическую систему. Митинги как раз говорят об этом. Значит, власть должна соответствующим образом реагировать. И скорость разработки предложений, касающихся совершенствования политической системы, должна быть выше»¹².

Не сказал он, однако, в какую сторону надо совершенствовать политическую систему. Если в обратную всему политическому курсу нулевых, то возникает вопрос: а где гарантия, что такая политическая модернизация, уничтожив все, что с трудом создавалось 11 лет, приведет к более эффективной системе? Да и какая будет эта система?¹³ Ответ на этот вопрос может дать только осознанно сделанный правящей элитой политико-идеологический выбор. Сегодня, повторю, этого пока нет, но, что хуже всего, — это бояться сделать. Бояться точно определить: куда, зачем и как нация должна развиваться. Да и самого слова «нация» бояться, пытаясь заменить его некой «гражданской» нацией, «россиянами» и т. п.

Между тем это все-таки придется сделать. Невозможно до бесконечности отказываться от ясного целеполагания, определения четких приоритетов, «дефиниций» и в конечном счете — выбора средств и методов развития и распределения национальных ресурсов. Этот выбор и есть идеология, объединяющая в единую систему многочисленные и многофакторные действия, превращая их в конечном счете в националь-

ную и государственную стратегию. И опыт, история России и СССР, только подтверждает это. Еще в середине первого десятилетия я неоднократно писал о том, что стратегия России не может быть адекватной без идеологии опережающего национального развития¹⁴.

Советский Союз был идеологической державой. Как, впрочем, сегодня и любая другая держава, особенно США, Китай, Индия, страны Евросоюза, а тем более, исламские государства. Разрушая в 80-е годы идеологию, наши власти разрушали и государство и экономику, которая была максимально политизирована. Вот и сегодня, «в Европе свободный рынок превратился в такую же идеологию, какой в 1970-е у нас была идеология Суслова. Там идеология свободного рынка — это такой коллективный Суслов, в Брюсселе сидящий. У нас Суслов был один, а там их очень много — вы спокойно их можете менять: на смену одному приходит другой такой же точно, как из инкубатора. Бюрократия есть бюрократия, и она воспроизводит определенные типы в любой стране»¹⁵.

Но сегодня, в связи с кризисом, в Евросоюзе задумались о смене идеологии, понимая, что прежние идеологические и социально-экономические модели уже не работают. Там действительно прагматично относятся к реалиям, а либеральная традиция — будь то «толерантность», «мультикультуризм» или финансовая либерализация не являются догмами. И там не боятся корректировать свое отношение к «либеральной традиции». Ни с точки зрения роли государства, ограничения прав человека, развития национальных особенностей и традиций, ни с точки зрения своего отношения к внешнему миру.

Вот и для современной России наступило время политико-идеологического выбора. Прежде всего идеологического. Мы не можем «просто» взять устаревшие либеральные западные модели (тем более, что даже там признают их неэффективность). Не можем взять и японские, китайские, латиноамериканские. Придется делать свой выбор, искать свою стратегию и идеологию.

На мой взгляд, такой выбор уже «прорисовывается» достаточно ясно. Это выбор в пользу самостоятельной политико-идеологической и социально-экономической модели развития, в полной мере учитывающей как российский, так и советский опыт. Прежде всего на евразийском пространстве, где история, культурное и духовное наследие дают нам не только возможность и право, но и условия для создания оригинальных моделей развития.

Наше будущее — не только в России, но на всем постсоветском пространстве, а, может быть, и в мире будет зависеть от этого выбора. Если мы сможем провести идеологическую и политическую мобилизацию на постсоветском пространстве, то это будет будущее самостоятельной нации — цивилизации. Но, если этого не произойдет, то неизбежно последует утеря национальной идентичности и суверенитета, а, в конечном счете — ликвидация такого феномена, как российская цивилизация.

1. Из чего выбирать? Контуры «Большой стратегии»

У нас есть возможность остаться региональным лидером на пространстве СНГ, занять ведущие позиции в Европе и даже реально вырваться в мировой авангард. Но не исключен и другой вариант: мы переходим в категорию развивающихся стран...¹⁶.

*И. Юргенс,
председатель правления ИНСОР*

Уже двадцать лет российское общество находится в поисках своей идентичности, новой системы ценностей и собственного пути развития¹⁷.
С. Миронов

В начале второго десятилетия XXI века в России стали вырисовываться самые общие контуры политической идеологии. До этого в общественном сознании доминировали разноректорные направления — либерально-демократическая (ориентированная на западную систему ценностей), «прагматическая» (декларировавшая отказ от любой идеологии), посткоммунистическая (как модификация коммунистической, советской), наконец, имперско-державная (которая, в свою очередь, делилась на либерально-имперскую, самодержавную, державную и националистическую).

Понятно, что такие разные, даже противоположные в своей направленности векторы в разные периоды задавали разные импульсы национальному и государственному строительству.

Во втором десятилетии проявился новый, во многом суммирующий разнонаправленные силы, вектор — евразийство. Он аккумулировал не только очевидные экономические потребности в интеграции, но и философские представления В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, ностальгию по советско-имперскому прошлому, а также очевидные надежды на объединение военно-политических, интеллектуальных, образовательных и духовных возможностей России и бывших советских государств. Во многом этот новый вектор, активизированный В. Путиным, Н. Назарбаевым и А. Лукашенко осенью 2011 года политически и экономически, стал стремительно развиваться в последующее время, далеко выходя за рамки декларированной или стратегии евразийской экономической интеграции. Вот почему важно понимать, каким образом и в какой степени разные политико-идеологические векторы развития способствовали и препятствовали появлению новой политико-идеологической тенденции.

Осознание правящей элитой и обществом национальных интересов и ценностей — сложный и неоднозначный процесс, от которого, как показывает история, зависит не только стратегический прогноз, адекватное политическое целеполагание и распределение ресурсов нации, но и стратегия и тактика реализации поставленных целей. Отсюда — важнейшая роль принадлежит идеологии, в рамках которой и происходит этот процесс.

Надо понимать, что выбор элитой идеологии — это прежде всего выбор относительно устойчивой системы взглядов на цели и способы развития, т. е. это решение подразумевает само по себе постановку и ответ на многие вопросы. Но не только. Эта система взглядов, в конечном счете, превращается в алгоритм развития общества и государства, когда общество привыкает жить по заданным идеологическим ориентирам, а те, в свою очередь, превращаются в писанные и иные законы и нормы¹⁸. Другими словами, идеология — это по сути выбор будущего для нации, государства и общества. Это выбор системы взглядов и отношения людей к важнейшим явлениям действительности. Применительно к прежним идеологиям, это выбор между будущим как части западноевропейской цивилизации (либерализм), маневрирование между бюрократизмом и либерализмом (прагматизм), возврат в советское прошлое (посткоммунизм), либо новое качество — евразийский вектор развития.

Это выбор не только внутриполитический. Этот выбор должен учитывать и международные реалии. В том числе и такие, как фактический гегемонизм США, растущую мощь Китая, неэффективность международных институтов, которые ректор МГИМО(У) А. Торкунов четко определил, что они имеют «недостаточно высокий КПД»¹⁹. В конечном счете, это выбор между суверенитетом (сохранением нации — цивилизации) и превращением в зависимую региональную державу, теряющую национальную идентичность и суверенитет.

Этот политико-идеологический выбор принципиально отличен от выбора, который делается в частных концепциях и стратегиях развития, ориентированных на детали. Эти концепции конкретизируют идею идеологического выбора (либо, что тоже случается, не совпадают с ним). Вот почему политическую идеологию можно назвать «Большой стратегией», в отличие, например, от Стратегии национальной безопасности России до 2020 года или Концепции социально-экономического развития до 2020, или Военной доктрины Российской Федерации и других частных стратегий. Так, в описании ключевого понятия «национальные интересы», Стратегия национальной безопасности России до 2020 года (принятая 12 мая 2009 г.) ограничивается следую-

щими интересами «на долгосрочную перспективу»²⁰:

- развитие демократии и гражданского общества, повышение конкурентоспособности национальной экономики;
- незыблемость конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета;
- превращение России в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности...

Как видно, в этом документе не сформулированы реальные общенациональные интересы и ценности, которые обладают российской спецификой — культурной, исторической, духовной. Эти интересы абстрактно приемлемы для **любого** общества («развитие демократии» и т. д.), **любой** экономики («повышение конкурентоспособности»), **любого** государства (территориальная целостность, суверенитет, «незыблемость конституционного строя»). Единственный масштабный политический интерес — «превращение России в мировую державу» — размыт условием «поддержания стратегической стабильности». Следует признать, правда, что В. Путин скорректировал это представление в феврале 2012 года — несколько неожиданно для элиты, — заявив (совершенно справедливо), что Россия должна стать мировым культурно-духовным лидером²¹, но это заявление пока что не нашло ни своего развития, ни закрепления в документах и конкретных планах, в т. ч. планах финансово-экономических.

Такая излишняя универсальность и неконкретность в понимании стратегических национальных интересов и ценностей неизбежно ведет прежде всего к непоследовательности и противоречивости при принятии отдельных решений, а также, сковывает инициативу тех, кто должен принимать самостоятельно такие решения.

Приведу один пример. Очевидно, что развитие экономики знаний и наукоемкой промышленности требует огромных средств, которых, как говорят, «крайне мало». Вместе с тем в декабре 2011 года Россия выделила Кипру займ в 2,5 млрд долл. на пять лет под 4,5% годовых²². Российская промышленность таких щедрых кредитов никогда не получала. Ответ прост: Россия стабилизирует ситуацию в экономике чужой страны, помогая своим оффшорам. Тем самым, о которых В. Путин нелестно отзывался за две недели до этого.

Возникает вопрос: а чем, собственно, интересы нашей нации отличаются от интересов других наций и государств? Например, от интересов Люксембурга или Китая? Ответ на этот вопрос Стратегия национальной безопасности России не дает. Наверное, и не должна давать, поскольку понятие «интересы национальной безопасности» значительно уже, чем «национальные интересы» (потребности), основой которых являются сохранение нации и её идентичности, защита и продвижение её системы ценностей в мире (что, кстати, присутствует как в американ-

ской, так и в китайской идеологии и их официальных документах). Так, в национальных интересах США, судя по всему, а, точнее, в интересах американских нефтегазовых, военно-промышленных и финансовых компаний, Б. Обама всячески инспирирует истерику в отношении Ирана, хотя Пакистан, например, не только обладает ядерным оружием, но и поддерживает талибов и «Аль-Каиду». Национальный интерес США, как считают эксперты, заключается в том, чтобы спровоцировать Иран на блокаду Ормузского пролива с тем, чтобы максимально сократить поставки относительно дешевой нефти и взвинтить на нее цену (а также на газовый конденсат) «В случае если Иран перекроет Ормузский пролив, на мировой рынок перестанут поступать нефть и газ (либо поставки сильно сократятся) из Саудовской Аравии, Бахрейна, Ирака, Катара, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов. В результате образуется дефицит, и цены стремительно взлетят вверх. В этих условиях добыча трудноизвлекаемых запасов углеводородов в Северной Америке станет весьма и весьма рентабельной. Президент США Барак Обама объявил достижение энергетической самодостаточности США национальным проектом, который позволит снизить зависимость страны от поставок из нестабильных регионов и создать более 1 млн новых рабочих мест. При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что в последние 10 лет американцы неуклонно сокращают импорт нефти из стран Ближнего Востока, предпочитая иметь дело с поставщиками из Африки и Латинской Америки»²³.

Как видно, речь здесь идет о широких интересах США, прежде всего внутривнутриполитических, когда проблемы внешней политики и безопасности играют второстепенную роль. В частности, США мало беспокоит как будут компенсированы поставки энергоносителей Японии, Китаю и странам Западной Европы.

Для того чтобы яснее представить себе место и роль идеологии — как «Большой стратегии» — целесообразно попытаться схематично изобразить всю основную элементную базу в виде рисунка (рис. 1), с помощью которого я буду в дальнейшем иллюстрировать те или иные положения современной идеологии. Несмотря на свою схематичность и простоту, этот рисунок позволяет лучше представить сложную взаимосвязь всех основных элементов идеологии, или «Большой стратегии», вычленив объективные и субъективные факторы. Этот рисунок в 70-х годах прошлого века был предложен ныне покойным профессором МГИМО(У) МИД России М. Хрусталёвым. Далее неоднократно будет использоваться мной в данной работе.

Как видно из рис. 1, область идеологии (Большой стратегии) охватывает очень широкий спектр материальных, культурных, духовных и интеллектуальных элементов, которые можно формализовать по нескольким признакам. Например, социальным, экономическим, военным, культурным и пр., либо

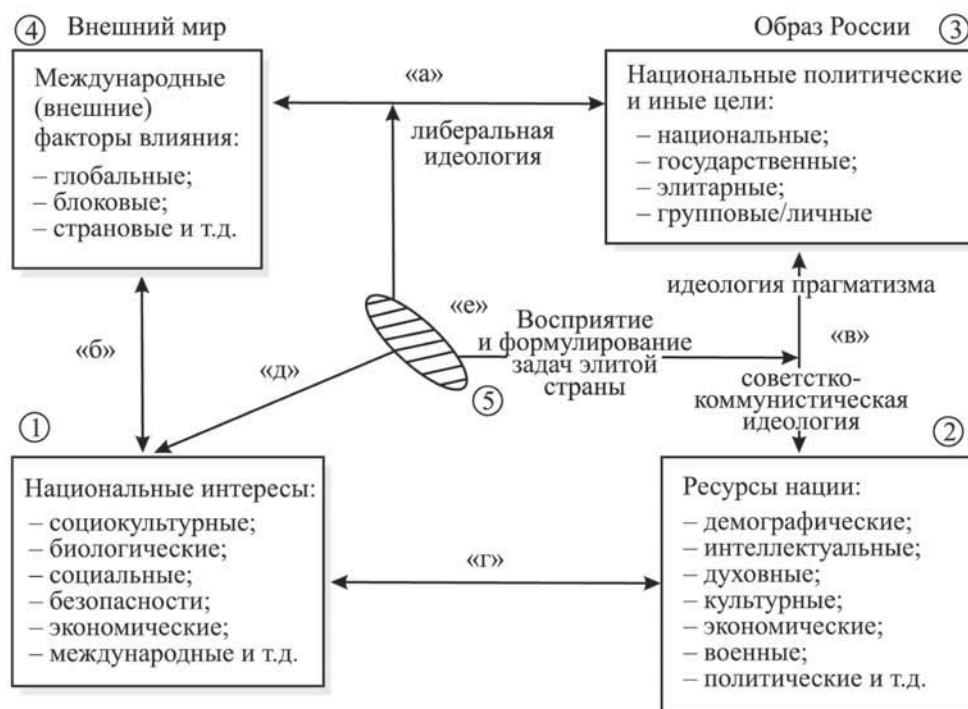

Рис. 1. Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

по времени — краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные, — либо по пространственному охвату — глобальные, региональные, страновые.

Важно подчеркнуть, что все это многообразие охватывается идеологией как системой устойчивых взглядов общества. А отдельные стратегии и концепции являются всего лишь её частными случаями, более или менее точным проявлением, имеющими к тому же, весьма субъективный характер и достаточно краткосрочный характер. Так, Концепция национальной безопасности России менялась за последние 15 лет несколько раз, а концепции социально-экономического развития «корректируются» чуть ли не ежегодно. Это очень важно понимать. Субъективное восприятие элитой и обществом национальных интересов и ценностей — важнейшая составляющая идеологии, которая крайне болезненно отражалась на всей истории России. Так, элемент № 5 — восприятие элитой страны объективных реалий, как видно, — по определению **субъективен**. Он может идти как по направлению либерализма, когда факторы глобализации играют доминирующую роль, либо по направлению традиционализма (советско-коммунистического), когда реалии глобализации игнорируются, а опора делается на собственные ресурсы. Идеология «прагматизма» представлена на рисунке «зигзагом», компромиссом между первым и вторым векторами.

Эта идеология, как подметил Л. Васильев, отражала стремление В. Путина демонстрировать в политике тактику баланса, «Продолжать реформы, не нравившиеся пострадавшему от них населению, значило вызвать огонь со стороны архаично-анти-

западного и зараженного бациллой коммунизма большинства. А выступить против означало лишиться поддержки Запада и рисковать конфронтацией с ним, что было неприемлемо для команды президента, порвавшей с коммунизмом и ориентировавшейся на получение сверхприбылей от подорожавших углеводородов. Сделав выбор, но, не стремясь его афишировать, Путин вынужден был избрать тактику баланса»²⁴.

Политически, в условиях системного кризиса, доставшегося В. Путину в наследство от Б. Ельцина, — это было, наверное, единственно мудрое решение. Но плата за него — отказ от идеологии и ясной стратегии становилась все тяжелее по мере преодоления такого кризиса.

Наконец, идеология «евразийства» (в своих разновидностях социального-консерватизма, или русского социализма) представляет «собой ту же направленность, что и «прагматизм», но уже без зигзагов, более целенаправленно к последовательности. Означает ли это отказ от прежней тактики баланса — покажет только время, но ясно, что продолжение этой тактики негативно сказывается на стратегическом курсе страны.

Элита субъективно трактует (с разной степенью адекватности) прежде всего национальные интересы и ценности, трансформируя их во внешне-политические и внутривнутриполитические цели. Иногда это восприятие и трактовка настолько неадекватны (как это было в России в 90-е гг. прошлого века), что цели вообще не отражают национальных интересов. Например, «демократизация» и «рынок», ставшие главными целями реформ 80–90-х годов XX века,

привели к огромным экономическим и демографическим потерям, которые либералы считают до сих пор «платой» за развал коммунистической системы. Между тем можно ли адекватно относиться к такой плате? На мой взгляд, нет, ведь только прямые потери граждан СССР в конфликтах за этот период составили сотни тысяч человек, а беженцев — десятки миллионов²⁵ (табл. 1).

Табл. 1. Число погибших и беженцев (внутренних переселенцев) в вооруженных конфликтах на территории бывшего СССР

	Число погибших (тыс. чел.)	Число беженцев и вынужденных переселенцев (тыс. чел.)
Нагорный Карабах (1988–1994)	24,0	2017
Абхазия (1992–1994)	12,0	653
Южная Осетия (1991–1992)	1,1	
Таджикистан (1992–1996)	23,5	970
Приднестровье (1992)	0,8	136
Чечня (1994–1996)	35,7	750
Осетино-ингушский конфликт (1992–1993)	1,0	
Ош (1990)	0,3	105
Фергана (1989)	0,1	240
Всего	98,5	4871

Можно ли говорить о том, что заявленные цели отражали национальные интересы? Конечно, нет. Тогда чьи интересы отражали эти цели? Групповые? Личные? Зарубежных «супостатов»? До сих пор мы не можем сойтись в понимании и трактовке этих важнейших понятий. Дискуссии продолжаются, в том числе и в самой острой политической форме. Это субъективное понимание национальных интересов и их реализации за прошедшие десятилетия — от И. Сталина до В. Путина — остается политической, а не исторической проблемой. Ниже я не раз еще вернусь к этим вопросам, рассматривая все группы элементов «Большой стратегии». Здесь же важно подчеркнуть несколько обстоятельств.

Во-первых, Большая стратегия, (или, повторю, идеология), как система взглядов национальной элиты и общества, заведомо шире и масштабнее любых, самых долгосрочных, стратегий и концепций, ибо она должна органично связывать **все существующие и даже возможные группы элементов политико-идеологической доктрины**, а не отдельные, иногда маргинальные категории. Так, принципиальным

представляется выбор между двумя приоритетами — Евразийской интеграцией, либо интеграцией с Евросоюзом. В первом случае, административные и финансовые ресурсы будут концентрироваться на развитии Сибири и Дальнего Востока (например, как заявил В. Путин 7 февраля 2012 года, о необходимости потратить часть Резервного фонда — до 1 трлн рублей — на развитие инфраструктур²⁶.

Во втором, — развитие возможностей, представляемых вступлением в ВТО, которые, по оценке Всемирного банка, дадут дополнительный прирост ВВП в 3% и доходов населения до 7%²⁷. Делать одновременно и первое, и второе вряд ли возможно. Развивать Сколково, ущемляя ново-сибирский Академгородок, — можно, а, вот, вместе, как показывает практика, — нет. Предстоит сделать политико-идеологический выбор, который, по мнению В. Цымбурского нужно сделать в пользу Сибири: «Нам нужен не „поворот лицом к Европе“, куда мы взирали в течение всех имперских веков, а поворот к неиспользованным возможностям, открывающимся в нынешнем положении России»²⁸.

Пока что у нас самодовлеющее значение имеют макроэкономические показатели, фактически игнорирующие другие, более важные для нации критерии. Как, например, справедливо признал экономист С. Глазьев, «...методы проведения реформ оказались неприемлемыми для морально-нравственных ценностей, определяющих народное сознание»²⁹.

Во-вторых, «Большая стратегия» является **общим представлением** по отношению к ряду частных — экономических, финансовых, социальных, военных, культурных и т. д., — которые должны быть **производными** от нее, а не наоборот. Что, кстати, и происходит, когда «Большую стратегию» в России начинают трактовать отдельные социальные слои («демократы», «коммунисты» и др.), либо группы и представители тех или иных профессиональных сообществ или ведомств («финансисты», «чекисты», «сыртьевики» и т. д.). В 2011–2012 годах на политическую арену вышли креативные группы граждан, которые начали формировать свою политическую повестку дня. С одной стороны, это, безусловно, позитивное явление, а, с другой, — остается вопрос, в какой мере эти группы отражают общенациональные, а не групповые интересы, либо чьи-то вообще амбиции.

В-третьих, Национальная идеология («Большая стратегия»), в отличие от доктринальных документов (официально принятых взглядов, как, например, в Военной доктрине России), не только шире, но и менее нормативна. Хотя в известные периоды, например, в эпоху СССР, она и носила не просто строго нормативный, но даже доктринальный характер. Национальная идеология сохраняет в себе историческую и культурную специфику, а не воззрения правящего класса (элиты), существующие в настоящее время. В этом смысле необходимо

четко различать такие важнейшие категории, как национальные и государственные интересы и цели, которые далеко не всегда совпадают, а иногда и противоречат друг другу.

В-четвертых, идеология ориентирована на большинство нации, все слои населения и национальную элиту. В отличие от нормативных, имеющий необязательный характер стратегий и доктрин, которые являются по своей сути руководящими документами только для чиновников. В этом качестве идеология является **эффективным инструментом управления**, с помощью которого все элементы государственного аппарата и институты общества могут действовать целенаправленно и синхронно, а также, что важно, без дополнительных и обязательных разъяснений и приказов.

Пока же мы наблюдаем обратное, ежедневно, в течение многих лет, президент, премьер, министры выступают с заявлениями и разъяснениями частного характера. Это — ручное управление, «подача сигналов» обществу, — крайне неэффективно потому, что за каждым таким ежедневным «сигналом» должна следовать работа на конкретный результат. Которого, как правило, нет.

Это противоречие заложено в самой основе идеологии консерватизма, доминировавшей в последние годы. Исследователи этой идеологии В. Гончаров, в частности, пишет: «она приложила немало усилий, чтобы создать максимально нейтральное представление о „российском консерватизме“. С партийной точки зрения — это «идеология стабильности и развития, постоянного творческого обновления общества без застоев и революций. Это идеология успеха нашего народа, сохранения и модернизации России на основе собственной истории, культуры, духовности. И одновременно это идеология, призванная освободить страну от застарелых социальных недугов, разрушить преграды на пути инноваций, новых достижений. Ее цель — построение новой, свободной, процветающей, сильной России на основе общих ценностей и интересов. Ее ценности — любовь к родине, крепкая семья, здоровый образ жизни, профессионализм, гражданская солидарность»³⁰.

В-пятых, идеология, в силу указанных выше причин, более адекватно отражает реальность и предлагает более эффективные методы, чем частные стратегии, которые нередко готовятся узкой группой экспертов. Она проходит критическую «экспертизу» общества, элиты, отдельных социальных групп. Более того, она всегда находится в стадии корректировки и модернизации, в отличие от нормативных документов и стратегий, которые быстро устаревают. В этом смысле идеология дает более точный анализ и более выверенные предложения, чем принятые нормативные документы, которые читаются только некоторыми чиновниками и, конечно же, уже не критикуются ими, а тем более

частные макроэкономические концепции. Так, отстаивая многие годы идею «макроэкономической стабильности», монетарные власти страны пришли к концу 2011 года к выводу, что результатом такой политики в 2012 году будет... рецессия, что «внутреннего потенциала для роста у экономики РФ нет, вся надежда на сырьевые доходы, которые не гарантированы»³¹.

Таким образом, выбор идеологии («Большой стратегии») имеет значительно более важное значение, чем выбор любых стратегий или доктрин, разработанных Советом безопасности, МЭРом, Минфином, либо другими ведомствами. Тем более монетарными властями.

Парадокс, однако, заключается в том, что именно это, — самое важное изначально, — звено выпадает из внимания общественности. Его пытаются заменить суррогатами — посланиями президента РФ, партийными программами, «стратегическими концепциями», — которые, конечно же, не предназначены для этого. Идеология, как система политических, правовых, нравственных, религиозных, философских взглядов, в которых осознается, оценивается и формируется отношение людей к действительности³², игнорируется. Что видно на подходе власти к решению практических проблем, в т. ч. проблемы модернизации. Как справедливо заметил С. Миронов, «...модернизация всё еще не осознана как актуальная философская задача первостепенной значимости. Страна не может никуда двигаться без ясно осознанных и твердо усвоенных стратегических перспектив»³³.

Нерешенность общих проблем, как известно, затрудняет решение частных. Все хорошо знают, что «нет ничего более практического, чем хорошая теория». Это в полной мере относится и к выдвинутым властью во второй половине десятилетия тезисам об опережающем развитии и модернизации, которые, надо сказать, так и не получили внятного определения, — прежде всего, политико-идеологического. Может сложиться ситуация, как и в конце 80-х годов, когда вся страна «включилась в перестройку», не поняв ясно целей и средств ее достижения. Уже сейчас, например, модернизация рассматривается в первую очередь как технологический процесс смены оборудования и внедрения наукоемких технологий. Соответственно и принимаются решения — Сколково, создание исследовательских университетов и т. п. инициативы, ориентированные на технологию и технику, а не на идеи, которые являются постановщиками задач для этой техники. И, тем более, не на людей и соответствующие социальные институты, способные реализовать такие идеи.

В любом случае пора определиться не только с идеологией модернизации, но и идеологией развития всего общества и нации, **сделать выбор** не только системы ценностей, но и алгоритма развития нации и государства.

Выбор идеологии развития России предполагает также отказ от других идеологий и концепций: нельзя одновременно идти двумя путями к одной цели. Выбор необходим, даже если вы «отказываетесь от идеологий, как об этом неоднократно заявляли советские и российские деятели — от А. Яковлева до В. Путина, — проповедуя вместо неё прагматизм (который тоже является своего рода идеологией).

Формально такой выбор может быть сделан из пяти основных идеологий, сложившихся еще в XIX веке:

1. Либеральная;
2. Консервативная;
3. Социалистическая (Коммунистическая);
4. Анархическая;
5. Националистическая.

Но это — только формально. Прежде всего, потому что у этих идеологий есть множество разновидностей. Так, если взять, например, идеологию анархизма³⁴, то ее представляют сегодня в том числе и как политическую философию, в основе которой лежит идея о том, что общество «может и должно быть организовано без государственного принуждения». При этом существует множество различных направлений, типов и традиций анархизма, которые часто расходятся в тех или иных вопросах: от второстепенных до основополагающих (в частности — относительно взглядов на частную собственность, рыночные отношения, этнонациональный вопрос)». Так, существуют социальный анархизм, индивидуалистический анархизм, коллективный анархизм, анархо-коммунизм, анархо-синдикализм, анархизм без прилагательных» и т. д. и т. п.

Разнообразие форм, течений и тенденций существует и внутри социалистической (базовой) идеологии. Сегодня это три основных течения (разбавленные различными видами): марксизм, реформизм и анархизм.

Аналогичная ситуация наблюдается и в базовой идеологии консерватизма, которая сегодня имеет множество разновидностей, среди которых есть, на мой взгляд, и очень перспективные, как, например, идеология социального консерватизма. Только в условиях порядка, по мнению социал-консерваторов, могут быть обеспечены подлинная свобода и подлинный прогресс, которые несут не только рост производства качественных товаров и услуг, но и прогресс в социальной, нравственной, духовной сфере. Это подразумевает улучшение качества жизни путём отказа от количественных показателей мнимых благ, путём разумного потребления качественных товаров и услуг, а также приверженность к подлинным христианским ценностям, что сделает саму жизнь более достойной и обеспечит её материалом для развития физического и морального здоровья общества.

В отличие от идеологического консерватизма, имеющего антиглобалистический и националистический характер, в котором отсутствует гибкость и способность трезво взглянуть на суть вещей, социальный консерватизм не ведет политику изоляции от всего мира, не противостоит эволюционному развитию, а старается способствовать укреплению православных ценностей, демократических принципов на глобальной политической арене и положительному развитию стран. По мнению социал-консерваторов, несоблюдение перечисленных выше задач к примеру, в России способствовало бы превращению её в сырьевую колонию³⁵.

2. Прагматизм³⁶ правящей элиты как идеология

Суть прагматизма заключается в том, что понятие предмета отождествляется со связанными с ним практическими последствиями.

Ч. Пирс

Прагматизм полагает, что метод авторитета всегда будет управлять массой человечества.

Кризис либеральной идеологии одним из своих последствий имел не только крах политической и экономической модели, но и стремление уйти от идеологии вообще. От любой — коммунистической, националистической в том числе. В России этот уход превратился в стойкую тенденцию, которую можно назвать «идеологией прагматизма», которая с конца 80-х годов до 2012 года, безусловно, доминировала в стране. Вина либерализма, точнее, кризиса либеральной идеологии, проявилась и в том, как писал известный политолог Ф. Закария, что «...в сознании людей, населяющих современный западный мир,

происходит пугающее смещение смысла демократии и либерализма, либерализма и свободы, свободы и справедливости...»³⁷.

Критерии практичности и полезности применительно к нации — достаточно ограничены и субъективны. Более того, они фактически лишают ее перспективы развития и нравственной основы, игнорируют систему ценностей и традицию. Прагматизм В. Путина, например, имел своим следствием фактический отток капитала из страны, достигавший десятков миллиардов долларов, людей и «мозгов», измерявшихся миллионами человек. Этот «прагматизм»

оказывался для нации не таким, уж и прагматическим — сотни тысяч бывших граждан обосновались в Лондоне, на юге Франции, в Испании, Португалии и в других странах. Они же стали самыми богатыми гражданами этих стран. Британская газета Sunday Times весной 2012 года назвала самых богатых жителей Соединенного Королевства. В первой «тройке» списка, опубликованного в ежегодном бесплатном приложении Sunday Times Richest List 2012, — российские бизнесмены Алишер Усманов и Роман Абрамович.

Владелец «Металлоинвеста» и один из хозяев лондонского ФК «Арсенал» Алишер Усманов, как и год назад, оставил за собой второе место в списке самых богатых жителей Великобритании. Его состояние оценивается в настоящее время в 12,3 млрд фунтов (более \$20 млрд). Владелец ФК «Челси» Роман Абрамович, который однажды уже поднялся на первую строчку списка Sunday Times Rich List, как и год назад, обосновался на третьем месте в рейтинге с состоянием в 9,5 млрд фунтов (около \$15,4 млрд)³⁸.

Прагматизм как философская позиция имеет мало общего с политикой прагматизма, проводимой правящей элитой России в XXI веке. Такой прагматизм, на самом деле, страдал серьезными недостатками, имеющими системный характер:

- прагматизм не отвечал на главные вопросы целеполагания, в результате чего цели формулировались абстрактно, либо вообще не обозначались. Можно сказать, что общенациональные цели и масштабные задачи даже не ставились;
- прагматизм не конкретизировал степени полезности полученных практических результатов, уводя их из общего контекста развития. В этом смысле прагматизм апеллировал макроэкономическими абстракциями, очень далекими от насущных потребностей, что привело в конечном счете к отрыву власти от общества;
- прагматизм элиты в России в XXI веке очень похож на конформизм управляющей элиты, формирующей безнравственность и бездуховность в обществе. Прагматизм превратился в деячество, коррупцию и воровство;
- прагматизм не ориентирован на стратегическое развитие, последовательность и долгосрочные решения. Он ориентировался на краткосрочные цели, «сигналы», исключая масштабные общенациональные задачи;
- прагматизм не способен консолидировать национальные ресурсы для решения крупных задач, провести общественную и экономическую мобилизацию; — и т. д.

Таким образом, «идеология прагматизма» изначально противопоставляется национальной политической идеологии как системе взглядов, стратегическому прогнозу, планированию и управлению как системе действий, акцентируя внимания на субъ-

ективном и авторитарном личностном отношении и подходе к управлению общественными и экономическими проблемами. Такому подходу «система» не нужна. Прагматизм — сам себе система, основанная на субъективизме и личных отношениях, что неизбежно ведет к провалу такой «стратегии».

Наконец, прагматизм по сути исключает даже потребность в национальной самоидентификации, сводя ее в лучшем случае к набору тезисов. Между тем, по меткому замечанию А. Торкунова, «кризис идентичности стал более насущным»³⁹. Что мы и наблюдали вплоть до 2012 года, когда В. Путин попытался в серии статей сформулировать новую повестку дня. Но и в этой попытке, например, концепции «евразийства», прагматизм оставался мощным влиянием, по сути ограничивающимся экономическими условиями перспективы стратегического развития, хотя В. Путин и сказал о том, что «...по сути речь идет о превращении интеграции в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект...»⁴⁰.

Формальная идеологическая идентификация России — задача сложная, которая многократно усложняется двумя другими обстоятельствами, а именно:

- во-первых, сложившейся в российском обществе устойчивой привычкой к **конформизму**, открытому приспособленчеству элиты к любой власти,
- во-вторых, открытому **антиидеологизму**, **прагматизму**, который стал сначала «идеологией КПСС», провозгласившей устами своего главного идеолога А. Яковлева «деидеологизацию идеологии», а затем стал «идеологией прагматизма» В. Путина.

Подчеркну, что антиидеологизм подразумевает всяческий отказ от какой-либо устойчивой идеологической идентификации с определенной частью политического, экономического, религиозного или этнического спектра. Чаще всего это предпринимается для сугубо прагматических целей, а именно для привлечения ресурсов, включения в свои ряды как можно большего числа людей с самыми разными политическими взглядами, и в конечном счете, для получения максимально возможного процента голосов избирателей на выборах. Яркая иллюстрация такой идеологии «прагматизма» — политика В. Жириновского, который мгновенно может переориентироваться с одной социальной группы на другую. Другой пример — создание в 2011 году такого широкого объединения, как «Народный фронт». Важно, что такие инициативы, как правило, рассчитаны на краткосрочный политический эффект (после президентских выборов 2012 года «Народный фронт» тихо скончался) и не имеют общенационального или государственного значения.

В 90-е годы XX века подобный идеологический прагматизм стал модным для постсоветской элиты, которая его открыто пропагандировала. Различные

социальные группы ориентировались на эту «идеологию антиидеологии» — от руководителей бывших советских республик и чиновников до хозяйственников и представителей бизнеса и силовых структур. Именно тогда стали популярными «хозяйственники» — Ю. Лужков, В. Черномырдин, А. Шаймиев и пр., которые вышли на первый план в политике.

«Отсутствие идеологии» было своего рода страховкой в случае, если бы победила одна из идеологий — либеральная, либо коммунистическая, либо какая-то еще. Только Ю. Лужков попытался в начале XXI века объединить прагматизм и конформизм с социал-демократией. Что примечательно, — появление такой идеологической формулы было востребовано и едва не привело его к власти.

В XXI веке, при В. Путине и Д. Медведеве, идеология прагматизма стала способна на время консолидировать нацию и элиту, включая в процесс укрепления государства и либералов, и коммунистов, но, прежде всего, чиновников и силовиков как главного социального слоя — носителя «антиидеологии». Но эта идеология была, возможно, необходима для короткого периода стабилизации, в особенности, пребывания В. Путина на посту Председателя Правительства РФ в 2000 году и в течение его первого президентского срока. Тогда нужно было решать задачи сохранения государства в режиме цейтнота, мгновенно реагировать на возникавшие угрозы. Очень образно о причинах возникновения прагматизма В. Путина написал М. Леонтьев: «Вместо того, чтобы почувствовать колоссальную ответственность, там почувствовали колоссальную безответственность: гуляй рванина — от рубля и выше... Как говорил Борис Абрамыч Березовский, мы заплатили три миллиарда за выборы Президента России в 1996 году, и теперь мы должны этой страной владеть. Всякая олигархическая истерика имела целью шантаж слабого, уязвимого Ельцина с целью полного завоевания его воли и тела, кусков собственности и полномочий.

Это воры, боящиеся разоблачения, которые, как только у них возникнут проблемы внутри страны, тотчас обращаются за помощью „наружу“. Удивляюсь, как мы вообще из этой „чёрной дыры“ вылезли. Произошло обычное „русское чудо“. Как в 1612 году. И как в сталинскую эпоху, когда — страшной ценой — страна была спасена от ухода в небытие. До большевистской революции Россия была европейско-азиатской страной. Большевики втоптали ее в глубокую и дикую Азию: эту страну можно было собрать только азиатскими тамерлановскими методами. Или никак...»⁴¹.

Подобная вынужденная рефлексивная политика, да еще при отсутствии собственных кадров, не допускала ни системных, ни идеологических действий, ни роскоши политической идентификации. Нужно было привлечь всех государственников от коммунистов до либералов под знамена внутриполитической «стабилизации». Собственно говоря, в то

время идеология прагматизма носила оправданно вынужденный характер, а «образ России» вырисовывался очень просто — восстановление функций и единства государства, сохранения нации и решения острейших, самых неотложных проблем.

По мере решения проблем стабилизации и устранения наиболее острых угроз стала появляться потребность в концепциях и планах развития, в основе которых могла быть опять же идея прагматизма — «макроэкономическая стабилизация». Она, в принципе, не предполагала развития, исходя из неверной посылки, что сама по себе финансовая стабилизация создаст благоприятные условия для рыночного развития и решит все экономические, социальные и политические проблемы. Между тем, даже для бизнеса прагматизм — плохая теория. Как справедливо заметили российские эксперты, «любые рынки формируются поначалу на основе складывающихся традиций...»⁴². Прагматизм, же, изначально отвергает не только идеологию, но и традиции. В том числе национальные.

Соответственно и практически все политические партии, даже те из них, которые назывались «идеологическими» (КПРФ, «Выбор России», НДР и т. д.), несли на себе отчетливое влияние прагматизма и антиидеологии. Так, в 1995 году выборы КПРФ в Государственную Думу проходили под вполне прагматическими лозунгами, а в главную часть федерального списка были включены не члены партии (5 из 12). Но ведь то же самое было и с НДР. Более того, даже в 2007–2011 годы лидер «Единой России» В. Путин и президент Д. Медведев не являлись членами партии.

Таким образом, прагматизм превратился в разновидность идеологии, пригодной для переходного периода и восстановления экономики. Этот период завершился к 2007–2008 годам, и вопрос об идеологии развития, выборе такой идеологии, объективно вновь обострился⁴³. Появление долгосрочных концепций, стратегий и доктрин в массовом порядке (более 100) свидетельствует о возникновении объективной практической потребности. Как и дискуссия о «суверенной демократии», осторожные попытки «Единой России» разработать различные варианты такой идеологии. Это и понятно, ведь осуществлять стабилизацию политической системы и экономики в чрезвычайных условиях без идеологии трудно, но можно, а вот двигаться вперед, развиваться — точно нельзя. Россия в 2007 году стала «другой страной». Об этом ясно сказал в своей статье в феврале 2007 года в газете «Коммерсант» тогда еще первый вице-премьер Д. Медведев. К сожалению, с того времени вплоть до начала 2012 года ничего в этой области не изменилось. Как признал в январе 2012 г. С. Миронов, «последние десять лет российская власть поддерживала стабильность. Но эта политика полностью исчерпала себя. Чтобы успеть за временем, надо включаться в перемены»⁴⁴.

По большому счету, даже кризис 2008–2011 годов не повлиял радикально на этот процесс, в т. ч. разработку адекватной стратегии национального развития. 2011–2012 годы отчетливо показали, что такая стратегия не может не быть идеологической. Даже те «1000 экспертов», которые к марту 2012 года «скорректировали» «Стратегию–2020», были вынуждены ее по-своему идеологизировать, назвав ее «новой социальной моделью развития».

Сегодня ситуация усугубляется с ускорением процесса национальной самоидентификации⁴⁵, незавершенность которого осложняет не только формирование национальной идеологии, но и управленческий процесс.

Таким образом, к началу второго десятилетия XXI века проблема **выбора идеологии из широкого спектра** существующих идеологий так и не была решена. Не была решена она и позже. И не случайно. На мой взгляд, тому было, по меньшей мере, две основные причины.

Во-первых, незавершенность процесса национальной самоидентификации и переходного периода, крайне неудачные решения 90-х годов, «деидеологизация» общества, которые являлись **следствием «ухода» элиты, власти и государства из идеологии**. Нация, общество и государство оказались предоставлены сами себе. Прагматизм, как идеология, не смог сам по себе ответить на важнейшие нравственные и социальные вопросы, оставляя ответы на них «на потом». Дискуссия 2011–2012 годов показала, что он себя полностью исчерпал, ведь эта дискуссия, инициированная западниками-либералами, показала их силу как идеологов и слабость власти как прагматиков.

Во-вторых, российская специфика выражается в том, что Россия не просто страна, даже великое государство, — это **цивилизация, существующая много столетий**. Это самое старое государство современной Европы, граничащее не просто с множеством других стран, но и с основными мировыми цивилизациями — китайской, европейской, исламской. И поэтому к ней не применимы прежние формальные идеологические модели, либо их разновидности, которые так и не прижились ни в советское время (западноевропейская коммунистическая идея), ни в период радикальных реформ (неолиберализм 80-х и 90-х годов). Но не применима к такой цивилизации и идеология прагматизма: нации нужны великие цели и ответы на нравственные вопросы, без которых она перестает быть нацией — цивилизацией. Соответственно и «образ России» не может быть сформирован, основываясь на классических идеологиях или их отсутствии. Попытка КПСС или либералов провалилась, а других — даже не предпринималось.

Поэтому следует, на мой взгляд, выделить ключевые проблемы, от решения которых зависит как выбор идеологии (либо ее создание), так и самоидентификация нации.

Как показывает история последних 25 лет, это проблемы, имеющие не только идеологическое, но и прикладное (политическое и экономическое) значение. В зависимости от отношения к ним, признания их приоритетности и способов решения будет решен вопрос о выборе идеологии. На мой взгляд, такими главными проблемами стали:

1. **Проблема отношения к государству**, его роли в политической, экономической и социальной жизни нации. За последние 25 лет эта роль рассматривалась как полярно противоположная в различных идеологиях — от подходов либеральной (А. Яковлева, Е. Гайдара, А. Козырева) до ультраконсервативной (А. Макашова, С. Бабурина, Г. Зюганова). История постсоветской России развивалась во многом по сценариям, доминирующего в этом вопросе либерального подхода: постепенно «либеральный рывок» начала 90-х выдохся, но влияние его сильно и сегодня не только в экономике и финансовой области, но и в идеологии. Можно констатировать, что и сегодня российская элита до конца не определилась по этому вопросу. Во всяком случае либерально-консервативные шараханья продолжаются до сих пор в реальной политике.

Кроме того, этот выбор неизбежно будет означать выбор между государством — нацией, которые традиционно существуют в Европе с XVII века, и государством — империей, которое существует в России–СССР вот уже многие столетия. Этот выбор относится не только к выбору национальной политики, но и государственного устройства, а в целом, — будущей модели государства.

В этой связи очень перспективной представляется постепенное формирование политической идеологии нового евразийства, которой дал толчок в своей статье в октябре 2011 года В. Путин. Во всяком случае, на мой взгляд, она дает ответы не только на вопросы о пространстве, национальной идентичности, традициях, будущем образе, но и о том, какие институты надо для этого развивать.

Кроме того, евразийская интеграция не может быть только экономическим процессом. Нужна прежде всего политико-идеологическая модель будущего, образ, единое информационное, гуманитарное и социальное пространство, т. е. **система** целей и действий, органически связывающая между собой все элементы.

2. **Проблема социальной, политической и национальной ответственности**, которая также встретила за последние 25 лет абсолютно противоположные точки зрения — от полного игнорирования социальных потребностей до придания им псевдоприоритетного характера в последние годы. И здесь мы наблюдаем то же самое — от

раздачи собственности и ухода в офшоры до критики «оффшорной аристократии» и угроз В. Путина в их адрес.

Идеология прагматизма вряд ли способна решить эту проблему: трудно внушить коррумпированной и безнравственной элите, а тем более той её части, которая выросла за последние 25 лет, чувство ответственности. И не только социальной, но и гражданской, наконец, ответственности перед будущим нации.

3. **Проблема главных движущих сил общества,** недооценка роли креативного класса и потенциала человеческой личности (человеческого капитала), которую фактически игнорировали до последнего времени все политические силы и представители элиты. Только в самые последние годы наметились отдельные программы (прежде всего, в области образования, науки, информатики), которые в незначительной степени исправляют абсолютное игнорирование потребностей креативного класса — учителей, ученых и т. д. Что отчетливо проявилось в протестных акциях 2011–2012 годов, когда именно представители креативного класса («норковые оппозиционеры») составили большинство протестующих.

4. **Проблема сохранения идентичности в условиях глобализации.** Эта проблема, обострившаяся в период кризиса 2008–2011 годов не только в России, но и в других странах, особенно важна именно для России, которая, повторю, является не просто нацией и государством, а самобытной цивилизацией, существующей де-факто как империя. Она должна сохранить свою идентичность в условиях глобализации. В противном случае она потеряет не только цивилизационную самобытность, но и суверенитет и единство.

Этот выбор означает в том числе и выбор между приоритетами Евразии или Евроатлантизма, отношения к которым по-разному проявляется в российском обществе. Поиск оптимальной модели сегодня — самая актуальная задача, — которая может быть решена синтезом евразийства и евроатлантизма. Главным результатом такого синтеза может стать повышение уровня сотрудничества при стремительно нарастающем хаосе. В этом смысле прав З. Бжезинский, который сказал: «В моем понимании, нынешнее столетие не выльется в гегемонию одной державы, как это произошло в XX веке. Это будет столетие, которое сильно пострадает от массивного глобального беспорядка, если главные регионы мира не добьются конструктивного сотрудничества, и в этом случае наши возможности решения глобальных проблем существенно сократятся. Выбор для XXI века заключается не между гегемонией и миром, а между хаосом и сотрудничеством»⁴⁶.

5. **Проблема государственного устройства,** которую можно также назвать следующим образом: демократия — цель или средство?

Взгляды российской элиты на эти главные проблемы способствовали развитию российского общества последние 25 лет, т. к. в зависимости от системы взглядов (идеологии) правящая элита в разной степени адекватности оценивала национальные интересы, формулировала цели и выбирала стратегию их достижения. Соответственно (возвращаясь к рисунку, описывающему модель идеологии), именно правящая элита субъективно трактовала с той или иной степенью адекватности национальные интересы, превращая их в цели национальной политики.

Вообще-то категория «национальный интерес» требует особых пояснений. Не вдаваясь в детали, сошлюсь на признанного авторитета М. Хрусталева⁴⁷. Важно подчеркнуть дуалистическую природу интереса: объективную в виде потребности и субъективную в виде ее осознания. Поскольку когнитивные возможности сознания всегда ограничены (невозможность познания абсолютной истины), то в процессе осознания всегда в большей или меньшей мере проявляются различного рода ошибки и недостатки. При этом чем дальше социальные (нравственные, духовные в том числе) потребности удаляются от биологически детерминированных, тем важнее становятся интеллектуальные качества элиты для их адекватного осознания.

Социальная революция 90-х годов прошлого века объективно поставила задачи чрезвычайной сложности, решить которые относительно эффективно (не говоря уже идеально) могла только очень качественная, профессиональная элита, обладающая следующими обязательными атрибутами:

- профессионализмом (опытом, знаниями);
- интеллектом (соответствующим образованием и научной подготовкой);
- нравственностью (стремлением служить идеалам общества и государства);
- способностью к стратегическому прогнозу и планированию (прежде всего способностью прогнозировать последствия принимаемых решений).

Ни одним из всего набора этих качеств в большинстве своём элита 90-х и нулевых годов не обладала. Как правило, это были идеалисты-революционеры, либо бюрократы, не обладавшие практическим опытом и, конечно же, не способные быть государственными деятелями (хотя разные исключения и случались). Соответственной была и адекватность их системы взглядов и принимаемых решений.

Причем степень такой адекватности в некоторые периоды вообще вызывала сомнение. Так, в начале 90-х годов всеобщее отрицание встречал даже сам термин «национальные интересы». В результате, как известно, реализация де-факто избранной либеральной идеологии (системы взглядов) привела к катастрофическим глобальным последствиям — развалу

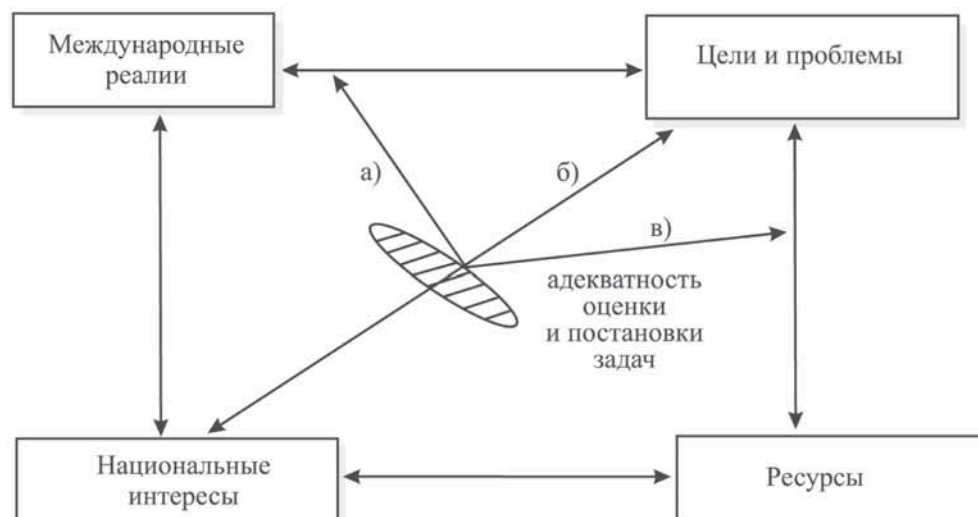

Рис. 2.

страны, гибели миллионов граждан, экономическому коллапсу. И виновата в этом, прежде всего, молодая российская элита, избравшая в качестве идеальной идеологической модели неолиберализм, сменивший на Западе в 80-е годы ту идеологическую систему, которая, в принципе, была неспособна адекватно оценить объективные интересы нации и государства.

Возвращаясь к формуле М. Хрусталёва,

интерес = потребность + осознание

мы увидим, что самой главной причиной катастрофы 90-х годов стала **субъективная причина** — неспособность элиты адекватно оценивать национальные интересы, ее неверный стратегический идеологический выбор. В данном случае — «вектор а», — ориентированный исключительно на реалии глобализации (Рис. 2).

Именно неадекватная оценка национальных интересов российской элитой привела к формулированию ложных целей во внешней и внутренней политике, созданию искусственного политического идеала (неолиберального государства), которое стало самоцелью и **главной ценностной** категорией правящей либеральной элиты 90-х годов. Национальная катастрофа — стала последствием такого неверного идеологического выбора.

Эти ложные приоритеты и цели не только в целом сохранились в нулевые, но и, трансформировавшись на время в идеологию «прагматизма», благополучно перекочевали во второе десятилетие XXI века. С внедрением в эту идеологию традиционных ценностей России. «Собственная, национально-своеобразная модель демократии», по А. Торкунову, включала два разнородных основания — принципы классической западной демократии и традиционные представления. Борьба между этими «разнородными основаниями» и составляла суть политических противоречий, всплеснувших на улицу в декабре 2011 года.

К сожалению, правящей элите не удалось к этому времени сформулировать сколько-нибудь внятную национально-демократическую или иную модель. Шараханья между этими противоречиями — отличительная черта всего политико-идеологического процесса в период президентства В. Путина — Д. Медведева.

Ложная идеология и некачественная элита к 2012 году создала серьезные политические проблемы. Их ложность, как и неадекватность элиты, стали ясны достаточно быстро, уже к середине 90-х годов, но исправить ложный политический идеал и сменить неадекватную элиту можно было только **новой социальной революцией** или **контрреволюцией**. Общество этого сделать не смогло: **России предстоял долгий эволюционный путь, растянувшийся на десятилетия.**

Были ли другие варианты идеологий? Теоретически — да. Если вектор «б» можно назвать относительно адекватной оценкой элитой национальных интересов (идеальной, наверное, не существует) и более-менее точное формулирование целей внешней и внутренней политики (при адекватном учете имеющихся ресурсов и международных реалий), то необходимо признать (и результаты об этом свидетельствуют), что российская элита в 1990-е годы, выбрав вектор «а», повела себя неадекватно, ориентируясь на западные (неолиберальные) ценности и не учитывая собственные национальные интересы.

Другой вариант возможной неадекватности поведения элиты — идеологическая система, вариант «в» — это национализм и изоляционизм, опора исключительно на самостоятельные ресурсы и национальные ценности. Этот вариант развития за последние 20 лет не получил, но его сторонники сохраняются, как в правящей элите, так и в обществе. Пусть в меньшинстве, но они существуют, представляя широкий спектр оттенков.

3. Будущий образ России: Евразия?

Русская духовная традиция наполнена содержательным смыслом, важнейшими составляющими которого являются созидательная деятельность на общее благо...⁴⁸.

*С. Глазьев,
академик РАН*

... именно идеология формулирует тот политический идеал..., достижение которого становится самоцелью...⁴⁹.

*М. Хрусталёв,
профессор МГИМО(У)*

Выбор идеологии, как известно, предопределяет выбор нравственно-политического идеала и приоритетов, главного набора ценностей, которые, в свою очередь, вытекают из объективных национальных интересов и потребностей: политических, экономических, социальных. Но, прежде всего, нравственных. Отрицание нравственных начал, свойственное для последних десятилетий политической жизни и политиков России, привело к разрушению общества, его ценностей. Это же стало главной причиной того, что коррупция, жизнь и взаимоотношения «по понятиям», стали реальной нормой и даже системой управления нашей страны, а в конечном счете, развалило и экономику.

Современная Россия, ее элита и общество так и не определились до конца с выбором идеологии, склоняясь то к западно-либеральным ее разновидностям, то пытаясь выстроить всю ту же западную, но уже социал-демократическую идеологию. Не случайно, за последние 25 лет ни одна из таких разновидностей не стала популярной, а тем более разделяемой большинством общества и элиты. В «чистом» виде для России они не годились, что и подтвердила современная политическая история.

Гораздо более привлекательной оказалось идеология современного евразийства, которая также еще до конца не оформлена, но определенно отражает как специфику России, так и ее историю и представления о будущем. Не случайно выступление В. Путина 3 октября 2011 года, посвященное евразийской интеграции⁵⁰, вызвало всплеск интереса не только у практиков, но и у политологов. Это оказалось не просто очередное политическое заявление. Оно отражало вполне определенные политические и общественные ожидания как в России, так и на большинстве постсоветского пространства, ожидания, которые уже оформились в протоидеологию постсоветского периода, но у которых была и своя история. Может быть, еще и потому, что ее родоначальник Л. Гумилев в 1920 году писал: «...если Россия спасется, то только как евразийская держава». Как четко сформулировал Г. Ситнянский, «Зародившаяся в 1920-х гг. в среде русских эмигрантов и развитая в конце XX в. Л. Гумилевым теория (и выросшая из нее идеология) „евразийства“ стала предметом многочисленных дис-

куссий. Адепты этой теории объявили Российскую Империю органическим синтезом населявших ее народов в течение последних полутора тысячелетий — преимущественно восточных славян и тюрков-степняков, каковой синтез просто не мог не привести к образованию на данной территории единого государства. В 1940–1950-х гг. эту точку зрения приняли сталинские историки, провозгласившие, что единство народов существовало на территории будущего СССР уже с III в. до н. э.»⁵¹.

Общество и элита, может быть, подсознательно ощущали, что отсутствие ответа на вопрос о будущем России, ее образе, внятной идеологии стало действительной причиной политического и экономического кризиса, первопричиной неудач в реформах и вялых попытках стратегического планирования, и в способности реализовать различные социально-экономические концепции. Общество, которое не находится в четкой системе нравственно-политических координат, — стали признавать многие — в принципе не способно к эффективной социально-экономической, промышленной, финансовой или любой иной политике.

Таким образом будущий образ России зависит прежде всего от идеологии — нравственного выбора, — а не от политических или экономических соображений и упрощенно трактуемых национальных интересов. Вот почему ошибочно говорить, например, что евразийский выбор интеграционной модели зависит от «общности интересов экономических и политических элит»⁵². Тем более ожидать, что экономическая целесообразность станет основой будущей идеологии. В том числе евразийской.

Другими словами, формирование будущего идеала, образа России должно начинаться с нравственных и духовных основ, сформированных и закрепленных в обществе и его элите. Другие подходы, в том числе и правовые, могут быть лишь производными от нравственно-духовных и идеологических основ. А это уже и есть начало любой устойчивой идеологии как системы взглядов элиты и общества.

Другой важный вопрос предполагает выбор между двумя моделями: Россией-империей и Россией-государства-нации. Как справедливо пишет профессор МГИМО(У) И. Бусыгина, «...модель

государства–нации диаметрально противоположна имперской модели, о чем красноречиво свидетельствует вся европейская история. **Европейское национальное государство рождалось как неимперия или даже антиимперия. Оно вело с империями продолжительную и упорную борьбу, в которой в конечном итоге одержало победу.** Такие исторические события, как Вестфальский мир 1648 года и Венский конгресс 1814–1815 годов, стали мощным свидетельством того, что в качестве базы для своего дальнейшего развития европейские государства избрали совершенно неимперскую систему **территориальных суверенитетов**. Как политико-территориальные структуры империя и государство–нация представляют собой „идеальные типы“, которые противостоят друг другу — первый из них **отрицает**, а второй **воплощает** право наций на самоопределение. Империя повсюду и во все времена преодолевает национальную самоидентификацию. Имперская лояльность лишена этнического контекста; именно поэтому во властной элите любой империи находится место для представителей знатных родов имперской периферии. Чувство принадлежности к империи объединяет и роднит, в то время как чувство причастности к нации, напротив, обособляет и противопоставляет. Эпоха националистического подъема, в которую Европа вступила после Великой французской революции, одновременно стала эпохой заката имперской государственности⁵³.

Даже незначительные колебания в идеологической атмосфере немедленно отражаются на экономике и социальной жизни. Так, разброд в элите после 24 сентября 2011 года (выдвижение кандидатом в президенты В. Путина) выявили, по оценкам экспертов, «серьезный уровень противоречий не только материального толка, но и идеологического»⁵⁴.

И вот здесь–то мы и сталкиваемся с главной проблемой: отрицая как таковую идеологию, мы не можем их четко сформулировать. Но не только. Даже созданный образ (который до 2012 года так и не был окончательно создан) невозможно сделать реальностью, насытить конкретным содержанием потому, что достижение этого образа требует не просто усилий, но и конкретных, пусть небольших позитивных результатов. Что мы хорошо видим на примере России 2007–2011 годов, когда все заклинания о модернизации превращались в пустую пиар–картинку, в которую постепенно верило все меньше людей. Произошла десакрализация образа (пусть невнятного, абстрактного), а вслед за этим и десакрализация власти. И первое, и второе становилось все явственнее в 2011 году, а после декабря 2011 года превратилось в движение и против образа, и против власти: «Особое значение в конструировании имиджа имеет реальное положение дел. Если провозглашаемый образ не соответствует тому, с чем/кем приходится иметь дело в действительности, то он просто несостоятелен и неэффек-

тивен. Дело в том, что тогда в нем отсутствует доказательная база, и, следовательно, доверие к нему как к объекту пропадает либо не возникает вовсе. Для того чтобы имидж не оказался мифом (в научном понимании данного слова), необходимо, чтобы он был подкреплён реальными фактами. В то же время имидж политического объекта довольно часто идет в связке с упрощающим действительность стереотипом, который к тому же может радикально исказить реальность»⁵⁵.

Надо сказать, что в период президентской кампании В. Путина 2012 года мы наблюдали уже иную картину. В частности, можно было заметить, что вырисовывался правильный алгоритм — идеи (и идеология), зафиксированные в статьях, инициативы, в основе которых, по словам В. Путина, «была программа развития до 2020» (не ясно, правда, какая), оптимизация ресурсов, прогноз, формирование «проекта бюджета на основе этих идей»⁵⁶.

Замена нравственно–духовных основ на правовые — что настойчиво пытался делать Д. Медведев — изначально бесполезная политика. Это отчетливо видно во всех нормативных документах последних десятилетий, принятых властью в последние годы. Могут ли сформулированные в Стратегии национальной безопасности России до 2020 года, например, национальные интересы «просто» трансформироваться в национальные ценности и цели? Могут ли они стать «политическим идеалом» или «образом будущей России»? Попробую проанализировать их под этим углом зрения. Их в этом документе, как известно, три группы⁵⁷:

Во-первых, как следует из Стратегии, национальные интересы заключаются «в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики», т. е. высшей национальной ценностью объявляется развитие:

- демократии;
- гражданского общества;
- конкурентоспособной национальной экономики.

Но является ли развитие демократии высшей ценностью для российской нации? И, главное, какой демократии? Не секрет, что в России есть много сторонников и других точек зрения. Да и непонятно, о какой демократии идет речь. Если, как можно предположить, о демократии европейского типа, то это, безусловно, высшая ценность в странах Евросоюза, но отнюдь не в России, у которой есть своя традиция, своя история и своя политическая культура. Не случайно в 2007–2011 годах шла активная дискуссия о «суверенной демократии», которая отнюдь не закончилась, но, наоборот, расколола общество.

Ясно, во всяком случае, одно: как минимум, этот национальный интерес должен быть **вписан в идеологическую систему** для того, чтобы превратиться в национальную ценность и цель для всего общества.

Но может возникнуть и другой вопрос: демократия — цель или средство? Для меня, например, — средство, а поэтому она и не может быть ни национальным интересом, ни, тем более, ценностью и целью. Другое дело, если демократия становится средством для достижения какой-то внешней национальной цели, «политического идеала», например, максимальной реализации возможностей всех личностей, составляющих российскую нацию. Но это уже совсем другая история. Об этом как раз ничего и не говорится в Стратегии.

Следующий национальный интерес первой группы — «развитие гражданского общества» — также вызывает много вопросов. Что это такое? А зачем оно нужно? И почему создание гражданского общества стало властным приоритетом?

На мой взгляд, эффективные институты гражданского общества — это очень важный инструмент и средство (но не цель) для того, чтобы содействовать развитию национального потенциала человека, способствовать реализации потенциала его личности, обеспечивать полную и эффективную востребованность личного человеческого потенциала. В этом их высшая ценность и значение, а не в развитии абстрактных прав человека, — что декларируется сегодня.

Немаловажно и то, что институты гражданского общества повышают эффективность управления нацией, обществом, государством и экономикой, что, безусловно, сказывается на повышении темпов социально-экономического развития. Но развитие этих институтов всё-таки является средством, а не целью, не политическим идеалом. Представьте на минуточку лозунг: «Создадим новый институт гражданского общества!» Это очень напоминает лозунг из фильма «9 дней одного года» — «Откроем новую элементарную частицу в текущем квартале!».

Нельзя согласиться и с утверждением об особом национальном интересе сделать «конкурентоспособной национальную экономику». Тем более, это уж совсем не подходит к политическому идеалу. Этот интерес, трансформируясь в цель и ценность, в форме лозунга звучит совсем уже глупо. Представьте себе лозунг: «Наши самовары продаются лучше всех в мире!» Или: «Наша нефть — самая желанная на планете!» Кстати, это не такой уж теоретически отвлеченный вопрос: в декабре 2011 года ИНСОР в очередном докладе предложил сделать Россию... лидером сырьевых держав!⁵⁸

Конечно же, главный национальный интерес в экономике — сделать её эффективной (малоресурсной) для страны, но, главное — национальная экономика должна обеспечивать разумные **потребности граждан России** лучше, чем другие экономики. Не хотим же мы, в самом деле, чтобы достоинство нашей «конкурентоспособной» экономики определялось только тем, что наша продукция потребляется за рубежом?

Другая группа национальных интересов, описанная в Стратегии, относится, строго говоря, не к национальным, а государственным интересам. Она включает:

- незыблемость конституционного строя;
- территориальную целостность;
- суверенитет.

Эти интересы гораздо проще трансформировать в ценности и цели, но и они должны быть конкретизированы, вписаны в идеологическую систему для того, чтобы стать «политическим идеалом». Так, незыблемость конституционного строя, который был навязан, как известно, в 1993 году после известных октябрьских событий, вызывает сомнение, причем у очень многих.

Конституция 1993 года, сделанная под Б. Ельцина в условиях переходного периода и диктатуры, по определению не может быть идеалом. Ее практически не обсуждали, за нее не голосовало большинство, и, хотя бы поэтому, она не может быть «политическим идеалом».

Отдельно, — территориальная целостность и суверенитет, — категории, которые, безусловно, являются ценностными и целями политики. Однако и здесь требуется уточнение. Как, например, рассматривать эти категории в сочетании с другой (необъясненной формально) целью — целью интеграции в Евросоюз, где изначально предполагается делегирование части суверенитета? Может быть, точнее было бы сказать о главном национальном интересе и ценности — сохранении национальной идентичности?

Исследователь этой проблемы Н. Коровникова, отмечает: «Именно национально-цивилизационная идентичность предполагает осмысление и осознание принадлежности к национально-государственной, культурно-цивилизационной общности как значимой для каждого члена общества ценности. Причем, представления о национально-цивилизационной принадлежности и соответствующие образцы идентичности непосредственно влияют на формирование политических ориентаций людей во внутренней и внешней политике, что и определяет совокупный образ страны»⁵⁹.

Именно этого и не происходит в современной политической жизни страны. Правящая элита и партии всячески стремятся избежать национальной идентификации, заменив ее гражданской идентификацией. Одна из таких попыток — статья В. Путина, опубликованная в январе 2012 года в «Независимой газете», где доминирующий правовой подход вполне мог бы быть оправданным, если бы **до этого** были определены нравственно-духовные основы нашей нации. Кстати, само слово «нация» остается вне лексикона современных политиков, пытающихся заменить его такими понятиями, как «россияне», «российский народ» и т. п.

Права, безусловно, Н. Коровникова, полагающая, что в основе национальной самоидентификации

лежат такие понятия, как территория, язык, духовное и культурное наследие, даже сильная власть. Протицируем ее вывод подробнее:

По итогам обобщения данных официального политического дискурса, экспертных публикаций, социологических опросов можно выделить следующие наиболее значимые элементы национальной самоидентификации россиян, содержательное наполнение которых и формирует «внутренний» образ страны:

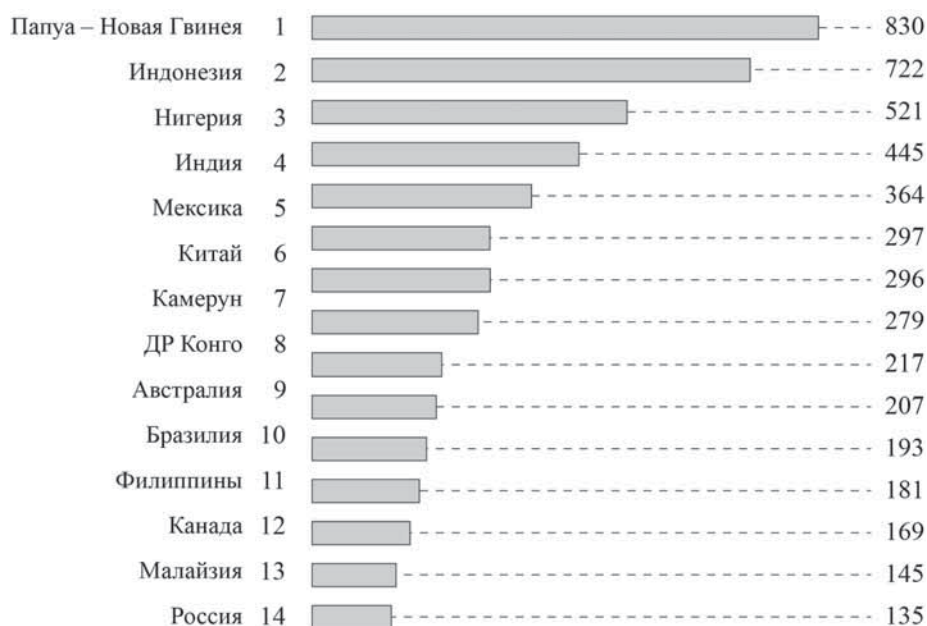
- территория («русская земля»)...
- сильная власть («Наш президент»). Среди ценностей и идейно-политических установок современных россиян также следует выделить то, что в нашем обществе исторически более популярна установка на патернализм, т. е. поддержку со стороны государства, нежели установка на самостоятельность. Так и на сегодняшний день более двух третей россиян — 69% — по-прежнему полагают, что без поддержки со стороны государства им и членам их семьи выжить сложно. Им противостоит активное меньшинство в 23%. Кроме того, более половины наших соотечественников (55%) предпочитает выбирать «твердую руку», которая наведет порядок, даже если для этого придется ограничить некоторые свободы. Причем, власть и по сей день в значительной степени персонифицирована. Показательны в этом отношении данные, полученные ВЦИОМ на 13–14 декабря 2008 г., так на вопрос: «Назовите 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете?» — были получены следующие ответы: Путин В. В. — 62%; Медведев Д. А. — 44%; Жириновский В. В. — 7%; Шойгу С. К. — 7%; Зюганов Г. А. — 6%.
- духовное и культурное наследие, высшие достижения культуры («родина Пушкина, Толс-

того и Достоевского»). Бесспорен тот факт, что русская культура накопила великие ценности в искусстве, науке, архитектуре и т. д. Так, около половины россиян считают, что и в современной жизни именно достижения в культуре и искусстве вызывают особую гордость за Россию. Задача же нынешних поколений — сохранить и приумножить их.

Особое значение имеет духовное наследие нации. Особенно та его часть, которая аккумулируется вокруг Русской православной церкви (РПЦ), традиционно являющаяся не только нравственным авторитетом, но и стержнем, объединяющим государство. Не случайны, отнюдь, нападки со стороны либеральных слоев, которые время от времени активизируются. «Замдиректора Института политических исследований Г. Добромелов убежден, что „борьба идет с учетом того, что консервативно-патриотически настроенный электорат Владимира Путина в какой-то степени опирается на авторитет РПЦ, поэтому удар по Церкви можно считать и ударом по власти“»⁶⁰.

— язык. Для возрождения российской культуры и духовности, как писал И. Ильин, в обществе должен утвердиться «культ родного языка, поскольку русский язык оказался тем духовным оружием, которое передало зачатки Христианства, правосознания и науки всем народам нашего территориального массива»⁶¹.

Язык, как условие сохранения идентичности, в XXI веке находится под очевидной угрозой. По данным ЮНЕСКО, сегодня в мире существует около 7 тыс. языков (рис. 3). По разным оценкам, от 50% до 90% из них могут исчезнуть еще до конца нынешнего столетия⁶².

Источник: www.ethnologue.com

Рис. 3. Количество живых языков и диалектов

Из приведенных данных следует, что:

- во-первых, Россия отнюдь не является чемпионом по языковому многообразию;
- во-вторых, как и другим странам, где существует более сотни языков, России угрожает вымывание языков и их исчезновение, потеря этого огромного богатства;
- в-третьих, Россия должна активно поддерживать и развивать языковое многообразие в условиях глобализации, как гарант сохранения своей идентичности.

Приведенные примеры, на мой взгляд, показывают, что у сегодняшней российской элиты нет ясной картины идеального «будущего образа России» как системы ценностей и целей, что, собственно, и составляет первооснову любой идеологии. Нерешенность этой общей проблемы неизбежно ведет к неточному формулированию частных целей, например, объявленной Д. Медведевым модернизации. Это, кстати, понимают не только обществоведы, но и естественники. Так, мой хороший товарищ, который в свое время был заместителем председателя ГКНТ СССР, член-корреспондент РАН Л. Сумароков следующим образом описал свои впечатления после посещения в июне 2010 года центра Ж. Алферова в Санкт-Петербурге: «Мне, как и другим, приходится общаться со многими представителями нынешнего поколения, в том числе молодыми людьми. И вновь повторяю: ну и что? Они-то как себе представляют наше будущее, к чему стремятся? В основном хорошие, светлые и очень умненькие ребята, я так хорошо знаю таких по МИФИ, где преподавал многие годы. Говорю с ними и с людьми постарше на разные темы, но, когда разговор касается внутренней политики, чувствую, что они, порой, не особенно четко понимают и тем более формулируют, о чем идет речь. Образно говоря, во многих головах — „каша“. Именно каша, и это выясняется довольно быстро после первых нескольких фраз... Но, может быть, я чересчур строг и требователен? Не знаю. В каком обществе мы сегодня живем и на какой его стадии находимся? Должен признать, мне и самому тут далеко не все понятно. Нужны новые идеи, а может быть и понятия, в том числе в отношении определения и перспектив нашего нынешнего общества. Ясно одно: путь развития, в основе которого эксплуатация невозобновляемых природных ресурсов и олигархический капитализм это — тупик. Нужны инновации и модернизация на базе достижений науки. Но одновременно нужна и **новая социальная стратегия и политика**, в том числе предполагающие высокую ответственность новых собственников, получивших ее фактически даром от бывшего владельца. Не станем скрывать, ухвативших при этом наиболее лакомые куски, но отнюдь не всегда разделяющих свою ответственность с государством перед обществом»⁶³.

Как видно, новая социальная стратегия и политика также не могут не основываться на нрав-

ственно-духовной первооснове. В противном случае они «провисают», становятся не более, чем частными и нереализуемыми концепциями и инициативами. Признают это и в высших эшелонах власти. Так, выступая осенью 2009 года перед философами, С. Миронов признал: «Хотелось бы иметь определение модернизации... это крайне важно для положительного конечного результата. Свеж пример того, как, не определившись с понятиями и смыслами, страна включилась в „перестройку“, в надежде, что по ходу эти категории определятся сами. Печальный результат такого подхода всем нам известен»⁶⁴.

Действительно, идея Д. Медведева, о модернизации должна была бы быть не программой смены технологий, а прежде всего, социальной концепцией, вытекающей из комплексной системы нравственных и иных взглядов, т. е. из идеологии. Нужны не технологи и специалисты по «освоению бюджета», а **постановщики задач** для ученых и инженеров. Так, справедливо заметил в разговоре со мной профессор С. Капица: «Поставьте нам задачу, а решить мы ее сможем и сами. Практически любую».

Модернизация невозможна, если вся нация не станет участником этого процесса, но для этого она должна сначала увидеть ясную и привлекательную цель, быть мотивирована. Чего сегодня нет. Отсутствие мотивации у нации и экономика — главная причина провала модернизации 2008–2011 годов. Отсутствие мотивации в данном случае равнозначно отсутствию общенациональной цели. Цель, которая была бы максимально адекватна национальным интересам (потребностям) общества. Эта цель — приемлемый для нации образ будущей России, а не частные бюрократические или правовые решения. Сегодня ее у нации нет. Как сказал один из авторов Интернета, «Сегодня на российской политической арене мы не наблюдаем особого идейного содержания, идеологии, которая бы завлекала умы людей в неведомые дали и радужные перспективы. Сегодня мы не имеем перед собой конкретной цели, не к чему нам приложиться душой и разумом. Человек сегодня находится в идейном вакууме, дезориентации и неизвестности, поэтому живет одним днем, или чистым убажанием собственных маний и устремлений»⁶⁵.

В создании такого образа сегодня заключается главная политическая задача элиты, да и всего общества. Понимание важности такой задачи у политической элиты сегодня пока нет. Хотя, как показывает опыт, если власть четко формулирует цели и пытается их добиться всеми силами, результат не заставляет себя ожидать. Так, развитие интереса и связи в короткие сроки привело к заметным результатам. «По словам Эльвиры Набиуллиной, если шесть лет назад только 14% опрошенных граждан были более-менее довольны качеством электронных госуслуг, то в 2011 году таких было уже 74,6%. А в рейтинге ООН, оценивающем уровень развития „электронных правительств“ и электронных госуслуг, Россия

в 2011 году поднялась с 59-го на 27-е место и заняла третье место после США и Японии среди стран с более стоимиллионным населением»⁶⁶.

Давайте попробуем разобраться в теме, ведь отвечая на вопрос о том, **какое** будущее мы ждем для России, мы должны ясно создать этот **будущий образ**. Когда строится здание, то существует его проект. Как минимум, в голове строителя, но лучше формализованный, «на бумаге», со всеми согласованиями и печатями. В противном случае, можно ожидать (даже неизбежно это случится), что коммуникации, нагрузки и т. п. не совпадут с замыслом.

Пока что этот образ не внушает оптимизма. Во всяком случае, в среднесрочной перспективе (3–5 лет) Россия останется отстающим государством по основным показателям научно-технического развития.

По абсолютным показателям объемов финансирования исследований и разработок Россия находится примерно на 20 месте после США, Японии, Китая, Германии и т. д., но при этом необходимо учитывать, что соотношение объемов финансирования науки в России и в США равно 1,5%, что говорит о катастрофических масштабах недофинансирования науки в нашей стране.

Несмотря на то, что внутренние затраты на исследования и разработки (ВЗИР) в действующих ценах в 2008 г. примерно в 35,5 раза больше затрат 1995 г., то есть номинальный объем на ВЗИР за 12 лет увеличился в 35,5 раза, реальный объем финансирования исследований и разработок (в постоянных ценах 1989г.) за 12 лет увеличился в 2,2 раза, что говорит лишь о видимости существенного увеличения финансирования науки.

Катастрофическими являются не только объем финансирования исследований и разработок и тем-

пы его роста. Самым печальным образом выглядит результат реализации «Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года»⁶⁷.

Для государства и общества, важно иметь такую идеальную модель, которая, конечно же, многократно сложнее любых архитектурных решений. И это задача не экономистов и финансистов, а идеологов и философов. «Именно философия, — считает С. Миронов, — должна выработать цельное представление о будущем»⁶⁸, хотя речь идет, конечно же, все-таки об идеологии: политики по старой привычке боятся самого этого понятия — «идеология».

Для формирования будущего образа государства, нации, общества, экономики необходимо учитывать множество факторов: Как **внешних** (соотношение сил в мире, политика других государств, наличие коалиций, блоков и союзов, мировая конъюнктура рынков, качество двусторонних отношений, темпы развития экономик, а, главное, **интересы** других стран, применительно к России и т. д.), так и **внутренних** (экономических, политических, социальных, культурных).

Прежде всего следует остановиться на влиянии внешних факторов на формирование образа России, потому что такой образ (даже самой уникальной страны) — частный случай в мировом сообществе по отношению ко всем остальным 200 странам и цивилизациям. Этот образ неизбежно находится под влиянием и воздействием мировых процессов — политических, экономических, технологических и т. д. и факторов влияния, для которых практически не существуют границ и национальных запретов. «Арабская весна» 2011 года показала, что сформировалась тенденция усиления роли государств, которых рань-

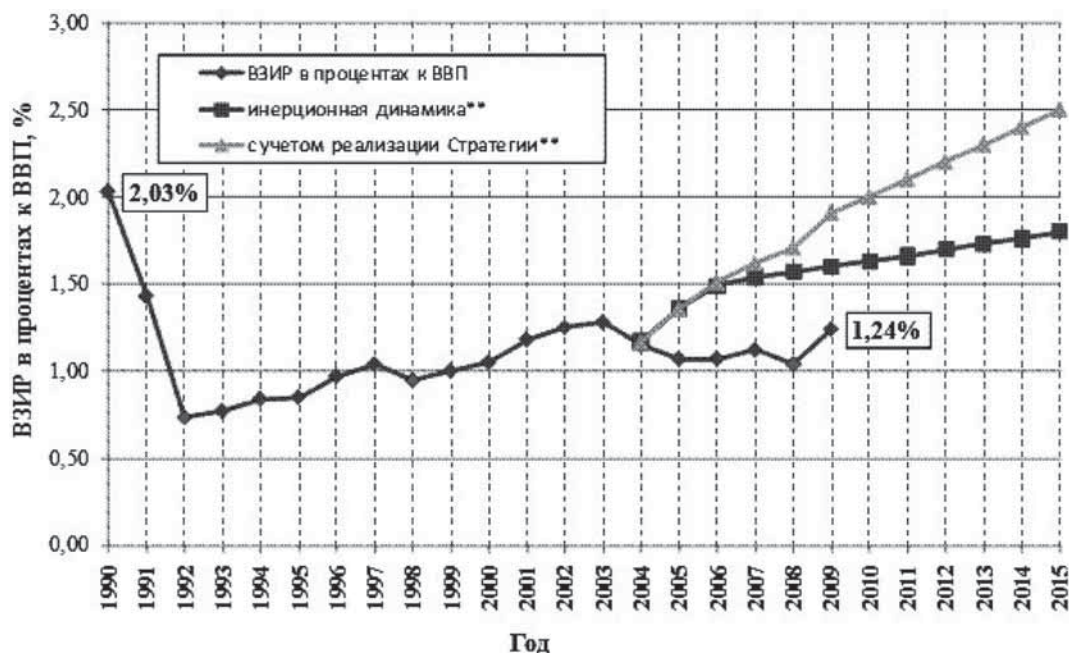

Рис. 4. Внутренние затраты на исследования и разработки (ВЗИР), в % к ВВП с 1990–2009 гг. (факт)*, до 2015 (план)**

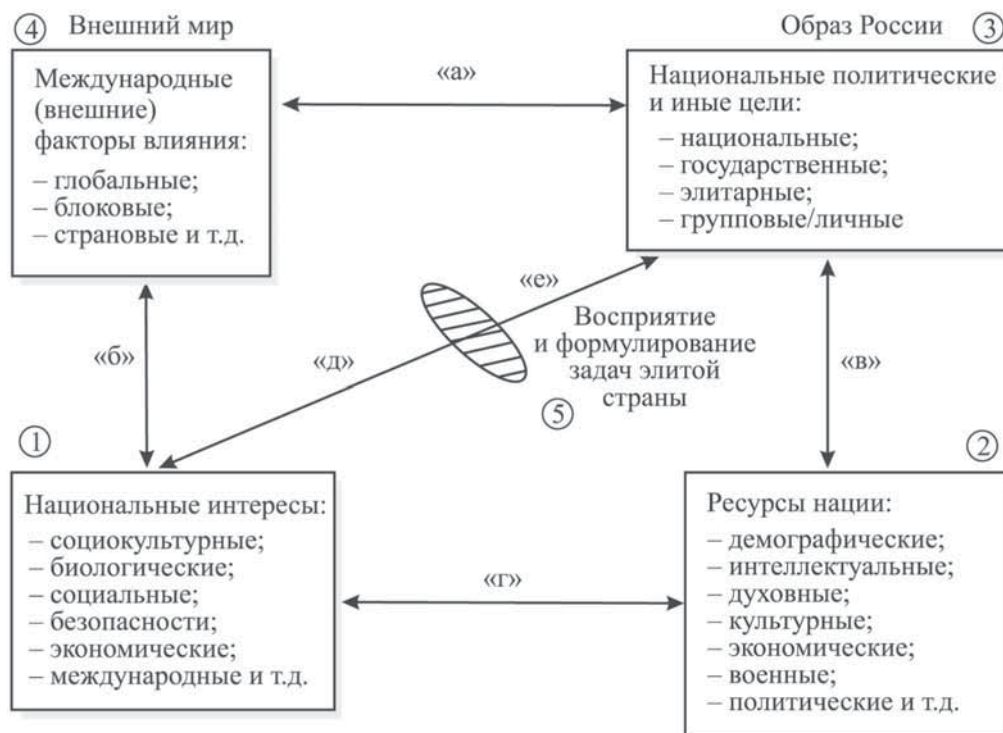

Рис. 5. Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

ше относили к аутсайдерам. И не только Китая, Индии, Бразилии или Индонезии, но и многих других государств мира. «Молодой Восток» (в широком смысле этого термина), «вчера́няя мировая деревня теснит стареющий и ослабевающий Запад». Это еще не диагноз, но уже тенденция⁶⁹. Это «вытеснение» выражается во всех основных областях — демографии, экономике, мировой торговле и, конечно, политике.

Говоря о будущем облике России, ее идеальном образе, мы не можем игнорировать эту тенденцию. Просто ориентироваться на слабеющий Запад (который, кстати, ничего России и не предлагает, кроме роли сырьевого придатка), это означает **сознательный выбор** устаревшей модели развития и национальной перспективы. Именно поэтому евразийская инициатива В. Путина осени 2011 года представляется не просто экономической инициативой, а геополитическим выбором. Выбором, который во многом учитывает современные международные тенденции.

Возвращаясь к рисунку (рис. 5), мы увидим, что эти внешние факторы воздействуют не только на цели и ценности российской нации, как они осознаются элитой, но и прямо влияют на национальные интересы. Важно, во-первых, не преувеличивать искусственно значение некоторых трудов, как это было прежде, например, по отношению к Европе. Во-вторых, в полной мере использовать силу других факторов глобализации. Как это делает Китай последние десятилетия.

Таким образом, «Внешний мир» оказывает как прямое влияние на формирование «Образ России» через множество факторов, так и косвенное — через воздействие на национальные интересы и возможные

угрозы (№ 1) в том виде, как они воспринимаются элитой. Более того, «Внешний мир» оказывает косвенное (но отнюдь не слабое) политическое, экономическое, информационное и военное воздействие на группу факторов, объединенных в «Ресурсы России» (№ 2).

В обычной ситуации, в мирное время, когда суверенитету и безопасности страны явно ничто не угрожает, это влияние в большей степени экономическое и финансовое (например, через цены на углеводороды и металлы), но никогда нельзя исключать возможность и военно-политического влияния на национальные ресурсы. Так, в последние годы в США и Китае стала активно обсуждаться тема о «справедливом распределении» природных ресурсов между странами. Воздух, вода, экология — уже стали предметом международных переговоров, а качественные человеческие ресурсы — самой острой ареной конкурентной борьбы.

Важно отметить, что среди внешних факторов в последние десятилетия мы видим значительное число неблагоприятных для России факторов и изменений, которые требуют прежде всего **идеологических объяснений**. Речь идет, конечно, о кризисе либеральной модели развития, который скрыто был признан даже ведущими либеральными финансистами в январе 2012 года в Давосе. Как справедливо считает академик А. Торкунов, «...в политическом (я бы сказал, все-таки, идеологическом. — А. П.) плане мы ещё не все объяснили сами себе, а тем более окружающему миру... Действительно, в силу несостоявшейся победы либерализма конец истории не наступил, а теория „столкновения цивилизаций“ мрачна и операционно малопригодна»⁷⁰.

Таким образом, в начале второго десятилетия XXI века мы так и не определились ни с образом нашей страны и нации, ни с ее местом в современном мире. И это — главная проблема не только «политического сезона» 2012 года, но и всего национального развития. Мы не можем сегодня предложить более или менее консолидированный подход элиты и общества к этой проблеме.

Между тем эта проблема, на мой взгляд, не так уж трудноразрешима. Мне представляется, что мы можем и должны предложить миру новый, привлекательный образ России как нации и государства, которые поставили своим главным приоритетом развитие национального человеческого потенциала вообще и человека, в частности. Это означает, что мы ясно формулируем политическую, экономическую и нравственную цель стать мировым лидером в культуре, науке, образовании и духовности, опираясь на национальный человеческий потенциал и развивая его институты.

Такая заявка не вызовет раздражения и опасений у мирового сообщества, которое в своем большинстве признает не только наличие этого потенциала у нашей страны, но и право нашей нации, ее претензию на мировое лидерство в этой области. Более того, в отличие от заявки на военное или технологическое превосходство, подобные амбиции в принципе редко подвергаются критике.

Понятно, что, заявляя об этом, мы должны будем пересмотреть свою фактическую политику, в том числе планы социально-экономического развития и бюджетную политику в сторону усиления финансирования и обеспечения развития факторов, определяющих национальный человеческий потенциал. Прежде всего науки, культуры, образования, здравоохранения, которые пока что сознательно запланированы на 2012–2014 годы к недофинансированию. И это должно означать не более и не менее как смену политико-идеологического курса.

4. Интеграция на евразийском пространстве⁷¹

...наш пятый приоритет — укрепление позиций России в мире, и прежде всего через новую интеграцию на евразийском пространстве⁷².

В. Путин

...Россия подтверждает курс на политику доминирования. Украине предлагается включиться в интеграционные процессы в СНГ⁷³.

В. Чумак,

*директор Института
публичной политики (Украина)*

Региональная и международная интеграции — два объективных процесса, набирающих силу в XXI веке. В этом смысле идея европейской и евразийской интеграции — лишь частные проявления региональной интеграции, отражающие объективную реальность. Можно согласиться с И. Юргенсом, полагающим, что «после того, как двухполюсный мир развалился, а однополярность показала свою очевидную нежизнеспособность, происходит серьезная переоценка деятельности **региональных объединений**, проработка создания временных союзов для решения отдельных проблем; все чаще применяются методы государственно-частного партнерства для решения задач, находившихся в исключительной компетенции государственных и межгосударственных объединений. Ранее существовавших в распоряжении государств инструментов регулирования просто не хватает для решения таких проблем, как трансграничная преступность, энергетическая безопасность или экономическая рецессия, спровоцированная неконтролируемыми финансовыми потоками»⁷⁴.

Но у евразийской интеграции есть несколько существенных особенностей, которые делают идею

этой региональной интеграции значительно более актуальной, чем всех остальных:

- евразийская идея значительно «старше» — философски и политически, — чем остальные региональные интеграции;
- она в основном может быть реализована на едином прежде культурном языковом религиозном и экономическом пространстве, которое унаследовано от бывшего СССР и имперской России;
- она — геополитически и инфраструктурно — во многом существует уже в реалии.

Самые первые экономические и социальные результаты доказывают выгоду для всех участников от евразийской интеграции. Причем, в перспективе не только экономическую, но и политическую, военную и социальную. Идея евразийства стала в 2011–2012 годы ведущей политико-философской концепцией, которая стремительно набирала силу, распространяя ее на новые области сотрудничества и вовлекая новые государства. Причем не только Россию, Казахстан, Белоруссию и постсоветские страны, но и «дальнее зарубежье» — страны Европы, Азии и даже Америки. Характеризуя эту

идею в апреле 2012 года, В. Путин дал ей весьма примечательную оценку: «Это традиция нашей политической мысли. „Евразийство“ в России укоренилось давно, а сейчас приобретает совершенно новое звучание, особенно в связи с интенсификацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве. И более того, из области политической философии это уже фактически переключалось в политическую плоскость, в повестку дня текущей работы. Почему? Потому что, скажем, и на межпарламентском уровне это крайне важно, имея в виду, что нужно принимать конкретные законы, связанные с регулированием экономики в государствах Таможенного союза и нашего общего экономического пространства. Вот это без парламента сделать невозможно, но парламент существует не в безвоздушном пространстве, он основан на деятельности тех или иных политических сил, представленных в более широком формате в виде партий. Поэтому, безусловно, это, без всяких сомнений, востребовано. Это первое. Я имею в виду то, что уже состоялось и развивается в качестве ядра интеграционного, но в это ядро пока не входят все наши ближайшие соседи, а экономическая логика так или иначе будет подталкивать всех наших ближайших партнёров к участию в этих интеграционных процессах.

Вторая задача на уровне партий, общественных движений — пропагандировать эти идеи и доносить их до широких масс трудящихся, как раньше говорили, до широкой общественности наших стран-партнёров, для того чтобы эти идеи укоренились в сознании всех граждан наших ближайших соседей и партнёров. Это чрезвычайно важная задача. Более того, мне кажется, что её нужно поставить просто на серьёзную системную основу. Мы знаем: несмотря на то, что экономическая логика подталкивает к такой совместной работе, в некоторых странах люди как следует не вовлечены, не погружены в материал. А это чрезвычайно важно. И с уровня исполнительной власти это сделать трудно, гораздо легче донести до сердец наших ближайших соседей и партнёров те или иные идеи, если они идут от представителя широкой общественности, либо уважаемых в нашей стране, в данном случае в России, общественных организаций, таких в том числе, как партии. Мне кажется, это вообще нужно поставить на такую серьёзную системную основу»⁷⁵.

Уже для всех стало очевидным, что перед постсоветскими государствами стоят общие проблемы. И не только политические или экономические, но и военные и социальные. Так, если говорить о социальной политике в странах СНГ, то можно констатировать, что только в трех странах минимальная зарплата соответствует прожиточному уровню. Это Казахстан, Белоруссия и Россия, хотя с 2004 года по 2012 год она и выросла от 3 до 12 раз⁷⁶.

Источник: ВКП

Рис. 6. Минимальный размер оплаты труда по странам СНГ, USD

Выступая на международной конференции «Евразийский экономический союз: пути к новым горизонтам интеграции» 23 марта 2012 года, я следующим образом изложил свое понимание концепции интеграции⁷⁷.

Прежде всего о приоритете этой проблемы для России, который я отношу к высшему национальному приоритету. Важно, что осенняя (2011 г.) инициатива В. Путина, Н. Назарбаева и А. Лукашенко о евразийской интеграции вызвала огромный интерес на всем пространстве СНГ и имела **стратегическое значение**. Дальнейшие конкретные шаги, похоже, подтвердили серьезность их намерений. Но пока что только в области экономической интеграции, оставив (хочется верить, что на время) «за скобками» политико-идеологическую сферу. На мой взгляд, эта идея, например, могла бы стать стержнем избирательной кампании В. Путина, но, к сожалению, не стала. Напомню, что в 1996 году идея союзного государства России и Белоруссии была самым сильным и, может быть, единственным позитивным ходом во всей предвыборной кампании Б. Ельцина. Похоже, что в России пока еще не осознают важности создания политического течения, может быть, даже моды на евразийство, сознательно ограничиваясь экономикой.

Между тем без внятной идеологии современного евразийства, которой пока что нет, без вытекающей из нее политической доктрины и соответствующей стратегии, наконец, без политической структуры и институтов гражданского общества идея евразийской экономической интеграции столкнется в будущем с серьезными трудностями. В пользу этого говорит весь мировой исторический опыт. Так, известно, что многие проблемы в отношениях между СССР–Россией и Румынией, а также — уже сегодня — Молдавией, Украиной, Приднестровьем и Румынией является следствием того, что, «в отличие от славянских стран,

в Румынии не существовало политического течения, ориентировавшегося на Россию»⁷⁸.

У евразийской идеи, выдвинутой лидерами трех государств, есть и недостаток: сознательное подчеркивание значения экономической интеграции (хотя и с оговоркой «необходимости создания наднациональных институтов») неизбежно отодвигает на второй план идеологическую проработку и проблеме общественно-политической интеграции прежде всего общества и элит постсоветских государств. Без такой интеграции, повторяю, экономическая интеграция будет иметь только ограниченный экономический масштаб. Она также будет зависеть от конъюнктурных и внешних факторов, а ее реализация будет продвигаться значительно медленнее, чем она того заслуживает. На это обстоятельство обратили внимание, например, многие выступавшие на конференции РИСИ 21 февраля 2012 года. Примечательно, что основные докладчики (новый президент Приднестровской Республики Е. Шевчук, главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии» А. Куртов, представитель Белоруссии Л. Криштанович и др.) справедливо подчеркивали необходимость именно идеологической проработки этого вопроса.

Подтверждением является и тот факт, что когда по инициативе С. Нарышкина и ряда руководителей Государственной Думы (Д. Полыева, Ю. Шувалова и др.) в конце апреля 2012 года в Москве состоялся международный круглый стол, посвященный парламентским аспектам евразийства, обнаружилась не только явная заинтересованность участников в реализации этой идеи, но и весьма разные подходы к ней различных представителей парламентов стран-участниц СНГ. Даже представители Казахстана и Таджикистана очертили «пределы» евразийской интеграции рамками наднациональных суверенитетов.

Моя точка зрения остается прежней и я ее озвучил, будучи сопредседателем одной из двух секций, — без преодоления эгоизма национальных элит интеграция будет оставаться тем процессом, «который изначально отстает от дезинтеграции постсоветского пространства. Мое видение концепции евразийской интеграции я изложил следующим образом: «В мире сегодня определяют будущее следующие тенденции:

1. Рост конфликтности, конкуренции между государствами, даже противостояния.
2. Слабеющая эффективность существующих международных институтов и механизмов, которые уже не справляются с новыми вызовами.
3. Набирающая силу регионализация — Евросоюз, ШОС, БРИКС и т. д.
4. Вероятность нового глобального кризиса, который вытекает из понимания, что прежние социальные, политические, экономические модели устарели, а новые пока не созданы.

Эти тенденции объективно содействуют созданию качественно новых условий для евразийской интеграции, которая в конечном счете, предполагает два крупных принципиальных этапа:

- во-первых, интеграцию на евразийском пространстве;
- а во-вторых, расширение интеграции от Атлантики до Владивостока.

Каковы главные задачи?

На мой взгляд, главное — создание общественно-политической базы для евразийской интеграции предполагает формирование экономической, политической и военной — общественной и информационной базы интеграции. Без такой базы продвижение интеграционных процессов будет серьезно затруднено, если вообще возможно. Только экономическая интеграция, в ее «чистом виде», — неосуществима, хотя по понятным причинам она должна быть главным приоритетом.

В этом смысле пятидесятилетний опыт Евросоюза очень важен, но не бесспорен для практики евразийской интеграции. С одной стороны, институты Евросоюза, последовательность их развития, трудности очень полезны как общая модель, в т. ч. перехода от «союза отраслей промышленности» фактически к конфедерации.

С другой стороны, у евразийских государств существуют более «льготные» условия для реализации интеграционного проекта. Вот лишь некоторые из них:

- общее до недавнего прошлого экономическое пространство, фактически единая инфраструктура (автомобильный и ж/д транспорт, линии связи и электропередач и т. д.);
- общее (хотя и слабеющее) культурное, образовательное и гуманитарное пространство;
- взаимопроникновение элит, в т. ч. и на уровне личных связей, хотя надо отдавать себе отчет, что грядет смена поколений, которая уже началась, и через 5–10 лет новые элиты будут принципиально отличаться от предыдущих;
- существующие уже институты интеграции — Межпарламентская Ассамблея (МПА), СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный союз, Единое экономическое пространство и т. д. Следующий этап — до 1 января 2015 г. — Евразийский экономический союз.

Интеграция на уровне общественно-политическом и гуманитарном становится главной задачей при том понимании, что именно общественная и информационная «интеграционная политика» может преодолеть эгоизм национальных элит. Этот эгоизм развалил СССР и будет главным препятствием для евразийской интеграции. Сегодня нужен конкретный план, «дорожная карта» создания мощной общественно-политической силы, способной реализовать идею интеграции. Уже сегодня проявились многие общественные инициативы. Так, к маю 2012 года в Минюст было подано четыре заявки на создание

евразийских партий, а в апреле был завершен полугодовой процесс создания „Конфедерации общественных сил за евразийскую интеграцию“ [20 апреля 2012 года, МГИМО(У), Москва].

Следующий этап — консолидация всех общественных сил, сопровождающаяся:

- консолидацией СМИ, поддерживающих интеграцию;
- активизацией межпарламентского сотрудничества и созданием прототипа Евразийского парламента, переход от МА СНГ к конфедеративному парламенту. Инициатива С. Нарышкина по созданию рабочей группы по подготовке к созданию Евразийского парламента, — конкретная и необходимая инициатива;
- созданием совместных экспертно-аналитических центров, как например, в Москве;
- консолидацией институтов образования, культур, искусства и науки, созданием единых органов и информационных площадок, наравне с Университетами ШОС и СНГ;
- созданием Евразийского университета;
- подготовкой „евразийских“ учебников, пособий и курсов, в т. ч. русского языка;
- развитием военно-политического и военно-технического сотрудничества на евразийском пространстве, прежде всего, в области НИОКР, созданием и стандартизацией вооружений и военной техники;
- созданием единой зоны ПВО и ПРО, подготовкой к реализации совместной доктрины ВКО;
- созданием евразийских молодежных, женских, профсоюзных „платформ“ сотрудничества, имеющих уже характер конфедеративных структур.

Надо понимать, что позиции элит в отношении интеграции имеют ключевое значение. Толчок дал Н. Назарбаев ещё в начале 90-х годов, но эта инициатива долго не получала поддержку. Влиятельные силы внутри национальных элит не поддерживали, не поддерживают и не будут поддерживать евразийскую инициативу. Соответственно, политически необходимо поддерживать тех лидеров и те силы в элитах, которые выступают за евразийскую интеграцию.

Важно, чтобы параметры, места и структуры интеграции, которые готовятся сегодня, имели разнотипный характер»⁷⁹.

Идеология опережающего развития — модернизации и инноваций — становится ключом и к практической реализации евразийской идеологии. Выбор между «идеологией заимствования» и «идеологией развития НЧП, его институтов» стоит не только перед российской элитой, но и перед элитами всех постсоветских государств. Какой путь — заимствования или развития национального человеческого потенциала они выберут — во многом будет предопределять не только безопасность, но и успех евразийской идеи. В. Путин впервые, пожалуй, в статье, посвященной развитию оборонного потенциала, ясно сформулиро-

вал проблему опасности политики внешнего заимствования: «Фактически отечественные оборонные центры... — сказал он, — за последние 30 лет пропустили несколько циклов модернизации»⁸⁰.

Другая проблема — возможный кризис 2015–2017 годов и период смены в это время элит на всем постсоветском пространстве. Новые лидеры будут уже не связаны с единой историей СССР, его культурой, языком и общими представлениями о будущем. Немаловажно, что исчезнут и личные связи. В республиках Центральной Азии, да и других государствах, например, доминирует вектор развития идеологии титульной нации, который формируется на базе синтеза традиционной системы ценностей и системы ценностей развитых стран. Это, безусловно, ведет к появлению элит, которые изначально будут не заинтересованы по политико-идеологическим мотивам в интеграции.

Не только в республиках ЦА, но и других постсоветских государствах, просматривается перспектива острой борьбы за власть, в результате которой с высокой степенью вероятности могут придти новые элиты, не связанные культурно-исторически, технологически и даже личными связями с Россией. В результате возможна переориентация этих элит на Китай, на исламский мир, но, прежде всего, на западные развитые государства.

Россия вплоть до сегодняшнего времени так и, не смогла предложить проект привлекательного образа общего будущего для постсоветских государств. Это означает, что происходит процесс сокращения «ностальгического ресурса», который стремительно уменьшится до 2020 года. Повторю, — на фоне вероятного кризиса и смены поколения правящих элит. Кроме того, можно констатировать, что все элиты и режимы бывших советских республик находятся на пороге резких внутривнутриполитических изменений. Поэтому крайне актуальная проблема — **формирование общего политико-идеологического вектора развития для большинства постсоветских государств**⁸¹. Для целого ряда государств, на мой взгляд, это единственный разумный вариант, но отнюдь не неизбежный.

Учитывая, что в современном мире главным ресурсом развития является национальный человеческий потенциал, прежде всего творческие возможности человека, в евразийской политике необходимо сделать акцент **именно на гуманитарной составляющей**. Поэтому, мне представляется, главным приоритетом должно стать развитие институтов национального человеческого потенциала (НЧП) на базе евразийской экономической и политической интеграции, прежде всего, институтов гражданского общества, способных аккумулировать и стимулировать идею общего евразийского НЧП. Речь идет, например, о:

- институтах образования, науки и технологий, где сохранился еще мощный советский «остаток»,

- но, главное — понять, что необходимая всем модернизация возможна исключительно на базе быстрого роста национальных научно-технологических, образовательных и культурных школ;
- институтах культуры и искусства, прежде всего массового, а также творческих возможностей «креативного класса» — главной движущей силы современности;
 - развитии и создании единых общественных и политических институтов на евразийском пространстве. Речь идет не только об общественных организациях, но и создании общих политических и идеологических организаций в таких областях, как
 - средства массовой информации и коммуникации. Сегодня таких СМИ практически нет, как уже нет и единого информационного пространства;
 - политической евразийской партии, способной в будущем победить на парламентских выборах;
 - создании системы НКО, лоббирующих евразийскую идею и активно влияющих на национальные элиты.

Восстановление единого пространства в 2011–2012 годах стало, безусловно, приоритетом в политике России. В отчете правительства за 2011 год в апреле 2012 года В. Путин изложил концепцию такой интеграции на среднесрочную перспективу: «...снятие барьеров на границе уже в прошлом году позволили увеличить взаимный оборот России, Белоруссии и Казахстана сразу на 37%. С нынешнего года мы работаем в более тесном интеграционном формате в рамках единого экономического пространства со свободным передвижением товаров, капитала, рабочей силы. Кстати, в январе-феврале текущего года взаимный товарооборот стран „тройки“ увеличился ещё на 13%.

Мы совместно с белорусскими и казахстанскими партнёрами передали важнейшие полномочия в сфере макроэкономики, таможенной деятельности, техрегламентов наднациональному органу — Евразийской экономической комиссии, по сути это придаёт интеграционным процессам необратимый характер.

И здесь я бы хотел особо подчеркнуть: создание Таможенного союза и единого экономического пространства, на мой взгляд, по моему убеждению, является важнейшим геополитическим и интеграционным событием на постсоветском пространстве со времён крушения Советского Союза.

Наш следующий шаг — запуск с 2015 года проекта Евразийского экономического союза. Рассчитываем, что к России, Белоруссии, Казахстану присоединятся и другие партнёры, заинтересованные в более продвинутом сотрудничестве.

Привлекательность идеи новой интеграции на евразийском пространстве неуклонно растёт, жизненные реалии, накопленный 20-летний опыт расставляют всё по своим местам. Стало очевидно: в одиночку с сегодняшними вызовами глобальной турбулентности не справиться. Не случайно, в отношениях партнёров по СНГ стало гораздо более здравого смысла и заинтересованности в коллективной работе.

Например, больше десятилетия без особых результатов шли многословные дискуссии о зоне свободной торговли на пространствах СНГ. В прошлом году договор о зоне свободной торговли был по-деловому, профессионально обсуждён, оперативно согласован и подписан. Я признателен российскому парламенту, который первым ратифицировал этот стратегический документ»⁸².

5. Инструменты евразийской интеграции

По большому счету была найдена та модель, которая помогла сберечь мириады цивилизованных духовных нитей, объединяющих наши народы...
Производственные, экономические и другие связи...⁸³.

В. Путин

Говоря так об СНГ, В. Путин по сути ответил критикам этого института, утверждавшим, что «СНГ — механизм для развода стран, входивших в СССР». Действительно, критики в адрес СНГ немало, но, как и в случае с ООН, этот механизм остался универсальным политико-правовым механизмом для сохранения существовавших связей. Более того, — для развития новой интеграционной модели, превращения ее, по словам В. Путина, «...в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект...»⁸⁴.

Здесь следует обратить внимание на политический аспект евразийской интеграции и роли СНГ.

Важнейший ресурс власти — политический язык, формулирующий стереотипы, алгоритмы поведения, мифы, традиции, идеологию и прочие «сигналы» обществу, включая информационную политику, отношения к институтам гражданского общества и, конечно же, правовую основу для реализации политических программ. В этом смысле статьи В. Путина, Н. Назарбаева, А. Лукашенко, многочисленные мероприятия второй половины 2011 — первой половины 2012 годов создавали политический климат, необходимый для оживления идей евразийской интеграции, активизации прежних и создания новых механизмов и моделей.

Так, в апреле 2012 года по инициативе С. Е. Нарышкина был проведен международный круглый стол, в котором приняли участие представители почти всех парламентов СНГ. Таким образом был инициирован процесс интеграции парламентской деятельности, который в итоге предполагал трансформацию Межпарламентской ассамблеи (при участии структур СНГ, ОДКБ, СРБ) в Евразийский парламент. Будучи одним из сопредседателей секций, я имел отличную возможность наблюдать как, с одной стороны, все участники проявили горячую заинтересованность в этом процессе, но, с другой, — наблюдались различные, порой противоречивые подходы. В конечном счете была принята резолюция.

РЕЗОЛЮЦИЯ⁸⁵

Международного круглого стола «Российская Государственная Дума: становление парламентаризма на евразийском пространстве»

28 апреля 2012 года, г. Москва

28 апреля 2012 года в г. Москве прошёл первый Международный круглый стол «Российская Государственная Дума: становление парламентаризма на евразийском пространстве».

Обсудив широкий круг вопросов, связанных с историческим опытом формирования законодательных и представительных органов власти, современными задачами и перспективами парламентских институтов, участники Международного круглого стола решили:

1. Считать целесообразным дальнейшее проведение круглых столов и конференций, посвященных вопросам развития парламентаризма на территории различных государств Евразийского пространства, как новый механизм продвижения и отстаивания интересов широких слоев населения на многопартийной основе.
2. Способствовать широкому общественному обсуждению евразийских интеграционных процессов, включая задачи активизации межпарламентского и межрегионального сотрудничества.
3. На основе п. 1 и п. 2 выбрать наиболее соответствующие интересам интеграции проекты, темы, а также выявить наиболее ярких политиков, способных их продвигать в информационном поле.
4. Выразить благодарность руководству и депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации за инициативу проведения Международного круглого стола.

На постсоветском пространстве мы наблюдаем одновременно не только разные направления сотрудничества, которые развиваются с разной степенью интенсивности, но и наличие множества механизмов, нередко дублирующих друг друга⁸⁶. Так, **Содружество Независимых Государств (СНГ)** — Региональная международная организация, призванная регули-

ровать отношения сотрудничества между странами, ранее входившими в состав СССР. СНГ не является надгосударственным образованием и функционирует на основе многостороннего консенсуса участников. По мере развития сотрудничества постсоветских государств их взаимодействие в рамках СНГ было дополнено и расширено различными специализированными форматами многосторонних институтов, в частности, ОДКБ, ЕврАзЭС, ТС, СНГ. Своего рода политико-экономический клуб, где обязательства государств имеют достаточно условий характер⁸⁷.

Следующее направление интеграции — **Зона свободной торговли СНГ (ЗСТ)** — соглашение государств СНГ, подписавших в 2011 году Договор о зоне свободной торговли, проект которого был разработан российским Министерством экономического развития, предусматривает «сведение к минимуму исключений из номенклатуры товаров, к которым применяются импортные пошлины», экспортные пошлины должны быть зафиксированы на определенном уровне, а впоследствии поэтапно отменены. Договор заменил больше ста двусторонних документов, регламентирующих режим свободной торговли на пространстве Содружества.

Зона свободной торговли (ЗСТ) — Распространенный тип международной интеграции, при котором в странах-участниках отменяются таможенные пошлины, налоги и сборы, а также количественные ограничения во взаимной торговле в соответствии с международным договором. За каждой страной-участницей сохраняется право на самостоятельное определение режима торговли по отношению к третьим странам. В большинстве случаев условия зоны свободной торговли распространяются на все товары кроме продуктов сельского хозяйства. Зона свободной торговли может координироваться небольшим межгосударственным секретариатом, расположенным в одной из стран-членов, но обычно основные параметры своего развития страны согласовывают на периодических совещаниях руководителей соответствующих ведомств. Между странами-участницами сохраняются таможенные границы и посты, контролирующие происхождение товаров, пересекающие их государственные границы⁸⁸.

Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)⁸⁹ — Международная экономическая организация, в состав которой входят Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан. Республики Молдавия и Украина (с 2002) и Армения (с 2003) имеют статус наблюдателя. Также статус наблюдателя при ЕврАзЭС у Межгосударственного авиационного комитета и Евразийского банка развития. 9 декабря 2003 г. ЕврАзЭС получило статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН.

Основной целью ЕврАзЭС является региональная интеграция путем создания единого экономического пространства на территории входящих в него стран. Высшим органом является Межгосударственный со-

вет. В его состав входят главы государств и правительств. Совет собирается на уровне глав государств не реже одного раза в год, на уровне глав правительств — не реже двух раз в год. С октября 2008 г. Межгоссовет ЕврАзЭС на уровне глав государств принял на себя также функции высшего органа Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России (Межгоссовет — ВОТС). Организация открыта для приема новых членов, разделяющих ее основные цели и уставные положения и способных, по мнению стран-участниц, выполнять взятые на себя обязательства. 6 августа 2008 г. Узбекистан приостановил членство в ЕврАзЭС.

Антикризисный фонд ЕврАзЭС был создан 21 декабря 2008 года решением неформального саммита глав государств ЕврАзЭС с целью оказания финансовой помощи государствам — членам Фонда в преодолении последствий мирового кризиса. В 2009 г. главы государств ЕврАзЭС одобрили объем Фонда в эквиваленте \$10 млрд. Российская доля в уставном капитале Фонда составляет \$7,5 млрд, казахстанская — один миллиард, белорусская — \$10 млн. Киргизия и Таджикистан, а также ассоциированная с Сообществом Армения внесли по одному миллиону долларов.

Суд Сообщества (2012).

Отдельное значение имеет **Таможенный союз ЕврАзЭС (ТС)**, который действует с 2010 года⁹⁰.

Участниками ТС являются: Казахстан, Россия, Белоруссия, Киргизия (с 2012).

Базовый принцип ТС — Свобода передвижения товаров.

Были подготовлены тысячи документов в кратчайшие сроки, в частности:

- Технические регламенты Таможенного союза;
- Таможенный кодекс Таможенного союза;
- Единый таможенный тариф Таможенного союза;
- Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Таможенного союза.

Решение о создании Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана было принято в августе 2006 года на неформальном саммите ЕврАзЭС. 6 октября 2007 г. в Душанбе Россия, Белоруссия и Казахстан, основываясь на Договоре об учреждении ЕврАзЭС от 10 октября 2000 г., подписали Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза, а также утвердили План действий по его созданию. Было решено, что остальные страны ЕврАзЭС будут присоединяться к нему по мере своей готовности. Таможенный союз предусматривает создание единой таможенной территории, в пределах которой не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. В рамках Таможенного союза применяется единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими странами. Высшим органом Таможенного союза, является Межгосударственный совет, в который входят главы государств и главы правительств стран-участниц.

С октября 2008 г. функции высшего органа Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России принял на себя Межгоссовет ЕврАзЭС на уровне глав государств. Таможенный союз формально начал свою работу с 1 января 2010 г., когда вступил в силу Единый таможенный тариф (ЕТТ).

С 1 сентября 2010 г. на территории ТС начал действовать режим зачисления и распределения пошлин. Согласно трехсторонним договоренностям, импортные пошлины зачисляются на единый счет, а затем распределяются пропорционально между бюджетами России, Казахстана и Белоруссии. В российский бюджет поступает 87,97% от общего объема ввозных пошлин, в казахстанский — 7,33%, в белорусский — 4,7%. 18 октября 2011 года главы правительств стран ЕврАзЭС приняли решение об удовлетворении просьбы Киргизии о ее присоединении к Таможенному союзу. Споры между государствами-членами Таможенного союза разрешает суд Евразийского сообщества. К 2012 г. в суде ЕврАзЭС можно будет оспаривать действия органов Таможенного союза и органов госвласти этого объединения.

Комиссия Таможенного союза (КТС) — является постоянно действующим наднациональным институтом интеграционного сотрудничества стран-членов ТС, создана для обеспечения условий функционирования и развития союза. Решения КТС обязательны и не требуют подтверждения на национальном уровне. Они принимаются двумя третями голосов, за Россией в комиссии 57 голосов, за Белоруссией и Казахстаном — по 21 голосу. К настоящему времени Комиссия ТС и правительства сторон провели комплекс мероприятий по завершении формирования договорно-правовой базы ТС, включая Единый таможенный тариф, Таможенный кодекс, Статут Суда Таможенного союза.

Многовекторность — это условное определение, получившее распространение в аналитическом и публичном дискурсе для характеристики разнообразия географической направленности международного (политического и экономического) сотрудничества стран постсоветского пространства, расширения внешнеторговых, инвестиционных и других видов связей с мировыми державами и государствами регионального окружения при сохранении существенного уровня двустороннего взаимодействия с Россией.

Таможенный кодекс Таможенного союза (ТК ТС) — Приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятый решением Межгосударственного совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17. ТК ТС в полном объеме вступил в действие с 1 июля 2011 года⁹¹. ТК ТС устанавливает таможенный тариф как один из главных инструментов регулирования внешнеэкономической деятельности. Ожидается, что введение ТК ТС позволит России к 2015 году получить дополнительную прибыль в размере 400 млрд долларов, а Белоруссии и Казахстану по 16 млрд долл. С 1 сентября 2010 г. на территории ТС начал действовать режим зачисления

и распределения таможенных пошлин. Согласно трехсторонним договоренностям, импортные пошлины зачисляются на единый счет, а затем распределяются пропорционально между бюджетами России, Казахстана и Белоруссии. В российский бюджет поступает 87,97% от общего объема ввозных пошлин, в казахстанский — 7,33%, в белорусский — 4,7%.

Единое экономическое пространство ЕврАзЭС (ЕЭП)⁹² — стало новым шагом по пути интеграции после создания ТС. Этот этап экономической интеграции трех стран, к которому присоединится также Киргизия. Решение о создании ЕЭП принято в 2009 г. на саммите в Алма-Ате президентами Белоруссии, Казахстана и России. Главная цель ЕЭП — углубление объединительных тенденций на основе обеспечения четырех свобод: движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

По оценке В. Путина, к моменту создания ЕЭП интеграция продвинулась достаточно далеко: «В свое время европейцам потребовалось 40 лет, чтобы пройти путь от Европейского объединения угля и стали до полноценного Евросоюза. Становление Таможенного союза и ЕЭП идет гораздо динамичнее, поскольку учитывает опыт ЕС и других региональных объединений. Мы видим их и сильные, и слабые стороны. И в этом наше очевидное преимущество, позволяющее избежать ошибок, не допустить воспроизводства разного рода бюрократических навесов.

Мы также находимся в постоянном контакте с ведущими бизнес-ассоциациями трех стран. Обсуждаем спорные вопросы, учитываем конструктивную критику. В частности, весьма полезным было обсуждение на Деловом форуме Таможенного союза, который прошел в Москве в июле 2012 года.

Повторю: для нас очень важно, чтобы ответственность наших стран, предприниматели воспринимали интеграционный проект не как верхушечные бюрократические игры, а как абсолютно живой организм, хорошую возможность для реализации инициатив и достижения успеха»⁹³.

Предполагается, что единый рынок сблизит хозяйственные системы стран-участниц, повысит возможности адаптации к кризисным явлениям мировой экономики, обеспечит дополнительные иностранные инвестиции. ЕЭП начал работу с 1 января 2012 года, его главной характеристикой на начальном этапе станет расширение условий ведения трансграничного бизнеса — компания, зарегистрированная в любом государстве ЕЭП, будет пользоваться всем, что может предоставить каждая из трех стран, в том числе сельскохозяйственными и транспортными тарифами⁹⁴.

Наконец ближайшая тактическая цель интеграции — создание **Евразийского союза (ЕАС)**, которое предполагается завершить к 2015 году. Правовой основой будущей организации является Декларация об основании: от 18 ноября 2011 г. с ЕЭП; 1 января 2012 г.

Евразийский союз (ЕАС) — проект конфедеративного союза государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитар-

ным, культурным пространством, предполагаемого к созданию на базе союза Казахстана, России и Белорусии и соответствующих отраслевых тесных интеграционных структур СНГ — ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ, Таможенного союза. Становление Евразийского союза идет аналогично (на базе существующих отраслевых структур) Европейскому союзу и другим аналогичным региональным объединениям. Заявлено, что союз строится по модели мощного наднационального объединения, способного стать самодостаточным рынком (население которого должно составлять не менее 200–250 млн человек) и одним из геополитических «полюсов» современного мира, играющего при этом роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом⁹⁵.

После подписания 18 ноября 2011 года лидерами России, Белоруссии и Казахстана декларации о Евразийской интеграции, была создана Евразийская экономическая комиссия, контролирующая около 170 функций союза. Во главе комиссии находится Виктор Христенко. ЕЭК будет состоять из совета и коллегии, в совет войдет по одному вице-премьеру от правительства каждой страны, в состав коллегии — по три представителя каждой стороны. Также ЕЭК предусмотрены полномочия по созданию департаментов, которые будут готовить решения, и заниматься мониторингом в подведомственных отраслях и консультативных органах. Полномочия ведомства будут существенно расширены, а численность увеличится со 150 человек до 1,2 тыс. Согласно проекту, предполагается формирование «ряда наднациональных органов»:

- Совет глав республик и глав правительств ЕАС — высший орган политического руководства;
- Парламент ЕАС — высший консультативно-соединительный орган Союза;
- Совет министров иностранных дел ЕАС — координация внешнеполитической деятельности;
- Межгосударственный исполнительный комитет — постоянно действующий исполнительно-контролирующий орган;
- Информационное бюро Исполкома ЕАС;
- Совет по вопросам образования, культуры, науки — формирование согласованной политики в этой области.

Экономика

Общий макроэкономический эффект от интеграции постсоветских стран разделяют на несколько пунктов:

- снижение цены на товары благодаря уменьшению издержек перевозки необходимого сырья/экспорта своего готового товара;
- стимулируется «здоровая» конкуренция на общем рынке ЕАС за счет равного уровня экономического развития;
- увеличение конкуренции на общем рынке стран-членов Таможенного союза благодаря вхождению на рынок новых игроков из общего пространства;

- увеличение средней з/п, благодаря уменьшению издержек и повышению производительности;
- наращивание производства благодаря увеличению спроса на товары;
- увеличение благосостояния народов стран ЕАС, благодаря снижению цен на продукты и увеличению занятости населения в экспансирующихся производствах импортоориентированных / экспортоориентированных фирм;
- повышается окупаемость новых технологий и товаров благодаря увеличенному объёму рынка.

Создание наднациональных экономических структур ЕАС

В целях создания единого экономического пространства в рамках ЕАС предлагается создание наднациональных структур:

- Комиссия по экономике;
- Комиссия по сырьевым ресурсам (устанавливает цены и квоты на сырьевые товары и энергоносители, координирует политику в области добычи, продажи золота и других драгоценных металлов и др.);
- Фонд по делам экономического и научно-технического сотрудничества, формирующийся за счет вкладов стран ЕАС (финансирует перспективные наукоемкие экономические и научно-технические программы, оказывает помощь в решении круга задач, в том числе правовых, налоговых, финансовых, экологических и т. д.);
- Комиссия по межгосударственным финансово-промышленным группам и совместным предприятиям;
- Международный инвестиционный банк ЕАС;
- Международный арбитраж ЕАС;
- Комиссия по вводу расчетной денежной единицы;
- Комиссия по экологии.

Единая валюта

Единая валюта для Евразийского союза на данный момент не определена. В 2004 году А. Лукашенко предлагал ввести общую валюту для Союзного государства. Второй раз такую же мысль выразил И. Шувалов в марте 2010 года, но уже для трех стран: Беларусь, Казахстан, Россия (учредители Таможенного союза). В качестве названия для создаваемой валюты курсируют «евраз» либо «евразийский рубль». Название «евраз» было предложено в 2004 году президентом Казахстана Н. Назарбаевым.

Вооружённые силы

В области обороны предлагается заключить в рамках ЕАС следующие договоренности:

- О совместных действиях по укреплению национальных Вооруженных Сил стран-членов ЕАС и охране внешних границ ЕАС;
- О создании единого оборонного пространства с центром в Москве;

- О формировании коллективных вооруженных сил ЕАС для поддержания стабильности и погашения конфликтов в странах-участницах ЕАС и между ними;
- О внесении коллективных обращений стран-участниц ЕАС в международные организации, в том числе в Совет Безопасности;
- О создании межгосударственного центра по ядерному разоружению.

Важной структурой интеграции оборонных усилий стала **Организация Договора о коллективной безопасности ОДКБ⁹⁶**, которая была образована 15 мая 1992 года.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) — военно-политический союз, созданный государствами СНГ на основе Договора о коллективной безопасности (ДКБ), подписанного 15 мая 1992 года. (Этапы развития: подписание Договора о коллективной безопасности 15 мая 1992 — Вступление в силу Договора о коллективной безопасности 20 апреля 1994 — Подписание Договора о создании ОДКБ 7 октября 2002 — Вступление в силу Договора о создании ОДКБ 18 сентября 2003).

Члены ОДКБ

Республика Армения (с 15 мая 1992)
Республика Беларусь (с 31 декабря 1993)
Республика Казахстан (с 15 мая 1992)
Киргизская Республика (с 15 мая 1992)
Российская Федерация (с 15 мая 1992)
Таджикистан (с 15 мая 1992)
Республика Узбекистан (с 15 мая 1992 по 2 апреля 1999 и с 16 августа 2006)

(Формулировка о членстве — Республика Узбекистан подписала Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года в г. Ташкенте. Является членом Организации Договора о коллективной безопасности, созданной в 2003 году на основе и в развитии сотрудничества в рамках ДКБ). **Руководители ОДКБ:** Генеральный секретарь Николай Бордюжа, Начальник Объединённого штаба Булат Дарбеков.

Структура ОДКБ

Высшим органом Организации является **Совет коллективной безопасности (СКБ)**. В состав Совета входят главы государств-членов. Совет рассматривает принципиальные вопросы деятельности Организации и принимает решения, направленные на реализацию её целей и задач, а также обеспечивает координацию и совместную деятельность государств-членов для реализации этих целей.

Совет министров иностранных дел (СМИД) — консультативный и исполнительный орган Организации по вопросам координации взаимодействия государств-членов в области внешней политики.

Совет министров обороны (СМО) — консультативный и исполнительный орган Организации по вопросам координации взаимодействия государств-

членов в области военной политики, военного строительства и военно-технического сотрудничества.

Комитет секретарей Советов безопасности (КССБ) — консультативный и исполнительный орган Организации по вопросам координации взаимодействия государств-членов в области обеспечения их национальной безопасности.

Генеральный секретарь Организации является высшим административным должностным лицом и осуществляет руководство Секретариатом Организации. Назначается решением СКБ из числа граждан государств-членов и подотчётен Совету. В настоящее время им является Николай Бордюжа.

Секретариат Организации — постоянно действующий рабочий орган для осуществления организационного, информационного, аналитического и консультативного обеспечения деятельности.

Объединённый штаб ОДКБ — постоянно действующий рабочий орган Организации и СМО ОДКБ, отвечающий за подготовку предложений и реализацию решений по военной составляющей ОДКБ. С 1 декабря 2006 г. на объединённый штаб возложены задачи, выполняемые командованием и постоянной оперативной группой штаба коллективных сил.

Союзное государство России и Белоруссии (с 1996)⁹⁷. Союзное государство (также в прессе встречаются названия Союз России и Белоруссии (СРБ), Союзное государство России и Белоруссии (СГРБ), Союз Белоруссии и России, Союзное государство Белоруссии и России) — политический проект союза Российской Федерации и Республики Беларусь с поэтапно организуемым единым политическим, экономическим, военным, таможенным, валютным, юридическим, гуманитарным, культурным пространством.

Становление этого союза проходило медленно и непоследовательно, сопровождалось «откатами» и «замирано» на годы. Он был основан 2 апреля 1996 (Сообщество Белоруссии и России) — 2 апреля 1997 (Союз Белоруссии и России) — 26 января 2000 (Союзное государство)⁹⁸.

Руководители СРБ: А. Г. Лукашенко — Председатель ВГС СГ; Д. Медведев — Председатель Совета министров; Г. Рапота — Государственный секретарь.

При этом символика так и не была определена, как, впрочем, и столица.

Не определена была и валюта, хотя еще с начала 90-х годов шли переговоры о единой валюте.

Государственное устройство

В соответствии с Договором о создании Союзного государства, были сформированы и функционировали Высший государственный совет, Совет Министров и Постоянный комитет Союзного государства. Функции Парламента Союзного государства выполняет Парламентское собрание Союза Белоруссии и России.

В рамках Союзного государства образованы и работают Пограничный и Таможенный комитеты, Комиссия Союзного государства по гидрометеорологии и мониторингу загрязнения природной среды, Комиссия по тарифному и нетарифному регулированию при Совете Министров Союзного государства, Телерадиовещательная организация. Эти органы состоят из представителей республиканских и федеральных органов государственного управления Белоруссии и России и периодически собираются на своих заседаниях, где рассматриваются и решаются вопросы союзного строительства в соответствующей сфере.

По другим направлениям работа ведется через совместные коллегии министерств и ведомств Белоруссии и России с вынесением вопросов, требующих решения на уровне правительств и глав государств, соответственно на заседания Совета Министров и Высшего государственного совета Союзного государства.

Высшим органом Союзного государства является Высший государственный совет. В его состав входят главы государств, главы правительств, руководители палат парламентов. В заседаниях Высшего государственного совета участвуют Председатель Совета Министров, Председатели палат парламента, Председатель суда Союзного государства.

6. Стратегия евразийской интеграции

Сегодня состояние международной безопасности как никогда ранее зависит от общеевропейского человеческого потенциала⁹⁹.

Д. Медведев

... в период мирового финансового кризиса, заставившего государства искать новые ресурсы для экономического роста, интеграционные процессы получили дополнительный импульс¹⁰⁰.

В. Путин

Очень важно понимать не только приоритетность евразийской интеграции, но и необходимость системной, полномасштабной стратегии, которая охватывала бы широкий круг проблем, а не только экономические вопросы. Собственно об этом и говорил В. Путин на

кануне вступления в должность президента с активом «Единой России», подчеркивая важность не только интеграции исполнительных структур, но и законодательных структур власти, особо выделяя уровень интеграции общественных и политических институтов¹⁰¹.

Последнее обстоятельство имеет принципиальное значение. Собственно в течение 2011 — начала 2012 годов в российском обществе росло не только понимание необходимости общественно-политической интеграции, но и активность различных структур. Так, 20 апреля 2012 года состоялось учреждение «Международной конференции общественных сил за евразийскую интеграцию», учредителями которой выступили МГИМО(У), Институт гражданского общества и Центр социально-консервативной политики, где руководителями были избраны Ю. Шувалов и А. Подберезкин.

Ситуация осложняется тем, что экономика выходит из мирового экономического кризиса 2008–2011 годов крайне медленно. Этот процесс, к сожалению, усугубляется отсутствием полного понимания всей природы кризиса и, как следствие, определением эффективных способов выхода из него. Действия международных институтов и отдельных государств по преодолению кризиса в 2008–2011 годы не внушали оптимизма.

Это ставит в качестве задачи необходимость разработки прогноза возможного последующего развития мирового экономического кризиса. Такой прогноз был сделан в Институте международных исследований МГИМО. В результате математического, экономического и политического моделирования были получены следующие результаты.

Ожидаемый многими экспертами в 2017–2019 гг. мировой экономический кризис с большой вероятностью произойдет раньше: в 2015–2016 гг. Уже в этом году, согласно прогнозу, мировая конъюнктура выйдет на свои пиковые показатели, которые сохранятся и на протяжении всего 2013 года. Но затем последует фаза спада мировой конъюнктуры (рис. 7).

К, к сожалению, темпы нашего движения по интенсивному пути развития (модернизации) не позволяют за оставшееся время коренным образом перело-

мить экономическую ситуацию. Поэтому необходимо сконцентрироваться на расширении общего экономического пространства и главной здесь видится ускорение движения по пути создания Евразийского экономического союза. Надвигающийся кризис будет гораздо легче преодолеть, объединив усилия. Завершить создание Союза необходимо заранее, до предполагаемого кризиса 2015 года.

Эксперты МГИМО(У) полагают, что, например, в отношении Центрально-Азиатских государств (ЦА) должна быть реализована следующая стратегия¹⁰²:

Особую важность в стратегическом подходе к отношениям со странами ЦА приобретает официальное подтверждение Россией на самом высоком уровне своей роли как гаранта территориальной целостности и суверенитета соседей по СНГ и лидера в инновационной деятельности в гуманитарном сотрудничестве. Это может быть сделано в **специальном заявлении президента России**, приуроченном к одному из мероприятий, связанных с постсоветской Центральной Азией.

Центральным направлением российской стратегии в этом регионе, на наш взгляд, должно стать экономическое сотрудничество. Необходимо добиваться создания стабильных и максимально благоприятных условий деятельности российского бизнеса в ЦА через систему взаимоувязанных торгово-политических и интеграционных соглашений. Сохраняя элементы донорства, целесообразно настаивать на четком соблюдении нашими партнерами договоренностей по либерализации регионального торгово-экономического сотрудничества (причем либерализации, опережающей рост открытости по отношению к третьим странам), поскольку в такой ситуации в выигрыше окажутся более мощная и конкурентоспособная российская экономика и отечественные компании, получит сильный импульс интеграция на микроуровне.

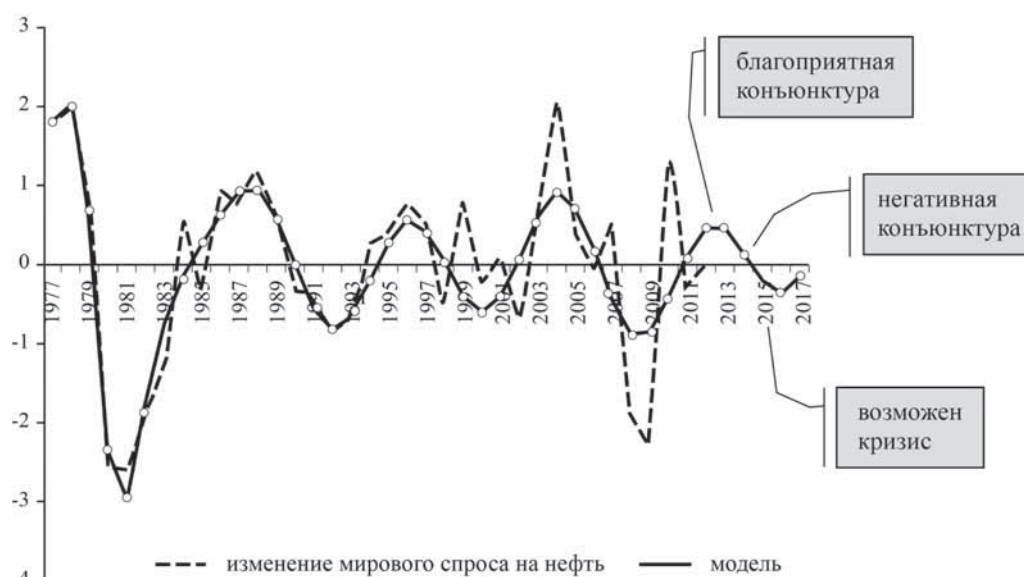

Рис. 7.

Нужно сделать акцент на реализации долгосрочных совместных проектов, целью которых должно стать рациональное использование ресурсов и имеющихся естественных преимуществ в интересах повышения устойчивости развития геоэкономического пространства в целом.

Особое значение имеет последовательная реализация достигнутых договоренностей по созданию **Единого экономического пространства (ЕЭП)** России, Белоруссии и Казахстана. В этих целях необходимо¹⁰³:

- **обеспечить высокую поступательную динамику интеграционного взаимодействия**, основанного на углублении понимания странами-партнерами общности своего будущего как участников экономического объединения наднационального уровня; добиваться реалистичного формулирования промежуточных целей сотрудничества в сфере ТЭК, инновационного, агропромышленного, добывающего и обрабатывающего комплексов и планомерной их реализации; активизировать участие частного бизнеса в расширении кооперации в реальном секторе экономики стран-партнеров;
- **поддерживаться взвешенной позиции в отношении возможных инициатив по расширению членства в ЕЭП** с учетом политического контекста, а также противоречий в руководстве потенциальных стран-кандидатов. Разработать для этих стран программу «переходного периода», а также набор требований соответствия уровню членства в ЕЭП, выполнение которых должно носить обязательный характер;
- **максимально активизировать работу по созданию единого правового поля хозяйственной деятельности**, в котором, наряду с унификацией таможенного законодательства, будет оперативно обеспечена унификация валютного, финансового, гражданского регулирования. Не допускать отставания законодательно-нормативной базы интеграционных процессов от административных решений, что способно дискредитировать интеграционный процесс в среде бизнеса;
- **продвигать в качестве основных направлений взаимодействия стран-участниц ЕЭП проекты, связанные с укреплением позиций российского ядра интеграционного блока**, усилением российского лидерства в создании транспортной инфраструктуры, расширении спектра единых технических регламентов, последовательном осуществлении инновационных проектов;
- **подготовить специализированную программу упреждающего противодействия вызовам и рискам интеграционного сотрудничества**. Учитывать вероятность торможения интеграционного развития на этапах согласования правил взаимодействия между национальным и наднациональными уровнями регулирования, а также возможность роста российских затрат на внед-

рение инновационного компонента в интеграционные процессы и появления нерентабельных для российской стороны направлений взаимодействия по модернизации производственных систем стран-партнеров.

С учетом того, что в современном мире в числе главных ресурсов развития все более заметное место занимают творческие возможности человека, его энергия и инициатива, необходимо **повысить значимость гуманитарной составляющей** наших отношений с ЦА¹⁰⁴, считают эксперты МГИМО(У).

На мой взгляд, в стратегии евразийской интеграции гуманитарная составляющая до сих пор недооценена: она должна формировать условия экономической интеграции, а не наоборот. И, прежде всего, если речь идет о создании общественного мнения, как важнейшего политико-административного ресурса, способного повлиять на национальные элиты. Развал СССР был вызван не экономическими причинами, а эгоизмом национальных элит. Соответственно, восстановления единого пространства должно идти в такой же последовательности. Об этом я говорил, например, на конференции «Развитие через интеграцию — российский проект для Евразии», которая прошла в МГИМО(У) 28 октября 2011 года¹⁰⁵.

В области гуманитарного сотрудничества, признают эксперты МГИМО(У), целесообразно исходить из того, что модернизация, как центральный вектор современного развития, напрямую связана с признанием приоритета развития национальных человеческих потенциалов постсоветских государств и воссоздания единого евразийского человеческого капитала. К сожалению, даже в России наблюдается «бегство» НЧК за границу. Анализ, проведенный на основе базы Scopus, показал, что более 50 % публикаций российской научной диаспоры идут из США. При этом наиболее цитируемые российские учёные также работают в США — на их долю приходится 44 % всех ссылок (период после 2003 года). Лидируют по индексу цитируемости выпускники МГУ, вторые — выпускники МФТИ. На долю русских учёных, работающих в России, приходится всего 10% ссылок. Директор по исследованиям фонда «Открытая экономика» И. Стерлигов отметил, что после 2000-го года в основном уезжают молодые исследователи и студенты — более 4000 человек в год (в основном в Германию и США)¹⁰⁶.

Ценностей человеческого достоинства, свободы и права не следует игнорировать в контексте отношений России с Центральноазиатскими государствами. В этой связи эксперты МГИМО(У) полагают целесообразным¹⁰⁷:

- в рамках взаимных договоренностей **выработать эффективную процедуру привлечения на российский рынок труда временных трудовых мигрантов**, чтобы этот процесс начинался еще в странах «выхода» (профессиональная подготовка, изучение русского языка, выбор будущего

места работы, получение разрешения на работу в России и т.д.). Кроме того, должны быть созданы принципиально более широкие возможности профессиональной переподготовки мигрантов на базе наиболее успешных учреждений профессионального (прежде всего среднего) образования, а также приняты меры государственной поддержки вахтовому методу занятости на территории России;

- необходимы целенаправленные **инвестиции в подготовку кадров для русскоязычных школ в странах ЦА** и на реализацию других программ по распространению русского языка, а также продуманная **демографическая политика и отлаженный механизм найма рабочей силы**. Эти шаги на государственном уровне будут способствовать фактическому расширению русскоязычного пространства. Превращение России в лидера модернизации и инноваций вернет русскому языку высокую популярность, во владении русским языком многие молодые люди в странах ЦА увидят конкурентное преимущество в образовании и социальной карьере.

В военно-политической области, продолжая курс на совершенствование структур ОДКБ, добиваться дальнейшего совершенствования механизма урегулирования конфликтов, призванного решать не только задачи в миротворческой сфере, но и в области борьбы с чрезвычайными — в том числе стихийными — бедствиями и ситуациями. Одновременно, с учетом того, что Туркмения не является членом ОДКБ, а Узбекистан сохраняет в рамках этой организации особые позиции, полагаем целесообразным изучить возможность более активного задействования в вопросах постконфликтного урегулирования, стабилизации, оказания гуманитарной помощи, реконструкции мирной жизни **Комитета СНГ по конфликтным ситуациям**, создание которого предусмотрено решением Совета глав государств Содружества от 28 марта 1997 г.

Изначально предполагалось, что работа Комитета будет направлена на предотвращение и урегулирование конфликтов на территории СНГ мирными, политическими средствами, на достижение стабильности и мира в государствах Содружества. Поскольку в дальнейшем работа по организации Комитета СНГ по конфликтным ситуациям была остановлена, предлагаем включить в повестку дня очередного саммита СНГ вопрос о возобновлении работы по созданию упомянутого Комитета.

Надо признать, что хотя на Западе и существуют определенные опасения в отношении евразийской стратегии России, там вполне трезво оценивают ситуацию. Так, Д. Манкофф — научный сотрудник одного из самых авторитетных исследовательских центров — Центра стратегических и международных исследований — пишет: «Москва давно уже отказалась от своей миссионерской идеологии и больше

не проявляет никакого интереса к субсидированию соседей. Более того, Путин и прочие российские руководители согласились с тем, что Москва не сможет удержать на своей орбите все 14 бывших советских республик. Евразийский союз, а также другие созданные в последнее время региональные объединения, такие, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Единое экономическое пространство (ЕЭП) охватывают ключевую группу государств, имеющих тесные экономические связи с Россией, чье руководство — добровольно или против своей воли — поддерживает дальнейшую интеграцию»¹⁰⁸.

Исходим из того, что выработка и последующая реализация **предлагаемой Стратегии развития отношений России с евразийскими странами** позволит обеспечить:

- недопущение распространения на Центральную Азию тенденций нестабильности, характерных для Ближнего и Среднего Востока, максимальное блокирование внешнего негативного влияния;
- отлаживание механизма оперативного и стратегического взаимодействия международных военно-политических структур, прежде всего ОДКБ и НАТО, а также национальных органов безопасности по противодействию военно-силовым угрозам и вызовам, которые в прогрессирующей проекции могут исходить из Афганистана;
- взаимный учет и адаптацию инициатив и стратегий экономического сотрудничества для региона, проектируемых ЕврАзЭС, СНГ, ШОС, а также ЕС и другими многосторонними институтами;
- принятие мер гуманитарного и информационного характера для сохранения «светского культурного кода» власти и общества в странах региона;
- рациональное вовлечение международных структур, прежде всего ООН и ОЭСР с имеющимся у них опытом для содействия международно-правовому урегулированию проблем водопользования в ЦА;
- вовлечение Центрально-Азиатских государств, их политического сообщества в международные диалоговые и экспертные механизмы, что позволит создать большую информационную прозрачность в указанных странах, будет работать на обеспечение стабильности и безопасности в регионе».

Особенное значение имеет такая проблема, как смена политико-экономических элит Центрально-Азиатских государств. Как отмечают исследователи МГИМО(У)¹⁰⁹.

Подавляющее большинство интеллигенции Центрально-Азиатских (ЦА) республик представляет перспективы дальнейшего развития своих государств как некий «**третий путь**», **расположенный в промежутке между традиционным («азиатским») прошлым и заимствованиями из западной цивилизации**. Стержневой идеей политических элит ЦА

является **идеология титульной нации**. Определенное влияние на нее оказывают традиционный уклад жизни этих народов, сложившаяся там система общественных отношений. Эти особенности развития напрямую воздействуют на расстановку сил в национальной политической элите и характер принимаемых ею решений. **Вся внутривнутриполитическая система имеет глубокие исторические корни в родоплеменной, клановой структуре традиционного общества.**

В государствах ЦА преобладает традиционный ислам. В постсоветский период весь регион прошел через несколько этапов вынужденной активной эмиграции русских и русскоязычных (татары, башкиры, евреи, немцы, кавказцы, украинцы, белорусы). Цифры оттока высококвалифицированных специалистов в ведущих отраслях народного хозяйства довольно значительны. Русскоязычные кадры практически вытеснены из всех основных ветвей власти (отдельные примеры даже на высоком уровне не смягчают общую ситуацию), не говоря уже о районном и низовом уровне, особенно в сельских районах. Здесь очень мало людей, говорящих на сносном русском языке, а открывшуюся нишу занимают отряды «Корпуса мира» США, говорящие на местных диалектах и поющие национальные песни и эпосы. Они обеспечивают не только предоставление гуманитарной помощи, но и (прежде всего) привносят в традиционные общества западные ценности и интересы. Таким действиям весьма активно и целенаправленно помогают официальные представители ОБСЕ, международных организаций типа ПРООН, МВФ, МБРР, ВОЗ, МБ, ЕС, плюс все типы и виды региональных азиатских организаций.

Многие аналитики полагают, что «возможная» в недалеком будущем смена лидеров в странах ЦА приведет к острейшей борьбе за власть с использованием «исламского фактора». Это может также стать активным источником нестабильности, как в отдельных государствах, так и во всем регионе.

Эти процессы будут стимулированы тем фактором, что возможна не просто замена глав государств ЦА, но изменение самого политического курса региона. Вместо политиков, связанных с Россией своим воспитанием, образованием, дружественными отношениями, да и просто глубоким знанием языка, культуры, российских традиций (даже через смешанные семейные узы), на авансцену политической жизни выдвигается новое поколение, свободное от прежних пристрастий и догм, получившее воспитание и образование на Западе или исламском Востоке, ориентированное на другие социальные и религиозные ценности. Высока вероятность того, что при подобном раскладе сил все это может привести к смене общеполитического курса государств ЦА, их полной переориентации на Запад (или Китай) или заикливанию на мусульманских ценностях Востока.

Лидеры Центрально-Азиатских республик практически полностью исчерпали возможные ресурсы по

развитию и реформированию своих стран: нынешние правящие режимы политически законсервированы и в большинстве своем авторитарны. При этом, как правило, чем ближе возможная смена власти президента, тем сильнее проявляется тенденция усиления авторитаризма. Причем во всех государствах постсоветской ЦА авторитаризм, который может быть в какой-то мере полезен для проведения в относительно отсталом обществе модернизации, жертвует ради самосохранения режима именно модернизацией в пользу традиционализма.

Произошло изнашивание «ностальгического ресурса». Это связано с тем, что Россия своевременно не сделала убедительной заявки на преобразование совместного прошлого в тот или иной проект совместного будущего. Наша претензия на лидерство, основанная на эксплуатации темы «общего прошлого» и чисто количественном ресурсном преобладании, а не на привлекательном образе будущего или успешной модели национальной модернизации воспринимается местными элитами без энтузиазма, а зачастую и просто враждебно.

В настоящее время государства Центрально-Азиатского региона, в силу ряда объективных и субъективных причин, **находятся на пороге радикальных внутривнутриполитических изменений.** Наряду с общими, глобальными процессами демократизации и нерешенностью ряда стратегических проблем (в первую очередь, отсутствием согласия на «справедливый» раздел гидроресурсов) в регионе назрела необходимость смены высшего властного звена.

Речь может идти о серьезной корректировке наших подходов к странам региона, выстраивании четких и долговременных приоритетов. Военно-техническое сотрудничество должно уступить свое традиционно первое место экономике и гуманитарной сфере.

С учетом того, что в современном мире главным ресурсом развития являются творческие возможности человека, его энергия и инициатива, необходимо **повысить значимость гуманитарной составляющей** наших отношений с ЦА.

В настоящее время в России создана и функционирует разветвленная система обеспечения многостороннего сотрудничества в социально-гуманитарной сфере. Ее ядром являются Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, а также структура Россотрудничества. Фонд финансирует и принимает участие в организации части приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ. Активную поддержку работе Фонда оказывает Совет по гуманитарному сотрудничеству государств — участников СНГ. Реализуются разнообразные культурные, образовательные, научные, молодежные и иные проекты. В мае 2011 года создан также Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.

В то же время «неприкрытым» остается важнейшее направление идеологической работы — взаимодействие с общественными институтами титульной национальности, то есть той частью местной общественности, которая не относится к категории соотечественников и не уполномочена властями на сотрудничество с российскими структурами. Потребность в таких контактах имеется практически во всех сопредельных странах — среди старшего и среднего поколения академической и культурной общественности.

Очевидно, что организация такого сотрудничества требует развертывания новых российских и международных НКО, которые не будут ассоциироваться с «Русским миром», воспринимаемым в ЦА в качестве российского «официоза». Естественно, что для работы с местными сообществами (как минимум, не пророссийски настроенными) требуются русские уроженцы соответствующих стран, имеющие или сохранившие связи в местных элитах.

Сотрудничество неправительственных организаций позволит — наряду с обычными бизнес-контактами — обеспечивать необходимую коммутацию и в ситуациях существенного ухудшения двусторонних отношений. Коммерческие связи и сотрудничество гуманитарного характера наиболее «стрессоустойчивы» в условиях конфликтов.

Ресурс прочности обеспечивается и развитием межрегионального и приграничного сотрудничества, а также сотрудничества городов, которое строится на самых различных уровнях — глав регионов, министров региональных правительств, мэров, администраций районов, бизнеса и НКО.

Данное направление международной деятельности с каждым годом становится все интенсивнее — в силу многогранности социально-экономических потребностей регионов и расширения их возможностей для «внешней экспансии». При этом в общероссийских масштабах соответствующая деятель-

ность носит, по сути, стихийный характер. Общее наблюдение и консультирование осуществляет МИД России, но его функции здесь вряд ли можно квалифицировать как координирующие.

После распада СССР Россия уделяла особое внимание правам соотечественников, оказавшимся в новых независимых государствах. Однако эффективность этой политики в ЦА невысока, поскольку политические режимы этих государств и сама общественная атмосфера не способствовали развертыванию здесь пророссийских НКО.

Традиционно считается, что медиаактивность и информационная работа в целом не относятся к достоинствам деятельности российских государственных и негосударственных субъектов. Очевидно, что такое положение не может быть качественно изменено простым увеличением финансирования или отдельными удачными проектами. Вместе с тем, на информационном пространстве ЦА, при правильном выстраивании нашей деятельности, мы в состоянии эффективно конкурировать как с США, так и с региональными и местными субъектами информационной активности.

Поскольку свертывание прямого российского телевизионного вещания в странах ЦА — объективный процесс, нам необходимо развивать новые формы информационного сотрудничества и воздействия. В Интернете — создавать порталы и сайты не только в сегменте Рунета, но и в национальных доменных полях — «BY-нете», «UA-нете», «KZ-нете» и пр., а также инвестировать средства в уже работающие Интернет-структуры. Остаются актуальными и задачи развития кабельного русскоязычного телевидения и вещания пропагандистских и коммерческих радиостанций FM-диапазона (по образцу «Русского радио Украина»).

Было бы весьма продуктивно развернуть сеть российских учебно-научных центров в странах ЦА.

7. Нарастающее отставание России как следствие идеологического кризиса

Возникающая международная система становится все более сложной, динамичной и все менее предсказуемой¹¹⁰.

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Крах либеральной утопии заставил властвующую элиту скорректировать идеологию современной политики¹¹¹.

С. Глазьев,
академик РАН

Темпы развития современной нации и государства — понятия относительные. Они определяются не столько темпами роста ВВП страны, ростом тех или иных отраслей или даже демографическими фактора-

ми, сколько темпами роста. Если качество роста высокое (т. е. оно в современных условиях определяется, прежде всего, темпами роста НЧП, долей наукоемких отраслей, креативного класса в социальной структуре

населения), то такое качество означает опережающее развитие нации, а не просто количественный рост.

С этой точки зрения, Россия уступает по основным показателям развитым странам, хотя в некоторые периоды рост ее экономики и опережает рост ВВП развитых стран. Это понимание принципиально важно для того, чтобы представить себе реальное положение России в мире, когда рост экономики отнюдь не означает национального (экономического и социального) развития¹¹². Поэтому лозунги типа «удвоения ВВП», «войти в пятерку ведущих стран мира» и т. п., выдвигавшиеся с 2004 года В. Путиным и Д. Медведевым, имеют, мягко говоря, мало смысла. Относительное место России в мире определяется отнюдь не этими критериями. Выбор же таких критериев развития или роста — следствие идеологического выбора.

Выбор идеологии, в свою очередь, во многом определяется теми мировыми тенденциями, которые формируют основные особенности развития мирового сообщества, прежде всего, связанными с глобализацией. Это означает, что на формирование образа нации влияют уже не только базовые национальные интересы и ценности, а также национальные ресурсы — две важнейшие классические группы факторов, — но и внешние факторы, определяемые сегодня объективными факторами мирового развития. И прежде всего качеством НЧП и его социальных институтов.

Но не только. Субъективные факторы глобализации также играют важную роль. В том числе политико-идеологические. Не секрет, например, что американская внешняя политика активно влияет не только на внешнюю, но и внутреннюю политику других государств. В частности, по признанию заместителя госсекретаря США Ф. Гордона, «с 2009 года (т. е. за два года. — А. П.) Соединенные Штаты потратили более 200 млн долл. на развитие демократии и гражданского общества в России»¹¹³. Еще 50 млн поступят дополнительно через специально созданный фонд. Подчеркну, что это — только государственные деньги, которые составляют лишь небольшую часть от негосударственных фондов, направляемых как средство влияния на Россию.

В этих условиях правящей элите России необходимо создать такой привлекательный будущий образ России и модель национальной безопасности, которые отражали бы реальные мировые тенденции, и не реагировали бы на тактические, иногда мнимые угрозы. Речь идет прежде всего о цивилизационном выборе России, ее идентичности и инвестициях в свое будущее. В конечном счете это означает идеологический выбор, одним из следствий которого будет эффективная стратегия национального развития (а не роста), способная прекратить нарастающее отставание России от развитых стран.

Растущее отставание России означает прямую угрозу национальной безопасности страны, что, ес-

тественно, не остается незамеченным руководством страны. Но пока что эта угроза видится не в политико-идеологическом, а в военно-политическом плане. Так, в статье в «Российской газете» в 2012 году В. Путин отмечает как «риски самого разного, зачастую непредсказуемого характера», так и «роль потенциала стратегического сдерживания», который «помог сохранить нам государственный суверенитет»¹¹⁴.

Согласен, что стратегический паритет — одно из важнейших условий обеспечения безопасности, — но, в отличие от XX века, даже далеко не единственное. Сегодня качество НЧП, экономики и общества не менее, а более важны, чем потенциал стратегических вооружений. И растущее отставание в национальном развитии стало прямой, непосредственной и реальной угрозой национальной безопасности, которую не может устранить никакой потенциал СНВ или ПРО.

Надо признать, что современная Стратегия национальной безопасности России до 2020 года не соответствует в этом смысле ни реальным угрозам, ни мерам по их нейтрализации. Можно согласиться с Э. Галумовым, полагающим, что «современной России на самом деле давно пора заняться формулированием концепции своей безопасности, которая не только была бы адекватна утвердившимся в мире угрозам, но и гибко учитывала возможные сценарии их развития. Пока такой концепции нет, мы вынуждены плестись в хвосте событий, не влияя на них, а всего лишь реагируя на „заботливо“ создаваемые для нас противоборствующими геополитическими группировками вызовы. Этот путь — изначально проигрышный. По сути, он означает отказ от собственной цивилизационной идентичности и, следовательно, от нашей уникальной цивилизационной роли. Подобные вещи, как свидетельствует обширный исторический опыт, безнаказанно не проходят: „бегство“ страны и её народов от „цивилизационной ответственности“ — прямая дорога к самоуничтожению, поскольку в ментальном плане такой „побег“ означает пассивное согласие с тем, что цивилизационно-исторический ресурс государства и его граждан исчерпан, и их существование, следовательно, лишено смысла»¹¹⁵.

Действительно, начинать надо с идеологии, которая изначально делала бы акцент на опережающем развитии НЧП и идеологическом лидерстве России. Более того, сегодня «не быть лидером» — значит не просто стать отстающим, но и вообще исчезнуть как нация. Выбора — идеологического либо политического — на самом деле и нет: «Перспектива исчезнуть с мировой арены дамокловым мечом висит над многими странами планеты. Судя по реакциям, она определённо не устраивает Америку, Евросоюз, китайский, исламский и латиноамериканский миры, которые, так или иначе, заботятся о повышении потенциала своей пассионарности. Особенно яростно действуют США, параллельно „гальванизирующие“ своих цивилизационных союзников. Да, результаты

их активности могут вызывать неприятие — подчас самое резкое и вполне справедливое, однако ничье раздражение не заставит американцев отказаться от своей миссии. Нужно понимать, что Америке и Евросоюзу не нужны ни сильная Россия, уверенно контролирующая свои богатейшие ресурсы, ни могучий Китай, ни даже самостоятельная Сирия, которую небезосновательно называют «ближайшей целью» стремительно развивающейся американо-наатовской агрессии. Поэтому любые «перезагрузки» Вашингтона с кем бы то ни было — не более чем отвлекающие пиар-демонстрации, призванные облегчить неуклонное проведение железобетонной стратегии на цивилизационную гегемонию. Горе тех, кто поверит в иллюзии «братских отношений» со своими принципиальными противниками, неизбежно будет «горем побеждённых»¹¹⁶.

Таким образом, если мы хотим иметь реальный будущий образ России, то мы должны иметь в виду, что он будет зависеть, во-первых, от понимания элитой реальных национальных интересов (потребностей) и ценностей, во-вторых, имеющихся и наращиваемых национальных ресурсов, особенно национального человеческого потенциала (НЧП), а, в-третьих, от внешних факторов, формируемых глобальными тенденциями развития.

Например, такой мощный фактор влияния, как фактический контроль США и их союзников над мировыми финансами. Известно, что «по неформальной 65-летней традиции США выдвигают главу Всемирного банка (ВБ), а Европа — главу МВФ. Между сторонами могут возникать трения, но, в конце концов, взаимовыгодные правила действуют железно: в 2011 году Соединенные Штаты поддержали кандидатуру француженки Кристин Лагард на пост главы МВФ взамен ее соотечественника Доминика Стросс-Кана, так что теперь ЕС, очевидно, поддержит любой выбор Америки.

Не только представители БРИКС, но и другие члены G-20 в последние годы неоднократно призывали к тому, чтобы сделать процедуру выбора глав ВБ и МВФ более прозрачной и привлечь к ней развивающиеся страны. Но США менять устоявшуюся практику не готовы»¹¹⁷.

И первое, и второе, и третье возможно только при формировании национальной идеологии опережающего развития и, как следствие, соответствующей стратегии национальной безопасности, логично вытекающей из такой идеологии. Пока же отставание России сохраняется, что является очевидным следствием не неких «неправильных управленческих решений» и «плохой элиты» (это — само собой), а следствием до сих пор не преодоленного идеологического кризиса.

Так, экономическое отставание России идеологически детерминировано макроэкономическим подходом неоллибералов, которые изначально делали ставку на «всесилие рынка». Россия, как известно, достаточно быстро интегрировалась в мировую эко-

номику в постсоветский период прежде всего за счет природных ресурсов, которые обеспечивают более четверти ВВП страны и половину ее бюджета. Подобная сырьевая интеграция, как признал в своей программной экономической статье В. Путин, привела к ее сильной зависимости («сильнее, чем большинство других стран») от мировых рынков¹¹⁸, что наглядно продемонстрировал кризис 2008–2011 годов, который сильнее всего ударил именно по России.

Второе десятилетие XXI века может внести еще более серьезные, даже радикальные изменения в представления о глобализации и ее влиянии на Россию. Прежде всего с точки зрения продолжения тенденции отставания страны и нации в развитии. Не случайно Россия все последние годы стабильно занимала место в седьмом десятке стран по ИРЧП, практически прочно обосновавшись среди государств, отстающих в своем развитии (хотя некоторые регионы — Москва, Ханты-Мансийск, Тюмень, Ямало-Ненецкий округ — и вышли в группу стран, занимающих первые 30 мест в мире по ИРЧП, что свидетельствует, во-первых, об очевидной сырьевой направленности, а, во-вторых, о теоретической возможности более быстрого развития всей страны). Как справедливо отмечают исследователи, «В настоящее время происходит осознание глобализации, и исследователи ожидают, что это четвертый этап продлится еще около 10 лет. В последующем можно предполагать наступление пятого этапа, который пока условно можно именовать «постглобализацией»¹¹⁹.

Этот пятый этап развития глобализации совпадает с этапом «фазового перехода» в развитии всего человечества и качественными изменениями не только в экономическом, но и социально-политическом развитии, а также создает новые, пока еще малоизвестные, угрозы национальной безопасности России. Российская элита, конечно, не может не видеть таких угроз, что подтвердил, например, в феврале 2012 года В. Путин: «Мир меняется, — писал он в одной из своих статей. — Идущие в нем процессы глобальной трансформации таят в себе риски самого разного, зачастую непредсказуемого характера»¹²⁰.

К сожалению, такие опасности, как следует из той же статьи, определяются прежде всего военными угрозами и взломом военно-стратегического паритета, а не общим отставанием в развитии нации относительно других государств. Так, во втором десятилетии нового века особое внимание привлекла активность США по созданию системы ПРО, которая, безусловно, непосредственно может угрожать безопасности нашей страны¹²¹.

Но, хотел бы подчеркнуть, даже у этой программы, которая реализуется свыше 30 лет, есть более важная, научно-техническая и технологическая сторона — ставка на опережающее развитие науки и технологий, о которой до сих пор говорят мало, хотя для меня очевидно, что именно эта цель была главной еще со времен Р. Рейгана.

Это предполагает, что мы просто обязаны крайне внимательно наблюдать, анализировать, но — главное — участвовать в развивающихся глобальных процессах. Прежде всего тех, которые связаны с развитием науки и технологий, и в целом — НЧП. Мы просто не имеем даже теоретической возможности их игнорировать.

Таким образом, мы видим, что, во-первых, Россия критически зависима от процессов глобализации и возможных вариантов ее развития, во-вторых, сырьевой характер экономики делает ее крайне уязвимой, а, в-третьих, мы вынуждены учитывать эти факторы (в т. ч. и после вступления в ВТО) при формировании национальной стратегии развития. Но такая стратегия неизбежно должна **вытекать, быть следствием** общепринятой у нации и ее элиты (или ее большинства) системы взглядов, т. е. идеологии. Причем, учитывая сохраняющееся отставание России, такая идеология и стратегия должны иметь отчетливый характер опережающего развития. Пока же не имея такой идеологии, у нас крайне медленно и неуверенно идет разработка ее производных — стратегии социально-экономического развития («Стратегия-2020», как известно, провалилась, а ее новый вариант — от марта 2023 года — носит характер «рекомендаций») и соответствующего стратегического планирования, закон о котором разрабатывается годами. И основная проблема в том, что такой закон (правильный по сути) носит не политико-идеологический, а только социально-экономический характер. Это признают, в частности, его разработчики из МЭРа: «Основной идеей проекта федерального закона „О государственном стратегическом планировании“ является создание правовой основы для разработки, построения и функционирования комплексной системы государственного стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации, позволяющей решать задачи повышения качества жизни населения, роста российской экономики и обеспечения безопасности страны.

В последнее время необходимость формирования системы стратегического планирования значительно повысилась в силу того, что решения в оборонной, социальной, технологической и экономической сферах приобретают долгосрочный стратегический характер...

Целями создания системы являются:

- определение оптимальной траектории перехода от текущего состояния социально-экономического развития к желаемому состоянию;
- концентрация разнокачественных (финансовых, организационных, информационных, кадровых) ресурсов для достижения запланированных целей;
- консолидация усилий всех субъектов экономики (государства, корпораций, структур гражданского общества) для достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации»¹²².

Основные изменения, которые произошли в связи с нарастающей глобализацией в принципе известны всем, хотя сразу же оговорюсь, что они относятся к двум прошедшим десятилетиям, а не будущему «фазовому переходу».

Их великое множество: в политике, экономике, международных отношениях и др. Как, впрочем, и их последствия. Оценки тех или иных политиков и ученых иногда схожи, иногда противоречивы и полярны. Но, все же, в 2012 году мы можем говорить о некоем экспертном консенсусе относительно последствий глобализации, которые в первом десятилетии XXI века отдавали определенной эйфорией. Наиболее взвешенные, на мой взгляд, можно отнести к оценкам российских экономистов последних лет. Например, по оценкам экономистов — экспертов ГУ-ВШЭ¹²³, важнейшие изменения глобального масштаба, произошедшие в **мировой экономике** (подчеркну, в экономике. — А. П.) с конца 1980-х гг., можно обобщенно свести в четыре группы.

Во-первых, после падения СССР произошла фактическая ликвидация мировой экономической системы социализма и централизованно-административного хозяйственного порядка, противостоящего рыночному порядку. Это открыло возможность для рыночной трансформации бывших социалистических стран Европы, но для новых правил игры в отношении России, да и сама Россия приняла эти правила. Плановая экономика, централизованное распределение ресурсов ушли в прошлое. Новый облик России в мировой экономике стал определять рынок. К сожалению, этот облик оказался малопривлекательным.

Добавлю, что эти же изменения породили и эйфорию относительно либеральной экономики, её «универсальности», что отчетливо проявилось в период кризиса 2008–2011 годов. В частности, как оказалось, очевидно недооценивалась роль государства, а также необходимость совершенствования международных финансовых институтов, как, впрочем, и всей финансовой системы в мире.

Вопрос о роли государства в мировой экономике еще не закрыт. Более того, кризис 2008–2011 годов показал, что не только Россия, формируя свое будущее, но и весь мир должны переосмыслить роль национальных государств и международных институтов. Так, на мой взгляд, для России выгодно максимально усиливать роль государства на принципиальных направлениях экономического развития как института, способного мобилизовать национальные ресурсы для наиболее приоритетных направлений экономического развития. В свое время И. Сталин смог это сделать в военно-политических целях, сконцентрировав ресурсы СССР на двух мегапроектах — ракетостроении и атомной промышленности. Сегодня, ясно определив приоритеты модернизации, государственные ресурсы можно сконцентрировать на развитии национального потенциала человеческой личности, прежде всего тех факторов, которые определяют

качество и темпы развития этого потенциала — науке, образовании, информатике, здравоохранении. Учитывая ограниченность российских ресурсов развития, подобная деятельность государства имела бы огромное значение. В. Путин, кстати, в программной статье в январе 2012 года попытался определить эти технологические области, в которых были созданы крупные госкорпорации и холдинги, потенциально способные конкурировать на мировых рынках¹²⁴.

На пятом этапе глобализации и «фазового перехода» победителем в международной конкурентной борьбе может стать только победитель в развитии НЧП, обладающий идеологией опережающего развития, соответствующей стратегией и стратегическим планированием. Эти условия обязательны для правящей российской элиты, которая должна обладать, кроме того, такими качествами, которые сегодня у нее в массовом порядке отсутствуют:

- нравственностью и духовностью;
- профессионализмом;
- способностью к стратегическому прогнозу и планированию;
- креативностью.

Только в этом случае мы сможем не просто развиваться, а выжить как нация, сохранив суверенитет и контроль над своей территорией, а, в конечном счете, — национальную идентичность.

Во-вторых, ускоренными темпами нарастала глобализация и взаимозависимость мировой экономики. Этот процесс приобретал новое качество благодаря расширению инновационной составляющей глобализации, а также развитию региональной интеграции. Создавая новые возможности, глобализационные и интеграционные процессы порождают и проблемы, приобретающие временами острую (кризисную) форму. В любом случае, общее мнение о росте взаимозависимости, невозможности изоляционизма — доминирует. И мы должны в этот мир «вписаться» на своих условиях, которые отвечали бы нашим национальным интересам и системе ценностей, понимая, что решить такую задачу будет сложнее, чем на восстановительном этапе в первом десятилетии XXI века. Так, например, подметил С. Караганов: «Рывок последних лет был легче, чем предстоящий путь. Мы стартовали из развала конца 1990-х, когда и государства-то почти не было. Чтобы принимать верные решения, сегодня необходимо, как никогда, хорошо знать и понимать внешний мир, от которого Россия будет все больше зависеть»¹²⁵.

Вместе с тем (мировой кризис это ясно показал), глобализация отнюдь не абсолютный процесс. Как только государства столкнулись с реальными крупными финансово-экономическими проблемами, масштабно и быстро этими государствами (прежде всего в странах — лидерах глобализации — США, Франции, Германии) — были предприняты меры откровенно протекционистского характера, которые в целом продемонстрировали эффективность

государственных институтов. Миф глобализации об «отмирании» государства стал очевидным уже в самые первые месяцы кризиса 2008 г. Но этот миф насаждался и продолжает насаждаться до сих пор в нашей стране. В том числе и под надуманными лозунгами «демократизации» и «борьбы с авторитаризмом».

Для понимания будущего облика России это имеет большое значение. Под вывеской государства-нации осуществлялся процесс уничтожения этноса и традиций. Ради этого и стимулировалось создание «демократических институтов» «разрушение империй» — главная идея государств-наций. «Национальной в подлинном смысле слова эта модель модернизационного государства, — делает вывод В. Э. Багдасарян, — никогда не являлось»¹²⁶.

В отличие, кстати, от империи, которые в XX и XXI веке активно критикуются либералами. Отсюда вывод: многоэтническая Россия способна сохранить-ся и развиваться **только как империя**, объединяющая все нации и сохраняющая их национальные традиции. Модернистские идеи государства-нации очевидно неэффективны, более того, разрушительны для нашей страны. И, наоборот, вариант евразийской интеграции, предложенный Н. Назарбаевым и В. Путиным в новых реалиях, должен стать безусловным приоритетом.

В глобальном мире государство должно обеспечить сохранение национальной идентификации, которое выражается, прежде всего, в ее культурном (включая научное и образовательное), и духовном наследии. Другими словами, государство — единственный реальный инструмент общества, в обязанности которого должна входить защита национальной специфики, культурного, исторического и духовного наследия. Это означает, что участие в глобализации, интеграция в международные институты должны быть гарантированы государством только при выполнении этих условий. Экономическая, финансовая интеграция и стандартизация допустимы лишь до той степени, пока они не угрожают национальной культуре в самом широком смысле этого слова. И не только культуре, но и суверенитету и способности воспроизводить национальные институты, прежде всего, человеческого потенциала.

Пример с Ливией очень показателен. Как отмечают исследователи МГИМО(У), резолюция СБ ООН 1973 от 17 марта 2011 г. санкционировала проведение в гуманитарных целях операции по закрытию воздушного пространства Ливии. Мандат военно-воздушной акции, предусмотренный резолюцией, соответствовал активно продвигаемому западными экспертами принципу «обязанности защищать» («responsibility to protect») мирное население, зафиксированному в резолюции ГА ООН 60/1, единогласно принятой в сентябре 2005 г. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. в разделе «Обязанность защищать население...» возлагает (в п. 138) такую

ответственность на каждое государство. В п. 139 предусмотрено право «принять коллективные действия своевременным и решительным образом, через Совет Безопасности, в соответствии с Уставом, в том числе на основании главы VII, с учетом конкретных обстоятельств и в сотрудничестве с региональными организациями, в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население» от геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности (A/RES/60/1).

Новое понятие «обязанность защищать» (*responsibility to protect*), хотя уже и реализуется на практике, пока не является юридической нормой. Вместе с тем, очевидно, что такой подход в рамках современного международного права не рассматривает государственный суверенитет как нечто абсолютное. Данный принцип исходит из права международного сообщества через соответствующие межгосударственные организации реагировать на такие вызовы, как геноцид, преступления против человечности, тяжкие нарушения прав человека, угроза масштабного голода и т. п. Впервые СБ ООН реализовал принцип «ответственности за безопасность» населения через принятие решения относительно конкретного, четко определенного мандата: военные действия по защите ливийского гражданского населения, подвергнувшегося авиабомбардировкам и обстрелу тяжелой артиллерией. Мандат ООН предусматривал проведение совместных военно-воздушных акций коалицией государств по закрытию ливийского воздушного пространства с целью защиты гражданского населения, но не осуществления военного вмешательства, тем более вторжения на территорию страны.

«Право на защиту» не тождественно праву на военное вмешательство, тем более не предусматривает «обязательства вмешаться» с целью изменения существующего политического режима — например (при всей его одиозности), в Ливии. Мандат СБ ООН не санкционировал «гуманитарную интервенцию» НАТО и не предусматривал действий по замене ливийского политического режима¹²⁷.

Это особенно важно иметь в виду, потому что государства в эпоху глобализации становятся эффективным инструментом продвижения национальных ценностей не только у себя в стране, но и за рубежом. Как признает исследователь МГИМО(У) А. Долинский, «Появление в 1990 г. сформулированной Джозефом Наем концепции «мягкой власти» (*soft power*) стало, с одной стороны, подведением итогов «холодной войны», в которой трудно было переоценить значение противостояния в информационно-гуманитарной сфере, с другой стороны, оказалось несколько противоречащим общей тенденции на снижение активности на этом направлении. Предложенный Наем термин, безусловно, описывал не принципиально новое, а давно существующее яв-

ление, которое, однако, до этого не имело общепринятого академического определения. В результате понимание «мягкой власти» как способности добиваться желаемого не принуждением или подкупом, а с помощью привлекательности стало ключевым теоретическим фундаментом публичной дипломатии в рамках политической науки.

Источниками «мягкой власти» государства или ресурсами, на которых она основывается, Най называет главным образом ценности, культуру и политику, а публичная дипломатия, таким образом, является инструментом распространения информации об этих источниках. Отношение к культуре страны также является важным источником «мягкой власти», и этот источник меняется значительно медленнее, чем политика государства¹²⁸.

Не случайно некоторые исследователи считают, что «создается впечатление, что Соединенные Штаты в состоянии подчинять своему влиянию только те страны за пределами «классического» Запада, которые сами по себе или все вместе не могут составить им цивилизационной конкуренции»¹²⁹. Именно такой конкуренции — цивилизационной и культурной — опасаются США, ибо только она способна в будущем создать альтернативу американским ценностям и доминированию в мире.

Но эта же цивилизационная конкуренция ничто иное как идеологическая конкуренция, которая возникает только тогда, когда нация предлагает себе и миру привлекательный образ и конкурентоспособную идеологию, претендующую на лидерство. Таким образом, лидерство в идеологии — обязательное условие уже не только для опережающего социально-экономического национального развития, но и для обеспечения безопасности и суверенитета государства.

В-третьих, мировой экономический рост в целом ускоряется. Об этом говорят и долгосрочные прогнозы. Однако сохраняется (и даже усиливается) его неравномерность, в том числе и различие качества роста, отмечается региональная дифференциация. Доля «старых» развитых стран в мировом производстве устойчиво сокращается, появляются новые лидеры в Азии и Восточной Европе. При этом усугубляется социально-экономическая деградация большого числа отсталых государств, прежде всего в Африке.

По оценкам экспертов ИМЭМО РАН, «примерно 60% увеличения мирового ВВП за ближайшие 15 лет будет произведено в развивающихся странах, в том числе 1/3 в КНР», а среднегодовые темпы роста мирового ВВП за 2006–2020 годы составят 4,2–4,4% по сравнению с 4% в 2001–2005 годах¹³⁰. В 2010 году впервые четыре страны — Китай, Индия, Россия и Бразилия — должны были добавить к своему валовому национальному продукту больше, чем все страны «великолепной семерки» — самые могучие страны Запада. И к 2025 году валовой продукт этих четырех

стран будет в два раза больше, чем у стран «семерки». По некоторым оценкам, в ближайшие 35–40 лет по абсолютному размеру экономики страны БРИКС должны превзойти суммарный объем ВВП стран «семерки»¹³¹. Изменится весь ход мировой истории. Мы шесть столетий жили в мире, где господствовал Запад, и вступаем в мир, в котором будет господствовать Восточная Азия. Это случится уже при нашей жизни точно¹³².

Напомню, что среднегодовые темпы в эти годы для России оценивались в 6%, а с учетом кризиса 2008–2010 годов и того меньше. Очевидно, что при таких темпах роста российского ВВП догонять развитые страны придется не одно десятилетие. Вопрос заключается в том, есть ли у нас это время?

Кроме того, важен, как я уже говорил, не рост, а развитие, между которыми существует принципиальная разница. Если рост — количественный показатель, который может быть обеспечен (и обеспечивается сегодня) за счет роста цен на сырье, разбазаривания национальных ресурсов и экологических издержек, даже ухудшения жизни граждан, то развитие — предполагает прежде всего оптимальное использование ресурсов, опережающее развитие НЧП, соблюдение экологических, нравственных и иных требований.

Признание закономерности неравномерного развития в условиях глобализации дает исторический шанс России, что, конечно же, должно найти свое отражение в её будущем облике, а именно: Россия должна сделать **качественный рывок в темпах своего развития**, который характеризуется не просто высокими (выше, чем средние в мире) темпами, а сверхвысокими и качественными темпами. Как это сегодня видно на примере Китая и Индии, а до этого — на примере первых пятилеток СССР. Таким образом, новый облик России, ее «политический идеал» в условиях глобализации должен включать задачу обеспечения опережающих темпов экономического и социального развития. Причем такие темпы должны быть обеспечены не экстенсивными, а интенсивными факторами, прежде всего **темпами развития человеческого потенциала**.

И здесь, прежде всего, следует сделать выводы из предыдущих ошибок. Главный вывод — недооценка значения НЧП. Как отмечают эксперты РАН, интеллектуальный потенциал народов России накапливался столетиями. Он определялся уровнем образования, грамотности, культуры, творческих начал каждого человека и общества. Взлёт России к вершинам мировой культуры произошёл в конце XIX — начале XX века, к вершинам всеобщей грамотности, школьного, специального и высшего образования во второй половине XX века. Интеллектуальный и творческий потенциал нашей страны проявился в освоении космоса, ядерной энергии, реактивной авиации, глубин мирового океана и недр земли, богатств Севера и Сибири. Беспримерным в мировой практике стал опыт

создания фундаментальной науки в рамках АН СССР, наукоградов и научных центров во всех регионах страны и отраслях народного хозяйства. Советский Союз располагал самым высоким в мире контингентом научно-технических работников (около 5 млн) и был самой читающей страной; это было признано во всём мире.

В период перестройки и реформ интеллектуальный и творческий потенциал страны сократился почти на 50–60%, по ряду показателей — по таким, как финансовое обеспечение научных исследований в важнейших направлениях в 3–6 раз, а по объёму опытно-конструкторских разработок в 5–10 раз. Показателем потери интеллектуального потенциала страны является тот факт, что за двадцать последних лет численность населения России сократилась на 5%, а численность школьников на 38%. **Предполагаемые в настоящее время реформы в образовании и науке** (включающие ЕГЭ, федеральные и исследовательские университеты, ОНО, введение платного образования) не отвечают целям опережающего развития страны с приемлемыми стратегическими рисками.

При кардинальном изменении отношения государства к науке и научным кадрам появится возможность вернуть Россию на траектории прогнозного индустриального, постиндустриального, инновационного и прорывного развития. При этом во главу угла ставится задача междисциплинарного научного обоснования стратегий, критериев и сценариев развития России до 2030 года силами РАН и ведущих научных центров страны¹³³.

В-четвертых, мировой кризис внес коррективы в оценки последствий глобализации. В частности, он продемонстрировал, что крупнейшие развивающиеся экономики — Китая, Индии, Бразилии, ряда других государств — **почти не пострадали** от кризиса, а экономики развитых стран в целом обошлись минимальными потерями и стагнацией, тогда как экономики России, Украины и ряда других государств продемонстрировали самые высокие темпы падения производства в 2008–2010 годах. Как справедливо отмечает Б. Мартынов, «Либерально-демократические идеологии 1990-х годов мало затронули лидеров мирового экономического развития — Китай и Индию. В начале нового столетия от этих идеологов стали отворачиваться националистически ориентированные страны Латинской Америки (в этом и заключается суть „левого поворота“). Возможно, в 2000-х годах стала медленно „делиберализовываться“ и Россия. Более того, если судить по некоторым шагам самих Соединенных Штатов (введение госконтроля над иностранными инвестициями, усиление протекционизма), можно предположить, что **в целом мир перенасытился предпринимательской свободой**: она стала превращаться в свою противоположность. Обозначившийся за последние годы кризис (финансовый, но не только он) мировой экономики, которая до сих пор выстраивалась исключительно по запад-

ным лекалам, отнесен опережающим развитием ряда экономик „незападных“ государств»¹³⁴.

На мой взгляд, это произошло по многим причинам, но прежде всего потому, что и у Китая, и у Индии были адекватные концепции и необходимые ресурсы развития, т. е. адекватный экономический алгоритм развития. В развитых странах кризис продемонстрировал **пределы** развития существующих моделей (а не их идеальность, как утверждали накануне), а в России и на Украине — отсутствие адекватных моделей развития, слабые и малоэффективные антикризисные стратегии, что, в конечном счете, объясняется **отсутствием внятной идеологии и механизмов ее реализации**. И, наоборот, страны БРИКС, у которых существует собственная национальная идеология, стали локомотивами выхода из кризиса мировой экономики. Как справедливо заметил Ху Цзиньтао, «После вспышки международного финансового кризиса в 2008 году, именно эти страны своим собственным развитием стимулируют восстановление мирового хозяйства. В процессе глобального экономического регулирования постоянно растут их представительность и право голоса в пользу более справедливого рационального развития мироустройства»¹³⁵.

Таким образом, идеология, как средство эффективного управления, не была использована правящей элитой страны в условиях кризиса. Обладая идеологией преодоления кризиса, российская правящая элита могла бы **быстро и точно** принимать решения, а, главное, используя влияние информационных ресурсов, **быстрее их реализовывать**. Как показал опыт, время, которое требовалось для принятия решения и его реализации, занимало в России многие месяцы.

В-пятых, в полной мере проявился тот факт, что социально-экономические модели, выработанные промышленно развитыми странами в XX в., не соответствуют условиям глобализирующегося мира и новому, постиндустриальному этапу развития человечества. Расхождения были заметны уже в конце XX века, но попытки приспособить их к реалиям — неоконсервативные, неолиберальные, неосоциалистические — дали лишь временный эффект. Это привело к процессу начала стихийного реформирования этих моделей, который усилился, но так и не приобрел законченную форму с началом мирового кризиса в 2008 году. Новая модель международной безопасности оказалась невостребованной. Прежде всего потому, что США полагали и до сих пор полагают, что и старая, однополярная модель их вполне устраивает. Прежде всего, их военно-политических, экономических и социальных элементов. Эту особенность отчетливо выделил В. Путин, выступая еще в феврале 2007 года на конференции в Мюнхене: «Известно, что проблематика международной безопасности много шире вопросов военно-политической стабильности. Это устойчивость мировой экономики, преодоление бедности, экономическая безопасность и развитие межкультурного диалога»¹³⁶.

С точки зрения формирования будущего образа России, по меньшей мере, было бы нецелесообразно ориентироваться на отживающую либеральную модель, которая, кроме того, заведомо малопримемлема для других государств. Как с точки зрения международной безопасности, так и с точки зрения других международных аспектов, такая модель не соответствует ни национальным интересам России, ни, тем более, представлениям о справедливом мироустройстве. Вот почему в последние годы была предпринята попытка изменить ситуацию: последовала серия крупных инициатив России в международной области — в частности, инициатива Д. Медведева о создании новой архитектуры европейской безопасности. Прохладное отношение к ним со стороны Запада многое объясняет. И прежде всего то, что пока их вполне устраивает существующая система международных отношений и модель социально-экономического развития, принципы которой они пытаются не только отстаивать, но и навязывать другим государствам.

К этим выводам можно было бы добавить еще несколько важных научно-технических, социальных, военно-политических и иных тенденций, определяющих внешние условия существования России, её будущий облик. Главное же, что за скобками таких оценок, как правило, остается **идеологическая** сторона глобализации и, как следствие, ее политические последствия. А они, на мой взгляд, являются, более важными, чем финансовые, экономические и другие. Безусловно, прав А. Торкунов, считающий, что «первое десятилетие XXI века — время наиболее крупных мировоззренческих сдвигов на планете с момента разрушения биполярности и распада Советского Союза. Во-первых, непредвиденным образом некоторые ведущие страны мира стали заметно чаще и откровенней прибегать к силе и угрозе ее применения... В-третьих, в международные отношения **вернулась идеологизация** (подч. — А. П.), которая вопреки романтическим ожиданиям конца 1980-х и начала 1990-х годов, по-видимому, из них никогда не исчезала. Вместо противоборства коммунистической идеи и либерализма в мире угрожающе обострилось противостояние традиций и ценностей более фундаментального характера: между западным образом жизни и культурно-религиозным складом мира, в частности исламского»¹³⁷.

На фоне этих назревающих перемен удивительно отставание России во всех областях общественно-го и экономического развития, которое по времени (последние 20–25 лет) **совпадает с потерей идеологического лидерства**. Сегодня не модно говорить, но СССР в действительности был на протяжении нескольких десятилетий мировым идеологическим лидером, и это в немалой степени объясняет остальные успехи. И, наоборот, складывается впечатление, что в современном мире только то государство может быть лидером в социально-экономической области,

которое является идеологическим лидером. Вот почему новый образ России должен быть идеологически привлекательным для других стран — конкурентов нашей страны в глобализации. Потеря идеологического «случайно» совпадает с потерей Россией научно-технического и технологического лидерства. Эти процессы не только взаимосвязаны, но и взаимно обусловлены: развитие национальной науки и культуры, научных и образовательных школ во многом являются следствием идеологического лидерства.

Приведу пример такого отставания. К 1987 году Государственным комитетом по науке и технике СССР были разработаны государственные научно-технические программы, имеющие приоритетное

значение для развитых экономики и общества. В т. ч. ресурсо- и энергосберегающее машиностроение, нанотехнологии, материаловедение, строительные материалы, информационные технологии (включая искусственный интеллект, высокоскоростную передачу данных, оптоволоконную технику и т. д.) и др.¹³⁸. Однако политико-идеологические события, которые последовали затем, привели к тому, что об этих программах просто «забыли». Вернулись к некоторым из них только в 2006–2007 годах, т. е. **через 20 лет**. Сегодня В. Путин вновь заговорил о некоторых из них, имея в виду возвращение технологического лидерства России. Но, к сожалению, без внятной заявки на лидерство идеологическое и институциональное.

8. Идеологическое отставание России и национальный человеческий капитал

Эти люди жили в эпоху расцвета и разрушения Советского Союза. Только этим, мне кажется, мы и будем интересны потомкам¹³⁹.

С. Шмидт

Проглядели — вот самое легкое обвинение, которое можно предъявить бывшему кремлевскому руководству за коллапс советской державы

Н. Шмелев, В. Федоров

Прав, безусловно, великий историк С. Шмидт, говоря такие горькие слова о нашем поколении, точнее — о той памяти, которое еще оставит о себе потомкам. Во втором десятилетии XXI век мы можем только констатировать, что почти 30 лет наблюдаем закат нашего государства, его культуры, экономики и нации. И причина кроется в том, что с 70-х годов XX века СССР перестал быть идеологическим лидером, который во многом предопределял вектор развития человечества, превратившись потом в рядовую региональную державу, которая не способна эффективно справиться с нарастающими проблемами.

Что же мы не сделали в 70-х годах? Чего не сделала правящая элита, КПСС, наконец, интеллигенция в то время? На мой взгляд, ответ однозначен: мы должны были заменить идеологию КПСС, ставшую нежизнеспособным догматом, на идеологию развития национального человеческого капитала. Мы не просто «отказались» от коммунистической идеологии (сначала фактически, а затем и формально), мы **ничего не предложили взамен**. Мы сами отказались от идеологического лидерства, отказавшись вообще от идеологии, «не заметив», что реальные гуманистические ценности и нормы стали двигателем экономического и технологического развития в мире.

«Проглядели», таким образом, не только огромную державу, но и не предложили для ее преемника — России — сколько-нибудь внятной идеологии и стратегии развития, кроме пустозвонства и деклараций. Отказ от «игры в дефиниции», к которому призывал

А. Яковлев, дорого обошелся нации. И обходится еще сегодня.

Надо ли говорить, что за это время другие страны ушли далеко вперед и России предстоит не просто возвращение технологических, но и идеологических позиций? И прежде всего идеологических, именно в таком порядке. Хотя бы потому, что все попытки модернизации, предпринятые до 2012 года, ни к чему не привели именно по этой причине.

Идеологическое отставание России последних десятилетий было вызвано, конечно, попыткой наших либералов насадить в стране и у нации чужую систему ценностей, но, главное, их стойкой неспособностью понять, что в современных условиях главным национальным интересом (потребностью) и главной ценностью стал национальный человеческий капитал. Произошло «замыкание»: объективно НЧК **уже** стал таким национальным интересом и ценностью, но субъективно правящая элита (сначала советская, а затем и российская) этого не сумела осознать и превратить в общенациональную **цель**. Процесс целеполагания происходил все годы как-то сам по себе, без анализа и воли, но с удивительным стремлением к наживе. Не сформулировав главной цели, правящая элита без конца пыталась «обнаружить» ее то в «демократизации» и «перестройке», то в «модернизации» и «инновациях».

Собственно в отсутствии ясного представления о главной цели и образе России кроются те практические противоречия, которые очевидны, например,

во внешней политике России по отношению к целому ряду крупнейших проблем — от проблемы вступления в ВТО, до взаимоотношений с США и странами Западной Европы. Попытка заменить отсутствующую цель прагматизмом также оказалась неэффективной. «Прагматизм» российской внешней политики первого десятилетия XXI века стал во втором десятилетии уже малоэффективен. Как оказалось, «вдруг», у всех развитых стран есть четко сформулированные идеологические цели, которых они пытаются последовательно достигнуть. Нужны **принципы и ценности**, которые свойственны политической стратегии и являются атрибутами идеологии. А они, в свою очередь, вытекают из представления об образе России в мире, в формировании которого ведущая роль принадлежит НЧК. Этого-то пока явно не хватает, хотя в последние годы обозначилось осторожное формирование этой тенденции. К сожалению, с очевидным креном в сторону части НЧП — технологий, — а не всего НЧП. «Прагматизм» частной цели очевидно не срабатывал.

Это хорошо видно во внешней политике, где Россия так и не смогла себя пока до конца **идеологически** позиционировать. Хотя этого очевидно ждут. И в Западной Европе, и в Китае, и в США. Отсутствие подобного ясного позиционирования ведет к подозрениям в непредсказуемости внешней политики России, что хуже, чем самая плохая политика. Опыт и история показывает, что политические лидеры могут смириться с самой, казалось бы, неприемлемой идеологией и политикой, но непредсказуемость, неясность для них оказывается хуже, чем реальность.

Такую предсказуемость может дать только внешняя политика, основанная на базовых ценностях и национальных интересах, публично декларируемых и реализуемых во внешнеполитической стратегии страны, т. е. в идеологии. «Прагматизм» оказывается, таким образом, не таким уж и прагматичным во внешней политике, если он сам по себе не является идеологической категорией. Если бы, скажем, Россия себя позиционировала в мире как нация, развивающаяся опережающими темпами НЧП, а не только стремящаяся к технологическим заимствованиям, то внешняя политика стала бы логичной, понятной и последовательной. Она укладывалась бы в простую формулу: все, что выгодно для опережающего развития НЧП, является высшим внутри и внешнеполитическим интересом и главной целью. Так важной частью НЧП является креативный класс, который должен стать не только целью развития, но и внешнеполитическим эффективным инструментом. Именно ученые, деятели культуры, искусства, образования и здравоохранения выступают главным внешнеполитическим ресурсом России в XXI веке. Именно от темпов развития этой социальной группы зависит будущее страны. И именно они, условия их развития, — главный приоритет. Политический и идеологический.

Все это говорится для того, чтобы поставить вопрос о необходимости идеологии и, как следствие, внешнеполитической стратегии России, опирающейся на систему идеологических взглядов, ценностей и принципов, в основе которых лежит опережающее развитие НЧП. Все они, повторю, вытекают из образа России, как главной ценностной категории. Даже если эти принципы и не разделяются другими странами. Скорее всего, они и не будут разделяться и пониматься ими — у западных стран существует свой набор ценностей, у Индии и Китая — свой, у Ирана, Ирака и других государств — свой. Важно его сформулировать и реализовать на практике.

Иными словами, основные глобальные тенденции мирового развития ведут к идеологии, а не прагматизму как внешнеполитического, так и внутриполитического курса государства. Соответственно, чем быстрее это будет осознано и чем лучше подведен идеологический фундамент под национальные стратегии, тем органичнее и эффективнее государства будут участвовать в процессах глобализации. Опыт Китая и Индии — лучшие примеры этой политики.

Реальный образ России — то, что мы, возможно, увидим в 2020–2030 годах — зависит, прежде всего, от идеологии, той конечной цели, которую мы себе поставим, того идеального образа, который мы сегодня себе представим, тех ценностей, которые являются сегодня и в будущем приоритетными, т. е. системы идеологических взглядов на приоритеты, цели и способы развития. Причем эта система взглядов, как и образ, в эпоху информационных технологий стремительно меняются. Заметили, например, что в оценке событий мы чаще доверяем не букве и слову, а визуальному образу, «телевизионной» или «интернет» картинкам, что нашло свое отражение в появлении даже специального термина «иконический поворот».

«Термин „иконический поворот“ **фиксирует отход в средствах коммуникации от вербального способа к визуальному**, — подчеркивает В. Савчук. — Но господство каждого нового средства коммуникации изменяет существо восприятия, что в конечном итоге ведет к изменению понятия реальности». То есть, другими словами, складывается ситуация весьма нетривиальная: „картинки“ меняют наше представление о реальности. Меняют на глубинном, онтологическом уровне»¹⁴⁰.

Даже отрицая идеологию, правящая элита вынуждена ее формулировать в стратегических документах. К сожалению, не всегда точно и директивно. Так, в утвержденной президентом 12 мая 2009 года Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года признается: «Возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей — свободы и независимости Российского государства, уважения семейных традиций, патриотизма»¹⁴¹.

Вместе с тем, видно, что Стратегия, как «официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики», не является следствием более широкой системы идеологических взглядов, которую можно было бы назвать политической философией или все той же идеологией, наконец, национальной доктриной. Поэтому, даже зафиксированные в нормативных документах приоритеты НЧП, остаются таковыми для узкого круга чиновников. Это происходит потому, что стратегия государства — следствие и часть более общей национальной стратегии, а та, в свою очередь, — производное от национальной системы ценностей и приоритетов. Так, если, как я уже говорил, высшей ценностью и национальным интересом является опережающее развитие НЧП, то и Стратегия национальной безопасности и «Стратегия–2020» неизбежно исходили бы из этого. «Скорректированный» вариант «Стратегии–2020», кстати, уже учитывает это обстоятельство, хотя и не полностью, и не в приоритетном порядке¹⁴².

Это, кстати, стало особенно заметно в 2011–2012 годах, когда власть и правящая партия были вынуждены пойти на широкую идеологическую дискуссию. Можно сказать даже больше: отрицание идеологии привело к идеологическому кризису в правящей элите, которая раскололась на несколько лагерей, или, как сказал один из руководителей «Единой России», — идеологических платформ. По сути в правящей партии произошел идеологический раскол, хотя организационного раскола, видимо, пока и не произошло. «Идеологическая платформа дает возможность группам наших партийцев отстаивать определенные политические взгляды, социальные ценности, экономические доктрины. И при этом для всех платформ главные задачи должны оставаться неизменными — это развитие страны, общества, работа на улучшение жизни людей. В этом и состоит суть такой работы — это и есть идеология развития»¹⁴³.

Подчеркну особо в этом тезисе такое понятие, как «идеология развития». Именно о такой идеологии я бесконечно много и безуспешно говорил начиная с 2005 года. И именно такая идеология является обязательным атрибутом любой нации и государства в условиях глобализации, когда лидерство — синоним уже даже не успеха, а самого выживания. Это важно понимать потому, что идеологический кризис правящей элиты России в 2011–2012 годов, возможно, дал толчок, наконец-то, глубинному осмыслению идеологии развития именно как национальной стратегии развития, нацеленной на долгосрочную перспективу. Это и есть, в конечном счете, попытка идеологического лидерства хотя бы в собственной стране. На очереди — попытка идеологического лидерства в мире. Для этого нужны внятные цели и конкретные идеологемы, которые прослеживаются в серии статей В. Путина в период президентской кампании 2012 года.

Представляется, что **в этом смысле 2012 год может быть решающим**, когда В. Путин может более четко сформулировать уже свою идеологическую систему взглядов.

Но, очевидно, он не сможет сделать этого один. От того, **какую** политико-идеологическую цель мы сформулируем, **какой** образ будущего государства мы представим, в решающей степени зависит, **какие методы и средства** его достижения мы выберем, **какие ресурсы** затратим, наконец, **какой конечный результат** мы получим.

Так, если в 1930-е годы советское руководство полагало неизбежным войну с гитлеровской Германией и ее союзниками, то практически все ресурсы государства (более 60% ВВП) были брошены на подготовку страны к войне. Страна фактически превратилась в единый военный лагерь, где ресурсы были милитаризованы, а общество руководилось авторитарными решениями. Ради победы в войне были мобилизованы все экономические, демографические и идеологические ресурсы.

И сегодня, если будет сформулирована, например, идеология глобального противоборства, то ради ее достижения придется полностью милитаризовать всю экономику страны (которая, напомним, не превышает 3% мирового ВВП), а о цели опережающего социально-экономического развития придется забыть. Это не разумно, более того, недостижимо. Но, с другой стороны, если проблемы национальной безопасности будут игнорироваться, если угрозы будут идеализированы, будет поставлено под вопрос само существование государства, а затем и всей нации. Трудно, например, игнорировать тот факт, что под предлогом развертывания «евроПРО» продолжают работы по созданию единого наступательно-оборонительного комплекса стратегических сил США, куда сегодня фактически интегрируются в единую систему не только три важнейших стратегических компонента — СНВ, система ПРО, система боевого управления, связи и разведки, — но и высокоточные обычные вооружения, способные выполнять стратегические задачи.

При формулировании будущего образа России очень важно определить способы достижения поставленной цели и необходимые механизмы и институты. Как показывает опыт, элита может существенно расходиться во мнении о способе решения тех или иных проблем, методах достижения сформулированных целей. Государство, где поставлена цель достижения «всеобщего благоденствия», может выбрать разные способы, даже прямо противоположные, для ее достижения, **разные идеологии**. Так, некоторые свято верят, что этой цели можно достигнуть либеральными методами, кто-то — консервативными, а кто-то социалистическими. В любом случае, как представляется, необходимо четко артикулировать как цели (образ будущего), так и средства, которые составляют главные элементы идеологии.

Когда эти цели не были четко определены, а абстрактно «обозначены последние 25 лет как необходимость вписаться в мировую экономику», то и результат оказался плачевным. Фактически мы явочным порядком интегрировались на чужих условиях. Как справедливо заметил С. Миронов, «в последние 20 лет Россия очень активно входила в те процессы, которые происходят в мировом хозяйстве. Степень влияния внешних факторов на нашу экономику — одна из самых высоких среди стран „большой двадцатки“. Например, по итогам прошлого года экспорт составил 28% нашего ВВП — больше, чем у Китая с его экспортно-ориентированной экономикой. По другим направлениям международных экономических отношений, таким, как движение капиталов и рабочей силы, роль внешних факторов тоже очень велика. В 90-е годы встраивание нашей страны в мировую экономику развивалось в основном стихийно. Многие негативные последствия этого сказываются до сих пор. Это и разорение, вытеснение с рынка многих предприятий раньше, чем они вообще поняли, как устроена новая экономика. Это и „оффшоризация всей страны“ — сегодня, по разным оценкам, от 70 до 90% крупной российской собственности зарегистрировано в оффшорах. Дошло до того, что во время недавнего кризиса государство фактически оказывало помощь оффшорным компаниям, чтобы сохранить наши крупные предприятия общенационального значения. Совершенно ненормальная ситуация»¹⁴⁴.

Я, например, полагаю, что главной целью развития государства и общества должно быть создание максимально благоприятных условий для полной реализации национального потенциала человеческой личности, т. е. государство, настолько эффективно, насколько оно может быть таким инструментом для достижения этой цели. Вместе с тем, максимально полная реализация потенциала личности неизбежно ведет к появлению невиданного прежде по своему могуществу государства, обладающего мощной экономикой, военным потенциалом и современным обществом, но при одном обязательном условии — ставка и в управлении, и в экономике, и в общественно-политической жизни будет сделана на развитие национального потенциала человеческой личности и всех составляющих этот потенциал компонентов — демографического, образовательного, творческого, социально-экономического. А это означает, что власть, т. е. возможность распоряжаться национальными ресурсами, должна принадлежать представителям того социального слоя граждан, которые прямо и больше других социальных слоев заинтересованы в этом, т. е. творческому или креативному классу. Этот же класс, заявивший о себе в 2011–2012 годах, должен прежде всего сформировать свое представление о будущем образе России.

Пока что этого не произошло. Креативный класс сегодня воспринимается как узкая группа либералов-западников, как правило, занятых в творческих про-

фессиях или офисных работников. Во всяком случае в 2011–2012 годах именно они пытались формулировать политическую повестку дня.

На самом деле креативный класс — массовые социальные группы научных, творческих, культурных, образовательных, предпринимательских и иных социальных групп, насчитывающий по оценкам некоторых экспертов более 30 млн человек. Это большинство экономически активного населения страны и костяк нации, создающий до 80% прироста ВВП в развитых странах. Это, таким образом, прежде всего бюджетники, госслужащие и бизнес. Поэтому очень важно определиться, наконец, с сущностью и структурой креативного класса, ибо **только он способен ликвидировать интеллектуально-идеологическое отставание России и реализовать национальный человеческий капитал**. Именно он — тот конкретный субъект, — которому необходима идеология опережающего развития и НЧК. Ни бюрократии, ни нуворишам, спекулирующим на собственности и природных богатствах России, такая идеология не нужна. Их вполне устраивает как отсутствие идеологии, так и «прагматизм», позволяющий им выкачивать из нации интеллектуальные и финансовые ресурсы.

После президентских выборов вновь встал вопрос о стратегии развития страны. К маю 2012 года была «обновлена» «Стратегия–2020», а между различными группами элит фактически возник конфликт по поводу выбора приоритетов развития. Он, в частности, выражался в том числе и в различных подходах к бюджету у МЭРа и Минфина. Первое министерство очевидно настаивало на увеличении внимания к НЧП, а второе, традиционно, — на макроэкономических показателях. В апреле 2012 года я изложил свои соображения по этому поводу в записке руководству страны. Привожу ее практически дословно.

Я подчеркнул (в очередной раз), что принципиально важно сформулировать **один главный и долгосрочный** приоритет социально-экономической политики России на среднесрочную перспективу, на котором следует сосредоточить усилия не только всех ветвей власти, но и всего общества, более того, — нации. На мой взгляд, как, впрочем, и по оценке ООН, принятой уже более 20 лет, этот главный приоритет выражается в опережающем развитии национального человеческого капитала.

Модернизация национальной экономики дает наилучшие результаты и прямо зависит от изменения в уровне и темпах развития человеческого потенциала общества как основной движущей силы модернизации на всей территории РФ. Следовательно, реформы требуются сконцентрировать на сокращении отставания, **темпах** развития человеческого потенциала, а не абстрактных макроэкономических показателей.

По этому критерию, рассчитываемому в ООН и включающему в себя характеристики уровня об-

Табл. 2. Сравнение индексов развития человеческого потенциала между регионами РФ и странами мира

Очень высокий ИРЧП (от 0,786 и выше)					
Не сравнивать Россию и Мир					
25.	Чешская Республика	0,841	1.	Москва	0,834
26.	Словения	0,827	2.	Ханты-Мансийский АО	0,828
27.	Андорра	0,826			
28.	Словакия	0,818	3.	Ямало-Ненецкий АО	0,823
31.	Кипр	0,811	4.	Тюменская область	0,804
32.	Венгрия	0,804			
33.	Катар	0,802			
34.	Бахрейн	0,801			
35.	Португалия	0,798			
36.	Польша	0,797	5.	Ненецкий АО	0,798
Высокий ИРЧП (от 0,67 до 0,785)					
37.	Барбадос	0,785	6.	Санкт-Петербург	0,778
38.	Багамские Острова	0,785			
39.	Чили	0,783			
40.	Литва	0,78			
41.	Аргентина	0,776			
42.	Кувейт	0,774			
47.	Уругвай	0,764	7.	Сахалинская область	0,757
48.	Панама	0,758			
49.	Мексика	0,75	8.	Московская область	0,747
50.	Саудовская Аравия	0,749			
51.	Болгария	0,742			
52.	Малайзия	0,742			
53.	Сербия	0,735	11.	Томская область	0,739
54.	Тринидад и Тобаго	0,734			
55.	Беларусь	0,729	12.	Липецкая область	0,729
56.	Коста-Рика	0,727			
57.	Перу	0,723			
58.	Албания	0,72	13.	Белгородская область	0,726
59.	Российская Федерация	0,72			
60.	Казахстан	0,717	15.	Вологодская область	0,72
61.	Украина	0,711	19.	Республика Башкортостан	0,716
62.	Босния и Герцеговина	0,711			
63.	Азербайджан	0,709	20.	Архангельская область	0,714
64.	Иран (Исламская Республика)	0,702	28.	Оренбургская область	0,708
65.	Маврикий	0,702			
66.	Бразилия	0,701	29.	Калининградская область	0,706
67.	Эквадор	0,697	32.	Воронежская область	0,702
68.	Грузия	0,696			
69.	Белиз	0,696			
70.	Армения	0,694	36.	Кемеровская область	0,7
71.	Ямайка	0,689	38.	Астраханская область	0,695
72.	Колумбия	0,686	39.	Чукотский АО	0,693
73.	Тунис	0,684	41.	Саратовская область	0,691

окончание табл. 2

74.	Турция	0,681	42.	Курская область	0,688
75.	Иордания	0,68	44.	Чувашская Республика	0,686
76.	Алжир	0,679	46.	Орловская область	0,685
77.	Тонга	0,673	52.	Ставропольский край	0,679
78.	Туркменистан	0,67	60.	Смоленская область	0,673
Средний ИРЧП (от 0,475 до 0,67)					
79.	Фиджи	0,667			
80.	Доминиканская Республика	0,664	66.	Карачаево-Черкесская Республика	0,67
81.	Китай	0,663	67.	Брянская область	0,668
82.	Сальвадор	0,662			
83.	Шри-Ланка	0,656	73.	Псковская область	0,661
84.	Таиланд	0,655			
85.	Габон	0,646	76.	Республика Алтай	0,651
86.	Боливия (Многонациональное Государство)	0,645			
87.	Суринам	0,644	77.	Чеченская Республика	0,648
88.	Парагвай	0,64	79.	Кабардино-Балкарская Республика	0,646
89.	Филиппины	0,638	80.	Ивановская область	0,642
90.	Ботсвана	0,634	81.	Республика Калмыкия	0,639
91.	Монголия	0,626	82.	Республика Тыва	0,627
92.	Египет	0,619	83.	Республика Ингушетия	0,615
93.	Микронезия (Федеративные Штаты)	0,616			
94.	Узбекистан	0,615			
95.	Гайана	0,61			

разования, доходов на душу населения и продолжительности жизни, Россия заняла 66 место за 2011 год и находится в рейтинге в окружении таких стран, как Албания, Тринидад и Тобаго, Сербия и Беларусь. Отставание модернизации человеческого капитала РФ приводит к сильному торможению модернизации экономики в целом. Этот же показатель является ведущим в оценке международной конкурентоспособности страны.

Эта оценка основывается на сравнении индексов развития человеческого потенциала (ИРЧП) более 190 стран, который включает такие ключевые и интегрированные показатели, как **душевой доход, ожидаемая продолжительность жизни, продолжительность обучения**. Соответственно, эти показатели должны стать **стратегическими** направлениями и **главными** приоритетами в развитии страны на долгосрочную перспективу. Сегодня Россия занимает 66 место в мире (при этом за последние три года эта ситуация принципиально **не изменилась**), но разница между отдельными регионами, из которого складывается такой показатель, — огромная.

Если пять регионов относятся к странам с очень высоким индексом (и входят в группу высокоразвитых 38 стран на уровне 25–30 места), то 54 региона относятся ко «второй лиге» — группе с высоким индексом человеческого потенциала (куда входят по-

рядка 40 государств — от Литвы до Туркменистана), а еще десять к последней, средней группе (отсталых государств). Это сравнение хорошо видно на следующей таблице (табл. 2).

Главные выводы, которые мы — власть и общество — должны сделать, заключаются в следующем:

Во-первых, Россия — это не только Москва и Тюменская область. Это — вся страна, где качество жизни и региональной ИРЧП в отдельных регионах в несколько раз отличается от московского. Соответственно стратегической задачей становится «вытягивание» и выравнивание этих показателей между регионами. Особенно регионов Дальнего Востока и Сибири, имеющих важнейшее геополитическое значение для будущего России (в Китае, кстати, процесс выравнивания региональных показателей выделен в качестве важнейшего политического и социально-экономического приоритета).

Применительно к России такое неравенство имеет огромное политическое значение, когда «богатые» регионы и социальные слои противопоставляются бедным. Социальная и политическая напряженность очевидно нарастает по мере того, как богатые живут лучше, а бедные — хуже, что чревато подрывом политической стабильности.

Во-вторых, качество федерального, регионального и местного управления может и должно

измеряться объективными и общепризнанными в мире критериями. В частности, региональным душевым доходом, продолжительностью жизни, качеством образования. Для оценки работы всех ветвей власти можно и нужно использовать эти агрегированные критерии — понятные и простые (хотя существует более 60 других критериев).

Этот показатель, вернее, его временные изменения, мог бы послужить четким индикатором эффективности работы региональных и муниципальных властей, как универсальная форма оценки по множеству чувствительных критериев для нас в настоящее время, — уровень рождаемости, уровень неестественной смертности, рост доходов населения, улучшение качества образования, здравоохранения, продвижения в области науки и инноваций, в области правопорядка и судебной системы. Ведь основные плоды деятельности властей должны положительно влиять на уровень жизни в каждом регионе и для каждого гражданина в отдельности, каждый день открывать ему новые возможности для реализации его потребностей у себя в стране.

Более того, сегодня не сложно мониторить работу всех органов власти в ежедневном режиме — от федеральных до местных, — сделать ее публичной и нормативно-обязательной.

В-третьих, национальные институты развития, через которые реализуется в основном человеческий капитал (но которые у нас сводятся только к частному случаю — институтам гражданского общества), надо **всемерно развивать**. Это важнейшая стратегическая задача, высший приоритет. Не только политический, но и экономический. В России существуют не только старейшие в мире драматическая, балетная и художественные, научные и инженерные школы, коллективы изобретателей и т. д., но и должны создаваться новые институты социального потенциала, через которые может реализоваться национальный человеческий потенциал. Это в том числе и общественные

институты и политические партии, и, прежде всего, органы местного самоуправления. Все это наше национальное богатство, через которое максимально эффективно реализуется человеческий потенциал.

Наконец, **в-четвертых**, это наше огромное пространство и природные ресурсы, которые объединяются понятием «Россия». Это — наша история, традиции, ценности, без которых личный человеческий потенциал не станет национальным человеческим потенциалом, перестанет существовать в конечном счете общество, а государство потеряет суверенитет. Особенное значение это приобретает в условиях глобализации.

Развитие человеческого потенциала предполагает усилия, объединяющие нацию и общество. В том числе в информационном, культурном и образовательном пространствах. Нужны не только экономические, но и политико-идеологические меры в этой области, в результате которых начинает работать моральный фактор, мобилирующий общество. Без этого невозможно успешно решить системные проблемы: коррупцию, терроризм, неэффективность государственного управления и т. д., с которыми невозможно бороться только лишь административными, правовыми или экономическими мерами.

Всем министерствам и ведомствам, всем ветвям власти и институтам гражданского общества надо понимать экономические последствия политических решений, методы достижения целей, как они отражаются на реальном состоянии жизни граждан России.

Политический месседж — сделать человека, его личность, потенциал, а в целом — нацию и общество — **центральной фигурой**, целью социально-экономического развития в России.

Собственно говоря, на весну 2012 года это можно было бы назвать «апрельскими тезисами» по решению краткосрочных политико-идеологических задач для ликвидации идеологического и социально-экономического отставания России.

¹ Данная глава подготовлена в соавторстве с О. А. Подберезкиной.

² Владиславлев А. Давний новый век // Московские новости. 2006. № 11(1326). С. 19.

³ См. подробнее: Андрианов В. Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики от теории «меркантилизма» до теории саморегуляции. М.: Экономика, 2008.

⁴ Иванов В. Имперская идеология // Известия. 2012. 24 января. С. 9.

⁵ Торкунов А. В. По дороге в будущее / Торкунов А. В.; ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс. 2010. С. 47.

⁶ Путин В. Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.

⁷ Климатическая доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом России 17 декабря 2009 г., № 861-рп.

⁸ Комплексный план реализации Климатической доктрины Российской Федерации до 2020 года / № 730-р от 25 апреля 2011 г.

⁹ **Российский Совет по международным делам (РСМД)** был создан распоряжением президента РФ 2 февраля 2010 года как некоммерческое партнерство МИДом РФ и Минобрнауки России в целях «содействия проведению в Российской Федерации международных исследований, подготовке специалистов и организации взаимодействия российских научных организаций с иностранными экспертно-аналитическими центрами». Распоряжение Президента РФ № 59-рп. 02.02.2010.

¹⁰ Медведев Д. А. Выступление на научной конференции Российского совета по международным делам. 23 марта 2012 г. // Цит. по: [Электронный ресурс] URL: «Viperson» / <http://www.viperson.ru>

- ¹¹ Торкунов А. В. К читателю. Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М.: Валент, 2010. С. 11.
- ¹² Нарышкин С. Е. опередить запросы общества // Российская газета. 2011. 26 декабря. С. 4.
- ¹³ Механик А. Двадцать лет кайфа // Эксперт. 2012. № 1 (784). С. 37.
- ¹⁴ См., например: Иванов А. И. (псевдоним), Казанцев В. О., Карпенко М. П. Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее. М.: Европа, 2007.
- ¹⁵ Механик А. Двадцать лет кайфа // Эксперт. 2012. № 1 (784). С. 37.
- ¹⁶ Юргенс И. Время пошло // Российская газета. 2010. 14 апреля. С. 4.
- ¹⁷ Миронов С. М. За нами Россия / С. М. Миронов; [отв. ред. В. Н. Шевченко]. М.: Ключ, 2010. С. 106.
- ¹⁸ Чесноков А. Роль идеологии в условиях глобализации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.intelros.ru/2007/04/03>
- ¹⁹ Торкунов А. В. По дороге в будущее / Торкунов А. В.; ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс. 2010. С. 414.
- ²⁰ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.
- ²¹ Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. С. 4.
- ²² Башкатова А. Россия спасает оффшорный рай на Кипре // Независимая газета. 2011. 26 декабря. С. 1.
- ²³ Правосуров С. А. Иранский вопрос // Независимая газета. НГ-энергия. 2012. 10 апреля. С. 1.
- ²⁴ Васильев Л. С. Путин и оппозиция: что дальше? // Независимая газета. 2012. 23 марта. С. 5.
- ²⁵ Иванов Н. Цена поражения // Эксперт. 2012. № 1 (784). С. 11.
- ²⁶ Ваганов А. Г. Петербург — это Сколково времен Петра I // Независимая газета. НГ-наука. 2012. 28 марта. С. 11.
- ²⁷ Башкатова А. Всемирный банк посулил стеклянные бусы // Независимая газета. 2012. 28 марта. С. 1.
- ²⁸ Ваганов А. Г. Петербург — это Сколково времен Петра I // Независимая газета. НГ-наука. 2012. 28 марта. С. 11.
- ²⁹ Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» // Экономическая газета. 2011. С. 197.
- ³⁰ Коваленко В. Привал после битвы // Независимая газета. НГ-сценарии. 2012. 27 марта. С. 15.
- ³¹ Башкатова А. Пессимизм поразил российское правительство // Независимая газета. 2011. 27 декабря. С. 1.
- ³² См., например: Краткий философский словарь / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев и др.; под ред. А. П. Алексеева. 2-е изд. перераб. и до. М.: Проспект, 2004. С. 29.
- ³³ Миронов С. М. За нами Россия / С. М. Миронов; [отв. Ред. В. Н. Шевченко]. М.: Ключ, 2010. С. 111.
- ³⁴ **Анархизм** — политическая философия, заключающая в себе теории и взгляды, которые выступают за ликвидацию любого принудительного управления и власти человека над человеком / URL: <http://ru.wikipedia.org>
- ³⁵ Основные принципы социального консерватизма. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org>
- ³⁶ **Прагматизм** — зд. политика, основанная на планах и поступках, ориентированных на практических, полезных результатах.
- ³⁷ Захария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. С. IX.
- ³⁸ Усманов и Абрамович — в тройке самых богатых жителей Великобритании. [Электронный ресурс] URL: [Forbes.ru](http://www.forbes.ru). 29 апреля 2012 г. / <http://www.forbes.ru>
- ³⁹ Торкунов А. В. Выступление на V Конвенте Российской ассоциации международных исследований 26 сентября 2008 г. / В кн.: Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 31.
- ⁴⁰ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.
- ⁴¹ Леонтьев М. Да нет у нас элиты!.. // Завтра. № 24 (708). 2007. 13 июня.
- ⁴² Борисов В. В., Кунявский М. В. История возникновения и вопросы распространения свободного программного обеспечения // Альманах «Наука. Инновации. Образование». Выпуск № 10. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 216.
- ⁴³ Об этом я подробно писал в те годы не раз. См., например: Подберезкин А. Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее. М.: Европа, 2007.
- ⁴⁴ Миронов С. Россия — курс на справедливость // Известия. 2012. 27 января. С. 1.
- ⁴⁵ Под этим термином я понимаю отождествление той или иной личности с российскими ценностями, историей, государством, а, главное, национальными интересами. См., например: Краткая российская энциклопедия. М.: ОНИКС 21 век, 2003. С. 995.
- ⁴⁶ Гасюк А. Понять последствия // Российская газета. 2012. 29 марта. С. 8.
- ⁴⁷ Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. С. 37. См., также: Примаков Е. М., Хрусталёв М. А. Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: МГИМО МИД России, 2006. Хрусталёв М. А. Методология прикладного политического анализа. Учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. С. 160.
- ⁴⁸ Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» // Экономическая газета. 2011. С. 196.
- ⁴⁹ Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. С. 35.

- ⁵⁰ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.
- ⁵¹ Ситнянский Г. Либеральное евразийство — оксюморон или национальная идея? URL: <http://eurasian-integration.org> 13 апреля 2012 г.
- ⁵² См., например: Левгов Р. Проблема евразийства / Эл. СМИ «Наследие». 26 марта 2012 г. URL: <http://www.nasledie.ru>
- ⁵³ Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон. М.: МШПИ, 2006. С. 41, 42.
- ⁵⁴ Ремчуков К. Конец тандема // Независимая газета. 2011. 30 декабря. С. 1.
- ⁵⁵ Нейматова А. Я. Проблема имиджа в политике и политической науке // Вестник МГИМО(У), 2011. № 2. С. 268–269.
- ⁵⁶ Латухина К. Идти по картам // Российская газета. 2012. 23 марта. С. 3.
- ⁵⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена 12 мая 2009. Указом Президента РФ.
- ⁵⁸ Независимая газета. 2011. 19 декабря. С. 2.
- ⁵⁹ Коровникова Н. А. Образ России в массовых представлениях современных российских граждан. 2011. 19 декабря. Эл. СМИ «Виперсон». URL: <http://viperson.ru/>
- ⁶⁰ Вежин С. Патриарх Кирилл как цель // Независимая газета. 2012. 30 марта. С. 3.
- ⁶¹ Коровникова Н. А. Образ России в массовых представлениях современных российских граждан. 2011. 19 декабря. Эл. СМИ «Виперсон». URL: <http://viperson.ru/>
- ⁶² Полюхович А. Конец кокни // Известия. 2012. 30 марта. С. 1.
- ⁶³ Сумароков Л. Н. Инновации и нанотехнологии. 02.06.2010. Эл. СМИ «Виперсон». URL: <http://www.viperson.ru/wind>
- ⁶⁴ Миронов С. М. За нами Россия. М.: Ключ-С, 2010. С. 109.
- ⁶⁵ Мои тексты (Антипрагматическая). Идеология отсутствие идеологии. URL: <http://p-development.narod.ru/>
- ⁶⁶ Зыкова Т. Прокуратура онлайн // Российская газета. 2012. 23 марта. С. 5.
- ⁶⁷ Кретов С. И., Кондаков С. А., Кирпичников А. А. Мир инноваций и политика модернизации // Мир и наука. 2011. № 10 (61). С. 98.
- ⁶⁸ Миронов С. М. За нами Россия. М.: Ключ-С, 2010. С. 109.
- ⁶⁹ Васильев Л. Эпоха парадоксов // Независимая газета. 2012. 27 января. С. 5.
- ⁷⁰ Торкунов А. В. Европейский выбор и национальный интерес // Космополис. № 3(19). 2007–2008. С. 34.
- ⁷¹ Данный раздел подготовлен в соавторстве с аспиранткой МГИМО(У) Подберезкиной О. А.
- ⁷² Путин В. В. Выступление в Государственной Думе с отчетом о деятельности Правительства Российской Федерации за 2011 год / Сайт Председателя Правительства РФ В. Путина / 11 апреля 2012 г. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/18671/>
- ⁷³ Нарышкин навел мосты между Москвой и Киевом // Независимая газета. 2012. 21 февраля. С. 6.
- ⁷⁴ Юргенс И. Новые полюсы силы и статус-кво // Независимая газета. 2012. 18 апреля. С. 4.
- ⁷⁵ В. Путин поддержал идею Юрия Шувалова сделать евразийство системной основой и Евразийского союза. 26 апреля 2012 г. URL: <http://eurasian-integration.org>
- ⁷⁶ Грицюк М. Кошелек или жизнь // Российская газета. 2012. 19 апреля. С. 1.
- ⁷⁷ Подберезкин А. И. Выступление на международной конференции «Евразийский экономический союз: пути к новым горизонтам сотрудничества. 23 марта 2012 г. URL: <http://eurasian-integration.org>
- ⁷⁸ Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX — начало XXI вв.): сб. докладов международной научной конференции / под ред. В. Б. Каширина. М.: РИСИ, 2011. С. 22
- ⁷⁹ Подберезкин А. И. Тезисы выступления на международном круглом столе «Российская Государственная Дума: становление парламентаризма на евразийском пространстве» / Эл. СМИ «Наследие». 28 апреля 2012 г. Дом приемов Правительства РФ г. Москва, ул. Воздвиженка, д. 16. URL: <http://www.nasledie.ru>
- ⁸⁰ Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.
- ⁸¹ Чернявский С. И. О работе с политическими элитами Центрально-Азиатских государств. ИМИ МГИМО(У). 2012. Февраль. С. 4.
- ⁸² Путин В. В. Выступление в Государственной Думе с отчетом о деятельности Правительства Российской Федерации за 2011 год / Сайт Председателя Правительства РФ В. Путина / 11 апреля 2012 г. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/18671/>
- ⁸³ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Резолюция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie.ru>
- ⁸⁶ См. подробнее: URL: <http://www.e-cis.mfd>
- ⁸⁷ СНГ было основано главами БССР, РСФСР и Украины путём подписания 8 декабря 1991 года в Вискулях (Беловежская пуца) под Брестом (Беларусь) «Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» (известно в СМИ как Беловежское соглашение). Общая численность населения — 272 433 087 чел. Штаб-квартира СНГ — Минск, Белоруссия. Члены СНГ 10+1: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Ассоциированный член: Туркмения; Украина — не ратифицировала Устав СНГ, Грузия — вышла из состава СНГ в 2009 году. Исполнительный секретарь Сергей Лебедев. Страна-председатель Туркмения (с 01.01.2012)

- ⁸⁸ **Зона свободной торговли СНГ** — в октябре 2011 года была создана восемью странами-членами СНГ — Россией, Украиной, Беларуссией, Казахстаном, Арменией, Киргизией, Молдавией и Таджикистаном. **Действует с 2012 г. Участники** — Казахстан, Россия, Беларуссия, Киргизия, Таджикистан, Армения, Молдавия, Украина. **Базовый принцип** — отменена экспортных и импортных пошлин, а также отменена количественных ограничений. Следующий важнейший интеграционный механизм — **Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), действует с 2000 года**
- ⁸⁹ **Участники** — Казахстан, Россия, Беларуссия, Киргизия, Таджикистан. **Участники со статусом наблюдателя** — Республика Молдавия (с 2002). Украина (с 2002), Армения (с 2003). **Узбекистан** приостановил членство в ЕврАзЭС 6 августа 2008 г. **Структура** — Межгосударственный совет. Интеграционный комитет. Секретариат. Межпарламентская ассамблея. Евразийский банк развития (2006)
- ⁹⁰ Официальный сайт [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.evrases.com/customimion>
- ⁹¹ [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.tamognia.ru/doc_base/document.php?ID=1455037
- ⁹² Официальный сайт URL: <http://www.evrases.com/customunion/eepr>
- ⁹³ **Путин В. В.** Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.
- ⁹⁴ Регулировать общий рынок будут наднациональные структуры. **Действует с 2012 года. Участники:** Казахстан, Россия, Беларуссия. **Базовые принципы** — Свобода торговли товарами. Свобода торговли услугами. Свобода передвижения финансового капитала. Свобода передвижения человеческого капитала. **Структура:** Евразийская экономическая комиссия; Совет комиссии; Коллегия комиссии (председатель В. Б. Христенко).
- ⁹⁵ **Государства-члены:** Страны, подписавшие декларацию о создании Евразийского союза: Россия, Беларуссия, Казахстан. **Кандидаты:** Киргизия, Таджикистан (!) последний сможет присоединиться к Таможенному союзу только после присоединения Киргизии ввиду отсутствия общих границ с его первыми тремя членами. **Территория 1-я в мире** — 20 007 860 км²; **Население** — всего — (2011). ВВП (ППС) — всего (2011) 6-й в мире, \$ 2,550 трлн. Валюта в процессе создания — предположительно евразийский рубль. **Руководство:** Евразийская экономическая комиссия — Виктор Христенко
- ⁹⁶ Официальный сайт [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.dkb.gov.ru/a/c.htm>
- ⁹⁷ Официальный сайт [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.soyuz.by/>
- ⁹⁸ **Участники:** Беларуссия + Россия. **Совокупное население** 152 496 906 чел. Население участников: Беларуссия: 9 466 800 (2012). Россия: 143 030 106 (2012). **Совокупная территория** 17 283 000 кв. км. Территории участников: Беларуссия: 207 600 кв. км. Россия: 17 075 400 кв. км. **Политическое устройство:** Форма правления — конфедеративный союз. Наднациональные органы: — Высший государственный совет; — Парламентское собрание; — Исполнительный комитет.
- ⁹⁹ **Медведев Д. А.** Выступление на научной конференции Российского совета по международным делам (РСМД). 23 марта 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/14834>
- ¹⁰⁰ **Путин В. В.** Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.
- ¹⁰¹ См. подробнее: В. Путин поддержал идею Юрия Шувалова сделать евразийство системной основой и Евразийского Союза. 26 апреля 2012 г. / <http://eurasian-integration.org>
- ¹⁰² **Чернявский С. И.** Центральноазиатский вектор внешней политики России: возможные шаги по активизации сотрудничества / Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2012. Февраль. С. 3–6.
- ¹⁰³ Там же. С. 4.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 6.
- ¹⁰⁵ Трищанкова Ю. Как создать Евразийский союз? / Эл. СМИ: Портал МГИМО(У). 28 октября 2012 г. URL: <http://www.mgimo.ru>
- ¹⁰⁶ Утечка умов в России / Эл. ресурс «Наследие». 4 апреля 2012 г. URL: <http://www.nasledie.ru>
- ¹⁰⁷ **Чернявский С. И.** Центральноазиатский вектор внешней политики России: возможные шаги по активизации сотрудничества / Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2012. Февраль. С. 6.
- ¹⁰⁸ **Манкофф Дж.** Что Евразийский союз означает для Вашингтона («The National Interest», США) / Эл. ресурс ИНОСМИ. 20 апреля 2012 г.
- ¹⁰⁹ **Чернявский С. И.** О работе с политическими элитами центральноазиатских государств / Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2012. 8 февраля. С. 2, 5.
- ¹¹⁰ **Торкунов А. В.** Новые вызовы и новые приоритеты // Международная жизнь. 2004. № 6. С. 45.
- ¹¹¹ **Глазьев С. Ю.** Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» // Экономическая газета. 2011. С. 313.
- ¹¹² Об этом я не раз писал в прежних работах. См., например: **Булатов Ю. А., Мунтян М. А., Подберезкин А. И.** Современная Россия: на пути удвоения ВВП. М.: Научная книга, 2004.
- ¹¹³ Несистемная оппозиция в России получают деньги от Америки. 23 марта 2012 г. / ИНОСМИ. URL: <http://www.inosmi.ru>
- ¹¹⁴ **Путин В. В.** Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 2.
- ¹¹⁵ **Галумов Э. А.** По поводу «WOW» // Мир и политика. 2011. № 10 (61). С. 5.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Деньги // The New Times. 2012. 19 марта. С. 31.
- ¹¹⁸ **Путин В.** Нам нужна новая экономика // Ведомости. 2012. 30 января. С. 1.
- ¹¹⁹ **Симонова М. Д.** Анализ развития информационный базы экономической глобализации на современном этапе // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 182.

- ¹²⁰ Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 2.
- ¹²² См., например: *Медведев Д. А.* Выступление на научной конференции Российского совета по международным делам (РСМД). 23 марта 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/14834>
- ¹²² Нормативное регулирование государственного стратегического планирования / Официальный сайт МЭР. URL: <http://www.economy.gov.ru>
- ¹²³ Мир вокруг России: 2017. Контурь недалекого будущего. И.: ВШЭ-РИО-Центр. 2007. С. 12–13.
- ¹²⁴ Путин В. Нам нужна новая экономика // Ведомости. 2012. 30 января. С. 1.
- ¹²⁵ Караганов С. Податливый и опасный мир // Ведомости. 2007. 26 февраля. С. А4.
- ¹²⁶ Багдасарян В. Э. Синергическая перспектива грядущего миростроительства // Мир и политика. 2011. № 10 (61). С. 55.
- ¹²⁷ Воронин Е. Ливийская операция НАТО: стратегия, «твердая» и «мягкая» сила, итоги / Аналитический доклад ИМИ МГИМО(У) 2012. Февраль. С. 4.
- ¹²⁸ Долинский А. В. Эволюция теоретических основ публичной дипломатии // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 276–277.
- ¹²⁹ Мартынов Б. «Групповой портрет» стран быстрого развития // Международные процессы. Т. 7. № 1 (19). 2009. Январь–февраль.
- ¹³⁰ Мировая экономика: прогноз до 2020 год / под ред. акад. А. А. Дынкина, ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2007. С. 13.
- ¹³¹ Мартынов Б. «Групповой портрет» стран быстрого развития // Международные процессы. Т. 7. № 1 (19). 2009. Январь–февраль.
- ¹³² Уткин А. И. Американцы переориентируются на Индию и Китай // Политический журнал. 2007. 23 июля. С. 57.
- ¹³³ Махутов Н. А., Кузык Б. Н., Абросимов Н. В. Прогнозные показатели социально-экономического и научно-технологического развития России до 2030 года с использованием критериев стратегических рисков. М.: РАН, Координационный совет РАН по прогнозированию. 2010. С. 40–41.
- ¹³⁴ Мартынов Б. «Групповой портрет» стран быстрого развития // Международные процессы. Т. 7. № 1 (19). 2009. Январь–февраль.
- ¹³⁵ Артемьев А. Мост через три океана // Российская газета. 2012. 28 марта. С. 5.
- ¹³⁶ Путин В. Выступление президента В. Путина 10 февраля 2007. // Известия. 2007. 12 февраля. С. 4.
- ¹³⁷ Торкунов А. В. «Изменчивая геометрия» и российская демократия // Российская Федерация сегодня. 2007. № 2. С. 60.
- ¹³⁸ Государственные научно-технические программы. Перечень, состав, содержание. ГКНТ СССР. 1987. С. 4–50.
- ¹³⁹ Шеваров Д. Эпоха по имени Шмидт // Российская газета. 2012. 11 апреля. С. 11.
- ¹⁴⁰ См. подробнее: Ваганов А. Две дуги международного научного сотрудничества // Независимая газета. НГ-наука. 2011. 9 февраля. С. 9.
- ¹⁴¹ Стратегия национальной безопасности до 2020 года. Утверждена 12 мая 2009 г. Указом Президента РФ № 537.
- ¹⁴² Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. МЭР. 2012. Март.
- ¹⁴³ Неверов С. М. Идеология развития // Независимая газета. 2012. 6 апреля. С. 2.
- ¹⁴⁴ Миронов С. М. Выступление на круглом столе «Законодательное обеспечение международной финансово-экономической интеграции России и защита отечественного финансового сектора». 23 апреля 2012 г. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/position/2857.php>

ГЛАВА 2

РОССИЯ: ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

... основой глобального терроризма является современная форма идеомания, спровоцированная западной цивилизацией потребления...².

В. Аксютин

... главная задача государства в условиях глобализации — производство человеческого капитала в нужном количестве и современном качестве³.

В. Сухнев

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ЛИДЕРСТВО = ЛИДЕРСТВО В ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(Россия - ведущая страна)

УНИВЕРСАЛИЗМ = ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ
(Россия - ведомая страна)

Влияние глобализации и внешнего мира на Россию, как и на любую страну, — огромно. Это влияние либо абсолютизируется, что неизбежно ведет к слепому подчинению и принятию «правил игры», разработанных где-то в мире. Либо это влияние пытаются игнорировать, что также неизбежно ведет к самоизоляции, стагнации и отставанию. Поэтому мудрость политика в конечном счете заключается в том, чтобы, учитывая внешнее объективное влияние, использовать его в национальных интересах и для сохранения национальной системы ценностей. И это удастся Китаю, Индии, Бразилии, но лишь отчасти, — России. В. Путин, например, признал в феврале 2012 года, что «внешние вызовы... заставляют принимать решения в области экономики, культуры, бюджетных и инвестиционных решений»⁴. Но он не сказал о политическом, идеологическом влиянии, о сохранении национальной системы ценностей, хотя ниже, в той же статье, он и подчеркнул, что «...мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей»⁵. Что уже, кстати, примечательно: а из каких интересов исходили прежде?

Формирование современного образа России, как уже говорилось, находится под влиянием трех основных групп факторов:

- внешних условий существования нации и государства в мире, которые во многом предопределяются глобальными тенденциями и внешней политикой ведущих государств. Они практически не зависят от позиции и политики России. Россия вынуждена принимать их как данность, но способна учитывать, анализировать и использовать эти процессы в своих национальных интересах. Так, в марте 2012 года 20 аналитических центров государств «Большой двадцатки» создали «Совет Советов», который призван «осмыслить проблематику систем глобальной управляемости». Российский представитель — директор ИнСоРа И. Юргенс написал по этому поводу: «Глобализация и технологический прогресс значительно изменили содержание взаимоотношений национальных государств. Система, созданная после победы союзников во Второй мировой войне, недостаточно адаптируется к современной обстановке, к возникновению новых центров силы. В ходе дискуссий в качестве такового все чаще упоминается БРИКС. По ряду направлений у государств появляется соблазн изучать возможности сотрудничества **вне рамок ООН**, возникает потребность в оценке ее эффективности и анализе возможностей ее реформирования»⁶.

Степень влияния России на эти процессы будет определяться преимущественно ее национальной мощью, которая, в свою очередь, является производной от морально-ценностных, материальных и иных возможностей и поли-

тического искусства, но в любом случае она не будет решающим фактором. Опыт многих лет вступления в ВТО или переговоров по ПРО — показателен. Он свидетельствует как о частных ограниченных возможностях влияния на такие процессы, так и об их объективном, не зависящем от России необратимом характере;

- имеющихся у нации и государства ресурсов (в том числе и идеологических) и возможностей, включая культурные и духовные. Эффективное использование всех имеющихся ресурсов нации — одна из важнейших управленческих задач, стоящих перед правящей российской элитой. При этом очевидно, что нравственно-духовный, моральный и другие национальные ресурсы до сих пор продолжают игнорироваться в угоду финансово-экономическим, хотя именно эти ресурсы делают из народа нацию и способны обеспечить прорывные, качественные результаты в национальном развитии. К сожалению, этот фактор долго недооценивался в России, а на высшем уровне о необходимости культурно-духовного лидерства России В. Путин заявил только в своей предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» в феврале 2012 года⁷;
- представлений российской элиты об идеальном образе России, которые являются субъективным отражением объективно существующих национальных интересов и ценностей (национальных потребностей) и влияют на эффективность использования национальных ресурсов. Это часто бывает противоречиво. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации утверждается, что «высшим приоритетом внешнеполитического курса России является защита интересов личности, общества и государства»⁸. Этот субъективный фактор имеет огромное значение, но до конца так и не использован, хотя потребность в этом остро ощущается с завершения периода стабилизации в 2007 году, о чем я неоднократно писал⁹.

У этого справедливого в целом положения есть существенный недостаток — к числу высших приоритетов не отнесена нация. Категории «общества» и «государства» недостаточны для того, чтобы объяснить, как в условиях глобализации внешняя политика обеспечивает именно национальные интересы. Этим во многом объясняется тот абстрактно-гуманистический подход, который стал популярен у части российской интеллектуальной и правящей элиты во втором десятилетии XXI века. Вот лишь один из примеров. По мнению А. Неклессова, например, «Сейчас национальное государство — порождение европейской истории приблизительно середины второго тысячелетия — утрачивает прежнюю актуальность. То есть государство как способ политического объединения населения страны меняет формат (что не раз происходило в истории).

Возникает иная форма человеческого общежития и политического механизма. И гражданское общество как составная часть стилистики национально-государства переживает собственную непростую трансформацию...»¹⁰. И далее: «Ментальность российского гражданина — во многом ментальность подданного. Россия для россиян (кстати, отдельная, но более чем серьезная проблема — отсутствие в стране четкой национальной идентификации) — это государство (господарство, господство), а не гражданское политическое общество (мир), иначе говоря, скорее *government*, нежели *state* или *civitas*. Отсюда же — устойчивость в сознании большинства перевернутой схемы власти, где ее источником мыслится (вопреки Конституции, но, так сказать, *de facto*) не общество, а правитель. Плюс отсутствие конкуренции в самой властной механике разделения властей, замещаемого по мере необходимости клановыми столкновениями и едва ли не мафиозными разборками»¹¹.

В этой главе я попытаюсь рассмотреть, каким образом **внешние условия**, прежде всего, глобализация, влияют на формирование образа России, точнее, представлений ее правящей элиты об этом образе. В самом общем виде я попытался написать об этом в своих работах, опубликованных в 2000–2007 годах¹².

Эти внешние факторы влияния — вполне объективное явление, отрицать которое нет смысла. Но, как правило, сегодня переоценивается влияние финансово-экономических ресурсов и недооценивается влияние культурно-духовных. Свою роль здесь сыграл и рост влияния информационных ресурсов. Так, очевидно, глобализация ведет к подмене культуры, традиций и знаний информированностью, которая больше востребована сегодня на рынке. Как заметил В. Черновецкий, «В типичном посетителе библиотеки видят теперь — возможно, справедливо — не человека, который стремится вырасти над собой, а служащего, желающего получить деловую или техническую информацию, чтобы справиться с обязанностями и заработать побольше денег»¹³.

Не случайно, в начале 2012 года в России обострилась дискуссия, даже идеологическая борьба за систему национальных ценностей. Причем не только между консерваторами и либералами, но даже и внутри консервативного лагеря «Единой России», разделившегося на две идеологические платформы — социально-консервативную и либерально-консервативную. В этом же ключе проходили даже провокации против РПЦ, в которой либералы видят главную угрозу распрстранения системы ценностей глобализации — от дискуссии по поводу пропаганды гомосексуализма до откровенных нападок на православие.

Но это лишь одно из многих проявлений объективного влияния глобализации, которое, на мой взгляд, все-таки, нельзя абсолютизировать. Нация и государство не только могут, но и обязаны противодействовать таким влияниям, предлагая свои

программы и идеи, способные компенсировать растущий универсализм, либо использовать его в своих национальных интересах. Так, в арабских революциях 2011 года информационные ресурсы сыграли огромную роль, но они не изменили ни ментальности, ни традиций арабов. Не повлияли они и на пересмотр их приоритетов и ценностей. Более того, способствовали укреплению традиционных ценностей.

Существуют, хотя и ограниченные, но вполне реальные возможности обратного влияния — внешней политики России на международную обстановку и процессы глобализации. Особенно, когда Россия объединяет свои усилия со странами БРИКС, ШОС, а также на двусторонней основе. Конфликт в Сирии продемонстрировал это наглядно. Как отмечают в МИД России, «...одним из приоритетов в сфере международных экономических отношений является создание благоприятных политических условий для диверсификации российского присутствия на мировых рынках, содействие российским компаниям в освоении новых и развитии традиционных рынков, противодействие дискриминации отечественных инвесторов и экспортеров»¹⁴.

Возвращаясь к рисунку, к помощи которого уже неоднократно прибегал, — речь идет о воздействии группы факторов, объединенных в группу № 4 (Внешний мир) на группу факторов № 3 (Образ России). Этот образ в конечном счете конкретизируется в объективных национальных интересах и ценностях, которые, в свою очередь, также делятся на различные интересы — групповые, социальные и т. п. Соответственно, те интересы, которые преобладают (личные, групповые, социальные или национальные), в решающей степени влияют и на формирование образа России.

Естественно, что на эти интересы и будущий образ оказывают влияние и внешние факторы, и интересы государств (групп государств) и даже цивилизаций, которые стремятся «подстроить» под свои представления эти интересы и ценности. Степень этого влияния зависит от многого, в том числе от политической обстановки, но прежде всего от соотношения сил в мире. При этом, говоря о соотношении сил, следует иметь в виду не только экономические и другие известные факторы, но и моральные, идеологические, социокультурные.

Важно также отметить, что это влияние и соответствующие внешнеполитические стратегии, как правило, имеют во-первых, долгосрочный, а, во-вторых, надпартийный характер. Применительно к США это означает, что, независимо от того, кто у власти в Конгрессе или Белом доме, такое влияние и стратегия формируются на долгосрочную перспективу на надпартийной основе. Разница — во времени и в партийных подходах — носит тактический характер, который определяется сугубо прагматическими моментами. Так, в 1990-е годы А. Торкунов писал о внешнеполитической стратегии

США, что с полным основанием позже относилось к периоду республиканского, а ещё позже — нового демократического руководства: «на формирование внешнеполитической стратегии США в 1990-х годах влияли... идейно-теоретические подходы, так и изменения во внутренней и международной обстановке. И хотя администрацию Клинтона часто критикуют за отсутствие целостной „большой стратегии“, основные контуры новой стратегии обозначены уже достаточно четко не только на доктринальном, но и на политическом уровне.

Исходя из официальных внешнеполитических установок США, изложенных в выступлениях их лидеров, программных документах в сфере внешней и военной политики (прежде всего периодических докладах Белого дома о стратегии национальной безопасности), можно следующим образом представить национальные интересы США и пути их обеспечения.

Основные цели „большой стратегии“ США — укрепление безопасности и обеспечение экономического процветания страны, а также продвижение демократии в мире. Последнее считается соответствующим не только принципам, но и интересам США, поскольку (как отмечается в последнем издании „Стратегия национальной безопасности в новом столетии“) „демократические режимы более склонны сотрудничать друг с другом для отражения общих угроз, они поощряют свободную торговлю и устойчивое экономическое развитие. Такие режимы реже развязывают войны и нарушают права своих граждан. Поэтому всемирная тенденция

продвижения к рынку продвигает и американские интересы“.

Этим во многом обосновывается и необходимость руководства миром со стороны США — не только как единственной страны, обладающей необходимыми „волей и возможностями“, но и как страны, идеалы и интересы которой в наибольшей степени соответствуют „универсальным ценностям демократии и свободы“»¹⁵.

Возвращаясь к известной модели (рис. 1), в этой главе особое внимание уделяется влиянию системы №4 — «Внешний мир», — на систему №1 — «Национальные интересы и ценности» — и на систему №3 — «Национальные политические и иные цели», которые конкретизируют (во всяком случае должны) будущий образ России.

Надо сделать два важных комментария. Во-первых, невозможно рассмотреть в данной главе все факторы внешнего влияния. Это трудно сделать даже в рамках крупной специальной работы. В связи с этим я ограничусь некоторыми из них, связанных прежде всего с тем, не всегда понятным процессом, который получил название «глобализация» и внешней политикой ведущих держав. Эти факторы нередко абсолютизируются, особенно если речь идет о «либеральной традиции», которую пытаются представить как идеальную политическую и экономическую модель. Такая идеализация неизбежно ведет к потере национальных ориентиров, искажению образа нации, а, в конечном счете, к игнорированию национальных интересов. Что немедленно и остро отражается и на внутренней

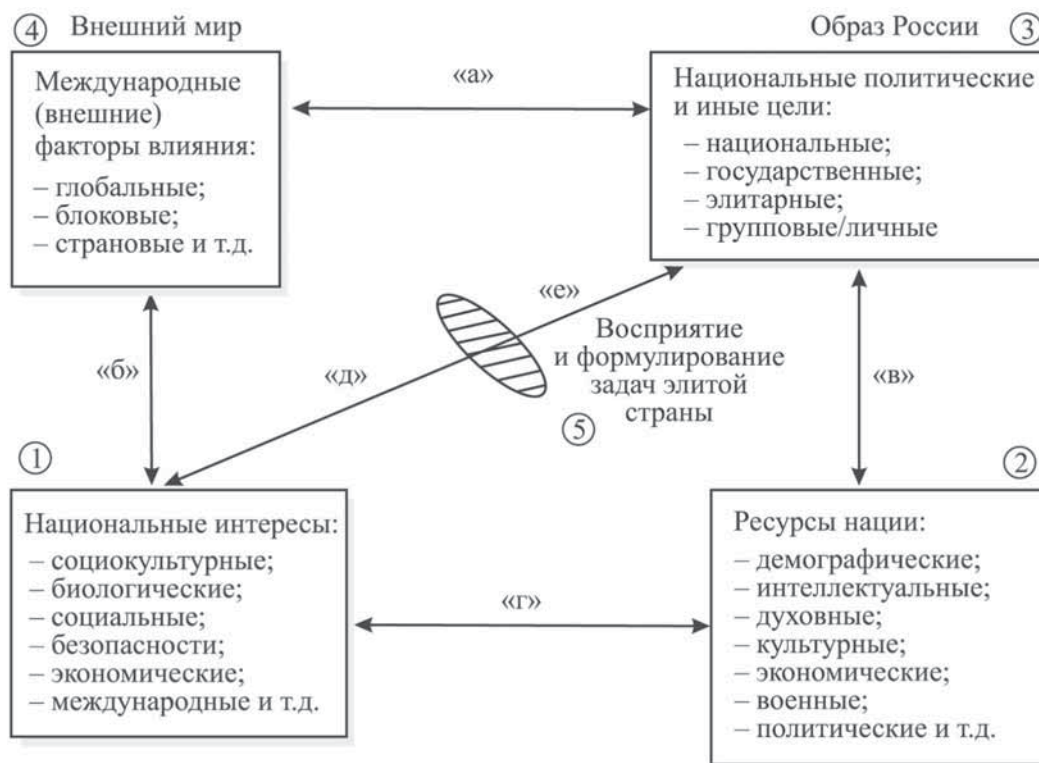

Рис. 1. Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

политике. Процессы 2011–2012 годов в России показали, что либеральная оппозиция, часть которой слепо взяла за образец западную систему ценностей, более того, стала их активным проводником, выступила по сути дела институтом «мягкой силы» внешнего влияния.

Но нельзя игнорировать и влияние глобализации. Типичные примеры такого влияния — зависимость России от мировых цен на сырье, всемерное проникновение Интернета, утечка умов и капиталов — стали современными реалиями, с которыми необходимо считаться.

Во-вторых, важно понимать, что Россия, ее образ, национальные интересы и цели внешней политики, оказывают воздействие на внешний мир, хотя, конечно же, в значительно более слабой форме. Это необходимо иметь в виду, ибо поведение России и ее будущее отнюдь не абсолютно детерминировано воздействием внешних условий и факторов: у нашей нации есть как «поле компромиссов», так и инструменты влияния на внешний мир. Это хорошо видно на примере пока еще сохраняющегося ядерного паритета и позиции России в ООН. Возможности использования этих факторов в интересах России зависят от идеологии, готовности и воли правящей элиты сделать это.

В этой связи важно напомнить, что идеология не только самый эффективный инструмент государственного влияния, в т. ч. и в мире. Она — **самое мощное оружие**, самый сильный национальный и государственный инструмент влияния. Гораздо влиятельнее и сильнее, чем оружие. И не только внутри страны, но и вовне.

Как справедливо отмечается в Концепции внешней политики России, «На передний план в качестве главных факторов влияния государств на международную политику, наряду с военной мощью, выдвигаются экономические, научно-технические, экологические, демографические и информационные. Все большее значение приобретают: уровень защищенности интересов личности, общества и государства; духовное и интеллектуальное развитие населения; рост его благосостояния; сбалансированность образовательных, научных и производственных ресурсов; в целом уровень инвестиций в человека; эффективное использование механизмов регулирования мировых рынков товаров и услуг, диверсификации экономических связей; сравнительные преимущества государств в интеграционных процессах. Экономическая взаимозависимость государств становится одним из ключевых факторов поддержания международной стабильности. Создаются предпосылки для становления более кризисоустойчивой международной системы»¹⁶.

Как показывает «опыт» террора — общественно-го и религиозного — идеология значительно сильнее, чем военная сила, финансовая или экономическая мощь, дипломатия. «Отказываясь от идеологии», общество и государство таким образом **отказывают-**

ся от самых сильных инструментов своего влияния в мире, от его самых эффективных инструментов.

Вспомним СССР, который был мировым политико-экономическим лидером, но, прежде всего (о чем мало говорят), он был лидером идеологическим. Сегодня это Китай, исламский мир, США — страны, в которых идеология остается не только в центре внимания правящей элиты, но и главным внешнеполитическим оружием. Особенно в эпоху глобализации. И именно в эпоху глобализации. Мы пока что не предлагаем миру своей идеологии, более того, уходим от этого вопроса внутри страны.

Вернуть себе это влияние и этот инструмент можно только найдя привлекательный образ России в глобальном мире. Привлекательный, конечно, прежде всего для собственной нации, но также и для других народов. Нельзя формировать позитивный образ России за рубежом, не понимая и не имея его внутри страны.

Этот образ неизбежно должен быть конкурентоспособным по сравнению с другими образами — прежде всего развитых стран. Но не только. Он должен быть привлекательным и для Китая, и для исламского мира, и для новых индустриально-технологических стран.

Нельзя этот образ просто копировать с Запада, к чему призывают либералы, а тем более превращаться в нацию, чья система ценностей заменена западно-либеральными, а суверенитет незаметно испаряется. Как заметил профессор ВШЭ Л. Васильев, «Выход ясен. Он в осознанном совместном действии в направлении, ведущем страну не к конфронтации с Западом, а к сближению с ним, что только и может помочь России во всем, начиная от создания основ гражданского общества и кончая вполне заслуженным всенародным, а не избирательным процветанием. Нужно с помощью длительной и упорной, умной и радикально перестроившейся телепропаганды ежедневно объяснять, что Запад не враг, а друг, что враги у нас другие, в том числе в какой-то мере и мы сами»¹⁷.

Этот призыв либералов удивительно совпал по времени как с нападками на РПЦ и националистов, кризисом в «Единой России» и активизацией влиятельного либерального крыла в российской элите — Л. Кудрина, Б. Немцова и др.

Сразу скажу, что образ «благополучного государства», который попытался сформулировать Д. Медведев, для этого не подходит. Хотя бы потому, что содержание этого «благополучия» воспринимается прежде всего как уровень «комфорта», т. е. доходов, что не может являться определяющим для многих. Да и погоня за ростом потребления, как стало ясно еще в XX веке, — бесперспективна. Сегодня актуальны, как показывает мировая практика, — другие мотивы. Мотивы, которые не ищут и не используют пока только лишь в современной России. Поэтому вопрос об образе России — «для себя» и «для других» — остается открытым.

1. Глобализация и идеология: необходимость идеологического лидерства

Сегодня научная революция во взглядах на устройство человеческого общества вступает в новую фазу... В этом смысле у нашей страны есть хорошие перспективы¹⁸.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

...разрушение СССР и упадок России стали необходимым и достаточным условием той «глобализации по-американски», которая шла все 90-е годы...¹⁹.

*А. Иванов
(А. Подберезкин)*

Глобализация, как известно, охватывает множество областей, в которых неизбежно нарастает конкуренция и международное соперничество. Причем важнейшей областью такой конкуренции выступает идеология, точнее, система национальных ценностей, которые пытаются не только сохранить в своих странах правящие элиты, но и «продвинуть» их вовне. При этом важно, на мой взгляд, подчеркнуть два обстоятельства:

Во-первых, ведущие экономически и идеологически страны пытаются придать своей системе ценностей, продвигаемой вовне, универсальный характер. Так, Б. Обама, как правило, уже не подчеркивает преимущество и исключительность американской системы ценностей (особенно прав человека), а апеллирует к будто бы «универсальной системе», которую отстаивает США. Именно эта система ценностей, по их мнению, обеспечила США и другим развитым странам не только достижение «идеалов демократии», но и экономическое процветание и социальный мир. В качестве примера приводятся данные, которые свидетельствуют о социальной гармонии в американском обществе, сокращении неравенства, росте численности среднего класса²⁰ (табл. 1).

Табл. 1. Доли (в %) пяти квинтилей американских семей в общем доходе в 1950–2000 гг.

Годы	Нижняя пятая	Вторая пятая	Средняя пятая	Четвертая пятая	Верхняя пятая
1950	4,5	11,9	17,4	23,4	42,8
1955	4,8	12,2	17,8	23,4	41,8
1960	4,8	12,2	17,8	24,0	41,3
1965	5,2	12,2	17,8	23,9	40,9
1970	5,4	12,2	17,6	23,8	40,9
1975	5,4	11,8	17,6	24,1	41,1
1980	5,3	11,6	17,6	24,4	41,1
1985	4,8	11,0	16,9	24,3	43,1
1990	4,6	10,8	16,6	23,8	44,3
1995	4,4	10,1	15,8	23,2	46,5
2000	4,3	9,8	15,4	22,8	47,7

Бедность в США не исчезла, хотя ее удельный вес резко сократился, подмечает В. Согрин. А если учесть, что представления о бедности в России и США разные (например, в США более 40% бедных имеют собственное жилье, а почти 80% — автомобиль), то в самом деле видимый прогресс — налицо²¹ (табл. 2).

Табл. 2. Динамика бедности в США (1950–2005)

Годы	Число американцев, находящихся ниже черты бедности (млн)	% ко всему населению
1950	47,0	32,2
1960	39,8	22,2
1965	28,5	14,7
1970	25,4	12,6
1975	25,8	12,3
1980	29,3	13,0
1985	33,0	14,0
1990	33,6	13,5
1995	36,4	13,8
2000	31,5	11,3
2005	37,0	12,3

Собственно говоря, именно эти результаты «общества потребления» выдаются за универсальные ценности и обосновываются в качестве примера для подражания при формировании системы ценностей. В том числе для России.

Нельзя сказать, что российская правящая элита не воспринимает такие примеры. Более того, в выступлениях Д. Медведева чаще всего звучит мысль о «комфортном» существовании как главной ценности и цели развития, хотя практические результаты социальной политики очень далеки от американских. Нам, как и в советский период, навязывают «гонку за благополучием», причем благополучием, которое определяется уровнем потребления, а не другими параметрами. И не безуспешно!

Во-вторых, в ведущих странах мира и наиболее динамично развивающихся государствах, например, Бразилии, тщательно защищают национальную сис-

тему ценностей от внешнего влияния, в том числе идеологического глобализма. Это свойственно для всех государств, претендующих не просто на сохранение национального суверенитета, но и на влияние в мире. В разной степени это относится не только к США, Китаю или Индии, но и Бразилии, Индонезии, ЮАР, Франции, Великобритании и другим государствам.

Проблема в том, что противостоять идеологической экспансии в период глобализации может только собственная эффективная национальная идеология. А это означает, что противодействие в политической и экономической области без собственной идеологии также не может быть эффективным. В данном случае — системным, последовательным и целеустремленным. Социальный консерватизм, формирующийся в России в его нынешнем виде, таковой идеологией не является. Это, скорее, набор нечётко очерченных принципов, а не инструмент защиты и продвижения российских интересов и целей в мире. Он отражает нынешнюю российскую политическую реальность — прагматизм, метод «кризисного управления», — а не мощный волевой импульс и творческое начало, необходимые для того, чтобы Россия стала идеологическим лидером в мире. Проблема также заключается в том, что при глобализации только лидер в какой-либо области, прежде всего, определяющей НЧП, может сохранить свои политические позиции. Это утверждение справедливо для всех областей жизнедеятельности, но, особенно, для идеологии. Именно лидерство в идеологии делает образ России привлекательным не только внутри страны, но и для других стран и социальных групп.

Такое лидерство в идеологии не всегда обязательно совпадает с лидерством в экономике. Это важно понять для того, чтобы не ставить идеологическое лидерство в зависимость от экономических успехов, которых, вероятно, в России придется ждать долго. Но такое лидерство должно обязательно быть подкреплено конкретными результатами. Важно не только и даже не столько «казаться», но, прежде всего, — «быть». Что мы хорошо увидели за время президентства Д. Медведева, когда нередко «паркетный пиар» заменял реальные результаты. Что, естественно, отразилось на имидже как Д. Медведева, так и В. Путина. Как пишет исследователь МГИМО(У) А. Нейматова, «Коридор возможностей» формирования имиджа политического лидера задается не только личными, реальными достоинствами (недостатками) самого лидера, но и более широким социально-политическим контекстом. Об этом в свое время говорил Г. Плеханов: «...личности, благодаря особенностям своего характера, могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительно, но как сама возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением его сил. Характер личности является „фактором“ общественного развития лишь там, лишь

тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения»²².

Строго говоря, сегодня не только качество НЧП, но и эффективность экономического и социального развития определяются креативными способностями части нации. Эти же способности во многом предопределяют и идеологическое лидерство. В свою очередь, «точками опоры» креативности выступают такие качества, как культурные и духовные, а также исторические традиции, национальные научные и образовательные школы, творческое начало нации. Среди таких «точек опоры» некоторые авторы выделяют проектную идеологию, толерантность, способность к лидерству, навыки конструктивного диалога и др.²³.

Нередко выдвигается тезис о том, что СМИ и креативщики в области пиара формируют не только имидж, но и реальность. Увлечение этими технологиями, создающими «другую реальность», — стало в XXI веке не просто модным, но иногда и популярным политическим приемом, который в ряде случаев оказывается вполне эффективным. Другое дело — продолжительность такого эффекта, — которая часто оборачивается обратной стороной. Нельзя все время «казаться». Обязательно нужно еще и «быть». Хотя бы иногда. «Одним из ключевых правил в работе политических PR-специалистов является лозунг „быть, а не казаться“. В век информационного общества, не быть, а казаться чрезвычайно сложно. Имидж, не подкрепленный реальностью, по сути не эффективен»²⁴, — считает А. Нейматова.

Это объясняется в том числе и широкой информированностью о существующих реалиях, которую уже трудно скрывать, либо длительное время извращать. Так, по данным международной статистики, на начало XXI в. доля ведущих держав в мировом ВВП распределялась следующим образом: США — 21%, Западная Европа — 20%, Япония — 7,5%, Китай — 12,5%, Россия — 2,4%. Согласно прогностическому исследованию ИМЭМО РАН, к 2015 г. США будут иметь 18% от мирового ВВП, Китай — 16,5%, Западная Европа — 16%, Япония — 5,5%. Россия же в лучшем случае (при ежегодном экономическом росте в 5–6%) после 2012 г. повысит свою долю до 3% мирового ВВП²⁵. Эти экономические реалии, на которых опирается сегодня вся система международных отношений. И не только финансово-экономических. Поэтому формируя образ России, необходимо помнить, что даже при успешном решении задачи, сформулированной в Стратегии национальной безопасности до 2020, например, «войти в число пяти экономических лидеров», качество и структура российской экономики будет уступать качеству лидеров глобализации, а душевой ВВП заметно уступать лидерам.

Но это отнюдь не означает, что Россия не может и не должна претендовать и бороться за политико-идеологическое лидерство в мире, которое прямо не вытекает из экономического и технологического

лидерства. Во-первых, потому, что есть другие, неэкономические области — культура, наука, образование, духовность. А, во-вторых, потому, что от таких претензий не отказываются государства, которые также не могут в ближайшем будущем претендовать на лидерство в экономике. Более того, сегодня определяющими выступают другие показатели, например, качества жизни, но, прежде всего, критерии, характеризующие качество НЧП: продолжительность жизни, состояние здоровья, образование, доступность занятости, время и отдых и др.²⁶ Среди них, конечно, остаются и уровень доходов, доступность товаров и услуг, жилищные условия и др., но их значение имеет ясную тенденцию к снижению.

Другой аспект: глобализация и идеология — два тесно взаимосвязанных процесса, чья взаимосвязь, однако, обнаруживается (либо её не хотят замечать) далеко не всегда.

На мой взгляд, эта взаимосвязь выражается в следующем: лидерство в глобализации (финансах, экономике, социальной области) **невозможно без идеологического лидерства**, причем такое лидерство выражается в **создании собственной модели развития**, а не в клонировании чужого опыта. Только собственная модель участия в глобализации и развития, основанная на опыте и национальной специфике, т. е. на своем идеологическом фундаменте, способна вывести страну на темпы опережающего развития. В противном случае изначально закладывается модель «догоняющего» развития — в общественной жизни, экономике и политике. Таким образом, если Россия хочет быть лидером глобализации и иметь опережающие темпы развития, она просто обязана быть идеологическим лидером, который предлагает на глобальном уровне привлекательную идеологическую модель и образ страны. Это наглядно видно из известного рисунка, иллюстрирующего взаимосвязь отдельных элементов политики, к которому я уже не раз прибегал.

Как видно из рис. 2, международные реалии (в т. ч. глобализации) оказывают **прямое** влияние:

- на формирование целеполагания и в целом на стратегию государства и нации;
- на восприятие национальных ресурсов и ценностей.

Кроме того, международные реалии влияют на восприятие элитой страны процессов в мире.

В этой связи важно отметить, что идеологическое лидерство не обязательно ведет к лидерству в глобализации, т. е. то или иное общество может сознательно выбрать другую модель развития, которая не вписывается в систему ценностей и стандарты глобализации, например, экономическую, религиозную или психическую, но это лидерство безусловно необходимо для адекватного восприятия объективных национальных интересов и целеполагания, а в целом — национальной стратегии. Когда собственная идеология отсутствует, то внешнее влияние получает неоправданно большое значение. Что было особенно заметным в конце XX века.

Таким образом, идеология во многом **предопределяет** выбор и конечного стратегического результата. Если нация хочет быть равноправным лидером в процессе глобализации, то она просто обязана быть идеологическим лидером. Она может выбрать (теоретически) и другую модель взаимоотношений с государствами в мире, игнорируя на разных этапах требования глобального развития, но если она, опять же, остается идеологическим лидером.

Если же нация сознательно отказывается от идеологического лидерства, то у нее выбора вообще не остается. Она не может претендовать ни на глобальное лидерство, ни на равноправное участие в глобализации. Она просто становится **объектом воздействия глобальных процессов**, постепенно поглощается другими, более успешными странами, теряет национальную самоидентификацию. Таким образом конечный выбор за элитой страны, которая должна адекватно взвесить все плюсы и минусы глобализации, объективно соотнести их с национальными интересами и ценностями, и «вписать» их в свою идеологию.

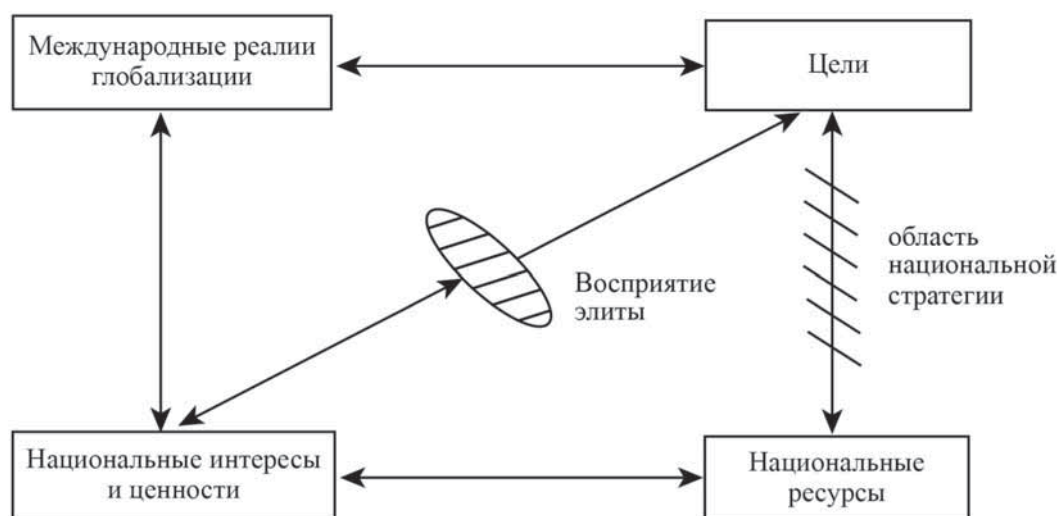

Рис. 2.

Позитивные аспекты глобализации в России оставались долгое время без внимания. Между тем пример Китая показывает, что выигрыш от глобализации, который получила эта страна за последние годы, во многом объясняется именно **новыми идеологическими установками**, вытекавшими из понимания сути глобальных процессов, на национальном уровне. Как признает директор Института изучения России (Тайвань) В. Малявин, «Китай выиграл от глобализации едва ли не больше всех остальных стран мира. Он вошел в мировой порядок и во многом уже сам определяет его. Естественно, за этими новшествами последовали идеологические новации. Вражда и борьба теперь в Китае не в почете»²⁷.

Идет мирная экспансия. Уже на технологической стадии. Но — надо подчеркнуть — эта экономическая и уже технологическая экономика Китая изначально была **обеспечена идеологически**. При том, что эволюция идеологии в последние годы претерпела существенные изменения. Как заметил профессор Ту Вэймин, «разница между классическим конфуцианством и неоконфуцианством, возможно, более отчетлива, чем различие между католицизмом и протестантизмом...»²⁸.

Следует напомнить, что Китай никогда не поступался национальными идеологическими, культурными и историческими ценностями. Впрочем, как и Индия, которая также смогла удачно совместить идею модернизации и национальной идентичности. Именно синтез позитива глобализации и национальных традиций, — как показывает опыт Китая и Индии — дает лучший политический и экономический эффект. Этот синтез должен стать частью любой новой национальной идеологии, претендующей на мировое лидерство и создание привлекательного облика страны в мире.

В настоящей работе собственно глобальным процессам уделяется мало внимания. Во-первых, они описаны достаточно обстоятельно, в т. ч. и российскими авторами²⁹, а, во-вторых, меня интересует, прежде всего, отдельный, а именно идеологический аспект глобализации. Причем применительно к России, для которой идеологический аспект глобализации стал особенно актуален в последнее десятилетие при В. Путине и Д. Медведеве. Вступление России в ВТО, сотрудничество в рамках «большой двадцатки» и «восьмерки», отношение к крупнейшим событиям в мире, в т. ч. в арабских странах, и мирового кризиса требует не только учета международных реалий глобализации, но и отстаивания национальных интересов России. В целом это означает разработку единой национальной стратегии (как международных, так и внутривнутриполитических ее аспектов) и создание собственной, оригинальной, национальной модели развития в условиях глобализации.

Эта актуальность имеет и вполне конкретное международно-политическое значение, что мы нередко обнаруживаем в явно недружественных жестах

применительно к России. Факт, как говорится, «налицо»: именно в последние 7–10 лет мы видим, что по отношению к России складывается — настойчиво, систематически и даже агрессивно — недружественная политика, целью которой является насильно «встроить» Россию в чужую систему ценностей, отражающую прежде всего иные национальные интересы. Вполне, впрочем, прагматические. При этом основная аргументация этих сил сводится к тезису о том, что глобализация вырабатывает некие «универсальные» мировоззренческие, политические и идеологические стандарты. Это очень характерно для администрации Б. Обамы.

Таким образом, «универсализм» выступает как инструмент лишения России претензий на идеологическое лидерство, а, в конечном счете, и на лидерство в глобализации. Отказ от идеологического лидерства, как следствие принятия «универсальных» ценностей, — в политике («демократия», «права человека» и т. д.), экономике («свобода рынка», отказ от активной роли государства и т. д.), означает и неизбежный отказ от попыток опережающего развития. Эта аксиома хорошо известна в науке, где создать качественно новый научный продукт можно только опираясь на собственную научную школу. В противном случае возможно лишь повторение или компиляция чужих научных школ.

Идеология, как многим известно, — самое сильное и хорошо известное оружие. Те элиты, которые не только знают, но и используют его в своих национальных интересах, как правило, могут добиться больше, чем даже использованием военной силы. Впрочем, ничего особенно нового в этом нет. В 1950-е годы, например, США, провозгласив «доктрину Эйзенхауэра», а затем в 1970-е декларировали «доктрину Никсона», также пытаясь насильно внедрить свои «универсальные» идеологические ценности. Сейчас уже нет господствовавшего в СССР коммунизма, однако стратегия не изменилась: самая эффективная победа — это победа, когда другая нация воспринимает чужую систему ценностей, чужие нормы и правила поведения. В отличие от военной, эта победа абсолютная.

Объективные глобальные процессы нередко сводятся к идеологическим, мировоззренческим. Причем не абстрактным, а вполне определенно отражающим ценности и национальные интересы ведущих стран мира. Весь «универсализм» сводится, в конечном счете, к навязыванию «наиболее передовых» (но чужих) идеологических моделей и ценностей, которые отнюдь не случайно оказываются удивительно соответствующими чужим национальным интересам.

Вся современная внешняя политика развитых государств собственно сводится к этому. Так, со вступившем в силу в декабре 2009 года Лиссабонском договоре прямо предусматривается, что страны Евросоюза придерживаются не только во взаимоотношениях между собой, но и по отношению к другим

странам своей системой ценностей и принципов. На практике это означает, что, например, по отношению к России в качестве основы межгосударственных отношений (Евросоюз — как самостоятельный субъект, конфедерация) может и уже находится некая система ценностей и принципов. Что, естественно, отражается ежедневно на межгосударственных отношениях. Причем не только стран Евросоюза и России, но и, например, Евросоюза и Израиля, что было отчетливо видно в связи с инцидентом по прорыву блокады сектора Газа гуманитарным конвоем.

Таким образом, мы видим следующую взаимосвязь между глобализацией, идеологией и развитием:

**глобализация = универсализм =
отказ от идеологического лидерства =
от опережающего развития (потеря позиций
в мире и утрата суверенитета)**

В этом смысле я согласен с утверждением А. Кокошина, считающего, что «в наиболее общем виде глобализацию можно различать как процесс и как идеологию, последняя часть носит весьма агрессивный характер...»³⁰. Что мы и наблюдаем отчетливо в последние десятилетия. Агрессивной идеологии оказывается иногда вполне достаточно, чтобы не только защитить чуждые национальные интересы, но и сменить правительство и даже общественный строй. Эта «мягкая сила» (soft power), однако вполне легально поддерживается всей экономической и военной мощью, когда ее оказывается уже недостаточно. Так было, например, в Югославии, Грузии, на Украине и в других странах. «Арабская весна», да и весь последний период это наглядно подтверждают.

Глобализация «как идеология», имеющая часто «агрессивный характер», неизбежно должна вызывать ответную, прежде всего идеологическую реакцию. И не только России. Нации поставлены перед выбором — либо оказаться втянутыми в орбиту этой агрессивной идеологии, отказавшись, в конечном счете, от суверенитета, — либо противопоставить ей свою. Иногда даже не менее агрессивную, как, например, исламский радикализм. Что мы и наблюдаем на многочисленных примерах. Нередко на практике это выражается в радикализме противопоставления одной идеологии другой. Например, посредством исламского радикализма, либо крайнего национализма, проявляющегося, в т. ч. и в развитых странах, где не любят признавать наличие таких проблем. Но, главное, заключается в том, что терроризм не может быть побежден военными или социально-экономическими мерами, без идеологической победы. Для России, кстати, это не только Кавказ, но и уже другие регионы страны.

Не является в этом ряду противопоставлений, к сожалению, исключением и Россия, где объективные экономические и социальные процессы, свойственные глобализации, накрепко связаны как с аг-

рессивным отечественным неолиберализмом, так и с другими агрессивными идеологическими течениями, внешне противопоставляющими себя идеологии глобализации. Обе эти крайности по сути одно и то же — идеологические концепции, имеющие мало общего с реальными тенденциями глобализации и решением задач общественного развития.

На мой взгляд, борьба идеологий — это не только противоборство идей, политических философий. Это сегодня даже не только политическая борьба. Это и борьба экономик, борьба национальных укладов, суверенитетов, национальных стратегий, даже прогнозов и планов социально-экономического развития, которые не только вполне укладываются в идеологические рамки, но и являются прямо производными от них.

Таким образом, в основе всего лежит идеология, как система взаимосвязанных идей и концепций, которая, в свою очередь, служит фундаментом, базой для конкретной политики и конкретной экономики. В том числе экономической, финансовой, социальной, и, конечно же, военной. Политика в данном случае является искусством практической реализации идеологических целей и приоритетов. В любой области. Как хорошая политика, так и плохая.

Так, неэффективная приватизация в России может быть понята только в том случае, если признать, что ее целью было не повышение экономической эффективности или улучшение структуры экономики (как формально декларировалось), а сугубо идеологическая задача — смена собственника. Любым путем. Даже через огромные экономические и социальные потери. А «политика приватизации» была искусством быстрой организации перераспределения собственности. Ни получения денег в бюджет, ни повышения эффективности, ни решения социально-экономических задач не требовалось. Только, повторю, смена собственника. Поэтому не стоит сегодня удивляться, что эта идеологическая задача была решена такими грубыми политическими средствами и с такой низкой экономической эффективностью. По-своему, идеологически, они оказались эффективны. Что, кстати, признавалось самими реформаторами в частных беседах. В том числе и А. Чубайсом.

В этом заключается весь секрет. Идеология ставит задачу политике, ибо политика, используя выражение известного британского политолога Д. Хельда, является «борьбой за организацию человеческих возможностей»³¹. Добавлю, — всех возможностей, направленных на достижение фундаментальных целей, но прежде всего, идеологических.

Иными словами, с помощью идеологии, управляющей не только людьми, отдельными странами, но и всеми частями мира, правящий класс выстраивает систему управления обществом, экономикой и государством. Идеология — синоним власти — даже если сама власть это и пытается иногда отрицать. Когда же власть (как в позднем СССР) имеет глупость «от-

казаться от идеологии», то, в конечном счете, происходит ее отказ и от функций управления обществом и государством. Что неизбежно ведет к ослаблению и развалу государства, экономики и деградации общества. Наступает хаос. «Поздний» СССР и «Ранняя Россия» — очевидный тому пример. Поэтому идеологическое лидерство обязательно, если государство хочет сохранить, вернуть, либо добиться лидерства в глобализации.

Ликвидация В. Путиным управленческого хаоса в начале первого десятилетия XXI века объективно потребовала восстановления основных идеологических принципов, связанных с ролью государства и функциями власти. Эти принципы отличались высокой степенью прагматизма. Иначе и не могло быть — восстановление государства и внутривластной стабильности требовало максимального прагматизма в подходах к решению сугубо практических задач. Подобная прагматическая идеология «кризисного управляющего» требовала, кроме того, во-первых, минимальных теоретических изысков

из-за отсутствия времени, а, во-вторых, исключения идеологических конфликтов по той простой причине, что восстановление управления и без того вело к столкновению интересов с различными группами влияния. Вот почему В. Путин пытался консолидировать общество, привлекая к работе всех — от А. Проханова и Г. Зюганова до неоллибералов гайдаровского толка. За исключением откровенных противников государства, т. е. применительно к ситуации в тогдашней России, — восстановления управляемости.

Ситуация к концу первого десятилетия стала принципиально иной: на повестку дня был поставлен совершенно прагматический вопрос достижения быстрых темпов роста («удвоения ВВП»), который закономерно трансформировался в проблему качественного развития. И не только экономики, но и всего общества, что без идеологической концепции невозможно. И дальнейшее развитие подтвердило этот вывод. События 2011–2012 годов только зафиксировали неспособность элиты добиться этого без ясно сформулированной идеологии.

2. Глобализация и «ключевая идея» России, способная обеспечить идеологическое лидерство

Идеология придает смысл экономическому поведению и предопределяет формирование государственной политики³².

С. Глазьев

Приоритетом современного этапа естественных наук должно быть производство теоретических обобщений на базе анализа реального опыта российской жизни после 1991 года в контексте глобальных тенденций мирового развития³³.

А. Торкунов
ректор МГИМО(У)

Принципиально важно, чтобы образ России был связан с простой и ясной идеологией, которая в агрегированном, даже заведомо упрощенном виде представляла бы нашу нацию в мире. Причем в достаточно консолидированном представлении правящей элиты. Как это существует сегодня в США, где «несмотря на серьезные противоречия, либералы и консерваторы являются двумя неразрывными частями одного целого, формируя внешнеполитическое сообщество США. Между этими двумя группами происходит постоянный обмен мнениями и идеями по международной проблематике»³⁴.

Сегодня в России нет ни такой консолидированной позиции, ни самой идеи, которую мы могли бы активно продвигать вовне. Отсутствие внятной идеи, консолидации общества и механизмов ее продвижения, безусловно, крайне негативно сказывается на позициях России в мире.

В 2011–2012 годах сторонники либеральной традиции в нашей стране усиленно предлагали схему западнолиберальной системы ценностей и приори-

тетов, которая «универсально» и «просто» позволит занять России достойное место в ряду развитых государств. Но «просто», как все развитые страны Запада, Россия быть не может. Она не может быть ни Голландией, ни даже Францией или Германией, которые, кстати, достаточно настойчиво формируют свой образ не только в Евросоюзе, но и в мире. И не только в силу геополитических и исторических факторов, но и в силу того социокультурного фона и традиций, которые сложились нашей стране. Нельзя, впрочем, и «универсализировать» национальные интересы России. И не только из-за России.

И здесь, надо признать, влияние глобализации достаточно долго играет свою негативную роль. Прежде всего с точки зрения признания российской либеральной элитой «универсальности» либеральных ценностей. В том числе, естественно, и для России. За последние 25 лет в стране сформировался (в т. ч. с помощью западных государственных и общественных институтов) влиятельный слой политиков, чиновников, ученых и журналистов, которые

настойчиво продвигают в общественное сознание «универсальность» таких либеральных ценностей — от агрессивно-примитивного крыла, представляемого В. Новодворской и К. Боровым, до вполне умеренного В. Рыжкова, Б. Немцова и др. На митингах 4 февраля 2012 года это было особенно заметно — часть (небольшая) либеральной оппозиции протестовала вместе с К. Боровым на проспекте Сахарова, а другая — на Болотной площади.

Надо сказать, что приезд в декабре 2011 года нового посла США М. Макфола как «специального представителя» Б. Обамы был весьма символичен. Как и его идея — США поддерживают «универсальные демократические ценности».

В этой связи и под этим углом зрения следует рассматривать влияние глобализации на формирование нового образа России. Прежде всего в свете существования двух близких тенденций — псевдоуниверсальности и американоцентризма.

О глобализации и ее влиянии на Россию к сегодняшнему дню написано много. В том числе и мною³⁵. Для России сегодня важны не многочисленные последствия (финансовые, экономические, военные, политические и др.) глобализации, а ее идеологическое влияние на формирование образа России. Это достаточно частное, но, как мне кажется, самое главное последствие глобализации, о котором далеко не всегда говорят, а, тем более, не всегда учитывают авторы. Но именно мировоззренческие, идеологические разногласия (формализующие национальные интересы) лежат в основе международных конфликтов. Соответственно, их преодоление является обязательным условием выживания в мире.

Для нынешней России эта проблема сверхактуальна: нам обязательно нужны внешние благоприятные условия для решения задач модернизации, с одной стороны, притом, что мы не можем жертвовать своими национальными интересами и ценностями в мире, — с другой. Эта проблема так или иначе **всегда присутствует** в отношениях России с другими странами, даже когда и формально не является таковой в повестке дня. Так, в ходе своего участия в саммите весной 2010 года Д. Медведев выступил в Брукингском институте, где напомнил, что у России и США разная история и люди двух стран часто по-разному воспринимают происходящее. «Россия нуждается в нескольких десятилетиях стабильной спокойной работы по созданию эффективной политической и экономической системы. Только в этом случае разногласия, которые существуют, будут уходить в прошлое. Чтобы это произошло, **не нужно учить друг друга жить**»³⁶, — подчеркнул президент.

Этот подход, стремление сохранить систему национальных ценностей, не противопоставляя ее развитым западным странам, был лейтмотивом всего президентства Д. Медведева, которому в ряде случаев приходилось идти на компромиссы и даже на уступки. Особенно наглядно такой курс проявился в отноше-

нии к Ливии и Сирии, где позиция России в Совбезе ООН была различной — от поддержки и признания резолюции по «бесполетной зоне» (которую США и их союзники превратили в мандат для уничтожения Каддафи), до вето по отношению к Сирии в феврале 2012, поддержанное Китаем.

В начале 2012 года В. Путин первым из всех руководителей России за последние десятилетия выступил со статьей по национальному вопросу. Вопрос о национальной системе ценностей в этой статье, на мой взгляд, стал ключевым. Прежде всего русского языка и культуры, которые должны стать «единым кодом», объединяющим народы России³⁷. Понятно, что внимание к национальной культуре, а позже (в феврале 2012 года в статье, посвященной экономике) — к национальной науке и образованию — свидетельствует о том, что «универсализм», господствовавший в российской элите, теснится национально-ориентированными идеями. Признал это и Д. Медведев, когда он, в частности, сказал: «...политическая система несет на себе печать вековых традиций, которые вошли в привычку, но при этом являются и своеобразной защитой российского общества, не дают ему разваливаться на части»³⁸.

Таким образом, к 2012 году Россия сформулировала свои главные требования к внешним условиям, формирующим образ России, которые укладывались в **основы** идеологии социального консерватизма. Выступления пропутинской общественности в период избирательной кампании 2012 года это вполне определенно демонстрировали. Можно сказать и так: к настоящему времени в России сложились условия для превращения формировавшихся при В. Путине и Д. Медведева идей развития государства и общества в новую идеологию, которая может стать эффективным инструментом влияния в мире, управления — в собственной стране, и основой для реализации планов модернизации. Вопрос в том, поймет ли это в полной мере правящая российская элита и захочет ли она использовать это мощное оружие?

Эта внешнемировоззренческая, даже теоретическая задача имеет огромное практическое значение для современной России. Именно к 2012 году, на мой взгляд, наступило время, когда решение совершенно конкретных практических задач развития государства, экономики и общества становится абсолютно невозможным без ясного определения привлекательного для нации образа России, который складывается из приоритетов и целей развития, методов их достижения, наконец, национальной самоидентификации в глобальном мире. Это было понятно уже достаточно давно. «Дозревание» продолжалось все годы правления В. Путина — Д. Медведева. Будущий образ России — это то, что делает народ нацией, цементирует общество, определяет ценности — и сделать это должны прежде всего российские общественеды, т. е. профессиональные идеологи. Причем без помощи Запада. Как справедливо отмечал академик

А. Торкунов, «стабилизация экономической и социально-политической ситуации позволяет по-новому формулировать задачи общественных наук в России. Период освоения и популяризации западного знания — время «догоняющего интеллектуального развития в российских общественных науках» — закончился. Приоритетом современного этапа общественных наук должно быть производство теоретических обобщений на базе анализа реального опыта российской жизни после 1991 года в контексте глобальных тенденций мирового развития»³⁹.

Следует признать, что консолидация либеральной оппозиции в 2011–2012 годах объективно вела к усилению влияния «универсальных» ценностей на общественное мнение России. И, напротив, власть, похоже, не смогла противопоставить интеллектуальную альтернативу. Во всяком случае в 2011 — первой половине 2012 года. Даже на митинге в поддержку В. Путина 4 февраля 2012 года основные ораторы — А. Проханов, С. Кургинян, М. Леонтьев — не представляли значения огромного интеллектуального национального потенциала, как, впрочем, и в правящей партии. Складывалось впечатление, что идеологическая инициатива оставалась за либеральной оппозицией.

И не только в политико-идеологической, но и в экономической и социальной областях. Хочу подчеркнуть, что любые самые инновационные технологические и внедренческие решения, любая модернизация (о которых много говорили в 2008–2012 годах) экономики невозможны в принципе без решения мировоззренческих, общеидеологических проблем, ответов на «простые» вопросы: куда движется Россия? Какое общество и экономику мы создаем? Каким мы видим государство через 5, 10, 25 лет?

Действительно, обсуждая в 2008–2012 годах планы модернизации России, мы неизбежно задаемся вопросом, а почему в условиях кризиса прирост ВВП Китая составил 9%, а в России — падение на 9%? Почему за последние 20 лет реформ наш экспорт в Китай, состоящий на 90% из машиностроительной продукции в советский период, а сегодня на 90% из углеводородов? Почему сегодня не только мы, но и в Европе, закупают в Китае наукоемкую, в т. ч. машиностроительную продукцию? Не получив ответа на эти вопросы, мы не сможем ответить и на главный вопрос: какую Россию мы хотим увидеть через несколько лет. И только «технологический» ответ нас не может устроить. Слабость всех идей Д. Медведева и В. Путина (в т. ч. программно-президентских) заключается в их излишней «технологичности» и искусственной деидеологизации.

К сожалению, сегодня наши идеологи и философы не предложили обществу и элите внятной и аргументированной концепции будущего образа России, который не только бы был принят российским обществом, но и нашел бы благоприятный отклик за рубежом. Во многом, даже в главном, это

объясняется нерешенностью фундаментальных философских и идеологических проблем на качественно новом уровне, отражающем современные реалии. Более того, стремлением правящей элиты избежать решения этих проблем. В этой связи, безусловно, справедливо заметил А. Торкунов, что «затянувшийся «пат» ветвей исторического знания является препятствием для развития истории России, а значит — для понимания ее своеобразия». Очень важно понять это своеобразие нам самим и объяснить его внешнему миру. Необходим новый методологический аппарат, который, возможно, поможет и историкам из бывших советских республик создать более достоверные, методологически и фактологически выверенные версии реконструкции их истории.

Философские науки остаются важнейшим средством упорядочения знания о действительности — российской и международной. Если принять за данность тезис о том, что ключевой идеей XIX века была идея свободы, а XX века — идея власти, то какой окажется ключевая идея века нынешнего?»⁴⁰

Действительно, именно «ключевой идеи» не хватало, и сегодня еще не хватает для формирования общенациональной идеологии в России, идеологии, которая бы объединяла все многочисленные федеральные, отраслевые и региональные концепции развития, появившиеся в огромном количестве в 2006–2012 годах.

Даже новая редакция концепции инновационного развития России до 2020 года, принятая МЭРом в декабре 2011 года, по-прежнему ориентировалась преимущественно на макроэкономические критерии.

Между тем такая идея есть. Более того, она очевидна. Это *идея опережающего развития человеческого потенциала* как идея, способная обеспечить России идеологическое лидерство в мире. Прежде всего в области культуры, образовании, науке и технологии. Весьма близко подошла к пониманию этой идеи В. Путин в упомянутой ранее статье, посвященной экономической программе, в т. ч. направленной на макроэкономические критерии.

Напомню в этой связи, что на каждом этапе развития человеческого общества и экономики всегда находилось «ключевое звено», фактор, определяющий темпы развития экономики и общества. Для первой половины XX века это было промышленное развитие, начиная с 60-х годов, — информационные технологии и связь, а с начала XXI века — качество человеческого потенциала. Соответственно, наиболее успешными идеологиями были те, которые не просто учитывали, но были прямо нацелены на максимально эффективное использование этого фактора в экономической и общественной жизни. *Во втором десятилетии XXI века технологии, в т. ч. наукоемкие, уже перестали быть ведущим фактором социально-экономического развития, уступив эту роль опережающему развитию национального человеческого потенциала (НЧП).*

То же самое произошло и в социальной области. Если для периода индустриализации в XX веке главную роль в качестве такого фактора играли темпы промышленного развития, а главный класс был пролетариат, то для периода информационного развития — информационные технологии и технологии связи. Сегодня, в период возрастающего значения фактора человеческого потенциала, это будут науки и технологии, связанные с человеком, а в общественном развитии таким классом станут креативные группы. Соответственно и ведущая идеология современного этапа развития общества и экономики — это **идеология, в центре внимания которой находится человек, его творческие, интеллектуальные и иные возможности.**

И здесь мы сталкиваемся с главным противоречием. С одной стороны, «ключевой» национальной идеей России в период глобализации может быть только развитие потенциала человеческой личности (и, соответственно, его составляющих), а, с другой, — мы видим крайне слабые позиции России по всем направлениям, определяющим сегодня качество человеческого потенциала. Это, естественно, отражается и на глобальных позициях России в мире. Так, по оценке С. М. Рогова, в формирующемся многополярном мире складываются четыре главных центра научного прогресса — США (35% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности), Европейский Союз (24%), Япония и Китай (примерно по 12%). К сожалению, Российская Федерация в группе лидеров не входит — на нашу долю приходится менее 2% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности и 1% по обменному курсу. Таким образом, Россия отстает от США по расходам на НИОКР в 17 раз, от Европейского Союза — в 12 раз, от Китая — в 6,4 раза, от Индии — в 1,5 раза⁴¹.

Аналогичная ситуация складывается и в фундаментальных исследованиях: их доля в ВВП составляет всего 0,16%, а в развитых странах — 0,5–0,6% ВВП. При этом в существующих планах, например, Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года предусматривается, что расходы на НИОКР должны увеличиться до 2,5–3% ВВП, в то время как в развитых странах они вырастут до 3,8–5,5% ВВП⁴². Таким образом, отставание России в этой области сегодня сознательно планируется на долгосрочную перспективу.

Для России наиболее подходящей может быть идеология социального консерватизма (русского социализма), ориентированная на опережающее развитие НЧП. Особо хотел бы оговорить одну важнейшую особенность современной идеологии вообще и социального консерватизма в особенности — её исключительно прикладной, даже прагматический характер. К сожалению, провозглашенные Б. Грызловым принципы социального консерватизма — консерватизм, прагматизм, центризм, наднациональность

и т. д. — хороши как принципы, но не как прикладная идеология, которая, повторю, несёт в себе две важнейшие функции: обеспечение лидерства государства и общества, реализуемые в лидерстве идеологическом, и обеспечение эффективного государственного и общественного управления. А вот этого-то у «Единой России» и нет. Как нет и понимания главного условия развития современной экономики, общества и государства — опережающего развития национального потенциала человеческой личности. Характеристику ее идеологии вполне точно описал А. Казаков: «К идеологическому самоопределению партия шла долго и непросто. Уже на второй съезд, на котором был принят программный манифест „Путь к национальному успеху“, „Единая Россия“ вышла с серьёзной, хотя и неожиданной идеологической заявкой. По существу, партия экспроприировала весь нерадикальный идеологический спектр и, тем самым, сделала заявку на монопольное право формировать и формулировать общенациональную, а не только партийную идеологию. В этом своём предприятии партия опиралась на политическую философию Владимира Путина — ту самую, с которой он пришёл к власти в последний день прошлого тысячелетия. В основе политической философии Путина лежат такие ценности, как государственничество, державность, свобода, солидарность, справедливость. Эти ценности объединены в едином поле патриотического мирозерцания. Таким образом, „Единая Россия“ была призвана выполнить сверхсложную задачу — объединение общества вокруг фундаментальных ценностей, поскольку „невозможно удерживать административно то, что должно удерживаться образом будущего, идеалами, ценностями, верой“ (Владислав Сурков)»⁴³.

В такой идеологии сегодня нет главной и даже наиболее модной темы — социальной справедливости, — которая стала ведущим приоритетом даже в ведущих либеральных странах. В частности, в своем послании Конгрессу страны Б. Обама сделал именно эту тему центральной⁴⁴.

Как видим, того, что нужно, прежде всего современной социально-консервативной идеологии у правящей партии России нет. Общие правильные принципы и понятия остаются таковыми без их реального переноса в общество, управление и отношения внутри государства. Сложился очевидный разрыв между декларируемыми идеологическими принципами и практикой. И этот разрыв стал главной проблемой правящей элиты в 2011–2012 годы. Идеология «не работает», хотя, повторю, она в принципе является самым эффективным инструментом государственного и общественного управления. Прежде всего в экономике страны.

Естественно, этого не могут не видеть не только критики власти, но и вполне беспристрастные наблюдатели. По информации международной аудиторской фирмы PricewaterhouseCoopers, в 2007 году,

когда Медведев пришел к власти (так в тексте — прим. пер.), 59% российских компаний сталкивались с экономическими преступлениями.

В ответ Медведев объявил, что примет решительные меры против коррупции. Однако спустя два года, Price Water House Coopers сообщила, что теперь уже 71% российских компаний становятся жертвами экономических преступлений. Другими словами, в результате инициативы Медведева, направленной на снижение уровня экономических преступлений, их число... увеличилось на шокирующие 20%.

Глобальное исследование коррупции также выпускает организация Transparency International, в рамках которого рассматривает более широкий спектр негативных экономических и политических факторов в большем числе стран. В 2007 году Россия заняла шокирующее 143 место из 180 стран. Можно было бы подумать, что хуже уже некуда. Но два года спустя, медведевская Россия оказалась уже на 146 месте, а в 2011 г. — опустилась еще ниже. В. Рыжков, например, указывает на исследование, проведенное Всемирным экономическим форумом, которое показывает, что за первые два года Медведева у власти мировая конкурентоспособность России значительно ухудшилась, и страна оказалась на прискорбном 63 месте из 133 исследованных стран. Это падение рейтинга включает в себя и значительно ухудшение качества судебной системы. Рыжков утверждает, что исследование Всемирного банка подтвердило: условия для бизнеса в стране значительно ухудшились, и Россия оказалась на 120 месте из 180 стран⁴⁵.

Ухудшение качественных показателей России в период президентства Д. Медведева выражалось в том числе и в стагнирующих результатах и показателях ИРЧП, а в целом — национального человеческого капитала. На фоне стремления власти к модернизации в 2008–2011 годы реальные расходы на науку, образование и культуру сокращались, а на 2012–2014 годы в бюджете фактически заложено их абсолютное и относительное снижение. Особенно наглядно это снижение заметно на фоне стремительного роста расходов на оборону и правоохранительную систему.

Парадоксальное сочетание этих факторов породило феномен **идеологии социального консерватизма**, которая фактически зародилась еще в первый президентский срок В. Путина.

При этом, следует выделить несколько особенностей формирования этой идеологии в последнее время. Из них главными являются следующие.

Во-первых, идеология российского социального консерватизма — это российская, специфическая для российской истории и существующих экономических и социокультурных реальностей форма идеологии социального консерватизма, порожденная не только российскими реалиями, но и политикой В. Путина, основной целью которой являлась стабилизация. Эта идеология становится ведущей в развитых странах,

вытесняя как неолиберализм или неоконсерватизм, так и «чистый» социализм. Особенно это заметно стало в период кризиса 2008–2011 годов, когда ведущие страны Запада пересмотрели свое отношение к основным либеральным ценностям, прежде всего роли государства в экономике. Похоже, что в начале XXI века **именно эта идеология** сохраняет перспективу в развитых странах, а не только в России. По мере развития глобализации, особенно в условиях кризиса 2008–2011 годов, отчетливо обозначились тенденции возвращения государства в экономику и общественную жизнь, сохранение национальной системы ценностей, но, главное, развитие человеческого потенциала с учетом национальной специфики. Объективно эти тенденции совпадают с новым этапом культурно-духовного развития человечества, что, естественно, взаимно усиливает обе тенденции.

Во-вторых, практическая основа этой идеологии в своих главных проявлениях уже сложились за годы правления В. Путина. Думается, что будущие годы станут периодом ее формализации, а, может быть, и нормативного оформления в некую идеологическую систему или доктрину. Попытки «Единой России» сделать это мы уже наблюдаем. Публикации В. Путина в январе–феврале 2012 года по сути стали первыми попытками оформить эту идеологию, описывая различные аспекты политико-экономических реалий. Это означает, что в реальной политической жизни основные элементы этой идеологии **уже существуют**. Но пока что в полной мере не осознаны и не сформулированы.

Поэтому не вполне верно расхожее утверждение о том, что у В. Путина и Д. Медведева нет идеологии и долгосрочной стратегии. Все последние послания президента Федеральному Собранию, а, главное, их действия показывают, что целенаправленно и методично закладывается фундамент под долгосрочную стратегию развития и планирование страны. Такой фундамент не может не быть идеологическим. Даже если В. Путин как «главный идеолог» это и отрицает.

Другое дело, что пока что такая идеологическая работа ведется безсистемно, рефлексивно, используя при этом «сигналы, посылаемые элите». Кризис 2008–2011 годов показал, что отсутствие идеологической системы и рефлексивность поведения ведут к неэффективным управленческим решениям. Идеология не участвует в управлении, т. е. самый эффективный механизм управления у элиты отсутствует: идеология превратилась в политическую риторiku, которая очень далека от реальной политики.

Между тем на современном этапе в науке сложился взгляд на идеологию в форме следующего подхода: чем прогрессивней исторический субъект, тем больше идеология включает положительных знаний; чем он реакционнее, тем иллюзорнее идеология. Прогрессивные силы общества всегда направлены в будущее, поэтому их идеология мобилизует на прогрессивную трансформацию общества. При

этом отнюдь не отрицается, а предполагается сохранение традиции. Такой синтез — отличительная черта социального консерватизма и русского социализма.

Отрицательно влияет на людей идеология социального субъекта, который утратил или исчерпал свою историческую перспективу. Например, носитель идей либерализма или коммунизма. Их интересы начинают противоречить общим интересам общества. Поэтому такие субъекты начинают средствами «боевой» идеологии скрывать свою историческую бесперспективность, вынуждены искаженно отображать социальную действительность, которая приводит к массовому созданию мифов — будь-то коммунистических или либеральных в их классическом представлении XX века. Что очень хорошо видно на примере России 2000–2012 годов, когда изжившие идеологии пытались искусственно реанимировать свои мифы. В том числе и в публичных выступлениях и в публичных акциях протеста. Отнюдь не случайно то, что на протестных акциях оппозиции коммунисты, националисты, анархисты и либералы выступили единым антипутинским фронтом.

В-третьих, основой социально-консервативной идеологии, её стержнем, является главная идея развития человека, его потенциала, который выполняет в условиях глобализации ключевую **роль цели** и, одновременно, **средства развития**. Эти положения с трудом, но становятся частью политики правящей российской элиты. Эта ключевая идея стала общепринятой в XXI веке в развитых странах. В той или иной форме она стала формироваться и в сознании правящего класса в России в 2005–2011 годы.

Можно признать, что в начале XXI века произошло переосмысление правящей элитой приоритетов развития. Может быть, этот процесс в 2010–2011 годах еще не завершился, но совершенно ясна общая тенденция, направленность движения. Впервые за многие десятилетия в России человек, его потенциал становится в центр внимания элиты, действий власти, а не объектом, какой-то иной стратегии. Пока что, к сожалению, не на практике, а в политических заявлениях и даже в некоторых документах.

Парадоксально, но факт: в социальном консерватизме «Единой России», в практических действиях власти эта особенность современного этапа развития России практически игнорируется. Налицо многочисленные инициативы Д. Медведева и В. Путина, так и не сложившиеся в реальную идеологию и политическую стратегию.

Кроме того, социальная сторона деятельности общества и государства, включая социальную политику, объективно становится ведущим направлением, определяющим темпы не только социального, но и экономического развития. Повторю, что этот процесс находится в стадии, когда от политических деклараций начинают постепенно переходить к конкретным действиям. Но делается это бессистемно и недопустимо медленно. Деятельность В. Путина

и Д. Медведева по реализации нацпроектов — пример того, как в 2005–2011 годы власть, не осознавая, может быть, до конца всей «идеологичности», масштабности задач, продвигалась в этом направлении.

Таким образом, реальный образ России, который в 2007–2011 годы формировался непоследовательно и бессистемно как в стране, так и за рубежом, не опирался на идеологию и внятные представления правящей элиты о будущем России, а являлся рефлексией на вызовы глобализации, усугубленные кризисом 2008–2011 годов, и плохой управляемостью. В конечном счете стойкое сопротивление российской правящей элиты влиянию Запада объективно способствовало процессам формирования собственно российской идеологии.

За исключением Концепции единого евразийского политико-экономического пространства, ни Д. Медведев, ни В. Путин пока так и не предложили политико-идеологической системы взглядов, оформленных в стройную идеологическую концепцию. И это притом, что такая система (в виде социально-консервативной идеологии) в реальности уже начала формироваться в обществе и даже в недрах «Единой России».

Очень схожая ситуация наблюдалась и во внешней политике России, где подчеркнутый прагматизм, отрицание идеологии сопровождалось процессом переосмысления старых схем мироустройства и национальных интересов России, т. е. наблюдался очевидный поиск самоидентификации России во внешнем мире.

Так же, как и во внутренней политике, бессистемно, противоречиво, а иногда и непоследовательно. Требовалось, с одной стороны, отказаться окончательно от либеральных догм, а с другой — предложить новую идеологию и концепцию, переосмыслить реалии. Как заметил академик А. Торкунов, «осмысление современного международного контекста заставляет нас отказаться от статичных схем биполярности в пользу многополярности с заведомо известными полюсами и схемами центросиловых отношений. Более адекватными представляются утверждения о „плавающей“, „меняющейся“ геометрии современной мироструктуры. Изначально термин „variable geometry“ был применен для характеристики европейских процессов первой половины 1990-х годов, когда стало ясно, что на пути к полноценному Европейскому Союзу внутри самого ЕС возникают разнотемные движения, различные специализированные полюса влияния — экономический, финансовый, военно-политический, а также различные конstellляции этих полюсов»⁴⁶.

Важное значение — не случайно — имело резкое обострение в 2007–2011 г. «исторической политики», т. е. жесткая и необъективная критика со стороны ряда западных стран и некоторых российских политологов исторического прошлого Российской империи, СССР, современной России. Историю попытались не просто

переписать и переосмыслить, но и — главное — навязать российскому народу и его элите новую политическую трактовку многих исторических событий. Как следствие необходимости противодействия таким попыткам в мае 2009 года была создана Комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России, которой пришлось фактически не только начинать с нуля этап идеологического осмысления истории, но и столкнуться с откровенно организованной идеологической кампанией по её фальсификации. И это — заметная часть наших идеологических неудач во внешней политике.

Складывающиеся компоненты социального консерватизма суть новой идеологии, которая формируется в последние годы в условиях глобализации

в развитых странах и в России, что вполне объективная тенденция, которая сдерживалась в нашей стране в силу известных факторов. Можно сказать и проще: плутая последние десятилетия по бездорожью, Россия вышла на твердую почву — магистральный путь развития. Проблема только в том, чтобы, во-первых, быстро по нему двигаться. А, во-вторых, чтобы очередные идеологические «шаманы» не столкнули с этого пути российское общество.

Эта идеология, реализованная в политике России, могла бы стать механизмом формирования будущего образа нации и страны на системной идеологической основе. Нации — лидера по развитию НЧП, способного обеспечить наивысшие достижения в области культуры, науки и образования.

3. Ставка на развитие национального потенциала человека как эффективная внешнеполитическая идеология

Российские люди очень умные, очень трудоспособные...⁴⁷.

*А. Шварценеггер,
губернатор Калифорнии*

... российская культурная матрица содержит благоприятные предпосылки для подъема инновационной активности и совершения технологического скачка...⁴⁸.

Формируя образ России, важно понимать, что такой образ должен быть привлекательным, конечно, прежде всего для нации, но также и для мирового сообщества. Новый образ страны должен учитывать международные реалии.

В недавние времена внешний облик страны во многом формировался под влиянием фактора силы, т. е. возможности того или иного государства использовать военную силу в качестве решающего инструмента своей внешней политики. В последней четверти XX века стало складываться мнение о том, что военная сила теряет свое решающее значение, причем эта точка зрения в СССР и ранней России приобрела гипертрофированное понимание. Сегодня мы можем говорить о том, что наравне с другими факторами влияния в мире военная сила продолжает оставаться инструментом внешней политики, уступая, однако, в своей эффективности инструментам, которые объединяются под общим понятием «мягкой силы». Таким, например, как лидерство в образовании, науке, культуре, способности развивать и применять во внешнеполитических интересах институты гражданского общества.

На мой взгляд, у России есть исключительные возможности развивать и использовать этот набор инструментов влияния для усиления своих позиций в мире, создавая позитивный образ страны. Главной целью при формировании такого привлекательного образа является развитие национально-го потенциала человеческой личности. Эта мысль

сегодня в России почти не находит поддержки. Правящая элита, понимая необходимость создания привлекательного образа, России за рубежом, ориентируется (как и во внутренней политике) на пиар. В лучшем случае, на политику технологической модернизации.

В действительности, Россия не скоро может стать технологическим, экономическим или финансовым мировым лидером, но стать мировым лидером в области науки, духовности, культуры, образования, точнее, — вернуть себе такое лидерство и закрепить его в будущем образе России, — вполне реальная цель уже в среднесрочной перспективе. Наши «успехи» в экономике очень скромны. Отток талантливых людей, идей и капиталов продолжается. Так, «чистый отток частного капитала из РФ в 2011 году, по оценке ЦБ РФ, составил \$84,2 млрд.

В 2011 году этот показатель был на уровне \$33,6 млрд. Таким образом, отток капитала из РФ за год вырос в 2,5 раза. Выше отток был только в 2008 году, когда в результате «плавной девальвации» чистый вывоз капитала достиг \$133,7 млрд»⁴⁹.

Сохраняется и отток человеческого потенциала России за рубеж. Несмотря на попытки власти смягчить эту ситуацию — выделение повышенных дополнительных стипендий и т. п., — отток «мозгов» из России продолжается. Может быть, он уже не столь высок, как в 90-е годы, но и сегодня десятки тысяч лучших специалистов уезжают из страны ежегодно, а общие потери оцениваются в несколько

миллионов. Подтверждается мысль, что жесткая конкуренция в мире идет прежде всего за человеческий капитал.

Именно поэтому следует понимать, что развитие науки, культуры, искусства и духовности может в короткие исторические сроки не только резко увеличить НЧП, но и дать серьезный позитивный эффект с точки зрения формирования привлекательного образа России в мире. Именно эти составляющие потенциала человеческой личности должны выйти на авансцену российской внешней политики. Это в принципиальном плане должно стать лейтмотивом будущей Концепции российской внешней политики, ориентированной не на политической прагматизм, а на ценности и идеалы, привлекающие весь мир.

В основе нынешней Концепции внешней политики России, как известно, находятся национальные интересы, которые **понимаются** элитой по-разному, в том числе и с точки зрения их приоритетности. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом России 28 июня 2000 года, декларируется, что она «...представляет собой систему взглядов на содержание и основные направления внешнеполитической деятельности России»⁵⁰, т. е. по сути дела эту концепцию можно назвать «идеологией прагматизма во внешней политике России». В перечне основных целей внешней политики в последнюю очередь (на 7-м месте) упоминается и цель «содействие позитивному восприятию Российской Федерации в мире, популяризации русского языка и культуры народов России в иностранных государствах»⁵¹.

На мой взгляд, эта цель внешней политики России должна быть не только скорректирована в сторону усиления акцентов на продвижение российских ценностей в мире, но и занять первое место во всей системе приоритетов. В условиях глобализации первая группа целей внешней политики, заявленная как «обеспечение национальной безопасности» и «суверенитета» страны, достигается, прежде всего, посредством развития и продвижения Россией в мире своих культурных, научных, образовательных и духовных составляющих национальный человеческий потенциал.

Сравнение НЧП государств стало решающим в определении соотношения сил и позиций тех или иных государств в мире. Приведу, вроде бы, частный пример сравнения места Франции, Румынии и Молдавии, из которого видно, как в реальной политике определяется влияние государства⁵² (табл. 3).

Табл. 3. Некоторые сравнительные показатели социально-экономического развития Франции, Румынии и Молдавии (2009 г.)

	Франция	Румыния	Молдова
Численность населения (млн чел.)	62,2	21,5	3,38
Доля в мировом ВВП (%)	4,62	0,25	0,07
Доля в общем объеме импорта товаров и услуг (%)	4,62	0,36	0,02
Доля в общем объеме экспорта товаров и услуг (%)	4,01	0,275	0,01

Уже эти приведенные данные наглядно демонстрируют, что если даже Румыния в мировом масштабе представляет собой страну с малой экономикой и вносит более чем скромный вклад в мировую экономику, то показатели мирового «веса» Молдавии вообще приближаются к нулю. И в этом смысле Румыния, конечно, выглядит если не гигантом, то по крайней мере, государством, существенно превосходящим Молдавию по своему потенциалу и способным оказывать давление как на правящий режим, так и на молдавское общество.

Табл. 4. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) Франции, Румынии и Молдавии, по данным ПРООН

Годы	Франция	Румыния	Молдова
2005	0,95	0,813	0,708
1990	0,91	0,777	0,74

Это означает, что на современном этапе развития человечества именно эти факторы начинают приобретать более важную роль — и для России особенно, — чем экономические, финансовые и военные.

Они же могут стать содержанием того идеологического лидерства, которое может привести к лидерству глобальному, т. е. последовательность должна быть следующая: см. рис. 3.

Пока что Россия добровольно отказывается не только от бывшего идеологического лидерства, но и идеологии, предлагая по сути дела концепцию «технологической модернизации», которая в лучшем случае может обеспечить **повторение американского или иного опыта**. Следовательно, как и любые повторения, такая концепция по определению

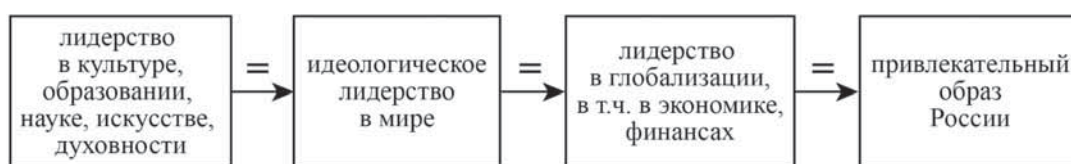

Рис. 3.

не будет ни привлекательной, ни новой. Она будет изначально запаздывать. Она не будет работать на опережающее развитие. Выбирая американскую модель технологической модернизации, мы, таким образом, во-первых, обрекаем себя на повторение, запаздывание, во-вторых, отказываемся от своих сильных конкурентных преимуществ — культуры, образования, науки и духовности, — а, в-третьих, от идеологического лидерства, ставя себя в цивилизационном соревновании заведомо в положение ведомых, а не ведущих. Но именно такая модель стала официальной в 2009–2012 годы.

Идеологическое лидерство неизбежно связано с опережающим развитием НЧП и его носителя — креативного класса. Если у этой движущей силы не будет понятной, внятной и приемлемой идеологии, то она, как и в 80-е годы XX века, превратится в разрушительную силу. Что и доказали митинги 2011–2012 гг. Примечательно, что опросы ВЦИОМ на митинге оппозиции 24 декабря 2011 года показывают, что присутствующие (по всем критериям) соответствовали представлению о креативном классе (табл. 5)⁵³. И, наоборот, складывается впечатление, что поддержку В. Путину на митинге 4 февраля 2012 года оказывали преимущественно бюджетники.

Ориентируясь на технологическую модернизацию и тех, кто способен ее реализовать (прежде всего государственные институты и бюджетники), мы изначально выбираем неверные методы модернизации и инновационной политики, которые становятся фактически продолжением прежней идеологии «прагматизма». Только с «технологическим» лицом. Которая, повторю, была необходима, даже неизбежна, в период стабилизации и кризисного управления, но которая не пригодна в интересах опережающего стратегического развития, определяемого прежде всего темпами развития НЧП.

Эта идеология «кризисного управляющего», себя уже изжила по мере решения задач стабилизации. Более того, становится все яснее, что исключая идеологические приоритеты и методы управления, власть лишается не только мощных средств влияния и управления, но и начинает допускать тактические ошибки в построении политики модернизации. Можно сказать еще категоричнее — *опережающее развитие, консолидация общества, формирование политической системы в целом невозможны без идеологии, опирающейся на сильные качества нации, причем идеологии активной, амбициозной, лидерской, даже в некотором ряде агрессивной*. Носителем такой идеологии лидерства уже стала совершенно новая социальная группа — творческий (креативный) класс, который в первом десятилетии XXI века стал главной силой общественного и экономического развития уже не только в мире, но и в России. Таким образом, в России **уже есть** не только объективные условия для формирования лидерской идеологии, но и мощная социальная группа (можно даже сказать ведущий

Табл. 5. Опрос на митинге 24 декабря 2011 года на проспекте Академика Сахарова. Опрошен 791 человек (в % от числа опрошенных)

Пол	
1. Мужской	60
2. Женский	40
Возраст	
1. 18–24	25
2. 23–39	39
3. 40–54	23
4. 55 и старше	22
Образование	
1. Основное/неполное среднее	1
2. Полное среднее (11 классов школы)	5
3. Начальное профессиональной (профтехническое)	1
4. Среднее профессиональное (техникум)	11
5. Неоконченное высшее (не менее трех курсов вуза)	13
6. Высшее (окончен вуз)	62
7. Два высших/получаю второе высшее	8
Кто вы по основному роду занятий? Если сейчас не работаете, то по последнему основному постоянному месту работы?	
1. Владелец собственного бизнеса	8
2. Руководитель (более 10 подчиненных)	8
3. Руководитель (до 10 подчиненных)	9
4. Специалист	46
5. Офисный служащий	8
6. Работник торговли/сферы услуг	4
7. Рабочий	4
8. Никогда не работал(а) — студент	12
9. Никогда не работал(а) — домохозяйка	2
Не могли бы сказать, люди каких политических взглядов наиболее близки вам по своим идеям?	
1. Анархисты	3
2. «Антифа»	2
3. «Новые левые»	2
4. Коммунисты	13
5. Социалисты/социал-демократы	10
6. «Зеленые»	8
7. Демократы	38
8. Либералы	31
9. Консерваторы	3
10. Национал-патриоты	6
11. Другие	4
12. Никто из них	6
13. Затрудняюсь ответить	3
Обсуждали ли вы в социальных сетях или в блогах в течение последних трех месяцев нынешние выборы в Государственную Думу России и связанные с ними событиями?	
1. Регулярно	37
2. Время от времени	31
3. Нет	

класс) — носитель этой идеологии. Привлекательный для образа России в мире, проведения его активной внешней политики, возможно и необходимо именно с помощью и активным участием именно креативного класса.

С точки зрения внешнего восприятия такая стратегия — наиболее благоприятная: достижения науки, культуры, образования, как правило, не встречают негативной реакции за рубежом. Более того, их продвижение не только легче, но и эффективнее в зарубежных СМИ. Как, впрочем, и формирование образа России через образ феномена креативного класса как основного носителя достижений.

Исследованию этого феномена посвящено в последние годы немало работ, среди которых особое место занимает монография Р. Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее», переведенная на русский язык в 2005 году⁵⁴. Как справедливо замечает один из российских исследователей этой темы, основная ценность книги Флориды для так называемой новой российской элиты заключается, пожалуй, в части «взросления креативного класса», в которой автор критикует его за инфантилизм, безответственность и пренебрежение исполнением своих лидерских обязательств. Так было и есть в России, где разрушительную энергию креативного класса попыталась использовать оппозиция на митингах и шествиях в конце 2011 и в 2012 году. Примечательно в этой связи, что использование В. Путиным духовного потенциала нации (авторитета руководителей религий и конфессий) в ходе его избирательной кампании вызвало крайне болезненную реакцию либеральной оппозиции не только в России, но и за рубежом⁵⁵.

«Пренебрежение лидерскими обязанностями» отчетливо ощущается на российском примере, где креативный класс и его потенциал в наименьшей степени задействованы властью во внутренней и внешней политике. Именно российский творческий потенциал должен стать главной движущей силой и основной составляющей образа России, как в стране, так и за рубежом. Он же должен стать главной целью политики модернизации и главным субъектом, даже единственным субъектом, способным ее реализовать.

Если свободный и активный выбор места жизни и работы на основании собственных интересов является одной из базовых особенностей представителей новой общественной формации, то ее стремительно растущий разрыв с так называемым обслуживающим классом (увеличившимся, например, в США с 1900 года в 10 раз, крайне пассивным, фактически занимающимся только удовлетворением бытовых потребностей креативного класса и часто ведущим «изнурительную борьбу за существование посреди чужого изобилия») является, пожалуй, важнейшей социальной проблемой. Складывается парадокс: российский креативный класс, который должен стать главной движущей силой и целью модернизации, —

никак себя позитивно не проявляет. Но его практически не замечает и элита, а, значит, и не видит тех колоссальных возможностей, которые могут быть им предоставлены для стратегии опережающего развития страны, формирования образа России.

Как ни режет слух свободлюбивых «творцов»-индивидуалистов это выражение, Р. Флорида призывает их ... к выработке идеологии, классового сознания: «Любая концепция персональной идентичности требует продуманного представления о том, как человек соотносится с другими людьми, в чем его обязанности перед ними и что он ожидает от них. Боюсь, что об этом у членов креативного класса самые расплывчатые представления». И далее: «Мы должны превратиться из аморфного сборища самодеятельных, пусть и преуспевающих, индивидов, в более сплоченную, более ответственную группу»⁵⁶.

В этом, на мой взгляд, заключается проблема формирования облика России. Кто, собственно говоря, будет заниматься этим? Если государственные структуры и штатные пиарщики, то их неэффективная деятельность хорошо известна. Более того, боюсь, что любая подобная деятельность будет встречать непонимание и сопротивление в мире, а ее результаты — ничтожны. Другое дело, когда образ России в мире будут формировать представители креативного класса — ученые, деятели культуры, искусства, духовные лидеры. Уверен, что эффективность их работы будет ощущаться сразу.

Полезно, в этой связи, привести мысль ректора МГИМО(У) А. Торкунова, который представляет мировую систему в виде «... пирамиды, состоящей из целого ряда «слоев», секторов, наложенных друг на друга»⁵⁷ — экономических, политических, военных и т. д. На мой взгляд, сектор, который условно можно назвать сектором НЧП, стал решающим. Именно он доминирует не только в приросте ВВП развитой страны, но и определяет ее технологическую, военную, политическую мощь и влияние.

Новую политическую роль этого класса, конечно же, отмечают, но она пока не стала частью новой идеологии элиты, а, тем более, частью ее политики. Между тем именно креативный класс не противопоставляет себя другим классам и социальным группам. Он часть, причем значительная (тот же Р. Флорида оценивает его в 15 млн чел. для России и 35 млн — для США) всех социальных групп и классов. Единственный его противник — бюрократия, находящаяся у власти. Может быть, это объясняет то обстоятельство, что в России идеи развития человеческого капитала и креативного класса натываются на такое жесткое сопротивление? Хуже того, — эти идеи не находят своего места в стратегии развития.

Идеология — один из самых эффективных способов управления и развития общества, государства и нации (либо ее деградации), мощный ресурс, который, умело используя, может дать сильнейший эффект. Всегда ради какой-то цели, «идеала». В дан-

ном случае создания позитивного облика России посредством развития потенциала НЧК и его институтов. Без такой ясной цели любая идеология (как и политика) бессмысленна. Она просто не существует. В этом смысле все насмешки по поводу поиска «национальной идеи» последних лет — беспочвенны, даже вредны. Сторонники этой точки зрения активно и агрессивно продвигают свои, как правила, псевдолиберальные идеи, основанные на «универсальных» ценностях.

Образ России, как национальная идея и цель развития, нужны хотя бы в целях самосохранения. Той же правящей элиты. Общество без цели, т. е. идеи, вообще-то вряд ли может существовать, а тем более развиваться. В том или ином виде такие «национальные идеи» существуют во всех нациях, даже в тех, интеллектуальные представители которых пытаются это отрицать. Проблема — в понимании, желании и способности элиты сформулировать эту идею на публичном и вербальном уровне, ведь «идеи» могут существовать и внутри нации, не оформленные ясными лозунгами, в скрытой, даже очень личной форме. Так, идея, сформулированная в Концепции национальной безопасности России до 2020 года, «войти в пятерку» наиболее развитых стран, на мой взгляд, — бесперспективна. Хотя бы потому, что такой результат мало что дает нации: он абсолютно не характеризует ни качество экономики или общества, ни качество жизни. Она может стать задачей для чиновников, поручением президента РФ, но не общенациональной идеей, целью развития.

Где граница между национальной идеей и поручением? На мой взгляд, ради национальной идеи можно пожертвовать многим, даже жизнью. Кроме того, национальная идея (как и в целом идеология) мобилизует национальные ресурсы, предполагает сверхусилия, а не выполнение «технико-экономического задания». Она создает политико-культурную среду, в которой происходит трансформация национальных традиций и системы ценностей в соответствии с современными реалиями. Как это происходит, например, в Китае последние 20 лет в рамках модернизации конфуцианской традиции⁵⁸.

Сегодня понимание этого явления становится особенно важным потому, что в основе любой национальной идеи лежит человек, личность. Формы этой идеи могут быть разными, но предмет один — человек, точнее, — личность. Более того, именно сегодня становится ясно, что в основе борьбы различных идеологий лежит борьба за человека, его политическую поддержку, его душу. В одном случае, это идеология (идеологии), в конечном счете, направленная **против человека** (даже если они и утверждают обратное), в другой — **за человека**. Конфликт опять выходит на духовный уровень борьбы Добра и Зла. На новом этапе мирового развития этот конфликт будет определяющим. А значит будущий образ России, в том числе и проецируемый в мире, должен ясно говорить

о том, что он — в пользу Добра и против Зла, нести в себе мощный нравственный заряд. Не случайно большинство публичных обращений американского президента, в том числе и послания к Конгрессу, прямо апеллируют к Богу, Добру. Не случайно и то, что в начале 80-х годов прошлого века Р. Рейган назвал своего главного идеологического и политического противника — Советский Союз — «империей Зла».

И не случайно подобных образов многие годы избегает российское руководство, которое дистанцируется от идеологии, ибо любой вопрос о Добре и Зле — это вопрос прежде всего идеологический. Избегает, хотя это наносит очевидный ущерб самой правящей элите. Инерция либеральной традиции 90-х годов, пытавшейся вывести проблемы нравственности за скобки политики, к сожалению, остается, хотя выступления 2011–2012 годов различных общественных групп в основе своей опирались (или пытались опираться) на нравственную или псевдонравственную позицию. «Синие ведерки», «честные выборы», «права человека», «борьба с коррупцией» и т. п. — идеологемы, оппозиция пытается апеллировать к нравственным основам, хотя, справедливости ради, следует отметить, что те же самые люди тщательно избегали этого в период горбачевско-ельцинских реформ.

Вообще, все, что касается нравственных позиций, — нынешние либералы в огромном долгу перед нацией и обществом. В 90-е годы они откровенно игнорировали любые попытки нравственно-рыночного понимания не только экономической, но и социальной политики. В результате нация заплатила огромную демографическую, социальную и нравственно-духовную цену. Поэтому сегодняшние призывы либералов к справедливости и нравственности выглядят, по меньшей мере, странно: если вы агрессивно поддерживали расстрел парламентской демократии в октябре 1993 года, откровенную фальсификацию выборов, сомнительную Конституцию и т. д., то почему «вдруг» сегодня всех так беспокоит авторитаризм власти? Авторитаризм Б. Ельцина, доведенный до откровенной либеральной диктатуры, ведь не беспокоил!

Проблемы, стоящие перед человечеством в XXI веке, это не столько проблемы финансов и экономики, которые доминируют в нынешнем медийном пространстве, а глобальные проблемы Добра и Зла, справедливости и несправедливости. Так, контроль США над эмиссией доллара, ставшего когда-то мировой валютой, это не только финансовая, сколько нравственная проблема, проблема справедливости. С точки зрения экономической, можно найти массу причин, объясняющих, почему США, производящие 20% мирового ВВП, обладают 40% мирового богатства. Но с точки зрения нравственной — это необъяснимо. Поэтому формирование привлекательного образа России сегодня необходимо начинать с нравственных, базовых

понятий, которые — подчеркну — имеют сильную национальную и историческую специфику.

Вообще-то, *социокультурный фактор идеологии*, о котором до сих пор избегали говорить в России, — основной. Критичной эта ситуация, как ни парадоксально, стала в самом благополучном 2007 году, когда уже казалось (и говорилось), что Россия превратилась в «остров стабильности» в мире. С. Говорухин, в это время, цитируя А. Солженицына, вполне определенно раскрыл **политический смысл** культуры и духовности: «Если духовные силы нации иссякли, никакое наилучшее государственное устройство и никакое наилучшее промышленное устройство не спасут ее от смерти. С гнилым дуплом дерево не стоит.

А где нация черпает свои духовные силы? В своей истории, в своей литературе, искусстве, вообще в культуре. Вот как только убедить в этом руководителей государства?! Ни в одном еще послании обоих президентов Федеральному собранию проблемы культуры не были затронуты всесторонние и глубоко.

А это означает: главной опасности не видим!»⁵⁹

Символично, что это далеко не первое публичное обращение общественных и политических деятелей к базовым ценностям (вспомним, хотя бы, движение «Духовное наследие» и их многочисленные публикации периода 1991–2003 годов). Буквально через несколько дней после выступления С. Говорухина, 26 апреля того же 2007 года, в Федеральном послании Президента России прямо было признано: «... духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность»⁶⁰. Я бы сказал, — самый важный, основополагающий, без которого невозможна никакая стабильность, а, тем более, развитие. Подчеркну, что в этом же послании не случайно главной целью деятельности был объявлен человек, развитие его потенциала. К сожалению, на этот аспект послания В. Путина СМИ вовсе не обратили внимания. И элита тоже. А зря. В очередной раз мы «проскочили», превратили в риторику стратегическую мысль. Это весьма болезненно отразилось на развитии России в последующие годы.

Д. Медведев в период своего президентства, а ещё раньше, когда он был первым заместителем председателя правительства, неоднократно обращался к теме развития потенциала человеческой личности в связи с сохранением базовых национальных ценностей. Но, пора сказать, что эти публичные высказывания В. Путина и Д. Медведева так и не стали политической практикой, нормой для правящей элиты в последующие годы. Эти сигналы скромно «прошли» на уровне основных нормативных документов — Стратегии национальной безопасности до 2020 года, Концепции внешней политики и т. д., но не вошли в реальную жизнь. Они так и не стали идеологией потому, что были предназначены, как и все нормативные документы, для узкого круга чиновников,

т. е. того социального слоя, который в наименьшей степени причастен к идеологии творческого класса. Как, впрочем, и остальные позитивные идеи, утонувшие в политической риторике. Более того, в силу их недоразвитости (вспомним идеи «перестройки», «гласности» и т. д.), умышленной недосказанности, они стали постепенно дискредитироваться. И, в конечном счете, оказались дискредитированными уже в 2011 году, что наглядно показали последующие события. Так, никто не удосужился до сих пор внятно объяснить, что подразумевается под терминами «модернизация» и «инновация» в широком их смысле. Каков план, главные движущие силы и т. д. Рожденные в недрах референтуры, они так и остались терминами, не более того. Посланные обществу «сигналы» фактически не сработали, были проигнорированы. Фактически отрицательные результаты инновационной политики к 2012 году стали очевидны для всех. В 2011–2012 годах последовала цепь признаний о провале не только инновационной, но и технологической политики — от «Стратегии-2020» до кризиса в космонавтике⁶¹ и в авиастроении.

Вместе с тем нельзя и преуменьшать значения того, что высшая элита не только заговорила о реальных, а не мнимых приоритетах и ценностях, но и оформила их (пусть в не очень точной форме) в нормативных документах. Фактически создана идеологическая база, которую нужно развивать, конкретизировать, а, главное, превратить в национальную идеологию. Впервые, может быть, за 20 лет появилась реальная основа для идеологии. В. Путин попытался конкретизировать ее в серии статей, опубликованных в начале 2012 года в ходе избирательной кампании, но цельной системы взглядов он так и не предложил.

Таким образом, в мировоззрении политической элиты России в период с 2007 года по 2012 год произошел определенный перелом, который, коротко говоря, можно характеризовать простыми словами: все, в принципе, встало на свои места. Базовые интересы и ценности, отодвигавшиеся десятилетиями искусственно, снова стали базовыми, а реальные политические цели — человек — стали реальными целями, зафиксированными в нормативных документах. Недооценивать значение этого перелома нельзя. Но и преувеличивать тоже. По сути, он означает начало, старт процесса пересмотра всей политики государства, который займет, конечно же, какое-то время. Но новый подход, появившийся в результате политической стабилизации, новые по масштабу ресурсы дают начало этому новому процессу. Уже не стабилизации, а ускоренного развития. Этим объяснялись многие практические шаги В. Путина и Д. Медведева в 2007–2012 годы. К сожалению, не всегда системные и последовательные.

Наступивший в 2008 году кризис пресек не только процесс ускоренного экстенсивного роста, но во многом и идеологического развития, заменив его

(при отсутствии внятно сформулированной идеологии) частными мерами по стабилизации финансово-экономической системы. Опыт такой антикризисной политики 2008–2012 годов скорее негативный: у России оказался самый глубокий спад ВВП, самые высокие темпы инфляции, наблюдался высокий темп роста цен и тарифов, падение доходов населения и т. д. Все это говорит о неэффективности антикризисной политики, которая была ориентирована прежде всего на стабилизацию финансовой системы и поддержку, часто бессмысленную, крупных товаропроизводителей. Но, главное, на мой взгляд, это то, что кризис 2008–2012 годов был прежде всего **кризисом идеологическими**. И не только в России, но и в мире, а уж только потом кризисом управленческим, финансовым, биржевым, экономическим, социальным. Это, кстати, признали и лидеры мировой экономики в январе 2012 года на своей встрече в Давосе. Кризис показал, что у стран-лидеров глобализации иссякли ресурсы развития в рамках той неolibеральной модели, которая казалась идеальной последние десятилетия. Но, если кризис идеологический, то и лечить его нужно было прежде всего идеологическими, а не финансовыми средствами. В определенном смысле кризис мог стать даже катализатором взросления российской элиты, условием ускорения перехода к пониманию необходимости лидерства в идеологии. И необходимости формирования притягательного образа будущей России. На качественно новой, а не заимствованной либералами идеологической основе.

При любых внешних политических обстоятельствах идеологическая борьба — хотя бы того или нет — выходит на первый план, ибо ценности, приоритеты, другие категории, это, прежде всего, категории идеологические. И здесь важно стать идеологическим лидером, а не последователем устаревших либеральных ценностей, сформировать свой национальный идеал, который стал бы первоосновой для формирования будущего образа России. Этот образ — основа будущей идеологии, которая, кроме прочего, должна, используя выражения патриарха Кирилла, «исправить кривизну нашей истории» 90-х годов⁶². По этому поводу известный русский военный мыслитель Е. Мартынов в своей, ставшей классической, работе «Обязанности политики по отношению к стратегии», определенно высказал эту мысль: «каждый народ в известную эпоху имеет **свой политический идеал** (подч. — А. И.). Для одного народа он заключается в национальном объединении, для другого — в завоевании прочных естественных границ, для третьего — в овладении морем, для четвертого — в приобретении выгодных рынков.

Эти идеалы также разнообразны, как бесконечно разнообразны условия жизни различных государств, потребности и вкусы его населения. Народы живут и борются, достигают своих заветных целей в борьбе за них; но всегда на место осуществленного уже идеала становится новый. Без этого условия немыслимо

существование здорового и свежего государственного организма. Если мы видим народ, у которого впереди уже нет никаких политических целей, которому нечего желать и не за что бороться, то мы можем быть уверены, что он уже выполнил свою роль в истории... находится в периоде вырождения»⁶³.

Сказанное 100 лет назад имеет прямое отношение к нынешней России и осознанию ее места в глобальном мире. Прежде всего, идеологического, связанного с самоидентификацией общества и его элиты. Что мы и наблюдаем сегодня в современной России. Но не только. Ниже я буду еще не раз повторять мысль о том, что выбор стратегии развития, включая частные, отраслевые, даже региональные стратегии (которые стали активно появляться в 2006–2011 годах), неизбежно связан с **идеологическим выбором**. Более того, повседневная жизнь, ежедневное принятие решений **на всех уровнях** — от президентского до поселкового — требует высокой степени координации, которой можно добиться **только при существовании национальной идеологии**.

Простой пример, подтверждающий этот вывод: в апреле 2007 года в послании В. Путина была по сути предпринята попытка озвучить идеологию развития страны, но — примечательно — в то же самое время, в Лондоне И. Юргенсом предлагались частные сценарии и прогнозы для России на 2008–2016 годы. Их четыре. Первый — мобилизационный, второй — государство-рантье, третий — постепенные, «аккуратные» изменения в сторону модернизации, четвертый — собственно, модернизационный. По мнению Юргенса, реальный выбор будет происходить между государством-рантье с упором на социальные программы и «аккуратными» шагами в сторону модернизации⁶⁴. Примерно тогда же выходит и книга будущего премьера В. Зубкова, работы других авторов. Совпадение по времени — не случайно. Оно свидетельствует о том, что разные представители российской элиты одновременно размышляли в одном и том же направлении. А именно: стратегическое (идеологическое) мышление и планирование осознавалось уже в 2007 году как практическая потребность. Осознавалось, но так и не стало им. Последующие годы — период дальнейшего осознания необходимости идеологии, вплоть до признания такой необходимости Б. Грызловым, Д. Медведевым и В. Путиным, а также «Единой Россией» в 2009–2011 годах. Но одновременно мы видим, что практическая политическая деятельность **так и не стала следствием** формирования идеологии. «Ручное управление», «рефлексия», субъективизм и спонтанность — это черты кризисного периода 2008–2011 годов сохранялись и позже.

В этой связи можно унифицировать политику посредством использования в качестве основного критерия индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Конечно, это упрощенный метод, который лишь частично отражает значение НЧП.

Ежегодно публикуемый под эгидой ООН рейтинг стран по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП; Human Development Index — HDI) является авторитетным инструментом для универсальных сравнений как в академической среде, так и в политическом сообществе. Его можно и нужно сделать более показательным, превратив в индекс национального человеческого потенциала, с помощью которого можно сравнивать соотношение сил в мире и определять степень возможности влияния государства на ситуацию в мире.

Непосредственно составлением рейтинга стран по данному индексу занимается Программа развития ООН (ПРООН). В создании Докладов о развитии человека⁶⁵ участвует группа независимых экспертов, в своей работе опирающиеся на другие исследования, проводимые ООН, а также на официальные данные национальных исследовательских центров.

Значение ИРЧП призвано показывать уровень благополучия населения в стране, а также существующие в ней возможности для реализации жизненных потребностей и приоритетов. В качестве важнейших критериев развития человека выбраны долгая здоровая жизнь, высокий уровень образования и достойный (в материальном отношении) уровень жизни. Но только ли уровнем благополучия определяется качество человеческой жизни?⁶⁶

ИРЧП является композитным индексом, который подсчитывается на основании индекса ожидаемой продолжительности жизни, индекса образования и индекса ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Источником данных для определения индекса ожидаемой продолжительности жизни (Life Expectancy Index) является официальное издание ООН «Перспективы народонаселения мира». Индекс образования (Education Index) рассчитывается исходя из уровня грамотности взрослого населения и совокупного валового коэффициента поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения. Данные о грамотности населения берутся из официальных результатов национальных переписей населения и сравниваются с показателями, вычисляемыми Институтом статистики ЮНЕСКО. Для развитых стран, которые уже не включают вопрос о грамотности в анкеты переписи населения, принимается уровень грамотности в 99%. Данные о числе граждан, поступивших в учебные заведения, агрегируются Институтом статистики ЮНЕСКО на основе информации, предоставленной соответствующими правительственными учреждениями стран мира. Индекс ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (GDP Index) понимается в исследовании как индекс достойного уровня жизни. Данные по уровню ВВП на душу населения предоставляются Всемирным банком.

На основе рассчитанных показателей ИРЧП страны (в Докладе 2009 г. ИРЧП рассчитан для 182 государств) ранжируются на государства с высоким

уровнем ИРЧП (83, включая Россию; на первом месте — Норвегия), со средним уровнем ИРЧП (75) и низким уровнем ИРЧП (24; на последнем месте — Нигер).

ИРЧП по факту предоставляет чуть ли не стандартную классификацию государств мира, пользующуюся доверием, часто применяемую в различных исследованиях, в том числе сугубо прикладных. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что в его основу положены не субъективные оценки экспертов или политиков, а **реальные числовые показатели, взятые из официальных источников** (конечно, это может создавать некоторые проблемы, связанные с тем, что правительства могут сознательно приукрашивать реалии своих стран), он относительно объективен и поддается верификации. ИРЧП, помимо названных достоинств, ежегодно обновляется.

Необходимо в этой связи создать эффективную систему государственного управления. Это не только основная проблема России, но и наиболее труднорешаемая. За время президентства Д. Медведева, следует признать, предпринималось бесчисленное количество попыток улучшить качество госуправления и повысить его эффективность в большинстве областей государственного строительства — от судебной реформы до реформирования милиции (полиции). Надо признать, — малоэффективных, практически безрезультативных. Это произошло потому, что сами ведомства пытались себя реформировать — Минобороны, МВД, прокуратура и т. д., что заведомо обрекло такие реформы на провал.

Новая идея Д. Медведева — «Большое правительство», — похоже, ждет та же участь, хотя в основе идеи лежит адекватное понимание сути провала предыдущих попыток: реформы государственных институтов должны проводиться с активным участием всей элиты, всего общества и его институтов, а не отдаваться на откуп бюрократам.

Приоритетами будущего «Открытого правительства», согласно указу, являются социальная политика, защита прав граждан, развитие конкуренции и предпринимательства, инновационное развитие, долгосрочная макроэкономическая и бюджетная политика, развитие кадрового потенциала. В центре его внимания также будут региональная политика и децентрализация полномочий в сфере госуправления и такие направления, как инфраструктура и транспорт, спорт, туризм, предоставление госуслуг в электронной форме и другие⁶⁷.

Возможно, что подобная реформа сможет сконцентрировать в интересах нации и государства институты НЧП и задействовать их более эффективно, ведь в 2012 году стало абсолютно ясно, что внешняя и внутренняя политика при слабых институтах гражданского общества (прежде всего представляющих НЧП) становится крайне уязвимой для внешнего влияния. События в арабском мире, а до этого в Югославии, — очень показательны.

4. Роль власти и государства в формировании национальной идеологии в условиях глобализации

Назрела необходимость в обновлении методологии общественно-научных исследований, в создании новой методологической парадигмы⁶⁸.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

... с одной стороны, развитие непрерывно, его звенья вплотную примыкают друг к другу, тогда как с другой — оно сплошь состоит из скачков, т. е. прерывно⁶⁹.

*Р. Додельцев,
профессор МГИМО(У)*

Пытаясь сохранить национальную идентичность и суверенитет в условиях глобализации, нация и общество могут и должны опираться на самый мощный инструмент, созданный ими, — государство. Понимая это, либералы и те, кто абсолютизируют либеральную традицию и глобализацию, выбрали своей основной мишенью именно государство и его институты. Различного рода концепции ослабления значения государства — от яковлевской «борьбы с этатизмом» до нынешней «борьбы с авторитаризмом» — стали не просто центральными темами, обсуждаемыми учеными и СМИ, но и конкретной политической повесткой дня для России последних 25 лет.

С другой стороны, нельзя отрицать и того, что укрепление государства при В. Путине имело и негативные последствия, которые выразились в стремительном нарастании бюрократизма и роли чиновничества. Значительная часть такого «нового дворянства» рассматривало государство в качестве «доходного места», «кормления», была временщиками. Выработали некую философию, которая в упрощенном виде сводилась к простой формуле — «власть меняю на деньги», что привело к появлению массового слоя временщиков, готовых быстро и любыми способами вырвать бюджетные деньги. Естественно, что это мешало любому движению вперед и, прежде всего, продвижению креативного класса. Сложилась ситуация, когда, по словам Г. Павловского, «в России было много инноваторов, но они находились в области самозащиты и обороны»⁷⁰.

Таким образом, можно констатировать, что возникшая в конце 80-х годов проблема соотношения роли государства и его институтов с новыми экономическими и социальными потребностями ко второму десятилетию XXI века так и не была решена. «Маятник» раскачивался от одной крайности к другой, не затухая в своей амплитуде на той точке, которая наиболее соответствовала бы потребностям нации. Если говорить об идеологической стороне этой проблемы, то она оставалась все последние десятилетия одной из наиболее острых, приобретая, конечно, в разные периоды разные формы.

В этой связи особенно остро встает вопрос о роли власти и самого государства в этой идеоло-

гической схватке. Станным образом, но последние 25 лет, когда идет жесткая борьба за судьбу государства, сама власть, элита и даже государственные институты практически самоустранились от этой борьбы. Более того, в конце 80–90-х годов XX века сама верховная власть нередко становилось... инициатором борьбы против государства. Не против советского или коммунистического, как часто преподавалось, а против самого российского государства, существовавшего в «формате» СССР, а затем и России.

Во втором десятилетии нового века роль государства в формировании национальной идеологии — одна из наиболее остро обсуждаемых проблем в России, которая не теряет своей актуальности более 25 лет. В разные периоды современной истории либералы пытались свести роль государства к минимуму, либо даже к нулю. При А. Яковлеве для этого была «использована концепция «антиэтатизма», «борьбы с авторитаризмом», объединенная в конечном счете абсолютизацией идеи «демократизации» М. Горбачевым.

При Б. Ельцине «разгул демократии» предполагал идеологическую и нравственную вседозволенность, хотя либералы отнюдь не выпускали из рук контроля над СМИ и финансами страны, во многом сохранившегося до сих пор.

При В. Путине и Д. Медведеве контроль либералов над СМИ ослаб, но их абсолютная власть в финансово-экономической области, безусловно, способствовала тому, что государство крайне медленно выздоравливало после «либерального шока».

Современное положение — много хуже. Отчасти это объясняется тем, что мы живем в мире, где инерция — политическая, социальная, экономическая — мышления — вписывает нас в текущую цепь событий, часто не позволяя выходить за рамки устоявшихся (и, как нам кажется, незыблемых) понятий и штампов. Такая инерция существует и в понимании общественных процессов. Именно по этой причине самые глубокие, революционные социально-политические изменения (развал СССР, изменение всей геополитической картины мира, ликвидация ОВД, появление радикального фундаментализма) воспринимаются политическими элитами и учеными **только с опозданием**, после свершившихся событий. Тем более на

национальном уровне. Это был вынужден признать, например, председатель Госдумы РФ С. Нарышкин, заявивший в конце декабря 2011 года, что власть должна не отставать, а быть «впереди или рядом»⁷¹.

Только во втором десятилетии XXI века катастрофа, произошедшая с СССР, стала восприниматься именно как катастрофа большинством нации, которое, в отличие от либеральной части общества, поняло, что мы заплатили чрезмерно высокую цену за смену социально-экономической и политической модели общества и государства. Это в полной мере относится и к пониманию роли современного государства в развитии нации и общества, но, прежде всего, в понимании роли государства в идеологической борьбе.

В этой связи важно увидеть, хотя бы схематично, взаимосвязь внешних факторов (процессов глобализации, влияния отдельных государств, союзов, международных организаций) и основополагающих, системообразующих элементов, формирующих условия существования нации и государства. В самом общем виде, вновь обращаясь к известной схеме, она выглядит следующим образом — см. рис. 4.

Из рисунка видно, что внешние факторы — объективные процессы глобализации. Политика государств, союзов и международных организаций, бизнеса и т. д. оказывают прямое влияние прежде всего на три важнейших группы, формирующих идеологию, политику и стратегию государства.

Во-первых, — вектор «а» — на политические, экономические, гуманитарные и прочие цели. Подчеркну, что речь идет не только о внешнеполитических и экономических целях, что очевидно, но и остальных, включая социальные, культурные и иные.

Во-вторых, — вектор «б» — внешние факторы воздействуют на национальные интересы и систему национальных ценностей, влияя и даже пытаясь формулировать или артикулировать представления национальной элиты и общества. Применительно к России, например, сегодня особенно актуальна открытая информационная война против «авторитаризма» В. Путина, роли Русской православной цер-

кви, значения регионов Сибири и Дальнего Востока, Арктики и т. д. и т. п.

В-третьих, — векторы «г» и «в» — оказываются все усиливающееся влияние на национальную элиту. И отнюдь не только дипломатическими методами, но и откровенными угрозами (закрывать въезд в западные страны, счета в банках, ограничить в правах собственности и т. п.).

Понятно, что нация, которая хочет и может сопротивляться этому давлению, обязана использовать для этого все свои ресурсы. И прежде всего мощь государства и его институтов. Но это же хорошо понимают и те, кто оказывает такое внешнее давление и влияние. Именно поэтому государство и власть становятся главными мишенями внешнего воздействия: политического, военного, гуманитарного, информационного.

Сегодня, например, в России особенно актуален национальный вопрос, который, на самом деле, не существовал ни в Российской империи, ни в СССР. Во всяком случае, в таком остром виде, как на Западе. Просто потому, что империя — государство, предоставляющее практически равные возможности всем нациям. В Римской империи бывший раб мог стать богатым купцом, военачальником и даже занять высшие государственные должности. Но то же и в России, где элита формировалась не по национальному признаку. Например, чуть ли не половину знатных родов составляли татары, выходцы с Кавказа и прочие лица «не титульной национальности». То же было и в СССР, которым управляли грузины, украинцы, евреи, русские.

Но либеральная критика власти и государства, существовавшая с XIX века, наклеивала «правлящему режиму» (Империи, СССР, России) ярлык «тюрьмы народов». Как пишет В. Никонов, «проклятием страны она (либеральная мысль. — А. П.) считала (словами известного историка, правоведа и масона Максима Ковалевского), тот самый союз национализма с самодержавием, который считается величайшей преградой и на пути к свободе России. С тезисом о тюрьме народов всегда соглашалась западная общественность»⁷².

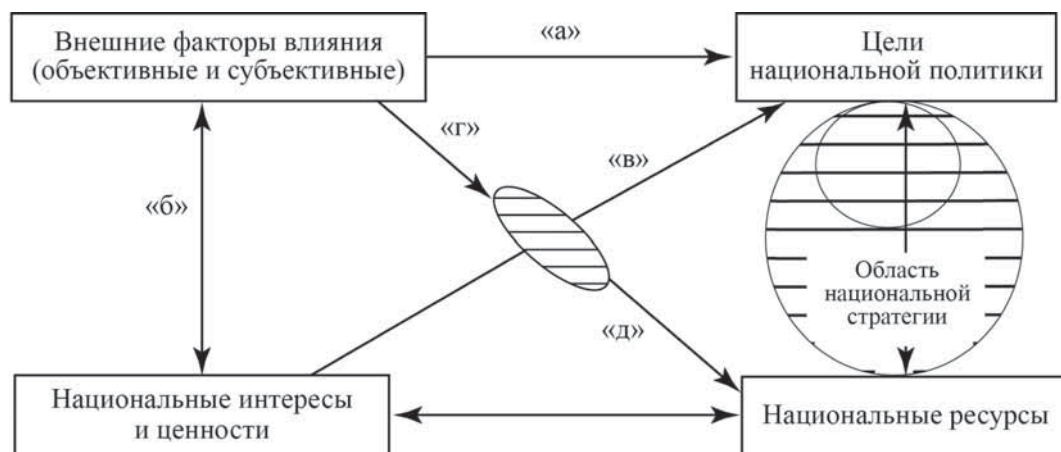

Рис. 4.

В 2012 году отставание в идеологическом развитии общества стало очевидным даже для правящей элиты, которая допустила к регистрации новые партии и даже дала «зеленый свет» формированию разных идеологических платформ в «Единой России».

Задача общественной науки сегодня, на мой взгляд, заключается уже не только в объективном описании и анализе известных событий, но, главное, в попытке прогнозировать общественные процессы, предлагать свои идеи и варианты решений проблем. Так, после начала мирового финансового кризиса 2008 года (который, кстати, как всегда, оказался неожиданным) мало кто из ученых-обществоведов, экономистов и политиков смог сформулировать проблему кризиса в более широком контексте, а именно:

- не является ли кризис показателем того, что экономическая и общественно-политическая модель, которую либералы в последние десятилетия привыкли называть «единственно верной», себя исчерпала?
- не является ли финансовая система, основанная на бесконтрольной эмиссии американского доллара (и, отчасти, евро) изжившей?
- не является ли кризис напоминанием, даже предупреждением, что миру нужна новая, более справедливая и совершенная модель развития, нежели существующая в развитых странах?
- наконец, не являются ли попытки стран-лидеров глобализации ограничить суверенитет и роль государств, особенно в военно-политической и финансовой области, изначально неверными и вредными?

Монополизм США, прежде всего в финансах, стал, наверное, основной причиной кризиса 2008–2011 годов, но такой же монополизм продолжает фактически оставаться и в идеологии, которую пытаются сделать универсальной для развитых стран. В том числе и для России, и при помощи отечественных (?) либералов. Должно ли государство, обладающее огромными ресурсами и даже монополией в ряде областей, оставаться в стороне от противодействия внешнему влиянию? И насколько активно должно быть такое противодействие? Как, например, реагировать на действия США, создавших в 2012 году огромный фонд для «поддержки демократии в России»?

Эти и другие вопросы я отношу, прежде всего, к главному вопросу — идеологии, определяющей роль государства в глобальном мире. Ответ во многом предопределяет образ России в будущем мире. Либо этот образ, цели и ценности будут формулироваться под внешним влиянием, либо самостоятельно.

По мере усиления процесса глобализации происходит усиление его идеологического воздействия на субъекты международных отношений до такой степени, когда ценности и цели стран-лидеров глобализации постепенно сознательно превращаются правящими элитами в «универсальные» ценности для всех стран. Это хорошо видно на таких ценнос-

тях, как демократия, права человека, свобода СМИ и иных. И навязываются. В том числе и силовыми методами. Иногда, как в Ливии и Ираке, даже уничтожая национальную элиту, которая пытается этому сопротивляться: Чаушеску, Милошевич, Хусейн, Каддафи — были убиты **демонстративно**, как пример другим руководителям.

Примечательно, что такой идеологический универсализм направлен прежде всего на ограничение суверенитета государств и наций. Примеры с Югославией, Ираном, Ливией, Сирией, да и другими странами наглядно иллюстрируют идеологию универсализма уже как политическую практику, нередко прямо противопоставляемую даже международному праву. Политико-идеологически это «объясняется» приоритетом либеральной системы ценностей над национальной. Это означает (если вернуться к рисунку), что системообразующий, главный компонент национальной политической идеологии **замещается** под внешним давлением на чужую систему.

Если это окончательно произойдет, т. е. национальная система ценностей и национальные интересы будут под внешним воздействием заменены на чужие, то это означает сначала потерю суверенитета, а затем и национальной идентичности. Или, другими словами, полную и окончательную победу одного государства над другим.

Понимает ли это российская правящая элита? Определенная часть, безусловно, — да. В Военной доктрине России, в частности, в качестве первой и главной внешней военной опасности выделяется «стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права»⁷³.

Но такие документы, как правило, не носят нормативный, обязательный характер. Тем более, не являются установками для бюджетной, социально-экономической и даже... военной политики.

Хорошо, что в России эта тема стала не только предметом постоянных дискуссий, но и нашла свое отражение в принципиальных нормативных документах. Идеологический универсализм, за которым стоит стремление ведущих стран мира навязать свою систему ценностей, сделать ее обязательной даже в нарушении норм международного права, перестал быть господствующей идеологической концепцией в России при В. Путине, а его опасность стала осознаваться правящей российской элитой. В частности, в Стратегии национальной безопасности до 2020 года, утвержденной Д. Медведевым в мае 2009 года, прямо говорится: «Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции»⁷⁴.

На определенном этапе навязывается переход, который формализуется в нравственные, политические и правовые нормы, которые переносятся от стран-лидеров глобализации в международную практику и международное право. На всех уровнях. От

международной безопасности до образования. Именно так и произошло в последнее десятилетие XX века и в первом десятилетии XXI века. Как признает исследователь МГИМО(У) Е. Панова, «...В контексте укрепления мягкой власти государства предоставление услуг получения высшего образования выступает как инструмент, позволяющий сформировать не только долгосрочные связи на уровне сообществ, но и определенное мировоззрение у иностранных гостей»⁷⁵.

Более того, эти международно-правовые нормы становятся **обоснованием** для проведения конкретной внешней политики стран, коалиций и международных институтов. Можно сказать, что в этот период произошел «скачок», когда система международных отношений вдруг оказалась перед фактом принятия таких норм. Так, вступление в силу Лиссабонских соглашений в декабре 2009 года означало, что не только 27 стран Евросоюза взяли на себя обязательство соблюдать нормы и ценности, входящих в новый альянс государств, но и сам Евросоюз будет строить уже свою внешнюю политику по отношению к другим странам, например, России, исходя из этих ценностей. Именно это и происходит сегодня. В наиболее явной форме по отношению к развивающимся странам. Но и Россия не останется в стороне от этого процесса.

Очевидно, что образ России будет трактоваться этими государствами и США, исходя из уже формально закрепленных в документах Евросоюза и США норм и ценностей. Что, естественно, встречает и будет встречать сопротивление со стороны большинства элиты и общества в России. В. Путин и Д. Медведев регулярно вынуждены подчеркивать, что у России есть свое представление о ценностях и приоритетах, т. е. государство, которое они представляют, будет противодействовать этому процессу.

Но это отнюдь не означает, что вся правящая элита, включая влиятельные силы в самой власти, будут этому способствовать. Дискуссия 2011–2012 годов показала, что в российской правящей элите сложилось два противостоящих лагеря: либералов-западников и либералов-государственников. Если первые, с которыми ассоциируются монетарные власти, СМИ и финансовые группы, заинтересованы в «простом» переносе западной системы ценностей в Россию (которую Л. Васильев назвал «разумной оппозицией либерально-демократического центра»⁷⁶), то вторые, — которых представляет В. Путин, вошли, по признанию С. Нарышкина, в 2012 года «со своей стратегической программой» и «общенациональной стратегией», направленными на защиту национальных интересов и идентичности России⁷⁷.

Развитие процесса глобализации в идеологии, особенно в период скачкообразного, фазового перехода, **требует активного участия** власти, правящей элиты и государства, ибо оно способно эффективно защитить в политическом, экономическом, идеологическом и правовом плане национальную систему интересов и ценностей. При этом очень важно,

чтобы российские субъекты, формирующие идеологию, особенно МИД, государственные СМИ, не устранялись от этого процесса. В противном случае обществу и России могут быть навязаны заведомо вредные и устаревшие идеологемы, в том числе и политическими средствами.

Как это было в СССР и до недавнего времени в России. Как стало очевидно после кризиса 2008–2011 годов во всем мире, который исчерпал за свой 30–40-летний цикл свои ресурсы либеральной модели развития, требуется новая социально-политическая модель. Это, кстати, признали даже либеральные авторы, которые «скорректировали» в марте 2012 г. «Стратегию–2020»⁷⁸. Сегодня пока такой идеологии нет, не только у российской, но и у мировой элиты. Как и ясного представления о новой модели. Ясно, во-первых, что в ней резко усилится роль государства, а, во-вторых, что существующие правящие элиты развитых государств легко не откажутся ни от действующих норм и моделей, ни от своей системы ценностей, ведь и первые и вторые позволяют им изначально использовать не просто преимущества сложившейся системы международных отношений, но и откровенно перераспределять мировые ресурсы в свою пользу.

Особая роль государства заключается в формировании идеологии и стратегии по отношению к такому явлению как появление новых центров силы и экономических гигантов, а также их формальному и неформальному объединению. Примеры ШОС, БРИКС, АТЭС и других объединений, как и старых — ВТО, ВБ, МБР и других — показательны. Попытки новых экономических гигантов пересмотреть в свою пользу правила игры в мире, встречают не просто опасения, но и жесточайшее сопротивление. В США, например, значительная часть правящей элиты видит в Китае, его производстве, экспорте и растущем влиянии угрозу № 1 для США. Простой пример. Стратегия инвестиций Китая — это глобальная стратегия по приобретению наукоемких технологий. Как пишет исследователь Е. Семенова, «... необходимо понимать, что Китай инвестирует не в определенную страну — Германию, Францию или Великобританию, — а осуществляет стратегию глобального присутствия, обеспечивая долгосрочные инвестиции в регионы (Европу, Южную и Северную Америку и др.).

Среди политической и деловой элиты Запада это порождает определенные опасения. Особое недовольство вызывает стремление китайских компаний приобретать высокотехнологичные фирмы. Так, комиссар ЕС по промышленной политике А. Тьяни считает, что за целенаправленным приобретением Китаем высокотехнологичных европейских фирм просматривается определенная «политическая стратегия», на которую Европа должна реагировать такими же «политическими методами»⁷⁹.

Для России формирование позиции, даже стратегии, в отношении этих процессов имеет принципиальное значение. Особенно в области НТП и мо-

дернизации, выборе модели «заимствования» или «национальной школы». Решить это противоречие на национальном уровне способна только идеология национального опережающего развития, ориентированная на позитивный результат.

Сегодня современная наука считает, что чем прогрессивнее исторический субъект, тем больше идеология включает положительных знаний. Отрицательно влияет на людей идеология социального субъекта, который утратил или исчерпал свою историческую перспективу. Применительно к России, можно добавить, — либерализма и коммунизма, — которые в российских условиях, особенно опасны своим вулгарным толкованием и некритическим отношением даже к собственным классическим положениям.

Особенное внимание элиты и общественности в 2011–2012 годах привлекли мысли и требования о реформе политических институтов России. С одной стороны, как заметили В. Путин и С. Нарышкин, они были вызваны «запросами на перемены» в обществе и «уверенностью, что эти запросы могут быть реализованы»⁸⁰. А с другой, попытками неолиберальной оппозиции изменить путинскую стратегию развития в пользу принятия западных стандартов. Прежде всего политических и демократических.

Так, например, в интервью редакции «Русского журнала» осенью 2009 года я следующим образом сформулировал свою позицию:

Разговоры и споры о демократии в России неизбежно сходятся к вопросу о «традиционной российской невосприимчивости» демократических ценностей, что, конечно же, полная ерунда, происходящая от элементарного незнания русской истории и культуры.

На самом деле демократические традиции на Руси–России — сильны. Может быть сильнее, чем в других странах, но они обладают национальной спецификой (как, впрочем, и во всех других странах), а не «универсальны».

В раннем средневековье русских князей как правило выбирала старшая дружина, позже — припсковской и новгородской республиках — их приглашали и даже изгоняли вполне демократически, на вече. В том числе очень популярных князей.

Еще позже — были Земские соборы, а еще позже дворяне (гвардия) посредством переворотов «ставила» на царство. Восстание декабристов 1825 года — всего лишь неудавшийся, но вполне обычный переворот, которых было много до этого в России в XVII веке.

Был короткий период абсолютизма (а где его не было?), да и при нем существовали Боярские думы, Госсоветы и пр. вполне демократические структуры. В целом позиция и роль государства по этому вопросу, на мой взгляд, может быть сведена к следующим тезисам:

1. Демократия, конечно же, обусловлена культурной и религиозной традицией, но сами эти традиции — протестантская, православная или му-

сульманская — отнюдь не отрицают демократии. Они вносят свою культурную, национальную и даже духовную специфику. И когда сегодня протестантская традиция пытается выдать себя за монополиста при толковании демократии — это является желанием государств и правящих элит, принадлежащих к этой традиции, создать для себя максимально комфортные внешнеполитические и экономические условия существования. Так, в США начиная с XIX века подобный «идеализм» стал неизменным спутником их внешней политики⁸¹.

2. Ценностные аспекты и исторические предпосылки возникновения демократии происходят не только от древней Греции и Рима, как это пытаются утверждать, но и с Востока. Вопрос очень глубокий, философский, но трактуется сегодня конъюнктурно. Применительно к России это выглядит иногда не просто примитивно, но и политически провокационно. Так, сторонники западной либеральной традиции в нашей стране в 2011–2012 годах нередко занимались откровенной спекуляцией. Как замечает политолог Виталий Иванов, «„Болотники“ именуют себя „войском“, а лоялистов — „стадом“. Подобными высокомерными словесами они пробуют упродеть демотивацию и деморализацию своих рядов. Многие рядовые (и нерядовые) протестники в декабре было поверили в то, что их сборища действительно поколебали власть, что получится столкнуть Путина во второй тур, а то и вовсе снести»⁸².

3. России не нужно «усваивать» чьи-то демократические ценности, хотя бы потому, что эти ценности у России и так есть. И менять их на чужие ни в коем случае нельзя, ибо это неизбежно приведет к эрозии самоидентификации и национальной идентичности, а в конечном счете — к уничтожению нации и государства. Адаптировать чей-то опыт, конечно, можно и нужно, но очень осторожно. Огульное использование чужого опыта — как показывает наша недавняя история — заканчивается для народа и государства плохо. Вспомним, хотя бы, дикую приватизацию.

4. У России никаких трудностей «усвоения» демократии нет. Проблема в другом. Новое общество и новая экономика требуют нового качества управления. Мы должны развивать такую демократию, которая повышает качество и эффективность государственного и общественного управления. А не демократию «для себя». Поясню подробнее: *для меня, например, монархия представляется более эффективным устройством.* Наиболее развитые страны — Швеция, Дания, Норвегия (утвердившая монархию в начале прошлого века), да и другие страны, — вполне демократические государства с высоким качеством

государственного и общественного управления. Для России это, на мой взгляд, наиболее подходящая форма государственного управления. Что доказывает не только великое имперское и советское прошлое. Кстати, эффективность нынешнего тандема Путин–Медведев не случайно это подтверждает: президент-государь и эффективный руководитель исполнительной власти. *И надо не иронизировать по этому поводу, а использовать этот российский опыт для будущего.*

Эти рассуждения имеют совершенно практическое значение для современной России, элита которой должна уже сегодня определиться:

- с моделью развития и идеологией;
- ролью государства в период глобализации;
- отношением к другим (американской, китайской, европейской) моделям развития.

На мой взгляд, — и кризис это подтвердил, — роль государства при таком идеологическом выборе должна быть усилена. Сегодня даже обновленная в 2012 году «Стратегия–2020» является не стратегией (а тем более программой) государства, а «набором рекомендаций», Стратегией, даже «общенациональной стратегией», попытались назвать программные статьи В. Путина в 2012 году, которые, наверное, и имели программный, даже стратегический характер

на единую стратегию нации, а тем более идеологическую доктрину, конечно, не претендовали. Даже по словам ведущего разработчика «Стратегии–2020» В. Мау, это — «...набор рекомендаций, которые может использовать правительство»⁸³.

Именно государство и верховная власть должны взять на себя инициативу в формировании нового образа России и модели развития. Они не должны уходить от решения этой проблемы и ответственности перед нацией, бесконечно делая вид, что рамки свободы действий неограниченны. Но для этого нужна широкая общественная дискуссия и привлечение самых различных экспертов. Не такая, как в сегодняшней России, когда в качестве экспертов выступают нередко случайные люди, не способные к содержательному анализу, а дискуссия между профессионалами, способными не только говорить, но и слушать аргументы оппонентов. «Большое правительство», идею которого в 2011 году выдвинул Д. Медведев, вроде бы должно отчасти решить эту задачу. Но остается открытым вопрос: насколько. Во-первых, финансовые (как правило, сторонники либеральной традиции) власти будут восприимчивы к нелиберальным рекомендациям, а, во-вторых, насколько этот механизм станет учитываться в практической политике властей.

5. «Мягкая сила» и идеология

Стало очевидным абсолютное воинственное и принимающее иррациональные формы неприятия... возвращения России в статус крупного, самостоятельного игрока на глобальной арене⁸⁴.

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Они — глобалики! Это не ругательство, а всего лишь производное от слова «глобализация»⁸⁵.

С. Кургинян,
политолог

Развернувшаяся в XXI веке острая конкурентная борьба во все большей мере стала приобретать характер борьбы за продвижение своих систем ценностей в мире. Иногда уже в военно-силовой форме, когда «мягкая сила» становилась неэффективной. Заговорили даже о необходимости создания «доктрины жесткого миротворчества». Так, бывший французский генерал и участник операции ООН Патрис Сартр писал в докладе, опубликованном в марте 2012 года: «Поскольку проблемы не исчезали, стала очевидной необходимость разработки новой концепции миротворчества, и на этом фоне появился Доклад Брахими. Целью этого документа не было формулирование собственно доктрины — ей еще только предстояло вызреть; вместо этого авторы доклада разумно ограничились постановкой ряда вопросов

в предельно ясном виде. Вопросы эти касались роли Совета Безопасности, особенно поддержки Советом Генерального секретаря и миротворческих подразделений на местах, обеспечения жесткости развернутых контингентов, правил применения ими вооруженной силы, а также задач, которые они должны были выполнять»⁸⁶.

Существует прямая взаимосвязь между противодействием, даже нейтрализацией внешнего влияния в форме «мягкой силы» и идеологией: чем привлекательнее национальная идеология и эффективны способы ее воздействия, чем более разработаны ее основные положения и аргументация для нации, тем менее общество восприимчиво к влиянию внешних инструментов «мягкой силы». В 2012 году эта очевидная зависимость проявилась достаточно наглядно. Власть, многие годы

игнорировавшая идеологические потребности нации, столкнулась с внешней идеологической агрессией — политической, информационной и экономической поддержкой либеральной оппозиции в стране.

Проблема, однако, и в том, что многие (если ни большинство) в российской оппозиции 2011–2012 годов не являлись проводниками чужих идей и ценностей. Они протестовали против ошибок власти, игнорирования ею очевидных общественных запросов. Тем не менее, активная часть общества разделилась по принципу — «они и мы», — что, повторю, во многом, было вызвано ошибками власти. Более того, действиями части элиты против власти. Как заметил С. Кургинян, «Реальный спонсор и хозяин телеканала „Дождь“ (он же „крестный отец“ организаторов митинга) — либеральное крыло нынешнего Кремля. А значит, перестройка-2, о которой я уже четыре года предупреждаю, входит в острую фазу. И тому есть много доказательств: паралич в ключевых прогосударственных СМИ, паралич охранителей разного рода (как уличных, так и иных) и так далее»⁸⁷.

Действительно, возник кризис внутри самой власти, который проявился во многих ипостасях. Даже в «Единой России» сформировались разные платформы, которые угрожали разделить партию, **победившую** на выборах 4 декабря 2011 года. Резко обострился и вопрос о необходимости какой-то интегрированной идеологии, противоречивость отношения к которому в феврале 2012 года один из авторов — Е. Коновалов — сформулировал следующим образом: «Таким образом, я хотел бы сделать вывод о том, что государству, в частности современной России, не только не требуется государственная тотальная идеология, но в нынешней ситуации она была бы крайне опасной для дальнейшей судьбы российского общества. Но Российскому государству несомненно необходима частичная идеология, которая затрагивала лишь отдельные сферы жизни общества. А именно, воспитывала бы в людях нравственность, сострадание, патриотизм, ставила бы на первое место духовное развитие человека, но вместе с этим беспристрастно обличала бы пороки современного общества и государства»⁸⁸.

Оставлю на совести автора такие понятия, как «тотальная идеология» или «частичная идеология». Суть в другом: в 2012 году общество созрело до понимания необходимости фиксации базовой национальной системы ценностей и национальных интересов. А это уже и есть основа для национальной идеологии.

Общество также в основном созрело до понимания, что представители другой, внешней системы ценностей, навязываемой извне, являются проводниками той самой «мягкой силы», которая стала реальным инструментом внешней политики государств в последние десятилетия. Вот как об этом пишет один из авторов «ЖЖ» в марте 2012 года: «Слепые поводыри из-за океана научились клонировать в России себе подобных. Кто не помнит, как надевали западные

шоры на глаза коммунисты, получившие образование в Академии общественных наук при ЦК КПСС, занимавшие посты в партийных учреждениях, научно-исследовательских институтах, научных журналах?

Лилия Шевцова — как раз из этих. Я еще ходила в школу, когда она уже окончила МГИМО МИД СССР и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Была заместителем директора Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР, директором Центра политических исследований АН СССР, пока не перекинулась в калифорнийский университет Беркли. Кто она теперь? Член редакционных советов журналов *American Interest*, *Journal of Democracy*, *Pro et Contra*, «Демократизация». Активист программы «Глобальная перестройка» Давосского форума. Председатель Глобального совета «Будущее России» в том же Давосе, ведущий исследователь Британского королевского института международных отношений (Chatham House), член Исполнительного совета Британского международного института по стратегическим исследованиям. Член правления Института гуманитарных наук при Университете Бостона (США). Участник встреч Бильдербергского клуба.

И если в понятиях западной идеологии она была «слепым поводырем» от ЦК КПСС, пока не укатила в Беркли, то какой поводырь и от кого она сегодня?

Ответ на вопрос есть. В компании с новыми коллегами его подготовила сама Лилия Шевцова. Британский королевский институт международных отношений (www.chathamhouse.org) — эта кузница идеологических кадров «глобальной элиты», где Шевцова числится ведущим исследователем, опубликовала доклад «Путин снова. Последствия для России и Запада». Это нынешнее кредо бывшего питомца ООН при ЦК КПСС и её британских наставников. Черпаем оттуда: «Возвращение Путина в Кремль... лишает его права претендовать на роль общенационального лидера, „стоящего над обществом“; „Выборы 2011/12 стали началом конца путинского режима“; „Желание России быть значимым игроком на международной арене резко контрастирует с тем, как на Россию смотрят другие действующие лица международной политики...“».

И дальше: «В ближайшие шесть лет Россия может оказаться перед лицом серьезных угроз. Если правящая элита не сможет приспособиться к меняющимся реалиям и в стране не будут созданы независимые институты, которые бы смогли артикулировать интересы общества, не исключено, что эта ситуация приведет к неконтролируемому ходу событий». А «независимые институты» — это допущенные к власти те же немцовы-рыжковы-навальные-яшины и прочие, которые с наслаждением доведут до конца процесс выворачивания страны наизнанку, начавшийся при Ельцине и остановленный Путиным. Но главное даже не в этом. Шевцова и компания предлагает Западу то, что требует заказчик: «Отношения Запада с Россией должны основываться на следующих принципах:

- западное сообщество не может поддерживать утверждения, согласно которым Россия обладает собственным уникальным набором ценностей. Такие утверждения являются неубедительным оправданием для российской элиты действовать по своему усмотрению;
- Запад не должен поддерживать претензии Москвы на особые права в отношении бывших советских республик... Соглашаться с тем, что, будучи „Великой Державой“, Россия имеет более высокий статус, чем другие европейские государства, означает согласиться с ущемленным статусом этих „других“ государств. Такая позиция препятствует интеграции России в либеральное международное сообщество наций. Необходимо убедить Россию держать свое слово... Вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) будет важным испытанием Москвы на способность соблюдать международные нормы»⁸⁹.

Всё это происходит в США, где очевидно превосходство США в международно-политических исследованиях. В начале 2009 г. американский журнал по внешней политике и международным отношениям «Foreign Policy» опубликовал своего рода гид по научным центрам (think tanks) стран мира, составленный на основе опросов экспертов, политологов и журналистов. Особенно учитывалась степень влияния проводимых исследований на принятие политических решений. Согласно этому рейтингу, среди стран по числу исследовательских и научных центров в мире лидером являются США, на территории которых их расположено 1777. Для сравнения: в России только 107 центров были квалифицированы создателями рейтинга как «фабрики мысли»⁹⁰, т. е. разница составляла примерно в 15 раз в пользу США. В то время как разница в ВВП — менее, чем в 10 раз.

Примечательно, что такое же отставание наблюдается в естественных науках, где доля, например, российских патентов составляет от 0,6% до 2,7% («Региональное природопользование») от мировой⁹¹.

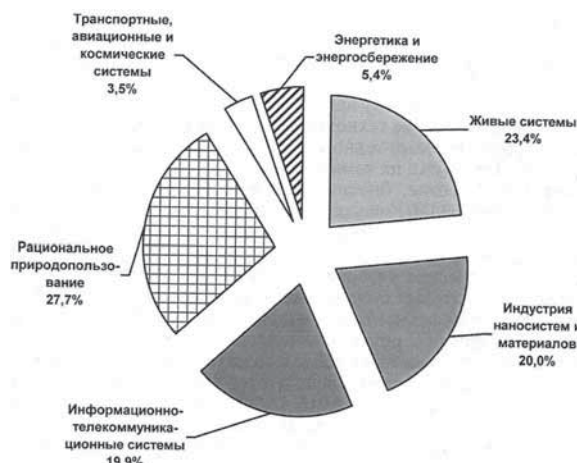

Рис. 5. Структура патентования в России по приоритетным направлениям за период 2000–2009 гг.

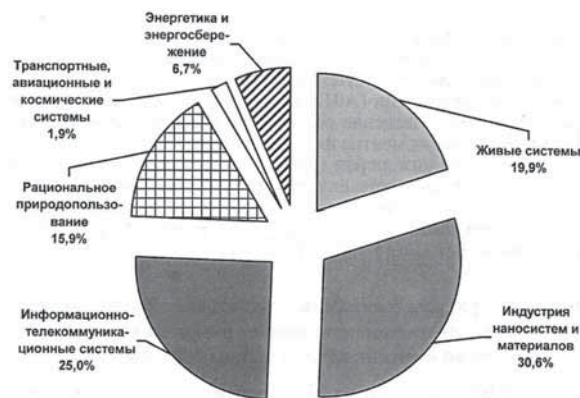

Рис. 6. Структура патентования в мире по приоритетным направлениям за период 2000–2009 гг.

Еще разительнее соотношение сил между США и Россией, между институтами гражданского общества. Трудно точно определить эти пропорции, но если судить по косвенным данным, то соотношение представляется как 1000:1 в пользу США. Например, крупнейшие университетские эндаументы в США оцениваются в 50 млрд долларов, а в России — в МГИМО(У) — 30 млн, т. е. 0,03 млрд (т. е. более, чем 5000:1). Общественное финансирование религиозных институтов ежегодно превышает 100 млрд долл., а в России — менее 0,1 млрд (т. е. 1000:1) и т. д.

То, что США безусловный лидер в развитии институтов гражданского общества ведет к тому, что их способность использовать эти институты в качестве инструментов «мягкой силы» чрезвычайно высока. Такие институты выступают не просто регуляторами общественных и экономических отношений, но и эффективными инструментами американской внешней политики. И роль государства, сознательно стимулирующего развитие таких институтов, чрезвычайно высока: американская налоговая система, поддержка СМИ и общества ведут к сознательному наращиванию этого потенциала.

На мой взгляд, российской власти необходимо понять, что так же, как в военно-политической области, где пока сохраняется стратегическое равновесие (но не количественное равенство, которое невозможно просто в силу несопоставимости масштабов экономик и уровней технологического развития), необходимо обеспечить примерное равновесие между российскими и западными институтами гражданского общества. Это возможно только в том случае, если государство будет более масштабно поддерживать национальные институты развития социального потенциала НЧП. Похоже, что в России это стали создавать только во втором десятилетии XXI века, хотя и ранние скромные усилия, безусловно, предпринимались. В 2012 году, по мнению В. Путина, возник социальный запрос на перемены и реальные возможности реализации такого запроса⁹². Вопрос, однако, в том, насколько быстро и эффективно смогут

развиваться национальные институты гражданского общества, от качества и количества которых прежде всего и будет зависеть не только реализация НЧП, но и способность использования «мягкой силы» в интересах нации и государства. А это уже — прямое производное от господствующей в настоящее время идеологии. Даже если ее наличие и отрицается.

Другими словами, «образ России», «цель», «историческая перспектива» — во многом основа идеологии и база для формирования системы практического управления страной и нацией, что особенно важно в кризисные периоды развития страны (до 2001 и после 2008 года в России) и выбора алгоритма развития (после 2010 года). Но не только. У идеологии много и других функций, среди них важнейшая (прямо вытекающая из задачи формулирования цели), — стратегическое прогнозирование, стратегическое планирование, координация частных, отраслевых концепций развития, которые невозможны без определения базовых идеологических ценностей и приоритетов. И никакие идеи технологической модернизации не способны их заменить. Ставка Д. Медведева на технологические заимствования — тоже идеология, но ошибочная, неэффективная и в конечном счете бесперспективная. К сожалению, пока это у нас не понимают.

Так, абсолютизация НТП, отрыв от НЧП в XXI веке не могут объяснить сегодня высоких темпов роста ВВП, например, в Китае. Как считает А. Суховский, «Мейнстрим экономической теории отстаивает точку зрения, что рост экономики напрямую вызывается НТП и, соответственно, увеличение ВВП обуславливает динамику научно-технического прогресса. Однако сегодняшняя ситуация на мировом геоэкономическом пространстве показывает, что высокие показатели роста могут демонстрировать экономики со сравнительно невысокими показателями научно-технического развития, наглядным примером тому служит Китай. Судя по статистике выданных в развитых странах патентов на изобретения, темпы экономического роста не всегда совпадают с динамикой развития НИОКР (см. табл. 6 и рис. 7)⁹³.

Рис. 7. Корреляционная зависимость между приростом ВВП, в %, и приростом доли затрат на НИР в ВВП, в %.

Как видно на примере США и Японии, затраты на НИОКР не влияют прямо на прирост ВВП. Япония, например, стремительно захватывавшая рынок наукоемкой продукции, тратила на НИОКР значительно меньше (в % от ВВП), чем США.

Объясняется это не только умением Японии использовать чужие НИОКР и технологии, но и развитием в эти годы в стране национального человеческого капитала — увеличение продолжительности жизни, душевой доход и ставка на всеобщее высшее образование оказываются более эффективными, чем прямое инвестирование НИОКР.

Табл. 6. Динамика мирового рынка высокотехнологичной продукции по странам в 1980–1990 гг., %

Страна	1980	1985	1988	1989	1990
США	40,4	36,3	37	36	35,9
Япония	18,4	23,6	26,5	28,9	29,2
ФРГ	11,8	12,0	10,1	9,5	9,4
Великобритания	8,1	8,2	8,2	8,4	8,5
Франция	6,2	5,4	4,7	4,7	4,7

Другое объяснение «японского чуда» — способность быстро реализовать, внедрить в производство достижения НТП, используя своеобразную систему социальных институтов развития НЧП. Так, несмотря на огромную разницу в финансировании НИОКР между Японией и США, количество патентных заявок, поданных в Японии оказалось выше, чем в США. Это говорит о том, что национальные (в данном случае японские) институты социального развития НЧП играют колоссальную роль, максимально увеличивая эффективность инвестиций в НИОКР.

Это же свидетельствует о том, что не только НЧП, но и его социальные институты в Японии оказываются более развитыми, чем в других странах, а их способность влияния — «мягкая сила» — внутри страны и за рубежом оказывается очень сильной. Не случайно, Япония умело сочетает необходимость модернизации и инновационного развития с сохранением национальных ценностей и традиционных институтов.

Этот опыт для России имеет большое значение. «Прагматизм», «отказ от идеологии», попытки заменить ее «ручным управлением» и политикой технологического заимствования, проводимые в России в последние годы, привели к упрощенно-бессистемному восприятию сложнейших процессов, доминированию в стране двух частных идеологических аспектов — макроэкономического и правового. И первый, и второй являются не просто упрощенными подходами (иногда даже называемыми макроэкономическим или правовым дебилизмом), но и бессистемными. Соответственно неудачи, как, например, в политике модернизации, провалившейся к 2012 году, — неизбежны. Они изначально заложены именно такими подходами.

Рис. 8. Доля отдельных индустриально-развитых государств в количестве подаваемых заявок на патентование изобретения в 1996 г.

Кроме того, отставание в развитии национальных институтов социального потенциала НЧП ведет неизбежно к ослаблению как возможностей

влияния на внешний мир, так и противодействию такому влиянию, т. е. прямо отражается на национальной безопасности. Исследователи МГИМО(У) по этому поводу справедливо отмечают: «В современных условиях в список негосударственных субъектов, оперирующих в сфере безопасности, должны быть включены компании, предоставляющие в распоряжение государственных органов специалистов по ликвидации последствий техногенных катастроф, обеспечению ядерной безопасности, экологов, IT-экспертов, кризис менеджеров самой разной специализации. Содержание таких специалистов в постоянном штате государственных служащих требовало бы огромных затрат. То есть сегодня обеспечение национальной безопасности практически каждого государства оказывается невозможным без организации устойчивого эффективного сотрудничества между государством, обществом и специализированными предприятиями частного сектора»⁹⁴.

6. «Фазовый переход» и кризис современной идеологии глобализации

... вопрос о том, нравственна власть или безнравственна, — это для нас вопрос жизни и смерти⁹⁵.
С. Шмидт

Россия, к сожалению, имеет серьезный шанс не попасть в ряды «бенефициариев» глобализации⁹⁶.
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Современный период глобализации очевидно ведет к росту конфликтности, конкурентности и безнравственности. Глобализация конца XX — начала XXI века продемонстрировала, что экономические и другие эгоистические мотивы, лежащие в ее основе, неизбежно ведут к росту числа проблем, которые умножаются по мере перехода человечества в новую фазу своего развития. Такую фазу, когда качественные изменения в обществе и экономике должны неизбежно основываться на нравственных, гуманистических принципах, которые должны перейти из области философских категорий в политическую практику. О них, как о ноосферных процессах, говорил в середине XX века еще В. Вернадский. Тогда они уже были желаемы, но в XXI веке стали обязательны, что, к сожалению, еще не находит своего понимания в правящих элитах. Нравственность должна стать основой философского и политического подхода в эпоху «фазового перехода».

Инструмент для такой трансформации может быть только один — новая идеология, которая, в свою очередь, зависит от того, какую модель — идеологическую и политическую — мы выберем.

Важнейшая функция идеологии — систематизация форм общественного сознания, вместе с тем, выступает как сознательно определенная форма духовной жизни. Таким образом, идеология является конкретно-историческим системным отражением существенных сторон социальной действительности и выступает формой национального, классового или группового сознания и самосознания, а также (что очень важно для современной России) эффективным механизмом управления обществом и государством. Применительно к современной России в условиях мирового кризиса — это самобытный (идеологический) образ России и цивилизационная модель развития. Государство, игнорирующее свою роль в формировании идеологии, не только обрекает на неудачу свою стратегию социально-экономического развития, но и изначально примитивизирует свою систему управления.

Идеологии, как известно, бывают разные. Они отличаются: субъективно (феодално-религиозная, буржуазная, пролетарская); по форме общественной жизни (политическая, экономическая, эстетическая, моральная, правовая и т. п.); по политическим взгля-

дам и движениям (коммунистическая, христианско-демократическая, либеральная, социал-демократическая и др.). Бывают и смешанные. Так, характеризую нынешнюю идеологию В. Путина, В. Никонов пишет: «Идеология, сочетающая в себе либеральную экономику, жесткую власть, опору на силу, патриотизм, открытую, но независимую, активную внешнюю политику „отца нации“, скорее всего, может быть охарактеризована как консерватизм в его голлистской разновидности»⁹⁷.

Добавим к этой характеристике попытку изменить в пользу социальной направленности политику В. Путина, особенно ясно прозвучавшую в его послании Федеральному Собранию от 26 апреля 2006 года, где прямо говорится, что «... главная цель — инвестиции в человека, в повышении качества жизни»⁹⁸.

Вместе с тем такая смешанная идеология, существующая де-факто, но не оформленная в систему, обладает серьезными, даже критичными издержками. Вот лишь некоторые из них:

- отсутствие системы в такой идеологии означает, что частные, субъективные ее аспекты могут доминировать над более приоритетными;
- отсутствие идеологической системы ведет к непоследовательности, колебанию стратегического курса, что заметно не только во внешней, но и во внутренней политике. Так, создававшаяся в 2000–2011 годы «вертикаль власти» со всеми ее правовыми, административными и экономическими функциями, вдруг, в конце 2011 года, была поставлена под сомнение и заявлено о ее демонтаже;
- отсутствие идеологической системы не способно мобилизовать кадровые и материальные ресурсы нации, которые управляются с помощью «паркетного пиара» и «сигналов», подкрепляемых нормативными документами;
- отсутствие идеологической системы снижает роль государства, его институтов в реализации долгосрочных национальных целей;
- наконец, отсутствие идеологической системы не может выстроить адекватную систему институтов гражданского общества, т. е. тех институтов НЧП, которые составляют основу его социального потенциала.

Особенно ярко отсутствие идеологической системы отразилось на кризисе истории, политологии и других социальных наук в России. Как заметил ректор МГИМО(У) А. Торкунов, «В эпоху массмедиа и информационных технологий история в изложении и целых национальных школ, и многих отдельных авторов нередко политизируется, деформируется в угоду сиюминутным интересам тех или иных националистических клик или подчиняется стратегическим целям ревнителей разного рода экстремистских и деструктивных идеологий. Все это преподносится в качестве новых „открытий“, „взглядов“, „подходов“ и т. п. И чтобы не дать утвердиться в общественном сознании народов обосновывающей „ложные пути“

псевдонаучным теориям и концепциям историческая наука нуждается в поддержке, развитии и защите. Это напрямую касается и российской истории. Ее дискредитация как за рубежом нашего Отечества, так и, к несчастью, в нашей стране, достигла состояния «эпидемии истерической невменяемости...»⁹⁹.

Надо сказать, что «прагматические» идеологические заявления Д. Медведева и В. Путина подкрепляются в последние годы некоторыми практически результатами, что, как следствие, отражается на соотношении оптимистов и пессимистов в стране, т. е. данный, социальный аспект идеологии имеет определенную оптимистическую направленность. Как видно из соцопросов, соотношение в пользу оптимистов в России медленно, но неуклонно менялось¹⁰⁰. К середине 2007 года число умеренных оптимистов впервые превысило половину населения (по сравнению с менее чем четвертью в 2000 году). После 2008 года начался обратный процесс, который к концу 2010 года зафиксировал новое соотношение между пессимистами и оптимистами в России. В 2011 году оптимизм стал стремительно убывать, что хорошо продемонстрировали выборы 4 декабря 2011 года, где партия власти потеряла 15%.

Особенно стоит сказать еще об одной из причин этого — отсутствия продуманной кадровой политики, которая вызывала резкое недовольство профессионалов. Роль государства здесь свелась к насаждению лояльного, но малопрофессионального чиновничества, подмене реальной работы «паркетным пиаром». Примеров — множество, но хуже всего то, что власть ничему не научилась. Назначив двух талантливых пиарщиков — В. Суркова и Д. Рогозина — отвечать за модернизацию, она в декабре 2011 года еще раз подтвердила это. Как точно подметил Л. Злотин, «...преданность и надежность не являются характеристикой способности человека к исполнению возложенных на него функций. Поэтому столь же важно правильное соотношение в каждом руководящем органе людей лояльных и профессиональных. Хорошо, разумеется, когда эти качества совпадают, но это вообще-то редкое явление. Потому что человек, что-то реально умеющий делать хорошо и качественно, как правило, мало склонен к избыточной любви к начальству. Частный, но сегодня критически важный случай этой проблемы — кадровый кризис на общественно-политическом поле. Зачистка практически всех политических институтов в процессе построения как бы вертикали власти привела к кадровым проблемам с обеих сторон. Невозможно при отключенных лифтах (а они существуют на всех уровнях иерархии) говорить о качественной ротации и подготовке новых кадров. Но тот факт, что власть с этим фактически опоздала, не говорит о том, что и начинать не надо. Модификация советских комиссаров и парторгов — ну, помните: на всех постах, которые поручала ему партия, — в современном исполнении уже создала проблемы нешуточные»¹⁰¹.

Подобные практические результаты, как правило, позитивно влияют на формирование идеологии, демонстрируя эффект катализатора. Прагматизм стал идеологией. Мы и дальше увидим, что практическая политика при В. Путине шла нередко впереди идеологии. Это, конечно же, российский феномен. Но даже прагматизм В. Путина, отрицавшего идеологию, был идеологичен.

Возможны и другие классификации: идеология может быть националистическая, интернационалистическая, христианская, мусульманская, консервативная и др. Разные формы различаются предметом и способом отображения общественной жизни, характером их связи с формами деятельности мышления. И разные формы идеологии предполагают разную роль государства.

Напомним, что, как таковой, термин «идеология» ввел французский философ Дестюрт де Трассе («Элементы идеологии», 1800–1815, Париж) для характеристики учения об идеях, которые (внимание!) создают основы для политики, этики, права и т. д. Длительный период одни обществоведы называли идеологию иллюзорным знанием (К. Маркс, Ф. Энгельс), другие же считали идеологию наукой (Ленин, Сталин), третьи — и тем и другим. Разное отношение к идеологии сохраняется и сегодня в мире, где элиты и нации либо формулируют свою идеологию (и становятся лидерами), либо принимают чужую (и становятся аутсайдерами).

Современные идеологи, опираясь на информационные технологии, владеют распространенной индустрией влияния на сознание людей. В т. ч. и в интересах сохранения как устаревших идей, так и продвижения новых, но ошибочных концепций. «Магия PR» — может очень многое, в т. ч. и навязывая ложные и вредные идеи. К сожалению, политическая история России последних лет изобилует такими примерами. В этой связи важно отметить, что «магия PR» особенно эффективна там, где государство сознательно освободило идеологическую нишу для своих конкурентов. Что, собственно говоря, и сделала Россия, а до этого поздний СССР в последние десятилетия. Огромное геополитическое пространство СССР стало объектом массированного идеологического воздействия при фактически полном самоустранении государства. Когда же государство попыталось взять под контроль самые влиятельные отечественные СМИ, это вызвало бурю негодования как за рубежом, так и внутри страны. Такая реакция на действия власти вполне понятна, ведь она покусилась на мощнейший ресурс влияния, от которого добровольно отказалась в 1990-е годы.

Эта индустрия PR может быть использована реакционной идеологией (шовинизм, расизм, фанатизм) как средство манипулирования поведением масс, согласие, провоцирует национальные, религиозные, групповые конфликты. Более того, можно сказать, что решение проблемы терроризма нахо-

дится прежде всего в поле деятельности идеологии и именно идеологических усилий государства. К сожалению, современных примеров немало. И не только среди стран, защищающих фундаменталистические ценности, но и среди развитых государств. Волна неонацизма и национализма — следует признать — охватила всю Европу, не оставив в стороне и Россию.

Таким образом, у «старых» идеологий сохраняется огромный ресурс влияния, который в ряде случаев обеспечивает им политический рывок. Победа неолберализма в России в 90-е годы, коммунизма — в ряде стран Л. Америки, фундаментализма — на Ближнем и Среднем Востоке, национализма — в других странах, — все это свидетельствует о том, что «уходящие» идеологии отнюдь не исчезают добровольно. Вырождающиеся в России КП РФ и СПС — типичные примеры этого процесса. Они вытесняются более современными гуманистическими идеологиями постепенно, с большим трудом, трансформируются в более современные идеологии, имеющие социальную и национальную направленность.

В целом прогрессивные идеологии в лице своих идеологов осуществляют распространение идей в интересах общества и личности. И роль государства здесь огромна. Более того, она усиливается. Национальное возрождение — это также и несение прогрессивных идей в массы, вооружение их системным видением общественных задач, показ путей и средств их решения, изблечения преград, которые мешают развитию общества¹⁰². Все эти аспекты идеологической деятельности должны быть в центре внимания самого влиятельного института, созданного обществом, — государства. «Уход» государства из идеологии означает в конечном счете лишь отказ от самого мощного политико-экономического инструмента и механизма эффективного управления обществом и экономикой.

Повторю: есть все основания полагать, что современные доминирующие идеологии и, как следствие, — модели развития государств, **себя изжили, находятся на стадии вырождения**. Или, как минимум, не отражают реальных национальных интересов и ценностей в эпоху глобализации¹⁰³. Или, как минимум, перестали быть эффективными и отражать современные реалии, в т. ч. и в развитых странах, которые, как почему-то считается, находятся сегодня на подъеме. По мнению, например, Г. Кархина, «двести лет человеческой истории прошли в соперничестве трех идеологий: либерализма, консерватизма и социализма. За этот период они полностью раскрыли свой общественно значимый потенциал и подготовили переход в эру интеллектуализма»¹⁰⁴. И он, безусловно, прав! Более того, говоря о нравственной основе капитализма — либеральной идеологии, — следует признать правоту слов Валлерстайна, сказавшего, что капитализм пришел к «моральному коллапсу». Более подробно эту ситуацию описали российские философы следующим образом: «Капитализм никогда не

был общественным строем, самодостаточным в морально-этическом отношении. Исторически он смог укрепиться и развиваться не только за счет эксплуатации таких «даровых» ресурсов, как вода, воздух, леса, полезные ископаемые, но и за счет общественной морали, которую сам он не вырабатывал. Тем не менее, именно последняя, будучи важным регулятором социальных отношений, обеспечивала капиталистическую экономику необходимым человеческим ресурсом: более-менее честным, добросовестным, интеллектуально развитым и т. д. Некапиталистическая мораль в конечном счете сделала возможным существование капитализма. Сейчас, когда такой морали начинает не хватать (недаром говорят об утрате протестантской этики на Западе), производство переводится туда, где она еще есть (домодерные, традиционные общества) или же предпринимается попытка создать некий суррогат в виде корпоративной морали (включающей в себя собственные ценности, гимны и призывы к лояльности предприятию)»¹⁰⁵.

Это ведет, с одной стороны, к кризису идеологий (что мы и наблюдаем), а, с другой, к попыткам адептов прежних идеологий модифицировать свои устаревшие взгляды. Кризис идеологий, в свою очередь, ведет к политическому и экономическому кризису в мире, который мы и наблюдаем с 2008 года. Но (об этом редко говорится) решить кризисные проблемы, возникшие в результате идеологического кризиса, предлагается почему-то только финансовыми, политическими или военными средствами. Мы вновь должны вернуться к идее «фазового», качественного перехода мировой экономики и общественно-политического устройства на новый, некапиталистический уровень. Та страна, которая сможет предложить миру идеологическую систему такого перехода, охватывающую все области человеческого существования, сделать ее привлекательной, обоснованной и практически реализуемой станет не только мировым идеологическим, но и политическим (а, в конечном счете, экономическим, финансовым и технологическим) мировым лидером. *Таким лидером может стать именно Россия, способная предложить миру не только свой привлекательный образ, но и новую модель развития.*

Для этого России вначале необходимо правильно расставить собственные приоритеты развития, и вначале тех областей, которые прямо связаны с приоритетом развития НЧП и в первую очередь с институтами социального потенциала и креативного класса. «В любой стране учителя и врачи, ученые и работники культуры — это не только костяк „креативного класса“. Это те, кто придает устойчивость развитию общества, служит опорой общественной морали»¹⁰⁶, — был вынужден признать в феврале 2012 года В. Путин.

«Фазовый переход» — это переход не только экономики на новый уровень, но, подчеркну, всей системы общественных отношений. Причем, подобный переход объясняется, прежде всего, самой сменой

материальной основы бытия, которая происходит в экономике и обществе в информационную эпоху. Меняется не только структура экономики, но и, прежде всего, социальные функции общества и функции государства, которые были столетиями более консервативны. Таким образом, само экономическое и социальное развитие готовит смену доминирующей в развитых странах либеральной идеологии. Так, например, капитал, лежащий в основе существования капиталистического способа производства и соответствующей ему (с разными вариантами) либеральной идеологии, вытесняется таким фактором развития, как знания.

Капиталистическая экономика и общество превращаются в экономику и общество знаний. Соответственно происходят неизбежные изменения и в идеологии... Повторю, что эти процессы происходят не сами по себе. Новые субъекты, новые носители этих идеологий, должны активно внедрять их в общественное сознание, бороться за реализацию своих приоритетов. И государство — важнейший субъект не имеет права игнорировать происходящие перемены.

В России периода 2000–2010 годов этого не происходило. Занятые прагматической работой по укреплению внутривнутриполитической стабильности и макроэкономической ситуации, новые идеологические субъекты — администрация, в целом исполнительная власть — фактически дистанцировались от идеологической работы. Произошел «провис», когда вакуум, образованный вытеснением старых идеологий, оказался не заполненным. И только в 2006 году ситуация начала очень медленно меняться. По инициативе власти. Конкретно В. Путина, В. Суркова, Д. Медведева. Но, к сожалению, она не получила серьезного развития.

Пока этот период «фазового перехода» в полной мере недооценен. Существует разница в том, что происходит на уровне экономики (где элита уже признала необходимость перехода к экономике знаний), и на политическом уровне, где элита и гражданское общество еще только начинает осознавать это явление. Но этого нет пока в идеологии, где обозначился лишь очевидный отход от примитивного неоллиберализма. Пока что только отход, но **не переход к новому качеству**. Складывается противоречивая ситуация: экономика и политика уже находятся в стадии переходного периода (причем не только в России, но и в мире), а идеология нет. Этот отход и провозглашение перехода на официальном уровне впервые прозвучал в послании В. Путина Федеральному Собранию 2007 года, когда были ясно обозначены стратегические (идеологические) ориентиры развития нации. Провозглашены... и забыты.

Другими словами, после апреля 2007 года Россия оказалась вновь в переходном периоде, но уже не от коммунизма в либерально-рыночную стихию, а от либерально-государственного капитализма к социально-ориентированному обществу, которое

должно опираться на ясные национальные интересы и ценности. Этот переход неизбежно займет какое-то время и не будет простым. Как и всегда, будут и «забегания вперед» и «откаты», но вектор, идеология движения уже понятны. В 2012 году В. Путин в своей «социальной» статье впервые, пожалуй, с 2007 года, заговорил о «социальном измерении экономики»¹⁰⁷. Разрыв между 2007–2012 годами — это разрыв не столько в теории, сколько в практической социальной политике, которая не была обеспечена соответствующей идеологией. В конечном счете этот разрыв объясняет минимальные социальные результаты такой политики. Вот почему В. Путин был вынужден даже в условиях избирательной кампании (когда подчеркиваются позитивные результаты) сказать, что «надо говорить о проблемах... и о задачах, которые должны стать повесткой следующего этапа развития России»¹⁰⁸.

Как справедливо признает профессор Г. Консантинов, «проблема в том, что на уровне фундаментальных позиций существует некий разрыв — эти позиции называют и обсуждают в теоретическом контексте, но не принимают в практической деятельности. Касается это и новой экономики — экономики знаний. Разговоры о ней ведутся пятьдесят лет: теория постиндустриальной экономики, затем «информационная эпоха» Кастельса, новая экономика.

Они ведутся на уровне политических деятелей, правительств. Официальные лица заявляют, что деньги будут зарабатывать в сфере новой экономики, что нефть — подозрительная вещь. Все в теории понимают, что социально-экономическая трансформация происходит. Но не принимают по одной простой причине: предполагая, что ничего, по большому счету, не изменится, что капитализм просто недоразвился, что на самом деле капитал как был главным, так главным и останется. Но им нужно возразить, во-первых, что так было не всегда, и, во-вторых, если мы сами признаем, что в экономике и обществе в информационную эпоху произойдут радикальные изменения, то почему мы считаем, что роль капитала останется прежней? Более того, мы можем увидеть, что все уже, действительно, меняется, и очень сильно»¹⁰⁹.

У России, конечно, есть и своя специфика. Она связана не только с общим идеологическим кризисом, но и кризисом системным, захватившим все постсоветские государства, — кризисом социально-экономическим, политическим, финансовым. Но, прежде всего, кризисом нравственным и идеологическим, из которого российская правящая элита упорно не хочет выходить.

Новая геополитическая реальность — Россия — также часть этого кризиса. Поиск соотношения национальных интересов и ценностей с международными интересами и реалиями глобального мира — ключевая проблема не только международной, но и современной российской идеологии. Как «для себя», так и «вовне». При этом сохраняется соблазн внешнего

«ухода из идеологии». Свою трактовку этой проблеме дает, например, министр иностранных дел России С. Лавров: «Логика идеологизированных подходов к международным делам прямо противостоит императивам глобализации.

Глобализируются не только возможности, но и угрозы. Вывод отсюда только один — эффективно противостоять новым вызовам и угрозам безопасности и устойчивому развитию можно только сообща, коллективными усилиями всего мирового сообщества. Неделимость безопасности и процветания не дает нам разумной альтернативы. В свою очередь, для этого требуется общий знаменатель, который даст нам возможность развести практическую политику, основанную на законных интересах государств, и приверженности ценностям, трактовки которых неизбежно разнятся»¹¹⁰.

«Развести» практическую политику и идеологию, как предлагает С. Лавров, представляется наивным, хотя конъюнктурно — для Запада — и оправданным. По сути дела, эта политика уже не раз провалилась в недавнем прошлом. Реальность показывает, что не «убегание» от идеологии, а «поиск» идеологии является перспективным направлением, в том числе и для самой прагматической внешней политики. И Россия должна предложить миру такую привлекательную идеологическую модель.

Можно сколько угодно пытаться убеждать США, страны Западной Европы или Китай, а тем более, Индию, в необходимости «деидеологизации». Из этого ничего не получалось прежде. Не получится и сегодня. Нужен поиск «точек совместимости» идеологий и систем ценностей, а не попытки универсализации внешней политики под предлогом ее «прагматизации». Этого не получилось даже в международном праве. Тем более, не получится в идеологии.

«Разведение» практической политики на международной арене при сохранении национальных ценностей — такова не только внешняя, но и внутренняя задача, стоящая перед властью в России. Сочетание прагматизма в международных делах с национальными интересами, однако, будет неизбежно сталкиваться с теми доминирующими представлениями о ценностях, которые сегодня господствуют в США и в Европе. И преодолеть это расхождение без собственной идеологии все равно не удастся. Как не удастся этого сделать в военно-политической области, где Россию по-прежнему продолжают считать врагом № 1, независимо от политических деклараций Б. Обамы. Так, выступая 31 января 2012 года в Комитете по разведке Сената США, директор национальной разведки страны Дж. Клэппер заявил, что «Россия наряду с Китаем и Ираном является одной из главных угроз национальной безопасности США»¹¹¹.

Необходима прежде всего политико-идеологическая самоидентификация. Сказать, что Россия «не-Запад» мало. Надо сказать, **что такое Россия, каковы ее интересы** и как они соотносятся с интересами дру-

гих государств, но, главное, **как эти государственные интересы соотносятся с общенациональными интересами народа, конкретного человека.** Принципиальное признание было, сделано В. Путиным в его послании 2007 года: государство для человека (а не наоборот, как это чаще всего случалось в русской истории). Но оно осталось декларацией, хотя не раз повторялось позже, в т. ч. и в последнем послании Д. Медведева Федеральному Собранию России.

Думается, что на эту эволюцию взглядов правящей элиты оказало влияние многообъективных факторов, среди которых немалая роль принадлежала идее и процессу реализации приоритетных нацпроектов, выдвинутых президентом в 2005 году. Не случайно В. Путин в послании отметил, что «их главная цель — инвестиции в человека». Не случайно и то, что весь период с осени 2005 года по весну 2007 года в стране по нарастающей шла идеологическая кампания, которая стала по своей сути **мобилизацией элиты** для нового этапа развития страны. Которая, однако, не завершилась вплоть до 2012 года. Этот этап оказался провальным. Мы потеряли пять лет. Этапа, который должен был бы стать естественным продолжением курса В. Путина — Д. Медведева последних лет, но уже на долгосрочной, идеологической основе. Задача — стратегическая, имеющая огромное практическое значение, ведь как предупреждал еще в позапрошлом веке Ф. Бэкон, «Как в природе, так и в государстве, легче изменить сразу многое, чем что-то одно».

Сказанное в полной мере относится и к внешней политике страны, ее идеологическому обеспечению, без которого невозможна эффективная внешнеполитическая стратегия. Как признают специалисты МГИМО(У), **«В российской политике в отношении Центрально-Азиатских республик (ЦА) остро ощущается отсутствие общей долгосрочной стратегии и инструментария по ее реализации.** В числе основных факторов в этой связи наиболее часто упоминаются: нехватка и/или невостребованность квалифицированных дипломатов и экспертов, способных обеспечивать российскую политику в постсоветских регионах на высоком качественном уровне; отсутствие полноценной политики поддержки соотечественников и россияноцентричных гуманитарных инициатив; отказ от диалога с оппозицией и независимыми гражданскими структурами, сосредоточенность исключительно на контактах с первыми лицами и „партиями власти“ Центрально-Азиатских стран. Россия недостаточно работает со вторым и третьим эшелонами власти в этих государствах, а значит, лишает себя страховки на случай внезапной смены высшего руководства и теряет перспективных союзников среди сторонников модернизации и политических перемен»¹².

Таким образом и во внешнеполитической области (которая определяется прежде всего государством) актуальна проблема усиления роли государства и его институтов. Но не просто административно-политически, а прежде всего идеологически, концептуально.

¹ Эта глава подготовлена в соавторстве с О. А. Подберезкиной.

² Аксютин В. Получение террористами оружия массового поражения — только вопрос времени. 07.04.2010. URL: <http://www.regnum.ru/news/>

³ Сухнев В. Проблема России — человек // Стратегия России. 2007. № 2. С. 94.

⁴ Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. С. 1.

⁵ Там же.

⁶ Юргенс И. Новые полюса силы и статус-кво // Независимая газета. 2012. 18 апреля. С. 4.

⁷ Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. С. 1.

⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом России Д. Медведевым 12 июля 2008 г. Пр-1440.

⁹ Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее / сост.: Иванов А. И. (псевдоним А. И. Подберезкина) и др. М.: Европа, 2007.

¹⁰ Неклесов А. И. Генетика гражданского общества // Независимая газета. 2012. 6 апреля. С. 5.

¹¹ Там же.

¹² См., например: Подберезкин А. Человеческий капитал. М.: Европа, 2007.

¹³ Черновецкий В. Цивилизация без культуры // Независимая газета. 2011. 19 декабря. С. 12.

¹⁴ Оказание дипломатической поддержки российскому бизнесу. МИД России. 2010. 26 февраля. URL: <http://www.mid.ru>

¹⁵ Торкунов А. В. Внешнеполитическая стратегия США после холодной войны. Цит. по: URL: <http://alteruativa.livejournal.com> 3 апреля 2012 г.

¹⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 12 июля 2008 г. Пр-1440.

¹⁷ Васильев Л. С. Консенсус как наше спасение // Независимая газета. 2012. 9 апреля. С. 9.

¹⁸ Торкунов А. В. По дороге в будущее / Торкунов А. В.; ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс. 2010. С. 414.

¹⁹ Иванов А. (Подберезкин А.). Глобализация и идеология. URL: <http://www.zavtra.ru/egi/07/720/31/>

²⁰ Согрин В. В. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века // Весь мир. 2011. С. 218.

²¹ Там же. С. 219.

- ²² *Нейматова А.Я.* Проблема имиджа в политике и политической науке // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 269–270.
- ²³ См., например: *Абанкина И.В.* Университеты в постиндустриальной экономике // New Scientist. 2011. Сентябрь. № 9 (10). С. 8.
- ²⁴ *Нейматова А.Я.* Проблема имиджа в политике и политической науке // Вестник МГИМО(У), 2011. № 2. С. 269–270.
- ²⁵ *Кулаков В., Алиев З.* О глобальной конкурентоспособности России // Власть. 2010. № 5. С. 61.
- ²⁶ Образовательная геодемография России / под ред. М.П. Карпенко. М.: СГУ, 2011. С. 119.
- ²⁷ *Малявин В.* Стратегическое подполье Китая // Ведомости. 2007. 28 марта. С. А4.
- ²⁸ *Ту Вэймин.* Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл // Политические исследования. 2012. № 1. С. 7.
- ²⁹ См., например: *Булатов Ю., Подберезкин А.* Некоторые методологические проблемы глобализации. М.: Наука, 2003; *Подберезкин А.И., Абакумов С.А.* Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004.
- ³⁰ *Кокошин А.* Реальный суверенитет. М.: Европа, 2006. С. 10.
- ³¹ Категории политической науки: Учеб. М.: МГИМО, 2002. С. 17.
- ³² *Глазьев С.Ю.* Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» // Экономическая газета. 2011. С. 174
- ³³ *Торкунов А.В.* Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря.
- ³⁴ *Тарелин А.А.* Политико-академическое сообщество США: проблемы генезиса // Вестник МГИМО(У). 2012. № 1 (22). С. 96.
- ³⁵ *Подберезкин А.И., Абакумов С.А.* Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004. (Глава I. Сущность и ключевые проблемы глобализации; Глава II Вопросы методологии изучения и т.д.).
- ³⁶ *Волкова М.* Брукинский тест // Российская газета. 15 апреля 2010. С. 2.
- ³⁷ См., например: *Железняк С.* Что есть Россия? // Независимая газета. 2012. 24 января. С. 3.
- ³⁸ *Волкова М.* Брукинский тест // Российская газета. 15 апреля 2010. С. 2.
- ³⁹ *Торкунов А.В.* Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Рогов С.М.* Россия должна стать «научной сверхдержавой» // Мир и политика, 2010. № 3 (42). С. 8.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Казаков А.* Выбор и модель. 03.02.2010. URL: <http://edinros.er.ru>
- ⁴⁴ См., например: *Паниев Ю.* Неудобная тема // Независимая газета. 2012. 28 января. С. 1.
- ⁴⁵ *Ким Зигфельд.* Неосоветская Россия и Америка («American Thinker», США). URL: <http://www.inosmi.ru/politic/17.03.2010>
- ⁴⁶ *Торкунов А.В.* Европейский выбор и национальный интерес // Космополис. № 3(19). 2007–2008. Зима.
- ⁴⁷ *Шварценеггер А.* «Мы хотим, чтобы Россия также находилась в авангарде создателей новых технологий». 2010. 23 июня. URL: <http://www.kreml.org/interview/>
- ⁴⁸ *Глазьев С.Ю.* Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» // Экономическая газета. 2011. С. 490.
- ⁴⁹ Чистый отток капитала из РФ в 2011 году вырос в 2,5 раза — до \$84,2 млрд долл. // Forbes. 2012. 13 января.
- ⁵⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Президентом В.В. Путиным 28 июня 2000 г.). Сайт Безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/25.html>
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX — начало XX вв.) М.: РИСИ, 2011. С. 228.
- ⁵³ *Самарина А.* 70% митингующих — либералы по убеждениям // Независимая газета. 2011. 27 декабря. С. 3.
- ⁵⁴ *Флориды Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2005.
- ⁵⁵ *Мельников А.* Путина подняли духом // Независимая газета. 2012. 9 февраля. С. 3.
- ⁵⁶ Не кольцо в носу. URL: <http://www.polit.ru/culture/2005/11/03>
- ⁵⁷ *Торкунов А.В.* По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 147.
- ⁵⁸ *Ту Вэймин.* Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл // Политические исследования. 2012. № 1. С. 7.
- ⁵⁹ *Говорухин С.* Как нам не прогалдеть Россию // Известия. 2007. 24 апреля. С. 6.
- ⁶⁰ *Путин В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации // Российская газета. 2007. 27 апреля. С. 3.
- ⁶¹ *Кисляков А.* И все-таки они падают // Независимая газета. 2012. 9 февраля. С. 3.
- ⁶² *Новикова А.* Путин получил благословение на третий срок // Известия. 2012. 9 февраля. С. 2.
- ⁶³ *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. М.: Финансовый контроль. 2003. С. 15.
- ⁶⁴ Кремлю надоел Лондон // Газета. 2007. 23 апреля. С. 13.
- ⁶⁵ Human Development Reports / UNDP. URL: <http://hdr.undp.org>
-

- ⁶⁶ Со временем, помимо собственно ИРЧП, эксперты ПРООН стали рассчитывать ИРЧП **с учетом пола и индекс человеческой бедности**. Сам же ИРЧП претерпел изменения в методологической части — изменился принцип определения уровня грамотности населения и механизм подсчета ВВП на душу населения.
 - ⁶⁷ Кузьмин В. Кабинет широких интересов // Российская газета. 2012. 9 февраля. С. 3.
 - ⁶⁸ Торкунов А. В. По дороге в будущее / Торкунов А. В.; ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс. 2010. С. 414.
 - ⁶⁹ Додельцев Р. Ф. Введение в науку о науке. В 3 ч. Часть 2. Вселенная, жизнь, культура / Р. Ф. Додельцев. МГИМО(У), 2010. С. 111.
 - ⁷⁰ Самарина А., Твердов П. В этой чудесной стране люди будут жить долго и счастливо // Независимая газета. 2012. 25 апреля. С. 2.
 - ⁷¹ Нарышкин С. Е. Опередить запросы общества // Российская газета. 2011. 26 декабря. С. 4.
 - ⁷² Никонов В. А. Крушение России. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 301.
 - ⁷³ Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/33.html>
 - ⁷⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
 - ⁷⁵ Панова Е. П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 158.
 - ⁷⁶ Васильев Л. С., Консенсус как наше спасение // Независимая газета. 2012. 9 апреля. С. 9.
 - ⁷⁷ Нарышкин С. Е. Демократия и парламентаризм // Российская газета. 2012. 9 апреля. С. 3.
 - ⁷⁸ «Стратегия–2020»: Новая модель роста — новая социальная политика. М. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. 2012. Март.
 - ⁷⁹ Семёнова Е. А. Китай: поиск доступа к мировым интеллектуальным ресурсам. М.: РИСИ. Аналитические обзоры. 2011. № 3 (30). С. 15.
 - ⁸⁰ Нарышкин С. Е. Демократия и парламентаризм // Российская газета. 2012. 9 апреля. С. 3.
 - ⁸¹ См. подробнее: Тарелин А. А. Политико-академическое сообщество США: проблемы генезиса // Вестник МГИМО(У). 2012. № 1 (22). С. 90.
 - ⁸² Иванов В. Фальсификация народа // Известия. 2012. 21 февраля. С. 9.
 - ⁸³ Мау В. Надо полностью пересмотреть понятие пенсии, поскольку сейчас оно маргинально // Известия. 2012. 24 февраля. С. 1.
 - ⁸⁴ Торкунов А. В. Письмена истории в реалиях современности. В кн.: Торкунов А. В. По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 192.
 - ⁸⁵ Кургинян С. Е. Они и мы // Известия. 2011. 22 декабря. С. 10.
 - ⁸⁶ Сартр П. Миротворчество ООН должно стать жестким: защищая миссию, убеждая участников конфликта // Международный институт мира. 2012. Март. С. 5.
 - ⁸⁷ Кургинян С. Е. Они и мы // Известия. 2011. 22 декабря. С. 10.
 - ⁸⁸ Коновалов Е. Г. Необходимость государственной идеологии // Эл. СМИ «Наследие». 2012. 28 февраля. URL: <http://www.nasledie.ru>
 - ⁸⁹ Они будут сражаться до последнего солдата. 2012. 24 марта. URL: <http://toyahara.livejournal.com>
 - ⁹⁰ Панова Е. П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2.
 - ⁹¹ Попов С. В., Сергеева В. В. Сравнительный анализ приоритетных направлений развития науки, технологии и техники РФ на основе патентной статистики. В сб.: Наука, инновации, образование. 2011. № 10. С. 66–67.
 - ⁹² См., Нарышкин С. Е. Демократия и парламентаризм // Российская газета. 2012. 9 апреля. С. 3.
 - ⁹³ Суховский А. М. Есть ли пределы экономической эффективности у НТП? // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 179–180.
 - ⁹⁴ Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики / под ред. Ф. Г. Войтоловского, А. В. Кузнецова. М.: Крафт+, 2012. С. 138.
 - ⁹⁵ Шмидт С. О. Эпоха по имени Шмидт // Российская газета. 2012. 11 апреля. С. 11.
 - ⁹⁶ Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 149.
 - ⁹⁷ Никонов В. А. Код политики. М.: Вагриус, 2006. С. 210.
 - ⁹⁸ Путин В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2007. 27 апреля. С. 3.
 - ⁹⁹ Торкунов А. В. К «Году истории России» // Вестник МГИМО(У). 2012. № 1 (220). С. 7.
 - ¹⁰⁰ Федоров В. Марш согласных // Итоги. 2007. 30 апреля. С. 19.
 - ¹⁰¹ Злотин Л. Кадры ничего не решают // Известия. 2011. 28 декабря. С. 9.
 - ¹⁰² Необходимо сказать, что в 2005–2010 годы этим аспектам уделялось немало внимания на различных научных форумах, которые целиком были посвящены им. Так, в декабре 2005 года и в декабре 2006 года в ИНИОН РАН проходили VI и VII международные научные конференции. Достаточно перечислить темы и авторов одной из них, чтобы сложилось вполне масштабное ощущение широты подхода к теме современного гуманитарного развития России. Так, только на конференции «Россия: тенденции и перспективы развития» выступили:
- Миронов С. М. Качество власти и стратегия развития России;
 Овчинников В. В. Путь в глобальной конкуренции;
 Попова Е. В. Методология формирования общеэкономической стратегии России: как решить задачу удвоения ВВП;
 Чернышов А. Г. Россия в поисках геополитической и стратегической инициативы;

Кувалдин В. Б. Глобализация и стратегические ориентиры российской политики;
Агеев А. И. Россия и сценарии международных отношений XXI века;
Нигматулин Р. И. Нефть и экономические стратегии России;
Мишарин А. С. Развитие транспорта как фактор конкурентоспособности России;
Подберезкин А. И. Место и роль России в системе глобальной безопасности;
Яковец Ю. В. Национальные приоритеты стратегии развития России на долгосрочную перспективу;
Бузгалин А. В., Колганов А. И. Стратегия опережающего развития: шансы России в глобальном мире;
Курманов М. М. Возможное воздействие на систему территориальной организации страны Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации»;
Шевяков А. Ю. Реформирование общественного сектора: эффекты взаимодействия экономических и социальных факторов;
Бобков В. Н. Обеспечение достойного уровня жизни;
Медведев В. Б. Повышение инвестиционной привлекательности региона на примере СЭЗ «Алабуга» (Республика Татарстан);
Яблоков А. В. Деэкологизация России как препятствие на пути социального и экономического развития страны;
Сычев Р. И. Экология и дети — Россия 2005 год;
Гамза В. А. Конкурентоспособность российской экономики: направления и пути ее повышения;
Шестопалов А. Г. «Отчет о конкурентоспособности России» как инструмент для построения конструктивного диалога общества;
Литвак Б. Г. Проблемы и технологии стратегического управления;
Леонтьев Г. К. Инновационный прорыв в управлении комплексным социально-экономическим развитием в Российской Федерации;
Лисин Б. К. Инновационный шанс России;
Голиченко О. Г. Основные вызовы России на пути к экономике, основанной на знаниях;
Зернов В. А. Отечественное профессиональное образование: возможности и перспективы;
Каганов В. Ш. Местное сообщество и инновационное развитие территорий;
Захаров В. С. О конкурентоспособности банковской системы России;
Федоренко В. Г. Особенности экономического украинско-российского сотрудничества в инвестиционной и инновационной сферах;
Иванов В. И. Всероссийская объединенная электронная биржа интеллектуальной собственности как один из механизмов консолидации интеллектуальных ресурсов России и формирования цивилизованного рынка интеллектуальной собственности.

¹⁰³ Можно использовать и термин «традиционные интересы», который широко используется в мире. См., например: Богатуров А. др. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения. М.: НОФМО, 2010. С. 6.

¹⁰⁴ Хромченко Т. Впереди новая эра — эра интеллектуализма // Российская газета. 2006. 22 июня. С. 17.

¹⁰⁵ Мартыянов В. С., Фишман Л. Г. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // Политические исследования. 2012. № 1. С. 63–75.

¹⁰⁶ Путин В. В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февраля. С. 1.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Краснова В. Когда демократия соберется с духом // Эксперт. 2007. № 3. С. 22.

¹¹⁰ Лавров С. Уроки «холодной войны» // Российская газета. 2006. 7 марта. С. 8.

¹¹¹ Иванов В. Очередные страшилки шефа американских спецслужб // Независимая газета. 2012. 10 февраля. С. 2.

¹¹² Чернявский С. И. О работе с политическими элитами центрально-азиатских государств. ИМИ МГИМО(У). 2012. С. 4.

ГЛАВА 3

ОБРАЗ РОССИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ¹

Мы живем в таком мире, где действуют волчьи законы
(It's a dog — eat — dog world)².

Т. Фрэнк,
главный редактор американского журнала
международного права

Чтобы добиться реального успеха, России, подобно многим другим развитым...
странам, необходимо научиться использовать глобальные потоки таланта.

Р. Флорида,
автор книги «Креативный класс:
люди, которые меняют будущее»

Успех государства в мире, где господствуют «волчьи законы», а также степень его влияния во многом предопределены четкой национальной стратегией и волей элиты к её реализации. Эти же два фактора являются определяющими и при формировании образа России. Другими словами, реальный образ страны зависит от того, насколько адекватна реальным и эффективна национальная стратегия и насколько она реализуется правящей элитой. «Образ» — это не декларации. Он должен быть реально обеспечен политической практикой результатами и развитием национальных ресурсов. В противном случае получается блеф, в который быстро перестают верить. Более того, блеф показывает самый серьезный недостаток не только внешней, но и внутренней политики, — непредсказуемость, неразумную амбициозность и не-

последовательность. Так, в российском обществе сложилось убеждение: «образ» России как великой космической державы, который уже не соответствует действительности. В этой области мы уступаем не только США и Китаю, но и Индии, Германии, ряду других стран. И разрыв нарастает. Например, по оценкам ведущего эксперта в этой области В. Гершензона, «Средний срок жизни российского спутника съемки составляет 4–6 месяцев (фотоспутник) и 3–4 года (оптико-электронный); китайского — пока 3–5 лет; индийского — более 5–7 лет, иногда до 10 лет. Не говорю уже о времени жизни европейских и американских аппаратов.

Сроки эксплуатации отечественных и китайских спутников примерно одинаковы, но по числу запусков аппаратов дистанционного зондирования

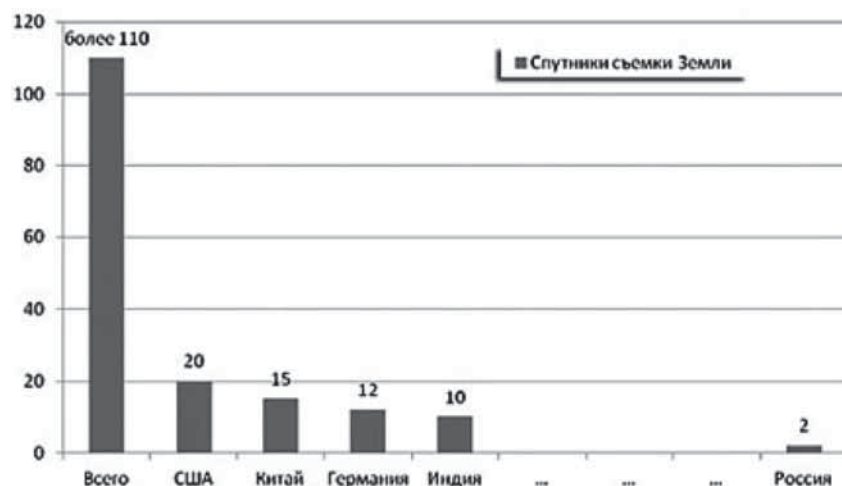

Рис. 1. Самые крупные национальные системы космических аппаратов съемки Земли (военными, гражданскими и коммерческими, без учета метеоспутников) к началу 2012 г.

Земли Китай сегодня находится в мировых лидерах. Космические снимки, полученные с отечественных космических аппаратов, — невысокого качества, с низкой точностью геопривязки, недостаточен уровень автоматизации их обработки...

В ближайшие годы мы никого не перегоним. Но не потерять квалификации, развивать производственную деятельность с учетом мировых стандартов и вести подготовку кадров в адекватной технологической и информационной среде — это вполне реалистичная задача³.

Вместе с тем важно понимать, что виртуальная реальность, возникшая в последние десятилетия наравне с подлинной реальностью, во многом предопределяет будущее и самой реальности. «Социальный статус производителя определяет стоимость товара, а не стоимость товара — статус производителя. «Происхождение» ныне обеспечивается рекламой. Реклама создает образ товара. Именно эти образы, а не реальные вещи, обращаются на постмодернистском рынке⁴. В том числе и образы государства на «рынке» международного сообщества.

Образ России в мире, таким образом, находится под воздействием не только внешних факторов, но и, прежде всего установок и результатов деятельности самой правящей элиты страны и той виртуальной реальности, которую удалось сформировать в стране и мире. К 2012 году, к сожалению, эти факторы так и не были систематизированы и приведены к некой идеологической системе или концепции.

Основная мысль этого раздела заключается в том, что никакое государство и никакая нация не смогут стать лидерами в экономике, социальной сфере, науке и технике, военной области, **не став идеологическим лидером**, способным влиять на внешние условия существования. Это тем более справедливо, если речь идет о претензии на мировое лидерство. Масштаб такого влияния может быть очень разным — от крайне слабого до очень сильного, — но, важно отметить, что сегодня это влияние обеспечивается

уже не только военным и экономическими потенциалами, но, прежде всего, идеологическим, нравственным и моральным потенциалом нации в мире. Простой пример — Куба, — существующая вопреки воле США в условиях блокады и без серьезной внешней поддержки уже более 20 лет, а также КНДР, Иран и другие страны.

Поэтому, говоря о возвращении России в число мировых держав, формулируя такую задачу в стратегию развития, необходимо четко, даже категорично, ответить на вопрос: готовы ли мы сами стать мировым идеологическим лидером? Есть ли у российской элиты ясная установка на это, воля и готовность добиваться этой цели? Или, говоря о «вхождении» в пятерку ведущих держав, мы имеем в виду только величину ВВП страны?

Ответ на этот вопрос важен потому, что подлинный процесс «возвращения» в мировые лидеры вполне последователен: сначала необходимо вернуть **лидерство идей**, лидерство в области НЧП, а только потом — экономическое, социальное и военное лидерство. Причем идей **своих, а не заимствованных извне** — будь то в экономике, финансах, праве, либо научной области. Мало сказать о том, что Россия «должна войти в пятерку мировых лидеров». Надо понимать, что сначала она должна войти в пятерку идеологических лидеров, стать лидером по развитию НЧП, социальных и политических институтов нации.

Пока что все инициативы правящей элиты и оппозиции концентрируются в области политического реформирования: власть пытается ослабить «вертикаль», а оппозиция — ее демонтировать. И первое, и второе имеет мало общего с разработкой реального политического курса для национального развития. Речь идет не о стратегии (и идеологии) развития, а о борьбе за власть. Не более того. Вокруг этого сконцентрировано все внимание и энергия. При этом стратегия национального развития остается за скобками общественного внимания⁵.

1. Стратегия национального развития как основа для формирования образа России

Вообще большая часть политической и бизнес-элиты живет с пониманием международных отношений на уровне XIX — первой половины XX века...⁶.

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Эта идеология требует спокойного разговора с обществом. Пока мы разговариваем штампами. Мол, либералы нас всех обворовали и хотят это у себя сохранить. Это не так, — отметил он.

Либерализм — это идеология развития с опорой на собственные силы. Либерализм — это и патриотизм. Призыв человека приложить усилия⁷.

В. Плигин,
депутат Госдумы

Внешний образ России формируется на основе реального, а не виртуального внутреннего облика, который является продуктом длительных усилий элиты и общества, в основе которых лежит осознанная, последовательная и результативная национальная стратегия. Национальная стратегия, может быть, является идеологическим и политическим компромиссом, достигнутым в обществе и элитах по основным вопросам национального развития, что, собственно, подтверждается идеологическим расколом «Единой России» на три платформы в 2012 году — социально-консервативную, либеральную и патриотическую.

Можно констатировать, что на рубеже 2012 года идеология «вернулась» в политическую жизнь России. Причем не только в форме политических программ парламентских партий, но и в форме стремительно разросшейся дискуссии как внутри разного рода оппозиционных течений и структур, так и — главное — внутри самой правящей элиты. То есть, появился реальный шанс переноса идеологической дискуссии в плоскость компромисса формирования общенациональной идеологии. Тем более, что В. Путин в серии своих статей сделал очевидную заявку уже и на программно-стратегический характер.

Я неоднократно говорил о том, что «России нужна не очередная концепция социально-экономического развития, а именно стратегия развития **нации**, что, конечно же, далеко не одно и то же. У США в этом качестве выступает „Стратегия национальной безопасности“, которая конкретизирует приоритеты и цели национальной политики применительно к конкретному историческому периоду. Она же выступает главным документом по отношению к любым иным документам, включая бюджетные, финансовые, внешнеполитические и иные, ясно формулирует общенациональные (а не только социально-экономические) цели и задачи. Так, в последнем варианте в качестве главной цели формулируется „...**продолжение** стратегии национального обновления и глобального лидерства — стратегии, которая восстанавливает основу американской мощи и влияния“⁸.

Вот и России необходимо изначально предложить **свое** понимание мира и места в нем нашей страны. Причем это понимание должно основываться не на приверженности к „либеральной традиции“ (на самом деле таких традиций и универсальных моделей просто нет), а именно на собственном, национальном понимании, на собственных научных и общественно-политических разработках»⁹. Это понимание нельзя сформулировать в одной или нескольких статьях, даже если они, как у В. Путина в 2012 году, претендуют на программный характер. Должна быть широкая общенациональная дискуссия, поиск компромисса между различными политическими и идеологическими силами, зафиксированная в некоем итоговом заключении. Может быть даже политическом соглашении или договоре, которые в окончательном виде должны быть оформлены нормативно — в обязательной к исполнению Стратегии национальной безопасности (Стратегии развития) и Программе конкретных действий по ее реализации. Причем не только для исполнительной ветви власти, а также органов местного самоуправления и институтов развития гражданского общества.

Такое понимание, в свою очередь может формироваться только на базе идеологии опережающего развития нации, всего национального человеческого потенциала, проживающего на огромной территории и контролирующего большие природные ресурсы. Никакие группы экспертов, а тем более чиновников, даже насчитывающих 1000 человек (как при «корректировке» «Стратегии-2020»), не могут и не должны этого делать. Это просто не их задача. В выработке такой национальной стратегии должна участвовать вся нация и все институты общества и государства — от РПЦ до органов местного самоуправления. Общенациональные угрозы могут быть нейтрализованы только общенациональными усилиями. При этом подразумевается не только общенациональная мобилизация, в т. ч. полное использование всех национальных ресурсов, но и идеологическая, духовная, нравственная готовность нации и элиты к решению таких масштабных проблем. А их масштаб

действительно угрожающий. В этом смысле можно согласиться с программным тезисом В. Путина, озвученным им в феврале 2012 года: «На нашей территории сосредоточено порядка 40% мировых природных богатств. А население — это лишь 2% от жителей Земли. Смысл сложившейся ситуации очевиден. Не реализовав масштабный, долгосрочный проект демографического развития, наращивания человеческого потенциала, освоения своих территорий, мы рискуем превратиться в глобальном смысле в „пустое пространство“, судьба которого будет решаться не нами»¹⁰.

Подобное уникальное (единственное в истории человечества) сочетание людских, природных и геополитических ресурсов и возможностей изначально предполагает, что их развитие потребует оригинальной и даже уникальной, специфической только для российской нации идеологии и вытекающей из нее стратегии развития. Идеологии, которую может предложить только мировой идеологический лидер. Идеологии, в основе которых находится своя, гуманистическая и нравственная система национальных ценностей. «Просто» использовать чью-то идеологию или стратегию невозможно. Нужна именно национальная идеология и национальная стратегия развития, учитывающие уникальную специфику и традиции России. Причем и первая, и вторая ориентированы на мировое лидерство.

Если вы считаете, что Россия не может, либо ей не нужно быть мировым лидером (сторонники такой точки зрения в России весьма активны, особенно среди нелиберальной части интеллигенции), то вопрос об идеологическом лидерстве отпадает сам собой. Если же вы сторонник той точки зрения, что Россия не может не быть мировым лидером, что это её единственно возможное стабильное существование, то вы неизбежно должны признать, что необходимо решить задачу **превращения страны в мирового лидера идей**. Как таковыми сегодня выступают США, Китай, Индия, объединенная Европа.

Но вопрос о таком идеологическом лидерстве — это не только вопрос **желания** правящей элиты, но и вопрос о том, **на какой базе, интеллектуальной, нравственной и исторической основе**, возможно, формулировать задачу стать идеологическим лидером. Образ России, как идеологического лидера, как и лидерство вообще, не может, на мой взгляд, базироваться на заимствованных, чужих ценностях, принципах и традициях. Будь то китайские, американские, индийские или европейские. «Кризис идентичности национальных и культурных групп...»¹¹, о котором говорил ректор МГИМО(У) А. Торкунов, — свойственен не только России. От него не застрахована ни одна нация. Этот образ России должен и может основываться только на национальных ценностях, адаптированных к современным реалиям. Даже если они по-разному понимаются либералами, консерваторами, левыми и маргиналами. Это и есть поле для

компромисса и будущей национальной стратегии развития, результатами реализации которой станут новые элементы образа России. Того образа, который можно будет развивать внутри и продвигать вовне.

И здесь принципиально важно, чтобы начавшаяся в 2011–2012 годах идеологическая дискуссия не свернулась, но дала позитивные идеи развития. Это, во-первых.

А, во-вторых, чтобы правящая элита и власть (при всей разнородности) перестали игнорировать эти сигналы общества, предпринимали адекватные и быстрые ответные действия. Как точно заметил А. Чеснаков, знающий механизм власти не понаслышке, «...нужно **перестать создавать проблемы самим себе**. Тут в первую очередь отличается власть. Среди всех ее групп и группировок существует опасный консенсус — **не реагировать на очевидные проблемы, которые создают коллеги по работе**. Очередной коррупционный скандал или инцидент с мигалкой и т. д. мгновенно пополняет группу „молчунов“. Так продолжаться не может. **Общественное мнение не фантом. Конечно, чтобы реагировать на подобные сигналы, придется соглашаться на серьезные меры. Власти необходимо переформулировать нормы собственного поведения и санкции, которыми нарушение этих норм должно наказываться. Придется научиться не бояться включать механизмы самоочищения, какими бы сложными для правящей элиты они ни были**»¹².

Соответственно и политические приоритеты должны стать **производными от таких национальных интересов** (потребностей) и базовых ценностей, которые «преломляются» в представлении национальной элиты. «Производность» образа России и ее политических приоритетов от базовых ценностей — важнейшее условие эффективной политики, ибо придает ей последовательность, принципиальность, нравственность и стратегический характер.

Другими словами эффективная политика может быть только в том случае, если в ее основе лежит идеология, базирующаяся на базовых национальных ценностях и интересах. Как справедливо отмечает Г. Хорина, «Любое национальное государство, обладающее развитой национальной культурой, вырабатывает свою государственную идеологию, в которой базовыми элементами выступают представления:

- о судьбе и предназначении данной нации;
- о векторе исторического развития;
- о доле общественного богатства, достигаемого различным социальным группам;
- об общественно-политическом, экономическом, эстетическом, нравственном идеале;
- о вкладе данной нации в культурную сокровищницу человечества;
- о соотношении элитарной, народной и массовой культур;
- об оценке имеющегося у нации исторического опыта;

- о тактических целях и задачах, которые следует решать обществу и государству в ближайшей и среднесрочной перспективе;
- о ведущем субъекте исторического процесса»¹³.

Идеология может выражаться в разных формах, в том числе в предельно краткой форме, с акцентированием внимания на основных принципах. Так, — продолжает автор, — «в России до революции государственная идеология содержала в себе три таких принципа: самодержавие, православие, народность.

В современной России нет четко сформулированной государственной идеологии, в которой должны быть сформулированы основные интересы и ценности российского общества с точки зрения его внутреннего развития, отношения с другими странами, в том числе с обозначением национальных целей и перспектив в условиях глобализации.

В последние годы о государственной (общенациональной) идеологии стали говорить все чаще. Глубоко эта проблема исследована в монографии А. Яковлева „Государственная идеология“. В его понимании государственная идеология — это духовно-практическое образование, в котором выражаются и защищаются интересы народа и государства во всей их сложности и противоречивости. Образ России — производимое от этого „образования“.

Нужно согласиться, с тем, что за годы попыток реформирования российского общества так и не удалось объединить большинство россиян вокруг какой-то идеи, способной увлечь большинство нации к участию в преобразовательной деятельности. Отсюда и то состояние, в котором на протяжении многих лет пребывает наше общество»¹⁴. Общество и нация находятся в состоянии постоянного нравственного и духовного кризиса. Без выхода из этого кризиса невозможно предложить сколько-нибудь внятную стратегию национального развития и, соответственно, адекватные и эффективные частные стратегии.

И это — тоже образ России. Пока что он формируется при общем понимании того, что общенационального консенсуса в интересах преобразований, которые сегодня проходят под флагом модернизации и инноваций, — нет. Отсюда и главная черта российского образа: его «размытость», нечеткость, излишняя абстрактность, а нередко и противоречивость.

Таким образом у России по сути есть единственный выход, который укладывается в следующую формулу: необходимо сформулировать общенациональную систему ценностей и национальные интересы, которые обеспечили бы России опережающее развитие, т. е. систему взглядов на то, как обеспечить такое опережающее развитие нации.

Рис. 2.

Соответственно, исходя из этой политико-идеологической и нравственной задачи, формулируется образ России как будущего мирового лидера. Собственно это и есть политико-идеологическое обоснование лидерства нашей страны.

Представляется, что такая логика вполне оправдана, хотя в реальности каждый из этапов подвергается сегодня в российской элите серьезному сомнению. Если В. Путин и Д. Медведев сформулировали в качестве цели «войти в пятерку мировых лидеров», то это совсем не означает, что вся российская элита разделяет эту задачу. Тем более понимает эту задачу. Еще сложнее с двумя предшествующими этапами — идеологическим лидерством и опорой на национальные ценности, — которые отнюдь не являются бесспорными с точки зрения российской элиты, особенно либеральной ее части. Вот почему на анализе этих этапов формирования образа России следует остановиться подробнее.

Споры начинаются с анализа самого первого этапа формирования образа России — оценки национальных интересов (потребностей) и ценностей России. Но если в конце 80-х — 90-х годах в элите и СМИ абсолютно доминировала негативная точка зрения по отношению к России, то к концу первого десятилетия XXI века ее сторонники перестали составлять большинство, сохранив, однако, влияние в СМИ и некоторых институтах государства и общества. Как справедливо заметил исследователь из МГИМО(У) И. Тимофеев, «Политической и интеллектуальной элите, по всей видимости, удалось нащупать основные координаты, в рамках которых выстраиваются более или менее приемлемые для граждан страны концепция государства, видение его роли в мире, и, наконец, понимание его истории»¹⁵, т. е. **образ России** (подч. — А. П.).

Действительно, российской элите удалось к концу первого десятилетия XXI века «нащупать» образ России, который стал «более или менее приемлемым» для нации. Но не более того. В начале второго десятилетия уже стало ясно, что **не надо** делать, чего мы **не хотим** в своем большинстве, что хорошо и что плохо, но все эти представления так и не сложились в ясный и четко очерченный образ, дающий конкретное представление о приоритетах и целях развития России, механизмах достижения этих целей и, наконец, о позиционировании этого образа в мире. Поэтому самая актуальная задача сегодня — окончательно сформулировать систему ценностей и национальных интересов, разделяемых большинством нации. Именно как систему взаимосвязанных между собой элементов — социальных, экономических, нравственных, — а не набор бесконечно меняющихся приоритетов, не имеющих долгосрочный характер. «Продвигать» во внешний мир можно только то, что уже есть, что хорошо обдуманно и осознано, сложено в систему.

От этого зависят и конкретные механизмы продвижения вовне такой системы, как конкретного образа, который во многом имеет виртуальный (но отнюдь не искусственный) характер.

2. Значение фундаментальных ценностей для формирования образа России

На протяжении многих столетий образ Александра Невского имел особое значение для укрепления Российского государства и формирования национального самосознания граждан¹⁶.
Д. Медведев

Очевидно, что обозначилась задача формирования такого типа социально-исторического знания, которое ... отражало бы ее богатейший и очень разный исторический опыт, российские цивилизационные... ценности...¹⁷.
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Возрастание конфликтности, непредсказуемости и политических рисков в XXI веке — та реальность, которую сегодня уже считают банальностью. В мире начался стремительный процесс, когда новые центры силы предлагают и даже навязывают остальным странам свои системы ценностей, а не только национальные интересы. Можно согласиться с И. Юргенсом, полагающим, что «при этом мир вступил в период более жесткой конкуренции в результате возникновения новых полюсов силы. США — пока сильнейшее государство и глобальный лидер. Но они уже и сами признают, что не могут или не хотят сохранять за собой эту роль в перспективе. Это означает, что в обозримом будущем придется пересматривать не только системы и инструменты безопасности и управляемости в мире, **но и системы ценностей и моральных критериев, которые лежат в их основе**»¹⁸.

Можно сказать и так: международная конкуренция во все большей мере перемещается из области экономической и технологической в области продвижения национальных систем ценностей и нравственных норм. От этого во многом зависит сегодня и эффективность социально-экономической стратегии, которая уже не может не замечать, что только макроэкономических критериев и «универсальных» либеральных норм не достаточно для реализации национальной стратегии.

Проблема образа России, эффективности ее стратегии и эффективность политики — прежде всего нравственная: «...вопрос о том, нравственна власть или безнравственна, — это для нас вопрос жизни и смерти»¹⁹, — говорит великий современный историк С. Шмидт.

Для формирования современного и адекватного образа России принципиально важно понимать значение фундаментальных российских ценностей. В этом предложении главные определения понятия «образ» — современный и адекватный, т. е. отражающий современное состояние нации, но и (может быть, главное для образа будущей России) будущее нашей страны и нации. Существует прямая, непосредственная, но не всегда видимая связь между традициями и будущим нации. Особенно, когда ее умышленно не

хотят видеть, либо сознательно предпочитают о ней не говорить. Хорошо об этом сказал патриарх Кирилл: «Сегодня мы живем в прозрачном мире, и можно потерять свободу, потерять суверенитет, потерять независимость, имея мощную экономику, хорошо вооруженную и обученную армию. Мы знаем, что без единого выстрела распалась историческая Россия, которую мы называли Советским Союзом, — и нет великой страны. Сегодня борьба происходит на уровне мысли, убеждений, взглядов, мировоззрения»²⁰.

Действительно, политически и экономически независимое государство, а в итоге и нация не могут сохраниться без опоры на национальную систему ценностей. Но они — государство и нация — не могут и развиваться, во всяком случае, наравне с другими нациями, без этой опоры. Опоры, которая в современное время становится фундаментом для национальных научных школ, культуры и образования.

И здесь-то возникает главная проблема сочетаемости традиции и международных реалий, проблема их синтеза. В 2011–2012 годах у меня (и не только) складывалось впечатление, что правящая элита, во-первых, не вполне точно и объективно учитывала традиции и ценности, а, во-вторых, своевременно и адекватно оценивала политические (внутренние и внешние) реалии. Хочу подчеркнуть ключевую роль в современной российской политике правящей элиты, которая — вольно или невольно — отвечает за ценностную систему и нравственность в стране. Это объясняется традиционным для России исключительно монопольным правом правящей элиты на управление. Причем с минимальной долей ответственности. Ряд известных авторов изображают эту роль следующим образом (рис. 3)²¹.

Высший уровень — политический. Здесь задаются ценностные цели конкурентной политики. Здесь под ценностной целью понимается явно выраженное намерение реализовать интересы личности, группы и общества в целом.

Исключительная ответственность правящей российской элиты за формирование системы ценностей не может и не должна замалчиваться. Нация, общество и государство оказываются в прямой за-

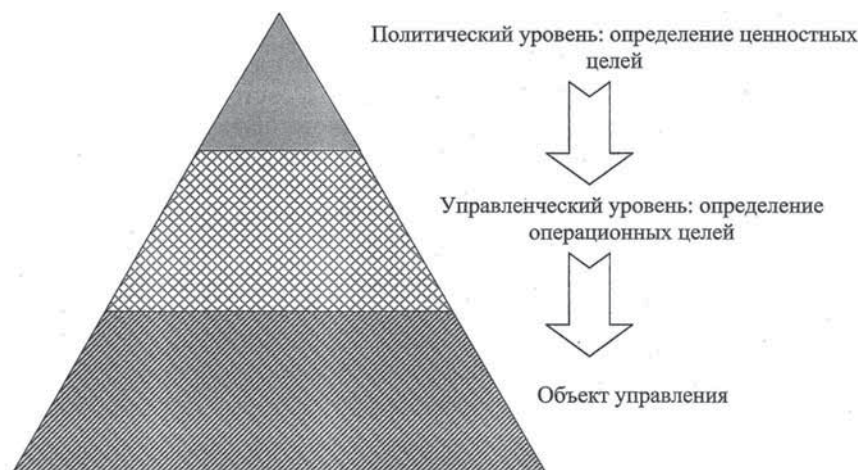

Рис. 3. Пирамида государственного управления

висимости от этого процесса. В конце XX века — от М. Горбачева и Б. Ельцина. В XXI веке — от В. Путина и Д. Медведева.

Отставание в их осознании и принятии практических решений было всегда. Иногда на один год, а иногда и на десятилетие. Это показала, например, встреча В. Путина с политологами в феврале 2012 года. Как признает И. Фомин, «...Сейчас же, мне показалось, что в воздухе просто висел вопрос, который можно сформулировать так: где сегодняшняя, актуальная повестка дня? Где разговор о тех вопросах, от решения которых сегодня зависит не просто „дальнейшее благополучное развитие“, а само существование нашей страны? А ведь сегодня вопрос стоит именно так. Где четкая формулировка нынешней актуальной ситуации и где акцент степени ее актуальности? Где предлагаемые срочные решения, планы неотложных работ по удержанию ситуации в стране под контролем, по недопущению скатывания ситуации в хаос и открытый гражданский конфликт с участием как внутренних, так и внешних сил?»²².

Споры об учете национальных традиций не прекращались все последние десятилетия и остаются сегодня одной из ключевых тем на экранах телевидения, в радиоэфирах и на страницах печати. Так, «образ Александра Невского», например, ассоциируется для многих сегодня с образом России, граждане которой в 2009 году избрали методом самого репрезентативного опроса человека, который в наибольшей степени отражает представления большинства нации об образе страны. Этот образ не выдуманный, а реальный, я бы сказал, — материальный. Он является своего рода квинтэссенцией фундаментальных ценностей нации, ведь А. Невский, как известно, ассоциируется прежде всего с православием, государственностью и народностью. Не случайно, а глубоко закономерно то, что огромное число граждан России проголосовало именно за А. Невского, и не за десятки других достойных кандидатов, принадлежащих нации. Не случайно и то, что сегодня, может быть, подсознательно, мы выбираем человека, который сочетал

в себе качества защитника православных ценностей, государства и народа.

Примечательно, что и сегодня, иногда сами того не осознавая, мы ориентируемся на эти ценности русской нации, как высшие нравственные, а значит основополагающие, национальные ценности. Представление о них для понимания сегодняшних реалий и формирование образа России — чрезвычайно важно, но внимание к этой теме политиков, ученых и журналистов — минимально. Более того, по мере продвижения в российском общественном сознании западных ценностей усиленно складывалось убеждение, что традиционные национальные ценности — в лучшем случае архаика, а в худшем — мракобесие. Не случайно, что пик такого отношения пришелся на 90-е годы. Не случайно и то, что именно во время этого пика своего апогея достигли нападки на традиционные российские ценности — православие — государство — нацию. Таких случайных совпадений не бывает.

Тем важнее, актуальнее и интереснее любые попытки ученых и политиков опираться в своей работе на национальные ценности. Так, в одной из современных работ говорится, что анализ древнерусских текстов дает возможность сделать вывод, что древнерусская государственность (система взглядов, идей, представлений о государстве) включала в себя следующие ценности.

- Этно-конфессиональное единство (где христианство, там и Русь)...
- Монотеизм: Благодать как высшая ступень приближения к Богу...
- Милость воздается не по заслугам, а по Благодати Божьей...
- Христианская любовь: истинный христианин возлюбит не только ближнего, но и врага своего...
- Милосердие — основа христианской жизни...
- Почитание старших отождествляется с почитанием Бога...
- Смирение перед людьми равнозначно смирению перед Богом...
- Почитание носителей священного сана...²³.

Примечательно, что отношение к этим ценностям проявляется, в первую очередь, через уважение, даже почитание их носителей: политиков, общественных деятелей. И это правило так или иначе распространяется на всю историю России, лежит в основе национальной системы ценностей, т. е. идеологии. Те политики, которые отталкивались от этой системы ценностей в своей работе (будь то монархисты, коммунисты или демократы), добивались в конечном счете не только результатов, но и уважения. И, наоборот, те, кто игнорировал эти ценности приносили беды нации и оставляли о себе негативную память (К их числу в XX веке можно отнести Л. Троцкого, Н. Хрущева, М. Горбачева). Проявлялась закономерность — ориентация на базовые ценности вела к идеологическим успехам, развитию государства, что отражалось в национальной памяти. И наоборот.

Было бы ошибкой думать, что эта система ценностей сегодня не имеет значение, а тем более изжила себя. Совсем наоборот. Ее значение усиливается. Приходится признать, что когда ее игнорируют правящие элиты, то происходят самые негативные события, даже катастрофы, — от революций до появления системы всеобъемлющей коррупции. Последняя четверть XX и начало XXI века — типичная иллюстрация этой закономерности. Этот вывод стал особенно актуальным в 2011–2012 годы, года либеральная часть элиты сформировала политическую оппозицию режиму В. Путина, отличительной чертой которой стала не столько широко разрекламированная борьба за демократию и справедливость, а пропаганда и назойливое навязывание либеральных ценностей.

Не случайно и то, что в эти же годы сторонники В. Путина из лагеря государственников — от патриарха Кирилла и В. Якунина до государственников-либералов — М. Леонтьева, М. Шевченко, — а также даже части системной оппозиции стали значительно активнее поддерживать традиционные идеи и ценности нации.

Если вдуматься, то в характере, ментальности и поведении русского народа (которого сегодня объединяют под термином «россияне») генетически и культурно уже столетиями заложены эти нравственные ценности. И когда власть понимает их значение (как это было при Александре II, Александре III), то происходил фантастический рывок в развитии нации и государства. Отчасти, я полагаю, что И. Сталин также воспользовался этими ценностями, когда руководил страной в 30-е — 40-е годы. Не случайно, что в периоды кризиса 2008–2011 годов к этим ценностям регулярно обращались как Д. Медведев, так и В. Путин. К сожалению, не всегда последовательно и системно. Не всегда эти «сигналы» получали развитие, а иногда наталкивались и на серьезное противодействие влиятельной либеральной части правящей элиты.

Мне представляется, что эти ценности являются не только базой для создания образа России, но и мощным резервом в развитии современной России, фундаментальной основой для реального политического и экономического решения ее проблем — от борьбы с международным терроризмом и системой коррупции (которые я рассматриваю прежде всего как идеологические проблемы) до опережающих темпов экономического роста. Не случайно, в бюджетном послании в июне 2010 года Д. Медведев выделил отдельный, пятый раздел, посвященный развитию потенциала

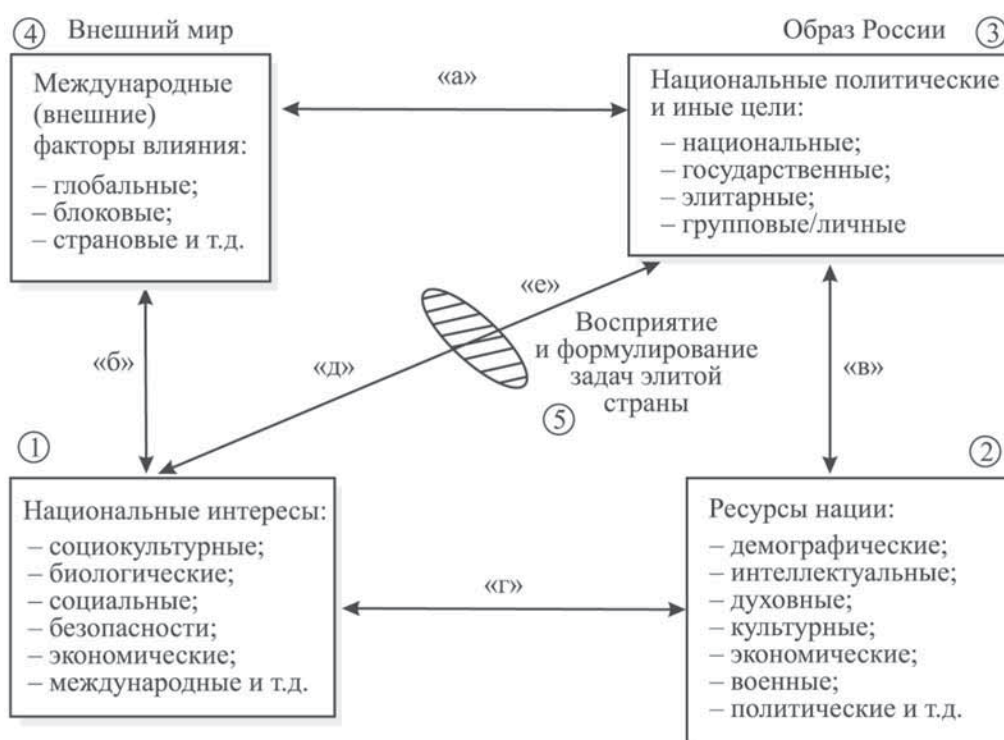

Рис. 4. Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

человека как важнейшего приоритета в финансовой деятельности государства, ведь вся система ценностей русского общества, в конечном счете, формировалась как система приоритетов по отношению к человеку²⁴. К сожалению, позже эта стратегическая идея получила слабое развитие, хотя в «скорректированной» к апрелю 2012 года «Стратегии-2020» уже был отдельный раздел, посвященный этой проблеме.

Возвращаясь к принципиальной схеме алгоритма идеологии (рис. 4), важно отметить, что способность к восприятию национальных ценностей российской элитой чрезвычайно важна для адекватного формулирования современных политических целей и формирования современного облика России внутри страны и за рубежом. Именно способность (и желание?) правящей элиты воспринимать объективно национальные интересы и ценности во многом предопределяет не только политические цели, но и влияет на систему национальных ценностей и эффективное использование национальных ресурсов.

Сказанное означает, что если элита адекватно воспринимает международные реалии (участок «а»), учитывает и транслирует (участок «б») национальные ценности в приоритеты и цели своей политики, то и сама политика становится адекватной. Она также адекватно (в соответствии с международными реалиями и национальными интересами и ценностями) распоряжается имеющимися ресурсами, (участок «в») учитывает внешние факторы (участок «а»), и в **целом формирует вполне адекватный образ России**. Так, с точки зрения международных реалий, российская правящая элита многие годы недооценивает такой ведущий фактор развития, как национальный человеческий потенциал (НЧП). Всемирный банк, например, сухо подсчитывает богатства народов. Выделяет три основные составляющие богатства: природные (сельскохозяйственные угодья, внутренние воды, месторождения нефти и проч.), созданные человеком (заводы, дороги, производимые самолеты, соски-пустышки и т. д.) и так называемый нематериальный капитал (это реализованный человеческий капитал).

Научный обозреватель журнала «Reason». Рональд Бэйли сравнил докризисные показатели богатства России и США по оценкам ВБ за 2005 год: природные богатства на душу населения в России составляли \$31 тысячу. Плюс капитал, созданный человеком, — \$18 тысяч. И нематериальный капитал — \$24 тысячи. Итого — по \$73 тысячи на человека (ВВП на душу населения в 2005 году составлял \$5 тысяч).

В США природный капитал более, чем в два раза меньше — \$14 тысяч. Капитал, созданный человеком, больше — \$100 тысяч. Нематериальный капитал — \$627 тысяч (!), т. е. в 30 раз больше! Итого совокупный капитал в Америке составлял в 2005 году \$734 тысячи на душу населения (ВВП на душу населения был \$43 тысячи в год)²⁵.

Как видно, масштаб национального богатства и, как следствие, душевой ВВП во многом предопределяется

нематериальным капиталом (НЧП), который в России в последние 25 лет очевидно недооценивается, даже игнорируется. Это реальность, от которой нам никуда не уйти, в т. ч. формирующая образ России как сырьевой державы. При этом важно подчеркнуть существующую тесную взаимосвязь между НЧП и национальными ценностями: наука, образование, культура и духовность могут развиваться и предлагать миру качественно новые продукты и услуги, только опираясь на национальные школы. Похоже, заметил В. В. Путин что только в феврале 2012 года²⁶.

Однако Россия может предложить миру свою, оригинальную систему ценностей, ориентированную на развитие потенциала человека. Более конкурентоспособную, чем западноевропейская (секулярно-социальная), либо американская. Если допустить, что с высокой степенью вероятности победит та идеологическая модель, ориентированная на человека, которая окажется более привлекательной и эффективной, — то Россия имеет не только право, но и обязанность предложить **свою модель, свою систему ценностей**, свои приоритеты. Понятно, что такая система ценностей не будет прямой трансляцией древнерусской. Она станет ее адаптированной к современным реалиям, но оригинальной моделью, позволяющей генерировать новые идеи и развивать творческий потенциал нации.

Сказанное несколько не противоречит идее современного учета и использования чужих систем ценностей, но именно **учета, а не механического и не критичного переноса** их на российскую почву. Что, к сожалению, нередко происходит сегодня с подачи либеральных идеологов, ассоциированных с ними СМИ и монетарных властей. «Общие ценности» отнюдь не тождественно «универсальным ценностям». Это утверждение имеет абсолютно практическое значение для российской политики. Так, берлинская инициатива президента России Д. Медведева от 5 июня 2008 года о создании новой архитектуры европейской безопасности имеет множество измерений — от геополитического до международно-правового, — но она неизбежно предполагает более четкое определение «не только общих интересов, их гармонизацию, но и идентификацию общих ценностей»²⁷. Это тем более важно, что страны Евросоюза, после вступления в декабре 2009 года в силу Лиссабонских соглашений, сделали акцент на формировании ценностей Евросоюза.

Если говорить всерьез о задаче формирования образа России как мирового идеологического лидера, то необходимо признать, что этого можно добиться только учитывая национальную систему ценностей. Россия сравнительно легко может сделать заявку на роль мирового лидера в области культуры, науки и образования, духовности. История и традиции, огромный культурный капитал позволят это сделать не просто безболезненно, но и даже с определенным позитивным пониманием со стороны других стран, включая стран-лидеров. Мой опыт многолетнего

общения с представителями западной политической элиты это полностью подтверждает: нередко неприятие современных российских реалий компенсируется признанием авторитета русской культуры и духовности.

Вместе с тем, любая (а тем более амбициозная) заявка на лидерство должна быть подкреплена реальными результатами и фактами. Тем более, если речь идет о таких критериях, которые определяют НЧП, — продолжительность жизни, уровень науки, культуры, образования и здравоохранения. Сегодня приходится признать, что по этим критериям, формирующим национальную систему ценностей и идентичность, Россия либо стагнирует, либо откатывается назад. Простой пример с сокращением численности библиотек вполне наглядно это иллюстрирует. Библиотеки, в которых концентрировалась национальная культура, постепенно сокращаются, хотя абсолютное большинство нации формировалось на использовании возможностей местных библиотек²⁸.

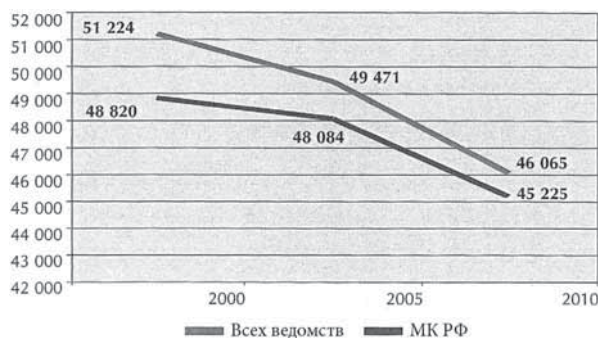

Рис. 5. Динамика количества библиотек

3. Синтез традиций и инноваций в идеологии

Главное в национальной идентичности — культурное измерение, цивилизационные коды, т. е. ценности. Причем ценности навязать сверху невозможно. Потому что они суть продукт национального культурного развития. Ценности живут в душах людей, которые добровольно себя с ними идентифицируют, что и определяет в конечном счете национальную идентичность³⁰.

С. Коргунов

Мне тяжело видеть, когда историки подделываются под тусовочные взгляды. Тусовочные взгляды меняются³¹.

С. Шмидт

Сегодня уже вполне ясно, что оригинальные идеи и открытия являются продуктом синтеза национального исторического, культурного и духовного наследия, с одной стороны, и современных реалий глобализации, с другой, т. е. только та нация может стать мировым идеологическим лидером, которая изначально обладает этими двумя группами предпосылок. Яркими примерами являются Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Сингапур, которым удалось добиться такого синтеза. Россия вполне подходит под

Что касается продолжительности жизни, то по этим показателям Россия стабильно находится в пятом–седьмом десятке государств. Так, «отставание России по ожидаемой продолжительности жизни от большинства развитых стран нарастает с середины 1960-х годов. Исторический максимум показателя в России для обоих полов был зафиксирован в 1987 году (70,13 года), для мужчин тоже в 1987-м (64,83 года), для женщин — в 1989 году (74,5 года). У женщин этот показатель был превышен в 2009–2010 годах, у мужчин до сих пор не достигнут даже уровень 1964–1965 годов. По данным ООН, в настоящее время 57% населения мира имеет ожидаемую продолжительность жизни для обоих полов 70 лет и более, но Россия не попадает в эти 57%.

В январе 2012 года Владимир Путин заявил на заседании президиума правительства, что в 2011-м ожидаемая продолжительность жизни в России «увеличилась на полтора года и составила в среднем в Российской Федерации 70,3 года. Это показатель, абсолютно сопоставимый с европейскими»²⁹.

«Сопоставимость» отнюдь не означает лидерство. Да, средняя продолжительность жизни в 70 лет в России сопоставима со средней продолжительностью в Японии и Норвегии, где она превышает 82 года, но это далеко не одно и то же.

И второе. Очень важно кем будет заполняться демографическая яма — неквалифицированными мигрантами из Азии, либо преимущественно русским населением Центральной России. Особенно это актуально для районов Сибири, где численность населения за последние 20 лет сократилась на 25%.

эти критерии, ибо она является одним из ярких таких представителей. Российской элите лишь следует, во-первых, это признать, а, во-вторых, использовать. И, конечно, перестать по каждому поводу посыпать голову пеплом, признавая подлинные, а, нередко, и мнимые грехи своей истории.

К сожалению, признание этих двух важнейших предпосылок для создания идеологического лидерства российской элитой до сих пор не состоялось. Если с современными реалиями — инновациями, новым

технологиями и подходами — стало, наконец-то, ясно (в первом десятилетии элита пришла к этому!), то компонент традиций остается до сих пор под сомнением. Что ежедневно проявляется в повседневной жизни: сокращение финансирования отечественной науки, реформирование образования, внедрение новых форм собственности, разрушающих традицию и культуру, и т. д. — это лишь частные проявления процесса, который на политическом уровне свидетельствует о недооценке этого фактора развития. В редакционной статье «НГ», например, в феврале 2012 года этот синтез в очередной раз подвергся критике: «...мы пытаемся создать некую инновационную экономику с „православным“ акцентом. Такие мутанты долго не живут. Или, по крайней мере, не дают жизнеспособного потомства»³², — пишет автор.

Проблема синтеза традиций и инноваций стоит сегодня не только перед Россией, но и новыми мировыми лидерами — Китаем, Индией, Бразилией, Индонезией, — которые, следует признать, решают ее достаточно эффективно, но осторожно и последовательно. Политическое руководство Китая, например, говорит о необходимости сменить модель модернизации, отказаться от экстенсивного роста экономики в пользу интенсивного, переориентировать ее на внутренний спрос, а также провести политические реформы³³.

Таким образом, российская элита не только недооценивает, но и не использует огромный потенциал развития, заложенный в национальной культуре, традиции, истории. И, как следствие, — огромный потенциал социальной энергии народа. Этот потенциал может многократно усилить эффективность попыток власти решить проблемы развития, борьбы с коррупцией и другие проблемы, являющиеся, на мой взгляд, прежде всего идеологическими проблемами. Более того, я уверен, что без идеологической мобилизации общества решение этих, да и других проблем невозможно.

У этой проблемы есть и другая, очень важная, сторона. Государство — идеологический лидер может (и, наверное, должно) стать и лидером формационным. В свое время в Европе это были сменявшие

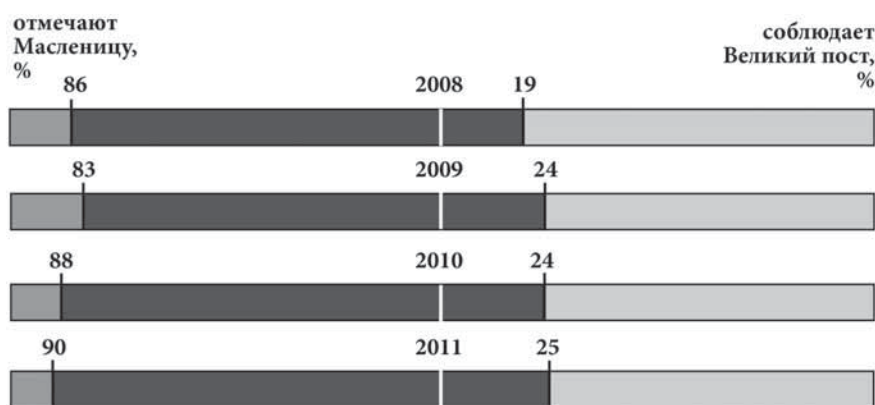
друг друга Голландия, Великобритания, Германия, а в XX веке — США, которые закрепили свое лидерство в последней четверти XX века, умело, используя информационно-технологический этап развития НТР. В XXI веке они создали полноценную национальную инновационную систему (НИС), участниками которой, как отмечает исследователь МГИМО(У), академик Н. Симония, стали университеты, государство, частные корпорации и венчурные компании³⁴.

В этой связи очень важно подчеркнуть значение слова «национальный» в используемом Н. Симонией понятии «национальная инновационная система» (НИС), которое играет очень важную роль. На мой взгляд, НИС может быть создана только в том государстве, где существуют и оберегают национальные традиции (в т. ч. научные школы), из которых и появляются новые разработки к идее, а также там, где велика роль государства в обеспечении развития науки. Не случайно Н. Симония привел эти факторы в качестве приоритетных, я бы сказал, в качестве обязательного **условия** создания национальной инновационной системы.

Как видно из этой посылки, инициативы Д. Медведева и В. Путина в области модернизации инноваций, активно звучавшие в 2009–2011 годах, должны были бы опираться **на национальную традицию и государство**. Таких ярко выраженных акцентов, однако, сделано не было. Более того, в разных контекстах и по разному поводу превалировала идея заимствования — технологий, опыта, материалов.

Объективно в России также отмечается рост интереса к традиционным культурным и духовным ценностям у значительной части населения (рис. 6). Так, православный Великий пост соблюдают все большее число граждан³⁵.

Конечно, без заимствований не обойтись, но необходимо помнить, что заимствование это всегда повторение — более или менее удачное. Но всегда повторение пройденного. С опозданием. Иногда настолько большим, что теряет всякий смысл. Создавать же **новое** можно только на собственной базе. Примечательно, что в то же самое время в странах

Источник: Левада-Центр

Рис. 6. В России стали чаще соблюдать традиции

Евросоюза развернулась настоящая борьба за сохранение национальных систем ценностей. Так, в июле 2010 года во Франции абсолютным большинством Национальной ассамблеи был принят закон о правилах ношения одежды, который был обоснован Министерством юстиции страны как «стремление сохранить национальную систему ценностей».

Применительно к военно-технической области это особенно опасно, что был вынужден отметить В. Путин, который заявил, что «...нам необходимо, перенимая все лучшее, наращивать и поддерживать военно-технологическую и научную независимость России»³⁶. Этот вывод применим не только к военно-технической области, но и в целом к экономике и социальной сфере.

Именно поэтому сохранение, изучение и творческое использование собственного национального культурного и духовного наследия играет исключительно важную роль. В том числе и в технологической области. И в этом смысле особую роль приобретает история, точнее, трактовка не только истории нации, но и ее основных ценностей и понятий, которая «вдруг» стала актуальной в 2008–2012 годы. Настолько «вдруг», что была создана данная специальная президентская Комиссия в мае 2009 года. Как показывают соцопросы, сделанные по заказу Министерства культуры России, ситуация по отношению к российской истории выглядит следующим образом³⁷.

Табл. 1. Интересует ли Вас история российского государства и народа?

Очень интересует	27,9
Скорее интересует, чем нет	49,0
Мало интересует	17,0
Совсем не интересует	3,4
Затруднились ответить	2,7

Иными словами, почти 95% граждан нашей страны в различной степени интересуются историей Родины, которая, как минимум, ей **не безразлична**. Косвенно это означает признание того, что абсолютное большинство населения заинтересовано в сохранении национальных ценностей. Это, безусловно, очень хороший показатель, который говорит не только об огромном культурно-историческом наследии, но и высокой степени патриотизма наших граждан, их способности к мобилизации для решения задач развития. Этот ресурс, таким образом, безусловно, существует. Другое дело — **как** он используется в интересах развития национальной (?) российской элитой. Знак вопроса я поставил потому, что вижу парадокс в необходимости обоснования этой темы для правящей элиты: эти же годы продемонстрировали настойчивое желание части элиты поскорее избавиться от любого исторического наследия, признав всю нашу историю «ошибкой».

Отдельная тема — восприимчивость и готовность использовать современные мировые достижения глобализации в синтезе с национальными особенностями. Без них наше огромное историческое наследие не может быть реализовано. Это тема — формирование прикладной стратегии опережающего развития и механизмов её обеспечения, которые, замечу, должны иметь не только универсальный, но и национально ориентированный характер. Речь идет о том, чтобы использовать исторический опыт России — от сотрудничества государства и бизнеса (имевшего в последний период существования Империи огромное значение: строительство Транссиба, создание Военно-промышленных комитетов и т. д.) до меценатства. От императорского попечительства университетов (напомню, которые Н. А. Симония относит к одному из четырех компонентов НИС) до государственной поддержки отечественной науки.

Весь этот набор национальных механизмов имеет колоссальное значение для создания Национальной инновационной системы, которая должна и может быть только национальной. Причем этот опыт не противоречит опыту ведущих стран. Так, в ходе визита Д. Медведева в США в июне 2010 года «вдруг» обнаружилось, что фундаментальная наука в стране на 50% финансируется государством. Это «открытие» (о котором в т. ч. и я говорил с начала 90-х годов) стало новостью потому, что вот уже 20 лет в России либералами настойчиво проповедуется теория, в соответствии с которой наука, сельское хозяйство, культура должны финансироваться бизнесом или войти на самоокупаемость. Это — одно из ложных положений неolibеральной идеологии, которая ответственна за развал последних десятилетий, но у сторонников которой есть и конкретные имена ответственных за эту политику.

Другой важный вопрос: какие базовые ценности имеют значение для граждан страны. Тот же соцопрос показывает, что среди таких ценностей лидирует образованность, патриотизм, терпимость и законопослушание, а также свобода³⁸. Эти данные мы не можем игнорировать, ибо они и есть национальные ценности, которые формируют образ России.

Как видно из приведенных данных (табл. 2), набор таких ценностей поддерживается абсолютным большинством граждан, а значит, он должен быть **обязательным для образа России**, т. е. будущий образ России — не искусственная конструкция политологов и пиарщиков, а представление, базирующееся на реальных и, что немаловажно, устойчивых современных национальных приоритетах и ценностях. Основываясь на этих ценностях, можно, например, создать образ «идеального» гражданина в восприятии российских граждан, который является законопослушным, образованным, гуманным и т. д. Этот набор, естественно, означает, что для борьбы с коррупцией в России, например, есть все социальные

Табл. 2. Оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, важны ли лично для Вас следующие ценности?

Ценности	Баллы					Не ответили
	1	2	3	4	5	
Законопослушание	1,2	2,3	10,8	26,1	59,1	0,5
Образованность	0,5	1,6	7,7	20,7	69,1	0,4
Терпимость к представителям других национальностей	2,4	4,9	17,4	29,6	45,3	0,4
Патриотизм	2,3	2,5	13,1	25,5	56,0	0,6
Религиозность	9,9	12,0	30,2	24,4	22,9	0,6
Гуманизм	3,8	4,7	16,4	32,7	41,9	0,5
Свобода	2,2	2,8	8,8	20,7	65,1	0,4

условия и предпосылки, а также широкая общественная поддержка.

Отдельно следует выделить национальную идентичность, от оценки которой в последние два десятилетия почему-то стыдливо уходят многие политики, политологи и социологи. Между тем национальная и гражданская идентичность имеют огромное значение для развития страны и формирования ее образа. Существует, например, прямая зависимость между солидарностью (национальной и гражданской идентичностью) и темпами экономического и социального развития страны и нации. Я бы даже сказал, что этот малоиспользуемый нынешней властью ресурс может стать **решающим конкурентным преимуществом России**. Который, кстати, не раз эффективно использовался в российской истории.

Как видно из различных данных (табл. 3), только очень незначительная часть общества не идентифицирует себя с нацией или государством. А это значит, что лишь очень немногим в России безразлична ее судьба, будущее и происходящее. Но реальная политика элиты противоречит формированию позитивного будущего облика России, ибо **разрывает связь** между личностью и будущим образом нации

и страны. Пример тому — волна отъездов из страны не только тех, кто скрывает свои капиталы, но и представителей среднего класса, даже тех, кто по общепринятым стандартам находится в самых разных социальных группах населения.

Сегодня хорошо известна проблема «утечки капиталов», «утечки мозгов», но проблема эскапизма еще шире. Это проблема тех миллионов граждан, которые по разным причинам не связывают своё будущее и будущее своих близких с будущим России. Как правило, они не видят перспективы, возможности решить свои личные, бытовые проблемы, хотят стабильности, если не для себя, то для своих детей. Эта проблема — прямая угроза национальной безопасности. Прежде всего потому, что наиболее дееспособные, креативные и образованные люди хотят «искать счастья» на стороне, а не в собственной стране.

Образ России поэтому должен стать привлекательным как для тех миллионов граждан (по некоторым оценкам, только в Европе их проживает более 8 млн человек), которые уже уехали из страны, но и для тех миллионов, которые сегодня думают и наверняка уедут из России, если не произойдут решительные изменения. Мы просто обязаны показать

Табл. 3. Соотношение национально-гражданской и этнической идентичности, 2006 год³⁹

Ощущают близость с гражданами России (%)				
Проекты	В целом	Часто	Иногда	Никогда
ЕСИ	64,1	21,6	42,5	10,7
РМЭЗ	65,1	19,8	45,2	19,2
	В целом	В значительной степени	В небольшой степени	Не ощущают близости
«Будущее России», области с ДРН	85	61,5	23,5	6,8
Ощущают близость с людьми той же национальности (%)				
	В целом	Часто	Иногда	Никогда
ЕСИ	83	49	34	5
РМЭЗ	85,6	42,3	43,3	6
	В целом	В значительной степени	В небольшой степени	Не ощущают близости
«Будущее России», области с ДРН	66,5	36,5	30	19,6

перспективу, привлекательный образ будущей России. Сочетание личных и национальных интересов — отдельная тема и, как мне представляется, мощный стимул для развития. Личность должна увидеть **себя** в будущей стране. Это, безусловно, должно стать базовой ценностью при формировании образа России. И концепция развития человеческого потенциала очень подходит для этой цели: необходимо ясно сформулировать целью развития страны создание **максимально благоприятных условий для развития потенциала личности**.

Процесс формирования идентичности касается не только современной России. Такая же проблема стоит и перед многими другими государствами, которые уделяют ей гораздо больше внимание. Так, страны Евросоюза придают особое значение этому процессу после Лиссабонских соглашений. Не случайно в официальных документах Евросоюза конкретной политике самоидентификации последних лет отводится важнейшее значение: были учреждены флаг, гимн, общий праздник, безвизовый режим, общеевропейские водительские права и т. д.⁴⁰

Приведенные примеры вполне очевидно иллюстрируют, что идеологические основы российской нации основываются не на искусственных построениях журналистов, политиков, политологов, измышлениях философов, а на **фундаментальных ценностях и историческом** наследии, которые разделяет абсолютное большинство граждан России. Эти ценности — наш реальный капитал, объективная реальность, которую может исказить (и искажает последнее время) только неадекватное восприятие правящей элиты. Что, к сожалению, в России часто происходит. Поэтому *игнорирование базовых ценностей, их искажение правящей элитой, является главной причиной появления неверных, даже вредных идей, главным объяснением отставания в развитии, неудач в решении задач модернизации*.

Формируя образ России, хотел бы обратить внимания еще на одно обстоятельство. В 2008–2011 годы в России наблюдался очевидный «технологический» бум в риторике и в действиях правящей элиты. Президент, председатель правительства, многие министры, губернаторы, законодатели без усталости говорили о новых технологиях, инновациях, наукоемких и ресурсосберегающих приобретениях и т. д. Очевидное внимание к этой теме стало не просто модным направлением общественно-политической мысли, но и заставило кое-кого насторожиться: уж очень вся эта риторика напоминала очередную кампанию. Кампанию, когда штампы и понятия не получали своего внятного, содержательного объяснения и реального подкрепления. Аналогия с популярными понятиями времен М. Горбачева — «перестройка», «гласность», «плюрализм» и т. п. — очевидна.

С одной стороны, очень хорошо, что наконец-то хотя бы к концу десятилетия XXI века власть реально озаботилась проблемами научно-технического и тех-

нологического развития, хотя в остальных развитых странах этот пик пришелся на 80-е годы прошлого века (Да и я, например, не раз писал об этом в 80-е годы). СССР–Россия «пропустила» этот период, потратив 25 лет на псевдоидеи «перестройки», «демократизации», «вхождения в рынок» и т. п. Теперь вынуждена догонять. В очередной раз.

С другой стороны, излишнее увлечение новейшими технологиями («менеджеризм», «технократизм») в ущерб социогуманитарной области ведет к тому, что цена новых идей, особенно в области общественного строительства, резко падает, хотя на практике именно такие идеи являются фундаментальными, постановочными по отношению к естественным, а тем более технологическим. Что, кстати, признается и самими естественниками. Странно, например, что на конкурсе исследовательских университетов 2009–2010 годов победителей заранее назначили из числа естественных университетов (мою позицию по этому вопросу, кстати, полностью разделяет физик С. Капица, поддерживавший меня в телевизионной дискуссии).

Мы опять оказались в положении догоняющих. И не только в экономике и технологиях, но и общественных знаниях, т. е. стали аутсайдерами не только в инновациях, но и в идеологии. Мир за последние 25 лет **уже прошел** информационно-технологический этап развития, перейдя к этапу, на котором приоритетное значение имеют науки о человеке, обществе. Мы же по-прежнему **последовательно** пытаемся ликвидировать этот разрыв, не понимая, что нужно совершить **рывок через этапы развития**, сразу же перейти к тому этапу, который сегодня определяет уровень развития общества и государства. Но, прежде всего, этот рывок мы должны осуществить **в идеологии**, создав качественно новый продукт — правильный образ России, из которого вытекает стратегия развития.

«Технократизм», присущий нынешней российской элите, к сожалению, девальвирует цену идей и, в конечном счете, людей, делает их придатком технологий. Что неверно и опасно.

Идеи движут миром. Мысль эта воспринимается многими почему-то как абстрактная фраза, а не реальная, тем более политическая действительность. А ведь определение приоритетов, ценностей и целей развития, в основе которых лежат качественные идеи, имеет ключевое значение в жизни людей, государств и наций. «Не короли правят миром, и даже не олигархи. И не доллар, как на полном серьезе уверяют экономисты. Мир заставляют двигаться в ту или иную сторону, останавливаться или топтаться на месте — идеи. Их рожают люди... там, где этого меньше всего ожидают» — эта мысль Ю. Никитина, — на мой взгляд, имеет принципиальное значение.

И сегодняшней российской элите конца первого десятилетия XXI века важно понять, что история свидетельствует: многие идеи возвышали государс-

тва, а многие — уничтожали; разрушение стран и уничтожение наций всегда начиналось и сопровождалось кризисом идеологий и систем ценностей. Именно поэтому «деидеологизация», «прагматизм» и конформизм во внешней и внутренней политике в долгосрочной перспективе **всегда вели к поражению**. Как правило, катастрофическому. И, наоборот, восстановление, а тем более подъем государства, его опережающее развитие **невозможны без соответствующей идеологии**, более того, идеология **первична по отношению к такому подъему**. Хотя бы потому, что изначально она должна четко обозначить цель и приоритеты развития, причем не только национального, но и мирового глобального, его перспективу. Как справедливо считает академик А. Торкунов, «Другой из этого же ряда — вопрос о конечной цели глобализации. Какой рисуется картина будущего мира, „мирового общества“, „всемирной демократической империи“ или чего-то еще? Ожидаемым итогом глобальных процессов некоторые считают создание однородной всемирной общности западного типа. Но можно и нужно себе представить нечто совсем иное — тот или иной вариант «гармонии разнородностей», при которой Запад не сможет и не станет стремиться растворить в себе Незапад. Это, казалось бы, отвлеченные вопросы всемирного бытия. На деле за ними — прикладные политические проблемы: **какую перспективу мы задаем своему народу, какой ее видят народы других стран**» (подч. — А. П.)⁴¹.

И наоборот. Те страны, которые, хотя бы на время, демонстрировали привлекательную идеологию, неизбежно становились мировыми и региональными лидерами, доказывали в конечном счете свои экономические и политические преимущества. Сегодня это справедливо для Китая и Индии, которые сохранили свою самобытную культуру, создав по сути новую идеологию опережающего развития. Естественно, это сказалось на их экономических и технологических позициях. Подчеркну, что сначала все-таки были идеи синтеза национальной культуры (в широком смысле этого слова) и новейших научно-технических достижений, а только **после** — экономические и технологические успехи. Сначала идеи, потом политика (как воля для реализации идей правящей элитой), а уж потом, только потом — развитие.

Мне представляется, что это универсальное правило справедливо не только для отдельных стран, но и целых групп государств и наций, объединенных какой-то идеей. Не всегда, кстати, позитивной. Подъем — политический и экономический — гитлеровской Германии в 30-е годы был связан с тоталитарной фашистской идеологией. В те же годы СССР продемонстрировал бурные темпы индустриального развития благодаря лидерству, пусть авторитарному, коммунистической идеологии. Сегодня, например, трудно отрицать жизнеспособность исламских идей, в том числе и радикальных, которые противостоят всей мощи Запада.

Рассмотрим в этой связи близкий нам пример — СССР. Советский Союз большую часть XX века являлся одним из безусловных идеологических лидеров мира, значительно влияя на социально-экономическую и политическую жизнь других государств. Причем не только развивающихся. Напомню, что коммунистические идеи были популярны среди многих развитых стран Запада, в особенности Франции, Италии, даже Великобритании и США. В XX веке СССР был не только военным или экономическим, **но, прежде всего, идеологическим лидером**. Можно спорить сегодня о правильности идей, но то, что их поддерживала значительная часть интеллектуалов Запада, — исторический факт. При всех издержках реального социализма.

Эта тема требует особого изучения, но можно констатировать, что результаты — экономические, технологические, культурные, даже спортивные (как показала Олимпиада в Ванкувере) являются следствием отсутствия эффективной (привлекательной) идеологии, некой «сверхидеи». И, наоборот, отказ от сверхидей, а тем более идеологического лидерства, ведет сначала к стагнации, а затем — к потере не только лидерства, но и государства. Типичный пример СССР, где потеря, точнее, — отказ от идеологического лидерства привел к «геополитической катастрофе».

Именно это мы сегодня наблюдаем и в России: мы **сознательно** отказываемся от идеологического лидерства, т. е. продвижения своих идей и системы ценностей в пользу чужих технологических и прочих инновационных решений. Другими словами, превращаемся **из постановщиков задач в их исполнителей**. Вопрос только в том, кто вместо нас становится этими постановщиками таких задач? И насколько эти задачи соответствуют нашим национальным интересам? Новый образ России — это новая постановка задач, а не образ ученика, догоняющего в своем развитии сверстников. Такой образ не может быть привлекательным изначально.

Кроме того, повторю, что идеология как система идей и ценностей общества неизбежно выступает в качестве основы для любой стратегии развития или поведения. Если такой основы нет, то стратегия «провисает», не находит опоры для своего существования, либо — что бывает нередко, — обществу предлагается неверная стратегия. В лучшем случае такая стратегия превращается, как у М. Горбачева, фактически в тактику лавирования, а нередко — беспринципную борьбу за власть. Да и сама власть тогда чего-либо стоит, когда становится **инструментом для достижения значимых целей**, а не самой целью. Реальные цели — всегда идеологические, даже если они и выражаются прагматичными терминами и понятиями. Так, в качестве примера можно привести вроде бы далекую от идеологии тему (напомню, что внешняя политика у нас подчеркнута «прагматична») сотрудничества России, Бразилии, Индии и Китая в рамках концепции БРИК: речь идет об огромном рынке (40%

населения планеты), совокупном ВВП, превышающем США, влиянии трех ядерных держав на обстановку в мире и многом другом. При этом все четыре государства обладают самобытной культурой и историей. Но, главное, что в основе концепции БРИК находится новая идеология: новые методы многосторонней дипломатии, механизм наращивания политического веса в мире, наконец, противодействие крупнейшим финансово-экономическим центрам в мире⁴².

Тем более идеология, прежде всего национальные ценности, лежат в основе формирования целей и механизмов их достижения во внутренней политике, а фундаментом любой идеологии являются история и культура. Поэтому адекватное восприятие и применение российского исторического опыта и знаний являются одновременно обязательным условиям формирования адекватной идеологии. Другого фундамента у идеологии нет. Как справедливо заметил академик А. Торкунов, «К чему бы ни располагали исторические аналогии и исторический опыт — к оптимизму или к пессимизму, — никакого другого, более ценного учебного пособия у современных политиков нет. Захотят ли, сумеют ли они верно распознать тайные или явные письмена истории и использовать эти знания во благо общества — зависит только от их интеллекта и воли»⁴³.

Поэтому искажение истории, культуры и неверная трактовка сложившейся национальной системы ценностей, а тем более их сознательная фальсификация, становятся самым мощным оружием против той или иной нации и государства. И это оружие ежедневно используется против России. В том числе и в самой России. 2008–2011 годы показали, что история,

российские ценности стали предметом самых острых нападок. Как это ни парадоксально, в том числе и государственных СМИ, политиков, а иногда и высокопоставленных чиновников. Ответа на вопрос, кем проводится подобная фальсификация, давно уже ждет наше общество.

Первый год работы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России показал, что, к сожалению, у власти, государства и общества еще нет полного понимания важности этой задачи. Даже внутри самой Комиссии звучали не просто разные, а порой полярные точки зрения. Вместе с тем в этом же году Комиссии удалось нейтрализовать серьезные идеологические выпады против России, которые основывались на заведомо ложных политико-идеологических трактовках исторических событий. Прежде всего периода 1938–1945 годов. Причем не только из-за рубежа.

Таким образом, идеология, базирующаяся на фундаментальных исторических и культурных ценностях, становится в современности уже не только базовой концепцией восприятия действительности, включая в себя в качестве составной части все возможные прикладные концепции развития общества, государства, его политической системы, т. е. механизмы реализации идей развития. Именно идеология «отвечает» за формирование образа России и конкретных механизмов, обеспечивающих экономическое и технологическое развитие страны. И чем скорее мы поймем практическую, даже прагматическую ценность нашего наследия, тем быстрее пойдет процесс инноваций и модернизации.

4. Соотношение основных ценностей в современных идеологиях при формировании образа России

... охранение православной веры было основой
всей политики князя Александра Ярославича...⁴⁴.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Наука и государство неотделимы⁴⁵.
В. Сурков

Людей стали волновать глобальные вещи: кто мы, откуда, зачем живем...⁴⁶.

*И. Прокопенко,
документалист*

Образ России во многом предопределяется влиянием политических идеологий, стратегий и программ, которые можно рассматривать как выражение ценностных представлений вполне определенных элит и социальных групп. Так, господствующая до сих пор либеральная идеология долгие годы игнорировала значение развития НЧП, что отразилось

на всех концепциях и стратегиях развития страны, разработанных в 2005–2011 годах. Периодические «знаки внимания», оказывавшиеся НЧП со стороны власти, «...выглядят, — по замечанию К. Ремчукова, — спонтанными и плохо увязанными с другими шагами государства по созданию основ современной инновационной экономики. По существу, цельной,

продуманной, скоординированной государственной научно-технической политики в России до сих пор не сформулировано»⁴⁷.

Идеологию и стратегию в России определяет правящая элита. Как важнейшую часть этого процесса — систему национальных ценностей и приоритетов. Роль экспертного сообщества, институтов гражданского общества была минимальна. Остаются политические партии, которые в России также крайне слабо влияли на этот процесс. От этого зависит и оценка законодательных инициатив Д. Медведева, сделанные в конце 2011 — начале 2012 года, направленные «на развитие институтов демократии»⁴⁸.

В России до сих пор не сложилось устойчивой политической системы, да и сами программы партий и их реальные идеологии далеки от завершения. Тем не менее у нас нет другой возможности каким-либо образом провести анализ российского общества, хотя это имеет огромное значение.

Такой типовой ценностной базой стала справедливость, — понятие, не только историческое, но и, как показали протестные выступления 2011–2012 годов, — совершенно современное. «В последнее столетие, а особенно в последние двадцать лет глумление над Правдой так достало тех, кто готов отвечать и за себя, и за ближнего, и за Отечество, что они сошлись все вместе, стали народом, за спиной которого не Москва, не Питер, даже не Россия, а последнее и главнейшее в нашей тысячелетней истории — Правда»⁴⁹.

Для нас принципиально важно выяснить, а есть ли в России (и у ее партнеров по евразийскому проекту) устойчивая социальная группа, разделяющая идеологический подход к синтезу традиционных ценностей и инноваций, либо эта идея — очередной плод искусственных построений? Ведь очевидно, что если такой группы нет, то даже самая «правильная» идеология, базирующаяся на верных ценностных ориентирах, не имеет будущего. Ее просто не поддержат, и она так и не станет **политическим фактором**, оставаясь в лучшем случае точкой зрения, разделяемой маргиналами. Этому в современной политической истории России немало примеров: взрыв общественной активности и многопартийности в 90-е годы (когда возникли тысячи партий и общественных движений) так и не привел к появлению привлекательной и современной российской идеологии вплоть до сегодняшнего дня.

Важно также понимать, насколько происходящие современные социально-политические процессы в мире влияют на политическую и социальную систему в России. Оценки разные: от либеральной абсолютизации и универсализации до полного игнорирования. Так, например, известный израильский ученый А. Маджен, пишет: «К 2000 году восемьдесят демократий было создано или восстановлено, а их доля среди государств по сравнению с 1974 годом поднялась с 27 до 63%. Впервые за человеческую историю ... демократическая форма стала домини-

рующей... В 2006 году было уже 123 электоральные демократии, составившие 64% от численности всех государств»⁵⁰.

Означает ли это (особенно после «арабской весны»), что либералы правы и универсальность их ценностей, в т. ч. электоральной демократии абсолютна? В том числе и для современной России, как считают, например, либеральные лидеры нашей оппозиции?

Сразу же предотвращу обращение к расхожим рассуждениям о «среднем классе» как самой устойчивой социальной группе людей. Может быть, это и верно для США и Западной Европы, но уж точно не для России. Если для этих стран вся идеология среднего класса заключается в потреблении (соответственно, и типовые ценностные ориентиры), то для России это нетипично. Во-первых, потому, что кроме уровня доходов, в России преобладают в целях самоидентификации другие факторы (собственно ассоциация со средним классом, уровень образования, культуры и т. д.), а, во-вторых, в отличие от других стран, граждане России не могут пользоваться преимуществами уже сложившейся системы перераспределения материальных благ. Вот почему наиболее активной (и дестабилизирующей) частью общества, как и в 1917 году, стала либеральная интеллигенция и различные группы националистов, вызывающие «наибольшую обеспокоенность правящей элиты»⁵¹.

Вот почему необходимо порассуждать о тех возможных социальных слоях, которые смогут разделить систему ценностей новой идеологии. Так, если главными ценностями русского общества на протяжении многих столетий было православие и государство, то вряд ли можно допустить, что даже самые радикальные изменения в технике и экономике XX века полностью вытеснили эти ценности. Можно говорить, на мой взгляд, о том, что коммунистический период истории России, во-первых, синтезировал идеи православия и укрепления государства, а, во-вторых, о том, что сегодня стоит главный вопрос: сменит ли глобализация и секуляризация эти ценности. Соответственно те, кто полагают обратное (а их немало), полагая, прежде всего, что «все разговоры об особом пути России бессмысленны, — изначально не воспримут новую идеологию и систему ценностей. Это в равной степени относится как к либералам-западникам, так и части коммунистов-интернационалистов. В равной степени это относится и к тем традиционалистами, которые отрицают необходимость учета фактора глобализации.

Соотношение основных ценностей в различных слоях русского общества и программных документах партий и организаций является ключом к пониманию элитой объективных реалий. Ведь элита неоднородна. Она не только разделяет различные системы ценностей, но и политические взгляды. Даже если ее большинство и принадлежит к одной партии — КПСС или «Единой России». Ведь в истории нередко бывало и так: реалии сами по себе,

а элита — сама по себе. Для современной российской элиты это состояние очень характерно. Неадекватность общества неизбежно негативно отражается на адекватности элиты, а ее не адекватность, в свою очередь, — на принимаемых решениях. Так по ключевому российскому вопросу последних 20 лет — роли государства в экономике и политике — мы наблюдаем не только диаметрально различия, но и очень серьезную динамику: от преобладающих настроений «крушения авторитаризма» начала 90-х годов XX века до требований «навести жесткий порядок» первого десятилетия XXI века. Эта динамика во взглядах отражает своего рода эволюцию в ценностных ориентирах, которые в конечном счете определяют политику элиты и государства.

В отличие, например, от политики правящих кругов современной Румынии, проводивших румынизацию не только в собственной стране, но и за рубежом и финансировавших даже зарубежную румынскую церковь из государственного бюджета⁵², российская элита, казалось, вообще не заинтересованном в продвижении национальных ценностей за рубеж.

Проблема национальных ценностей стала и главной проблемой, решение которой предопределяло внешнеполитический курс США — независимо от того, кто его проводил — республиканцы или демократы. Так, помощник посла России в США А. Тарелин полагает, что «расслоение происходило постепенно: вначале 1990-х гг. в Соединенных Штатах сохранялось относительное согласие по поводу того, что страна должна оставаться единственным глобальным центром силы, способным гарантировать не только защиту своих интересов, но, главное, устойчивость и безопасность всей системы международных отношений. Споры разгорелись, когда встал вопрос об инструментах, которыми следует пользоваться при решении этой задачи. Должна ли американская гегемония быть „жесткой“, основанной на военной силе, или „мягкой“, проецируемой через культурные и экономические каналы? Должны ли США активно способствовать демократизации стран без традиций народоуправления? Эти вопросы выдвинулись в число основных для внешнеполитических деятелей США в начале 1990-х гг. и вызывают с тех пор ожесточенные споры»⁵³.

В начале второго десятилетия XXI века в упрощенном виде нынешнюю систему политико-идеологических координат в России, выраженную в отношении к этому главному вопросу, можно изобразить на следующем рисунке, представляющем в самом общем плане идеологические ценности основных политических сил и социальных групп по осям «политической свободы» и «участия государства в экономике».

Как видно из рис. 7, наибольшую степень экономической свободы (и наименьшую роль в экономике государства) считают своей ценностью современные сторонники либералов-западников — а до этого —

предшественники либералов начала XX века и до «Демократической России». Их абсолютизм уходит корнями в неолиберализм романтического толка 70–80-х годов, который, как им кажется, создал современный мир и современную экономику, а до этого либерализм царской России. Говоря о кадетях начала прошлого века, В. Никонов отмечает, что они «хотели сделать все, как в Англии, только еще либеральнее»⁵⁴.

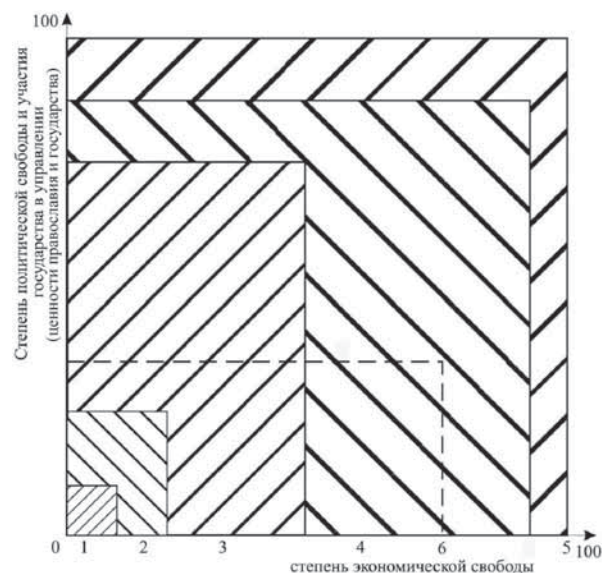

Рис. 7.

Наименьшую степень экономической свободы предполагают сторонники КПРФ и других коммунистических организаций, которые идеализируют плановую и административно-хозяйственную системы. Примечательно, что поддерживающие их социальные группы абсолютизируют и роль государства в политической области, минимизируя степень политической свободы.

Сторонники «Справедливой России» выходят значительно дальше за рамки экономической и политической свободы, чем сторонники КПРФ, что ментально, идеологически, а, главное — конъюнктурно-электорально, — они вынуждены не слишком далеко отрываться от коммунистов из-за опасения потерять левый электорат. Не имея пока социал-демократической электоральной базы, они вынуждены ориентироваться на советские ценности. Тактически — это вполне оправдано, но стратегически — им предстоит сделать «рывок» в понимании общественных процессов. И в этом, конечно, заключается их перспектива на будущее.

Новая идеология, на мой взгляд, должна представлять в нынешних условиях высокую степень экономической свободы, но при этом сохранять значимую роль государства. Соотношение этих ценностей видно на рисунке как обозначенное штрихом (№6). По сравнению с КПРФ и «Справедливой Россией», например, новая идеология допускает более высокую степень политической свободы (но, все же, значитель-

но меньшую, чем у «Единой России» и либералов) и очень высокую степень экономической свободы (но, все же, меньше, чем у либералов), сохраняющую регуляторную функцию государства. При этом под «высокой степенью экономической свободы» я понимаю прежде всего свободу творчества и предпринимательства, которые не только поддерживаются государством через создание благоприятных условий, но и сознательно стимулируются им. Государство должно взять на себя функции и обязательство по воспитанию, формированию и развитию нового класса творческих людей и сознательной поддержке таких институтов.

Приведенный выше рисунок не отражает социальной, тем более электоральной, поддержки той или иной идеологии.

При этом я исхожу, что политические партии в той или иной степени пользовались следующей поддержкой населения в 2010 году:

1. КПРФ — 15%
2. «Справедливая Россия» — 7%–10%
3. «Единая Россия» — 30%–40%
4. «Яблоко», «Гражданская сила» и т. п. — 3%–5%
5. СПС, Г. Каспаров, М. Касьянов — 2%–3%
6. «Идеальный вариант» — ?

Можно лишь предположить, что доля сторонников этой идеологии может достигнуть 30–40%, что соответствует в принципе доле образованного и креативного класса, ориентированных на национальные ценности и сильное государство⁵⁵.

Исходя из таких идеологических приоритетов, стратегии развития государства представляются неизбежно различными: если в представлениях сторонников КПРФ стратегия развития экономики и общества равнозначна стратегии государства, практически не оставляя места институтам гражданского общества и самостоятельной экономической активности, то для СПС, М. Касьянова и Г. Каспарова государство должно минимизировать свои функции, практически самоустраниться от определения стратегии развития общества и экономики.

На этой схеме прерывистой линией (под № 6) обозначен, на мой взгляд, идеальный вариант — те ценности и та идеологическая концепция, в рамках которой формируется алгоритм развития государства и его политической системы, где существенную роль в экономике играют механизмы государственного регулирования (при сохранении высокой степени свободы для творческих действий креативных социальных групп), а также превалирующую роль государства в формировании политической системы страны. Это обстоятельство важно подчеркнуть: высокая степень «управляемости» обществом и, соответственно, важная роль государства нужна для России не абсолютно, **но исторически**, — именно в начала XXI века, когда требуется мобилизация общественно-политических сил для преодоления управленческого и экономического кризиса. Госу-

дарство должно взять на себя инициативу на конкретном историческом отрезке времени потому, что его «уход» в 90-е годы разбалансировал всю систему общественно-политических взаимоотношений власти и общества. Возникли влиятельные группы, «олигархи» и другие силы, а, главное, — анархия во взаимоотношениях между элитой и обществом, когда последнее потеряло управляемость. А неуправляемое общество превращается в стадо, которое руководствуется инстинктами.

Такая мобилизация может дать быстрый социально-экономический эффект, который не зависит только от скорости внедрения новых технологий и инноваций, требующих определенного временного ресурса. Так, если говорить, например, о сельском хозяйстве, то мобилизационная модель Белоруссии значительно эффективнее, чем существующая сегодня в России. Во всяком случае на современном этапе. Так, в июле 2010 года, когда на Госсовете России обсуждался вопрос о продовольственной безопасности, главными темами было обсуждение экономических механизмов стимулирования, в то время как мобилизационная модель Белоруссии уже дала результаты.

Табл. 4.

	Россия	Белоруссия
Производство мяса в убойном весе на душу населения в 2008 году	около 44 кг в год	около 87 кг в год
Производство молока на душу населения в 2008 году	около 220 литров в год	около 640 литров в год

Данные цифры говорят сами за себя: — Белоруссия полностью обеспечивает население своей страны продуктами первой необходимости, при этом имеет возможность экспортировать вышеуказанные продукты в другие страны, в то время как производственные мощности России не достаточны для удовлетворения нужд населения, в результате в 2008 году нам пришлось импортировать, по данным Росстата, около 7 млн тонн молока и 3,5 млн тонн мяса⁵⁶.

Мобилизация как идеологическая ценность нужна и для того, чтобы ускорить формирование идеологии модернизации, без которой любые инвестиции в инновации оказываются малоэффективными. Так, к 2010 году государство выделило на развитие инновационной деятельности более 1 трлн рублей. Кроме этого, ежегодно в последнее время выделяется ассигнований порядка 200 млрд рублей, однако в 2009 году на балансах российских предприятий было учтено объектов интеллектуальной собственности на сумму в 5 млрд рублей⁵⁷, т. е. **менее 0,5%** от затраченных средств.

Таким образом, **исторически** пропорции между государством и обществом могут и будут меняться. И в этом заключается искусство политиков, которые в зависимости от потребностей нации (ее интересов)

делают идеологический акцент на том или ином компоненте. Сегодня это ведущая роль государства.

Но это пока. В будущем ситуация должна неизбежно измениться. Развитие креативных групп российских граждан должно привести к тому, что роль институтов гражданского общества, особенно местного самоуправления, будет стремительно расти, вытесняя и замещая функции государства. Но постепенно, по мере естественного ухода государства, а не искусственно — «вытесняя» государство, как это было в 90-е годы.

Аналогичные идеологические схемы можно предложить и применительно к другим фундаментальным идеологическим проблемам. Так, например, сегодня важнейшая из них, на мой взгляд, это соотношение между традиционными ценностями и инновациями глобализации. Идеальное сочетание, — синтез — найденное в Китае и Индии, стало первопричиной их эффективной стратегии развития. И, наоборот, перекося в ту или иную сторону ведет в условиях глобализации либо к исчезновению национальной идентичности (в конечном счете нации и государства), либо к консервации национальной традиции, стагнации.

«В идеале» органичный идеологический алгоритм развития — это высокая степень сохранения национальной традиции и системы ценностей в условиях глобализации при максимальной восприимчивости инноваций. При этом важно подчеркнуть, что **инновации в идеологии необходимы**, но этот модернизационный процесс не должен разрушать фундаментальных ценностей. То есть проблема в соотношении между одними ценностями и другими. Как видно из рисунка⁵⁸, либеральные партии позиционируют максимальное стремление к глобализации в сочетании с тенденцией полного отказа от традиции и национальных ценностей. И, наоборот, КПРФ фактически консервирует традиции, возводит их в абсолют (причем, как имперские, так и коммунистические), в минимальной степени признавая реалии глобализации (вплоть до требований их «отмены»).

Новая идеология (прерывистая линия, «№ 6»), на мой взгляд, должна сочетать сохранение базовых ценностей, отказываясь от устаревших и придуманных, одновременно ориентируясь на неограниченный модернизационный рывок. Другими словами, в новой идеологии предстоит переоценка, инвентаризация российских ценностей, из которых предстоит выбрать те, которые (и это — главное требование) собственно и делают нацию нацией. Эти ценности должны стать базовыми, неоспоримыми, фундаментом всей идеологической конструкции.

Другая сторона проблемы новой идеологии заключается в создании условий восприимчивости, воссоздания всего нового, организации творческого процесса, которые, повторю, должны происходить на базе фундаментальных ценностей.

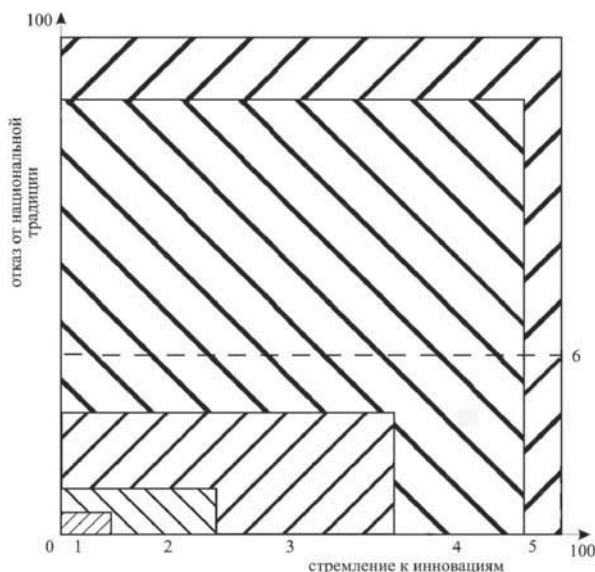

Рис. 8.

Те или иные партии или организации, естественно, не отражают нынешней идеологической палитры России. Их политико-электоральное присутствие отнюдь не равноценно идеологическому (т. е. еще меньше). Тем не менее, у нас сегодня нет других, а именно идеологических, партий.

1. КПРФ
2. «Справедливая Россия»
3. «Единая Россия»
4. «Яблоко», Демпартия, «Гражданская сила»
5. СПС, Г. Каспаров, М. Касьянов
6. «Идеальный вариант»

Из рисунка видно, что КПРФ не только консервирует, «идеализирует» традицию, но и фактически отказывается от модернизации. Во всяком случае видит ее в рамках прошлых идеологем. И, наоборот, либеральные партии игнорируют в пользу модернизации национальную традицию, что также ведет не только к краху национальной идентичности, но и неэффективным алгоритмам экономического и политического развития.

В любом из вариантов мы видим, что идеологические мотивы **первичны по отношению к политике и стратегии**, а их отрицание неизбежно ведет к отрицанию эффективной стратегии и последующему кризису и коллапсу. В определенном смысле любая идеология может привести к формированию стратегии и осознанной политики, но ее отсутствие — лишь к отсутствию внятного политического курса, хаосу и развалу. Что было отчетливо видно на многих примерах советской и российской истории.

Наконец, идеология, не соответствующая базовым интересам всего общества и государства, неизбежно приведет к выбору ошибочной стратегии. Категория «базовый интерес» — объективна и первична. Но ее восприятие правящей элитой может быть адекватно или неадекватно. Причем разброс может быть чрезвычайно широк: когда элита вос-

принимает национальные интересы с адекватностью, близкой к 100%, т. е. почти идеально, то и цели формулируются предельно точно. Более того, адекватно оцениваются и возможности, и ресурсы, имеющиеся у государства. Это очень важно, ведь переоценить свои возможности так же опасно, как и недооценить.

И, наоборот, если элита не способна адекватно оценить объективные интересы нации, то формулируемые цели **изначально будут некорректны, либо не верны**. Так, в 90-е годы у российской элиты по целому ряду вопросов отсутствовало адекватное восприятие национальных интересов. Например, приватизация (естественный процесс, необходимый для повышения эффективности экономики) расценивалась как политико-идеологический комплекс мероприятий, конечной целью которого являлось перераспределение собственности. Не удивительно, что результат такой приватизации был плачевным: экономическая эффективность стала хуже, собственность в массовом порядке разворовали, а деньги ушли в оффшорные зоны.

«Базовые интересы» могут трактоваться национальной элитой даже в преступных целях, как в нацистской Германии. Да и ошибочные трактовки и избранные стратегии отнюдь не безобидны. Так, неolibеральная идеология, например, идеализирует глобализацию, в частности, международные институты. Такие, как ВТО. В то же время, как признает нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, «в реальности правила этой организации создают значительный дисбаланс в мировом экономическом развитии, защищая в первую очередь интересы развитых стран...». Этот баланс был разрушен, прежде всего, в результате кризиса все той же идеологии. Все другие факторы — экономические, финансовые и т. д., стали лишь **следствием кризиса идеологии** и вытекающей из этого кризиса неспособности к стратегическому развитию: кризису политического управления (прогнозированию и планированию) страны.

Идеологический кризис в СССР, наступивший в результате стойкой неспособности его элиты приспособиться к реалиям научно-технической революции и скорректировать алгоритм социального и экономического развития, привел не к появлению новой, современной идеологии, а к формальному отказу от нее — «деидеологизации идеологии» (по А. Яковлеву). Система советских ценностей рухнула (или была обрушена), но вместе с ней рухнул и **механизм управления обществом** (сначала) и **государством** (чуть позже). Последующий политико-экономический кризис, а также развал ОВД и СЭВ, наконец, самого СССР — лишь **следствие такой политики**.

Что же необходимо было делать КПСС в конце 80-х годов, когда стало очевидно, что курс на перестройку определенно ведет к развалу не только экономической системы страны, но и самого государства?

Ответ, на мой взгляд, очевиден. Необходимо было не отказываться от идеологии, а сформулировать **яс-**

ные и новые идеологические приоритеты, которые можно было бы сгруппировать следующим образом.

Во-первых, предельно четко определить социально-политический характер и особенности нового этапа научно-технического и экономического развития человечества, на котором главной движущей силой становится не промышленный пролетариат, а лица интеллектуальных и творческих профессий, сконцентрироваться на формировании благоприятных условий для развития этих социальных групп (а не сводить все, как и прежде, к пресловутой «пролойке» — интеллигенции).

Во-вторых, в качестве **идеологического приоритета** сделать ставку на опережающие темпы развития НТР в стране, изменение структуры экономики, повышения эффективности науки и образования.

В-третьих, изменить приоритет интернациональной солидарности на **приоритет развития единой советской нации**, базирующейся на огромном культурном и историческом наследии русского и других народов, что позволило бы не только выбить почву у националистических элит, но и изменить статус союзных республик в СССР.

В-четвертых, главным приоритетом заявить **приоритет развития потенциала человеческой личности**, поставив его выше приоритета государства и общества, скорректировав, тем саамы, планы социально-экономического и политического развития.

Этот минимальный набор приоритетов был бы вполне достаточен для модернизации идеологии и, как следствие, политической и экономической стратегии СССР.

Вместо этого партийно-советское руководство объявило приоритетами абстрактные термины — «перестройку», «гласность», «плюрализм» и др., — которые фактически уничтожили одну идеологию, не создав другой.

Совершенно другой результат мы видим в Китае, где реформировали коммунистическую систему, не только не отказавшись от традиционных ценностей и уничтожив систему управления страной, но и добились высоких и устойчивых темпов экономического роста. Как считают эксперты, «успех Китая базируется не столько на экономической либерализации, сколько на продуманной социально-экономической стратегии»⁵⁹. Которая, добавлю, является частью общекитайской (а не только КПК) идеологической доктрины «социальной гармонии».

Советская правящая элита не смогла (в отличие от китайской элиты) ответить на новые вызовы, и сформулировать новые идеологические приоритеты, предпочла приспособиться к ним в рамках существовавшей идеологии. А потом, когда было уже поздно, стала лихорадочно придумывать новые идеологемы — «перестройка», «демократизация» «гласность» и т. д., не имевшие реального политико-экономического содержания, кроме разрушения прежней системы ценностей.

Простой пример: подготовленный в июне 1985 года Пленум ЦК КПСС (названный Советанием), посвященный НТР, в принципе, верно, расставил все акценты. Появился реальный шанс вписаться в новый, информационный этап научно-технической революции. Пожертвовав, естественно, старыми идеологическими догмами и ценностями, либо пересмотрев к ним отношение. Пример кумира коммунистов В. Ленина, кстати, весьма показателен. Он мог по два раза в год (в зависимости от политической целесообразности) менять политическую и экономическую стратегию, идеологические принципы, приоритеты. Но у советской элиты такого мужества и мудрости не оказалось. Похоже, что приверженность старым идеям оказалась сильнее потребностей новой экономики и общества. Неизбежные идеологические решения столкнулись с неспособностью их восприятия элитой. В отличие, например, от элиты Китая или Индии, где традиционные и даже партийные ценности уда-

лось органично совместить с интересами развития экономики и общества.

Поэтому в одном случае (советском) элиты потереяли, а в других — выиграли, сменив старые идеологии на новые. При этом, отнюдь не отказавшись от базовых принципов — национальных, культурных, духовных, даже социально-классовых.

Аналогичную ситуацию мы сегодня наблюдаем в КПРФ, руководство которой не хочет (или не может) пересмотреть идеологические догмы, не соответствующие современным реалиям. Соответственно и избранная стратегия — опоры на приверженцев этих догм ради сохранения электорального ядра — бесперспективна. Сроки ее существования, видимо, ограничены стремлением партийной верхушки удержаться у власти в партии. Не более того. Понятно, что привлекательность ее минимальна. Она может какое-то время продержаться только до тех пор, пока другие политические силы допускают серьезные ошибки. Например, наспех сколоченная «Справедливая Россия».

5. Образ России и её позиционирование в мире

великому государству должна быть свойственна и великая политика, проникнутая нравственными началами⁶⁰.

А. Горчаков

... в формационном отношении Америка снова вырвалась вперед, когда в ней стал складываться информационно-технологический уклад...⁶¹.

Н. Симония

«... злую шутку играет с нами интернет. Благодаря ему пласт современности так непомерно разросся и раздулся, что память о прошлом вытесняется куда-то на задворки сознания»⁶² — сказал великий русский историк С. Шмидт.

Образ России складывается из относительно **устойчивых компонентов** (никто не может изменить ее географическое положение, историю, в том числе международных отношений, традиционные ценности, природные и демографические ресурсы и т. д.) и восприятия **внешней политики**, проводимой элитой. Что немаловажно, этот образ во многом зависит и от действий негосударственных организаций и конкретных представителей тех или иных социальных групп — ученых, деятелей искусств, творческих работников вообще, наконец, простых людей.

Естественно, от политических и общественных деятелей, а не только официальных руководителей и представителей государства. Выступая, например, в литовском парламенте 13 января 2012 года, так называемый правозащитник С. Ковалев заявил, что «международное сообщество делает ошибку, „цацкаясь“ с Россией, в то время, как „ее надо давить“ политически»⁶³.

Этот образ, таким образом, может корректироваться в существенной мере в зависимости от вне-

шнеполитических целей и задач, формулируемых элитой, а также политических и дипломатических средств их реализации, т. е. внешнеполитической стратегии. Это определяющие факторы, которые в современных условиях дополняются растущим влиянием восприятия внутренней политики и ее соответствия преобладающей в развитых странах системе ценностей. «Политическая модернизация», о которой заявил в конце своего президентского срока Д. Медведев, например, во многом направлена на то, чтобы это восприятие России в мире было адекватно расценено на Западе. Как иначе расценить сделанное им в феврале 2012 года заявление о «проблемной демократии» в России?»⁶⁴.

Во многом «внешнее» восприятие образа России диктуется и теми приоритетами, которое выбирает ее политическое руководство.

Так, выступая 12 июля 2010 года перед послами России, Д. Медведев сформулировал перед ними задачу содействия модернизации страны, что явилось, безусловно, новым акцентом в системе внешнеполитических приоритетов, особенно, если под такой модернизацией понимать не только технологическую область, но и социальную и внутреннюю политику. Вновь был поставлен вопрос о соотношении базовых ценностей

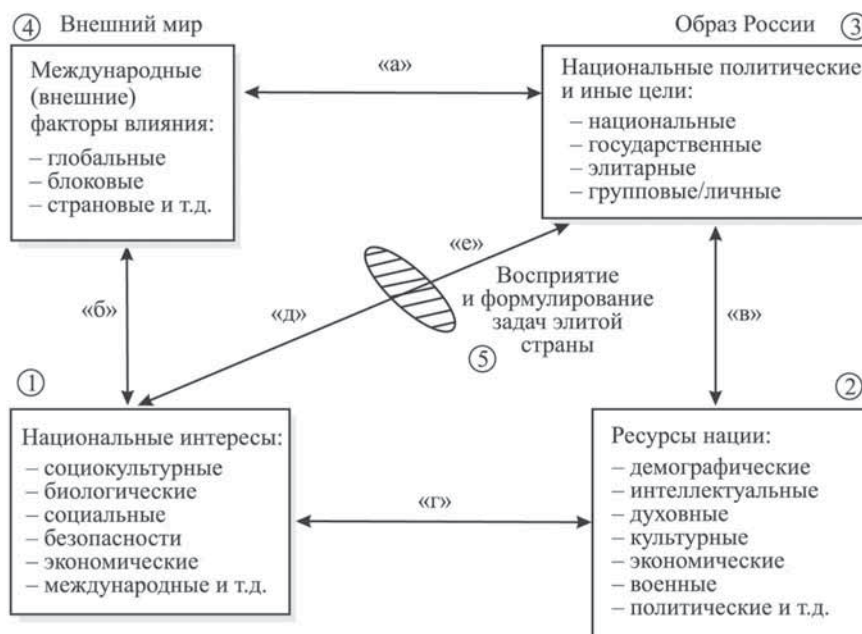

Рис. 9. Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

и задач модернизации на высшем уровне, который может быть рассмотрен и как соотношение между национальными интересами и реалиями глобализации.

Если возвратиться к известному рисунку (рис. 9), описывающему политическую идеологию элиты, то выступление Д. Медведева можно расценить как сознательное усиление влияния вектора «а» — внешних реалий — в ущерб вектору «д» — национальной системе ценностей, а в конечном счете, национальным интересам, основанным на максимально эффективном использовании национального человеческого потенциала, а не на технологических заимствованиях.

Образ России во многом является следствием ее позиционирования в мире по отношению к ключевым мировым проблемам, т. е. является проецированным отображением преобладающей во властной элите идеологии. На практике это означает, что как декларируемые высшим руководством страны цели, так и реальная повседневная политика ежедневно корректируют этот образ. Иногда, даже в рамках узкого временного периода этот образ может существенно изменяться. Так, в 1990-е годы был сделан очевидный крен в сторону Запада и его ценностей, а образ России был по существу попыткой властной элиты приспособить российские реалии к реалиям США и других развитых стран.

Позже, при В. Путине, был сделан упор на национальные интересы. Соответственно в России и за рубежом поспешили заговорить о «российском империализме». Через несколько лет акцент во внешней политике (в т. ч. в нормативном документе — Концепции внешней политики России) был сделан на СНГ и постсоветском пространстве.

Новый и, безусловно, позитивный импульс, дали осенние (2011 года) инициативы трех президентов: России, Белоруссии и Казахстана о создании единого

евразийского экономического и таможенного пространства, которые позже были дополнены председателем Госдумы С. Нарышкиным по созданию наднационального Евразийского парламента⁶⁵.

Безусловно, осенняя (2011 г.) инициатива В. Путина, Н. Назарбаева и А. Лукашенко о евразийской интеграции вызвала огромный интерес на всем пространстве СНГ и имела стратегическое значение. Дальнейшие конкретные шаги, похоже, подтвердили серьезность их намерений. Но только в области экономической интеграции, оставив (хочется верить, на время) «за скобками» политико-идеологическую сферу. На мой взгляд, эта идея, например, могла бы стать стержнем избирательной кампании В. Путина, но, к сожалению, не стала. Напомню, что в 1996 году идея союзного государства России и Белоруссии была самым сильным и, может быть, единственным позитивным ходом во всей предвыборной кампании Б. Ельцина. Похоже, что в России пока еще не осознают важности создания политического течения, может быть, даже моды на евразийство, сознательно ограничиваясь экономикой.

Между тем без вынужденной идеологии современного евразийства, которой пока что нет, без вытекающей из нее политической доктрины и соответствующей стратегии, наконец, без политической структуры и институтов общества эта идея евразийской экономической интеграции столкнется в будущем с серьезными трудностями. В пользу этого говорит весь мировой исторический опыт. Так, известно, что многие проблемы в отношениях между СССР–Россией и Румынией, а также — уже сегодня — Молдавией, Украиной, Приднестровьем и Румынией являются следствием того, что, «в отличие от славянских стран, в Румынии, не существовало политического течения, ориентированного на Россию»⁶⁶.

Но у этой идеи, выдвинутой лидерами трех государств, есть и недостаток: сознательное подчеркивание значения экономической интеграции (хотя и с оговоркой «необходимости создания наднациональных институтов») неизбежно отодвигает на второй план идеологическую проработку и проблему общественно-политической интеграции. Прежде всего общества и элит постсоветских государств. Без такой интеграции, повторяю, экономическая интеграция будет иметь не только ограниченный экономический масштаб. Она также будет зависеть от конъюнктурных и внешних факторов, а ее реализация будет продвигаться значительно медленнее, чем она того заслуживает. На это обстоятельство обратили внимание, например, многие выступавшие на конференции РИСИ 21 февраля 2012 года. Примечательно, что основные докладчики (новый президент Приднестровской Республики Е. Шевчук, главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии» А. Куртов, представитель Белоруссии Л. Криштанович и др.) справедливо подчеркивали именно необходимость идеологической проработки этого вопроса.

Идеология опережающего развития — модернизации и инноваций — становится ключом и к практической реализации евразийской идеологии. Выбор между «идеологией заимствования» и «идеологией развития НЧП, его институтов» стоит не только перед российской элитой, но и перед элитами всех постсоветских государств. Какой путь — заимствования или развития национального человеческого потенциала они выберут — во многом будет предопределять и успех евразийской идеи. В. Путин впервые, пожалуй, в статье, посвященной развитию оборонного потенциала, ясно сформулировал проблему опасности политики внешнего заимствования: «Фактически отечественные оборонные центры..., — сказал он, — за последние 30 лет пропустили несколько циклов модернизации»⁶⁷.

2012–2015 годы — период смены элит на всем постсоветском пространстве. Новые лидеры будут уже не связаны с единой историей СССР, его культурой, языком и общими представлениями о будущем. Немаловажно, что исчезнут и личные связи. В республиках Центральной Азии, да и других государствах, доминирует вектор развития идеологии титульной нации, который формируется на базе синтеза традиционной системы ценностей и системы ценностей развитых стран.

Не только в республиках ЦА, но и других постсоветских государствах, просматривается перспектива **острой борьбы за власть**, в результате которой с высокой степенью вероятности могут придти новые элиты, не связанные культурно-исторически, технологически и даже личными традициями, с Россией. В результате возможна переориентация этих элит на Китай, ислам, но, прежде всего, западные развитые государства.

Россия, вплоть до сентября 2011 года, не смогла предложить проект привлекательного образа об-

щего будущего. Происходит процесс сокращения «ностальгического ресурса», который стремительно уменьшится до 2020 года.

Можно констатировать, что все элиты и режимы бывших советских республик находятся **на пороге резких внутривнутриполитических изменений**. Поэтому крайне актуальная проблема — формирование общего политико-идеологического вектора развития для большинства постсоветских ресурсов⁶⁸. Для целого ряда государств это единственный разумный вариант, но отнюдь не неизбежный.

Учитывая, что в современном мире главным ресурсом развития является национальный человеческий потенциал, прежде всего творческие возможности человека, в евразийской политике необходимо сделать акцент именно **на гуманитарной составляющей**.

На мой взгляд, главным приоритетом должно стать развитие институтов национального человеческого потенциала (НЧП) на базе евразийской экономической и политической интеграции, прежде всего институтов гражданского общества, способных аккумулировать и стимулировать идею общего евразийского НЧП. Речь идет, например о:

- институтах образования, науки и технологий, где сохранился еще мощный советский «остаток», но, главное, понять, что необходимая всем модернизация возможна исключительно на базе быстрого роста национальных научно-технологических, образовательных и культурных школ;
- институтах культуры и искусства, прежде всего массового, а также творческих возможностей «креативного класса» — главной движущей силы современности;
- развитии и создании единых общественных и политических институтов на евразийском пространстве. Речь идет не только об общественных организациях, но и создании общих политических и идеологических организаций в таких областях, как
- средства массовой информации и коммуникации. Сегодня таких СМИ практически нет, как уже нет и единого информационного пространства;
- политической евразийской партии, способной в будущем победить на парламентских выборах;
- создании системы НКО, лоббирующих евразийскую идею и активно влияющую на национальные элиты.

В июле 2010 года, выступая на традиционном совещании послов России в МИДе, Д. Медведев сделал новый акцент, который, как отметили обозреватели, «... в корне отличался от всех установок, которые ранее давались»⁶⁹, ориентируя внешнюю политику и дипломатию на цели модернизации и развития гражданского общества.

В 2012 году В. Путин внес существенные коррективы в социально-экономическую политику стра-

ны. В своих программных статьях, не отказываясь окончательно от базовых ценностей либерализма, он зафиксировал усиление роли государства и по сути заявил о новой социальной политике. Как справедливо заметил его критик М. Делягин, «В целом обращение В. В. Путина к социальной политике оказалось не просто лучшей из его опубликованных статей. Оно уже играет важную политическую роль, вскрывая **реальные системы ценностей** и уровень профессионализма участников обсуждения. Так, массы либералов всех мастей, указывающих на отсутствие средств для предложенных мер, поневоле расписываются не только в традиционном для себя пренебрежении интересами общества, но и в экономической неграмотности. Ведь в бюджете «валяется» без движения 5,6 трлн руб., более чем достаточных для среднесрочного решения почти любых социальных проблем, даже без учета возврата части расходующихся средств в виде налогов»⁷⁰.

Таким образом, только за последние 15 лет внешний образ России подвергся, как минимум, корректировке четыре раза. Вряд ли это может говорить о том, что у страны, ее элиты есть продуманная долгосрочная стратегия. Её отсутствие объясняется просто: не имея идеологии, невозможно иметь и стратегию, как невозможно сформировать и устойчивый образ России, для которого требуется время. Образ России после 1945 года, образ сталинской, брежневской, горбачевской России — суть разные образы одной страны и суть разная ее политика.

Лидерство в идеологии трансформируется в лидерство в цивилизационном и формационном отношении через реализацию научно-технических и технологических достижений. Сегодня американское идеологическое лидерство подкреплено не только 20% мирового ВВП и 40% мирового потребления, но и, прежде всего, 30% долей США в экспорте научно-технологической продукции, а также огромными военными расходами и фактически монопольным положением доллара. Но, важно подчеркнуть, что без идеологического лидерства, которое США захватили после Второй мировой войны, все эти достижения были бы невозможны. Именно они определяют образ США в мире, но и откровенные претензии американской элиты на то, чтобы американская модель была признана образцом для подражания.

Размышляя об образе России в мире, ее позиционировании, следует сразу же сказать, что выбор любой из лидирующих идеологий в качестве модели для подражания (американской, европейской, китайской, исламской) будет означать и выбор цивилизационной модели. Кроме того, будет неизбежен и выбор социальный, а также экономический. Причем выбор, заранее обрекающий Россию на отставание, ибо повтор, копирование, — компиляции не могут быть по определению опережающими. Образ России в мире, выбранный по чужому образцу, изначально **не может быть примером** (пример уже есть), а лишь более или менее удачной копией. Этот же выбор означает, что

Россия отказывается от статуса великой державы, заявляет о неспособности проводить политику великой державы со всеми вытекающими последствиями.

В этой связи вызывает недоумение выступление президента Д. Медведева 12 июля 2010 года в МИДе на совещании послов (которое, напомним, проходит раз в два года. — А. П.), где главным тезисом прозвучала мысль: внешнеполитический инструментарий должен быть поставлен на службу решения задач модернизации страны. Конечно же, не общая постановка проблемы — она закономерна, даже естественна, а ее детализация: МИД — политический инструмент, отвечающий за реализацию внешней политики страны, а не за связи с бизнесом. Тем более модернизация предполагает серьезные изменения в социальной и политической областях страны. А это, уж точно, суверенная область российской внутренней политики и их «увязка с внешней политикой без должного объяснения, вызывает вопросы»⁷¹, — считает бывший дипломат М. Демури

В любом случае, Д. Медведев дал импульс не только подведомственной ему дипломатии. Он по-новому расставил приоритеты, дал другие формулировки задач, которые **расходятся** с утвержденной им же в 2008 году Концепцией внешней политики России. Многие увидели в его выступлении существенные коррективы в самой идеологии (если ее так можно назвать) внешней политики.

Надо подчеркнуть, что в начале XXI века мир отнюдь не отказался от идеологий. Напротив, они, как демонстрирует радикальный ислам и радикальный либерализм, **стали главным и эффективным оружием политической борьбы** и защиты национальных интересов. Они, идеологи, формируют образ этих государств. Более того, новейшая история показывает, что у многих идеологий появляются все новые и новые формы: у радикального ислама — массовый террор, а у леволибералов — «мягкая сила» (soft power), «оранжевые революции» и т. д. Причем, некоторые политологи полагают, что идеологические меры исламистов, в частности, «карикатурные скандалы» в 2006 году, имели более важное значение, чем собственно террор. Таким образом, в мире идет постоянный процесс совершенствования идеологий, целью которых является не только формирование максимально благоприятного внешнего облика стран, но и **навязывание** этого облика (и ценностей) другим странам.

Но идеология не только радикальных режимов стала острым оружием политической борьбы. В 2006–2011 годах стал актуальным и вопрос о сферах конфликтов идеологических интересов между Россией и Западом. «Уход» России из идеологии отнюдь не означает, что и другие страны также «ушли» из идеологии. Это показывают, например, опросы общественного мнения в США, где доля лиц, считающих Россию потенциальным врагом, за последние годы неуклонно растет. К середине 2007 года эта доля стала устойчиво превышать 50%, что свидетельствует

о серьезном сдвиге в общественном сознании США, ведь примерно так же негативно эта часть населения относится к Колумбии, Ирану и Северной Корее.

То же самое можно сказать и об отношениях к России стран Евросоюза, с которыми Россия в 2007–2012 годы не раз предлагала реформировать систему европейской безопасности. Неудача, по мнению западных экспертов, объясняется прежде всего преобладанием стереотипов холодной войны.

В начале 2012 года дискуссии вокруг европейской безопасности приобрели необычную для последних двух лет остроту. На ежегодной Мюнхенской конференции по безопасности 4–5 февраля был презентован доклад Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI) «На пути к Евроатлантическому сообществу безопасности». Эксперты EASI **пришли к жестким политическим выводам**. В начале XXI века в Евроатлантике, по их мнению, наблюдается дефицит **взаимного доверия** и сохраняется образ мысли времен холодной войны⁷², — отмечает А. Фененко.

Следует признать ради справедливости, что и в России все большее число людей видят в США своего потенциального противника или недоброжелателя.

В целом же базовые идеологические расхождения не только реализуются в конкретных политических акциях, но и сдвигах в общественном мнении. Нередко эти противоречия приобретают острые формы. Не случайно поведение некоторых бывших советских республик, достаточно агрессивно выступающих против России, не только фактически, но и публично поддерживаются США, а нередко и странами ЕЭС. Именно этим объясняется во многом антироссийская политика Украины, Грузии, Эстонии, Литвы, Латвии и других государств. Но также очевидно, что идеологические мотивы в поведении этих стран являются той базой, на которой строится долгосрочная внешнеполитическая стратегия Запада по отношению к России, что особенно отчетливо стало заметно в период грузинской агрессии в августе 2009 года против Южной Осетии. Идеологическая кампания, развязанная в Грузии, совершенно определенно коррелировалась с политико-идеологическими установками стран Евросоюза и США. Западные СМИ явно «отрабатывали» полученное задание. Настолько явно, что любые попытки России изменить ситуации в информационном пространстве оказывались безуспешными. Ни политические договоренности, ни личные связи, ни деньги России не помогли потому, что у Грузии и Запада была **единая идеологическая позиция, единые приоритеты**. Против них политическое, финансовое и иное влияние, как показывает история, неэффективно. Идеологические приоритеты, в которые, как известно, упаковываются вполне конкретные политические и экономические интересы.

Более того, эти события показали, что в реальности, в политической практике трансформируются ценностные различия России и Запада, которые об-

ективно существуют и нигде не исчезали. «Сразу же после нападения Грузии на Южную Осетию 8 августа 2008 г. поражало полное отсутствие в заявлениях и высказываниях большинства западных политиков даже намек на трагедию югоосетин, как будто Южной Осетии и ее народа не существует. Из их лексикона исчезли традиционные ссылки на такие ценности, как права человека и защита нацменьшинств, которые служили одним из центральных мотивов для оправдания военной операции против Сербии и признания независимости Косово. Это уже не двойные стандарты: что-то не в порядке с нравственностью. Не случайно бывший посол США в России А. Вершбоу в свое время сказал, что основные трудности в американо-российских отношениях **связаны с „ценностным разрывом“**. По правде говоря, мы не испытывали этого „разрыва“ в реакции всего российского общества на события 11 сентября 2001 г. **Но если такие ценности предполагают симпатии к одним и полное пренебрежение к другим, то действительно можно говорить о разном их понимании**. Россия защищала в Южной Осетии право ее жителей на жизнь и развитие, а это уже нравственная категория»⁷³.

Таким образом, расхождение в политике и ценностном понимании в 2008 году привело к **сознательному искажению образа России в мире**, превращению его в «антиобраз». Причем потребовалось для этого ничтожно мало времени, а все усилия России противодействовать этому давлению оказались малорезультативными.

Это означает, что внешний образ России должен, во-первых, **сознательно формироваться как внешнеполитический ресурс, имеющий стратегическое значение для страны**. А, во-вторых, он должен иметь в своей основе фундаментальные принципы и ценности, **которые невозможно извратить или исказить извне**. Во всяком случае быстро, когда этого потребует политическая конъюнктура, как это было не только в 2008 году, но и до этого многократно, например, в Югославии, накануне военной операции НАТО. Так, традиционно корпоративная этика бизнеса была на высочайшем уровне. И, наоборот, в России, также традиционно, она отставала от уровня развитых государств.

Согласно оценкам PricewaterhouseCoopers, Япония занимает последнее место в мире по числу экономических преступлений. В 2011 году с подобными происшествиями столкнулось (лишь 6% японских компаний против 10% в 2009 году). В России, для сравнения, этот показатель составил 37%. В мире — 4%. При этом каждая пятая пострадавшая компания потеряла усилиями нечистых на руку сотрудников \$5 млн и более⁷⁴.

Важно отметить, что, в отличие от политических и экономических интересов и приоритетов, идеологические интересы и приоритеты носят стратегический характер. Они формируются и сохраняются иногда даже не десятками, а сотнями лет. Так, идеологи-

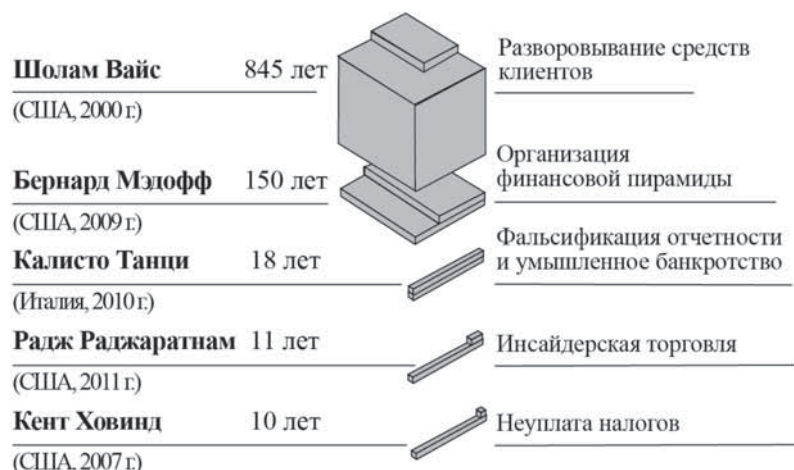

Рис. 10. За что бизнесменам выносились суровые приговоры

ческие приоритеты Великобритании уходят вглубь истории, еще в XVIII веке, т. е. они стали традицией. В том числе и по отношению к России. Как подчеркнул А. Торкунов, традиционно «...Россию изображали агрессивной, деспотичной, варварской державой, исторически предрасположенной к захватам. Она, как утверждалось, не достойна права на цивилизаторскую миссию на Кавказе, где обитают горцы, которые, хотя пока и являются „детьми природы“, все же обладают врожденной тягой к свободе, демократии, равенству и справедливости, то есть к западным ценностям. Поэтому данную миссию обречена выполнять Англия.

Причину столь трогательного попечительства никто и не скрывал — превратить Кавказ в барьер на пути „русской экспансии“ в сторону Турции, Ирана, Персидского залива, Афганистана и, самое главное, Индии. Горцы должны были стать „стражами у ворот“ британской колонии, хорошо вооруженными и хорошо организованными. Примечательно, что почти никто из британских политиков и военных экспертов не верил в реальность „русской угрозы“ Индии, но откровенничать на сей счет они позволяли себе лишь в служебных меморандумах. Публично же отказываться от очень удобного лозунга „Индия в опасности!“ лондонский кабинет не спешил. Чем еще, как незаконными оборонительными целями, оправдывать наступательную стратегию выставления заградительных аванпостов против России в тысячах километров от индийских границ?»⁷⁵

Вместе с тем реалии растущей взаимозависимости России и Запада нельзя недооценивать. Значение этих реалий возрастает в связи с необходимостью проведения модернизации России. И не только технологической, но и общественно-политической. Вряд ли стоит ожидать от Запада искреннего стремления содействовать модернизации России, т. е. создавать себе конкурента в научно-технической и технологической области. Вопрос в том, насколько российская элита готова поступиться национальными интересами и ценностями в интересах модернизации? То, что ее попробуют заставить заплатить за это лично,

у меня не вызывает сомнений. Формула: **«уступка в системе национальных ценностей и интересов в обмен на модернизацию»** может стать реальной основой во взаимоотношениях России с Западом. «Это конфликт между интересами, которые есть у России и у Запада, и методами их реализации. К тому же не надо забывать о глобализации. Хочет или не хочет Запад это признавать, но Россия стала уже во многом частью глобализирующего мира, и отказывать России в этом, что называется, себе дороже. А там, где „себе дороже“, Запад (особенно европейцы, обожающие комфорт) уже вряд ли решатся на какие-либо обострения»⁷⁶, — отмечает С. Ястржембский

Вопрос, на мой взгляд, заключается в том, **до какой степени** обострения готов идти Запад. Заключение Договора об СНВ в апреле 2010 года и грузинский конфликт в августе 2008 года показывают очень широкий спектр возможного сотрудничества и противостояния.

Позиция России во многих идеологических спорах (как, например, по поводу переноса памятника в Эстонии) имеет огромное значение. Именно **идеологическое позиционирование** новой, окрепшей России, которая преодолела кризис 90-х годов и преодолевает кризис 2008–2010 годов, будет **иметь решающее значение**: бесконечные уступки прежнего руководства СССР и России приучили нынешнее поколение западных политиков к тому, что Россия поддается политико-идеологическому давлению, поскольку она слишком «восприимчива» к учету интересов Запада в ущерб своим национальным интересам.

Ситуация меняется и неизбежно будет меняться еще больше в будущем, хотя будет сложно по двум основным обстоятельствам. С субъективной точки зрения, правящая российская элита должна ясно идеологически **самоидентифицироваться**, осознать место и роль России в мире и научиться отстаивать свои национальные интересы. Что пока еще не произошло. Мы все еще спорим о том, насколько мы — «Европа» или «Азия», а насколько собственно Россия. До тех пор, пока мы не поймем, что Россия «не Европа»

и «не Азия», а Россия — со своей спецификой, традицией, путем развития, мы так и будем самоопределяться.

С объективной точки зрения есть серьезные пределы, до которых может идти национальная самоидентификация и внешнеполитические амбиции. Они вызваны, прежде всего, существующим реальным соотношением сил в мире между Россией и Западом. Для того чтобы лучше понять эту взаимозависимость и масштабы, соотношение этих потенциалов, можно привести лишь один пример. По оптимистичным оценкам, к 2015 году российская нефтехимическая промышленность будет производить продукции на 40 млрд долларов. В то же время уже сегодня аналогичный показатель у стран Евросоюза — 1619 млрд (т. е. в 40 раз больше), а у США — 405 млрд (т. е. в 10 раз больше)⁷⁷. Иными словами, будучи крупнейшим экспортером, Россия в десятки раз уступает и, вероятно, будет уступать основным переработчикам даже в долгосрочной перспективе. Тем более, что потребности развитых стран в углеводородах возможно сократятся на 30–40%.

Такое же соотношение сил и в других областях экономики, политики, военной области. Главный вопрос: до каких пределов Россия может позволить себе быть самостоятельной и проводить независимую политику? Любая независимость в эпоху глобализации имеет свои пределы. Даже у США. **Найти идеологически реальное разрешение этому противоречию — ближайшая задача**, российской элиты.

Это противоречие, как мне представляется, прежде всего мировоззренческое, идеологическое, а не экономическое: нужно понять, как Россия, учитывая эти реалии, может вписаться в систему международных отношений, сохраняя свой суверенитет, развиваясь, но одновременно «вписываясь» в реальность. Реальность, которую некоторые в современной России «просто» не хотят замечать. Идеологический вопрос становится вопросом экономическим.

Именно поэтому в настоящее время идеология и системы ценностей стали предметом самой острой политической, а иногда и вооруженной борьбы. Лэди история стала политикой. Образно на этот счет выска-

зался А. Торкунов: «Призраки прошлого становятся полноправными участниками текущей политической дискуссии, незримо присутствуют на парламентских слушаниях и даже в каждодневной дипломатической практике. По крайней мере, некоторых стран. Но если твой партнер хочет обсуждать раны, нанесенные историей, ты не можешь просто сказать ему „нет“. Иначе он с тобой не будет обсуждать то, что интересно тебе. Таким образом, невольно историческая повестка втягивает в свой круг все новых и новых участников.

Не случайно Дмитрий Медведев часть своего доклада на совещании послов в МИДе (в 2008 году. — А. П.) посвятил „исторической“ теме в политике, заметив, что „мы просто не можем принять имеющие место в отдельных странах попытки (причем в условиях государственной поддержки) вытаскивать на свет тезисы «цивилизаторской, освободительной миссии» фашистов и их пособников“⁷⁸.

И создание в мае 2009 специальной президентской Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, как показало дальнейшее развитие событий, оказалось естественным и вполне эффективным шагом. Пока, к сожалению, только первым, за которым должны последовать дальнейшие шаги.

Современная идеологическая борьба ведется агрессивно, в т. ч. государственными, а иногда и террористическими методами. В определенном смысле формы такой борьбы — «силовая демократизация» (бомбардировки, оккупация) и терроризм исламского радикализма суть одного и того же явления — эффективного роста агрессивности идеологий в эпоху глобализации. Примечательно, что все это происходит на общем фоне лозунгов гуманизации и толерантности. В этом смысле дискуссия о суверенной демократии в России, начатая в 2006 году В. Сурковым и поддержанная в 2007–2010 годах Д. Медведевым, отнюдь не терминалогический спор. Это спор о том, как органически вписаться в глобализацию, сохранив свою идентичность и суверенитет.

6. Образ России, креативный класс и либеральная идеология

...инновационная экономика основана на эффективном использовании «человеческого капитала»⁷⁹.

Т. Добрынина,
В. Севостьянов

Вечная историческая борьба совершается в политической, религиозной, философской или какой-либо иной идеологической области⁸⁰.

Ф. Энгельс

Привлекательный образ России в решающей степени зависит в XXI веке уже не от политики государства и ее дипломатии, а от результатов и иници-

атив творческого класса. Прежде всего достижений в науке, культуре, образовании, бизнесе, имеющих мировое и конкурентоспособное значение.

Ядро креативного класса составляют ученые, деятели культуры и образования, творческая часть бизнеса и госслужащих, а в целом — бюджетники, которые еще не только сохранились в России, но и формируют ее интеллектуально-духовный потенциал. По ряду оценок, это до 30 млн человек. К этому типу людей не относятся те, о которых писатель В. Топорков писал: «Я помню этих людей полвека назад: они ходили на Райкина и повторяли потом его шуточки как свои. Они писали книги и снимали фильмы, держа кукиш в кармане. Они перехватывали друг у друга заказную работу, жен и путевки: умри ты сегодня, а я завтра. И да, они стучали друг на друга, о чем сейчас и пишут романы (как, допустим, Людмила Улицкая), все они или почти все друг на друга, а уж тем более друг на врага постукивали.

Я помню этих людей четверть века назад: они провозгласили себя прорабами перестройки. Они жгли партбилеты, но не дипломы о научных степенях и ученых званиях, полученных благодаря членству в партии; они рвались на Запад — девушками по вызову за сто баксов в тамошние университеты, но соглашались и на Корею. Они приезжали в Мюнхен, продавали икру и водку и становились в очередь на выступление на „Свободе“. Они дружно отреклись от М. Горбачева (которого презрительно оттолкнули) — и столь же дружно „легли“ под Ельцина... Они благословили расстрел парламента. Они объявили (тогда), что не нужна стране демократия, что Россия для демократии не созрела, а нужен России, оказывается, с диктаторскими полномочиями президент-демократ»⁸¹.

Сами по себе эти люди занимают ничтожное положение в обществе и экономике (по оценке директора ВЦИОМ В. Федорова, они заплатили в бюджет в 2011 году 0,3% всех налогов)⁸², но претендуют на представительство всего креативного класса.

Во многом этот образ предопределяется и личными качествами элиты страны и теми нравственными императивами и нормами, которые эта элита (и особенно ее творческая или деловая часть) руководствуется у себя в стране и за рубежом. Так, известный и успешный финансист У. Баффет не только передал обществу десятки миллиардов долларов (чему последовал в России только В. Потанин), но и предложил пересмотреть налоговое законодательство в сторону его увеличения на доходы сверхбогатых (увеличив собственное налогообложение с 17% до 30%)⁸³.

В XX веке сложилось мнение, что образ страны можно искусственно создавать с помощью государственных институтов. Это было правдой. И на это направлялись огромные ресурсы. И не только СССР и США, но и других стран, инвестировавших в свой «национальный бренд» — государство.

В XXI веке ситуация стала стремительно меняться. «Пиар», т. е. телекартинка уже стали не столь эффективны, потому что «казаться» перестало быть тождественным «быть» из-за массового проникновения Интернета и социальных сетей. Соответствен-

но, значение пользователей этих сетей и Интернетом в формировании образа государства стало стремительно расти. Иногда один видеоролик, размещенный в сетях, наносил больше вреда, чем полнометражный фильм, показанный по нескольким телеканалам.

Наметилась и ясная тенденция сокращения влияния парламентских партий, с одной стороны, и усиления влияния институтов гражданского общества, с другой. Во многом это объясняется более быстрой реакцией таких институтов, чем инерцией (а порой и неадекватностью) парламентских партий. «Я увидел, насколько далеки от реальности представители парламентских партий»⁸⁴, — заметил лидер «Правого дела» А. Дунаев после встречи партийных лидеров с президентом Д. Медведевым

Другая сторона вопроса — качество тех, кто производит и потребляет эти Интернет-продукты, т. е. прежде всего качество национального человеческого потенциала. Поэтому общий вывод для России, применительно к XXI веку, таков: будущий образ России формируется прежде всего определенными (креативными) социальными группами и доминирующей в идеологии частью элиты. Это могут быть самые неожиданные сочетания, которые, как показывает российская история, оказывают огромное влияние на политику России. От И. Грозного до М. Горбачева и В. Путина мы видим, насколько сильна роль личности и ее окружения в истории России, как иногда представляемые слабыми социальными группами становятся движущей силой реформ, революций и социальных катастроф. Что и показала «арабская весна» и протесты в России в 2011 году. Похоже, что правящая элита России пока недооценивает численность среднего класса в России, его влияние и роль в социальной политике. Так, говоря о 15–20% — доле среднего класса в населении страны — можно, конечно, твердить о незначительной роли, ставить задачу его роста на будущее, но сегодня пора уже понимать, что не этими процентами определяется его роль в экономике и политической жизни страны. Например, рост числа пользователей автомобилями почти в 5 раз за последние 20 лет, говорит о том, что основные проблемы, связанные с автотранспортом, становятся прежде всего проблемами среднего класса⁸⁵.

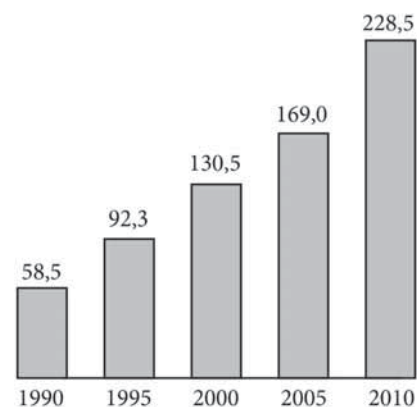

Рис. 11. Число собственных легковых автомобилей, штук на 1000 человек

Пробки на дорогах, недовольство «мигалками» и прочим барством российской элиты, — уже стали острой социально-политической проблемой, за которой стоит активная часть среднего класса.

Вот и сегодня, говоря о модернизации страны, воображая себе будущий облик России, необходимо четко представлять, **кто** будет двигателем этого процесса. Сегодня эту волю Д. Медведева и В. Путина к инновационному развитию представляют в основном управленцы-исполнители, преимущественно профессиональные чиновники, не объединенные по сути ничем, кроме своей «вертикали подчиненности». Между тем будущий образ России должен стать прежде всего идеологическим продуктом, национальной идеологией модернизации, **продвигаемой конкретной социальной группой — творческим классом.**

По сути, в 2007–2012 годах Россия стояла перед таким же идеологическим выбором, перед которым она стояла в 1917 году и в конце 1980-х годов, когда были сделаны неверные идеологические и политические выводы из очевидной потребности в модернизации страны и общества. Прежде всего, игнорирующие приоритеты развития национального человеческого потенциала и его институтов. Что привело к стагнации, потере национальной самоидентификации. И в первом, и во втором случае есть конкретные виновники — западники — либералы.

У нации не было сверхидеи, идеологии и даже сколько-нибудь привлекательной стратегической модели развития. Отсюда — утрата ценностных ориентиров, рост коррупции, потеря управляемости, «Прагматизм» политики объективно противоречил национальному характеру, ориентированному на решение сверхзадач — ГОЭЛРО, пятилетки, первыми в космосе, достижению военно-стратегического равновесия и т. д., без чего немислимо идеологическое лидерство. Как писал А. Блок,

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль⁸⁶.

Рост разочарования в 2009–2011 годы был вызван, на мой взгляд, не столько кризисом и его последствиями, а отсутствием у нации внятной стратегической перспективы и планов развития. В конечном счете — идеологии.

Это отчетливо проявилось в 2012 году. Уместно привести мысль В. Никонова относительно февраля 1917 года, которая адекватно отражает не только ту историческую ситуацию, но и вполне подходит к описанию нынешней ситуации в России: «Нигде в мире интеллектуалы («мы») так не противопоставляли себя власти («они»), как в России. Распространению подобных настроений способствовала и сама власть, не подпуская интеллигентов к административной деятельности (впрочем, они и сами к этому мало стремились), что превращало их в антисистемную

силу. Интеллигенция не думала о том, чтобы улучшить, модернизировать государственный строй, — она стремилась его свергнуть. Прогресс, демократия представлялись не как результат эволюционного развития и реформаторских усилий, а как естественное для человека состояние, стремление, реализации которых мешает только одно — самодержавный строй.

Большое значение для мировоззрения российской интеллигенции, которое в основе своей было если не западным, то космополитичным и беспочвенным, имела трансплантация на русскую почву не критически заимствованных идей французских просветителей XVIII века и немецких материалистов XIX века. Западные абстрактные теории, интересные только самим философам, в России становились руководством к действию⁸⁷.

Эти же «абстрактные теории» в 90-е годы XX века привели к крупнейшему социально-экономическому кризису в России, демографической катастрофе и развалу государства, что сегодня, кажется, признается уже большинством. И не только в России. Но это одна часть правды. Другая же заключается в том, что, отрицая чужие идеологии («абстрактные теории»), неизбежно придется опираться на свою, «доморощенную», ту, над которой заранее, изначально уже иронизируют отечественные интеллектуалы-западники. В 2012 году власть по-прежнему игнорировала, либо презрительно относилась к идеологии, ее интеллектуальному обеспечению. А неизбежно это сказывалось на практической политике, которой очевидно не хватало стратегии. «Прагматизм», ставший идеологией В. Путина и Д. Медведева, таким образом отрицал содержательно-стратегический подход. По замечанию политолога И. Фомина, «...СССР был разрушен не на полях сражений, а прежде всего на смысловом и идейном уровне...» **«Путин и теперь проигрывает в первую очередь на информационно-идеологическом поле, к работе с которым наша власть традиционно относится высокомерно-презрительно или в лучшем случае невежественно.** И крайне симптоматично, что в статье, посвященной вопросам национальной безопасности, этому на сегодняшний день важнейшему смысловому, идеологическому, интеллектуально-информационному ее **аспекту не посвящено ни слова**»⁸⁸.

Но если нет внятной идеологии и стратегии, то нет и внятного представления о будущем образе России. И не будет. А это, в свою очередь, означает, что не будет и внятного стратегического целеполагания и планирования. Не будет и внятного и точного распределения национальных ресурсов.

В который уже раз мы пытаемся заимствовать не только чужие философские концепции, но и идеологические приоритеты, опираясь на ошибочные представления о роли интеллигенции и творческого класса, их взаимоотношения с властью. Происходит смещение понятий: общий, критический настрой интеллигенции по отношению к власти, прежде всего

властной элите, характерный во все времена, в российских условиях превращается в противопоставление творческого класса государству и остальному обществу. И это стало в 2012 году реальной политической проблемой, с которой столкнулась власть. Как справедливо заметил ректор МГИМО(У) А. Торкунов, «Важно осмыслить привычные представления о роли интеллигенции в современном российском обществе. Российская интеллигенция, во всяком случае ее часть, всегда любила отстраняться от власти. Такая отстраненность считалась залогом беспристрастности, без которой не может быть подлинного знания, справедливости и мудрости, хранителем и носителем которых интеллигенция себя представляла»⁸⁹.

Либеральный подход «отстраненности», даже противопоставления интеллигенции государству, ее вечной оппозиционности — злой рок, который не раз в истории России приводил к потрясениям. Особенно явно в феврале 1917 года и в конце 80-х годов XX века.

Отдельная тема — качество креативного класса. Реформы 80-х и 90-х годов фактически привели к сокращению, даже исчезновению его массовой социальной основы — профессиональных ученых, инженеров, деятелей культуры, — а из новых профессий, «ядро» креативного класса заменили лица свободных профессий. Как правило, появившиеся в последние два десятилетия. По замечанию Л. Григорьева, «...он стал формироваться не из представителей интеллигенции — врачей, учителей, инженеров, ученых, деятелей культуры, которые просто обнищали и вынуждены были либо кормить себя занятиями вроде челночной торговли, либо уезжать в эмиграцию.

Здесь надо учитывать, что если родину от бедности покидал комбайнер, то в другую страну он мог приехать шофером. Если же эмигрировал интеллигент с определенным уровнем образования, с неплохим начальным знанием языка, да еще и обладающий способностями к социальной адаптации, умеющий учиться и переучиваться, то он в конце концов вписывался в чужую модель государства человеком, способным конкурировать на рынке достойных вакансий.

Поэтому и случился этот очень сильный отток нашей прослойки с далеко идущими негативными последствиями для России»⁹⁰.

«Отстраненность от власти части интеллигенции в советские годы стала **отстраненностью и от государства** (подч. — А. П.) — подчеркивает А. Торкунов. — С тех пор многое изменилось. 1990–2000-е годы показали, что без эффективного государства в условиях российской жизни сложно обеспечить человеку и свободу, и справедливое воздаяние за его труд, и даже безопасность. Наша политическая система — все еще в стадии становления, она остается хрупкой»⁹¹. Эти же годы показали, что государство без национального самосознания превращается в бюрократический, а, нередко, антинациональный институт. В 2011–2012 годах антинациональность части интеллигенции проявилась в ее антигосударственной

и антиобщественной форме, хотя в действительности проблема глубже — именно в антинациональной позиции интеллигенции, которая во многом перестала идентифицировать себя с системой национальных ценностей, национальными и государственными интересами России.

«Творческий класс», с которым стала себя ассоциировать антинациональная часть интеллигенции, превратился в ту самую либеральную общественную силу, которая в феврале 1917 года уничтожила Россию. Повторилось то, что произошло не только в истории России, но и в современной истории Молдавии, где «в числе традиционных ценностей, подлежащих переоценке, оказались нормы молдавского языка и молдавская графика. Идеология румынизма была выработана не в Молдавии и Валахии, а в австрийской провинции Трансильвания, где валахи жили на подчинённом положении»⁹².

«Интеллигент не может не играть особой роли в укреплении демократических основ и суверенитета России. Это не только эмоциональная, психологическая и этическая базы фундаментальности для тех, кто занимается общественными науками. Это универсальный угол зрения, методология производства знаний, способных не только объяснить противоречия русской жизни, но и найти пути их преодоления»⁹³.

Приходится признать, что не только философские и идеологические заимствования становятся модой, но и, как следствие, модели социально-экономического развития, способы решения проблем, стоящих пред обществом и государством. Между идеологическими заимствованиями и поведением элиты, процессом принятия решений наблюдается самая прямая, непосредственная связь. И, наоборот, опыт производственной и коммерческой деятельности (менеджеризм) пытаются перенести (особенно в России первого десятилетия) в государственную и общественную деятельность. Как правило, из этого ничего путного не выходит — менеджеры, приглашенные во власть, оказываются неэффективными управленцами, а часто просто жуликами. Но тенденция такая существует. Как справедливо замечает Г. Сорина, «многие современные производители каких-то обыденных товаров и услуг, а вовсе не интеллектуальных продуктов, претендуют на то, что они не просто продают эти товары и услуги, но предлагают целую философию жизни, т. е. взгляд на мир и свое место в мире. Более того, они предлагают инструменты изменения мира, в качестве которых как раз и выступают, с их точки зрения, рекламируемые ими товары и услуги. Новый мир, по их мнению, должен быть наполнен множеством предлагаемых ими предметов. При этом каждый человек индивидуально должен решать, насколько выстроенный другими мир соответствует его мироощущениям и мировоззрению, насколько этот мир достижим для него и т. д. Подобный подход к обыденности является, с одной стороны, своеобразным основанием

для нового витка прагматической интерпретации философии, с другой — для построения различных философских концепций обыденности во множестве ее прагматических и семиотических контекстов»⁹⁴.

Нынешние модели политического устройства и идеологии, существующие на Западе, в России почему-то считаются по-прежнему идеальными и универсальными, а их критика (если такая и есть) касается лишь отдельных, частных аспектов (хотя и на Западе есть немало критиков). Типичный пример такого подхода дается во введении к работе «Концепции и определения демократии. Антология» автор, известный политолог А. Фененко пишет: «В настоящее время либеральная демократия остается наиболее эффективной моделью экономического и политического развития. Однако еще в 1920-е годы немецкий философ Освальд Шпенглер предупреждал: попытки механически пересадить на германское общество англосаксонские порядки в момент, когда в Германии идет напряженная борьба различных групп, приведут к тому, что демократия разорвет тело нации»⁹⁵.

Признавая за неолиберальными демократиями «наибольшую политическую и экономическую эффективность», автор изначально уходит от ответа на вопросы о необходимости и возможности существования более эффективных и современных моделей. Он умалчивает, что либеральные модели совершенны

для узкого круга избранных развитых стран, паразитирующих, по сути, на отсталости остальных. Так, по оценке специалистов Международного института исследований экономического развития, 90% всех мировых богатств находятся в странах Северной Америке (34%), Европе (30%) и «Азиатских тигров» (24%). При этом два процента населения владеют более половиной всех мировых богатств»⁹⁶.

Профессор Гарвардского университета Роберт Бэрроу так суммировал результаты своих исследований этой проблемы: «Мысль о том, что демократия необходима для экономического роста, также неверна, как и утверждение, что бедным странам непременно нужна диктатура, чтобы вырваться из бедности. Для страны со слабыми институтами „развитие демократии менее важно, чем укрепление правопорядка“». Наши расчеты и исторический анализ подтверждают его заключение»⁹⁷.

Наконец, есть и еще более фундаментальные причины. Капитализм и его ведущая идеология — либерализм — отнюдь не вечны. Его идеология, экономическая система, которые развивались на протяжении столетий, к началу XXI века достигли той точки, где развитие уже может быть прекращено. Или замедлено, как минимум. Что в условиях ускорения мировых темпов развития равнозначно отставанию. И кризис 2008–2011 годов это наглядно показал.

7. Образ России и социально-консервативная альтернатива

Еще сравнительно издавна универсальным мерилом силы государства была их военная мощь»⁹⁸.

Д. Медведев

Не ощущая должного внимания к себе со стороны Москвы, население отдаленных районов начинает формировать собственную идентичность.

Кто-то склоняется к тому, чтобы назвать сибиряков новой национальностью, а кто-то пишет на транспарантах совсем уж негодное: «Хватит кормить Москву»⁹⁹.

*Н. Шмелев, В. Федоров,
академики РАН*

Разделение элиты в 2012 году проявилось в «разделе» «Единой России» на три идеологические платформы — либеральную, социально-консервативную и патриотическую.

На это указывает ряд признаков, которые, без условно, говорят о необходимости смены идеологических приоритетов в мире и — что для нас важно особенно — в России:

Во-первых, произошли радикальные изменения в экономике, которая за короткое время прошла постиндустриальную и информационно-технологическую стадии развития и вплотную подошла к **эпохе экономики знаний**. Можно даже говорить о периоде, определяющей чертой которого является культурная и духовная сфера, наука о человеке и развитии его

психологических, психических и нравственных качеств. Здесь все большее значение приобретает уже не капитал, а знания и навыки, интеллектуальная собственность, а, главное — **творческий потенциал личности**. Именно эти качества сегодня не только наиболее востребованы на рынке, но и дают наибольший относительный и абсолютный прирост ВВП.

И наоборот. Ресурсная экономика себя практически исчерпала. Приведем одну из возможных иллюстраций этого вывода. По оценке многих экспертов, важнейшим ресурсом через 15–20 лет станет питьевая вода. Не только ее запасы, но и эффективность использования уже определяют эффективность экономической и социальной системы. По подсчетам российских специалистов, в 2000 году удельная водоем-

кость экономики в м³/год на 1 доллар ВВП составляла: в России — 0,3 м³/год, в Швеции — 0,012 м³/год, в Великобритании — 0,007 м³/год, в Белоруссии — 0,22 м³/год. Относительно уровня 1990 года удельная водоемкость экономики России выросла в два раза, Швеции — осталась на том же уровне, а Великобритании — в два раза уменьшилась¹⁰⁰. Если сегодня, в 2007 году, такая ситуация для богатых водными ресурсами стран еще терпима, то через 20–25 лет она неизбежно приведет к острейшему кризису. Причем, кризис будет тем острее, чем ниже эффективность использования пресной воды;

Во-вторых, такая же радикальная трансформация происходит и с человеком, когда потенциал его личности, прежде всего интеллектуальный, а теперь уже и духовный, нравственный, становится определяющим фактором. Обладание финансовым капиталом продолжает играть определенное, но уже не решающее значение. «Просто» финансовый капитал без творческого рантье, который постепенно вытесняется из лидеров, определяющих экономические и финансовые позиции.

Это означает, с политической точки зрения, что реальное богатство — человеческий потенциал — будет определять в решающей степени соотношение сил в мире, степень безопасности, уровень суверенитета и государственного могущества. Как, впрочем, и военного тоже.

Это же означает, что прежние эквиваленты мощи — золотовалютные резервы, запасы природных ископаемых, численность населения, эффективность вооруженных сил и т. д. — стремительно теряют свое значение.

В-третьих, стремительные изменения происходят как в социальной структуре общества, так и его роли в политической и экономической жизни страны, когда институты гражданского общества объективно начинают вытеснять и замещать институты государства и бизнеса.

Это сказывается прежде всего на эффективности госуправления. Неизбежное вытеснение творческим классом из управления бюрократии — общая тенденция. Противостоят ей бюрократической инерцией, «менеджеризмом», всякого рода «ручным управлением» и другими **неидеологическими методами** не только бесперспективно, но и, в конечном счете, трагично. Пример тому — крайне низкий коэффициент эффективности (особенно в условиях кризиса) действий власти. Как признает В. Дымарский, «если верить помощнику президента, а заодно и начальнику контрольного управления главы государства Константину Чуйченко, за прошлый год его непосредственный начальник дал 1753 поручения (аж на 30% больше, чем в 2008 году). По словам Чуйченко, из них снято с контроля (то есть выполнено) 1084, а рост выполнения по сравнению с 2008 г. составил 15%.

1084 выполненных поручения из 1753 составляют всего-то около 62%. То есть дружный коллектив отечественных чиновников, спящих общими (не путать

с общественными) интересами, сводит на нет более 38% рабочего времени Медведева. А в 2008 г. все выглядело еще хуже: выполнено только 47% (62 – 15 = 47) поручений президента, тогда как 53% его усилий, согласно несложному подсчету, потонули в бюрократическом болоте»¹⁰¹. На самом деле — гораздо меньше.

Крайне низкая эффективность госуправления современной России — системная болезнь. Болезнь непонимания того, что объективно у власти должны находиться не бюрократы, менеджеры или финансисты, а креативные группы граждан. Так, принятое в марте 2010 года Д. Медведевым решение о том, что «Силиконовую долину» в Сколково «будет строить» В. Вексельберг, а спортивными федерациями руководить другие финансисты, — иллюстрация того, что вместо бюрократов, проваливших проекты, приходят не профессионалы, а представители финансовой элиты. Можно заранее предположить, что результаты будут аналогичными. Не помогут и практикуемые методы «сигналов», подаваемых обществу и элите Д. Медведевым и В. Путиным, и регулярные «накачки», семинары и совещания, проводимые с губернаторами активом «Единой России» и т. д. «Качество управления низкое и снижается»¹⁰².

В этих условиях финансовый капитал начинает стремительно терять свое значение. Без его «социализации» он практически не применим. Он становится просто криминальным капиталом. Этому способствуют как налоговая политика ведущих государств (в особенности скандинавских стран), так и социально-политическая система, общественное устройство.

Но еще хуже обстоит дело с бюрократией, которая во власти становится **антисоциальной силой**. Необходимо признать, что **до определенной степени** люди, находящиеся на «государственной службе» — дружинники, дворяне, госслужащие вообще — выполняли позитивную функцию. Иногда даже, как показывает история, в решающей степени влияли на сохранение государства и его функций. Причем не только в прошлые столетия, но и в современной истории. Так, ослабление государственных институтов и роли «государевых людей» в 80-е годы прошлого столетия привело к анархии и развалу государства и, наоборот, при В. Путине (до определенного момента) усиление их роли было крайне необходимо.

Но только до определенной степени. Всевластие дворянства в XVIII веке привело Россию к бесконечной череде переворотов, когда гвардия ставила нужного императора и снимала неугодного. Царская бюрократия на рубеже XX века реально правила Россией и не смогла предотвратить революции, а брежневская — обеспечить оптимальные темпы развития. Нынешнее всевластие бюрократии ведет не только к низкому качеству управления, но и к коррупции, антисоциальной политике. Так, в условиях кризиса, например, по официальным данным Росстата, в 2009 году среднемесячная заработная плата выросла на 4,4%, увеличив свой отрыв от простых граждан

на 83%. Наиболее высокой в 2009 году оказалась среднемесячная зарплата в органах законодательной власти в регионах — 46,2 тыс. руб., рост в течение прошлого года составил 5,3%. На втором месте оказались заработки в исполнительной власти — 34,8 тыс. руб. (рост на 4,8%)¹⁰³. И это когда в среднем по стране (т. е. фактически зарплата среднего класса) зарплата россиян составила в 2009 году 18,8 тыс. рублей.

Антисоциальность элиты говорит о том, что в системе **ее идеологических приоритетов** в реальности нет приоритета социальной справедливости и приоритета развития креативного класса, но сохраняются приоритеты неолиберализма. Таким образом, под фундамент неолиберализма заведены мощные бомбы, некоторые из которых уже практически разорвались. Думается, что самое ближайшее будущее покажет, как все эти факторы разрушения капитализма-либерализма будут детонировать еще сильнее. Надо понимать, что правящая бюрократия добровольно власть не отдаст. Для нее власть — это система официального и неофициального обогащения. Официального (зарплаты, льготы, дополнительные возможности, о которых говорилось выше, — это статусное фиксирование своей роли в политической системе, а неофициального — это те реальные денежные ресурсы, которые они получают при условии сохранения власти. Так, почти 90% дел по экономическим преступлениям заводятся напрасно¹⁰⁴, т. е. для того, чтобы, по словам Д. Медведева, «кошмарить» бизнес.

У этой проблемы есть очевидная экономическая составляющая: деньги, изъятые из экономики, уходят в оффшоры. Они обескровливают всю экономическую систему, легализуются и не вкладываются в экономику. «Теневая» составляющая, как признается, достигает 40% ВВП. Я думаю, что много больше.

Для борьбы с этим необходима прежде всего **смена идеологических приоритетов**: ни объявленная Д. Медведевым война коррупции не «накажет» министров и губернаторов, ни «ручное управление», ни что-либо ещё не дадут эффекта до тех пор, пока не будут сменены **идеологические приоритеты страны**, ее элиты, зафиксированные в реальных программах развития, реальной (в т. ч. финансовой) политике, реальных, а не паркетно-пиаровских действиях администрации, да и всей власти.

Эта «детонация» неизбежно окончательно изменит не только экономические и социальные модели, но и алгоритмы развития государств и, конечно же, всю идеологическую картину мира — господствующими, неизбежно, станут социально ориентированные идеологии и модели развития. Может быть, со временем, **только** социально-ориентированные. Очевидно, чем скорее то или иное общество и государство откажутся от бесперспективных идеологических моделей и перейдут к новым социально-экономическим моделям развития, тем выше будут их темпы роста, лучше качество экономики и общества, крепче безопасность.

И наоборот: замедленность, инерционность, а тем более стремление сохранить абстрактные идеологические схемы, приведут не только к сокращению темпов роста, но и **неизбежным социально-политическим катаклизмам**. Более того, неизбежны и революционные политические потрясения. Как справедливо признает профессор Г. Константинов, «я думаю, что экономические потрясения неизбежны. Раз роль капитала изменится, и он перейдет на вторые позиции, значит, во время перехода, в промежутке, будет очень неприятный процесс. На самом деле, наверное, механизмом, который будет подталкивать к новой экономике, и должны быть финансовые кризисы. Люди будут терять огромные деньги, кто-то их будет приобретать и снова терять. Одно из очевидных предсказаний, на мой взгляд, состоит в том, что финансовой стабильности в мире в ближайшее время принципиально не будет. И через это придется пройти»¹⁰⁵.

Действительно, идеологическая и социально-политическая «картины мира» в среднесрочной перспективе могут радикально измениться вслед за изменением модели экономического развития. Как видно, например, из схемы западных политологов, главными факторами, определяющими состояние экономики и общества **станут культура и духовность**, т. е. следующий за информационным этапом станет культурно-духовный этап развития наиболее передовых государств.

Этот вывод имеет принципиальное значение. В том числе и для России. Весной 2007 года, когда стало ясно, что правительство переходит от кризисного управления к среднесрочному планированию, особое значение приобрела фраза «оброненная» премьером на одном из заседаний правительства о том, что «президент потребовал подумать о стратегии». Выбор стратегии — это будет **неизбежный выбор между неолиберализмом и развитием**, между стабильностью, высокими темпами роста и развития и неизбежными социально-политическими катаклизмами и экономической стагнацией. Но, опять повторю, это **прежде всего идеологический выбор**.

Как видно из рисунка западных политологов (рис. 12), модель экономики знаний предполагает (в отличие от индустриальной модели), что образ государств-лидеров, экономика и общество станут **производными** от качества человеческой личности, а в более узком смысле — **от общекультурного потенциала**. Это, в свою очередь, означает, что экономически, финансово, материально и политически новое общество и новое государство станут **следствием развития человеческого потенциала**. Иными словами, мы видим, что идеология и стратегия развития будущих лидеров глобализации не имеют ничего общего ни с классическим неолиберализмом XX века, ни с коммунизмом, ни с национализмом. Новый образ государства должен быть сформулирован новой идеологией, которая, в свою очередь, должна

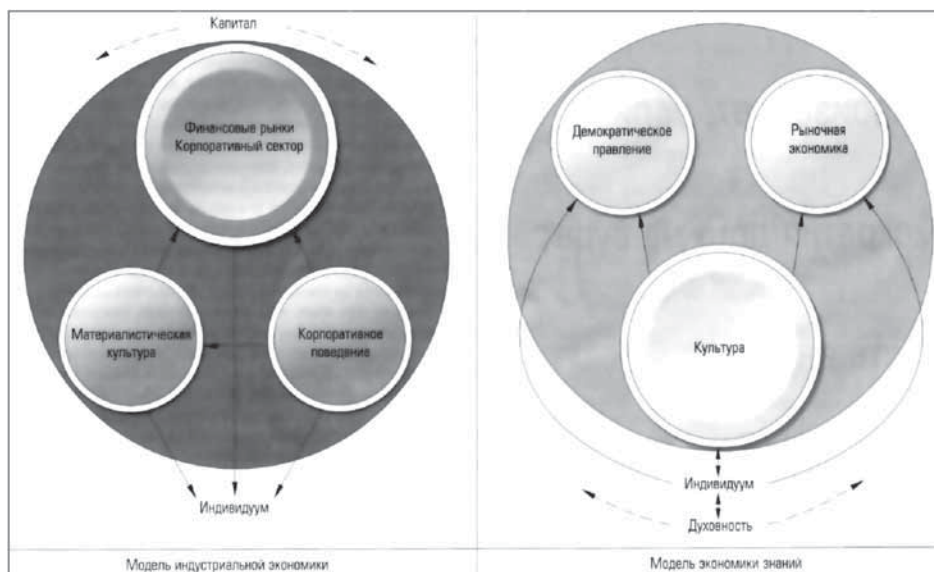

Рис. 12.

обеспечить базовыми принципами и приоритетами новую стратегию.

Носителями такой идеологии, как неизбежно следует из этой логики, является творческий класс. Он же формирует и новый образ России, в т. ч. за рубежом. И в основе этой идеологии лежит синтез национальных интересов, состоящих из сохранения традиционных ценностей и развития на их основе потенциала человеческой личности. Это может быть выражено в следующей формуле: см. рис. 13.

Понятно, что подобный синтез и идеологию, как и лидерство в мире, может обеспечить только тот класс, который заинтересован в создании условий для развития потенциала личности и сохранения национальных ценностей, и в превращении их в лидирующую идеологию, а нации — в мирового лидера. Как ни странно, но значительная часть элиты и общества (в меньшей степени) в этом просто не заинтересованы и, соответственно, даже не ставят такой цели. Российская элита по сути расколота именно по этому принципу: если какая-то часть согласна с В. Путиным и Д. Медведевым в том, что Россия должна войти в пятерку мировых лидеров, то еще, может быть, большая в этом нуждается. Одних вполне устраивает ситуация энергетического придатка, другим, скорее всего, хочется быстрее заработать и потратить деньги в уже существующих странах-лидерах. Кто-то и сегодня верит, что мировым лидерам,

в т. ч. и в идеологии, может быть только коммунистическая страна. Другими словами, блок, очерченный на рисунке штрихами, — идеология — не стал еще доминирующей установкой элиты. К сожалению, это означает, что мечты о мировом лидерстве могут оставаться в лучшем случае планами технологического развития.

Проблема также заключается в том, что творческий класс сам по себе не способен к самоорганизации на длительную перспективу — слишком разноплановую деятельность он осуществляет. Вряд ли это способны сделать и институты Гражданского общества, которые в состоянии организовать лишь некоторые сегменты креативного класса. Отсюда следует неизбежный вывод: государство, та часть передовой элиты, которая понимает необходимость решения этой задачи, **должно взять на себя инициативу** по организации и продвижению интересов творческого сословия.

В этой связи с неизбежностью встает вопрос и о **создании соответствующих институтов, т. е. идеологических органов управления государством**. Кто-то ведь должен не только формулировать идеологические приоритеты, **но и реализовывать их на практике**. Сегодня такого органа ни в администрации, ни в правительстве нет. Речь не идет, конечно, о воссоздании идеологического отдела ЦК КПСС, который строго следил за идеологической монопо-

Рис. 13.

лий в качестве, речь не идет и об органе, который бы координировал пропагандистскую активность администрации и правительства — такие структуры есть. Речь идет об органе, который был бы ответственным именно за формирование идеологических приоритетов властной элиты и их реализацию (отнюдь не выступая цензором и регулятором работы СМИ и других институтов Гражданского общества) в интересах творческого класса, которые в XXI веке отождествляются с национальными интересами.

Не случайно, даже симптоматично, в этой связи было появление в мае 2009 года президентской

Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Опыт ее работы, даже с учетом её общественного характера, показал, что как дискуссия между ее членами, так и конкретные результаты (фильмы, телепередачи, десятки книг и сотни статей) оказались не просто нужными обществу, но и смогли в ряде случаев даже переломить политико-идеологические наскоки. Появление этой Комиссии можно рассматривать как **проявление общественной потребности** в создании не только передовой идеологии, но и органов по управлению ею.

¹ Этот материал подготовлен в соавторстве с аспирантом МГИМО(У) Исмаиловым А. А.

² Лазарев М. И., Абашидзе А. Х. Казусы (международно-правовые из практики стран Америки XX века). М.: Современная экономика и право, 2001. С. 135.

³ Гершензон В. За землей нужен глаз да глаз // Независимая газета. НГ-наука. 2012. 11 апреля. С. 13.

⁴ Гневащев В. Сущность и будущность «экономики знаний» // Международные процессы. 2011. Сентябрь–декабрь. Т. 9. № 3 (27). С. 70.

⁵ См., например: Шаблинский И. Новая повестка дня и неизменный status quo // Независимая газета. 2012. 13 февраля. С. 3.

⁶ Торкунов А. В. По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. 13.

⁷ Плигин В. Мы не пойдем регистрироваться в отдельную партию // Известия. 2012. 11 апреля. С. 2.

⁸ National Security Strategy. Wash. May. 2010.

⁹ Подберезкин А. И. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 7–8.

¹⁰ Путин В. В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февраля. С. 3.

¹¹ Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 33.

¹² Чеснаков А. Время быстрой реакции // Известия. 2012. 11 апреля. С. 10.

¹³ Хорина Г. П. Идеология как элемент системы культуры. URL: http://tourism.mosgu.ru/o_fakultete/kafedra/cultural/Nayka/Horina.htm

¹⁴ Там же.

¹⁵ Тимофеев И. Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации и истории // Вестник МГИМО(У). 2010. № 3 (12). С. 51.

¹⁶ Обращение к читателям книги. Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М.: Р. Валент, 2010. С. 7.

¹⁷ Торкунов А. В. Школа российской идентичности // Независимая газета. 2009. 14 октября.

¹⁸ Юргенс И. Новые полюса силы и статус-кво идентичности // Независимая газета. 2012. 14 апреля.

¹⁹ Шеваров Д. Эпоха по имени Шмидт // Российская газета. 2012. 11 апреля. С. 11.

²⁰ Патриарх Кирилл. Жить и верить не по лжи // Российская газета. 2012. 1 марта. С. 2.

²¹ Якунин В. И., Сулакшин С. С., Фонарева Н. Е., Тотьев К. Ю. и др. Государственная конкурентная политика и стимулирование конкуренции в Российской Федерации. Монография в 2-х томах. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2008. С. 12.

²² Фомин И. Огонь по штабам // Известия. 2011. 14 февраля. С. 9.

²³ Герасимова Е. А. Зарождение идей древнерусской государственности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГПУ, 2010. 22 июня. С. 22–23.

²⁴ Медведев Д. А. Бюджетное послание президента России на 2011–2014 гг. 2010. Июнь.

²⁵ Осипов Г. Издержки плохого государства / Эл. СМИ. Укррудпром. 18 ноября 2011 г. URL: <http://www.ukrrudprom.ua/digest/>

²⁶ Путин В. В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февраля. С. 2.

²⁷ Воронин Е. Р. Международно-правовое измерение европейской безопасности: XXI век. Институт международных исследований МГИМО(У) МИД России. 2010. Июль. С. 3.

²⁸ Культура России. Образ России в меняющемся мире. М. 2011. С. 197.

²⁹ Горбачева А. Приказано плодиться и размножаться // Независимая газета. 2012. 15 февраля. С. 3.

³⁰ Цит. по: Неретин О. П. Культура как фактор идентификации России в мировом сообществе. В кн.: Образ России в меняющемся мире. М. 2011. С. 19.

³¹ Шеваров Д. Эпоха по имени Шмидт // Российская газета. 2012. 11 апреля. С. 11.

³² Теологи нам важнее математиков? // Независимая газета. 2012. 14 февраля. С. 2.

- ³³ Скосырев В. Будущий лидер Китая пройдет экзамен в США // Независимая газета. 2012. 13 февраля. С. 6.
- ³⁴ См., подробнее: Симония Н. Многополярность в эпоху глобализма. Аналитические записки. (Приложения к журналу «Международная жизнь»). 2010. Апрель–июнь. С. 5–7.
- ³⁵ Полюхович А. Блины с процентами // Известия. 2012. 20 февраля. С. 1.
- ³⁶ Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 3.
- ³⁷ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 2010. 19 января.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Добрынина Т. В., Севостьянов В. Л. Идеологические регуляторы формирования национальной инновационной системы // Мир и политика. 2010. № 4 (43). С. 64.
- ⁴⁰ Вайнштейн Г. И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис. 2009. № 4 (112). С. 123–125.
- ⁴¹ Торкунов А. В. Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря.
- ⁴² БРИК как новая концепция многовекторной дипломатии // Вестник МГИМО(У). 2010. № 1(10). С. 38–41.
- ⁴³ Торкунов А. В. Письмена истории в реалиях современности // Российская газета. 2009. 16 февраля.
- ⁴⁴ Торкунов А. К читателю. Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М.: Р. Валент, 2010. С. 11.
- ⁴⁵ Сурков В. Сурков выступил на слушаниях по Сколково / Актуальные комментарии. 2010. 1 июля. URL: <http://actualcomment.ru/news/13346/>
- ⁴⁶ Прокопенко И. Выиграет тот, кто угадает тренд будущего // Известия. 2012. 16 февраля. С. 10.
- ⁴⁷ Теологи нам важнее математиков? // Независимая газета. 2012. 14 февраля. С. 2.
- ⁴⁸ Денисов А. Несистемные планы Дмитрия Медведева // Независимая газета. 2012. 16 февраля. С. 3.
- ⁴⁹ Любимов Л. Ставка на Правду // Известия. 2012. 13 января. С. 10.
- ⁵⁰ Magen A. On Political Order and the «Arab Spring» // The Israel Journal of Foreign Affairs. Vol. 6, 2012 / 5772, № 1. P. 10.
- ⁵¹ Крутая нравственность // Независимая газета. 2012. 21 февраля. С. 2.
- ⁵² См., подробнее: Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX — начало XX вв.). М.: РИСИ, 2011. С. 270.
- ⁵³ Тарелин А. А. Политико-академическое сообщество США: проблемы генезиса // Вестник МГИМО(У). 2012. № 1 (22). С. 91.
- ⁵⁴ Никонов В. А. Крушение России. М. 2011. С. 321.
- ⁵⁵ Примечание: В этом рисунке цифра «100» означает максимальную степень политической и экономической свободы, при которой роль государства — минимальна. И, напротив, «0» — означает абсолютную роль государства в определении политического и экономического курса.
- ⁵⁶ Бинецкий А. Э., Мусиенко С. Г. Юридические аспекты братского союза // Мир и политика. 2010. Апрель. № 4 (43). С. 48.
- ⁵⁷ Добрынина Т. В., Севостьянов В. Л. Идеологические регуляторы формирования национальной инновационной системы // Мир и политика. 2010. Апрель. № 4 (43). С. 51.
- ⁵⁸ На рисунке «0» — минимальное значение изменений, а «100» — максимальное.
- ⁵⁹ Подолько Е. Гармония превыше Мамоны // Политический журнал. 2007. 23 июля. С. 63.
- ⁶⁰ Цит. по: Чичерин Г. В. Исторический очерк дипломатической деятельности А. М. Горчакова. М., 2009. С. 276.
- ⁶¹ Симония Н. Многополярность в эпоху глобализма. Аналитические записки. 2010. Апрель–июнь. С. 7.
- ⁶² Шеваров Д. Эпоха по имени Шмидт // Российская газета. 2012. 11 апреля. С. 11.
- ⁶³ Российский правозащитник: Россию надо давить, а с нею цацкаются / Regnum. 13.01.2012. URL: <http://www.regnum.ru/news/>
- ⁶⁴ Денисов А. Несистемные планы Дмитрия Медведева // Независимая газета. 2012. 16 февраля. С. 3.
- ⁶⁵ Голубкова М. Над пространством // Российская газета. 2012. 24 февраля. С. 4.
- ⁶⁶ Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX — начало XXI вв.): сб. докладов международной научной конференции / под ред. В. Б. Каширина; Российский институт стратегических исследований. М.: РИСИ, 2011. С. 22.
- ⁶⁷ Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.
- ⁶⁸ Чернявский С. И. О работе с политическими элитами Центрально-Азиатских государств. ИМИ: МГИМО(У), 2012. Февраль. С. 4.
- ⁶⁹ Соловьев В. Не от МИДа сего // Коммерсант. 2010. 13 июля / Kommersant.ru/doc.14kb57
- ⁷⁰ Делягин М. Социальный манифест Путина необратим // Независимая газета. 2012. 16 февраля. С. 3.
- ⁷¹ Демури М. В. В чем суть установок президента Медведева МИДа России? 2010. 16 июля. URL: <http://www.regnum.ru/news/1305178>
- ⁷² Фененко А. Кризис евроатлантизма // Независимая газета. 2012. 20 февраля. С. 9.
- ⁷³ Майоров М. В. Испытания августом 2008 // Мир и политика. 2010. № 4 (43). С. 9.
- ⁷⁴ Полюхович А. Бизнес за решеткой // Известия. 2012. 17 февраля. С. 1.
- ⁷⁵ Торкунов А. Письмена истории в реалиях современности // Российская газета. 2009. 16 февраля.
- ⁷⁶ Дымарский В. Сергей Ястржембский: Господа, Россия вернулась! // Российская газета. 2007. 22 февраля. С. 7.
- ⁷⁷ Российская газета. 2007. 22 февраля. Экономика. С. А5.

- ⁷⁸ Торкунов А. В. О парадоксах и опасностях «исторической политики» // Независимая газета. 2008. 18 июля.
- ⁷⁹ Добрынина Т. В., Севостьянов В. Л. Идеологические регуляторы формирования национальной инновационной системы // Мир и политика. 2010. Апрель. № 4 (43). С. 50.
- ⁸⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 259.
- ⁸¹ Топоров В. Против кого дружим, и дружащие против // Известия. 2012. 1 марта. С. 9.
- ⁸² Самарина А., Твердов П. Путин-3 — креативный деструктор // Независимая газета. 2012. 1 марта. С. 3.
- ⁸³ Губернатор Нью-Джерси: «Уоррен Баффет должен выписать чек и забыть» / Эл. СМИ. «Наследие» 23 февраля 2012 г. URL: <http://www.nasledie.ru>
- ⁸⁴ Шкель Т. и др. Полит-совет // Российская газета. 2012. 16 февраля. С. 2.
- ⁸⁵ Грицюк М. За рулем без пива // Российская газета. 2012. 22 февраля. С. 1.
- ⁸⁶ Блок А. Из цикла «На поле Куликовом» / Честь имею, Россия! / сост. А. Бобров. Из-во: «Фавор», 2010. С. 15.
- ⁸⁷ Никонов В. Мартовские тезисы // Стратегия России. 2007. № 3(39). С. 13.
- ⁸⁸ Фомин И. Тактика без стратегии // Известия. 2012. 21 февраля. С. 9.
- ⁸⁹ Торкунов А. В. Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря.
- ⁹⁰ Григорьев Л. Средний класс — от учителя до менеджера // Независимая газета. НГ-сценарии. 2012. 27 марта. С. 9.
- ⁹¹ Торкунов А. В. Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря.
- ⁹² Букарский В. В. В кн.: Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX — начало XX вв.). М.: РИСИ, 2011. С. 264.
- ⁹³ Торкунов А. Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря.
- ⁹⁴ Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность / 2-е изд. М.: Канон+, 2009. С. 15.
- ⁹⁵ Фененко А. В. Концепции определения демократии. Антология. М.: КомКнига. 2006. С. 42.
- ⁹⁶ Полтерович В., Попов В. Демократия без материализма // Коммерсант. 15 декабря 2006. С. 8.
- ⁹⁷ Доброхотов Р. Мировая олигархия // Новые известия. 2006. 7 декабря. С. 3.
- ⁹⁸ Медведев Д. А. Выступление на научной конференции Российского совета по международным делам (РСМД). 23 марта 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/14834>
- ⁹⁹ Шмелев Н., Федоров В. России нужна новая столица // Независимая газета. 2012. 4 апреля. С. 5.
- ¹⁰⁰ Данилов-Данильян В. Ключевой фактор развития экономики // Стратегия России. 2007. № 3(39). С. 69.
- ¹⁰¹ Дымарский В. Неисполнительная исполнительная власть // Российская газета. 2010. 25 марта. С. 3.
- ¹⁰² Цветкова М. Кремлевская наука // Ведомости. 2010. 25 марта. С. 2.
- ¹⁰³ Башкатова А. Нужно ли в России снижать оклады чиновников // Независимая газета. 2010. 24 марта. С. 4.
- ¹⁰⁴ «Белые воротнички» в тени погон // Российская газета. 2010. 25 марта. С. 8.
- ¹⁰⁵ Краснова В. Когда демократия соберется с духом // Эксперт. 2007. № 3. С. 32.

ГЛАВА 4

АЛГОРИТМ¹ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО² РАЗВИТИЯ КАК ПРОИЗВОДНОЕ ОТ ИДЕОЛОГИИ

Возрождаются исконно российские идеалы, духовность,
достойное отношение к исторической памяти!³
Стратегия национальной безопасности России

Стратегическая задача Китая — построение социалистического
гармоничного общества...⁴.
Ху Цзуньтао

Президентские выборы 2012 года показали, что большинство граждан поддержали социально-консервативную повестку дня, проголосовав за В. Путина, который «олицетворял для них, — по словам А. Рара, — стабильность»⁵. Предполагается, что В. Путин должен будет соответствовать этому запросу на стабильность, а, значит, и сохранить существовавший алгоритм стратегии национального развития. Как считают политологи, «...идеологическая программа победившего кандидата едва ли претерпит какие-то существенные трансформации»⁶.

Вместе с тем этот алгоритм и идеология очевидно не соответствуют новым политическим реалиям, прежде всего требованиям креативного класса, и давно уже не соответствуют национальным потребностям развития. Консервативная политика стабилизации себя изжила еще в 2006–2007 годах.

Принципиально важно понять важность взаимосвязи идеологии и национальной стратегии развития, приоритетность первой над второй. Идеология, как устойчивая система взглядов правящей элиты и общества, предопределяет содержание национальной стратегии: именно идеология формирует отношение

к базовым ценностям и национальным интересам, формулирует национальные цели, распределяет ресурсы. Другими словами, все основные и принципиальные положения национальной стратегии.

Соответственно господствующая идеология — будь то при П. Столыпине, И. Сталине или В. Путине — **выбирает** национальную стратегию развития. Так, идеология «перестройки» конца 1980-х годов изначально исключала стратегию национального развития как таковую, акцентируя усилия на сумме тактических действий по разрушению прежней политико-идеологической, государственной и экономической системы. Развитию, тем более стратегии национального развития, эта идеология вообще не оставляла места. Вот почему, например, намеченный Ю. Андроповым на июнь 1985 года стратегический по значению пленум ЦК КПСС по научно-техническому развитию СССР был заменен М. Горбачевым на совещание, которое не имело политических и экономических последствий. Стратегия развития уступила место тактике разрушения системы.

Алгоритм стратегии развития⁷ (т. е. последовательность шагов по реализации идеологии как

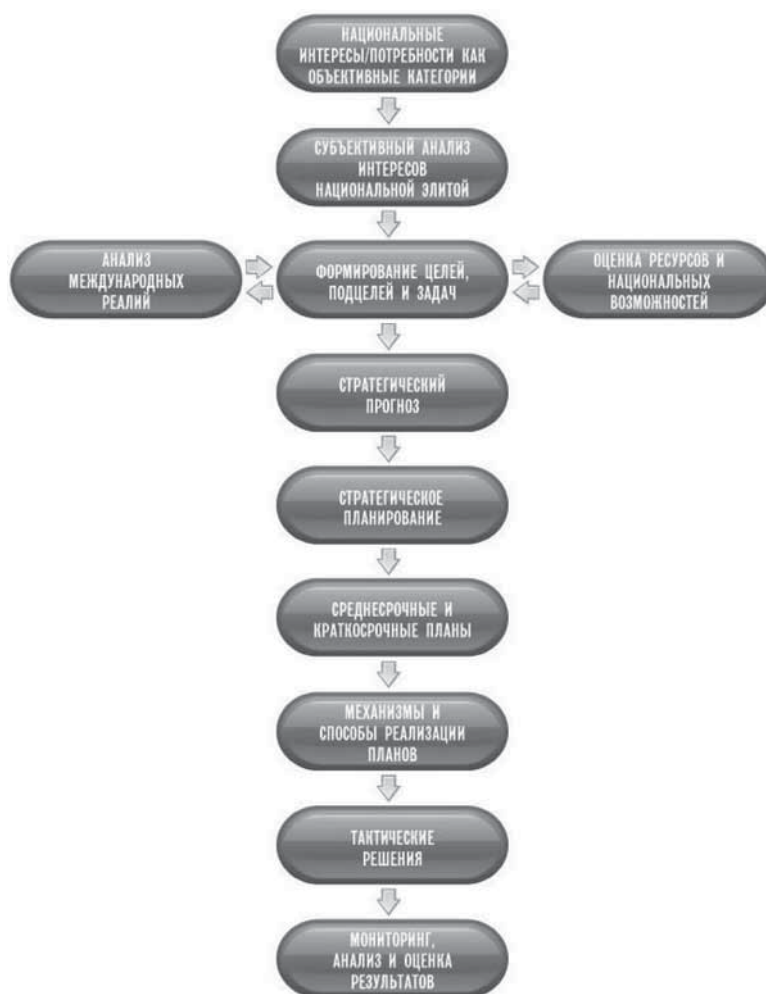

Рис. 1.

системы приоритетов и средств их реализации, направленных для достижения конкретной цели) формулируется, как правило, в целом наборе законодательных и нормативных документов, утвержденных высшими органами власти России. Прежде всего в Стратегии национальной безопасности (до 2009 года — Концепции), которая, на мой взгляд, в формализованном виде должна содержать собственно идеологию развития страны. Эти документы отражают уровень понимания правящей элиты существа стоящих проблем и способов их решения. Или в «Стратегии-2020», которая, однако, превратилась, по словам ее основного разработчика В. Мау, в «набор рекомендаций» правительству.

Но не только. Очень важна роль экспертного сообщества и общественности, которые совместно с элитой должны выработать общее понимание национальной стратегии и ее важнейших элементов. Чего сегодня, к сожалению, нет. Так, мы до сих пор «боремся» за модернизацию и инновации, не определив, что же это такое и что мы хотим. Как заметил В. Ващенко, ссылаясь на предисловие к русскому изданию «Руководства Осло» за подписью министра образования и науки Российской Федерации, что «в основе Руководства лежит **очевидная логика: прежде чем при-**

ступать к измерению явления, необходимо постичь его суть. О том, что это является непростой задачей, свидетельствует и российская практика». И далее «... сегодня, как никогда, важно найти взаимопонимание хотя бы на терминологическом уровне».

Действительно, важно. Уже более 10 лет мы безуспешно декларируем необходимость инновационного развития экономики, так и не постигнув суть понятия «инновация». Зато ширится круг откровенных заявлений, подтверждающих, что мы также далеки от ее понимания, как и 10 лет назад.

Еще одним важным моментом является то, что в тексте Руководства указывается: «**Для разработки надлежащей политики поддержки инноваций необходимо глубокое понимание нескольких критических аспектов инновационного процесса, таких, как отличие инновационной деятельности от исследований и разработок (ИР)**» (Глава 1, п. 2)⁸.

В отсутствии идеологии, как видим, не существует и алгоритма стратегии национального развития. Как и при М. Горбачеве, такую стратегию (а вместе с ней и стратегический прогноз, и стратегическое планирование) заменяет набор тактических шагов. Нередко непоследовательных, а часто и противоречивых.

1. Идеология и стратегия национального развития

Только в обществе, где условности и традиции сделали поведение человека в значительной мере предсказуемым, насилие может быть сведено к минимуму⁹.

Ф. Хайек

Стратегия национального развития — часть, причем не самая главная, господствующей политической идеологии, что хорошо видно на известном рисунке. Стратегия имеет дело прежде всего с целями и ресурсами. Она не затрагивает непосредственно ни национальных интересов и ценностей (производными от которых являются национальные цели), ни международных реалий и влияния. Так, по справедливому утверждению патриарха Кирилла, «нравственное, духовное изменение самого себя является главным залогом и основанием для преобразования жизни общества, народа, страны»¹⁰. Это нравственная, базовая ценность, которая лежит вне национальной стратегии, но без которой формулировать национальные цели и расходовать ресурсы бессмысленно.

Идеология — движение, определяемое в короткое время элитой, по точному азимуту к конкретной цели. Когда она существует, то стратегия (маршрут) такого движения уже принципиально не имеет значения: можно на время отклониться от курса, сделать паузу (привал), даже вернуться назад, двигаться на отдельных участках (где позволяют условия) медленнее или быстрее и т. д. В конечном счете вы достигнете цели — той, которую вы обозначили.

Если у вас нет идеологии (азимута движения), то вы можете двигаться быстро, но... в неверном направлении, либо бесконечно менять направление движения, либо конечные цели и т. д. Что, собственно говоря, и происходит в современной России. Так, модернизация, заявленная высшим приоритетом, в 2007–2011 годы рассматривалась преимущественно как заимствование технологий из-за рубежа, тогда как модернизация — это прежде всего создание институтов развития человеческого потенциала и создания качественно нового продукта (услуги)¹¹, а в

целом — общества, способного массово генерировать и внедрять идеи и технологии собственными силами. Как заявил безусловный авторитет в этой области Л. Грэхем, «...лидеры России, от Петра Великого до современности, повторяют ту же самую ошибку. Они думают, что самое важное — заполучить технологии. Но это не самое важное. Самое важное — создать общество, в котором технологии могут развиваться. И проблема не в русской науке и технике — они очень хорошие, — проблемы в обществе, которое не может воспринять эти инновации и сделать на их основе что-то выгодное для себя самого»¹².

В действительности все последние 25 лет — от М. Горбачева до Д. Медведева и В. Путина — правящая российская элита **боялась и боится** сформулировать идеологию. Отсюда и отсутствие внятной стратегии, ошибки в целеполагании, методах и средствах достижения поставленных целей. «Прагматизм», «ручное управление», «деидеологизация» не могут заменить идеологию. Так же как тактические решения не могут заменить стратегию.

Сегодня это самое слабое место в политике российской правящей элиты, которая не только формулирует ложные цели национального развития, но и не способна предложить эффективные пути их достижения. Это и есть уровень понимания правящей элитой существа модернизации, из которого «выросла» стратегия модернизации страны. Абсолютно неэффективная, а временами даже вредная.

Этому уровню понимания соответствовали и кадровые решения, например, о назначении вице-премьерами Д. Рогозина и В. Суркова, которые, может быть, и были блестящими политиками и политехнологами, занимаясь всю жизнь пиаром, но абсолютно ничего не понимали ни в НТП, ни в новых технологиях, ни экономике.

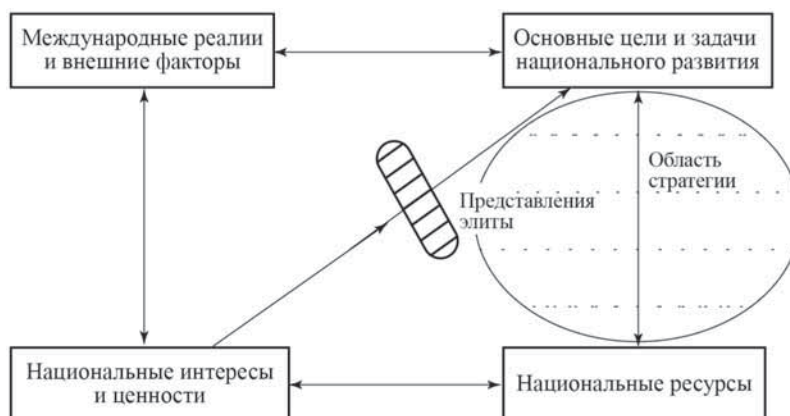

Рис. 2.

Адекватность элиты, прежде всего ее профессионализм, либо их отсутствие (что случалось в недавней советской и российской истории), во многом определяют качество анализа реально (объективно) существующих проблем и национальных интересов. От этого во многом зависит эффективность избранной стратегии, степень мобилизации всех ресурсов общества и государства для их решения. Несомненно, адекватность правящей элиты зависит от следующих обязательных качеств:

- уровня образования, выраженного не только в том, какой университет закончен, но и сколько лет потрачено потом на подготовку и переподготовку, какой результат получен;
- профессионализма, опыта;
- способности к стратегическому прогнозу и анализу последствий принимаемых решений;
- нравственности, подтвержденной «кредитной историей» того или иного представителя элиты;
- креативностью, способностью к творческому решению задач, стоящих перед нацией и государством.

Эти качества отнюдь не обязательны в российских условиях, поэтому *стоит ли удивляться неадекватности российской элиты? Так, значительная ее часть (в регионах более 50%) не имеет хорошего образования и никогда не повышала его в последние годы.*

Многие, в т. ч. профильные министры, не имеют профессионального опыта, а мода на «менеджеров» означает, что в любой области может работать любой управленец (в зависимости от воли вышестоящего начальника).

Говорить о нравственности и «кредитной истории» в России вообще в последние годы не принято: сплошь и рядом назначаются «начальники» любого уровня, о которых никто ничего не знает. Более того, многие такие назначенцы «прославились» тем, что на прежнем месте работы либо проворовались, либо ничего не добились.

Качество «креативности» вообще не востребовано, уступив место преданности, «аппаратной дисциплине» и исполнительности. Этот принцип заложил основу для появления целого слоя управленцев-конформистов, составляющего большинство в нынешней управляющей российской элите. Типичный пример с управленцем, которого я знаю лично более 30 лет. Он прошел в советские времена в международную организацию, имея за спиной опыт организационной комсомольской работы и преданность идеям КПСС. Через 10 лет эта преданность сменилась преданностью идеям «перестройки», а еще через несколько лет он стал крупным функционером в одной из национальных республик, отстаивал ее независимость от России. Еще через несколько лет — министр России, отстаивающий «вертикаль власти» и т. д. Таких примеров мог бы привести немало. Странно, что те, кто продвигал все эти годы такую кандидатуру, не интересовались ни его политической

«кредитной историей», ни чрезмерной способностью откровенно приспосабливаться к доминирующей «линии партии».

Чрезвычайно низкая эффективность модернизационной стратегии, когда сотни миллиардов долларов были потрачены в 2007–2011 годах на инновации, но не дали прироста инновационного продукта, говорит сама за себя. Такая низкая эффективность может свидетельствовать только о том, что сама по себе стратегия — избранные цели и методы — неверна, что ее необходимо срочно менять. Такой же крайне низкой была и способность элиты мобилизовать национальные ресурсы для реализации, намеченной стратегии. Не было ни идеологической, ни организационной, ни ресурсной национальной мобилизации. Более того, сама по себе такая мобилизация исключалась, считалась ненужной, хотя любое достижение значимой цели, как известно, всегда требует напряжения всех ресурсов. Ни в драке, ни в спорте, ни в войне, ни в каком соревновании просто невозможно победить, работая «в полсилы», без мобилизации.

Не было создано и самого главного — мотивации у общества и экономики производить наукоемкий продукт или услуги. Ни идеологической, ни политической, ни экономической. Элите не удалось перевести потребность в модернизации в категорию «национального интереса». Справедливо утверждение (и понимание этой задачи) академика А. Торкунова: «Перед Россией стоит задача всесторонней модернизации, которая во многом будет определять ее место в посткризисном мире. Для ее осуществления необходимы не только новые проекты, финансовая, техническая и научная база, но и создание целеполагающих мотиваций у всех слоев российского общества, формирование атмосферы созидания»¹³.

Как видно, А. Торкунов справедливо выносит в качестве важнейшей проблему «создания мотиваций» и «творческой атмосферы» (с чем я совершенно согласен), а не другие проблемы, например, сохранения макроэкономической стабильности, которая в течение нынешнего десятилетия регулярно ставилась как «самая приоритетная».

Важно понимать, что правовое и нормативное оформление алгоритма стратегии национального развития **последовательно** вытекают из идеологии и национальной стратегии. Как это заведено в США, где документы — послания президента, концепции социально-экономического развития, бюджетные послания, собственно бюджеты, как и концепции информационной безопасности, внешней политики, отраслевые, региональные и пр. концепции **вытекают, становятся следствием** этого стратегически важного политико-идеологического документа.

Этого в России не было и нет. Пример со «Стратегией–2020» наглядно иллюстрирует это. Принятая в марте 2008 года в качестве Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, она так и не стала Национальной страте-

гией (хотя ее и пытались так называть). Более того, проваленная уже в 2008 году, она многократно «корректировалась» в 2009–2011 годах, так и не став опять же национальной Стратегией, оставшись не более как «набором рекомендаций» для правительства». Как и остальные вспомогательные документы, например — Концепция долгосрочного инновационного развития до 2020 (в разных вариантах), отраслевые и региональные стратегии.

Ошибка правящей элиты, таким образом, во-первых, не преодолена, а во-вторых, — системная. Дом пытаются строить сверху, «с крыши». У дома нет фундамента — четко обозначенных национальных интересов и ценностей, вытекающих из современных мировых реалий качественного, «фазового» перехода человечества из одного состояния

в другое. Нет адекватности в понимании этих интересов у элиты и мобилизации национальных ресурсов для достижения поставленных целей. Целей, которые в совокупности и обозначают конкретный и желаемый будущий образ России. Это все и называется идеологией, которая еще со времен К. Маркса стала «не отвлеченным теоретизированием, а основой практического изменения общественных отношений»¹⁴.

Иными словами, если нет ни первого, ни второго, ни третьего, то это означает, что нет и адекватной ситуации и национальной стратегии, без которой политика становится ситуативной, непоследовательной и бессистемной. Частные позитивные ее проявления не могут компенсировать отсутствие идеологии и стратегии.

2. Алгоритм политической идеологии национального развития

Вместо инноваций нам предлагают разговор о них и занимаются симуляцией инновационной деятельности¹⁵.

О. Матвейчев

... нынешнюю мировую систему можно представить себе в виде пирамиды, состоящей из целого ряда «слоев», акторов, наложенных друг на друга... — экономическом, финансовом, технологическом, военном и т. п.¹⁶.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Алгоритм политической идеологии — строгая последовательность шагов, в результате которых создается вначале политическая доктрина, а затем — стратегия национального развития. Нельзя «просто» создать идеологию. Изначально важно ясно определить систему национальных интересов (потребностей) и ценностей, адекватно оценив их правящей элитой. На этой основе и с учетом национальных ресурсов формулируется идеологическая и политическая система целей, выстроенная в приоритетном порядке. Так, у правящей элиты США есть относительно общее понимание национальных интересов и ценностей, но консерваторы и либералы (республиканцы и демократы) по-разному расставляют целевые приоритеты: республиканцы, например, ставят национальные интересы выше прав человека, а демократы, — наоборот. «Обе парадигмы, — отмечает А. Тарелин, — постоянно взаимодействовали во внешней политике США, периодически тесня друг друга и создавая новые формы внешнеполитического *modus operandi*»¹⁷.

Можно признать, что и в России происходили похожие процессы — 90-е годы XX века характеризуются доминированием идеологического либерализма, а нулевые XXI века — «прагматизма» национальных интересов. Но, в отличие от США, правящая российская элита не артикулировала чет-

ко до последнего времени эти расхождения. Кроме того, она (также вплоть до начала 2012 года, когда В. Путин выступил с серией идеологических статей) тщательно избегала дискуссии о политической идеологии, фактически отдавая ее на откуп радикал-либералам 1990-х годов — Б. Немцову, В. Рыжкову, М. Касьянову, И. Юргенсу и др.

Избегая такой дискуссии, путинская элита постепенно уступала либералам инициативу и в формировании политической доктрины и идеологии. Политическая идеология — это доктрина, оправдывающая притязания той или иной социальной группы на власть, добивается подчинению общественного мнения своим идеям. Соответственно алгоритм политической идеологии — формализованная доктрина, в которой, во-первых, обосновываются претензии тех или иных социальных групп на власть, а, во-вторых, претензии на доминирование в общественном мнении. Независимо от того, насколько эти идеи поддерживаются в обществе. В современной России это хорошо видно на примере такой формализованной доктрины, как «либеральная традиция», когда абсолютное меньшинство либералов и финансовых властей (менее 7%) обосновывают свои претензии на власть и доминирование в общественном мнении лозунгами «демократизации», «свободы рынка», «прав человека» и т. д.

Соответственно и предлагаемая ими стратегия развития (точнее — существования) исходит из этих категорий, которые навязываются большинству нации, не утруждая особенно аргументацией. Как правило, просто говорится о том, что «так принято везде в развитых демократических странах».

На практике идеология должна обеспечить привлекательный образ стратегии национального и государственного развития. Настолько привлекательный, что он должен был бы быть принятым общественным мнением. Чего нет уже 25 лет в России и, конечно же, нормальной экономикой, которая становится объективно рентабельной. В 1990-е годы шел, как показывает С. Глазьев, обратный процесс¹⁸: экономика не развивалась, а трансформировалась в угоду групповым, клановым, а не национальным интересам. Со всеми вытекающими последствиями.

В результате произошел переход к новой структуре экономических оценок, в которой производство большей части изделий конечного потребления с высокой добавленной стоимостью стало убыточным, даже не нужным. Идеология импорта приобрела самодовлеющую форму, а идеология национального развития, выражающаяся в том числе в промышленном развитии, фактически исчезла. Исчезла и в конечном счете национальная промышленная политика, уступив место либеральной идее «создания благоприятных инвестиционных условий»¹⁹.

Фундаментальные, базовые идеологические приоритеты и ценности должны лежать в основе такой экономической и промышленной Стратегии, т. е. она должна быть достаточно идеологизирована, а не примитивно прагматична. Чего пока, в полной мере, не видно. Более того, в нулевые, либеральная идея отказа от самостоятельной национальной промышленной политики получила новую форму «модернизации через заимствования», которая по сути не отличалась от предыдущей. И первая, и вторая игнорировали приоритетность развития НЧП и его институтов. И первая, и вторая ориентировались не на реальные секторы экономики и внутренний рынок, а на опыт Запада. И первая, и вторая никак не вписывались в стратегию национального развития.

Не случайно, что в феврале 2012 года В. Путин был вынужден признать, что мы пропустили несколько этапов модернизации: «Фактически, — писал В. Путин, — отечественные оборонные центры и предприятия за последние 30 лет пропустили несколько циклов модернизации»²⁰.

Понятие, что этот вывод В. Путина относится не только к оборонной промышленности, но и ко всей промышленности, более того, экономике России. И во многом обусловлен той либеральной идеологией заимствования, которая стала усиленно насаждаться еще М. Горбачевым и его окружением с конца 80-х годов прошлого века. Алгоритм такой идеологии был прост до примитивности. Он состоял из следующих шагов:

- признание, что коммунистическая идея обречена, а «нормальное» общество и экономика существуют по образу Запада;
- во всем виновата КПСС, затем государство и его институты, — армия, органы безопасности и правопорядка;
- нужна политика «разгосударствления» всего (по А. Яковлеву — «антиэтатизма»), но прежде всего экономика, которая преследует не экономические, а идеологические цели (пример — приватизация);
- «рынок» — это не развитие НЧП и технологий, а продажа того, что могут изжить на Западе.

Соответственно, смена идеологии национального развития предполагает смену алгоритма идеологии. Пытаясь сформулировать алгоритм стратегии развития, надо понимать, что алгоритм сам по себе должен быть достаточно формализован. Вообще-то никого не должно пугать название этого приема. Не обязательно даже знать, как говорится в одной из статей²¹, что такое алгоритм, для использования этого способа (что очень приятно для нашей малочитающей правящей элиты. — А. П.). И далее — одно из многих определений понятия алгоритм, которое мне больше всего нравится: «алгоритм — это структурированный способ нахождения решения проблемы с высокой надежностью успеха».

Но именно этого не нужно не только либеральной российской элите, но и всей оппозиции, которые

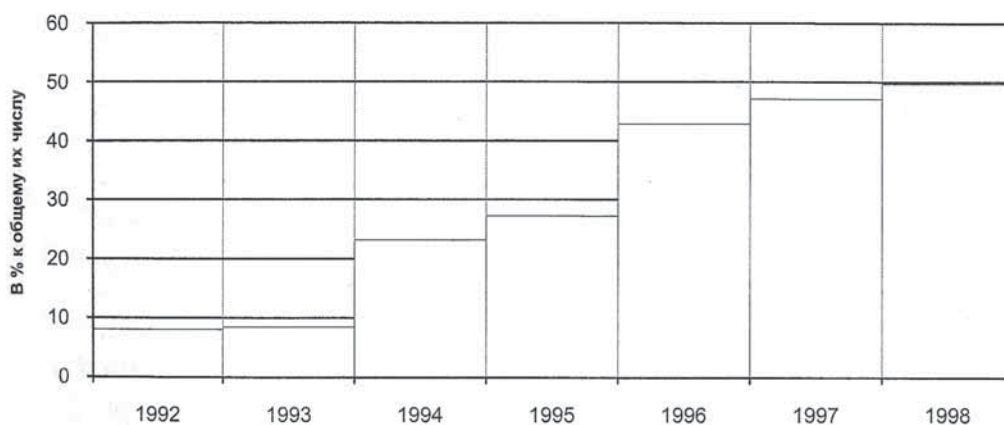

Рис. 3. Численность убыточных предприятий в промышленности

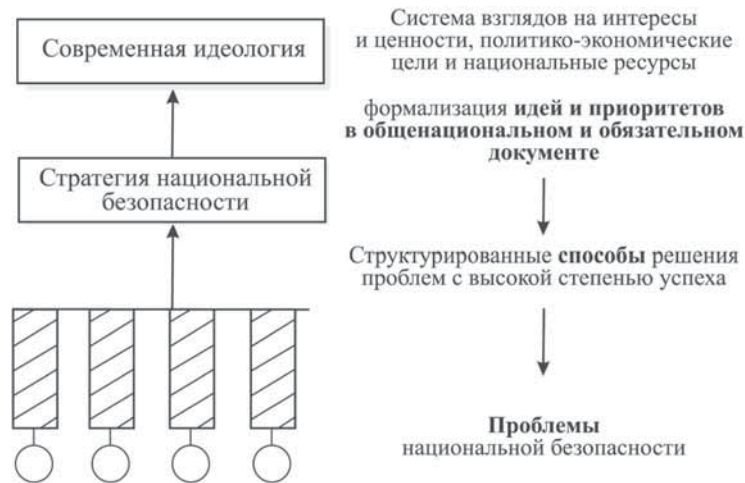

Рис. 4.

в период президентской кампании 2012 года уходили от разговора по существу политической идеологии и стратегии развития. Они умудрились даже оставить без внимания программные статьи основного кандидата В. Путина. Как справедливо отмечалось в те время, «По мнению экспертов, такого рода игнорирование программы лидера его соперниками свидетельствовало о бессодержательности кампании 2012 года»²².

Алгоритм идеологии предусматривает определенность, конкретность, последовательность и системность. Но именно на это не способны ни правящая элита, ни ее политические оппоненты. Либералы, игнорируя системность, ориентируются на политические права и влияние на власть, в которой у них сохранились сильные позиции. Остальные — на критику власти, рассчитывая увеличить свое влияние в политике и обществе. Ни те, ни другие по большому счету не заинтересованы в том, чтобы предложить обществу строгую научную и современную концепцию развития общественно-политической и экономической системы, в лучшем случае «выхватывая» ее отдельные (и, нередко, второстепенные) аспекты.

Таким образом современная идеология и алгоритм идеологии России должна быть формализованы в политико-идеологическом и нормативном документе, например, Стратегии национальной безопасности России, который, в свою очередь должен представлять собой «структурированный способ решения проблемы (проблем) с высокой степенью надежности». Но не формальной, о которой сегодня знают некоторые чиновники, а политико-идеологической, — внятной, системной, обязательной к исполнению. Как это было, например, с Программой КПСС. Графически это можно представить следующим образом (рис. 4).

Используя эту формальную логику, мы неизбежно должны сделать важный вывод: создавать и развивать надо идеологию как систему взглядов правящей элиты, в следующей последовательности:

- описание и анализ проблем и целей, их приоритетности, значимости и масштабы на основе

- объективно существующих национальных интересов и ценностей;
- выбор максимально эффективных способов их решения;
- объединение их в систему, стратегию;
- и лишь затем — описание системы ценностей, приоритетов и идей, объединенных в понятие «идеология».

Важно отметить, во-первых, последовательность действий, а именно: первичное описание «проблем», угроз, вызовов национальной безопасности; затем — методы и способы их решения и только потом можно переходить собственно к идеологии и философии.

Во-вторых, неизбежно следует вывод о прикладном характере идеологии, даже её прагматизме, а не о некоей отвлеченной субстанции, «мешающей жить» серьезным государственным мужам.

Так, в правильном алгоритме идеологии, например, вычленяется как проблема национальной безопасности России проблема создания Соединенными Штатами системы ПРО. Если мы видим в этой угрозе угрозу нарушения стратегического равновесия, приобретения США потенциала первого удара, а, в конечном счете, приобретения Вашингтоном возможности использования военной силы против России, то из этого вывода неизбежно следует вывод о неизбежности и обязательности противодействия — будь то в форме наращивания потенциала СНВ, либо создания собственной ПРО, либо иных ответных мер.

Если же мы оцениваем эту угрозу как далекую перспективу, малореальную и не имеющую отношение к России, то и меры по ее нейтрализации могут быть либо символическими, либо отсутствовать вообще. Соответственно военная и внешняя, а также научно-техническая и экономическая политика в стратегии национальной безопасности и развития будут иными, чем в первом случае.

Но и алгоритм идеологии будет в конечном счете принципиально иным. Если в первом случае (признания серьезной угрозы ПРО) политическая идеология будет мобилизующей, опирающейся на собственные

силы (а кто поможет нам еще создавать контрпотенциал ПРО), прежде всего на НЧП, то во втором случае (отрицания угрозы) акцент делается на скорейшую интеграцию, модернизацию, основанную на технологических заимствованиях и т. п.

Правильная постановка проблемы, таким образом, становится ключом («эффективным алгоритмом») к успеху, а неправильная — обречена на провал. Приведу пример. В 2009–2011 годах Д. Медведев неоднократно и много говорил об инновациях и технологиях, формулируя **проблему** их скорейшего внедрения в экономику России. При этом в качестве главного средства (алгоритма), как правило, выступали организационно-финансовые решения. Типичный пример — мартовская (2010 г.) инициатива по созданию в Сколково «Силиконовой долины» — строительство центра, формирование инфраструктуры и т. д. Между тем, алгоритм решения этой проблемы иной, а именно: главный способ решения этой задачи — создание атмосферы и возможностей (в т. ч. материальных) для российских научных школ и ученых. Как справедливо отметил политолог Н. Злобин, «Создание правильной творческой атмосферы является главной задачей российской технологической революции. Конечно, важны научные города, нужны ученые из-за границы и т. д., но без свободной творческой атмосферы все это будет только имитацией инновационного развития, в лучшем случае способного, как это было в свое время в Японии, доводить до совершенства чужие купленные разработки и идеи. Это совсем не то, о чем говорит Медведев. Для формирования такой атмосферы России важнее не привоз ученых из-за рубежа или новые стройки, а, скажем, создание гарантий надежной правовой защиты интеллектуального продукта, прав на изобретения и инновации, а также возможностей для ученых хорошо заработать на результатах своего труда у себя на Родине».

На мой взгляд, алгоритм выработки идеологии для России сегодня должен выглядеть следующим образом:

- главная угроза — отставание в развитии НЧП и его институтов реализации. Соответственно это же должно стать главным приоритетом социально-экономической политики и главной целью национальной стратегии;
 - а) механизмы реализации этой цели, сверхзадачи должны заключаться в мобилизации всех национальных ресурсов — финансовых, демографических, интеллектуальных, духовно-волевых;
 - б) соответственно, современная идеология должна заложить такую стратегию национального развития, которая:
- во-первых, *должна быть ориентирована* на развитие качества НЧП — науки, культуры, образования, здравоохранения;

- во-вторых, — на развитие существующих институтов НЧП (академии наук, школ, театра, информатики и т. п.) и создание новых институтов НЧП, либо реанимации старых (общества изобретателей, союзов художников, писателей, инженеров и т. д.);
- в-третьих, стратегия должна быть опережающей, т. е. общество и экономика должны развиваться быстрее, чем в среднем в мире, а, лучше всего, самыми быстрыми темпами.
 - в) национальная элита, общество должны быть не просто консолидированы, а мобилизованы для достижения цели опережающего развития НЧП.

Так, практически у каждой исследовательской группы в Америке есть в соседнем помещении своя частная компания, работающая по модели «стартапа», задача которой в случае успеха исследовательского этапа немедленно капитализовать его и начать приносить доход. То есть преобразовать науку в бизнес. Там нет государственных чиновников, но работают юристы, защищающие права ученых, а также эксперты, тщательно отслеживающие ситуацию на рынке инвестиций. Там находятся компании, которые моментально из своих денег готовы обеспечить любые лаборатории и экспериментальные площадки, любые материалы и приборы для ученых. Кого там точно нет — это бюрократов. Там нет откатов и взяток, людей с печатями и машин с мигалками»²³.

Другая сторона спорного алгоритма, предложенного Д. Медведевым, — назначение крупного финансиста В. Вексельберга куратором этого проекта, — также представляется сомнительной. Уже говорилось, что «менеджерский» подход для государства (а тем более науки) себя не оправдал: нужны ученые-организаторы, такие как К. Курчатов, С. Королев, многочисленные советские конструкторы самолетов, танков, судов и т. п., а не бизнесмены. Научные достижения делаются учеными, а не финансистами, впрочем, как и спортивные.

Итак, необходимо изначально обратиться, во-первых к проблемам, стоящим перед нацией (вызовам, угрозам), во-вторых, определить их приоритетность, а, в-третьих, их значение для существования нации и государства. Попробую их сформулировать, но предварительно следует сделать очень важную, принципиальную оговорку: *идеология — субъективна с точки зрения отражения интересов тех или иных социальных групп граждан, а значит субъективными будут и представления о характере существующих перед нацией проблем*. Важно, чтобы этот субъективизм был максимально приближен к реалиям, наиболее точно, насколько возможно, отражал бы их объективный характер. Сегодня для этого есть достаточно много предпосылок, прежде всего, научно-обоснованные методики и экспертные оценки, которые задают основу для анализа, а не обеспечивают ту или иную точку зрения научной (псевдонаучной) «аргументацией».

3. Субъективность элиты и стратегия национального развития

...хотя ныне мы пребываем в условиях общественной и религиозной свободы, стремление жить в соответствии с христианскими нравственными нормами по-прежнему означает движение против течения²⁴.

Патриарх Кирилл

...задача исторической науки — формировать общественное сознание...²⁵.

С. Шмидт

Субъективность элиты неизбежно отражается на адекватности идеологии и, как следствие — на стратегии национального развития. Этот субъективизм возможно минимизировать, если система взглядов правящей элиты и общества будет основываться:

- во-первых, на национальных и нравственных нормах и традициях, соответствовать национальной самоидентификации;
- во-вторых, на знаниях социогуманитарных наук, прежде всего национальных научных школ.

Кроме того, субъективность элиты ведет к системным ошибкам, которые крайне негативно сказываются на стратегии национального развития. В частности, не только замедляется или останавливается рост НЧП, но и идет его сокращение, что особенно характерно для 20-х годов XX века и последних двух десятилетий. Некоторые авторы даже полагают, что в такие периоды начинает формироваться «отрицательный человеческий потенциал», который характеризуется становлением разных институтов социального потенциала (ОПГ, банки и фирмы-однодневки, псевдоНКО и т. д.) и ростом численности антисоциальных элементов — преступников, наркоманов, коррупционеров, алкоголиков и др.²⁶.

В этой связи необходимо отметить огромную роль современных социогуманитарных наук, которые в ряде случаев позволяют с достаточной достоверностью анализировать объективные реалии. Если, конечно, они изначально не ориентированы на чей-то «социальный заказ». Так, социология в последние годы стала серьезной научной дисциплиной, результаты которой (если они не ангажированы изначально) позволяют делать вполне достоверные, даже точные выводы. В полной мере этот вывод справедлив и для истории, и для политологии, а также специальных наук, появившихся в последние десятилетия в ответ на запросы общественного и экономического развития. Особенно важное значение приобретают в последние годы работы, связанные со стратегическим управлением, стратегическим прогнозированием и планированием. Так, один из основоположников этих направлений профессор В. Андрианов (который кроме этого имеет огромный опыт практической работы в аппарате правительства РФ, ВЭБ и других организациях) пишет: «...успешное функционирование финансовых институтов развития зависит от эффективного стратегического управления. Ос-

новной целью создания системы стратегического управления является разработка и обеспечение реализации Стратегии развития (применительно к России, — Стратегии национального развития. — А. П.), что достигается путем:

- формирования единого информационного пространства и нормативно-методической базы в области стратегического управления (применительно к России это означает расширение идеологии как системы взглядов элиты);
- осуществления мониторинга и контроля реализации разработанной Стратегии;
- повышения оперативности и эффективности принимаемых управленческих решений на основе регулярной отчетности руководству о ходе реализации Стратегии»²⁷.

На последнем условии необходимо остановиться подробнее. К сожалению, к 2012 году в России так и не сложилось эффективной системы управления, хотя, может быть, и можно говорить, что в 2007–2012 годы появилось некое движение, первые шаги в этом направлении. Они нашли свое проявление в следующем:

- уже не отрицается необходимость Стратегии развития, хотя пока что в качестве такого «продукта» выступает Стратегия социально-экономического развития (в вариантах 2008 и 2012 годов), которая, конечно, не может претендовать на национальную стратегию;
- наверное, можно сказать, что доля выполняемых решений повышается, хотя она по-прежнему остается недопустимо низкой. Как, впрочем, и оперативность выполнения таких решений;
- появились и первые попытки реальной отчетности, в том числе правительства РФ перед Государственной думой России. Так, отчет В. Путина 11 апреля 2012 года²⁸ был, конечно, далеко не идеален, но, все-таки, это уже был полноценный отчет, а не выступление, а, тем более, как во времена Б. Ельцина, игнорирование Федерального собрания.

Важно, чтобы объективность таких научных исследований не зависела от господствующей политической моды или не являлась социальным заказом. Особенно из-за рубежа. И здесь очень важно сделать четкое различие: во имя, каких интересов делаются исследования. Если во имя национальных интересов,

то можно рассчитывать на их объективность. Если за таким социальным заказом стоят антинациональные силы, то ожидать объективных результатов вряд ли возможно.

В этом смысле классовый подход марксистов правилен (хотя К. Маркс и не любил сам термин «идеология», ставший марксистской наукой лишь при советской власти). Так, для неолибералов и «оффшорной аристократии» угроза распространения НАТО на восток, потеря национального суверенитета, сырьевой характер экономики и др. — угрозы и проблемы не видятся критичными, либо вообще не существуют, но для нации это — приоритетные проблемы.

Вот почему принципиально важно изначально определить позицию, угол зрения, под которым мы посмотрим на анализ существующих и потенциальных проблем.

Или алгоритм политической идеологии, за которым стоят вполне конкретные интересы вполне конкретных сил. Эти интересы и ценности представляют также вполне конкретные представители политической элиты. Прежде всего политические лидеры и лидеры общественного мнения. Рассмотрим эти две важнейшие составляющие на фоне политической ситуации в России второго десятилетия XXI века.

Прежде всего политико-идеологические варианты, представляющие главное содержание политики России в это время. Они рассматриваются нередко, в т. ч. и зарубежными аналитиками. Так, например, в начале 2007 года вашингтонским центром стратегических и международных исследований (The Center for Strategic and International Studies — CSIS), с представителями которого я неоднократно встречался, был подготовлен в целом вполне адекватный доклад «Альтернативные сценарии будущего России до 2017 года»²⁹. В нем выделяются основные политико-идеологические течения современной России:

- либеральный интернационализм («либералы-западники» — в российской терминологии), представители которого — Б. Немцов, А. Кудрин, М. Ходорковский и др. — активно заявили о себе осенью 2011 и зимой 2012 года. Американские эксперты отмечают малую вероятность (до 2%) потери этого течения, однако его влияние на формирование политической повестки дня может быть усилено;
- либеральный национализм, отражающий во многом позицию Д. Медведева и В. Путина, представляет сочетание либерализма с сильной российской государственностью. По мнению ряда экспертов, его основной идеолог Д. Медведев апеллирует к интеграции в систему развитых государств с сохранением «сильных позиций государства»;
- нелиберальный национализм рассматривается американцами как менее вероятный, чем либеральный национализм и более вероятным, чем либеральный интернационализм. Его представи-

тели — В. Якунин, И. Сечин и др. — оказывают свое воздействие на формирование такого политико-идеологического алгоритма поведения; — существует, вероятно, и четвертый, самый неблагоприятный для Вашингтона сценарий, о котором, правда, авторы доклада умалчивают. Это, видимо, национализм без либерализма. Как отмечают эксперты Центра геополитической экспертизы, «...в глаза бросается одна деталь, которая при первом знакомстве с текстом кажется мало-значительной. На четвертой странице американские эксперты всё-таки употребляют словосочетание „illiberal internationalism“ („нелиберальный интернационализм“), во-первых, для обозначения того общего, что связывает воедино царский и советский периоды отечественной истории, и, во-вторых, для фундаментальной характеристики — и это принципиально! — путинского режима. За сменой политико-правовых фасадов, начиная с Русского государства Ивана III и российской империи Петра I вплоть до советской государственности Иосифа Сталина, западные советологи всегда безошибочно угадывали действие одной и той же силы — русского народа, наделённого особой вселенской миссией (Москва — Третий Рим), реализовывавшейся в истории в самых парадоксальных формах»³⁰.

Президентские выборы 2012 года интриговали в этой связи не столько ответ на вопрос, какой кандидат победит и в каком туре, а какую позицию займет В. Путин, куда, по какому сценарию будет развиваться Россия — второму, третьему, либо четвертому.

Теперь о правящей элите, представляющей доминирующие **в данное время** взгляды и политико-идеологические концепции. От них, их качества и взглядов, прежде всего зависят алгоритмы тех или иных политико-идеологических течений.

Следует сказать, что, вопреки общепризнанному мнению, правящая российская элита за последние 25 лет претерпела существенную эволюцию. Я согласен со своим давним знакомым А. Чеснаковым, который, как и я, мог близко и изнутри наблюдать этот процесс, что за эти годы российская правящая элита прошла в такой эволюции несколько этапов. Приведу его мысли на сей счет дословно: «...Идеальным типом публичного политика конца восьмидесятых стал говорящий лозунгами яркий популист, ориентированный на массовую аудиторию, — таких сейчас принято называть „демшизой“. Наивысшую планку „мастерства“ задавал лидер перестройки, который выгодно отличался от старших коллег в условиях ускоренного саморазрушения маразмирующей партноменклатуры.

...К концу девяностых наиболее востребованным оказался образ политика-хозяйственника в кепке, бегающего по стройкам и демонстрирующего всю мощь административной машины на фоне бардака. В регионах почти любые выборы превращались

в соревнование по копированию московского образа. Но поскольку политика такого рода чревата грубым патернализмом, то естественным результатом стало постепенное охлаждение граждан, наблюдавших у таких руководителей стирание границ между хозяйством собственным и общественным.

К середине нулевых в борьбе за идеальный стандарт победу над публичным политиком одержал тип „государственного деятеля“ как деидеологизированного чиновника, эффективно встроенного в вертикаль власти. Главной чертой такого деятеля была своевременная ссылка на „Главного“. Показательное одобрение действий начальства стало условием выживания. Но время и таких деятелей проходит — слишком скучными они стали в нашу эпоху тотальных развлечений.

Новое десятилетие выводит на первые места новый тип политика-актера — молодого (как правило), обеспокоенного судьбой „демократии“, борьбой с коррупционерами или мигалками, выживанием пригородного леса или какой-нибудь малозначимой, но красиво и правильно поданной ерунды. Главное — развлекать. Приоритет — радикальным эмоциям!

...Сейчас этот тип на нашей отечественной сцене лишь в самом начале своего развития. Навальные, чириковы и прочие удалцы пока только бледные тени будущих лидеров общественных и политических масс.

Уже можно выделить основные черты этого типа. Как уже говорилось, главное — эмоция. Он должен показать, что ему „не все равно“, и тут можно быть несерьезным.

Для людей цифровой эпохи этот тип политика намного эффективнее. Можно ли перерасти из бывшего чиновника и хозяйственного деятеля в политика? Можно, но придется постараться.

Если внутри нынешней системы не возникнет достаточного количества людей, способных к такому перерождению, то она недолго продержится. Кому нужен скромный министр образования и науки, не выходящий с совещаний. Гораздо приятнее, чем он на телеэкране или на митинге выглядит телеведущая, рассуждающая на эти же темы без номенклатурных условностей.

...Разумеется, тип актера не является вершиной эволюции политиков как таковых. Он тоже переходный. Через некоторое время, насмотревшись политспектаклей, избиратель опять затоскует по хозяйственнику, а потом и по чиновнику. Правда, это уже будут более совершенные модели. Версии 2.0, а потом и 3.0. Закон развития по спирали ведь никто не отменял.

Конечно, остается еще наивный вопрос: „Сделает ли этот новый тип публичного политика нашу жизнь лучше?“ Разумеется, нет. Для большинства людей ничего он не изменит. Тот же спектакль, те же роли, да и сборы те же. Поменяются лишь декорации. Но ведь, собственно, это и есть закон политики —

меняется обстановка, меняются люди, а принципы и интересы остаются»³¹.

В этой связи возникает закономерный вопрос: какое политико-идеологическое течение и его алгоритм наиболее перспективны для России, какие люди должны его представлять и какой класс или социальная группа должны доминировать в обществе?

На мой взгляд, мы должны анализировать эти вопросы, исходя из интересов наиболее передового класса современности — национальных творческих социальных групп населения нашей Родины, составляющих более 10% от всего числа граждан страны, или, как считает Р. Флорида, 25 млн человек. Именно эти группы являются в России и за рубежом той силой, благодаря которой создается более 90% ВВП и новейших достижений. Именно они — наиболее активны в общественной и политической жизни страны. И именно они отражают в достаточно полной мере интересы других социальных групп. Кроме того, именно эта социальная группа развивается наиболее динамично, а её численность и влияние (что очень важно с точки зрения стратегической перспективы) стремительно растет. В отличие от партийных программ, их интересы четко обозначены потребностями нации.

Другое важное замечание. Существующая Стратегия национальной безопасности России до 2020 года (утвержденная 12 мая 2009 г.) уже нормативно определила такие ключевые проблемы. В ней, в частности, говорится: «Стратегия... официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу...»³². Поэтому, определяя угрозы, проблемы и цели, а также алгоритмы их решения, неизбежно и полезно будет их сравнивать с принятой Стратегией, а также другими нормативными документами власти. Именно поэтому подобные документы должны становиться предметом широкого, общенационального обсуждения, а не превращаться на следующий день в очередной рядовой указ или распоряжение правительства. К ним необходимо обращаться вновь и вновь, особенно при разработке соответствующих законов и других документов. Это, в свою очередь, требует, чтобы уровень таких документов был резко повышен. Вплоть до уровня Федеральных законов, а не нормативных актов, утверждаемых президентом, либо правительством.

Стратегия национального развития, (социальная, экономическая, военная, антикризисная и пр.), таким образом, — прямое следствие идеологии и принятого элитой алгоритма. Она невозможна без идеологического выбора, т. е. выбора базовых ценностей и принципов. Практическую ценность этого вывода, кстати, продемонстрировал Китай, чья успешная стратегия развития является непосредственно производной от

идеологии, а та, в свою очередь, не только формулирует проблемы, но и формирует средства их решения. В настоящее время китайское руководство продолжает разработку и пропаганду политико-идеологической и культурно-цивилизационной доктрины китайской модели развития, которая оставляет за компартией Китая (КПК) все функции политико-идеологического руководства и согласования интересов различных слоев общества, а также защиты социально-политической стабильности в стране³³.

Этот пример еще раз доказывает, что и российской элите неизбежно предстоит сделать идеологический, в конечном счете политический выбор. В современных условиях, как мне представляется, этот выбор должен быть между идеологическими алгоритмами западного либерализма и социального консерватизма (русского социализма). Пока что такой окончательный выбор не сделан, хотя идеологические

статьи В. Путина начала 2012 года свидетельствуют, что в них больше социального консерватизма, чем либерализма.

Сохранение нынешней идеологической невязности в будущем несет в себе серьезную угрозу, которая может проявиться в следующих последствиях:

- противоречивой и непоследовательной национальной стратегии, слишком зависящей от частных ситуаций и воздействий;
- малоэффективной системы управления, в которой будет по-прежнему отсутствовать ясная политико-идеологическая составляющая;
- неверных тактических решений и кадровых назначений, принимаемых без учета политико-идеологической составляющей;
- неэффективного использования национальных ресурсов, прежде всего связанного с недооценкой такого ресурса как НЧП.

4. Алгоритм стратегии национального развития³⁴

Выходом из этого тупика... может быть только признание равного права на сохранение своей культурной и духовной идентичности³⁵.

В. Якунин

В России медленно, но несомненно складывается собственная национально-своеобразная модель демократии³⁶.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Стратегия национального развития как способ достижения поставленных правящей элитой целей в условиях ограниченности ресурсов не тождественна государственной стратегии, а ее алгоритм не всегда совпадает с алгоритмом управления государством.

Проблема разработки и реализации модели стратегии национального развития имеет огромное, пока что недооцененное в России, значение. Правильная и понятная модель стратегии не только упрощает и облегчает понимание стратегии для нации, замысла элиты, повышает ее ответственность перед обществом, но и позволяет значительно повысить эффективность госуправления. Прежде всего за счет разъяснения стратегического курса.

И, наоборот, отсутствие внятной модели стратегии национального развития ведет к непоследовательности в политике. В том числе и внешней, объективно способствует усилению внешнего и внутреннего влияния. Это хорошо понимают на Западе. В частности. Всемирный банк в конце февраля 2012 года «порекомендовал» КНР «сменить модель развития. Конечно, за счет уменьшения роли государства, стимулирования частного сектора и социальных реформ»³⁷.

При разработке любой модели, любого алгоритма национальной стратегии особое значение уделя-

ется **выделению проблем и угроз национальной безопасности**, их оценке и поиску вариантов их решения.

«Классический» вариант представляют собой концепция национальной безопасности США или Стратегия национальной безопасности России до 2020 года. Примечательно, что именно так В. Путин начинал свою очередную статью «Россия и меняющийся мир», опубликованную 27 февраля 2012 года: «Внешние вызовы, меняющийся мир вокруг нас заставляют принимать решения в области экономики, культуры, бюджетные и инвестиционные решения»³⁸.

«В чистом виде идеологическая доктрина не существует (разве что в умах философов и политологов), строго говоря, абстрактные схемы, а тем более алгоритмы, не очень-то и нужны: они могут либо исходить из прикладного анализа, предоставляющего изначальный эмпирический материал, либо служить его теоретическим и методологическим обоснованием. Тем более, что оценки проблем, их приоритетность и даже значение могут быть предметом серьезной политической дискуссии. По мнению академика А. Торкунова, «широкое осознание перечисленных... угроз, вызовов и опасностей не сопровождается до сих пор выработкой **единых представлений** о порождающих их причинах, способах и стратегиях борьбы с ними»³⁹.

Действительно, процесс явно затянулся. Еще в 2003–2005 годах я написал о необходимости создания такого алгоритма. В частности, в специальной главе «В поиске эффективного алгоритма развития» книги «Глобализация и Гражданское общество». Я говорил: «Эта книга — обращение к российской элите и экспертному сообществу. Накануне перехода развитых стран-лидеров глобализации от информационно-технологической стадии развития к интеллектуально-духовной стремительно усиливается роль эффективности руководства страной и обществом. Параллельно должны возрастать ответственность, политическая и нравственная, элиты общества за принятие решений, а также профессионализм и способность к стратегическому прогнозу. От того, насколько российская элита сумеет справиться с этим вызовом, зависит будущее нашей страны»⁴⁰.

В начале 2012 года В. Путин обозначил движение в этом направлении публикацией серии статей, придав содержательно-осмысленный, концептуальный характер своей президентской кампании. Станным образом, но не только его оппоненты, но и поддерживающая элита оказались не способными подхватить и развить дискуссию на обозначенные им темы. Как справедливо заметил Б. Кагарлицкий, «Предложения и проекты падают в политический вакуум. Вместо задуманного диалога власти и общества получается монолог на фоне безмолвия»⁴¹.

Во многом в этом виноват сам В. Путин, который не смог сформулировать в окончательном виде алгоритм своей стратегии национального развития. Описанная в серии статей, она, вместе с тем:

- не оформлена в виде идеологической концепции, а значит не представляет собой единую систему взаимосвязанных элементов;
- не изложена в форме простых идеологем и модели.

Это во многом исходило из непоследовательности и противоречивости, свойственной всему периоду 2000–2011 годов. Что прежде всего выражалось в поведении элиты, особенно либеральной ее части. Как заметил К. Затулин, «это болезнь. Часть, и весьма влиятельная, нашей так называемой элиты, либеральная в Думе, в администрации Д. Медведева и на Болотной площади, ничего не хочет знать о реальных нуждах и надеждах русского народа — ни в самой России, ни за рубежом»⁴².

И наоборот, эффективная социально-экономическая стратегия Китая является производной от долгосрочной идеологической доктрины, которая, следует признать, обладает бесспорной преемственностью (несмотря на смену четырех поколений лидеров) и гибкостью. Декларируя главную идеологическую цель — «построение гармоничного общества», — китайское руководство основной упор делает на реализацию ведущего принципа китайской модели развития — «человек как основа». Принципа, кстати, вполне универсального, в т. ч. и для западных государств сегодня, однако, с безусловной китайской

спецификой. Как в правовом, так и в социально-экономическом отношении.

Начинать надо с оценки ситуации в мире, с тех условий, в которых находилась наша страна. Считалось, что Россия в 2007–2011 годах была в относительно выгодном положении: нам впервые не грозила большая война, не нужно было тратить огромные ресурсы на поддержание военно-промышленного комплекса, мы впервые освободились от обязательств политического характера, наносящих ущерб экономике. И к тому же у нас нет безумных проектов типа поворота северных рек на юг или строительства авианосных соединений. Эти «идеологические пирамиды XX в.» были как бы сброшены с плеч российской экономики. Проблема в том, как мы воспользуемся предоставленным шансом для эффективного развития экономики, что можем извлечь из этой ситуации, — справедливо пишет Николай Петраков, академик РАН, директор Института рынка РАН. В этой мысли, по сути, сконцентрирована основная задача в области использования ресурсов при реализации современной стратегии России.

Но это только одна оценка внешних условий существования, один взгляд, один подход к использованию ресурсов нации для реализации поставленных задач. На мой взгляд, излишне оптимистичная, благостная, недооценивающая масштаба возможных угроз. Как показал конфликт с Грузией, подтвердивший известную для специалистов в военно-политической области аксиому: военно-политическая обстановка может меняться стремительно, в течение месяцев, недель, иногда дней и часов, а стратегия, материальная база военной силы — годами, иногда десятилетиями. Поэтому недооценка внешней угрозы также опасна, как и ее переоценка: переоценил — не осталось ресурсов развития; недооценил — можешь проиграть конфликт, войну, потерять государство, а, иногда, и нацию. Это принципиально важное замечание имеет практическое отношение к российской политической истории по меньшей мере по двум причинам.

Во-первых, развал армии и ВПК в 90-е и нулевые во многом вытекал изначально из политико-идеологической предпосылки, господствовавшей в либеральной идеологии, что России — де «никто не угрожает». Эта посылка нормативно даже была закреплена в первом варианте Концепции национальной безопасности. Соответственно из такой посылки следует вывод: раз никто не угрожает, то и ресурсы на обеспечение обороноспособности тратить не надо, да и сами Вооруженные Силы — лишняя «нагрузка» на федеральный бюджет. По Вооруженным Силам, по словам В. Путина, «был нанесен разрушительный информационный удар»⁴³.

Во-вторых, адекватная оценка национальной угрозы требует долгосрочного прогнозирования и планирования. По меньшей мере, на 20–30 лет вперед, ведь цикл создания серийного вооружения — от фундаментальных исследований, НИОКР,

испытаний, запуска в серию — составляет именно такой период времени. Собственно говоря, В. Путин признал это, заявив, что мы пропустили несколько этапов модернизации⁴⁴.

Этот вывод, однако, имеет огромное значение с точки зрения распределения национальных ресурсов на оборону, в частности, структуры оборонного бюджета, где по-прежнему очевидна недооценка НЧП, в частности, расходов на НИОКР.

В этом смысле совершенно справедливо, что в Стратегии национальной безопасности до 2020 года оценке внешней угрозы посвящается самый первый (после «Общих положений») раздел, который так и называется: «Современный мир и Россия: состояние и тенденции развития», в котором достаточно подробно перечислены проблемы и угрозы, стоящие перед Россией сегодня и на перспективу до 2020⁴⁵.

На мой взгляд, это описание излишне детализировано и абстрактно, в нем нет ясной приоритетности проблем и угроз, хотя в целом можно сказать, что Стратегия вполне адекватна (чего нельзя было сказать, например, о первой Концепции нацбезопасности 1996 года)⁴⁶.

Главное — в Стратегии указывается на сохраняющуюся возможность и вероятность использования военной силы в качестве внешнеполитического инструмента (что с конца 80-х годов XX века без конца ставили под сомнение российские политики), а также обозначен главный внешнеполитический приоритет — развитие отношений со странами Содружества (хотя я бы поставил его значительно выше по тексту, а также подчеркнул, что это именно главный приоритет).

Вместе с тем важно отметить два обстоятельства, характеризующие алгоритм стратегии национального развития.

Во-первых, стратегия изначально подразумевает эффективность использования ресурсов. Приходится

признать, что такая эффективность в 2000–2012 годы была невысокой, хотя ресурсные возможности резко увеличились. За 12 лет, например, по признанию С. Алексашенко доля нефтегазовых доходов в бюджете выросла с 25% до 50%.

Во-вторых, новые рынки, прежде всего Индия, Китай, Япония, Бразилия и Мексика, — во многом определяют динамику будущих поступлений финансовых средств в российский бюджет, что изначально снижает требования по его эффективному использованию⁴⁷.

Объективно это обстоятельство обеспечивает правящей элите не только рост доходной части бюджета от «старой» экономики, но и снижает требования к эффективности алгоритма управления страной и нацией. Тем важнее становится осознание элитой такого положения и сознательного совершенствования алгоритма управления. Что возможно только в условиях формирования новых политико-идеологических требований. События 2011–2012 годов, когда в крупных городах более 20% избирателей поддержали либерала М. Прохорова, свидетельствуют, что значительная часть общества не удовлетворена именно политической системой и алгоритмом управления, выбирая альтернативный вариант.

В целом взаимосвязь политической идеологии и национальной стратегии выражается в **ясном алгоритме**, который доказывает очевидную приоритетность идеологии как системы взглядов над стратегией — как средством оптимального достижения поставленных целей. Он может быть представлен на следующем рисунке (рис. 6), в простой форме, иллюстрирующем самые основные элементы идеологии и стратегии, где⁴⁸:

1. Базовые ценности и национальные интересы, которые могут быть формализованы как по отдельным категориям (военные, экономические,

Источник: Global Energy Statistical Yearbook 2011 (Enerdata)

Рис. 5. Основные потребители нефтепродуктов в мире (млн тонн)

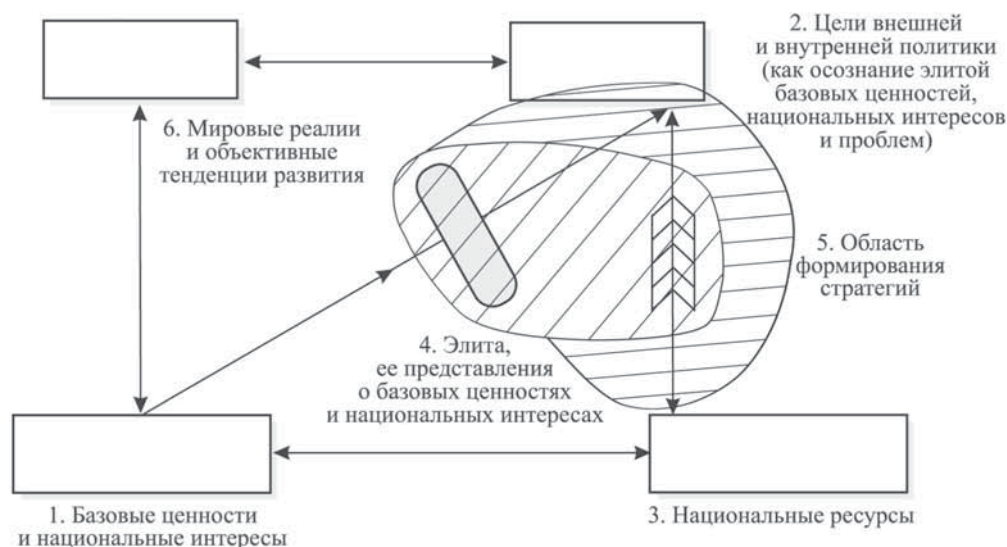

Рис. 6

социокультурные и т. д.), так и по временному (долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные) и пространственному (глобальные, региональные, национальные) характеру. Эта категория принципиально важна, ибо она позволяет в конечном счете нации оставаться нацией, а государству — государством.

Базовые национальные ценности и интересы являются объективной реальностью, отражая роль, значение и место нации в мире. Однако представление правящей элиты о таких ценностях и интересах, которое изначально субъективно, может серьезно отличаться, а иногда и диаметрально быть противоположным национальным интересам и ценностям.

В ходе дискуссии 2011–2012 годов эта особенность проявилась чрезвычайно ярко, можно сказать, затронула все области. Так, либералы-западники считали, что Россия должна на условиях Запада, приняв его («европейскую») систему ценностей, интегрироваться в сообщество развитых государств. Нередко вопреки национальным интересам России. Так, либералы критиковали С. Лаврова за вето в Совбезе ООН по сирийскому вопросу в феврале 2012 года, хотя за последние годы Россия, по его словам, лишь шесть раз использовала свое право, а США — 20 раз⁴⁹.

Другая сторона политического спектра — от националистов до либералов — государственников, — наоборот, предлагала осторожное отношение к глобализации и приоритет национальных интересов и ценностей. При этом суверенное право нашей страны в мире не ставилось под сомнение.

2. Цели внутренней и внешней политики — как осознанные (с разной степенью адекватности) национальные интересы, базовые ценности и, соответственно, проблемы — внешние и внутренние. Как видно из рисунка, на формирование

целей решающее значение оказывают четыре группы факторов:

- национальные интересы, базовые национальные ценности;
 - ресурсы и возможности государства и нации;
 - мировые реалии и объективные тенденции развития в мире;
 - адекватность и профессионализм элиты, ее способность разработать эффективную стратегию.
3. Национальные ресурсы и возможности, к которым относится весь спектр ресурсов (от демографических до сырьевых, а также интеллектуальных, образовательных и др.). При этом особое значение сегодня приобретает такой ресурс, как человеческий потенциал, накопленный нацией. При этом надо изначально понимать, что ресурсы **всегда ограничены**. Не может в принципе быть такого, чтобы ресурсов хватало «всегда и на всё», поэтому при попытках решить те или иные проблемы, достичь поставленных целей, важно правильно распределить имеющиеся и будущие ресурсы.
 4. Качество, адекватность и эффективность национальной элиты. Ее **способность к стратегическому прогнозу и планированию**. В частности, к эффективному госуправлению.
 5. Область формирования национальной стратегии (социально-экономической, военной доктрины, финансовой и т. д.), которая, как видно, является **производной от заявленных целей и проблем, а также имеющихся ресурсов**.
 6. Наконец, внешние факторы — мировые реалии и объективные мировые тенденции, которые сегодня во многом связаны с глобализацией. Это, прежде всего, военно-политическая ситуация в мире (наличие или отсутствие угрозы), экономическая ситуация (экономический подъем, спад или стагнация), мировые цены, научно-технические тенденции и пр.

Понятно, что формулировать проблемы, стоящие перед нацией, без учета этой составляющей, — невозможно. Более того, иногда эти факторы начинают доминировать, даже предопределять стратегию государства (постановку проблем и целей, а также распределение ресурсов). Так, в конце 1930-х годов, накануне и в начале Второй мировой войны СССР был вынужден направлять на подготовку к войне до 80% своих ресурсов, экономика была милитаризована, а возможностей для социально-экономического развития практически не оставалось.

К сожалению, в последние десятилетия мировые реалии и тенденции оценивались российской элитой не до конца адекватно. Так, в 1980-е и 1990-е годы существовала эйфория относительно готовности США и Запада не использовать военную силу против других государств, даже утверждалось, что «наступил вечный мир». Во всяком случае до нападения на Югославию. Немалые иллюзии существовали и по отношению к России, когда считалось, что посткоммунистическая страна стала частью и союзником западных стран. Подобная неадекватность привела к существенным ошибкам, даже преступлениям во внешней и внутренней политике страны — неоправданным уступкам, развалу армии и силовых структур, уходу государства из экономики и идеологии.

Базовые ценности и национальные интересы — объективные критерии, существующие вне частных представлений, но адекватность (или неадекватность) их осознания правящей элитой ведет к формулированию целей, которые могут либо соответствовать национальным интересам и ценностям, либо им противоречить. Спектр адекватности — широк. Во всяком случае, какое-то время, как это нередко бывает в истории. Если через «линзу» верных представлений элиты трансформируются объективные интересы в истинные цели, то это свидетельствует как о хорошем качестве элиты, так и о том, что перед будущей стратегией сформулированы верные цели. Естественно, что при адекватном восприятии целей необходима и адекватная оценка имеющихся ресурсов.

«Верные цели», приходится признать, не формулировались вплоть до начала 2012 года, пока В. Путин не опубликовал серию статей, имевших программный характер. До этого к таким идеологически концептуальным инициативам можно было отнести разве что евразийскую идею, выдвинутую тремя президентами осенью 2011 года. Как справедливо заметил А. Тома, «всё, что сейчас вызревает в России на уровне идей, будет проецироваться на „Большое пространство“, которое одни называют Большой Россией, другие Евразийской или Православно-славянской цивилизацией, третьи постсоветским пространством и пр.»⁵⁰.

Но нации и государства существуют не в вакууме, а во вполне конкретной исторической реальности, в которой происходят жизненно важные для них процессы. Глобализация существенно усиливает это влияние, в ряде случаев для многих стран делает

его решающим. Так, мировые цены, военно-политическая ситуация, научно-технический прогресс и др. стали в последние годы важнейшими факторами, которые должны не только учитываться, но и заранее приниматься во внимание при принятии тех или иных решений. При формировании российских бюджетов, например, прогнозные оценки цен на нефть имеют важнейшее значение.

Наконец, достижение этих целей зависит от **искусства стратегии**, включая искусство использования имеющихся ресурсов, учет международных факторов. Именно искусства, в котором аккумулируются как знания по широкому, даже практически неограниченному спектру вопросов, опыт — политический, военный, экономический, идеологический — и талант управленца, политика. Так, если цели не подкреплены соответствующим ресурсом, то стратегия — авантюристична. Примеров мы знаем немало. С другой стороны, если цели значительно недооценивают собственные возможности и объемы ресурсов не амбициозны, то они не просто не амбициозны (как порой происходит в сегодняшней России), но ведут к стагнации.

В современной России мы сплошь и рядом видим и то, и другое. Мы нередко заявляем об амбициозных проектах, не осознавая до конца необходимый объем ресурсов (в т. ч. и ресурса времени). Или обращаемся для достижения поставленных целей к другим ресурсам, пытаемся решить эти задачи заведомо неэффективными методами.

Но чаще мы видим в силу бюрократического характера власти отсутствие амбициозных, «масштабных», как не раз говорили Д. Медведев и В. Путин, целей. Мы нередко заведомо низко ставим планку», не используем все свои резервы, ресурсы и возможности. Это, естественно, делает наши стратегии неконкурентными, ибо чего-то значительного добиться без мобилизации всех ресурсов в интересах опережающего развития невозможно.

Таким образом, изначально базовые ценности и национальные интересы являются основой, **фундаментом любой стратегии**, которая, в свою очередь, также прямо зависит от формулируемых элитой целей. Все вместе — ценности, национальные интересы и цели — как система — выступают в качестве идеологии и становятся фундаментом для стратегии. Выбор той или иной стратегии, таким образом, зависит, в конечном счете, от базовых основ идеологии. Так, в идеологической, по сути, статье «Россия и меняющийся мир» В. Путин в феврале 2012 года следующим образом очертил базовые интересы и вытекающие из них цели:

Во-первых, он сказал, что Россия объективно является частью мирового сообщества и не подвергает сомнению интеграционные процессы («Мы не можем и не хотим изолироваться»), что такая интеграция «принесет гражданам России рост благосостояния и культуры...»⁵¹.

Во-вторых, что «мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей»⁵², имея в виду, наверное, все-таки собственные национальные интересы (потребности), а не групповые и личные.

Это признание В. Путина важно принципиально, ведь в течение многих лет приоритет национальных интересов (потребностей) ставился под сомнение господствующей либеральной традицией. Этот «разлом» существует и сегодня, проявляясь неожиданно в самых различных областях — от политики и экономики до нравственности и культуры. Либеральное меньшинство, в частности, пытается упорно навязать нации приоритет чужих и наднациональных ценностей и интересов — от геополитических до нравственных. Таким образом признание приоритета национальных ценностей лежат в основе национальной стратегии развития.

Но не только. На этот выбор стратегии оказывают серьезное воздействие два других, также идеологических, но уже вполне субъективных, фактора.

Во-первых, это субъективное восприятие элитой существующих реалий, прежде всего национальных интересов, а также ценностей. Это восприятие иногда может не только не отражать потребностей нации, но и прямо противопоставлять им. Прежде всего из-за корыстных, как правило, групповых или личных экономических интересов, либо простого непрофессионализма. Но чаще — из-за ошибочных превалирующих идеологических постулатов. Противоречия между такими интересами неизбежны, однако важно понимать, что в конечном счете все зависит от приоритетности — национальные интересы должны в успешной нации преобладать над другими интересами. Это противоречие, в частности, было сутью политического процесса в начале XXI века в России и отражало всю противоречивость политики В. Путина. Если в первом периоде его президентства групповые интересы преобладали, то затем он эволюционировал в направлении национальных интересов, зафиксировав этот приоритет в своей статье в феврале 2012 года: «...мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей»⁵³.

Кроме того, возможна, даже вероятна, недооценка или переоценка элитой собственных ресурсов. И это — тоже элементы субъективизма в идеологии. И то, и другое одинаково плохо, ибо влияет на эффективность формулирования внутриполитических и внешнеполитических целей. Иногда самобичевание и уничижение в отношении собственного прошлого, реальных и мнимых ошибок, ведет к тому, что превалирующей идеологической тенденцией становится **недооценка** собственных культурных, исторических, интеллектуальных и политических ресурсов. Требования «покаяния» в 1980-е годы, огульная критика советского опыта, разговоры о «вечном русском пьянстве и лени», как это ни покажется странным, находятся в одном русле с вполне прагматическими требованиями переоценки итогов Второй мировой

войны (значит, и роли СССР в послевоенном устройстве), от которых совсем уже недалеко до заявлений о выплате Россией компенсаций за оккупацию».

Между тем, НЧП, прежде всего, культурный, духовный и исторический потенциал России не просто огромен, но имеет и особое значение на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации. Этот потенциал стремительно превращается в фактор развития, мощный ресурс. Связано это, прежде всего, с главной тенденцией мирового развития — превращением творческого потенциала личности в ведущий фактор развития, как экономики, так и общества.

Примечательно, что впервые вполне определенно на этот счет В. Путин высказался только в начале 2012 года. Причем в контексте использования этого ресурса в качестве основного внешнеполитического инструмента: «Россия унаследовала великую культуру, признанную и на Западе, и на Востоке. **Но мы пока очень слабо инвестируем в культурные индустрии, в их продвижение на глобальном рынке. Возрождение мирового интереса к сфере идей, культуры, проявляющееся через включение обществ и экономик в глобальную информационную сеть, дает России с ее доказанными талантами в сфере производства культурных ценностей дополнительные шансы.**

Для России существует возможность **не только сохранить свою культуру, но и использовать ее как мощный фактор продвижения на глобальных рынках.** Русскоязычное пространство — это практически все страны бывшего СССР и значительная часть Восточной Европы. **Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей.**

Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире — и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский»⁵⁴.

Надо признать, что этот вывод пришел к правящей российской элите с существенным опозданием. И отнюдь не стал еще общепризнанным. О необходимости лидерства России в области НЧП я писал не раз, начиная с 90-х годов XX века, удивляясь, почему в развитых странах правящие элиты признали приоритеты науки, культуры и образования, а в России нет.

Лидерство в НЧП, претензии на мировое лидерство в этой области. Как и на лидерство в идеологии — естественная заявка России.

Основу этого национального человеческого потенциала составляет культура, образование и духовность. Соответственно их недооценка, а тем более пренебрежение к этим ресурсам неизбежно ведет и к недооценке ресурсов всей нации. Что, к сожалению, продолжает происходить в современной России, где хроническое недофинансирование этих областей приобрело устойчивый характер.

На идеологию (и, как следствие, — на стратегию) оказывают влияние внешние факторы. Как объективные — тенденции развития научно-технического прогресса, экономические тенденции, развитие мировых рынков и т. д., — так и субъективные — политика тех или иных государств. Подготовка фашистской Германии к войне во второй половине 30-х годов XX века, например, заставила СССР всерьез, радикально изменить не только свои долгосрочные планы развития (включая пятилетки), но и повлияла на фундаментальные идеологические ценности ВКП(б), заставило изменить внешнеполитическую иерархию целей, скорректировать политику в отношении ресурсов, повлияло на социальную политику (отмена выходных, мобилизационная готовность и т. п.). Усиление гонки вооружений в 70–80-е годы в США привело к подрыву экономического потенциала СССР. Это реальность, о которой В. Путин сказал, что «внешние вызовы»

заставляют нас принимать решения в области экономики, культуры, бюджетные и инвестиционные решения». Важно, однако, чтобы это влияние не превращалось в управление.

Иначе говоря, формулирование национальной идеологии и вытекающей из нее национальной стратегии (даже по этой вполне примитивной схеме) находится под влиянием многих объективных (интересы и внешние реалии) и субъективных, позиций элиты. Их адекватный учет и рациональное использование напрямую зависит от профессионализма, искусства политиков, из знаний и нравственности, а, кроме того, способности к стратегическому прогнозу и планированию. То есть субъективный фактор — качество правящей элиты — играет огромное значение при разработке алгоритма национальной стратегии развития. К сожалению, как показывает современная политическая история России, это качество уступает сложности решаемых задач.

5. Неудачные попытки переоценки алгоритма национальной стратегии развития после 2006 года

События последних 25–30 лет все еще предстоит тщательно проанализировать, но уже сейчас совершенно очевидно, что мир в целом вступил в очередную колоссальную социально-политическую и экономическую трансформацию⁵⁵.

В. Якунин

У власти нынешней и власти завтрашней нет цельной стратегии действий, нет продуманных ответов на риски и вызовы в экономике, социальной сфере, тем более — увязки этих решений с меняющейся конфигурацией российской политики...⁵⁶.

И. Юргенс

Неудачные попытки российской элиты 2006–2012 годов перейти к стратегии опережающего национального развития были вызваны множеством причин, но наиболее важная и фундаментальная из них заключается в том, что российская правящая элита пыталась перейти от стратегии стабилизации к стратегии развития в рамках доминировавшей в 90-е годы либеральной традиции и, соответственно, существовавшего её алгоритма. Прежде всего речь идет о том, что не были созданы условия, формирующие социальный и экономический запрос на модернизацию и инновации. Общество и экономика в целом оказались не заинтересованы в 2007–2012 годы в модернизации, как справедливо признает эксперт в этой области В. Ващенко, «Инновационная политика — это действия органов государственной власти и органов государственного управления, направленные на придание экономике инновационного характера развития. Характер и действенность политики определяется тем, как понимается базовый предмет этой политики.

Отсутствие единого понимания сущности и природы инноваций при доминировании представления об инновации как продукте науки, привело к тому, что

главным предметом инновационной политики стали не условия, порождающие необходимость в инновациях (новых способах) и их эффективной реализации, а инновационные ресурсы (продукты науки), которые могут быть (а могут и не быть) востребованы отечественным бизнесом. Базовым положением такой инновационной политики является представление, что инновации создаются силами научно-технического потенциала страны, но могут также закупаться за рубежом.

Таким образом, главным объектом инновационной политики стала наука, которая не только производит инновационные ресурсы, трактуемые как инновации, **но, в соответствии с политикой, еще и ответственна за их внедрение, коммерциализацию и трансфер.** А вузовская наука, к тому же, должна еще создавать малые инновационные фирмы под «разработанные в вузе инновации». На это направлены многочисленные постановления, директивные акты и предписания. Но коль скоро результатов никаких, наука обвиняется в плохом взаимодействии с бизнесом. Проявляется полное непонимание того, что «сферы инноваций» нет, хотя есть сфера науки и есть сфера бизнеса.

Обстоятельный анализ более чем десятилетнего периода формирования и проведения инновационной политики, основанной на вышеприведенном понимании инновации, приводится в выше названном проекте „Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года“.

В проекте отмечается: „Данная стратегия — продолжение проводившейся на протяжении последнего десятилетия политики стимулирования инновационной активности. В 2005 году были приняты Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года, в 2006 году — Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года“. И далее указывается, что „из запланированных в Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года результатов на I этапе (2006–2007 г.) достигнуто лишь менее трети от запланированных показателей, ... а на втором этапе (2008–2010 гг.) ... — около 40 процентов“. И делается следующий вывод: „Ключевой проблемой является в целом низкий спрос на инновации в российской экономике, ... Ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций“.

В чем же причины? На первое место ставится „Человеческий потенциал“ с указанием на то, что „личностные качества — мобильность, желание обучаться в течение всей жизни, склонность к предпринимательству и принятию риска также не являются пока характерными особенностями хотя бы значимой части населения страны. В России, по данным Росстата, участие населения (в возрастной группе 25–64 лет) в непрерывном образовании в 2008 г. составило 24,8 %. При этом, в странах с высокой инновационной активностью этот показатель намного выше: Великобритания — 37,6 %, Германия — 41,9 %, Финляндия — 77,3 %“.

Еще одна причина — бизнес, потому что „восприимчивость бизнеса к инновациям технологического характера остается низкой“⁵⁷;

- стратегия макроэкономической стабильности не была сменена на стратегию национального развития, где главным приоритетом стала бы нация, национальный человеческий капитал, а не пресловутая макроэкономика⁵⁸;
- строго говоря, стратегии развития, тем более опережающего, правящая элита и не предлагала в эти годы. Существовала тактика, которая складывалась из:
 - «ручного управления» в противоположность политико-идеологическому, системному управлению;
 - «точечных» финансовых вливаний и частных программ, которые так и не стали стратегическими проектами (например, приоритетные национальные проекты), хотя и претендовали на эту роль⁵⁹;

- сохранения за правящей элитой 90-х годов основных функций управления и использования ресурсов в их групповых интересах. Правящий класс нулевых оставался за редким исключением основным распределителем ресурсов⁶⁰. Как правило, в узкогрупповых интересах.

Парадоксально, но советско-российская элита очень долго не замечала происходящих реалий, уходя все дальше и дальше от адекватности в оценках происходящего в мире и, соответственно, в разработке такого же адекватного алгоритма развития. Это было особенно заметно в 90-е годы, когда об адекватности руководства, элиты вообще говорить не приходилось, а о национальной стратегии или доктрине говорить считалось в политических кругах плохим тоном⁶¹.

Развалив, в том числе и по этим причинам к 2000 году страну, элита принялась лихорадочно и бессистемно восстанавливать государство и его институты. На это ушло, по меньшей мере, 7 лет. К 2007 году было официально признано, что «Россия стала другой страной». «Другой» — по сравнению с 1999 годом: удалось восстановить государственность, уменьшить внешнюю зависимость, в т. ч. от огромного внешнего долга, обуздать амбиции политиканов и олигархов. Перед страной объективно встала задача опережающего развития, которую, как мы увидим позже, решить за 2007–2011 годы не удалось.

В этой связи возникают закономерные вопросы о допущенных в эти годы ошибках. Хотя бы для того, чтобы не повторять их в будущем, хотя *российский опыт точно показывает, что мы не учимся на своих ошибках*.

Итак, в России с 2006 года мы перешли к стадии переоценки как наших национальных интересов и базовых ценностей, так и разработки стратегии. Забегая вперед, скажу, что этот переход затянулся вплоть до 2012 года прежде всего потому, что идеологически и научно правящая элита не смогла осознать, что «развитие экономической мысли наглядно доказывает, что нет ничего более практичного, чем теория»⁶². Эта констатация видного экономиста и чиновника В. Андрианова ясно характеризует значимость науки и идеологии, которую, однако, в 2006–2011 годы отказывалась признать правящая элита. Происходило это по двум основным причинам⁶³.

Во-первых, в прежние десятилетия мы (точнее, наша элита) — и «коммунисты», и «демократы» — часто неадекватно оценивали ценности и интересы России. Сегодня требуется не только вернуться к истокам наших национальных интересов, но и переосмыслить реальное место России в мире, выработать стратегию развития. Строго говоря, многочисленные выступления 2006–2010 годов В. Путина, Д. Медведева, С. Иванова, В. Суркова посвящены именно этому. И хорошо, что именно президент В. Путин сказал об этих ценностях весной 2007 года в своем послании

Федеральному собранию: «...духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — **это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность**»⁶⁴ (подч. — А. П.).

Завершился период экономического восстановления к 2007–2008 годам, но — и об этом мало ещё говорят — завершился период самобичевания, недооценки собственных возможностей, неоправданного и некритического оптимизма в отношении западных стран и их намерений. Мы устали не только от экономики неоллибералов, но и от их идеологии. Настолько, что даже трудности кризиса 2008–2010 годов заметно не отразились на новом курсе, заявленном В. Путиным и продолженном Д. Медведевым. Идеология (точнее — неидеология) периода развала стала уступать место идеям (ещё не идеологии) развития и восстановления национальной идентичности.

Не случайно, что именно со второй половины нынешнего десятилетия появился запрос на различного рода стратегии и концепции, т. е. по сути, идеологические продукты в национальном, отраслевом, региональном и даже местном масштабе, рассчитанные на долгосрочную перспективу.

Во-вторых, как видно из рисунка, описывающего алгоритм стратегии, определение «национальных интересов» зависит во многом и от имеющихся ресурсов. Повторю, как материальных, так и не материальных. Их, конечно же, в России стало больше, а значит и заявленные цели могут быть иные, более амбициозными. Напомню, что к 2007 году ВВП России достиг уровня 1990 года и даже кризис 2008–2010 годов качественно не изменил эту ситуацию. Но, главное, мы начинаем учиться использовать не только материальные ресурсы, но и ресурсы человеческого потенциала — интеллектуальные, духовные, нравственные. Пока ещё учимся плохо. И во многом потому, что о них заявлено в многочисленных стратегиях, но в реальности ещё мало что сделано. Этот процесс осмысления, развития неизбежно связан с идеологией, без которой говорить об эффективном использовании имеющихся ресурсов, формулировании реальных и амбициозных целей — бессмысленно. Кстати, в Стратегии национальной безопасности России до 2020 года о развитии человеческого потенциала говорится на удивление мало. Этот фактор даже **не выступает в качестве главной цели развития общества и экономики**. Так, в Разделе III Стратегии (Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты (!!!)) они даже не упоминаются. Как цель, но только как объект инвестиций. Цитирую по документу, принятому, напомню, в мае 2009 года:

«III. Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты.

21. Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются:

- в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;
- в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации;
- в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.
- 22. Внутренние и внешние суверенные потребности государства в обеспечении национальной безопасности реализуются через стратегические национальные приоритеты.
- 23. Основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность.
- 24. Для обеспечения национальной безопасности Российская Федерация, наряду с достижением основных приоритетов национальной безопасности, сосредоточивает свои усилия и ресурсы на следующих приоритетах устойчивого развития:
- повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;
- экономический рост, который достигается прежде всего путем развития национальной инновационной системы и **инвестиций в человеческий капитал**;
- наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путем укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнерства;
- экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;
- стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии многополярной модели мироустройства».

Недооценка ресурса человеческого потенциала — прямое следствие недооценки идеологии в последние десятилетия, которая почти 20 лет не только не участвовала в идеологических спорах и разработке собственных моделей опережающего развития, но и сама «добровольно» превратилась в «рынок» для агрессивной экспансии чужих идеологий. За этот период на российском идеологическом и мировоззренческом рынке появилось множество чуждых идей и систем. Не стоит думать, что это произошло случайно: кто-то ведь финансировал исследования и публикации, заботился о «своих» СМИ и институтах Гражданского общества.

Пока в СССР и России ликвидировались средства идеологической борьбы, созданные в годы конфронтации, в целом ряде стран создавались новые и модернизировались старые государственные и общественные институты, предназначавшиеся для этих целей, т. е. мы не только обезоружили себя перед чужими идеологиями, но и сами интеллектуально разоружились. Отчетливо это стало видно в 2008–2009 годах, когда внешняя и внутренняя политика России стала «вызывать беспокойство» и, соответственно, ответную реакцию Запада.

Нации, чьи элиты не знают и не защищают своих национальных интересов и не могут сформулировать внятных целей, стратегий, обречены на уничтожение. Но российская элита во многом формировалась в 1990-е годы, когда категории «национальные интересы», и «ценности» не только не признавались, но даже высмеивались, т. е. эта элита во многом росла и воспитывалась на наднациональных и безразличных, в т. ч. неолиберальных, ценностях, заменивших коммунистическую идеологию под предлогом «деидеологизации».

Создание Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России в мае 2009 года стало первой публичной попыткой государства «вернуться в идеологию», хотя и до этого В. Путин, Д. Медведев, В. Сурков и говорили об этом. Но «вскользь», бессистемно, походя, не акцентируя специального внимания.

Не случайно, появившаяся «идеология Единой России» прямо отсылает читателя к идеологическим сигналам В. Путина. Так, в документе, подготовленном алтайскими единороссами «Ценности и приоритеты партии» в 2006 году, специальный раздел посвящен этой теме. Он так и называется «Идеология президента — идеология партии». Далее цитирую: «„Единая Россия“ за основу своей деятельности принимает основополагающие ценности, изложенные в выступлениях президента. Главной ценностью для партии является человек. Вот почему „Единая Россия“ поддерживает предложенные В. В. Путиным приоритетные национальные проекты: здоровье, качественное образование, доступное жильё, развитие ЛПК. Именно от успешного развития этих сфер зависит будущее каждого конкретного человека, а значит, и страны в целом».

Непосредственно вопросам приоритетных национальных проектов посвящено выступление президента РФ В. Путина на встрече с членами правительства, руководством Федерального собрания и членами Президиума Государственного совета (05.09.05).

Партия выступила с предложениями всесторонней поддержки президентских инициатив, внесла свои конкретные предложения по их осуществлению и взяла на себя ответственность за их реализацию на местах»⁶⁵.

Также не случайно, что антикризисная стратегия России в 2008–2010 годах не основывалась ни на стратегии развития (хотя иногда и появлялись дежурные

ссылки о сохранении Концепции социально-экономического развития 2020 в условиях кризиса), ни на идеологии. Сами антикризисные мероприятия имели явно неидеологизированный, бессистемный характер. Что видно хотя бы из многочисленных выступлений на этот отчет, где идеология развития оставалась за скобками рассуждений об антикризисных мерах⁶⁶.

Попытки заменить национальную идеологию «общечеловеческими ценностями», «прагматизмом» и другими искусственными псевдоидеологическими конструкциями привели не просто к провалу, а к поражению России в идеологической борьбе, утрате большинства позиций. И многие наши нынешние беды — запутанные национальные и федеративные отношения, экономическая дезинтеграция, «суверенитеты» и т. д. — лишь следствие «идеологического разоружения», поражения нации и государства. Мы не успели (или не смогли) трансформировать идеологию СССР, принадлежавшую индустриальной эпохе, к идеологии информационно-технологического этапа развития человечества. Мы вообще «забыли» об идеологии, созидании и развитии, занятые разрушением советского общества и государства. Сегодня важно ещё раз вспомнить о причинах и годах «возвращения идеологии».

Более того, первый период правления В. Путина, — период внутривластной стабилизации и восстановления экономики, также по разным причинам не способствовал разработке перспективных идей и моделей. Отчасти — по объективным причинам (было не до этого), но, отчасти, и из-за того, что главный политик (и он же должен был быть идеологом) — В. Путин — видимо сознательно не хотел брать на себя откровенно идеологические функции. Вплоть до 2006 года.

Между тем уже после завершения восстановительного периода 2000–2007 годов объективно возникла потребность и сформировался общественный запрос на идеологию как во внешней среде (необходимость идентификации себя в мире, своих интересов и целей), так и во внутренней (российскому обществу нужна цель развития). Причем, чем лучше обстояли дела в социально-экономической области, тем неотложнее, актуальнее становилось задача принятия стратегии и обязательная в этой связи задача формулирования идеологических приоритетов. Не случайно, в послании президента России 2007 года обе эти задачи оказались совмещены. Примечательно, что ускорение темпов развития в первой половине 2007 года совпало с ускорением роста доходов населения: темпы промышленного роста и ВВП превысили 7%, а доходов граждан и реальной зарплаты — 13% и 18,4% соответственно⁶⁷.

В этот же период был сформирован прогноз и бюджет на 2008–2010 годы. В целом эту ситуацию весны 2007 года хорошо описал бывший посол Великобритании в Москве Р. Брейтуэйт: «Российские политики снова обрели необходимую уверенность

в себе, чтобы высказывать свое видение национальных интересов России независимо от того, совпадает ли оно с мнением Запада. Но эта уверенность до сих пор зыбка, слишком зависима от цен на нефть, от внутренней политической стабильности, основанной на централизации и жесткой дисциплине. Чувство агрессивной уязвимости до сих пор сквозит во всех смелых речах»⁶⁸.

Это точное признание английского дипломата, на мой взгляд, говорит одновременно о непонимании Западом мотивов российской элиты, с одной стороны, но, одновременно, и о том, что сами эти мотивы нами не до конца сформулированы, с другой.

Таким образом, усиление государства без его ясной идеологической составляющей отмечено в 2006 году, привело к росту настороженности за рубежом, усилению враждебной критики в адрес России. Усиление идеологии, в основе которой находилась не доктрина, а выступления лидера, «сигналы» обществу неизбежно вызывает вопросы как за рубежом, так и внутри страны. И обеспокоенность тоже, ведь не ясно (куда в конечном счете заведут эти «сигналы»). Как отмечал в декабре 2006 года министр иностранных дел РФ С. Лавров, «нарастание такой критики происходит по мере того, как Россия становится более уверенной в своих силах. Наверное, всегда есть желание у конкурентов постараться своего партнера-конкурента как-то ослабить»⁶⁹.

Это самое простое объяснение. Но не обязательно самое верное. Дело в том, что сильное, независимое государство, которым становится Россия, должно четко себя позиционировать в мире. И прежде всего идеологически. Наши партнеры и союзники, а тем более оппоненты, должны ясно понимать, чего мы хотим и что готовы за это заплатить, а за что нет. На мой взгляд, они готовы смириться даже с нашими завышенными амбициями, если мы их толком и аргументированно сможем заявить. Но с чем они определенно не готовы смириться, так это с нашей непрогнозируемостью, завуалированностью наших целей, вытекающей из отсутствия внятной идеологии и стратегии.

Ситуация стала меняться со второй половины 2011 года — с выдвижения глобального евразийского проекта — и особенно в начале 2012 года, когда В. Путин выступил с серией статей, имеющих концептуальный характер. Его выступления были «направлены на оформление новой повестки дня и по факту уже формируют ее»⁷⁰, — отмечал политолог Б. Кагарлицкий.

Примечательно, что обсуждать по существу предложения В. Путина оказалось не готова не только оппозиция, но и собственно сторонники В. Путина, что говорит в пользу неспособности интеллектуально-политической элиты России пересмотреть прежние алгоритмы идеологического и политического развития.

6. Модернизации, инновации и алгоритм национальной стратегии развития после 2012 года

...есть много чудачков, принимающих «новый улучшенный шампунь» за прогресс, новую версию Windows за инновации, а «оранжевую революцию» за всемирно-историческое событие...⁷¹.
О. Матвейчев

Без ясного представления о динамике мировой системы невозможно выработать адекватные стратегические приоритеты...⁷².

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Перед Россией, как и другими странами, не раз за ее историю возникала проблема модернизации. И каждый раз она решалась по-разному, в зависимости от эффективности избранной стратегии. Наиболее успешно при П. Столыпине, когда менее чем за 10 лет промышленное производство выросло на 88% (реальное «удвоение ВВП»), запасы зерна превысили 5,6 млн т (двухлетний объем зернового экспорта современной России), а расходы на образование увеличились в 10 раз⁷³. Коренные изменения произошли и в социальной структуре России: из общины вышла почти треть крестьянских хозяйств. И все это на фоне массового террора (более 26 тыс. актов) и сложной международной обстановки.

Иные стратегии модернизации предлагались С. Витте и И. Сталиным (индустриализация за счет сельского хозяйства), Н. Хрущевым, Н. Косыгиным, Ю. Андроповым, наконец, никакой стратегии не предлагалось М. Горбачевым.

В 1990-е годы также была предложена стратегия своего рода модернизации, когда рыночные механизмы, не контролируемые обществом и государством, сам по себе должны были модернизировать экономику и общество.

Первое десятилетие нового века было посвящено стабилизации и разговорам о будущей модернизации, которое в конце нулевых стали приобретать некую форму.

Результат в 2012 году — провал «Стратегии–2020» и Стратегии инновационного развития, новые варианты которых срочно пришлось готовить в 2011 году. На практике, кроме пиара Сколково, трудно что-то обнаружить. Ситуация объективно за последние годы не улучшилась, а ухудшилась. Как отмечает редакционная статья «НГ», «Пока же „Сколково“ ничего, кроме пиаровских акций про будущую „инновационную экосистему“, предъявить не может. Да и эти обещания выглядят не очень убедительно на фоне только что появившейся статистики. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, над тем, чтобы покинуть страну, раздумывают 11% россиян. В их числе прежде всего молодые перспективные представители среднего класса. Среди россиян в возрасте от 18 до 24 лет навсегда уехать готов почти каждый четвертый»⁷⁴.

При этом, по-прежнему количественные и макроэкономические показатели внешне сглаживали общую картину. В отчете В. Путина Государственной думе 11 апреля констатировалось: «В начале 2012 года, как мы и планировали, российский ВВП превысил докризисный уровень. Это значит, что наша экономика в полном объеме преодолела последствия спада 2008, 2009 и отчасти даже 2011 годов. Я приведу цифры: объём ВВП России в ценах 2008 года составил, по итогам 2011 года, 41,421 трлн рублей, а по итогам 2008 года — 41,277 трлн, мы его чуть-чуть превысили»⁷⁵.

Таким образом, можно констатировать, что 2011 год для России оказался провальным с точки зрения модернизации и национального развития, а рост зависимости экономики и социальной сферы от энергоресурсов увеличился. На фоне прогнозируемого мирового кризиса 2015–2017 годов это вызывает самую острую тревогу⁷⁶.

Изначально важно определить, каков главный предмет модернизации и инноваций? Что мы вообще имеем в виду? Ответ на этот вопрос в современной России дается разный, что свидетельствует о полном отсутствии национальной стратегии развития.

Определенная часть общества, прежде всего либералы-западники, рассматривают модернизацию и инновации как политическую модернизацию — в общественной жизни — и процесс внешних заимствований — в экономике. Это стало особенно очевидным в период избирательной кампании 2012 г., когда практически все требования либеральной оппозиции сводились к модернизации политической системы.

Другая часть общества, в основном в правящей элите, видит в них преимущественно экономическую модернизацию, связанную со структурной перестройкой экономики, полагая ее панацеей от всех бед и проблем. Собственно говоря, эта точка зрения была преобладающей в элите все 2007–2011 годы и привела к нулевым результатам. Подтверждением этому стала ревизия Концепции социально-экономической политики 2008 года и Инновационной концепции, проведенные в 2011 году. За это время структура эко-

номики стала еще хуже, а технологическая отсталость только увеличилась.

Наконец, существует третья точка зрения, которая, коротко говоря, заключается в том, что модернизация и инновации должны стать средством стратегии национального (общественно-экономического развития).

Эта точка зрения присутствовала до 2011 года в элите, но в феврале 2012 года ее отчетливо сформулировал В. Путин в одной из статей, заявив о «необходимости наверстать отставание, вернуть себе технологическое лидерство **по всему спектру** основных военных технологий (!)»⁷⁷.

В этой связи следует сделать две важные оговорки. Во-первых, технологическое лидерство в области военных технологий без технологического лидерства вообще невозможно. И опыт СССР это доказывает. Впрочем, такое лидерство невозможно и без лидерства идеологического и экономического.

Во-вторых, прежний, консервативный алгоритм стратегии, устаревший, как показали провалы «Стратегии–2020» и «Инновационной стратегии России до 2020 года», придется неизбежно менять на новый алгоритм, который, похоже, еще только формулируется В. Путиным. Он изначально должен ориентироваться на развитие ГЧП, а не на замораживание инвестиций в науку, культуру и образование (как это планируется в бюджете на 2012–2014 годы), при сокращении государственных доходов относительно ВВП страны⁷⁸.

Рис. 7. Динамика доходов федерального бюджета

Важно, таким образом, осознавать, что в эпоху глобализации, не имея своей ясной идеологии, мы ставим по угрозу как свою национальную идентичность и суверенитет, так и отказываем себе в продуманной долгосрочной стратегии национального инновационного и ускоренного развития. Национальная стратегия является, таким образом, **следствием идеологии**, а не абстрактной системой набора идей, не имеющих отношения к политике и экономике. *Отрицая идеологию, мы в конечном счете, лишаем себя будущего.*

Какое будущее может быть у нации и государства, в основу идеологии которых положена идея потребления? Прав, безусловно, патриарх Кирилл, сказавший, что если такая идея «...сохрани Бог, когда-нибудь станет нашей национальной идеей, то мы уже не будем петь „Славься, Отечество наше свободное“. Все

закончится, потому что частные интересы людей неспособны обеспечить выживание общества и страны, если нет объединяющей идеи, неспособны сохранить страну ни в мирное время, ни тем более в военное»⁷⁹.

Простой пример. На встрече с представителями крупного бизнеса 6 февраля 2007 года Владимир Путин призвал создать условия для диверсификации экономики, чтобы обеспечить «инновационный путь развития». И хотя эксперты оценили этот тезис как программный для последнего года президентства Путина, его выполнение, — уже тогда отмечали эксперты, — столкнется с большими предвыборными трудностями⁸⁰, прежде всего, неготовностью бизнеса и государства к реальному переходу на инновационный путь развития.

Собственно это и произошло в последующие годы: заявления и инновационные программы, не подкрепленные реальными механизмами реализации, причем механизмами системными, идеологическими, а не разовыми решениями, привели практически к нулевому результату к 2012 году. Горькая оценка неспособности к инновациям, прозвучавшая в 2010 году у Д. Медведева, во многом была предопределена всеми предыдущими действиями власти. Если говорить об институциональных изменениях за 2008–2011 годы, то можно признать, что движение было незначительным, а в ряде случаев его не было вовсе. Это хорошо видно на следующих примерах (табл. 1)⁸¹.

Если вновь обратиться к рисунку, на котором изображен алгоритм стратегии, то мы увидим, что обязательная роль в нем предполагается не только декларированию и даже нормативно-правовому оформлению **цели**, но и обеспечению такой стратегии необходимыми **ресурсами**. А необходимых ресурсов и эффективной стратегии их использования для развития человеческого потенциала и инноваций выделено не было. Прежде всего от недопонимания значения НЧП правящей элитой. Так, только весной 2010 года было сказано о льготном налогообложении инноваций и образования, но при этом кредитная

политика, как была, так и осталась, антиинновационной. В целом же можно констатировать, что в 2009–2011 годах власть только начала процесс обеспечения своей инновационной стратегии необходимыми ресурсами. Вопрос о том, насколько быстро пойдет этот процесс в условиях приближающегося кризиса и стагнации после 2012 года, остается открытым. В 2010 году в США, например, свыше 90% прироста ВВП обеспечивается за счет экономики знаний и развития человеческого потенциала, а более 60% всех предприятий имеют инновационный характер (Для России этот показатель равен 5%).

В эти же годы существовала, на мой взгляд, совершенно наивная точка зрения, обанкротившаяся еще во времена М. Горбачева, что «Запад (в данном случае страны Евросоюза) нам поможет». Реальность же такова, что по мере роста уступок и ориентации на западные ценности Россия теряла все сильнее свои собственные политические и экономические позиции. Это хорошо видно на примере доминировавшего в свое время в политике «хельсинкского процесса». Как заметил исследователь МГИМО(У) Л. Воронков, «...35 стран, которые в 1975 году договорились в Хельсинки о нерушимости европейских границ и территориальной целостности, превратились к 2012 году в 56 государств-участников ОБСЕ. Переименовав в 1994 году СБСЕ в ОБСЕ с декларированной целью способствовать активизации политических консультаций, государства-участники вскоре после Стамбульского саммита 1999 года полностью прекратили созыв саммитов и встреч ОБСЕ. Государства-участники СБСЕ, которые когда-то требовали от СССР и его союзников упростить визовые ограничения и обеспечить советским гражданам свободу выезда за границу, ужесточили требования для получения виз гражданами России. США ввели санкции против СССР за ограничения выезда советских евреев в виде „поправки Джексона-Вэника“. Она до сих пор не отменена, несмотря на то, что Со-

Табл. 1. Сравнение условий ведения бизнеса в России и странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)

	Россия в 2008 г.	Россия в 2012 г.	В странах ОЭСР в 2012 г.
Сложность подключения электроэнергии			
Дней для получения разрешения	281	281	103
Стоимость подключения*	3966	1852	93
Сложность оформления импорта			
К-во необходимых документов для ввоза	11	10	5
Дней для получения разрешения на импорт	36	36	11
Плата за ввоз одного контейнера, долл.	1750	1800	1085
Барьеры для начала строительства			
К-во процедур согласований при строительстве	61	51	14
Дней для получения разрешения на начало строительства	632	423	152

* в процентах годового душевого дохода.

Источник: ежегодные отчеты Всемирного банка Doing Business.

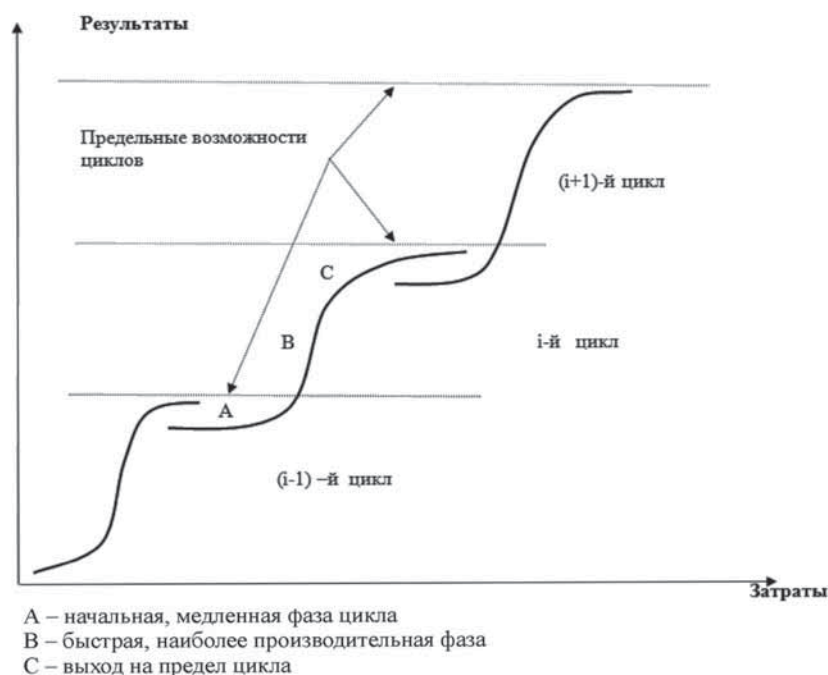

Рис. 8. S-образное развитие

ветского Союза уже не существует, а примерно 20% населения Израиля составляют бывшие советские граждане, а между ним и Россией введен безвизовый режим. Можно ли создать надежную и стабильную систему европейской безопасности и сотрудничества в Европе на основе, которая допускает такие метаморфозы? Полагаю, ответ очевиден»⁸².

В 2011–2012 годах резко усилилась критика В. Путина со стороны либералов-западников, получивших в лице М. Прохорова весьма серьезный, политический ресурс (напомню, что в марте 2012 года в крупных городах он получил до 20%, заняв второе место).

Однако влияние либералов на власть в политике и экспертном сообществе не соответствует их реальному положению в политической и экономической жизни страны. Можно говорить о том, что это меньшинство навязывает свою политическую и экономическую повестку дня. В том числе и алгоритм национальной стратегии.

Так, по оценкам социологов, «свыше половины населения (55–56%) вообще затруднились сказать, кого представляют либеральные партии. При этом в глазах большинства населения (74%) реальной политической силой является партия власти. Поверить в дееспособность КПрФ готовы 51%, ЛДПР — 42%, «Справедливой России» — 31%, «Яблока» — 9%, «Правого дела» — 8%, ПАРНАСа — 4%. Полученные данные соотносятся с главными упреками в адрес несистемной оппозиции: «Они только говорят и ничего не делают», «Они не представляют наших интересов»⁸³.

Что же они (либералы-западники) навязывают? Если коротко, то они не предлагают сложных рецептов. Их алгоритм сводится в конечном счете к следующим утверждениям:

- надо отказаться от национальных ценностей и национальных интересов в пользу универсальных ценностей развитых государств;
- необходимо продолжить местную монетарную политику макроэкономической стабильности даже под угрозой стагнации;
- необходимо реформировать политическую систему, лишив ее по сути элементов сохранения контроля над политической стабильностью;
- предоставить полную свободу либеральным СМИ и институтам гражданского общества соответствующей ориентации имплантировать западно-либеральную систему ценностей.

По сути дела речь идет об отказе от национальных интересов и формулировании таких целей и стратегии, которые соответствовали бы представлениям зарубежных идеологов. Не случайно В. Путин был вынужден в феврале 2012 года в очередной раз подчеркнуть, что «...мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей...»⁸⁴.

Это та реальная точка отсчета, от которой мы должны исходить при реализации национальной стратегии опережающего развития. И начинать надо было с системного анализа проблемы национального развития, хотя бы самого простого, в котором раскрывался алгоритм стратегии.

Алгоритм раскрытия экономического развития страны, общества⁸⁵:

1. Влияние географического положения страны на развитие хозяйства.
2. Направления государственной экономической политики.
3. Развитие промышленности: районы; специализация регионов; виды, характер и особенности организации производства; типы промышленных

- предприятий; технические достижения; объем выпускаемой продукции и пути ее реализации.
4. Развитие торговли.
5. Развитие сельского хозяйства: земледелие (разновидности культур, развитие орудий труда и сельскохозяйственной техники, урожайность); скотоводство; промыслы; объем производимой продукции и пути ее реализации.
6. Развитие форм собственности.
7. Финансовое развитие страны (состояние денежной системы; банки, ростовщичество); финансовая политика государства.
8. Роль экономики в социально-политическом развитии страны.
9. Место страны в мировом производстве.

Важно понимать также суть, процесс и логику инновационного развития. Надо помнить, например, как пишет В. Ващенко, что «все системы человеческого общества (экономические, технические, социально-политические), как на макро, так и на микро уровне, подчиняются закону S-образного развития, см. рис 8. Это означает, что развитие любой системы представляет восходящую последовательность S-образных циклов (этапов), смена которых связана со сменой базового фактора, определяющего возможности (эффективность, производительность) системы на данном этапе. После задействования нового определяющего фактора система переходит на следующий, более высокий этап (цикл), и развитие продолжается. Наглядными примерами S-образного развития являются, так называемые технологические уклады, связанные с циклами деловой активности Й. Шумпетера, раскрытая Г. Меншем цикличность обновления техники («инновационные волны»), описанный Г. С. Алтшуллером график в виде «лесенки» развития характеристики технической системы.

При S-образном развитии каждый очередной цикл формируется путем создания или поиска и включения в процесс средств и процедур, выводящих систему на более высокий по эффективности уровень и повышающих её предельные возможности. Создание или поиск таких возможностей, он же способ, основой которого являются найденные средства и процедуры, и есть инновация. Сами средства и процедуры могут быть новыми (специально созданными для данного случая), а может быть новое использование уже существующих средств и процедур.

Та новизна, которая является характеристическим признаком инновации, относится не к средствам и процедурам, а к **способу** их использования.

Средствами, выступающими в качестве основы инноваций, в современных условиях являются, прежде всего, научные разработки, технологии, изобретения, не исключены также организационно-экономические процедуры. По своей прикладной направленности инновации в сфере экономики могут быть продуктовыми, процессными, маркетинговыми и организационными, но во всех случаях главной

целью (мотивом) инновации является выгода в её широком понимании (сверхприбыль для бизнеса, победа в конкурентной борьбе, успех, завоевание, преодоление, достижение и т. п.). Инновация возникает тогда, когда есть проблема (задача), решение которой требует новых подходов и способов.

Таким образом, в самом общем случае можно дать следующее определение инновации.

Инновация — это новый способ решения задачи (преодоления, достижения, завоевания...). Новый потому, что известные способы не дают требуемых результатов. Основой способа, его средством могут быть научные разработки, технологии, изобретения, организационно-экономические процедуры. Средства могут быть как новыми, так и уже известными (новизна в способе их применения).

Данное определение в своей сущности совпадает с тем, как определял инновацию И. Шумпетер — основоположник теории инноваций. И. Шумпетер в своей работе «Теория экономического развития», изданной в 1912 г., рассматривал инновацию как новую комбинацию факторов производства. Согласно Шумпетеру, инновация является главным источником прибыли: «прибыль, по существу, является результатом выполнения новых комбинаций».

Действительно, сегодня не надо никому доказывать, что без инновационного взлета наша экономика обречена на прозябание, на вечное сохранение статуса сырьевого придатка ведущих мировых держав. Но кому сегодня в России реально нужна инновационная модель развития экономики? Как пессимистически считает начальник инспекции контроля расходов федерального бюджета на науку и образование Счетной палаты Вениамин Соколов, правительство замораживанием в различных фондах гигантских средств показывает, что федеральных чиновников эта идея, несмотря на декларации, мало волнует. Инновационная экономика не очень интересна и нашему бизнесу — он не предъявляет спроса на инновационный продукт. И уж тем более мы не нужны с нашими инновациями на международных рынках, там их и без того хватает. То есть отсутствуют три основных фактора, способных поднять инновационную среду. А потому в наших условиях инновационная модель развития изначально конфликтна. Поэтому для ее продвижения нужны **политическая воля и создание соответствующих институтов**⁸⁶. Одних деклараций мало.

Но не только. Сами по себе эти приоритеты идеологически до конца не выстроены, а тем более не подкреплены реальными, значимыми ресурсами. Так, в послании 2007 года Федеральному собранию В. Путин декларировал выделение 180 млрд рублей (7 млрд долл.) на развитие нанотехнологий. США на четыре года выделили 3,7 млрд, а ЕЭС на 3 года — 1,3 млрд евро. При этом не вполне ясно, почему эти расходы (сопоставимые со всеми расходами на фундаментальную науку) идут только на нанотехнологии.

Как отмечают российские эксперты, «приравнивание всего научного бюджета РФ к объему отдельно взятой nanoинициативы — сильное решение. Даже во времена советского атомного или космического проектов пропорции были иными. Впрочем, эксперты уже успели повторять, что по всему НТП-фронту нынешняя Россия атаковать не в состоянии и стоит определиться с приоритетами. Вот вам и приоритет»⁸⁷.

Провал этого и других инновационных проектов к 2012 году стал очевиден. Это были вынуждены признать как Д. Медведев, так и В. Путин, поручив пересмотреть, «внести корректировку» в Стратегию социально-экономического развития России до 2020 года и в Концепцию инновационного развития России до 2020 года. Что и было сделано к концу 2011 года. Но «корректировка» не коснулась основных, принципиальных положений, которые, по признанию ведущего разработчика В. Мау, привела к тому, что эти документы носят «рекомендательный», а не нормативно-обязывающий характер.

По меньшей мере, это решение президента РФ должно быть объяснено в рамках не только стратегии развития науки и экономики, **но и идеологически**. Как это было в свое время с космическими и ядерными программами, ведь недофинансирование остальных областей фундаментальной науки и НИ-ОКР — очевидно. Тем более непонятно, почему из инновационной политики властью в 2007–2010 годах «выпала» социо-гуманитарная сфера. Инновации — это, прежде всего, люди, развитие человеческого потенциала, а затем уже технологии. Эта приоритетность в деятельности власти перепутана.

Мода на инновации и модернизацию, появившаяся в 2007–2010 годы в риторике руководителей разного уровня, — явление неплохое. Но эта мода может остаться только риторикой, если не последуют результаты. Пока мы этого не наблюдаем, что вынудило даже Д. Медведева и В. Путина не раз в 2009–2010 годах говорить о том, что инициативы тонут в бюрократической пучине.

Алгоритм стратегии опережающего развития предполагает: **во-первых**, правильно, адекватно сформулированы проблемы и цели, **во-вторых**, они выстроены в приоритетном порядке, **в-третьих**, они учитывают и используют мировые тенденции развития наконец, **в-четвертых**, эти приоритеты обеспечены **всеми** необходимыми ресурсами государства и общества.

Последнее обстоятельство следует конкретизировать. Ресурсы — это не только финансы, но и весь спектр потенциальных возможностей. Причем не только государства, но и всего общества. От ресурса времени до административного, организационного

и прочих ресурсов, среди которых особое значение имеют моральный и психологический ресурсы (потенциалы). Не будучи мобилизованы (а в отсутствие идеологии этого сделать нельзя), эти ресурсы не используются. И, наоборот, когда власть и общество понимают значение этих ресурсов для достижения желаемой цели, способны и хотят их мобилизовать, то получается феноменальный результат. Вспомним как в 1941–1942 годах проходила мобилизация этого потенциала. Если в 1939–1941 годах Германия и ее союзники имели примерно в 2–3 раза больше ВВП и производственных мощностей, чем СССР, то даже после оккупации значительной части европейской территории СССР к концу 1942 года наша Родина, ее граждане смогли производить уже больше танков, самолётов, орудий, чем агрессоры.

Кроме того, за инновации надо платить. Реальными деньгами и временем, не ожидая немедленной отдачи. Но ни бизнес, ни правительство пока не готовы платить масштабные деньги за перспективные результаты. Бизнес — потому, что ему выгодно вкладываться в короткие и высокорентабельные проекты, а правительство — потому, что чиновник в принципе не думает о перспективе более года. Для этого такой чиновник должен стать государственным деятелем, т. е. **идеологом**. Да и сама правительственная команда должна быть спаяна **идеологией опережающего развития**. Пока что этот процесс ещё только начинается.

У этой идеологической проблемы, таким образом, есть прикладное, вполне экономическое значение: 2006–2009 годы **завершили стабилизационный**, восстановительный, «переходный» этап развития России, неизбежно и неотложно ставя проблему выбора дальнейшей экономической стратегии страны в XXI веке. Период «стабилизации», о котором президент говорил еще в 2004 году, заканчивается. Уже сегодня заметны элементы нового периода — развития. Кризис 2008–2010 годов помешал этому процессу, в т. ч. и потому, что страна осталась со слабой структурой экономики и без идеологии развития, роль которой, конечно же, не смогла выполнить «Концепция 2020».

Вот почему важно представить не только власти, «для себя», но и для всей элиты и нации максимально адекватно **будущее России**⁸⁸.

А это уже **идеологический выбор**. Причем общенациональный. Это обязательное условие при принятии сегодняшних важнейших политико-экономических решений. Нужно ясное направление, вектор, ошибка в выборе которого сейчас на крошечную величину, приведет в будущем — лет так через 10–15 — к огромным отклонениям. Иногда уже непоправимым.

¹ Есть множество определений понятия «алгоритм», причем каждое из них отражает его важную особенность. Например, «Алгоритм — система правил, сформулированная **на понятном исполнителю языке**, которая определяет процесс перехода от допустимых исходных данных к некоторому результату и обладает свойствами массовости, конечности, определенности, детерминированности.

Слово «алгоритм» вновь стало употребительным с появлением электронных вычислительных машин для обозначения совокупности действий, составляющих некоторый процесс. Здесь подразумевается не только процесс решения некоторой математической задачи, но и кулинарный рецепт и инструкция по использованию стиральной машины, и многие другие последовательные правила, не имеющие отношения к математике, — все эти правила являются алгоритмами. В этом определении для меня важен вывод «на понятном исполнителю языке», ибо идеология должна быть изложена понятным языком для широкого круга граждан, а не «птичьими» макроэкономическими терминами.

Следующее определение (ru.wikipedia.org) — «Алгоритм — это последовательность действий, направленных на получение определённого результата за конечное число шагов» — на мой взгляд, очень важно. Именно такой последовательности нам сегодня и не хватает. Впрочем, как и конечного результата (см. также: Т. 4. Приложение № 1).

² Определение понятий «Стратегия» и «Национальная стратегия» (см. в Т. 4. Приложение № 1).

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009. № 537.

⁴ Подолько Е. Гармония превыше Мамоны // Политический журнал. 2007. 23 июля. № 21/22. С. 62.

⁵ Рар А. Европе пора прорубать окно в Россию // Российская газета. 2012. 6 марта. С. 4.

⁶ Межуев Б. «Мягкая сила» Владимира Путина // Известия. 2012. 7 марта. С. 9.

⁷ За последние полтора-два десятилетия компьютер стал неотъемлемым атрибутом нашей жизни, компьютерная лексика становится всё более привычной. Слово «алгоритм» в наши дни известно, вероятно, каждому. Оно уверенно шагнуло даже в разговорную речь, и сегодня мы нередко встречаем в газетах и слышим в выступлениях политиков выражения вроде «алгоритм поведения», «алгоритм успеха» или даже «алгоритм предательства». Академик Н. Н. Моисеев назвал свою книгу «Алгоритмы развития», а известный врач Н. М. Амосов — «Алгоритм здоровья» и «Алгоритмы разума». А это означает, что слово живёт, обогащаясь всё новыми значениями и смысловыми оттенками (URL: <http://ru.wikibooks.org>).

⁸ Ващенко В. П. Еще раз о сути инноваций // Альманах «Наука. Инновации. Образование» // Минобр РФ. М.: Языки славянской культуры. 2011. № 10. С. 141.

⁹ Цит. по: Назаров В. Удаление от идеала // Известия. 2012. 12 апреля. С. 9.

¹⁰ Патриарх Кирилл. В любви нет страха // Российская газета. 2012. 12 апреля. С. 4.

¹¹ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. 3. Кн. 2. М.: МГИМО(У). 2011.

¹² Ваганов А. Технологии в идеологической западне // Независимая газета. НГ-наука. 2011. 28 декабря. С. 10.

¹³ Торкунов А. В. Школа российской идентичности // Независимая газета. 2009. 14 октября.

¹⁴ Славин Б. Идеология возвращается. М. 2010. С. 18.

¹⁵ Матвейчев О. Инновация и симуляция. Идеология фонд. 2009. 15 марта. URL: www.deologiya.ru/

¹⁶ Торкунов А. Новая Россия в новом мире. В кн.: Торкунов А. В. По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 147.

¹⁷ См. подробнее: Тарелин А. А. Политико-академическое сообщество США: проблемы генезиса // Вестник МГИМО(У). 2012. № 1 (22). С. 90.

¹⁸ Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» // Экономическая газета. 2011. С. 87.

¹⁹ Там же.

²⁰ Путин В. В. Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 3.

²¹ Связывающие Алгоритмы. URL: <http://www.superidea.ru/2006/05/12>

²² Самарина А. Безответные конкуренты Владимира Путина // Независимая газета. 2012. 22 февраля. С. 1.

²³ Злобин Н. Модернизация в минималистском стиле // Российская газета. 2010. 24 марта. С. 3.

²⁴ Патриарх Кирилл. В любви нет страха // Российская газета. 2012. 12 апреля. С. 4.

²⁵ Шеваров Д. Эпоха по имени Шмидт // Российская газета. 2012. 11 апреля. С. 11.

²⁶ Кунчулия Г. Отрицательный человеческий капитал / Эл. ресурс. Наследие. 04.04.2012. URL: <http://nasledie.ru>

²⁷ См. подробнее: Стратегическое управление в зарубежных финансовых институтах развития / под ред. В. Д. Андрианова. М.: Консалтбанкир, 2012. С. 9.

²⁸ Путин В. Выступление в Государственной думе с отчетом о деятельности правительства РФ за 2011 год. 11 апреля 2012 г. URL: <http://premier.gov.ru>

²⁹ Alternatives Futures for Russia to 2017. CSIS Report. November. 2007. URL: <http://csis.org/files>

³⁰ Четвертый сценарий для России: что утаили и о чем проговорились американские эксперты. 15 февраля 2012 г. / Эл. СМИ «Евразия». URL: <http://evrasia.org>

³¹ Чеснаков А. Новые люди // Известия. 2012. 2 марта. С. 5.

³² Стратегия национальной безопасности России до 2020 года. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009. № 537.

³³ Подолько Е. Гармония превыше Мамоны // Политический журнал. 2007. 23 июля. № 21/22. С. 61.

³⁴ Стратегия национального развития (см. подробнее: Т. 4).

³⁵ Якунин В. И. «Диалог цивилизаций» во времени глобальных трансформации // Независимая газета. 2011. 28 декабря. С. 6.

³⁶ Торкунов А. Российская модель демократии и современное глобальное управление. В кн.: Фененко А. В. Концепции и определения демократии. Антология. М. 2006. С. 195.

- 37 Скосырев В. Всемирный банк прописал Пекину горькую пилюлю // Независимая газета. 2012. 29 февраля. С. 1.
- 38 Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. С. 1.
- 39 Торкунов А. Мир становится другим // Мир и политика. 2009. Январь. № 1(28).
- 40 Подберезкин А., Абакумов С. Глобализация и Гражданское общество...
- 41 Казарлицкий Б. Ю. Один за всех // Независимая газета. 2012. 27 февраля. С. 9.
- 42 Затулин К. Союзники придут // Известия. 2012. 29 февраля. С. 9.
- 43 Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности России // Российская газета. 2012. 22 февраля. С. 2.
- 44 Там же.
- 45 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента от 12 мая 2009 г.
- 46 См. подробнее: Вооруженные Силы Российской Федерации: модернизация и перспективы развития / под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2011. С. 96–101.
- 47 Полюхович А. Топливный барьер // Известия. 2012. 2 марта. С. 1.
- 48 В основу этого рисунка положены материалы спецкурса, проводимого ещё в 70-е годы в МГИМО(У) М. А. Хрустальевым и Н. А. Злобиным.
- 49 Лавров С. В. Корни и вето // Российская газета. 2012. 2 марта. С. 6.
- 50 Тома А. Россия выбирает Лидера: взгляд из Беларуси / Эл. СМИ. Империя. 23 февраля 2012 г. URL: <http://imperiya.by>
- 51 Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. С. 1.
- 52 Там же.
- 53 Там же.
- 54 Там же.
- 55 Якунин В. И. «Диалог цивилизаций» во времени глобальных трансформации // Независимая газета. 2011. 28 декабря. С. 6.
- 56 Юргенс И., Гонтмахер Е. и др. Простых решений будущее не сулит // Независимая газета. 2011. 22 декабря. С. 1.
- 57 Ващенко В. П. Еще раз о сути инноваций // Альманах «Наука. Инновации. Образование» // Минобр РФ. М.: Языки славянской культуры. 2011. № 10. С. 144–145.
- 58 См., например: Булатов Ю. А., Мунтян М. А., Подберезкин А. И. Современная Россия: на пути к удвоению ВВП. М.: Дипломатическая академия, 2005.
- 59 См., например: Подберезкин А. Человеческий капитал. Т. 1. Идеология опережающего развития человеческого потенциала. М.: Европа, 2007.
- 60 Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М. Захаров. 2005. С. 65–67.
- 61 Тем не менее в 1992–1999 годах я со своими коллегами по РАУ-корпорации и «Духовному наследию» подготовил несколько работ на эту тему. «Национальная доктрина России» (1993), Концепция национальной безопасности России (1994, 1995, 1996 гг.) и др.
- 62 Андрианов В. Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики от теории меркантилизма до теории саморегуляции / В. Д. Андрианов. М.: Экономика, 2008. С. 7.
- 63 Еще в 2007 году в книге «Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее» (М.: Европа. 2007). Я писал, что «сама их возможность появилась в новых условиях развития. К 2006 году Россия стала другой страной» (с. 4).
- 64 Путин В. Послание Федеральному собранию Российской Федерации // Российская газета. 2007. 27 апреля. С. 3.
- 65 Altay Daily Review. 2006. 15 мая. URL: <http://www.bankfax.ru>
- 66 См., например. Родин И. Путин готовится к отчету // Независимая газета. 2010. 25 марта. С. 3.
- 67 Население сдалось росту доходов // Коммерсант. 2007. 4 мая. С. 2.
- 68 Брейтуэйт Р. Хватит раскачивать лодку // Ведомости. 2007. 4 мая. С. А4.
- 69 Зыгарь М. Великодержавный оптимизм // Коммерсант. 2006. 21 декабря. С. 9.
- 70 Казарлицкий Б. Ю. Один за всех // Независимая газета. 2012. 27 февраля. С. 9.
- 71 Матвейчев О. Инновация и симуляция. Идеология фонд. 2009. 15 марта. URL: www.deologiya.ru/
- 72 Торкунов А. Новые вызовы и новые приоритеты // Международная жизнь. 2004. № 6. С. 47.
- 73 Рыбас С. Там, где меня убьют // Российская газета. 2012. 13 апреля. С. 9.
- 74 Инновационный оброк // Независимая газета. 2012. 13 апреля. С. 2.
- 75 Путин В. Выступление в Государственной думе с отчетом о деятельности Правительства РФ за 2011 год. 12 апреля 2012 г. URL: <http://premier.gov.ru>
- 76 Артюшкин В., Полякова Т. Влияние мировых цен на углеводороды на экономику и политику стран СНГ. М.: ИМИ МГИМО(У), 2012. Март. С. 2, 15.
- 77 Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.
- 78 Маркелов Р., Кривошапко Ю. Еще накопим // Российская газета. 2012. 7 марта. С. 4.
- 79 Патриарх Кирилл. Жить и верить не по лжи // Российская газета. 2012. 1 марта. С. 2.
- 80 Дискурс кубышки // Ведомости. 2007. 15 февраля. С. 1.

- ⁸¹ Куликов С., Сергеев М. Неясные перспективы грядущей шестилетки // Независимая газета. 2012. 12 апреля. С. 4.
- ⁸² Воронков Л. С. С переименованием СБСЕ в ОБСЕ процесс переговоров на основе консенсуса канул в лету / Эл. СМИ Портал МГИМО(У). 28 февраля 2012 г. URL: <http://www.mgimo.ru/>
- ⁸³ Волков Д. Повестка дня: новый поиск // Независимая газета. 2012. 2 марта. С. 5.
- ⁸⁴ Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. С. 1.
URL: <http://pedagog-novator.ru>, May 14th, 2009
- ⁸⁶ Гурвич В. Подайте на инновации! // Политический журнал. 2007. 23 июля. С. 46.
- ⁸⁷ Громов А. и др. Стратегия на настоящее // Эксперт. 2007. № 17. С. 61.
- ⁸⁸ С удовлетворением хочу отметить, что в 2006 году проблема разработки стратегии страны стала уже не только очевидной, но и предметом для обсуждения. В 2000 году, когда была опубликована книга «Стратегия для будущего Президента России», это еще не было столь очевидным. Целые группы авторов, включая коллективы внутри ветвей власти в 2004–2005 годах занимались этой проблемой. Приведем лишь один пример — книгу коллектива ученых Института экономики РАН под руководством Л. Абалкина «Взгляд в завтрашний день», где в предисловии делается примечательное замечание: «Вопрос о будущем России, о завтрашнем дне страны волнует миллионы россиян. Ответ на него имеет не только политический и социально-экономический смысл, но и духовно-нравственное содержание. Без четкого видения контуров будущего усилия по преобразованию общества бессмысленны. Нарастают апатия и пассивность, усиливается стремление урвать у жизни какие-то блага уже сейчас. Для четкого взгляда в будущее нужна долгосрочная стратегия. Ее разработка и принятие — это составное звено самоопределения России». (Абалкин Л. Взгляд в завтрашний день. М.: Институт экономики РАН. 2005. С. 1.).

ГЛАВА 5

ВЫБОР ЭЛИТОЙ¹ АЛГОРИТМА ИДЕОЛОГИИ ПРЕДОПРЕДЕЛЯЕТ ВЫБОР АЛГОРИТМА СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПОСЛЕ 2011 ГОДА

Самое главное — это идеология развития. Когда она есть, все остальные вопросы носят технический характер².

М. Ковальчук
член-корреспондент РАН

...духовность и креативность делают человека реальной силой, наиболее значимой составляющей не только социума, но вселенной³.

В. Петровский

События 2011–2012 годов показали, что существовавшие алгоритмы и модели социально-экономического и политического развития несостоятельны. Прежде всего это выразилось в откровенном провале политики модернизации и инноваций, которую стремился реализовать Д. Медведев в 2008–2012 годы. Конкретный результат такой политики и инвестиций оказался близок к нулю. Как заметил эксперт по этой проблеме В. Ващенко, «Есть ли в России примеры инновационного бизнеса? Да, есть. Но, скорее, не благодаря проводимой государством политике, а вопреки ей. Это IT-сектор, включая программирование, некоторые компании в сферах биотехнологии, молекулярной электроники, химии. Немногочисленные компании из этих секторов образуют своеобразную независимую негосударственную инновационную систему, не оказывающую значимого влияния на экономику страны, поскольку её результаты и финансовая отдача исчезающе малы в общем объеме сырьевой экономики.

Есть еще малое и среднее инновационное предпринимательство, развитие и поддержку которого осуществляет Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. Государственную политику в части малого инновационного предпринимательства выразительно оценивает председатель наблюдательного совета Фонда И. Бортник: «Есть основания утверждать, что, скорее всего, они (государство и малый бизнес. — А. П.) пока почти не замечают друг друга. Одно — разрешило другому быть, но на этом и «успокоилось». Другое — не имеет реальных сил для лоббирования своих интересов и хочет, по крайней мере, сохранения стабильной политической и экономической ситуации». Влияние малых инновационных компаний на экономику страны также исчезающе мало, их вклад в ВВП не достигает и 1%, и, как говорит И. Бортник, «Главное, чего они добиваются, — вытеснить аналогичный импортный товар с нашего рынка». В то время как в Европе малый инновационный бизнес формирует свыше 30%

ВВП, в США — до 53%, а в высокотехнологичной Японии — свыше 70%.

Зато по части имитации инновационных процессов и инновационной деятельности мы впереди планеты всей»⁴.

Не только радикальная оппозиция, но и парламентская оппозиция, а также определенные силы в самой правящей элите потребовали смены существовавших — экономических, национальных и политических — моделей развития. «Скорректированная» «Стратегия-2020», в марте 2012 года даже получила примечательное название — «Новая модель роста — новая социальная политика». По большому счету, стоявший с 2006 года вопрос о смене идеологии национального развития новое приобрел политическое звучание и остроту, даже в кругах правящей либеральной элиты и экспертного сообщества

Реакция на эти требования у правящей элиты была противоречивая. С одной стороны, Д. Медведевым были выдвинуты инициативы по реформе политической системы, которые были расценены как уступка либеральной оппозиции Западу. С другой стороны, говорили уже о новой (общенациональной) стратегии и программе, сформулированной в серии статей В. Путина в начале 2012 года.

С другой стороны, В. Путин в этих статьях неоднократно подчеркивал что «...мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей, а не продиктованных кем-то решений»⁵.

Подобная противоречивость отражала вполне объективные и противоречивые процессы, происходившие в Российском обществе, — запрос на стабильность и запрос на перемены. И первое, и второе предполагает вполне консервативный курс, который будет сопровождаться неизбежной эволюцией политического и общественно-экономического устройства страны. Но, главное, неизбежную смену политико-идеологического курса, основу для которой заложили программные статьи В. Путина зимой 2012 года.

Напомню, что смена господствующей идеологии и модели неизбежно ведет к дестабилизации, даже если она осуществляется эволюционно и консерваторами. Так, смена идеологического режима в СССР привела не только к смене стратегии его развития (точнее, отказу от стратегии вообще), но и, в конечном счете, его развалу. Понесенные в результате этого потери, можно точно охарактеризовать как

катастрофические. Так, в демографической области реформы не только остановили начавшийся резкий демографический подъем, но и привели к откровенной демографической катастрофе⁶.

«Правительство, которое верит в идеалы, делает то, во что верит», — говорил П. Столыпин. Иначе — вера и цель предопределяют не только политический выбор, но и саму политику элиты. В этом и спасение, и угроза для современной России.

Во втором десятилетии Россия также, с одной стороны, добилась определенных успехов и стабилизации, но, с другой — наметились очевидно негативные тенденции, прежде всего, в области стагнации НЧП, с точки зрения игнорирования его значения и хронического недофинансирования. Как заметил в марте 2012 года М. Делягин, «в результате таких бюджетных манипуляций Россия займет еще более скромные позиции по размеру инвестиций в человеческий капитал. Впрочем, на протяжении последних 20 лет инвестиции в культуру, образование и науку в России одни из самых низких в мире среди сопоставимых по потенциалам стран.

В рейтинге расходов на образование в долях ВВП Россия в 2009 году была на 109-м месте из 186 стран.

Печальная картина наблюдается и в области здравоохранения. По данным ВОЗ, в среднем по странам в мире расходы на здравоохранение составили в 2009 году 8,7% ВВП, в РФ — 5,3% ВВП. В рейтинге у России по этому показателю невысокое 115 место. Неудивительно, что по смертности на душу населения Россия находится на 7 месте в мире. Выше нас только Чад, Лесото, Украина, Гвинея-Бисау, ЦАР и Сомали»⁷.

Таким образом, складывается весьма противоречивая картина. К началу второго десятилетия XXI века назрела очевидная необходимость смены политической, экономической и социальной модели развития России, которая доказала свою неэффективность. Ее ресурсы были окончательно исчерпаны еще к 2005–2006 годам, но далее — в 2007–2011 годы последовала фактически стагнация и кризис. Общество и часть правящей элиты стали осознавать это, что проявилось в усиливавшейся беспрецедентно критике власти.

С другой стороны, правящая элита не хотела перемен. Причем не только национально-ориентированных, но и либеральных, опасаясь за ту политико-экономическую стабильность, которой удалось добиться к 2012 году.

1. Алгоритм идеологии и алгоритм стратегии⁸

Алгоритм стратегии всегда является вторичным и производным от алгоритма идеологии.

В данном случае сказанное означает не только последовательность, но и приоритетность одного алгоритма над другим. Это хорошо видно из уже не раз использовавшего рисунка (см. рис. 1).

В частности, «область стратегии» — № 5 — определяется прежде всего политическими целями (которые сами являются производным субъективным представлением элиты о национальных интересах) и имеющимися национальными ресурсами. При этом вполне субъективное представление элиты о страте-

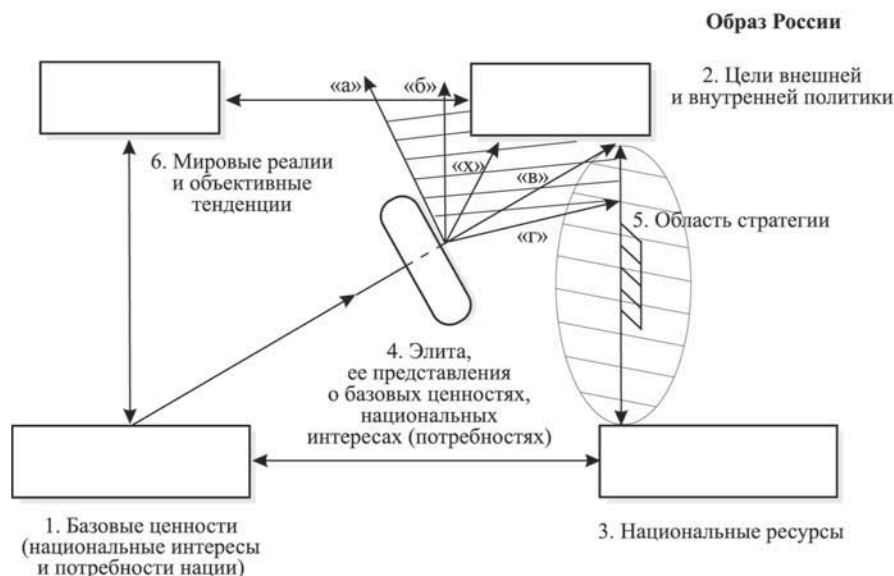

Рис. 1.

гии во многом в действительности предопределено объективными реалиями — национальными интересами, ценностями, международными реалиями существующими ресурсами.

Так, во многом главная российская реальность — демографическая катастрофа — стала следствием тех объективных и субъективных реалий, которые складывались в 60-е и 70-е годы, но особенно негативно проявились в 90-е годы.

Рис. 2. В XX веке Россия избежала демографического взрыва

В свою очередь выбор национальной стратегии развития предполагает признание следующих реалий:

- Существование **объективных** национальных интересов и ценностей, не зависящих от конъюнктурных факторов и представлений, лежащих в основе любой политики и идеологии (группа 1).

- **Объективно** существующих национальных ресурсов и возможностей (природных, материальных, но, прежде всего человеческих), показанных в качестве групп факторов 3.

- Действие **объективных** мировых процессов и существование объективных (международных геополитических, экономических, военно-политических и иных) реалий (группа 6).

- **Субъективное** представление национальной элиты как об этих трех группах факторов, так и формируемых элитой под их воздействием целей и задач внутренней и внешней политики (группа 2).

- **Субъективном** представлении о стратегии, которая является частью политики, направленной на эффективное использование национальных ресурсов в интересах достижения сформулированных элитой целей (группа 5).

- **Субъективном** восприятии элитой системы ценностей, традиций и национальных особенностей. «Вертикаль (власти), — как говорит Л. Радзиховский, — не извне..., она у него в сознании»⁹.

- Наконец, признание того, что политическая деятельность и идеология представляют собой **систему взглядов правящей элиты** на все эти группы факторов и механизмы влияния и взаимодействия между ними, т. е. **вид субъективной деятельности части общества**. Это субъективное восприятие выражается в том, что на формирование идеологии и стратегии развития влияют три группы важных субъективных частных факторов: а) **адекватность** восприятие элитой страны, прежде всего ее руководством, базовых национальных интересов и ценностей; б) учет элитой международных реалий; и, наконец, в) эффективное использование (управление) элитой национальных ресурсов. Но это — принципиальная схема, конкретная реализация которой зависит от **выбора элиты**. Дискуссия,

посвященная такому идеологическому выбору, обострилась в 2011–2012 годы. Она характеризовалась прежде всего активизацией западно-либеральных реформ «сверху». Как сформулировал в марте 2012 года профессор ВШЭ Л. Васильев, «для общества, изуродованного антизападно-антибуржуазной традицией, необходимо движение к либеральной демократии...»¹⁰. Такое движение, по его мнению, должно произойти:

- во-первых, под давлением сверху;
- во-вторых, при достижении «минимального консенсуса» (?!);
- в-третьих, при понимании, «что речь не идет о восстановлении имперского могущества России», которое «никогда больше не вернется».

Таким образом, правящей элите предлагается сделать такой идеологический выбор и принять соответственно такую стратегию, которая соответствовала бы этим принципам.

Так как элита в принятии идеологического решения играет исключительно важную роль, то следует конкретизировать само понятие элиты применительно к современным реалиям. Чтобы специально не заниматься российской элитологией, сошлюсь на признанного авторитета в этой области профессора МГИМО(У) Г. Ашина, который много лет занимался этой проблемой¹¹. Как видно из описания, российская элита представляет сложное, даже разнородное явление (рис. 3).

Но все отдельные ее части в значительно большей степени, чем российское общество склонны (по оценкам социологов, не более 10–15%) поддержать идеологический выбор в пользу либеральной демократии. Думаю, что даже среди представителей этой идеологии многие не поддержат ее основной принцип, в соответствии с которым Россия должна отказаться от мирового лидерства («имперских амбиций»).

Элита очень по-разному может оценивать как национальные интересы и ценности (группа «1»), международные реалии (группа «б»), так и национальные ресурсы (группа «3»). И не только оценивать по-разному, но и влиять на эти факторы. Или не оценивать вообще. Очень правильно по этому поводу сказал А. Чубайс: «Власть не может принять решения, если до этого оно не было выработано элитой»¹². Способность адекватной оценки зависит от многих качеств элиты — профессионализма, опыта, патриотичности, нравственности, способности к стратегическому

прогнозу и т. д., — но, прежде всего, от сложившейся в конкретное время у элиты **системы доминантных взглядов, т. е. идеологии**. Поэтому и адекватность в конечном счете сводится к идеологическому выбору. Вот почему для меня особенное значение имеет именно идеология элиты в конкретный, иногда очень короткий период времени. Ее еще можно назвать привычным термином «позиция», которую занимает тот или иной представитель элиты или группа (многие еще не отвыкли и от термина «линия партии»). Часто эта «позиция» маломотивирована, нередко неадекватно, но ее стараются придерживаться. Из-за того, что этой «линии» следует власть. Иногда эта «позиция» — заведомо ошибочная, но от нее сознательно не хотят отказываться по разным причинам: боязни «потерять лицо», инерции мышления, из-за различных обязательств и т. д., но чаще сугубо личных или групповых интересов. На примере М. Горбачева и Б. Ельцина мы не раз видели, что принципиальной важности решения становились следствием амбиций, обид, интриг.

Исторически для России субъективный фактор — роль лидера и политика элиты — всегда имело огромное значение. Вспомним, хотя бы, роль Петра I, В. Ленина, И. Сталина, М. Горбачева, Б. Ельцина, чья деятельность привела к глубоким, системным изменениям государства и общества. В отличие от развитых стран, чьи элиты ограничены в масштабе своих действий (вспомним, хотя бы случай с Р. Никсоном), российская элита, как показывает опыт, может радикально, даже революционно влиять на судьбу страны. Как в положительном, так и отрицательном смысле.

Если вернуться к уже упоминавшемуся рисунку¹³, то мы увидим, что именно элита должна придти по основным идеологическим вопросам если не к консенсусу, то взаимопониманию, ясно обозначать как проблемы, так и цели развития. В противном случае расхождение в заявленных целях и методах их достижения будет непреодолимо. Именно такая ситуация сложилась к концу 2010 года в современной России, где элита оказалась расколотой. В том числе и по вопросу модернизации.

Значительная часть элиты уже фактически эмигрировала на Запад, приобрела там собственность, учит детей и находится «в состоянии переезда». Эта часть, как ее справедливо назвал В. Сурков, — «офшорная демократия», вообще не заинтересована участвовать в модернизации России, рассматривая ее как лишь источник существования на Западе. Кто же захочет ремонтировать дом, предназначенный на

Рис. 3. Господствующий класс и элита

продажу? Если только для того, чтобы продать по дорожке. Отток капиталов за рубеж в период кризиса 2008–2010 годов, принявший огромные масштабы, показал, что эта часть элиты не просто велика, но и стремительно растет.

Что еще хуже — к этой части элиты, не верящей в перспективу России, присоединяется в массовом порядке средний класс, даже те, кто находится на более низкой ступени социальной лестницы. Если в 1990-е годы уезжали для того, чтобы пережить трудности, то теперь — от неверия в будущее страны.

Другая часть элиты также не заинтересована в модернизации потому, что приспособилась жить в условиях ресурсной экономики, коррупции и безответственности. Ей нужно только, чтобы ее «не трогали», меньше «грузили проблемами» и «не мешали жить». Вполне довольная своим уровнем жизни и возможностями, наблюдая за внешними событиями безучастно, «из-за высоких заборов (стен)», эта часть элиты уверена, что ничего изменить нельзя и менять не надо. *Надо лишь успеть вовремя приспособиться к меняющимся обстоятельствам: как это было при М. Горбачеве, Б. Ельцине, В. Путине, Д. Медведеве.*

Наконец, третья часть элиты занимает активную политическую позицию, которая может резко отличаться в отдельных моментах, но ориентирована в конечном итоге на развитие страны. Вот для этой-то элиты необходимо не только **консолидироваться**, чтобы, во-первых, преодолеть саботаж первой и второй групп элит, а, во-вторых, начинать двигаться в каком-то одном направлении. Пусть с различными тактическими нюансами. На рисунке эти векторы условно названы «х» и «в».

Такой разноречивой в формулировании элитой целей может привести к тому, что ее часть может предлагать неадекватно завышенные (слишком амбициозные) цели — вариант «г», — не соответствующие ресурсам страны и международным реалиям. В то же время другая часть элиты будет предлагать (как это существует сегодня в финансовой части элиты) заниженные цели, также не адекватные потребностям и интересам страны — вариант «а». Если вариант «а» ориентирован на более значительный учет реалий глобализации и, соответственно, уделяет меньше значение национальным интересам и ценностям, то вариант «г» — можно назвать в большей степени изоляционистским: при его выборе не только меньше учитываются реалии глобализации, но и делается значительно больший акцент на использовании национальных ресурсов. (На практике это, например, варианты концепций внешней политики Д. Медведева после его выступления в июле 2010 года в МИДе и В. Путина — в Мюнхене).

Другими словами, у элиты различные есть варианты формулирования как образа России (целей внешней и внутренней политики), так и использования национальных ресурсов. От варианта «а» до «г», при существовании множества промежуточных вариантов (в данном примере указаны только «б» и «в»).

На практике этот сектор возможностей не так уж и широк. Если правящая элита адекватна (что, отнюдь, не всегда факт), то она выбирает один из реалистичных вариантов, не выходя за пределы этого сектора. Хотя бывают и исключения. Так, в начале 80-х годов советская элита приближалась в своем выборе к вектору «г», иногда даже выходя за его пределы, изматывая свою экономику обязательствами, а в 90-е годы российская элита «перепрыгнула» в своей неадекватности за все пределы вектора «а», попытавшись «вскочить» в развитую рыночную экономику, заплатив любую цену.

В рамках одного идеологического вектора — «политики В. Путина» — в действительности можно увидеть два — вариант «б» и вариант «в», — которые весьма близки друг другу, но отнюдь не идентичны. «Мюнхенская речь» В. Путина созвучна больше варианту «в», а выступление Д. Медведева перед послами в 2010 году — варианту «б», «назначение губернаторов» — варианту «в», а «выборы с назначением» — варианту «б» и т. д.

Во втором десятилетии XXI века, особенно после выборов 2011–2012 годов, также проявилось ещё два идеологических вектора, которые в отдельных своих моментах противоречили друг другу.

Один вектор — стратегия на евразийскую интеграцию и усиление роли государства. Как было сказано в заявлении участников круглого стола, прошедшего в МГИМО(У) в январе 2012 года «Модель современной евразийской интеграции, — это сотрудничество и соразвитие духовно богатых народов, реальная альтернатива смешению народов в «плавленном котле» мультикультурализма.

... Находясь между Западом и Востоком, Россия призвана быть одним из центров развития, поиска решений и новых подходов к преодолению глобальных проблем. Российский проект предполагает:

- духовный подъем с опорой на базовые ценности: семью, нравственность, свободу, справедливость и другие ценности, составляющие основу общественного консенсуса вне зависимости от религиозной принадлежности и социального положения каждого члена общества;
- устойчивое развитие на основе территориального планирования с учетом специфики каждого региона и его естественных конкурентных преимуществ, многообразие программ развития и оценка их эффективности по критериям не только количественного, но и качественного характера;
- интеграция через развитие сотрудничества с ближайшими партнерами, что позволит создать значительный общий рынок, обеспечить большую открытость для взаимных инвестиций¹⁴.

Другой вектор — продолжение политики либерализма в финансово-экономической и политической области, похоже, формировался под давлением не только оппозиции, но и части элиты. Инициативы Д. Медведева в 2012 году — подтверждение этого курса.

Соответственно, и с точки зрения ресурсных национальных затрат «разброс» между вариантами достаточно широк. С точки зрения затрат на оборону, вариант «а» предполагает расходы до 0,5% ВВП, а вариант «г» — 5% и более. (Напомню, что в 80-е годы считалось, что расходы на оборону более 8% ВВП, как это было, например, в СССР, вели к экономическому изматыванию страны).

На оборону (2012–2014 годы) было выделено более 20 трлн рублей, в то время как расходы на развитие НЧП фактически были заморожены. Отставание России в развитии НЧП, выраженное в том, что по своим расходам на образование, науку, культуру и здравоохранение она занимала одно из последних мест в мире, таким образом, сознательно сохранялось.

Таким образом, идеологический выбор элиты **предопределяет выбор стратегии развития**, оставляя для нее очень узкое «окно возможностей». Вот почему крайне важно точно, прежде всего идеологически, определиться элите с вектором развития. Пр процитирую еще раз А. Чубайса, с которым впервые соглашусь за последние 20 лет. Более того, выскажу свое безусловное согласие с его тезисами, заявленными в сентябре 2010 года на конференции в Перми¹⁵:

- «Элите не хватает интеллекта, поэтому Россия не может начать модернизацию»;
- «...за полтора года модернизации в этом направлении сделаны лишь разрозненные шаги...»;
- «...разрабатывать стратегию некому: интеллекта на это у элиты нет...»;
- необходимо «заняться внятной инновационной стратегией страны, хотя бы на 10 лет»;
- «необходимо переходить от набора разрозненных мер к целостной, внятной стратегии»;
- «власть не может принимать решение, если оно до этого не было выработано элитой»;
- «власть может в лучшем случае оформить (более или менее удачно и вовремя. — А. П.) и взять на себя ответственность за выбор»;
- «...от масштаба этого политического вызова радикально отстает политическая элита»;
- «интеллектуальная элита радикально отстала от политических лидеров...»;

То, что А. Чубайс сталкивается с теми же проблемами «интеллектуальной безопасности и скудоумия» у себя в корпорации — лишняя иллюстрация правильности его общих тезисов.

Теперь о том, что не сказал А. Чубайс. «Я даже догадываюсь почему: это то, что **стратегии** (т. е. искусства эффективного использования ресурсов ради достижения поставленных целей) без идеологии **не бывает**. А Чубайс это хорошо знает. Более того, поступал и поступает в соответствии с этим принципом. В частности, когда проводил приватизацию, которая стратегически выполняла прежде всего идеологическую, а не экономическую задачу — ликвидацию собственности государства. Об этом я со своими соавторами писал в докладе и книге, подготовленными

Счетной палатой по поручению В. В. Путина. В частности, мы писали, что «исключительная ориентация на западные модели приватизации государственной собственности ... в целом отрицательно сказалась на ходе экономических реформ в стране»¹⁶.

Применительно к современной модернизации сказанное означает, что **процесс модернизации должен преследовать ясные политико-идеологические цели**. Если бы, например, в элите было достигнуто понимание относительно основной цели модернизации, как опережающего развития НЧП, то была бы принята и соответствующая стратегия национального развития, а также вытекающая из нее стратегия социально-экономического развития и соответствующая инновационная стратегия. Но в этом случае главными целями стали бы цели качественного улучшения показателей НЧП, прежде всего демографических, научных, образовательных и т. д., чего к 2012 году так и не произошло.

Сформулировав абстрактные приоритетные цели (Д. Медведев неоднократно их называл — «демократизация» и «благополучие граждан»), элита не смогла предложить внятной стратегии их достижения. И вряд ли кто-то смог бы.

Но и это не всё. Разнобой внутри элиты относительно целей развития усугубляется неизбежным разнобоем относительно средств, ресурсов, а, в конечном счете, самой стратегии. В отсутствии единого представления эта «совокупность понятий», по Зиновьеву, может привести к прямо противоположным подходам, ведь споры, даже война, из-за ресурсов — обычное явление. Действительно, если взять, например, процесс формирования бюджета, то на всех его стадиях — от определения приоритетов до голосования в Федеральном собрании и итоговой подписи президента — происходит борьба не только концептуальная, идеологическая, политическая, но и аппаратная, ресурсная, наконец, просто личная¹⁷.

Результат этой борьбы часто не ясен, а конечные решения — противоречивы — именно потому, что отсутствует общая идеологическая основа как следствие — национальная стратегия. Изменения в тактике следуют нередко прямо противоположные. В результате мы не можем наблюдать последовательности в политике — финансовой, налоговой, бюджетной, образовательной и т. д. — на протяжении сколько-нибудь длительного периода. Как следствие — неверия общества в то, что существующие «правила игры» будут действовать сколько-нибудь долго.

Успешное развитие уже в течение нескольких десятилетий Китая во многом объясняется последовательностью в планах и стратегии, реализуемой элитой страны. Там не только знают, какие правила игры, но и понимают, что те будут существовать долго. Даже если и есть попытки их изменить. Так, несмотря на стремительный рост экспорта Китая в последние 20 лет, курс юаня по отношению к доллару практически не изменился. Несмотря на сильное давление США¹⁸.

Рис. 4. Медленно укрепляющийся юань и стремительно растущий экспорт Китая

В любом случае требуется хотя бы относительное единство внутри правящей элиты по идеологии, т. е. всей «совокупности понятий», которого сейчас нет. Причем его нет даже по принципиальным вопросам. Так, определяя в качестве приоритетной цели инновационное развитие, в т. ч. энергосбережение, экономию ресурсов и т. д., значительная часть правящей элиты игнорирует эту совокупность задач, что в конечном счете приводит к абсолютной невосприимчивости экономики к инновациям. Одно из объяснений этому дал бывший депутат ГД РФ А. Савельев: «У нас есть органы, которые отвечают за определение стратегии развития России. Даже есть документы, в которых эта стратегия сформулирована. Например, военная доктрина, доктрина национальной безопасности страны, ежегодное послание президента РФ, где называются основные направления стратегического развития страны. То есть, что касается выражения стратегии на бумаге, то она обозначена. Не видно только главного — ее реализации».

Вместо обозначенной стратегии у нас проводится в жизнь **идеологическая доктрина**. Она ли-

беральная, ультралиберальная или, как ее в последнее время стали правильно называть, либертатная. Она не имеет никакого отношения к классическому и современному западному либерализму. В российской почве находят отражение лишь своеобразно интерпретированные положения либерализма. Их суть буквально можно свести к одному: пусть страна погибает, лишь бы принцип действовал. На мой взгляд, эти либертатные положения и являются сегодня той самой стратегией развития, которую реализовывают государственные органы»¹⁹.

Другими словами, в нынешней России у элиты есть две стратегии, две идеологии — «на бумаге» и в выступлениях Д. Медведева и В. Путина, и в реальной, в т. ч. экономической и социальной жизни. Одна — путинско-медведевская — вполне адекватная, нормативно оформленная в более 150 стратегиях, но **не работающая**. Именно это и продемонстрировали последние два года попыток модернизации, когда частные шаги, ежедневно предпринимаемые президентом и премьером, дают крайне незначительный эффект. У нее нет идеологии.

Другая стратегия, нигде не афишируемая, не подкрепленная никакими долгосрочными стратегиями и концепциями развития, — **реальная, работающая**. В ее основе лежит идеология дикого российского неолиберализма — вседозволенного воровства, коррупции, кумовства.

Все это очень напоминает последние годы советской власти, когда существовали две моральные шкалы ценностей — «для себя» и «для других». Тогда неэффективность госуправления стала темой анекдотов, а популярные лидеры превратились в предмет насмешек. Как и сама власть, над которой сначала стали иронизировать, потом перестали бояться, потом — считаться, а в итоге — просто отодвинули за ненадобностью. Вместе с великой страной, ее культурой, ценностями и национальными интересами.

2. Адекватность²⁰ идеологического восприятия правящей элитой российских реалий второго десятилетия XXI века

В системной модернизации важнейшую роль играет... «перезагрузка» ценностно-смысловых приоритетов...²¹.

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Власть не может принять решения, если оно до этого не было выработано элитой²².
А. Чубайс

Во втором десятилетии XXI века Россия определенно столкнулась с необходимостью смены алгоритмов идеологии и стратегии своего развития. Прежние подходы себя исчерпали, о чем свидетельствовала не только нарастающая критика в обществе в 2011–2012 годах, но и негативные результаты

реализации предыдущей стратегии национального развития. Экстенсивные методы роста себя практически исчерпали, а интенсивные, — как оказалось — так и не заработали.

Вместе с тем те идеи, которые предложил В. Путин в период своей избирательной кампании начала

2012 года, похоже, не отражали этой потребности. Не случайно известный политолог А. Рар назвал его «консервативным», выбранным «еще 12 лет назад»²³.

Таким образом, со всей остротой встал вопрос не только о необходимости смены модели экстенсивного роста на интенсивную модель национального развития, но и обострилась проблема адекватности российской правящей элиты, ее способности оперативно и точно реагировать на новые вызовы. В этой связи, на мой взгляд, следует прежде всего рассмотреть проблему адекватности правящей элиты существующим и, возможно, будущим вызовам.

Адекватность элиты означает:

- **адекватность** отношения к (объективным) национальным интересам / потребностям и ценностям. Эта адекватность определяется как способностью, профессионализмом увидеть и понять эти интересы, а также способностью ассоциировать их с нацией, а не личными, либо групповыми интересами. Во многом, кроме профессионализма, это требует высокой нравственности и патриотизма;
- **адекватность** в оценке мировых реалий и процессов международной жизни. Эта адекватность, применительно, например, к внешней политике, рассматривалась в 2012 году разными экспертами как «консерватизм», продолжение прежнего курса, или как «бесконечный поиск врагов»²⁴;
- **адекватность** в оценке национальных ресурсов и возможностей, т.е. полному учету и правильной оценке возможностей нации (например, духовных, культурных, а не только ресурсных). Эта адекватность вызвала в 2012 году естественную озабоченность, связанную прежде всего с сохраняющейся стагнацией НЧП России, выраженной в том, что по расходам на эти цели она стабильно находилась во второй сотне государств мира. Как писал профессор Р. Савушкин в фев-

рале 2012 года, «Экономический форум „Россия и мир: 2012–2020“ (январь 2012 г.) отметил: „Главным ресурсом развития в XXI веке стал человеческий капитал, а не нефть и газ. Поэтому нужны конкретные инструменты, чтобы расходы на здравоохранение и образование не ложились непосильным бременем на бюджет, а давали отдачу...“. И далее: „Сегодня ресурсов на развитие человеческого капитала катастрофически не хватает. А это, помимо прочего, ведет к росту эмиграции высококвалифицированной рабочей силы“ (по данным Росстата на ПМЖ за рубеж выезжает 50 000 семей в год)»²⁵;

- **адекватность** в формулировании целей внутренней и внешней политики требует высокой степени профессионализма и искусства в соотношении возможностей и желания.

Другими словами, адекватность — это **субъективное качество** высшего слоя правящего класса — элиты страны, которое отражает более или менее точно **объективные реалии**: чем точнее — тем адекватнее. Или наоборот, — не отражает: тогда это называется неадекватностью. Примеров в недавней российской политической истории — великое множество, но объяснения неадекватности могут быть самыми разными — от психических особенностей личностей до вполне объективных процессов, которые ставят личность (социальную группу) в экстремальные условия, когда от неё трудно ожидать адекватности. Например, в случае радикальных социальных изменений. Пример неадекватности — приватизация в России, которая имела идеологический, а не экономические основы. Соответственно, экономический результат оказался плачевным, о чем наглядно продемонстрировал С. Глазьев (рис. 5)²⁶.

Адекватность элиты — во многом следствие качества идеологической системы, господствующей в определенное время в обществе, либо (как стреми-

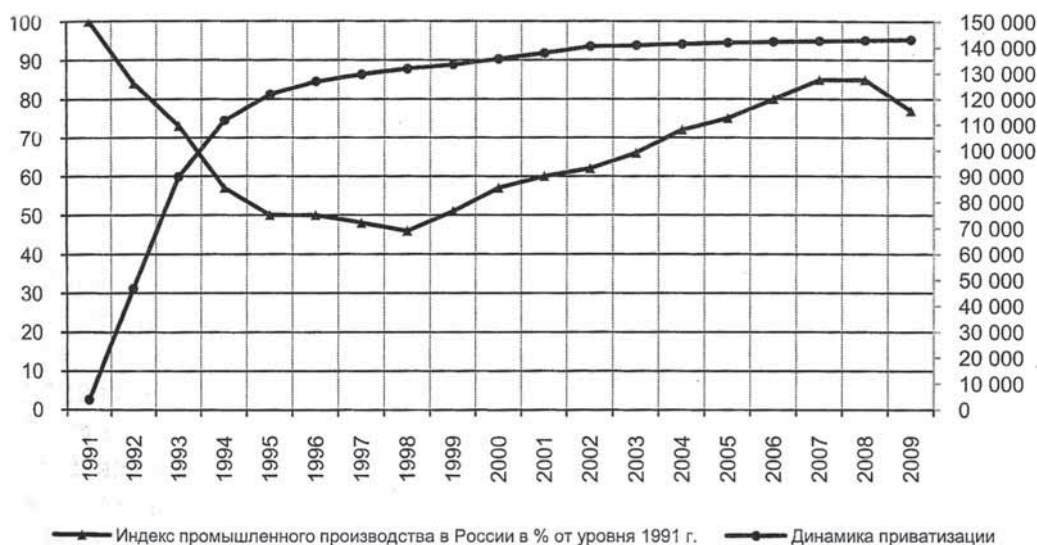

Рис. 5. Число приватизированных объектов промышленности и индекс промышленного производства

лись сделать в последние годы в России) ее отсутствия. Соответственно, чем выше уровень гуманитарного значения вообще и «идеологичности» общества, тем адекватнее элита такого общества. И, наоборот. Мы видим, что развитые страны, где сформировалась система ценностей, а элита в целом осознает национальные интересы, неадекватные представители элиты быстро становятся маргиналами. Как и те, кто нарушают не только писанные, но и неписанные законы и нормы (т. е. идеологию) существующие для элиты. Эта «страховка», «защита от дурака» предохраняет общество и элиту от самоуничтожения и социальных катаклизмов.

Так, неадекватность российской элиты, проводившей приватизацию, привела не только к разбазариванию национальных активов, но и к развалу целых отраслей промышленности. В том числе и тех, которые исторически, традиционно были характерны для уклада жизни. Другая сторона, о которой не подумали приватизаторы, рост импортной зависимости, например, в легкой промышленности достигла 70–80%²⁷.

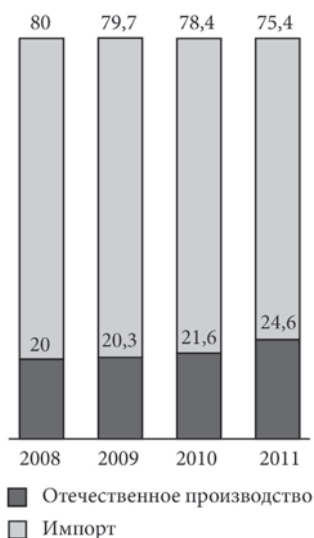

Рис. 6. Доля отечественных и зарубежных производителей легкой промышленности на внутреннем рынке, %

Адекватность элиты — совпадение качественных характеристик не только отдельных представителей, но и отдельных групп элиты современным общественным требованиям. Она очень важное условие эффективности любой политики или стратегии.

На мой взгляд, обязательными качествами современной элиты должны быть:

- профессионализм, выражаемый в высоком качестве образования и опыта;
- нравственность, соответствующая нормам общественной жизни современности но, прежде всего, определяемая интересами нации;
- способность к стратегическому прогнозу и планированию, оценке последствий своих действий;
- способность к творчеству (креативность).

Это можно выразить на следующем рисунке: см. рис. 7. Как видно из этого рисунка, именно от адекватности элиты зависит адекватность идеологии и эффективность стратегии, в т. ч. и использование ресурсов, а, как следствие, и результаты такой стратегии, выраженные в облике современной экономики и общественных институтов. Поэтому критики Д. Медведева и В. Путина, особенно в либеральном общественном спектре, во многом виноваты сами, изначально отвергая необходимость общенациональной идеологии.

На практике, все пять обязательных качеств, как показывает история, присущи минимальной доле российской элиты. По некоторым оценкам, например, хорошее высшее образование имеет не более 50% федеральных и региональных чиновников. О нравственности, в условиях разгула коррупции, говорить еще труднее. Способность к стратегическому прогнозу — минимальна, — о чем свидетельствует хотя бы то, что большинство законов представляют собой редакцию прежних законодательных актов. Наконец, о креативности чиновников говорить вообще не приходится. Говорить об адекватности большинства правящей элиты России вряд ли приходится. Не случайно, критика оппозиции была направлена прежде всего на качество элиты, управлявшей государством в 2000–2012 годы.

Увеличить адекватность элиты сегодня трудно, но можно. Это означает как политику продвижения тех личностей, чьи качества соответствуют общественным требованиям (что займет длительное время), так и, прежде всего, формирование идеологии. Как устойчивой системы взглядов, которой **должны соответствовать** представители правящей элиты. Если хотите, своего рода «партийных норм», с которыми **обязаны** считаться представители элиты под угрозой «вымыывания из ее рядов». Эту последовательность можно предоставить следующим образом: см. рис. 8.

Рис. 7.

Рис. 8.

Другими словами, власть искусственно ставит элиту в жесткие идеологические рамки, вынуждает ее представителей соответствовать общественным, национальным интересам и потребностям и нормам, т. е. быть адекватной. Это означает использование властью инструментов не только административных, финансовых и правовых, но и силовых. Впрочем, подобное уже было при реформах не только И. Грозного, Петра I или И. Сталина, но и в период существования «морального кодекса строителя коммунизма», а до этого в развитых странах — в периоды господства католической церкви или протестантизма (который сегодня так хвалят отечественные либералы).

Чем точнее идеологический выбор элиты (чем она адекватнее), тем эффективнее может быть избрана «стратегия развития, потому что именно этот выбор определяет «коридор» возможных стратегий. Идеальный идеологический выбор связан в этом случае уже не столько с адекватностью элиты, сколько с другими, объективными факторами — соотношением сил, конкретной ситуацией в стране и в мире и т. д. Другими словами, искусство стратегии становится искусством возможного действия элиты в данных условиях. Именно адекватное восприятие элитой страны основных составляющих идеологии позволяет говорить о возможности формировании эффективной **стратегии развития**, без которой, в свою очередь, как справедливо говорил М. В. Ковальчук, «все остальные вопросы носят технический характер».

Так, выдвинутая осенью 2011 года концепция евразийской интеграции, безусловно, означала не только для российской, но и для всей постсоветской элиты. С весьма существенными оговорками: во-первых, далеко не для всей элиты, во-вторых, не во всех постсоветских государствах, в-третьих, не во всех областях (особенно неэкономических).

Мировой опыт региональных интеграционных процессов далеко не однозначен. Если в Европе он в целом определяется успешными результатами, то в Азиатско-Тихоокеанском регионе его результаты далеко не однозначны. Для России, вероятно, более применим этот опыт. И не только потому, что в АТР входят очень разные по развитию и культуре государства, но и потому, что влияние национальных внешнеполитических интересов бывает вполне полярным²⁸.

Как отмечает эксперт МГИМО(У) Г. Костюнина, достижения и провалы АТЭС существуют одновременно. Это надо иметь в виду сторонниками евразийской интеграции²⁹.

Формирование открытой и свободной зоны торговли и инвестиций: достижения АТЭС

На пути формирования зоны открытой и свободной торговли в столь разнородном с экономической, политической и социокультурной точек зрения регионе АТЭС добился:

- снижения ставок таможенных пошлин на 70 процентных пунктов до менее 5,0% в среднем;
- гармонизации таможенных номенклатур в большинстве государств;
- создания общерегиональной компьютерной базы данных по таможенным пошлинам и нетарифным ограничениям, снижения транзакционных издержек бизнеса на 10%;
- введения Дорожной карты для упрощения передвижения бизнесменов;
- реализации более 1200 совместных инвестиционных проектов по развитию инфраструктуры, людских ресурсов и др.

В результате проведения либерализационных мер возросла экономическая взаимозависимость в АТЭС с 57,9% до 64,9% во взаимной торговле и с 39,0% до 72,0% во взаимных инвестициях за два десятилетия.

Провал АТЭС как регионального объединения

Однако перечисленные достижения АТЭС минимальны. Ведь зона свободной торговли для развитых государств форума к 2010 г. так и не была создана вследствие дезинтегрирующих факторов: отказа США и Японии проводить либерализацию на принципах АТЭС (добровольность и невзаимность), снижения заинтересованности других участвующих экономик в реализации Богорской цели, явного акцента форума на политическом сотрудничестве.

Причины снижения заинтересованности многих государств в создании зоны свободной торговли в рамках АТЭС и фактического провала АТЭС как регионального интеграционного объединения связана с усилением восточноазиатского регионализма, стремлением расширить взаимные экономические связи, опасением усиления позиций США в регионе.

Уместно в этой связи напомнить еще раз о том, что понимается под идеологией в контексте адекватности элиты. Определений этому понятию уже приводилось много, но в данном контексте, а именно: «адекватное „понимание элитой идеологии развития“» полезно использовать характеристику покойного философа А. Зиновьева, который писал в своей книге «Идеология партии будущего» следующее: «Предварительно (! – А. П.) идеологию можно определить

как совокупность понятий, суждений, идей, учений, концепций, убеждений, мнений и т. п. людей обо всём том, что в данных условиях (! — А. П.) и в данной человеческой общности (! — А. П.) считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения»³⁰. «Осознание» себя и «своего окружения» — чрезвычайно важно для элиты. Речь идет прежде всего об осознании своей ответственности перед нацией и государством, а не абстрактными понятиями, к которым чаще всего апеллируют — «демократия», «свобода слова» и т. д.

Эту «совокупность понятий» элиты необходимо дополнительно прокомментировать, ибо от нее сегодня слишком много зависит не только для разработки идеологии стратегии опережающего развития, но и совершенно конкретных, практически, даже жизненно важных действий. Например, взрывы в московском метро, прозвучавшие в марте 2010 года, как и многие другие террористические акты до этого, свидетельствуют о том, что против России ведется война, в основе которой находится идеологическая мотивация (создание исламского государства на Кавказе, «борьба на смерть» с неверными т. д.). Противостоять агрессивной идеологии может прежде всего внятная система политико-идеологических мер, т. е. идеология, в которую входят социально-экономические и военные меры, но в качестве дополнительных инструментов. Сами по себе военные или социальные ответные меры малоэффективны. Они должны быть «встроены» в идеологическую систему, которая будет не менее сильной, чем у террористов.

В России, однако, похоже, правящая элита этого не понимает, так как предлагает исключительно силовые или экономические способы противодействия, которые будут заведомо неэффективны против агрессивной идеологии. Так, создание «единого антитеррористического центра» на Кавказе в дополнение к уже имеющимся силовым возможностям — мало что дает, ибо действия террористов происходят по всей территории России. Как идеология, исламский терроризм глобален и тотален, и ему необходимо противопоставить также идеологию. Соответственно региональные, неидеологические усилия, изначально малоэффективны. Что делать, например, с террористами в Сибири или на Дальнем Востоке? Или с авторами радикальных идей, против которых бессильны деньги и оружие.

Также неэффективны только экономические «вливания» в кавказский регион, во-первых, потому что часть этих средств уходит террористам, а, во-вторых, потому что среди террористов находятся не только обездоленные — малообразованные и бедные, — но и вполне благополучные и образованные граждане, которые изначально идеологически мотивированы.

Не подходят и меры, ориентированные на этнический характер преступности. Так, уничтоженный в марте 2010 года лидер террористов Бурятский, был наполовину русский, а на половину — бурят.

Таким образом выбор эффективных антитеррористических мер прямо зависит от идеологического выбора элиты, в частности, создания эффективной идеологической системы, в которую органично входят как экономические, социальные, так и силовые компоненты. В этой связи можно согласиться с Ю. Латыниной, которая полагает, что «касается того, что хотят наши террористы. Они хотели начиная с 1999 г. (на мой взгляд, значительно раньше. — А. П.) освобождения всего Северного Кавказа, это полностью укладывалось как в их идеологию, так и в более широкую идеологию оборонительного джихада, который они ведут на земле, которая когда-то была Землей Ислама.

...цитирую Анзора Астемирова: „Если мусульманин выступает против мусульман на стороне неверных, то отношение к нему такое же, как к неверным, то есть, его кровь больше не является запретной и его можно убить. Признание конкретного человека «неверным» означает, что его следует убить, его имущество — халяль, его жены сразу считаются разведенными, его дети не наследуют от него, и родители не оставляют ему наследства“. „Мусульмане, которые словом или делом помогают неверным против мусульман, — с ними следует сражаться так же, как и с неверными“, — поэтому не ополчайтесь на мечети, на них уже достаточно ополчаются сами ваххабиты»³¹.

Ответ на террор, повторю, должен быть прежде всего в области идеологии. Может быть, именно реакция патриарха Кирилла была самой адекватной. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл призвал сограждан не паниковать и быть солидарными друг с другом. «К несчастью, это не первый за последние месяцы теракт, совершенный в России. И мы отчетливо видим, что опасность подстерегает каждого из нас в любую минуту», — сказал глава РПЦ. Его слова передала «Актуальным комментариям» пресс-служба патриарха. Как подчеркнул Кирилл, «отвечать на эту опасность нужно не страхом, не паникой и не озлоблением». «Пусть нашим ответом станет единство нашего народа, его твердая воля к тому, чтобы остановить террористов и тех, кто их поддерживает, финансирует или оправдывает. Их настигнет Божия кара. Верю, что не замедлит и человеческая справедливость», — сказал он³².

Повторю еще раз: идеологический выбор элиты имеет принципиальное значение не только для экономики и планов развития, но и для повсеместной деятельности государства и общества, деятельности сегодняшней и завтрашней во всех областях. Этот выбор — начало любой политики, любого процесса. От законодательного и информационного до силового и экономического. В случае с терроризмом этот выбор означает, во-первых, что в России, на всей ее территории, а не только на Кавказе, много лет идет война. И наши действия должны быть адекватными, такими же, как у любого государства, которое находится в состоянии войны. Во-вторых, противодействовать терроризму только военными действиями

на Кавказе или экономическими вливаниями, как показывает история, означает продолжение войны на условиях противника. Нужна идеология, выбор элитой стратегии идеологической войны.

Сказанное об адекватном идеологическом выборе элиты в полной мере относится и к реформированию политической системы и государственного устройства России, а тем более модернизации страны, ведь мы так еще до конца и не определились, по какому пути пойдем: некоторые в элите полагают, что нам ничего не нужно изобретать и можно довольствоваться западным опытом; другая часть элиты полагает, что нам нужно вернуться «к истокам» — традиционным ценностям российской империи, — а другие — вернуть советское прошлое. Наконец, значительная часть элиты уже уехала из России или собирается ее покинуть. Ей модернизация вообще не нужна, но она будет мешать модернизации потому, что любые попытки совершенствовать политическую систему страны ограничат ей доступ к ресурсам, т. е. тому, что ей только и нужно от России.

Здесь элите необходимо определиться. И это такой идеологический и адекватный выбор, который, на мой взгляд, синтезирует как традиционные российские и советские ценности, так и опыт западных государств. Выбор будет означать фактический раздел элиты на «своих» (кто хочет модернизации и жить в России) и «чужих» (кто не связывает свое будущее со страной).

Другая часть выбора — реформа государственного управления, которое сегодня не просто малоэффективно, но и не способно вообще реформировать страну. Когда решения готовятся годами, а процент их выполнения не превышает 30%, то можно говорить уже о стойкой неспособности власти контролировать ситуацию. Тем более о ее неспособности проводить модернизацию.

Следует признать, что значительная часть элиты неадекватна национальным интересам и ценностям и по разным причинам саботирует решения власти. Поэтому власти предстоит сломать сопротивление этой части элиты. Если надо, то авторитарными методами. И не надо бояться упреков в «антидемократичности». В данном случае модернизация предполагает развитие институтов демократии, параллельность процессов, но отнюдь не потерю властью контроля над ситуацией. Опыт КНР — очень показателен. Там реформы сопровождаются обязательным принципом «сохранения политической стабильности», который можно трактовать и как сохранение контроля правящей элитой над ситуацией в стране. Как считает академик А. Торкунов, «никто не должен обладать монопольным правом на вынесение оценки демократичности»³³. А в условиях реформирования политической системы тем более.

Поэтому сегодня важнейшей задачей является ликвидация второй, неадекватной национальным интересам, неолиберальной (а на деле — коррупцион-

ной и безнравственной) идеологии, чтобы адекватная идеология стала реальной идеологией всей правящей элиты. Элита, конечно же, и сама может сделать выбор между двумя противоположными идеологиями, но для этого многие ее представители будут вынуждены «наступить на горло собственной песне» — доходам, поведению, образу мышления. Такой выбор российской элиты (в основной ее массе) малореален, поэтому остается одно: как не раз было в истории России, власти придется сделать этот выбор идеологическими, экономическими, административно-силовыми методами, заставив непокорную часть элиты подчиниться своей воле, либо ликвидировать её. Как это происходит, кстати, в Китае, где из 500 000 ежегодно репрессируемых 95% подвергаются моральному, партийно-идеологическому воздействию. Или как это было с В. Гусинским, Б. Березовским, М. Ходорковским и сотнями чиновников, против которых в последние годы была возбуждена масса уголовных дел.

Понятно, что такие шаги должны сопровождаться массовой идеологической кампанией, но не отдельными решениями, как сегодня, а созданием **идеологической системы** нетерпения к коррупции, казнокрадству и бюрократической вольнице. Однажды В. Сурков сделал примечательное замечание на форуме «Стратегия-2020»: «нужно учитывать немаловажный аспект русской политической и управленческой традиции, что „элита“ — это не пожизненное звание, — заметил В. Сурков. — Когда мы видим людей, которые руководят территориями или партиями, вот сколько существует новая Россия, столько они ими и руководят, — от этой нацеленности на пожизненное присутствие на своих постах тоже надо избавляться. Здесь проблема не в косности системы, а в нашей ментальности. Никто не хочет уходить, потому что каждый считает, что заслуживает своего руководящего положения, хотя, возможно, это не так»³⁴.

Такая идеологическая система нетерпения к неадекватному поведению — часть идеологии развития, без которой развитие невозможно. Как невозможно развитие и без смены значительной части элиты, которая в принципе не заинтересована в развитии России. Ни опережающем, ни сырьевом — никак. Как справедливо отмечает О. Маслов, «необходимо признать, что технология возникновения российской элиты также базируется на принципе отделения собственной судьбы от судьбы своего народа и своего государства. «Если мы посмотрим на нашу нынешнюю элиту, то можно сказать, что она ведет себя отвязно. Отвязно не в смысле — плохо, а в смысле — независимо. Ее стиль состоит в том, что „мы никому ничего не должны“. Подавляющее большинство состоятельных людей в России искренне считают, что они не получили свое богатство от народа, что в их нынешних состояниях нет труда предыдущих поколений граждан нашей страны, и именно это позволяет утверждать, что принципиальной разницы между „оффшорной аристократией“ и „национальной бур-

жуазией“ нет. Ключевыми для понимания элитного взгляда на реальность являются слова А. Коха о том, что государственная собственность до приватизации 90-х годов прошлого века была „ничьей“»³⁵, — говорит В. Найшуль.

Таким образом, адекватный выбор элитой идеологии и стратегии развития будет либо добровольным, либо вынужденным (когда «кстати, не исключается и ликвидация части элиты»), т. е. будет не просто выбор идеологии, но и выбор элиты, т. е. революция в той или иной форме: сверху или снизу.

Без ясной и адекватной национальным интересам идеологии нет и ясного отношения к стратегическому прогнозу, а, тем более, — стратегическому планированию. Поэтому идеологический выбор (пусть навязанный) означает, в конечном счете, выбор оптимальной стратегии развития страны (включая социально-экономическую), а также во многом предопределяет стратегический прогноз и качество стратегического планирования. Если в качестве важнейшей цели ставится сохранение макроэкономической стабильности, то, неизбежно, остальные цели и национальные ресурсы будут подчинены этой идее. Если же в качестве важнейшей цели ставится опережающее развитие НЧП, то и стратегия национального развития будет соответствующей.

К сожалению, такой способностью сегодня не могут похвастаться многие в России. Мы часто яростно спорим о настоящем, стремительно переписываем историю (нередко неправильно, плохо), но при этом мало говорим о будущем. А между тем, такой разговор очень нужен. Мы должны представлять не только, каким будет мир через 15–20 лет, но и каким мы хотим его видеть в России. Это и есть сверхзадача, если хотите, высшая политико-идеологическая цель.

При этом важнейшее условие такого прогноза — понимание того, каково будет соотношение сил в мире и какова будет наша роль? Примечательно, что общественный запрос на стратегический прогноз сформировался именно к 2007 году, когда стали появляться стратегические прогнозы уже не только на Западе, но и в России. (Отмечу, кстати, что никакие прогнозы, включая текущие не предсказывали кризис 2008 года. Более того, инерция была настолько сильна, что в России вплоть до ноября 2008 года отказывались его признавать). К сожалению, эти прогнозы носили не идеологический, а макроэкономический характер, точнее, характер экстраполяции.

Особенно хотелось бы выделить такой прогноз, который был подготовлен к конференции в РИО-Центре 16 мая 2007 года, проходившей под руководством Д. Медведева («Россия в 2008–2016 гг.: сценарии экономического развития»)³⁶. Так, коллектив авторов из ВШЭ-СВОП, анализируя на рубеже 2007 года тенденции мирового развития, сделал следующий обобщающий вывод: «...основным сценарием до 2017 г. мы считаем умеренное общемировое развитие на основе продолжающейся глобализации и сочетания

на национальном уровне стратегий приспособления, эволюционного совершенствования и радикального реформирования»³⁷.

Строго говоря, выбор элиты не только выражается в прогнозе, но и в политическом выборе, даже личностном выборе: жить ли в России или за рубежом, связывать судьбу своих детей с «этой страной» либо с другой. В зависимости от такого политического и личного выбора будущего образа России уже сегодня формулируются предложения о соответствующей стратегии, даже идеологии страны. В конечном счете это выбор существования в «глобальном» или национальном мире. Так, если принять этот вывод за основу, то в стратегии развития признается не только ведущая роль глобализации, но и «национальных стратегий приспособления» к ней, а также «эволюционного совершенствования» и «радикального реформирования», т. е. предлагается целый набор идеологических принципов. Не бесспорных, на мой взгляд.

Можно принять эти принципы или предложения, например, национализма (изоляционизма) или неолиберализма, но в любом случае необходимо будет сделать идеологический выбор. Так, признавая ведущей тенденцией «умеренное общемировое развитие», признаем ли мы и для России «умеренные» темпы, или делаем для нас (а также Китая, Индии, Бразилии) исключение, формулируя общенациональную задачу «опережающего», а не умеренного развития?

Другая тема — сочетаемость «стратегий приспособления» с глобализацией. Понятно, что России предстоит вписаться в общемировые тенденции глобализации. Не ясно, однако, до какой степени. Например, насколько это «вписывание» ведет к отказу от традиционных ценностей? Или от существующих правовых, нравственных норм и правил?

Сегодня эта тема — актуальный предмет дискуссий. Ежедневно и ежечасно мы пытаемся решить собственные проблемы, используя для этого западный опыт. Иногда с пользой, но чаще — нет. Прежде всего потому, что воспринимаем его как идеал, некритично, без учета российской специфики. Без идеологии, без идеологического самоопределения элиты это будет продолжаться бесконечно, как бесконечно будут повторяться и ошибки.

Ответ на этот вопрос — принципиален. Может быть, даже самый важный в выборе стратегии развития. Можно согласиться — и В. Путин не случайно акцентировал в своем послании 2007 года на это внимание, — что сегодняшний мир — это не только противостояние военно-политических систем (как в XIX — первой половине XX века), и уже даже не только финансово-экономических (как в конце XX века).

Действительно, сегодня наряду с геополитикой и геоэкономикой важнейшим фактором является геокультурная экспансия, геокультурное противостояние. Русская культура, в основе которой лежит русский язык, — по своей сути имперская, имеющая мощный потенциал притягательности и влияния.

У такой культуры и истории просто обязана быть своя национальная идея и своя идеология. Другой — чужой, не национальной — граждане России просто не воспримут.

Теперь о привязке к конкретному историческому моменту, а именно периоду 2010–2012 годов. Если разговор об идеологии был актуален всегда и остается таковым, то конкретный исторический период, в котором такой разговор ведется, имеет важнейшее значение. Так, в начале 90-х годов, когда большинство отказалось от марксизма, стояла проблема выбора развития СССР (СНГ)–России в посткоммунистический период. После 90-х — выбора в условиях развала экономики и государства. Сегодня — в кризисных условиях, которым, однако, предшествовал период подъема. Оценки, возможно, на всех периодах серьезно не отличаются, но **отношение**, эмоциональное, прежде всего, отличается серьезно. Об этом справедливо говорил в своей лекции в МГИМО(У) 26 марта 2010 года директор ВЦИОМ В. Федоров: «...Мы стали богаче, самостоятельнее, самокритичнее, менее тревожны, стали менее искать причины и проблемы вовне... Сегодня россияне больше опираются на собственные силы». Сегодня мы живем на границе эпох (смена случилась осенью 2008 года — вспоминаем тогдашние экономические и политические перемены). Теперь есть смысл вести сравнение не с лихими 1990-ми, а с успешными 2000-ми. Люди строят стратегии, ориентируясь на эти годы». Что может означать этот подъем планки? **Вероятнее всего, рост критического восприятия действительности. Главное, чтоб он вырос в желание изменять порядок деятельности в существующих институтах, а не в бунтарские позы или пустопорожнюю критику** (т. е. В. Федоров выделил чисто идеологическую идею целеполагания в качестве ключевой)³⁸.

Политическими и даже экономическими (при всей мощи «Газпрома») средствами удержать постсоветское пространство в качестве зоны российского влияния становится все труднее, однако на культурно-языковом уровне это по-прежнему зона именно российского влияния (характерный пример: на конкурсе «Евровидение» и Грузия, и Украина, и Молдавия, и даже прибалтийские страны дружно голосуют за песни, исполняющиеся на русском языке)³⁹.

Выбор элитой идеологии предполагает признание того, что сохранение и развитие традиционных культурных и духовных ценностей является в XXI веке мощным идеологическим инструментом. Такой выбор не только обязательное условие сохранения национальной идентичности, но и важнейшее условие опережающего экономического и социального развития, а также инструмент внешнеполитического влияния.

Качественно новый продукт — идеи, технологии, товары, услуги могут быть созданы только самостоятельно, на основе существующих научных, культурных и духовных традиций. На чужой почве можно создать только компиляцию, развить чьи-то идеи, что, по определению, не дает возможности претендовать на первенство, опережающее развитие. Признание этого — тоже идеологический выбор стратегии.

Важно понимать, что, только адекватно представляя контуры будущего и делая осознанный идеологический выбор, можно начинать формировать осознанную социально-экономическую политику, ибо само будущее может преподнести неожиданные угрозы и вызовы. Способность представить, а лучше — спрогнозировать будущее — важнейшее **условие** для правильного выбора, для разработки современной идеологии, эффективной и долгосрочной стратегии развития страны.

3. Идеологический прогноз⁴⁰ как определяющий элемент алгоритма стратегии развития нации

Перед Россией в несколько новом свете стоит задача всесторонней модернизации, от исхода которой во многом может зависеть ее место в посткризисном мире⁴¹.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Россию охватила новая страсть — долгосрочное стратегическое планирование и прогнозирование⁴².

Е. Соболева

Идеологический прогноз, как я попытаюсь доказать, является основным **условием** эффективной государственной стратегии, а ее **сущностью** — стратегическое планирование. Какой бы области государственной деятельности это не касалось. Идеология, как система взглядов, становится основой для долгосрочной государственной и национальной

стратегии. В частности, комментируя отставку заместителя секретаря Совбеза Ю. Балуюевского, ему ставилось в вину, что в разработанной им военной доктрине России не были даны ответы на три главных политико-идеологических вопроса: в какой тип военного конфликта может быть вовлечена Россия? Откуда может исходить угроза? И в каких, и скольких

конфликтах страна может участвовать?⁴³ Вот почему принципиально важно не ошибиться в стратегическом, долгосрочном прогнозе, на котором основывается политическая стратегия государства. Именно политическая, а не только социально-экономическая, как сегодня в России. Политическая в данном контексте означает **идеологическая**.

Стратегический прогноз развития государства и общества, как система аргументированных, обоснованных представлений правящей элиты страны об основных направлениях развития государства, общества и экономики, о будущем государства и общества, а также состоянии мирового окружения, является первым и самым фундаментальным шагом в разработке государственной стратегии.

При этом следует оговориться:

- стратегический прогноз государства, а, тем более — национальный прогноз, не может и не должен быть экстраполяцией финансовых и экономических тенденций, которые могут являться лишь его частью. Прогноз — во многом желаемое состояние будущего объекта, т. е. совокупность целей стратегического характера. В отличие, например, от отраслевых прогнозов, он зависит от множества субъективных, прежде всего, политико-идеологических факторов. Если, например, энергетические прогнозы основываются на структурных изменениях населения и ВВП (и даже они, как признают эксперты, воспринимаются как «общий ориентир»)⁴⁴, то стратегический национальный прогноз зависит прежде всего от политико-идеологических целей, сформулированных правящей элитой, и ее способности эффективно реализовать стратегию их достижения;
- стратегический прогноз носит **вероятностный характер** и зависит во многом от воли и ресурсов, которые готовы потратить элита на реализацию поставленных целей;
- стратегический прогноз охватывает всю совокупность элементов политико-идеологической системы, а не только вероятные стратегические цели. В нем должна быть заложена оценка эволюции национальных интересов и ценностей, международных реалий и, конечно же, развития ресурсной базы. Адекватный идеологический прогноз направлен не только на использование существующих, но и на поиск новых ресурсов, возможностей, а также представляет собой политическое и дипломатическое искусство поиска новых внутривнутриполитических и внешнеполитических возможностей для развития государства.

При этом важнейшее значение имеет политико-идеологический выбор элиты. Так, в сентябре 2011 года В. Путин сделал вполне определенный выбор в пользу обороны и правопорядка, но в ущерб человеческому капиталу, перераспределив будущие расходы на годы вперед⁴⁵.

Рис. 9. Расходы на некоторые статьи бюджета, трлн руб./год, 2012/2014

Сделав выбор, элита вполне может **просчитать его последствия**, т. е. составить политико-идеологический и социально-экономический прогноз. Такое утверждение имеет принципиальное значение, ибо стратегический прогноз, являющийся основой стратегии, может и должен быть не экстраполяцией существующих тенденций, а нести в себе волевой заряд, образ желаемого будущего, вполне осознанную цель развития. Так, например, в марте 2012 года ведущие экономисты и российские чиновники пришли к выводу, что в ближайшее десятилетие, т. е. как минимум, до 2023 года, «темпы роста зарплат и пенсий уменьшатся в 3–5 раз»⁴⁶. Означает ли этот вывод прогноз высокопоставленных чиновников? На мой взгляд, да. Более того, этот вывод говорит о реальных планах правительства по росту доходов большинства населения, даже если эти планы и не оформлены в каком-то нормативном документе. Соответственно и «образ желаемого будущего», планируемый на долгосрочную перспективу, является простой экстраполяцией макроэкономических тенденций, сформировавшихся в кризисный период 2008–2011 годов.

Иными словами, реальные доходы граждан России, которые в несколько раз меньше, чем в развитых странах, планируется увеличивать заведомо медленными темпами. Что означает медленный рост НЧП, где, напомним, показатель душевого дохода является одним из определяющих.

Таким образом, стратегический прогноз, целеполагание и стратегическое планирование исходит не из приоритета главной цели — увеличения доходов и НЧП в целом, — а из экстраполяции ситуации, сложившейся после кризиса. Вместо того, чтобы сформулировать ясную политическую цель — в данном случае рост доходов и НЧП — правящая финансовая элита по сути идет в фарватере стагнации и это происходит по следующим основным причинам:

- неспособности большинства элиты к действительно стратегическому прогнозу, т. е. представители элиты в своей массе не обладают таким качеством (которое, кстати, я отношу

к обязательному требованию к представителю элиты), не способны просчитать последствия принимаемых решений с высокой степенью вероятности и сформулировать крупную политико-идеологическую задачу;

- обстоятельства, когда приходится принимать вынужденное решение в условиях цейтнота времени, и для осмысления ситуации просто не хватает возможностей (такая ситуация наблюдается почти всегда в последние два десятилетия в России). «Ручное управление», к сожалению, стало привычным. Переход от него к идеологическому управлению еще не стал потребностью, хотя в 2008–2011 годы и появились первые высказывания о необходимости этого;
- нравственным недостаткам, когда представители элиты сознательно принимают ошибочное для страны, но выгодное для себя решение. Ситуация — нередкая не только в России. Это и есть, на самом деле, коррупция, ставшая **системой управления** обществом и экономикой;
- «недостаток ресурсов», когда есть представление о негативных последствиях, но считается, что имеющихся ресурсов явно недостаточно. Это происходит, в том числе и потому, что многие ресурсы недооцениваются (как, например, НЧК) или просто не учитываются (идеологический, моральный ресурс).

Подчеркну еще раз, что для представителей правящей элиты, ответственных за принятие решений, необходим именно **политико-идеологический** (комплексный) прогноз последствий своего **идеологического** выбора, а не социально-экономический, макроэкономический, либо какой-либо иной частный прогноз, основанный на экстраполяции макроэкономических тенденций.

Субъективный фактор — воля политической элиты — имеет колоссальное значение: либо правя-

щая элита ставит глобальные, долгосрочные цели, либо она следует в фарватере событий, превращается из ведущего в ведомого, из лидера в исполнителя.

Возвращаясь к рисунку, описывающему политико-идеологическую систему (рис. 10), я выделяю **сферу** идеологического (стратегического) прогноза, которая охватывает, прежде всего, желательное состояние объекта и сформулированных политических целей, а также реакцию внешнего фактора и вероятные затраты ресурсов. Цель, таким образом, — политико-идеологическая, которая, как справедливо считает М. Хрусталёв, «является самооценностью»⁴⁷.

Понятно, что такой подход отличается от превалярующего в современной России подхода к стратегическому прогнозу как макроэкономической экстраполяции. В моем случае элита ставит задачи и формулирует будущий образ, определяет его параметры и возможные внешние влияния, а также анализирует необходимые для этого все национальные ресурсы. В существующей практике, наоборот, стратегический прогноз и будущий образ экстраполируются из существующих тенденций, хотя, как показывает опыт, невозможно рассчитать не только вероятность кризиса, но и оживления, а тем более технологические прорывы и другие атрибуты «фазового» (качественного) изменения экономики и общества.

На мой взгляд, изначально необходимо исходить из того, что нужно нации и государству на стратегическую перспективу. Алгоритм такого прогноза может выглядеть следующим образом: см. рис. 11. Как видно из рисунка, стратегический прогноз предполагает:

1. Оценку национальных интересов и базовых ценностей в будущем.
2. Оценку международных реалий, прежде всего, соотношения сил в мире и основных тенденций⁴⁸.
3. Оценку будущих ресурсов и возможностей нации (ВВП, НЧК, материальных, природных ресурсов, нравственного состояния общества и т. д.

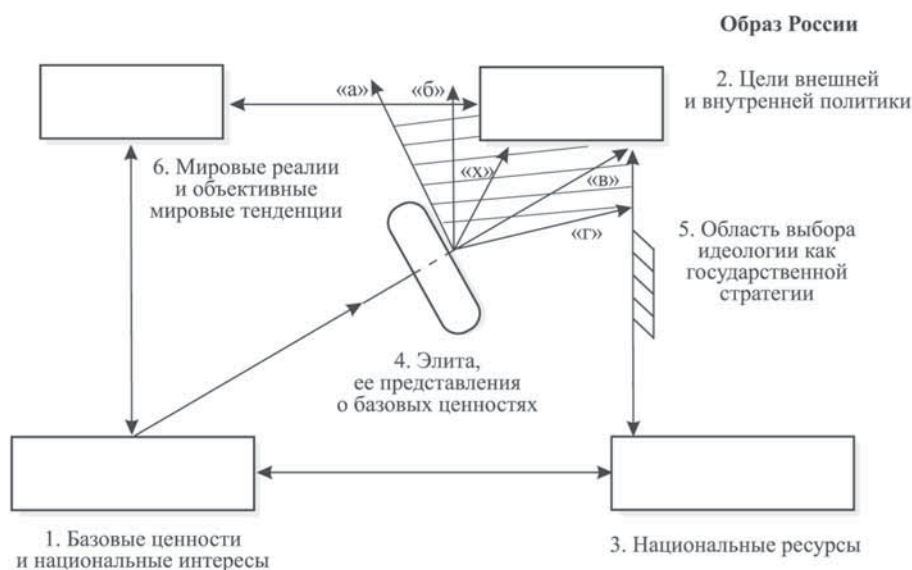

Рис. 10. Традиционная политико-идеологическая система

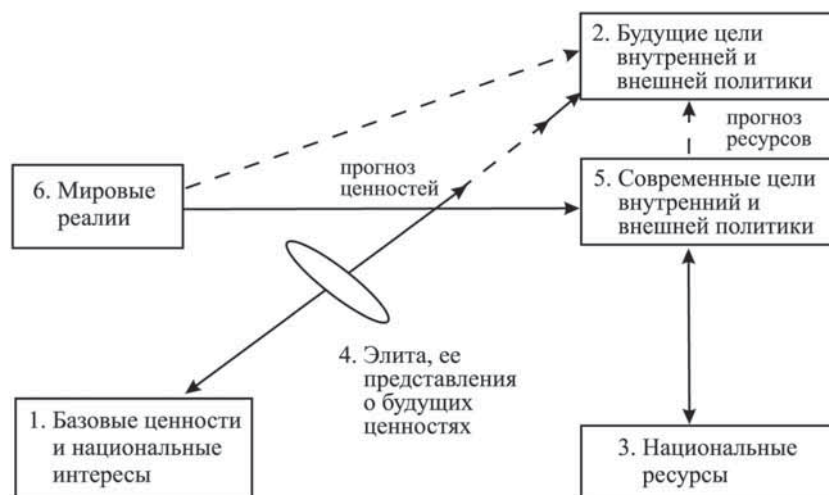

Рис. 11. Стратегический прогноз состояния политико-идеологической системы

Понятно, что если вы идеологически выбираете, например, вариант «а», — максимально отражающий доминирующие тенденции глобализации и в минимальной степени требующий национальных ресурсов, — то вы должны прогнозировать, что в стратегической перспективе страна станет частью **глобальной системы**. Со всеми вытекающими из этого последствиями для национальной системы ценностей, национальных интересов и суверенитета. Вполне может оказаться, например, что нация как таковая перестанет существовать, оказавшись «размытой» в число других субъектов международных отношений, а ресурсы станут достоянием этих субъектов.

Если же вы делаете выбор в пользу варианта «г», то неизбежно длительная, некомфортная борьба за национальную идентичность, сопровождаемая значительными требованиями ресурсов. Как следует из выступления В. Путина на Госсовете в феврале 2008 года, посвященного долгосрочной стратегии социально-экономического развития, правящая российская элита выбрала промежуточный (варианты «х» и «в») вариант — сохранения национальной идентичности в условиях глобализации и необходимости модернизации российской экономики. Вариант, в котором значительное внимание уделяется опережающему развитию человеческого капитала: «Развитие человека — это и основная цель, и необходимое условие прогресса современного общества. Это и сегодня, и в долгосрочной перспективе — наш **абсолютный национальный приоритет** (подч. — А. П.)»⁴⁹.

Примечательно, что в том же выступлении В. Путин дал блестящий пример разницы между идеологическим прогнозом и экстраполяцией. Применительно к развитию демографической ситуации в стране он сказал: «Считаю, что в ближайшие 3–4 года мы уже в состоянии добиться стабилизации населения (он оказался прав: по итогам 2010 года ожидается именно такой результат. — А. П.), прогнозировали, что такое будет возможно только через 10–12 лет»⁵⁰.

Можно признать, что в этом выступлении и принятой чуть позже Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации в целом вполне адекватно формулировалась стратегия развития страны до 2020, основанная на соответствующем стратегическом прогнозе. В частности, отдельные главы (глава 2 и 3) были посвящены инновационному развитию и развитию человеческого капитала. Трудно возразить, например, против таких абзацев Концепции: «Современное общество, характеризующееся ростом значимости культурного и творческого развития человека, ставит новые задачи в области развития культуры и массовых коммуникаций. В контексте современных тенденций должен радикально измениться взгляд на культуру как на стратегический ресурс новой экономики, обеспечения инновационного развития страны.

Ориентация на творческое развитие свободного человека, формирование и удовлетворение спроса в культурном разнообразии обуславливают переход к новой модели сферы культуры, реализации ее потенциала как лидера креативной экономики. Отвечая на новые вызовы, культура должна сохранить фундамент подлинности, установить баланс традиций и современности, обеспечить национальную идентичность.

Цель государственной политики в сфере культуры, искусства и массовых коммуникаций — формирование и реализация национальной идентичности, развитие культурного потенциала регионов России, обеспечивающего повышение конкурентоспособности, развитие творчества, инноваций и социального благополучия в обществе, формирование ориентации личности и социальных групп на ценности, обеспечивающие успешную модернизацию российского общества»⁵¹.

Не трудно сопоставить последствия подобного идеологического выбора между неолиберализмом и консерватизмом. Важно, чтобы элита, общественное мнение и нация точно знали вероятный результат,

последствия принимаемых решений. Сегодня для этого есть все необходимые инструменты. Например, метод ситанализа⁵², математические, социологические и другие модели, которые в совокупности способны представить вполне адекватный прогноз на 10–15 лет. Так, говоря о приоритете модернизации, можно уже сейчас сказать, что если это высший приоритет, самостоятельная ценность, то можно идти двумя путями, заранее прогнозируя их последствия.

Первый — неолиберальный — технологические заимствования, которые неизбежно будут сопровождаться переносом **чужой** системы ценностей и чуждых национальных интересов. При этом результат в долгосрочной перспективе — весьма сомнителен: заимствования никогда не сделают страну лидером. Они, конечно, помогут войти в «пятерку мировых лидеров», но вот цена такого вхождения будет измеряться идентичностью и суверенитетом.

Второй — неоконсервативный (вариант «г») — потребует мобилизации нации и ее ресурсов, но без гарантированного результата. Пример тому СССР, который смог добиться лидерства на некоторых направлениях, но в целом доказал несостоятельность политики неоизоляционизма.

Идеальный вариант — вариант «х» — требует творческого сочетания, синтеза национальных интересов и ценностей, учета ресурсных возможностей и преимуществ глобализации. Похоже, что в 2008 году выбранный стратегический прогноз и стратегия были вполне адекватны. Последующий кризис 2008–2010 годов во многом остановил реализацию этой стратегии. Мне представляется, что были две основные причины, которые на самом деле лишь косвенно связаны с мировым кризисом.

Первая. В целом адекватный прогноз и Концепция были экстраполяцией существовавших тенденций. Стратегический прогноз не мог предсказать случившегося через несколько месяцев мирового кризиса, но стратегия **должна была остаться даже в условиях кризиса**. Более того, именно в условиях кризиса и других тактических событий больше всего нужна стратегия, когда частности, пусть даже важные,

не заслоняют главной цели. Антикризисные меры правительства, на мой взгляд, были в целом не только запоздалые, но и «вылезали» из общего стратегического курса на развитие человеческого потенциала и инновации. Лишь к лету 2010 года, после некоторой стабилизации, Д. Медведев вновь вернулся к провозглашенной в 2008 году стратегии (хотя формально в 2008–2010 годы ее никто и не отменял).

В таких же кризисных условиях США и другие развитие страны продолжали свои стратегии модернизации, опиравшиеся на развитие человеческого потенциала. Это выражалось прежде всего в росте инвестиций в образование и наукоемкие технологии. Так, в «Стратегии национальной безопасности» США, озвученной Б. Обамой в мае 2010 года, эти приоритеты особенно выделялись⁵³.

Вторая, главная причина, — идеологическая — заключалась в том, что в прогнозе и стратегии развития не было ясно сказано о том, **какие силы** должны были реализовывать этот прогноз и стратегию. К этому вопросу общество вернулось лишь осенью 2010 года, когда мнения резко разошлись: В. Сурков, например, считал, что такой силы просто нет, кто-то, что это должно быть государство, а кто-то — интеллигенция.

На мой взгляд, это главная причина нереализованной стратегии: элите не удалось мобилизоваться и привлечь креативные слои общества.

В своем развитии за последние 20 лет искусство стратегического прогноза в России прошло несколько этапов. Первый — неолиберальный, — отрицающий даже саму постановку этой проблемы. Он полностью игнорировал не только позитивный советский опыт стратегических прогнозов, но и опыт крупных западных корпораций и государств.

Советский опыт выражался в следующем. На первом этапе формулировалась идеологическая задача на 4–7 лет. Как правило, на очередном съезде КПСС, который готовился достаточно обстоятельно не только в недрах партийного аппарата, но и исследовательских институтах и министерствах. Это и был **идеологический выбор, основанный на идеологическом прогнозе**.

Рис. 12. Общая схема принятия и выполнения решения о развитии в СССР

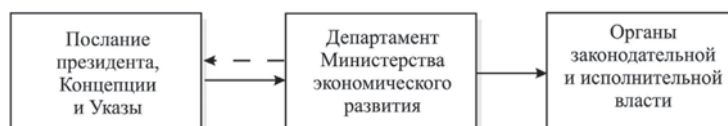

Рис. 13.

Следующий этап: на высшем уровне (в то время съезд партии) принимались основные направления развития страны, в разработке которых и последующей реализации принимали участие тысячи организаций. Наконец, этот идеологический документ оформлялся специальным Законом и другими нормативными документами, неисполнение которых приравнивалось к административным и даже уголовным преступлениям. Таким образом формировался механизм реализации прогноза, включающий: во-первых, политическую постановку задачи, во-вторых, идеологическую мобилизацию, в-третьих, стратегическое планирование, в-четвертых, нормативно-административный контроль. Другими словами стратегический прогноз не только на первом этапе (формулирования цели), но и на стадиях его реализации имел мобилизационно-идеологический характер (рис. 12).

В современной России отказались от всей этой схемы, **не предложив ничего взамен**. На практике сегодня действует (точнее — бездействует А. П.) следующий механизм (рис. 13).

Послания президента России, Концепции развития и другие документы **не формулируют** идеологического выбора, не претендуют на идеологический прогноз (в лучшем случае прогноз социально-экономического развития, подготовленный соответствующим доказательством МЭРа), они **не имеют** обязательной силы (даже закон о бюджете, строго говоря, не является обязательным, а о поручениях, выполняемых на 20% — говорить вообще не приходится) и, естественно, как правило, не выполняются.

Но, главное, стратегический прогноз, не подкрепленный стратегическим планированием и реальным механизмом реализации, так и **не становится стратегией**: принимаемые решения нередко прямо противоречат избранной стратегии, а чаще — просто игнорируют избранную стратегию развития.

Опыт зарубежных стран, прежде всего США, Израиля, но в большей степени Китая (а также советский опыт) показывает, что для реализации стратегического прогноза, даже изначальной его подготовки, нужна **политическая воля и идеология**, в соответствии с которыми создаются необходимые институты реализации поставленных целей. И в США, и в Израиле, и в СССР, а тем более в Китае, реализация стратегии становилась **общенациональной задачей**. Элита (через отдельные социальные слои или партию) **мобилизовывала нацию**. Как признает известный китайцевед из МГИМО(У) В. Корсун, «Стилистика идеологических лозунгов Ху Цзиньтао и его призывы к „дальнейшему усилению и улучшению идейно-нравственного строительства“, предусматривающие, в том числе, контроль за Интернетом и за изложением древней и современной истории Китая, стали сегодня основой официального „коммунистического“ дискурса,

ставящего идеологические построения неолИБЕРАЛОВ и неоконсерваторов на положение маргиналов. Стремление партийных идеологов обновлять официальную теорию в соответствии с запросами времени и **сделать идеологию монополю правящей партии общенародной**, пополняя пропагандистский арсенал за счет традиционной системы ценностей конфуцианства, оказавшегося на проверку более емкой парадигмой, чем все учения, пришедшие в Китай извне, **несомненно укрепляет легитимность власти КПК**. Поиски китайской идентичности и наиболее адекватных форм правления и администрирования, свободных от политики как продукта цивилизации Запада, представляются наиболее продуктивными **на фоне кризиса европоцентристской идеи однолинейного прогресса**»⁵⁴.

Именно этого пока не произошло в России, где реализовывать стратегический прогноз некому: мотивация элиты отсутствует, идеологической мобилизации нет. Единственной силой, которая могла бы сдвинуть дело с мертвой точки, могла бы быть **идеологическая партия**, которой также нет. Либо, как уже бывало в российской истории, союз чиновников и креативной части общества.

Следует сразу же оговориться, что существует принципиальная разница между различными представлениями о стратегическом прогнозе в российской элите. Сегодня, как правило, под этим термином понимается долгосрочный социально-экономический прогноз или какой-то другой (климатический, отраслевой, региональный), прогноз, который зачастую выступает простой экстраполяцией как правило, макроэкономической, существующих тенденций на 10–15 лет⁵⁵. Он не несет в себе ни идеологической, ни политической нагрузки. Более того, любыми способами ее исключает.

В действительности, стратегический прогноз — это прежде всего продукт идеологии, т. е. в достаточной степени согласованное представление правящей элиты в данное время и в данном месте о будущем страны и мира, о том, каким образом использовать ресурсы. Это представление должно основываться на объективных и реальных национальных интересах, видении мира, адекватной оценке ресурсов и являться **важнейшим условием** точного целеполагания и стратегического планирования. Так, в своё время, при разработке стратегических прогнозов регионального развития в СССР исходили из идеологического принципа наличия в стране единого народнохозяйственного комплекса. Этот принцип рассматривался в качестве «главного резерва национальной экономики»⁵⁶. С развалом СССР исчез, естественно, не только принцип единого комплекса, но и сам комплекс. Более того, по сути дела был поставлен под сомнение и принцип единого народнохозяйственного комплекса в России, что также может иметь далеко идущие экономические и политические последствия — регионализацию и «самостийность»

субъектов РФ, с угрозой которой столкнулся В. Путин в 1999–2000 годах.

И реформа РАО ЕЭС, РЖД, Минатоммаша и других структур единого народнохозяйственного комплекса, как и проведенная до этого приватизация, основывались отнюдь не на принципе сохранения единого комплекса. Более того, А. Чубайс прямо говорил о том, что приватизация **преследовала прежде всего идеологические, а отнюдь не экономические цели**. «Вместо стабилизации экономики реформаторы центр своих усилий придвинули на приватизацию государственной и муниципальной собственности ... экономическая составляющая этого феномена была отодвинута на второй план, так как сами привати-

зационные мероприятия были подчинены в первую очередь нуждам закрепления у власти так называемых „демократических“ сил во главе с Б. Ельциным»⁵⁷, т. е. идеологическим идеям.

Таким образом, выбор элитой страны идеологических целей развития изначально во многом предопределяет и выбор вариантов стратегических прогнозов, которые ложатся в основу стратегий. Если, например, элита сформулировала в качестве приоритетной цели развития военно-промышленного комплекса (как это было во времена СССР или в современном Израиле), то, соответственно, огромные ресурсы страны направлялись прежде всего для достижения именно этой цели.

4. Стратегический прогноз и политическая реальность⁵⁸

Вообще большая часть политической и бизнес-элиты живет с пониманием международных отношений на уровне XIX — первой половины XX века...⁵⁹.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Не ясны только две вещи. Во-первых, почему он не предложил заявленные преобразования раньше — в самом начале своего президентского срока. И, во-вторых, не вполне понятно, какая судьба ждет эти преобразования в президентство Владимира Путина⁶⁰.
Журнал «Профиль»

В России сохраняется нелюбовь к стратегическим прогнозам и неспособность их реализации. Исключения составляют времена, когда авторитарные режимы административно-уголовными методами жестко добивались их реализации. Это объясняет во многом неспособность нынешней элиты выполнять свои собственные планы, ведь эти планы она сама себе и спускает. «По большому счету, — пишет В. Соловьев, — в нашей стране не партийная диктатура, не классовая, а именно чиновничий феодализм, где люди зачастую находятся в прямой крепостной зависимости от маленького чиновника»⁶¹.

Для того чтобы появилась если не любовь, то привычка к стратегическому прогнозу и планированию, чиновникам нужен не просто «сигнал» от президента, председателя правительства, либо министра, а идеология, где частью которой (как руководства к ежедневному действию) стал бы прогноз, планирование и отчет о результатах деятельности. Так, как это было в плановой экономике, либо так, как это существует в современных корпорациях.

То, что у российской элиты было долгое время отвращение к любой идеологии и стратегическому прогнозу — известно. Но даже тогда, когда эта болезнь прошла, и стали плодиться многочисленные прогнозы, их результативность была крайне низкой, если не сказать даже отрицательной. Прежде всего потому, что все эти прогнозы и концепции не носили

директивного, обязательного характера. Тем более, не требовали отчетности и ответственности.

В 2008 году российская элита (точнее, ее самая высшая часть) сформулировала социально-экономический прогноз, фактически основанный на экстраполяции макроэкономических тенденций 2005–2007 годов, лишь частично скорректированных требованиями современности. Выстроенная в «Концепцию–2020» система приоритетов, основанная на прогнозе вызовов и угроз, лишь частично отражала реалии. Главный вызов времени — возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития — был замечен и учтен. Но поставлен в системе приоритетных угроз не на первое, а на третье место⁶².

Более того, когда в конце 2008 года она оказалась не выполненной, то про нее «на время» забыли, вспомнив лишь в 2011 году. Но и тогда В. Путин заявил о сохранении ее принципиальных положений, поручив группе разработчиков «скорректировать» эту стратегию. Что и было сделано под руководством В. Мау, который сделал примечательное заявление, что эта стратегия — «набор рекомендаций» для правительства.

Оказались не вполне конкретными определения и негативных тенденций, вытекающих из этого вызова. Как следует из «Концепции–2020», в 2008 году эти негативные тенденции определялись следующим образом:

- стабилизация численности российского населения и занятых в экономике на основе эффективного регулирования миграции и изменения образа жизни людей, повышения здоровья нации и уровня социального оптимизма;
- эффективно функционирующие отрасли, определяющие качество человеческого капитала (образование, здравоохранение, жилищный сектор), высокие стандарты жизни населения;
- превращение среднего класса российского общества в его доминирующую силу, сокращение социального неравенства;
- достижение уровня развитых стран по производительности труда, которая будет определяться не столько «фондовооруженностью» периода индустриального развития, сколько уровнем образования и креативностью самого человека⁶³.

Ни одна из этих задач не стала приоритетной на практике, и к 2012 году эти тенденции изменить к лучшему так и не удалось. И не только из-за кризиса, но и из-за неспособности четко сформулировать цели, а не тенденции. «Стратегия–2020», не будучи формально никем отмененной, осталась декларацией, а «стратегический прогноз МЭРа», который лег в ее основу, постарались забыть. Вплоть до 2011 года.

Возвращаясь к схеме соотношения интересов — целей — ресурсов, в которой в упрощенном виде формализуется идеология правящей элиты, мы увидим, что стратегический научный прогноз играет важную роль, прежде всего с точки зрения формирования потенциального «коридора возможностей».

Допущения, поправка и корректировка такого идеологического прогноза не являются принципиальными. При благоприятных условиях такой прогноз реализуется быстрее. При неблагоприятных (в условиях кризиса, например) — **медленнее**. Но это прогноз реализуется, т. е. видна положительная динамика. За 2008–2011 годы такой динамики отмечено не было.

В зависимости от стратегического прогноза влияния внешних условий, ресурсного обеспечения и других факторов, правящая элита формулирует возможные проблемы и свои цели на долгосрочную перспективу. Понятно, что такой прогноз может очень различаться по своей методике и амбициозности. Так, стратегический прогноз может включать множество факторов и учитывать большое количество возможностей, но может и не учитывать их (как в реальности происходит, когда фактически учитываются только макроэкономические показатели).

Влияние стратегических прогнозов огромно, ибо они нередко сами формируют реальность, включая **позицию правящей элиты на будущее**, становится отправной точкой для всего процесса стратегического планирования. В том случае, если происходит идеологическая мобилизация. Которой в России нет. Попытки, предпринятые «Единой Россией» развить дискуссию вокруг «Стратегии–2020» успешными

признать нельзя. Интеллектуальные клубы даже не вышли в свою среду интеллектуалов, не говоря уже о массовом участии в дискуссии, а тем более процессе реализации «Стратегии–2020» креативными слоями общества.

Вместе с тем неизбежность появления стратегических прогнозов в общественных науках теперь уже очевидна. Они делаются ежедневно, ежечасно. Как очевидно и то, что они, как правило, далеки от реальности, которая, по словам И. Канта, «сама по себе указывает на бытие»⁶⁴. Так, например, ректор МГИМО(У) А. Торкунов в своей работе «Российская модель демократии и современное глобальное управление» пишет: «Ни сегодня, ни через 50 лет российская демократия не сможет походить на модели демократического устройства во Франции, США или Германии...»⁶⁵. Это ли не прогноз развития общественно-политической системы в России?

Неполные, неточные или ошибочные стратегические прогнозы могут серьезно повлиять на политику, в т. ч. на экономическую, на власть. Особенно наглядно это видно на примере военной истории, когда неверный прогноз приводил к поражению страны или наносил ей огромный ущерб. Так, прогноз И. Сталина о возможном начале войны с Германией лишь в 1942–1943 годах, привел к поражению Красной Армии в ходе летне-осенней кампании 1941 года. Прогнозы «построения коммунизма», «решения жилищной проблемы к 1980 г.», «решению продовольственной проблемы» — к краху КПСС.

Нередко стратегические прогнозы имеют характер дезинформации, сделанной в расчете на возможные — политические, военные, экономические или иные — выгоды. Так, стратегический прогноз относительно так называемых озоновых дыр, сделанный в 70-е годы XX века был, как считают некоторые специалисты, направлен на навязывание ряда технологий другим странам. Во многом аналогичная ситуация складывается и со стратегическим прогнозом относительно потепления климата и вредных выбросов, который оспаривается многими экспертами⁶⁶.

Что крайне важно, правящая элита в ряде случаев делает **принципиальный идеологический выбор** в пользу того или иного приоритета и цели **в зависимости от прогноза развития событий**, т. е. прогнозы становятся не только основой стратегии, но и главным аргументом в пользу политико-идеологического выбора. При этом научная обоснованность прогноза, как способа определения будущего состояния объекта и стратегии его развития в условиях неопределенности, неизбежно несет субъективный отпечаток. Так, прогнозы развития мировой экономики до 2025 года показывают, что к этому времени произойдет решительное изменение **соотношения сил в мире**. Согласно докладу национального разведывательного совета США (2025 г.), уже к 2025 году на ведущие позиции в мировой экономике выйдут Китай и Индия. К ним, вероятно, присоединится и Россия. Впрочем,

в крайних случаях возможны и негативные явления вроде развития авторитаризма. В докладе указывается, что в ближайшие годы мир ждет беспрецедентный «перенос богатства и экономического влияния с Запада на Восток». Авторы приходят к выводу, что в 2025 году восьмерка ведущих экономик будет выглядеть так: США, Китай, Индия, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Россия. Есть и другие, менее оптимистичные, для США оценки.

Так, например, если говорить с точки зрения развития НЧК, то численность лиц с высшим образованием в КОР за последние 10 лет выросла в 8 раз и достигла 300 млн человек. Сегодня Китай — главный экспортер наукоемкой продукции в мире и в США, а по итогам 2009 года его экономика стала второй экономикой в мире. Растут и политические амбиции Пекина, в зону «коренных интересов» которого попадают все новые острова, моря и территории. Учитывая же стабильно высокие темпы развития Китая, резкое изменение в соотношении сил в мире может наступить намного раньше. Пока что китайские власти строго придерживаются правила «скрывать свои возможности и дожидаться своего часа»⁶⁷, но что может наступить тогда, когда они откажутся от этого лозунга? Стратегический прогноз намерений, которые могут вытекать из новых возможностей, имеет жизненно важное значение. И не только для США, но и для России.

В этой связи напомним, что любой политический анализ начинается с анализа соотношения сил (политических, военных, экономических и др.) в мире. Если анализ, сделанный в докладе Нацсовета США по разведке США верен, то из него вытекают серьезные выводы, игнорировать которые — ни в политике, ни в экономике, ни в военном деле — мы не можем **уже сегодня**. Подписав, например, Договор по ограничению СНВ в апреле 2010 года, мы, тем саамы, взяли на себя обязательства, которые будут простирались даже дальше, чем до 2025 года: ограничения на средства доставки и ядерные боеприпасы не позволят нам превысить эти уровни к тому периоду. Вместе с тем, российские эксперты, подготовив этот договор, конечно же, просчитали и то, какого уровня достигнут ядерные потенциалы быстро развивающихся Китая и Индии к 2025 году.

Кроме того, они должны были оценить и возможности российской экономики (причем, не абстрактные, а конкретные, по отраслям, заводам, КБ), чтобы поддерживать эти уровни.

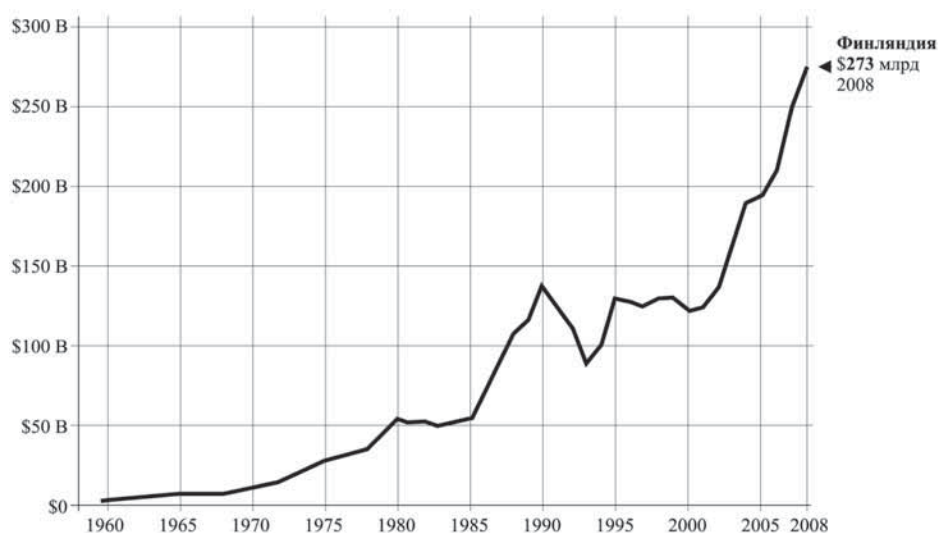
Даже на относительно простом примере Договора СНВ-3 видно, что в стратегическом прогнозе далеко не всё можно просчитать, хотя он предельно просто устанавливает количественные ограничения на средства доставки и ядерные боеприпасы. Так, например, трудно оценить их качество (точность, защищенность, мобильность, эффективность систем управления и прочие характеристики), а также даже систему зачёта⁶⁸.

Тем более сложнее это сделать в экономике, где трудно (если вообще возможно) оценить темпы научно-технической революции, технологические решения, мировую конъюнктуру цен (мы не можем прогнозировать цены на нефть, как показывает опыт, даже на год, а тем более на 15–20 лет), социальную структуру общества и т. п. Вообще всё, что касается человека, общества, а в целом социально-гуманитарной области, долгосрочный научный прогноз сделать крайне трудно. Тем более непригодна макроэкономическая экстраполяция. Но и отказываться от него нельзя, ведь мы должны хотя бы попытаться представить себе, что будет через 15–20 лет. Поэтому огромное значение приобретает точная **оценка существующих тенденций**, которая является единственной реальной базой для рассуждений. При обязательной оговорке — в стратегических прогнозах простая экстраполяция таких тенденций (которая сегодня сплошь и рядом практикуется макроэкономистами) — недопустима: наука, общество, человек, как и экономика, и даже политика, развиваются не только последовательно, но и скачкообразно — бывают как «перескакивания» через этапы развития, так и «откат», деградация. Кризис 2008–2010 годов еще раз это показал. Как, впрочем, и то, что многие страны извлекли из него пользу просто потому, что обладали долгосрочными стратегиями развития и политико-идеологическими прогнозами и программами.

В этой связи огромное значение имеет учёт базовых критериев — исторического и культурного наследия, нравственного и духовного потенциала нации, широких (и объективных) национальных интересов и ценностей. Именно они дают очень важную дополнительную и самую стабильную информацию для стратегических прогнозов. Так, сложившиеся научные школы в России, высокий образовательный потенциал, огромное культурное и духовное наследие нации позволяют рассчитывать нашей стране на быстрое, даже опережающее развитие, «перескакивание» через экономические и технологические этапы, а не последовательное «догоняющее лидеров» развитие. Это положение должно быть положено в основу долгосрочного прогноза.

Из этого следует, что если правящая элита делает выбор и ставку на опережающее развитие человеческого потенциала, который базируется на огромном культурном наследии, то стратегический прогноз для России может **быть очень оптимистичен, даже амбициозен**. Он будет мало связан с простой экстраполяцией динамики развития нынешней экономики и общества. А это очень важно, ведь недооценить свои возможности не менее опасно, чем переоценить.

Если элитой будет сделан **выбор в пользу развития человеческого потенциала**, то **ресурсы должны перераспределиться в соответствии с этим приоритетом**, т. е. от выбора элиты (в основу которого должен быть положен стратегический прогноз как **обоснование** этого выбора) зависит распределение

Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 года).

Рис. 14. Валовой внутренний продукт Финляндии (в сегодняшних долларах США без учета инфляции)

ресурсов нации. Сегодня складывается впечатление, что в стратегических прогнозах и действиях власти доминирует метод экстраполяции существующих тенденций. Что неверно. Стратегический прогноз может послужить основой для формирования амбициозных целей развития и, соответственно, вылиться в напряженные исходные условия стратегического планирования. Что будет не авантюрой, а реальной оценкой наших возможностей. Так, никто, например, в Финляндии во время кризиса 1990-х годов не прогнозировал возможного роста ВВП страны со 150 млрд до 273 млрд долларов только за 2000–2008 годы.

В целом стратегический прогноз для нации принципиально отличается от многочисленных разновидностей отраслевых, региональных и иных прогнозов прежде всего **своей идеологичностью**. Эта идеологичность неизбежна, так как стратегический прогноз должен быть комплексным, включать структурную характеристику общества, экономики и государства (объекта прогнозирования), международной среды, механизмов их функционирования и основных трендов, угроз, возможных сценариев поведения и т. д. Все эти факторы, учитываемые в работе, неизбежно несут на себе идеологический, субъективный отпечаток. Так, для сравнения рассмотрим условия для стратегического прогноза предприятия (организации)⁶⁹. Как считается, составление стратегических прогнозов, или прогнозирование, состоит, во-первых, в анализе экономических, социальных, технических и других процессов, происходящих в организации и ее окружении, связей между ними, оценке сложившейся ситуации и выявлении узловых проблем. Во-вторых, в формировании видения будущего организации и условий ее функционирования, трудностей и практических задач. В-третьих, в обосновании, сопоставлении и анализе различных вариантов развития организации, ее кадрового, про-

изводственного и научно-технического потенциала, желательных результатов деятельности и возможных стратегий в различных сферах.

Прогноз долгосрочного развития общества и государства значительно сложнее, многофакторнее и многомернее, чем стратегический прогноз развития корпорации. И прежде всего тем, что он должен учитывать взаимовлияние таких групп факторов, как «национальные интересы и ценности», «ресурсы и возможности», «международные реалии», которые сами по себе являются сверхсложными системами. Тем более, что анализ этих групп факторов носит вполне субъективный характер.

Из этого неизбежно следует, что стратегические прогнозы должны основываться не только на научных методиках, но и **идеологических концепциях**, способных «связать» в единую суперсистему эти группы факторов. Сегодня стратегический социально-экономический прогноз, например, практически не учитывает не только развитие международных процессов, но и не дает глубокого анализа ресурсов развития, а тем более национальных интересов в долгосрочной перспективе. Фактически он дает только узкий «срез», экстраполяцию социально-экономической ситуации, существующей к моменту его написания (в случае со «Стратегией–2020» — до марта 2008 г.).

Таким образом, стратегическое прогнозирование — как научный способ выявления будущего состояния организации и определения стратегии ее развития в условиях неопределенности внешней и внутренней ситуации, применительно к стратегическому прогнозу развития страны должно **основываться на идеологической концепции**, которую сформулировала правящая элита.

Экстраполяция, как метод стратегического прогноза, (или проекция в будущее), суть которого состоит в автоматическом перенесении существующих тенденций на будущее, — неприемлем, даже вреден.

Метод экстраполяции должен быть заменен на концептуально-идеологический метод, который может и должен включать различные — политические, философские социологические и т. д. — методы и методики. А те, в свою очередь, основывать ее на идеологическом выборе. На мой взгляд, Россия, ее элита такой выбор еще не сделали. С одной стороны, например, сохраняются значительные военные расходы (более 2,5% ВВП), которые выглядят вполне разумными по сравнению с развитыми странами, но, может быть, чрезмерны, если приоритет сегодня отдавать развитию человеческого потенциала. Я, например, не уверен, что России нужны дорогостоящие авианесущие суда (со всей сопутствующей инфраструктурой), средств от которых хватило бы на развитие сотни университетов и научных центров.

С другой стороны, не сформулированы четко **цели развития**, а именно в качестве главной цели не поставлена задача развития НЧК. Соответственно не ясна вполне и стратегия, прогноз и планы МЭРа и Минфина, включая и трехлетний бюджет, которые являются по сути инерционной макроэкономической экстраполяцией. А не стратегией. Тем более общенациональной. И уж, тем более, идеологией. «Истина рождается как ересь, а умирает как тривиальность», эта мысль Г. Гегеля лежит в основе прогноза⁷⁰.

Следует в этой связи только приветствовать попытки долгосрочного прогноза развития науки и технологии до 2030 года, сделанные в РАН. В частности, доклад, подготовленный в декабре 2008 года, по поручению президента России Д. Медведева. По мнению академика А. Некипелова, «план Путина» подразумевал отход от топливно-сырьевого сценария, в связи с чем «проблема технологического прогнозирования вышла на первый план»⁷¹. Она стала уже банальной задачей, решением которой занимается более 70 стран. Но не в России.

Но далеко не всегда из этих оценок делаются правильные выводы. В частности, мало учитываются базовые приоритеты и ценности, например, российской науки (о чем говорилось выше). Примечательно, что при обсуждении доклада академик А. Дынкин справедливо отметил, что «Россия выбрала ошибочный путь (стратегию. — А. П.) — приобретать высокие технологии за рубежом и сокращать едва ли ни до нуля вложения в собственную науку»⁷². К сожалению, нынешние рассуждения о модернизации фактически сводятся к заимствованию чужих идей, техники и технологий. Соответственно и стратегический прогноз такой модернизации выглядит как прогноз освоения технологических заимствований. Но, если вернуться к трем составляющим национальное богатство страны — материальным активам (10–15%), — то мы увидим, как минимум 4 стратегии.

Первая стратегия, в основе которой лежит прогноз развития НЧК, опережающего развития человеческого потенциала, составляющего абсолютно большую часть национального богатства. Соот-

ветственно и темпы, и масштаб прироста ВВП, рост производительности труда и другие факторы будут значительно весомее, чем при акценте, например, на развитие природных ресурсов.

Вторая стратегия, в основе которой лежит нынешняя концепция модернизации, — технологические заимствования материальных активов. На мой взгляд, эта стратегия может быть только дополнительной к основной стратегии. В ее основе закладывается стратегический прогноз развития науки и техники за рубежом, который изначально ставит Россию в положение догоняющего игрока.

Третья стратегия — ресурсного развития. Это нынешняя, реально существующая и «работающая» стратегия, в основе которой лежит стратегический прогноз развития ресурсных отраслей экономики и соответствующая экспортная ориентация.

Наконец, **четвертая стратегия** — комплексного развития всех трех составляющих национальное богатство страны. Ее слабость — в отсутствии стратегии. Сегодня мы «сползаем» именно к этому варианту.

На выбор стратегического прогноза влияют прежде всего фундаментальные факторы — интересы национальной безопасности, система ценностей и национальные приоритеты, которые **могут осознаться** национальной элитой либо нет. Другими словами, стратегический прогноз должен начинаться с этого анализа. Именно базовые национальные интересы и ценности должны быть **основой** для любого национального стратегического прогноза. При этом сохранение и развитие нации и государства является **главным интересом**, а все остальные интересы — производными от него. Говоря о будущем России, эксперты американо-израильского центра по стратегическому прогнозированию, например, прямо указывают на главную угрозу национальным интересам страны: «Спад России и использование этой ситуации со стороны США привели нас к вероразделу. В случае, если Украина потеряна Москвой, Грузия становится доминирующей страной на Кавказе, а события в Киргизии перекинутся на всю Центральную Азию (все это очень легко представить), поставя проблему выживания самой Российской Федерации. Мы будем очевидцами второй революции: часть Российской Федерации отсоединится от нее. Россия, которую мы знаем сегодня, больше не будет существовать»⁷³.

Фактическое отрицание сегодня в России политико-идеологического прогноза свидетельствует об отставании не только в стратегическом прогнозировании, но и реализации стратегии, которое может (и уже ведет) привести к невыполнению даже той псевдостратегии, которая существует сегодня. Что стало особенно заметно к концу 2010 года. Отсутствие реальных результатов, скромные достижения и низкая эффективность от вложенных средств — откровенно бросается в глаза. Это выражается и в отсутствии реального стратегического планирования, которое

может быть только идеологическим. Бюджетное планирование, в т. ч. на три года, лишь отчасти компенсирует этот недостаток. Все другие попытки реализовать стратегическое планирование на практике означают подменой его макроэкономической экстраполяцией. Не более того: реалистичного экономического прогноза не может быть в принципе. Что ясно показало развитие России в 2008–2010 годах. В результате осенью 2010 года элита была вынуждена признать, что «российское общество не готово к задуманным Кремлем преобразованиям...», что для гармоничного развития необходимо создать коалицию людей с долгим взглядом, которые готовы поставить долгосрочные интересы впереди краткосрочных». Так говорилось в сентябре 2010 года на конференции «Стратегия–2020»⁷⁴.

Как подсказывает теория и подтверждает практика, основу для всех управленческих решений обеспечивает базирующееся на стратегическом прогнозе стратегическое планирование. Здесь можно возразить и поспорить о том, есть ли смысл в стратегическом планировании в такое нестабильное во всех отношениях время. Мне показалось очень наглядным высказывание новосибирского губернатора по поводу необходимости стратегического планирования. Он сказал примерно следующее: «Если бы мы пять лет тому назад предвидели, что на дорогах так быстро появится большое количество машин, мы бы построили совсем другие дороги»⁷⁵. Объективно потребность в идеологии, стратегическом планировании и прогнозе существовала всегда. Но субъективно советская и российская элита (как это ни покажется дико сегодня) эту потребность отрицала: неолИБЕРАЛЫ 1990-х годов исходили из того, что «невидимая рука рынка» отрегулирует не только экономические, но и социальные отношения.

Между тем, те, с кого брали пример, — американцы — так не думали и не делали. Приведу пример, использованный мной еще в работе 1999 года, из доклада министра обороны США Конгрессу страны. Точнее, той его части, которая посвящена стратегическому прогнозу и планированию: **«Куда мы идем. Наша работа над „Всесторонним обзором“ велась по следующему пути: анализ угроз — выработка стратегии — разработка плана действий по осуществлению намеченных мероприятий — определение необходимых ресурсов. Мы начали с того, что по-новому, непредубежденно, взглянули на обстановку в мире и перспективы ее развития, чтобы определить угрозы, опасности и возможности для обеспечения национальной безопасности США. Кроме того, мы признали, что мир продолжает быстро изменяться. Мы не можем полностью понять или предугадать те перемены, которые могут произойти в мире за пределами временных рамок, предусматриваемых обычными планами развития вооруженных сил и военными бюджетами. Наша стратегия учитывает эту неопределенность и соответственно будет готовить наши вооруженные силы.**

Исходя из этого анализа обстановки в мире, мы разработали всеохватывающую военную стратегию, которая с учетом существующей и будущей ситуации в мире определяет требуемые военные потребности и формулирует программы и планы действий по их обеспечению. Основываясь на выдвинутой президентом США „Стратегии национальной безопасности“, мы определили, что военная стратегия США на ближнесрочную и долгосрочную перспективу **должна формировать стратегическую обстановку в мире в интересах продвижения американских интересов** (выделено мной. — А. П.), поддерживать возможности по реагированию на любые возможные угрозы и готовиться сегодня к угрозам и опасностям завтрашнего дня и более отдаленного будущего. В основе этой стратегии лежит неоспоримый факт, что, являясь глобальной державой с глобальными интересами, которые необходимо защищать, США должны продолжать активно участвовать во всех мировых делах через дипломатическую, экономическую и военную деятельность.

Разработав стратегию, мы определили пути ее осуществления через основы военной мощи на сегодняшний день и на будущее: качество личного состава, боеготовность вооруженных сил, наиболее передовая организация, военная доктрина и вооружение. Нам нужен высококачественный личный состав, который мог бы управлять более сложной военной техникой и руководить более сложными совместными боевыми действиями. Нам нужны боеготовые силы, т. к. в современном мире часто происходят внезапные события, требующие немедленного задействования тех контингентов, которые имеются в наличии. Информационная революция влечет за собой революцию в военном деле, которая приведет к кардинальным изменениям в способах действий ВС США»⁷⁶.

Однако даже отрицая ее необходимость в 90-е годы, российская неолИБЕРАЛЬНАЯ элита все равно была вынуждена действовать в соответствии с этой объективной потребностью: просто научное видение в политико-экономической области подменялось чуждыми идеологическими штампами, а иногда просто самовлюбленным отношением к действительности. Никто ведь в элите не вел публичных дискуссий о будущем страны, стараясь «просто» сделать «как там», — «на либеральном, свободном и богатом Западе». Главное — давалось почувствовать, — чтобы все было «не так как здесь», «в этой стране», где «все не как у людей». И в целом это получилось... на время: общество, оказавшись деидеологизированным, послушно терпело выходки неолИБЕРАЛОВ и их абстрактные истины.

Сложнее для неолИБЕРАЛОВ было использовать чужие идеологические штампы (хотя и пытались) в области национальной безопасности, там, где речь шла о военно-технической составляющей. Приведем для подтверждения пример из военно-стратегической области, где был сделан точный стратегический

прогноз. Заключая в 2002 году Договор о сокращении стратегических вооружений (СНП), мы не только брали обязательство сократить к 2012 году количество ядерных боеприпасов до 2200 единиц, но и прогнозировали (с разной степенью эффективности) как развитие американской системы ПРО, так и собственных ядерных вооружений. Причем конкретно, до отдельных единиц ядерного оружия, размещенных на всех трех компонентах нашей ядерной триады.

Таким образом, был сделан точный прогноз развития систем СНВ и ПРО на долгосрочную перспективу. И соответствующие выводы. По признанию директора 4-го ЦНИИ Минобороны В. Василенко, «на основе анализа публикуемых результатов экспериментальной отработки комплексов ПРО США имеются основания предполагать, что до 2015–2020 гг. ограничения Договора СНП не войдут в противоречие с условиями, необходимыми для обеспечения ядерного сдерживания. При этом, однако, потребуются качественное совершенствование группировки СЯС РФ в части наращивания ее возможностей по преодолению противоракетной обороны, повышения живучести ударных средств СЯС, а также оперативных и технических характеристик информационно-разведывательных и управляющих систем СЯС»⁷⁷.

Из этого прогноза следует несколько принципиальных выводов, имеющих решающее значение для всех сфер деятельности государства. Так, если он верен, то мы можем рассчитывать, по меньшей мере, до 2020 года на то, что во внешней политике России сохранится ее наиболее эффективный инструмент — ядерное сдерживание, т. е. способность противостоять силовому давлению со стороны США и других стран.

Соответственно, следуя логике, Россия во внешней политике до 2020 года отчасти будет компенсировать свою относительную экономическую и технологическую слабость наличием эффективного ядерного потенциала. В целом же, вывод, следующий из прогноза, означает, что ядерная составляющая суверенитета страны обеспечена, как минимум, до 2015–2020 годов. Это создает возможность для относительно безопасного экономического развития, **концентрации значительных ресурсов на целях развития**. Этот период временный. Надо отчетливо понимать, что, во-первых, если в это время не будут подготовлены новые отечественные научно-технические разработки, то после 2015 года суверенитет России может быть поставлен под сомнение. Во-вторых, это же означает, что, такой период может быть использован для концентрации усилий на развитии отечественной науки и НЧК в целом на базе отечественного ВПК. Что сделали в свое время в Израиле, обеспечив ему самые передовые технологические позиции.

Другое дело, что в этот прогноз вносились и будут вноситься коррективы. И со стороны США, и со стороны России. Прежде всего, в пользу его меньшей оптимистичности (что привело, в частности, к быстрому

росту военных расходов в 2003–2007 годы). Но в целом прогноз не привел к катастрофическим ошибкам.

Другой пример, иллюстрирующий важность стратегического прогноза, показывает, что в области неядерных вооружений, выделяемые сегодня Россией ресурсы недостаточны для обеспечения национальной безопасности и суверенитета. Так, планируя увеличение поставок вооружений (которое сегодня пока в несколько раз ниже необходимого уровня), российские специалисты считают, что «... даже такое радикальное увеличение объемов закупок позволит перевооружить весь парк вооружений и военной техники... **только к 2030 году**. При этом будет реализован лишь, так называемый, „компромиссный“ вариант: 50% на содержание и техническое оснащение Вооруженных Сил и 50% на их развитие. Как показывают предварительные расчеты, для обеспечения реализуемости „компромиссного“ варианта развития начиная с 2006 г. расходы по разделу бюджета „Национальная оборона“ должны составлять не менее 3,5% от ВВП. Данный прогноз основан на макроэкономических проектировках Минэкономразвития РФ на период до 2015 года»⁷⁸.

Подобный вывод, который следует из стратегического прогноза, означает, по сути, не только экономический, **но и политический выбор**, который предстоит сделать власти: либо ослабление безопасности, фактическая потеря боеспособности неядерных сил, либо рост оборонных расходов, а значит отвлечение средств от целей социально-экономического развития, снижение в конечном счете темпов развития. Речь идет о сотнях миллиардов рублей, а «цена ошибки» — безопасность страны или социальное благополучие граждан, ослабление усилий по развитию потенциала человеческой личности.

Этот политико-идеологический выбор, лежащий в основе любого стратегического прогноза, всегда стоит перед любым правительством. Так, США, в конечном счете (несмотря на всю свою милитаризацию), выбрали **социальную модель бюджета**. Согласно расчетам Бюджетного управления конгресса США, в 2000 г. 43,2% федеральных расходов непосредственно шло старикам и детям, а в 2010 г. эта доля должна превысить 50% федерального бюджета⁷⁹.

При этом для США сохраняется актуальность и политического выбора. В последнее время множатся сигналы, свидетельствующие о возможности нового мирового финансового кризиса — наподобие того, что привел к американской «великой депрессии». Приближается, как считают некоторые эксперты, глобальный экономический коллапс, о котором не раз предупреждал Линдон Ларуш, безуспешно призывающий уже много лет к радикальному реформированию всей финансово-денежной системы западной цивилизации и избавлению ее от господства финансовой олигархии. Он считает, в частности, что для спасения цивилизации в обозримом будущем срочно необходимо создание мировой коалиции сил

вокруг ключевых договоренностей, которые будут достигнуты четырьмя ведущими странами (Лаос имеет в виду США, Россию, Китай и Индию). Это предупреждение, сделанное накануне кризиса 2008–2010 годов, как показали последовавшие события, было **точным стратегическим прогнозом** которым не воспользовались. Но выводы сделаны были. Прежде всего с точки зрения совершенствования международных финансовых институтов и роли государства. Его актуальность сохраняется и после того, как мировые лидеры стали выкарабкиваться из кризиса 2008–2010 годов.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что рецепт, предлагаемый различными авторами, носит частный, а не системный характер. Так, предлагается, например соглашение, «возвращающее нас к рузвельтовским планам послевоенного мира как системы сотрудничества суверенных наций-государств, объединяемых **единой системой американского типа** (21) с фиксированными курсами валют, работающей на развитие всей планеты.

Этот вывод вызывает сомнение. Строительство механизма международного сотрудничества по американскому образцу невозможно по двум основным причинам. Во-первых, из-за того, что стремительно меняется соотношение сил в мире и вряд ли возможен прогноз, когда в стратегической перспективе новые мировые центры силы захотят договариваться по образцам 30–40-х годов прошлого века.

Во-вторых, — и это может быть главное — в мире конкурируют не только различные центры силы, но и различные идеологии, системы ценностей. Между ними компромисс на американской, либеральной

основе, невозможен в принципе. Китай, например, претендует не просто на сохранение социалистической идеологии, но и **идеологическое лидерство в мире этой идеологии**, провозглашая лозунг «Китай — оплот мирового социализма».

Крайне наивно было бы сказать, что ислам, как идеология (а также более 1 млрд мусульман, проживающих в исламских странах), захочет принять американскую идеологическую модель и систему ценностей. Совсем наоборот: можно оказать усиление радикальных элементов этой идеологии, которые являются основой для политического радикализма, экстремизма и даже терроризма.

Маловероятно, что Россия и другие государства, где в основе национальной систем ценностей лежит православие, успешно противостоявшее более тысячи лет католицизму и протестантизму, вдруг откажется от своей системы ценностей.

Можно выразиться абсолютно просто: идеологически, все действия должны вести к **строительству новой справедливой мировой политико-экономической системы развития при конкурировании различных идеологий**, управляющей отношениями между государствами и народами планеты. Эта точка — исходная для стратегического прогноза «Объединение США, России, Китая и Индии в качестве ведущих партнеров подлинной программы Объединенных Наций» является обязательным условием, которым нельзя жертвовать в пользу других забот⁸⁰, но при понимании того, что идеологически конкуренция будет не только сохраняться но и обостряться. Это не просто «другие заботы», это — основа существования всех государств.

5. Полное использование национальных ресурсов⁸¹ как важнейшее условие реализации национальной стратегии опережающего развития: «забытые» ресурсы и возможности

Реализация настоящей Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов (подч. — А. П.)...⁸².

Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г.

Одно из определяющих условий модернизационного рывка — адекватная **оценка современной ситуации, базирующаяся на фундаментальных знаниях о мире, России, о нашей истории и нашем настоящем**⁸³.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Если нацию не удастся мобилизовать для решения крупных задач, то она будет «мобилизована» для самоуничтожения. Такова реальность, сложившаяся в 2012 году.

Если первое условие эффективной стратегии — адекватный идеологический выбор и целеполагание, —

то второе — максимальный учет и использование **всех имеющихся у нации ресурсов**. И не только материальных или финансовых, но и идеологических, нравственных, а также национальных институтов социального потенциала. Здесь важна как приоритетность, т. е. оп-ределение **значения** ресурсов в тот или иной период

времени, так и максимальный учет тех ресурсов, которые не всегда заметны, «бросаются в глаза». Сегодня, как правило, говорят об экономических возможностях. Как, например, финансовые ресурсы или ЗВР, которые обладают быстрой ликвидностью.

На самом деле это неверно. Так, главный ресурс сегодня для России — это время, и именно его не хватает в нашу критическую эпоху для выработки «программного обеспечения», в частности, национальной идеи в России⁸⁴, — сказал пророчески С. Капица. И был абсолютно прав. Или эффективной стратегии национального развития, которая требует не только работы аналитиков МЭРа, но и широкой, национальной дискуссии.

Другой «незамеченный» ресурс — творческий потенциал нации, моральная атмосфера в обществе, наконец, идеология, объединяющая идея. Под термином «эффективное использование» я понимаю, во-первых, **точную и полную оценку** существующих и потенциальных ресурсов, а, во-вторых, их максимально эффективную реализацию, т. е. достижение обозначенных в стратегии целей при минимальной затрате ресурсов⁸⁵.

Огромное значение имеет политический ресурс, который выражается в формулировании позиции, идеологием, комментариях, других «сигналах» обществу и элите политическим руководством страны. Именно этот ресурс формирует политический вектор развития, атмосферу и условия, в которых существует государство, общество и экономика. Это, в конечном счете, является важнейшим ресурсом власти, с помощью которого осуществляется управление, т. е. влияние на интересы, эмоции, убеждения людей. Как справедливо отмечается в одной из статей, «Под **ресурсами власти** принято понимать все те средства, использование которых обеспечивает влияние на объект власти в соответствии с целями субъекта. Ресурсы представляют собой либо важные для объекта ценности (деньги, предметы потребления), либо средства, способные повлиять на внутренний мир, мотивацию человека (средства массовой информации), либо орудия, с помощью которых можно лишить человека тех или иных ценностей, высшей из которых обычно считается жизнь (оружие, карательные органы в целом) (Основы политической науки. Учебное пособие. Часть I. 1993. С. 110).

Субъекты политической власти обладают уникальной системой ресурсов. В их руках находится государство с его аппаратом, армией, органами внутренних дел, тюрьмами, правоохранительными органами, денежной и налоговой системами и т. д. Государственная власть имеет монопольное право издавать законы, обязательные для всего населения. Она может легально использовать силу, опираясь на специальный аппарат принуждения. Государство, имея единый центр принятия решений, использует не только принуждение, но и экономические, социальные, культурно-информационные ресурсы.

Ресурсами власти являются интересы, убеждения людей, их чувства, эмоции (страх, ненависть, зависть, восторг, энтузиазм, недовольство и др.). Эффективными средствами власти могут стать национальные и религиозные чувства. Ресурс типа интереса определяется экономическим потенциалом, налоговой, социальной политикой. Ресурс принуждения использует страх за жизнь, здоровье, имущество, благосостояние. Результат насилия заключается в том, что человек вынужден вести себя не так, как он хотел бы. Принуждение может быть физическим, психологическим, моральным.

Ресурсом власти является язык как элемент политической культуры. Язык власти специфичен, он опирается на мифы, стереотипы, а значение слов зависит от воли властелина, от умения читать между строк. Значение штампов, клише бюрократического языка является своеобразным пропуском в коридоры власти. Языковая политика играет далеко не последнюю роль в реальных политических процессах, избирательных кампаниях.

К ресурсам относится экономический, военный, культурный потенциал страны, государственная территория, стабильность и порядок, единство общества, природные богатства, численность населения, его качество (культура, образованность, трудовые навыки и т. д.). Важное значение имеют традиции, идеология, вера, доверие, общественное настроение, участие населения в политике, время, которым располагает власть для решения своих задач. К ресурсам власти относятся знания, профессионализм, пропаганда во всех ее формах, средства массовой информации.

Различные ресурсы используются субъектами власти обычно в комплексе, хотя каждый тип ресурсов имеет свои условия реализации и предел эффективности, наиболее удобные объекты и время действия. Так, для убеждения наиболее предрасположена молодежь. Оппозиционные силы больше опираются на недовольных. Во времена революций, войн чаще используется насилие. Принуждение больше распространено в странах со слабыми демократическими традициями. В обществах с традициями индивидуализма упор делается на использование материального интереса, денег, хотя используется и принуждение, страх за жизнь, здоровье, благосостояние»⁸⁶.

Но самый крупный и наиболее динамично развивающийся национальный ресурс — это национальный человеческий потенциал, составляющий в развитых странах до 75% всего национального богатства. Напомню в этой связи, что национальное богатство делится на три основные части.

Национальный человеческий потенциал 70–75%	Активы (инфраструктура, здания, оборудование и т. п.) 15–20%	Природные ресурсы государства 10–15%

Рис. 15. Национальное богатство

Причем, чем более развито государство, тем выше в приросте ВВП доля, обеспеченная развитием НЧП. Иногда она достигает 90%.

Таким образом, максимально полное использование НЧП обеспечивает максимальную эффективность национальной стратегии. Тем более, что НЧП — воспроизводимый ресурс (в отличие от природных ресурсов). Это последнее обстоятельство имеет огромное значение: в принципе достижимы любые разумные цели, если ресурсы неограниченны. Искусство эффективной стратегии заключается в том, чтобы добиваться поставленных целей при минимальном затрате ресурсов. Иногда используют и критерий «стоимость–эффективность», который определяет достижение поставленных целей разумными ресурсами. К сожалению, в России нередко даже адекватные цели достигаются чрезмерными усилиями, неэффективно. Строительство дорог, например, в несколько раз дороже, чем в развитых странах.

Применительно к заявленным целям модернизации мы сегодня наблюдаем именно такую картину. Выделяемые средства на инновации и новейшие технологии нередко делают минимальный эффект, совершенно неадекватный полученным результатам. Это, например, видно из затрат на интеллектуальную собственность (которые в 2009 г. составили 5% от потраченных средств), или результатов работы госкорпорации «Роснано» и «Ростехнологии». В 2011 году, например, финансирование инновационной деятельности госкорпорациями оказалось на 70 млрд рублей меньше, чем планировалось⁸⁷.

Термин «эффективное использование ресурсов» означает понимание правящей элитой страны важнейших особенностей использования ресурсов для достижения стратегических целей в XXI веке. А они таковы:

- учитывая, что НЧК стал главным ресурсом развития, можно говорить с новой взаимосвязи между целями и ресурсами, которая заключается в том, что развитие ресурса НЧК становится самостоятельной целью стратегии. Особенно в связи с тем, что НЧК является возобновляемым ресурсом.

Это означает, что чем больше общество тратит своих возможностей на развитие НЧП, в особенности его новых составляющих культуры, творчества и т. д., тем больше этот ресурс развивается и тем ближе становится стратегическая цель — созданные максимально благоприятных возможностей для развития личности и всего НЧП. Так, вложения в НЧП являются одновременно и тратой ресурсов для достижения главной цели, и развитием главного ресурса — НЧП. На практике это означает, например, что сознательное и искусственное увеличение роста душевых доходов (в особенности, целевым образом направляемых на развитие НЧП, например, стипендий, доплат ученым и работникам культуры и т. п.) ведет к росту НЧП, росту про-

изводительности труда и реализации главной цели. Побочные явления (инфляция, бюджетные пропорции и пр.) не исключают этого в целом положительного эффекта для развития;

- НЧК — это новая национальная собственность, которая не может быть отторгнута в эпоху глобализации, вывезена за рубеж или продана. Это — главная и неотъемлемая часть национального богатства.

Кроме того, сохранение институтов социального потенциала НЧК, особенно традиционных, в которых аккумулируются знания навыки и национальные школы (такие, например, как русская школа балета, драмы, науки), имеет огромное значение для развития НЧП, который не может появиться «вдруг», на пустом месте. Традиции — такой же капитал, как и знания, что доказывает, например, опыт Великобритании, где «старые бренды» активно работают на развитие современного общества и экономики. Так, среди старейших СМИ, существующих в мире, значительная часть приходится на старые бренды развитых государств⁸⁸.

1785 г.	227 лет	The Times (Великобритания)
1838 г.	174 года	The Times of India (Индия)
1851 г.	161 год	The New York Times (США)
1874 г.	138 лет	«Йомиури симбун» (Япония)
1876 г.	136 лет	Corriere della Sera (Италия)
1877 г.	135 лет	The Washington Post (США)
1888 г.	124 года	Financial Times (Великобритания)
1908 г.	104 года	Christian Science Monitor (США)
1908 г.	104 года	Les Echos (Франция)
1917 г.	95 лет	«Известия» (Россия)
1944 г.	68 лет	Le Monde (Франция)
1945 г.	67 лет	Süddeutsche Zeitung (Германия)

ИСТОЧНИК: ДАННЫЕ СМИ

Рис. 16. Самые известные газеты–долгожители

- НЧП — это самый современный и точный показатель суверенитета государства, его способности проводить самостоятельную политику и быть уязвимым по отношению к влиянию извне. Так, составная часть НЧП — развитые институты гражданского общества, культурно-образовательный потенциал, идеология патриотизма собственно не только делают население нацией, но и осуществляют процесс национальной самоидентификации. Таким образом, получается, что лучшее средство укрепления суверенитета — развитие НЧП.

И, наоборот. Развитие НЧП является сегодня синонимом усиления влияния государства в мире. Так, небольшое государство Катар оказывает сегодня огромное влияние на арабские страны. Прежде всего, идеологическое, проводя политику ислами-

зации во многом через свои институты социального потенциала — фонды, СМИ и НКО⁸⁹.

Таким образом НЧП становится (в форме своих институтов и людей) главным внешнеполитическим инструментом влияния. Это в полной мере относится к институтам гражданского общества, но в еще большей степени — к личностям, чей творческий потенциал становится главной ценностью, товаром и инструментом влияния в мире. Другими словами, ради всех прочих внешнеполитических инструментов государства (включая военную силу) национальный человеческий потенциал как в форме его институтов, так и отдельных личностей, становится в XXI веке главным инструментом влияния. Что, собственно говоря, впервые отметил В. Путин в феврале 2012 года, заявив о необходимом становлении России в качестве мирового культурного лидера.

Возвращаясь к алгоритму идеологии, мы должны ясно представлять себе то, что также существует важная взаимозависимость между ресурсами, с одной стороны, и базовыми интересами и ценностями — с другой. Сами по себе национальные ресурсы являются базовой национальной ценностью и интересом. *И не только природные, но и такие важные сегодня, как национальный человеческий потенциал, являющийся основным ресурсом развития.* Поэтому в системе национальных интересов в настоящие дни развитие НЧП становится самой приоритетной задачей среди других важнейших задач обеспечения национальной безопасности.

Важно отметить, что, кроме того, на эти взаимосвязи оказывает воздействие и комплекс вопросов, связанных с международными реалиями; их нельзя недооценивать, а тем более не учитывать. Причем в двух, очень важных аспектах. С одной стороны, глобализация и вытекающие из этого процесса реалии, оказывают, безусловно, сильнейшее влияние на формирование целей внутренней и внешней политики. Это влияние — очевидно. Налицо усиливающаяся тенденция «размывания» национальных ценностей. Что явственно становится основой для политических

и даже военных конфликтов. Как очевидно и то, что оно усиливается по мере развития глобализации. Оно проявилось, например, в сокращении суверенитета отдельных стран, получившем название «поствестфальская эра», или даже в передаче значительной части суверенитета наднациональным органам, как, например, в странах Евросоюза.

Более того, влияние глобализации стало сказываться не только на формировании политических целей, но и на всей ценностной и культурной базовой системе, вступая нередко в прямое противоречие с ними. Как отмечалось в докладе высокопоставленного сотрудника ООН, «если посмотреть на мир 2009 года, мы увидим, что из 143 конфликтов 108 имели культурное измерение»⁹⁰.

Другой аспект внешнего воздействия — превращение внешнего влияния в ресурс, в средство реализации внешней стратегии по отношению к стратегии национальной. Пока что это внешнее влияние не стало решающим (по крайней мере, для тех стран, которые не потеряли свой суверенитет), но оно усиливается настолько, что отчетливо звучит мнение о его будущем решающем влиянии на формирование и реализацию национальных стратегий. Что особенно заметно на примере «мягкой силы». Как отмечал Ж. Сампайю — высокий представитель Генерального секретаря ООН по Альянсу цивилизаций, «с моей точки зрения, совершенно очевидно, что мы являемся свидетелями рождения нового мира, который принесет с собой новую модель управления и мирового порядка. В этом новом, едином мире, по-видимому, управление приобретет глобальное измерение и **обоснованность инструментов „мягкой силы“ станет решающей из-за природы вызовов, с которыми нам придется сталкиваться**»⁹¹ (подч. — А. П.).

Таким образом, ресурсы, предназначенные для достижения сформулированных стратегией целей, имеют не только внутреннее, но и внешнее измерение. В особенности, если речь идет об использовании человеческих ресурсов и национального человеческого капитала.

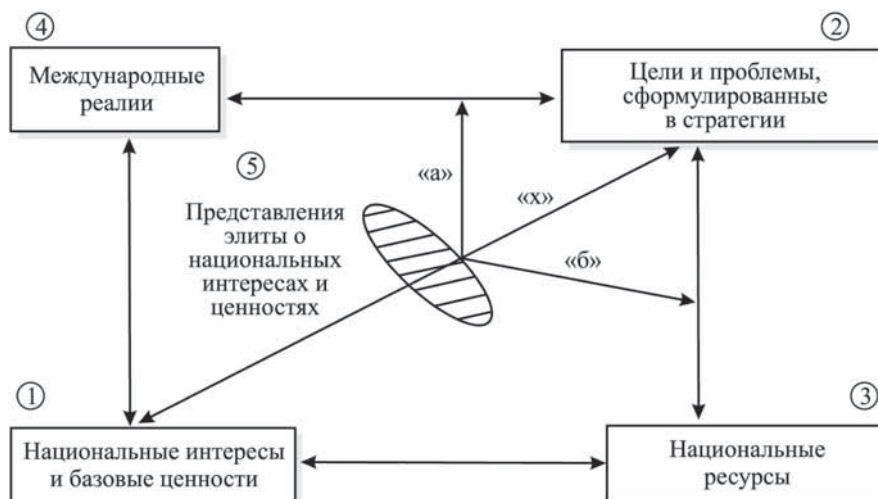

Рис. 17.

На рисунке это может выглядеть следующим образом: см. рис. 17.

1. Комплекс базовых ценностей и национальных интересов.
2. Цели и проблемы, сформулированные в стратегии.
3. Национальные ресурсы.
4. Международные реалии.
5. Представления национальной элиты.

Цели и сформулированные угрозы и проблемы, как уже говорилось, могут быть неадекватны имеющимся ресурсам, либо завышенными, либо заниженными. И то, и другое плохо. Это, повторю, прежде всего зависит от идеологического выбора и сформулированной стратегии развития государства.

Так же и интересы, и базовые ценности могут в разной степени учитывать имеющиеся у нации ресурсы. Их адекватное использование зависит не «напрямую», а косвенно, через восприятие элитой и ее идеологического выбора. Но сам этот выбор и стратегия, его реализующая, конечно, сказываются как на национальных ресурсах, так и на национальных интересах.

Поэтому важно еще раз остановиться на более подробном анализе категории «национальные ресур-

сы». Наиболее часто встречающееся определение гласит: «Ресурсы (от франц. *resource* — вспомогательное средство) — ценности, запасы, возможности, денежные средства, источники средств, доходов (например, природные ресурсы, экономические ресурсы)»⁹². Или другое определение: «Ресурсы — источники, предпосылки получения необходимых людям материальных и духовных благ, которые можно реализовать при существующих технологиях и социально-экономических отношениях. Ресурсы подразделяются на три основные группы:

- материальные;
- трудовые ресурсы, в том числе интеллектуальные ресурсы;
- природные (естественные) ресурсы»⁹³.

Сравнивая эти два определения, можно легко обнаружить одно принципиальное различие, а именно: во втором определении под эту категорию попадают те ресурсы, которые «можно реализовать», т. е. ресурсы делятся на потенциальные и используемые, или «потенциал» и «фактор», понимая, что фактор — используемый потенциал⁹⁴. Предлагаю простую формализацию категорий «ресурсы» в матричной форме, которая позволит лучше оценить эффективность их использования: см. табл. 1.

Табл. 1. Формализованная матрица категории «национальные ресурсы»

Вид национального ресурса (новизна)	Потенциальный (потенциал)	Используемый (фактор)
I. Материальные ресурсы		
1. Экономический потенциал	ВВП	ВВП на уровне 1990 г., мощи потребления –50% от 1990 г., структура экономики и экспорта
2. Финансовый потенциал	ЗБР, внешние займы	Хуже
3. Технологический потенциал	Слабый	Ухудшается
II. Нематериальные ресурсы		
1. Образование	Ухудшается, сокращается	Количество студентов сокращается, качество ухудшается
2. Наука	Сокращается	40% от численности ученых 1990 г.
3. Творческий потенциал	Не учитывается	Не работает, только 5% предприятий внедряет ежегодно инновации
4. Социальная активность	До 20% от всей численности, не стимулируется условиями	Менее 2%
5. Духовные ресурсы	Малоактивны	Низкое: членство в партиях, институтах Гражданского общества, в т. ч. профсоюзов, низкое
6. Моральные	Не используется	
III. Природные ресурсы		
1. Энергетические		
2. Пресная вода		
3. Металлы		
4. Лесные, рыбные запасы		
5. Воздух, экология		
IV. Демографические ресурсы		
1. Численность населения	142,0 млн чел.	Сокращается. Темпы сокращения падают 2007–2008 годов
2. Численность активного населения	70–80 млн чел.	90%
3. Численность занятого населения	60–65 млн чел.	80–85%
V. Время как ресурс		

Даже самый простой анализ формализации имеющихся потенциальных и используемых ресурсов позволяет сделать следующие, к сожалению, неутешительные выводы относительно эффективности использования имеющихся ресурсов российской правящей элитой.

Самое главное заключается в том, что хотя НЧП стал не только главным ресурсом, но и целью развития, это далеко не до конца понимается правящей элитой. При этом любые усилия по развитию НЧП совпадают с усилиями по реализации главной цели стратегии развития, т.е. НЧП стал уже не только ресурсом, но и целью (самоцелью) и главной ценностью, а также главным национальным интересом. Подобная взаимосвязь по оси «ресурсы — цель», и оси «ценности/интересы — ресурсы» требует особенного внимания и НЧП.

Если говорить коротко, то любые усилия по развитию НЧП, прежде всего, в таких областях, как

- образование;
- наука;
- творчество;
- уровень жизни;
- здравоохранение и др.

Становятся как самоцелью, так и приоритетным способом увеличения национальных ресурсов. **Инвестиции в НЧП** становятся не просто критически важными, но и самыми эффективными, ибо они **являются одновременно и самым эффективным способом достижения стратегических целей и самым эффективным способом увеличения ресурсов.**

Нация, прежде всего правящая российская элита, в целом крайне неэффективно использует все виды ресурсов. Причем, если природные ресурсы используются относительно полно, но затратно, (так, в 2009 году фактический коэффициент использования нефти — КИН — в России составил 20%, а в США — 35% и в регионе Северного моря — 46%)⁹⁵, то материальные — не более чем на 50%, а нематериальные — либо на очень незначительную долю, либо вообще не учитываются. Не случайно в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года эти **ресурсы**, как потенциальные, а тем более реальные возможности государства и общества, практически не учитываются. Между тем они имеют огромное значение с самых различных точек зрения. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ (в III разделе, названном «Развитие человеческого потенциала») есть, конечно, соответствующий подраздел, где образование рассматривается как «необходимое условие формирования инновационной экономики» и «важнейшей предпосылкой динамичного экономического роста и социального развития общества». Но «**стратегическая цель** государственной политики в области образования» сводится к «**повышению доступности качественного образования**»⁹⁶ (подч. в Концепции). Это, естественно, не может быть целью, тем более стратегической. В лучшем случае — одной из задач.

Образование имеет ключевое значение для России, да и стран СНГ по целому ряду причин. Основные из них следующие:

- Накопленный образовательный потенциал, единое культурно-образовательное пространство стран СНГ предоставляет этим странам исключительное экономическое конкурентное преимущество. Сегодня образование следует рассматривать как наиболее эффективную отрасль экономики, непосредственно влияющую на уровень и темпы развития государств. Не случайно государства-лидеры по качеству жизни — Финляндия, Ирландия, Дания — являются и мировыми лидерами в области образования. Не случайно и то, что две ведущих экономики мира — США и КНР — делают особый акцент в своей стратегии развития на образовании, как главном факторе развития НЧК. Заняв пост генсека КПК в 2002 г., 60-летний Ху Цзиньтао сделал все, чтобы подвергнуть коррекции официальный идеологический курс, **расставив в нем новые гуманистические акценты в виде концепций «братья человека в качестве основы» и «гармоничного социума», что сегодня активно переносится и на сферу международных отношений.** Призывы Ху Цзиньтао к КПК «следовать помыслам народа, помышлять об интересах народа и заполучить сердце народа» стоят ближе к традиционным конфуцианским представлениям о гуманном правлении на основе человеколюбия и справедливости, чем к западным идеям представительной демократии»⁹⁷.

В Стратегии национальной безопасности США, принятой в мае 2010 года, подчеркивается необходимость сохранения американского лидерства в образовании, которое выражается, в частности, в том, что в процентном отношении к числу граждан США должны превосходить другие государства по числу студентов. В Китае за последние 10 лет число лиц с высшим образованием выросло в 8 раз, достигнув 350 млн человек⁹⁸. Это — самый высокий показатель в мире, определяющий человеческий капитал, позволяющий уже сегодня Китаю претендовать на лидерство в научно-технической и технологической областях⁹⁹. Некоторые страны уже ставят в качестве долгосрочной цели всеобщее (не обязательное) высшее образование.

В этой связи государства СНГ могут не только использовать общее огромное культурное и образовательное наследие, но и **объединить усилия в его развитии.** В частности, в создании единой общей базы учебных и культурных программ. Опыт Массачусетского технологического института, сделавшего общедоступными все учебные курсы, — весьма показателен и может служить примером для стран СНГ. Создавать качественные учебные курсы дорого и многим

странам просто не под силу, да и времени требует немало, а вот воспользоваться продуктом, созданным друзьями, — совершенно естественно. Тем более, что сегодня технологически это сделать совсем не трудно.

- Большинство из сотен военных и вооруженных конфликтов, состоявшихся в мире в 2009 году, имели под собой социокультурные корни. Развивая единое культурное и образовательное пространство, страны СНГ предпринимают по сути самые эффективные меры по предотвращению, профилактике насилия.

Отдельно следует сказать и о том, что общие усилия в области образования — лучшее средство для взаимного обогащения культур, а не просто воспитание толерантности. Мы, надо признать, многое потеряли из того колоссального образовательного и культурного наследия, которое нам досталось в прошлом веке. В какой-то мере мы обокрали сами себя, лишив достижений, созданных в СССР.

- Следует понимать, что с геополитической точки зрения страны СНГ представляют собой такую же международную реальность, как и страны Евросоюза, которые после вступления в силу Лиссабонских соглашений в декабре 2009 года фактически превратились в конфедерацию. Мы понимаем, что если в Европе интеграционным стимулом послужило создание общего рынка и единой валюты, то в странах СНГ это может и должен стать единый рынок образования и культуры. Другими словами, мотором интеграции в СНГ должно стать образование и воссоздание единого культурного пространства.

Против которого, кстати, выступает очень мало противников

Главный ресурс и фактор развития современной экономики и общества — человеческий потенциал — не только не является сегодня в России фактором развития, но и не учитывается в числе потенциалов. О нем лишь известно из вполне абстрактных рассуждений и политических заявлений. Это видно на примере человеческого ресурса в исследованиях и разработках¹⁰⁰.

Динамика численности занятых в сфере НИР, баланс оттока человеческих ресурсов, в том числе и «утечка умов» из страны, и их притока и за счет иммиграции, определенно свидетельствуют о **резком сокращении (количественном убывании) человеческих ресурсов** и, как следствие, о неотслеживаемом и неконтролируемом убывании человеческого капитала в сфере НИР. Сокращение касается всех фиксируемых государственной статистикой групп, занятых в сфере НИР (см. табл. 2).

За период с 1990 по 2005 годы численность занятых в сфере НИР сократилась более чем на один миллион сто тридцать тысяч человек (с 1943,4 тыс. чел. до 813,2 тыс. чел.). Даже без учета качественных показателей совершенно очевидно резкое, если не катастрофическое, сокращение **человеческих ресурсов в сфере НИР**. Численность исследователей за тот же период сократилась более чем на шестьсот тысяч человек (с 992,6 тыс. чел. до 391,1 тыс. чел.).

Выбор идеологии и стратегии развития предполагает, что элита выбирает **приоритеты для расходования своих ресурсов**: достижение тех или иных целей невозможно без соответствующего ресурсного обеспечения. Под ресурсными приоритетами здесь

Табл. 2. Численность занятых в сфере НИР (на конец года, тыс. чел, человек)

Год	Всего	в т. ч. исследователи	техники	вспомогательный персонал	прочие
1990	1943,4	992,6	234,8	512,5	203,5
1991	1677,8	878,5	200,6	416,6	182,1
1992	1532,6	804,0	180,7	382,2	165,7
1993	1315	644,9	133,9	379,4	156,9
1994	1106,3	525,3	115,5	291,3	174,1
1995	1051	518,7	101,4	274,9	166,0
1996	990,7	484,8	87,8	260,0	158,2
1997	934,6	455,1	80,3	244,9	154,3
1998	855,2	417,0	74,8	220,1	143,3
1999	872,4	420,2	72,4	235,8	143,9
2000	887,7	426,0	75,2	240,5	146,1
2001	885,6	422,2	75,4	238,9	149,0
2002	870,9	414,7	74,6	232,6	149,0
2003	858,5	409,8	71,7	229,2	147,8
2004	839,3	401,4	70,0	223,4	144,6
2005	813,2	391,1	66,0	215,6	140,6

понимается совокупность возможностей — экономических, демографических, финансовых, политических, военных, природных, нравственных, духовных и пр. — нации государства, которые могут быть направлены на приоритетное достижение тех или иных целей. Очевидна взаимосвязь: приоритетные цели — приоритетное выделение ресурсов. Можно декларировать приоритеты, как, например, развитие потенциала человеческой личности, но не обеспечить эти приоритеты в полной мере ресурсами. Так, *в современной России совершенно очевидна нарушенная взаимосвязь между заявленным приоритетом на развитие потенциала человеческой личности и фактическим сокращением выделяемых ресурсов на фундаментальную и прикладную науку, образование и культуру.*

Другой важный аспект: некоторые из ресурсов (такие, например, как территория, природные ресурсы) величины относительно постоянные, другие (например, демографические) меняются медленно, а некоторые (ВВП, ЗВР и т. д.) относительно быстро. В идеологии и стратегии эти качества должны учитываться в полной мере. Так, для эффективного долгосрочного использования природных ресурсов необходима такая же долгосрочная политика, учитывающая многие факторы — перспективные геолого-разведочные работы, будущее ресурсосберегающих и энергосберегающих технологий, климатические последствия и т. д.

Для демографических ресурсов нужна идеология и стратегия, которая рассчитана на несколько десятилетий¹⁰¹. Это процессы рождаемости и смертности (где существует множество факторов), иммиграционные процессы, но, главное, в условиях роста значения потенциала человеческой личности, — **качество человеческого потенциала**, ведь принципиально важна не столько численность населения будущей России, сколько такие критерии, как образованность, культура, духовность, способность к творчеству и инновациям.

Наконец, третья группа — там, где тактические изменения происходят относительно быстро, за 3–5 лет. Их место в идеологии нельзя недооценивать потому, что они могут стать мощным ресурсом для реализации долгосрочных идеологических целей и задач национальной стратегии. Либо эти ресурсы — как в сегодняшней России — так и остаются потенциалом, т. е. не реализованным фактором развития. Так, выгодная для России конъюнктура мировых цен на энергоносители в 2001–2007 годах не была использована в долгосрочных интересах. Накопленные резервы — не стали ресурсами развития, превратившиеся всего лишь в «подушку безопасности», резерв, который не спас Россию от резкого падения ВВП и примышленного производства. Этот резерв не был использован ни в интересах промышленной политики, ни для изменения отсталой экономической и социальной структуры. Что наглядно проявилось в период кризиса 2008–2010 годов¹⁰².

6. Приоритетность задач при распределении национальных ресурсов во втором десятилетии XXI века

...вопрос о том, нравственна власть или безнравственна, — это для нас вопрос жизни и смерти¹⁰³.
С. Шмидт

...формулирование интересов только тогда будет иметь практический смысл, когда вы принимаете во внимание имеющиеся у вас ресурсы для их реализации¹⁰⁴.

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Новая, эффективная идеология предполагает эффективное использование в этих целях **всех имеющихся ресурсов**, при общем понимании принципов, приоритетов и целей развития. В этой связи российская элита должна, **во-первых**, полностью использовать имеющиеся ресурсы, в т. ч. и неиспользуемые идеологические ресурсы, такие, как творческий, моральный и нравственный потенциал, духовные ресурсы, волю, патриотизм (что далеко не всегда делалось в России); **во-вторых**, распределять ресурсы адекватно намеченным политическим целям.

Если в качестве приоритетной политико-идеологической цели ставится развитие потенциала человеческой личности, то и ресурсы должны распределять-

ся также в приоритетном порядке. Прежде всего на науку, образование, здравоохранение, в целом — на создание и улучшение условий развития НЧК. Если, например, приоритетная политическая цель — социальное благополучие граждан, — то, соответственно, на ее реализацию выделяются в приоритетном порядке и ресурсы.

Отдельная тема — внешнеполитические и оборонные проблемы национальной безопасности. Ныне — политически и стратегически — Россия, ее правящий класс формулирует, например, относительно «скромные» внешнеполитические амбиции или даже «очень скромные» (например, отказ от амбиций на постсоветском пространстве). Соответс-

твенно и военные расходы на уровне 2,5–2,7% ВВП, что соответствует уровню развитых стран.

При этом мы можем инвестировать освобождающиеся ресурсы в развитие экономики и социальной сферы, что является главным фактором в пользу таких объемов финансирования. Но это чревато тем, что в **долгосрочной перспективе стране** будет нанесен серьезный внешнеполитический и экономический ущерб. Восстановить влияние в этих странах России будет сложнее и дороже. Укрепить безопасность — еще дороже. Является ли подобная экономия эффективной тратой ресурсов?

В свое время, в 1920–1950-е годы, советское руководство также стояло перед таким выбором: либо танки, либо масло. В 1920-е годы выбрали «масло», сократив армию, а в 1950-е — «пушки». В конечном счете, гонка вооружений стала одним из основных факторов, сделавших советскую экономику неэффективной. Поэтому, выбирая приоритетные цели, мы должны тщательно взвешивать свои ресурсные возможности, соотнося их с приоритетами развития.

Если мы говорим о сохранении позиций России на постсоветском пространстве и в мире, то обеспечение таких позиций можно эффективно обеспечить не за счет военной силы, а **главного ресурса XXI века — идеологического лидерства, реализуемого высоким качеством человеческого потенциала**. Уверен, что в XXI веке культурное, интеллектуальное, творческое, образовательное, духовное и другие формы идеологического влияния и лидерства уже стали самыми эффективными средствами внешней политики.

Может быть это потребует сокращения военных расходов, направляемых не на НИОКР и другие об-

ласти, связанные с НЧК, а на иные нужды. Это может быть оправдано как временная мера. В свое время военные расходы Японии составляли 1% ВВП, что позволило ей, однако, не только сделать технологический и экономический рывок в 1960–1970-е годы, но и заявить об идеологическом лидерстве японской модели развития, занять место вплоть до 2010 года, второй — «экономики мира».

Но позволят ли нам интересы национальной безопасности в будущем подобные расходы? Понятно, что если они будут сокращены до 1% ВВП, то огромные средства могут быть направлены на развитие потенциала личности (что, на мой взгляд, укрепит обороноспособность лучше, чем лишний авианесущий крейсер), но, с другой стороны, не приведет ли это к тому, что у России не останется через 10 лет собственно военного потенциала?

Ответить на этот вопрос может только комплексный, идеологический (военный, экономический, социальный, научно-технический и т. д.), а не макроэкономический стратегический прогноз. Понятно, что такой стратегический прогноз потребует от власти идеологического обеспечения: выбор целей и приоритетов — функция идеологии.

Как и обеспечение в полной мере этих целей необходимыми ресурсами. Но, главное, все-таки **идеологический выбор**. И его необходимо ясно сформулировать. Если в качестве приоритетной цели мы формулируем обеспечение интересов национальной безопасности, т. е. суверенитета, территориальной целостности, национальной специфики, языковой и культурной общности и самобытности, то исключать возможность, даже неизбежность защиты таких

Рис. 18. Цели внешней и военной политики, вытекающие из идеологических целей и национальной стратегии

интересов **с помощью военной силы невозможно**. Последние десятилетия продемонстрировали, что все разговоры 70-х и 80-х годов прошлого века об «исчезновении фактора военной силы в международных отношениях» — наивные, даже вредные. Войны, тем более военные конфликты, исключить нельзя. Но — и это важно — можно и нужно определить, во-первых, ту реальную роль, которую может играть военная сила в ее различных формах:

- политической (шантаж, угроза, сдерживание);
- ведения глобальной войны;
- ведения локальных войн.

Исходя из признания этой идеологической роли, необходимо определить **такую военную доктрину**, которая обеспечила бы максимально эффективную политику **военного строительства** и **военного искусства**, т. е. защиту интересов безопасности России при минимальном затратах ресурсов. Это можно изобразить на следующем рисунке (рис. 18). Из этого рисунка видно, что обеспечение идеологических интересов и целей России возможно множеством средств и способов, которые, в конечном счете, вытекают и **замыкаются на потенциале человеческой личности**. Именно этот потенциал является базовым не только для целей развития нации, но и **для обеспечения ее безопасности военными средствами**.

Здесь очень важна четкая самоидентификация. Прежде всего нации и государства с ее ролью в мире и обязательствами по отношению к собственным гражданам, адекватная идентификация элиты по времени и в пространстве. Если, скажем, нация — государство идентифицирует себя как великую державу, то она и вести (или, по крайней мере, попытаться вести) себя будет соответствующим образом. «Мы те, кем себя ощущаем, и наша страна — это то, что мы знаем о ней, — говорил историк А. Горянин»¹⁰⁵.

Другими словами, от национальной идентификации, адекватного восприятия себя и окружающего мира зависит не только адекватнее формирование ценностной системы и целеполагания, но и формируется интерес (потребность) в ресурсах. Если мы, например, воспринимаем себя культурно-духовным мировым лидером, то и потребности, а также ресурсы будут во многом определяться такой самоидентификацией. И, наоборот, если мы себя воспринимаем государством, претендующим на глобальное военное соперничество (как СССР), то и ресурсы, их использования во многом изначально предопределены такой самоидентификацией.

По большому счету в XXI веке собственно военных расходов при реализации эффективной идеологии **не бывает**. Любые военные инвестиции — это инвестиции прежде всего в идеи, людей, технологии, **где собственно военные издержки стремятся к нулю**, а именно серийному производству вооружений и военной техники (которое, будучи качественными, легко находит выгодный сбыт на внешнем рынке). Если,

конечно же, такое серийное производство происходит на национальной научно-технической базе.

Даже информационная политика перестает быть обособленной частью, становится разделом единой идеологии. Если, например, прогнозируется неизбежная война, то требуются определенные ресурсы, усилия и время, чтобы подготовить собственное население и общественное мнение к предстоящим военным действиям и вероятным потерям (так, вооруженным действиям против Югославии предшествовала целенаправленная шестимесячная идеологическая кампания НАТО. В этих целях в НАТО был создан даже специальный орган. Та же ситуация была и с Ираком, Ираном, Сирией и т. д.). Требуются и заранее выделенные общенациональные информационные ресурсы. Освещение военных действий и даже управления происходит в основном не на военных, а на гражданских спутниках и в СМИ.

Новые образцы вооружений и военной техники создаются десятилетиями. В случае ошибки в прогнозе — последствия для государства неизбежно будут катастрофическими. Поэтому отказываться от собственной военно-научной политики нельзя. Вот почему, кстати, огромные деньги тратятся на «возможную» войну (которой может никогда и не быть). Так, например, создание системы ПРО для России потребовало бы 15–20 лет и сотни миллиардов долларов. Но, с другой стороны, если ее не будет, то созданный к 2020 году, возможно, наступательно-оборонительный комплекс ядерных сил США сможет нанести «разоружающий» удар по России. Что, разумеется, обесценивает любую экономию на военных расходах. Но отнюдь не случайно американская программа СОИ начала 1980-х годов была не столько военной программой, сколько комплексом научно-технических программ.

Поэтому решение элитой вопроса приоритетности ресурсов — важнейшая функция управления, связанная как со стратегией, так и с доминирующей идеологией. С точки зрения затрат ресурсов, «уход из идеологии», официально декларируемый советским, а позже и российским руководством, отнюдь не означал, что, **во-первых**, сама «идеология ушла», а тем более «исчезла» идеологическая борьба, в т. ч. в России, а, **во-вторых**, что перестали действовать ее механизмы — стратегические прогнозы, концепции и планы развития. Просто их составление в эти годы было серьезно затруднено, искусственно сдерживалось, что, естественно, отразилось на качестве принимаемых политических решений, которые, как правило, носили бессистемный, рефлекторный, а иногда и алогичный характер. Особенно в период правления М. Горбачева — Б. Ельцина.

«Возвращение идеологии» в России наступает параллельно с внутривластной стабилизацией. Не трудно заметить, если захотеть, что эти процессы взаимосвязаны. Более того, некоторые аспекты стабилизации, например, борьба с терроризмом, имеют преимущественно идеологическую основу.

Поэтому скорость внутриполитических процессов стабилизации будет **прямо пропорциональна** скорости идеологизации политики. Причем идеология выступает здесь более мощным и влиятельным ресурсом, чем социально-экономический. Сегодня этот факт практически игнорируется. Почему-то думается, что международный терроризм является прямым следствием социально-экономических проблем, что отнюдь не является очевидным. Более того, трудно назвать вполне обеспеченных материально террористов бедными людьми. Скорее, как показывает практика (и не только за рубежом, но и в России) террористы являются вполне благополучными с точки зрения материального достатка и даже образования личностями. В конечном счете надо скорее признать, что ситуация в этой области стала меняться по мере идеологического «выздоровления» российского общества. Но этот процесс идет не быстро. В том числе и по причине недооценки идеологии.

Можно отчасти понять власть: в период выхода из жестокого кризиса или «стабилизации» ей было не до прогнозов и идеологий. Она действовала чисто рефлекторно, на «ручном управлении», — иначе и не могла. Нужно было сохранить государство и суверенитет, управляемость (хотя бы минимальную) в стране. Собственно это откровенно признал В. Путин в своем Послании Федеральному собранию в 2005 году. Именно этим, а не «хитростью В. Путина», объясняется отсутствие идеологической концепции, подчеркнутый «прагматизм», «функционализм» политики Президента России в 1999–2004 годах.

Но вот период «стабилизации» заканчивается, и все настойчивее начинаются разговоры (пока что, к сожалению, разговоры) о развитии, в том числе и споры об эффективном ресурсном обеспечении такого развития. Проблема, однако, в том, что до тех пор пока не ясна **вся идеологическая система**, нет ясности и в Стратегии, являющейся всего лишь нормативным ее оформлением, а тем более приоритетах ресурсного обеспечения. Заявления В. Путина об «удвоении ВВП» в 2005–2007 годах, «опережающих темпах роста» следует рассматривать, как первую официальную попытку показать обществу готовность сформулировать идеологические цели, в частности, перейти от «стабилизации» к «развитию». Пока что на уровне политической декларации, идеи. Примечательно, что сегодня многие уже забыли, как негативно была встречена частью общества и СМИ эта идея. Прежде всего, со стороны тех, кто все годы до этого декларировал отрицание идеологии, ее замены принципом — «рынок все сам отрегулирует».

В дальнейшем, в 2008–2010 годах Д. Медведев декларировал цели инновационного развития и модернизации. К сожалению, эти процессы так и не были подробно описаны, превратились из средства процесса развития, в самоцель. Тем самым остался скрытым важнейший ресурс развития — НЧП. Он, как бы, «не вписался» в процесс модернизации.

Модернизация стала универсальным клише, расхожим термином, лишенным национального содержания. Что, конечно же неверно. Американские авторы доклада, посвященного процессу модернизации, справедливо отметили это противоречие: **«успех или фиаско этих мер, как и прочих, будет зависеть от качества их исполнения, а также того, насколько хорошо учтены в них конкретная ситуация в стране и в мире, политические проблемы и насколько хорошо осознаны причины, по которым те или иные меры сработали или провалились в других странах** (подч. — Авт.). То есть, в любом случае **новая инновационная политика должна учитывать российские реалии и принимать во внимание специфику географии, истории и культуры России, а не состоять из механически перенесенного на российскую почву чужого опыта** (подч. — А. П.)¹⁰⁶. Что, собственно говоря, мы и наблюдаем сегодня в России.

Объективно рождению новых идей способствовало частичное оздоровление экономики, освобождение от внешней финансовой зависимости, и появление определенных **свободных ресурсов**. Прежде всего финансовых. Вся энергия элиты поэтому была направлена в «освоение» этих финансовых ресурсов. Иногда при этом мало задумывались, а нужны ли вообще эти инвестиции. И куда именно. В 2005–2008 годах мы столкнулись с ситуацией, сохранившейся не смотря на кризис до сего дня, когда приоритеты в расходовании ресурсов так и не были четко определены. Заявленный социальный приоритет, сам по себе, конечно, важен. Но он имеет колоссальное значение только под углом зрения развития НЧП, а не его части — социального. Наличие «излишков» лишь оживило дискуссии о возможности и необходимости развития, в т. ч., как сформулировал президент РФ В. Путин, — «опережающего». Эти разговоры были переведены в практическое русло осенью 2005 года, когда обществу была предложена идея приоритетных национальных проектов. С точки зрения опережающего развития нацпроекты стали первой крупномасштабной инициативой в политике власти **создать механизмы развития**. В том числе и НЧП. Да и сама власть рассматривала их именно как «пилотные», пробные, но одновременно и крупные, общенациональные мероприятия. С точки зрения расходования появившихся ресурсов — нацпроекты стали попыткой, **частным случаем** их использования, в условиях, когда нет ни идеологии, ни стратегии развития, ни эффективных механизмов их реализации. Они явились в этих условиях результатом «ручного управления», а не сознательной реализации заявленной стратегии, т. е. стали частным случаем, примером, а не системой. Вместе с тем и такой пример оказался удачным. Надо сказать, что во многом эта идея удалась уже в 2007 году. Первый год реализации нацпроекта «Доступное жилье», например, показал, что темпы роста строительной отрасли превысили 15% (по сравнению с 5% ростом

всего промпроизводства в стране). 2007 год, привёл к росту в этой отрасли на 25–27%, что стало лучшим доказательством возможности опережающего экономического развития. А к 2010 году во многом удалось добиться решения главной задачи — изменения демографической тенденции 1992–2009 годов, когда абсолютное сокращение численности практически удалось остановить.

С точки зрения приоритета ресурса НЧП это означает, что быстрого и значительного результата можно добиться даже в частном случае, если, во-

первых, власть увидит и сформулирует такую задачу, а, во-вторых, если ее энергии хватит хотя бы на несколько лет (в данном случае 5 лет) для того, чтобы попытаться эту задачу решить.

Подытоживая, можно сказать следующее. Сокнительное выделение приоритета в развитии важнейшего ресурса — НЧП, — означает возможность не только эффективного использования, но и наращивания этого ресурса, который, в свою очередь, становится важнейшей политико-идеологической целью развития.

7. Проблема «фазового перехода»¹⁰⁷ и идеология будущей России

...особую значимость продолжает сохранять идеология...
именно идеология формулирует тот политический идеал...,
достижение которого становится самоцелью (самоценностью)¹⁰⁸.

*М. Хрусталёв,
профессор МГИМО(У)*

Переход на инновационный путь развития связан,
прежде всего, с масштабными инвестициями в человеческий капитал¹⁰⁹.

*В. Путин,
президент России*

Выбор правящей элитой идеологии развития и, как следствие, алгоритма стратегии национального развития предполагает учет тех принципиальных изменений в мировом сообществе, науке, технике и технологиях, которые оказываются в первой четверти XXI века и носят качественный характер. Нельзя исходить исключительно из внутренних факторов, определяющих национальную идеологию, — национальных интересов, ценностей и ресурсов. Важно понимать их в контексте глобальных изменений.

Сегодня Россия, как и все человечество, переживает фазовый переход¹¹⁰, который проявляется в переходе в качественно новое состояние, новые пространственные и временные структуры, когда происходят качественные изменения в самом характере развития всего человечества. Уникальность этого времени уже не подвергается сомнению, хотя существо происходящих процессов в мировой экономике и обществе до конца неизвестно, да и вряд ли может быть точно определено. Ясно только, что как и вода, нагретая до определенного состояния, превращается в пар, так и современное общество ожидает переход в какое-то новое, неизвестное пока состояние, параметры которого можно лишь предполагать, опираясь на комплексные исследования естественных и общественных наук. Пока, что ясно: кризис 2008–2011 годов не был заурядным мировым кризисом. Тем более только финансово-экономическим. Он стал предвестником перехода в качественно новое состояние человеческой цивилизации. Вопрос: в какое?

Ясно и то, что кризис 2008–2011 годов стал возможным именно из-за того, что этот фазовый переход уже начался: появились принципиально новые вызовы и угрозы, к которым человечество, национальные правительства и существующие институты оказались не готовы. Прежде всего они оказались не готовы политико-идеологически, концептуально. И кризис 2008–2011 годов это отчетливо показал.

Речь идет о решении принципиального вопроса о развитии человечества, т. е. социальной составляющей человеческой деятельности, которая, к сожалению, мало изменилась за последние 150 лет со времен К. Маркса, писавшего: «Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того, как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей, либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы»¹¹¹.

Понимать это надо, хотя бы потому, что новое фазовое состояние цивилизации неизбежно внесет качественные изменения. Прежде всего политико-идеологические. Пока что мы только догадываемся, какими они будут. Но важно отдавать себе отчет, что они, во-первых, будут неизбежно, во-вторых, что общество, государство и экономика станут качественно

иными, а, в-третьих, что наша идеология и вытекающая из нее долгосрочная стратегия должна каким-то образом их учитывать. Или хотя бы понимать их неизбежность. Как понимать и то, что математические модели или макроэкономические экстраполяции не пригодны для создания долгосрочного национального прогноза и тем более стратегии национального развития, ибо эффективный прогноз и стратегия предполагают достижение конкретных целей. Сам по себе прогноз и стратегия малофункциональны, если они не ведут к достижению стратегических целей. Как справедливо заметил китайский философ Сунь-цзы в своей великой работе «Искусство войны», «в войне нужна победа, а не военные действия»¹¹².

Это прикладное значение прогнозов и стратегий — главное требование. И самое трудновыполнимое. Сегодня уже не надо доказывать, как в 1990-е годы, необходимость стратегических прогнозов. Общество и элита дозрели до этого. Но надо вести споры и размышлять об их адекватности и практической полезности. В противном случае появляются ложные прогнозы и ложные стратегии, которые не помогают, а мешают практической реализации стратегии развития.

Так, либералы навязывают в последние годы особенно активно простую, даже примитивную модель либеральной демократии, как «наиболее адекватную» идеологию и стратегию развития. При этом они исходят из простого понимания, что весь мир делится на «деревню» и «город», а Россия принадлежит именно к «деревне», которой предстоит двигаться в сторону «города». Как пишет профессор ВШЭ Л. Васильев, «на Востоке власть всецельна, человек — подданный, собственник бесправен, буржуазии нет; это мировая деревня. На Западе с античности господство гражданского общества и городской культуры, прав и свобод индивида, подчиненная жесткой процедуре демократии, на время избранная власть и независимый суд, служащие интересам собственников и способствующие протобуржуазному предпринимательству и модернизации; это — мировой город. Понятно, что и третье сословие как феномен — порождение Запада»¹¹³.

Поэтому, на взгляд наших либералов, проблема «фазового перехода» решается просто: необходимо движение в сторону либеральной демократии и отказа от «имперских амбиций» (суверенитета). Но кризис 2008–2011 годов, даже по признанию авторитетов либерализма показал кризис либерализма и капитализма, необходимости поиска новой модели. Зачем же тогда учиться старому? Тому, от чего хотят отказаться на Западе?

Собственно провалы различных концепций и стратегий социально-экономического развития в 2008–2011 годы подтверждают этот вывод. Как вывод и о несостоятельности такой идеологии.

И начинать надо не с экстраполяции, а с попыток качественного анализа возможных трендов исторического развития цивилизации, частью кото-

рой является российское общество и его экономика, т. е. с анализа внешних условий и международных реалий. Так, например, не может не обратить на себя внимание концепция ряда ученых, ставшая известной благодаря С. Капице. В частности, проблема «ускорения» истории, т. е. этапов ее развития, имеющих фундаментальное значение для стратегического прогноза применительно ко всему человечеству и, естественно, России.

Периодизацию истории и сжатие исторического времени подробно обсуждает петербургский историк И. Дьяконов. Здесь уместно привести слова из его обобщающей монографии «Пути истории»:

«Нет сомнения в том, что исторический процесс являет признаки закономерного экспоненциального ускорения. От появления *Homo sapiens* до конца I фазы прошло не менее 30 тыс. лет, II фаза длилась около 7 тыс. лет. III фаза — около 2 тыс. лет, IV фаза — около 1,5 тыс. лет, V фаза — около тысячи лет, VI фаза — около 300 лет, VII фаза — немногим более 100 лет.

Продолжительность VIII фазы пока определить невозможно. Нанесенные на график, эти фазы складываются в экспоненциальное развитие, которое предполагает, в конце концов, переход к вертикальной линии или, вернее, к точке — так называемой сингулярности. По экспоненциальному же графику развиваются научно-технические достижения человечества, а также, как упомянуто, и численность населения Земли. Вертикальная линия на графике равносильна переходу в бесконечность. В применении к истории понятие „бесконечность“ лишено смысла: не могут дальнейшие фазы исторического развития, все убыстряясь, смениться на годы, месяцы, недели, дни, часы и секунды.

Если не предвидеть катастрофы — хочется верить, что премудрый *Homo sapiens* сумеет ее предотвратить, — тогда, очевидно, следует ожидать вмешательства каких-то сил, которые изменят эти графики. Хорошо, если они переведут их на платформу, плохо, если изменение выразится в стремительном падении линии на графиках от какой-либо достигнутой вершины. Будем все же надеяться, что уже вскоре человечество ждут непрогрессирующие или слабо прогрессирующие фазы»¹¹⁴.

«Дьяконов справедливо проводит аналогию с физическим понятием фаз и фазовыми переходами между ними. Он с удивительной полнотой и четкостью описал свое видение исторического процесса, которое в деталях совпадает с развитыми в модели представлениями. Пусть выделенные им фазы не совпадают с демографическими циклами. Этого совпадения и не следует ожидать в силу трудности идентификации указанных фаз и неопределенности критериев установления их пределов. Но здесь с полной ясностью указано на сжатие исторического времени и на то, что наша эпоха есть время кризиса. Прохождение и выход из кризиса описаны в модели.

Табл. 3. Развитие человечества в логарифмическом масштабе

Эпоха	Период	Дата годы	Число людей	Культурный период	ΔТ лет	История, культура, технология
С		2150	11×10^9	Стабилизация населения Земли	125	Переход к пределу 11×10^9 Изменение возрастного распределения
		2050	10×10^9			Глобализация
В	T_1	2000	6×10^9	Мировой демографич. переход	45	Урбанизация
	11	1955	3×10^9		45	Компьютеры Ядерная энергия
	10	1840	10^9	Новейшая	125	Мировые войны Электричество
	9	1500	10^8	Новая история	340	Промышленная революция Книгопечать
	8	500 нэ		Средние века	1000	Географические открытия Падение Рима
	7	2000 днэ		Древний мир	2500	Христос, Осевое время Греческая цивилизация Индия, Китай, Будда, Конфуций
	6	9000		Неолит	7000	Междуречье, Египет Письменность, Города Одомашнивание, Сел. хоз.
	5	29 000		Мезолит	20 000	Керамика, Бронза Микролиты
	4	80 000		Мустье	51 000	Заселение Америки
	3	0,22 мл		Ашель	$1,4 \times 10^5$	Homo sapiens Речь, огонь
	2	0,60 мл		Шелль	$3,8 \times 10^5$	Заселение Европы и Азии Рубила
	1	1,6 мл		Олдувай	$1,0 \times 10^6$	Галечная культура, Чоппер Homo habilis
	A	T_0	4,4 мл	Антропогенез	$2,8 \times 10^6$	Отделение гоминидов от гоминоидов

При таком подходе происходит также и усреднение времени. Иными словами, скорость роста зависит не от мгновенного значения населения мира, а от его среднего значения в течение времени усреднения, которое становится все больше по мере ухода в прошлое. Таким образом в модель вводится память о прошлом. Так модель смогла описать рост за все время существования человечества. Результатом расчетов стала таблица (табл. 3), где представлен как рост населения Земли, так и развитие человечества с момента его возникновения до современности¹¹⁵.

Но наше, российское общество должно иметь свою модель, свой прогноз развития при любых обстоятельствах. В том числе и потому, что эта субъективная модель, может стать, повлиять и на глобальные процессы развития человечества. Понятно, что национальный стратегический прогноз **невозможно вычлени**ть из комплексного стратегического прогноза общечеловеческого развития, но представить его в качестве **части этой системы** — просто необходимо. В конце концов наше общество имеет ограничение ресурса влияния на человечество (например, менее 3% мирового ВВП), но вполне контролирует собственные ресурсы и планы развития¹¹⁶.

Стратегический прогноз для России в основном предопределен, но не макроэкономической экстраполяцией, а **идеологическим выбором элиты**, которая изначально закладывает в него (или должна формулировать) не только цель развития, но и **сущность** этого развития.

В этом смысле макроэкономическая экстраполяция применительно к такой сложной системе, которой является общество, не просто бесполезна, но даже вредна: ни один прогноз (и лежащие в их основе сценарии развития) не подтверждается даже в среднесрочной перспективе. Не говоря уже о стратегическом прогнозе. Даже когда утверждают, что такие прогнозы и модели учитывают множество факторов.

В этой связи хотел бы поддержать своего давнего единомышленника С. Капицу, уже не раз пытавшегося установить соответствие между представлениями современного естествознания и исторических наук, в его выводе, имеющем для целей настоящей работы принципиальное значение: «Линейные модели, учитывающие, казалось бы, все возможные факторы, не состоятельны при анализе поведения сложных систем»¹¹⁷. Применительно к этому разделу, посвященному стратегическому прогнозу для России, это означает, **во-первых**, необходимость отказа от со-

циально-экономической экстраполяции как метода и, соответственно, стратегий (концепций), основанных на таких прогнозах. **Во-вторых**, признание безусловного приоритета волевой установки, «желаемого образа» над экономическими и финансовыми тенденциями, т. е. признание приоритета идеологического прогноза над макроэкономической экстраполяцией. **В-третьих**, признание особого значения в таких прогнозах нематериальных факторов развития — прежде всего связанных с НЧК (демографического, творческого, социального и т. д.).

Другими словами, если экстраполяция делает прогноз «снизу» (от достигнутого уровня), то идеологический прогноз — «сверху» (от желаемого образа). Такая сложная социально-экономическая система как нация в действительности гораздо больше зависит от субъективных факторов, чем от внешнеобъективных экономических тенденций. Даже на нашей памяти мы видим 60% падения ВВП в 90-е годы в России и такой же 60% рост в Финляндии, последовавшие после кризиса 1990-х годов.

Споры о будущем России, которые начались сразу же после развала СССР, не прекращаются и сегодня. Более того, именно в связи с перспективами модернизации, ставшими предметом острой дискуссии в 2004–2010 годы, эти споры стали особенно актуальными. Причем не только по поводу модернизации, но и будущей политической системы, демократии, будущего общества и т. д., что свидетельствует о **системности** этой проблемы¹¹⁸.

Но эти же споры велись и задолго до этого, ассоциируясь то с будущим империи, то с будущим СССР. Как писал Н. Бердяев, «Вместо третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима... Третий Интернационал есть не Интернационал, а **русская национальная идея**. Это есть трансформация русского мессианизма». Выступая в качестве кандидата на президентских выборах в 2000 году главным слоганом я сделал, слоган — **«Россия — империя XXI века»**¹¹⁹.

Действительно, неизбежно приходишь к выводу, что не экстраполяция существующих макроэкономических реалий, а **тот образ, ставший политико-идеологической целью**, который создает российская элита, становится **изначальной точкой для формирования стратегического прогноза, стратегического планирования, а, в конечном счете, стратегии развития России**. Образ, который можно назвать «национальной идеей». Последовательность такова: см. рис. 19.

Важность такого стратегического прогноза основанного на национальной идее, — очевидна. Но, пока что не для правящей элиты страны, которая признала в 2005–2010 годы полезность и необходимость лишь **частных** — отраслевых, региональных и пр. — прогнозов развития. В самые последние годы в России не только осознали их значение, но и предприняли некоторые попытки их подготовки. Заговорили даже о «буме стратегических прогнозов». Большинство из которых, к сожалению, носили узкоотраслевой (региональной) характер, не будучи привязаны ни к главным политико-идеологическим целям, ни к стратегии развития всей страны.

Кроме узкоотраслевых и региональных долгосрочных прогнозов, были сделаны и комплексные. В качестве одного из таких примеров можно привести прогноз, подготовленный Центром макроэкономического анализа и прогнозирования под руководством А. Белоусова в 2005 году¹²⁰. Все эти прогнозы, однако, изначально либо исключали, либо недооценивали значение формулирования политико-идеологической **цели**, национальной идеи развития. Прогноз А. Белоусова — не только один из самых добросовестных макроэкономических прогнозов, но и одна из первых попыток выйти за рамки простой экономической экстраполяции. Хотя — должен сразу же оговориться — России нужен скорее макроисторический прогноз.

Целесообразно подробно привести основные положения долгосрочных сценариев и их прокомментировать, ибо они на сегодня позволяют сделать вывод в целом об уровне стратегических прогнозов в России:

«Долгосрочные сценарии, по мнению авторов, предполагает анализ возникающих в перспективе возможностей и „кризисных узлов“ позволяет выделить **четыре фундаментальных фактора**, лежащих в основе долгосрочных сценариев развития российской экономики:

- реализация сравнительных преимуществ российской экономики — энергетического, научно-исследовательского, транзитного и сельскохозяйственного потенциала — за счет ее рационального включения в мировое хозяйство и привлечения капиталов;
- модернизация массовых производств, производящих продукцию средней степени сложности, что дает возможность использовать преимущества емких внутренних рынков;
- формирование массового среднего класса, позволяющее развернуть модернизацию социальной инфраструктуры и развивать образование и здравоохранение;

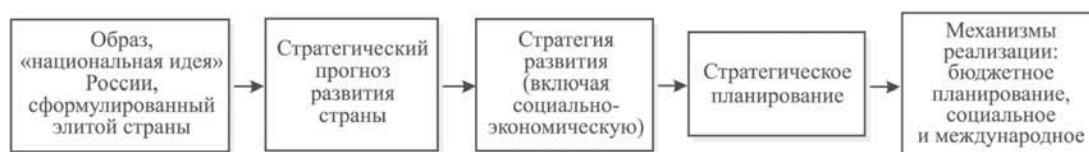

Рис. 19.

- формирование „рублевой зоны“ и интеграция евроазиатского экономического пространства вокруг России».

Удивительно, но среди фундаментальных факторов, лежащих в основе долгосрочных сценариев, нет важнейших, к числу которых я бы отнес огромное культурное, духовное и историческое наследие России и СССР, имеющее ключевое значение для развития человечества. Причем это наследие выражается, в том числе и в большом материальном, включая промышленность, потенциал, который фактически игнорировался в последние 20 лет. Между тем, «экономическое чудо» Сингапура началось именно с создания промышленности, ориентированной на скромный (2 млн чел.) рынок. России не нужно ничего создавать «с нуля», нужно реанимировать свою промышленность и сельское хозяйство, обеспеченное, как минимум, рынком РФ и бывших советских республик. Как признает создатель сингапурского экономического чуда Ли Куан Ю., «...мы сконцентрировали наши усилия на создании промышленности... мы ввели протекционистские меры для произведенных в Сингапуре автомобилей, холодильников, кондиционеров...»¹²¹.

К числу материального наследия СССР можно отнести к отрасли ВПК, которые обеспечили, например, Израилю и США быстрый технологический рост¹²². Как совершенно справедливо заметил Д. Медведев, «оборонно-промышленный комплекс, естественно, должен стать **не только активным потребителем такого рода разработок, но и генератором инноваций, что, собственно, сегодня мне показывали здесь, и что мы можем наблюдать в разных местах, к сожалению, может быть, не так активно, как нам бы этого хотелось (не везде это происходит)**, но, тем не менее, всё-таки у нас есть свои неплохие заделы. Только в этом случае мы обеспечим и конкурентоспособность в военной и технологической сферах, и модернизацию экономики, и, соответственно, должный уровень национальной безопасности в нашей стране.

Все инновационные направления, по которым наша Комиссия работает, являются приоритетными

не только для гражданской сферы, но и для оборонно-промышленного комплекса. Уверен, что разработки оборонно-промышленного комплекса в области **новейших медицинских, IT-технологий, космических, ядерных исследований, естественно, даже при учёте специфики таких исследований в конечном счёте не должны замыкаться внутри отрасли, они должны быть логично вписаны в контекст развития нашей страны**»¹²³.

Сегодня, например, девять базовых технологий включены 52 критические военные технологии, определяющие долгосрочные (стратегические) научно-технические приоритеты.

- геополитическое положение России, объединяющее сегодня два ведущих субъекта международных отношений, — Евросоюз и Китай, — а также граничащее со всей центральной (и фактически) Южной Азией, Ближним Востоком и Средиземноморьем;
- возможная привлекательность для остального мира российской идеологической инициативы, даже лидерства в создании новых моделей взаимоотношения государств и внутри государств. Если глобализация — этап трансформации биосферу в ноосферу, то соглашусь с редактором журнала «Мир и политика», считающим, что «... глобально-цивилизационная миссия России приобретает уникальное значение — и благодаря нашей территории, и благодаря нашему ресурсному и интеллектуальному потенциалу»¹²⁴. Я и сам об этом не раз писал в 1980-е и 1990-е годы, оттачиваясь от изучения наследия В. Вернадского;
- наконец, уникальность России, как империи, чей опыт заслуживает всяческого изучения, говорит в пользу того, что эта форма государства может быть праобразом, образцом для других государств (а не федераций и конфедераций), как почему-то считается. В этом смысле согласен с В. Якуниным, считающим, что «В перспективе либо не будет России, либо не будет проекта мировой империи. Борьба здесь идет в глобальном плане»¹²⁵.

8. Национальная идея и стратегический прогноз для России

Россию воспринимают с уважением, считаются с ней только тогда, когда она сильна и твердо стоит на ногах¹²⁶.

В. Путин

... современный мир снова можно охарактеризовать как весьма неустойчивую систему...¹²⁷.

А. Торкунов,

ректор МГИМО(У)

В эпоху «фазового перехода» для России необходимо исходить из наихудшего сценария, а именно: из всех возможных вариантов развития России выпадет наихудший, наименее выгодный. Поэтому

она должна быть готова ко всем и рассчитывать прежде всего на свои силы. Силы нации и ее НЧП. Выборы 2011–2012 годов показали, что перед новым президентом стоит задача консолидации нации на

основе осознания необходимости перемен. Согласен с В. Соловьевым, полагающим, что реформы должны делаться властью быстрее, чем того требует оппозиция¹²⁸. Инициатива должна быть за властью. Как во времена П. Столыпина.

Неудачи в стратегических прогнозах и планировании России в 2010–2011 годы объясняются прежде всего тем, что в их основе не было стратегической общенациональной идеи, способной объединить нацию и стать целью, достижение которой стало бы смыслом всех усилий.

Только такая, я бы сказал эгоистическая, даже культурно-националистическая идея способна объединить нацию и сформулировать долгосрочную, а главное, осязаемую, вполне конкретную цель.

Абстрактные цели, регулярно заявляемые за последние 20–25 лет от М. Горбачева до Д. Медведева, не имеют ничего общего с национальной идеей. «Демократизация» — лозунг, который 25 лет выступает такой абстрактной целью, мало кого привлекает. Как, впрочем, и все остальные лозунги последних десятилетий, которые даже на короткий период не способны были объединить нацию. Может быть, за исключением идеи «стабильности», которая является продолжением старой, устоявшейся ценности «лишь бы не было войны».

Но и либеральные идеи и смыслы, обращенные к западным ценностям, не имеют сколько-нибудь долгосрочной перспективы потому, что они не опираются на национальные интересы и ценности. Так, объединение Германии (которое было для немцев национальной идеей), какое-то время было обязательно для России, но довольно быстро забылось «Пророссийская эйфория» осталась далеко позади¹²⁹.

Как справедливо считает С. Глазьев, «Идеология придает смысл экономическому поведению и предопределяет формирование государственной политики. Понять причины катастрофических последствий проводившейся в России политики невозможно без прояснения смысла и выявления истоков направлявшей ее идеологии рыночного фундаментализма. А также причин, мотивов и обстоятельств выбора этой идеологии. Она носит наукообразный характер с претензией на истинность в последней инстанции, опираясь на неоклассическую экономическую теорию. Критический анализ последней является необходимой составляющей раскрытия смысла идеологии реализованной в России либеральной реформы и причин ее плачевных результатов.

Как было показано выше, выбор стратегии перехода к рынку в конце 1991 года был фактически навязан России в форме шоковой терапии, представляющей собой радикальный вариант крайне либераль-

ного подхода к вопросам экономической политики, основанного на идеологии рыночного фундаментализма. Этот выбор был сделан вопреки мнению научной общественности страны, сопротивлению парламента и отторжению государственного аппарата»¹³⁰.

Понятно, что анализ фундаментальных факторов развития России изначально предполагает **признание** приоритета именно этих действительно фундаментальных факторов, а лишь затем — того, что называется «фундаментальными факторами» в экономике. В этой связи нужны ответы на самые принципиальные вопросы, которые велись и ведутся в России многими философами, политическими и публицистами.

В рамках активно навязываемой идеологии либеральной демократии, «национальная идея России» формулируется очень просто: необходимо отказаться от имперского наследия, национального величия, суверенитета, во-первых, и стать либерально-демократическим государством, во-вторых¹³¹.

Есть и другие точки зрения, разделяемые в том числе и представителями части правящей элиты. Так, С. Сулакшин, например, приводит следующую таблицу (табл. 4), в которой в хронологическом порядке приводится «перечень значимых и знаковых попыток определения национальной идеи в истории российской мысли, выбранное из многих десятков работ»¹³².

Таким образом, без учета действительно фундаментальных факторов (а не только макроэкономических трендов) невозможно, как это пытаются сегодня делать, построить не только долгосрочных сценариев, но и сделать сколько-нибудь качественного стратегического прогноза для России. Так, например, если мы исходим из указанных выше действительно фундаментальных факторов, то такой прогноз должен иметь следующий логический ряд: см. рис. 20.

Между тем такой подход А. Белоусова позволяет, по его мнению, сформировать **четыре базовых сценария**, в зависимости от включения перечисленных факторов. Первый «базовый сценарий» — «**Сверхиндустриальная модернизация**»:

- развертывание долгосрочных проектов, реализующих энергетический, научно-исследовательский, транспортный (транзитный) и сельскохозяйственный потенциал российской экономики;
- модернизация перерабатывающих производств, в т. ч. на основе иностранных инвестиций и «технологического трансфера», обеспечивающая рост их конкурентоспособности на внутренних рынках;
- формирование массового среднего класса, представляющего спрос на жилье, услуги образования и здравоохранения;

Рис. 20.

Табл. 4. Поиск национальной идеи

Автор	Название работы	Год
Владимир Мономах	Поучение детям	1117
Вассиан Рыло	Послание на Угрю	1480
Филофей	Послания	XVI в.
Ломоносов М. В.	Рассуждение о размножении и сохранении русского народа	1761
Хомяков А. С.	О старом и новом	1839
Герцен А. И.	Русский народ и социализм	1851
Фадеев Р. А.	Чем нам быть	1874
	Русское общество в настоящем и будущем	1874
Соловьев В. С.	L'idee russe	1888
Астафьев П. Е.	Национальность и общечеловеческие задачи. К русской народной психологии	1890
Айвазов И. Г.	Всемирная задача христианства	1905
Менделеев Д. И.	Заветные мысли	1905
Соболевский А. И.	Чего желаем мы, русские?	1907
Бердяев Н. А.	Судьба России	1918
Масленников А. М.	Идеология Российской императорской власти	1921
Карсавин Л. П.	Восток, Запад и Русская идея	1922
Федотов Г. П.	И есть и будет. Размышления о России и революции	1932
Ильин И. А.	Наши задачи (цикл статей)	1956
Карташев А. В.	Воссоздание Святой Руси	1956
Семанов С. Н.	О ценностях относительных и вечных	1970
Серафим (Соболев)	Русская идеология	1987
Солженицын А. И.	Как нам обустроить Россию	1990
Сагатовский В. Н.	Русская идея: продолжим ли прерванный путь?	1994
Платонов О. А.	Русская цивилизация. Святая Русь. Энциклопедия русской цивилизации	1995 2000
Зиновьев А. А.	Идеология партии будущего	2003
Троицкая Н.	Русская цивилизация между Востоком, Западом и Югом	1995
Бабулин С. Н.	Российский путь	1995
Подберезкин А. И.	Русский путь	1995
Кобылянский В. А.	Русская идея и возрождение России	1997
Осипов Г. В.	Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты	1997
Иоанн, митр.	Русская симфония	1998
Путилов С. В.	Национальная идея как форма концептуализации национального самосознания	1999
Можайскова И. В.	Духовный образ русской цивилизации и судьба России	2011–2002
Панарин А. С.	Православная цивилизация в глобальном мире	2002
Калашников М.	Вперед, в СССР-2	2003
Дугин А. Г.	Проект «Евразия»	2004
Назаров М. В.	Вождю Третьего Рима	2004
Медведев В. С., Хомяков В. Е., Белокур В. М.	Национальная идея, или Чего ожидает Бог от России	2004
Кобяков А. Б., Аверьянов В. В. и др.	Русская доктрина	2005
Нарочницкая Н. А.	Русский мир	2007
Кара-Мурза С. Г.	Матрица «Россия»	2007

- формирование «рублевой зоны», интегрирующей экономики России, Украины, Казахстана, Белоруссии и других сопредельных стран «ближнего зарубежья».

Этот «базовый сценарий» по сути аналогичен программам модернизации, появившемся через несколько лет. Его главный недостаток, как и всей «модернизационной идей», заключается в том, что он **не учитывает российской специфики**: он как бы «не видит» нацию вообще, «не замечает» государства, игнорирует роль НЧК и креативного класса. Его универсализм применим к любому государству, превращая модернизацию в «сверхидею», самостоятельную цель, тогда как сама по себе модернизация — всего лишь постоянный процесс (затухающий или активизируемый в зависимости от воли элиты).

Все перечисленные процессы в рамках «сверхиндустриализации» — имеют действительно актуальный, но частный характер. Если же речь вести о действительной сверхиндустриализации, то надо, на мой взгляд, четко определить другие приоритеты, которые выглядят следующим образом:

- опережающее развитие НЧК, прежде всего, всеобщее высшее образование, идеальный доступ к достижениям культуры, развитие отечественной науки, НИОКР и технологий, свободный доступ к информационным ресурсам и т. д.;
- сознательное развитие творческого потенциала нации, поддержка позитивных изменений в социальной структуре общества, активизации деятельности институтов гражданского общества, прежде всего местного самоуправления;
- усиление роли государства и правящей элиты на переходном периоде (15–20 лет), которые должны взять на себя политическую ответственность за модернизацию;
- сознательные усилия государства и общества на повышение идеологической роли России в мире как культурного и духовного лидера.

Следующий «базовый сценарий», предлагавшийся А. Белоусовым, назван **«Бросок в глобализацию»**. Он включает:

- развертывание долгосрочных проектов, реализующих сравнительные преимущества российской экономики;
- форсированное открытие внутренних рынков, сопряженное с ростом импорта готовых товаров и свертыванием недостаточно конкурентоспособных перерабатывающих производств;
- сохранение высокой экономической дифференциации населения, препятствующей формированию массового среднего класса и модернизации социальной инфраструктуры;
- формирование «рублевой зоны» и усиление интеграционных процессов на основе реализации крупномасштабных проектов в сфере энергетики и транспорта.

Сценарий — «бросок в глобализацию» — по сути повтор либеральной попытки начала 90-х годов. Он не только не способен обеспечить сколько-нибудь достоверный стратегический прогноз (который будет целиком зависеть от мировой конъюнктуры), но и, тем более, позитивного результата: Россия превратится сначала в придаток экономики развитых государств, затем — «поделится» суверенитетом, а потом — окончательно исчезнет как нация и государство. В лучшем случае она останется «периферийной» провинцией Евросоюза или — что вероятнее — Китая.

Третий «базовый сценарий» — **«Экономический изоляционизм»** — предусматривал стратегию «опоры на собственные силы». Он включает в себя:

- отказ от ускоренной интеграции в мировую экономику, позволяющей реализовать сравнительные преимущества российской экономики;
- ставка на модернизацию перерабатывающих производств в рамках «опоры на собственные силы» — на основе рационального импортозамещения и привлечения иностранных инвестиций при сдерживании открытия внутренних рынков;
- выравнивание экономической дифференциации населения в рамках проведения активной социальной политики и развертывание модернизации социальной сферы;
- вероятное усиление дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве вследствие пассивности России в реализации международных энергетических и транспортных проектов.

Этот сценарий — слишком гипотетичен, чтобы его серьезно обсуждать. Сегодня, даже в той отрасли, где Россия считается «безнадежно» отставшей, российской продукцией (в т. ч. в ЮВА) ежемесячно пользуется, по оценке Г. Красникова, более 28 млн человек, а производство отечественных микрочипов происходит в кооперации с 42 странами¹³³.

Наконец, «четвертый сценарий» — **«Энергетический аутизм»**, также несет на себе явно гипотетический оттенок. Он предусматривает:

- отказ от реализации долгосрочных проектов, реализующих сравнительные преимущества экономики;
- консервация экспортно-сырьевой модели развития при сужении ее потенциала в связи с замедлением роста экспорта углеводородов, открытием внутренних рынков готовых товаров, снижением ценовой конкурентоспособности перерабатывающих производств;
- усиление экономической дифференциации населения, отказ от модернизации социальной инфраструктуры;
- усиление дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, отказ от формирования «рублевой зоны».

Недостатки — также очевидны. Серьезных дискуссий и решений нет.

Стратегический прогноз для России во многом зависит от общемировых тенденций. Только зная реальное или вероятное направление движения развития мирового общества, его основные закономерности, можно и нужно определять национальные **приоритеты политического и экономического развития страны**. Так, очевидно, что растущее производство, особенно в США, Китае и Индии, потребует значительного увеличения добычи углеводородного сырья. Собственно этим сегодня, прежде всего, объясняется быстрый рост цен, сказывающийся, в т.ч., и на российской экономике¹³⁴.

Примечательно, что появившиеся в 2005 году и после многочисленные прогнозы не проясняли ситуации. Приведем пример¹³⁵: «Если правительство не справится с накопившимися в экономике проблемами, то Россию ждут три экономических кризиса подряд — в 2008, 2012 и 2017 годах. Такой пессимистичный прогноз в конце 2005 года обнародовал Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП). Впрочем, другие исследовательские организации, наоборот, считают, что «через 20 лет Россия достигнет уровня благосостояния, сравнимого с ведущими странами мира».

2008–2011 годы показали, что принципиально выбор так и не был сделан. Мы по-прежнему развиваемся по сценарию распродажи ресурсов, не понимая, что временная финансовая стабилизация **ничего не дает для развития**. А мощь современного государства определяется, прежде всего, **качеством и структурой его экономического потенциала**, что измеряется **уровнем наукоемкости и конкурентоспособности**. И по одному, и по другому показателю страна **не развивается**, а значит — относительно других стран — **слабеет**. На этот вывод не повлияло даже принятие в марте 2008 года Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, подготовленной Минэкономразвития¹³⁶, где в целом адекватно была проведена как оценка вызовов предстоящего долгосрочного периода (Раздел 1.2), так и целевых ориентиров (Раздел 1.3). В частности, к четырем важнейшим вызовам было отнесено:

- усиление глобальной конкуренции;
- новая волна технологических изменений;
- возрастание роли человеческого капитала;
- исчерпание источников экспортно-сырьевого развития.

Сложнее оказалось с определением **стратегической цели** и формированием «образа будущего». Как указывается в документе¹³⁷, «**Стратегической целью** является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, с привлекательным образом жизни, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. В 2015–2020 годах Россия должна войти в пятерку

стран-лидеров по объему ВВП» (подч. — А. П.). Сразу же уточню: если этот уровень объема ВВП страны, то это означает, что 140 миллионная Россия должна сравняться с 50-и миллионной Великобританией.

На мой взгляд, эта цель заведомо понижает планку наших возможностей «Достижение этой цели означает формирование качественно нового **„образа будущего“** России к концу следующего десятилетия», — признается в Концепции. Далее в документе раскрывается содержание этого понятия, которое требует хотя бы коротких комментариев. Первый критерий — **«Выход России на стандарты благосостояния развитых стран»**, когда обобщающий показатель уровня жизни, ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, увеличится с 13,7 тысяч долларов США в 2006 году (42% от среднего уровня ОЭСР) до 30 тысяч долларов в 2020 году (70%) и около 50 тысяч долларов в 2030 году. Средняя ожидаемая продолжительности жизни, — в тот же период, — возрастет до 75 лет.

Таким образом, Концепция прогнозирует в долгосрочной перспективе (до 2030 года) **отставание** России, ведь к тому времени, по оценкам некоторых экспертов, душевой доход в развитых странах может увеличиться на 70–80%, т.е. достигнет уровня 70–75 тыс. долл. на человека.

Иначе говоря, прогноз изначально (даже при оптимистичном сценарии) закладывает в основу долгосрочной стратегии развития нации **отставание**. Между тем, как, на мой взгляд, можно и нужно изначально закладывать в прогнозе **опережающие темпы развития**, не экстраполируя сегодняшнюю ситуацию, а формируя сознательно **новую будущую реальность**. Действительно, если в Китае на протяжении нескольких десятилетий темпы роста ВВП превышают 10% в год, то почему нам нужно экстраполировать наши темпы роста в 6–7%? Уверен, что, учитывая недозагруженность нашей обрабатывающей промышленности (по ряду отраслей до 70%), а также сверхбыстрые возможные темпы роста новых отраслей — до 40% ежегодно, а тем более принципиально новые отрасли, которые появятся до 2030 года, мы можем «поставить планку» роста ВВП в 15–18%. Если, конечно, захотим это сделать. В этом случае душевой доход может быть запланирован до 50 тыс. долл. к 2020 г. и 70–75 тыс. долл. — к 2030 году.

Следующая цель — **Высокое качество и комфортные условия жизни населения**. В Концепции конкретизируется: «Будет обеспечена всеобщая доступность услуг образования и здравоохранения, соответствующих уровню наиболее развитых стран, средний уровень обеспеченности жильем составит к 2020 году 30–35 кв. м. на человека (или около 100 кв. м. на среднестатистическую семью)».

Трудно согласиться и с этим положением. Во-первых, потому, что «доступность образования» — некорректный тезис. Речь должна идти о всеобщем высшем образовании для всех граждан (как в Японии) или о сохранении самой высокой в процентном отношении доли лиц с высшим образованием (как в США).

Крайне неудовлетворительна и другая цель — 30–35 кв. м. на человека жилья к 2020 году. Сегодня норма строительства в развитых странах составляет 1 кв. м. на человека в год или 140 млн кв. м. в год на Россию. Но в стране в большинстве регионов строится 0,3–0,4 кв. м. Это означает, что мы должны выйти на уровень развитых стран по вводу площадей сегодня, сейчас. Учитывая наше отставание последних двух десятилетий, эта норма должна составлять 1,2–1,4 кв. м. на человека в год. Только тогда, при решении этой задачи, мы сможем рассчитывать на выход на мировой уровень по этому показателю к 2030 году.

Следующие условия и задачи также не выдерживают критики. Они скорее представляют собой декларацию о самых общих намерениях, и не конкретный прогноз и программу действий. Цитирую по тексту Концепции:

- «— **Благоприятная среда обитания человека.** Доля населения, проживающего в местах с неблагоприятной экологической обстановкой снизится с 43% в 2007 году до 14% в 2020 году;
- **Изменение социальной структуры общества** в пользу среднего класса, снижение экономической дифференциации населения и резкое сокращение бедности.
- **Инновационное лидерство России** в мире на основе передовых научно-исследовательских разработок, высоких технологий и образовательных услуг. Россия должна занять значимое место на рынках высокотехнологичных товаров (не менее 10%) и интеллектуальных услуг по 4–6 и более крупным позициям. Будут сформированы условия для массового появления новых компаний во всех секторах экономики и в первую очередь в секторах „экономики знаний“;
- **Лидерство России в поставках энергоресурсов** на мировые рынки, в том числе за счет географической и продуктовой диверсификации поставок, превращения России в логистический узел глобальной энергетической инфраструктуры и ключевого участника выработки правил функционирования глобальных энергетических рынков.
- **Создание разветвленной транспортной сети**, обеспечивающей высокую территориальную мобильность населения и глобальную конкурентоспособность России на рынках транспортных услуг.
- **Лидерство России в интеграционных процессах на евразийском пространстве**, превращение в один из глобальных центров мирохозяйственных связей, в том числе в качестве мирового финансового центра.
- **Новая модель пространственного развития России** на основе формирования новых территориальных центров роста и уменьшения масштабов регионального неравенства.
- **Гарантированная реализация конституционных прав граждан**, включая развитую систему демократических институтов, наличие эффек-

тивных механизмов правоприменения и системы обеспечения национальной безопасности»¹³⁸.

Таким образом, вышеперечисленные задачи, которые должны были бы выглядеть как концепция и долгосрочный план развития, таковыми не являются:

- они не ставят адекватной заявленной цели применительно к конкретным задачам, заведомо занижая уровень задач, программируя по сути отставание России до 2030 года и — что важно — далее;
- они не конкретны, не обязательны и не подкреплены аргументами. Эти задачи по сути дела представляют собой декларацию о намерениях, причем не подкрепленную общественной экспертизой;
- эти задачи, основанные на долгосрочном прогнозе, на самом деле не подкреплены ни прогнозом мирового развития, ни волей правящего класса;
- наконец, эта концепция не является следствием политико-идеологических установок элиты, сконцентрированных в ее воле. Она — простая экстраполяция сегодняшних констатаций.

Не случайно в период кризиса 2008–2010 годов эта Концепция легко «забилась», хотя попытки ее реанимации периодически и предпринимались. Она не была стратегией, обязательной к выполнению, но так и осталась одной из экспертных деклараций.

Не случайно и то, что подобный аморфный стратегический прогноз стал банальностью, которая в 2008–2010 годах повторялась многократно на самых разных уровнях, не будучи, как правило, подкрепленной реальными механизмами реализации, либо конкретными плановыми корректировками. Прочитав еще раз эту абстрактную, правильную, неконкретную и... ни к чему не обязывающую банальность: «**Системное достижение поставленной цели состоит в переходе российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально-ориентированному типу развития.** Это позволит резко расширить конкурентный потенциал российской экономики за счет наращивания ее сравнительных преимуществ в науке, образовании и высоких технологиях и, на этой основе, задействовать новые источники экономического роста и повышения благосостояния. Формирование инновационной экономики означает **превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности, наряду со значительным повышением эффективности использования природных ресурсов и производственного капитала** (подч. — А. П.) Источником высоких доходов становится не только возможность получения ренты от использования природных ресурсов и мировой конъюнктуры, но и производство новых идей, технологий и социальных инноваций»¹³⁹.

Это очень симптоматичное, характерное для Концепции, признание: производство новых идей и технологий уже признается, но ставится как второстепенная (после природной ренты) возможность развития. Между тем именно развитие НЧК, включая

идеи и технологии, уже стало главным условием развития экономики и общества.

Слабеет она и по другим показателям, среди которых наиболее трагичные — демографический, уровень здоровья населения, заболевания СПИДом, наркоманий, число погибших в авариях.

Привычно представление об огромном научном и образовательном потенциале России. По количеству ученых (но не по результатам их работы) он действительно большой и сопоставим с уровнем других государств. Но, во-первых, он уже значительно (в несколько раз!), уступает советскому, а, во-вторых, он, очевидно, **не успевает за современными стандартами**. Просто его отставание не так заметно.

Поэтому складывается устойчивое впечатление, что человечество уверенно идет в одном направлении, а именно — в направлении развития экономики знаний, а Россия — в другом. И с этим **принципиальным выводом** пока что трудно спорить.

Огромная роль здесь принадлежит **качеству правящего класса**, точнее — качеству принимаемых решений. Увидеть главную цель, мобилизовать ресурсы нации на ее достижение, добиться ее реализации — все эти свойства, похоже, отсутствуют у современной политической элиты России. Цель — не сформулирована, ресурсы — не выделены, исполнение — очевидно неэффективное.

Роль правящей элиты в период модернизации резко повышается в связи с тем, что большинство граждан (при отсутствии идеологической мобилизации) не заинтересовано в модернизации, а тот относительно узкий социальный слой «модернизаторов», называемый «креативным классом», — дистанцирован как от собственности, так и принимаемых решений. В этой связи резко усиливается роль той части национальной элиты, которая непосредственно связана с контролем над институтами государства. Но не только роль, но и **политическая ответственность**. «Широкое внедрение инноваций невыгодно тем, кто хочет сохранить свои рабочие места. Следовательно,

они всеми силами будут противиться модернизации», говорит профессор социологии Университета Пенсильвании Рэндалл Коллинз. «Доля людей, активных в плане инноваций, составляет всего 6%. Подавляющее большинство — консерваторы», — подсчитал ректор ГУ-ВШЭ Ярослав Кузьминов. К примеру, бизнесу проще сделать ставку на дешевую рабочую силу, нежели вкладываться в технологическое развитие.

В связи с этим эксперты спорят, какая социальная группа должна форсировать прогресс, чтобы в обществе не наступила «ломка». Профессор факультета политологии МГИМО Оксана Гаман-Голтувина считает, что это должны быть госструктуры. Тем более, что власти готовы софинансировать инновационные проекты и облегчать налоговое бремя для заинтересованных. Михаил Ремизов согласен: «Для развития модернизации очень важен импульс сверху. Если вспомнить историю (к примеру, Петровскую эпоху или Францию времен Кольбера), то именно государство форсировало развитие, когда понимало, что дальнейшее бездействие может привести к краху»¹⁴⁰.

Решить эту проблему можно только **идеологическими мерами** посредством мобилизации активной части общества, прежде всего креативного класса, к задачам мобилизации. В определенном смысле это означает повторить опыт первых пятилеток в СССР, который, на самом деле, не является исключительно советским опытом: в русской традиции было немало примеров национальной мобилизации (поход Минина и Пожарского, например).

Поэтому вопрос о том, **куда** идет Россия и человечество, это, прежде всего, вопрос о том, **куда ведут правящие круги этих стран человечество**, а заодно и весь мир. И **кто** ведет.

Продолжение поступательного развития технологической цивилизации, игнорирующей человека, уже не просто исчерпало свои ресурсы. Оно ведет к биологической катастрофе. На повестке дня иной — социально ориентированный — алгоритм развития государств.

9. Опережающее развитие НЧП как национальная идея и основа стратегического прогноза

Важнейшей основой для развития человеческого потенциала, сохранения нашей идентичности как единого народа служит отечественная культура¹⁴¹.

В. Путин

Мы проверили утопию на себе, понесла огромные жертвы.

И этим, конечно, вошли в глобальную историю¹⁴².

С. Шмидт

Эти два высказывания — В. Путина и С. Шмидта — были сделаны в один день, 11 апреля 2012 года. Они очень примечательны тем, что за ними, «на фоне», присутствует признание о катастрофичес-

кой недооценке в течение последних десятилетий значения национального человеческого капитала. Недооценке, которая была свойственна всем правителям России — монархистам, коммунистам, либе-

ралам, — которые предлагали нации одну утопию за другой. От либеральной демократии начала XX века до коммунистической идеи и вновь «идеального» либерализма. Катастрофические потери наших сограждан, территории, экономики — плата за эти утопии.

Примечательно, что экономические и социально-экономические прогнозы фактически игнорируют эту ведущую тенденцию. В лучшем случае к ней относятся как к социальной (по привычке — затратной) составляющей, хотя эмпирически в передовых странах уже пришли к выводу о том, что социальная политика становится фактором экономического развития, а не торможения.

Так, например, своевременный учет приоритетности фактора образования Соединенными Штатами в 80-е годы прошлого столетия, а также роли информационных и коммуникационных систем, привело к тому, что США именно в этот период сделали мощный рывок в экономическом и военном развитии. В результате они не только оправались от «вьетнамского синдрома», но и стали доминировать в мире.

Аналогичная ситуация происходила и в других странах. И не только часто в этой связи упоминаемых — в Японии, Китае, Сингапуре. Ирландия, которая еще в середине 1980-х годов (когда в СССР началась «перестройка») была беднейшей страной Европы, сделала ставку на образование, объявив его **важнейшей экономической отраслью**. Результат — через 20 лет она вплотную приблизилась к европейским и мировым лидерам — скандинавским государствам. Подчеркнем, **не имея** серьезных сырьевых и иных ресурсов, **не находясь** в райских климатических условиях. Более того, внутренние и внешние проблемы, в т. ч. в Ольстере, серьезно осложняли развитие этой страны. Очевидные успехи — результат **дальновидности, ответственности и профессионализма ирландской элиты**.

То, что этот случай не исключение, подтверждает и пример двух других стран — Финляндии и Израиля, которые также за последние два десятилетия сделали стремительный рывок в своем развитии. Именно из-за дальновидности своих элит, их способности к адекватному стратегическому прогнозу, изначальный нацеленности на стратегическую перспективу. Как делают вывод американские исследователи, «за последние десятилетия Финляндия достигла существенного роста, перестав быть зависимой от природных ресурсов страной с низкими доходами населения и превратившись в одно из ведущих индустриальных государств. Прогресс был обусловлен в основном развитием **двух отраслей: лесной промышленности и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)**. Помимо того, что правительство Финляндии инвестировало значительные средства в инновационную систему, частный сектор и благоприятные рыночные условия также сыграли значимую роль в преобразовании экономики.

Сейчас идет второе десятилетие расцвета „экономики знаний“, и Финляндия по-прежнему вселяет

в исследователей оптимизм. Система образования страны признана одной из лучших в мире; хорошие (и не очень хорошие) сотрудники получают зарплату значительно большую, чем их коллеги в других странах. Финляндия входит также в число немногих государств, где на финансирование научных исследований выделяется значимая доля от ВВП»¹⁴³.

Строго говоря, это — прямая подсказка правящей элите России: необходимо резко увеличить усилия в области образования, прежде всего, в направлении создания новых специальностей, отвечающих уровню мирового развития. В стратегический прогноз в этом случае можно заложить изначально как высокие темпы роста (по аналогии с Финляндией и Израилем) ВВП, значительно превышающий нынешний уровень экстраполяции, так и сознательное изменение социальной структуры общества, которое **уже сегодня**, в современной России, требует срочных усилий. Как признают представители рекрутинговых компаний, сегодня как никогда высок спрос на новые специальности, порождаемые деятельностью государства. «Самые востребованные новые профессии сегодня на 80% находятся в высокотехнологичных сферах»¹⁴⁴, — признает, например, президент Headhunter Ю. Вировец.

Таким образом, если не просто декларировать приоритетность и «доступность» высшего образования, а изначально сделать ставку на его массовый характер, особенно по отношению к сознательному созданию массовых новых специальностей, то это означает существенные изначальные коррективы в стратегическом прогнозе. Как с точки зрения роста ВВП и качества экономики, так и с точки зрения сознательного изменения социальной структуры общества.

Это означает, что государству, параллельно с созданием в массовом порядке новых специальностей, необходимо также в массовом порядке создавать новые инновационные предприятия, институты и структуры. Сознательная роль государства — очень важна, ибо сегодня **только государство** способно активно инициировать этот процесс. Пример Финляндии в этой области очень показателен: «...Формирование финской инновационной системы можно разделить на две фазы: создание ключевых организационных элементов экосистемы, которые до поры до времени не играли существенной роли в экономике, и собственно запуск инновационной системы в момент кризиса»¹⁴⁵, — пишут американские эксперты. Добавлю, что неслучайно именно в 2008–2010 годах Финляндия занимала 1–2 места по Индексу развития человеческого потенциала. Которого она достигла за счет сознательных усилий правительства за последние 20 лет.

Опыт СССР, когда в 1940-е и 1950-е годы были выделены две приоритетные отрасли — ракетостроение и ядерная — подтверждает необходимость концентрации усилий на ограниченном количестве

Табл. 5.

№	Название сценария	Описание сценария
1	Вялая Россия	Это инерционный сценарий, отражающий сохранение текущих тенденций неустойчивости и потенции любых других сценариев. Реформы спорадические и часто имитационные, власть слаба и неэффективна, элиты разрозненны, общество демобилизовано.
2	Диктатура развития	Ужесточение режима силами группировки, которая берет на себя ответственность за «наведение порядка» в стране, «прекращение воровства и беззакония ради ускорения модернизации». Этакий пиночетовский вариант.
3	Охранная диктатура	Резкое ужесточение режима ради сохранения власти действующей группировки или какой-либо ее части, побеждающей других конкурентов. В сфере модернизации продолжается имитация вместе с воровством.
4	Революция	Нелегитимная или квазилегитимная смена режима с опорой на уличную активность больших групп населения. Несущественна реальная политическая окраска сил, перехватывающих власть.
5	Smart Russia	Движение к модернизации по западному сценарию, восстановление нормальной политической конкуренции, повышение эффективности правовых институтов и т.п.

приоритетных научно-технических направлений, которые могут стать локомотивами движения научно-технической революции. Как это было чуть позже в Финляндии.

В этой связи, с точки зрения стратегического прогнозирования, важнее не адаптированные математические модели экстраполяции, используемые для стратегических прогнозов, а экспертные оценки. Самые разные. В том числе представителей и сторонников разных идеологических направлений. Как «мнение о будущем» экспертного сообщества, безусловно, интересна повторю, любая попытка. В частности, фонда ИНДЕМ, сделанная под руководством Г. Сатарова и Ю. Благовещенского, которая основана на методе статистического анализа. Структурируя возможные «варианты будущего» с помощью сценария, экспорты предложили следующие сценарии для долгосрочного прогнозирования еще в разгаре кризиса 2008 года¹⁴⁶. Примечательно, что будущее России связывается не с экономической экстраполяцией, а вероятными сценариями эволюции политического режима (табл. 5).

Таким образом, попыток прогноза для России было сделано немало. Экспертное мнение, безусловно, готово воспринимать такие попытки. И не только экспертное сообщество, но и общественное мнение, которое, тем не менее, ждет от властной элиты внятного ответа на вопрос:

Так, куда же идет человечество? Какие основные результаты его развития — и во многом, как следствие, развития России, можно прогнозировать? Речь, конечно, не идет о точном прогнозе, хотя он возможен и, безусловно, необходим. Задача гораздо скромнее: привлечь внимание к **необходимости**, даже крайней необходимости для России **стратегического, идеологического прогноза**, где **сознательная** роль элиты перестает недооцениваться. Пусть не как в Китае — на 50 лет — а, хотя бы на 20–30. Ведь именно сознательно-волевой прогноз лежит в основе **любой стратегии и любого планирования**: социально-экономического, демографического, финансового и т.д. Условия предполагаемого долгосрочного развития

отнюдь не сводятся только к макроэкономическим. Более того, именно макроэкономические условия играют отнюдь не самую главную роль.

На наш взгляд, они следующие:

С социально-политической точки зрения в 2025–2050-х годах в странах-лидерах основные функции государства **радикально сместятся в пользу институтов гражданского общества — органов местного самоуправления и общественных организаций**. Это вызвано растущим экономическим и политическим значением креативных слоев населения и роли НЧК.

Похоже, что в США и других странах осознали фактор социального развития и расчищают ему дорогу сознательно. Их политика по укреплению прав человека, «силовой демократизации», навязываемая нередко силой другим государствам, является не только идеологически искренней (хотя и, безусловно, несущая черты двойных стандартов), но и **прагматичной**. Обладая колоссальным преимуществом в соотношении экономических сил и общественных институтов, им не следует без крайне необходимости прибегать к военной силе. «Гибкая сила» — как показала Украина, Киргизия, Молдова — более эффективна: она дешевле и результативней. Они завоевывают народы и **пространства своим примером**. Причем делают это на долгосрочной основе, не жалея ресурсов.

Важно подчеркнуть, что **чем активнее** будет идти процесс социализации общества, **чем меньше** функций останется у федеральных правительств, тем **быстрее будет развиваться** экономика, совершенствоваться общественное и государственное устройство. Речь не идет, конечно, о функциях обеспечения национальной безопасности. И — что важно для России — тем **сильнее** будет нарастать разрыв с нашей страной. И экономический, и социальный.

Это означает, что распределение бюджета, например, кардинально сместится на местный уровень, доля которого будет доходить до 90%. Федеральным и региональным органам власти останется 10–15% общественных денег.

С экономической точки зрения, креативный класс будет создавать уже до 90–95% прироста ВВП.

Сегодня в прогнозах, повторим, доминируют оценки быстрого роста ВВП в будущем 15–20 лет. Они доходят (как, например, в докладе Национального комитета по разведке США) до 80%. Но важно подчеркнуть, что:

- **во-первых**, это будет совершенно **иная, более технологичная, более социальная экономика, ориентированная на человека**;
- **во-вторых**, она будет **радикально менее ресурсо- и энергоемкой**, экологичной;
- **в-третьих**, ее структура **радикально изменится**;
- наконец, **в-четвертых**, если все это удастся реализовать, то собственно количественные оценки, например, душевого ВВП, будут значительно выше. Видимо в разы, т. е. **на сотни процентов**. Именно из-за растущей роли НЧК.

С точки зрения роли государства: государство не исчезнет, оно усилится за счет концентрации сил на исключительно важных для нации направлениях — национальной безопасности (правоохранительная система также «спустится» на местный уровень): военной, экономической, политической, информационной. Возможности государств, в т. ч. и в мире, резко возрастут, а усиление военной силы станет более реальной. Всеобщего мира и благоденствия не наступит. Будет жесткая конкурентная борьба за ресурсы, за распространение своего образа жизни, наконец, за контроль над демографическим развитием. Не ослабнет, а усилится роль государства в области финансов. Чему уже есть подтверждение. Так, пытаясь вырваться из кризиса, Центробанки США и Евросоюза активно накачивают рынок необеспеченными деньгами: баланс Европейского центробанка превысил 4 трлн долл., что выше баланса ФРС США (2,0 трлн долл.)¹⁴⁷.

Нации еще больше разделятся на «передовых» (сверхбогатых) и «отсталых» (бедных). Но, как говорится в Евангелии, «никто не забыт у Отца Небесного в Его великом семействе. Он бог не Иудеев только, но и язычников. Он — Бог и Спаситель всех сынов адовых». Вопиющее разделение государств и социальное неравенство не могут привести к миру. Значит — нарастает реальная угроза войны...

С точки зрения развития политических систем. Вероятно, исчезнет классическая партийная демократия, уступив место общественным организациям и органам местного самоуправления. Вообще идет процесс **стремительного усиления институтов гражданского общества**, вытеснение ими политических институтов. Эти институты гражданского общества смогут эффективно — в режиме on-line — участвовать в управлении страной. Точнее — фактически управлять ею.

Соответственно те страны, **которые смогут быстрее других создать систему институтов общественного самоуправления, смогут значительно усилить эффективность управления и темпы социально-экономического развития.**

Создаваемая уже сегодня международная сеть, даже система институтов гражданского общества, сможет стать **эффективным инструментом внешней политики ведущих стран, через которую они будут навязывать свою волю**. Прежде всего, тем странам, которые **не успеют** создать эффективное гражданское общество.

С социальной точки зрения сегодня происходит примерно то же, что и в СССР в 1960-е годы. Пока шли разговоры о диктатуре пролетариата и его роли в мире и в СССР, именно в развитых странах в середине 60-х годов пролетариат уступил свое место — и численно, и политически — служащим и другим представителям среднего класса. Именно эти слои в последующие десятилетия резко изменили структуру экономик развитых стран, социальную структуру общества, создали по сути дела **новое общество и государство**.

Такой же перелом ожидает развитые страны и в какой-то степени Россию в ближайшие 15–20 лет. На смену служащим придут интеллектуалы-производители, которые могут работать как по найму, так и самостоятельно. Состоится класс собственников-менеджеров, обладающих высоким уровнем образования, материальным достатком и социальным статусом. К 2025–2035 годам **структура современного общества** радикально изменится: фактически исчезнет рабочий класс и с/х рабочие в их классическом восприятии. Практически все население будет иметь высшее образование, включающее постоянную (не прерываемую) систему переподготовки. Общество станет практически целиком **интеллектуальным**. При этом:

- вероятно, все потребности общества и государства могут быть обеспечены усилиями 20–30% трудоспособного населения, занятого в экономике знаний. Остальная часть будет учиться, заниматься общественным трудом и т. д. Значительно увеличится доля лиц, занятых в области культуры, искусства, духовной сфере;
- знания, информация, став главной частью любой отрасли экономики, приведут к **доминированию** социального слоя интеллектуалов и деятелей культуры в обществе. Это доминирование будет включать **не только участие в управлении**, т. е. в политике, но и **контроль над собственностью**. Вероятность смыкания интеллекта, управленческого ресурса и прав собственности становится чрезвычайно высока.

С точки зрения собственности, интеллектуальная собственность станет **господствующей формой собственности**, вытеснив собственность на средства производства, ресурсы, недвижимость на далекую периферию. Ее соотношение с другими формами собственности изменится в десятки, а вскоре и сотни раз.

Очень высока вероятность того, что технологический этап развития приведет как к синтезу имеющихся наукоемких технологий, так и **появлению принципиально новых передовых технологий.**

Очевидно уже сегодня, что те государства, которые будут лидерами в создании, освоении или заимствовании этих достижений, **станут не только технологическими, но и экономическими, финансовыми и политическими лидерами**, в т. ч. и по уровню технологического и военного развития

Сегодня представляется бесспорным, что таким лидером будут США. В несколько меньшей степени — объединенная Европа, Китай и Индия. Но вполне вероятно, что и новые растущие гиганты — Пакистан, Бразилия, Индонезия — смогут приблизиться к лидерам.

Соответственно будущее место России будет прежде всего и **непосредственно зависеть как от возможности самостоятельного создания, так и внедрения этих достижений**. Пока что в России только заговорили об этом. В первом послании президента России 1994 года были две главы о роли наукоемких технологий и образования. Они вошли в текст послания. Это было 11 лет назад. За это время **практически ничего так и не было сделано**. Это сегодняшняя реальность. Хотя есть и очень скромные обнадеживающие моменты.

С точки зрения темпов развития, необходимо прогнозировать скачки. Надо отчетливо видеть, что если России удастся в полной мере уяснить и конструктивно учесть сегодняшние тенденции (т. е. радикально изменить курс), то возможно не просто сокращение имеющегося разрыва, но и совершение «скачка» **через этапы технологического развития**. Можно прогнозировать, что в этом случае на отдельных направлениях научно-технического прогресса и развития наукоемких технологий можно не только догнать, но и **опередить ведущие страны мира**. И это должно стать сверхидеей, главной задачей не только МЭР, но и Федерального собрания, всей России. В определенной степени это должно стать стержнем программ всех партий, общественных организаций и других институтов гражданского общества.

Соответственно, при реализации скачка в новой расстановке мировых сил роль России, ее экономика — качественно и по объему — будет иная, а именно — **Россия вернется в клуб великих держав**, сохранит суверенитет и национальную идентичность.

С точки зрения идеологии мобилизации, необходима концентрация усилий на использование новейших достижений НТР для экономического рывка в целом известная для СССР задача. И в 30-е, и в 50-е годы страна доказала свою способность к мобилизационным действиям. Но в нынешнем случае эта способность мобилизоваться и концентрироваться на основных участках прорыва должна нести **качественно иное содержание**. Это **не должны** быть экстенсивные меры. Наоборот, необходимо отбирать из имеющихся вариантов развития только те, которые обеспечат прирост в сотни и тысячи процентов.

Основные стратегические направления известны — это наука, образование и все, что связано с развитием человека. Но проблема заключается не

только в том, чтобы эти направления сделать приоритетными, с реальным отражением в бюджетном планировании всех уровней. Проблема в том, **как создать эффективные институциональные механизмы, как задействовать этот имеющийся потенциал** не на 1–2%, а хотя бы на 50–70%!

Решение, на наш взгляд, может быть одним — все тот же пресловутый план развития, когда перед отраслями ставятся задачи достижения конкретных и очень высоких рубежей. Например, за год увеличить инновационную активность на 50%.

И последнее по порядку, но **первое по значению**. Никакого рывка сделано не будет, если общество, все ветви власти **не будут объединены этой идеей**. Сама по себе эта идея может возникнуть только в объединенном обществе — **нравственно, духовно и социально справедливым**. Строго говоря, это и есть главное условие развития.

С международной точки зрения страны-лидеры станут определять мировую политику не только в традиционных областях — внешней и военной политике, — но и информационной, культурной, духовной.

Речь идет, прежде всего, о США. Но не только. Очевидное усиление Китая, Индии, их превращение в глобальные державы не могут не остаться без последствий. Первое и самое главное для России: *если она останется слабой, то соседи-гиганты так или иначе разделят ее*. Не следует быть *наивными* — огромные пространства и ресурсы не могут принадлежать *слабой нации и слабому государству*.

Можно прогнозировать, что объединенная Европа станет другим важным центром силы, сопоставимым с США, Китаем и Индией. В этой связи можно допустить возникновение проблем, даже конфликтов в трансатлантических отношениях.

Другой важный фактор — ислам. Можно допустить, что не только идеологически, но и экономически и политически может начаться процесс интеграции. Причем стремительный.

С точки зрения суверенитета государств. Особо радикально изменится **внутренняя политика государств**: традиционный суверенитет исчезнет, уступив место контролю со стороны международных и неправительственных организаций. Естественно, стран — лидеров глобализации

Прогнозируемые перемены произойдут в определенный отрезок времени, а именно — 15–25 лет. Темпы могут и будут разные, более того, неизбежны появления новых угроз и новых факторов. Иногда влиятельных. Но динамика перемен может и должна **прогнозироваться** со стороны государства и общества в России.

При этом важны критерии оценок. Иногда от их правильного выбора зависит направление движения.

Прежде всего, о том, **в чем измерять?**

Если говорить об эффективности развития в экономических терминах, то в начале нынешнего века для многих стало ясно, что прежние макроэко-

номические количественные показатели **стремительно теряют свое значение**. В современном обществе, например, объем ВВП, темпы его роста, показатели торгового баланса, дефицитности бюджета и пр. уступили место качественным **показателям развития** человеческого потенциала (ИРЧП), «информвооруженности», а в целом показателям, характеризующим **уровень и темпы развития личности**.

Нынешнее правительство России **так не думает**. Очевидно несоответствие, **неадекватность реакции исполнительной власти на существующие реалии**. Это, естественно, не может не остаться без последствий. И не остается: реальные действия исполнительной власти — формирование бюджета, принимаемые решения и т. п. — исходят из устаревших количественным макроэкономическим критериям, характерных для 80-х годов прошлого века.

Выбор стратегии развития России на ближайшую и долгосрочную перспективы прямо зависит от того, насколько верно правящий класс страны представляет себе истинные движущие силы развития, **которые выражаются в критериях развития**. Из которых самый важный сегодня — НЧК. Именно поэтому цена ошибки сегодня чрезвычайно высока: теряется время, ресурсы, снижается динамизм развития.

Так, определение правящей элитой СССР будущего международных отношений как наивно-безоблачное, основанное исключительно на общечеловеческих ценностях, а не на национальных интересах, привело к отходу во внешней политике не только от классовых принципов, но и от принципа защиты национальных интересов. Результат хорошо известен — развал СССР, Организации Варшавского Договора, Совета Экономической Взаимопомощи, потеря союзников.

Примечательно признание президента американского Совета по исследованию социальных проблем Крейта Калхуна: «Капиталистическая экономика провоцирует рост неравенства, открывает двери

преступности, особенно связанной с наркотиками и проституцией, — это явления, которые были практически полностью изжиты в коммунистическом Китае. Теперь они возвращаются обратно. Китайская версия модернизации, да и почти все ранее упомянутые версии, повторяет центральную ошибку теории модернизации. Они воображают, что развитие, происходящее внутри их страны, целиком и полностью зависит от того, хорошо или плохо управляется и развивается эта страна. В то время как на самом деле успешное или неуспешное развитие отдельной страны во многом определяется не ее собственной волей к победе, а тем, чего от нее хочет остальной мир и насколько он позволяет ей успешно развиваться»¹⁴⁸.

Приходится с сожалением констатировать, что сегодня в среде российской политической элиты **нет даже относительного единства в понимании закономерностей развития современного мира, критериях оценки эффективности социально-экономического развития**. Причем речь идет не о тактических, партийных или социальных расхождениях, а **об отсутствии самого общего понимания стратегии развития мира, общества и государства**. Мы до сих пор спорим **кто мы, как мы соотносимся с другими странами, что мы хотим**.

Это наносит серьезный ущерб, прежде всего практическим действиям исполнительной и законодательной власти России. Концептуальные расхождения настолько серьезны, что не могут не сказаться, например, на разработке законопроектов или планов социально-экономического развития, не говоря уже о частных решениях в области внешней, внутренней, экономической или военной политики.

Расхождения точек зрения различных групп политиков выходят **далеко за пределы допустимого**, если речь идет о единых стратегических и принципиальных основах **государственной политики**. В очередной раз российские политики предпочли классовые и личные цели общенациональным и государственным.

¹ В качестве рабочего определения термина «элита» в данном контексте можно использовать следующее: «элита» — **верхний слой правящего класса или отдельных групп**. Под элитой, как правило, понимают высшие слои в обществе, осуществляющие функции управления, развития, науки и культуры. Теория элиты развивалась еще Платоном, Карлейлем, Ницше, но как система взглядов была сформулирована в XX в. Парето, Моской, Михельсом, Миллсом и др.

Все названные мыслители, говоря об элите, имели в виду небольшую группу наиболее активных, компетентных, влиятельных людей, определяющих в конечном счете поведение многих социальных структур, общества в целом. Именно данные личности преимущественно «производят» идеи, меняют характер общественных отношений, создают новые возможности, что называется, творят историю. И в этом смысле вполне можно согласиться со следующими словами Г. Лебона: «Изучение цивилизаций показывает, что в действительности только очень незначительной кучке избранных мы обязаны всеми завоеванными успехами... Благоприятствовать их появлению и их развитию, — значит благоприятствовать расцветанию прогресса, которым будет пользоваться все человечество». (Современная политико-административная элита России. URL: <http://www.erudition.ru>)

² Идеология технологии. URL: <http://www.fasi.gov.ru/news/press/>

³ Духовность Креативность. Воображение. Творчество. URL: <http://detstvo.ru>

⁴ Ващенко В. П. Еще раз о сути инноваций // Альманах «Наука. Инновации. Образование» // Минобр РФ. М.: Языки славянской культуры. 2011. № 10. С. 151.

⁵ Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. С. 1.

⁶ Журавлев С. Вековой переход из капитализма в капитализм // Эксперт. 2012. № 1 (784). С. 47.

- ⁷ Делягин М. Россия наращивает затраты на содержание силового блока в ущерб своим гражданам / Эл. СМИ. 7 марта 2012 г. URL: <http://www.infox.ru>
- ⁸ Более подробно см.: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. 3. Идеология русского социализма. М.: МГИМО(У), 2011.
- ⁹ Радзиховский Л. Сакральность // Российская газета. 2012. 12 марта. С. 3.
- ¹⁰ Васильев Л. С. В поисках консенсуса // Независимая газета. 2012. 14 марта. С. 5.
- ¹¹ Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность: монография. М.: МГИМО(У), 2010. С. 281.
- ¹² Кособокова Т. Элите не хватает интеллекта. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2010/09/20/focus/511972>
- ¹³ Напомню, что эта концепция была разработана ныне покойным профессором МГИМО(У) М. А. Хрустальевым. См., например: Хрустальев М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008.
- ¹⁴ Заявление участников конференции «Развитие через интеграцию. Российский проект для Евразии». М.: МГИМО(У), 2012. Январь. URL: <http://www.mgimo.ru>
- ¹⁵ Цит. по: Кособокова Т. Элите не хватает интеллекта. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2010/09/20/focus/511972>
- ¹⁶ Мунтян М. А., Подберезкин А. И., Стреляев С. П. Приватизация и приватизаторы. М.: Европа+, 2005. С. 33.
- ¹⁷ Так, например, после прихода к власти в России неолИБералов расходы на оборону за один год сократились в 3 раза (!). См. подробнее: Тимофеев И. Н. Дилемма безопасности. Риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. 2009. № 4. С. 21.
- ¹⁸ Полюхович А. Юань преткновения // Известия. 2011. 6 октября. С. 1.
- ¹⁹ Савельев А. Стратегия политической элиты — «закатать» Россию «в асфальт». 2006. 16 мая. URL: www.savelev.ru
- ²⁰ **Адекватность** — зд. совпадение качественных характеристик субъективного восприятия определенным требованием общества и объективным национальным интересам и ценностям.
- ²¹ Торкунов А. Школа российской идентичности // Независимая газета. 2009. 14 октября.
- ²² Кособокова Т. Элите не хватает интеллекта. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2010/09/20/focus/511972>
- ²³ Рар А. Комментарий // Российская газета. 2012. 28 февраля. С. 3.
- ²⁴ Кузнецова Е. Конфронтационная модель внешней политики // Независимая газета. 2012. 29 февраля. С. 3.
- ²⁵ Савушкин Р. А. Человеческий капитал — главный ресурс развития / Эл. СМИ: «Наследие». 22 февраля 2012 г. URL: <http://nasltdie.ru>
- ²⁶ Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» // Экономическая газета. 2011. С. 97.
- ²⁷ Зыкова Т. Наши солдаты и офицеры могли бы носить шинели только из российского сукна // Российская газета. 2012. 11 марта. С. 2.
- ²⁸ Форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС, Asia Pacific Economic Cooperation Forum, APEC) был создан в 1989 г. как первая региональная межправительственная экономическая организация в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ныне в состав АТЭС входят 21 страна и территория, — Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг (САР, Китай), Индонезия, Канада, Китай, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Чили, Япония.
- На долю АТЭС приходится 55% мирового ВВП, 53% мировой торговли, более 40% прямых зарубежных инвестиций мира.
- Основные этапы развития АТЭС**
- В период 1989–1992 гг. шел процесс становления форума. На втором этапе в 1993–1997 гг. АТЭС динамично развивался благодаря принятым Богорским решениям (1994 г.) о формировании зоны свободной торговли и инвестиций к 2010–2020 гг., Осацкой (1995 г.) и Манильской (1996 г.) программам действий, Ванкуверской программе ускоренной отраслевой добровольной либерализации (1997 г.), разработке индивидуальных и коллективных планов действий по достижению Богорской цели. На третьем этапе (1998–2008 гг.) из-за азиатского финансового кризиса (1997–1998 гг.), его последствий и связанной с ними необходимостью защиты национальных рынков, а значит, с усилением национального протекционизма, большинство инициатив не были выполнены. Достижения этого этапа развития АТЭС связаны с активизацией формирования зон свободной торговли, принятия программы содействия торговле на основе сокращения транзакционных издержек. Современный этап деятельности АТЭС начался в 2006 г. и связан с возросшим интересом к формированию зоны свободной торговли в регионе под влиянием американской дипломатии, активно продвигающей концепцию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (ФТААП, Free Trade Area for Asia Pacific).
- ²⁹ Кастюнина Г. Саммит АТЭС в Гонолулу: попытка оживить неудачный интеграционный проект / Портал МГИМО(У). 15 ноября 2011 г. // URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/>
- ³⁰ Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. URL: <http://lib.rus.ec/b>
- ³¹ Латынина Ю. Взрывы в московском метро. 2010. 30 марта. URL: www.echo.msk.ru
- ³² Столица выдержала атаку. 2010. 29 марта. URL: <http://actualcomment.ru>
- ³³ Торкунов А. Инициатива Медведева сильна амбициями // Русский журнал. 2009. 21 октября.
- ³⁴ Закатнова А. Без лифтов // Российская газета. 2008. 24 июня.
- ³⁵ Маслов О. Российская элита начала XXI века в оценках современников и будущее российской элиты. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2006/10/09>

- ³⁶ Россия в 2008–2016 гг.: сценарии экономического развития. Материалы конференции. 2007. 16 мая. РИО-Центр.
- ³⁷ Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М.: ВШЭ — РИО-Центр. 2007. С. 17.
- ³⁸ Федоров В. URL: <http://blogs.yandex.ru>
- ³⁹ Громов А. и др. Стратегия на настоящее // Эксперт. 2007. № 17. С. 60.
- ⁴⁰ **Стратегический прогноз** — зд. система аргументированных представлений об основных направлениях развития и будущем состоянии объекта и его окружения на долгосрочную перспективу (15 и более лет).
- ⁴¹ Торкунов А. В. Дефицит демократии и международное сотрудничество // Международные процессы. 2009. Сентябрь–декабрь. № 3(21).
- ⁴² Соболева Е. Макроэкономические сценарии и прогнозы. 2007. 3 августа. URL: <http://www.finam.ru>.
- ⁴³ Тельманов Д. Юрию Балуевскому подарили пенсию // Известия. 2012. 11 января. С. 4.
- ⁴⁴ Мельникова С. Ищи, кому выгодно // Независимая газета. НГ-энергия. 2012. 13 марта. С. 12.
- ⁴⁵ Телегина Н. Предвыборные «слоны» // РБК. Итоговый выпуск за 2011 год. С. 51.
- ⁴⁶ Сергеев М. О тучных годах придется забыть // Независимая газета. 2012. 12 марта. С. 1.
- ⁴⁷ Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НО-ФМО, 2008. С. 35.
- ⁴⁸ Такая оценка может включать и использование методов моделирования. См. подробнее: Хрусталева М. А. Методология прикладного политического анализа: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. С. 16–18.
- ⁴⁹ Путин В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 2008. 8 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru>
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. МЭР, март 2008. С. 49.
- ⁵² **Ситанализ** — зд. метод прогнозирования отдельных политических ситуаций. См. подробнее: Примаков Е. М. Ситуационный анализ как аналитический жанр. В кн.: Примаков Е. М., Хрусталёв М. А. Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики. М.: МГИМО(У), 2006. С. 6.
- ⁵³ National Security Strategy, Wash. May 2010.
- ⁵⁴ Корсун В. А. Идеологический облик КНР на современном этапе модернизации. 2010. 24 сентября. URL: <http://www.mgimo.ru>
- ⁵⁵ См. например: Стратегический прогноз (URL: <http://strategieplan.ru>), где, в частности, говорится: Под стратегическим прогнозом понимается эмпирическое или научно обоснованное суждение, гипотеза о возможных состояниях объекта прогнозирования в будущем, характеризующих это состояние показателях об альтернативных путях развития и сроках его существования. Таким образом, национальный прогноз отражает комплекс аргументированных предположений, выраженных в качественной и количественной формах, о будущих параметрах развития национальной экономики. Стратегическое прогнозирование выступает в качестве важнейшего связующего звена между теорией и практикой регулирования всех областей жизни общества. Оно выполняет две функции. Первая из них — предсказательная или описательная. Вторая, непосредственно связанная с первой, — предписательная, или предрекомендательная, способствующая оформлению прогноза в план деятельности. Предсказательная функция состоит в описании возможных или желательных перспектив, состояний прогнозирования в будущем. Предписательная, или предрекомендательная, функция стратегического прогнозирования состоит в подготовке проектов решения различных проблем планирования, использовании информации о будущем в целенаправленной деятельности различных субъектов управления. Классификация прогнозов может строиться в зависимости от различных критериев и признаков, целей, задач, объектов прогнозирования и методов его организации. К числу наиболее важных из них относятся: масштаб прогнозирования, время и характер решаемых проблем, характер объекта, функция прогноза. По масштабу прогнозирования выделяют:
 - а) макроэкономические (развитие национальной экономики в целом) и структурные (межотраслевые и межрегиональные) прогнозы;
 - б) прогнозы развития отдельных комплексов национальной экономики (топливно-энергетического, агропромышленного, инвестиционного, производственной и социальной инфраструктуры, финансово-кредитного и т. д.);
 - в) прогнозы отраслевые и региональные;
 - г) прогнозы деятельности хозяйствующих субъектов и их ассоциаций, а также отдельных производств и продуктов.По времени и характеру решаемых проблем прогнозы подразделяются на: а) стратегические и тактические; б) оперативные; в) краткосрочные; г) среднесрочные; д) долгосрочные. Стратегические прогнозы имеют своей целью предвидение важнейших характеристик (параметров) формирования управляемых объектов в среднесрочной и далее перспективах. Оперативные предназначены для выявления возможностей по решению конкретных проблем стратегических прогнозов в текущей деятельности и краткосрочных перспективах. Оперативный прогноз имеет период упреждения до одного месяца; краткосрочный — от 1 месяца до 1 года; среднесрочный — от года до пяти лет; долгосрочный — от 5 до 15–20 лет и выше.
- ⁵⁶ См., подробнее: Исаев Э., Ярлыкапов А. Факторы долгосрочной, модернизации финансов регионов // Вестник аналитика. 2010. № 1 (39). С. 90–91.
- ⁵⁷ Мунтян М. А., Подберезкин А. И., Стреляев С. П. Приватизация и приватизаторы (Теория и практика российской приватизации). М.: Воскресенье, 2005. С. 113.

- ⁵⁸ **Политическая реальность** — зд. разновидность социальной реальности объективно существующая форма материи (Применительно к работе — форма существования нации). Отличается от теорий, концепций, виртуальной реальности.
- ⁵⁹ Торкунов А. В. По дороге в будущее / Торкунов А. В.; ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс. 2010. С. 13.
- ⁶⁰ Прощальная гастроль // Профиль. 2011. 26 декабря. С. 8.
- ⁶¹ Новоселова Е. Бег с барьерами // Российская газета. 2012. 11 марта. С. 5.
- ⁶² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭР, 2008. Август. С. 8.
- ⁶³ Концепция социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. М.: МЭР, 2008. С. 7–8.
- ⁶⁴ Кант И. Соч. Т. 3. С. 224.
- ⁶⁵ Цит. по: Торкунов А. В. По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 47.
- ⁶⁶ См. подробнее: Стратегический прогноз изменений климата Российской Федерации на период до 2010–2015 гг. и их влияния на отрасли экономики России (www.topnews.ru/news/), где, в частности, говорится, что, проводимые учеными различных стран мира с помощью климатических моделей исследования позволяют строить прогнозы изменений климата на длительный срок (вплоть до конца XXI в.), рассматривая при этом различные сценарии природных и антропогенных воздействий на климатическую систему и оценивая в качестве предполагаемой реакции на эти воздействия изменения в ней. Признавая важность таких исследований, следует, однако, отметить, что остается открытым вопрос о первоочередных мерах реагирования на те изменения климата, которые наблюдаются уже сейчас и ожидаются в ближайшей перспективе. Наблюдаемые изменения климата на территории Российской Федерации характеризуются значительным ростом температуры холодных сезонов года, ростом испаряемости при сохранении и даже при снижении количества атмосферных осадков за теплый период года, возрастанием повторяемости засух, изменением годового стока рек и его сезонным перераспределением, изменением условий ледовитости в бассейне Северного Ледовитого океана и в устьях северных рек. Перечисленные тенденции, как и многие другие особенности меняющегося климата различных частей территории России, оказывают существенные воздействия на условия жизни граждан и социально-экономическую деятельность».
- ⁶⁷ Бахвалова М., Зотин А., Носырев И. Восточный гамбит. Куда заведет мир растущее противостояние Китая и США? // РБК. 2010. № 9. С. 44–45.
- ⁶⁸ См., пример: Терехов А. Нетрадиционная арифметика Москвы и Вашингтона // Независимая газета. 2010. 1 апреля.
- ⁶⁹ Стратегический прогноз. Управленческая стратегия. URL: <http://www.pragmatist.ru/upravlencheskaya-strategiya/strategicheskij-prognoz.html>
- ⁷⁰ Додельцев Р. Ф. Введение в науку о науке. Ч. I. М.: МГИМО(У), 2010. С. 155.
- ⁷¹ Стратегический прогноз развития России до 2030 года. 16.12.2008.
- ⁷² Стратегический прогноз развития России до 2030 года. 16.12.2008.
- ⁷³ Американо-израильский стратегический прогноз: России больше не будет. URL: www.regnum.ru/news/452480.html
- ⁷⁴ Литвинова А. Враги модернизации // РБК daily. 2010. 30 сентября. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2010/09/30/focus/514701>
- ⁷⁵ Кукатова Г. И. Стратегическое планирование. URL: http://www.bgunb.ru/links/master/school/doc_2001/kukatova1.html
- ⁷⁶ Подберезкин А. И., Макаров А. В. «Стратегия для будущего президента России: Русский путь». М.: РАУ-корпорация, 2000. С. 89.
- ⁷⁷ Умнов С. СЯС России: наращивание возможностей по преодолению противоракетной обороны // ВПК. 2006. 6–14 марта. С. 9.
- ⁷⁸ Михайлов В. Состояние армии все еще критическое // ВПК. 2006. 4–14 марта. С. 7.
- ⁷⁹ Травкина Н. М. Политические факторы роста социальных расходов правительства США / США и Канада: экономика, политика и культура. Отдельный оттиск. С. 3–5.
- ⁸⁰ Цит. по: Требуется единение великих // Красная Звезда. 2007. 6–14 июня. С. 10.
- ⁸¹ **Ресурс** — зд. мера возможности выполнения какой-либо деятельности для достижения какой-либо цели. Применительно к целям настоящей работы — все национальные ресурсы (материальные и нематериальные).
- ⁸² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.
- ⁸³ Торкунов А. Школа российской идентичности // Независимая газета. 2009. 14 октября.
- ⁸⁴ Капица С. П. Об ускорении исторического времени. Статья // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 15.
- ⁸⁵ Следует отличать понятия «ресурсы» и «влияние». Ресурсы могут быть использованы неэффективно, либо вообще не использоваться. Они могут использоваться даже во вред. См. подробнее: Мельвиль А. Ю. и др. Российская внешняя политика глазами экспертного сообщества // Полис. 2009. № 4. С. 85.
- ⁸⁶ См.: Ресурсы власти. URL: <http://www.lekziya.ru/politishvlast/34>
- ⁸⁷ Жебит М. Развитие инноваций в госкомпаниях отстает от плана // Известия. 2012. 11 марта. С. 1, 3.
- ⁸⁸ Говердовская О. Бумага все стерпит // Известия. 2012. 13 марта. С. 2.
- ⁸⁹ Константинов И. Исламизация по всем азимутам // Независимая газета. 2012. 13 марта. С. 7.
- ⁹⁰ Сампайю Ж. «Мягкая сила» — веление современности // Международная жизнь. 2010. № 9. С. 4.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Краткая российская энциклопедия. Т. 3. С. 3.

- ⁹³ Ресурсы. URL: <http://www.glossary.ru/cgi-bin/>
- ⁹⁴ Часто используется и такое понятие, как фактор производства, которое означает **ресурсы**, необходимые для производства товаров и услуг (трудовые ресурсы, капитал, природные ресурсы, сырьевые и т.д.).
- ⁹⁵ Астахова А. Деньги не туда // Независимая газета. НГ-энергия. 2012. 13 марта. С. 14.
- ⁹⁶ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭР, 2008. Март. С. 41–45.
- ⁹⁷ Корсун В. А. Идеологический облик КНР на современном этапе. 2010. 24 сентября. URL: <http://www.mgimo.ru>
- ⁹⁸ Бахвалова М., Зотин А., Носырев И. Восточный гамбит // РБК. 2010. № 9. С. 44–45.
- ⁹⁹ China: The Balance Sheet N.-Y., Public Affairs. 2006. P. 73–117.
- ¹⁰⁰ Семенов Е. В. Человеческий капитал в российской науке. URL: <http://emag.iits.ru/arc/>
- ¹⁰¹ В этой связи уместно вспомнить о длинных демографических циклах, описанных С. П. Капицей в статье «Об ускорении исторического времени» // Новая и новейшая история. 2004. № 4.
- ¹⁰² См. подробнее: Aslund A., Guriev S., Kuching A. Russia After the Global Economic Crises. Wash.: 2010. June. P. 9–39.
- ¹⁰³ Шеваров Д. Эпоха по имени Шмидт // Российская газета. 2012. 11 апреля. С. 11.
- ¹⁰⁴ Торкунов А. В. Внешнеполитические интересы России: устойчивость и актуализация. В кн.: Торкунов А. В. По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 125.
- ¹⁰⁵ Цит. по: Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 13.
- ¹⁰⁶ Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 105.
- ¹⁰⁷ **Фазовый переход** — эд. переход общества, экономики и международных отношений в качественно новое состояние.
- ¹⁰⁸ Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. С. 35.
- ¹⁰⁹ Путин В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008. URL: <http://www.kremlin.ru>.
- ¹¹⁰ См. подробнее: Капица С. П. Об ускорении исторического времени / Новая и новейшая история, № 6, 2004. С. 13.
- ¹¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 4.
- ¹¹² Сунь-цзы. Искусство войны (под ред. Т. Клири). Пер. с англ. М.: София. 2008. С. 87.
- ¹¹³ Васильев Л. С. В поисках консенсуса // Независимая газета. 2012. 14 марта. С. 5.
- ¹¹⁴ Капица С. П. К понятию времени в истории. 2006. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/kapitsaistoria.htm>
- ¹¹⁵ Капица С. П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 15. URL: <http://vivovooco.rsl.ru/vv/jornal/newhist/kaptime.htm>
- ¹¹⁶ См. подробнее: Капица С. П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 13.
- ¹¹⁷ Капица С. П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 5.
- ¹¹⁸ См., например: Юсуповский А. Политсистему обмануть нельзя // Русский журнал. 2010. 31 июня. URL: <http://www.russ.ru/pole>
- ¹¹⁹ Сулакшин С. С. Национальная идея как объект научного анализа // Мир и политика. 2010. № 7 (46). С. 21.
- ¹²⁰ Белоусов А. Р. Долгосрочные тренды российской экономики. Сценарии экономического развития России до 2020 года. М.: Центр макроэкономического анализа и прогнозов, 2005. С. 141.
- ¹²¹ Ли Куан Ю. Сингапурская история: 1965–2000 гг.: из третьего мира — в первый / науч. ред. А. Д. Воскресенский и др. М.: МГИМО(У), 2010. С. 53.
- ¹²² См. подробнее: Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений / The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 5–6, 35–36.
- ¹²³ Стенографический отчет о заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. 22 сентября 2010. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8985>
- ¹²⁴ Глобализм и ноосфера // Мир и политика. 2010. № 7 (46). С. 5.
- ¹²⁵ Место и роль России в процессах глобализации // Мир и политика. 2010. № 7 (46).
- ¹²⁶ Путин В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. С. 1.
- ¹²⁷ Торкунов А. Найти выход из тупика неэффективности / В кн.: Торкунов А. В. По дороге в будущее / под ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 31.
- ¹²⁸ Новоселова Е. Бег с барьерами // Российская газета. 2012. 11 марта. С. 5.
- ¹²⁹ Григорьев Е. Берлин поздравляет и критикует // Независимая газета. 2012. 13 марта. С. 3.
- ¹³⁰ Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» // Экономическая газета, 2011. С. 197.
- ¹³¹ См., например, Васильев Л. С. В поисках консенсуса // Независимая газета. 2012. 14 марта. С. 5.
- ¹³² Сулакшин С. С. Национальная идея как объект научного анализа // Мир и политика. 2010. № 7 (46). С. 23–24.
- ¹³³ On-line-интервью Г. Красникова. 2008. 28 августа. URL: <http://www.sitronics.ru/press/sitronics/2206/>
- ¹³⁴ На состоявшейся осенью 2005 года в Москве конференции «Россия через четверть века — стратегия развития» были представлены три опровергающих друг друга прогноза развития России в ближайшие десятилетия. Самый пессимистичный из них принадлежит гендиректора ЦМАКП Андрею Белоусову. По нему «уже в ближайшие десять лет России предстоит

пройти через целый ряд локальных кризисов». По словам Белоусова, возникают новые риски и угрозы, связанные с переработкой локальных кризисов в новый системный кризис, аналогичный тому, который Россия пережила в 1990-е годы. «Это может привести к нарастаю хаоса, потере управляемости и в конечном счете — распаду страны», — прогнозирует эксперт. Впрочем, распад грозит лишь в крайнем случае. Белоусов рассматривает четыре базовых сценария «сверхиндустриальная модернизация», «Бросок в глобализацию», «Экономический неоизоляционизм» и «Энергетический аутизм», названные в соответствии с тем, какая стратегия будет выбрана российским правительством и как сложатся внешние условия. В наилучшем варианте Россия к 2020 году интегрируется в мировое сообщество и одновременно модернизирует перерабатывающую промышленность, что позволит ей стать достаточно стабильной страной. Благополучие населения (которое оценивается по величине ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) приблизится к уровню современных Франции и Германии — 30 тыс. долл. Темпы роста ВВП при этом составят не более 6% в год. При худшем варианте Россия будет жить за счет экспорта энергоносителей, жестко защищая внутренний рынок от импорта. При этом темпы роста экономики уменьшатся до 2%, население сократится до 130–131 млн человек, общество резко расслоится, а ВВП на душу населения едва превысит 20 тыс. долл. В этом случае, по словам Белоусова, «Россия откажется на периферии мирового развития как стагнирующая страна, генератор неопределенности и кризисных процессов».

Впрочем, другие аналитики смотрят в будущее с куда большим оптимизмом. Президент «Леонтьевского центра» Сергей Васильев напомнил о прогнозе развития мировой экономики до 2025 года, опубликованном инвестиционным банком Goldman Sachs. Зарубежные аналитики исходят из того, что нефтяные цены в ближайшие четверть века останутся высокими из-за увеличивающегося спроса со стороны активно развивающихся Индии и Китая. При таком сценарии Россия может увеличить ВВП на душу населения с нынешних 8 тыс. долл. до почти 23 тыс. долл. и станет «экономическим середняком» уровня Индонезии и Турции. В то же время показатели таких развитых стран, как Япония и Германия, останутся на неизменном уровне (около 30 тыс. долл. При этом произойдет смена лидера мировой экономики: Китай и Индия значительно обгонят по объемам ВВП ныне крупнейшую экономику мира — США, хотя в целом китайцы и индийцы будут жить сравнительно бедно: на каждого жителя этих стран придется соответственно 7,3 тыс. долл. и 16,3 тыс. долл. ВВП. Еще более оптимистичен замдиректора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Александр Дынкин. По прогнозу ИМЭМО, в 2011–2020 годах рост мировой экономики увеличится с 2,9% до 4,2%. При этом Россия по объему экономики поднимется с 10-го на 6-е место в мире, а Китай возглавит этот список, незначительно обогнав США. (Эксперты представили три опровергающие друг друга прогноза развития России в ближайшие десятилетия // Бизнес. 2005. 31 октября).

¹³⁵ Эксперты представили три опровергающие друг друга прогноза развития России в ближайшие десятилетия // Бизнес. 2005. 31 октября.

¹³⁶ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭР, 2008. Март.

¹³⁷ Там же. С. 9–11.

¹³⁸ Там же. С. 9–10.

¹³⁹ Там же. С. 11.

¹⁴⁰ Литвинова А. Враги модернизации // РБК daily. 2010. 30 сентября. URL: <http://www.rbcdaily.ru/print.shtml>

¹⁴¹ Путин В. Выступление в Государственной Думе с отчетом о деятельности Правительства РФ за 2011 год. 11 апреля 2012 г. URL: <http://premier.gov.ru>

¹⁴² Шеваров Д. Эпоха по имени Шмидт // Российская газета. 2012. 11 апреля. С. 11.

¹⁴³ Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад Нью-Йоркской Академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 22.

¹⁴⁴ Жермелёва О. Модернизация дошла до хедхантеров // РБК daily. 2010. 23 сентября. С. 2.

¹⁴⁵ Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад Нью-Йоркской академии наук // The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 23.

¹⁴⁶ Сатаров Г., Благовещенский Ю. «Что будет с Россией?» Политические сценарии 2008–2009» (доклад) . URL: <http://www.V.Рыжков.Официальный сайт. 28 октября 2008 г.>

¹⁴⁷ Любимская А. Золото поддерживают Центробанки и Азия // Известия. 2012. 11 марта. С. 5.

¹⁴⁸ Власова О. Теория развитого капитализма // Эксперт. 2006. № 7(501). С. 75.

ГЛАВА 6

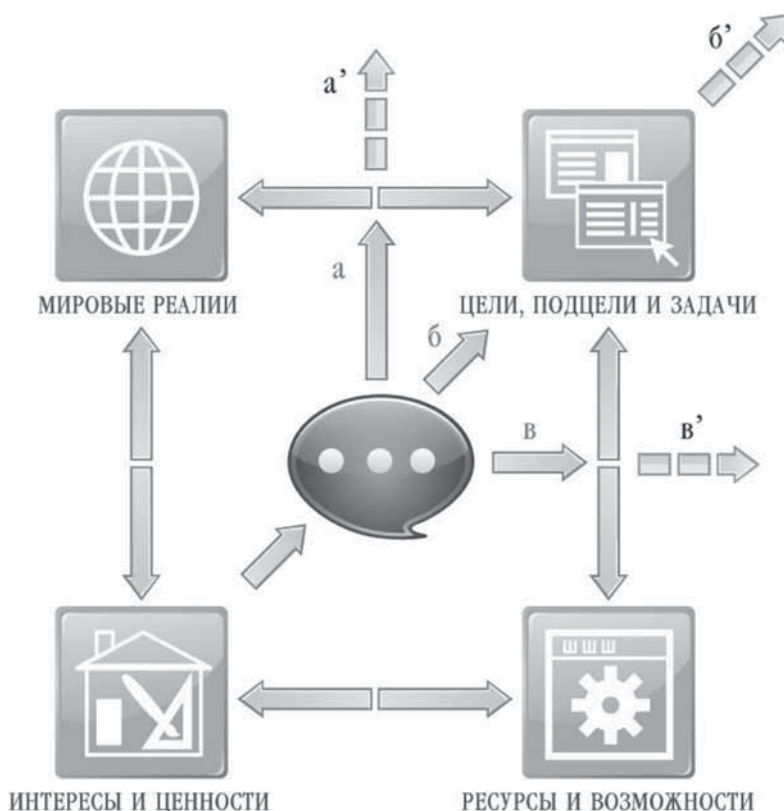
ВГЛЯДЫВАЯСЬ В БУДУЩЕЕ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ ПРОТИВ ИДЕЙ¹

Сегодня на российской политической арене мы
не наблюдаем... идеологии, которая бы завлекала умы людей
в неведомые дали и радужные перспективы².

Неизвестный блоггер

...нельзя верить в «безбожную науку», и «безбожная наука» хромает³.

А. Эйнштейн

Формирование будущего образа нации, системы политико-идеологических целей и стратегии национального развития может происходить двумя основными способами: «от достигнутого», методом макроэкономической экстраполяции, и «от необходимого», «желаемого». И первый, и второй способ, на мой взгляд, вполне допустимы, даже необходимы. Они могут и вполне дополняют друг друга, особенно в период качественных изменений, «фазового» перехода человечества, когда трудно предсказать будущие научные — естественные и социальные — открытия, и, особенно, их последствия.

Разработка разного рода стратегических концепций и долгосрочных стратегий, ставшие популярной в 2007–2012 годах, по-новому поставила вопрос об их достоверности и реалистичности, а, на мой взгляд, даже необходимости. Достаточно напомнить в этой связи «Стратегию–2020», последний вариант которой был представлен в марте 2012 года. Не претендуя на директивность такой стратегии (как и всех остальных концепций и стратегий), авторы, как правило, предлагают всего лишь набор альтернатив правительству. Но ведь и сам по себе такой набор уже означает некий выбор. Во всяком случае, как минимум, из того, что предлагается. Применительно к «Стратегии–2020», например, это — новая модель роста и новая социальная политика⁴, о необходимости которых я много раз говорил с 2004 года.

В этой связи в очередной раз встает проблема соотношения влияния экспертных оценок (вроде бы, неидеологических) и политико-идеологических представлений правящей элиты о желаемом состоянии общества экономики и государства. Что из них более точно и первично, и, в конечном счете, должно быть взято за основу? А что является дополнительным, вспомогательным инструментом?

Пока что в России складывается следующая ситуация: группа экспертов (иногда более 1000 человек, как в случае со «Стратегией–2020»), подобранных по неясному критерию, или соответствующие департаменты (МЭР, министерств, регионов) готовят прогноз социально-экономического развития и соответствующую стратегию. Правящая элита практически не участвует в этом процессе. Более того, не считает себя обязанной следовать ее рекомендациям. В итоге получается документ, не только имеющий мало общего с реальностью, но и абсолютно игнорируемых впоследствии.

Очевидная необходимость строго научных макроэкономических прогнозов и стратегического планирования не отвергает, а изначально **предполагает** создание политико-идеологических, даже религиозных идей и образов, которые создаются и даже разрабатываются учеными, футурологами, писателями и религиозными деятелями. Эта идеологическая, внешне «не научная» деятельность, как показывает человеческая история, не только крайне важна, но и нередко оказывается много точнее самых

выверенных математических моделей и прогнозов. А, главное, предполагает мобилизацию ресурсов для решения вполне конкретной задачи, а не следование в фарватере процессов. Простой пример: крайне негативный финансовый прогноз вероятного нового мирового кризиса в 2015–2017 годах может быть во многом компенсирован, даже преодолен, если будет реализована политическая установка на евразийскую интеграцию. Как справедливо подчеркивают эксперты МГИМО(У), «Прогнозируемый нами острый мировой экономический кризис, способный получить солидную социально-политическую составляющую, для стран СНГ будет еще более тяжелым, чем для России. Зависимость их экономик от конъюнктуры мировых рынков энергоресурсов, хоть и в разной степени, но является определяющим для их функционирования и развития. Поэтому интеграция с российской экономикой в ситуации грядущего мирового кризиса становится **единственным путем спасения национальных экономик. Этим, например, объясняется большое количество стран СНГ, неожиданно решивших войти в зону свободной торговли. Важным условием такого решения явилась правовая и практическая подготовленность этого типа интеграции. Достижения России, Белоруссии и Казахстана на пути создания зоны свободной торговли и таможенного союза оказались убедительными.**

Начатая работа по созданию Евразийского экономического союза к 2015 г. является для России, Белоруссии и Казахстана **одним из немногих реальных путей ускоренной подготовки к непростым временам кризиса.** И пусть пока только три страны начали движение к такой интеграции, но юридическая подготовка и первые практические шаги создают почву для быстрого включения в нее новых членов, как это было в случае зоны свободной торговли. Одним из мотивов такой интеграции является **исторический путь создания, развития и выстраивания экономических связей между республиками в составе Советского Союза, наследниками которого являются страны СНГ.**

Одновременно ожидать ослабления зависимости экономик стран СНГ от цен на рынках энергоносителей в ближайшее десятилетие **не следует, поскольку не существует ни внешних, ни внутренних предпосылок успешной модернизации их экономик.** Более того, прогнозируемый нами экономический кризис для мировой экономики, ослабленной в 2008–2009 гг., будет еще большим испытанием, что приведет к усилению политического и экономического значения поставок энергоносителей. Это сделает Россию центром «спасительной» интеграции в Евразийском экономическом союзе на пространстве СНГ. Причем выгоды от интеграции с Россией и ее притягательность будут тем выше, чем больше проектов модернизации успеет реализовать сама Россия»⁵.

Этот политический прогноз, даже, точнее, — задача, в случае ее реализации, окажется не только

спасительнее в условиях возможного кризиса, но и, фактически, перечеркнет макроэкономический прогноз, сделает кризис 2015–2017 гг. не неизбежным.

Именно в идее, в будущем образе нации и государства, точнее, — в том, как его видит большинство нации, закладывается фундаментальная основа будущего стратегического прогноза. Особенно в период крупных, качественных изменений, а тем более «фазового перехода», в котором находится нация. Простой пример: все демографические прогнозы конца 90-х годов и первого десятилетия XXI века — от отечественных до ооновских — показывали, что к 2050 году население России сократится со 142 до 100–110 млн человек. Было разработано множество методик, созданы специальные модели, установлены взаимосвязи и, казалось бы, просчитаны все возможные варианты. За исключением одного — возможного субъективного отношения к этой проблеме элиты. Но политическая воля и даже скромные усилия власти привели к тому, что в 2012 году депопуляция практически прекратилась⁶, а, по некоторым оценкам, наметился даже небольшой прирост.

Можно привести массу примеров того, как многочисленные стратегии первого десятилетия XXI века оказались проваленными вслед за такими же стратегическими прогнозами.

И наоборот. Известно много примеров, когда идеологический прогноз лег в основу реалистичной национальной стратегии, которые в целом оказались не просто реалистичными, но и вполне выполненными. Известно много примеров того, как писатели, политики или ученые, обладающие даром предвидения, могли гораздо точнее описать будущие события, и сделать свой стратегический прогноз, чем прикладные специалисты. Особая интуиция, а иногда и гениальное предвидение таких людей поражает. Но, что важнее всего, сформированный образ, положенная в ее основу идея становятся в конечном счете материальной силой, формирующей практическую политику и достигающей реальные результаты. Причем, чем крупнее идея, чем больше она охватывает нацию, тем реалистичнее она становится в жизни. Этим объясняется особая роль социогуманитарных наук, но особенно идеологии, которая формирует, систематизирует в той или иной, в т. ч. литературной форме, эти идеи.

Сегодня стратегические прогнозы — это большей частью модели и макроэкономические экстраполяции, разработанные сторонниками либеральной школы. Поэтому, отрицая идеологию, «по факту» происходит использование либеральных, макроэкономических моделей. Иногда даже только математических моделей. Получается, что макроэкономические (либеральные) прогнозы навязывают свое видение будущего. Что, естественно, не подтверждается практикой. Идеи, в отличие от количественных моделей, могут создаваться, выдвигаться и превращаться в мировоззренческие, религиозные

и политико-идеологические цели и приоритеты. А это уже имеет мало общего с либеральной макроэкономической экстраполяцией. Получается конфликт модели и реалий, идей и прогнозов, а, в конечном счете, — идеологий.

Есть еще три обстоятельства, имеющие принципиально важное значение. Во-первых, человечество вступает в период, когда открытия в областях, связанных с человеком, и обществом, будут иметь решающее значение. Еще больше, чем в последние четверть века, чем открытия в области информатики и связи. Особенно на «стыке» наук о человеке и информатике. Все эти открытия будут качественно влиять на экономику и общество. Прогнозировать, тем более математически моделировать эти последствия невозможно. Понятно, что экстраполировать нынешнюю ситуацию на будущее в этих условиях — дело абсолютно бесполезное, даже вредное. Мы можем оказаться (и оказываемся) в плену у собственных моделей, формирующих стратегию. Это опасный процесс, когда происходит программирование национального развития на многие годы.

Второе обстоятельство заключается в том, что человеческое общество и происходящие в нем процессы настолько сложная система, что самые точные модели развития, тем более математические и социально-экономические прогнозы оказываются несостоятельными. Это ясно показал кризис 2008–2011 годов, разрушивший всю систему долгосрочного прогнозирования в мире. Это же доказала вся современная история СССР–России. Сегодня выглядят удивительными, например, прогнозы экономического развития СССР, сделанные в конце 80-х годов, или оценки 90-х годов. Даже прогноз социально-экономического развития России до 2020 года, сделанный МЭРом весной 2008 года, оказался разрушенным уже через несколько месяцев.

Наконец, в-третьих, необходимо всегда помнить, что идея и **вера** в созданный образ, уверенность в правоте и целеустремленность — ресурс огромной важности, способный добиться самой амбициозной цели. Иногда искусственно созданный образ, самая амбициозная политическая или экономическая цель становятся реальностью, если им сопутствует вера. Но никогда значимая цель (даже если она вполне обоснована научно и подкреплена необходимыми ресурсами) не может быть достигнута без **веры** и **воли** того, кто к этому стремится. В свое время этой теме я посвятил целую книгу⁷. Собственно этим прежде всего объясняется то, что некие самые крупные и смелые идеи оказываются реализованными, а весьма умеренные прогнозы (например, прогноз МЭРа темпов роста ВВП в 3–4% в 2007–2011 годах) — нет.

Другими словами, стратегический прогноз, если это, конечно, прогноз национального развития, а не отрасли или корпорации, — всегда идеологичен. Он должен отвечать прежде всего на вопросы национального целеполагания и распределения ресурсов.

Так, если вы выбираете в очередной раз ресурсную модель развития нации и экономики, ориентируясь на мировые потребности, то вам нет необходимости перераспределять те 60% бюджетных средств, поступающих от экспорта энергоресурсов в пользу развития НЧП.

Стратегический прогноз должен отвечать не на вопрос, что будет через 20 лет, если «все будет как сегодня», а на вопрос «что мы хотим, чтобы было» и при каких условиях. При этом необходимо четко расставить систему приоритетов: нельзя одновременно иметь «масло и пушки», НЧП и оружие, культуру и рынок. Эти понятия во многом просто антагонистичны.

Таким образом, формулируя стратегический прогноз, необходимо исходить из приоритета идеологии национального развития и соответствующей стратегии государства (включая социально-экономическую стратегию), необходимо исходить из того, что стратегический прогноз и планирование, лежащие в основе такой стратегии, должны исходить из политико-идеологических приоритетов, для которых макроэкономический прогноз является дополнительным инструментом. С помощью таких инструментов можно корректировать, уточнять идеологический прогноз, обосновывать его ресурсное обеспечение, но не ставить такой прогноз в качестве прогноза национального развития.

1. Политическая идея как стратегический национальный прогноз

Традиционно российская политика — наука подчинения, борьбы и ненависти. Матрица этой политики — раскол страны и диктат победителей над побежденными. Причем побеждено — всегда! — общество, победитель — всегда — номенклатура⁸.

Л. Радзиховский

...очевидно, что в последнее время... наметились новые тенденции, которые уверенно проторяют себе дорогу. В их числе — принципиально новая роль, которую играют мировые религии⁹.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

В СССР и России, за исключением относительно короткого периода 90-х годов, существовала школа долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования. В СССР в ее основе находился политико-идеологический прогноз, а в современной России — прогноз развития макроэкономических тенденций. Разница — принципиальная. На нее, в частности обратил внимание Совет безопасности в своих замечаниях к проекту Закона о стратегическом планировании, который находится на согласовании вот уже три года. Этот документ должен объединить все разрабатываемые программы и стратегии, а также ранжирует их по уровню важности и последовательности¹⁰. В то же время он должен решить вопрос о приоритетах — в Совбезе полагают, что взаимосвязь социально-экономической политики и безопасности должна быть ясно зафиксирована, в Минфине, — что главный приоритет — доходы населения («благополучие граждан»).

Советская школа, по признанию многих экспертов, была более научно обоснована и эффективна, а ее опыт заимствовали даже многие крупные корпорации. Даже с учетом идеологических издержек. Российская школа и опыт оказались наименее удачны. Так, один из последних прогнозов, подготовленных МЭР в апреле 2012 года, в очередной раз говорит о двух сценариях развития России — инновационном и ресурсном (хотя с 2005 года уже не раз говорилось

о бессмысленности и вредности ресурсного сценария). «Первый — создание диверсифицированной инновационной экономики. Для этого надо нарастить инвестиции — и государственные, и частные — в транспортную инфраструктуру и в человеческий капитал. Расходы государства и бизнеса на здравоохранение должны вырасти с 4,6% ВВП в 2010 году до 7,1% ВВП в 2030 году, на образование — с 5,2% ВВП в 2010 году до 7% ВВП, на науку — с 1,2% ВВП в 2010 году до 3% ВВП. Это сопоставимо с параметрами развитых стран.

Второй путь — сохранение энерго-сырьевой модели, доминирование топливно-энергетического комплекса. Нефтегазовый сектор остается ключевым как в структуре ВВП, так и с точки зрения источников наполнения бюджета. Проекты в области разработки месторождений и строительства трубопроводов станут опорой всей экономики. Среднегодовой рост ВВП вплоть до 2030 года не превысит 3,6%. МЭР ожидает, что при таком сценарии уже к 2015 году страна преодолеет бюджетный дефицит. Однако для этого придется ограничить траты на транспортную инфраструктуру и человеческий капитал, сократить расходы на оборону, госаппарат и ЖКХ. Не имея возможности и стимулов заниматься собственными масштабными разработками, экономика РФ будет вынуждена опираться на импортные технологии и знания. Доля РФ в мировом ВВП при таком сце-

нарии не превысит 3%. Реальные доходы населения увеличатся к 2030 году максимум в два раза.

Как напоминает **директор департамента стратегического анализа компании „ФБК“ Игорь Николаев**, до 60% доходов федерального бюджета сейчас формируются за счет сырьевых отраслей. И, конечно, политикам и чиновникам очень сложно отказаться от сырьевой „золотой жилы“. Кроме того, у чиновников, судя по всему, так и не сложилось понимание, что инновации появятся в стране не по щучьему велению и не по приказу правительства, а в результате серьезной работы по повышению конкуренции и улучшению делового климата»¹¹.

Ничто не создается человеком прежде, чем сформируется будущий образ. Человек — это архитектор, который, в отличие от пчелы, знает чего он хочет хотя бы в виде будущего образа. Формирование будущего образа страны нельзя ограничить даже самым точным стратегическим прогнозом. Этот образ — продукт воображения, воли, действий вполне конкретных людей и социальных групп. «Убежден, — говорил В. Путин, — что наше будущее будет таковым, какой образ сформируется в сердцах большинства россиян»¹².

Формулируя приоритеты и цели идеологии — стратегии, как я уже говорил, необходимо помнить, что ничто так не влияет на эффективность государственного управления и само будущее государства, как ясно представление граждан о его перспективах и будущем. Как справедливо отмечает исследователь этого явления Н. Большова, «Большое значение для эффективности государства имеет наличие перспективного и долгосрочного проекта общества, объединяющего всех его членов»¹³.

«Большой и эффективный» проект, в свою очередь, следует оценивать не абстрактно (как в свое время оперировали псевдокритериями «гласности», «плюрализма», «перестройки»), а исходя из реальных, объективных критериев, таких, как национальные интересы и ценности, международные реалии, ресурсы, адекватной оценкой элитой этих критериев, в том числе выдвижение новых идей и формирование стратегического прогноза и планирования. Это вполне научный, хотя и несколько упрощенный подход.

Но кроме научного метода, могут быть и иные, основанные на вере, интуиции, предположении, футурологических и иных принципах, которые можно отнести уже к области **политического искусства**. Эти врожденные идеи, описанные в философии, — крайне важны. Нередко именно они оказываются более точными, чем чисто научные оценки, анализы и экстраполяции. История знает множество примеров такого точного ненаучного «Стратегического прогноза». Так, по признанию Г. Коля, он был уверен, что станет канцлером Германии еще в возрасте 17 лет, В. Жириновский — о том, что он будет министром, — в 20 лет.

По моим наблюдениям, такой долгосрочный прогноз, подкрепленный работой и верой в его точность, как правило, завершается положительным

результатом, в этом заключается одна из глубинных загадок, хотя никто ведь не удивляется, если писатель или политик «заглядывает в будущее» точнее, чем его современник — ученый. На мой взгляд, это объясняется тем, что у творческих и профессиональных людей существуют общие базовые знания и опыт, которые необходимы для управленцев высшего уровня. Кстати, по мнению специалистов в этой области А. Харрисона и М. Стюарта, «70% уровня управленческой компетентности составляют общие для всех руководителей навыки»¹⁴.

На мой взгляд, формулирование идеологических целей должно происходить обязательно с использованием методов, которые я бы назвал «творческим воображением». Образ будущего должен быть не только научно обоснован, но и **творчески представлен** как желательный. Вслед за этим, задача идеологии заставить в него **поверить** и **организовать** напряженную работу по его реализации. Поэтому очень важно, чтобы созданный образ получил **позитивное идеологическое** обеспечение.

Этот метод имеет практическое значение для попыток «построения будущего» с целью решения конкретных политических проблем. Особенно, если он опирается на историческую традицию и культурное наследие. Так, в политической истории современной России присутствуют уже два примера передачи власти, которые фактически использовали опыт престолонаследия, сложившийся еще в Древней Руси. Номинация (назначение наследниками В. Путина и Д. Медведева) не только не нарушила «конституционные нормы, но и сохранила традицию, является бесспорным примером развития правовой мысли и государственного права»¹⁵.

Идея, как стратегия национального развития, имеет огромное значение. Например, применительно к определению приоритетов стратегии. Так, известно, что сегодня человеческий потенциал и его институты определяют не только темпы развития государств, но и их реальное положение в мире, степень международного влияния и, во многом, состояние международной безопасности. Это объясняет принципиально новую роль, которую играет гуманитарное сотрудничество в современных международных отношениях. Оно перестало быть дополнением в отношениях между государствами и уже стало определяющим показателем уровня отношений и доверия. Уверен, что и в будущем эта роль будет возрастать и оказывать решающее влияние на формирование новой системы европейской и международной безопасности.

Россия, как известно, обладает как огромной территорией и самыми большими в мире запасами природных ресурсов, так и одним из крупнейших в мире национальным человеческим капиталом. Этот культурный, научный, духовный и образовательный ресурс мы рассматриваем не только в качестве важнейшего ресурса национального развития, но и важнейшего инструмента развития международного

сотрудничества и обеспечения региональной и глобальной безопасности. И мы не только очень дорожим этим национальным богатством и той национальной системой ценностей, которая складывалась тысячелетиями, но и понимаем, что в основе европейской идентичности, ее фундаментом безопасности находится наша историческая, культурная и духовная общность. Более того, смею предположить, что она является и важнейшим условием преодоления недоверия по отношению друг к другу, поиска качественно новых механизмов реагирования на новые угрозы.

Наше государство, которому более 1150 лет, одно из старейших в Европе. Оно обладает колоссальным историческим, культурным и духовным наследием, традициями (в том числе демократическими), которые на протяжении столетий развивались и взаимообогащались с другими европейскими культурами. И это богатство мы рассматриваем в качестве важнейшего нашего конкурентного преимущества во взаимоотношениях с другими странами мира.

Одновременно мы считаем, что наша культура, историческая система ценностей — часть общеевропейской системы ценностей и общей культуры, общее богатство, к которому мы должны бережно относиться и совместно содействовать его развитию, единый и мощный фундамент европейской безопасности.

Преодоление мировоззренческих и идеологических последствий холодной войны, а также некоторых исторических коллизий, недопущение того, чтобы история превращалась в политические спекуляции, — наша общеевропейская и очень прагматическая политическая задача. Вот почему мы будем всеми силами содействовать развитию гуманитарного сотрудничества «по всем азимутам», полагая, что оно станет наиболее надежной гарантией сохранения мира на континенте.

Парадоксально, но вполне объяснимо и то, что точность стратегических прогнозов, созданных при помощи количественных методов, как правило, уступает идеологическому, творческому воображению. Никто, например, не мог предсказать развал СССР, а до этого Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, ведь еще за год до этого подписывались «эпохальные» документы. Тем более, никто из ученых еще в 80-е годы XX века не предполагал отход от планового хозяйства к рынку и многопартийности. Любопытно сегодня в этой связи читать документы, принятые правящей элитой СССР и России конца 1980-х — начала 1990-х годов¹⁶.

Идеи имеют особенное значение в период качественных изменений в обществе. Так, сегодня крайне важно понимать, что мир вступил в новый этап своего развития, который физики называют «фазовым переходом». Речь идет не только о крупнейших геополитических сдвигах, но и о качественных изменениях в науке, экономике, политике, культуре, последствиях, которых сейчас никто с точностью не возьмется предсказать. Ясно, однако, и кризис 2008–2010 годов

это показал, что без совместных действий, взаимопонимания и самого тесного сотрудничества мы будем обречены на неадекватное реагирование этим новым вызовам и угрозам.

Последние изменения в мире также свидетельствуют, что существующие социально-политические и экономические модели развития и взаимоотношений между государствами, казавшиеся еще недавно безупречными, отнюдь не являются таковыми. Их критика — в Европе, России и США — нарастает. И, прежде всего, моделей обеспечения международной безопасности, которые достались нам в наследство от прежних времен.

Это говорит о том, что политики и эксперты уже видят неадекватность существующих механизмов растущим угрозам, но еще не вполне готовы отказаться от инерции мышления, характерной для предыдущего этапа развития, и предложить новые, более эффективные, инструменты обеспечения международной безопасности. Такие, которые действительно соответствовали бы новому этапу в развитии человеческой цивилизации и новому качеству угроз.

Кризис 2008–2010 годов, на мой взгляд, стал не столько экономическим или финансовым кризисом, но кризисом мировоззренческим, идеологическим, кризисом доверия. Он стал последним предупреждением правительствам о необходимости внесения коренных изменений в сложившуюся в XX веке систему международных отношений и международной безопасности. Игнорировать это предупреждение, пытаться отвечать на новые угрозы прежними средствами, было бы не только недальновидно, но и опасно.

Поэтому, мне представляется, что мы должны сегодня попытаться посмотреть на проблему «фазового перехода» стратегически, уйти от конъюнктуры и сиюминутных выгод, попытаться понять совместно нарождающиеся принципиально новые мировые реалии и те средства, которые должны быть предложены. Это означает, как минимум, принципиально новый уровень сотрудничества, доверия и взаимопонимания, который может стать фундаментом для создания новых механизмов обеспечения международной безопасности. На всех уровнях и во всех форматах — от Совета Безопасности ООН и встреч в рамках «восьмерки» и «двадцатки» — до двусторонних контактов.

И, конечно же, мы должны пересмотреть свое отношение к проблемам, которыми обеспокоены другие страны. Особенно таким чувствительным, как проблемы обеспечения военной и экономической безопасности, бесцеремонного вмешательства во внутренние дела иных государств под каким-либо благовидным предлогом оно не осуществлялось. Мы должны не только не ослаблять наши усилия по ограничению и сокращению вооружений, но и включить в этот процесс те виды и системы оружия и военной техники, которые прежде из него выпадали или которым придавалось мало значения. Речь идет не только об оружии массового поражения, в том числе

нестратегическом, но и о новых военных технологиях, включая космические и противоракетные. И, конечно же, необходимо договариваться о системной работе по снижению военной активности, сокращению военных расходов и всех видов военной деятельности.

Конечно, 1990-е годы кризиса катастрофически отразились на состоянии всей экономики, уровне прогнозирования и планирования, который был сведен практически к нулю (за исключением, как уже говорилось, военных областей). Но, главное, в конце XX и начале XXI века господствовала неolibеральная идеология, отрицавшая возможность и необходимость как научного стратегического прогноза, так и вообще формулирования модели развития и образа будущего.

Оздоровление экономики, а в ещё больше степени — отход от неolibеральных идей привело «снизу» к росту общественной потребности в прогнозе и стратегии. Как, впрочем, и общественной дискуссии о будущем России среди политиков, писателей, лиц творческих профессий. В результате в 2004–2006 гг. родилось большое количество специальных долгосрочных прогнозов, посвященных как отдельным отраслям экономики, так и отдельным проблемам, регионам. Можно сказать, что наблюдался «прогнозный бум». Приведем лишь некоторые примеры таких «частных» прогнозов:

- Прогноз добычи нефти в Ханты-Мансийском округе в 2020 году (показывает, что объемы добычи могут составлять до 250 млн тонн, что будет равно примерно половине всей нефтедобычи в стране в то время).
- Прогноз добычи нефти в России к 2020 году (добыча нефти составит от 450 до 520 млн т. в год).
- По оценкам «Газпрома», на рынке Юго-Восточной Азии к 2020 году будет поставляться около 110 млрд куб. м. газа.
- Прогноз развития гидроэнергетики до 2020 и 2050 годов.
- По прогнозам, потребление куриного мяса в России к 2020 году увеличится в 4 раза....
- Мировая потребность в деловой древесине к 2020 году увеличится на 100 млн куб. м.
- По оценкам Еврокомиссии доля России в европейском импорте к 2020 году сохранится на уровне 2% (при сохранении доли нефти на уровне 30%, а газа — 50%).
- К 2015–2020 годам будет создана постоянная станция на Луне.
- К 2020 году Россия войдет в число 10 наиболее популярных туристических направлений....
- К 2020 году число российских студентов в Великобритании вырастет в 1,5 раза. Примечательно, что, по прогнозам, к 2020 году доходы от приема наших студентов в Великобритании вырастут со 100 млн до 300 млн фунтов.
- По оценкам врачей, доля суицидов в соотношении с другими причинами смертности к 2020 году возрастет в 1,5 раза.

— По мнению специалистов, если политику в борьбе с ВИЧ не изменить, то к 2020 году Россия потеряет половину своего населения и т. д.

Наиболее актуальными становятся долгосрочные прогнозы развития человеческой цивилизации и связанные с этим риски — природные, техногенные и пр.

На Земле ежегодно происходят десятки тысяч гроз, 10 тыс. наводнений, свыше 100 тыс. землетрясений. По данным ООН, за последние 20 лет на нашей планете в результате стихийных бедствий и катастроф погибло более 3 млн человек. Количество природных катастроф в мире с ущербом более 1% ВВП страны выросло с 1963 по 1992 года в 4,1 раза. За этот же период число пострадавших от стихийных бедствий выросло в 3,5 раза, число погибших — в 2,5 раза, общий экономический ущерб за этот период составил 340 млрд долл.¹⁷.

Как видно, общественная и экономическая потребность, вопреки неolibеральным идеологическим установкам 90-х годов, привела к массовому прогнозированию и, отчасти, стратегическому планированию в отдельных отраслях. Но не в целом по стране, где прогноз неизбежно имеет идеологический характер. Такой идеологический прогноз попытались заменить Концепцией социально-экономического развития до 2020 года.

Изначально, таким образом, по мере появления общественной потребности в долгосрочном прогнозе были допущены принципиальные ошибки. Их, на мой взгляд, по меньшей мере, пять:

Во-первых, из-за отсутствия идеологии развития множество появившихся прогнозов **не были скоординированы**. Они «выхватывали» отдельные экономические отрасли и социальные области, некоторые частные сферы деятельности и регионы без взаимосвязи между ними.

Во-вторых, не было **государственного органа**, способного соотнести эти прогнозы между собой, сделать их совместимыми и не взаимоисключающими. Больше всего в то время боялись упреков «возврата к ГОСПЛАНу», поручив фактически разработку национального прогноза одному из департаментов МЭРа.

В-третьих, эти прогнозы изначально были инерционными, они фактически экстраполировали существующие тенденции на перспективу 15–20 и даже 30 лет.

В-четвертых, эти прогнозы не вытекали, не являлись следствием общей идеологии (которой не было) развития и единой стратегии. Соответственно как приоритеты, так и цели формировались произвольно.

Наконец, **в-пятых**, не было прорывных творческих идей, смелой постановки проблем, попыток сформулировать возможные угрозы России и способы их решения.

В таком виде и при таких системных просчетах и недостатках от стратегических прогнозов было мало толку: они не только не создавали установки и темпов развития, но и, нередко, были просто вредны. Как справедливо заметил позже Д. Медведев,

«...благополучие России в... будущем будет напрямую зависеть от наших успехов в развитии рынка идей, изобретений, открытий»¹⁸.

Вместе с тем нельзя отрицать и полезного опыта попыток увидеть будущее. Стратегические прогнозы, идеи и оценки будущего, как и идеологические споры о путях развития, очевидно получили толчок в этот период. Хотя, следует признать, не получили в дальнейшие годы развития. Именно в 2005–2007 годы появились и первые идеологические выступления В. Суркова, Д. Медведева и В. Путина, а также С. Иванова, других государственных деятелей. Особенное значение имели попытки составления региональных прогнозов и стратегий, которые стали активно создаваться в 2005–2007 годы, вовлекая в этот процесс новые творческие коллективы в регионах. Это связано как с быстрым исправлением диспропорций в развитии регионов, включая ускорение регионального развития, так и практической потребностью в планах долгосрочного регионального развития. Это хорошо видно по показателям бюджета Красноярского края, который стремительно рос в 2002–2006 годах¹⁹.

Табл. 1. Исполнение бюджета Красноярского края (млрд долл.)

	2002	2003	2004	2005	2006
Доходы	18,2	20,9	32,8	46,6	73,9
Расходы	20	23,6	31,5	50	65,1
Дефицит/профицит	–1,8	–2,7	–1,3	–3,4	8,8

Улучшилась финансовая ситуация и в ряде других регионах. По итогам 11 месяцев 2006 года, например, осталось всего 10 убыточных регионов, причем большая часть дефицита — «мизерная», отмечает гендиректор экономической экспертной группы. А. Андряков. Кроме Красноярского края, из разряда дефицитных в профицитные смогли перейти, в частности, Ненецкий и Агинский Бурятский АО, Хабаровский край, Республика Саха (Якутия), Калмыкия, говорит Андряков. У первого из них по итогам 11 месяцев 2005 г. был дефицит в 2% от доходов, а за 11 месяцев 2006 г. — профицит в 40% от доходов. Доходы региона выросли на 66%. Похожий рост доходов и в Агинском, Бурятском АО: от дефицита в 6% доходов округ перешел к 40%-му профициту. Всё это создавало объективные предпосылки необходимости стратегических прогнозов. Но не только. В центре и на местах, в регионах, городах стремительно усилилось стремление понять, увидеть свое будущее. Это стремление формировало с неизбежностью «идеологический заказ», который выражался в поиске облика новой России и региона, в конечном счете новых идей, которых, следует признать, не хватало тогда и сейчас как в Кремле и правительстве, так и в регионах.

К концу 2006 года стало ясно, что необходимы (прежде всего, в связи с идеей трехлетнего бюджета)

не только отраслевые, но и среднесрочные прогнозы, которые бы легли в основу бюджетного планирования на 2008–2010 годы. Повторю, со всем набором предыдущих ошибок. Первые такие прогнозы появились уже в феврале 2007 года. Так, 20 февраля 2007 года МЭР опубликовал «сценарные условия социально-экономического развития РФ до 2010 года», которые в обобщенном виде выглядели следующим образом²⁰:

Табл. 2. Основные параметры прогноза на 2007–2010 годы

Показатель	2007	2008	2009	2010
ВВП (годовые темпы роста, %)	6,1	5,9	5,9	6,1
Продукция промышленности (годовые темпы роста, %)	4,3	4,5	4,7	4,5
Инфляция (%)	7,5–8	6,5–7	6,3–6,8	5,8–6,5
Курс доллара (среднегодовой, руб./\$)	26,2	26,1	26,4	27
Инвестиции в основной капитал (годовые темпы роста, %)	12,4	11,2	10,8	9,8

Источник: МЭРТ

Эта потребность в перспективах социальных и иных идеях особенно возросла в период кризиса 2008–2011 годов, когда большинство общества признало, что инерционный энергоресурсный сценарий развития уже не может обеспечить будущего России. Именно в этот период деклараций и дискуссий об инновационном пути развития страны правящая элита стала осознавать, что в основе любых инноваций лежат прежде всего **люди** — человеческий потенциал — и идеи, т. е. творческий потенциал нации. Будущий образ России уже стали связывать с инновациями, идеями и их носителями, а не механической экстраполяцией роста ВВП и других макроэкономических показателей. Как справедливо отметил один из авторов, «В наше время, когда основные производственные фонды предельно изношены, именно новые инновационные идеи должны стать иницилирующим фактором возрождения. Необходим рынок идей, состязание идей, выдвижение перспективных идей. Только новые творческие идеи способны привести к инновационным решениям и энергичному продвижению общества вперед»²¹.

Более того, можно признать, что постоянно идет не только борьба идеологий и идей, но — что для нас особенно важно — **идей с представлением о будущем**, в том числе и нации. Верные идеи не только могут дать нам верное представление о будущем (нередко точнее, чем в прогнозе), но и в конечном счете обеспечить выживание и развитие. Именно поэтому для нас стоит проблема не просто адекватной идеологии, но такой идеологии, которая стала бы инструментом, **механизмом собирания идей**. Как справедливо писал М. Сухарев, «Материя, как известно, не возникает

из ничего и не исчезает. Поэтому перед материей не стоит проблема существования. Эта проблема стоит именно перед идеей. Идеи, не способные сохраняться в материи, исчезают, а эту материю захватывают другие идеи. Именно поэтому вся история Вселенной является историей борьбы идей за обладание материей. Великолепной иллюстрацией является биологическая эволюция, в которой удачная идея биологического вида тиражируется в миллионах живых существ»²².

Важнейшим приоритетом политики России на долгосрочную перспективу будет оставаться евразийская интеграция. Значительное движение капиталов, товаров и людей в последние годы имело очевидную положительную динамику, доказавшую даже скептикам перспективность интеграции на всем евразийском пространстве.

Но впереди еще более масштабные задачи. Абсолютное большинство бывших советских граждан понимает, что утраченные нашими народами в результате распада СССР возможности привели к резкому падению уровня жизни, снижению культурного и образовательных потенциалов, кризису нравственности. Удар был нанесен и по безопасности граждан и народов.

«Работа над ошибками», думаю, станет нашим общим главным внешнеполитическим приоритетом. Тем более, что она находится в русле общемировой тенденции к интеграции и регионализации, которые открывают новую страницу в развитии человеческой цивилизации. И здесь нам предстоит сделать очень многое, как в области экономической интеграции, так и на пути укрепления системы коллективной безопасности и создания наднациональных органов управления и общественно-политических институтов. *Уверен, что тот путь, который прошла Европа за 50 лет, нам удастся преодолеть к 2020 году.*

В этой связи хотел бы подчеркнуть два момента. Во-первых, создание евразийского союза не направлено против какого-то государства или группы государств. Эта идея отражает объективную экономическую и социальную потребность наших государств, многовековую историю, общность многих ценностей, тесные гуманитарные и личностные связи. Евразийская интеграция созвучна, в том числе объективным европейским и общемировым тенденциям. В частности, задаче, сформулированной в декларации саммита ОБСЕ в Астане о построении евроатлантического и евразийского сообщества безопасности, а также не раз высказываемым в Европе и США идеям по созданию паневропейской структуры безопасности. Убежден, что такая новая архитектура международной безопасности должна будет основываться на универсальных принципах, прежде всего отказа от идеи укрепления своей безопасности за счет других государств.

Во-вторых, в реализации этих планов нам, безусловно, будет очень полезен опыт стран Евросоюза по созданию наднациональных институтов — Европейского совета, Европейского парламента, европейской

комиссии, Суда, Центробанка и Европейской счетной палаты, а также политических и общественных организаций и СМИ. В том числе и органов, отвечающих за координацию внешней политики и политики безопасности. Актуальна, например, уже сегодня координация внешнеполитических концепций и военных доктрин, разработка совместной системы противовоздушной и противоракетной обороны.

В 2012 году можно с любопытством оценить **качество** этих прогнозов, а также оценки МЭРа в те годы. Так, положение дел в экономике, по расчетам министерства, должно было выглядеть так: фактор внешнеэкономической конъюнктуры, который «определял высокие темпы роста в предшествующие годы», снизится с 2,6% (из 6,4% прироста ВВП) в 2005 году до 1% (из 6,1% прироста ВВП) в 2007 году и до 2010 года будет давать **не более 1–1,5% ВВП в год**. Зато общий рост инвестиций (включая государственные инфраструктурные инвестиции) обеспечат от 0,25% до 0,47% дополнительного прироста ВВП в год, а «ускоренный рост инвестиций в инновационный сектор экономики и высокотехнологичные проекты обрабатывающей промышленности» — еще 0,25%. Следует ли говорить, что ни один из этих показателей в 2011 году выполнен не был. Даже приблизительно, даже векторно. Наоборот. Все прогнозы оказались неверны. И не из-за кризиса 2008–2011 годов, а из-за своей инерционности и неидеологичности.

Наконец, уже в начале 2012 года завершилась корректировка «Стратегии–2020», которой занималось более 1000 экспертов под руководством В. Мау и Я. Кузьминовым почти год. В результате появился обновленный вариант, который:

- во-первых, признавал, что стране нужна новая модель экономического роста;
- во-вторых, что стране нужна новая социальная политика;
- в-третьих, важнейшим приоритетом наконец-то, объявлялось развитие человеческого капитала;
- в-четвертых, отдельным приоритетом объявлялось развитие креативного класса²³.

Именно об этом я говорил на протяжении, как минимум, последних 15 лет, опубликовав сотни статей и несколько книг. Авторы же новой «Стратегии–2020» говорят о том, что «после кризиса 2008 года Россия оказалась на новом переломе социально-экономического развития...»²⁴. Но ведь это было ясно и прежде. Во всяком случае, со всей очевидностью уже в 2007 году, т. е. 5 лет назад!

Примечательно, что разработчики «Стратегии–2020» повторили и два других моих тезиса, которые я бесконечно повторял в 2000–2004 годах, а именно: «Для реализации стратегических целей России необходим не просто экономический рост, но достаточно высокие его темпы — не менее 5% в год. И это должен быть высококачественный экономический рост, который ведет страну к инновационной экономике и развивает в России „экономику предложения“».

В социальной политике нужно учитывать интересы не только уязвимых групп населения, но и высокообразованных граждан, доходы и социальные установки которых позволяют им выбирать модели трудового поведения и потребления. Речь идет о так называемом креативном классе. Появление в стране такого класса требует от государства качественно иного подхода к человеческому капиталу Нацио-

нальные системы образования и культуры все еще обеспечивают России некоторое лидерство, — пишут авторы. Однако этот ресурс неосмотрительно растрачивается. Идет быстрая деградация науки, недофинансирование важнейших направлений стало хроническим»²⁵.

И здесь то же повторение, но уже с опозданием на 6–10 лет²⁶.

2. Кто формулирует идеи и создает новые продукты и смыслы?

Идеи и предложения существуют в форме «невыраженных» знаний²⁷.

Учит ли нас история? Если да, то чему? Если нет, то почему?²⁸.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Второе десятилетие XXI века стало демонстрацией глубинных политических и социальных изменений, которое претерпело современное общество под воздействием информационной революции. Как говорит интернет-гуру Бертран-де ля Шапель, — «коренная трансформация политической сферы, как национальной, так и международной, под воздействием всемирной сети»²⁹.

Действительно, не только научно-технические, экономические и технологические, но и социальные, а также политические трансформации стали к этому времени очевидны. Они выдвинули в первый ряд создателей и двигателей развития новые социальные группы, объединенные под названием «креативный класс»³⁰.

События декабря 2011 — марта 2012 года вывели в политическую повестку дня проблему «креативного класса» как двигателя социальных изменений в стране. Как я и предсказывал летом 2011 года³¹, дело, однако, в том, что изначально лидеры оппозиции попытались под этим термином навязать представление о том, что элитная прослойка интеллигенции и есть креативный класс. Что, конечно же, неверно. Ядро креативного класса формируют ученые, преподаватели, деятели культуры, которые и являются генераторами идей. В России это почти 30 млн человек, а не представители их элитных слоев, — несколько десятков тысяч человек, претендующих на представительство всего креативного класса, который, кстати, в условиях России в основном состоит из бюджетников. Как заметил политолог С. Маркедонов, «начиная с первых декабрьских акций, оппозиционное движение обозначило свою претензию на элитарность. «Креативный класс», «рассерженные горожане», «успешные люди» в противовес «запутинцам» и «анчосам» — вот та модель мира, которую «продвинутые люди» стали нести в массы. И все это под аккомпанемент стебных роликов про девочку Свету из Иваново и разговоры о «купленных» и сплошь зависимых бюд-

жетниках. Казалось бы, для расширения социальной базы движения от подобного мировосприятия (как минимум, его публичной трансляции) надо было бы избавиться. Но мессианство «креативной оппозиции» усиливалось, а связи с регионами не налаживались — даже с «продвинутыми единомышленниками», не говоря о «бюджетной России». Однако особо заметным стало неумение формулировать четкие политические лозунги и программы»³².

Что же касается элитной группы, прежде всего, состоящей из деятелей культуры, то именно эти люди ответственны за деградацию креативного класса в последние десятилетия. Точнее, те из них, кто оказывал поддержку либерально-демократической традиции и оказывает ее сегодня. Именно они отказывали России не только в национальной самоидентификации, но и откровенно игнорировали потребности науки, культуры и образования в угоду «рыночным принципам». Соглашусь с утверждением И. Прохоровой, которая сказала весной 2012 года, что «культурное сословие оказалось в долгу у общества»³³.

Похоже, что ситуация в среднесрочной перспективе может измениться. Наряду с установкой В. В. Путина об увеличении средней по стране зарплаты к концу 2014 года в 1,5 раза планируется опережающий рост зарплаты преподавателей и работников здравоохранения — до двух раз в среднем по стране и региону³⁴.

Объективно содействовать развитию креативного класса, отечественной науки и культуры может вступление России в ВТО. Но и здесь, как отмечают эксперты, «Следует понимать, что присоединение к ВТО не превратит Россию автоматически в высокотехнологичную державу. ВТО регламентирует правила торговли, в которых технологическая компонента является лишь одним из элементов. В ВТО сейчас входит 153 страны. Большинство из них — развивающиеся. Они являются членами ГАТТ/ВТО многие десятилетия. И лишь немногие из них смогли сделать технологический рывок.

Если Россия ставит перед собой задачу развития собственного сектора высоких технологий, то они должны разрабатываться в самой стране. Это требует развития науки, образования, возможностей для использования научных достижений в промышленности и иных мер»³⁵.

Ответ на вопрос о том, кто **генерирует идеи**, отличается от ответа на вопрос о том, кто **их формулирует** на общественно-политическом уровне. Ответ на первый вопрос ясен: идеи генерируют творческие (креативные) социальные группы, иногда называемые креативным классом. Этот класс в развитых странах составляет, по оценкам экспертов, 10–15% населения. Этот же класс является сегодня в развитых странах главным создателем идей, инноваций и обеспечивает до 75% прироста ВВП.

Креативный класс составляет **часть всего общества**. Он не определяется только доходами, уровнем образования или только психологическими, лидерскими, творческими качествами. Его представители есть и среди богатых, и нищих, и бедных, но самая большая определяющая доля его среди представителей среднего класса. Можно даже сказать, что средний класс является основой для формирования творческих социальных групп.

Соответственно, чем больше доля среднего класса в социальной структуре общества, тем выше доля креативных слоев. Если планируется до 2020 года увеличить эту долю с 27 до 40%, то можно сказать и рост креативного класса. В свою очередь общепризнано, что к среднему классу относятся те, кто по уровню доходов, образования и самоидентификации соответствуют этому параметру. Для нынешней России характерно, что средний класс, а тем более креативные социальные слои, составляют неоправданно низкую долю в социальной структуре общества. Соответственно их **влияние** на политическую, экономическую и культурную жизнь страны значительно ниже, чем в развитых странах³⁶. Это явилось следствием хронической недооценки в последние десятилетия роли национальных культурных и научных школ. Как признал, например, старейший литовский дирижер С. Сондецкис, «Нигде в мире не было и нет такой системы музыкального образования, какая была в СССР. Жаль, что в России ее меняют..., даже совсем отказываются»³⁷.

Табл. 3. Как Вы оцениваете уровень своего материального положения?

Высокий, материальных затруднений нет	1,3
Сравнительно высокий, хотя некоторые покупки не по карману	17,1
Средний, денег хватает лишь на основные продукты и одежду	57,6
Денег не хватает на продукты и одежду	16,4
Очень низкий, живу в крайней нужде	3,4
Затруднились ответить	4,2

Задача политического руководства — систематизировать, обобщать и продвигать эти идеи и знания, сделать их механизмом управления обществом и экономикой в виде обобщенной идеологии и вытекающей из нее стратегии развития³⁸. Но политическое руководство не может и не должно заменять собой общество и креативный класс. В противном случае, оно превращается в самодовольный бюрократический механизм, требующий слепого подчинения и исполнительской дисциплины. Надо признать, что иногда складывается именно такое впечатление: принимаемые решения — запоздалые и не всегда адекватные, — характеризуются нередко мнимой простотой и отсутствием креативности. Да и исполнение этих решений оставляет желать лучшего. Даже по признанию президента Д. Медведева, сделанного в марте 2010 года, только чуть более 50% поручений выполняются в срок.

Происходит это потому, что политический лидер, «начальник» (как иногда в аппарате называют высших руководителей) должен быть и **идеологическим лидером**, стоять на вершине идеологической пирамиды управления обществом. В этом случае его «сигналы» проходят напрямую к исполнителям, **минуя неизбежную бюрократическую нормативную процедуру**, т. е. процесс реализации решений редко ускоряется. Так, существующая ныне процедура принятия и исполнения решений занимает в лучшем случае 9–10 месяцев (оформление поручения президента/премьера — согласование в аппарате правительства и администрации — согласование в департаментах отдельных ведомств и т. д.), а в отношении регионов — лет.

Парадоксально, но факт: сегодня в России нет не только признанной общенациональной идеологии и признаваемой системы ценностей, но и органа, который бы отвечал за ее формулирование. Отчасти за нормативное оформление идеологии отвечает Совет безопасности, точнее — его аппарат, который подготовил Стратегию национальной безопасности России до 2020 года; отчасти — департамент Министерства экономического развития, который подготовил Концепцию социально-экономического развития до 2020 года; отчасти — МИД, который подготовил Концепцию внешней политики России (подчеркнуто деидеологизированную). Но **единого органа** в государстве или в администрации президента РФ нет. Единственная идеологическая структура — Комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам Российской Федерации.

Эта Комиссия была создана в мае 2009 года как общественный орган при президенте РФ, перед которым стояла идеологическая, но в целом **частная задача** — противодействовать кампании, развязанной в некоторых странах (преимущественно странах Балтии, Польше, Чехии и ряда других), по искажению истории периода 1938–1945 годов. Прежде всего роли Советского Союза и советского руководства в этот период.

Но уже с самого начала работы Комиссии стало ясно, что, **во-первых**, за историческими спорами

стоят вполне конкретные идеологические и политические цели, прежде всего пересмотр итогов Второй мировой войны. Можно даже было выделить еще более частные идеологические задачи³⁹:

- сконцентрировать внимание общественности на «пакте Молотова–Риббентропа», превратить это событие в главное условие для начала нацистской агрессии в Европе;
- уравнивать фашистский режим Гитлера и авторитарный режим Сталина;
- принизить роль СССР, возложив на него ответственность за войну и тем самым лишив его прав держав-победителей;
- перенести недостатки сталинского режима на нынешний политический режим в России, объединив их в единое представление о тоталитаризме;
- в целом ослабить тот громадный политико-культурный потенциал, который достался в результате победы СССР нашей нынешней России как правопреемнице.

Но, кроме идеологических, развязанная против России кампания имела и вполне прагматические — политические и даже экономические цели. Ослабление идеологического капитала России может привести к тому, что под сомнение будут поставлены политические результаты Второй мировой войны, и ту роль, которую играет Россия в Совете Безопасности ООН.

Комиссия сыграла, безусловно, положительную роль. За 2009–2010 годы ей удалось серьезно активизировать интеллектуальный и медийный потенциал России на защиту не только исторической справедливости, но и отбить идеологические атаки, которые планировались в августе 2009 года в связи с юбилеем советско-германского договора и в сентябре — в связи с годовщиной советско-финской войны. Но, главное, Комиссия показала, что у власти есть ресурсы для противодействия, а также то, что когда существует политическая воля, эти ресурсы могут быть использованы вполне эффективно. Не случайно и то, что она нашла серьезную поддержку в общественном мнении России уже через полгода. Так, по соцопросам, проведенным Министерством культуры, ее деятельность оценили положительно в той или иной степени почти 70% населения⁴⁰.

Табл. 4. В 2009 г. президентом РФ была основана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Как Вы оцениваете создание этой комиссии?

Положительно	42,8
Скорее положительно	26,7
Скорее отрицательно	2,9
Отрицательно	2,3
Затруднились ответить	25,3

Таким образом, Комиссия продемонстрировала способность государства отстаивать и формулировать свои исторические ценности и идеологические задачи, с одной стороны, и то, что в этой области существует огромное поле возможностей. Аналогичный результат, кстати, продемонстрировали и другие инициативы власти, прежде всего, поездка В. Путина в Катынь в апреле 2010 года, а также работа российско-польской Комиссии по сложным вопросам.

Но, в целом, ясно ощущается недостаток присутствия государства и власти в идеологии. Периодически, с идеологическими сигналами выступают Д. Медведев, В. Путин, В. Сурков, но, надо признать, что это частные сигналы, которые **не сводятся в единую систему взглядов**, т. е. идеологию, даже не претендуют на неё.

Отсутствие системы в идеологической работе власти ведет к тому, что такие «сигналы» не только часто не слышат, но и общественное мнение их перестает воспринимать. Это происходит, на мой взгляд, по двум основным причинам. Во-первых, бессистемные, частные идеологические сигналы неизбежно вскоре «забываются», вытесняются реальными или медийными событиями уже через несколько дней.

Во-вторых, сказывается отсутствие единого идеологического центра, который бы координировал, планировал, мониторил и реализовывал бы эти идеологические установки не только на перспективу нескольких месяцев, но и на несколько лет, а в идеале — десятилетий. Более того, отсутствие такого центра ведет к противоречиям, в том числе идеологическим, принципиальным, не только внутри элиты, но и самой власти. Полярные утверждения Б. Грызлова и С. Миронова по принципиальным вопросам известны, но элита, внимательно наблюдающая за идеологическими нюансами, видит и другие противоречия принципиального порядка и по принципиальным вопросам, которые выходят за рамки общеполитической дискуссии.

Вот почему, на мой взгляд, назрел вопрос о создании структуры, **координирующей идеологическую активность государства**. Такая функция всегда являлась важнейшей для политического руководства любой страны, но в России, где существует множество всяких органов власти и управления, эту функцию реализовывать некому. Речь не идет, конечно же, о создании еще одной пресс-службы, которая сегодня выполняет тактические задачи, но именно структуры, отвечающей за идеологию, т. е. формулирование целей, долгосрочное планирование и координацию идеологических ресурсов государства.

В качестве «поставщика идей» выступают творческие социальные группы нации — креативный класс, — которые **канализируют эти идеи** через разнообразные институты Гражданского общества — политические партии, экспертные сообщества, СМИ и т. д. Отсюда следует неизбежный вывод: чем силь-

нее креативный класс и институты Гражданского общества, тем **качественнее идеи**. На этом вопросе необходимо остановиться подробнее.

Креативные группы и личности имеются в любой социальной группе — и среди богатых, и среднего класса, и среди государственных служащих и даже маргинальных слоев населения. Но их наивысшая «плотность» наблюдается среди лиц творческих профессий — прежде всего ученых, профессорско-преподавательского состава, деятелей культуры, средств массовой информации, — которые обладают не только профессиональными знаниями и навыками, но и набором психологических и психических качеств. Абсолютное большинство их представителей относится к среднему классу (около 20% населения) и к бедным слоям населения (около 40%). Эта активная часть общества материально и идеологически практически исключена из процесса творчества, ее численность среди лиц творческих профессий уменьшается (ученых, например, за последние 20 лет — более чем на 60%). Вернуть ее к творческой активности, которая является в XXI основным ресурсом экономического и социального развития, можно **идеологическими мерами**, т. е. идеология может стать средством мобилизации творческого ресурса нации.

Конечно, и среди правящей элиты, даже бюрократии, есть креативные личности. Все зависит от их психологических и психических особенностей, которые проявляются в т. ч. в идеологии в разные периоды времени. С идеологическими концепциями, например, регулярно выступает Ю. Лужков⁴¹, В. Якунин, С. Иванов и другие высокопоставленные чиновники, фиксирующие свои идеологические позиции. В том числе и по принципиальным вопросам. Так, в 2009–2010 годах, Ю. Лужков неоднократно проводил тезис о том, что «экономические теории монетаризма стали идеологической базой спекулятивного капитализма», т. е. в основе нынешней общественно-экономической формации лежит **идеология**.

Огромное значение для развития страны, формирования ее идеологии и стратегии имеют **социально-гуманитарные науки**. Именно они формируют не только философскую и эмпирическую основу для любых общественно-политических и идеологических концепций, ту «среду», в которой они могут развиваться, но и профессиональные подходы, квалифицированную экспертизу. К сожалению, в последние десятилетия эта основа сознательно разрушается. Причем не только из-за последствий социально-экономического кризиса и влияния извне, но, прежде всего, из-за игнорирования значения социально-гуманитарных знаний вообще и идеологии, в частности.

Примечательно, что даже поворот властной элиты к науке, произошедший в последние годы, **не повлиял на эту область в положительном плане**. Можно только приветствовать то внимание влас-

ти к достижениям научно-технической революции, новым технологиям и их носителям, но этот процесс протекает при **полном игнорировании значения социально-гуманитарных знаний**. Это проявляется и в развале соответствующих институтов РАН, и в политике Минобра, который признает только естественно-научные науки, и, к сожалению, отношения президента РФ и председателя правительства. По их инициативе, например, среди исследовательских университетов и направлений деятельности не просто доминируют, но абсолютно присутствуют только естественно-научные центры.

Это, конечно же, в корне неверно, ибо элита не способна предложить профессионально подготовленные идеи и концепции общественно-политического и экономического развития **без национальных социогуманитарных исследований**.

Наконец, следующая проблема, — профессиональная социогуманитарная подготовка элиты и принимаемых его решений. У этой проблемы есть два аспекта. Во-первых, слабая гуманитарная подготовка элиты, которая в основном сформирована из хозяйственников и силовиков, а не идеологов. Как правило, с соответствующим образованием и знаниями. Это привело к тому, что в последние десятилетия появилось множество «специалистов» — обществоведов, «политологов» и профессиональных комментаторов, не имеющих даже не очень хорошего, но вообще гуманитарного образования. Поэтому качество такой элиты сегодня крайне низкое. Как и принимаемые ею решения.

Во-вторых, в России сегодня отсутствуют идеологические органы. И не только в администрации президента или аппарате правительства, но и в СМИ, министерствах и ведомствах. Это — прямое следствие проводившейся со времен А. Яковлева «деидеологизации». Соответственно некому предлагать для руководства и идеологические рекомендации, заниматься целеполаганием, стратегическим планированием, координацией идеологических ресурсов и т. д. Эти функции возлагаются на соответствующие информационные управления и пресс-службы, т. е. структуры, занимающиеся не идеологией, а **продвижением готовых идей в СМИ**. Тогда, кто же готовит идеи? Кто их отбирает, систематизирует, предлагает руководству страны?

Поступающие в Кремль, Белый дом, ведомства инициативы и идеи, тем не менее, кому-то надо обобщать, систематизировать и готовить проекты решений на уровне лиц, принимающих такие решения. Прежде, при ЦК КПСС, это были Идеологические отделы ЦК и группы консультантов, а теперь не ясно кто этим занимается, да и есть ли вообще такой функциональный орган?

Пока что в этой идеологической области, как ни странно, активно ведут себя неоллибералы, прежде всего макроэкономисты, которые в действительности и формулируют **идеологию** развития страны.

3. Бесплезность макроэкономического прогноза для стратегии национального развития

Главным приоритетом для России становятся армия и полиция,
а не инвестиции в человеческий капитал⁴².

*И. Николаев,
руководитель департамента стратегического анализа «ФБК»*

Внешнеполитическая стратегия России должна впитать в себя несколько
концептуальных установок, способных расширить «коридор возможностей...»⁴³.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО*

В последнее десятилетие необходимость прогнозов стала очевидной. Начался бурный процесс создания таких текстов — на федеральном, отраслевом, региональном и даже на местном уровне. Но поразительно низкая эффективность управленческой деятельности в России в 2000–2011 годы объяснялась, в том числе и тем, что все эти прогнозы и вытекающие из них попытки стратегического планирования, ограничивались лишь макроэкономическими показателями. Они не учитывали огромное количество других, в т. ч. неэкономических факторов. Их просто игнорировали. Так, многие годы в развитых странах обсуждается проблема влияния социального капитала на темпы экономического развития. И. Соболева, например, пишет, что «исследователи фиксируют разрывы в экономических» результатах стран, которые трудно объяснить различиями их природного, физического и человеческого капитала (накопленного запаса образования). Это свидетельствует о присутствии факторов экономического роста, остающихся вне поля зрения ортодоксальных неоклассических исследований. К ним относятся культура взаимоотношений людей в разных обществах, способы их кооперирования, механизмы разрешения конфликтов и т. д. Просматривается отчетливая взаимосвязь социального благополучия и здоровых нормативных установок и успехов экономического развития⁴⁴.

Более того, Всемирный банк запустил обширную программу, направленную на оценку национальных запасов социального капитала и его вклада в экономический рост в различных странах, в том числе в трансформационных экономиках. Как патетически провозглашают эксперты этой организации: «Не будь его, общество бы просто развалилось, и не было бы речи об экономическом росте, устойчивом развитии и благоденствии человечества»⁴⁵.

Осмыслению этого вопроса я посвятил специальную книгу, где отношу социальный потенциал к институтам национального человеческого капитала, от которых прямо зависят не только темпы развития экономики и общества, но и национальная безопасность, самоидентификация и даже государственный суверенитет⁴⁶.

Не было, кроме того, ни новых идей, ни, тем более, новых концепций. Пример с выступлением В. Путина в сентябре 2011 года, когда он за 1,5 часа раздал обещаний на 40 трлн рублей, т. е. принял политическое решение на годы вперед, — показателен.

В конечном счете эти прогнозы оказались абсолютно бесполезны и даже вредны, что доказал провал Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года, утвержденной в марте 2008 года, а также неудача ее последующей корректировки в 2011 году. Концепции и прогнозы не могут заменить отсутствие внятной политико-идеологической программы правящей элиты. Впрочем, даже на политическом уровне элита избегала любых политико-идеологических программ и стратегий, имеющих общенациональный характер.

Во многом это объясняется той методологической сумятицей в общественных науках, которая возникла в последние десятилетия. В том числе и по причине того, что «не все ученые могут не поддаваться соблазну простых заимствований и упрощенных объяснительных схем..., которые зачастую ведут не столько к получению знания, сколько к имитации этого процесса-лженауки»⁴⁷.

Ситуация в принципе осталась неизменной и в марте 2012 года, тогда группа «корректировщиков» «Стратегии–2020» под руководством В. Мау и Я. Кузьмина предложили новый вариант «Стратегии–2020», назвав его «Новая модель роста — новая социальная политика»⁴⁸, хотя в ней и были учтены некоторые недостатки прежней Стратегии. В частности, в качестве самостоятельного третьего раздела была выделена глава «Новая социальная политика. Развитие человеческого капитала».

Сразу же подчеркну главный недостаток. Новый вариант «Стратегии–2020» — это все та же Концепция социально-экономического развития, а не стратегия национального развития, которая ставила бы гораздо более широкие цели и учитывала значительно большее количество факторов. Так, если к январю 2015 года ставится задача создания полноценного Евразийского союза (причем, возможно, не только в составе России, Белоруссии и Казахстана, но и других государств⁴⁹, то «Стратегия–2020» должна

учитывать и этот фактор. Только одно это замечание говорит о частном характере предложенной экспертами «Стратегии–2020».

Другая проблема заключается в слабом учете внешнеполитических и военно-политических факторов. Последний, шестой раздел, названный «Внешний контур развития», посвящен анализу международно-экономической ситуации и перспективам развития интеграции на постсоветском пространстве. И по порядку, и по значению это очень узкий раздел, в котором очевидна ориентация на прежние макроэкономические тенденции, а главная задача евразийской интеграции декларируется как «перевод интеграционного процесса из преимущественно политического, надстроечного, в преимущественно экономический...»⁵⁰.

Сегодня, таким образом, сложилась ситуация, при которой реальные приоритеты национального и социально-экономического развития формирует не элита страны и высшие органы власти, а финансово-экономический блок правительства в лице МЭРа, Минфина и группы «независимых» экспертов. И хотя в МЭРе делают основную ставку на государство как на главного инвестора и инициатора разнообразных социальных «нацпроектов», реальную программу и распределение ресурсов предлагают именно российские денежные власти. Соответственно и предлагаемые способы решения всех проблем, прежде всего финансово-монетаристские. Как показал кризис 2008–2011 годов, все его аспекты — а их было великое множество — были сведены к финансовой стабилизации. Так, острейшая социально-политическая проблема — неравенства доходов большинства граждан оказалась нерешенной. Более того, бюрократизация страны привела к дальнейшему отрыву чиновников от работников в своих же отраслях, что видно на следующем примере (табл. 5)⁵¹.

Но именно этих приоритетов нет в стратегии социально-экономического развития, хотя она и провозглашает «новую модель роста — социальную политику»⁵².

Таким образом, ключевые стратегические и идеологические проблемы в современной России пытается ставить и решает МЭР, т. е. всего лишь ми-

нистерство, пусть сверхкрупное, но министерство, а не президент, Госсовет или Совет безопасности, а на практике их формулируют финансовые власти.

На мой взгляд, такие задачи должны готовиться отдельным органом администрации (в Совбезе, например, с участием правительства, Федерального собрания, общественных и политических институтов) и формулироваться в стратегии национальной безопасности, которая, является нормативным оформлением идеологии. Стратегия, думается, должна иметь **обязательный — с политической и нормативной точки зрения характер — для подготовки бюджетов, других законов и решений, т. е. для деятельности всех министерств, ведомств, региональных властей**. Сегодня этого нет. Нет общенациональной идеологии, а стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года, принятая в мае 2009 года, отдаленно напоминает обязательный документ, на который ориентируется исполнительная и законодательная, а, тем более, судебная власть.

Элита, прежде всего политическая, включающая высшее политическое руководство страны, должна, опираясь на идеологию (т. е., повторю еще раз, **на систему взглядов, ценностей и принципов**) и на ее формализованное изложение в Стратегии национальной безопасности, принимать обязательные для исполнения всеми ветвями власти решения. На практике это означает: **элита должна сформулировать политико-идеологическую задачу монетарным властям, а не наоборот**. Так, если в президентском послании 2007 года стоит задача строить в перспективе по 1 кв. м. ежегодно на человека, т. е. 140 млн кв. м. в год, то эта задача сформулирована высшим **политическим руководством**. Ее решение должно быть реализовано правительством и региональными властями. А не наоборот, когда задачу (в масштабах страны) ставят отдельные министерства, чаще всего Минфин и МЭР.

Сегодня такие масштабные и долгосрочные, т. е. стратегические задачи должны в реальности стать прерогативой политического руководства страны в рамках некой идеологии, которую разделяют большинство граждан. Это может быть либо президент, либо победившая партия. Либо они вместе, а не ведомство, регион, либо какой-то чиновник.

Табл. 5.

Министерство	Среднемесячная зарплата в ведомстве, руб.	Среднемесячная зарплата в отрасли, руб.	Отличие, раз
Министерство здравоохранения и социального развития	77 565	17 588	4,4
Министерство сельского хозяйства	49 310	12 320	4,0
Министерство образования и науки	62 344	15 816	3,9
Министерство экономического развития	79 743	23 693	3,4
Министерство спорта, туризма и молодежной политики	55 284	18 831	3,3
Министерство культуры	47 959	18 831	2,9
Министерство промышленности и торговли	49 700	20 819	2,5

Из-за того, что МЭР или Минфин берется за выполнение не свойственных им (идеологических) функций, они и выполняют их по-своему, «неидеологически», как Министерства финансов и экономики. Год от года, может быть и лучше, в рамках своих достаточно узких функциональных обязанностей, а в целом — плохо.

Простой пример. Все прогнозы МЭРа — инерционные. В них нет не только идеологической «сверхзадачи», но даже и учета внешних факторов и стимулов развития. Что подтверждает и последующая неизбежная корректировка, которая делается, как правило, уже через несколько месяцев. В результате теряется главная цель — развитие НЧП. Структура российского общества стала убогой, препятствующей развитию НЧП. Сегодня она, по оценкам С. Глазьева, выглядит следующим образом⁵³ (Рис. 2).

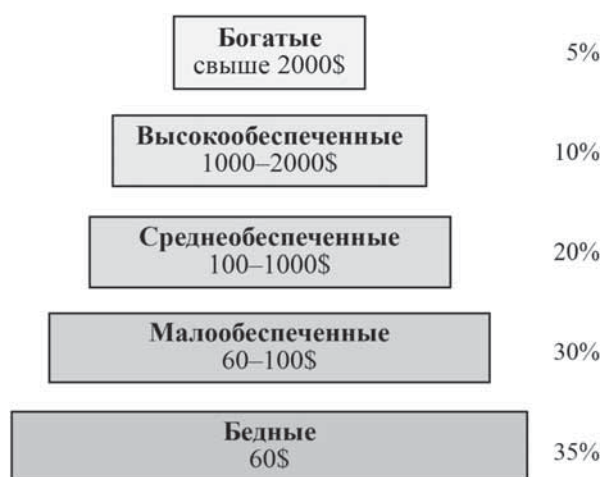

Рис. 1.

Главная проблема всех существующих прогнозов, и долгосрочных в особенности, это то, что они деидеологизированы, просто экстраполируют существующие экономические тенденции и факторы на будущее, а не ставят задачу, даже сверхзадачу, которая вытекает из общей идеи. Такой прогноз не учитывает многих важнейших факторов, а, главное, не направлен на решение проблем, сформулированных руководством страны. Такой прогноз наверняка будет не соответствовать действительности: появление новых факторов, открытий, проблем и т. д. неизбежно приведет к серьезным, если не сказать качественным, коррективам.

Так, практически не поддаются прогнозированию открытия в фундаментальной науке, а ведь Россия принадлежит к очень узкому клубу стран, занимающихся этой сферой. Но открытия в этой области имеют решающее значение. Дело в том, что фундаментальная наука — это особый «организм», очень хрупкий и своеобразный. Создать ее крайне сложно, разрушить легче легкого. Причем в науке действуют свои нравственные и моральные законы, выработанные научным сообществом за несколько веков, кото-

рые экономически невозможно просчитать. Впервые этот своеобразный кодекс чести ученых, стоящих на четырех принципах, был сформулирован известным американским социологом Робертом Мертонем⁵⁴.

При этом попытки коммерциализировать, приспособить фундаментальную науку (именно науку, а не результаты) к экономическим потребностям МЭРа, — бессмысленны. По данным соцопросов, проведенных в МГУ, ученых, желающих заниматься внедрением своих результатов в бизнес, — менее 1%. Это означает, что коммерциализация науки не только бесполезна, но и обесценивает главный ресурс современного развития — науку, образование, культуру, знания и духовность вообще. Весь этот огромный неэкономический ресурс знаний остается за пределами потребностей «практической экономики». Но это же лишает и профессиональные прогнозы и платы МЭРа реального смысла. Достаточно сказать, что при составлении комплексных стратегических прогнозов, таких, например, как в США и Китае, работают коллективы из тысяч исследователей, представляющих самые различные области знаний. И, кстати, не только знаний но и культуры, искусства, духовности.

Подобная методологическая ошибка ведет не только к ошибкам политическим, идеологическим, но даже экономическим: узкие специалисты-экономисты не могут выйти за рамки такого же узкого коридора своих знаний и опыта, что неизбежно ведет к крупным ошибкам. Таким, например, как недофинансирование культуры, науки и образования в принятом бюджете на 2008–2010 годы.

Вот почему важна именно идеология, которая оперирует качественными характеристиками высшего порядка по отношению к экономике. Она помогает не только уйти от экономического детерминизма, но и сделать прогноз и стратегию менее ошибочной. Кроме того, с политической точки зрения именно идеология формулирует задачи перед всеми исполнителями, а не только теми, кому непосредственно поручена их реализация. Так, если политически будет сформулирована задача опережающего развития (как следствие соответствующей идеологии), то ее выполнять должны будут **все регионы**, а не только несколько областей, которые обеспечивают сегодня прирост ВВП в 12–15%, **все отрасли**, а не только строительная и энергетического машиностроения.

Простая экстраполяция полезна и необходима на начальном этапе формирования стратегии, ибо позволяет сделать сравнение, рассмотреть реальное (сегодняшнее) соотношение сил в мире и место в нем России. Так, динамика семи лет подъема экономики при В. Путине в первом десятилетии выражена отчетливо в следующих данных⁵⁵, которые были просто экстраполированы правительством на следующие три года — 2008–2010. Подобная экстраполяция, конечно же, не учитывала многих факторов.

Табл. 6. Основные показатели мировой экономики

	2000	2001	2002	2003	2004	2005о	2006п
Рост ВВП, %							
Мир	4,7	2,4	3,0	4,0	5,1	4,3	4,3
Развитые страны	3,9	1,2	1,5	1,9	3,3	2,5	2,7
США	3,7	0,8	1,6	2,7	4,2	3,5	3,3
Канада	5,2	1,8	3,1	2,0	2,9	2,9	3,2
Великобритания	4,0	2,2	2,0	2,5	3,2	1,9	2,2
Германия	3,1	1,2	0,1	-0,2	1,6	0,8	1,2
Франция	4,1	2,1	1,3	0,9	2,0	1,5	1,8
Италия	3,0	1,8	0,4	0,3	1,2	0,0	1,4
Япония	2,4	0,2	-0,3	1,4	2,7	2,0	2,0
Развивающиеся страны	5,8	4,1	4,8	6,5	7,3	6,4	6,1
Бразилия	4,4	1,3	1,9	0,5	4,9	3,3	3,5
Россия	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	5,5	5,3
Индия	5,4	3,9	4,7	7,4	7,3	7,1	6,3
Китай	8,0	7,5	8,3	9,5	9,5	9,0	8,2
Инфляция (ИПЦ), %							
Развитые страны	2,2	2,1	1,5	1,8	2,0	2,0	1,9
США	3,4	2,8	1,6	2,3	2,7	2,7	2,4
ЕС-15	2,1	2,4	2,3	2,1	2,2	1,9	1,7
Япония	-0,9	-0,7	-1,0	-0,2	0,0	-0,2	0,3
Развивающиеся страны	7,1	6,7	6,0	6,0	5,7	5,5	4,6
Бразилия	7,1	6,8	8,4	14,8	6,6	6,5	4,6
Россия	20,8	21,5	15,8	13,7	10,9	11,8	9,7
Индия	4,0	3,8	4,3	3,8	3,8	4,0	3,6
Китай	0,4	0,7	-0,8	1,2	3,9	3,0	2,5
Внешняя торговля, млрд долл.							
США							
Экспорт	782	729	693	725	819	908	—
Импорт	1259	1179	1200	1303	1526	1733	—
ЕС-15							
Экспорт	2252	2263	2403	2845	3370	3589	—
Импорт	2257	2215	2293	2752	3299	3561	—
Япония							
Экспорт	479	404	417	472	566	600	—
Импорт	380	349	337	383	455	522	—
Бразилия							
Экспорт	55	58	60	73	96	н\д	—
Импорт	58	58	49	50	65	н\д	—
Россия							
Экспорт	106	102	107	136	183	247	—
Импорт	49	59	67	84	106	123	—

И не только кризис 2008–2010 годов (который вообще мало кто прогнозировал), или цены на энергоносители (которые также никто не может с уверенностью прогнозировать), но и такие долгосрочные тенденции в мире, как снижение энергоёмкости и ма-

териалоемкости производств, увеличение доли наукоемкой продукции, наконец, рост значения потенциала человеческой личности в экономике и обществе.

На самом деле эти и другие тенденции изначально должны были быть заложены не только

в стратегических прогнозах, но и планах социально-экономического развития, бюджетных посланиях, наконец, в самых бюджетных не только как экономические, но, прежде всего, устойчивые идеологические и политические тенденции. Что, естественно, не могут себе позволить ни МЭР, ни Минфин, но что должно быть обязательно заложено в стратегии развития государства. Как минимум, в качестве идей и тенденций, которых, кстати, российская наука и общественность во все времена выдвигали немало.

Приведу собственный пример. Еще в 1991–1994 годах было подготовлено большое количество записок, проектов законов и даже больших монографий, которые **предупреждали** власть о многих проблемах, ставших на повестку дня только недавно. Так, например, в книге «Национальная доктрина России»⁵⁶ я писал о необходимости выделения в программах президента и партий ясных идеологических приоритетов, которые бы и означали фактический политический **выбор** властью.

В этой же работе я говорил о том, что в 1992 году впервые смертность превысила рождаемость и прогнозировал дальнейшее развитие этой тенденции (что только через 12 лет привело к появлению национального проекта и демография) и разработке специальных программ, о том, что необходимо использовать собственные ресурсы, а не рассчитывать на Запад, прежде всего культурной, образовательной и духовной потенциал нации и т. д. Эти идеи в большинстве своем были восприняты **с опозданием** в 10–16 лет, а некоторые до сих пор остаются идеями. Разрыв между новыми идеями в фундаментальной науке и реальной экономике, составляющей в России десятки лет, стал традицией, которая была перенесена и в общественно-политическую реальность, — где, как оказалось, нет вообще связи между идеями, генерируемыми представителями креативного класса, и представителями политического класса России.

Примечательно, что при этом на уровне самоорганизации общественных наук происходят прямо противоположные тенденции. С одной стороны, сокращается количество последователей, умирают целые школы в РАН, университетах и институтах, а с другой — появляется множество независимых исследовательских и псевдоисследовательских институтов, центров и служб, некоторые из которых могут предлагать вполне конкурентоспособную научную продукцию для лиц, принимающих решения. Проблема, как представляется, в том, чтобы **организовать взаимодействие** между властью и генераторами идей не на личном уровне (как это есть, например, у Г. Павловского, В. Фадеева и еще нескольких человек), а на постоянной систематической и **формализованной** основе.

В этих целях могут быть использованы, естественно, Советы и Комиссии при президенте России, деятельность которых необходимо переводить с общественной на общественно-профессиональную

основу. Их потенциал — как показал опыт Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России — может быть **очень высоким**, но для этого такой потенциал должен стать фактором, т. е. быть реализованным, что, к сожалению, не всегда происходит.

Главное в прогнозах даже не господствующее в них экстраполяция, а то, что она становится уже **не экономической тенденцией, а превращается в политико-идеологическое целеполагание**, т. е. формулирует **цели развития государства и общества, не только как в данном случае на среднесрочную, но и на стратегическую перспективу**.

При этом возникает множество вопросов, на которые МЭР, Минфин и другие ведомства не способны ответить в принципе, т. е. изначально, отдавая инициативу выдвижения идей, их оформление в стратегические прогнозы и планирование финансово-экономическим ведомствам, закладывается долгосрочная ошибка. Так, например, учитывая, что каждый процент прироста крупных экономик «весит» значительно больше, чем процент российского прироста (только прирост экономики США в 2005 году был равен всему ВВП России), становится понятным, что, сохраняя нынешний алгоритм развития, догнать ведущие державы мира экономика нашей страны может только в очень и очень отдаленной перспективе. Если вообще когда-нибудь это будет возможно.

Вопрос — политический и идеологический — в том, **насколько** отдаленной? Если нам потребуется 30 лет, чтобы догнать Германию и 70 лет — Китай и США, — то главный вопрос для России будет таким: а сможет ли выжить в эти годы нация и государство? Хватит ли нам ресурсов обеспечить суверенитет и национальную безопасность? Ответ на эти вопросы лежит в политической и идеологической областях, а не в финансово-экономических. Так, рассчитывать на спокойное, мирное развитие Россия вряд ли может. Как справедливо отмечал в свое время заместитель директора Центра анализа, стратегии и технологий Константин Макиенко, «США с их полутратриллионным военным бюджетом более чем какое-либо иное государство в мире закупают вооружение в количествах, которые, выражаясь языком господина Кейси, „значительно превосходят потребности их обороны“ и не способствуют не только региональной, но и глобальной стабильности»⁵⁷.

Подписание Д. Медведевым и Б. Обамой Договора о сокращении стратегических вооружений в апреле 2010 года является хорошим примером для стратегического прогноза в военно-технической области: в ходе реализации этих договоренностей в ближайшие годы предполагается сокращение ядерных боеприпасов и их носителей у России и США, что должно укрепить стратегическую стабильность. Но в этой связи возникает ряд других вопросов, которые не являлись предметом договоренностей, а именно:

- как быть с тем, что многие функции стратегического потенциала будут выполняться неядерным оружием и системами боевого управления?
- как учитывать рост ядерных потенциалов других стран, чей удельный вес в 2010 году составлял 10% от российско-американского, но неизбежно увеличится в результате сокращений США и России и развития их ядерных сил?
- как быть с развитием систем противоракетной обороны и боевого управления. Которые де-факто уже стали частью наступательно-оборонительного комплекса стратегических сил США?
- наконец, как быть с тем фактом, что растущая военная мощь США, которая прежде компенсировалась российским потенциалом, станет доминирующей в мире. Не случайно подписание договора о сокращении стратегических вооружений состоялось в апреле 2010 года в Праге, где за год до этого Б. Обама заявил о необходимости ядерного разоружения.

Эти и другие соображения не находят и не могут находить своего отражения в концепциях и планах, разрабатываемых в Минфине и МЭРе, но такие планы в принципе должны быть следствием более общей концепции развития страны. На эту роль не может претендовать и стратегия национальной безопасности до 2020 года, утвержденная в мае 2009 года президентом РФ, именно в силу своего относительно частного, неидеологического характера, где нет ни сверхзадачи и сверхидеи развития России, ни национальной идеи. Конечно, в качестве такой «сверхидеи» можно сформулировать, как это сделано в Стратегии национальной безопасности России до 2020 года, цели экономического роста: «53. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются вхождение России в среднесрочной перспективе в число пяти стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта, а также достижение необходимого уровня национальной безопасности в экономической и технологической сферах.

54. Обеспечение национальной безопасности за счет экономического роста достигается путем развития национальной инновационной системы, повышения производительности труда, освоения новых ресурсных источников, модернизации приоритетных секторов национальной экономики, совершенствования банковской системы, финансового сектора услуг и межбюджетных отношений в Российской Федерации»⁵⁸.

Но в этой «идее» есть только одна конкретная задача — «войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП», — которая, **во-первых**, не является бесспорной (например, почему не ВВП на душу населения или по индексу развития человеческого потенциала? Или доли России в мировой наукоемкой продукции, или образовании и науке?), а, **во-вторых**, эта идея и **главная цель развития** не обсуждалась широко ни экс-

пертным сообществом, ни общественным мнением в стране. Она, в том числе и поэтому не стала национальной идеей, оставшись одной из идей очередного нормативного документа, о котором забыли все после его принятия. Любопытно, а сколько же раз за год — с мая 2009 года по май 2010 года — ссылались на эту Стратегию руководители страны и представители ее элиты?

Отсутствие механизма «продвижения идей» во властную элиту опасно и поэтому сама по себе властная элита в ее нынешнем виде концентрирует в основном представителей власти, а не креативных групп граждан. Но у таких представителей власти, как правило, нет времени и возможности осмыслить, проанализировать ситуацию, они действуют в режиме постоянного цейтнота и форс-мажора. Отсюда — на стратегические решения банально не остается времени и сил.

В любом случае многие факторы рисков остаются за скобками правительственных прогнозов и оценок руководителю страны. В лучшем случае принимается во внимание фактор цены на углеводороды и темпы развития (падения) мировой экономики, т. е. самые общие макроэкономические показатели. Хотя в условиях кризиса 2008–2010 годов основными показателями в развитых странах стали **социальные** (безработица, уровень доходов), а не финансовые.

Что же касается внешнеполитических или внутриполитических факторов, то они не только не учитываются, но и вообще игнорируются. Как, например, объяснить отказ учитывать в годы правления республиканской администрации возможные действия США, в частности, приход на пост министра обороны Р. Гейтса (посвятившего свою жизнь развалу СССР)?⁵⁹ Или резкий рост на 2007 год расходов в США на «защиту демократии» в мире, который возможно привел к активизации антироссийской политики на Кавказе, Осетии, Абхазии, Украине, да и в других постсоветских государствах?

Сегодня требуется жесткий анализ идеологических основ всей предыдущей политики — экономической, финансовой, социальной — России. Не только за 90-е годы прошлого столетия но и за первое десятилетие нынешнего. Как в условиях относительно благоприятного фона развития, так и в условиях кризиса 2008–2010 годов. И не случайно такой анализ делается не только оппозицией (политической — Г. Зюганов, С. Миронов, В. Жириновский, Г. Семигин и интеллектуальной), но и представителями самой правящей элиты. Так, только в 2009 году Ю. Лужковым было опубликовано две книги, посвященные этой теме⁶⁰. Другой представитель властной элиты — В. Якунин — даже создал специальный центр для такого анализа под руководством С. Сулакшина, подготовивший десятки критических работ и несколько «резонансных» научно-практических конференций. Так, Ю. Лужков, например, сделал весьма примечательный и сугубо идеологический вывод: «Связанные с этим кризисом

(2008–2009 г. — А. П.) основные выводы для человечества только кажутся финансовыми и экономическими, тогда как их масштаб в разы превосходит сферу экономики»⁶¹.

Примечательно, что Ю. Лужков, как и другие критики, **избегают идеологической оценки** (за исключением С. Миронова, заявившего, что он «не будет строить капитализм»), но неизбежно подталкивают своих слушателей и читателей к этим, т. е. идеологическим выводам.

И главная идея, которая в том или ином виде обсуждается сегодня, это — **идеологическая**: каков алгоритм развития общества, экономики и государства, предлагаемый правящей элитой.

Спор идей, на самом деле, имеет не философский (кого сегодня в России волнует философия?), а вполне даже экономическое обоснование. Дело в том, что российское общество и часть элиты в принципе перестало устраивать нынешний алгоритм развития, который ни в период «тучных годов», ни в период кризиса так и не смог продемонстрировать свою эффективность. Причины, как уже понимают, много, но главное — это то, что отставание России по всем направлениям не сокращается, а увеличивается.

Темпы роста ведущих стран мира за последние десятилетия — как в благоприятные, так и кризисные годы — были достаточно высокими, а в США, Индии и Китая даже очень высокими. Если же добавить, что и в предыдущие 15–20 лет (т. е. в годы, когда экономика России деградировала или развивалась экстенсивно) в этих странах были устойчивые и высокие темпы развития, то это означает, что Россия смогла лишь отчасти присоединиться в последние годы к «рывку» США, Китая и Индии. Во многом благодаря измене-

нию цен на рынке сырья, хотя я уверен, что это не единственный фактор.

«Стремительный» рост экономики России объясняется просто: после обвала 1990–1997 гг. и еще одного кризиса 1998 года все показатели России снизились до уровня 1950-х годов. «Рывок» — лишь отчасти восстановил (80–85%) экономику 1990 г. РСФСР к 2006 году и сравнял ее с докризисным (1990 г.) уровнем к 2007 году. Именно с 2007 года начался **рост, а не восстановление**. О чем свидетельствуют следующие данные — табл. 7.

Подчеркну, **рост, а не развитие**. Развитие экономики в России так и не началось, даже в условиях сверхблагоприятной мировой конъюнктуры 2000 — начала 2008 годов. Что же касается экстенсивного роста, то он немедленно прекратился, более того, превратился в самое стремительное падение из всех развитых экономик (кроме Украины) в 2008–2010 годах.

Повторю, что эту главную тенденцию видят и знают все. К 2010 году сложилась ситуация, когда даже представители властной элиты стали говорить о системных недостатках стратегии развития (которая, на самом деле не была ни стратегией, ни развитием, а в лучшем случае — попытками финансовой элиты использовать благоприятную конъюнктуру мировых цен).

Другой аспект, признанный правящей элитой в 2010 году, — неэффективность управленческих решений бюрократии, более того, их заведомо коррупционный характер. Именно в 2009–2010 годах Д. Медведев попытался внести очередные коррективы в систему управления экономикой, обществом и государством, носившие в ряде случаев подчеркнуто идеологический характер. Так, назначение

Табл. 7. Основные показатели экономики России

	2000	2001	2002	2003	2004	2005о	2006 к 2000
ВВП в текущих ценах, млрд руб.	7306	8944	10818	13243	16752	21280	300%
ВВП на душу населения, долл.	1772	2100	2374	2984	4041	5264	300%
% к предыдущему периоду, в постоянных ценах							
ВВП	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,0	
Конечное потребление	5,6	6,8	7,0	6,2	9,2	9,0	
Инвестиционный спрос	18,1	10,2	2,8	12,8	10,8	9,9	
Промышленное производство	11,9	4,9	3,7	7,0	6,1	4,0	
млрд руб.							
Доходы фед. бюджета	1132	1594	2205	2586	3426	4239	400%
Расходы фед. бюджета	1051	1355	2063	2372	2706	3237	300%
Профицит фед. бюджета	81	240	142	214	720	1002	1200%
Первичный профицит	365	424	378	438	935	1345	350%
% ВВП							
Доходы фед. бюджета	15,5	17,8	20,4	19,6	20,4	21,1	
Расходы фед. бюджета	14,1	14,8	19,0	17,9	16,1	16,1	
Профицит фед. бюджета	1,1	3,0	1,4	1,7	4,4	5,0	500%
Первичный профицит	5,0	3,2	3,5	3,3	5,6	6,3	

А. Хлопони́на полпре́дом президента РФ на Кавказе, а В. Вексельберга — «куратором» проекта в Сколково — весьма символические. Когда решался кадровый вопрос о Сколково, как сообщил источник в администрации, олигарха выбрали по принципу потому, что «чиновнику это лучше не поручать»⁶².

На самом деле я сомневаюсь в эффективности подобной кадровой стратегии правящей элиты. Разочаровавшись в эффективности госчиновников, не обязательно правильным делать ставку на бизнес, который в России имеет весьма спорные и неэкономические условия для развития. Мне кажется, что лучший управленец XXI века, это человек, обладающий:

- а) профессиональными знаниями (в данном случае, — ученый);
- б) творческими способностями, в т. ч. организационными;
- в) способность к стратегическому прогнозу и планированию.

Стало к 2010 году очевидным, что необходима широкая научная и экспертная дискуссия, в которой уже не только оппозиция, но и элита пришла бы к пониманию относительно новых идей, их прогноза, стратегии и идеологии развития. В противном случае, будет неизбежна несогласованность как между отраслевыми стратегиями и планами, так и региональными. Так, энергетическая стратегия России на период до 2020 года исходит из роста ВВП страны к тому времени в 2,2–3 раза. Это, кстати, прямо противоречит задаче, сформулированной президентом РФ, а также создает возможность катастрофической ошибки: если ВВП будет расти быстрее, то экономика будет поставлена в условия энергетического кризиса еще задолго до 2020 года. Что, уже, собственно говоря, и происходит — энергетический кризис стал фактом еще в 2007 году.

Отсутствие общенациональной идеологии развития уже больно бьет экономически. Вот почему послание В. Путина 2007 года выглядело как эквивалент среднесрочного прогноза и стратегии, которые были подкреплены проектом бюджета на 2008–2010 годы.

Следующие послания, уже Д. Медведева, имели политико-идеологический характер, но они не являлись строгой идеологической системой, а, скорее, эмпирическим набором «сигналов» обществу и его элите.

Между тем у ученых, как уже говорилось, существуют и более сложные, комплексные идеи и стратегические прогнозы, учитывающие огромное количество факторов, но, главное — подтверждение практикой. Так, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) провел еще до кризиса исследование, в ходе которого, например, выяснилось, что в ближайшие 15 лет страну ждет целый ряд кризисов. Важно подчеркнуть, что появление таких прогнозов без предложения и вариантов решения фундаментальных мировоззренческих и идеологических задач, — уже само по себе

противоречие, граничащее с крупной ошибкой, но, тем не менее, доказывает прагматическую ценность таких идей.

Приведем другой пример, касающийся уже не энергетики, а образования. Почему-то в 2001–2010 годы сложилось представление (причем не только у Минобра, но и в правительстве) о том, что в России уже достаточно лиц с высшим образованием. Отчасти это вытекало из объективного факта роста числа студентов в России в последнее десятилетие, но отчасти из-за того, что руководство страны считает главной проблемой в России качество образования, а не его доступность. Эта оценка и идея легла в основу всей политики Минобра 2005–2010 годов.

Между тем, в России число людей с высшим образованием **заметно отстает от уровня стран-лидеров**, где высшее образование имеют 22% граждан (в России 20,8%), а в США — 30%. Стратегическая перспектива, по мнению ректора СГА М. Карпенко, — и я с ним целиком согласен, потребует через 15 лет того, чтобы уже 60% граждан обладали высшим образованием⁶³. Таким образом, если сегодня не предпринять очень серьезных усилий по повышению доступности образования, то через 15 лет Россия уже не сможет обеспечить себя квалифицированной рабочей силой. Более того, **стратегическая идея** России должна заключаться (как это есть в Японии, например) в превращении к 2030 году высшего образования **во всеобщее**. Эта задача уже президента, а не Минобра.

Таким образом, проблема в том, что отставание в выдвижении новых идей, в решении идеологических задач и осмысленном формулировании целей развития общества и государства, ведет к выдвижению ложных идей, **созданию неточных, неверных прогнозов и планов развития, которые не учитывают и не опираются на идеологические и политические факторы**.

Факторы фундаментальные, базовые, а значит и менее подверженные конъюнктуре и влиянию извне. Такой подход, например, долгие годы господствовал в правительстве РФ при формировании проектов бюджетов и планов социально-экономического развития, когда международные факторы учитывались в минимальной степени (цена на нефть, темпы развития ВВП), а внутривополитические задачи вообще не были сформулированы. Они «просто» были заменены макроэкономической экстраполяцией.

Типичный пример тому — добросовестный прогноз экономического развития России до 2020 года, подготовленный экономическим советником премьер-министра РФ М. Фрадкова Андреем Белоусовым. Экономист, в частности, пояснил, что расчеты проводились, исходя из колебаний стоимости нефти на уровне 45–50 долларов за баррель. При условии сохранения стоимости нефти в этом диапазоне, по его мнению, «есть еще 6–7 лет, чтобы перестроить экономику и вписаться в те риски, которые мы видим».

Этот и аналогичные справедливые идеи в период благоприятных мировых цен так и не были услышаны Минфином до кризиса. Вместо создания нормально-го инвестиционного климата, кредитной политики, инвестиций свободных ресурсов в экономику, все ресурсы отправлялись «в кубышку», а затем, в период кризиса 2008–2010 годов, тупо тратились. И первая, и вторая политика не требовала ни особенных усилий, ни творческих способностей, но в результате, к 2010 году Россия вновь вернулась к уровню развития ... 1990 года. Более того, о некоторых отраслях, как справедливо заметил Ю. Лужков в апреле 2010 года в своем выступлении в Дипакадемии, уже «поздно говорить как об отраслях, которые можно восстановить. Их нужно создавать заново».

Между тем, в прогнозе не учитывается мнение экспертов о том, что мировых запасов нефти (во всяком случае, в большинстве стран, включая Россию) вряд ли вообще хватит до 2020 года. Более того, при стабильном росте мировой экономики (до 80% к 2020 году) трудно ожидать, что цена на нефть опустится до 40–50 долл. И уж совсем не понятно, как можно «встроиться» в мировую экономику «за 6–7 лет», когда за 2000–2010 годы, т. е. за тот же период, структура экономики страны практически не изменилась.

Еще больше вопросов вызывают предлагаемые им описания «кризисных периодов». Прогнозировать «социальный» кризис — дело заведомо, как показывает опыт, бесперспективное: Г. Зюганов его прогнозирует с 1991 года каждую осень, а В. Ленин накануне февральской революции 1917 года (точнее, за несколько недель) вообще говорил о том, что его поколение не увидит революционных изменений.

Так, говоря о возможных кризисных периодах, Белоусов, сославшись на расчеты, назвал три таких периода: 2007–2008 годы, 2011–2012 годы и 2015–2017 годы. Первый «кризисный узел» должен был носить в основном административный и социально-политический характер при минимальных экономических рисках. На самом деле, как мы уже знаем, кризис начался не в 2007, а в конце 2008 года. И носил он финансовый, фондовый и идеологический характер.

Уже в 2009–2012 годах российская экономика столкнется с более сложными проблемами, которые вызваны не только кризисом: в первую очередь структурными и демографическими, — существенное сокращение трудоспособного населения создало сильное давление на систему пенсионного обеспечения, падение доходов, инфляция, рост цен и тарифов, которые немыслимы в период кризиса в развитых странах, показали всю ошибочность существующего алгоритма развития.

Нужны новые идеи и их носители во властной элите, ведь в 2011–2020 годах риски, как считают ученые, могут достигнуть максимальных значений за счет обострения теперь уже социально-экономических проблем и нарастания неэффективности государственного управления. Обострятся к тому времени и медико-социальные проблемы (скажется рост числа ВИЧ-инфицированных и наркома-нов), и проблема истощения природных ресурсов (нефтяных месторождений Поволжья, например). Не исключено, что к этому периоду в результате эффективной энергосберегающей политики может снизиться спрос на энергоресурсы у развитых стран. Все эти вызовы требуют принципиально новых идей и стратегий развития России.

4. Современные университеты — основной институт социального потенциала креативного класса⁶⁴

Вплоть до середины XIX века слово «просвещение» употреблялось в самом широком смысле, заменяя термин «культура»...⁶⁵.

*Из доклада Комиссии при
президенте РФ*

Для осуществления модернизации необходимы не только новые идеи, проекты, финансовая, техническая и научная база, но и создание целеполагающих мотиваций у всех слоев российского общества, формирование атмосферы созидания⁶⁶.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Будущее государства будет определяться качеством его экономики и технологиями, но, прежде всего, качеством его национального человеческого потенциала и способностью нации генерировать идеи, которые реализуются на практике частью среднего класса — креативным классом. Ожидается, что эта часть будет стремительно развиваться. По оценкам

скорректированной «Стратегии–2020», ее доля вырастет с 27 до 40% к 2020 году⁶⁷. В этой связи возникает справедливый вопрос: кто конкретно, какие институты и социальные слои будут производить эти идеи, тот качественно новый продукт или услугу? Ответ, — это можно «заимствовать» извне — изначально считается неправильным по той простой причине,

что что-то качественно новое просто не может быть заимствовано. Его можно только создать самим.

Новые научные идеи и технологии не появляются сами по себе. Если, конечно, они не рождаются в головах психопатов. Тем более, идеи общественно-политические и идеологические, которые изначально связаны по времени и пространству с какой-то нацией, ее научными и культурными традициями и школами. Их, повторю, нельзя заимствовать. Это будут **чужие** идеи⁶⁸.

Но речь идет, конечно, не только об идеях, но и о людях — носителях этих идей. И здесь существует очевидная взаимосвязь — чем больше представителей креативного класса уезжает за рубеж, тем меньше поток оригинальных идей остается на Родине. На Украине, в частности, по оценкам Всемирного банка, до 15% граждан уехали из своей страны (около 6 млн человек), а в целом среди студентов этому примеру готовы последовать до 60%⁶⁹. При этом обучение в России перестало рассматриваться в качестве перспективного направления. В 2010 году в России обучалось только семь тыс. украинцев, а в Европе в несколько раз больше.

«Инкубаторами» таких идей в наше время становятся исследовательские университеты, сочетающие процесс образования, научные исследования и производственную базу (а также наличие инновационных предприятий и старт — органов). Наиболее развита система университетов в США, где, например, МИТ является крупнейшим работодателем штата Массачусетса, а Гарвард — во многом определяет политику и кадровые назначения Демократической партии США.

В целом американские университеты, как считают авторы ведущих рейтингов, являются мировыми лидерами не только в науке и образовании, но (подразумевается) и идей, и технологий. В соответствии с рейтингом «Times Higher Education», например, из первой сотни — 44 университета являются американскими и 10 — Великобританией. В первой сотне появились и китайские, гонконгские, сингапурские, даже турецкие университеты, но ни одного российского⁷⁰.

- 1 Гарвардский университет (США)
- 2 Массачусетский технологический институт (США)
- 3 Кембриджский университет (Великобритания)
- 4 Стэнфордский университет (США)
- 5 Калифорнийский университет в Беркли (США)

Рис. 2. Пятеро лучших

В России процесс формирования исследовательских университетов находится только в самом начале. Но, что хуже, — значение этой тенденции еще не до конца понимается в правящей элите страны. Как отмечает обозреватель «НГ» Н. Савицкая, «...Первое разочарование от встречи с кандидатами (в президенты. — А. П.) — кандидаты не слишком серьезно относятся к важнейшей сфере, призванной, по их же общему убеждению, решать в будущем основные экономические и социальные проблемы.

Второе — почти все претенденты на основной пост в государстве не имеют системного видения этой самой важной (по их же признанию) отрасли»⁷¹.

Главное в недооценке роли университетов, конечно, привычное отношение к ним как к вузам, когда денег на фундаментальные исследования практически не выделяется государством. Соответственно нет и таких исследований. Более того, нет ни серьезной университетской науки, ни университетского образования. Как сказал в одной из своих статей В. Путин, указывая на такие направления образования, в которых почти нет ни науки, ни «добротного» образования, это — экономика, менеджмент, право, социология⁷². Отсюда и низкие места в рейтингах. Так, 47 крупнейших госкомпаний потратили в 2011 году на инновации более 634 млрд рублей. Из них на систему «непрерывного образования» — 1,4 млрд (менее 0,2%), а на целевую подготовку студентов — 215 млн (0,001%)⁷³.

Развивая исследовательские университеты, надо понимать, что перед ними ставится важнейшая политическая содержательная задача — формирование национальной научно-образовательной и внедренческой среды, без которой сами по себе университеты могут быть в лучшем случае только воспроизведением (как правило, более плохим) чужого опыта. А значит, по определению, не способными к созданию принципиально нового продукта или услуги. Не случайно, по итогам рейтинга ведущих университетов мира МГУ им. М. Ломоносова «выпал» из первой сотни — если в рейтинге за 2010 год научная и образовательные составляющие оценивались равнозначно, то в 2011 году научная составляющая оказалась более важной⁷⁴.

На мой взгляд, в таких университетах для появления новых идей нужны следующие предпосылки, сознательно создаваемые обществом и государством:

- культурное, историческое национальное наследие, которое создает «питательную среду» для развития идей в виде научных и культурных школ и национальных традиций;
- современные научные национальные школы, способные обеспечить все этапы образовательного-исследовательского развития — от бакалавра и магистра до аспирантуры и последующего научного взросления;

- качественный национальный человеческий потенциал, определяемый такими известными критериями, как образование, здоровье, социально-экономические условия, информвооруженность, научное и культурное общение;
- создание государством и обществом условий для развития научного знания — как материальных, так и моральных, психологических, — прежде всего социальный заказ и мотивацию общества и экономики;
- особенно великое значение в XXI веке имеет развитие творческого потенциала нации, прежде всего той ее части, которая относится к креативным слоям и социальным группам, называемым «креативным классом». В этой связи можно согласиться с директором института развития образования И. Абанкиной, полагающей, что «Креативность — особое измерение, для ее формирования нужны специальные условия, и прежде всего — свобода творческого поиска, исследований, свобода думать, проектировать, пробовать, ошибаться... Для креативных индустрий характерна не отраслевая, а кластерная модель — модель содружества независимых компаний и университетов, связанных отношениями сотрудничества и конкуренции, а также нередко общностью территории.

Точками опоры креативности в меняющемся глобальном мире становятся:

- поликультурная среда и толерантность;
- лидеры и лидерство;
- новые технологии менеджмента, творческое начало, глубина культурных традиций и умение их поддерживать;
- тиражирование и коммерческая эксплуатация, обеспечивающие доступность ресурсов;
- навыки конструктивного диалога, проектная идеология.

Примечательно, что именно эти точки опоры являются самым слабым местом российской науки и образования. На что был вынужден обратить внимание даже В. Путин⁷⁵. Более того, в дополнение к этому в нынешней российской ситуации также наблюдаются:

- недружелюбность среды;
- дефицит образовательной инфраструктуры;
- недостаточная развитость правовой базы⁷⁶.

Таким образом, очевидно, что существуют системные недостатки, которые множатся с годами. Развитие образования в России за последние 20 лет претерпело серьезные изменения в пользу количественного роста высшего образования и крупных университетов. Это хорошо видно на примере сравнения поступивших в учреждения начального (НПО), среднего (СПО) и высшего образования (ВПО) в 1993 и 2009 годах⁷⁷.

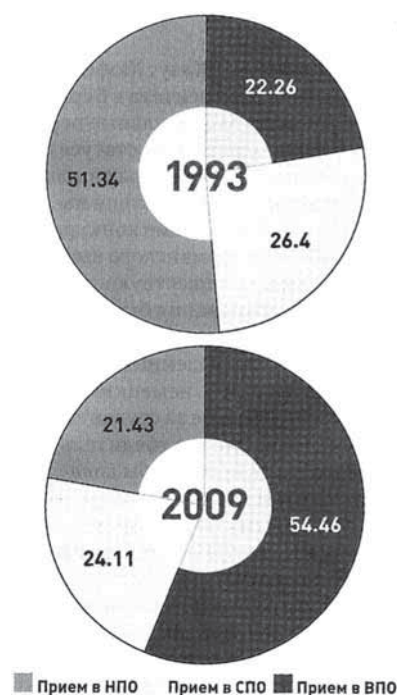

Рис. 3. В учреждении профессионального образования по годам, %

Мотивация — социальный запрос и экономическая необходимость — в выпускниках средних специальных и высших учебных заведений России — одна из основных проблем. Не секрет, что ни общество, ни экономика в последние десятилетия не оценивали человека по полученным знаниям. Не удивительно, что и сами студенты не очень уверены в своем будущем. В 2011 году только 17% и 9% выпускников были уверены, что они без проблем смогут устроиться на работу по специальности (табл. 8)⁷⁸.

Табл. 8. Как вы считаете, легко ли сегодня получить работу по специальности выпускнику с начальным и/или средним профессиональным образованием? (закрытый вопрос, один ответ)

	Студенты НПО и СПО	Студенты вузов	Ученики	Родители
Думаю, найти работу по специальности не составит труда	17	—	7	10
С небольшими усилиями найти работу можно	52	7	40	51
Найти работу можно только с большими усилиями	29	36	43	33
Думаю, найти работу практически невозможно	1	7	7	3
Затрудняюсь ответить	1	1	3	3

Источник: ВЦИОМ

Для развития и появления новых общественно-политических и социогуманитарных идей в России последние десятилетия были непростым временем. С одной стороны, именно эта область после отмены официальной идеологии получила максимально широкие возможности для творческого развития. С другой — пренебрежение государством этой областью знаний в последние десятилетия, продолжающиеся и сегодня, привело к разрушению научных школ, массовому уходу специалистов и — как ответная реакция — появлению огромного числа непрофессионалов и активному вмешательству в научный процесс внешних сил (государственных и общественных), по-своему заинтересованных в этом процессе. Так, например, идеологическое влияние на экономическую политику России в Сибири отчетливо выражено в работе известных американских специалистов Ф. Хилла и К. Гэдди «Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России», где, в частности, говорится: «...самой серьезной из всех помех на пути изменения российской экономической географии является то, что Сибирь продолжает рассматриваться в качестве основы развития России в будущем». Глава этой книги так и называется «Преемственность идеологий». В ней откровенно предлагается отнестись к идущей депопуляции на Дальнем Востоке России как к позитивному процессу.

Особенно негативно внешнее влияние отразилось на политологии, где западные понятия, термины, определения и суждения не только были некритично восприняты, но и отчасти перенесены в политическую практику.

Между тем на самом Западе очевиден кризис — идеологический и политологический, — связанный не столько с мировым, сколько идеологическим кризисом. В частности, речь идет о кризисе в представлениях о безопасности, когда существующая система перестала устраивать не только Россию, но и страны «Атлантического сообщества»⁷⁹.

Поэтому в 2012 году можно говорить о глубоком кризисе в социогуманитарной науке, науке, которая должна обеспечивать элиту необходимой информацией для принятия национально ориентированных решений. Этот кризис является не только следствием системного социально-экономического кризиса, но и в определенной степени его предпосылкой. Без своевременного долгосрочного прогноза, стратегического планирования, сделанных на научной основе, правящая элита просто не в состоянии разработать адекватные модели и стратегии социально-экономического развития. Что, собственно говоря, доказали провалы «Стратегии-2020» и «Стратегии инновационного развития», признанные в 2011 году.

Примером адекватного научного прогноза может стать работа, проделанная Координационным советом РАН по прогнозированию, в которой, в частности, говорится⁸⁰:

Приоритеты и прогнозы духовного и социального развития

«В первую очередь, должна быть проявлена забота об образовании и детях. В прогнозах необходимо исходить из того, что риски убийств детей в России в мирное время превышают **риски гибели советских солдат в Афганской войне в 2,5 раза, а риски детской беспризорности, бездомности и безграмотности сопоставимы с теми, что были в годы после Гражданской войны.**

В соответствии с базовыми прогнозными показателями развития в таблице приведены **основные показатели духовного и социального развития страны до 2030 года** (табл. 9).

Этот кризис в социогуманитарной науке имеет не только очень важные идеологические и политические последствия, но и отражается на всей эффективности управления обществом и экономикой. Во-первых, правящая элита очевидно недополучает качественной научной информации о состоянии государства, общества и экономики, прежде всего анализа происходящих процессов в стране, необходимой для точного

Табл. 9. Прогнозные показатели духовного и социального развития до 2030 года

№	Наименование	2010	2015	2020	2025	2030
1.	Обязательность всеобщего среднего образования, %	85	90	95	100	100
2.	Доступность всеобщего бесплатного образования, %	45	65	80	95	100
3.	Непрерывность повышения уровня специального образования, %	20	35	50	60	80
4.	Снижение детской беспризорности, %	1,4	0,8	0,10	0,05	0
5.	Снижение детского сиротства, %	0,5	0,2	0,05	0,02	0,01
6.	Отношение прерывания беременности к рождению	1,2	0,5	0,3	0,15	0,05
7.	Доступность для детей комплексного бесплатного духовного и физического развития (библиотеки, дворцы культуры, музеи, храмы, стадионы), %	15	45	85	100	100
8.	Доступность, равенство и свобода основных вероисповеданий для верующих, %	12	18	25	32	35
9.	Сохранение и развитие традиционных культур для наций и народностей, %	25	35	45	55	70

и своевременного принятия решений. Сегодня можно говорить о том, что в России реально существует тысячи исследовательских центров и учебных заведений, среди которых, может быть, лишь десяток–другой в состоянии профессионально проанализировать те или иные процессы: система исследовательских институтов РАН стремительно деградирует, а внешние учебные учреждения заняты преимущественно платными образовательными услугами. Отраслевые и региональные НИИ фактически исчезли, а негосударственные исследовательские центры ориентированы не на фундаментальную науку, а под заказ — PR-сопровождение или личные амбиции состоятельных граждан. В этих условиях только лучшие российские университеты способны сохранить и даже несколько развить социогуманитарные знания, печатать свои издания, готовить инициативные записки и т. д. Но этих «лучших» единицы, а в целом по стране, как и во всей экономике, видна огромная дифференциация. В зарплате, например, где основной персонал ИТМО (С.-Петербург) получает 81,6 тыс. рублей, а в Северо-осетинском госуниверситете — 11,6 тыс. рублей⁸¹.

Во-вторых, сама правящая российская элита, очевидно, недооценивает роль социогуманитарных наук и знаний. Это видно из многих проявлений, в частности, позиции Минобра, да и руководства страны. Так, среди победивших на конкурсе 12 исследовательских университетов в августе 2009 года только один был гуманитарный — ВШЭ. Это означает, что деградация общественных наук будет продолжаться, а значит, будет ухудшаться и та информация, которой пользуется правящая элита. Лишь в марте 2012 года в России был создан Общественный совет по развитию гуманитарного образования, который возглавил директор Института всеобщей истории академик РАН А. Чубарьян⁸².

Это, вероятно, ответная реакция на заявление А. Фурсенко, сделанного по итогам 2011 года, о «дисбалансе между гуманитарными и техническими секторами», и реакция на статьи В. Путина, в которых подчеркивалось значение защиты национальных интересов и ценностей.

В то же время как-то незаметно для общественности в марте 2011 года Указом Президента РФ была ликвидирована Комиссия по противодействию фальсификации истории, которая за три года инициировала издание сотен книг и фильмов по истории России и СССР.

Хочу подчеркнуть, что использование инноваций, чужих технологий и закупка специалистов, о которых стало модно говорить в 2009–2011 годы, сама по себе спорная политика. Общество и государство не могут в принципе развиваться опережающими темпами, а тем более стать лидерами, только используя заимствования и чужие знания. При таком подходе можно только догонять, что иногда и оправдано. Это — истина, относящаяся к экономике и научно-технической политике.

Но использование чужих гуманитарных знаний в качестве основы для исследований и принятие политических решений — уже вдвойне опасно, ведь они не учитывают ни культурной, ни исторической специфики России, а тем более ее устоявшихся реалий. Как, например, можно ответить, опираясь на чужие знания, на такой ценностный вопрос?⁸³ В какие исторические периоды, на Ваш взгляд, Россия имела или имеет статус великой мировой державой? (Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Ответы приведены в порядке убывания количества ответивших).

Табл. 10.

После Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (в составе СССР)	67,8
В годы правления Петра I	56,1
В настоящее время	23,3
После Отечественной войны 1812 г.	18,8
В XX веке до Октябрьской революции	13,0
В 80–90-е годы XX века, когда начались горбачевская перестройка и ельцинские реформы	3,8
Никогда не была великой мировой державой	4,4
Другое	2,4

Или как объективно можно определить, опираясь только на западные исследования, национальные интересы, ценности и приоритеты развития России?

Конечно, такие попытки были в 90-е годы прошлого века и продолжают сегодня, в частности, во внешней и военной политике, когда российские интересы безопасности «путались» с интересами США и НАТО, а в экономической области проводилась приватизация по американским рецептам. К чему это привело, мы хорошо знаем. Но что примечательно, эти попытки не прекратились и сегодня, особенно, если речь идет об экономике и финансах, где господствуют (а не просто существуют) неolibеральные научные школы. И не только. Политика и политология в современной России во многом, если не в основном, определяются чужими идеями и стандартами.

Известно, что место того или иного государства в мире сегодня во многом определяется уже не только традиционными критериями: величиной ВВП, превосходством в военной мощи или финансовыми ресурсами, — но прежде всего качеством национального человеческого капитала. В свою очередь, это качество, как известно, измеряется такими критериями, как качество образования, интеллект, уровень финансового обеспечения, международных связей и использование Интернета, а также уровнем нравственности, культуры и духовности. Только один из этих критериев, как видно, экономический, — остальные гуманитарные. Всех их можно отнести к нематериальным ресурсам нации и государства которые — особенно творческий потенциал — на нынешний

стадии развития человечества играют все более важную роль. Как очень точно сказал член-корреспондент РАН С. Лукьянов, «Я учился в университете в советские времена и не могу сказать, что у нас было очень серьезное финансирование, но общий настрой был такой, что вечером подходишь к университету, а окна горят — до 11 ночи сидели, увлеченно что-то делали. Это, конечно, связано с тем, что в те времена у науки был высок престиж, было ощущение, что то, что ты делаешь, кому-то нужно и важно: **правильная творческая обстановка. Как её возродить?**»

Необходимо, чтобы больше талантливых молодых людей были заинтересованы в том, чтобы остаться в университете преподавать и заниматься ручной работой. Увы, сейчас нельзя сказать, сколько будет получать этот преподаватель, сможет ли вуз обеспечить его оборудованием и интересной работой»⁸⁴.

Что характерно, эти же критерии определяют статус университетов. Подобное совпадение, как представляется, не случайно. Можно сказать, что университет становится в современном обществе моделью, интегральной минихарактеристикой состояния экономики и общества развитого государства. Не случайно и то, что различные рейтинги государств коррелируются с рейтингами их университетов. Так, в континентальной Европе одним из ведущих кластеров в области научных исследований и инноваций, является Женева, которая стала узловым центром, своего рода хабом для студентов всего мира. Этим объясняется то, что «город привлек большое количество компаний, стремящихся к прочному взаимодействию и сотрудничеству с ведущими научно-исследовательскими институтами»⁸⁵.

Это, в частности, объясняется тем, что одним из важнейших критериев человеческого капитала является качество образования, которое предопределяется позициями ведущих национальных университетов на международном уровне. Высокие места в наиболее популярных мировых рейтингах, таким образом, становятся своеобразной визитной карточкой не только государств, но и для любого университета, поскольку они характеризуют лидерство страны, а также на них ориентируется все больше абитуриентов и инвесторов как внутри страны, так и за рубежом, т. е. привлекательность. Аналогичным образом и позиция ведущих национальных университетов не только на мировом рынке образовательных услуг, но и в политике, науке, уровне развития технологии, влияет на положение государства в современном мире.

Отсюда объективная оценка позиции, как государства, так и его университетов крайне важна, ибо она дает представление не только о состоянии образования в стране, но и в более широком контексте — о национальной экономике и качестве политической системы, а в целом — о состоянии национальной безопасности. Роль университетов в этом не просто большая, а решающая. И эта роль стремительно возрастает. Как точно заметил российский ученый С. Магарил, «мы несем ответственность за то, какую

элиту продуцируют российские университеты»⁸⁶. Действительно, качество национальной элиты и общества во многом сегодня определяется качеством университетов, чьи выпускники становятся костяком формирующегося креативного класса страны. И, что немаловажно, эти выпускники все чаще становятся активной движущей силой социального развития, а нередко, и социальных революций. Так, выпускники университетов сыграли важнейшую роль в событиях «арабской весны» 2011 года, но они же стали и основной частью протестных выступлений в России 2011–2012 годов. Причем, по оценкам социологов, в Москве они стали главной движущей силой протестных настроений.

На мой взгляд, протесты 2011–2012 годов ясно делятся на две группы: протесты радиальной оппозиции западников — либералов, которые составляют меньшинство участников. И протесты граждан, которые недовольны современным нравственным состоянием общества, его деградацией, «испарения» в нем морали»⁸⁷. Университеты в этих процессах играют ключевую роль. Они не только формируют костяк будущего креативного класса, но и закладывают нравственные основы его выпускников. Что, естественно, непосредственно влияет на все развитие общества.

Эта социальная функция российских университетов явно недооценивается. Развитие университетов во многом будет усиливать это социальное и нравственное влияние, возможно, соизмеряемое уже в ближайшем будущем со значением в первой половине XX века промышленного (организованного) пролетариата.

Поэтому проблема мировых критериев государств и университетов и их рейтингования выходит далеко за пределы собственно проблемы оценки качества университетов, их рейтингов или даже национального образования. Можно сказать, что сегодня рейтинг университета во многом отражает рейтинг страны, ее способность влиять на мировые процессы. Во втором десятилетии XXI века стало очевидно, что страна, обладающая наибольшим национальным человеческим капиталом обладает и наибольшей конкурентоспособностью. Также очевидным стало и то, что влияние той или иной страны в мире определяется уже не только и не столько финансово-экономической или военной мощью, но и ее позициями и способностью влиять на культуру, науку и образование. Примечательно, что В. Путин впервые обратил на эту особенность внимание в феврале 2012 года накануне президентских выборов. «Для России, — сказал он, — существует возможность не только сохранить свою культуру, но и использовать ее как мощный фактор продвижения на глобальных рынках»⁸⁸.

Особенное значение такое влияние приобретает в связи с процессами евразийской интеграции, активизированными осенью 2011 года. Подготовка элит — обязательное условие интеграции на постсоветском пространстве.

Табл. 11. Характеристика ведущих исследовательских университетов России⁸⁹

Название	сокращенное название	публикации 2009–2010	штатные преподаватели	штатные профессора	общая численность ППС и НТР	из них с ученой степеню	публикации / штатные профессора	публикации / общая численность ППС и НТР	соавторы ключевая страна	соавторы ключевая организация
Новосибирский национальный исследовательский университет	НГУ	1023	432	35	515	248	29,23	1,986	Германия 82	РАН 559
Национальный исследовательский университет МФТИ	МФТИ	552	524	64	659	358	8,63	0,838	США 48	РАН 216
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	МГУ	7164	5185	1044	11 760		6,86	0,609	Германия 763	РАН 1551
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»	МИФИ	539	931	129	2034	1139	4,18	0,265	Германия 134	Ohio State University 88
Санкт-Петербургский государственный университет	СПбГУ	1910	4136	634			3,01		Германия 302	РАН 325
Национальный исследовательский технологический университет МИСиС	МИСиС	287	592	111	1266	1171	2,59	0,227	Германия 22	РАН 47
Южный федеральный университет	ЮФУ	516	2076	203	3920	2445	2,54	0,132	Франция 25	РАН 139
Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики	ИТМО	221	667	87	1028	513	2,54	0,215	Германия 7	РАН\ ГОИ =15
Томский национальный исследовательский университет	ТГУ	381	1199	159	1940	1122	2,4	0,196	Германия 18	РАН 102
Сибирский федеральный университет	СФУ	354	2439	158	2970	1559	2,24	0,119	США 24	РАН 172
Саратовский национальный исследовательский университет им. Н. Г. Чернышевского	Сара- товский ГУ	358	1242	161	1501	1157	2,22	0,239	Германия 24	РАН 72
Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского	ННГУ	298	1261	146	1747	1070	2,04	0,171	Германия 13	РАН 97
Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова	РГМУ	363	1372	190			1,91		США 26	РАМН 22
Пермский национальный исследовательский университет	ПермГУ	156	884	83	971	569	1,88	0,161	Франция 11	РАН 62

окончание табл.

Название	сокращенное название	публикации 2009–2010	штатные преподаватели	штатные профессора	общая численность ППС и НТР	из них с ученой степенью	публикации / штатные профессора	публикации / общая численность ППС и НТР	соавторы ключевая страна	соавторы ключевая организация
Белгородский национальный исследовательский университет	БелГУ	131	1201	88	1473	923	1,49	0,089	Украина 16	РАН 15
Казанский национальный исследовательский технологический университет	КНИТУ	185	1134	137	1725	1009	1,35	0,107	Германия 6	РАН 54

...

Пояснение

Число публикаций всех типов с аффилиацией вуза в базе Web of Science (все индексы), опубликованных в 2009–2010 годах. Поисковые запросы для построения выборок статей по вузам приведены ниже. Поиск проводился в октябре–ноябре 2011 года.

Численность штатных преподавателей в 2010 году. Источник: Федеральный образовательный портал edu.ru.

Численность штатных профессоров в 2010 году. Источник: Федеральный образовательный портал edu.ru.

Численность профессорско-преподавательского состава, научных и научно-технических работников. Источник: «Научный потенциал вузов и научных организаций Минобрнауки России», ЛЭТИ, 2010. В статсборнике представлены только данные по вузам, находящимся в ведении Минобрнауки. Данные по МГУ взяты с официального сайта университета.

Страна, с представителями которой у данного вуза больше всего совместных публикаций в 2009–2010 годах, и число таких публикаций.

Организация, с представителями которой у данного вуза больше всего совместных публикаций в 2009–2010 годах, и число таких публикаций. Приведена минимальная оценка (реальные данные могут быть выше из-за того, что различные варианты написания названий одной организации трактуются Web of Science как отдельные различные организации).

Тематическая область (Subject Area) Web of Science, которой соответствует наибольшее число публикаций данного вуза в 2009–2010 годах, и процент таких публикаций.

И университеты могут сыграть в этом решающую роль. Пока что существует тенденция оттока студентов из СНГ в Европу и другие страны.

Не случайно на Западе, прежде всего в Англии, США, а также Китае рейтингованию университетов уделяется очень много внимания: ведущие издания проводят дорогостоящие исследования и публикуют их результаты в ведущих СМИ. Так, в октябре 2009 года издание «Times Higher Education» опубликовало рейтинг 200 ведущих университетов мира, а в феврале 2010 года журнал «US News and World Report» расширил этот рейтинг до 400 ведущих мировых университетов. Составители этих рейтингов не скрывают цели такой работы. По мнению «US News and World Report», «расширенные списки наглядным образом демонстрируют хорошие позиции американских учебных заведений в сравнении с вузами других стран. Так, среди лучших 400 университетов (в мире) 62% составляют вузы семи стран»:

- США — 87 университетов (22%);
- Великобритания — 47 университетов (12%);
- Германия — 32 университета (8%);
- Австралия — 22 университета (6%);
- Япония — 19 университетов (5%);

Канада — 19 университетов (5%);

Франция — 17 университетов (4%)⁹⁰

Авторы рейтинга откровенно признают, что «... американская модель высшего образования сегодня копируется университетами и системами высшего образования во многих других странах...»⁹¹. На самом деле, речь идет не только об американской модели образования, но и американской модели организации науки, экономики и общественно-политической жизни, а в целом о лидерстве «американского образа жизни».

Мы, в России, оказались перед принципиально новыми для нас проблемами адекватной оценки страны и общества, которые проявляются в рейтинговании национальных университетов уже на международном уровне.

Собственные оценки (которые и прежде имели для нас неоднозначное значение) перестали выполнять свою функцию. Мы должны либо согласиться с методикой рейтингования, разработанной за рубежом и перестроить в соответствии с ее требованиями свою высшую школу, либо разработать свою методику, которая стала бы авторитетной для мирового образовательного сообщества. Этот выбор необходимо сделать в короткие сроки, ибо результаты

можно будет ожидать лишь через 3–5 лет. Так, рейтинг «Times» и «US News and World Report», например, основывается преимущественно на опросах, проводимых за последние 3 года.

Следует отметить и такой феномен — «конкуренцию» университетам-лидерам начинают составлять отдельные известные ученые, которые читают свои курсы лекций в интернете. Так, известный немецкий ученый из Стэнфорда С. Трун начал читать курс, на который «записались» 160 тыс. студентов (осталось, правда, 28 тыс.). Как считают некоторые специалисты, «...какое будущее уготовано вузам, если мир станет одним большим университетским городком? Конкуренция между ними усилится: студенты смогут делать свой выбор независимо от времени и пространства. Элитарным американским университетам придется доказывать, что они и правда достигают превосходных успехов, как в исследовательской, так и в образовательной сфере, а не только пользуются возможностью выбирать лучших из большого количества сильных абитуриентов»⁹².

Необходимо отметить, что прошли времена, когда российская наука и образование, хотя и серьезно пострадали, но всего лишь сохранились. Сегодня перед ними стоят задачи обеспечить наукоемкую, инновационную экономику лучшими кадрами, а общество — гражданами, обладающими высоким качеством человеческого потенциала. В условиях, когда потребности образования и, особенно, науки в университетах по большому счету нередко игнорируются.

Добавлю, что и в условиях растущего социального расслоения в 2000–2012 годы⁹³.

Как видно из этих данных (табл. 12), проблема расслоения стоит крайне остро, в т. ч. и для университетского образования.

Поэтому российским университетам, всей высшей школе, необходимо не только ускорено развиваться, но и настойчиво фиксировать свои позиции на мировом конкурентоспособном уровне, в том числе и с помощью авторитетных рейтингов. К сожалению, сегодня это не так. Простой пример — пока что менее 10 российских университетов вошли в мировой рейтинг лучших 500, причем только МГУ — в первую сотню, а в 2011 году опустился еще ниже. Такое восприятие российских университетов, а в целом — нашей страны, на мой взгляд, не отражает реальности.

Этому способствует не вполне адекватное восприятие российской элиты. Сегодня существует, как минимум, две весьма спорные точки зрения в российской элите и образовательном сообществе о месте российского образования вообще и университетов, в частности. Не секрет, что многие, в том числе и во властной элите, считают, что российское высшее образование перестало быть конкурентоспособным. Иногда даже говорят о необходимости его принципиальной замены некими новыми структурами, будто бы доказавшими свою эффективность. И в качестве примера приводятся именно относительно низкие рейтинги, занимаемые российскими университетами в мировом «табели о рангах». В том числе речь идет, например, и о МГИМО(У). Не случайно рейтинги университетов и образования «совпадают» с общероссийскими, в особенности в тех областях, где речь идет об общественном устройстве и качестве госу-

Табл. 12. Регионы с максимальным расслоением населения по доходам
(на уровне Замбии, Нигерии, Зимбабве и Венесуэлы)

Регион	Индекс Робин Гуда, %
Москва	36,2
Самарская обл.	32,4
Тюменская обл.	32,1
Ненецкий АО	32
Санкт-Петербург	32
Свердловская обл.	31
Пермский край	31
Ямало-Ненецкий АО	31
Башкортостан	30,8
Республика Коми	30,7
Красноярский край	30,7
Ханты-Мансийский АО	30,5
Сахалинская обл.	30
Краснодарский край	29,8
Татарстан	29,9
Россия в среднем	30,2

дарственного управления. Так, по общему «рейтингу счастья» Россия занимает 57 место, по экономическим показателям — 34-е место, по уровню жизни — 82-е⁹⁴, а по уровню коррупции — на 147 месте из 180⁹⁵. Большое значение имеют инвестиционные рейтинги. Так, кризис 2008 года привел к тому, что впервые за 10 лет кредитные рейтинги России по итогам развития за этот год сократились. Агентство Standard & Poor's (S&P) понизило сразу несколько

оценок. Долгосрочный и краткосрочный кредитные рейтинги по обязательствам в иностранной валюте понижены с BBB+/A-2 до BBB/A-3. Кроме этого, уменьшен долгосрочный кредитный рейтинг по обязательствам в национальной валюте — с A- до BBB+ (краткосрочный рейтинг подтвержден на уровне A-2). Понижена также оценка риска перевода и конвертации валюты для российских несuverенных заемщиков — с BBB+ до BBB⁹⁶.

5. Рейтинги как механизм манипуляции

МГИМО — участник пятерки лучших общественно-научных университетов и университетских исследовательских центров стран СНГ и Центрально-Восточной Европы⁹⁷.
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Конфликты возникают там, где способ служения и личные амбиции становятся важнее цели⁹⁸.
В. Назаров,
экономист

Ректор МГИМО(У) А. Торкунов не случайно сформулировал стратегическую задачу сохранить университет в числе пяти лучших исследовательских университетов Восточной Европы и СНГ. Сегодня рейтинги формируют уже не просто представление о стране, университете, корпорации, они задают изначально их перспективу, а, может быть, и будущее.

Существует бесчисленное количество рейтингов, которые готовятся с разной добросовестностью, по разным методикам и посвящены разным объектам исследования. В XXI веке рейтинги стали непосредственно влиять на политику государств, их мировую конкурентоспособность, взаимоотношения политиков и общества, бизнеса и много другого. Рейтинги в России и для России — тема специальной работы, но для нас сегодня принципиально важно:

- показать, что между рейтингами страны и ведущих университетов существует непосредственная связь и зависимость;
- у России сохранился интеллектуальный и общественный ресурс в виде ведущих гуманитарных университетов;
- что такие университеты способны в полной мере обеспечить национальную элиту собственными исследованиями и идеями;
- такие университеты в состоянии в полной мере участвовать и реализовывать национальную идеологию и стратегию;
- наконец, рейтинги российских гуманитарных университетов сознательно искажаются, чтобы не только снизить их конкурентоспособность, но и показать отсталость социальных и гумани-

тарных наук, их неспособность обеспечить элиту новыми качественными идеями.

Между тем есть серьезные аргументы против подобной точки зрения, которые я попытаюсь сформулировать. Для начала попробую сравнить, например, МГИМО(У) с двумя «безусловными» лидерами мировых университетских рейтингов — Принстонским и Гарвардским университетами, — стабильно занимающими 1–3 места в мировых рейтингах. На мой взгляд, было бы полезно, чтобы ведущие российские университеты также проделали эту работу. Выбор МГИМО(У) объясняется тем, что для меня доступна реальная информация об университете. Кроме того, объективно эти три университета, как оказалось, выглядят вполне сопоставимо.

Понятно, что критерии для сравнения нередко выбираются западными экспертами произвольно. Но еще хуже, что эти критерии очевидно субъективны и не отражают ни специфики университетов, ни национальных особенностей образования. Так, например, решающее значение для «Times» и «US News and World Report» имеют опросы академического сообщества и работодателей (более 60% окончательного результата). Однако любой социолог подтвердит, что результаты таких опросов во многом предопределены тем, к кому вы обращаетесь, а также тем, в какой области работает опрашиваемый, в каком регионе проживает, и многими другими факторами.

Сравнение трех университетов — Принстона, Гарварда и МГИМО(У) возможно и (при всех условностях) даже необходимо. Прежде всего, потому, что по своей численности и элитарности они вполне сопоставимы, как и по своему влиянию на

формирование национальной элиты и уровню гуманитарного знания в стране. Конечно, у них есть и два принципиальных различия: история американских университетов насчитывает сотни лет, а, например, МГИМО(У) — 65 лет. Да и по масштабам финансирования разрыв между ними отличается в сотни раз. Однако если внимательно посмотреть на отдельные показатели по трем университетам, то между данными американскими университетами и МГИМО(У) можно увидеть не только огромные различия, но и схожие черты (см. сводную таблицу основных рейтинговых показателей для университетов).

Как видно из этих сравнений (табл. 13), по основным критериям МГИМО(У) вполне сопоставим с двумя мировыми лидерами в университетских рейтингах. Более того, по некоторым критериям их даже опережает. Но, главное, на мой взгляд, это то, что многие важнейшие критерии просто не учитываются.

Также, можно констатировать, что, несмотря на значительно более низкую плату за обучение (в 5–6 раз), расходы на науку (сотни раз!) и расходы

университетов в целом (почти в сто раз), качество образования в МГИМО(У) не уступает качеству образования в Принстонском и Гарвардском университетах, то есть по критерию «стоимость — эффективность» МГИМО(У) опережает американские университеты.

О лидерстве МГИМО(У) свидетельствует, например, то, что доля выпускников МГИМО в элите страны вполне сопоставима с долей выпускников американских университетов. В российском рейтинге вузов, составленном НРА РейтОП по количеству выпускников, отнесенных к элите государственного управления и получивших в этих вузах свое первое высшее образование, МГИМО(У) находится на третьем месте (30 выпускников), уступая только СПбГУ (55 выпускников) и МГУ (91 выпускник)⁹⁹. МГИМО(У) занимает также первое место по количеству выпускников (российских и иностранных граждан), работающих в системе ООН, ЮНЕСКО и других международных организациях, в том числе на руководящих должностях.

Табл. 13. Сводная таблица основных рейтинговых критериев для университетов

№	Показатели	Принстонский университет, США	Гарвардский университет, США	МГИМО(У), Россия
1.	Соотношение преподавателей и студентов	5 : 1	7 : 1	4,8 : 1
2.	Количество студентов, бакалавров и магистрантов (тыс. чел.)	4,9 — бакалавры 2,0 — магистры	6,7 — бакалавры 12,5 — магистры	4,0 — бакалавры 2,0 — специалисты и магистры
3.	Количество аспирантов (тыс. чел.)	1,9	13,0	0,5
4.	Количество специальностей	34	45	11
5.	Конкурс при поступлении	1 : 9,6	1 : 13	1 : 9
6.	Объем эндаумента (млрд долл.)	16,0	34,9	0,03
7.	Количество печатных работ (тыс. ед. в год)	2,3	~ 10,0	~1,0
8.	Доля иностранных студентов (%)	20%	20 %	~20%
9.	Количество изучаемых официальных языков	17	40	53
10.	Годовые расходы (млрд. долл.)	—	3,0	0,05
11.	Стоимость обучения (тыс. долл.)	47,4	43,6	7,0–10,0
12.	Расходы на науку (млн долл.)	140,0	более 600	~1,0
13.	Место в рейтинге веб-сайтов вузов (данные «Вебометрикс» — январь 2010 г.), в т. ч.:			
	В мире (World Rank) –	40	1	1456
	В регионе (Continent Rank) –	37	1	74
	(1) Размер сайта, общее число страниц на сайте (Size)	74	2	1444
	(2) Число гипертекстовых ссылок на сайт с других ресурсов, преимущественно академических (Visibility)	25	3	1926
	(3) Число размещенных на веб-сайте файлов для скачивания в форматах .pdf (Adobe Acrobat PDF), .ps (Adobe Postscript), .doc (MS Word) и .ppt (MS PowerPoint) (Rich files)	66	20	2101
	(4) Количество размещенных на сайте научных публикаций преподавателей и сотрудников вуза и ссылок на публикации (Scholar)	136	1	903

Табл. 14. МГИМО(У) в рейтинге «Глобальные востребованные экспертные центры»

Место в рейтинге	Топ мировых экспертных центров	Топ-30 экспертных центров в Центральной и Восточной Европе	Лучшие экспертные центры на базе университетов	Топ мировых экспертных центров, оказывающих наибольшее влияние на государственную политику	Топ мировых экспертных центров по безопасности и международным отношениям
1.	Брукингский институт (США)	Московский центр Карнеги	Центр Белфера по науке и международным отношениям (Гарвардский университет)	Международная амнистия (Великобритания)	Центр стратегических и международных исследований (США)
2.	Королевский институт международных отношений (Великобритания)	Польский институт по международным отношениям	Гуверовский институт (Стэнфордский университет)	Брукингский институт (США)	Брукингский институт (США)
3.	Центр Карнеги (США)	Центр социальных и экономических исследований (Польша)	Центр по международному развитию (Гарвардский университет)	Human Rights Watch (Великобритания)	Совет по международным отношениям (США)
4.	Совет по международным отношениям (США)	МГИМО (У)	IDEAS, группа по государственной политике (Лондонская школа экономики)	Transparency International (Германия)	Центр Карнеги (США)
5.	Центр стратегических и международных исследований (США)	ИМЭМО РАН	Институт Земли (Колумбийский университет)	Корпорация РАНД (США)	Королевский институт международных отношений (Великобритания)
18.	СИПРИ (Швеция)	Адриатический институт государственной политики (Хорватия)	МГИМО(У)	Центр для Американского прогресса (США)	Институт ЕС исследований безопасности (Франция)
27.	Fundazro Getulio Vargas (Бразилия)	Словацкая внешнеполитическая ассоциация	Центр по стратегическим и оборонным исследованиям (Австралийский национальный университет)	МГИМО (У)	Центр стратегических и международных исследований (Индонезия)
48.	—	—	—	Организация общественно-научных исследований Восточной и Южной Африки (Эфиопия)	МГИМО(У)

Особое значение роль МГИМО(У) в социогуманитарных исследованиях, получившая признание не только в стране, но и за рубежом¹⁰⁰.

Московский государственный институт международных отношений (университет) получил признание в качестве одного из ведущих международных научно-исследовательских центров в рейтинге «Глобальные востребованные экспертные центры» (The Global Go To Think Tanks) за 2011 год. Этот рейтинг составляется ежегодно с 2006 года под руководством директора программы «Аналитические центры и гражданское общество» Пенсильванского университета Джеймса Макгана (James McGann).

Сама эта форма организации исследовательского и экспертного сообщества — мозговые тресты (центры) — зародилась в самом начале XX века в США. Недаром Ричард Н. Хаасс, директор отдела политического планирования Государственного департа-

мента США (Director of Policy and Planning at the State Department) заявлял в 2003 году: мозговые центры — чисто американский феномен. В большинстве других стран мира роль подобных институтов не столь значительна. И с этим вроде бы трудно поспорить. Но вот статистика за прошлый год в очередной раз опровергает это мнение.

Презентация рейтинга «Глобальные востребованные экспертные центры» за 2011 год прошла в три этапа: 18 января с. г. — в ООН, в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне; на Всемирном экономическом форуме в Давосе 25 января и на саммите Африканского союза 29 января.

Методология рейтинга основана на опросе 1,5 тыс. международных экспертов из 120 стран мира, которым необходимо было оценить 6545 экспертно-аналитических центров из 182 стран. Критерии оценки — способность привлекать и использовать человеческие и материальные ресурсы, количество

и качество выпускаемого экспертно-аналитического продукта, наконец, влияние, оказываемое на формирование внутренней и внешней политики в своих государствах. В результате экспертизы из 6545 было отобрано и проранжировано по 30 различным номинациям 5329 экспертных центров.

Первое место в данном рейтинге уже второй год подряд занимает Брукингский институт, а среди неамериканских центров лучшим признан Королевский институт по международным отношениям (Chatham House), Великобритания.

МГИМО(У) вошел в рейтинг по четырем номинациям:

- топ-30 экспертных центров в Центральной и Восточной Европе;
- топ мировых экспертных центров по безопасности и международным отношениям;
- топ мировых экспертных центров, оказывающих наибольшее влияние на государственную политику;
- лучшие экспертные центры на базе университетов.

По сравнению с прошлым годом МГИМО(У) упрочил свою позицию в номинации «Ведущие аналитические центры Центральной и Восточной Европы», поднявшись с восьмой на четвертую строку. Среди российских центров, представленных в данной номинации, МГИМО(У) обошел Институт мировой экономики и международных отношений (5-е место), Центр экономических и финансовых исследований и разработок (9-е место), Институт США и Канады (16-е место), Совет по внешней и оборонной политике (25-е место) и Независимый институт социальной политики (30-е место), уступив только Московскому центру Карнеги.

Среди «лучших экспертных центров на базе университетов»

МГИМО(У) удерживает 18-ю позицию, как и в прошлом году. Кстати, в этой номинации МГИМО(У) — единственный российский центр.

Важно отметить, что в 2012 году МГИМО(У) дебютировал в двух номинациях. В рейтинге «Мировые аналитические центры, оказавшие наибольшее влияние на государственную политику».

Подробнее: URL: http://www.ng.ru/education/2012-03-06/8_experts.html

МГИМО(У) занял 27-е место, обойдя Совет по внешней и оборонной политике (33-е место). А в номинации «Топ мировых экспертных центров по безопасности и международным отношениям» университет занял 48-е место, став единственным российским центром в данной категории.

Важно также и то, что преподаватели и студенты МГИМО(У) регулярно занимают первые места среди победителей различных международных и российских конкурсов. Причем не только по языковым и страноведческим дисциплинам, но и математике, праву, экономике. Так, например, в 2009 году лучшей

книгой в области гуманитарных наук в номинации «Философия» стала книга профессора МГИМО(У) В. Соловей «Несостоявшаяся революция».

Студенты МГИМО(У) становились только в последние месяцы абсолютными победителями в:

- олимпиаде по персидскому языку;
- конкурсе по международному праву им. Ф. Джексона;
- международной деловой игре на базе использования корпоративной информационной системе SAP (где в финал вышли только две европейские команды, причем обе — из МГИМО(У));
- налоговом конкурсе, проводимом компанией KPMG;
- международном конкурсе «Золотой резерв Нефтегаза»;
- всероссийской олимпиаде по корейскому языку;
- международном конкурсе по китайскому языку;
- олимпиаде переводчиков ABBYY Lingvo;
- 4-й межвузовской олимпиаде по арабскому языку
- всероссийского правового конкурса «Правовая Россия»;
- международного конкурса ученых-монголоведов.

При этом и в социальной жизни, и в области физкультуры корпоративный дух МГИМО(У) доказывал высокое качество студентов, которые становились лучшими среди команд КВН, стрейт-волейболистов, самбистов, стрелков, пловцов, волейболистов, фотохудожников и т. д. и т. п. Но ведь подобные результаты свидетельствуют о таких ценных качествах студентов, как способность к лидерству, творчеству, самостоятельному принятию решений. Эти качества становятся главными критериями в оценке качества человеческого потенциала в современном мире.

О высоком статусе выпускников свидетельствует и то, что среди них немало руководителей государств, правительств, министерств, более 500 Чрезвычайных и Полномочных Послов России, 20 действительных членов и членов-корреспондентов РАН, в том числе ректор МГИМО(У) А. Торкунов, который был признан «Персоной года 2009» в российском образовании.

А учитывая тот факт, что в МГУ общее количество студентов, и, следовательно, выпускников, в несколько десятков раз больше, чем в МГИМО, можно утверждать, что это очень и очень высокий результат.

Если к этому добавить, что выпускники МГИМО(У) стабильно занимают первое место по уровню зарплаты после окончания университета среди других выпускников вузов, то можно констатировать, что не только на государственной службе, но и на рынке труда качество образования в нашем университете ценится очень высоко. Более того, многие ведущие корпорации России, как, например, ГК «Ростехнологии», НК «Роснефть», «Ильюшин Финанс Ко.», ОАО «Газпром» и др. заключили договоры о целевой подготовке специалистов и магистров.

Другое обстоятельство. По итогам последнего рейтинга аналитических центров Центральной

и Восточной Европы, подготовленного для ООН, МГИМО(У) занимает восьмое место в тридцатке лучших аналитических центров (причем первое место среди учебных заведений), опережая такие авторитетные институты РАН как: Институт мировой экономики и международных отношений (12-е место), Институт США и Канады (16-е место) и Фонд ИНДЕМ (29)¹⁰¹.

Наконец, по результатам исследования, проведенного к началу нового учебного года исследовательским агентством Quacquarelli Symonds (QS) — признанным авторитетом в области оценки качественных показателей развития университетов по всему миру, МГИМО добился поразительного результата, всего за год улучшив свой рейтинг более чем на 200 позиций в 2011 году. В рейтинге 2011 года университет занял 389 место с результатом 30 зачётных баллов. По признанию специалистов QS, МГИМО продемонстрировал наиболее впечатляющий и стремительный рост среди всех европейских вузов. Следует также отметить, что успешное продвижение МГИМО в рейтинге QS заметно выделяется среди результатов остальных российских Вузов — все они не смогли не только улучшить свои позиции, но и сохранить места, занятые в 2010 году¹⁰².

Это, естественно, положительно сказывается и на популярности университета. По рейтингу Google, МГИМО(У) находится на 2-м месте (после МГУ) среди всех университетов страны по количеству запросов по вузам, отправленных в систему¹⁰³. Уместно напомнить и тот факт, что более 10% всех победителей общероссийских олимпиад ежегодно становятся студентами университета. Этот показатель — один из ярких примеров не только качества поступающих в МГИМО(У) абитуриентов, но и его популярности среди лучших выпускников школ.

Наконец, МГИМО(У) выступает по некоторым критериям вообще как уникальный университет, не имеющий аналогов. В феврале 2010 г. он был внесен в «Книгу рекордов Гиннеса» по количеству изучаемых государственных иностранных языков среди ведущих мировых вузов — 53 языка¹⁰⁴. Аналогичное место МГИМО(У) занимает и по страноведению и регионоведению, а также международному праву.

Важно подчеркнуть, что по другим дисциплинам МГИМО(У) также входит в число ведущих университетов России. Так, МГИМО(У) занял четвертое место в рейтинге лучших юридических ВУЗов России с оценкой в 75 баллов из 100 возможных. Первые три строчки рейтинга достались соответственно МГУ им. Ломоносова (100 баллов), СПбГУ (82 балла) и Московской государственной юридической академии (76 баллов)¹⁰⁵.

Лидирует МГИМО(У) и по рейтингам, составленным независимыми организациями. Так, благотворительный фонд В. Потанина составил ежегодный собственный комплексный рейтинг ведущих российских вузов по итогам Федеральной стипендиальной программы в 2008/09 учебном году. Его особенность

состоит в том, что в качестве критериев оценки вузов берутся интеллектуальный и личностный потенциал студентов-отличников и профессиональный уровень лучших молодых преподавателей. Конкурсные состязания проводились в течение учебного года по одним и тем же методикам, что позволило сравнить студентов и преподавателей из разных вузов. Высшие позиции рейтинга заняли: 1) Новосибирский государственный университет; 2) Воронежский государственный университет; 3) МГИМО (Университет) МИД России; 4) МГУ им. М. В. Ломоносова; 5) Московский физико-технический (государственный университет)¹⁰⁶.

Другой пример. В 2007–2008 гг. Женевский университет международных исследований составил свой рейтинг ведущих центров по подготовке политических деятелей современности. МГИМО(У) занял в этом рейтинге место в первой четверке (наряду с Йельским, Гарвардским и др.) и первое место в России.

Высокий статус МГИМО(У) в мировой образовательной системе поддерживается прежде всего высоким уровнем профессиональной квалификации ППС и развития международной деятельности. Так, по оценкам НРА «РейтОР», МГИМО(У) находится на втором месте среди российских вузов в рейтинге ведущих университетов мира по такому ключевому критерию, как «международная деятельность», уступая в этом блоке лишь РУДН¹⁰⁷.

Между тем в 2010 году британская «Times» вновь опубликовала рейтинг ведущих университетов мира, где мы снова не видим российских университетов, в том числе и МГИМО(У)¹⁰⁸. Ответ вполне понятен и прост: в основу рейтинга «Times» положен главный критерий — индекс цитируемости, который прямо зависит не от того, сколько работ публикуется и какого они качества, а от того, сколько из них переведено на иностранные языки (прежде всего английский) и сколько из них напечатано в зарубежных англоязычных изданиях. Вывод очевиден: рейтинг субъективен. Хотя бы потому, что гуманитарные знания, предлагаемые на русском языке, не очень востребованы на Западе.

В качестве иллюстрации приведу еще пример рейтинга 430 ведущих университетов мира по версии НРА «Рейтор», в котором МГИМО(У) оказался на 281 месте. Что удивительно, самые низкие оценки МГИМО(У) получил по таким показателям как научно-исследовательская деятельность (423) и качество профессорско-преподавательского состава (380)¹⁰⁹. При составлении рейтинга в основу этих показателей были положены такие критерии, как (1) число свидетельств об открытиях и патентов на изобретения; (2) число профессоров (докторов), являющихся нобелевскими лауреатами, лауреатами медали Филдса и т. д.; (3) общее число публикаций ППС; (4) средний индекс цитируемости публикаций одного преподавателя университета зарубежными авторами; (5) доля ППС, имеющих ученые степени.

Очевидно, что первые два критерия пригодны для сравнения университетов, имеющих естественно-научные факультеты и кафедры, а следующие два, как уже говорилось, — зависят от количества переводных статей, т. е. данные критерии непригодны для сравнения гуманитарных университетов, где преподавание ведется в основном на национальных языках.

Существует также российская система подсчета показателей и рейтингов научной цитируемости — Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)¹¹⁰. С недавних пор, чтобы журнал был признан ВАКовским, необходимо включение его в систему РИНЦ. На сегодняшний день МГИМО(У) занимает в рейтинге РИНЦ всего лишь 125 место с 683 научными статьями в реферируемых журналах и 172 цитированиями на них¹¹¹. На это существуют объективные и субъективные причины. Объективные причины — авторы не указывают свою принадлежность к своей организации. В результате при подсчете показателей автор или его/ее статья не учитывается. Субъективные причины — недоработки системы РИНЦ. Необходимо осознать, что, во-первых, неизбежно придется переводить статьи российских авторов на английский язык, и, во-вторых, публиковать их в англоязычных изданиях (своих и зарубежных).

Помимо этого, необходимо отметить также, что слабым звеном российских университетов, в том числе МГИМО(У), считается скромное в сравнении с мировыми лидерами представление университета в глобальной сети интернет: МГИМО(У) находится лишь во второй тысячи в рейтинге «Вебметрикс» (см. таблицу). В последнее время значение этого показателя играет все более существенную роль, учитывая рост популярности мировых рейтингов университетов, формируемых на основе анализа их веб-сайтов. В отличие от других показателей, отражающих отдельные характеристики университета, оценка веб-сайта дает наиболее полное и объективное представление о ВУЗе, поскольку, кроме научной и педагогической работы, на сайте отражены и другие направления деятельности как преподавателей, так и студентов.

Относительно портала МГИМО(У), занимающего более, чем скромное место в международном рейтинге, могу сказать следующее.

1. Совершенно очевидно, что сайты трех сравниваемых университетов несопоставимы:
 - по количеству денег, потраченных на их разработку и расходуемых на поддержку;
 - по количеству специалистов и волонтеров, участвующих в создании технической инфраструктуры и наполнении контентом;
 - по технологической базе и используемым технологиям.
2. Число ссылок на сайт с других ресурсов — показатель, аналогичный количеству цитирования научных статей ученого.

Плоская цифра менее информативна, чем та методика оценки, которую применяют поисковые машины (google.com, yandex.ru).

При рейтинговании страниц Интернета они учитывают не просто количество ссылок на данный сайт со всех остальных сайтов скопом, а с учетом веса ссылающихся страниц. Таким образом достигается большая точность измерения влиятельности интернет-ресурса.

Не берусь сказать, как изменится разница между тремя университетами, при пересчете по этой методике.

3. Количественные показатели размера сайта и его составляющих, сдерживаются у нас тремя группами причин:

- технологическими (лечится просто финансовыми инъекциями);
- человеческими/психологическими (лечится налаженной работой с персоналом — обучением, пропагандой, мотивацией);
- юридическими/бюрократическими.

При всем этом могу отметить, что портал МГИМО(У) один из лучших среди российских университетских интернет-ресурсов. На мой взгляд, по основным критериям он четко входит в первую тройку. Его посещаемость (более 10 тыс в день), цитируемость и другие характеристики отражают то общее состояние развития информационных технологий, которое существует в современной России. Думается, что если бы затраты на его развитие были бы хотя бы в 10 раз меньше (а не в 100), чем в Гарварде, то он стал бы вполне сопоставим с порталами американских университетов. Более того, принятая университетом программа долгосрочного развития информационных технологий, включая и сеть сайтов, как ожидается, даст результат даже при этих скромных ресурсах.

А теперь несколько предварительных выводов, не претендующих ни в коей мере на окончательный вердикт.

Первое. Существующая система высшего образования, представленная лучшими российскими университетами (речь идет, конечно же, не только о МГИМО(У)), вполне конкурентоспособна в сравнении с лучшими мировыми университетами. Более этого, с точки зрения критерия «стоимость — эффективность» она получает результаты, аналогичные результатам лучших мировых университетов, затрачивая в сотни раз меньше средств. Понятно, что недофинансирование университетской науки сказывается серьезно и является главной причиной нарастающего отставания в исследовательской области. Пример: относительно хорошо финансируемый Университет в России — МГУ — тратит порядка 30 тыс долл. на подготовку одного человека в год, МГИМО(У) — порядка 10 тыс долл. Для сравнения. Калифорнийский технологический институт — 1 млн, т. е. в 100 раз (!) больше, а Стэнфорд — 300 тыс., т. е. в 30 раз (!). Поэтому речь необходимо вести не о сломе (или замене

на искусственно создаваемые образцы — это, по сути, то же самое), а о совершенствовании российской системы высшего образования, в том числе элементарно нормальном финансировании.

Второе. Основные направления такой модернизации также очевидны. Это, коротко говоря, обеспечение нормального финансирования научно-исследовательских работ, их перевод на иностранные языки, развитие информационных и полиграфических возможностей. Эти направления ни в СССР, ни в России в последние годы практически не финансировались. Более того, они не стояли даже в системе национальных приоритетов образования. В связи с этим, инициатива президента Д. Медведева по созданию исследовательских университетов выглядит очень и очень своевременной. Именно этих целевых денег на исследования ждут лучшие российские университеты.

Третье. Превращение образовательных университетов в исследовательские университеты потребует серьезных институциональных и законодательных изменений, которые должны, во-первых, привести к переоценке приоритетов внутри образовательного сообщества, и, во-вторых, придать таким университетам больше экономической самостоятельности.

Поясню примером. За последние 20 лет общие расходы американских университетов выросли в семь раз! При этом финансирование из госбюджета или местных бюджетов осталось практически на прежнем уровне. Незначительно вырос объем частных пожертвований и плата за образование. Основной же прирост дают собственные доходы (инвестиции, собственные предприятия, продажа товаров и услуг и т. д.), то есть те статьи доходов, которые российским университетам практически запрещены. В прошлом году было разрешено создавать так называемые инновационные предприятия, но, во-первых, по этому

закону сохранилась масса ограничений, а, во-вторых, гуманитарных университетов этот закон практически не затронул.

Четвертое. Мы должны разработать и внедрить на национальном уровне **собственную систему критериев оценки эффективности университетов вообще и рейтингования, в частности.** Нам самим прежде всего необходимо знать качество наших университетов, которое во многом предопределяет темпы научно-технического и технологического развития страны. Это — объективная потребность, и в этих целях западные критерии малопригодны. В противном случае мы будем измерять протяженность собственных дорог милями, а вес — фунтами.

Наконец, **в-пятых,** мы должны понимать, что глобализации, в том числе в образовании, не избежать. Поэтому мы просто **обязаны учитывать существующие критерии и особенности в развитии лучших мировых университетов, которые существуют.** И, неизбежно, учет этих особенностей должен привести к корректировке во всей образовательной политике страны. Мы не можем игнорировать ни такие критерии, как «международные обмены», ни «интернет — аудиторию», ни «приглашение иностранных специалистов». Как и перевод и издание научных работ, а, главное, — превращение наших университетов в исследовательские центры мирового значения.

Но пока эти виды деятельности бюджетом практически не финансируются, а значит ждать весомых результатов сложно. Они отнесены в категорию «непрофильных», что, конечно же, абсолютно неверно. Поэтому — хотим мы того или нет — придется принимать непростое решение как о финансировании этих видов деятельности, так и о структурных изменениях в самих университетах.

6. Право и идеология: ложная магия Закона

Ресурсы власти — возможности, используемые субъектом власти для влияния на объект в соответствии с поставленными целями¹¹².

... идеологической базой спекулятивного капитализма стали экономические теории монетаризма¹¹³.

Ю. Лужков

«Увлечение» правом, его абсолютизация, после игнорирования в течение многих десятилетий — опасно. Ведущие политики, считающие себя прежде всего юристами, — ещё более опасны. Хотя как первое, так и второе — нынешние российские реалии, которые ведут к тому, что форма чаще заменяет содержание того или иного явления или даже политического процесса. Не говоря уже об эффективности такого важнейшего национального ресурса, как власть, когда абсолютизация права и норм

в ущерб национальным интересам означает заведомо догматическое к ней отношение. Весной 1906 года П. Столыпин, выступая в Государственной думе, так определил взаимоотношения между властью и правом: «Власть не может считаться целью. Власть — это средство для сохранения жизни, спокойствия и порядка: поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие правительства... Правительство — аппарат власти, опирающийся на законы...»¹¹⁴.

Итак, по Столыпину (с чем нельзя не согласиться), власть не цель, а политический инструмент, где правительство — «аппарат власти», опирающейся на законы». Целью же является, как уже не раз говорилось, осознанный правящей элитой (в т. ч. властью) национальный интерес. Законы и нормы — это «опора», на которую опирается (но не более того) власть и правительство. «Опора» не может быть ни целью, ни средством, хотя нередко в современной России и за рубежом, говоря о приоритете закона, имеется в виду именно это.

Несмотря на это, политическая и экономическая повестка дня в России продолжает ориентироваться на юридическую форму, в которой видят возможность решения проблем, имеющих мало общего с правом — борьбы с коррупцией, совершенствования социально-политической системы и даже модернизации. Не удивительно, что нормотворчество стало заменять собой реальную политику и стратегию, управление, а, в конечном счете, — идеологию. Не удивительно, что такой «правовой» подход раз за разом оказывается безрезультативным. «За последние четыре года столько было сказано о технологической модернизации, чтобы в качестве ее единственного заметного итога мы имели лишь одну энергосберегающую лампочку. И теперь уже очевидно, что прежде чем ставить обнадеживающие цели, нужно реформировать саму систему целеполагания и целедостижения, то есть именно то, что американские социологи называют политической системой»¹¹⁵. Где, добавлю, роль права значительно ниже, чем собственно политики.

На самом деле **правовая система** в государстве лишь оформляет и закрепляет уже существующую **политико-идеологическую систему**, т. е. она по определению **вторична**, т. е. производна от идеологии. Она может делать это **хуже**, чем идеология (точное оформление документа всегда хуже идеи: «сказанная мысль-ложь»), и всегда с **опозданием** (иногда на несколько лет, даже десятилетий), а иногда и больше. Так, «конституционное право, — считают исследователи МГИМО(У), — регулирует общественные отношения, которые образуют основу всего устройства общества и государства и непосредственно связаны с существованием государственной власти»¹¹⁶. Но сами по себе эти общественные отношения

в России еще только формируются. Что, безусловно, сказывается и на их правовом оформлении. Примеров — не счесть, но один из них — очень показателен: с 1993 года членов Совета Федерации сначала избирали, потом делегировали, потом назначали, потом назначали из представленных кандидатур.

Таким образом, если нет устойчивой политико-идеологической системы государства, то говорить о логичной, непротиворечивой правовой системе, а тем более ее абсолютизировать, по меньшей мере, наивно. Хотя именно такая ситуация и существует в современной России, когда мы бесконечно говорим о «правильных законах», не понимая, что такие законы — лишь нормативное оформление не до конца сложившихся политико-идеологических реалий и установок. Последовательность создания действительно правового государства такова:

Как видно из схемы (рис. 4, рис. 5), правовое государство — последнее звено в цепи оформления концептуальных политико-идеологических идей, а отнюдь не начало процесса. Когда же, как в современной России, «правовой менталитет» диктует процесс принятия решений, то получается, что не до конца продуманные идеи, концепции и стратегии оформляются в нормативные и законодательные формы. Что приводит, с одной стороны, к их несоответствию объективным потребностям общества, а, с другой — к бесконечным поправкам и изменениям в законодательстве. Что можно также показать на схеме, иллюстрирующей процесс принятия решений в государстве.

На практике, в современной России, происходит следующее: высшее руководство, опираясь на механизмы пропаганды, пытается предлагать некие «сигналы» обществу, которые, не будучи до конца концептуально проработаны и поддержаны элитой и общественным мнением, спешно трансформируются в законы и нормативные акты. В результате мы бесконечно исправляем эти законы (до 80% новых законов — исправленные старые), вносим сумятицу в управление и не успеваем создавать механизмов (правовых и исполнительных) их реализации. Что же в итоге? Может быть только одно: даже хорошая частная идея оказывается, как правило, нереализованной, а такое «правовое государство» — в итоге фикцией. Чему мы, собственно, уже и не удивляемся.

Рис. 4.

Рис. 5.

Хорошие законы не выполняются прежде всего потому, что они «выпадают» из общей системы развития общества и государства.

Сегодня модно, как никогда, говорить о праве, его нормах и правоприменительной практике. Настолько модно, что возникает иллюзия того, что право само по себе может решить самые острые проблемы, стоящие перед обществом и государством. Отчасти это происходит из-за образования и ментальности наших юристов-президентов В. Путина и Д. Медведева. Отчасти — из-за придуманной веры в некое правовое государство, абсолютизации норм права в ущерб общественным и идеологическим нормам.

Говоря сегодня об эффективном управлении, борьбе с коррупцией, бюрократией и совершенствовании социально-политической системы общества, как правило, апеллируют к созданию некоего «правового государства», в котором, как пытаются нас уверить за время существования этой легенды (т. е. более 20 лет), все эти проблемы будто бы решены. На самом деле правовое государство не условие эффективного развития государства и общества, а его прямое следствие. В том числе и как нормативно оформленная национальная и социальная идентичность.

Так, если мы понимаем под бедностью те категории, которые себе не могут позволить развивать человеческий потенциал, — это, безусловно, политико-идеологический подход. Если же мы трактуем эти категории граждан (как Росстат), как тех, у кого доходы меньше прожиточного минимума (18–20 млн), — «то это признается в международных документах — то это означает фактически, что нищие приравниваются к малообеспеченным (бедным)¹¹⁷. Этот пример характеризует нормативно-правовой подход, не отражающий реалий.

«Правовое государство» — как следствие развития общества и государства — во многом является определенным итогом его деятельности, а не началом процесса. Как справедливо заметил Г. Атаманчук, «...В отличие от гражданского общества, где столько людей и их объединений, столько и интересов и способов их представления, правовое государство едино и единственно, олицетворяет собой „становой хребет“ и одновременно форму („обруч“) общества»¹¹⁸.

Само по себе правовое государство не может ответить на вопросы, какие смыслы несет в себе понятие «Россия»? Что объединяет россиян в нацию? (а не делает их только гражданами Российской Федерации). Как справедливо отметил академик А. Торкунов, «от ответов на эти вопросы зависит будущее России»¹¹⁹. Самое-самое правовое государство не в состоянии дать ответа ни на эти вопросы, ни сделать законопослушной нацию. Как, впрочем, и само право, которое может лишь с опозданием и разной степенью адекватности фиксировать уже фактически сложившиеся отношения, представления, образы и понятия.

Иногда, идеализируя абстрактное правовое государство, его представляют в качестве некоего уни-

версального властного ресурса, способного решить большинство проблем. Как и в экономике, где по местному замечанию С. Глазьева, «неадекватность теоретических представлений реформаторов»¹²⁰ стала «важнейшей причиной экономической катастрофы, в праве — неадекватность либеральных идеологов вела и ведет к ошибкам и даже трагедии».

Отсюда — преувеличенные надежды на независимые суды, следствие, сверхчестные правоохранительные органы и прочие государственные институты, которые в действительности являются (как и все государственные институты) лишь слепком с существующего общества. Отсюда следует, что в обществе, где система существования и управления коррупционна, не может быть «белого и пушистого» суда, МВД, парламента, либо иного любого органа государственной власти. На самом деле право, и институты его обеспечивающие, является лишь одним из нескольких, причем не самым важным ресурсом влияния и управления. Б. Ельцин в августе 1993 года Указом 1400 попытался развалить всю политико-правовую систему страны, отменив Конституцию РСФСР, но ему затем потребовались все ресурсы — идеологические, «военные, административные, — чтобы заставить страну жить по-указу».

Другой актуальный пример. В международных отношениях до сих пор не решен вопрос о том, какой из двух принципов обладает приоритетом — принцип национального самоопределения или принцип территориальной целостности. В зависимости от политической целесообразности и соотношения ресурсов влияния эта правовая коллизия решается каждый раз по-разному. Классический современный пример это отношение западных государств к проблеме независимости албанского Косова, с одной стороны, и Абхазии и Южной Осетии, с другой.

Действительно, управление, как функция власти, может быть эффективным только в том случае, когда используются все властные ресурсы для достижения поставленных властью целей, а не один ресурс, пусть даже если он и кажется «самым-самым». Такие ресурсы управления и влияния могут быть весьма разнообразны, но сводятся к четырем основным группам:

во-первых, принудительным (под страхом наказания или применением насилия);

во-вторых, утилитарные, когда влияние обеспечивается предоставлением материальных благ (дотаций, трансферов и т. п.);

в-третьих, нормативно-правовые, которые обеспечивают влияние в силу установленных законом и обществом норм;

наконец, **в-четвертых**, — и это **самый эффективный**, но странным образом игнорируемый пока в России ресурс влияния, — это **идеология**, информация и связь.

В настоящем разделе рассмотрим последние два ресурса влияния — третий и четвертый, — а также взаимосвязь между ними. Я сознательно оставляю

«за скобками» принудительные и утилитарные ресурсы влияния власти, хотя, как известно из истории, они нередко являлись не только основными, но даже единственными ресурсами управления.

Представляется, что именно сегодня важно рассмотреть значение идеологии во взаимосвязи с нормативно-правовыми нормами прежде всего потому, что стратегия национального развития предполагает не только экономическое, но, прежде всего, общественное, социальное и политическое развитие общества. Она выражается в современном восприятии прежде всего в формировании и совершенствовании национального человеческого потенциала и институтов гражданского общества, а те, как почему-то считается, жестко и непосредственно зависят от нормативно-правовых ресурсов влияния.

Дискуссии на этот счет, особенно в связи с реформами избирательной системы, созданием Общественной палаты, а в целом — взаимоотношениями власти и общества — стали во втором десятилетии центральной темой для СМИ. Особенно в конце 2011 — начале 2012 годов, когда требования политической реформы (фактически законодательных избирательных норм) стали доминировать в общественном дискурсе. Несколько позже, в марте 2012 года, протесты оппозиции еще более сузили это требование. Прежде всего из-за желания найти «общую» для всей оппозиции тему — «справедливости судов». Требования политической реформы отошли на второй план.

На мой взгляд, эти требования оппозиции не соответствуют реальной потребности и действительности. Развитие национальных общественных институтов — очень важное условие для реализации национального человеческого потенциала и стратегии опережающего развития¹²¹. Оно может быть выполнено только когда в обществе **созрели идеологические предпосылки**, определены цели развития общества, роль и место его институтов, средства обеспечения. Значение для нации, государства и власти институтов гражданского общества определяется не правовыми и нормативными актами, а тем, насколько они содействуют развитию НЧП и влияют на **реальную политику** правящей элиты. Так, создание Комиссии по содействию развитию институтов Гражданского общества при Президенте РФ (нормативно-правовой акт, оформленный Указом Президента РФ), как показали несколько лет ее деятельности, мало что дали в реальности с точки зрения развития национальных институтов НЧП. Комиссия занималась практически, исключительно правами человека. Лишь в марте 2012 года она посвятила первое и единственное заседание экологическим организациям (Кстати, многие члены Комиссии это заседание проигнорировали). Между тем Комиссия изначально создавалась как инструмент содействия развитию институтов гражданского общества, о чем постарались поскорее забыть ее руководители и члены. Таким образом

Комиссия изначально была перенацелена на другие функции. Как, впрочем, и Общественная палата.

Эти решения руководства страны по созданию таких органов были, безусловно, положительны, но они имели весьма слабое практическое значение. Как следствие, развитие национальных институтов НЧП значительно отставало от развития социальной базы. Прежде всего среднего и креативного класса, к которым охотно проявили внимание либеральные демократы и зарубежные центры. В итоге в 2011–2012 годах мы наблюдали фактическое противостояние хорошо организованной оппозиции в форме различных институтов, и падения значения проправительственных партий и организаций, которые пришлось срочно «мобилизовать» для контрпротестных акций.

Очевидно, что правовая сторона, политическая реформа и нормы права играли определенную роль. Прежде всего с точки зрения организации выборов и протестных акций, но не содержания протестной повестки дня. Право в очередной раз оказалось опоздавшим за политическими событиями и развитием идей.

И, наоборот, идеологические сигналы, которые подал обществу Д. Медведев в 2009–2011 годах, даже не оформленные Указами и распоряжениями, иногда имели действительно реальное значение. В России и за рубежом даже стали говорить о «смене политического курса» в начале 2010 года. Это произошло потому, что идеология, как я уже говорил, лежит не только в основе избранных приоритетов и целей, а также стратегии развития, но и в основе **всей системы управления обществом и государством** — от местного самоуправления до Президента РФ. Данные в 2010–2011 годах Д. Медведевым «сигналы», — идеологические, вне зависимости от того, какой проблемы они касались, — контроля за выборами в регионах, борьбы с коррупцией, реорганизации МВД или созданию более благоприятных налоговых и экономических условий для деятельности общественных и некоммерческих организаций.

К сожалению, идеологическое значение в решении целого ряда острых политико-правовых проблем до сих пор очевидно недооценивается. Это видно, например, из той реакции, которая последовала от власти на теракты в марте 2010 года. На мой взгляд, проблема терроризма — это прежде всего **проблема идеологическая** и решать ее надо также **прежде всего идеологическими методами**. Необходимо понимать, что ни решение социально-экономических проблем кавказского региона («утилитарные» ресурсы влияния), ни усиление спецслужб («принудительные» ресурсы влияния), ни исправление в сторону ужесточения законодательства («нормативно-правовые» ресурсы влияния) не способны нейтрализовать сами по себе террористическую угрозу, которая, повторю, в своей основе имеет политико-идеологический характер.

Более того, использование этих ресурсов влияния до решения идеологических проблем может даже усложнить (и усложняет в реальности) ситуацию.

На мой взгляд, следует, прежде всего, сформулировать такие проблемы.

Во-первых, необходимо признать, что террористы ставят перед собой глобальную идеологическую задачу создания исламского государства, в которое входил бы не только Кавказ, но и другие регионы России. Это — цель, а терроризм лишь средство. Поэтому необходимы меры идеологического противодействия, прежде всего, пропагандистские разъяснительные, которые четко разделяют ислам и лояльных граждан России, с одной стороны, и террористов, — с другой. Против идеи исламского государства бессмысленно бороться оружием. Необходима широкая просветительская, идеологическая работа, противопоставляющая этой идее другие идеи и ценности.

Во-вторых, идеология терроризма — это неэтническая идеология. Среди исламских террористов могут и есть не только жители Кавказа, но и буряты, татары, русские. Бороться против этнического терроризма — означает идти на поводу у организаторов террора. Они именно этого и хотят, противопоставляя один этнос или нацию другим. Это тоже идеологическая проблема. Прежде всего обоснования российской идентичности, системы ценностей, ментальности, представления об общем будущем, образовании и т. д.

В-третьих, необходимо признать, что действия террористов это военные действия по своему охвату и продолжительности, а не отдельные проявления враждебных акций. Соответственно необходимо строить политико-идеологическую работу, которая должна охватывать всю территорию России и носить долгосрочный и системный характер. Нельзя объявить чрезвычайную ситуацию в одном регионе, оставив другие регионы в псевдомирном состоянии. Во всяком случае, с точки зрения информационной и административной. Терроризм не признает границ даже в международном плане, а уж тем более между регионами одного государства.

Во многом такой общий политико-идеологический подход уничтожает материальную базу, ресурсы для терроризма. Без этого бороться с терроризмом бессмысленно.

В-четвертых, противостояние терроризму — это, прежде всего, противостояние его системе ценностей — нравственных, духовных, (точнее — бездуховных), экономических и других. Но для этого в России должна быть воссоздана своя национальная система ценностей, которая сможет быть противопоставлена системе ценностей радикального исламизма, **своя идеология**. И своя, общая перспектива развития. Можно согласиться с В. Аксючицем, полагающим, что «в настоящее время наиболее распространенной в мире идеологией терроризма является **радикальный исламизм**, противостоящий транснациональной экспансии, своего рода анти-крестовый поход. Основной мобилизующей силой, толкающей многих людей в разных концах земного шара в **чёрную дыру**

мирового террора является **исламская идеологическая мания**: объединение всех мусульманских стран в единый халифат, создание исламских халифатов в Европе, на территории России; главное же — не только борьба с западными странами, но создание всемирного халифата. Поистине глобальный ответ глобализации. Эта утопия оказалась подходящей для радикальных слоев исламской диаспоры в западных странах. Свидетельством того, что терроризм основывается не на материальных мотивах, а на идеалах, является феномен мучеников-шахидов. Готовность смертника пожертвовать собой ради интересов группы единомышленников, во имя идеалов, обличающих пороки разложившегося западного общества, — это тотальная форма идеализма, но идеализма ложного, утопического»¹²².

Наконец, **в-пятых,** современный терроризм — это терроризм сетевых структур, терроризм «самовербовки» и терроризм on-line. Этот новый характер международного терроризма требует разработки принципиально новых методов борьбы, в основе которых должны находиться методики идеологического и психологического противодействия. Другие ресурсы влияния против такого терроризма просто бессильны. Пока что международный терроризм развивается быстрее и эффективнее, чем меры по его противодействию.

Выше уже говорилось о том, что распределение ресурсов — важнейшая идеологическая функция (в 2006–2010 годах именно вопрос о судьбе Стабфонда стал в центре идеологической дискуссии в России), от которой во многом зависит **практическая реализация сформулированных** целей развития.

К сожалению, эту идеологическую функцию распределения ресурсов недооценивают в современной России. Казалось бы, чего проще: сформулированы приоритеты и цели развития, в соответствии с которыми распределяются и ресурсы. Но на деле — происходит совсем иначе. Приоритеты и цели, определенные президентом в доктринах, стратегиях и концепциях не находят в реальности пропорционального подкрепления ресурсами. И не только финансовыми, но и административными, медийными. Так, сформулированный Д. Медведевым приоритет развития потенциала человека в период кризиса 2008–2010 годов был обеспечен ресурсами на порядок (в 10 раз) хуже, чем приоритеты финансовой стабильности, сформулированные бывшим министром финансов Л. Кудриным. Получаются, что Минфин управляет не просто ресурсами, а приоритетами — идеологией и политикой. В этом, на мой взгляд, и кроется реальная причина отставки Л. Кудрина в 2011 году.

Это ставит под сомнение даже угрозу существование самого государства, эффективность которого сегодня справедливо воспринимается прежде всего «...с точки зрения качества предоставляемых им социальных услуг (через механизм перераспределения

доходов) и адекватности ответов на современные вызовы»¹²³. Но не только. Верховная власть, не формулирующая цели и не управляющая ресурсами, — это уже даже и не власть вообще, а декорация.

Подобный разрыв между объективными представлениями о роли государства, его элиты, с одной стороны, и российской действительностью, в т. ч. политикой финансовых властей — с другой, — неизбежно создает предпосылку для социального взрыва, который, как еще раз показали события в Киргизии в апреле 2010 года и в России в 2011–2012 годах, может возникнуть практически мгновенно, даже без всякого внешнего толчка и совершенно неожиданно для правящей элиты. Декабрьские выступления (2011 года) оппозиции в России, а до этого события «арабской весны» — яркие тому подтверждения. Так, не смотря на многочисленные декларации о необходимости децентрализации полномочий в пользу субъектов РФ и местного самоуправления, в реальности их роль уменьшалась, особенно в процессе принятия федеральной властью бюджетных решений¹²⁴.

Другая сторона идеологии и госуправления — формирование правовой и нравственной базы государства, тех «правил игры», по которым должно жить общество и которые должны обеспечиваться всеми институтами государства, а не только правоохранительной системой. С нравственной базой — относительно ясно: она вытекает из фундаментальных национальных ценностей (если их не искажает элита, что, впрочем, случается), которые трансформируются в общественные нормы. Сложнее — с правовыми нормами, значение которых в России элитой переоценивается.

Правовая база — лишь фиксирует и формализует те ценности, идеи, приоритеты и принципы, которые сформулированы в идеологии, т. е. она изначально **вторична** по отношению к идеологии. Действительно, право **формализует** в своих нормах и принципах базовые национальные ценности (если они совпадают, то и международные), идеологические принципы, идеи и приоритеты, а не наоборот. Провозглашая абстрактное «правовое государство», мы должны ясно понимать, что эти правовые нормы **лишь фиксируют**, (в лучшем случае с небольшим опозданием), идеологические ценности. Поэтому очень важно, чтобы правовые нормы совпадали с общепринятыми идеологическими нормами и принципами. Когда этого нет, то происходит то, что мы все наблюдали в 1991–1993 годах: правящая элита исправляла Конституции РСФСР и законы до тех пор, пока не пришла к выводу о необходимости её полной замены. А, позже, в течение многих лет, эти нормы фактически формировались указами президента и даже постановлениями правительства.

Сегодня принципиально важно именно первичная идеологическая идентификация России потому, что вслед за этим неизбежно произойдет и смена правовых норм. Важен порядок действий: сначала

идеология, а затем — право. Если в центре новой идеологии России будет находиться развитие национального потенциала человеческой личности и создание условий для самореализации креативного класса и развития институтов гражданского общества, то неизбежно должны быть внесены и серьезные изменения во всю правовую систему страны. Но, повторю, именно в таком порядке. Пока что этого нет. «Стратегия–2020» в новом варианте 2012 года предлагает лишь «набор вариантов» для правительства, в т. ч. и приоритета человеческого потенциала. Понятно, что такие рекомендации не носят обязательного, а тем более нормативного характера.

Конечно, субъективный фактор имеет огромное значение, а именно: В. Путин и Д. Медведев — профессиональные юристы, а это накладывает неизбежный отпечаток на приоритеты в их действиях. Между тем лидер страны — это прежде всего политико-идеологический лидер, а лишь затем — юрист.

С точки зрения идеологии, в центре которой находится развитие национального человеческого потенциала, **вся правовая база государства должна быть ясно ориентирована на достижение этой цели**: от Конституции РФ и Федеральных законов до подзаконных актов.

Чего сегодня, конечно же, нет. Даже наоборот: вся правовая и нормативная база деятельности органов власти и ее институтов направлена ... против человека, развития его потенциала. В экономике, например, — это система налогообложения, приравнивающая интеллектуальную и духовную деятельность к торговле. В кредитной политике — запретительные кредиты на промышленную и творческую деятельность. В госуправлении — исключение творческих личностей из системы госслужбы и т. д. Поэтому сегодня крайне остро встает проблема правового обеспечения, законодательного и нормативного закрепления идеологического приоритета развития потенциала человеческой личности. В форме законов и отдельных нормативных актов. Еще недавно это требовалось доказывать. Сегодня даже либералы признают приоритет в развитии НЧП, но законодательно и нормативно эти приоритеты не оформлены.

Учитывая традиционную медлительность и сложность прохождения законов в России, а также то, что мы уже очевидно запоздали с этим процессом, надо прежде всего осознать масштабность такой задачи, ведь необходимо внести коррективы, поправки, подготовить новые документы по всей «вертикали» — от общепризнанной концепции социально-экономического развития, Стратегии национальной безопасности, Федеральных законов до нормативных актов министерств и органов местного самоуправления, численность которых возможно, превышает миллионы. Сделать это в короткие сроки нереально, но чем раньше приступить к этому неизбежному процессу, чем энергичнее его реализовать, тем быстрее будут темпы развития экономики и общества.

Создание благоприятной нормативно-правовой среды (условий) для развития национального потенциала человеческой личности не только трудный (хотя и обязательный), но второстепенный процесс по отношению к созданию идеологических предпосылок и условий. Эти предпосылки и условия, в конечном счете, формируют ту систему, которая делает логичной и последовательной всю правовую систему.

Причем количество этих документов от этапа к этапу стремительно растет, достигая на нижнем уровне сотен тысяч¹²⁵.

Рис. 6.

Из рисунка (рис. 6) становится понятно, что правовой механизм государственного управления (особенно региональный и местный уровни) должен опираться на идеологическую основу, ибо управлять только через миллионы, даже десятки миллионов документов — невозможно. Согласование сотен десятков тысяч, даже миллионов документов, да еще в оперативном режиме, просто невозможно. Это означает, что управлять только на правовой основе также невозможно, что, собственно, мы и наблюдаем, когда президент и правительство вынуждены ежедневно корректировать действия федеральных, региональных и местных властей. Пример этому ЖКХ, когда в марте 2010 года президент потребовал ограничить рост тарифов на 25%, а затем, в 2011 году, заморозить их до июля 2012 года. Маловероятно, что эти поручения, как, впрочем, и другие, будут выполнены полностью и везде, а тем более в срок.

Проблема эффективного управления страной особенно остро встала к 2000 году, когда федеральные ресурсы влияния, прежде всего идеологические и правовые, практически перестали существовать, а другие — силовые и утилитарные — себя во многом исчерпали. Возник кризис государства, угрожавший его уничтожением. И в первом, и во втором случае виновата прежде всего федеральная идеологичес-

кая власть, которая провозгласила еще в начале 90-х годов: «Берите суверенитета сколько хотите», а до этого всячески дискредитировала государственные институты. Сначала — «деидеологизацией», а затем — борьбой с «этатизмом». В результате — совершенно естественный результат: отсутствие идеологии, практически неэффективные институты власти. К 2000 году страна оказалась на грани развала. Поэтому с приходом к власти В. Путина во всей остроте стала задача, которая в начале его правления была самой приоритетной, — восстановление управляемости страной.

В этих условиях В. Путин использовал прежде всего нормативно-правовые ресурсы влияния, а также был вынужден прибегнуть к ресурсам влияния принудительным по отношению к отдельным гражданам (Б. Березовский, М. Ходорковский, В. Гусинский) и чиновникам федерального и регионального масштаба, укрепив в этих целях с самого начала силовую составляющую. Вообще-то силовой ресурс влияния был использован весьма ограничено и, скорее, психологически относительно тех объектов управления, которые приняли условия сосуществования с системой В. Путина. Исключением, причем ярким, даже демонстративным, стал Северный Кавказ, где принудительные ресурсы влияния были использованы с максимальной силой.

Вот как описывает положение России того времени один из авторов фундаментального труда «Государственная безопасность России: история и современность»: «...на территории бывшего СССР в последнем десятилетии XX века произошло пять региональных войн, около 20 кратковременных вооруженных столкновений..., а также более 100 невооруженных конфликтов. В районах конфликтов проживало 14 млн человек; численность убитых... составила свыше 600 тыс. человек. На территории России проживало более 10 млн мигрантов, у которых 1 млн находился на нелегальном положении...»¹²⁶.

В. Путин в этот период не мог использовать идеологический ресурс влияния просто потому, что у него, по-моему, просто не было времени. Он находился в режиме ежечасных ответных действий. Его назначение премьером, а затем — и. о. президента было сделано в условиях форс-мажора: царил управленческий хаос, вызванный потерей контроля со стороны Б. Ельцина, шла война на Кавказе, страна тяжело выползала из кризиса 1998 года. Соответственно правовой ресурс влияния вышел на первый план: худо-бедно к 2000 году сложилась правовая и нормативная база, которая, следует подчеркнуть, потребовала от Путина немедленной правовой модернизации, прежде всего приведения в соответствии региональных и федеральных законов. Именно для этого и был создан институт полпредов президента (фактически сразу же после вступления В. Путина в должность), Госсовет и другие принудительно-организационные и правовые ресурсы влияния.

Принципиально сегодня вопрос стоит так: Россия должна быть правовым или идеологическим государством? Точнее — преимущественно правовым или преимущественно идеологическим?

Учитывая целый ряд факторов, и именно:

- то, что нормативно-правовое закрепление производственных отношений происходит **после того**, как они сложились;
- то, что развитие потенциала человеческой личности и креативного класса не может быть обеспечено только правовыми и нормативными актами, но прежде всего политико-идеологическими;
- то, что реакция на возможные вызовы и угрозы, а тем более долгосрочный стратегический прогноз и стратегия национального развития, не могут базироваться на правовых оценках, но только на идеологических, следует сделать вывод о том, что *в интересах развития России, в ее основе должна быть идеология, которая позже закрепляется правовыми и нормативными документами*. Иначе говоря, тезис о «правовом государстве», формально продвигаемый с конца 80-ых годов и не случайно не работающий до сих пор, — ошибочен. Он потому и не работает, что не может работать в стране, основу мировоззрения общества в которой всегда формировала власть как идеологическую, а не правовую. Тем более в условиях, когда необходимо опережающее развитие, которое в принципе не совместимо с «опережающим развитием норм права». Поэтому весь процесс принятия решений, опирающийся преимущественно на правовую и нормативную базу, у нас неэффективен, может быть даже вреден.

В целях иллюстрации этого тезиса вернемся к теме эффективности стратегического прогноза и стратегического планирования, которые в принципе не ставят перед властью проблемы принятия крупных политико-идеологических решений. Так, экстраполируя существующие тенденции в экономике России, прогноз не учитывает, например, не только возможность кризиса, но и оценки темпов развития ведущих государств мира. ВВП Индии сейчас сопоставим с российским, а по паритету покупательной способности составляет 30% от экономики США. ВВП Индии менее чем через полвека по первому показателю достигнет 58% ВВП США, а по второму — ППС — вообще сравняется с ныне крупнейшей экономической державой мира)¹²⁷. Надо понимать, — следует из прогноза, — что Россия уступит к 2050 году уже и таким странам, как Бразилия, Индонезия, Мексика, не говоря уже об Индии, Китае и странах «большой семерки».

Вопрос, который неизбежно вытекает из такого стратегического прогноза, но на который ответ дает только идеология: а устраивает ли нас **такое** будущее? И что нужно сделать (если идеологически признается неприемлемость подобного развития событий), чтобы это изменить?

Примечательно, что право и любые нормы не дают в принципе ответа на этот вопрос, ведь не пригнешь же закон о «хорошем прогнозе».

Таким образом, говорить о реалистичной долгосрочной национальной стратегии развития государства, стратегическом прогнозе и стратегическом планировании можно только при условии существования общих ценностей, а не правовых норм и законов.

Соответственно, «отказываясь от идеологии», апеллируя к правовым нормам, мы не сможем непосредственно приступить к разработке стратегии и заниматься стратегическим планированием, ибо частные задачи (даже крупные, как, например, развитие нанотехнологий) должны быть «вписаны» в более общие. В данном случае — в научно-техническую стратегию, а та, в свою очередь, в еще более общую — стратегию развития государства, нации и общества, т. е. идеологию. В противном случае мы без конца будем допускать системные ошибки, как это происходит в современной России — штамповать, тиражировать, разного рода глобальные проекты, подкрепленные законами, в т. ч. об их финансировании. Как справедливо прокомментировал в марте 2010 года новую инициативу О. Сергеев, «За неимением системы планирования, программирования и разработки бюджета, Россия встала на путь тиражирования проектов. Без внятной цели, но под звучным брендом, они поглощают и закапывают в песок деньги налогоплательщиков. К глобальным проектам „Электронная Россия“, „Урал северный, Урал полярный“ прибавился еще один, — „Силиконовая долина“ в Сколково»¹²⁸.

Законодательное оформление этих инициатив, как правило, бессмысленны, а нередко и опасны. Подобные крупные проекты при отсутствии внятной сформулированной цели допустимы как частная, пилотная инициатива, такая, например, как приоритетные национальные проекты в редакции 2005–2008 годов, когда требовалось апробировать отдельные инициативы в отсутствие дееспособной системы экономического развития. Но позже, через несколько лет после старта пилотных ПНП, подобные глобальные проекты лишь свидетельствуют о неспособности сформулировать внятную стратегию развития. Это означает, что успех Сколково или нанопрокта отнюдь не отразится на общем состоянии российской науки и экономики, ибо этот успех (не факт, что гарантированный) не устранит системных недостатков, неизбежно вытекающих из-за отсутствия стратегии национального развития. Например, таких:

- переоценка значения иностранных технологий в ущерб развитию потенциала науки и научных кадров;
- готовность к заимствованиям, а не разработке собственной фундаментальной науки;
- недооценки значения социогуманитарных наук, прежде всего наук об обществе и человеке;
- хроническое недофинансирование фундаментальной науки и НИОКР;

- массовое сокращение потенциала научных кадров;
- «утечка мозгов», связанная с недофинансированием научных кадров, пренебрежение подготовкой научных кадров и т. д.

Фактически «логика права», «проектов», заменяющая систему, признается В. Путиным, который в своем послании еще в 2007 году предложил «определить ориентиры развития страны», опираясь на «базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю»¹²⁹. Чего так и не произошло. Абсолютно правильная постановка вопроса В. Путиным, как показали последующие годы, абсолютно не имела последствий. «Ориентиры развития страны» были сформулированы в крайне урезанном социально-экономическом формате «Концепции 2020», а нации — в не очень определенной «Стратегии национальной безопасности 2020», которые **так и не** стали реальными планами действий, устарев на стадии их написания. Не случайно, как признавал один из аналитиков журнала «Власть» И. Федюкин, получается, что «никакой „программы Иванова“ или „программы Медведева“ не будет: послание (2007 года. — А. П.) дает понять, что в стране возможна только одна программа — единая и неделимая программа Путина, изложенная в форме президентских посланий. И в известном смысле предложение президента считать все восемь обращений единым текстом небезосновательно: ни одной действительно новой темы в президентском послании–2007 не содержится»¹³⁰.

Казалось бы, у В. Путина был повод в 2007 году и очень верный способ наконец-то сформулировать всю идеологическую систему и превратить ее в практическую стратегию развития. Более того, существующий механизм реализации посланий президента РФ (законодательные инициативы, поручения правительству и другим органам власти, наконец, система взаимодействия с политическими партиями и общественными организациями) мог бы стать тем властным ресурсом — уже не только идеологическим, но и нормативно-правовым, административным и утилитарным, — с помощью которого можно было бы добиться в принципе верно заявленных целей.

Как показали последующие годы, эта «базовая идеология» В. Путина, однако, оказалась быстро забытой. За ней последовали новые псевдоидеологические инициативы В. Путина, а затем и Д. Медведева, не **объединенные в единую систему взглядов**, более того, даже не претендующую на них: Не сработал (точнее — так и не заработал) механизм реализации посланий, который отчитался формально за выполненные поручения. Причин тому было несколько. **Во-первых**, идеологическая слабая оформленность, незаконченность, особенно в отношении четкого формулирования национальных интересов и целей развития.

В качестве основы путинской идеологии восемь президентских посланий, как казалось, вполне подходят. Но только в качестве основы. Ни политический характер этих документов, ни форма послания, ни не-

обходимость учитывать конъюнктурные моменты не позволяют говорить о том, что этой основы достаточно. Без ответа остаются многие вопросы, имеющие принципиальное значение, но, главное, — нужно время и определенные усилия, а главное — практические результаты, чтобы ко всем восьми посланиям общество отнеслось как к **системе** взглядов, имеющих принципиальное значение, а не как к ежегодным декларациям президента.

Во-вторых, идеологическая эклектика неизбежно вела к неясной стратегии развития, когда приоритеты и средства не были четко определены. Так, если бы в стратегии в качестве главного приоритета развития был бы указан человеческий потенциал, а не абстрактная макроэкономическая политика, то в 2007–2011 годы была бы изменена не только кредитная политика, но и структура бюджета в пользу развития потенциала человеческой личности.

В-третьих, соответственно не были созданы и механизмы реализации.

Надо сказать, что существовавший механизм реализации посланий уже мог бы быть той идеологической и практической системой, которая должна быть использована в этих целях. Не только правительством и палатами Федерального собрания РФ, но и другими органами власти, а также политическими и иными институтами гражданского общества. В этом случае не только **сама работа над посланиями и их реализация становится работой над идеологией и стратегией**, но заранее закладываются и установки на достижение заявленных результатов. Работой, в которую должна быть втянута вся активная часть общества. На вполне ясных принципах. На мой взгляд, наиболее — в современных принципах социально-консервативной идеологии, которые, кстати, обязательно нужно сформулировать.

Послания президента В. Путина и Д. Медведева заложили определенную идеологическую основу, которую, однако, так и не сумели собрать в единую идеологическую систему за 2007–2011 годы ни в администрации, ни в «Единой России». Хотя такие попытки не предпринимались. Большую роль сыграла и реализация этих принципов в пилотных приоритетных национальных проектах, которые расширили и конкретизировали как социальную составляющую, так и идеологическую составляющую политики 2000–2010 годов. В определенном смысле нацпроекты стали **конкретными элементами новой идеологии**, а Д. Медведев выполнял роль их координатора не только в политике, но и в идеологии. Но только до определенного предела. Как только этот предел достигался, дальше механизм развития идеологической системы почему-то «отключался». Наверное, из-за страха «перейти черту» и назвать вещи своими именами.

Ситуация, возможно, изменилась в ходе избирательной кампании В. Путина в 2012 году, когда он опубликовал серию своих, безусловно, идеологических статей, которые, возможно, смогут превратиться наконец-то в идеологию.

- ¹ **Идеи** — зд. мысленный образ какого-то явления или предмета в идеологии, политике и экономике, выделяющий его главные, существенные черты, формирующие в целом систему и отношение к ней. Как и интерес (потребность), идея может лежать в основе целеполагания.
- ² Идеология отсутствия идеологии. URL: <http://p-development.narod.ru>
- ³ Цит. по: Подберезкин А. Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. Т. I. С. 205.
- ⁴ «Стратегия–2020»: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М. 2012. Март.
- ⁵ Артюшкин В., Полякова Т. Влияние мировых цен на углеводороды, на экономику и политику стран СНГ. Аналитический доклад. ИМИ МГИМО(У). 2012. Март. № 3 (49). С. 15.
- ⁶ Суринов А. Е. Немного цифры для Болотной // Российская газета. 2012. 14 марта. С. 17.
- ⁷ См. Подберезкин А. Русский путь. Четвертое издание. М.: РАО-Университет, 1999.
- ⁸ Радзиховский Л. Позитивный класс России // Российская газета. 2012. 10 января.
- ⁹ Торкунов А. В. Религии мира в современных международных отношениях. В кн.: Торкунов А. В. По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 40.
- ¹⁰ Жебит М. Стратегическое планирование оказалось небезопасным // Известия. 2012. 19 марта. С. 1, 4.
- ¹¹ Башкатова А. Грядет кризис 17-го года // Независимая газета. 2012. 16 апреля. С. 1, 4.
- ¹² Выбери свое будущее. URL: <http://dic.academic.ru/dic/>
- ¹³ Большова Н. Н. Кризис «социального государства» и массовая миграция как вызовы государству-нации в условиях глобализации (на пример ФРГ) // Вестник МГИМО(У). 2009. № 5 (8). С. 94.
- ¹⁴ См.: Востряков Л., Чириков Е. Американские и российские администраторы культуры о критериях успешности управления: формирование нового профессионализма // Власть. 2010. № 5. С. 109.
- ¹⁵ См., подробнее: Мельников С. А. Престолонаследие как фактор эволюции Древнерусского государства (IX–XV вв.). Автореферат диссертации. М.: НИИ Счетной Палаты РФ, 2010. С. 10.
- ¹⁶ См., например. Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.) Т. I. / под общ. ред. С. М. Шахрая, М. 2009.
- ¹⁷ Меньшиков В., Голубчиков С. Серо-зеленая планета // Независимая газета. НГ-наука. 2012. 14 марта. С. 14.
- ¹⁸ Медведев Д. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. 2009. 12 ноября.
- ¹⁹ Иваницкая Н. Красноярский профицит // Ведомости. 26 января 2007. С. А3.
- ²⁰ Шаповалов А. Экономике заставят расти за счет госинвестиций // Коммерсант. 2007. 20 февраля. С. 2.
- ²¹ Рынок идей: формирование и развитие. URL: <http://www.spravedlivo-online.ru/contcut/news>
- ²² Сухарев М. В. Эволюция общества, как движение идей / В сб.: Социально-экономическое, духовное и культурное возрождение Карелии. Петрозаводск. 2001. С. 34.
- ²³ Башкатова А. «Стратегию–2020» // Независимая газета. 2012. 16 марта. С. 1, 4.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Башкатова А. Декоративная «Стратегия–2020» // Независимая газета. 2012. 16 марта. С. 1, 4.
- ²⁶ См., например: Подберезкин А., Абакумов С. Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004.
- ²⁷ Управление идеями: как организовать процесс. URL: www.management.com.ua/strategy
- ²⁸ Торкунов А. Письмена истории в реалиях современности // Российская газета. 2009. 16 февраля.
- ²⁹ Зиновьева Е. Информационное общество: 2015 — лекция Бертрана-де ля Шапеля / Эл. СМИ. МГИМО(У). 17 мая 2011 г. URL: <http://www.mgimo.ru>
- ³⁰ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. 3. М.: МГИМО(У), 2011.
- ³¹ См. подробнее: Подберезкин А. И. Креативный класс и идеология русского социализма. Т. 3. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2011.
- ³² Маркедонов С. Новое качество протеста // Известия. 2012. 16 марта. С. 8.
- ³³ Самарина А. Культурное сословие оказалось в долгу у общества // Независимая газета. 2012. 15 марта. С. 3.
- ³⁴ Куликов С. Власти начали гонку зарплат, в которой проиграет частный сектор // Независимая газета. 2012. 19 марта. С. 4.
- ³⁵ Евсеев В. А. ВТО и высокие технологии // Независимая газета. НГ-наука. 2012. 19 марта. С. 10.
- ³⁶ Материалы Комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 2010. 19 января.
- ³⁷ Сондецкис С. Такой системы образования, как в СССР, не было нигде // Известия. 2012. 14 марта. С. 11.
- ³⁸ При этом нужно помнить, что такая идеология применима как для «столичной», так и «провинциальной» элиты «ведь в России сосуществуют две социокультурные цивилизации». См., подробнее: Овсянников А. А. «Социология столичности: смыслы и стратегии // Вестник МГИМО(У). 2009. № 5 (8). С. 110–115.
- ³⁹ Материалы Комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 2010. 19 января.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ См., например: Лужков Ю. Транскапитализм и Россия. М.: Московские учебники и картография, 2009. С. 72; Капитализм и Россия. Выпадение из будущего? М.: Московские учебники и картография, 2009. С. 136.

- ⁴² Телегина Н. Предвыборные «слоны» // РБК. Мир в 2012 году. С. 51.
- ⁴³ Торкунов А. В. Россия в изменяющейся геометрии современного мира. В кн.: Торкунов А. В. По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 35.
- ⁴⁴ Соболева И. В. Формирование социального капитала и проблемы доверия в российском обществе / Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика / под ред. А. Е. Лебедева, А. Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя, 2011. С. 248.
- ⁴⁵ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. 3. Книга 2. М.: МГИМО(У), 2011. С. 247.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики / под ред. Ф. Г. Войтоловского, А. В. Кузнецова. М.: Крафт+, 2012. С. 4.
- ⁴⁸ «Стратегия–2020»: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад. М. 2012.
- ⁴⁹ Латухина К. Тройственный визит // Российская газета. 2012. 21 марта. С. 1, 3.
- ⁵⁰ «Стратегия–2020»: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад. М. 2012. С. 835.
- ⁵¹ Зарплаты чиновников vs зарплаты работников: чистая победа // Новое время. 2012. 12 марта. № 9. С. 2.
- ⁵² «Стратегия–2020»: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад. М. 2012. С. 1.
- ⁵³ Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» // Экономическая газета. 2011. С. 52.
- ⁵⁴ Медведев Ю. В академики по расчету // Российская газета. 2006. 26 июля. С. 10.
- ⁵⁵ Экономическое обозрение. Институт энергетики и финансов. 2006. Январь. № 2. С. 2–3.
- ⁵⁶ Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты) / Подберезкин А. И. — рук. авт. кол-ва. М.: РАО-корпорация, 1994. С. 21–23.
- ⁵⁷ Родин И. Чавес обсудил с Путиным проблем многополярности // Независимая газета. 2006. 28 июля. С. 3.
- ⁵⁸ Стратегия национальной безопасности России до 2020. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.
- ⁵⁹ Сычева В. Рыцарь секретного образа // Итоги. 2006. 20 ноября. С. 40.
- ⁶⁰ Лужков Ю. Транскапитализм и Россия. М. 2009; Лужков Ю. Капитализм и Россия (Выпадение из будущего?), М. 2009.
- ⁶¹ Там же. С. 6.
- ⁶² Человек-кремний // Коммерсант. 2010. 24 марта. С. 1.
- ⁶³ Карпенко М. ВУЗ для всех // Завтра. 2006. № 49. С. 4.
- ⁶⁴ Этот материал подготовлен в соавторстве с О. А. Подберезкиной.
- ⁶⁵ Материалы Комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России / Москва, Кремль, 19 января 2010 г.
- ⁶⁶ Торкунов А. В. Дефицит демократии и международное сотрудничество // Международные процессы. 2009. Сентябрь–декабрь. № 3 (27).
- ⁶⁷ Кукол Е. Лифт вверх // Российская газета. 2012. 19 марта. С. 4.
- ⁶⁸ Подробнее: Подберезкин А. И., Большова Н. Н., Подберезкина О. А. Современные университеты — кузница идей, технологий и креативность класса // Вестник МГИМО(У). № 2 (23). 2012.
- ⁶⁹ Ивженко Т. Г. Украинцам прививают толерантность // Независимая газета. 2012. 19 марта. С. 12.
- ⁷⁰ Варламова Д. Ни один российский вуз не попал в рейтинг 100 лучших университетов // Комсомольская правда. 2012. 15 марта. С. 3.
- ⁷¹ Савицкая Н. В вузы — без экзаменов и бесплатно // Независимая газета. 2012. 2 марта. С. 3.
- ⁷² Любимов Л. Ученые — это качество, а не количество // Известия. 2012. 29 марта. С. 9.
- ⁷³ Жебит М. Развитие инноваций в госкомпаниях отстает от плана // Известия. 2012. 10 марта. С. 1, 3.
- ⁷⁴ Савицкая Н. Эксперты из Азии против МГУ им. М. В. Ломоносова // Независимая газета. 2012. 20 марта. С. 8.
- ⁷⁵ См., подробнее: Любимов Л. Ученые — это качество, а не количество // Известия. 2012. 29 марта. С. 9.
- ⁷⁶ Абанкина И. В. Университеты в постиндустриальной экономике // NtwScientist. 2011. 7 сентября. № 1 (10). С. 8.
- ⁷⁷ Там же. С. 10.
- ⁷⁸ Костин А. Учить, всматриваясь в завтра // Известия. 2012. 29 февраля. С. 1.
- ⁷⁹ Фененко А. Кризис евроатлантизма // Независимая газета. НГ-дипкуррьер. 2012. 20 февраля. С. 1.
- ⁸⁰ Махутов Н. А., Кузык Б. Н., Абросимов Н. В. Прогнозные показатели социально-экономического и научно-технического развития России до 2030 года. М.: РАН, 2010. С. 22.
- ⁸¹ Куйбида А. Самые богатые вузы — в Петербурге // Известия. 2012. 27 февраля. С. 1.
- ⁸² На гуманитарные науки обратили внимание / Эл. СМИ: Портал МГИМО(У) 6 марта 2012 г. URL: <http://www.mgimo.ru>
- ⁸³ Материалы Комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010. С. 9.
- ⁸⁴ Лукьянов С. ВУЗ-2020 // NewScientist. 2011. № 1 (10). С. 14.
- ⁸⁵ Когда ученья в радость // Известия. 2012. 16 февраля. С. 5.
- ⁸⁶ Магарил С. Поиски социального качества // Независимая газета. НГ-наука. 2011. 9 февраля. С. 12.

- 87 Юрьевич А. В. «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества // Вестник российской академии наук. 2011. Т. 81. № 1. С. 3.
- 88 Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. С. 3.
- 89 URL: http://arts2010.strf.ru/edu_base/
- 90 Рейтинг лучших университетов мира от US News & World Report. 27.02.2010. URL: <http://eduabroad.ru/journal/27.02.2010/6>
- 91 URL: <http://www.usnews.com/articles/education/2010/02/25/>
- 92 Фербеет М. Университеты для масс 2.0 // Профиль. 2011. 26 декабря. С. 67.
- 93 Башкатова А. Расслоившаяся Россия // Независимая газета. 2012. 5 марта. С. 3.
- 94 Уровень жизни Рейтинги стран мира: рейтинги России, Украины... URL: <http://www.7sekretov.ru/world-ranking>
- 95 Наумов И. Рейтинги России опять испортила коррупция // Независимая газета. 2008. 24 октября. С. 1.
- 96 Россия теряет резервы и рейтинги. URL: <http://www.gazeta.ru/financial/2008/12/08>
- 97 Торкунов А. В. Тезисы предвыборной программы академика А. В. Торкунова // Вестник МГИМО(У). № 2 (23). 2012. С. 8.
- 98 Назаров В. Удаление от идеала // Известия. 2012. 12 апреля. С. 9.
- 99 См. «Рейтинг вузов по первому в/о управленческой элиты (сводная таблица, включающая представителей всех блоков)». АНО НРА «РейтОр». Июль 2009. URL: http://reitor.ru/common/img/uploaded/files/table1_3.pdf
URL: http://reitor.ru/ru/observatory/raitings/reit_elits2009?id19=99&i19=1
- 100 Глобальные востребованные экспертные центры // Независимая газета. 2012. 6 марта. С. 8.
- 101 См. McGann James G. «THE GLOBAL «GO-TO THINK TANKS». The Leading Public Policy Research Organizations In The World» // University of Pennsylvania. January 25, 2010. P. 39. URL-адрес статьи: URL: [http://www.ony.unu.edu/2009%20Global%20Go%20To%20Think%20Tank%20Rankings%20\(TT%20Index\)%20last%20version.pdf](http://www.ony.unu.edu/2009%20Global%20Go%20To%20Think%20Tank%20Rankings%20(TT%20Index)%20last%20version.pdf)
- 102 МГИМО вошел в число 400 лучших вузов мира / Эл. СМИ: Портал МГИМО(У). 7 ноября 2011 г. URL: <http://www.mgimo.ru>
- 103 «Google составил рейтинг популярности вузов столицы». ИА Росбалт, 02.07.2009. URL-адрес статьи: URL: <http://www.rosbalt.ru/2009/07/02/652037.html>
- 104 Торкунов А. «О мировом рекорде МГИМО». URL-адрес статьи: URL: <http://mgimo.ru/news/experts/document143787.phtml>
- 105 Общий рейтинг вузов юриспруденции (2009 год) опубликован по адресу: http://www.univer-rating.ru/rating_branch.asp
- 106 Полностью рейтинг опубликован на сайтах www.stipendia.ru, www.fond.potinin.ru
- 107 Global universities ranking. Полностью рейтинг опубликован на сайте: URL: <http://www.globaluniversitiesranking.org>
- 108 Times Higher Education-QS World University Rankings 2009. Social sciences. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/hybrid.asp?typeCode=421>
- 109 «Рейтинг 430 ведущих университетов мира по версии АНО НРА «РейтОр» по состоянию на 15.09.2009.
- 110 www.e-library.ru
- 111 См. Рейтинги 3939 ВУЗов России по версии РИНЦ по состоянию на 16.09.09
- 112 Ресурсы власти. URL: <http://www.emc.komi.com/02/16/01>.
- 113 Лужков Ю. Транскапитализм и Россия. М. 2009; Лужков Ю. Капитализм и Россия (Выпадение из будущего?), М. 2009. С. 18.
- 114 Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы. М.: Государственная Дума, 2012. С. 13.
- 115 Межуев Б. Плюс и минусы «консервативного президентства» // Известия. 2012. 16 марта. С. 9
- 116 Лейбо Ю. И., Орлов А. Г., Ракитская И. А. Конституционное право зарубежных стран / отв. ред. Ю. И. Лейбо. М.: Статут, 2012. С. 8.
- 117 Смольякова Т. Бедный, средний, богатый // Российская газета. 2012. 21 марта. С. 1, 5.
- 118 Атаманчук Г. В. Проблемы управления и управляемости в обществе: избранное. М.: РАГС, 2011. С. 201.
- 119 Торкунов А. В. Школа российской идентичности // Независимая газета. 14.10.2009.
- 120 Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» // Экономическая газета. 2011. С. 175.
- 121 Этой теме я посветил специальную книгу. См.: Подберезкин А. И. Значение институтов социального потенциала. Национальный человеческий капитал. Т. 3. Кн. 2. М.: МГИМО(У), 2011.
- 122 Аксютин В. Использование террористами оружия массового поражения — только вопрос времени. 2010. 7 апреля. URL: <http://www.regnum.ru/news/>
- 123 Большова Н. Н. Кризис «социального государства» и массовая миграция как вызовы государству-нации в условиях глобализации (на пример ФРГ) // Вестник МГИМО(У). 2009. № 5 (8). С. 95.
- 124 Соболевская Ю. В. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Бюджетные полномочия субъектов Российской Федерации конституционно-правовой аспект». М.: Счетная палата, 2012. Март. С. 7.
- 125 Постановка задачи разработки концепции экономической политики России (приглашение к сотрудничеству) М.: Научный эксперт, 2006. С. 12.
- 126 Государственная безопасность России: история и современность / под общ. ред. Р. Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 701.
- 127 Скляров С. Грефа будут вспоминать как героя // Независимая газета. 2006. 13 марта. С. 1, 4.
- 128 Сергеев О. Нью Сколково в Силиконовой долине. 2010. 8 апреля. URL: <http://viperson.ru>
- 129 Цит. по: Федюкин И. Раздвоение ВВП // Власть. 2007. 7 мая. № 17 (721). С. 31.
- 130 Федюкин И. Раздвоение ВВП // Власть. 2007. 7 мая. № 17 (721). С. 32.

КНИГА ВТОРАЯ

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ПЕРИОД «ФАЗОВОГО ПЕРЕХОДА» ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

...управлять в условиях избытка средств оказалось не менее сложно, чем в условиях недостатка¹.

А. Пискунов,
аудитор СП РФ

...путинской идеологией стала деидеологизация, а главной задачей информационно-пропагандистской системы — ограждение народа и от информации, и от пропаганды².

В. Иноземцев

«Инновационно-демократическая модернизация нереальна без модернизации массового сознания»³. Эта, безусловно, справедливая мысль не должна вести к отрицанию или противопоставлению национальных культурных и духовных ценностей идеям экономической модернизации. Однако это происходит в последние десятилетия, по мнению многих авторитетных западных и российских экономистов является главной проблемой экономики РФ⁴.

Убежден, что в модернизации огромную роль должны сыграть такие факторы, как

- усиление самоидентификации русской и других наций, проживающих на территории России, максимально полное использование в целях модернизации их культурного, исторического и духовного наследия;
- способность правящей элиты мобилизовать на этой ценностной основе русскую и другие нации сделать нацию движущей силой модернизации. Причем прежде всего ее социальные слои, которые способны к творчеству;
- синтез отечественных ценностей и достижений мировой науки, культуры и инноваций, способный регулярно предлагать миру качественно новые товары и услуги.

Пока же существует не очень понятное противоречие между духовно-нравственными национальными ценностями и модернизацией, даже противопоставление одних другим. Я, безусловно, согласен с В. Келле, который считает, что «Исторический опыт свидетельствует, что научно-технический прогресс

способен успешно протекать не только в рамках западной европейской культуры и не обязательно приводит к ее экспансии на инокультурные среды. Япония достигла огромных успехов в технологической области и в то же время сохранила свою самобытную культуру. Более того, она использовала ее особенности, определяющие психический склад нации для создания и развития своей мощной современной экономической системы. Интересен факт: как послевоенная Япония, основываясь на своей уникальной культуре, смогла в кратчайшие сроки сплотить народ вокруг своих цивилизационных ценностей (народ подобно семье жил одними идеями), которые дали потрясающий результат, именуемый „японским экономическим чудом“. Впечатляющие достижения Китая в экономике, в научно-технической сфере и его древняя традиционная конфуцианская культура, оказывается, бесконфликтно сопрягаются друг с другом... И этому не надо удивляться. Ведь возраст христианства тоже свыше двух тысячелетий. **И разве духовная культура России не может стать достойной базой ее постмодернизации, имея в виду ее экономический и технологический прогресс.** Зачем противопоставлять их друг другу. Духовная культура способна облагородить этот прогресс, минимизировать связанные с ним опасности для природы и человека, создать необходимый для него социально-психологический климат. Конечно, между ними возникают противоречия. **Но нет оснований полагать, что во всех случаях они фатально должны противостоять друг другу.** Надо понимать,

что наука, инновационная деятельность требуют для своего развития не только серьезных инвестиций, **но и благоприятной социальной и духовной атмосферы**. Иначе говоря, духовность и активная реализация интеллектуального потенциала вовсе не являются антагонистами»⁵.

Вот почему, кстати, некоторые авторы предлагают ввести по отношению к человеческому потенциалу (ЧП) дополнительный критерий — **интеллектуально-творческий потенциал**⁶.

Уже говорилось о составных элементах идеологии (прежде всего национальных интересах и ценностях) как системы взглядов, месте России в мире, ее образе и стратегии, которые должны лежать в основе любой концепции модернизации, без которых такая стратегия окажется очередным «инновационным» документом. Как это было в 2005 году с Основными направлениями в области инновационной системы, в 2006 году — Стратегии развития науки и инновации до 2015, а сегодня — проекта Стратегии инновационного развития России до 2020 года⁷. Важную роль в этом играет эволюция взглядов российской элиты за последние 20 лет как по внутривнутриполитическим, так и внешнеполитическим вопросам. В этой связи, напомним, что стратегия развития страны является производной от идеологии (т. е., опять же, система взглядов правящей элиты, способная на более высоком уровне удовлетворять потребностям государства и общества).

Модернизация⁸, если ее рассматривать как стратегию развития, предложенную Д. Медведевым, — также является производной от идеологии. Если, конечно, это стратегия развития, а не просто вброшенный пиаровский лозунг. А в любой стратегии прежде всего важно определить стратегическую **цель** и сформулировать тактические задачи. Пока что такой целью выступает сама модернизация, что, конечно же, является полной бессмыслицей — модернизация ради модернизации означает процесс ради самого процесса. Поэтому вопрос о стратегической цели модернизации является важнейшим уже на самом первом этапе формирования стратегии.

До сих пор этот вопрос открыт, хотя из выступлений Д. Медведева и В. Путина ясно, что модернизация — это «что-то очень хорошее и полезное», что «люди должны жить лучше», а экономика «должна быть эффективнее». Более того, вроде бы в Стратегии 2020, утвержденной еще в марте 2008 года, даже сформулирована такая стратегическая цель в первом разделе «Стратегические ориентиры долгосрочного социально-экономического развития»⁹.

Но тогда необходимо раскрыть само понятие «модернизация», которое (к 2011 году, по меньшей мере) так и не было сделано. Как справедливо заметил С. Миронов, «...модернизация все ещё не осознана как актуальная философская (я бы сказал, идеологическая. — А. П.) задача первостепенной значимости. Страна не может никуда двигаться без ясно осознан-

ных и твердо усвоенных стратегических перспектив (идеологических целей. — А. П.)». Причем эти цели не могут быть «технологическими» ни в какой форме: ни модернизационной, ни инновационной, ни, как прежде, «рыночной». Нужна определенная социально-политическая цель, как и модель общества и государства, которые соответствовали бы потребностям нации (ее национальным интересам) и наиболее благоприятствовала экономической модернизации, т. е. стала её каркасом и фундаментом, на основе которого возможно достижение амбициозных экономических целей.

В противном случае вновь происходит подмена понятий, свойственная нашей элите все последние десятилетия. Выдвигаются ложные цели, ставятся все новые и новые задачи, от которых также быстро отказываются. Вот и сегодня, как справедливо заметил С. Миронов: «К сожалению, для значительной части экономической и управленческой элиты модернизация — это просто совокупность программ, позволяющих получить дешевое финансирование...»¹⁰. Добавлю, что нередко не бескорыстное, а расточительное, а иногда и коррупционное. Коррупция, кстати, как системная проблема для современной России (как и международный терроризм), может быть решена только на основе возвращения нации идеологии и системы духовно-нравственных ценностей, лежащих в ее основе.

Все это говорится для того, чтобы понять, в какой точке идеологического развития оказалась элита России в 2011 году, почему она в очередной раз оказалась в состоянии «идеологического переходного периода», который можно условно назвать «модернизацией и инновацией». Ни первый, ни второй термин, повторю, Д. Медведев пока так и не раскрыл. Не претендует он, естественно и на идеологическую систему взглядов. А жаль. Потому что это нужно именно сейчас, когда начинается мобилизация общественного мнения и элиты за модернизацию. Существующие в его выступлениях и даже документах (как, например, в Бюджетном послании на 2011–2013 годы) идеи, скорее можно назвать частным направлением экономического развития, т. е. частью некой, пока неизвестной и несуществующей стратегии. Другими словами, в своём нынешнем виде модернизация выступает как антиидеология. Как следствие — неизбежно повторение прежних концептуальных ошибок, которые не возможно исправить никакими «точечными» шагами — частными концепциями, инициативами и т. п. Следовательно, требуется выработать некий коридор экономических инструментов, методов и подходов, с учетом существующих мировых реалий и спецификой России, и придерживаться его на долгосрочной основе без резких шатаний, что непременно даст впоследствии положительный результат. Эта концепция **новой экономической доктрины**, способная дать миру кардинально новые идеи, увлекающие за собой остальные страны, и базирующаяся на

электики международного экономического опыта, ренессансе государственного управления, духовности, культуры и развития человеческого капитала РФ.

В настоящей книге я попытаюсь доказать, что если модернизацию понимать как опережающее развитие национального человеческого капитала, то стратегия развития страны и нации становится не только понятной, но и **приобретает осмысленность, вполне конкретные цели, задачи** и направления работы, которая в настоящее время не вытекает и не опирается на национальную идеологию. Становятся яснее и способы наиболее эффективного достижения поставленных целей, понятно и распределение ресурсов, которых оказалось после кризиса 2008–2012 годов, не бесконечно много.

Сразу оговорюсь, что в первом приближении такая задача уже поставлена в повестку дня. Не раз В. Путин и Д. Медведев говорили об этом начиная с 2005 года. Так, как заметила, например, Э. Набиуллина, «наша общая задача — опережающее развитие человеческого потенциала России как необходимое условие полномасштабного социально-экономического развития страны... Именно развитие человеческого потенциала должно стать **ключевым фактором реализации новых инвестиционных проектов для обеспечения перехода от экспортно-сырьевой к инновационной социально-ориентированной модели развития российской экономики в целом**»¹¹.

То есть в принципе задача поставлена. Но на практике она решается слабо. Тем более на нее «не заточена» стратегия развития, а, главное, не перераспределены ресурсы.

Для того, чтобы лучше понять, какие именно приоритеты и цели такой стратегии должны быть, необходимо подробнее рассмотреть, что же представляет собой современный национальный человеческий потенциал, каковы его основные составляющие элементы и критерии развития, как он взаимосвязан с другими факторами развития и т. д.

Предложенные Д. Медведевым термины «модернизация» и «инновация» стали сигналом к острой дискуссии о путях модернизации, одной из сторон в которой стали наши прежние неоллибералы. Они по сути потребовали «плату», за модернизацию в форме отказа от национальных интересов и ценностей. Таким образом, модернизация, даже не претендуя на это, стала квазиидеологией неоллибералов. В их трактовке модернизация России без отказа от базовых ценностей невозможна, хотя, вспоминая реформы Петра I и Александра II, я что-то не припомню, чтобы они отказались от национальных интересов. В том числе во внешней политике. Совсем наоборот.

Идеология, как известно, — наиболее эффективный механизм управления. Неверная идеология — самый разрушительный механизм. Но этот факт по разным причинам в современной России не любят признавать. Более того, в управляющей (правящей) элите об этом говорить не принято, хотя производное

от идеологии — пропаганда, «телекартинка» — стала основой политики. Вот и в очередной раз сигнал обществу — модернизация — оказался, в конечном счете, всего лишь сигналом.

Цитата В. Иноземцева — «путинской идеологией стала деидеологизация»¹² упрощенный взгляд, который, однако, надо признать, имеет место среди большинства элиты. Идеология упрощения и способность удовлетворять только насущные и ситуационные проблемы в ручном режиме, без действенного внутреннего механизма экономического развития при благоприятной макроэкономической конъюнктуре (любимое понятие российских экономистов) давали положительные социально-политические и экономические результаты, достигнутые за 2000–2008 годы. Однако ослабление экономических позиций в 2008–2012 годы, вызванное не столько самим мировым кризисом, сколько ресурсной моделью развития и не восприимчивостью к инновациям, обострило социально-экономическую ситуацию. Так что термин «модернизация» стал своего рода естественным шагом в эклектическом поиске элитой идеологии и стратегии экономического развития.

Это отразилось, например, на месте страны в рейтинге конкурентоспособности, когда за последние три года Россия потеряла сразу 15 позиций, заняв 66 место (по сравнению с 52 местом в 2008–2009 годах)¹³.

Индекс глобальной конкурентоспособности 2011–2012 в сравнении с 2008–2009 годами

Страна / экономика	GCI 2010–2012		GCI 2008–2009
	Rank	Score	Rank
Швейцария	1	5,74	2
США	5	5,43	1
Сингапур	2	5,63	5
Швеция	3	5,61	4
Дания	8	5,40	3
Финляндия	4	5,47	6
Германия	6	5,41	7
Япония	9	5,40	9
Канада	12	5,33	10
Нидерланды	7	5,41	8
Гонконг	11	5,36	11
Тайвань	13	5,26	17
Великобритания	10	5,39	12
Норвегия	16	5,18	15
Австралия	20	5,11	18
Франция	18	5,14	16
Австрия	19	5,14	14
Бельгия	15	5,20	19
Республика Корея	24	5,02	13
Новая Зеландия	25	4,93	24

Страна / экономика	GCI 2010–2012		GCI 2008–2009
	Rank	Score	Rank
Люксембург	23	5,03	25
...			
КНР	26	4,90	30
Чили	31	4,70	28
...			
Российская Федерация	66	4,21	51

Обвал России в рейтинге конкурентоспособности означает, что принятая в марте 2008 года Стратегия социально-экономического развития до 2020 года **оказалась недееспособной**. Это были вынуждены признать и В. Путин, и Д. Медведев. Но анализа причин этого сделано не было, кроме кадровых решений и требования Д. Медведева работать к середине июля 2011 года инновационные программы «наиболее подготовленным» госкорпорациям («Росатом», «Ростехнология», «Роснефть», «Транснефть», др.). Косвенно, правда, Э. Набиуллина признала, что у неудачи с инновациями есть объяснение. Это, «во-первых, она намекнула, что **нет четкой формулировки**, что государство хочет получить от реализации инновационных программ. Вторая проблема — **нет полной оценки технологического уровня компаний**. В-третьих, **нет профессиональных систем менеджмента инноваций**. В-четвертых, **есть сложности с определением прорывных инновационных направлений**. Наконец, нет опыта привлечения в интересах крупных компаний малого инновационного бизнеса»¹⁴.

Мне представляются эти замечания частными, даже дежурными. Они не объясняют главного: почему Стратегия оказалась провальной. На мой взгляд, это произошло по трем глубоким причинам.

Причина первая. Существующая политика, политическая практика, в т. ч. реализации этой стратегии, оказалась безуспешной прежде всего потому, что сама Стратегия оказалась неверной. Да и собственно Стратегия–2020 так и не превратилась в стратегию элиты или даже государства. Документ существовал сам по себе, а практическая политика — сама по себе. Инновации, модернизации, о которых говорилось в Стратегии (как и о развитии человеческого потенциала), так и не стали основой для государственной политики. Прежде всего в финансово-бюджетной и налоговой областях. Но не только. В экономике должны были бы произойти такие перемены (а не только «сигналы»), которые стали бы менять саму экономическую атмосферу в пользу инновационного развития. Меры, предпринимавшиеся В. Путиным и Д. Медведевым, может быть, и создавали какие-то дополнительные условия для реализации Стратегии, но точно **не создавали никаких дополнительных стимулов и мотиваций**.

Причина вторая. Сама Стратегия–2020 была всего лишь одной из многочисленных (по некоторым оценкам, их было разработано более 300) стратегий и концепций. Она не выступила основополагающим документом, **обязательным к исполнению** для всех органов власти, бизнеса и общества, т. е. она не была и не стала политико-идеологическим документом. Например, как таковым в период СССР были «Основные направления развития народного хозяйства».

Не произошло ни мобилизации общественного мнения, ни консолидации элиты, ни организации даже властных институтов. Слабые попытки «продвинуть» Стратегию в регионы, где наштамповали наспех своих стратегии, остались формальными шагами, предназначенными для того, чтобы «снять с контроля» очередное поручение и освоить выделенные деньги.

Причина третья, наверное, главная: невнятность, размытость Стратегии. В Стратегии–2020 не было явно сформулирована в качестве главной цели развитие национального человеческого потенциала (хотя и ставилось в качестве одной из задач), а значит не были сконцентрированы соответствующие ресурсы нации как на самой приоритетной задаче.

Хуже того, власть делала в эти годы все для того, чтобы ослабить даже тот скромный акцент на развитие НЧК, который был заявлен в Стратегии, а именно:

- сокращались реальные доходы населения;
- сокращалось реальное финансирование науки, культуры и образования;
- росла инфляция и стоимость жизни (достаточно сказать, что стоимость услуг ЖКХ за 2002–2011 гг. возросла, как минимум, в пять раз¹⁵;
- фактически сокращались даже расходы на избранном приоритетном направлении модернизации — НИОКР, — что видно на примере расходов госкорпораций в 2010 году (другие предприятия, надо полагать, тратили еще меньше)¹⁶:

Сколько потратили госкомпании на НИОКР в 2010 году (в процентах к выручке)

«РусГидро»	0,02
ФСК «ЕЭС»	1,19
«Роснефть»	0,21
«Газпром»	0,22
«Транснефть»	0,21
«Аэрофлот»	0,00
ОАК	9,08
«Совкомфлот»	0,22
РЖД	0,40
ОСК	0,09
АвтоВАЗ	1,02
НПО машиностроения	0,17
«Связьинвест»	0,00
«АЛРОСА»	0,14

Поручение В. Путина скорректировать Стратегию–2020, данное в декабре 2010 года, должно по идее учесть эти обстоятельства. Но для этого, как минимум, необходимо изменить Стратегию, при-

нципиально сделав главной ее целью не абстрактную модернизацию, а вполне конкретные элементы НЧК. А, во-вторых сделать эту Стратегию именно Стратегией нации, а не МЭРа или госкорпораций.

¹ Пискунов А. Технологическая модернизация России // Национальная оборона. Июль 2006. С. 60.

² Иноземцев В. Вверх по лестнице, ведущей вниз // Новая газета. 2007. № 15. С. 19.

³ Магарил С. Поиск социального качества // НГ-наука. 2011. 19 февраля. С. 12.

⁴ Прим. автора: последние экономические тенденции говорят о значительном и иногда решающем влиянии так называемых «не экономических» в классическом понимании факторов на развитие мирового хозяйства.

⁵ Келле В. Ж. Духовность и интеллектуальный потенциал / В сб. «В диапазоне гуманитарного знания». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://anthropology.ru/texts/2001>.

⁶ Романенко Ж., Христенко М. Проблемы актуализации духовного потенциала личности: некоторые методологические аспекты / <http://vsru.ru>.

⁷ Литвинова А. Эксперты раскритиковали Стратегию инновационного развития России до 2020 года // РБК-daily, 11.01.2011. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2011/01/11/focus/>.

⁸ Модернизация — зд. изменение, усовершенствование, отвечающее современным требованиям, вкусам, например, модернизация оборудования. См.: Краткая российская энциклопедия. М.: БРЭ, Оникс XXI век. Т. 2. С. 549.

⁹ Концепция долгосрочного, социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭРТ, 2008. Март.

¹⁰ Миронов С. М. За нами Россия / отв. ред. В. Н. Шевченко. М.: Ключ-С, 2010. С. 109–110.

¹¹ Обращение к читателям. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2008 г. М. 2009. С. 4.

¹² Иноземцев В. Вверх по лестнице, ведущей вниз // Новая газета. 2007. № 15. С. 19.

¹³ The Global Competitiveness Report 2010–2012. World Economic Forum, 2011.

¹⁴ Кузьмин В. Разбор полетов // Российская газета. 2011. 1 февраля. С. 2.

¹⁵ Гараненко А. Коммунальные услуги подорожали в пять раз // Известия. 2011. 2 февраля. С. 1.

¹⁶ Шишкунова Е. Ответили за модернизацию // Известия. 2011. 1 февраля. С. 2.

ГЛАВА 1

ИДЕОЛОГИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Мало кто уже дерзает писать так, как писали прежде,
писать **что-то**, писать **свое**...¹.

Н. Бердяев

Великий русский философ Н. Бердяев писал: «Мы дерзаем обнаружить лишь своё **о чём-то** и не дерзаем быть **чем-то**»³. В этом (точнее, отсутствии этого), как мне кажется, сегодня заключаются многие проблемы России. Мы не предлагаем себе и миру **что-то качественно новое**, а значит мы **даже не претендуем на идеологическое лидерство**, без которого не может быть лидерства вообще. Ни в экономике, ни в технологиях, ни в инновациях.

Весь мировой опыт показывает, что лидерами в мире являются страны, которые опережают другие государства не только по темпам роста ВВП, но которые являются прежде всего **лидерами в идеологии**⁴, т. е. выдвигают наиболее привлекательные идеи, ценности и инновации. В этом смысле технологическое лидерство — лишь один из подвигов лидерства идеологического. Думать, что такое лидерство означает автоматическое лидерство в других областях — ошибка. Да и само по себе технологическое лидерство невозможно без лидерства в области культуры, науки, образования, а в целом — идеологии.

Для того, чтобы стать экономическим, технологическим, а тем более культурным и интеллектуальным лидером, российская творческая элита, ее креативный класс, наконец, власть должны предлагать миру что-то своё, качественно новое, а не повторять азы и аксиомы отжившего либерализма. С точки зрения экономики, это, как минимум, 3–4 принципиально, качественно новых товара или услуги в год. Подчеркну, — принципиально новых, не создаваемых нигде в мире, не имеющих близких аналогов, а, значит, и конкурентов. Это возможно только на самой передовой научно-технической и общекультурной базе, имеющей очевидные национальные особенности и специфику. Эти продукты должны открывать новые горизонты возможностей для потребителей во всем мире, т. е. компания, создающая такие товары, создает свой собственный рынок сбыта, при этом включая механизм самого выгодного продвижения продукции, где ты полностью господствуешь, а конкуренты слепо следуют за тобой.

1. Модель модернизации как модель развития НЧП «Инновационная деятельность — непрерывный процесс»⁵ Руководство Осло

Провал Стратегии социально-экономического развития до 2020 года, принятой в марте 2008 года, произошел не из-за кризиса, а из-за инерционного макроэкономического подхода, которым руководствовались разработчики оказавшиеся в итоге не способными предложить адекватную Стратегию. Новая Стратегия, которая должна быть разработана после кризиса, не может быть простой «корректировкой». Да и это уже понимают ее разработчики. Подход должен быть изменен принципиально. Это было ясно сразу же, уже после марта 2008 года (и я об этом не раз писал), но тем более это ясно, когда мир стал выходить из кризиса. Не очень понимая, куда ему идти. В этом смысле выступление Д. Медведева на Давосском форуме, признавшее необходимость (и отсутствие) новых подходов, — весьма показательно: «Во время кризиса лопнули многие пузыри — не только финансовые, но и иллюзий, самонадеянности...»⁶, — заявил российский президент.

Программа модернизации, определение ее приоритетов — это прежде всего политико-идеологический шаг, при котором элита четко объясняет обществу **цель**, ясно и конкретно говорится **откуда**, сколько и **какие** надо взять ресурсы и **кто** будет это делать.

Ясная цель — первое и обязательное условие любой эффективной стратегии. При этом такая цель должна представлять из себя, во-первых, как нечто **качественно новое** и, во-вторых, соответствовать в максимальной степени **национальным интересам**. Ни первого, ни второго сегодня не наблюдается. Предложенные идеи модернизации не являются ни новыми, ни оригинальными. Боясь того, они сужены до техно-

логического понимания модернизации, которое не является главным. В реальности за скобками остаются ее важнейшие направления — модернизация экономических отношений (их социализация, изменение в пользу человека) и модернизация социальных отношений, предполагающая не столько внешне привлекательные политические реформы, сколько активизацию творческого потенциала всей нации.

Не вполне соответствует национальным интересам и вектор модернизации. Прежде всего из-за того, что ориентирована на внешние заимствования. И не только в технологиях, но и важнейших составляющих национального человеческого потенциала — науке, образовании, культуре, нравственности (духовности). Отчасти это связано с неумением и не знанием правящими экономистами методов и подходов, способных дать именно в России тех результатов, которые обозначены в Стратегии. Копируются старые и изжившие себя экономические догматы западных экономистов на бумаге, а на практике реализуется принцип «кумовской экономики», где все решается кулуарно. Это проблема, конечно, показывает отсутствие или утрату собственной **русской экономической мысли**, где плеяда выдающихся дореволюционных и советских экономистов была либо сослана, либо физически уничтожена, либо выдвинута из страны, а новое время нам так и не дало и не может дать со старым идеологическим багажом новых имен в этой области⁷.

В этой связи необходимо понимать взаимосвязь элементов политико-идеологической системы, в которой политическая цель формулируется правящей элитой на основе более или менее адекватного по-

Рис. 1. Существующая модель модернизации

Рис. 2. Модель модернизации, которая основана на приоритете НЧП

нимания национальных интересов (потребностей) и ценностей, где модернизация выступает **средством** повышения качества национального человеческого капитала (НЧК) как главного **национального интереса**.

Собственно это и является основным первым препятствием для отечественных разработчиков Стратегии модернизации, которые полагают, что модернизация является сама по себе главным национальным интересам, который они формализуют в главную политическую цель. Эта модель может быть изображена следующим образом — см. рис. 1.

Стратегия модернизации характеризуется:

1. неадекватным восприятием национальных интересов;
2. игнорированием национальных ценностей;
3. неэффективностью использования национальных ресурсов;
4. усилением внешних факторов;
5. незнанием четких механизмов реализации.

Современная и адекватная модель приватизации должна основываться, как уже говорилось, во-первых, на адекватном понимании элитой национальных интересов и ценностей (прежде всего НЧП), а, во-вторых, на приоритетном развитии национальных ресурсов, прежде всего, НЧП, с подробным и долгосрочным планом реализации этих инициатив. Именно **новая экономическая доктрина**, основанная на принципе развития человеческого капитала в РФ, ориентации на собственные традиции, и фильтрацию международного опыта, способна дать те действенные и эффективные рычаги управления модернизационным процессом.

Из этой модели (рис. 2), на мой взгляд, следует:

1. Главной стратегической целью развития нации и государства является развитие НЧП. Это объясняется довольно просто: если национальное богатство состоит из трех основных компонентов — НЧП, природных ресурсов и производственных активов, — где НЧП занимает от 50 до 70%, то прежде всего развивать надо ту часть, которая является самой большой, т.е. НЧП. Именно от нее,

прежде всего, и зависит основной прирост национального богатства. Соответственно необходимо распределять и ресурсы нации — в первую очередь на развитие НЧП, а затем уже на развитие материальных активов и освоение природных ресурсов.

Рис. 3. Структура национального богатства России

Следует отметить две важнейшие особенности НЧП.

Первая. НЧП относительно самый крупный ресурс. Если в России он занимает порядка 50% всего национального богатства, то в развитых странах — до 80%, т.е. его пропорция может и должна измениться. Соответственно рост НЧП отразится на всем национальном богатстве.

Вторая. НЧП в абсолютных величинах — самый динамичный показатель, способный **резко усилить** мощь и позицию России в мире. Причем не экстенсивно, как при росте ВВП за счет подорожания экспорта, а интенсивно, путем создания новых отраслей и успешной конкурентной борьбы на мировых рынках товаров и услуг.

Сегодня понимания этого в правящей элите нет. Модернизация рассматривается, во-первых, как самоцель (точнее — лозунг), во-вторых, как средство для развития (в приоритетном порядке) природных ресурсов, материальных активов и лишь уже затем — НЧП. Эта приоритетность многое объясняет, в частности, почему абсолютная и относительная доля НЧП в национальном богатстве не увеличивается, хотя именно эта тенденция является ведущей в мире. Соответственно должна быть переосмыслена не только цель модернизации, а именно — внятно заявлено о приоритетности развития

НЧП, но и перераспределены и остальные ресурсы. Прежде всего в пользу тех элементов НЧП, которые дают наибольший эффект — образование, науку, культуру — с точки зрения создания благоприятной инфраструктуры и атмосферы внутри страны, способствующей непрерывному созданию **качественного нового национального продукта или услуги**. В январе 2011 года Е. Ясин в своем интервью сказал, что экономика России должна ежегодно производить не менее 3–4 принципиально новых товара для мирового рынка. Он, безусловно, прав, но важно подчеркнуть, что эти товары должны быть качественно новыми и отличаться инновационными характеристиками, а значит могут создаваться только на базе национальных научных и технических школ.

2. В стратегии развития, как и любой стратегии, важное значение имеет искусство распределения ресурсов. В военной стратегии это обеспечивает либо концентрацию сил и средств на направлении главного удара, либо (при обороне) такую же концентрацию для предотвращения наступления.

Строго говоря, стратегия — это искусство добиваться поставленных целей с наименьшими затратами ресурсов. На рисунке, изображающем модель модернизации, эта область заштрихована. Как и всякое искусство, оно зависит от субъективных факторов; в данном случае адекватного восприятия элитой национальных интересов и ценностей и формулируемых на этой основе целей, с одной стороны, и способности элиты к правильному распределению ресурсов.

В искусстве национальной стратегии развития это означает, что ограниченность ресурсов (а кризис 2008–2012 годов наконец-то показал, что они не безграничны) требует особенно тщательного подхода к их распределению и использованию. В современной России очевидно катастрофическое недофинансирование именно ключевых элементов НЧП, которое не только не позволяет им развиваться, но фактически ведет к их разрушению. Это такие области, как:

- культуры, где минимальный объем финансирования законодательно закреплён на уровне 2%, но в бюджете на 2011 год составляет значительно менее 1%;
- образования, где формально объем финансирования сохраняется на прежнем уровне, но фактически, с учетом инфляции, сокращается вместо того, чтобы расти, как в других странах. В США, например, расходы на образование росли все последние десятилетия. Более того, даже в условиях кризиса, эти расходы росли ускоренными темпами;
- науки, где отечественная наука хронически недофинансируется, научные школы разваливаются, а ставка на зарубежных специалистов и точечные вливания, на мой взгляд, губительны для науки. Наука должна формировать национальные научные школы и центры по максимально широкому спектру НТП. Единичные технологические про-

рывы» — ошибочная стратегия. Никто сегодня не знает, где и когда результаты фундаментальной науки приведут к таким прорывам;

- здравоохранения в XXI веке стало локомотивом развития целых отраслей экономики и чья доля в развитых странах уже превышает 10% ВВП⁸, а занятость в этих областях способна решить проблему безработицы.

Ресурсы в отношении этих отраслей должны быть увеличены, как минимум, в три раза и должны распределяться целевым характером на модернизацию системы науки, образования, культуры, здравоохранения и создание действенных механизмов саморазвития. И в этом заключается важнейшая задача новой Стратегии.

3. Соответствие национальных интересов и НЧП во всех его элементах должно быть максимально полным. Это означает развитие прежде всего **национального образования, национальной культуры, национального здравоохранения, национальной науки** и научных школ.

Сегодня политика модернизации ориентирована прямо в противоположном направлении, а именно — на внешние заимствования: наука, образование, здравоохранение — предполагаются модернизировать за счет зарубежных технологий. Это возможно только до определенной степени. Как, например, в Китае, где рядом с иностранным заводом строится отечественный, национальный. Эта тенденция в современной России отмечена пока что только в автомобилестроении, где В. Путин поставил задачу до 2020 года добиться, чтобы 60% собираемых автомобилей, однако в настоящее время подобной локализации достиг только один из существующих заводов, на всех остальных осуществляется так называемая «отверточная сборка» и еще несколько не сложных процессов. Схема создана для минимизации таможенных пошлин и де-факто ведет к увеличению выпуска автомобилей, увеличению импорта комплектующих, перемещению чистой прибыли за границу, созданию новых рабочих мест и отчислениям в российский бюджет (эти отчисления не так велики в условиях нашего налогового законодательства и оптимизации налогооблагаемой базы). Т.е. система функционирования прямых иностранных инвестиций в РФ напоминает систему наименее развитых стран, где иностранного инвестора ждут с распростертыми объятиями, при этом, не замечая, что наиболее маржинальные и прибыльные отрасли заняты почти на 100% зарубежными ТНК. В условиях глобального кризиса это приводит к перенаправлению источников доходов и ориентацию иностранных компаний на рынки тех стран где экономическая ситуация позволяет получить максимальную прибыль. Соответственно, разработка стратегии модернизации требует глубокого переосмысления промышленной, валютной, инвестиционной и инновационной политики государства в комплексе и через призму развития человеческого капитала и областей, влияющих на это развитие.

2. Идеология модернизации: новая реальность

Если вам удастся привязать национальное самосознание к процессу модернизации, у вас неплохие шансы на успех⁹.
М. Манн

Глубокое знание есть осведомленность о потере гармонии еще до потери, осведомленность об опасности еще до появления опасности, осведомленность о разрушении еще до разрушения, осведомленность о наступлении бедствия еще до наступления бедствия¹⁰.
Сунь-цзы

«Глубокие знания» — это совокупность философских, идеологических, экономических, социальных и иных представлений как о существующем мире и месте в нем России, процессах, которые доминируют в нем, так и о стратегии нации в этих условиях. Эти знания концентрируются в идеологической концепции, которая позволяет правящей элите использовать новейшие достижения науки, искусства, творческого воображения и духовно-нравственных норм. В конечном счете эти знания — новый идеологический продукт, позволяющей элите **разрабатывать свои правила и нормы в стране и в мире**, а не играть по чужим правилам, что в конечном счете позволяет говорить о том, что для нации (обладающей специфическими особенностями и условиями развития) избран не стандартный, а собственный путь развития. Это и есть стратегия, которая, во-первых, является собственным, качественно новым интеллектуально-духовным продуктом, максимально учитывающим национальные особенности. Во-вторых, этот новый продукт может рассчитывать на идеологическое лидерство, в-третьих, наиболее полно учитывать как внешние условия, так и национальные особенности, т. е. быть эффективной стратегией.

Сначала об обоснованности самого понятия — «идеология модернизации». Именно так не протяжении многих десятилетий делают Соединенные Штаты и Китай, которые ставят эффективность своей стратегии развития **в прямую зависимость от идеологического лидерства**. В своем предисловии к «Стратегии национальной безопасности» США в 2010 году президент Б. Обама, например, прямо декларирует: «В то время, когда мы боремся со стоящими перед нами проблемами, мы должны видеть горизонт, находящийся за ними — мир, в котором Америка будет сильнее, безопаснее и способна к преодолению вызовов, **одно-временно отвечая ожиданиям всех людей на планете**. Для достижения этого мы должны реализовать стратегию **национального обновления и глобального лидерства**, стратегию, которая восстановит основы американского могущества и влияния»¹¹.

Все смелее на роль идеологических лидеров претендует Китай, который по мере усиления экономических позиций, осторожно, но настойчиво начинает продвигать в мире свои национальные ценности

и идеи, которые наиболее представлены уже сейчас в США, Англии, Индонезии, в африканских странах через национальную культуру и традиции.

В любом случае мы являемся свидетелями того, что успешная модернизация требует более широкой идеологической основы, которая выполняла бы очень важные, но не свойственные собственно модернизации функции:

- мобилизации нации на основе некоей идеологической сверхзадачи, ее консолидации и установлению неких обязательных нравственных норм, позволяющих сохранить внутривнутриполитическую стабильность;
- долгосрочному планированию, предсказуемости для бизнеса и внешних партнеров, когда приоритеты и программы не пересматриваются или забываются, как в России ежегодно;
- координации национальной стратегии с внешнеполитическими реалиями и условиями на основе национальных интересов (целей), с формулированными на долгосрочную перспективу.

Всего этого нет в российской концепции модернизации, которая, более того, сознательно от этого отказывается, уступая идеологическое лидерство другим странам, большинство из которых сами находятся в состоянии идеологического кризиса.

Это положение особенно актуально в связи с идеологическим кризисом либерализма в мире, который во многом был усилен наступившим экономическим кризисом 2008–2010 годов в развитых странах. Примером остроты этого кризиса стал соцопрос, проведенный летом 2010 года в Германии, когда более 80% опрошенных высказались против капитализма и его ценностей. Впрочем, этот факт, как и многое другое, в России остался незамеченным. Ведь не бывает готовых и априорных решений в развитие общества, нет той догмы, которая способна создать идеальное общество (мы его уже пытались создать), и либеральные идеи (их лучшая часть) хороши там, где им место и самое главное — время. Российская элита отмечает лишь внешние признаки этого кризиса, связанные с экономическим кризисом. Те, которые не заметить нельзя. Но выводов для себя, своей внутренней политики, не делает. Как справедливо заметил министр иностранных дел России С. Лавров, выступая 1 сентября 2010 года в МГИМО(У), «Сегодня весь мир

находится на переломном этапе своей эволюции. Либеральный капитализм прошел по кругу за последние 300 лет и уперся в те же ограничители, прежде всего нравственно-мотивационного порядка, которые были составной частью его „родовых мук“. Это во многом уравнивает всех перед лицом общего модернизационного вызова...

О реальной повестке дня в Евро-Атлантике, к примеру, говорят дискуссии по поводу т. н. конца прогресса, то есть по таким вопросам, как поиск путей сохранения достигнутого в Европе уровня жизни, приведение потребностей человечества в соответствие с возможностями ресурсной базы планеты, сопряжение стратегий национального развития с необходимостью обеспечения развития в глобальном масштабе. По сути, идет переосмысление самого понятия прогресса»¹².

Другими словами, речь идет о том, что в мире происходит системная переоценка ценностей, отказ либо глубокий пересмотр прежних идей и концепций, объединенных в идеологии либерализма. Российская элита продолжает следовать тем стандартам, которые были созданы 20–30 лет назад, боясь предложить что-то свое, новое, национальное. Для России это означает, что просто скопировать чужой, а тем более только казавшийся удачным, опыт, в основе которого лежат только либеральные идеи, не удастся, модернизировать предстоит не только всю экономику, но и общество и, наверняка, государство. Причем не по либеральным рецептам. Но признавать это не хотят. Не хотят признавать и того, что это, в свою очередь означает, что нужна идеология такой модернизации, как **система** взглядов национальной элиты (а не отдельный набор часто противоречивых идей) на цели, приоритеты развития, национальные ресурсы и эффективность их использования, а также адекватную оценку (или переоценку) мировых и внутривнутриполитических реалий. Вообще все, что касается национальных ценностей и традиций российскую элиту пугает. Она слишком быстро стала наднациональной (или компрадорской?), чьи интересы давно уже сконцентрированы за рубежом.

Наконец, не хочет российская элита признать того, что как **часть** идеологии, нужна общенациональная стратегия, которая не может быть сведена, только к социально-экономической стратегии, она представляет собой науку и искусство достижения поставленных целей при отсутствии достаточных ресурсов (а ресурсов никогда не бывает достаточно). Может быть потому, что таких долгосрочных целей у элиты просто нет, что она связывает свои интересы с другим будущим.

К сожалению, в России продолжается болезнь, связанная со страхом реанимации доминирующей партийной идеологии, когда во второй половине 80-х годов А. Яковлевым был провозглашен курс на «деидеологизацию» государства и общества. Думаю, что эта затянувшаяся болезнь «деидеологизации» не слу-

чайна. Из-за нее, например, очень удобно отказываться от общенациональной идеологии, от долгосрочной национальной стратегии, наконец, от национальных интересов и ценностей. Понятна сегодня такая потребность всему обществу, точнее, — только той его части, которая не видит свое будущее с нацией и её будущим. Как только такая национальная идеология возникнет, перед большей частью элит встанут неудобные вопросы, на которые нужно будет отвечать. Например, о приватизации, о приоритетах бюджета, о расходах чиновников и их собственности за границей, детях, которые там живут и учатся, расходах, которые многократно превышают доходы и т. д.

Для того чтобы вопрос о национальной идеологии не вставал, придумали дежурный набор «аргументов». Сегодня некоторые политологи и журналисты даже апеллируют к Конституции России, запрещающей государственную идеологию. Речь идет о Статье 13 (1) Конституции Российской Федерации, где говорится: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие», и (2), где констатируется, что «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹³.

Но, **во-первых**, речь не идет о «государственной» идеологии, а, тем более, «обязательной». Я имею в виду доминирующую (общенациональную) идеологию правящей элиты и общества, где существует система взглядов на общие ценности, интересы, цели и способы развития, допускающая многовариантные толкования, в т. ч. заложенные в Конституции России, ее федеральных законах, традициях и нынешних объективных потребностях.

Во-вторых, такая идеология не может быть «обязательной» или устанавливаться в качестве «государственной», т. е. монополией государственных институтов. Но она может и должна быть доминирующей в элите, хотя бы потому, что победившая на выборах партия обязана иметь свою идеологию. Да и сама элита должна быть в общих принципах консолидирована. Когда этого нет, нет и стабильности.

В-третьих, опыт управления (в т. ч. российский), показывает, что корпорация, отрасль, предприятие, СМИ имеют свои идеологии развития в качестве инструмента управления. Более того идеология сегодня рассматривается в качестве обязательного атрибута повышения эффективности управления. Должна быть и идеология модернизации, которой предшествует идеология развития, а той предшествует — общенациональная идеология.

В-четвертых, «отказываясь» от идеологии, элита на самом деле просто дает возможность **чужой идеологии** формировать систему ценностей, цели и стратегии (часто ложные) развития страны.

Наконец, **в-пятых**, нельзя создать стратегию или долгосрочный план без идеологии. Они — ее частный случай. Так происходит, например, с нынешним «частным случаем» — программами модернизации и инноваций, которые **вне системы** общепринятых

взглядов сплошь и рядом допускают разные толкования и даже крупные ошибки.

Как только мы пытаемся выйти за рамки только технологий, мы сталкиваемся с нерешенными идеологическими вопросами, которые имеют большое практическое значение. Так, американские авторы справедливо подчеркивают, что «...строительство в России инновационной экономики, экономики знаний, должно стать непрерывным процессом, а не рассматриваться как цель...»¹⁴. Но тогда, что формулируется в качестве цели? Пока что модернизация и инновации рассматриваются чаще как цель или даже самоцель, а не процесс. И этот процесс должен стать устойчивым, стабильным и непрерывным, способным дать России ту уверенность и ту технологическую базу, способную отвечать всем современным реалиям жизни.

Таким образом, нерешенность мировоззренческих и идеологических задач становится серьезным препятствием для реализации планов модернизации. «Модернизация, «инновация» «опережающее развитие России», — термины, ставшие наиболее популярными в конце первого десятилетия XXI века, неизбежно натываются на известную излишнюю абстрактность, размытость и бессистемность. Насытить эти понятия конкретным содержанием — важная задача, ведь как только мы начинаем рассуждать о модернизации экономики (не говоря уже об обществе), мы немедленно выходим за рамки только технологических инноваций. Как справедливо отмечают американские эксперты, подготовившие в ав-

густе 2010 года доклад о модернизации, «...в России идет более общий процесс модернизации экономики и всего общества, что является главной задачей власти. Для этого важно добиться создания современных и прозрачных институтов, установить эффективную правовую систему, развить демократические процедуры»¹⁵.

Отсутствие идеологии модернизации в качестве неизбежного следствия имеет непоследовательность, слабое целеполагание и стратегическое планирование, а в конечном счете, — слишком большое количество невыполненных решений и тактических ошибок. На уровне общественного сознания это нередко выражается в восприятии действий власти как декларативных мер, отсутствии реальных результатов, «партийной пропаганды».

Вместе с тем, уже можно говорить о том, что идеи «модернизации» и «инноваций» стали не только модными терминами, и декларациями политического руководства страны. В 2007–2010 годы они были положены в основу реального политического курса Д. Медведева. Точнее — эти идеи попытались положить в основу реальной политики. Они же, эти идеи, стали предлогом острой идеологической дискуссии, суть которой, в конечном счете, сводится к тому, что ряд влиятельных сторонников модернизации, прежде всего из либерального лагеря, полагают, что ради неё необходимо «пожертвовать национальными интересами и ценностями», отказаться даже от многих атрибутов суверенитета.

3. Что же такое НЧП

У нас поповское мировоззрение¹⁶.

*В. Мартынов,
композитор*

Ельцин — этот «ужасающий русский» — что-то прочное. Но что именно?

Предмет борьбы остается неясным, более того — анонимным. Но у этой анонимности есть актуальная подоплека: русский вопрос, остающийся «большой грязной тайной» даже в национальной России и ее политическим либидо¹⁷.

Г. Павловский

Национальный человеческий потенциал (НЧП) принципиально отличается от общепризнанного термина «человеческий капитал», а тем более ИРЧП, введенного ПРООН, тем, что он относится к нации, определяет ее способность к выживанию.

К сожалению у российской элиты, как и у большинства общества, действительно сложилось «поповское мировоззрение» не только по отношению к культуре, политике и нравственности, но и экономике. Эта «поповость» в политике сложилась из отрицания нации, а в экономике выражается в том, что на протяжении многих лет наша элита предпочитает простые, даже примитивные, рецепты развития эко-

номики, которые, может быть, и были справедливы в середине XX века на Западе, но сегодня уж точно не являются ни передовыми, ни оригинальными, ни национально ориентированными. Эта «поповость» упорно не хочет замечать, что в последние 20 лет развитие страны строят свою экономику знаний, развивая прежде всего свой национальный человеческий потенциал, а мудрость элиты и эффективность ее управления определяются способностью в кратчайшие сроки и максимально полно превращать этот национальный потенциал в национальный капитал.

Собственно провал модернизации в 2008–2010 годы и неизбежный ее будущий провал будут

объясняться прежде всего именно этим. До тех пор, пока основной акцент в идеологии модернизации не будет сделан на приоритетном развитии **национально человеческого потенциала** (НЧП), как главной цели развития российского общества и государства, не будет и никакой модернизации. Роль НЧП, его структура, влияние на все области экономики и социальной жизни имеет огромное значение. Вот почему важно дать ясное определение, **что же он собой представляет**.

В последние годы стало общим мнением, что эффективность развития экономики современных государств в огромной степени зависит от того, сколько **средств оно вкладывает в своих людей**. В последние годы также общепризнанной и актуальной стала задача изучения эффективности этих инвестиций или «отдачи» от таких вложений, чему было посвящено немало работ. Так, например, норма отдачи от образования оценивается на уровне 20%, при этом для стран с низким доходом, эта норма выше, а **норма отдачи от каждого дополнительного года обучения достигала 2–4%**. Это наблюдение очень актуально в связи с намерением некоторых российских чиновников увеличить долю учащихся ПТУ за счет сокращения студентов университетов¹⁸.

Табл. 1. Нормы отдачи от образования для мужчин и женщин¹⁹

Уровень образования	Мужчины	Женщины
Начальное	20,1	12,8
Среднее	13,9	18,4
Высшее	11,0	10,8
В целом	8,7	9,8

Национальный человеческий потенциал (НЧП) и Национальный человеческий капитал (НЧК), на мой взгляд, являются новыми фундаментальными понятиями, определяющими сегодня как основные цели и задачи экономического и социального развития, так и способы, методы, а, в конечном счете, — стратегию развития общества и экономики.

НЧК — реализованная часть НЧП, т. е. доля от потенциальных возможностей нации, зависящая от многих объективных и субъективных факторов, но прежде всего от понимания элитой и обществом основных тенденций мирового развития, их **умения реализовать этот потенциал нации**. Реализовать потенциал **каждой личности**, из которых состоит нация — это значит создать для неё максимально благоприятные условия для самореализации: экономи-

Рис. 4. Разделение совокупного дохода по Дж. Кендрику

ческие, социальные, политические. При этом такую реализацию нельзя свести к простой экономической выгоде, как считают некоторые экономисты, но общим критерием реализации потенциала личности становится общественная польза.

Я полагаю, что в интегрированном виде весь человеческий капитал нации может отражаться в таком понятии, как НЧК, хотя существует множество иных подходов к изучению и оценке как человеческого капитала в целом, так и его отдельных частей. Так, известный американский экономист Дж. Кондрик классифицирует человеческий капитал следующим образом²⁰ — см. рис. 4.

Этот подход иллюстрирует всю сложность проблемы. Для нас же сегодня важно, что НЧК является не только основной частью национального богатства страны, но и главной движущей силой национального развития. Без понимания этого значения, как и без понимания, например, приоритетности инвестиций в НЧК невозможно обеспечить быстрое и поступательное развитие нации. Так, в США, по некоторым оценкам, доля инвестиции в человеческий капитал составляет более 15% ВВП, что превышает «чистые» **валовые инвестиции** частного капитала в заводы, оборудование и складские помещения. И даже если специальные исследования по этому вопросу не проводились, можно с высокой долей **уверенности** предположить, что один из самых высоких показателей уровня вложений в человеческий капитал в мире прямо пропорционально связан с самыми высокими в мире показателями уровня развития экономики²¹. Можно долго рассуждать на тему того, что они недавно пришли к таким показателям и тем пропорциям в инвестициях, о которых сказано выше, однако надо полагать, что идеология развития человеческого потенциала там уже устоялась в обществе давно как наиболее приоритетная и выгодная.

Так, по оценкам В. Мельянцева, «Общие (учтенные) расходы на образование, здравоохранение и науку в среднем по ведущим странам Запада и Японии выросли с 2,4–2,8% их ВВП в 1910–1913 гг. до 7,5–8,0% — в 1950 г., 14–15% — в 1973 г. и **18–19% ВВП в 2006 г.** Доля инвестиций в человеческий капитал (затраты на образование, здравоохранение и НИОКР) в их совокупных расходах на формирование человеческого и физического капитала (без учета жилья) увеличилась с одной пятой в 1913 г. **до двух пятых в 1950 г., половины — в 1973 г. и не менее трех пятых — в 2006 г.** Показатель среднего числа лет обучения взрослого населения, скорректированный с учетом качества, вырос с 7,3 в 1913 г. до 10 — в 1950 г., 12–13 — в 1973 г. и 17–17,5 лет — в 2006 году²², а в Австралии и Новой Зеландии уже достиг более 20 лет.

И наоборот. В последние годы в развитых странах (РС) обнаружена тенденция — снижение среднегодовых темпов прироста совокупной факторной производительности (СФП) и душевого ВВП, что пы-

таются объяснить достижением РС высокого уровня развития. Между тем я согласен с В. Мальянцевым, который считает, что по этой причине можно объяснить снижение только отчасти „на четверть или треть“. Главные же причины торможения роста заключены **в недооценке влияния фактора ЧК на развитие даже в передовых государствах.**

Феномен торможения роста обусловлен также падением престижности труда в сфере науки и образования на фоне галопировавшего роста в финансовом секторе, доля которого в США в общем объеме корпоративных прибылей выросла с 1/6 в 1973–1985 гг. до 2/5 в середине первого десятилетия 2000-х годов»²³.

Следует отметить, что проблема стремительного роста ЧК описывается во многих научных работах, более того, используется в различных методиках достаточно давно. У нее есть уже не только история, но и признание со стороны большинства исследователей и международной общественности. Достаточно сказать, что по оценке Всемирного банка на него приходится до 70–75% национального богатства развитых стран и более 50% — развивающихся. Развитие НЧК, который в разных странах называется по-разному, ставится в качестве политического приоритета **во всех ведущих странах.** Показателен в этой связи пример США — безусловного лидера сегодня по развитию НЧК. В «Стратегии национальной безопасности» США за 2010 год — относительно небольшом по объему документе, отражающем высшие политические приоритеты действующей администрации — в качестве **первого, важнейшего** приоритета выдвигаются меры, объединенные под общим названием «Укрепление образования и человеческого капитала». Представляется важным коротко перечислить эти меры:

- Совершенствование образования на всех уровнях, включая «...восстановление лидерства США в высшем образовании, преследуя цель (внимание! Эта цель прямо противоречит сути дискуссии о высшем образовании 31 августа 2010 года на Госсовете) **лидерства в мире в процентном отношении по числу выпускников колледжей.**
- Инвестирование науки, технологий и инженерии и продолженного образования, т. к. американское долгосрочное лидерство зависит от образования и производства в будущем ученые и инноваторов ...
- Увеличение международных обменов и образовательных связей.
- Продвижение иммиграционных программ, которые способствуют приезду образованных профессионалов со всего мира»²⁴.

Комментировать эти политические приоритеты, выдвинутые на высшем уровне, не трудно. Важно подчеркнуть, что эти приоритеты — суть политики, включая бюджетной политики, не только администрации и конгресса, но и всей американской элиты. Они предельно конкретны, предполагая, в частности, что **американское лидерство в мире будет обеспечено лидерством в образовании и человеческом капитале.**

Табл. 2. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения, в % к итогу (%), Российская Федерация, январь–декабрь)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
первая (с наименьшими доходами)	5,9	5,7	5,7	5,5	5,4	5,4	5,3	5,1	5,1	5,1
вторая	10,4	10,4	10,4	10,3	10,1	10,1	9,9	9,7	9,8	9,8
третья	15,1	15,4	15,4	15,3	15,1	15,1	14,9	14,8	14,8	14,8
четвертая	21,9	22,8	22,7	22,7	22,7	22,7	22,6	22,5	22,5	22,5
пятая (с наивысшими доходами)	46,7	45,7	45,8	46,2	46,7	46,7	47,3	47,9	47,8	47,8

При анализе факторов роста, прежде всего НЧК, мы не уйдем от социально-политических проблем, которые сегодня в России в основном рассматриваются как приоритетное, но абстрактное увеличение доходов населения. Между тем проблема **справедливого распределения** национального богатства это проблема не только политическая, но и экономическая, которая характеризует степень вовлеченности всего населения и эффективность использования НЧП в общественном производстве. По официальным данным Росстата положение здесь крайне неблагоприятное.

Как видно из обработанных данных (табл. 2), как минимум, три из пяти социальных групп можно отнести к категории нищих, а 20% самых богатых съедают более 45% всего пирога доходов. Самым бедным достается только 5%, причем эта картина со временем только усугубляется. И это только денежная масса, капитал в виде заводов и лачуг сравнивать даже не хочется²⁵.

С экономической точки зрения, можно констатировать, что 80% населения страны, как минимум, работают непроизводительно, в минимальной степени используя ЧП. Соответственно и общий уровень НЧП будет низким, ведь душевой ВВП рассчитывается как среднестатистический, средний уровень между четырьмя группами (80% граждан) с низкими доходами и одной группы — относительно высокими.

На рис. 5 видно, что подобная ситуация характеризуется уже многие годы как стагнация, более того, она даже несколько ухудшилась с 2000 года, что свидетельствует лишь об одном: огромные ресурсы российского общества до сих пор задействованы

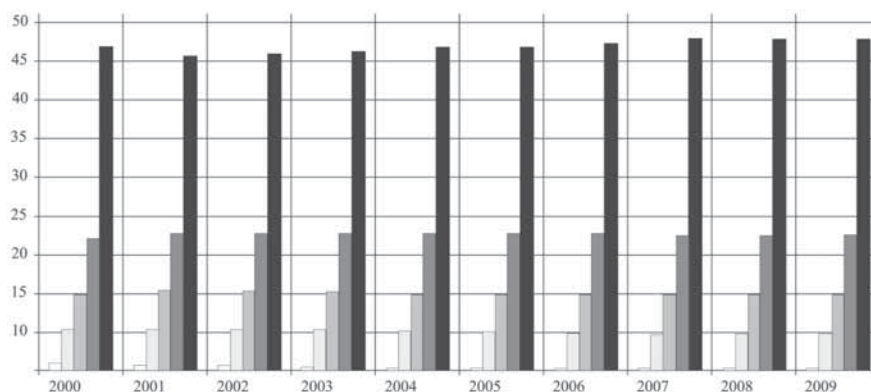
в минимальной степени, что, собственно, отражено в крайне низкой производительности труда в России, которая в 4–5 раз ниже, чем в странах-лидерах глобализации.

Это же свидетельствует, что ни власть, ни общество, ни бизнес до сих пор не обратили внимание на эти тенденции. В противном случае мы наблюдали бы иную динамику.

Рост доходов граждан, как и повышение спроса, — **главный инструмент повышения темпов роста экономики**, что, собственно, и должно стать ближайшей целью модернизации вместе с расширением равных прав и возможностей для всех субъектов экономики и соблюдения принципа честной конкуренции. Таким образом социальные факторы влияют на экономические, которые в свою очередь влияют на социальные подобно естественному кругообороту.

Следует понимать, что **национальный человеческий капитал (НЧК)** — производное понятие от целого ряда факторов. Так, участники дискуссионного клуба «Валдай» передали 6 сентября 2010 года премьер-министру Российской Федерации Владимиру Путину доклад «Индекс развития России 2009–2010 годов», в котором отражено совокупное мнение ведущих мировых экспертов о динамике развития российского государства. Этот индекс основывается на экспертных опросах.

В ходе первого опроса фокус-группы, составленной из участников седьмого заседания клуба, были опрошены 25 человек из числа ведущих экспертов по России из США, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Китая, Польши, Канады, Японии.

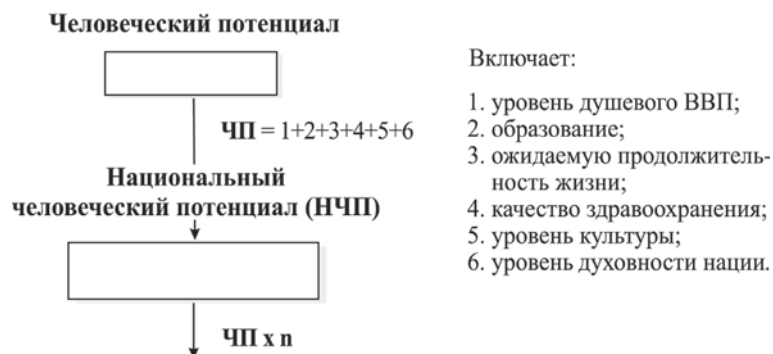
Рис. 5.

Участникам было предложено ответить на девять вопросов и дать свою оценку по десятибалльной шкале: от «минус 5» — принципиальное ухудшение, до «плюс 5» — принципиальное улучшение. Полученные результаты показали наблюдающуюся в России тенденцию к стагнации, проявляющуюся наибольшим образом в отношении экономического, научного и культурно-цивилизационного развития страны.

По мнению экспертов, ситуация в этих областях за последние год-полтора не претерпела никаких изменений. Россия продолжает оставаться

привлекательным торговым партнером, особенно в энергетической сфере, однако существуют серьезные опасения по поводу долгосрочных инвестиций и протекционистской политики. Позитивные сдвиги, произошедшие в России за 2009–2010 годы, участники опроса относят на счет внешнеполитической и дипломатической деятельности. Также, по мнению экспертов, некоторое улучшение отмечается в области безопасности²⁶.

НЧК, на мой взгляд, может быть в упрощенной схеме представлен следующим образом (см. рис. 6):

Еще в XVII веке родоначальник английской классической политэкономии В. Петти впервые предпринял попытку оценить денежную стоимость производительных свойств человеческой личности. По его методу «ценность основной массы людей, как и земли, равна двадцатикратному годовому доходу, который они приносят». Ценность всего населения Англии того времени он оценивал примерно в 520 млн фунта стерлингов, а стоимость каждого жителя в среднем 80 фунта стерлингов. Он отмечал, что богатство общества зависит от характера занятий людей и их способности к труду. Так, взрослого Петти оценивал вдвое дороже, чем ребенка, а «моряк в действительности равен трем крестьянам».

$$n = (n_1 - n_2) + (n_3 \times 10)$$

для России в 2010 году:

$$n = (70 \text{ млн} - 10 \text{ млн}) + (15 \text{ млн} \times 10) = 210 \text{ млн чел.}$$

где: n — число жителей страны, но оно состоит

из: n_1 — активное население (для России примерно 70 млн чел.), где его часть, примерно 20%, принадлежит к креативному классу;

n_2 — неактивное население (для России примерно 10 млн чел.);

n_3 — креативная часть общества (примерно 15 млн чел.);

10 — «коэффициент полезности» индивидуального человеческого потенциала

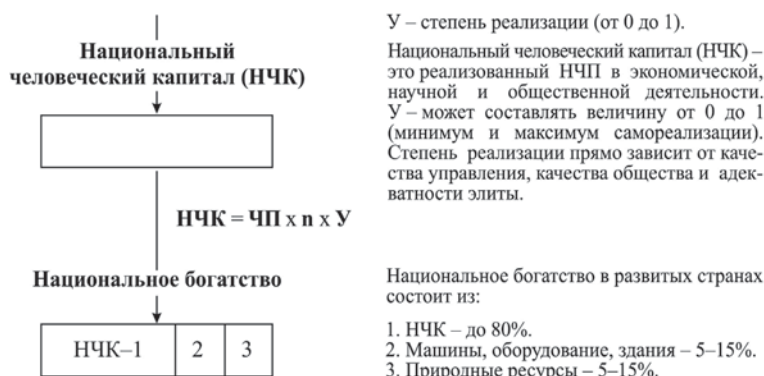

Рис. 6. Принципиальная схема формирования национального человеческого капитала (НЧК)

Таким образом, очевиден вывод: во-первых, величина национального богатства **во все большей степени определяется НЧК**, а, во-вторых, следуя логике, модернизация, как процесс и идея, должна предполагать для элиты, власти и общества не только и не столько модернизацию техники и технологий, сколько **опережающее развитие НЧП** и его эффективную реализацию, т. е. превращение потенциала в капитал (НЧП — НЧК).

Необходимость этого подкрепляется дополнительно еще двумя важными обстоятельствами. Во-первых, тем, что широко рекламируемое условие развития — иностранные инвестиции — не идут в области, связанные непосредственно с развитием НЧП, что видно, например, из структуры иностранных инвестиций в I квартале 2010 года, отражающей общую тенденцию²⁷. Транснациональные компании идут в сферы народного хозяйства, где их позиции наиболее крепки за счет международного разделения труда и технологических и управленческих ноу-хау, что позволяет им с минимальными издержками практически монополизировать рынки, получая норму прибыли значительно выше, чем на рынках развитых стран (хотя качество и издержки производства значительно! ниже), либо в наиболее доходные отрасли добычи полезных ископаемых; все это сопровождается не переносом передовых производств в РФ или глубокую локализацию, а переносу отдельной части производственной цепочки, сбыта, фасовки, сборки или переносу тех производств, которые, например, не проходят экологические или иные нормы стран ОЭСР. То есть отработанные основные средства в родной стране переносятся в РФ, где они продолжают приносить огромную прибыль и полностью контролировать чувствительно важные отрасли национальной экономики, не редко используя грязные приемы враждебного поглощения молодых российских производителей.

Рис. 7. Иностранные инвестиции в отрасли экономики РФ

Это означает, что приоритетные области модернизации не инвестируются (и вряд ли будут) из-за рубежа. Во-вторых, только государство, таким образом, может инвестировать в национальный человеческий капитал. Может быть, когда для этого будут созданы благоприятные условия, вырастет до заметной и доля отечественного бизнеса, которая сейчас символично мала.

Одно из определений человеческого потенциала, к сожалению, до сих пор ограничивается только его производственно-экономической функцией: «Человеческий капитал (human capital): чистая дисконтированная величина прироста объема производства, за счет дополнительного опыта и квалификации персонала, по сравнению с объемом производства неквалифицированного труда».

Человеческий капитал может быть создан в результате профессионального обучения или накопленного производственного опыта (learning by doing — обучение в процессе деятельности). Он подвержен технологическому или моральному износу, так же, как и материальные активы. Однако он **не может быть продан или передан другому лицу** (фирме), а значит, не может служить залогом в обеспечении кредита²⁸. Другое определение — как **способность людей**: «Человеческий капитал — способность людей к участию в процессе производства, их знания, опыт, трудовые навыки. Инвестициями в человеческий капитал считаются затраты на здравоохранение, образование, техническое обучение и другую деятельность, способствующую повышению **производительности** людей»²⁹.

Понятие «человеческого капитала» возникло достаточно давно, однако полное развитие эта теория получила только во второй половине XX века. В разное время внимание этому понятию уделяли такие известные экономисты, как В. Петти, А. Смит, Дж. С. Милль, К. Маркс, Жан-Батист Сэй, Джордж Мак-Куллох, Нассау Сениор, Вальтер Рошер, Генри Маклеод, Леон Вальрас, Иоганн фон Тюнен, Ирвин Фишер. Основное развитие, теория человеческого капитала получила благодаря Гэри Бэккеру, а также его коллегам по Чикагскому университету Т. Шульцу, Б. Вейсброду, Д. Минсеру, Ли Хансену.

В 50–60-е годы XX века усилился интерес к экономической активности человека, возврату произведенных в него затрат. Тогда же утвердился термин «человеческий капитал», под которым понимались приобретенные знания, навыки, мотивации, которые могут использоваться в течение определённого промежутка времени **для получения дохода**.

Особо следует оговориться об **условиях** развития национального человеческого капитала. Так, например, в криминализованной и коррумпированной стране ЧК не может функционировать эффективно по определению. Даже если это «ввезенный», внешний, высококачественный ЧК, обеспеченный за счет его притока извне. Он либо деградирует, ввязываясь в авантюры. Либо «работает» неэффективно³⁰.

Рис. 8. Классификация видов человеческого капитала по уровням и собственности

Человеческий капитал принципиально отличается от трудовых ресурсов. Трудовые ресурсы — это непосредственно люди, образованные и необразованные, определяющие квалифицированный и неквалифицированный труд. Человеческий капитал — понятие гораздо более широкое и включает, помимо трудовых ресурсов, накопленные инвестиции (с учетом их амортизации) в образование, науку, здоровье, безопасность, в качество жизни, в инструментарий интеллектуального труда и в среду, обеспечивающую эффективное функционирование ЧК³¹.

Инвестиции в **формирование эффективной элиты, в том числе в организацию конкуренции**, являются одними из важнейших инвестиций в ЧК. Ещё со времен классиков науки Д. Тойнби и М. Вебера известно, что именно элита народа определяет вектор направления его развития: «вперед, вбок или назад». Это положение — одно из ключевых в работе, — которому уделяется значительное место.

Различают в этой связи три формы человеческого капитала:

- индивидуальный человеческий капитал;
- человеческий капитал фирмы (предприятия);
- национальный человеческий капитал.

Этим формам, их анализу (в т. ч. количественному и математическому) посвящено в последние годы много работ. В том числе и в России. В настоящем издании речь идёт преимущественно о национальном человеческом капитале (НЧК), который рассматривается в различных преломлениях к тем или иным проблемам. По отношению с НЧП, например, не подходит **наиболее полное определение человеческого капиталу, которое дал Р. Капелюшников**. С его точки зрения, человеческий капитал есть «воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков и мотиваций, формирование которого подобного накоплению физического или финансового капитала, требует **отвлечения средств от текущего потребления ради получения дополнительных доходов в будущем**»³². Тем более не подходит описание, предлагаемое экономистами, когда под человеческим капиталом подразумевается

оценка воплощенной в индивиде потенциальной способности приносить доход.

Сегодня у некоторых авторов сложилась следующая классификация **видов человеческого капитала по уровням и собственности**³³. При этом в наименьшей мере описан и изучен национальный человеческий капитал (НЧК). К сожалению, эта часть человеческого капитала фактически игнорируется в российской науке и действительности. Но отнюдь не в американской, где она выступает нередко в качестве основы для общенациональных документов, таких, например, как Стратегия национальной безопасности.

В российской экономической литературе, посвящённой управлению персоналом и человеческому капиталу, зачастую между понятиями «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» ставится знак равенства.

Несмотря на то, что определения человеческого капитала и человеческого потенциала похожи, между ними существует **существенная разница**. Понятие «человеческий капитал» входит в понятие «человеческий потенциал», так как в обоих случаях рассматривается человек с определённым образованием, здоровьем, воспитанием, мотивационными предпочтениями и прочими ключевыми способностями. Но, во-первых, понятие человеческого капитала более относится к экономической деятельности, в то время как **человеческий потенциал это больше социологическое и психологическое понятие**. Во-вторых, можно упростить это различие, свядя его к простой констатации: капитал — реализованный потенциал (в военной науке — фактор). Степень его реализации зависит от многих причин. Основная — качество управления государством и обществом.

4. Критерии и индексы НЧП как показатели эффективности элиты

Российское общество сохраняет сталинское двойное табу на «русское». В национальном государстве Россия источником власти стал многонациональный народ России, не являющийся конечно нерусским народом — но и ни русским³⁴.

Г. Павловский

Критерии и индексы НЧП отражают степень эффективности управления нацией и государством правящей элитой, «капитализацию» национального человеческого потенциала, превращения его в капитал. Понятно, что существующий национальный потенциал может быть реализован частично, либо максимально. Если управления эффективно, то капитализация НЧП дает высокий эффект, измеряемый во множестве индексов и критериев, разработанных (и разрабатываемых активно сейчас) в последние десятилетия.

Ясно и то, что многое зависит от методики: прежде всего от того, **какие** критерии берутся за основу, **как** они измеряются, **насколько** они соответствуют национальным интересам.

Очевидно, что если отрицается (или фактически игнорируется, как в современной России) само понятие «нация», а национальные интересы сужены до государственных интересов, то многие важнейшие критерии просто выпадают из фокуса внимания, либо им придается ничтожное значение. Здесь очень важен не только российский, но и зарубежный опыт. Так, британский социолог М. Манн полагает, что «В государствах, развивавшихся по имперской модели, например, в Великобритании имел место следующий процесс: англоизация Шотландии и Уэльса начала давать свои плоды именно тогда, когда шотландцы и валлийцы признали английский язык языком современности, языком образованных людей, родители начали стремиться к тому, чтобы их

дети учили именно этот язык, что бы они не думали о своем родном языке. Поэтому если вам удастся привязать национальное самосознание к процессу модернизации, то у вас определенно есть неплохие шансы на успех, — естественно, если эта привязка не будет пустой риторикой. Люди должны чувствовать, что у них появляются новые возможности и что их уровень жизни растет»³⁵.

Основным в определении человеческого капитала является понятие «капитала как самовозрастающей стоимости». С этих позиций человек рассматривается как определённый объект, который в результате произведённых в него инвестиций представляет собой экономический объект с определённой стоимостью. На данном этапе человек не является капиталом и представляет собой пока только определённый потенциал. В этой связи человеческий потенциал можно также трактовать как набор инвестиций (образовательных, здравоохранительных и воспитательных), произведённых в человека. **Капиталом человек становится только будучи субъектом экономической деятельности, то есть когда произведённые в него инвестиции начинают работать и приносить прибыль**³⁶, как считают экономисты.

Или, на мой взгляд, — **общественную пользу, что гораздо принципиально, точнее**. Капитал — реализованный потенциал человека или нации. И не обязательно только для прибыли. Общественная и государственная польза — вот критерий оценки реализации потенциала, превращения его в капитал

и фактор развития. Более того, общественная польза, в отличие от прибыли, становится все чаще политической категорией. Опровергнутый Джоном Нэшем принцип сугубо эгоистичного поведения каждого субъекта в обществе, где этот эгоизм приводит к максимизации прибыли для общества или экономики, высказанный патриархом экономики Адамом Смитом, даже математически в новых реалиях не всегда работает прямолинейно, иногда согласованные действия прямых конкурентов или контрагентов может в итоге принести максимальную прибыль для системы в целом. Этот скорректированный экономический постулат приводит к более справедливой системе распределения и большей устойчивости национальной экономики и общества в целом.

В ситуации, когда созданы условия для социальной и экономической справедливости, более квалифицированные, более активные работники получают более высокую заработную плату, таким образом, получая более высокую отдачу от своего человеческого капитала. Но такое положение в экономике, как и в международных отношениях, — идеализация, скорее — желательная тенденция, которая однако, безусловно, усиливается в последние десятилетия и в развитых странах успешно функционирует. Российские экономисты упускают ту фундаментальную значимость справедливости получения дохода, без которой не может утвердиться социальное спокойствие в обществе, способное консолидировать людей на плодотворную работу.

Важно также подчеркнуть, что как личный человеческий капитал, так и человеческий капитал фирмы и нации, принадлежат **исключительно этим субъектам**. Его нельзя отнять, взять займы или заложить. Для страны и нации это имеет огромное значение: **увеличение НЧК объективно ведет к укреплению суверенитета и национальной безопасности**. А процессе модернизации объективно ведет к **резкому укреплению суверенитета, способности защищать национальные интересы и ценности, быть более устойчивым к вызовам глобализации**.

И, наоборот (кризис 2008–2012 годов это наглядно показал): сохранение ресурсной экономики, низкого удельного веса НЧК, не разумная зависимость национальной экономической системы от внешних факторов ведет к ослаблению национального суверенитета, возможностей защищать национальные интересы и ценности. Поэтому выбор стратегии модернизации не случайно вызывает споры и даже попытки противопоставить модернизацию национальным ценностям. Стратегия модернизации, ориентированная на зарубежные заимствования технологий и инноваций, очевидно отличается от стратегии модернизации, ориентированной на развитие НЧК. В том числе и с точки зрения интересов национальной безопасности.

Для оценки человеческого потенциала широко используется так называемый индекс развития че-

ловеческого потенциала (ИРЧП), который ежегодно публикуется под эгидой ООН (Human Development Index — HDI). Он является инструментом универсальных сравнений и пользуется значительным авторитетом как в академической среде, так и в политическом сообществе.

Непосредственно составлением рейтинга стран по данному индексу занимается Программа развития ООН (ПРООН). В создании Докладов о развитии человека³⁷ принимает участие группа независимых экспертов, которые в своей работе опираются на другие исследования, проводимые ООН, а также на официальные данные национальных исследовательских центров.

Идея расчета ИРЧП как совокупного индекса, включающего в себя показатели социального и экономического развития, была предложена в 1990 г. группой экспертов ПРООН. Создание такого индекса объяснялось необходимостью оценки эффектов развития на человеке, который таким образом становился объектом исследования проблем развития³⁸.

Значение ИРЧП призвано показывать уровень благополучия населения в стране, а также существующие в ней возможности для реализации жизненных потребностей и приоритетов. В качестве важнейших критериев развития человека выбраны долгая здоровая жизнь, высокий уровень образования и достойный (в материальном отношении) уровень жизни.

Этот подход имеет не только методическое, но и политическое значение. Если элита страны, недооценивает значение высшего образования, то такое отношение безусловно скажется (причем быстро и непосредственно) не только на ИРЧП, но и на эффективности экономики и НЧП в целом. В этой связи не понятна логика состоявшегося в сентябре 2010 года совместного заседания Госсовета и Комиссии по модернизации при Президенте России, где отчетливо прозвучал тезис о том, что в условиях модернизации «...необходимо устранить сложившийся в 90-х годах перекоп в сторону высшего образования. Очевидная нехватка специалистов, выпускников начального, среднего профобразования», — заявил Д. Медведев³⁹. При этом в качестве аргумента было приведено мнение М. Прохорова, что современное образование готовит 80 процентов выпускников с высшим и только 20 — с начальным и средним образованием, тогда как «рынок требует обратной пропорции».

Аргумент — крайне неубедительный. Если развалили систему профобразования, — что истинная правда, то и надо ее восстанавливать, т. е. **увеличить число выпускников**, создав для этого необходимые условия, а не пытаться кастрировать высшее образование.

Известно, что высшее образование дает максимальный экономический и социальный эффект. Поэтому вопрос надо ставить — как это сделать, например, в Японии, — вопрос **о всеобщем** (не путать с обязательным!) высшем образовании,

Рис. 9. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)

Рис. 10. Многомерный индекс бедности (МИБ)

а не искусственно сокращать число студентов. Напомню, что в Стратегии национальной безопасности США 2010 года в качестве важнейшего приоритета ставится задача достижения максимального уровня выпускников высших учебных заведений.

Кроме того, очередной аргумент — «рынок требует» — не подтверждается практикой наиболее развитых стран, где доля студентов университетов заметно растет. Они (выпускники университетов) и формируют будущий рынок экономики знаний. В США, Японии, Китае это прекрасно понимают.

На этом же Госсовете министр А. Фурсенко фактически подтвердил идею искусственного сокращения вузов, что, конечно же, совершенно не отражает мировые тренды в развитии⁴⁰.

Со временем, помимо собственно ИРЧП, эксперты ПРООН стали рассчитывать ИРЧП с учетом пола и индекс человеческой бедности. Сам же ИРЧП претерпел изменения в методологической части — изменился принцип определения уровня грамотности населения и механизм подсчета ВВП на душу населения.

ИРЧП является композитным индексом, который подсчитывается на основании индекса ожидаемой продолжительности жизни, индекса образования и индекса ВВП на душу населения по паритету покупательной способности⁴¹ (см. рис. 9)⁴².

Существуют и ныне адаптированные к отдельным проблемам ИРЧП. Например, к проблеме бедности (см. рис. 10)⁴³.

Данные индексы рассчитываются на основе следующих составляющих⁴⁴:

1. **Дохода на душу населения (ВНД)** (валовой национальный доход) на душу населения (GNI [gross national income] per capita) Сумма стоимости, добавленной всеми производителями-резидентами в экономике, плюс налоги на продукцию

(минус субсидии), не включенные в стоимость продуктов, плюс чистые поступления первичного дохода компенсации наемным рабочим и доход от собственности) из-за рубежа, деленные на численность населения по состоянию на середину года. Добавленная стоимость — чистый результат деятельности промышленности, получаемый и вычитания промежуточных вложений. Когда данный показатель выражен в долларах США по паритету покупательной способности (ППС), он конвертируется в международные доллары с использованием коэффициентов ППС. Международные доллары обладают такой же покупательной способностью в отношении ВВП, как доллар США в Соединенных Штатах).

2. **Ожидаемой продолжительности жизни при рождении** (Life expectancy at birth). Количество лет, которое может прожить новорожденный младенец, если существующие на момент его рождения преобладающие тенденции в области показателей смертности для конкретных возрастных групп останутся без изменений на протяжении всей его жизни).
3. **Сводного индекса образования** (Состоит из двух показателей: *ожидаемой продолжительности обучения* (Expected years of schooling) — количество лет образования, которое, как ожидается, может получить ребенок, достигший официально установленного возраста поступления в школу, если в течение его жизни сохранятся преобладающие тенденции в области показателей охвата населения образованием, и *средней продолжительности обучения* (Mean years of schooling) — среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше в течение жизни, основанное на показателе образователь-

Табл. 3. Целевые ориентиры для Индекса развития человеческого потенциала в данном Докладе о развитии человека 2010

Измерение	Наблюдаемое максимальное значение	Минимальное значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	83,2 (Япония, 2010 г.)	20,0
Средняя продолжительность обучения	13,2 (США, 2000 г.)	0
Ожидаемая продолжительность обучения	20,6 (Австралия, 2002 г.)	0
Сводный индекс образования	0,951 (Новая Зеландия, 2010 г.)	0
Доход на душу населения (по паритету покупательной способности — ППС — в долл. США)	108 211 (Объединенные Арабские Эмираты, 1980 г.)	163 (Зимбабве, 2008 г.)

ного уровня населения, пересчитанном в количество лет обучения на основе теоретической продолжительности каждого уровня полученного образования).

Первичные источники данных для расчета ИРЧП формируются на основе показателей национальных служб статистики и исследованиями международных организаций. Данные о валовом национальном доходе (ВНД) на душу населения взяты из базы данных Всемирного банка «Индикаторы мирового развития» (World Development Indicators [World Bank (2010g)]). Для обеспечения лучшей сравнимости уровня жизни в разных странах данные следует конвертировать по паритету покупательной способности (ППС ежегодно рассчитывается МВФ), чтобы устранить различия в уровнях национальных цен. Оценки ВНД основываются на данных о ценах последнего раунда Программы международных сопоставлений (ПМС), который был проведен в 2005 г. и охватывал 146 стран и территорий.

Оценки ожидаемой продолжительности жизни взяты из издания *World Population Prospects 1950–2050: The 2008 Revision* (Перспективы народонаселения мира на 1950–2050 гг.: редакция 2008 г.) (UNDESA 2009d) — официального источника оценок и прогнозов ООН в области народонаселения. Подготовка этого издания осуществляется каждые два года Отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН на основе данных национальных систем записи актов гражданского состояния, переписей населения и опросов.

Данные об ожидаемой продолжительности обучения предоставленные Институтом статистики ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Эти оценки основаны на показателе охвата населения образованием по возрастным группам на всех уровнях образования и показателе численности населения официального школьного возраста. Ввиду отсутствия данных Института статистики ЮНЕСКО о средней продолжительности обучения, для получения базовых показателей достижений учащихся по половым и возрастным группам в Докладе используются оценочные индикаторы, заимствованные из работы Barro and Lee (2010) и основанные на данных переписей населения и исследований домо-

хозяйств, собранных ЮНЕСКО, Eurostat и другими источниками. При расчете оценочных показателей Барро и Ли используют страновую информацию о продолжительности обучения на каждом уровне.

Первый этап в расчете ИРЧП состоит в создании для каждого измерения подиндексы. Чтобы преобразовать показатели в индексы со шкалой от 0 до 1 необходимо установить минимальные и максимальные значения (или целевые ориентиры). Поскольку для агрегирования используется среднее геометрическое, максимальное значение не влияет на сравнение (в процентах) между любыми двумя странами или периодами времени. Максимальные значения присваиваются фактически наблюдаемым высшим значениям страновых индикаторов во временном ряду, т. е. за период 1980–2010 гг. На сравнение будут влиять минимальные значения, поэтому используются величины, надлежащим образом задуманные как прожиточный минимум или «естественный» нуль. Таким образом, прогресс измеряется по сравнению с минимальными уровнями, которые необходимы обществу для выживания в течение определенного времени. Установлены следующие минимальные значения: для ожидаемой продолжительности жизни при рождении — 20 лет, для обеих переменных в сфере образования — 0 лет и для ВНД на душу населения — 163 долл. США. Минимальное значение ожидаемой продолжительности жизни основано на долговременных исторических данных, заимствованных из работ Maddison 2010 и Riley 2005. Представление о минимальном уровне образования оправдано тем, что общества могут существовать без формального образования. Базовый уровень дохода, необходимый для выживания и составляющий 163 долл. США, — это наименьшее значение, достигнутое какой-либо страной по имеющимся историческим данным (Зимбабве, 2008 г.).

После определения минимальных и максимальных значений подиндексы рассчитываются следующим образом:

$$\text{Индекс измерения} = \frac{\text{фактич. значение} - \text{миним. значение}}{\text{максим. значение} - \text{миним. значение}} \quad (1)$$

Для сферы образования уравнение 1 применяется к обоим субкомпонентам, в результате чего

рассчитывается их среднее геометрическое, после чего уравнение 1 используется вторично. Это эквивалентно применению уравнения 1 непосредственно к среднему геометрическому этих двух субкомпонентов. Для расчета индекса дохода используются натуральные логарифмы от минимального и максимального значений.

Агрегирование подиндексов для расчета Индекса развития человеческого потенциала представляет собой среднее геометрическое трех индексов измерений:

$$(I_{\text{Жизнь}}^{1/3} * I_{\text{Образование}}^{1/3} * I_{\text{Доход}}^{1/3}) \quad (2)$$

Пример: Расчет ИРЧП 2010 для Российской Федерации

Первичные данные

Индикатор	Значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (кол-во лет)	67,2
Средняя продолжительность обучения	8,8
Ожидаемая продолжительность обучения	14,1
ВНД на душу населения (ППС, в долларах США)	15 258

$$\text{Индекс ожидаемой продолжительности жизни} = \frac{67,2 - 20}{83,2 - 20} = 0,747$$

$$\text{Индекс средней продолжительности обучения} = \frac{8,8 - 0}{13,2 - 0} = 0,667$$

$$\text{Индекс ожидаемой продолжительности обучения} = \frac{14,1 - 0}{20,6 - 0} = 0,684$$

$$\text{Индекс образования} = \frac{\sqrt{0,667 \times 0,684} - 0}{0,951 - 0} = 0,710$$

$$\text{Индекс дохода} = \frac{\ln 15258 - \ln 163}{\ln 108211 - \ln 163} = 0,699$$

$$\text{Индекс развития человеческого потенциала} = \sqrt[3]{0,747 \times 0,710 \times 0,699} = 0,719$$

С показателем ИРЧП равным 0,719 Российская Федерация в Докладе о развитии человека 2010 года заняла 65 место, войдя в группу стран с высоким уровнем развития ИРЧП, и находится между Албанией сверху и Казахстаном снизу. В лидирующую пятерку по уровню развития ИРЧП попали: Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, США, Ирландия с показателями, равными соответственно: 0,938; 0,937; 0,907; 0,902; 0,895.

Источником данных для определения индекса ожидаемой продолжительности жизни (Life Expectancy Index) является официальное издание ООН «Перспективы народонаселения мира». Индекс образования (Education Index) рассчитывается исходя из уровня грамотности взрослого населения и совокупного валового коэффициента поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения. Данные о грамотности населения берутся из официальных результатов национальных переписей населения и сравниваются с показателями, вычисляемыми Институтом статистики ЮНЕСКО. Для развитых стран, которые уже не включают вопрос о грамот-

ности в анкеты переписи населения, принимается уровень грамотности 99%. Данные о числе граждан, поступивших в учебные заведения, агрегируются Институтом статистики ЮНЕСКО на основе информации, предоставленной соответствующими правительственными учреждениями стран мира. Индекс ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (GDP Index) понимается в исследовании как индекс достойного уровня жизни. Данные по уровню ВВП на душу населения предоставляются Всемирным банком.

На основе рассчитанных показателей ИРЧП страны ранжируются на государства с высоким уровнем ИРЧП (83, включая Россию; на первом месте — Норвегия), со средним уровнем ИРЧП (75) и низким уровнем ИРЧП (75) и низким уровнем ИРЧП (24; на последнем месте — Нигер).

ИРЧП предоставляет чуть ли не стандартную классификацию государств мира, пользующуюся доверием, часто применяемую в различных исследованиях, в том числе сугубо прикладных. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что в его основу положены не субъективные оценки экспертов или политиков, а реальные числовые показатели, взятые из официальных источников (конечно, это может создавать некоторые проблемы, связанные с тем, что правительства могут сознательно приукрашивать реалии своих стран), он относительно объективен и поддается верификации. ИРЧП, помимо названных достоинств, ежегодно обновляется.

Вместе с тем ИРЧП уже достаточно устарел, требует модернизации. Он сегодня подвергается справедливой критике. При этом два недостатка отмечаются критиками особенно часто:

- ИРЧП учитывает очень мало факторов и потому весьма неточен;
- соответственно он не учитывает таких данных факторов, как уровень развития науки, производительность труда, а, главное, творческие и культурные особенности, проблема учета которых еще будет исследоваться учеными со всего мира.

Главная проблема все-таки в том, что ИРЧП должен характеризовать **социальную**, а не только экономическую сущность человеческой деятельности. **Человеческий капитал**, как показатель прибыли должен измениться и стать **Человеческим капиталом — показателем общественной пользы**. Это требует введения новых частных индикаторов, которые должны отражать и качество человеческой личности, например, ее способность к творчеству. Как справедливо замечают В. Бушуев, В. Голубев, А. Тарко, — индексы — более сложные интегральные показатели, которые конструируются и рассчитываются на основе частных индикаторов. Если число индикаторов велико (в США используется 400 индикаторов), то индексов мало. При этом индексы конструируются индуктивным методом — от частного к общему, что связано с отсутствием теории социума и человека⁴⁵.

Табл. 4. Дополнительные индексы для России

Положительные	Значение	Вес	Индекс	По весу
Индекс духовности (% население исповедующее религию)	50	0,3	0,500	0,150
Индекс культуры (% население посещающее театры, музеи, библиотеки)	70	0,3	0,700	0,210
Индекс креативности (% работников творческих профессий)	20	0,4	0,200	0,080
		1		
Отрицательные	Значение	Вес	Индекс	По весу
Индекс преступности (% заключенных)	7	–0,6	0,070	–0,042
Отрицательные	Значение	Вес	Индекс	По весу
Индекс здоровья (% инвалидов)	10	–0,3	0,100	–0,030
Индекс свободы (% чиновников)	20	–0,1	0,200	–0,020
		–1		
Дополнительный национальный индекс (Доп. НИ)				0,348

Предлагаемый в настоящей работе национальный индекс человеческого капитала (НИЧК) пытается исправить оба эти недостатка. Однако, будучи простым для понимания и не используя сложную математику (это плюсы), он достаточно трудоёмок, так как требует большего количества достоверных данных. Кроме того, при определении весовых коэффициентов трудно избежать субъективизма (это минусы), который, впрочем, преодолим. Даже небольшая группа исследователей сможет выполнить эту работу в достаточно короткие сроки.

Введем понятие «Дополнительный национальный индекс» (Доп. НИ). Аналогичный индекс можно будет разработать и для регионов, что будет значительно точнее, и полезнее практически, но пока сосредоточимся на национальном уровне.

Данный индекс является открытым, т. е. рассчитывается из тех данных, которые достоверно известны для данной страны на текущий год. Доп. НИ рассчитывается из составляющих индексов. Их число может меняться, но ясно, что чем их больше, тем Доп. НИ, а значит и НИЧК более точно отражает реальное соотношение человеческого капитала, которым обладают страны мира.

Принимаем, что составляющие индекса могут быть положительными и отрицательными.

В данной таблице (табл. 4), это следует подчеркнуть, нет ни одной достоверной цифры, — все приведенные значения условны и приведены здесь, лишь для иллюстрации механизма расчета Доп. НИ.

Из этого примера видно:

- все значения приведены в % к общему населению страны, т. е. все значения единообразны;
- весовые коэффициенты (здесь взяты условно — в реальности требуют отдельного обоснования/исследования) в сумме должны быть равны 1 для положительных индексов и –1 для отрицатель-

ных, это гарантирует удержание суммарного Доп. НИ в пределах от нуля до единицы;

- при вводе новой строки в состав положительного или отрицательного списка индексов, веса подлежат обязательному пересчету, чтобы сумма осталась равной 1 (или –1);
- собственно Доп. НИ является простой суммой всех строк (положительных и отрицательных).

Национальный индекс индивидуального человеческого капитала для России

$$\text{НИЧК} = (\text{ИРЧП} + \text{Доп. НИ}) / 2 \quad 0,599$$

В качестве иллюстрации, можно привести, как будет выглядеть рейтинг НИЧК первых 20 стран (данные условны): см. табл. 5.

Существует очевидная потребность в создании как международного, так и общероссийского индекса развития национального человеческого капитала, который смог бы стать инструментом **оценки эффективности деятельности правительств**. В конечном счете, именно такой результат — уровень НЧК — должен говорить **о качестве управления страной и быть главным аргументом, например, на выборах**.

Этот же вывод справедлив и для оценки эффективности управления **всех регионов** Российской Федерации, которые радикально отличаются по уровню своего развития и качеству жизни друг от друга. Региональный душевой ВВП Тувы, например, может отличаться от московского показателя в 15–20 раз, но национальный индекс является усредненным показателем **всех российских регионов**, а не только тех, где развитие идет относительно успешно. В настоящее время в МГИМО(У) были предприняты первые попытки исследования уровня развития ИРЧП регионов РФ⁴⁶.

Табл. 5.

Место в 2007	Страна	ИРЧП Данные 2007 (опубл. 2009)	Доп.НИ	НИЧК = (ИРЧП + Доп.НИ) / 2
1.	Франция	0,961	0,355	0,658
2.	Италия	0,951	0,353	0,652
3.	Нидерланды	0,964	0,340	0,652
4.	Дания	0,955	0,342	0,649
5.	Республика Корея	0,937	0,360	0,649
6.	Канада	0,966	0,330	0,648
7.	Япония	0,960	0,333	0,647
8.	Австрия	0,955	0,329	0,642
9.	Новая Зеландия	0,950	0,310	0,630
10.	Гонконг	0,944	0,340	0,642
11.	Швеция	0,963	0,300	0,632
12.	Бельгия	0,953	0,305	0,629
13.	Израиль	0,935	0,320	0,628
14.	Россия	0,850	0,348	0,599
15.	Швейцария	0,960	0,207	0,584
16.	Австралия	0,970	0,195	0,583
17.	Лихтенштейн	0,951	0,167	0,559
18.	Финляндия	0,959	0,153	0,556
19.	Германия	0,947	0,145	0,546
20.	Норвегия	0,971	0,113	0,542

Уверен, что, рассуждая о современной модернизации, мы должны **насытить само понятие «модернизация» конкретным содержанием** и конкретными критериями, показателями, индексами и т. п. Это внесло бы и больше содержания в дискуссию, ведь не случайно понятия «модернизация», «инновация», «инновационное развитие», «конкурентоспособность» занимают центральные места в российском политическом дискурсе. Создается впечатление, что после ряда инициатив Д. Медведева, содержащих призыв «сделать нашу страну современной и благоустроенной», требуется больше конкретики и больше дискуссий, в ходе которых яснее стала бы и стратегия. Так, была учреждена Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики России во главе с президентом России⁴⁷, однако практических результатов, публикаций, выступлений и публичных дискуссий крайне мало.

Вместе с тем достаточно широко эти понятия были использованы Д. Медведевым в 2006–2008 годах при реализации приоритетных нацпроектов (ПНП). Они были положены в основу Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р⁴⁸. Одной из главных целей был провозглашен переход к инновационному социально ориентированному типу экономического развития, специфика которого «состоит в том, что России предстоит одновременно решать задачи и до-

гоняющего, и опережающего развития», ответить на «долговременные системные вызовы», отражающие развитие как мировых тенденций, так и внутренних барьеров развития».

В этой связи особенно важным становится процесс мониторинга усилий по модернизации экономики и общества, сопоставления и сравнения результатов деятельности в России с мировыми тенденциями. Для этого необходимы инструменты подобных сравнений и сопоставлений, которые не только разработаны, но и успешно используются. Одним из таких инструментов может стать национальный (региональный) индекс индивидуального человеческого капитала (НИЧК), о котором говорилось выше. Можно и нужно использовать и другие, в т. ч. международные инструменты. Так, профессор МГИМО(У) Л. Капица приводит следующие 14 критериев, разработанные международными институтами, которые объединены в четыре кластера⁴⁹. Этот упрощенный вариант был назван «протоколом измерения результатов прогресса».

Общие результаты развития

Среднегодовые темпы роста ВВП (в %);

Индекс человеческого развития

Экономическое стимулирование и институциональный режим

Тарифные и нетарифные барьеры

Качество правового регулирования

Приоритет закона

Образование и человеческие ресурсы
Уровень грамотности взрослого населения (% населения в возрасте от 15 лет и старше)
Совокупный охват молодежи средним образованием
Совокупный охват молодежи высшим образованием
Инновационная система
Численность научных работников в сфере НИОКР на млн населения
Число патентов, выданных Офисом патентов и торговых марок США на млн населения
Научные и технические статьи, опубликованные в журналах, на млн населения
Информационная инфраструктура
Число телефонов на 1000 человек (проводные + мобильные)
Число компьютеров на 1000 человек
Число пользователей Интернета на 1000 человек

Эти критерии могут иллюстрировать динамику модернизации в стране и ее готовность к экономической знаний. Однако это не снимает идеологических и политических вопросов **относительно целей модернизации**, которые сегодня трактуются как **некоторые частные** задачи, и даже самоцель. Что и признали в сентябре 2010 года авторы «Индекса Валдая», в котором, в частности, говорилось о том, что «культурное и цивилизационное развитие России предлагается оценить по критериям **созревания цивилизационной идеологии** (подч. — А. П.) и модели, степени свободы слова, религии, терпимости»⁵⁰.

ПРООН в последние годы использует и другие критерии, получившие название «Измерения развития человека». В докладе ПРООН за 2010 год их девять, причем каждый из них представляет собой сложную конструкцию. Приведу некоторые примеры⁵¹:

5. Модернизация как культурный национализм

Патриотизм, нежелание быть рабом на своей земле, вот то чувство, которое осознанно или пока еще не бессознательно стало нравственным стержнем, объединяющим русских людей⁶².

*Р. Бикбаев,
татарский писатель*

Модернизация — развитие национального человеческого потенциала, включающего его обязательные специфические составляющие — культуру, науку, духовность, образование. Это означает, что политически элита делает осознанный выбор в пользу культурного национализма, а не в пользу «технологизации» и заимствований, выбор в пользу развития нации. Тем более такой самодостаточной во всех отношениях, как русская.

Вопрос в том, что такое модернизация и как она вписывается **в более общую мировоззренческую картину, планы нации, наконец, стратегию ее развития?** Все это, в конечном счете, объединено понятием «идеология». Даже частные (военные, социально-экономические, финансовые, инвестиционные и др.) стратегии являются **производными** от идеологии. Это хорошо видно как на примере политической Стратегии национальной безопасности США (в которой отдельная часть документа посвящена американским ценностям)⁶³, так и Национальной военной стратегии, где, в частности, оценка обстановки в мире начинается с констатации того, что она будет в обозримом будущем «определяться глобальной борьбой с экстремистской идеологией»⁶⁴.

К сожалению, ответов на большинство этих вопросов нет. Как справедливо отмечает главный редактор журнала «Мир и политика» Э. Галумов, «Сейчас мы говорим о модернизации страны, о радикальном

преобразовании российской экономики — и ситуация повторяется: большинство населения просто не понимает, в чём суть-то? И вместо «президентских факторов» в человеческих головах либо гулко гудит пустота, либо рождаются какие-то отвлечённые картинки...».

На этом фоне с ностальгией вспоминаются советские пятилетки. У каждого их года был свой лозунг: первый — определяющий, второй — направляющий, третий — решающий...

С высоты российского демократического опыта всё это кажется наивным. С другой стороны, в том далёком теперь прошлом каждый худо-бедно представлял свою собственную перспективу и перспективу страны. Существовал рациональный посыл: руководство государства демонстрировало народу рубежи, к которым он должен был прийти; «генеральные цели» чётко разбивались на «подцели», контролировавшие общее направление движения ... Да, не все задачи были реально достижимы, некоторые — типа «всемирной победы коммунизма» — большинством населения признавались просто иллюзорными. Тем не менее, «вектор развития» определялся довольно точно, что и делало каждый маневр, как минимум, исполнимым.

Какая цель у России сегодня? Какое общество мы хотим построить? (подч. — А. П.)

Может быть, есть смысл для начала нарисовать, описать самыми простыми словами, чего же

мы добиваемся ... А ведь было бы совсем неплохо организовать всероссийскую дискуссию на эту тему. Да и на другие тоже. Например — каким мы хотим видеть свой город? Свой дом? Свою семью? Какого гражданина должно воспитывать наше общество?⁶⁵

К концу первого десятилетия в России сложились условия для превращения идей развития государства и общества в новую идеологию, т. е. систему взглядов, которую условно можно назвать «социально-консервативной» идеологией. Эта внешне теоретическая задача имеет огромное значение для современной России: наступило время, когда решение совершенно конкретных практических задач развития государства, экономики и общества становится абсолютно невозможным без ясного определения приоритетов и целей развития, методов их достижения, национальной самоидентификации в глобальном мире, т. е. без решения идеологических задач. Конечно же, существуют и более «простые» объяснения. Как, например, у Д. Фурмана, полагающего, что «при Путине общество как бы отдохнуло после смуты в родной атмосфере авторитарной власти. Но когда оно отдохнуло, ему начинает хотеться „чего-нибудь прогрессивного“, а привычное начинает ощущаться как „застойное“. Время начинает работать на лозунги типа „модернизация“ и людей, их воплощающих. „Модернизация“ — мобилизующее, оптимистическое слово. Оно должно дать обществу ощущение перспективы, веру в свои силы и надежду на будущее. В теперешнем контексте лозунг модернизации может сыграть положительную роль и помочь нам сдвинуться с мертвой точки, в которую мы попали в путинское время, когда впереди виделось в самом лучшем случае лишь то, что уже было в прошлом»⁶⁶.

Другими словами, каждый вкладывает в термин «модернизация» свой смысл. Которые, в свою очередь, могут быть совмещены только в рамках общей системы взглядов, доминирующей в обществе идеологии. В данном случае идеологии социального консерватизма.

На мой взгляд, следует выделить несколько особенностей формирования этой идеологии в последнее время. Из них главными являются следующие.

Во-первых, идеология социального консерватизма — это специфическая для российской истории и существующих экономических и социокультурных реальностей, форма идеологии социального консерватизма. Она становится ведущей в ряде развитых странах, стремительно вытесняя как неолиберализм или неоконсерватизм, так и социализм. Похоже, что в начале XXI века именно эта идеология сохраняет перспективу в развитых странах, а не только в России.

Во-вторых, основа этой идеологии в своих главных проявлениях уже сложилась за годы президентства В. Путина и Д. Медведева. Думается, что ближайшие годы станут периодом ее формализации, а может быть, и нормативного оформления в некую идеологи-

ческую систему или доктрину, представленную собой системой доминирующих взглядов российской элиты. Это означает, что в реальной политической жизни основные элементы, «смыслы» и принципы этой идеологии **уже существуют**. Поэтому неверно расхожее утверждение о том, что у В. Путина и Д. Медведева нет никакой идеологии и долгосрочной стратегии. Все последние послания президента Федеральному Собранию, а, главное, их действия показывают, что целенаправленно и методично закладывается фундамент под долгосрочную стратегию развития страны. Такой фундамент не может не быть идеологическим. Даже если В. Путин или Д. Медведев, как «главные идеологи», это и отрицают.

Когда наши либералы противопоставляют национальные интересы и ценности идее модернизации, они делают серьезную, роковую ошибку. Модернизация возможна только как синтез традиционных ценностей и новых реалий. Это касается всех областей политики, но особенно — международной. Как справедливо заметил С. Лавров, «когда мы говорим о модернизационной перенастройке нашей дипломатии, мы отнюдь не отказываемся от базовых принципов своей внешнеполитической философии: прагматизм, открытость, многовекторность, неконфронтационное продвижение национальных интересов. Наоборот, речь как раз идет о максимальном задействовании этих принципов применительно к сегодняшним императивам развития страны»⁶⁷.

В-третьих, в основе этой идеологии лежит главная идея — развитие человека, его потенциала, который выполняет в условиях глобализации ключевую **роль цели** и, одновременно, **средства развития**. Национального развития, т. е. развития НЧП. Эта ключевая идея стала общепринятой в XXI веке в развитых странах. В той или иной форме она стала формироваться в сознании правящего класса в России еще до начала кризиса, в 2005–2008 годы. Мы можем признать, что в этот период произошло определенное переосмысление правящей элитой приоритетов развития, более того, даже приняты и реализованы некоторые решения. Результаты, безусловно, есть. Они очевидны. Так, по ключевому, демографическому, показателю НЧК они свидетельствуют прежде всего о важнейшей роли субъективного фактора — осознания и принятия решения элитой страны.

По данным Росстата видно как практически отражаются усилия власти на важнейших показателях, характеризующих НЧК. Диаграмма, составленная по этим данным, наглядно иллюстрирует вполне субъективный (т. е. зависящий от воли элиты) демографический тренд (рис 11–12/), отчетливо проявившийся с 2005 г., т. е. после принятия решения о приоритетных национальных проектах⁶⁸.

Может быть, этот процесс еще не завершился, но совершенно ясна **общая тенденция, направленность вектора движения**. Впервые за многие десятилетия в России человек, его потенциал стали в центре вни-

**Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет, лет,
Российская Федерация, мужчины, значение показателя за год**

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
все население	59	58,9	58,7	58,6	58,9	58,9	60,4	61,4	61,8	62,8

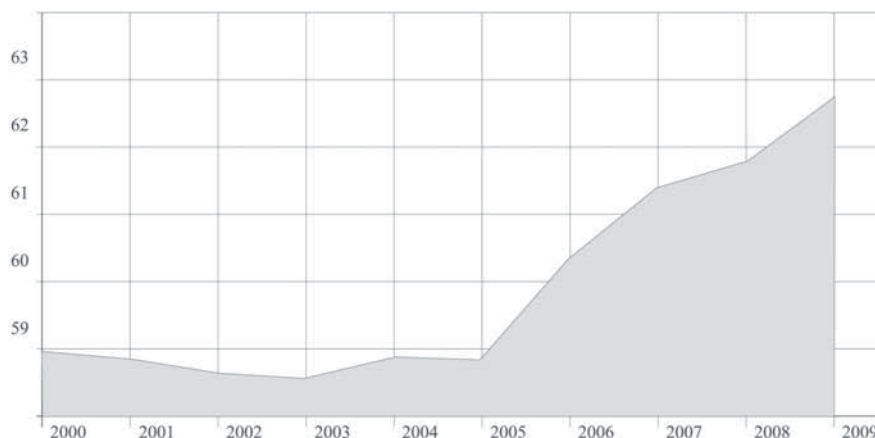

Рис. 11.

**Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет, лет,
Российская Федерация, женщины, значение показателя за год**

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
все население	72,3	72,2	71,9	71,8	72,3	72,4	73,2	73,9	74,2	74,7

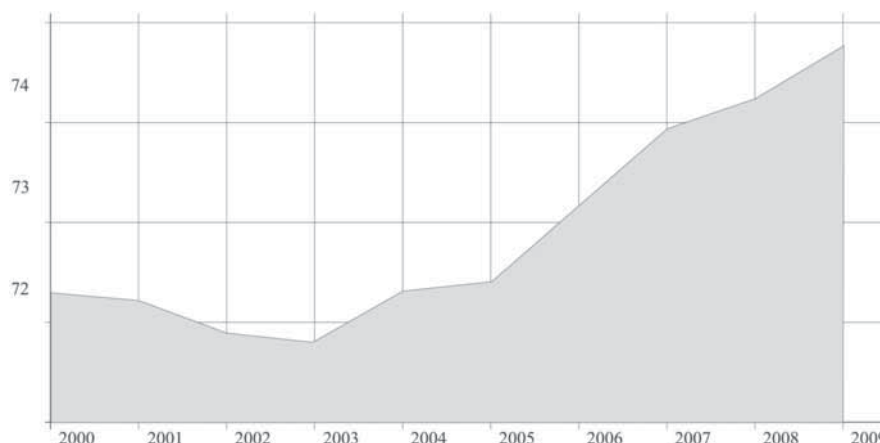

Рис. 12.

мания элиты, действий власти, а не следствием какой-то иной стратегии.

Кроме того, социальная сторона жизнедеятельности общества и государства, включая социальную политику, объективно становятся ведущими областями, определяющими темпы не только социального, но и экономического развития. Повторю: этот процесс находится в стадии, когда от политических деклараций пока ещё только начинают переходить к конкретным действиям. Деятельность В. Путина и Д. Медведева по реализации нацпроектов — пример того, как в 2005–2010 годы власть настойчиво, иногда не осознавая, может быть, до конца всей «идеологичности», масштабности задач, продвигалась в этом направлении.

В-четвертых, идеология социального консерватизма может стать идеологией формирующегося ведущего класса современности — «креативного класса», который в современных реалиях уже стал ведущей производительной силой. Но этот класс (как в свое время пролетариат) еще не осознал своего значения и не занял подобающего политического места в системе власти. Тем более, государство еще не выработало своего отношения к нему. Что проявляется повсеместно и по-разному. Так, известно, за последние 20 лет Россию покинули сотни тысяч талантливых ученых. Сегодня уезжает уже научная молодежь. Причем массово. Эти ученые создают до 30% научных открытий в США. Проблема их возвращения на

Табл. 6. Систематизация возможных целей и принципов возвращения работающих за рубежом русскоговорящих ученых

Цель возвращения/ сотрудничества	Кого привлекать	Какие подходы использовать
Восполнить кадровые потери «по валу»	Квалифицированные кадры, способные решать научные задачи	Массовые программы сотрудничества, создание общих благоприятных условий в науке
Сделать рывок в развитии определенных научных направлений	Лучшие ученые, «звезды»	Индивидуальный поиск и предложение особых условий (институтов, лабораторий)
Создавать заделы на будущее, повышать качество	Молодые ученые со степенью Ph.D.	Массовые программы, взаимодействие с «сетями» соотечественников, создание общих благоприятных условий в науке
Создание инновационной среды	Ученые, ставшие успешными бизнесменами в наукоемких областях	Индивидуальный поиск и предложение разных условий сотрудничества
Создание новой системы экспертизы и квалифицированный консалтинг	Ученые высокой квалификации, имеющие соответствующий опыт	Индивидуальный поиск, взаимодействие с «сетями»

Родину — очевидно актуальна. Как считает специалист в этой области И. Дежина, сделать это возможно только при сознательной политике государства⁶⁹.

Эти и другие положения социального консерватизма — суть новой концепции, которая еще ждет своей идеологии⁷⁰. Можно признать, что основные идеи сформировались в последние годы в условиях глобализации в развитых странах и в России, т. е. это вполне объективная тенденция, которая пока еще сдерживается в нашей стране в силу известных факторов. Можно сказать и проще: плутая последние десятилетия по бездорожью, Россия почти вышла на твердую почву — магистральный путь развития увидена не только цель, но и вектор. Проблема теперь только в том, чтобы, во-первых, быстро по нему двигаться, т. е. проблема в стратегии. А, во-вторых, в том, чтобы полностью использовать имеющиеся ресурсы, в т. ч. идеологии, чтобы очередные идеологические шаманы не столкнулись с этого пути общество.

Сегодня модернизацию и глобализацию пытаются противопоставить национальным ценностям и интересам. Такая очередная деидеологизация в очередной раз приведет только к отказу от попытки совершить скачок в развитии нации и страны. Глобализация и идеология — два тесно взаимосвязанных процесса, чья взаимозависимость, однако, обнаруживается далеко не всегда. Только тогда, когда ее хотят обнаружить во вред или на пользу нации. Так, **идеологическая установка** на развитие национального человеческого потенциала, прежде всего его научных и образовательных школ, является **условием** для создания качественно нового, оригинального продукта или услуги, а не примитивным повторением, пусть лучших, но чужих достижений. Как справедливо заметил В. Путин, «недостаточно просто копировать чужой опыт, либо чужие образцы, так мы всегда будем отставать»⁷¹.

Позитивные аспекты глобализации — если подходить к ним с точки зрения национальных интересов — в России остаются без внимания. Между тем пример Китая показывает, что выигрыш от глобализации, который получила эта страна за последние годы, во многом объясняется именно новыми

идеологическими установками, вытекавшими из понимания сути глобальных процессов. Как признает директор Института изучения России (Тайвань) В. Малявин, «Китай выиграл от глобализации едва ли не больше всех остальных стран мира. Он вошел в мировой порядок и во многом уже **сам определяет его**. Естественно, за этими новшествами последовали идеологические новации. Вражда и борьба теперь в Китае не в почете»⁷². Идет мирная экспансия. Уже на технологической стадии. Но следует помнить, что при этом Китай никогда не поступался идеологическими, культурными и историческими ценностями.

Впрочем, как и Индия, которая в этой связи заслуживает отдельного разговора. Так, в 2010 году социальная политика страны заслуживает самой высокой оценки: рост зарплат прогнозируется на 10,6% (по сравнению с 6,6% в 2009 году), а устойчивый рост ВВП страны — около 9%. Ряд аналитиков даже считает, что Индия способна обогнать Китай⁷³.

Процесс модернизации в России, если он будет осуществлен правильно (т. е. через синтез национальных ценностей и реалий глобализации), может иметь огромное международное значение. Российский успех может стать примером для многих. Иными словами, наша страна **может вновь стать идеологическим лидером**, дать своим примером ответы на многие вызовы. Как справедливо считает И. Дискин, «...Россия не просто способна представить новую концепцию глобализации, но многие в мире заинтересованы, чтобы такая работа была проведена. „Прежняя модель глобализации уже не работает. И в этом смысле Россия оказывается, возможно, единственной страной из крупных держав, которая способна поставить вопрос о ее смене“, — заметил Дискин. Тем более, что на такую модель „уже фактически сформирован запрос“ у многих членов мирового сообщества (например, в рамках БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР)»⁷⁴.

Не только США, стремящиеся сделать привлекательными свою систему ценностей в мире (в т. ч. и государственными средствами), но и Россия способна предложить человечеству привлекательные идеи, инновации и концепции. Для этого у России всё есть.

Кроме ясной идеологии. Идеологии, ориентированной на человека, развитие его возможностей и способностей. В качественной работе, посвященной такой идеологии и человеческому потенциалу, ее авторы делают принципиальный вывод, с которым трудно ни согласиться: «Для России особенно актуален **социогуманитарный переход** — от экономики, ориентированной на прибыль, к экономике для гармоничного развития человека. Последнее означает согласованный, соразмерный рост составляющих человеческого капитала — витальной, интеллектуальной и духовной. Такой переход невозможен без коренного изменения культурной политики государства — отхода от ком-

мерциализации культуры к политике, обеспечивающей гармоничное развитие человека.

Успешному государству необходима и собственная идеология, показывающая цель развития, своя „Национальная идея“. Такой на настоящем этапе является идеология социогуманизма, утверждающая жизнь высшей ценностью бытия, приоритет гуманитарных ценностей над материальными»⁷⁵.

Добавлю, что, по сути, альтернативы этому курсу нет. Время неизбежно заставит избрать именно этот курс. Важно не потерять время, которое является таким же важным ресурсом, как и финансы, экономика и др. ресурсы.

6. Государство, нация и модернизация

Государство — основное орудие политической власти в классовом обществе⁷⁶.
Энциклопедический словарь

Государство, конечно же, продолжает оставаться «основным орудием» политической власти. Да и классовые общества никто не отменял. Более того, кризис 2008–2012 годов показал, что политическая власть стала активнее использовать государственные инструменты для решения экономических и финансовых вопросов.

Проблема, на мой взгляд, в другом: насколько государственные институты России, безусловно, работающие на ее правящую элиту, даже ставшие сами влиятельной частью этой элиты, действуют в национальных интересах? Несколько в модернизации будет участвовать вся нация?

Если допустить, что значительная часть правящей элиты не просто коррупционна и безнравственна — что признается большинством, — но и действует против национальных интересов, то неизбежно приходишь к выводу о том, что и государство действует нередко против национальных интересов. А это, в свою очередь, означает печальный для государственников вывод: далеко не всегда сильное государство это хорошо для нации.

Поэтому вопрос о роли государства в модернизации не однозначен. Государство может и служит интересам правящей элиты, а та далеко не всегда национальным интересам. Поэтому, предполагавшиеся прежде два ответа на вопрос о роли государства — либерально-отрицательный и государственно-положительный — не исчерпывают всей полноты проблемы.

Важнейший **идеологический вопрос** вызывающий острые споры сегодня, — роль государства в развитии современной экономики, общества и человека. А в более широком контексте — соотношение государства и нации. Предпринятая во второй половине 80-х годов кампания «борьбы с этатизмом» привела

не просто к ослаблению роли государства и развалу экономики, но и институтов, государства, которые не восстановлены полностью до сих пор. «Возвращение» государства, начатое при В. Путине, встречает жесточайшее сопротивление и стало предметом острой дискуссии в 2005–2010 годах, поводом для которой может послужить любой частный случай — глупость чиновника, реальная трагедия, либо ошибка власти.

Мне кажется очень важно разделить реальную, экономически и политически оправданную, роль, которую должно играть современное государство в развитии нации, общества и экономики и те бюрократические и нравственные издержки, которые слишком часто становятся реалиями современной российской действительности.

Таким образом, идеи модернизации стали (хотя того или нет) предметом идеологического спора в 2008–2010 годах внутри правящей элиты и общества. Вновь был поднят вопрос о роли государства, вообще, и в модернизации и внедрении инноваций, в частности. Так, в фундаментальном исследовании ученых МГИМО(У) один из авторов (И. В. Данилин, глава 27 «Инновационные циклы в политике России») пишет: «Важнейшим фактором научно-технологического развития передовых стран в XX веке стало формирование феномена Национальных инновационных систем (НИС). НИС представляет собой систему институтов, обеспечивающую постоянный процесс создания и овеществления знаний и технологий и рост динамизма инновационных процессов — условия формирования и развития „экономики знаний“. Определяющую, центральную роль в этой сложной системе **играет бизнес** (подч. — А. П.). На его долю приходится основной объем НИОКР и большая часть коммерческих инноваций (сердце НИС). Иными словами, бизнес-процессы выполняют

роль двигателя и движителя НИС. Однако особенностью НИС и залогом их эффективности является то, что они обеспечивают сложную и динамичную систему отношений между всеми основными акторами инновационного процесса: государством, наукой, бизнесом»⁷⁷.

На самом деле в реальности в России бизнес и вся банковская система финансируют инновации на доли процентов, а решающая роль и инициатива принадлежит государству. Как, впрочем, и в других развитых странах, наиболее преуспевших в научно-технологической области. Президент Д. Медведев, например, «с удивлением» узнал во время поездки в Калифорнию в 2010 году, о том, что даже в либеральных США более 50% инвестиций в фундаментальную науку и НИОКР идет от государства, либо от институтов, созданных государством. Так что **вина за деградацию науки в России, как и ответственность за возможный будущий подъем, лежит прежде всего на государстве**, а точнее, на проводимой правящей элитой в последние десятилетия политике.

Это хорошо видно на следующих примерах. Прежде всего из динамики численности исследователей в России в последнее десятилетие (при том, что в 1990-е годы произошло сокращение, фактически уничтожение целых научных направлений).

Ситуация, к сожалению, не улучшается. Так, согласно **бюджетным проектировкам на 2011–2013 гг., Российская академия наук получила 32,2 млрд руб. в 2011 г., 31,8 млрд руб. в 2012 г. и еще столько же получат в 2013 г.** Российскому фонду фундаментальных исследований выделено **6,0, 4,3 и 4,3 млрд руб.** соответственно. В то же время немалые бюджетные средства на научные исследования — **10,6, 10,7 и 9,9 млрд руб.** — поступят в МГУ имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет (5,4, 8 и 8 млрд руб.) и Российский научный центр «Курчатовский институт» (5,2, 5,9 и 2 млрд руб.). На создание инновационного центра «Сколково» будет потрачено 15 млрд руб. (2011 г.), 22 млрд руб. (2012 г.), 17,1 млрд руб. (2013 г.)⁷⁹.

В конечном счете эта вина — следствие ложной псевдолиберальной идеологии, в соответствии с ко-

торой с конца 80-х годов XX века в СССР и России пытались доказать возможность и необходимость «самофинансирования» российской науки, приоритета в этой деятельности бизнеса или зарубежных институтов (доля которых, кстати, в общем объеме инвестиций в науку, образование и другие области человеческого капитала составляет в 2008–2010 годах несколько процентов от общего объема).

В этой связи вновь встает, по сути, идеологический вопрос о роли государства в модернизации, которую пытались свести к минимуму в последние десятилетия. Примечательно, что анализ инновационной политики США, сделанный Нью-йоркской академией наук, показывает, что эта страна максимально использовала инструмент государства (как, впрочем, и другие страны-лидеры) для быстрой модернизации⁸⁰.

Так, Соединённые Штаты предлагают как налоговый кредит, так и налоговые вычеты для покрытия издержек на научно-исследовательские цели. Большой размер поддержки предоставляется на научно-исследовательские цели бизнеса путём прямого финансирования, нежели чем через налоговые льготы. Налоговые кредиты в США облагаются налогом. Однако существует ряд таможенных льгот.

До конца 2009 года США давали налоговые кредиты на увеличение затрат на научно-исследовательские цели и позволяли списывать до 14% от суммы налога к уплате на определенного вида издержки, при этом малый бизнес может списывать **все затраты на НИОКР на себестоимость** (подч. А. П.). Если объём возможных списаний превышает величину налога к уплате, льгота может быть перенесена на следующий фискальный год или амортизирована в течение 60 дней.

Для того чтобы иметь право воспользоваться льготами, исследования необходимо проводить на территории США. Для получения налогового кредита расходы на НИОКР в текущем году должны составлять более высокую долю от дохода компании, чем в предыдущем.

Примечательны «уроки», которые выносят американские исследователи из существующей практики, применительно к роли государства:

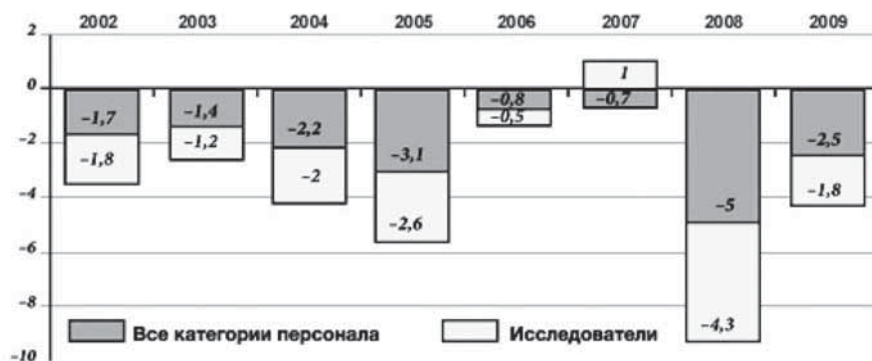

Рис. 13. Динамика численности персонала, занятого исследованиями и разработками, в % к предыдущему году⁷⁸

- «— Государственные закупки создают рынок, необходимый для ускоренного развития технологий.
- Сильная система высшего образования является критическим фактором для кадрового обеспечения инноваций. Важно, чтобы университеты не только занимались образованием и наукой, но и сосредоточили свое внимание на формировании среды для коммерциализации.
- Правительство может и должно быть катализатором отношений, необходимых для коммерциализации технологий.
- Чёткие законы и правила создают открытую и прозрачную среду, необходимую для привлечения, сохранения и создания высокотехнологических фирм.
- Государственный финансовый капитал — основа поддержки исследований и развития технологий на ранней стадии, поскольку частный сектор считает инвестиции на этом этапе слишком рискованными.
- Правительственная поддержка важна как для стартапов, так и более зрелых компаний».

7. Идеология как инструмент управления НЧП

Идеи, которые овладевают нашей мыслью... — это узы, из которых нельзя вырваться...⁸¹.

К. Маркс.

Сегодня, как известно, эффективность управления в современной России является самой важной угрозой, превосходящей по своему значению даже такие угрозы, как инфляция, демография, социальная и национальная рознь. Точнее — многие нынешние угрозы являются во многом следствием крайне низкого качества государственного (в широком смысле этого слова) управления.

Представляется, что причиной этому стала формальная «деидеологизация», проведенная в последние десятилетия, когда важнейшую функцию идеологии — управление обществом — отменили. Попытавшись сначала заменить ее рыночными инструментами, затем административными регуляторами и «господством права». Даже пресловутая «вертикаль власти», как оказалась, не работает, а мечты о «верховенстве закона», «правовом государстве», как оказывается, к управлению имеют мало отношения.

Действительно, даже для реализации принятого на высшем уровне решения требуются годы (в исключительных случаях это удастся сделать за месяцы). Но это все происходит в режиме «ручного управления», т. е. по отношению к отдельным, частным проблемам. Как система, госаппарат, госвласть работают крайне неэффективно.

Это и понятно, ведь каждый раз, на каждом уровне, каждому чиновнику требуется конкретное разъяснение и указание. Такая практика невозможна для управления сотнями тысяч людей по тысячам поводов в год. Кроме того, она полностью исключает инициативу.

Для меня осуществление модернизационного проекта в России, как, впрочем, и в любой другой стране, требует прежде всего идеологически обоснованной концепции, т. е. **идеологии модернизации**, которая выступает **самым эффективным инструментом управления**. Модернизация — это прежде всего ясное определение цели (ибо, как уже говори-

лось, сама по себе модернизация только процесс) и, как следует из определения стратегии, ясности с ресурсами и возможностями для достижения поставленных целей. При этом ресурсов всегда будет не хватать, поэтому необходимы приоритеты (а это — уже идеология), нужна **мобилизация** — идеологическая политическая, организационная, ресурсная — власти, элиты и общества.

Модернизация требует, кроме того, **полной концентрации ресурсов и воли**, даже куража, убежденности в правильности поставленных целей и в своих силах, расширение круга сторонников, более того, искусственного создание социальной базы таких сторонников (т. е. политических действий). Сами по себе сторонники модернизации не рождаются. Все это может обеспечить **только идеология**. Соответственно, продолжая «отречься» от идеологии, мы лишаем себя изначально такой возможности, хотя видим как тщательно продумывают идеологию развития, например, корпорации ее руководители. Так, руководство «Ростехнологии», например, приняло решение, что, **во-первых**, управление и идеологию развития корпорации осуществляет Управляющая компания. **Во-вторых**, эта компания вырабатывает и отвечает за общую концепцию, **в-третьих**, осуществляет контроль и мониторинг, **в-четвертых**, периодически координирует отдельные бизнес-единицы по вопросам общей стратегии⁸².

В этой связи у меня возникают закономерные вопросы, на которые до сих пор не получены ответы: **кто** конкретно отвечает за «Концепцию» модернизации? **Кто** контролирует и осуществляет мониторинг? **Кто** координирует единую стратегию (если она есть) и **какова эта стратегия**?

Ответ — Правительство РФ. Не годится. Правительство в принципе не может сконцентрироваться на модернизации по многим причинам, но главная — текущая деятельность, решение многочисленных

проблем, которые являются его исключительной компетенцией. Кроме того, правительство не может непосредственно заниматься политикой, отношениями с партиями, обществом, Федеральным Собранием РФ.

Очевидно, что нужен как главный координирующий орган, «Управляющая» компания, способная руководить не только бизнес-структурами, исполнительной властью, Федеральным Собранием, но и обществом. Это в российских условиях — прерогатива исключительно Президента России, его администрация или созданного им специального органа (либо существующего которому даны такие полномочия, например, Госсовету, который уже сыграл в реформах России за 300 лет важную роль).

Применительно к современной России, это **идеология опережающего развития**⁸³, т. е. **система** современных взглядов на цели, приоритеты и способы развития, где главной целью и основным средством является развитие национального человеческого потенциала (НЧП). В современных условиях это не только опережающее развитие национального человеческого потенциала (НЧП) и всех его составляющих, но и его реализация, т. е. превращение в национальный человеческий капитал (НЧК).

Вся история человечества — это история идей и идеологий⁸⁴. Включая, конечно же, современный период, который, на мой взгляд, является наиболее

идеологизированным. В идеологической форме выражаются наиболее актуальные потребности и интересы наций и их элит, отдельных социальных слоев и групп, которые трансформируются в цели. Идеология во многом предопределяет выбор средств их реализации, а также какие ресурсы, сколько и когда будут затрачены.

Таким образом, весь процесс — от целеполагания, прогноза и стратегического планирования до методов реализации и использования ресурсов, — то, что называется «государственной стратегией развития»⁸⁵, является **производной частью идеологии**. Поэтому невозможно «изобрести» эффективную стратегию или концепцию развития вне идеологии. Нельзя и, как это пытаются сделать сегодня, заменить общенациональную стратегию развития социально-экономической стратегией, даже если она и рассчитана на долгосрочную перспективу (например, до 2020 года). Это стратегии разного уровня. Они отражают разные приоритеты. В отличие, например, от Китая, который, провозгласив модернизацию, четко определил свои приоритеты. «Уже в самом начале реформ Дэн Сяопин, — пишет академик А. Торкунов, — потребовал, чтобы внешняя политика была подчинена исключительно интересам модернизации...»⁸⁶. Д. Медведев, напомним, заявил об этом только в июне 2010 года на совещании в МИДе с послами и постоянными представителями.

8. Идеология развития НЧП как стратегия модернизации

Науку в США делают в основном приехавшие из разных стран ученые. И это наука очень высокого уровня, им не нужны зарубежные соавторы⁸⁷.

И. Дежина

Действительно, в этом подходе к науке видна **идеология**, подтвержденная не раз на самом высоком уровне, например, президентом Б. Обамой в Стратегии национальной безопасности⁸⁸.

В России такой идеологии нет. Более того, ее и не пытаются создавать.

Вне идеологии элита не может сформулировать главного — целей развития, расставить их в приоритетном порядке. Соответственно, невозможен стратегический прогноз и стратегическое планирование, которые вне идеологии становятся простой макроэкономикой (или социальной экстраполяцией). И первое, и второе, и третье — главные элементы эффективной стратегии модернизации без которых она превращается просто в набор мероприятий. Не всегда, кстати, безвредных. Между тем практическая потребность таких по сути дела идеологических продуктов чрезвычайно важна. Причем во всех областях и отраслях, например, для подготовки кадров. Как заявил на Госсовете 31 августа 2010 года А. Фурсенко, «...необходим качественный (наверное, не случайно

он использовал это определение. — А. П.) долгосрочный прогноз социально-экономического и научно-технического развития в увязке с обеспечивающими этот прогноз кадровыми потребностями»⁸⁹.

Отсюда во многом и нежизнеспособность разного рода стратегий и концепций, разработанных в первом десятилетии XXI века в России. От федеральных, до отраслевых и региональных: они не вписываются в единую систему взглядов, которая вообще не существует как система, а лишь как самые общие контуры социально-экономического развития. Такие попытки создания стратегий и концепций, которые мы нередко видим сегодня, выливаются в лучшем случае в некий нормативный документ, о котором забывают на следующий день после его принятия. Даже чиновники, которые его писали.

Вот почему разговор о формировании идеологии развития государства имеет сугубо **практический даже прагматический характер**, прежде всего применительно к обсуждению модели⁹⁰ модернизации России. Или концепции ее опережающего соци-

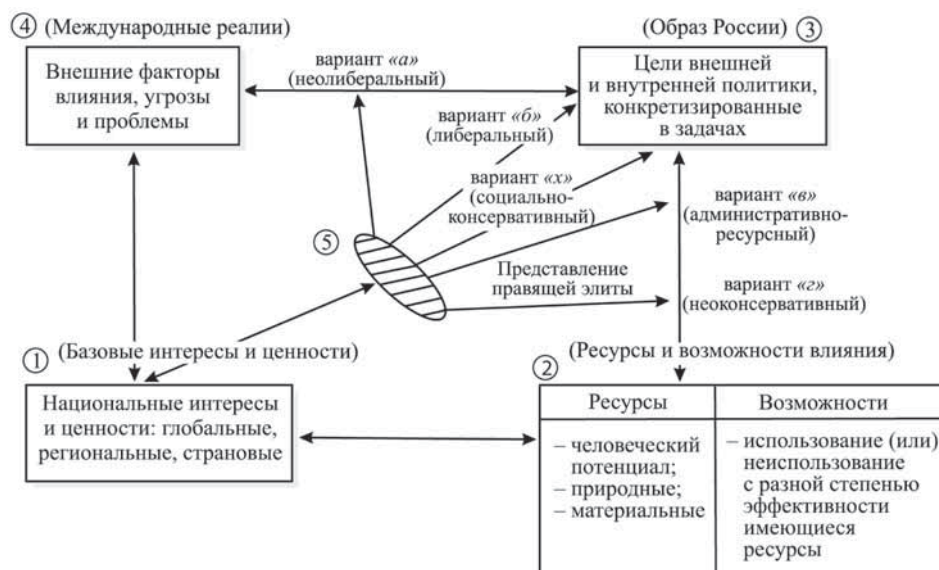

Рис. 14. Модель идеологии как системы

ально-экономического развития, которые являются следствием, частным случаем, идеологии, охватывающей все области стратегии — от экономической, научно-технической и социальной до внешнеполитической. При этом идеология не означает «идеологизированность», когда прагматические, конкретные интересы ставятся в зависимость от узкоидеологических норм и штампов. Как заметил С. Лавров, «Статус России, как и любой страны, в современном мире будет зависеть от способности к комплексной модернизации. Модернизации, которая будет охватывать не только социально-экономическую политику, включая стабилизацию финансового сектора и структурную перестройку экономики, но и все остальные стороны жизни общества, в том числе образование, образ жизни, общественное сознание, включая философию политических элит. Это также предполагает необходимость проводить внешнюю политику на основе четко определенных национальных интересов, прагматично, творчески, отбрасывая идеологическую и иную предвзятость»⁹¹.

В качестве путевода предлагаемой объемной работы⁹² я предлагаю простую модель идеологии, элементы которой рассматриваются поэтапно, шаг за шагом в предлагаемой публикации. Эта модель (модернизированная мною) в свое время была описана покойным ныне профессором МГИМО(У) М. Хрусталёвым, который, хотя и не претендовал на авторство, но настойчиво, даже талантливо, проповедовал эту идею. Он справедливо утверждал, что подобная модель может быть одним из адекватных вариантов формализации. Эта модель, как справедливо пишет М. Хрусталёв, «дает лишь самое общее представление ... и нуждается в пояснениях и уточнениях, необходимых для того, чтобы избежать неправильной интерпретации»⁹³. Что и делается в различных разделах работы. Используя эту модель более 30 лет, могу подтвердить, что, в отличие от десятков

других, эта модель практически «работает». В самом общем виде она выглядит следующим образом (рис. 14). (При этом, учитывая особую актуальность проблемы модернизации, разработки стратегии модернизации в России, надо выделить один из блоков системы, а именно — взаимоотношение и взаимосвязь целей и ресурсов, который и составляет собственно стратегию):

Где основные элементы модели идеологической системы следующие:

1. Базовые (национальные) интересы и ценности, которые представляют собой как национальную ценностную систему, так и комплекс национальных интересов (потребностей), т. е. объективные, не зависящие от восприятия элитой, категории. Среди таких базовых интересов выделяется основной — сохранение («сбережение») и развитие нации, а также сохранение национальной идентичности.
2. Ресурсы (материальные и нематериальные) и возможности государства и нации. К ресурсам относится самый широкий спектр возможностей нации, государства и общества, среди которых особое место в последнее десятилетие занимает комплекс ресурсов, объединенных в национальный человеческий капитал (НЧК).

К важным, но пока недооцененным ресурсам НЧК, следует отнести духовные и социальные потенциалы, эффективное использование которых ведет к синергетическому эффекту. Во время Второй мировой войны, например, **моральный ресурс** (фактор) позволил СССР компенсировать огромное материальное и военное превосходство, которое сконцентрировала Германия после оккупации Европы.

Особое значение в этой связи приобретает такой производный от идеологии фактор, как эффективность государственного управления, которая, во-первых, не допускает игнорирования, либо недооценки важных

**Коэффициент обновления основных фондов, процент,
Российская Федерация, значение показателя за год в ценах 1990 г.**

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Всего	1,6	1,3	1,1	1,1	1,2	1,4	1,5	1,7	1,8

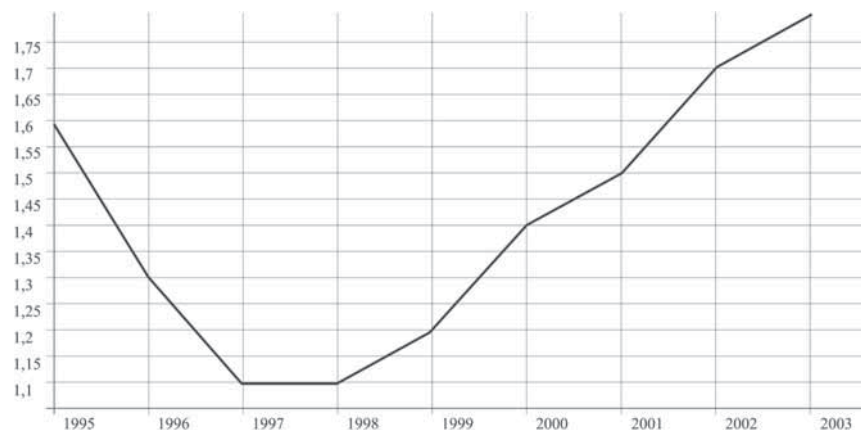

Рис. 15.

Коэффициент обновления основных фондов, (продолжение)

	2004	2005	2006	2007	2008
Всего	2,7	3	3,3	4	4,4

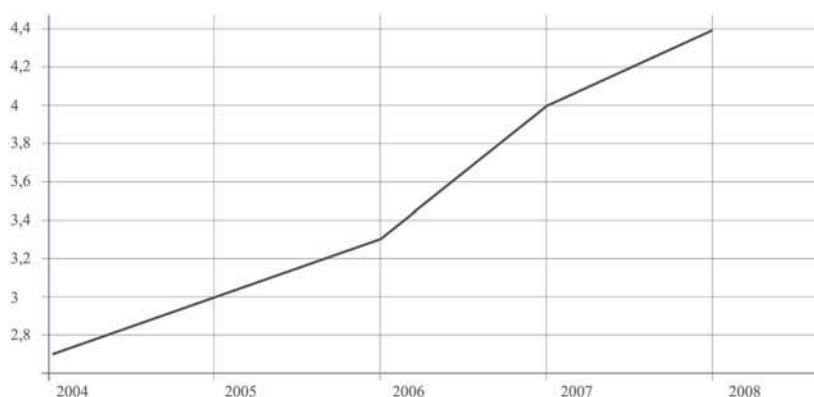

Рис. 16.

видов ресурсов (например, морального, нравственно-духовного НЧП), а, во-вторых, обеспечивают их реализацию, т. е. превращение потенциала в фактор.

К другому важному виду ресурсов следует отнести психологические и волевые НЧП, которые являются (вместе с другими потенциалами) основой для развития творческого, или креативного, потенциала нации, сознательного содействия созданию целого социального слоя — креативного класса.

При этом для власти и общества принципиально важно не противопоставлять в процессе модернизации одни ресурсы (например, материальные) — другим, а **интегрировать все ресурсы нации**, мобилизовать их и обеспечить идеологическую поддержку. Такое противопоставление, к сожалению нередко случается. Так, на Госсовете 31 августа 2010 года А. Фурсенко и М. Прохоров фактически противопос-

тавили количество и долю студентов университета доле специалистов с начальным и средним профессиональным образованием, предложив изменить пропорции в сторону последних. Но менять надо было не пропорции. Нужно было принять решение о восстановлении разрушенного профобразования, которое фактически было ликвидировано руководителями от образования.

Аналогичная ситуация возникает и с традиционными отраслями обрабатывающей промышленности, которые в 90-е годы фактически разрушались. Это отчетливо видно из официальных данных Росстата, регулярно публикующего данные о коэффициенте обновления основных фондов⁹⁴.

Как видно из графика, изображенного на рис. 15, составленного по данным Росстата, коэффициент обновления основных фондов стремительно сни-

жался и привел к фактическому разрушению производственной базы традиционных отраслей. Это в полной мере отражает подход господства идеологии неолИБЕРАЛОВ в 90-е годы, которые фактически устранили государство из обрабатывающих отраслей экономики страны. Хуже другое: программы модернизации сегодня слабо ориентированы на модернизацию традиционных отраслей, без которых **независимо** не смогут функционировать даже экономики высокоразвитых постиндустриальных стран. Почему-то считается, что инновации применимы только к высокотехнологичным отраслям экономики, хотя В. Путин и Д. Медведев не раз говорили о необходимости модернизации традиционных отраслей. И те только ТЭКа, но и других обрабатывающих отраслей промышленности, прежде всего машиностроения, приборостроения, легкой промышленности, строительства, АПК и пищевой промышленности. В итоге эти ниши заняли импорт и ТНК, что приводит к относительной дороговизне и высокому уровню инфляции относительно других стран.

Устойчивый рост обновления основных фондов наблюдается с 1998 года (с 1,1% до 4,4%), который **совершенно не соответствует потребностям страны**. Модернизация, как справедливо отмечают американские исследователи, «...должна не допустить разрушения своего производственного и образовательного потенциала — даже под флагом самых правильных преобразований и благих намерений»⁹⁵. На мой взгляд, сегодня, чтобы добиться серьезных структурных изменений, коэффициент обновления основных фондов, прежде всего в машиностроении, должен достигать 25–30%, что позволит в среднесрочном периоде (до 5 лет) обновить основные фонды этой отрасли.

Очевидно, что стратегия модернизации — как часть идеологии — заключается в **искусстве** достижения поставленных целей с использованием имеющихся ресурсов. Поэтому принципиально важно, во-первых, учесть и задействовать **все имеющиеся ресурсы**, а, во-вторых, использовать их **эффективно**, с самым высоким КПД. Все проблемы государственного управления и экономической политики в отставании по качественным показателям от ведущих стран мира, обусловленное, по большей мере, не эффективными процессами и неисполнением принятых во всем мире процедур, позволяющих развить механизм конкуренции (которая позволяет повысить эффективность экономической системы — других «рецептов» нет!), но и незаконной деятельностью или серыми схемами «кумовского распределения», обширным государственным сектором экономики, бюрократией, коррупцией и монополиями не только государственных компаний, но и, что самое поразительное, монополиями международных ТНК на нашем внутреннем рынке.

3. Общациональные цели и задачи, которые формулируются элитой как государственные цели и задачи под влиянием основных четырех групп факторов:

- объективно существующих национальных интересов и ценностей (группа № 1);
 - наличия ресурсов и возможностей влияния (группа № 2);
 - международных реалий (группа № 3);
 - адекватности (способностей и профессионализма) элиты (группа № 5). Последний, субъективный, фактор имеет для России огромное значение. Именно так называемая либеральная идеологическая анархия 90-х годов оказалась неадекватным отражением объективных процессов, происходивших в мире, из которых мы выпали, и наибольшую прибыль или выгоду от этих процессов получили наши конкуренты;
4. Международные реалии, которые представляют собой группу факторов влияния (экономических, финансовых, военно-политических и др.). Среди таких факторов возрастающее значение в последние годы стал играть человеческий потенциал в его различных формах: институты гражданского общества, образование, наука, туризм, СМИ и коммерческое искусство, культура и т. д.
5. Представления правящей элиты — субъективный фактор — как совокупность доминирующей в данное время в элите идеологий, которые имеют определенные рамки ограничений объективными реалиями (ресурсами, международными факторами, национальными интересами). Также представления с разной степенью адекватности (а иногда неадекватность) выражаются элитой в формулируемых его целях и задачах.

В предлагаемом варианте не обсуждаются неадекватные представления и действия элиты, которые выходят за рамки рациональных. При этом вариант «х» рассматривается как идеальный, а варианты «а» и «г» как допустимые, но наименее эффективные и даже опасные (см. рис. 14).

Структура работы построена таким образом, чтобы последовательно рассмотреть все элементы идеологической модели, а также, что очень важно, их влияние и взаимодействие друг на друга. Так, в предлагаемой модели, стрелками указаны **факторы влияния**, которые могут быть **непосредственными** (группа факторов «1» влияет на группу факторов «4» или «2»), а также **опосредованы**. Например, цели (группа «3») не линейно отражают национальные интересы (группа «1»), а через «преломление» в сознании элиты. Или элита воспринимает ресурсы и возможности не прямо, а **через национальные интересы и цели**.

Как видно из рисунка, стратегии (в т. ч. социально-экономическая, модернизации и т. д.) являются **частью** идеологической системы. Точнее, они зависят от адекватности **целей** (которые формулируются элитой) и **ресурсов**, которые можно использовать для достижения их. Подчеркну — с разной степенью эффективности. Искусство политики и управления,

качество стратегии определяется результатом достижения цели (полным, неполным, — с одной стороны, быстрым или медленным — с другой), затрачивая наименьшие национальные ресурсы.

Конечно, если элита адекватно отражает национальные интересы (потребности) в своих целях, что является наиболее актуальной проблемой в РФ, от которой зависит и эффективность используемых ре-

сурсов, второй важнейший фактор. Двигаться к верной цели можно с разной скоростью. Хуже, если элита, как в 90-е годы в России, выбрала ложные цели для страны. Тогда любые затраченные ресурсы (а, тем более, крупные) — бесполезны, даже вредны, ибо достижение ложных целей может угрожать жизненно важным интересам и утечки капиталов финансовых и людских.

¹ Бердяев Н. Философия свободы. В кн.: Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 31.

² Обама Б. Предисловие к Стратегии национальной безопасности // National Security Strategy. Wash. May, 2010. P. 1.

³ Ibid.

⁴ **Идеология** — зд. система устоявшихся взглядов доминирующей части элиты и общества, в которых отражаются интересы и ценности, цели, а также основные реалии. Идеология — как упрощенное представление о действительности элиты — предлагает идеологемы и систему управления обществом и государством.

⁵ Руководство Осло. М. 2010. С. 10.

⁶ Наращивание расходов чревато новыми кризисами // Специальный проект «Финансовая грамотность». 27.01.2011 / <http://www.personalmoney.ru>

⁷ Прим. авт.: не заслуженно забыты такие имена выдающихся российских экономистов, как М.И. Туган-Барановский, Н.Д. Кондратьев, Г.А. Фельдман, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, А.В. Чаянов, Л.И. Юровский, И.Х. Озеров и др., также нет последователей, развивающих российскую экономическую мысль.

⁸ Прим. авт.: данные характеристики занятости в области здравоохранения были достигнуты США в 2009–2010 гг.

⁹ Манн М. Демократия вместо этнократии // Русский журнал. 2011. 2 февраля. Вып. № 1 (57).

¹⁰ Сунь-цзы. Искусство войны / под. ред. Т. Клири. М.: София. 2008. С. 11.

¹¹ National Security Strategy. Wash. May. 2010. P. 1.

¹² Стенограмма выступления министра иностранных дел России С.В. Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года / МИД России, 1 сентября 2010 г. / <http://www.mid.ru/brp>

¹³ Конституция Российской Федерации. Раздел первый. Основные положения. Глава I. Основы конституционного строя. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>.

¹⁴ Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений / The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. iii.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Мартынов В. Статус гения // Известия. 2011. 28 января. С. 6.

¹⁷ Павловский Г. От Упразднителя к Упразднителю? // Русский журнал. 2011. 12 февраля. Вып. № 1 (57).

¹⁸ См., например, материалы заседания Госсовета России от 1 сентября 2010 года.

¹⁹ Policy Reserch Working Paper 2881. Returns to Investment in Education. Futher Update. Patrinos H. 2002.

²⁰ Цит. по: Гилёва О.А. Анализ отдачи инвестиций в человеческий капитал на пример образования в России. Магистерская диссертация. ГУ-ВШЭ. 2006. С. 9.

²¹ Теория человеческого капитала / <http://exsolver.narod.ru/Books/Managment/Staff1/c18.html>

²² Мельянцева В.А. Перспективы мировой экономики: изменяющаяся роль основных участников // Вестник МГИМО(У). 2010. № 4 (13). С. 163.

²³ Там же. С. 164.

²⁴ National Security Strategy. Wash. May. 2010. P. 1.

²⁵ Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/>

²⁶ Участники дискуссионного клуба «Валдай» передала Путину доклад о развитии России // Фонд «Русский мир». 07.09.2010. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/news/common/news>

²⁷ Федосеев Р. Держаться курса // ВВП. 2010. № 8 (58). С. 36.

²⁸ Человеческий капитал [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://analizprompter.ru/glava5>

²⁹ <http://www.worldbank.org/depweb/glossary>

³⁰ Человеческий капитал [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

³¹ Там же.

³² Капелюшников Р.И. Теория человеческого капитала [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.libertarium.ru>

³³ Цит по: Ильченко И.Н., Арустамян Г.Н. Значимость человеческого капитала в укреплении здоровья и профилактике заболеваний // Профилактическая медицина. 2009. № 2. С. 9.

³⁴ Павловский Г. От Упразднителя к Упразднителю? // Русский журнал. 2011. 2 февраля. Вып. № 1 (57).

- ³⁵ Манн М. Демократия вместо этнократии // Русский журнал. 2011. 2 февраля. Вып. № 1 (57).
- ³⁶ Лимачко Е. Е. Человеческий капитал в современной экономике — некоторые теоретические аспекты. Новосибирск: Институт экономики РАН
- ³⁷ Human Development Reports / UNDP/ URL: <http://hdr.undp.org>
- ³⁸ Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Динамика мирового политического развития и проблемы конкурентоспособности России». МГИМО(У). 2010. С. 30–31.
- ³⁹ Кузьмин В. Профессионалы модернизации // Российская газета. 2010. 1 сентября. С. 2.
- ⁴⁰ Костенко Н.; др. МГУ в ПТУ // Независимая газета. 2010. 1 сентября. С. 2.
- ⁴¹ См. подробнее: Капица Л. М. Индикаторы мирового развития / Л. М. Капица. 2-е изд. М.: МГИМО(У) МИД России. 2008.
- ⁴² Статистическое приложение. Доклад ПРООН 2010. М. 2010. С. 215.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См. подробнее: Гебеков М. Расчет ИРЧП за 2010 г. на примере Российской Федерации, 25.01.2011 / «Рейтинг персональных страниц» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.viperson.ru>
- ⁴⁵ Бушуев В. В., Голубев В. С., Тарко А. М. Качество жизни и его индексы: мир и Россия. Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 1 (143).
- ⁴⁶ См.: Доклад о развитии человека: регионы России, 2010 / А. И. Подберезкин, М. П. Гебеков; МГИМО(У) МИД России, Институт международных исследований. М.: МГИМО–Университет, 2011, С. 55. (Аналитические доклады ИМИ. Вып. 4. Сентябрь 2011 г.).
- ⁴⁷ [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/articles/216634.shtml>
- ⁴⁸ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>
- ⁴⁹ Капица Л. М. Индикаторы мирового развития / Л. М. Капица. 2-е изд. М.: МГИМО(У) МИД России, 2008. С. 100.
- ⁵⁰ «Единая Россия». Официальный сайт / 07.09.2010 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://er.ru/about/15/3333>
- ⁵¹ Статистическое приложение. Доклад ПРООН 2010. М. 2010. С. 164, 165.
- ⁵² Там же. С. 168, 169.
- ⁵³ Там же. С. 172, 173.
- ⁵⁴ Там же. С. 176, 177.
- ⁵⁵ Там же. С. 180, 181.
- ⁵⁶ Там же. С. 188, 189.
- ⁵⁷ Там же. С. 192, 193.
- ⁵⁸ Там же. С. 197, 198.
- ⁵⁹ Там же. С. 202, 203.
- ⁶⁰ Там же. С. 206, 207.
- ⁶¹ Там же. С. 211, 212.
- ⁶² Бикбаев Р. Н. Русский марш. 2010. Декабрь [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://rnb099.blogspot.com>
- ⁶³ National Security Strategy, Wash. May. 2010. P. 35–40.
- ⁶⁴ National Defense Strategy, Wash. June. 2010. P. 2.
- ⁶⁵ Кирпичики модернизации // Мир и политика. 2010. № 6 (45). С. 7, 8, 9.
- ⁶⁶ Фурман Д. Последняя модернизация // Независимая газета. 2010. 25 августа. С. 5.
- ⁶⁷ Стенограмма выступления министра иностранных дел России С. В. Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года / МИД России, 1 сентября 2010 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.mid.ru/brp>
- ⁶⁸ Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных / URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/>
- ⁶⁹ Дежина И. Диаспора в инновационных системах // Независимая газета. 2011. 26 января. С. 11.
- ⁷⁰ **Идеологема** — зд. эмоционально окрашенная часть идеологической системы, не имеющей четкого определения. Пример — «перестройка», «гласность» и т. п.
- ⁷¹ Федосеев Р. Держаться курса // ВВП. 2010. № 8 (58). С. 36.
- ⁷² Малявин В. Стратегическое подполье Китая // Независимая газета. 2007. 28 марта. С. А4.
- ⁷³ Кравченко Е. Обогнать Китай // Независимая газета. 2010. 1 сентября. С. 3.
- ⁷⁴ Новая модель глобализации родится в Ярославле // Известия. 2010. 1 сентября. С. 2.
- ⁷⁵ Бушуев В. В., Голубев В. С., Тарко А. М. Качество жизни и его индексы: мир и Россия // Уровень жизни регионов России. 2010. № 1 (143). С. 18.
- ⁷⁶ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 329.
- ⁷⁷ Данилин И. В. Инновационные циклы. В кн. Современная мировая политика. Прикладной анализ / отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 514.
- ⁷⁸ Дежина И. Диаспора в инновационных системах // Независимая газета. 2011. 26 января. С. 11.

- ⁷⁹ Дежина И. Диаспора в инновационных системах // Независимая газета. 2011. 26 января. С. 11.
- ⁸⁰ Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science, August 20. 2010. P. 38.
- ⁸¹ Цит. по Славин Б. Идеология возвращается. М. 2010. С. 5.
- ⁸² Чемезов С. В., Турко Н. И., Куликов С. А. Перспективные направления формирования системы стратегического управления инновационным развитием высокотехнологических отраслей промышленности / Международное сотрудничество и менеджмент в сфере высоких технологий. М.: МГИМО(У), 2010. С. 8.
- ⁸³ **Опережающее развитие** — зд. количественный критерий, определяющий темпы роста ВВП страны выше, чем в среднем общемировые, при которых основной прирост обеспечивается за счет прироста наукоемкой продукции, т. е. развития, а не роста.
- ⁸⁴ От слова «идея» производными являются слова «идеал» и «идеология», что для настоящей работы имеет значение: «идеальный образ» России является например, наиболее адекватным восприятием национальных интересов элитой страны, а «идеология» может рассматриваться как система мер по достижению идеала (См., например: Федорова Т. Л., Щеглова О. А. Словообразовательный словарь русского языка. М.: ЛадКом, 2009 г., с. 250).
- ⁸⁵ **Государственная стратегия развития** — зд. **общей план** развития государства и общества, **способ** достижения сложной цели, охватывающий **длительный период времени**.
- ⁸⁶ Торкунов А. В. По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевицников. М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 11.
- ⁸⁷ Дежина И. Диаспора в инновационных системах // Независимая газета. 2011. 26 января. С. 11.
- ⁸⁸ The National Security Strategy? Wash: May. 2010.
- ⁸⁹ Фурсенко А. Стенограмма выступления на Госсовете. 2010. 31 августа [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.president.ru>
- ⁹⁰ **Модель** — зд. упрощенный мысленно представляемый объект, сохраняющий важнейшие его свойства, который необходим для практической реализации намеченных целей. В настоящее время может представлять различные, в т. ч. математические, логические, социологические и др. формы.
- ⁹¹ Стенограмма выступления министра иностранных дел России С. В. Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года / МИД России, 1 сентября 2010 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.mid.ru/brp>
- ⁹² Прим. авт.: полное исследование перспектив развития человеческого потенциала России состоит из 2-х томов и 7 книг А. И. Подберезкина, которые частично изданы и будут полностью изданы в 2012 году.
- ⁹³ Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НО-ФМО, 2008. С. 33.
- ⁹⁴ Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd>
- ⁹⁵ Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science, August 20., 2010. P. iii.

ГЛАВА 2

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ КАК АНТИИДЕОЛОГИЯ

...для того, чтобы выйти на высокую траекторию, нужно пожертвовать парадигмой..., т. е. набором национальных ценностей¹.

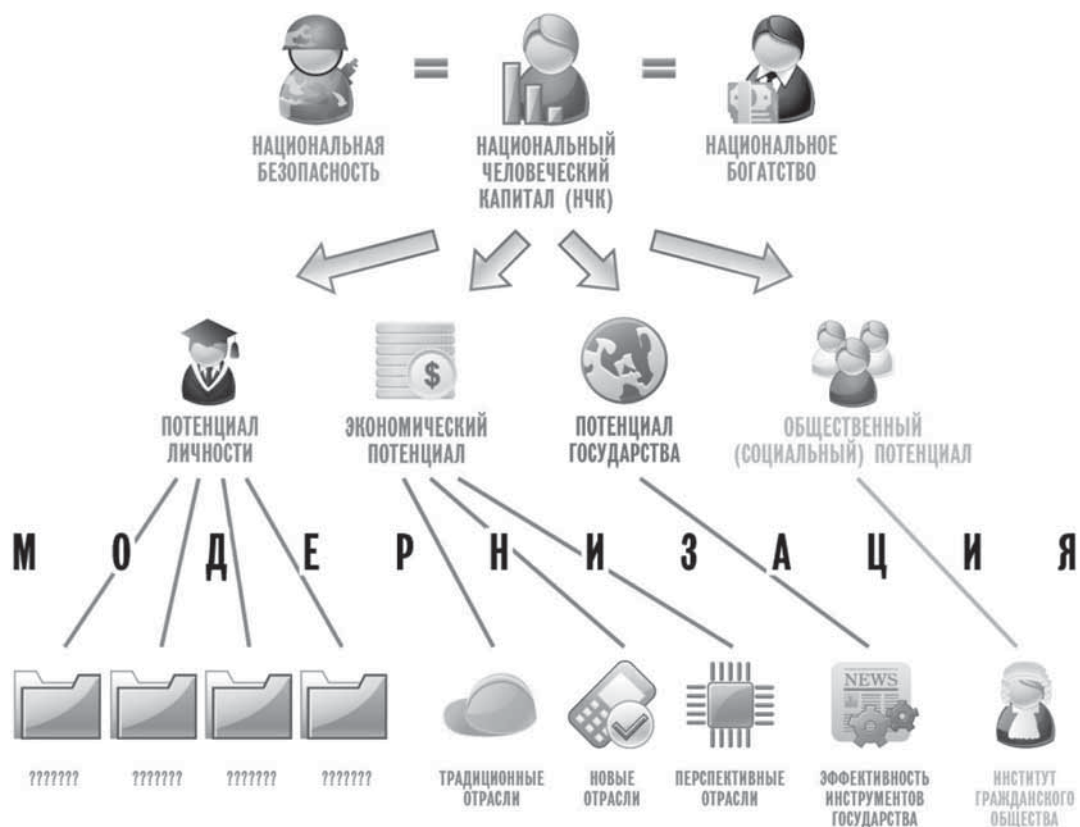

Рис. 1. Дерево целей модернизации

1. Модернизация — как продолжение деидеологизации?

В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация².

Как уже говорилось, в условиях полной потери управляемости страной при Б. Ельцине, новому президенту было не до идеологических изысков. Его практические действия опережали концептуальные построения (например, создание института полпредов, Госсовет и др.), но из этого отнюдь нельзя сделать вывод о том, что они носили хаотический характер. Главные направления в его деятельности прослеживались четко и, надо сказать, что они в целом были правильны. Это:

- укрепление государства, его институтов, создание новых институтов (полпредств), представляющих федеральную власть;
- упорядочение законодательства, которое позволяло региональным баронам, избравшимися напрямую, проводить собственную политику, которая нередко противоречила федеральной;
- укрепление суверенитета России во внешней политике и его распространение на все регионы;
- постепенный переход к социально-ориентированной внутренней политике. При В. Путине власть перестала игнорировать социальные проблемы, хотя так и не сделала их приоритетными. Он остановился в полшаге от концепции человеческого потенциала, инициировав нацпроекты (Справедливости ради стоит отметить, что даже частные проекты, такие, как демографический, дали в 2007–2010 годах определенные результаты: с 2007 г. на 2010 г. стабильно наблюдался рост рождаемости, снижения смертности, а ожидаемая продолжительность жизни достигла 69 лет)³.

Концу второго срока правления В. Путин фактически завершил политику стабилизации и задумался о развитии. Проблема, однако, заключалась в том, что если политику стабилизации можно было проводить **без ясной идеологии, то политику развития, тем более опережающего развития, без внятной идеологии проводить нельзя**⁴. А её-то и не было. Не появилась она в 2008–2010 годы и при Д. Медведеве, который сначала был в цейтноте (как, в свое время и В. Путин) из-за кризиса, а затем предложил казавшуюся ему безошибочную идею модернизации.

Таким образом, суть кризиса, в котором оказалась Россия еще **до мирового кризиса 2008–2010 годов**, заключается в том, что к моменту завершения стабилизационного периода (2006–2007 гг.) у ее элиты так и не сложилось внятной концепции опережающего развития, которая бы логично вытекала из идеологии, т. е. Россия не преодолела идеологический кризис, оставшись в состоянии переходного периода. Последующий кризис 2008–2010 годов вновь вернул «ручное управление», в основе которого лежали два

инструмента — административный ресурс и «паркетный пиар». Попытки разработать долгосрочные частные концепции развития свидетельствуют лишь о том, что элита чувствовала необходимость идеологии, стратегического прогноза и планирования. Но чувствовать еще не значит четко представлять. Социального заказа на идеологию (если не считать попытки «Единой России» придать идеологичность своей структуре) от элиты так и не поступило. Ни при В. Путине, ни при Д. Медведеве. Вот отчего, на мой взгляд, в российской политике периода 2007–2010 годов наблюдались известные проблемы.

В то же время нельзя не согласиться с исследователем этого вопроса И. Тимофеевым, который предполагает, что «Политической и интеллектуальной элите, по всей видимости (!?), удалось нащупать основные контуры, в рамках которых выстраивается более или менее приемлемая (!?) для граждан страны концепция государства, видение его роли в мире, и, наконец, понимание его истории»⁵.

Действительно, «точное» определение: «по всей видимости», «удалось нащупать координаты», «более или менее приемлемая». Но, наверное, так оно и есть. К 2011 году идеологический кризис в России уже можно воспринимать как процесс, а не событие, процесс, проходящий в рамках «неких координат». Если обратиться к рисунку алгоритма идеологии, то мы увидим, что за 2007–2010 годы произошел **отказ от заведомо** неприемлемых вариантов идеологического выбора, существовавших еще в начале столетия. Но отказ от чего-то, еще не означает ясный выбор. Его-то, как раз, и не было. Вариант «х», наиболее адекватный, внятный ориентированный ясно на развитие национального человеческого потенциала.

Речь идет об отказе от (отнюдь не окончательном) неолиберального варианте «а» или суперконсервативного варианта «г». Сектор возможного выбора элитой сузился до вариантов, находящихся между вариантами «б» и «в». При «позднем» В. Путине это был вариант «в», а при Д. Медведеве — вариант «б». «Модернизация» и «инновация» — суть олицетворение варианта «б», но, опять же, не оформленного в систему идеологических взглядов (рис. 2).

С одной стороны, фиксация в 2007–2010 годах этих контуров говорит о постепенной стабилизации общественно-политической жизни страны, а, с другой, о том, что избранная В. Путиным и Д. Медведевым идеология прагматизма сохраняет чрезмерную гибкость, абстрактность и, как следствие — неясность. Настолько чрезмерную, что оставляет большинство вопросов без ответа. Во внешней политике эта разница между выступлением В. Путина в Мюн-

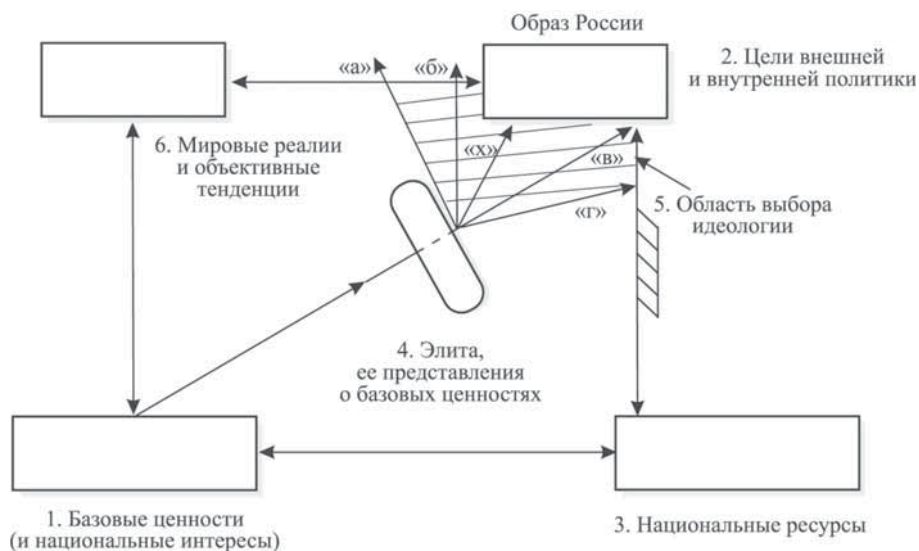

Рис. 2.

хене в 2006 году и Д. Медведева перед российскими посланиями — в 2010 году. Во внутренней — система выборов и назначений, отношении к НКО и т. д. Но, главное, вариант «х», который так и не был востребован до конца, ясно определяющие главные цели развития национального человеческого потенциала (хотя Д. Медведев в июне 2010 года в своем бюджетном послании, в пятом разделе, прямо на это сослался) и главные средства достижения поставленных целей. Прагматизм — в политике и в жизни — стал тем «контуром» путинской, а затем медведевской идеологией «ручного управления» в условиях системного кризиса на рубеже нового тысячелетия, когда «сигналы» обществу заменяют систему взглядов и стратегию.

Чего же не хватило Д. Медведеву в 2010 году для того, чтобы квазиидеология модернизации (вариант «б») стал полноценной идеологией (вариант «х»), адекватно отражающей национальные интересы страны?

И мало, и много. Если коротко, то системы развития национального человеческого потенциала, при которой модернизация и инновации выполняли бы важную, но одну из функций. Если бы такая система существовала, то:

- процесс модернизации и инноваций не ассоциировался бы с заимствованиями, а опирался на развитие национальной науки, образования, здравоохранения и собственные технологии;
- процесс модернизации не ставил бы под сомнение национальные интересы и ценности, которыми надо «платить» за модернизацию;
- в том же бюджетном послании 2010 года национальный человеческий капитал был бы не только назван «национальным», но и поставлен в системе приоритетов не на пятое, а на первое место;
- выбор между финансовой стабилизацией и развитием НЧП был бы в пользу человеческого потенциала, а, значит, даже в условиях дефицита

ресурсов можно и нужно увеличить расходы на отечественную науку, образование и здравоохранение, а также культуру;

- представление максимуму экономической свободы — как условие развития НЧП — предполагает снятие, как минимум, административных барьеров, сокращение госаппарата и государственных расходов. Подобные сокращения, например, на 30–40% в интересах ускоренного развития НЧП привели бы к стремительному росту внутреннего спроса и, в целом, темпов социально-экономического развития.

Наконец, Д. Медведеву не удалось использовать тенденцию «деидеологизаций», а значит, использовать мощный идеологический (и не используемый) ресурс. Ситуация в идеологии в действительности в 2010 году выглядит значительно сложнее — и лучше, и где-то хуже. Но в главном — и это хотел бы подчеркнуть, — в сохранении государства и выходе из глубочайшего кризиса 1990–2000 годов, масштабы политико-идеологических результатов еще недооцениваются. Думаю, что когда-нибудь, лет этак через 15–20, наши потомки по достоинству оценят усилия В. Путина и его команды в эти годы, сравнив их, может быть, с усилиями русских героев — Минина, Пожарского, других. Сегодня эта пафосность неуместна. Сделать это без определенных принципов, без некой системы ценностей было, естественно, невозможно. Эта условная система и была путинской идеологией 2000–2005 годов, которая «перекошечала» Д. Медведеву, но и связала его своими результатами и инерцией.

Вместе с тем отрицать существующий с 2007 года по настоящее время идеологический кризис также нельзя. И не только потому, что об этом многие заговорили в 2006–2010 годах, но и потому, что актуальность решения важнейших идеологических задач стала объясняться политической и практической **потребностью развития**. Модернизация стала отражением как кризиса, так и этой потребности.

Рис. 3. Составные части национального богатства, экспертные оценки на 1994 год

Добавлю, очевидной потребностью. Потребностью, прежде всего, повышения **качества госуправления**. Особенно в условиях кризиса 2008–2012 годов. Что, собственно, и стало центром общественной дискуссии: реформа МВД, «мигалки» и т. д. — лишь ее отражение.

Сохранилась и угроза возвращения неолиберализма на волне критики В. Путина и Д. Медведева. Критика, которая во многом стала следствием их бессистемной стратегии. Напомню, что в начале 90-х годов в России «победила» идеология анархического неолиберализма. Со всеми вытекающими из этого катастрофическими последствиями, включая преклонением перед стихией рынка раннего капитализма и «уголовной идеологией», слабым государством и отрицанием любых прогнозов и планирования. Если же взглянуть на происходящие сегодня во власти дискуссии, то окажется, что основные споры ведутся о том, **как эффективно использовать** государство, его институты, накопленные ресурсы, **как** не истратить их бездарно «просто» увеличивая масштабы финансирования, то есть решение проблемы перенесено на другой уровень. В том числе и по отношению к главной цели и главному ресурсу развития — национальному человеческому потенциалу. Достаточно сказать, что только в Ростовской области в годы стабилизации расходы на здравоохранение увеличены в 3 раза, образование — в 3,5 раза, а жилье — 6 раз. С точки зрения социально-экономических составляющих развития человеческого потенциала эти годы не были абсолютно потерянными.

Вместе с тем, выдвижение идеи модернизации в 2009–2010 годы можно рассматривать в определенной степени как возвращение к дискредитировавшему себя неолиберализму. Этот возврат отрицает ведущую роль НЧК в развитии экономики и общества. В XIX–XX вв. западные экономисты все больше внимания уделяли проблеме накопления капитала, под которым понимался лишь **Произведенный капитал** — запас машин, оборудования, сырья и сооружений, используемый для дальнейшего производства. Соответственно, только затраты на увеличение этого запаса и рассматривались как **Инвестиции**, тогда как большая часть затрат, например, на охрану окружающей среды или об-

разование, относилась к категории потребление и рассматривалась как вычет из потенциально возможного **Накопления**. Идея модернизации — суть возврат и устаревшей идее производственного капитала. Кстати, при М. Горбачеве уже пробовали массово приобретать чужую технику и технологии, которые потом были за бесценок приватизированы, либо разворованы.

Растущее признание важности устойчивого развития общества привело сначала к попыткам «озеленения» национальной статистики, т. е. учета изменения **Природного капитала** при расчете показателей ВВП и ВВП, а затем и к разработке методов учета меняющейся величины **Человеческого капитала** разных стран⁶.

Наблюдаемое различие в структуре богатства целиком обусловлено тем, что на одного западноевропейца в среднем приходится в 13–14 раз больше человеческого и произведенного капиталов (рис. 3).

$$\text{Действительная норма накопления} = \frac{\text{Прирост произведенного капитала} + \text{Прирост природного капитала} + \text{Прирост человеческого капитала}}{\text{Валовой национальный продукт}} \times 100\%$$

Рис. 4. Расчет действительной нормы накопления

Действительная норма накопления

В течение последних 10 лет концепция устойчивого развития постоянно развивалась и уточнялась. В одном из недавних исследований Мирового банка, например, принцип устойчивого развития сформулирован как «управление капиталом в интересах сохранения и преумножения человеческих возможностей». При этом в понятие «капитал» включается не только произведенный, но и природный и человеческий капитал. Для того чтобы быть устойчивым, развитие общества должно направляться таким образом, чтобы сумма этих трех видов капитала, по крайней мере, не уменьшалась.

Исходя из этого определения, важнейшим показателем устойчивого или неустойчивого развития можно считать так называемую «действительную норму накопления», для расчета которой сумма изменений

в величине трех видов капитала нации за определенный период, например за год, представляется как доля от ее ВВП (в процентах). Этот показатель имеет положительное значение, если сумма национального капитала увеличивается.

Проблема идеологического кризиса 2007–2010 годов в отсутствии идеологии как устойчивой системы современных взглядов, опирающейся на развитие потенциала человеческой личности. Одним из следствий — стало неэффективное управление, — очевидность которого в период 2007–2010 годов стала ясна для всех.

Типичный пример — обсуждения на заседании правительства 14 июня 2007 года концепции дорожного строительства. Суть проблемы: есть политическое решение выделить на эти цели сотни миллиардов рублей, но концепции их расходования, механизмов, как оказывается, нет. Как нет и механизма реализации этой задачи в короткие сроки. От постановки задачи до ее реализации у правительства уходят многие месяцы, если не годы.

Если вернуться к рисунку (рис. 5), на котором предложена принципиальная схема взаимодействия интересов — целей — ресурсов, то окажется, что область формирования стратегии, эффективность ее реализации непосредственно зависит, во-первых, от ясности и адекватности целей, а, во-вторых, от эффективности использования ресурсов. Причем, чем больше становится ресурсов, **тем выше требуется эффективность их использования**. В противном случае происходит то, что происходит сегодня в России — объем выделяемых ресурсов возрастает, а результативность, КПД — снижается.

Примечательно, что, как решение вопросов целеполагания, так и использования ресурсов, — суть идеологические проблемы, хотя в России они и приобретают форму «политики финансовых властей». Эта ситуация сохраняется и сегодня. Что, конечно, не правильно. Достаточно привести такие примеры, как споры вокруг монетизации льгот, использования Стабфонда и ЗБР, реализации нацпроектов, а, главное, определение приоритетов распределения ресурсов. Поэтому недостаточная ясность, неопределенность, как в основополагающих целях, так и отношении к ресурсам, неизбежно вытекает **из идеологической нерешенности этих проблем**. Так, если мы говорим,

что приоритет — национальный человеческий потенциал, — то почему в бюджете США на эти цели расходуется более 50%, а в нашем — менее 30%? И кто в конечном счете определяет эти пропорции?

Другая сторона проблемы, поднятая «критиками режима» в 2006–2010 годах, — кризис управления, который «привел к авторитаризму, нарушению прав человека, произволу» и т. д. Дело дошло до того, что Г. Явлинский призвал власть «отказаться от нынешнего произвола и от государственного наперстничества **во всех сферах** российской жизни, т. е. от универсальных сегодня источников доминирования и процветания в политике и экономике. Фактически от власти в их сегодняшнем ее понимании»⁷ (подч. *Авт.*).

На мой взгляд, эффективность федерального, регионального и местного управления намного выросла бы, если перед всеми уровнями управления была поставлена совершенно конкретная задача: оценка деятельности будет происходить из вполне конкретного результата — темпов развития национального человеческого капитала. Такая оценка, измеряемая региональным душевым ВВП, уровнем образования, качеством науки, культуры, здравоохранения, производительностью труда, энергоэффективностью и ресурсосбережением — вполне реальна и возможно. Подбор таких критериев, расчет по простой формуле качество национального человеческого капитала на уровне местного самоуправления, региона, наконец, в стране, не только дисциплинирует власть, но и придает смысл ее деятельности, заставляет ее мобилизовать внутренние ресурсы, быть креативной, а, в конечном счете, — работать на итоговый результат.

Таким образом, в 2007–2010 годах, эффективность управления на федеральном, но также и на остальных уровнях, — региональном, местном, отраслевом — стало проблемой **политической**, решить которую **без идеологического обеспечения** — я уверен — невозможно. Приведу в качестве подтверждения признание В. Третьякова: «То, что проблема этого Большого будущего является для России наистрейшей и куда более важной, чем сумма всех тактических и оперативных проблем, доказывать — за очевидностью — не стану»⁸. Потребность в стратегии развития страны, **объединяющей** разрозненные отраслевые, региональные и иные стратегии в единую

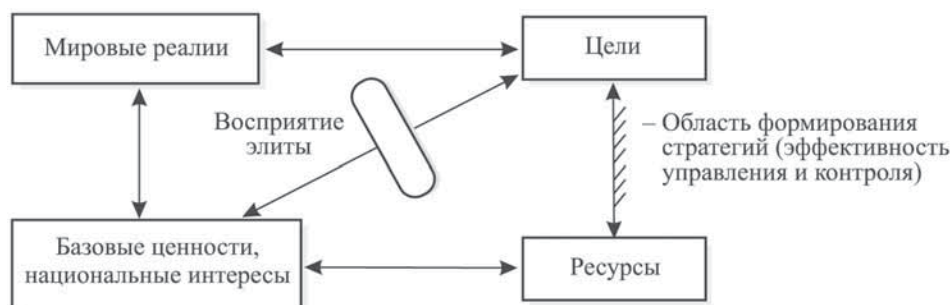

Рис. 5. Схема взаимодействия интересов — целей — ресурсов

Табл. 1. Среднемесячная начисленная заработная плата (без выплат социального характера) по видам экономической деятельности за январь 2010 года (выборка)

	рублей	в % к		
		январю 2009 г.	декабрю 2009 г.	общероссийскому уровню среднемесячной заработной платы
Всего	18938	109,3	78,0	100
в том числе:				
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	9064	109,9	81,4	48
рыболовство, рыбоводство	20433	121,8	73,4	108
добыча полезных ископаемых	34048	109,1	68,3	180
в том числе:				
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	40022	107,5	68,0	в 2,1 р.
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	22998	114,0	69,2	121
из нее добыча металлических руд	26143	116,8	64,4	138
обрабатывающие производства	16661	113,0	85,3	88
из них:				
научные исследования и разработки	25581	112,2	62,9	135
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	22565	101,7	65,6	119
образование	12704	104,8	74,6	67
здравоохранение и предоставление социальных услуг	15157	107,5	85,7	80

стратегию опять же **единой идеологией**, такая потребность стала на рубеже 2007 года практическим требованием. Прежде всего, из-за существующей практики. Задачи, решаемые структурами Совета безопасности и Администрации президента в соответствии с Конституцией Российской Федерации, связаны с **выработкой и планированием политических целей**, а ответственность за реализацию этих целей, включая **выработку отраслевых политик, делегированы правительству во главе с председателем**. Именно на правительство возложена ответственность за использование национальных ресурсов, и эффективность мер, направленных на реализацию конкретных проектов и программ⁹.

При этом председатель правительства, фактически отвечающий за реализацию основного раздела государственной политики, в отличие от своих заместителей, не располагает соответствующим промышленно-экономическим штабом типа Военно-промышленной комиссии в сфере обороны или департамента национальных проектов в социальной сфере.

Не менее существенным пробелом является также отсутствие в правительстве соответствующей службы стратегических оценок, прогнозирования и согласования отраслевых политик. Аппарат правительства лишь оформляет подготовленные извне инициативы, а Минэкономразвития вынуждено скорее обеспечивать не столько функцию стратегического планирования, сколько согласования.

Таким образом, еще на рубеже 2007 года возникла **объективная потребность** в повышении качества управления, которая может быть конкретизирована как потребность более эффективного использования ресурсов, более четкого целеполагания, ясного стратегического прогнозирования и планирования, а также создания новых механизмов реализации принятых решений. Эта объективная потребность в 2007–2012 годы реализована не была. Прежде всего из-за неспособности правящей элиты преодолеть идеологический кризис.

Эмпирические попытки «точечного» решения проблемы человеческого капитала в 2006–2008 годах дали определенный небольшой результат, который был замечен, например, в демографической области. Но системного сдвига так и не произошло. Наступивший в 2008 году кризис положил конец концептуальным поискам: решение неотложных проблем не позволяет концентрироваться на стратегии. Резко сократились доходы населения и упал жизненный уровень. Представление о некоторых социальных последствиях кризиса дает официальная статистика, из которой ясно следует, что больше всего кризис ударил по положению именно тех социальных групп, которые сегодня определяют качество человеческого потенциала¹⁰ (табл. 1).

В. Третьяков очень образно описал эту потребность: «...если кому-то не нравится Ленин, напомним утверждение Маркса, согласно которому самый

плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем, что, приступая к строительству здания, имеет в голове хотя бы самый общий план этого здания. Так вот, несколько раз попробовав действовать как самая хорошая пчела и убедившись, что всякий раз соты получаются либо кривые, либо худые, В. Сурков решил действовать пусть как плохой, но архитектор»¹¹.

Иными словами, стратегия развития на 15–25 лет, которая в отдельных частях (региональных, отраслевых, даже подотраслевых) сложилась в 2005–2007 годы, вплотную поставила практический вопрос об общенациональной стратегии, которая, в свою очередь, может быть только **производной** от идеологии. Причем идеологии, рационально описывающей современное общество, ведь именно в первом десятилетии XXI века особенно настойчиво стали внедряться постмодернистские идеи как способ осмысления современной социальной реальности. «В первую очередь это касалось проблемы интерпретации современности как способа существования общества»¹².

Идеология должна помочь окончательно преодолеть управленческий кризис. При этом — хотел бы особо подчеркнуть — преодоление идеологического кризиса, в свою очередь, имеет принципиальное значение для **завершения кризиса управленческого** и поиска эффективных управленческих и финансово-экономических решений.

Не случайно оба эти кризиса — идеологический и управленческий — развивались в СССР и России параллельно. Что ясно видно из истории СССР 80-х годов. Но и процессы преодоления этих кризисов в 2000–2007 годы **также шли параллельно**. Поэтому для окончательного выхода из управленческого кризиса и использования в полной мере управленческих, организационных ресурсов необходимо прежде преодолеть кризис идеологический. Для этого сегодня необходимо решить целый ряд политико-экономических задач через формирование **новых элементов** идеологической системы. Элементов, которые соответствуют не обществу прошлого или даже настоящего, а обществу будущего. Другими словами, современная идеология должна исходить из предпосылки того, какой мы хотим видеть Россию в 2020–2030 годах, а новое управление не только из технических возможностей, появившихся в последнее десятилетие (как, например, идея создания «Электронного правительства»), а, прежде всего, из новых идеологических принципов.

Если, например, новая идеология исходит из приоритетов развития потенциала человека, то и государственное управление — по всей цепочке — должно исходить из такого же приоритета. Как на федеральном уровне, так и на местном.

Сегодня же эту идеологию фактически пытается создать Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года, которая была подготовлена

МЭР по поручению президента. Критикуя прогноз к этой стратегии, Е. Гонтмахер справедливо отмечает: «Если выдвигать ориентир на долгосрочную перспективу, то им, очевидно, должно стать не восстановление, а приобретение лидирующего статуса в мире за счет решительного рывка страны в будущее»¹³. «Решительный рывок в будущее» — типично политико-идеологическая задача, национальная идея, если хотите, которая не может быть сформулирована МЭРом просто по определению. За эту задачу — определение приоритетов, базовых ценностей и национальных целей — в России отвечает президент, Совбез и Федеральное Собрание.

Повторю, что позиция В. Иноземцева, на мой взгляд, не соответствует реалиям. В действительности не только восемь посланий президента России, но и выдвижение ряда «прорывных» идей по аналогии с нацпроектами, известные (но «не замеченные» критиками) выступления В. Путина, Д. Медведева, С. Иванова, М. Фрадкова по большому счету можно рассматривать как политические, концептуальные и идеологические выступления, позволяющие говорить о попытках формирования новой идеологии, которая на отраслевом и региональном уровнях (но не на общедоверальном) дополнена отдельными стратегиями. Из этой логики не выпадает и объявленная Д. Медведевым в конце 2009 года модернизация страны. Здесь вновь мы видим, что, как справедливо заметил редактор в своей передовой статье, «до определенной степени президентом России сделана попытка **задействовать и некий идеологический „модернизационный ресурс“: модернизация предлагается гражданам как „макроидеология“ развития страны, то есть как специфическое идеологическое ядро, могущее трансформировать все стороны жизни российского общества...** Этот сигнал лишний раз подчеркивает здоровое понимание властью универсального закона, согласно которому **никакая страна без мощной национальной идеи развиваться не может**. Вот только четко зафиксировать характер связи двух важнейших приоритетов — **модернизации и национальной идеи** — **увы, не удалось**.

В этом плане нельзя не отметить удивительный факт: несколько дистанцировавшись от лидера государства, основой модернизации страны «Единая Россия» объявила... православие. Тем самым правящая партия в известной степени показала понимание (возможно — интуитивное) необходимости существенного расширения общемодернизационной темы за счет всего того, что связано с конкретной человеческой жизнью (то есть с упором на человека). Правда, радикальная апелляция к одной из нескольких основных российских религиозных конфессий выглядит шагом, по меньшей мере, экстравагантным»¹⁴.

Кризис в идеологии — это отсутствие идеологического выбора ясной стратегии развития, четкого использования ресурсов и, главное, внятно

сформулированной значимой цели. Все это пытаются заменить термином «модернизация», который представляется скорее лозунгом, чем концепцией. Кризис в идеологии — это неспособность мобилизовать национальные ресурсы и волю для достижения великой цели, сплотить нацию и дать мотивацию всем слоям общества.

Вместе с тем можно констатировать острую потребность в решении отдельных идеологических задач, без которых, как оказывается, невозможно решить задачи управленческие. Уже не в рамках неolibеральной, а иной идеологии. Россия к 2007 году стала «другим государством», о чем и заявил Д. Медведев в своей статье 1 февраля 2007 года в газете «Коммерсант». А «новому государству» нужна если не новая, то современная идеология. Идеология развития. Прорекламировав ее необходимость еще в 2007 году, Д. Медведев по непонятным причинам не стал превращать идею в систему идей.

Система идей, и вытекающая из этих идей стратегия развития так и превратились в норму, к которой привыкает постепенно общество, т. е. идеология (которую не сформировали) не стала основой для правовой системы нового государства. Справедливо заметил А. Чесноков, «постепенно общество привыкает жить по заданным идеологическим ориентирам»¹⁵. Но если нет этих идеологических ориентиров, нет и привычки, нет и в конечном счете правовой базы. Таким образом «правовой нигилизм», против которого не раз выступал Д. Медведев в 2008–2010 годы, не причина нынешних неурядиц

и коррупции, а следствие отсутствия «идеологических ориентиров» для общества.

К сожалению, в 2008–2010 годы наблюдался процесс игнорирования качественного развития социогуманитарных наук и знаний. Так, в бюджетах РАН в эти годы, по оценкам академика А. Чубарьяна, он не превышал 5%. Очевидный акцент на новых технологиях, сделанный Д. Медведевым, сыграл плохую службу для развития наук о человеке и обществе. В качестве примера можно привести конкурсы на исследовательские университеты, проведенные Минобр в 2009–2010 годах. Среди десятков победителей не было ни одного гуманитарного университета. Презентуя в ИНСОРе в июне 2010 года свою новую книгу «Технократия, технократы и неотехнократы», А. Кокошин по этому поводу заметил: «...функция науки в нашем обществе, в нашей стране состоит не только в том, чтобы создавать технологическую базу для новых продуктов, видов услуг, новых систем вооружений и технических средств для спецслужб и правоохранительных органов. Она призвана, в числе прочих задач, постоянно производить новое знание, которое позволяло бы обеспечить понимание того, что происходит в науке и технике стран, опередивших Россию и стремящихся нарастить свой отрыв от остальных государств ради сохранения своих доминирующих позиций и в мировой экономике, и в мирополитической системе. Это создает основу для развития в нашей стране через 10–20 и более лет тех производств, которые мы еще не сможем развивать в среднесрочной перспективе»¹⁶.

2. Национальный человеческий потенциал: нынешняя реальность

И связано это... не с тем, что в обществе формируется заказ на присутствие представителей спецслужб во власти, а так просто складываются обстоятельства¹⁷.

Д. Медведев

Формирование НЧП в современных условиях должно происходить при сознательном участии государства, ибо только оно способно мобилизовать необходимые ресурсы. Как показывает практика, иностранные инвестиции не идут в области, определяющие качество НЧП.

В этом-то, как раз, и заключается проблема. Формирование элиты и программы, способной модернизировать страну, должно происходить не «так просто», не из-за «обстоятельств», а по **социальному заказу общества**, тех его слоев, у которых есть мотивация для развития страны и модернизации.

И во многом по инициативе и под **сознательным воздействием руководства страны**. Власть может и должна влиять на общество, в т. ч. стимулируя создание и развитие таких социальных слоев и групп сознательным, целенаправленным созда-

нием для этого всех необходимых условий. Этого пока не видно. Если власть определила стипендию в 1500 рублей для очного аспиранта (т. е. цену месячного проездного билета), то невозможно ожидать ни массового, притока желающих, ни тех, кто захочет остаться в науке. И «обстоятельства» тут совершенно не при чем. Соответственно и результат. Точнее — его отсутствие.

И наоборот. **Беспрецедентные усилия Китая по наращиванию научно-технического потенциала**, предпринятые в последние 15 лет, дают весьма впечатляющие результаты. По словам редактора сборника Национального научного фонда США (NSF) Рольфа Леминга (Rolf Lehming), мы впервые сталкиваемся с ситуацией, когда в какой-либо стране расходы на науку 10 лет подряд стабильно растут более чем на 20% ежегодно. Результаты этих усилий отражаются

в стремительном росте таких ключевых показателей, как доля ВВП, выделяемая на науку и образование, число выпускников высших учебных заведений и производство наукоемкой продукции. Никаких признаков замедления роста пока не наблюдается. Китай уже догнал США по количеству научных работников: в обеих странах сегодня работает почти по полтора миллиона ученых. Примерно столько же их в странах Евросоюза. Быстро растет число ученых также и в других восточноазиатских странах, особенно в Южной Корее, Тайване и Сингапуре. В России, напротив, наблюдается снижение числа научных работников: в 1995 году их было около 600 000, а сейчас осталось лишь около 450 000. В Китае каждый год число ученых возрастает почти на 9%, **а в России — снижается на 2%.**

Из 45 стран с наиболее развитой наукой только в двух — России и Украине — **количество публикуемых статей из года в год не растет, а снижается.** По числу научных публикаций Китай уже поднялся на второе место, уступая только США, а Россия опустилась на позорное 14-е. За последние 15 лет нас обогнали по числу публикаций не только Китай, но и Италия, Испания, Южная Корея, Индия, Австралия и Нидерланды; на пятки наступают Тайвань и Бразилия. Всё это очень печально, особенно если учесть, что чем меньше остается в стране активно работающих ученых, тем разреженнее и беднее научная среда и тем ниже шансы для каждого отдельного ученого добиться чего-то путного в науке¹⁸.

Россия так и **не перешла ни в области идеологии, ни в области госуправления,** ни в экономике к признанию **приоритета** интеллекта и **человеческого** потенциала, в т. ч. социального, а в более широком смысле — жизни человека. В качестве одной из основных угроз, кстати, это признается и в концепции МЭРа. Хотя, следует заметить, что за 2006–2007 годы кое-что сделано в этом направлении. Однако общую тенденцию изменить не удалось: Россия все первое десятилетие нового века по уровню развития человеческого потенциала занимала место в седьмом десятке государств¹⁹.

Ежегодно в докладе ООН «Состояние развития человека» публикуется индекс развития человеческого потенциала. Как пишут авторы доклада за 2006 год, этот индекс «оценивает возможность долгой и здоровой жизни (измеряется показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении), получения образования (измеряется уровнем грамотности взрослого населения и охвата населения начальным, средним и высшим образованием) и поддержания достойного жизненного уровня (измеряется показателем дохода по паритету покупательной способности — ППС)». В последнем докладе эксперты ООН России отвели 65-е место (из 177), признав «человеческое развитие» в ней «средним». На 64 — строчке — Ливия, а на 66 — Македония.

Табл. 2. Рейтинг стран по индексу развития человеческого потенциала

Страна	Место в рейтинге
Россия	65
Германия	21
Великобритания	18
Италия	17
Франция	16
США	8
Япония	7
Канада	6

На самом деле ИРЧП в России не дает полного представления, ибо является среднеарифметическим индексом регионов, где ситуация заметно, даже радикально, отличается друг от друга. Так, региональный ИРЧП г.Москвы (0,896 — в 2005 г. и 0,907 — в 2006 г.), как и все его составляющие, вполне сопоставим с соответствующими показателями развитых стран. Если же в качестве противоположного примера взять Республику Тыву, то ИРЧП (в основном из-за показателей душевого дохода и продолжительности жизни) будет составлять 0,671 и 0,691 за 2005–2006 годы соответственно²⁰.

Важный вывод, который следует из приведенных данных (табл. 3, 4), заключается в том, что Национальный человеческий капитал это не просто средний показатель региональных ИРЧП и сопутствующих показателей, а производный от них.

Иначе:

$$\text{НЧП} = \text{НЧП}_1 + \text{НЧП}_2 + \dots + \text{НЧП}_{80}$$

где: НЧП₁ — НЧП первого по ИРЧП региона, а НЧП₈₀ — последнего.

Другими словами, увеличить НЧП можно только увеличив региональные потенциалы. Как в судовождении, здесь действует принцип: скорость каравана судов определяет самое медленное судно.

Соответственно требуется и распределение ресурсов, точнее — перераспределение ресурсов со стороны государства. Если лидерам рейтинга может быть достаточно административной, институциональной и фискальной поддержки, то аутсайдерам — целенаправленная помощь из федерального центра.

Важно заметить, что НЧП региона может стать агрегированным показателем эффективности деятельности регионального руководства, где основные элементы ИРЧП уже не раз апробированы. Роль Росстата — существенно возрастает. Он должен стать президентской структурой.

Рассмотрим ситуацию с национальным человеческим потенциалом конкретнее. Так, основная проблема и одна из ведущих критериев оценки НЧП — демографический. Известно, что с 2005 года В. Путин, а затем и Д. Медведев целенаправленно занялись решением этой проблемы. В результате наметились

Табл. 3. Индекс развития человеческого потенциала в 2005 г.

	ВВП долл. ИИС	Индекс дохода	Ожид. продолжи- тельность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность	Доля уча- щихся в возрасте 7–24 лет, %	Индекс образования	ИРЧИ	Место
Российская Федерация	11 861	0,797	65,3	0,672	99,4	73,4	0,907	0,792	
г. Москва	24 179	0,916	71,4	0,773	99,8	100,0	0,999	0,896	1
Тюменская область	51 023	1,041	66,8	0,696	99,2	73,3	0,906	0,881	2
Санкт-Петербург	12 824	0,810	67,8	0,713	99,8	92,9	0,975	0,833	3
Республика Татарстан	14 398	0,829	68,0	0,716	99,0	78,2	0,921	0,822	4
Белгородская область	10 616	0,779	68,4	0,724	98,6	74,1	0,904	0,802	5
Липецкая область	13 659	0,821	66,0	0,684	98,4	70,9	0,892	0,799	6
Республика Саха (Якутия)	12 850	0,810	64,7	0,662	99,0	77,9	0,920	0,797	7
Самарская область	11 097	0,786	65,9	0,681	99,2	77,3	0,919	0,795	8
Томская область	13 101	0,814	65,0	0,667	98,9	73,0	0,903	0,794	9
Омская область	12 366	0,804	65,2	0,670	98,7	73,7	0,904	0,792	10
Вологодская область	15 762	0,845	63,1	0,635	98,8	71,5	0,897	0,792	11
Республика Башкортостан	10 581	0,778	66,5	0,692	98,8	73,9	0,905	0,792	12
Оренбургская область	11 285	0,789	65,0	0,667	98,9	72,2	0,900	0,785	13
Красноярский край	13 295	0,816	63,1	0,635	99,0	72,2	0,901	0,784	14
Республика Коми	14 134	0,826	62,3	0,621	99,2	71,9	0,901	0,783	15
Свердловская область	10 764	0,781	64,6	0,659	99,2	72,7	0,904	0,781	16
Челябинская область	10 366	0,775	64,8	0,663	99,1	73,4	0,905	0,781	17
Новосибирская область	8 859	0,748	65,1	0,668	98,8	79,5	0,924	0,780	18
Волгоградская область	8 386	0,739	67,0	0,700	98,9	70,2	0,893	0,778	19
Удмуртская Республика	10 069	0,770	64,3	0,656	99,0	74,1	0,907	0,778	20
Ярославская область	10 407	0,775	64,0	0,650	99,2	73,8	0,907	0,777	21
Магаданская область	10 177	0,772	62,6	0,6265	99,6	80,0	0,931	0,776	22
Мурманская область	11 410	0,791	63,8	0,647	99,6	67,7	0,890	0,776	23
Архангельская область	11 791	0,796	62,9	0,632	99,2	69,9	0,894	0,774	24
Орловская область	7 909	0,729	65,1	0,668	98,9	78,9	0,922	0,773	25
Курская область	7 422	0,719	65,0	0,667	98,5	81,1	0,927	0,771	26
Пермский край	11 527	0,792	62,3	0,622	98,9	71,2	0,897	0,770	27
Краснодарский край	7 115	0,712	67,5	0,708	99,0	67,1	0,884	0,768	28
Московская область	9 589	0,762	65,7	0,678	99,6	59,4	0,862	0,767	29
Чувашская Республика	6 206	0,689	66,4	0,690	99,0	78,7	0,922	0,767	30
Сахалинская область	13 791	0,822	60,6	0,593	99,4	65,4	0,881	0,765	31
Саратовская область	6 926	0,707	65,9	0,682	99,2	73,6	0,907	0,765	32
Республика Северная Осетия Алания	5 071	0,655	69,6	0,744	99,1	70,8	0,897	0,765	33
Воронежская область	6 105	0,686	66,2	0,687	98,3	78,4	0,917	0,763	34
Ростовская область	6 267	0,691	66,9	0,699	99,1	72,0	0,901	0,763	35
Нижегородская область	8 464	0,741	63,4	0,640	98,9	74,6	0,908	0,763	36
Рязанская область	7 523	0,721	64,0	0,651	98,7	77,5	0,916	0,763	37
Республика Карелия	10 540	0,777	62,1	0,618	99,2	68,8	0,891	0,762	38
Республика Мордовия	5 786	0,677	66,6	0,693	97,9	78,1	0,913	0,761	39

	ВВП долл. ИИС	Индекс дохода	Ожид. продолжи- тельность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность	Доля уча- щихся в возрасте 7–24 лет, %	Индекс образования	ИРЧИ	Место
Республика Дагестан	4157	0,622	73,3	0,805	98,4	60,0	0,856	0,761	40
Астраханская область	7746	0,726	64,8	0,664	98,6	69,8	0,890	0,760	41
Кемеровская область	10841	0,782	61,6	0,609	98,9	68,4	0,887	0,760	42
Хабаровский край	8106	0,734	61,9	0,6148	99,5	76,3	0,918	0,755	43
Ульяновская область	6584	0,699	65,2	0,671	98,6	71,4	0,895	0,755	44
Тамбовская область	6369	0,693	65,5	0,675	98,1	72,8	0,897	0,755	45
Иркутская область	9976	0,768	60,4	0,591	99,1	73,4	0,905	0,755	46
Новгородская область	9381	0,758	61,7	0,611	98,9	69,4	0,891	0,753	47
Калужская область	7422	0,719	64,3	0,654	99,2	66,5	0,883	0,752	48
Ставропольский край	5186	0,659	67,7	0,712	98,6	68,0	0,884	0,752	49
Камчатский край	7219	0,714	63,5	0,6418	99,7	69,8	0,897	0,751	50
Пензенская область	5695	0,675	65,5	0,675	98,4	73,4	0,901	0,750	51
Карачаево-Черкесская Республика	4548	0,637	69,2	0,737	98,4	65,1	0,873	0,749	52
Ленинградская область	12 133	0,801	62,0	0,616	99,5	49,3	0,828	0,748	53
Смоленская область	7538	0,721	62,0	0,616	98,9	73,8	0,905	0,748	54
Кабардино-Балкарская Республика	4620	0,640	69,3	0,738	98,8	60,7	0,861	0,746	55
Приморский край	6913	0,707	62,8	0,6305	99,5	71,5	0,902	0,746	56
Тульская область	7274	0,716	62,9	0,631	99,1	69,1	0,891	0,746	57
Владимирская область	6397	0,694	63,3	0,638	99,4	70,1	0,896	0,743	58
Кировская область	5681	0,674	64,2	0,653	98,4	72,7	0,898	0,742	59
Костромская область	7056	0,710	62,7	0,628	98,8	67,4	0,883	0,740	60
Республика Хакасия	7585	0,722	61,2	0,603	98,8	70,5	0,894	0,740	61
Калининградская область	7626	0,723	61,5	0,608	99,4	66,3	0,884	0,738	62
Алтайский край	5514	0,669	64,7	0,662	98,2	68,4	0,883	0,738	63
Чукотский авт. округ	11 057	0,785	58,1	0,5515	99,4	64,1	0,876	0,738	64
Курганская область	5377	0,665	64,2	0,653	98,4	71,7	0,895	0,738	65
Республика Марий Эл	5601	0,672	63,4	0,640	98,8	70,9	0,895	0,736	66
Тверская область	6720	0,702	61,4	0,607	99,1	70,3	0,895	0,735	67
Брянская область	5537	0,670	63,4	0,640	98,6	70,7	0,893	0,734	68
Республика Калмыкия	3623	0,599	67,0	0,700	98,2	73,1	0,898	0,732	69
Республика Бурятия	6768	0,703	60,9	0,598	98,8	70,9	0,895	0,732	70
Республика Адыгея	3803	0,607	68,1	0,718	98,7	63,8	0,871	0,732	71
Амурская область	7079	0,711	60,3	0,589	99,3	69,5	0,894	0,731	72
Псковская область	6183	0,688	60,2	0,586	98,9	68,1	0,886	0,720	73
Ивановская область	4279	0,627	62,1	0,619	99,3	73,6	0,907	0,718	74
Еврейская авт. область	6423	0,695	59,3	0,5723	99,1	66,8	0,883	0,717	75
Читинская область	6151	0,688	59,3	0,571	98,8	66,6	0,881	0,713	76
Республика Алтай	4616	0,640	60,4	0,590	98,3	71,3	0,893	0,708	77
Республика Ингушетия	1606	0,463	75,6	0,844	96,2	41,2	0,779	0,695	78
Республика Тыва	3596	0,598	56,0	0,517	99,1	70,9	0,897	0,671	79

Табл. 4. Индекс развития человеческого потенциала в 2006 г.

	ВВП долл. ИИС	Индекс дохода	Ожид. продолжи- тельность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность	Доля уча- щихся в возрасте 7–24 лет, %	Индекс образования	ИРЧИ	Место
Российская Федерация	13 252	0,816	66,60	0,693	99,4	73,4	0,907	0,805	
г. Москва	28 418	0,943	71,81	0,780	99,8	100,0	0,999	0,907	1
Тюменская область	52 599	1,046	67,95	0,716	99,2	72,3	0,902	0,888	2
Санкт-Петербург	14 310	0,828	68,90	0,732	99,8	95,9	0,985	0,848	3
Республика Татарстан	16 432	0,852	69,04	0,734	99,0	77,1	0,917	0,834	4
Томская область	14 556	0,831	66,50	0,692	98,9	79,2	0,923	0,815	5
Белгородская область	11 651	0,794	69,27	0,738	98,6	73,9	0,904	0,812	6
Липецкая область	15 526	0,842	66,73	0,696	98,4	69,6	0,888	0,809	7
Красноярский край	15 993	0,847	65,58	0,676	99,0	71,6	0,899	0,807	8
Республика Башкортостан	12 569	0,807	67,47	0,708	98,8	72,8	0,901	0,805	9
Самарская область	12 076	0,800	66,57	0,693	99,2	76,5	0,916	0,803	10
Свердловская область	13 121	0,814	66,47	0,691	99,2	72,2	0,902	0,802	11
Вологодская область	14 587	0,832	65,36	0,673	98,8	71,0	0,895	0,800	12
Республика Коми	15 931	0,846	64,21	0,654	99,2	71,0	0,898	0,799	13
Республика Саха (Якутия)	12 658	0,808	65,55	0,676	99,0	75,9	0,913	0,799	14
Омская область	12 151	0,801	66,17	0,686	98,7	74,2	0,905	0,798	15
Оренбургская область	12 404	0,805	66,17	0,686	98,9	72,2	0,900	0,797	16
Челябинская область	11 817	0,796	66,17	0,686	99,1	73,8	0,907	0,796	17
Ярославская область	11 001	0,785	66,11	0,685	99,2	74,0	0,908	0,793	18
Удмуртская Республика	10 665	0,779	66,01	0,684	99,0	75,3	0,911	0,791	19
Пермский край	14 141	0,826	63,99	0,650	98,9	70,7	0,895	0,790	20
Новосибирская область	9 186	0,754	66,38	0,690	98,8	80,0	0,925	0,790	21
Архангельская область	12 950	0,812	64,84	0,664	99,2	69,3	0,892	0,789	22
Сахалинская область	16 441	0,852	62,79	0,630	99,4	66,2	0,883	0,788	23
Волгоградская область	8 825	0,748	67,84	0,714	98,9	70,2	0,893	0,785	24
Магаданская область	10 779	0,781	63,40	0,640	99,6	80,9	0,934	0,785	25
Нижегородская область	10 327	0,774	64,60	0,660	98,9	78,0	0,919	0,784	26
Республика Северная Осетия Алания	6 377	0,694	70,74	0,762	99,1	70,4	0,895	0,784	27
Мурманская область	11 558	0,793	65,17	0,670	99,6	65,7	0,883	0,782	28
Орловская область	7 964	0,731	66,39	0,690	98,9	79,2	0,923	0,781	29
Курская область	8 215	0,736	66,06	0,684	98,5	80,1	0,924	0,781	30
Московская область	11 407	0,791	66,40	0,690	99,6	59,8	0,863	0,781	31
Краснодарский край	8 147	0,734	68,74	0,729	99,0	65,8	0,879	0,781	32
Чувашская Республика	7 639	0,724	66,98	0,700	99,0	77,0	0,917	0,780	33
Саратовская область	7 511	0,721	67,37	0,706	99,2	72,6	0,903	0,777	34
Иркутская область	11 202	0,788	63,06	0,634	99,1	73,8	0,907	0,776	35
Ростовская область	7 134	0,712	67,61	0,710	99,1	72,3	0,902	0,775	36
Республика Мордовия	6 634	0,700	67,75	0,713	97,9	76,2	0,907	0,773	37
Рязанская область	8 249	0,737	65,23	0,671	98,7	76,2	0,912	0,773	38
Республика Карелия	10 851	0,782	63,79	0,647	99,2	67,6	0,887	0,772	39
Воронежская область	6 384	0,694	67,11	0,702	98,3	78,3	0,916	0,771	40

	ВВП долл. ИИС	Индекс дохода	Ожид. продолжи- тельность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность	Доля уча- щихся в возрасте 7–24 лет, %	Индекс образования	ИРЧИ	Место
Кемеровская область	11 466	0,791	63,04	0,634	98,9	68,1	0,886	0,771	41
Хабаровский край	8870	0,749	63,67	0,645	99,5	76,2	0,917	0,770	42
Астраханская область	8016	0,732	66,14	0,686	98,6	70,3	0,892	0,770	43
Ульяновская область	7598	0,723	66,33	0,689	98,6	71,5	0,896	0,769	44
Пензенская область	6630	0,700	67,25	0,704	98,4	72,0	0,896	0,767	45
Тамбовская область	6800	0,704	66,84	0,697	98,1	73,2	0,898	0,766	46
Республика Дагестан	4556	0,637	73,35	0,806	98,4	59,4	0,854	0,766	47
Республика Хакасия	8466	0,741	64,51	0,659	98,8	71,4	0,897	0,765	48
Камчатская область	7386	0,718	65,19	0,670	99,7	70,9	0,901	0,763	49
Тульская область	8774	0,747	64,23	0,654	99,1	68,3	0,888	0,763	50
Калужская область	7717	0,725	66,03	0,684	99,2	65,1	0,878	0,763	51
Карачаево-Черкесская Республика	5253	0,661	70,19	0,753	98,4	64,8	0,872	0,762	52
Новгородская область	10 189	0,772	62,66	0,628	98,9	68,2	0,887	0,762	53
Ставропольский край	5710	0,675	68,25	0,721	98,6	67,9	0,884	0,760	54
Ленинградская область	13 565	0,820	63,06	0,634	99,5	47,1	0,820	0,758	55
Калининградская область	8425	0,740	64,13	0,652	99,4	65,5	0,881	0,758	56
Приморский край	7032	0,710	64,40	0,657	99,5	71,3	0,901	0,756	57
Алтайский край	6308	0,692	66,64	0,694	98,2	68,1	0,882	0,756	58
Костромская область	7670	0,724	64,62	0,660	98,8	67,2	0,883	0,756	59
Владимирская область	7184	0,713	64,44	0,657	99,4	70,1	0,896	0,756	60
Курганская область	6492	0,697	65,52	0,675	98,4	71,0	0,893	0,755	61
Смоленская область	7898	0,729	63,01	0,634	98,9	72,6	0,901	0,755	62
Тверская область	8178	0,735	62,85	0,631	99,1	69,9	0,894	0,753	63
Кировская область	5748	0,676	65,80	0,680	98,4	73,1	0,900	0,752	64
Кабардино-Балкарская Республика	4836	0,647	70,14	0,752	98,8	59,2	0,856	0,752	65
Брянская область	6241	0,690	65,30	0,672	98,6	70,9	0,894	0,752	66
Республика Марий Эл	6429	0,695	64,82	0,664	98,8	68,8	0,888	0,749	67
Амурская область	7528	0,721	62,23	0,621	99,3	68,5	0,890	0,744	68
Республика Бурятия	7386	0,718	62,43	0,624	98,8	69,0	0,889	0,744	69
Республика Адыгея	4137	0,621	68,27	0,721	98,7	67,8	0,884	0,742	70
Республика Калмыкия	4208	0,624	67,52	0,709	98,2	70,6	0,890	0,741	71
Чукотский автономный округ	11 262	0,788	58,93	0,566	99,4	61,7	0,868	0,741	72
Ивановская область	4513	0,636	64,49	0,658	99,3	74,5	0,910	0,735	73
Еврейская авт.область	7328	0,717	61,27	0,605	99,1	65,8	0,880	0,734	74
Читинская область	6946	0,708	61,43	0,607	98,8	65,2	0,876	0,730	75
Псковская область	6614	0,700	61,22	0,604	98,9	67,3	0,884	0,729	76
Чечня	2372	0,528	73,08	0,801	96,0	58,8	0,836	0,722	77
Республика Алтай	4800	0,646	62,49	0,625	98,3	68,4	0,883	0,718	78
Республика Ингушетия	1644	0,467	76,02	0,850	96,2	45,7	0,794	0,704	79
Республика Тыва	4189	0,623	58,43	0,557	99,1	69,5	0,892	0,691	80

Рис. 6. Естественный прирост населения, чел.

безусловно положительные изменения, которые, во-первых, свидетельствуют о том, что власть может положительно повлиять на ситуацию, если того захочет (хотя в 90-е годы многие неолiberaлы твердили, что эта негативная динамика — «естественна»), а, во-вторых, что этих усилий очевидно недостаточно. Как видно из приводимых ниже данных (рис. 6), Россия остается в отрицательной зоне, хотя естественная убыль населения и сокращается²¹.

Главная перемена 2006–2007 годов в этом вопросе — переход по всем трем направлениям развития человеческого потенциала от политических деклараций к формулированию среднесрочных задач. Что дало определенные результаты — рост рождаемости, сокращения смертности, как тенденция, стали фактом 2007 года. Хуже с жизненным уровнем и образованием, где практические результаты менее заметны, хотя отрицать их невозможно.

Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения, рублей

Величина прожиточного минимума, в соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 года №134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 27.05.2000 № 75-ФЗ, от 22.08.2004 №122-ФЗ) представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы.

Потребительская корзина в субъектах РФ устанавливается законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации²².

Взять хотя бы выступление Д. Медведева на экономическом форуме в Санкт-Петербурге в июне

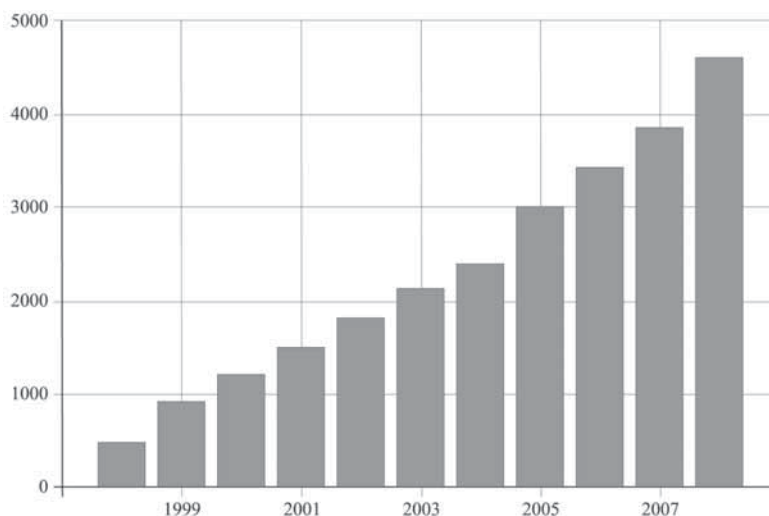

Рис. 7.

Табл. 5.

Значение	Дата	В % к пред. периоду	В % к аналог. периоду пред. года	Примечание	Источник
5144	4-й квартал 2009	98,96%	109,61%		Федеральная ...
5198	3-й квартал 2009	100,21%	112,27%		Федеральная ...
5187	2-й квартал 2009	102,05%	111,64%		Федеральная ...
5083	1-й квартал 2009	108,31%	115,47%		Федеральная ...
4593	за 2008	119,39%	119,39%	рублей в месяц	Федеральная ...
4693	4-й квартал 2008	101,36%	117,18%		Федеральная ...
4630	3-й квартал 2008	99,66%	119,36%		Федеральная ...
4646	2-й квартал 2008	105,54%	121,97%		Федеральная ...
4402	1-й квартал 2008	109,91%	119,1%		Федеральная ...
3847	за 2007	112,42%	112,42%	рублей в месяц	Федеральная ...
4005	4-й квартал 2007	103,25%	116,53%	Начиная ...	Федеральная ...
3879	3-й квартал 2007	101,84%	112,96%	Начиная ...	Федеральная ...
3809	2-й квартал 2007	103,06%	110,63%	Начиная ...	Федеральная ...
3696	1-й квартал 2007	107,54%	109,54%	Начиная ...	Федеральная ...
3422	за 2006	113,39%	113,39%	рублей в месяц	Федеральная ...
3437	4-й квартал 2006	100,09%	112,32%	Начиная ...	Федеральная ...
3434	3-й квартал 2006	99,74%	112,77%	Начиная ...	Федеральная ...
3443	2-й квартал 2006	102,05%	112,77%	Начиная ...	Федеральная ...
3374	1-й квартал 2006	110,26%	115,95%	Начиная ...	Федеральная ...
3018	за 2005	127,02%	127,02%	рублей в месяц	Федеральная ...
2376	за 2004	112,5%	112,5%	Начиная ...	Федеральная ...
2112	за 2003	116,81%	116,81%	рублей в месяц	Федеральная ...

2007 года, где он изначально заявил о том, что «главная цель деятельности нашего государства — развитие потенциала человеческой личности». Можно признать, что в 2006–2007 годы во многом благодаря реализации нацпроектов, тема развития потенциала человеческой личности с трудом, но пробивала себе дорогу. И на заседаниях правительства, и в выступлениях президента РФ, в высказываниях ведущих политиков и чиновников она постепенно становилась в эти годы ведущей темой. Но пока еще так и не стала.

Простой, очень условный, но показательный пример. В вульгарном смысле этого слова человеческая жизнь оценивается самими россиянами в 3 млн рублей (по исследованиям «Росгосстраха»), т. е. примерно в 100 000 долл., а в США, «средняя стоимость жизни» оценивается в 2 630 000 долларов, т. е. в 26,3 раза выше²³!

На мой взгляд, если бы не только активы отечественных корпораций, но и жизнь рядового гражданина России была бы реально оценена, то и требования к власти, ее политике были бы значительно более конкретны. Так, снижение смертности от травматизма на 10 тыс. случаев в год, вело бы к росту дохода (что является абсолютно реальным) государства и общества на 26 млрд долларов. Те же критерии можно было бы соотнести и к смертности от других несчастных случаев — убийств, ДТП и т. д.

Такой подход обеспечил бы, во-первых, реальное, конкретное целеполагание в стратегии развития страны, во-вторых, повышение эффективности государственного управления на всех уровнях, а, в-третьих, решения главной стратегической задачи — сбережение нации.

Напомним о той реальной ситуации, которая сложилась к 2007 году в этой области. По оценкам экспертов Общественной палаты, «...поколение детей лишь на 60% замещает поколение родителей, страна ежегодно теряет 700–800 тыс. человек. Начиная с 1992 г. смертность в России устойчиво превышает рождаемость. За 14 лет (1992–2005 гг.) разница между количеством родившихся и количеством умерших в России составила более 11,1 млн человек. Абсолютная убыль населения (с учетом 5,3 млн въехавших мигрантов) составила за этот период около 5,8 млн (около 400 тыс. человек в среднем за год). Данные последних лет демонстрируют нарастание масштабов убыли населения, за 2000–2005 гг. — около 700 тыс. человек в среднем за год.

Сохранение нынешнего уровня рождаемости и смертности приведет к тому, что численность населения нашей страны к началу 2025 г. может составить 123 млн человек, сократившись на 20 млн»²⁴.

Заявления на этот счет президента РФ реальной политикой пока подкреплены мало, хотя даже внимание к ней привело к снижению смертности и росту

рождаемости уже в первой половине 2007 года. Исполнительная власть по-прежнему ориентируется на устаревшие макроэкономические критерии и показатели, которые давно **перестали быть определяющими** для стран-лидеров экономического развития. Примечательно, что даже Президент РФ В. Путин, заговорив в сентябре 2005 года о роли человеческого потенциала, поставил этот приоритет в **зависимость от макроэкономических показателей**.

Вместе с тем, еще раз повторю, нельзя не заметить, что ситуация стала меняться в 2006–2007 годах.

Толчок (дополнительный, главный, но не единственный) дало послание В. Путина 2006 года. Как справедливо отметил в марте 2007 года С. Глазьев, «хоть и с большим запозданием, но лед тронулся — мы уходим от примитивной политики вульгарного либерализма к политике развития...»²⁵. Заметна динамика и правильная направленность движения, но сколько потребуется времени, чтобы практически отказаться от «вульгарного либерализма», — это пока еще ясно будет после формирования правительства 2012 года.

3. Поиск новых критериев развития

...увеличение производительности полезного труда зависит, прежде всего, от повышения ловкости и умения рабочего, а затем от улучшения машин и инструментов, с помощью которых он работал²⁶.

А. Корицкий

Национальное богатство, как известно, состоит из трех основных частей — материальная (машины, оборудование, инфраструктура и др.), природные ресурсы и национальный человеческий капитал, составляющий по общему признанию до 80% национального богатства развитых стран. Соответственно, модель модернизации, предполагающая модернизацию оборудования и техники, а также иные инновации затрагивает незначительную часть (менее 20%) национального богатства страны. При этом собственно на машины, оборудования и технологии приходится (в зависимости от наличия у страны природных ресурсов) от 10 до 15%. Схематично значение национального человеческого капитала в структуре национального богатства выглядит следующим образом: см. рис. 8.

Рис. 8. Значение национального человеческого капитала в структуре национального богатства

Соответственно, если мы хотим модернизировать в широком смысле этого слова страну, ее экономику и социальную сферу, то мы должны понимать, что особая роль в такой модернизации принадлежит человеческому капиталу, всех составляющих его элементов.

Табл. 6. Россия в мире²⁷

	Мировой итог			Россия			Россия в % к мировому итогу		
	1995	2000	2006	1995	2000	2006	1995	2000	2006
Среднегодовая численность населения, млн человек	5666	6086	6593	148,4	146,6	142,5	2,6	2,4	2,2
Добыча									
нефти (включая газовый конденсат), млн т	3096	3329	3627	307	324	481	9,9	9,7	13,0
газа (естественного), млрд м ³	2213	2547	2974	595	584	656	27	23	22
угля (товарного), млн т	4570	4516	6284	263	258	310	5,8	5,7	4,9
железной руды (товарной), млн т	919	960	1482	78,3	86,8	102	8,5	9,0	6,9
Производство продукции промышленности									
Электроэнергия									
всего, млрд кВт·ч	13 284	15 429	19 014	860	878	996	6,5	5,7	5,2
на душу населения, кВт·ч	2312	2542	2884	5793	5976	6989	251	235	242
чугун, млн т	524	576	881	39,8	44,6	52,4	7,6	7,7	5,9
сталь, млн т	752	848	1250	51,6	59,2	70,8	6,9	7,0	5,7

окончание табл. 6

	Мировой итог			Россия			Россия в % к мировому итогу		
	1995	2000	2006	1995	2000	2006	1995	2000	2006
Легковые автомобили (включая сборку):									
всего, млн шт.	38,4	43,3	42,7	0,8	1,0	1,2	2,1	2,3	2,4
на 1000 человек населения, шт.	6,8	7,1	6,8	5,6	6,7	8,3	85	96	103
Минеральные удобрения, млн т	136	144	165	9,6	12,2	16,2	7,1	8,5	9,8
Древесина (вывозка), млн м ³	3251	3395	3536	116	94,8	118	3,6	2,8	3,3
Пиломатериалы (включая шпалы), млн м ³	391	386	425	27,7	20,6	22,3	7,1	5,3	5,2
Бумага и картон									
всего, млн т	283	324	365	4,1	5,3	7,4	1,5	1,6	2,0
на душу населения, кг	49,9	53,2	55,4	27,4	36,2	52,2	55	68	94
Цемент, млн т	1424	1641	2310	36,5	32,4	54,7	2,6	2,0	2,1
Хлопчатобумажные ткани									
всего, млрд м ²	62,7	66,7	...	1,2	1,8	2,2	1,9	2,7	...
на душу населения, м ²	11,1	11,0	...	8,4	12,4	15,6	76	113	...
Шерстяные ткани									
всего, млн м ²	2579	2306	...	72,2	54,6	29,0	2,8	2,4	...
на душу населения, м ²	0,5	0,4	...	0,5	0,4	0,2	100	100	...
Обувь									
всего, млн пар	2089	1710	1720	51,6	32,9	57,3	...	...	...
на душу населения, пар	0,4	0,3	0,3	0,3	0,2	0,4	...	...	...
Сахар-песок (из отечественного сырья)									
всего, млн т	109	122	140	2,1	1,6	3,2	1,9	1,3	2,3
на душу населения, кг	19,3	20,0	21,5	13,9	10,6	22,4	72	53	104
Улов рыбы и добыча других морепродуктов									
всего, млн т	92,3	95,6	93,3	3,9	3,8	3,3	4,2	4,0	3,4
на душу населения, кг	16,3	15,7	14,3	26,5	25,7	22,9	163	164	157

Другая идеологическая проблема — привыкание к новым критериям, оценкам социально-экономического развития, где рост ВВП не является главным показателем. С экономической точки зрения, Россия объективно находилась к 2006 году на стадии **восстановления индустриально-промышленного потенциала**, где-то на уровне РСФСР 1990 года, когда информационное общество еще только начинало формироваться. На том уровне, где передовые страны находились в конце 1980-х годов. Поэтому ВВП был основным критерием. Но уже в 2007 году, а тем более в 2010–2015 годах, критерии уже стали другие. Мы все еще меряем аршинами, а не метрами. Мы оказались отброшены в своих оценках экономики на 15 лет не только теоретически, но и идеологически. Так, например, по оценке депутата Госдумы Г. Гудкова, в балансе российских предприятий интеллектуальная собственность составляет 1–2%, в то время как в Европе и США — от 50 до 80%²⁸.

Конечно, величина и темпы роста ВВП имеют огромное значение. Особенно в сравнении с длительным периодом, когда они катастрофически падали. Россия в 2000–2007 годы давала устойчиво 6–7% роста ВВП и приближается к 7% по темпам роста

промышленной продукции, что особенно радовало в сравнении с ведущими странами мира²⁹ и темпами падения в период 1990–2000 годов.

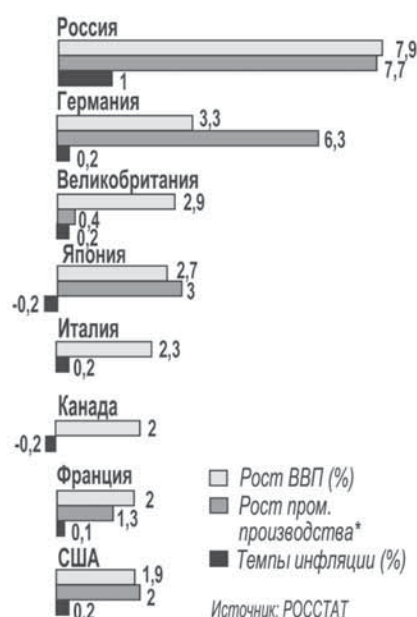

Рис. 9.

Но, вместе с тем, эти оптимистические показатели, во-первых, сразу «теряются» в периоды кризиса и спада, когда их ценность стремительно девальвируется. Так, кризис 2008–2010 годов во многом обесценил темпы роста предыдущих лет. Во-вторых, количествен-

ный рост ВВП не так уж и значителен в мировом сопоставлении (особенно, если у быстроразвивающихся стран не было обвала в кризисные годы). Что видно из ниже приведенных сопоставлений (рис. 9, табл. 7), даже без учета динамики в развитии Китая и Индии³⁰.

Табл. 7. Динамика валового внутреннего продукта
(в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)

	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2006
Россия	95,9	110,0	104,7	107,3	107,2	106,4	107,4
Европа							
Австрия	101,9	103,4	100,9	101,1	102,4	102,0	103,1
Беларусь	89,6	105,8	105,0	107,0	111,4	109,4	110,0
Бельгия	104,3	103,9	101,5	100,9	102,6	101,3	103,3
Венгрия	101,5	106,0	103,8	103,4	105,2	104,1	104,0
Германия	101,9	103,2	100,0	99,8	101,3	100,9	102,8
Греция	102,1	104,1	103,9	104,8	104,7	103,7	104,3
Дания	103,1	103,5	100,5	100,4	102,1	103,1	103,5
Ирландия	109,7	109,4	106,0	104,3	104,3	105,5	106,0
Испания	105,0	105,1	102,7	103,1	103,2	103,5	103,9
Италия	102,8	103,6	100,3	100,0	101,2	100,6	101,9
Латвия	100,3	106,9	106,5	107,2	108,7	110,6	111,9
Литва	103,3	104,7	106,9	110,5	107,0	107,6	107,5
Люксембург	...	108,5	104,1	102,1	104,9	105,0	106,2
Нидерланды	103,0	103,9	100,1	100,3	101,9	101,5	102,8
Норвегия	104,2	103,3	101,5	101,0	103,9	102,7	102,8
Польша	...	104,3	101,4	103,9	105,3	103,2	105,8
Португалия	102,9	103,9	100,8	98,9	101,3	100,5	101,3
Республика Молдова	98,6	102,1	107,8	106,6	107,4	107,5	104,8
Румыния	107,1	102,1	105,2	105,2	108,5	104,1	107,6
Словакия	107,6	100,7	104,1	104,2	105,4	106,0	108,3
Словения	104,1	104,1	103,5	102,7	104,4	104,0	105,2
Соединенное Королевство (Великобритания)	102,9	103,8	102,1	102,7	103,3	101,9	102,8
Украина	87,8	105,9	105,2	109,6	112,1	102,7	107,3
Финляндия	104,4	105,0	102,2	102,4	103,6	102,1	104,9
Франция	102,3	103,9	101,0	101,1	102,3	101,2	102,2
Чешская Республика	...	103,7	101,9	103,6	104,2	106,1	106,1
Швейцария	100,4	103,6	100,3	99,8	102,3	101,9	102,7
Швеция	103,9	104,3	102,0	101,7	104,1	102,9	104,2
Эстония	104,5	110,8	108,0	107,1	108,1	110,5	111,4

Гораздо более информативна и современна отраслевая структура ВВП, из которой видно, что на образование и здравоохранение приходится более 13% ВВП (а в Швеции даже 6,8%) развитых стран по сравнению с 10% ВВП России. При этом доли строи-

тельства и транспорта примерно сопоставимы, а вот доли промышленности составляют 20 и менее процентов (по сравнению с 31,6% российской, которая, напомним, значительно отстает от уровня РСФСР 1990 года³¹.

Табл. 8. Отраслевая структура валового внутреннего продукта
(структура валовой добавленной стоимости в текущих ценах; в процентах к итогу)

	Валовой внутренний продукт — всего	в том числе в отраслях							
		сельское и лесное хозяйство, рыболовство и охота	промышленность	строительство	транспорт и связь	торговля, гостиницы и рестораны	финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	образование, здравоохранение, социальные услуги	прочие услуги
Россия	100	4,7	31,6	5,7	9,2	21,1	14,7	6,0	7,0
Европа									
Австрия	100	1,9	22,8	7,5	7,2	17,6	22,5	10,7	9,8
Беларусь	100	9,2	31,6	9,9	9,9	12,3	7,8	9,1	10,2
Бельгия	100	1,2	21,0	5,0	8,4	13,7	28,4	13,0	9,4
Болгария	100	9,4	25,0	5,5	10,7	14,1	19,6	6,6	9,2
Венгрия	100	4,3	25,3	4,8	7,6	12,5	22,0	10,3	13,2
Германия	100	1,1	25,0	4,1	5,6	12,4	29,1	11,6	11,1
Греция	100	7,0	14,2	8,1	8,5	20,2	21,2	10,2	10,7
Дания	100	1,9	18,5	5,5	8,8	13,4	24,0	16,8	11,0
Ирландия	100	2,5	28,5	9,0	5,4	12,6	23,4	10,9	7,7
Испания	100	3,5	18,5	10,8	7,4	18,6	20,8	10,0	10,6
Италия	100	2,3	20,8	6,0	7,8	15,4	26,9	10,6	10,2
Латвия	100	4,1	15,8	6,3	15,5	22,1	18,0	7,8	10,3
Литва	100	5,9	25,5	7,2	12,8	19,5	12,4	8,4	8,4
Нидерланды	100	2,1	18,2	5,7	7,5	15,0	26,8	13,7	11,0
Норвегия	100	1,5	33,0	4,4	8,8	10,3	19,4	14,1	8,5
Польша	100	4,3	24,8	6,5	7,2	20,3	18,2	8,7	10,2
Португалия	100	3,7	19,3	6,7	6,7	17,2	19,2	13,9	13,3
Республика Македония	100	13,1	24,0	6,2	9,6	15,1	12,9	8,8	10,3
Республика Молдова	100	11,6	17,2	5,6	14,1	15,3	16,2	11,3	8,7
Румыния	100	14,3	28,2	6,7	10,8	12,3	15,8	5,7	6,2
Словакия	100	3,9	26,5	5,6	10,7	15,1	21,3	7,2	9,7
Словения	100	2,6	30,2	5,7	7,1	13,9	20,2	10,6	9,8
Соединенное Королевство (Великобритания)	100	0,9	18,5	6,2	7,2	15,0	30,0	12,2	9,9
Украина	100	7,3	31,0	4,9	10,6	14,1	14,9	9,0	8,2
Финляндия	100	3,1	24,8	5,4	10,8	12,2	21,0	13,8	8,9
Франция	100	2,2	15,1	5,8	6,4	12,9	32,0	13,9	11,7
Чешская Республика	100	3,0	31,1	6,6	10,7	14,7	16,6	8,0	9,3
Швеция	100	1,8	22,7	4,3	8,2	12,1	24,4	16,8	9,7
Эстония	100	4,3	22,2	6,7	14,0	14,3	20,7	7,9	10,1
Азия									
Азербайджан	100	6,2	64,7	7,6	6,1	5,9	2,9	3,1	3,5
Армения	100	19,8	16,5	27,1	7,0	12,3	7,0	5,9	4,4
Бангладеш	100	20,0	19,1	8,2	10,7	14,8	10,0	4,8	12,3
Вьетнам	100	21,8	34,1	5,9	3,7	16,9	6,3	5,0	6,3
Грузия	100	13,3	13,6	7,7	12,4	17,6	8,5	8,6	18,3
Израиль	100	1,8	17,1	4,8	7,2	10,6	32,9	13,7	11,9
Индия	100	22,8	20,3	6,2	8,0	14,9	13,5	14,3	...

Гораздо более важное значение имеют те показатели ВВП, которые непосредственно связаны с челове-

ком, т. е. определяющих НЧК: ВВП на душу населения и основные показатели уровня жизни населения³².

Табл. 9. Основные показатели международных сопоставлений валового внутреннего продукта в 2005 г.

	ВВП по ППС, млрд долл. США	Доля страны в совокупном ВВП по ППС (Мир=100)	ВВП на душу населения по ППС		Паритет покупательной способности, единиц национальной валюты за доллар США	Сопоставимый уровень цен (отношение ППС к валютному курсу), %
			долл. США	индекс физиче- ского объема (США=100)		
Австралия	671,5	1,22	32 798	78,7	1,4	106
Австрия	280,8	0,51	34 108	81,8	0,9	109
Албания	16,8	0,03	5369	12,9	48,6	48
Бельгия	336,0	0,61	32 077	77,0	0,9	112
Болгария	72,2	0,13	9353	22,4	0,6	38
Босния и Герцеговина	25,0	0,05	6506	15,6	0,7	46
Венгрия	171,6	0,31	17 014	40,8	128,5	64
Германия	2514,8	4,57	30 496	73,2	0,9	111
Греция	282,8	0,51	25 520	61,2	0,7	87
Дания	182,2	0,33	33 626	80,7	8,5	142
Израиль	156,7	0,28	23 845	57,2	3,7	83
Ирландия	157,9	0,29	38 058	91,3	1,0	127
Исландия	10,5	0,02	35 630	85,5	97,1	154
Испания	1183,5	2,15	27 270	65,4	0,8	95
Италия	1626,3	2,96	27 750	66,6	0,9	109
Канада	1133,0	2,06	35 078	84,2	1,2	100
Кипр	18,6	0,03	24 473	58,7	0,4	91
Латвия	30,4	0,06	13 218	31,7	0,3	53
Литва	48,1	0,09	14 085	33,8	1,5	53
Люксембург	32,6	0,06	70 014	168,0	0,9	115
Мальта	8,2	0,01	20 410	49,0	0,2	72
Мексика	1175,0	2,14	11 317	27,2	7,1	65
Нидерланды	566,6	1,03	34 724	83,3	0,9	112
Новая Зеландия	100,7	0,18	24 554	58,9	1,5	108
Норвегия	219,8	0,40	47 551	114,1	8,8	137
Польша	518,0	0,94	13 573	32,6	1,9	59
Португалия	211,0	0,38	20 006	48,0	0,7	88
Республика Корея	1027,4	1,87	21 342	51,2	788,9	77
Республика Македония	15,0	0,03	7393	17,7	19,1	39
Россия	1697,5	3,09	11 861	28,5	12,7	45
Румыния	202,7	0,37	9374	22,5	1,4	49
Сербия	64,1	0,12	8609	20,7	27,2	41
Словакия	85,6	0,16	15 881	38,1	17,2	55
Словения	46,0	0,08	23 004	55,2	147,0	76
Соединенное Королевство (Великобритания)	1901,7	3,46	31 580	75,8	0,6	118
США	12 376,1	22,51	41 674	100,0	1,0	100
Турция	561,1	1,02	7786	18,7	0,9	64
Финляндия	159,8	0,29	30 469	73,1	1,0	122
Франция	1862,2	3,39	29 644	71,1	0,9	115

	ВВП по ППС, млрд долл. США	Доля страны в совокупном ВВП по ППС (Мир=100)	ВВП на душу населения по ППС		Паритет покупательной способности, единиц национальной валюты за доллар США	Сопоставимый уровень цен (отношение ППС к валютному курсу), %
			долл. США	индекс физи- ческого объема (США=100)		
Хорватия	58,8	0,11	13 232	31,8	3,9	66
Черногория	4,9	0,01	7833	18,8	0,4	45
Чешская Республика	207,6	0,38	20 281	48,7	14,4	60
Швейцария	266,3	0,48	35 520	85,2	1,7	140
Швеция	288,9	0,53	31 995	76,8	9,2	124
Эстония	22,4	0,04	16 654	40,0	7,8	62
Япония	3870,3	7,04	30 290	72,7	129,6	118
ОЭСР — Евростат	36 469,0	66,33	26 404	63,4	—	99

Табл. 10. Основные показатели уровня жизни населения

	Индекс челове- ческого развития, 2005	в том числе индекс			Фактическое конечное потре- ление домашних хозяйств по паритету поку- пательной спо- собности, 2005 (Россия=100)	Индекс потреби- тельских цен, 2006 в % к 1995	Индекс концент- рации доходов (коэффициент Джини), %	Суточная кало- рийность пита- ния населения, ккал на душу, 2003
		ожидаемой продолжи- тельности жизни	уровня образования	ВВП				
Россия	0,802	0,667	0,956	0,782	100	1064	42,2	3118
Европа								
Австрия	0,948	0,907	0,966	0,971	296	120	29,1	3732
Албания	0,801	0,853	0,887	0,663	54	217	31,1	2874
Беларусь	0,804	0,728	0,956	0,730	85	18 820	27,4	2885
Бельгия	0,946	0,897	0,977	0,963	273	123	33,0	3634
Болгария	0,824	0,795	0,926	0,752	92	4792	29,2	2885
Венгрия	0,874	0,799	0,958	0,866	156	279	26,9	3552
Германия	0,935	0,902	0,953	0,949	275	118	28,3	3484
Греция	0,926	0,898	0,970	0,910	235	155	34,3	3666
Дания	0,949	0,881	0,993	0,973	271	126	24,7	3472
Ирландия	0,959	0,890	0,993	0,994	266	140	34,3	3717
Испания	0,949	0,925	0,987	0,935	243	139	34,7	3421
Италия	0,941	0,922	0,958	0,944	248	129	36,0	3675
Латвия	0,855	0,784	0,961	0,821	123	182	37,7	3014
Литва	0,862	0,792	0,965	0,831	144	157	36,0	3372
Люксембург	0,944	0,891	0,942	1,000	425	124	...	...
Нидерланды	0,953	0,904	0,988	0,966	285	127	30,9	3495
Норвегия	0,968	0,913	0,991	1,000	311	125	25,8	3511
Польша	0,870	0,836	0,951	0,823	130	211	34,5	3366
Португалия	0,897	0,879	0,925	0,888	193	137	38,5	3747
Республика Македония	0,801	0,814	0,875	0,714	77	124	39,0	2852
Республика Молдова	0,708	0,724	0,892	0,508	37	497	32,9	2729
Румыния	0,813	0,782	0,905	0,752	92	2950	31,0	3582
Словакия	0,863	0,821	0,921	0,846	140	206	25,8	2779
Словения	0,917	0,874	0,974	0,902	189	198	28,4	2954
Соединенное Королевство (Великобритания)	0,946	0,900	0,970	0,969	318	133	36,0	3450

	Индекс человеческого развития, 2005	в том числе индекс			Фактическое конечное потребление домашних хозяйств по паритету покупательной способности, 2005 (Россия=100)	Индекс потребительских цен, 2006 в % к 1995	Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини), %	Суточная калорийность питания населения, ккал на душу, 2003
		ожидаемой продолжительности жизни	уровня образования	ВВП				
Украина	0,788	0,711	0,948	0,705	59	583	27,3	3054
Финляндия	0,952	0,898	0,993	0,964	246	117	26,9	3143
Франция	0,952	0,919	0,982	0,954	282	119	32,7	3623
Чешская Республика	0,891	0,849	0,936	0,889	166	159	25,4	3308
Швейцария	0,955	0,938	0,946	0,981	291	109	33,7	3545
Швеция	0,956	0,925	0,978	0,965	276	112	25,0	3208
Эстония	0,860	0,770	0,968	0,842	142	198	35,8	3222
Азия								
Азербайджан	0,746	0,702	0,882	0,653	46	155	...	2727
Армения	0,775	0,779	0,896	0,651	34	177	...	2357
Бангладеш	0,547	0,635	0,503	0,504	13	176	33,2	2193
Вьетнам	0,733	0,812	0,815	0,572	17	...	34,4	2617
Грузия	0,754	0,761	0,914	0,587	40	277	38,7	2646
Израиль	0,932	0,921	0,946	0,927	203	151	39,2	3554
Индия	0,619	0,645	0,620	0,591	18	190	36,8	2473
Индонезия	0,728	0,745	0,830	0,609	30	400	34,3	2891
Исламская Республика Иран	0,759	0,754	0,792	0,731	84	539	43,0	3096
Казахстан	0,794	0,682	0,973	0,728	69	327	30,9	2858
Киргизия	0,696	0,676	0,917	0,494	24	375	...	3173
Китай	0,777	0,792	0,837	0,703	22	118	46,9	2940

Стоит добавить, что энергетическая мощь России, о которой сегодня много говорят, сильно преувеличена. Россия отнюдь не лидер в добыче углеводородов на душу населения. Она лишь покрывает потребности своей относительно слабой экономики. Из развитых стран в группу лидеров (более 10 т топлива в нефтяном эквиваленте на душу) входят Норвегия, Австралия и Канада. Россия же вместе с Венесуэлой, Казахстаном, Габон и Данией попадает в группу стран, производящих от 5 до 10 т топлива на душу населения в тоннах нефтяного эквивалента.

Отметим, что такие известные нефтеэкспортеры, как Иран, Ирак, Азербайджан, Мексика, производят менее 5 т топлива на душу населения. Уровень 5 т — это средний объем потребления топлива в развитых странах Европы и в Японии (США и Канада потребляют даже по 8 т на человека). Другими словами, нынешний уровень производства в России был бы едва достаточен для покрытия внутренних потребностей, если бы она была развитой страной³³.

Доля электронной промышленности в ВВП страны после 1990 года снизилась с двух процентов до 0,12%, количество предприятий — с 400 до 257, объем научно-исследовательских работ — **в восемь раз**. При учете инфляционного фактора финансирование НИ-

ОКР в радиоэлектронном комплексе по федеральным целевым программам за 2002–2004 г.г. сократилось на два процента — с 553,9 млн до 542,4 млн рублей³⁴.

Конечно, нельзя недооценивать результатов последних лет. По оценкам Д. Медведева, в 2007 году экономика России вышла на максимальный уровень РСФСР 1990 года, а по размеру ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, как он полагает, мы можем выйти за два ближайших года на шестое место в мире. Если брать, однако, размер российского ВВП на душу населения (табл. 11), то он составляет сегодня, по разным данным, 11–12 тыс. долл. В то время как в Западной Европе — от 21 до 40 тыс. долл., а в США — 35–40 тыс. долл. И по этому показателю нам еще очень далеко до лидеров³⁵. Но это в том случае, если прибегать только к старым критериям роста.

Внешне все выглядит не так уж и плохо, но Россия по-прежнему развивается по алгоритму индустриально-сырьевого государства. Как и РСФСР в 1980-е годы. Даже хуже по некоторым параметрам. Некоторые элементы нового общества, появившиеся в последние годы, соседствуют как с доминирующими элементами индустриально-коммунистического, так и анархо-рыночного сырьевого общества.

Табл. 11. Место России по ВВП среди других стран³⁶

	ВВП в млрд долл. (2005 г.)	Рост ВВП за 2006 г., в %	ВВП в млрд долл. (2006 г.)	ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в тыс. долл.
США	12455	2,2	12729	42,8
Япония	4506	2	4596	31,4
Германия	2782	2,1	2840	29,9
Китай	2229	10,6	2467	7,3
Великобритания	2193	2,7	2252	32,9
Франция	2110	2	2152	30,7
Италия	1723	2	1758	29,6
Индия	785	8,3	851	3,8
Россия	764	6,9	817	11,7
Бразилия	794	3,2	820	9,0
Украина	82	7	87	7,2
Казахстан	56	10,6	62	9,4
Белоруссия	30	9,9	32	8,7
Эстония	13	11	15	18,0

Если добыча топливно-энергетических полезных ископаемых по сравнению с 1991 годом действительно выросла на 16,5%, то производство машин и оборудования упало более чем вдвое. Собственно экстенсивный рост ТЭКа при его низкой эффективности мало о чем говорит. Эксперты, например, считают, что топливно-энергетические потери достигают 100 млрд долл. в год (расходная часть бюджета сейчас около 550–600 млрд долл. с учетом всех фондов). Энергоемкость ВВП России в 3–4 раза выше, чем в развитых странах³⁷.

Таким образом, рост ВВП за счет ТЭКа во многом обесценивается неэффективными расходами энергоресурсов, т. е. этот рост вполне условный.

Более точные показатели, на мой взгляд, — производство и экспорт наукоемкой продукции. Если доля России в мировом ВВП — порядка 2,5%, то в экспорте наукоемкой продукции — около 0,3%, т. е. в 8 раз меньше!

При этом удельный вес России в мировой торговле машиностроительной продукцией колеблется вокруг 0,5%. По экспорту технологий и наукоемких товаров мы в разы уступаем не только США, Южной Корее или Китаю, но теперь уже и Таиланду с Филиппинами. Доля оборудования, которое используется более 20 лет перевалила за 50% (в 1990 году — 15%). Россия вплотную приблизилась к утрате собственной технологической базы, как в машиностроении, так и в индустрии народного потребления. По расчетам РАН, в перспективе страна будет приобретать за рубежом до 60% технологий³⁸.

Очевидно, что наряду с макроэкономическими необходимо вводить новые, соответствующие 2010–2015 годам критерии, которые более объективно покажут реальное место России в мире. Чтобы не оказаться в положении СССР, когда могущество измерялось объемами производства цемента, нужно идеологически изменить установку на более современные

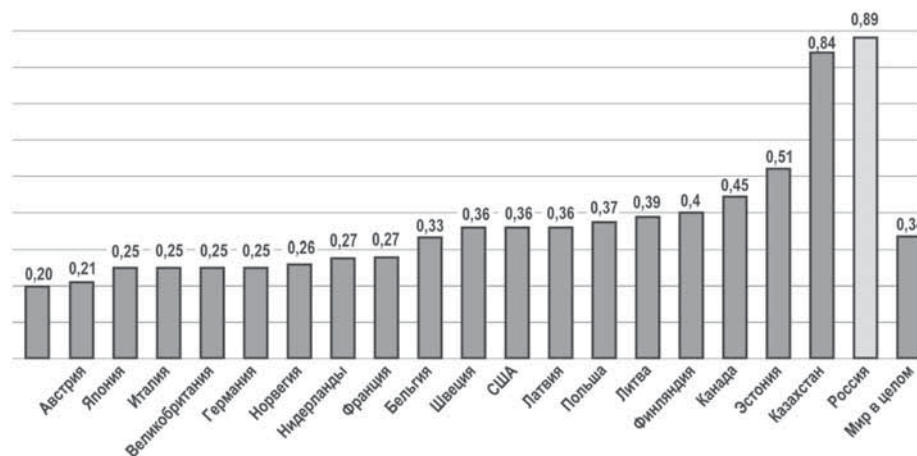

Рис. 10. Классификация стран по энергоёмкости ВВП в 2001 г. с учетом ППС 1995 г. (по данным ООН, приведенным автором к т.т./тыс. долл. США)

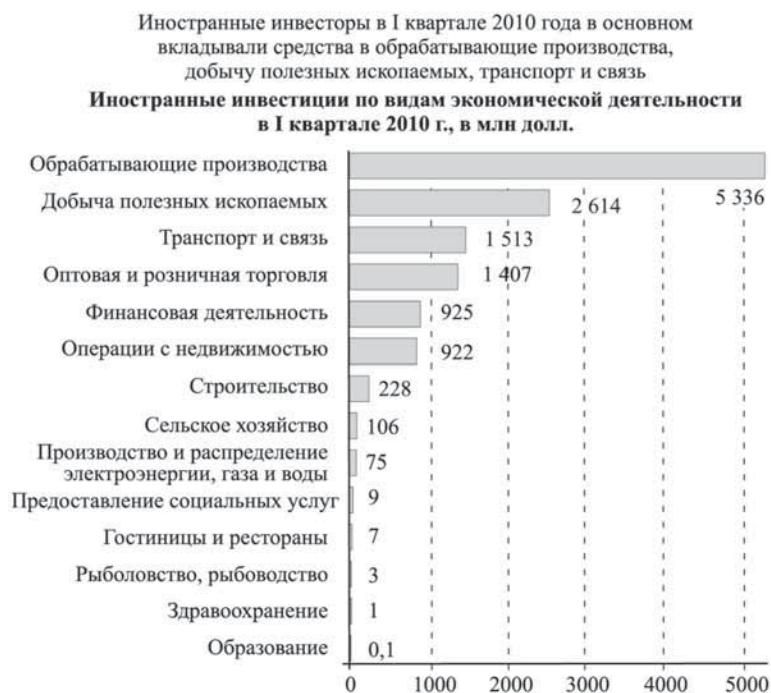

Рис. 11. Иностранные инвестиции в отрасли экономики РФ

критерии развития, отражающие прежде всего качество человеческого потенциала.

Отдельный разговор об иностранных инвестициях, которые занимают первостепенное внимание отечественных либералов. Правда заключается в том, что иностранные инвестиции практически отсутствуют в отраслях, где применяются инновационные технологии и методы управления, также прямые инвестиции не идут в российские отрасли новой экономики (обычно при появлении таких предприятий, они враждебно поглощаются) и не вкладываются в наш рынок компаниями международными лидерами в технологических областях (такие вложения обычно сосредоточены в поддержке сбыта, а не разработок или полного либо частичного цикла производства)³⁹. ПИИ обычно создают на территории РФ предприятия для поддержки ускоряющегося в темпах и объемах импорта готовой высокотехнологичной продукции в РФ, в пищевой и легкой промышленности (где уже целые отрасли принадлежат иностранным транснациональным компаниям и это не только производство пива и сигарет, но и производство молочной, соковой, консервной, химической и иной продукции), для разработки и первичного передела полезных ископаемых, а также в тех отраслях где российский рынок еще не окреп, нет российских производителей либо они еще в зачаточном состоянии или были разрушены в 1990-х, что позволяет «снимать сливки» с нашего рынка, — тем самым создавая благодатную почву для аномально высоких цен в РФ и высоких темпов инфляции.

А это означает, как минимум, что финансирование развития НЧП — задача государства и общества, что привлечение отечественных инвестиций в эти

области, их доля в объеме инвестиций должны стать приоритетами государственной политики.

Денежно-кредитная политика, инфляция и конкуренция в экономике РФ характеризуется в настоящее время следующими так называемыми «дефектами свободного рынка»:

1. Инфляция издержек. Это в первую очередь недостаточное инвестирование в средства производства. Промышленность РФ сейчас находится в плачевном состоянии, об этом говорит изношенность наших заводов, оборудования и кратный рост зарплаты (с 2005 по 2008 гг. примерно в 3,5 раза) при небольшом увеличении производительности труда (за тот же период рост в 1,2 раза). Наши заводы не выдерживают конкуренции с аналоговыми мировыми, потому что себестоимость однотипной продукции у нас намного выше, а качество соответственно ниже. Богатое промышленное наследие СССР давно морально и физически устарело, что приводит к дополнительным издержкам, т. к. обслуживание старого оборудования всегда выше, чем нового. Но самая главная проблема в том, что устаревшие технологии, применяемые более 60% наших производств, увеличивают издержки, что за собой влечет рост цен. Пример: себестоимость тонны цемента в РФ в среднем составляет 1500 руб., в Китае 700–800 руб., рыночная стоимость цемента в РФ сейчас от 2800–3500 руб., в Китае от 1500–2100 руб. А в до кризисном 2008 г. стоимость тонны в РФ взлетала аж до 7800 руб.⁴⁰, из этого следует, что мотивации к инвестициям в производство у наших предприятий нет, они и так получают очень высокую маржу.

2. Монополизация и картелирование рынков. Основное правило свободной рыночной экономики в том, что издержки со временем должны уменьшаться, вследствие развития рынка и НТП (научно-технический прогресс). Но это правило не действует в монополизированных экономиках, где цены устанавливаются не спросом и предложением, а созданием дефицита и ограничением производства, т.е. у нас в РФ сложился устойчивый рынок предложения, где покупатель, как говорят, «все равно купит». Это касается всех сфер российской экономики, как первичного и вторичного сектора, так и сферы услуг и банковской деятельности. Это выражается в банковской сфере, где квазигосударственная первая шестерка банков контролирует более 80% процентов денежного предложения. А в цементной промышленности, которую мы уже затронули, более 35% производства и сбыта контролирует компания «Евроцемент», теперь понятно, почему у наших предприятий нет желания инвестировать в создание новых высококонкурентных производств. Ярким примером монополизации и картелирования является строительная отрасль РФ, где сговор основных игроков виден невооруженным взглядом. Куда смотрит ФАС?
3. Регулирование отдельных видов цен. Этим в РФ занимается Федеральная служба по тарифам. За последние четыре года рост тарифов ЖКХ, электроэнергии, стоимости газа, железнодорожных перевозок опережал рост официальной инфляции. Рост тарифов в свою очередь приводит к росту цен на продукцию, в себестоимости которой заложены расходы на электроэнергию, газ и транспорт. То есть этот рост тарифов затрагивает почти все группы товаров и услуг, производимых в РФ.
4. Коррупция. Коррупционные издержки в некоторых видах производства и бизнеса составляют до 55%, система откатов вошла в обычную практику. К чему приводит необузданный аппетит государственных служащих — к росту цен и снижению качества, ведь бизнес без прибыли не имеет смысла. Я как-то раз хотел попробовать найти государственный заказ на капитальный ремонт жилого дома в Москве, нужных людей, которые поспособствуют победе на торгах, нашел очень быстро, они гарантировали победу за 15% отката. А реальная стоимость земли под застройку значительно отличается от номинальной, что и приводит к росту цен. В общем, поборы и дань, налагаемая на бизнес, учитывается не в бухгалтерии, а в росте цен.
5. Не демонетизация. Если рассматривать деньги как товар, то ограничение их эмиссии приводит к дефициту денег, и экономические агенты будут стремиться максимально и быстро заполучить этот товар, т.е. спрос на деньги увеличивает-ся и соответственно увеличивается стоимость и цены, что приводит к росту ставок на депозиты, кредиты и разгон инфляции — это замкнутый круг. И сломать его способны денежные власти решительными действиями, которые заключаются в систематическом впрыске денежной массы реальным производителям, а также конечным потребителям, но до определенного уровня (главное — не перестараться). Что поможет перевооружить промышленность, диверсифицировать экономику, уйти от сырьевого развития, выйти на внешние рынки, повысить конкуренцию, увеличить платежеспособный спрос. При этом большую часть денег должны получить именно промышленники на условиях инвестиций в производство, что приведет к сокращению издержек и заметному снижению инфляции. Из вышесказанного следует, что эмиссия денежной массы и инфляция издержек зависят линейно при заданных условиях развития экономики. Примером такого развития является развитие экономики США в период с 1865 г. по 1879 год⁴¹.
6. Стерилизация рубля. Так называемые Золотовалютные резервы РФ привязаны к бивалютной корзине и состоят на 45% из евро и на 55% из долларов, а Резервный Фонд и Фонд будущих поколений состоят на 45% из евро, на 45% из долларов и на 10% из фунтов стерлингов. Что в этом такого, скажет экономист, это нормальная практика для ЦБ по всему миру, но я скажу: денежная эмиссия (денежная пирамида) в РФ строится на основе долларов США, евро, фунтов стерлингов, что делает нашу денежную эмиссию в зависимости от ФРС США, ЕЦБ и Банка Англии. Это значит, что не только Минфин РФ и ЦБ РФ управляет денежной эмиссией в РФ, но и МВФ, ФРС США, ЕЦБ, а их цели и мотивы не всегда совпадают с нашими, что приводит к инфляционным ожиданиям и недоверию национальной валюте. Валютный империализм, начатый США с начала XX в., достиг своего апогея с началом кризиса 2008 г. и соглашениям о валютных свопах между ФРС США и ЕЦБ, Банками Англии, Швейцарии, Японии, позволяющие ФРС де-факто осуществлять эмиссию фунта, евро, йены и франка (это решение временное и связанное с глобальным экономическим кризисом вступившее в силу в 2009 г. и продлено в настоящее время, однако это прецедент в мировой экономике). Укрепление рубля увеличивает внутренний спрос, тогда как ослабление его сокращает. Страна могла бы платить за импорт не только экспортной выручкой, но и национальной денежной эмиссией, тем самым сокращая внешние заимствования. В коммерческом плане это существенно снизило бы курсовые риски и издержки по хеджированию сделок, расширило возможности для экспорта капитала и создания сети маркетинга

отечественных товаров за рубежом. Вероятно, это позволило бы перевести на рублевую базу и часть биржевой торговли по основным товарам российского экспорта. Могло бы упростить администрирование внешнеэкономических операций. Активнее пошло бы «вымывание» иностранной валюты из внутреннего оборота. Снизились бы риски, связанные с возможными недружественными акциями иностранных государств в отношении наших зарубежных валютных активов. Стали бы ненужными столь масштабные резервы Центробанка в чужих валютах. Как справедливо заметил директор Центра стратегических исследований М. Бочаров, «в самых больших масштабах вывоз капитала у нас осуществляют не Абрамович или подобные ему миллиардеры и миллионеры, а Кудрин и Греф. Они главные организаторы утечки российских денег... государство изымает сегодня деньги из экономики страны и вкладывает их в экономику других стран, прежде всего США». Это подводит наш анализ к рассмотрению вопросов управления Резервным фондом страны и ЗВР ЦБ. Стабилизационный фонд создавался как часть бюджета с целью стабилизации государственных финансов, антиинфляционного связывания излишней денежной массы в стране и подстраховки на случай неблагоприятной конъюнктуры мировых цен на нефть. С 2004 г., когда был создан фонд, и до 1 января 2008 г. объем накоплений в нем вырос с 522 млрд до 3,4 трлн руб., и эти средства были вложены в государственные ценные бумаги иностранных государств и ряда корпораций. Общее управление им осуществляет Минфин России. На самом деле такое массированное изъятие средств из государственного бюджета и национальной экономики не достигло не одной из поставленных целей. За годы функционирования Фонда мировые цены на нефть выросли почти в пять раз, а с начала мирового кризиса они упали чуть более чем в 2,5 раза и стабилизировались на уровне выше 50 долл. за баррель, а сейчас выше 90 долл. за баррель. Ложной оказалась и монетаристская посылка о влиянии роста денежной массы на уровень инфляции. Во-первых, инфляция в России в основном имеет немонетарный характер. Это — преимущественно инфляция издержек, связанная главным образом с отсутствием в стране необходимой рыночной конкуренцией и устойчивым завышением цен и тарифов на продукцию естественных монополий (что и показала проведенная ФАС проверка обоснованности уровня цен на нефтепродукты). Во-вторых, совершенно не очевидной на практике оказалась связь между динамикой денежного агрегата M2 и ростом цен, особенно, когда часть денежной массы канализируется на инвестиционные цели с после-

дующим наращиванием товарного предложения. Естественно, что такая политика финансово-экономического блока правительства вызывает неприятие и критику, как в экспертных, так и в деловых кругах. «Почему, — вопрошает академик Н. Шмелев, — государственная политика, вопреки здравому смыслу, направлена на то, чтобы как можно скорее избавиться от денег?» Ведь, по расчетам администрации президента, даже если Стабфонд пустить на потребительские расходы, прирост инфляции составил бы не более 1–2 процентных пунктов. Если же направить эти средства на инвестиционные цели, инфляция могла бы снизиться на такую же величину при росте ВВП на 1–1,5% пункта. Большинство других стран — держателей аналогичных фондов, тратят значительную их часть на модернизацию национальной экономики, достигая здесь впечатляющих результатов (например, ОАЭ, Кувейт, Катар, Саудовская Аравия, Индонезия, Китай). И при этом не возникает никакой инфляции. У нас же Минфин выводит деньги из экономики еще до стадии их вложения в производство, хотя в случае ухудшения международной политической и экономической обстановки средства, размещенные за рубежом, могут быть вообще потеряны. С учетом этих доводов с 1 февраля 2008 г. Стабилизационный фонд был разделен на два: по-прежнему «неприкосновенный» и с теми же функциями Резервный фонд (в размере 3,1 трлн руб.) и Фонд будущих поколений (в размере 0,6 трлн руб.), призванный питать российские институты развития, в частности Банк развития, Инвестиционный фонд, Российскую венчурную компанию и Российскую корпорацию нанотехнологий. Однако кубышку в 2009–2010 гг. пришлось открыть, так как правительство должно было поддержать не совсем обоснованные стратегии расширения российских корпораций, кредитуя их и банки на прямую, а также близость выборов заставило в том же до кризисном темпе наращивать социальные обязательства перед населением, что привело к дефициту бюджета, который планируется финансироваться внешними заимствованиями и средствами Стабфонда. В целях повышения отдачи разрешено вкладывать средства Резервного фонда не только в низкопроцентные государственные бонды, но также в ценные бумаги зарубежных государственных агентств развития и национальных банков (до 30% всех средств Фонда) и международных финансовых организаций (до 15%). Не исключено их размещение и на депозитах первоклассных мировых банков. Однако пропорции валютного размещения этих средств были сохранены, а изменения в адресах размещения могут потенциально увеличить доходность едва на полпроцента. Сходную стерилизационную роль в специфичес-

ких условиях России объективно играют и сверхнормативные золотовалютные резервы (достигшие в середине 2008 г. почти 600 млрд долл. и уменьшившиеся буквально за 7 месяцев до 380 млрд долл., достигших в декабре 2010 г. 483 млрд долл. США)⁴², с той лишь разницей, что они омертвляют валютную выручку. Это равнозначно вывозу из страны товаров без получения за них материального эквивалента и беспроцентному кредитованию стран, чьи валюты формируют такие резервы. Одновременно на российский денежный рынок (при покупке валюты Центробанком) выводится та самая рублевая масса, с которой борется Минфин. Однако на этом противоречия между Ильинкой и Неглинкой заканчиваются, и валютная часть резервов страны по-прежнему на 94% размещается за рубежом с той же пониженной доходностью. Тем не менее, даже имея эти средства (равные 16-месячному импорту при норме 3–6 месяцев), Центробанк предпочитает не использовать их и тем сужает свои уставные функции до одного лишь управления курсом валюты, снимая с себя обязанность стимулировать экономический рост и служить для отечественной финансовой системы кредитором в последней инстанции. Конечно, как это иногда и делается, проще всего списать такие действия на падения профессионализма наших финансовых властей или на их амбиции самостийно управлять казенными деньгами (хотя Стабфонд и был частью бюджета, он не входил в роспись бюджетных расходов, утверждаемую Государственной Думой). Однако, думается, что причины здесь гораздо глубже. По подсчетам Ю. Любимцева, уровень стерилизации доходов федерального бюджета при всей активизации государственной экономической политике Кремля в 2006–2007 гг. вдвое превысил прирост ВВП, которого своим трудом достигла страна. «Очевидно, — заключает свой анализ Ю. Любимцев, — что осуществляемые государственными менеджерами «стерилизация» и «оптимизация» бюджетных расходов означают не что иное, как «стерилизацию» конкурентных преимуществ российской экономики, блокирование инновационного развития и оздоровление и даже выживание нынешних, а не мифических будущих поколений. Заметим, однако, что от догматического толкования основ монетаризма предостерегает ныне своих эпигонов и сам М. Фридман, заявивший в одном из своих интервью: «Подход к оценке предложения денег как к ведущей цели и принципу, регулиющему экономические решения, в полной мере не оправдался. Я не уверен, что сегодня столь же упорно отстаивал этот принцип, как делал это раньше».

7. Теневая, серая и черная экономика. Политика властей выстраивается так, что малому и сред-

нему, а во многом и крупному бизнесу либо приходится уходить в тень, либо он сам это делает, чувствуя свою безнаказанность. Слабая культура ведения бизнеса, а также падение общего морально-нравственного и этического уровня общества приводит к тому, что получение доходов ставится во главу угла, при этом ни производителю, ни потребителю не важно, как это происходит. По разным подсчетам, объем теневой экономики в РФ составляет от 20 до 40%, при этом в некоторых регионах она составляет до 80%. Как в таких условиях можно проводить обдуманную антиинфляционную политику, если одна треть экономики не контролируется и не учитывается государством. Контрафактный товар можно встретить даже в федеральных торговых сетях. А неучтенная экономика это неучтенная денежная масса, которая стремится легализоваться в оффшорах и уходит от налогового обложения, а также из экономики. Эту проблему мало кто из государственных мужей выносит на общественное обозрение, но забывать ее и не решать ее преступно.

8. Огромный вывоз капитала и офшоризация российской экономики. Говоря о том, что нельзя пускать иностранные компании на наш не окрепший рынок, многие специалисты науки и государственные деятели лукавят, ведь многие экспортно-ориентированные и наиболее прибыльные российские компании принадлежат иностранным оффшорным и полуоффшорным компаниям посредством сложных схем, более того, многие квазигосударственные компании (акционерные общества с государственным капиталом) проводят свои международные экспортные операции через трейдеров, также зарегистрированных в оффшорах. Вывоз капитала в огромных масштабах является еще одной проблемой российской экономики, которая перекладывается на наше население увеличением в 2011 г. налогов и сборов, а также других платежей, связанных с естественными и иными государственными монополиями.

Парадоксы проводившейся до последнего времени в России денежно-кредитной политики войдут в историю как самые нелепые курьезы. Как, к примеру, объяснить сложившуюся в российской экономике ситуацию, при которой чем больше валютные поступления от экспорта нефти, тем меньше денежных ресурсов в распоряжении российских предприятий? Чем больше приток иностранных инвестиций, тем меньше были возможности внутренних накоплений. Профицит бюджета сопровождался ростом государственного внутреннего долга и квазигосударственного внешнего долга, а нынешний дефицит бюджета только ускорит рост заимствований за рубежом.

Эти парадоксы денежной политики заключены в самой технологии планирования денежного предложения, навязанной МВФ с 1992 г. и продолжавшейся

вплоть до последнего времени. Суть этой технологии сводится к ежегодному планированию прироста денежной массы исходя из целевых установок по ограничению инфляции, экзогенно задаваемого прироста ВВП и предположения о неизменной скорости обращения денег. Формально она исходит из хорошо известного тождества монетарной теории, согласно которому умножение количества денег на скорость их обращения эквивалентно произведению объема обращающихся на рынке товаров на их цены.

Хотя никаких сколько-нибудь обоснованных моделей, позволяющих рассчитать зависимость между приростом денежной массы и уровнем инфляции, ни Центральный банк, ни правительство не представляли, фактически они исходили из линейной зависимости между темпом прироста цен (инфляцией) и темпом прироста денежной массы, считая скорость их обращения и объем товарной массы неизменными. Это крайне упрощенная и далекая от экономической реальности с ее нелинейными и сложными обратными связями и неопределенностями логика бездоказательно предполагала фиксацию заниженного уровня монетизации российской экономики, при которых высокие двухзначные темпы инфляции не уменьшались.

Многочисленные эмпирические исследования, по данным разных стран, доказали отсутствие статистически значимой зависимости между инфляцией и уровнем монетизации экономики, так же, как и приростом денежной массы. С ремонетизацией российской экономики происходит нормализация денежного обращения (вытеснение суррогатов, дедолларизация, повышение доверия к рублю), снижается его скорость и соответственно уменьшается инфляция. Сведение всех факторов, генерирующих инфляцию, к приросту денежной массы — грубейшее упрощение, приводящее к хронической не до монетизации российской экономики, следствием которой становится искусственное снижение инвестиционных возможностей и сдерживание экономического роста. Норма накопления (отношение объема инвестиций к ВВП), упав более чем в двое в начале реформ, остается крайне низкой — около 20–22 % в период с 2001 по 2010 гг. Страны, которым пришлось осуществлять модернизацию и структурную перестройку своей экономики, а также экспортно-ориентированную индустриализацию, чтобы сделать ее конкурентоспособной, в течение долгих периодов демонстрировали высокий уровень инвестиций. В послевоенной Европе норма накопления вплоть до 1970-х гг. составила 25 %, а в Японии — 30 %. А в Южной Корее была еще выше. В период индустриализации в СССР, а также в проводящем модернизацию экономики современном Китае норма накопления превышала одну треть, достигая порой 40 % ВВП.

На поверхности явлений возрождение отечественной экономики на фоне уникальной энергоконъюнктуры мирового рынка создает благоприятные

условия для развития банковского бизнеса в стране. Власть избавилась от вынужденных заимствований за рубежом, сбалансировала бюджет; укрепила курс национальной валюты, вытесняющей из обращения иностранную. Само банковское сообщество укрупняется и уже более чем на $\frac{2}{3}$ состоит из кредитных учреждений с собственным капиталом свыше 5 млн евро; диверсифицируются инструменты, торгуемые на российском денежном рынке, но количество банков уменьшается и стабилизировалось вокруг 1000 единиц, что, по мнению некоторых специалистов, и в сравнение с другими странами недостаточно для РФ.

Однако верх берут пока субъективные факторы, в силу которых российские коммерческие банки далеко не в полной мере могут использовать эти возможности. По сути, они изолированы от внутренних источников капитализации, что тормозит рост их активов, а, следовательно, и долгосрочное инвестиционное кредитование. С 2001 по 2008 гг. сумма средств, находящихся в распоряжении правительства⁴³ (расходы консолидированного бюджета 2008 г. — 13,99 трлн руб., 2001 г. — 1,87 трлн руб.), возросла в 7,5 раз, тогда как объем кредитного оборота — в 9,5 раза (2008 г. — 13,9 трлн руб., 2001 г. — 1,47 трлн руб., 2009 г. не берется в расчет, т. к. действия правительства по противодействию экономического спада связано с резким увеличением кредитов, как организациям и банкам, так и не резидентам и иностранным правительствам, государственная служба статистики предоставляет информацию по кредитам, включая кредиты, предоставленные иностранным государствам и поэтому сложно понять каков кредитный оборот резидентов РФ, кредитный оборот 2009 г. — 19,4 трлн руб.), что составляет 33,3% от ВВП (2008 г. — 41,7 трлн руб.), значительно ниже показателей развитых и многих развивающихся стран. По оценкам Ассоциации российских банков, в 2009 г. кредитом пользовались лишь 30% российских предприятий и 65% респондентов среди них считали нехватку финансовых средств первой по важности проблемой их функционирования, а также сохранение объема инвестиций в основной капитал в стране на уровне 40–50% от 1990 г.

Как представляется, главная причина — крайне низкая (порядка 20–22%) норма накопления в стране. Рестриктивную роль играет и политика экономического блока правительства и ЦБ, когда стерилизуется даже имеющая в стране ликвидность под тем же флагом борьбы с инфляцией. Из процессов капитализации выведены не только средства Резервного фонда и ЗВР, но и потенциальные источники инвестирования, снимаемые с рынка через государственный внутренний долг, нормы обязательного банковского резервирования, депозиты в ЦБ, средства на корсчетах и т. д. По сумме это эквивалентно примерно 20% агрегата М2. Ту же стерилизующую роль фактически играют раздутый профицит бюджета и остатки

средств на счетах Казначейства до 2008 г., где денег было больше, чем у всех банков вместе взятых, что неэффективно, ибо оно только распределяет, а не приумножает капитал.

Тревожная ситуация в отечественной банковской системе. Для полноценного выполнения своих функций в денежном обороте и воспроизводственном процессе она должна опираться на адекватную базу ликвидности, иными словами, на накопление капитала в стране. В особенности это касается «длинных денег», то есть долгосрочных инвестиционных кредитов с конкурентоспособными ставками.

Сегодня в России банковские активы к ВВП (активы в 2009 г. — 29,43 трлн руб., ВВП 2009 г. — 39 трлн руб.)⁴⁴ составляют всего 75,5% (в развитых странах — 250–400), а требования банков к небанковскому сектору — 32%), что выше 26 в среднем по миру, однако ниже 150% западных стран. Российские банки зарабатывают не на инвестициях, а на потребительском кредитовании или конверсионных операциях, по сути, повторяя ипотечный опыт США. Критерием для выдачи кредитов все чаще становится не надежность заемщика, а способность «выбить» из него уплату, и здесь возможен кризис, подобный американскому, пусть и в миниатюре. Системная нехватка ликвидности заставляет отечественный бизнес привлекать масштабные внешние займы, то есть решающая роль в кредитовании делового сектора России, как и на фондовом рынке, переходит к нерезидентам.

Всем известно, что такое инфляция и ее губительное воздействие на благосостояние населения. Но и ее отсутствие, по мнению многих экономистов еще более вредит экономике. Инфляция в пределах 1–3% благоприятно влияет на промышленное производство. Влияние инфляции на разные группы населения очень разительно. Если разбить все население страны на группы по доходам, то окажется, что сильнее всего бьет инфляция по тем, кто живет за чертой бедности, а менее всего самых богатых. Это связано с тем, что у домохозяйств с разными доходами разные корзины потребления. В практике российского подсчета индекса потребительских цен никогда не было ранжирования инфляции по группам населения, хотя в мировой практике это давно принято. Также российская служба статистики не показывает корзину товаров, по которой рассчитывают индекс потребительских цен, что на практике приводит к манипуляции и не прозрачности, а также к занижению уровня инфляции. Это отчетливо ощущало население в 2007–2010 гг., когда официальные данные инфляции, явно и не вооруженным взглядом, не совпадали с ростом цен потребительской корзины большинства населения страны. Удивляет тот факт, что в индексы расчетов не входит недвижимое имущество, что очень странно для нашей страны, так как подавляющее большинство населения хотело бы или намеревается улучшить свои жилищные условия. Я провел небольшое исследование по данным официального сайта Федераль-

ной службы государственной статистики⁴⁵, которое заключается в рассмотрении основных показателей статистики цен с 2005 года по начало 2009. Средняя цена 1 кв. м. жилья в РФ с начала 2005 г. (тупо конец 2008 изменилась с 21 013,07 руб. до 54 499,38 руб., что составляет 259,36%) за четыре года, т. е. в год рост составил 65%. Средние цены основных видов строительных материалов варьировались с 7733,625 руб. в январе 2005 г. до 13 764,12 руб., и составило в марте 2009 г. 14 461,64 руб., рост за четыре года составил 177,98% и в год 45%. Рост индекса цен и тарифов на перевозку грузов железнодорожным транспортом составил 52% с 2005 по конец 2008 гг., что равно 13% в год. Индекс тарифов на перекачку грузов трубопроводным транспортом вырос на 151,7%, что за год составило 37,925%). А индекс тарифов на грузовые перевозки вырос на 80,6%), что в год составило 20,15%). Стоимость минимального набора продуктов питания в январе 2005 г. составила 1254,28 руб., а в декабре 2008 г. 2116,4 руб., что соответствует росту на 168,73% и в год на 42,2%. Сумма средних цен производителей сельскохозяйственной продукции в январе выросла с 13 844,63 руб. до 19 196,52 руб., что составило 138,66% и в год 34,67%). Из этих данных можно понять, что расчет конечного значения инфляции службой статистики производится не совсем корректно⁴⁶.

Из всего вышесказанного следует вывод, что нельзя проблему инфляции решать отдельно от проблем экономики. Если фундамент экономики слаб, а фундаментом может быть только реальный сектор экономики (первичный, вторичный), то никакие монетарные методы не смогут удержать инфляцию. Причина инфляции кроется в самой экономике, а не в денежном обращении. Также от правильной денежно-кредитной политики зависят цели успешного экономического развития на основе инноваций и создания международного финансового центра, которые ставятся перед российской экономикой не только первыми лицами государства, но и естественной необходимостью национальности экономической безопасности страны.

Итак, под человеческим капиталом в экономике понимается имеющий у человека запас знаний, здоровья, навыков, опыта, которые используются индивидом **для получения дохода**. Нужно отметить, что это не просто совокупность знаний, способностей, которыми обладает человек. Значит, под понятием «человеческий капитал» нужно видеть:

1. Приобретенный запас знаний, умений, навыков;
2. Что этот запас целесообразно использовать в той или иной сфере общественной деятельности, и это способствует росту производительности труда и производства;
3. Что использование данного запаса приводит к росту заработков (доходов) данного работника в будущем путём отказа от части текущего потребления;

4. Что увеличение доходов способствует заинтересованности работника, и это приводит к дальнейшему инвестированию в человеческий капитал;
5. Что человеческие способности, дарования, знания и т. д. являются неотъемлемой частью каждого человека;
6. Что мотивация является необходимым элементом для того, чтобы процесс воспроизводства (формирование, накопление, использование) человеческого капитала носил полностью завершённый характер.

Человеческий капитал, являясь частью совокупного капитала, представляет собой накопленные затраты на общее образование, специальную подготовку, здравоохранение, перемещение рабочей силы. Виды «человеческого капитала» экономисты классифицируют по видам затрат, инвестиций в «человеческий капитал». И. Ильинский выделяет вследствие этого следующие составляющие: капитал образования, капитал здоровья и капитал культуры⁴⁷. Таким образом, по его мнению, **формула человеческого капитала** принимает следующий вид:

$$\text{ЧК} = \text{Кз} + \text{Кк} + \text{Ко},$$

где: ЧК — человеческий капитал;
 Кз — капитал здоровья;
 Кк — капитал культуры;
 Ко — капитал образования.

Капитал здоровья представляет собой инвестиции в человека, осуществляемые с целью формирования, поддержания и совершенствования его здоровья и работоспособности. Капитал здоровья является несущей конструкцией, основой для человеческого капитала вообще. Инвестиции в здоровье, его охрана, способствующие сокращению заболеваний и смертности, продлевают трудоспособную жизнь человека, следовательно, и время функционирования человеческого капитала. Состояние здоровья человека — это его естественный капитал, часть которого является наследственной. Другая часть является приобретённой в результате затрат самого человека и общества. В течение жизни человека происходит износ человеческого капитала. Инвестиции, связанные с охраной здоровья, способны замедлить данный процесс. Не всякие инвестиции в человека могут быть признаны вложениями в человеческий капитал, а лишь те, которые общественно целесообразны и экономически необходимы. Капитал здоровья является национальным достоянием.

Например, И. Ильинский в понятии «капитала здоровья» выделяет базовый и приобретенный капитал. Первый, по его мнению, определяется совокупностью физиологических свойств человека, получаемых наследственным путём. Эти свойства во много определены заранее, хотя при современной генной инженерии возможны довольно успешные корректировки⁴⁸.

Приобретенный капитал образуется в процессе формирования и потребления физических свойств человека, осуществляемом в производственной деятельности. В условиях инновационного производства от человека требуется высокая скорость обработки информации, выносливость, быстрота реакции, скорость принятия решений.

Различают два вида человеческого капитала: потребительский, создаваемый потоком услуг, потребляемых непосредственно (творческая и образовательная деятельность); производительный, потребление которого содействует общественной полезности (создание средств производства, технологий, производственных услуг и продуктов).

Человеческий капитал классифицируется по формам, в которых он воплощен:

- живой капитал включает в себя знания, здоровье воплощённое в человеке;
- неживой капитал создаётся, когда знания воплощаются в физических, материальных формах;
- институциональный капитал представляет собой институты, содействующие эффективному использованию всех видов человеческого капитала.

Для характеристики качества человеческого капитала (уровня, качества, количества) используется система показателей. Это показатели — интегральные, частные, социальные (натуральные) и экономические (стоимостные).

Стоимость человеческого капитала экономисты определяют как на макро- так и на микроуровнях.

Микроуровень — это стоимость затрат **фирмы по восстановлению человеческого капитала фирмы**. А именно:

- повышение квалификации уже принятых работников;
- медицинское обследование;
- оплата больничных листов нетрудоспособности;
- затраты по охране труда;
- добровольное медицинское страхование, оплаченное фирмой;
- оплата медицинских и других социальных услуг за работника фирмы;
- благотворительная помощь социальным институтам и т. п. Мотивация фирм заключается в том, что доход, получаемый при этом, будет выше, чем произведённые затраты.

На макроуровне рассматриваются социальные трансферты, оказываемые населению, как в натуральной, так и в денежной форме, а также льготное налогообложение, которое является целевыми затратами государства. К таким затратам относятся и затраты домашних хозяйств на сохранение и восстановление человеческого капитала.

Экономисты дают и другое определение человеческому капиталу (Гальперин): величина человеческого капитала есть приведенная к данному моменту, посредством дисконтирования, **сумма всех ожидаемых доходов от труда. То есть, Гальперин**

применяет экономическую оценку человеческого капитала, его способностей.

Накопление человеческого капитала состоит из определённых затрат человека (семьи, фирмы, государства) направленные:

- на поддержание здоровья;
- на получение общего или специального образования;
- на поиск работы;
- на профессиональную подготовку и переподготовку на производстве;
- на миграцию по зависимым и независимым от человека причинам;
- на рождение и воспитание детей;
- на поиск приемлемой информации о ценах и заработках и т. п.

Общепринято, что для расчета экономической эффективности вложений средств в человеческий капитал необходимо учитывать жизненно важные показатели, характеризующие социально-экономическую обстановку в стране (регионе). Таким показателем выступает ВВП для страны в целом или ВРП — для региона.

Экономисты при определении понятия «человеческий капитал» учитывают следующие особенности.

1. Человеческий капитал является главной ценностью современного общества, а также основополагающим фактором экономического роста.
2. Формирование человеческого капитала требует значительных затрат как от самого индивидуума так и от общества в целом.
3. Человеческий капитал может быть накоплен, а именно индивидуум может приобретать определённые навыки, способности, может улучшить своё здоровье.
4. Человеческий капитал на протяжении своей жизни не только приобретает знания, но и изнашивается, как физически, так и морально. Устаевают знания индивидуума, т. е. экономически изменяется стоимость человеческого капитала в процессе бытия, человеческий капитал амортизируется.
5. Инвестиции в человеческий капитал дают своему обладателю, как правило, в будущем более высокий доход. Для общества вложения дают более длительный (по времени) и интегральный (по характеру) экономический и социальный эффект.
6. Инвестиции в человеческий капитал носят довольно длительный характер. Если инвестиции в человеческий капитал образования имеют период 12–20 лет, то в капитал здоровья человек производит вложения в течение всего периода времени.
7. Человеческий капитал отличается от физического капитала по степени ликвидности. Человеческий капитал не отделим от его носителя — живой человеческой личности.
8. Прямые доходы, получаемые человеком, контролируются им самим независимо от источника инвестиций.

9. От решения человека, от его волеизъявления зависит функционирование человеческого капитала. Степень отдачи от применения человеческого капитала зависит от индивидуальных интересов человека, от его предпочтений, его материальной и моральной заинтересованности, мировоззрений, от общего уровня его культуры.

Человеческий капитал оценивается количественно: общее количество людей, количество активного населения, количество студентов и т. д. **Качественные характеристики:** мастерство, образование и также то, что влияет на работоспособность человека и способствует увеличению производительности труда.

Вывод: Человеческий капитал — капитал, представленный в индивидууме потенциальной способностью **приносить доход, основанной на врожденных интеллектуальных способностях и таланте, а также знаний и практических навыков, полученных в процессе обучения, образования и практической деятельности человека.**

Вместе с тем некоторые авторы справедливо расширяют понятие ЧК до более широкого круга составляющих, которые, на самом деле, как справедливо считает Андреев Ю. А. в своей статье «Человеческий капитал в инновационной экономике», становятся его аспектами, даже субъектами его управления.

В большей части источников по проблеме человеческого капитала авторы не делают разницы между понятиями «потенциала» и «капитала» (что неправильно), рассматривая и то и другое как **комплекс способностей, повышающих ценность работника.** Подробная классификация возможных видов человеческого капитала дана, например, в статье В. Т. Смирнова и И. В. Скобляковой⁴⁹:

- **капитал здоровья;**
- **трудовой капитал;**
- **интеллектуальный капитал.** Понятие «интеллектуального капитала» и связанное с ним понятие «интеллектуальной собственности» неотделимы от новой экономики. Это самые существенные компоненты, которые в наибольшей мере идентифицируют новую экономику. На определенном, уже наступившем этапе технологического развития они проявляются с такой интенсивностью, которая позволяет говорить о коренном отличии новой экономики от экономики промышленной индустрии, опирающейся на природно-сырьевые ресурсы и труд так называемого промышленно-производственного персонала.
- **организационно-предпринимательский капитал.** Организационно-предпринимательский капитал — один из наиболее перспективных и важных видов человеческого капитала. Инвестиции в его развитие являются все более продуктивными.
- **культурно-нравственный капитал.**

- **социальный капитал.** В западной литературе социальный капитал определяется как «характерные черты социальной жизни — взаимодействие, нормы и доверие, — которые позволяют участникам эффективнее действовать вместе для достижения общих целей».

Для обладания социальным капиталом человек должен быть связан с другими, и эти другие являются фактическим источником его преимущества.

- **бренд-капитал.** Отчуждаемым видом человеческого капитала можно считать клиентский или бренд-капитал.
- **структурный капитал.** Структурный капитал — это способность фирмы управлять своей организационной структурой, приспосабливаясь к меняющейся конъюнктуре рынка и одновременно изменяя ее в выгодном для фирмы направлении. Такой капитал тем больше, чем значительнее свободы сотрудников фирмы — носителей человеческого капитала. И тем ценнее, чем выше неопределенность и конкурентоспособность среды, в которой действует фирма.
- **организационный капитал.** Организационный капитал включает в себя:
 - капитал инновации, к которому относят защищенные коммерческие права, интеллектуальную собственность и другие нематериальные активы и ценности, которые обеспечивают способность компании к обновлению;
 - капитал процессов, который может быть представлен, например, системами производства, сбыта, послепродажного сервиса и др., в процессе деятельности которых формируется стоимость продукта.

Организационный капитал составляют знания, которыми владеет организация, а не ее отдельные работники.

Существуют опасения, что связывая инновационные пути развития с превращением человеческого потенциала в человеческий капитал в рамках наемного труда, можно приватизировать способности человека. Так, Р. Моисеев видит опасность в безграничном переводе всего богатства творческого потенциала человека в товарную форму. Он проводит аналогию с использованием природных ресурсов, приводящим к нанесению ущерба природе. «Превращение социальной составляющей человека в „Капитал“ (хотя бы и „человеческий“) противоречит этим требованиям Равенства, Братства, Свободы и Прав для Человека».

Р. Моисеев предлагает к обсуждению проблему допустимости распространения терминов, действующих в товарном обороте, на природные объекты и на человека. Происходит опасное сужение понятия. Человеческий капитал не должен подменять понятие «человека». Природный капитал не то же самое, что природа. В обоих случаях вне поля зрения и поля

ответственности остается часть объекта, которая может бесконтрольно разрушаться.

На мой взгляд, эти опасения напрасны. Человеческий капитал всегда остается исключительной собственностью человека (если, конечно, его не использовать в «шаражках»). Более того, человеческий капитал вытесняет капитал финансовый, становится больше капиталом, чем деньги. Новая формула воспроизводства выглядит все чаще следующим образом:

$$\text{ЧК} \rightarrow \text{Д} \rightarrow \text{ЧК}^{50}$$

Новые критерии появляются в последние годы особенно часто. Среди них, например, особое внимание привлекает термин, «качество жизни», подробно описанный профессором МГИМО(У) Л. Капицей⁵¹, «качество жизни» содержит относительно новую идею, которая значительно усложнилась за последние десятилетия. Впервые он был применен в США в 50-х годах прошлого столетия. В первоначальной редакции он означал «более высокий стандарт уровня жизни» в новом обществе потребления по сравнению с предыдущим периодом развития и включал в себя такие параметры, как: владение товарами длительного пользования, автомобилем и собственным домом. Несколько позднее были добавлены свободное время, сбережения на отдых и развлечения. Администрация Эйзенхауэра пошла еще дальше, включив образование, состояние здоровья и благополучие в термин «качество жизни».

В 1967 г., президент США Линдон Джонсон заявил, что задачи, которые его администрация ставит перед собой, должны оцениваться на базе критериев качества жизни, а не банковских операций, давая понять, таким образом, что качество жизни далеко не исчерпывается количеством потребительских товаров, имеющих в распоряжении индивидуума или семьи. Таким образом, содержание термина «качество жизни» претерпело существенную эволюцию от улучшенного стандарта уровня жизни к более широкой категории, включающей в себя условия, которые оказывают воздействие на жизнь человека (природная окружающая среда, правовой и политический режим и т. д.). В этой новой редакции качество жизни есть результат взаимодействия различных процессов и факторов, оказывающих влияние на развитие, духовное и физическое состояние человека.

Вместе с тем нельзя отрицать очевидный факт, что в условиях рыночных отношений качество жизни и наличие денежных доходов и услуг взаимозависимы. Человеку в первую очередь необходимы средства, на которые он мог бы приобрести товары первой необходимости прежде, чем он позволит себе задуматься о качестве жизни. Для миллионов людей в мире, испытывающих хроническое недоедание и отсутствие крыши над головой, даже скромное

увеличение дохода значительно улучшило бы качество их жизни.

Что же касается развитых стран, то публичные дебаты о качестве жизни все больше концентрируются на двух основных моментах: состоянии окружающей среды, последствиях гонки за экономическим ростом и научное развитие. Среди населения развитых стран растет убеждение, что высокий уровень потребления и комфорта, т. е. материальный аспект качества жизни, достигнут огромной ценой: деградацией окружающей среды, истощением природных ресурсов, ростом экономического неравенства, духовным упадком.

Качество жизни определяется рядом факторов: социальных, культурных, экономических и экологических. Ухудшение одного из факторов составляет угрозу или негативно воздействует на благосостояние индивидумов и общин. В этой связи большинство существующих методологий учитывают следующие факторы:

- физическое и материальное благосостояние;
- отношения с другими;
- участие в общественной жизни;
- личное развитие и достижения;
- свободное время;
- условия жизни (окружающая среда).

Показатели качества жизни различаются на субъективные (базирующиеся на мнении индивидумов) и объективные (обозреваемые и измеряемые). Выбор индикаторов зависит от объекта и цели исследования.

Существует **несколько измерителей качества жизни**. Правительство во многих странах мира использует ВВП в качестве основного показателя прогресса. В последние годы, однако, эта практика стала подвергаться острой критике, прежде всего в связи с деградацией окружающей среды. Чаще всего критики обращают внимание на следующие существенные недостатки ВВП как меры качества жизни:

- ВВП является показателем рыночной деятельности и представляет собой просто сумму всех сделок по купле и продаже товаров и услуг, совершенных в стране в течение года.
- При подсчете ВВП никаких различий между сделками, с точки зрения их вклада в общественное благосостояние (позитивное или негативное), не делается. Каждая денежная операция просто добавляется к предыдущей операции и т. д.
- ВВП игнорирует производительную деятельность домашних хозяйств и добровольную (неоплачиваемую) работу на общество.
- ВВП фиксирует уменьшение природного капитала как прирост.
- Более того, ВВП не делает различий между издержками и преимуществами, и, как следствие, экономическая деятельность, например, загрязняющая окружающую среду, и та, которая связана с ее реабилитацией, учитываются как доход.

- Наконец, ВВП игнорирует неравенство доходов.
- Внешние займы регистрируются в ВВП как прирост.
- ВВП не учитывает потерю свободного времени в результате необходимости ездить на работу или работать сверхурочно, и т. д.
- Издержки общества, вызванные преступлениями, включая наркотики, автомобильными катастрофами, стихийными бедствиями и т. д., регистрируются ВВП как добавленная стоимость.
- ВВП концентрируется на потреблении и игнорирует значимость личных отношений в жизни каждого человека.

В силу вышеизложенных недостатков, ВВП, по мнению многих экспертов, **не может служить адекватным показателем качества жизни**.

Попытки разрешить проблему показателя ВВП привели к созданию ряда других показателей, которые позволяют отразить как материальные, так и нематериальные аспекты жизни человека. Эти показатели различаются по масштабности и фокусу. Некоторые были созданы специально для отслеживания прогресса на локальном уровне, другие — для измерения качества жизни на национальном и международном уровнях. Среди последних следует отметить **индикатор настоящего прогресса** (GPI, Genuine Progress Indicator), **индекс социального прогресса** (Index of Social Progress), **Фордхэм индекс социального здоровья** (Fordham Index of Social Health), **индекс физического качества жизни** (Physical Quality of Life Index), **индекс человеческого развития ПРООН** и др.

Процесс совершенствования измерителей качества жизни продолжается. Связано это с необходимостью доработки самой концепции качества жизни, особенно в свете фундаментальных изменений, вызванных технологическим прогрессом и глобализацией, и осмысления влияния, которые они оказывают на жизнь человека. В этой связи список факторов и условий, учитываемых при оценке качества жизни, постоянно расширяется.

Проблематичным является и сам расчет показателей качества жизни. Они существенно отличаются друг от друга по своей природе, что приводит к необходимости применения различных методов сбора и оценки данных. Споры не прекращаются среди экспертов и относительно важности того или иного фактора (или условия/процесса) в жизни человека. Все эти концептуальные и методологические слабости и недостатки показателей качества жизни делают их весьма уязвимыми и открытыми для политического и идеологического манипулирования.

Среди наиболее признанных в международных кругах индексов качества жизни является **индекс настоящего прогресса (ИНП)**⁵². При его подсчете используется бухгалтерский метод учета издержек и преимуществ (cost & benefit accounting method), т. е. те виды деятельности, которые способствуют улучшению качества жизни, суммируются, а те,

которые наносят урон, вычитаются. Исходным показателем в расчете индикатора настоящего прогресса является личный доход или потребление с поправкой на неравенство доходов.

$$GPI = (Y_p / G) \times 100 + (+X_1) + (+X_2) + (+X_3) + (+X_4) + (+X_5) \dots + (+X_n),$$

где: Y_p — личный доход;
 G — индекс Джини;
 X_n — денежные транзакции (издержки или преимущества).

Как отмечалось выше, показатели, используемые при расчете **индикатора настоящего прогресса**, за исключением личных доходов, могут варьироваться в зависимости от специфических условий страны и цели исследования. Например, правительство Канады рекомендует следующий набор показателей для расчета индикатора настоящего прогресса на местах (табл. 12).

При расчете индикатора настоящего прогресса США учитываются **26 показателей**, включая внешние займы, домашний труд, потерю леса, сельскохозяйственных угодий, болот, свободного времени, биологические отходы и т. д.

Следует отметить, что разница между ВВП и ИМП США в пересчете на душу населения оказывается весьма существенной.

Более того, как видно из вышеприведенной таблицы (табл. 13), если в период между 1950 и 1980 годами качество жизни населения США улучшалось, то в 1990-е гг. произошло замедление прогресса, а в период с 2000 по 2004 г. наметилась тенденция к регрессу. Снижение качества жизни происходило главным образом за счет загрязнения атмосферы и воды, истощения природных ресурсов, потери свободного времени, расходов на переработку биологических отходов, роста скрытой безработицы, а также в результате роста цен на потребительские товары длительного пользования. Наряду с этим, выросли издержки, связанные с ростом преступлений и развала семьи. Таким образом, за указанный период (1950–2004 годы) ежегодные потери в качестве жизни американского общества, в пересчете на душу населения, увеличились почти в семь раз и составили в **2004 году** 21 559,94 долл.

Наряду с индексом человеческого развития ПРООН, ООН, в частности, Конференция по торговле и развитию (ЮНКТАД), используют **индекс физического качества жизни** для отслеживания прогресса в качестве жизни в наименее развитых странах (Last Developed Countries). Метод расчета этого индекса идентичен тому, который используется при расчете индекса человеческого развития. Индекс физического качества жизни включает в себя три компонента: грамотность, младенческая смертность и ожидаемая

Табл. 12. Индикаторы прогресса

Здоровье, окружающая среда и общественная безопасность	Экономические возможности и участие	Участие в общественной жизни и социальная интеграция (включенность)
Качество воздуха и воды	Достигнутый уровень образования	Расизм и дискриминация
Продолжительность жизни при рождении	Грамотность	Участие в выборах
Младенческая смертность	Подушевой ВВП	Участие в добровольных акциях
Состояние здоровья	Дискреционный доход	Участие в культурной жизни или творческая деятельность
Преступность	Научные исследования и инновации	
Акты насилия		

Источник: Treasury Board of Canada Secretariat, 1999.

Табл. 13.

Год	Подушевой ВВП, долл. (в ценах 2000 г.)	Подушевой ИМП, долл. (в ценах 2000 г.)
1950	11 671,95	8611,81
1960	13 847,27	10 135,99
1970	18 394,85	13 034,16
1980	22 666,27	14 730,24
1990	28 434,99	14 892,80
2000	34 764,23	15 145,93
2004	36 595,59	15 035,65

Источник: Talberth, John and Clifford Cobb, Noah Slattery. The Genuine Progress Indication 2006. A Tool for Sustainable Development, Oakland, CCCCCA, February 2007.

продолжительность жизни с момента достижения годовалого возраста, — которые взвешиваются по единой шкале от 0 до 100.

Индексы качества жизни, несмотря на ряд недостатков, являются более точным инструментом для измерения прогресса и регресса человеческого общества. Они позволяют оценить эффективность государственных мер, направленных на улучшение благосостояния населения, выявить негативные тенденции и существующие резервы общества, которые могут быть использованы на улучшение качества жизни человека. Так, например, в ходе отработки дан-

ных для расчета индикатора настоящего прогресса Новой Шотландии (Канада) было вычислено, что:

- перевод 10% автомобильных перевозок грузов на железные дороги приведет к сокращению эмиссии выхлопных газов, оцениваемому в 11 млн кан. долл.;
- переход на телекоммуникационный метод труда даст экономию в 2200 долл. На одного работающего, благодаря сокращению времени, затрачиваемого на поездки на работу, расходов на бензин и оплату автостоянки, загрязнения воздуха и числа автомобильных катастроф.

4. Что делать с отсталой социальной структурой?

Все эксперты фиксируют чудовищный дефицит качественных кадров⁵³.
М. Урнов

Новому этапу развития страны не соответствует отсталая **социальная структура**. В ней соседствуют как **элементы, свойственные индустриальному этапу** развития (промышленные рабочие и сильная прослойка бюджетной интеллигенции), так и **информационному обществу**, а также **анархо-рыночной**, специфической именно для России среды (новые предприниматели, «челноки», охранники, крими-

налитет и т. д.). В то же время основные социальные показатели России не отличаются принципиально от ведущих европейских стран, т. е. нет **катастрофического, непреодолимого разрыва**. Что видно, например, по удельному весу городского населения (табл. 14).

Об отсутствии качественного разрыва свидетельствуют и другие показатели⁵⁵ (табл. 15–17).

Табл. 14. Удельный вес городского населения в общей численности населения⁵⁴ (в процентах)

	1995	2000	2005
Россия*	73,0	73,1	73,0
Европа			
Австрия	65,8	65,8	65,8
Албания	39,0	42,0	45,0
Беларусь	67,9	69,7	72,0
Бельгия	96,8	97,1	97,3
Болгария	67,9	68,8	70,5
Венгрия	63,0	64,0	65,9
Германия	86,5	87,5	88,5
Греция	59,2	60,1	61,4
Дания	84,9	85,1	85,5
Ирландия	57,9	59,1	60,4
Испания	75,9	76,3	76,7
Италия	66,9	67,2	67,5
Латвия	68,6	66,8	65,9
Литва	67,3	67,0	66,6
Люксембург	89,1	91,0	92,4
Нидерланды	61,8	64,3	66,8
Норвегия	73,3	75,8	80,5
Польша	61,3	61,7	62,0
Португалия	50,4	53,0	55,6
Республика Македония	59,7	59,4	59,7
Республика Молдова	46,4	41,5	41,0

	1995	2000	2005
Румыния	54,9	54,6	54,7
Словакия	56,8	56,8	58,0
Словения	50,8	50,8	50,8
Соединенное Королевство (Великобритания)	88,7	88,9	89,2
Украина	...	...	67,4
Финляндия	61,4	61,1	60,9
Франция	74,9	75,7	76,7
Чешская Республика	74,7	74,1	74,5
Швейцария	67,7	67,6	67,5
Швеция	83,2	83,3	83,4
Эстония	69,9	69,4	69,6
Азия			
Азербайджан	52,4	51,0	51,5
Армения	66,4	64,9	64,1
Вьетнам	22,2	24,3	26,7
Грузия	54,1	52,8	52,2
Индия	26,6	27,7	28,7
Индонезия	35,6	42,0	47,9
Исламская			
Республика Иран	60,2	64,4	68,1
Казахстан	55,7	56,1	57,1
Киргизия	35,6	34,7	35,2
Китай	31,4	35,8	40,5
Пакистан	31,8	33,1	34,8
Республика Корея	78,2	79,6	80,8
Сингапур	100	100	100
Таджикистан	28,1	26,5	26,4
Таиланд	30,3	31,1	32,5
Турция	62,1	64,7	67,3
Узбекистан	38,6	37,4	36,3
Филиппины	54,0	58,5	62,6
Япония	64,6	65,2	65,7
Африка			
Алжир	54,3	57,1	60,0
Египет	42,8	42,1	42,3
Южно-Африканская Республика	52,6	55,5	57,9
Америка			
Аргентина	88,3	89,5	90,6
Бразилия	77,8	81,1	84,2
Канада	77,7	79,4	81,1
Мексика	73,4	74,7	76,0
США	77,3	79,1	80,8
Чили	84,4	85,9	87,7
Австралия и Океания			
Австралия	87,8	90,7	92,7
Новая Зеландия	85,3	85,7	86,0

* На 1 января соответствующего года; 1995 г. и 2000 г. — с коррективами с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2002 года; 2007 г. — 73,0%, 2008 г. — 73,1%.

** 2001 г.

Табл. 15. Распределение численности занятых в экономике по отраслям (в процентах)

Год	Всего в экономике	в том числе в отраслях								
		сельское и лесное хозяйство, рыболовство и охота	промышленность	строительство	транспорт и связь	торговля, гостиницы и рестораны	финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	образование, здравоохранение, социальные услуги	прочие услуги	
Россия	2007	100	7,8	21,8	7,5	9,1	17,9	8,2	16,8	10,9
Европа										
Австрия	2006	100	5,5	19,9	8,2	6,2	21,7	12,3	14,5	11,6
Беларусь	2007	100	10,6	26,4	8,4	7,6	14,3	2,3	17,5	12,9
Бельгия	2006	100	2,0	17,8	6,9	7,5	16,4	13,1	21,2	15,1
Болгария	2006	100	8,1	27,1	7,4	7,1	20,9	6,0	12,2	11,3
Венгрия	2006	100	4,9	24,1	8,2	7,7	18,8	9,2	15,1	12,1
Германия	2006	100	2,3	23,0	6,6	5,5	17,9	13,5	17,2	14,0
Греция	2006	100	12,0	14,0	8,1	6,3	24,5	9,0	12,6	13,6
Дания	2004	100	3,1	16,7	6,8	6,8	17,5	12,1	25,5	11,4
Ирландия	2006	100	5,7	14,3	13,0	6,0	19,9	13,3	16,7	10,6
Испания	2006	100	4,8	16,7	12,9	5,9	22,2	11,8	11,6	14,2
Италия	2006	100	4,3	21,9	8,3	5,3	20,2	13,5	13,8	12,8
Латвия	2006	100	11,1	18,0	9,6	9,3	18,3	7,9	12,8	13,0
Литва	2006	100	12,4	19,7	9,9	6,6	19,6	6,3	15,8	9,5
Люксембург	2005	100	1,3	11,3	9,9	7,5	18,5	28,0	12,1	11,6
Нидерланды	2005	100	3,0	13,8	6,2	6,2	18,5	15,1	22,2	10,9
Норвегия	2006	100	3,3	13,7	7,1	6,6	17,8	13,0	28,1	10,3
Польша	2006	100	15,8	23,6	6,3	6,5	16,0	8,0	13,8	10,0
Португалия	2006	100	11,7	19,9	10,7	4,6	20,0	7,5	12,6	13,1
Республика Македония	2006	100	20,1	25,0	7,6	5,3	16,1	3,9	11,6	10,4
Республика Молдова	2007	100	32,8	12,7	6,1	5,5	15,9	3,5	15,1	8,4
Румыния	2006	100	30,5	24,6	6,0	5,3	12,8	4,0	8,5	8,3
Словакия	2006	100	4,4	29,0	9,8	6,8	17,1	8,0	14,0	11,0
Соединенное Королевство (Великобритания)	2005	100	1,4	14,2	7,8	6,9	19,6	15,6	21,3	13,0
Украина	2007	100	16,7	19,0	4,9	6,9	21,8	7,1	14,6	9,0
Финляндия	2006	100	4,6	18,9	6,6	7,3	15,5	13,6	21,9	11,4
Франция	2005	100	3,8	17,6	6,8	6,4	16,8	13,1	18,9	16,3
Чешская Республика	2006	100	3,8	30,9	9,0	7,5	16,6	8,6	12,8	10,8
Швейцария	2006	100	3,8	16,1	6,8	5,3	17,8	17,2	20,0	12,8
Швеция	2006	100	2,0	15,8	6,2	6,3	15,3	15,8	27,2	11,1
Эстония	2006	100	5,0	23,8	9,7	9,5	17,2	8,6	14,9	11,3

Табл. 16. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов* (в процентах)

	2005	2006	2007	2008
Все население	100	100	100	100
в том числе со среднедушевыми денежными доходами в месяц, руб.:				
до 4000,0	28,9	20,5	14,3	9,8
4000,1–6000,0	20,3	17,7	14,8	12,0
6000,1–8000,0	14,9	14,7	13,6	12,1
8000,1–10 000,0	10,3	11,2	11,3	10,9

	2005	2006	2007	2008
10 000,1–15 000,0	13,9	17,1	19,1	20,1
15 000,1–20 000,0**	11,7	8,4	10,6	12,4
20 000,1–30 000,0***	...	10,4	9,6	12,4
свыше 30 000,0	...	...	6,7	10,3

* Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

** 2005 г. — свыше 15 000,0 руб.

*** 2006 г. — свыше 20 000,0 руб.

Табл. 17. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения*

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Денежные доходы — всего, процентов	100	100	100	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам населения:						
первая (с наименьшими доходами)	5,5	5,4	5,4	5,3	5,1	5,1
вторая	10,3	10,1	10,1	9,9	9,7	9,7
третья	15,3	15,1	15,1	14,9	14,8	14,8
четвертая	22,7	22,7	22,7	22,6	22,5	22,5
пятая (с наибольшими доходами)	46,2	46,7	46,7	47,3	47,9	47,9
из нее 10% населения с наивысшими доходами	29,7	30,1	30,1	30,6	31,1	31,1
Коэффициент Джини	0,403	0,409	0,409	0,416	0,423	0,423
Коэффициент фондов, в разах	14,5	15,2	15,2	16,0	16,8	16,9
Децильный коэффициент, в разах	6,7	7,0	7,0	7,2	7,5	7,5

* Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

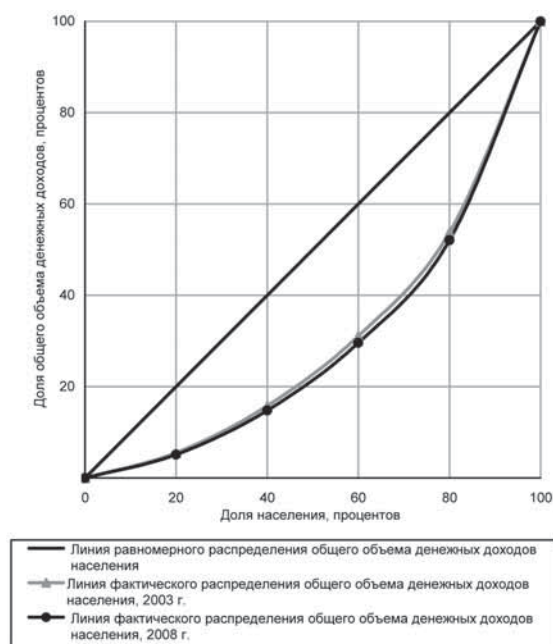

Рис. 12. Неравенство в распределении общего объема денежных доходов между группами населения с различным уровнем материального достатка (кривая Лоренца)

На рис. 12 диагональ квадрата соответствует равномерному распределению доходов (парные доли населения и доходов совпадают) и означает полное отсутствие концентрации дохода, т. е. каждая группа населения получает доход пропорционально своей численности.

Чем ближе кривая Лоренца приближается к диагонали, тем более равномерно распределены доходы. Чем больше эта линия отклоняется от диагонали (чем больше ее выпуклость), тем больше неравномерность распределения доходов, соответственно выше их концентрация.

Табл. 18. Численность экономически активного населения

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Тысяч человек						
Экономически активное население[*] — всего	72 835	72 909	73 811	74 156	75 060	75 892
мужчины	37 206	37 079	37 511	37 627	37 975	38 770
женщины	35 629	35 831	36 300	36 529	37 085	37 122
в том числе:						
занятые в экономике — всего	67 152	67 134	68 603	69 157	70 814	70 603
мужчины	34 199	34 177	34 710	34 996	35 704	35 869
женщины	32 953	32 958	33 893	34 161	35 110	34 734
безработные — всего	5 683	5 775	5 208	4 999	4 246	5 289
мужчины	3 007	2 902	2 801	2 631	2 271	2 901
женщины	2 676	2 873	2 407	2 368	1 975	2 388
Безработные, зарегистрированные в государственных учреждениях службы занятости населения ^{**} — всего	1 639	1 920	1 830	1 742	1 553	1 522
мужчины	533	647	630	610	570	604
женщины	1 106	1 273	1 200	1 132	983	918
Из них безработные, которым назначено пособие по безработице — всего	1 305	1 624	1 570	1 522	1 305	1 253
мужчины	415	544	536	530	476	493
женщины	890	1 080	1 034	992	829	760
В процентах от численности экономически активного населения соответствующего пола						
Занятые в экономике — всего	92,2	92,1	92,9	93,3	94,3	93,0
мужчины	91,9	92,2	92,5	93,0	94,0	92,5
женщины	92,5	92,0	93,4	93,5	94,7	93,6
Безработные — всего (уровень безработицы)	7,8	7,9	7,1	6,7	5,7	7,0
мужчины	8,1	7,8	7,5	7,0	6,0	7,5
женщины	7,5	8,0	6,6	6,5	5,3	6,4
Безработные, зарегистрированные в государственных учреждениях службы занятости населения ² — всего (уровень зарегистрированной безработицы)	2,3	2,6	2,5	2,3	2,1	2,0
мужчины	1,4	1,7	1,7	1,6	1,5	1,6
женщины	3,1	3,6	3,3	3,1	2,7	2,5
Из них безработные, которым назначено пособие по безработице — всего	1,8	2,2	2,1	2,1	1,7	1,7
мужчины	1,1	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3
женщины	2,5	3,0	2,8	2,7	2,2	2,0

^{*} По данным выборочных обследований населения по проблемам занятости на конец ноября; с 2006 г. — с учетом данных по Чеченской Республике.

^{**} По данным Роструда на конец года; с учетом данных по Чеченской Республике.

Табл. 18. Экономическая активность населения

(по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; на конец ноября; в %)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Уровень экономической активности населения						
В возрасте 15–72 года:						
всего	65,2	65,4	66,2	66,2	67,0	67,8
мужчины	70,5	70,4	71,4	71,4	72,2	73,8
женщины	60,4	60,8	61,6	61,6	62,5	62,5
В трудоспособном возрасте:						
всего	77,0	76,6	76,9	76,8	77,3	78,6
мужчины	79,7	78,8	79,3	78,9	79,5	81,4
женщины	74,3	74,3	74,4	74,6	75,0	75,7
Уровень занятости населения						
В возрасте 15–72 года:						
всего	60,1	60,2	61,5	61,7	63,2	63,1
мужчины	64,8	64,9	66,1	66,4	67,9	68,3
женщины	55,9	55,9	57,5	57,6	59,1	58,5
В трудоспособном возрасте:						
всего	70,8	70,4	71,3	71,4	72,8	73,0
мужчины	73,1	72,6	73,3	73,2	74,7	75,2
женщины	68,5	68,1	69,3	69,6	70,8	70,6

Табл. 20. Распределение численности занятого населения по статусу

(по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; на конец ноября; в %)

	Всего			Мужчины			Женщины		
	2006	2007	2008	2006	2007	2008	2006	2007	2008
Занято в экономике всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:									
работающие по найму	93,3	93,5	93,0	92,6	92,5	92,2	94,1	94,4	93,7
из них:									
у юридических лиц	84,6	84,3	82,2	84,0	83,2	81,3	85,2	85,5	83,2
у физических лиц	8,8	9,1	10,8	8,6	9,3	11,0	8,9	9,0	10,6
работающие не по найму	6,7	6,5	7,0	7,4	7,5	7,8	5,9	5,6	6,3
из них:									
работодатели	1,2	1,5	1,5	1,5	1,8	1,8	0,9	1,1	1,2
самостоятельно занятые	5,1	4,9	5,1	5,4	5,5	5,4	4,8	4,4	4,7
члены производственных кооперативов (артелей)	0,3	0,1	0,3	0,4	0,1	0,4	0,2	0,0	0,2
помогающие на семейном предприятии	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1

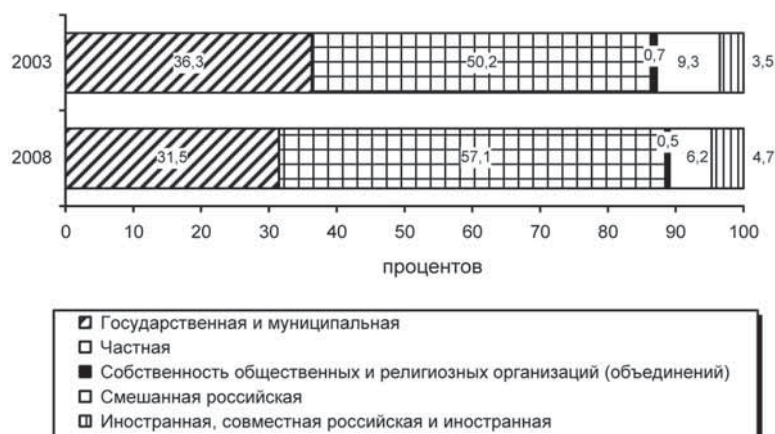

Рис. 13. Структура среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности

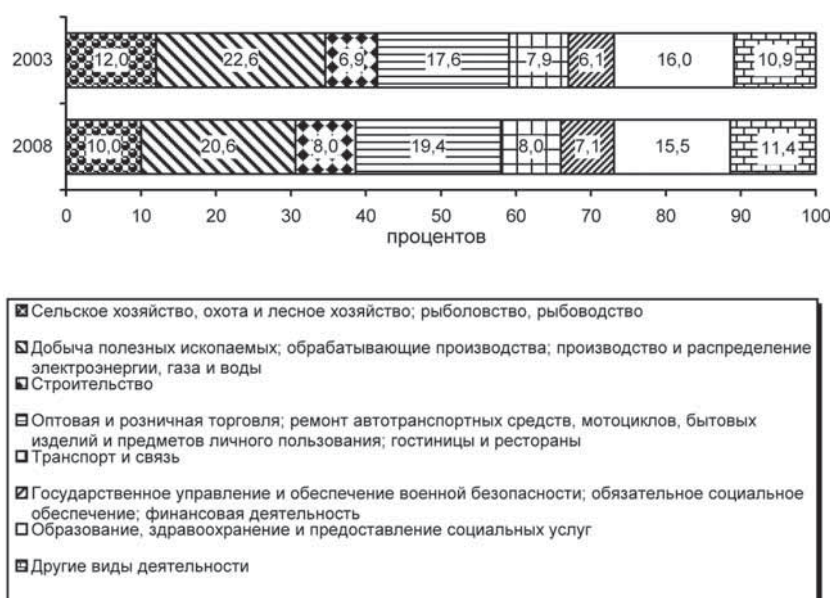

Рис. 14. Структура среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности

Табл. 21. Распределение численности занятых в экономике по видам экономической деятельности и полу

(по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; на конец ноября; в %)

	2006		2007		2008	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Всего в экономике	100	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	10,1	6,2	9,5	5,6	9,5	5,8
Рыболовство, рыбоводство	0,4	0,1	0,4	0,1	0,2	0,0
Добыча полезных ископаемых	2,5	0,7	2,8	0,7	2,9	0,8
Обрабатывающие производства	20,7	15,8	19,8	14,8	19,1	14,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,1	1,7	3,7	1,7	4,4	1,9
Строительство	11,2	2,5	12,2	2,7	12,0	2,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	12,1	19,4	12,5	19,7	11,7	18,9

	2006		2007		2008	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Гостиницы и рестораны	0,8	3,2	0,8	3,0	0,9	3,2
Транспорт и связь	13,1	5,7	12,5	5,7	13,2	5,4
Финансовая деятельность	1,1	2,0	1,1	2,4	1,1	2,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6,7	5,4	7,2	5,7	7,0	5,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	8,8	5,4	8,9	5,4	9,3	6,5
Образование	3,4	14,7	3,6	15,2	3,5	14,8
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2,6	12,2	2,9	12,2	3,0	12,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных, персональных услуг и услуги по ведению домашнего хозяйства	2,3	4,9	2,2	5,2	2,1	5,1

Табл. 22. Распределение численности занятых в экономике по возрастным группам
(по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; на конец ноября; в %)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего	100	100	100	100	100	100
в том числе в возрасте, лет:						
15–17	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3	0,2
18–19	1,6	1,5	1,6	1,5	1,4	1,3
20–24	9,5	9,5	9,7	9,4	9,7	10,2
25–29	12,7	12,9	12,9	12,9	13,3	13,1
30–49	55,0	54,5	53,1	52,9	51,7	51,1
50–54	11,8	11,9	12,1	12,4	12,3	12,5
55–59	4,7	5,5	6,7	7,3	7,7	7,8
60 и более	4,3	3,8	3,6	3,3	3,5	3,7
Средний возраст, лет	39,4	39,5	39,6	39,7	39,7	39,7
Мужчины	100	100	100	100	100	100
в том числе в возрасте, лет:						
15–17	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,2
18–19	1,8	1,8	1,9	1,8	1,7	1,6
20–24	10,1	10,2	10,3	10,2	10,4	11,0
25–29	13,2	13,5	13,6	13,4	14,0	13,9
30–49	53,7	52,9	51,8	51,5	50,6	49,7
50–54	11,2	11,1	11,2	11,4	11,3	11,4
55–59	5,1	6,0	6,8	7,8	8,1	8,4
60 и более	4,4	4,0	3,8	3,5	3,6	3,7
Средний возраст, лет	39,1	39,1	39,1	39,3	39,3	39,3
Женщины	100	100	100	100	100	100
в том числе в возрасте, лет:						
15–17	0,3	0,4	0,2	0,2	0,3	0,2
18–19	1,4	1,1	1,2	1,2	1,1	1,1
20–24	8,8	8,7	9,1	8,7	9,1	9,4
25–29	12,2	12,4	12,2	12,5	12,6	12,4
30–49	56,3	55,8	54,3	54,3	52,7	52,5

окончание табл. 22

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
50–54	12,5	12,9	13,0	13,4	13,3	13,6
55–59	4,3	5,1	6,6	6,8	7,4	7,3
60 и более	4,2	3,6	3,4	3,0	3,5	3,6
Средний возраст, лет	39,8	39,9	40,0	40,0	40,2	40,1

Табл. 23. Распределение численности занятых в экономике по уровню образования
(по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; на конец ноября; в %)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего	100	100	100	100	100	100
в том числе имеют образование:						
высшее профессиональное	23,6	24,9	24,7	25,6	27,8	27,9
неполное высшее профессиональное	2,1	2,0	1,9	1,8	1,5	1,6
среднее профессиональное	26,8	26,1	25,4	25,6	25,9	26,5
начальное профессиональное	16,5	17,6	18,3	18,0	17,6	19,3
среднее (полное) общее	22,9	22,6	22,7	22,6	21,5	20,1
основное общее	7,4	6,2	6,3	5,9	5,3	4,1
не имеют основного общего	0,8	0,5	0,7	0,5	0,4	0,5
Мужчины	100	100	100	100	100	100
в том числе имеют образование:						
высшее профессиональное	21,3	22,5	22,3	23,5	25,2	25,2
неполное высшее профессиональное	2,0	1,8	1,8	1,7	1,4	1,5
среднее профессиональное	21,6	20,7	19,9	19,8	20,9	21,4
начальное профессиональное	19,9	21,9	22,8	21,8	21,6	24,2
среднее (полное) общее	25,6	24,9	25,0	25,5	24,0	22,3
основное общее	8,7	7,6	7,4	7,2	6,4	5,0
не имеют основного общего	0,9	0,6	0,8	0,6	0,5	0,5
Женщины	100	100	100	100	100	100
в том числе имеют образование:						
высшее профессиональное	25,9	27,4	27,2	27,9	30,5	30,7
неполное высшее профессиональное	2,1	2,2	2,0	1,8	1,6	1,8
среднее профессиональное	32,2	31,7	31,1	31,5	31,0	31,9
начальное профессиональное	12,9	13,2	13,6	14,2	13,5	14,2
среднее (полное) общее	20,2	20,3	20,4	19,6	18,9	17,8
основное общее	6,0	4,8	5,1	4,5	4,2	3,2
не имеют основного общего	0,8	0,5	0,6	0,5	0,4	0,4

Табл. 24. Распределение численности занятых в экономике по уровню образования в зависимости от статуса в 2008 г.
(по данным выборочного обследования населения по проблемам занятости; на конец ноября; в %)

	Всего	Работающие по найму	Работающие не по найму	Работодатели
Всего	100	100	100	100
в том числе:				
высшее профессиональное	27,9	28,7	18,1	42,8
неполное высшее профессиональное	1,6	1,7	1,2	1,1
среднее профессиональное	26,5	26,8	23,1	27,5
начальное профессиональное	19,3	19,3	19,1	10,9
среднее (полное) общее	20,1	19,5	27,6	16,0

	Всего	Работающие по найму	Работающие не по найму	Работодатели
основное общее	4,1	3,8	8,9	1,7
не имеют основного общего	0,5	0,3	2,2	...

Табл. 25. Распределение численности занятого населения по занятиям на основной работе в 2008 г.
(по данным выборочного обследования населения по проблемам занятости; на конец ноября; тыс. чел)

	Всего	в том числе	
		муж	жен
Всего	70 603	35 869	34 734
Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	4964	3127	1837
Специалисты высшего уровня квалификации в области естественных и технических наук	3128	2133	996
Специалисты высшего уровня квалификации в области биологических, сельскохозяйственных наук и здравоохранения	1617	550	1067
Специалисты высшего уровня квалификации в области образования	2678	586	2092
Прочие специалисты высшего уровня квалификации	6100	2005	4095
Специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности	2246	1678	568
Специалисты среднего уровня квалификации и вспомогательный персонал естественных наук и здравоохранения	2405	184	2221
Специалисты среднего уровня квалификации в сфере образования	1495	108	1387
Средний персонал в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности	4537	1428	3110
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации и учетом	1534	167	1368
Работники сферы обслуживания	645	57	588
Работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности	4264	1616	2648
Продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды	4942	851	4091
Рабочие жилищно-коммунального хозяйства	329	219	110
Рабочие кино-, телестудий и родственных профессий, рабочие, занятые на рекламно-оформительских и реставрационных работах	32	16	16
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства	2442	1172	1270
Рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах	3177	2785	391
Рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности	4117	3706	410
Рабочие, занятые изготовлением прецизионных инструментов и приборов, рабочие художественных промыслов и других видов производств в художественной промышленности, рабочие полиграфического производства	175	95	80
Профессии рабочих транспорта и связи	1206	913	294
Другие квалифицированные рабочие, занятые в промышленности, на транспорте, в связи, геологии и разведке недр	1848	739	1109
Операторы, аппаратчики, машинисты промышленных установок	1183	796	387
Операторы, аппаратчики и машинисты промышленного оборудования и сборки изделий	789	341	447
Водители и машинисты подвижного оборудования	6884	6663	221
Неквалифицированные рабочие сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	456	179	277
Неквалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства	684	463	221
Неквалифицированные рабочие, занятые в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи, геологии и разведке недр	910	560	351
Профессии неквалифицированных рабочих, общие для всех видов экономической деятельности	5814	2731	3083

В то же время видно, что в ключевых областях, определяющих НЧП, удельный вес занятых в развитых странах существенно выше, чем в России. В Норвегии, например, занимающей стабильно 1–3 место по ИРЧП — это более 28%, т. е. треть населения, а в Дании

и Нидерландах — более четверти. Налицо тенденция: чем более развита страна, тем выше в ней число занятых в сфере образования, культуры, здравоохранении.

Кстати, не выделяется Россия особенно и по социальному расслоению⁵⁶.

Табл. 26. Степень социально-экономического расслоения населения

	Год	Удельный вес доходов (потребительских расходов) по 20-процентным группам населения, в % от общего объема доходов (потребительских расходов)					Коэффициент Джини, %
		первая	вторая	третья	четвертая	пятая	
Россия	2006	5,2	9,9	15,0	22,6	47,3	41,6
	2007	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8	42,2
Европа							
Беларусь	2007	9,3	13,6	17,4	22,2	37,5	27,4
Болгария	2003	8,7	13,7	17,2	22,1	38,3	29,2
Венгрия	2002	9,5	13,9	17,6	22,4	36,5	26,9
Германия	2000	8,5	13,7	17,8	23,1	36,9	28,3
Дания	1997	8,3	14,7	18,2	22,9	35,8	24,7
Италия	2000	6,5	12,0	16,8	22,8	42,0	36,0
Латвия	2003	6,6	11,2	15,5	22,0	44,7	37,7
Литва	2003	6,8	11,6	16,0	22,3	43,2	36,0
Нидерланды	1999	7,6	13,2	17,2	23,3	38,7	30,9
Польша	2002	7,5	11,9	16,1	22,2	42,2	34,5
Республика Молдова	2007	11,5	15,1	17,7	22,2	33,5	32,9
Румыния	2003	8,1	12,9	17,1	22,7	39,2	31,0
Словакия	1996	8,8	14,9	18,7	22,8	34,8	25,8
Словения	1998	9,1	14,2	18,1	22,9	35,7	28,4
Соединенное Королевство (Великобритания)	1999	6,1	11,4	16,0	22,5	44,0	36,0
Украина	2007	9,2	14,0	17,3	22,4	37,1	27,3
Финляндия	2000	9,6	14,1	17,5	22,1	36,7	26,9
Франция	1995	7,2	12,6	17,2	22,8	40,2	32,7
Чешская Республика	1996	10,3	14,5	17,7	21,7	35,9	25,4
Швейцария	2000	7,6	12,2	16,3	22,6	41,3	33,7
Швеция	2000	9,1	14,0	17,6	22,7	36,6	25,0
Эстония	2003	6,7	11,8	16,3	22,4	42,8	35,8
Азия							
Азербайджан	2007	15,6	16,1	16,3	18,2	33,8	...
Армения	2007	6,9	13,3	17,4	23,6	38,8	...
Бангладеш	2005	8,8	12,1	15,7	21,0	42,4	33,2
Вьетнам	2004	7,0	11,0	15,6	22,2	44,2	37,0
Грузия	2004	5,2	10,8	16,3	23,8	43,9	38,7
Индия	2004– 2005	8,1	11,3	14,9	20,4	45,3	36,8
Индонезия	2004	7,9	11,7	15,8	21,7	43,0	34,8
Казахстан	2007	8,5	12,6	16,5	21,9	40,5	30,9

Хотя и тут видна закономерность: страны-лидеры по индексу (ИРЧП) находятся в группе, где такой

коэффициент находится в районе 25, а не 41,6, как в России⁵⁷.

Табл. 27. Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения
(на 1000 человек населения)

	Число родившихся		Число умерших		Естественный прирост, убыль (–) населения	
	1995	2006	1995	2006	1995	2006
Россия	9,3	10,4	15,0	15,2	–5,7	–4,8
Европа						
Австрия	11,0	9,3	10,1	8,9	0,9	0,4
Албания	20,0	10,9	5,0	5,4	15,0	5,5
Беларусь	9,9	9,9	13,1	14,2	–3,2	–4,3
Бельгия	11,4	11,5	10,5	9,6	0,9	1,9
Болгария	8,6	9,6	13,6	14,8	–5,1	–5,2
Венгрия	11,0	9,9	14,2	13,1	–3,3	–3,2
Германия	9,4	8,2	10,8	9,9	–1,5	–1,7
Греция	9,7	10,1	9,6	9,5	0,1	0,6
Дания	13,3	12,0	12,1	10,2	1,3	1,7
Ирландия	13,5	15,2	9,0	6,5	4,6	8,7
Испания	9,3	10,9	8,8	8,4	0,4	2,5
Италия	9,2	9,5	9,7	9,5	–0,5	0,0
Латвия	8,6	9,7	15,5	14,5	–6,9	–4,7
Литва	11,1	9,2	12,2	13,2	–1,1	–4,0
Люксембург	13,2	11,7	9,3	8,0	4,0	3,7
Нидерланды	12,3	11,3	8,8	8,3	3,5	3,0
Норвегия	13,8	12,6	10,4	8,9	3,5	3,7
Польша	11,2	9,8	10,0	9,7	1,2	0,1
Португалия	10,8	10,0	10,5	9,7	0,3	0,3
Республика Македония	16,4	11,2	8,3	9,1	8,1	2,1
Республика Молдова	13,0	10,5	12,2	12,0	0,8	–1,5
Румыния	10,4	10,1	12,0	11,9	–1,5	–1,8
Словакия	11,5	10,0	9,8	9,9	1,6	0,1
Словения	9,5	9,4	9,5	9,1	0,0	0,3
Соединенное Королевство (Великобритания)	12,5	12,4	10,9	9,4	1,5	3,0
Украина	9,6	9,8	15,4	16,2	–5,8	–6,4
Финляндия	12,3	11,2	9,6	9,1	2,7	2,1
Франция	12,5	13,0	9,1	8,5	3,4	4,5
Чешская Республика	9,3	10,3	11,4	10,2	–2,1	0,1
Швейцария	11,7	9,8	9,0	8,1	2,7	1,7
Швеция	11,7	11,7	10,6	10,0	1,1	1,7
Эстония	9,1	11,1	14,1	12,9	–4,9	–1,8

Главный критерий — продолжительность жизни — проводит четкое разграничение между Россией и другими европейскими странами, где средняя продолжительность жизни на 10–15 лет больше, чем в нашей стране⁵⁸.

Табл. 28. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)

	Год	Все население	Мужчины	Женщины
Россия	2006	66,6	60,4	73,2
Европа				
Австрия	2006	80,1	77,2	82,8

	Год	Все население	Мужчины	Женщины
Албания	2005	76,2	73,1	79,5
Беларусь	2007	70,3	64,5	76,2
Бельгия	2006	79,5	76,6	82,3
Болгария	2006	72,7	69,2	76,3
Венгрия	2006	73,5	69,2	77,8
Германия	2006	79,9	77,2	82,4
Греция	2006	79,5	77,2	81,9
Дания	2006	78,4	76,1	80,7
Ирландия	2006	79,7	77,3	82,1
Испания	2006	81,1	77,7	84,4
Италия	2005	80,5	77,6	83,2
Латвия	2006	70,9	65,4	76,3
Литва	2006	71,1	65,3	77,0
Люксембург	2006	79,4	76,8	81,9
Нидерланды	2006	80,0	77,7	82,0
Норвегия	2006	80,6	78,2	82,9
Польша	2006	75,3	70,9	79,7
Португалия	2006	78,9	75,5	82,3
Республика Македония	2006	73,9	71,7	76,2
Республика Молдова	2007	68,8	65,0	72,6
Румыния	2006	72,6	69,2	76,2
Словакия	2006	74,4	70,4	78,4
Словения	2006	78,3	74,5	82,0
Соединенное Королевство (Великобритания)	2005	79,1	77,1	81,1
Украина	2006	68,1	62,4	74,1
Финляндия	2006	79,6	75,9	83,1
Франция	2006	81,0	77,4	84,4
Чешская Республика	2006	76,8	73,5	79,9
Швейцария	2006	81,8	79,2	84,2
Швеция	2006	81,0	78,8	83,1
Эстония	2006	73,1	67,4	78,6

Важно подчеркнуть, что демографический кризис не сводится к сокращению численности населения. У нас резко ухудшается и его качество. Россия в настоящее время находится на одном из первых мест в мире по распространенности туберкулеза и СПИДа, у нас быстро распространяется алкоголизм и наркомания, и, как говорят психологи, возрастает невротизация общества. По уровню детской смертности мы находимся на 130-м месте в мире из 193-х, а по уровню распространенности туберкулеза — на 172-м из 193-х.

Состояние рынка труда тоже плачевно. **Все эксперты фиксируют, — как считает М. Урнов, — чудовищный дефицит качественных кадров.** Причем это касается не только высшего управленческого звена, но и среднего звена, и рабочих. Многие компании

жалуются на то, что они не могут наращивать производство, потому что у них не хватает качественной рабочей силы.

И в этом заключается главная проблема. В России еще только начал складываться спрос у работодателей на квалифицированные кадры, да и то, только в тех областях производства, где поступают государственные или экспортные заказы. Спрос же на качественный груз — преподавателей, ученых, инженеров и др. категорий, обладающих высокими показателями образования, интеллекта и творчества, — **должен формироваться государством.** Только оно сознательно может стимулировать этот процесс.

Журнал «Эксперт» и ИНСОР провели круглый стол с участием Д. Медведева на тему: «Человеческий капитал в стратегии национального развития»⁵⁹.

По словам Медведева, его вывела на проблему человеческого капитала работа с национальными проектами. Социальная политика патернализма предполагает отношение к человеку как пассиву, на который государство должно тратить деньги. Медведев, напротив, очевидно, намерен выстраивать социальную политику, основанную на отношении к человеку как к активу, в который государство вкладывает деньги. Опыт реализации национальных проектов показывает, что привычная патерналистская политика в социальной сфере зашла в тупик. Необходимо рассматривать социальные отрасли как обычные отрасли производства. А это означает переход от понятия «человеческие ресурсы» к понятию «человеческий капитал», из чего следует необходимость разработки механизма самовозрастания этого вида капитала.

Выступая на этом Круглом столе, Р. Гринберг, (член-корреспондент Российской академии наук, директор Института экономики РАН) указал на **примитивизацию производства как причину не востребованности квалифицированных кадров**. Объективно, это обстоятельство дает надежду на изменение ситуации при ускорении модернизации промышленности.

В то же время по показателям, характеризующим национальный человеческий капитал, существует большая разница с развитыми странами. Это видно, например, из сопоставления коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста населения, где Россия сопоставима с такими странами, как: Венгрия, Украина, Болгария, Латвия, Литва, по значительно отличается от развитых стран, разрыв с которыми отличается в 10 пунктов.

Рост реальной заработной платы — внешне внушительный (прогноз МЭРа — увеличения численности среднего класса к 2020 году до 52%), — очевидно занижен, не отражает показателей современного общества. По уровню доходов, структуре общества Россия в 2020 году будет соответствовать уровню развитых стран середины 90-х годов прошлого века. Вряд ли это можно назвать рывком в будущее! Развиваясь нынешними темпами, Россия сможет догнать по уровню душевого ВВП? Например? Германию только к 2045 году (что сомнительно). Да и то, при условии, что та остановится на эти годы в своем развитии.

О величине разрыва по уровню доходов дают представление следующие данные⁶⁰ (рис. 15).

Не обнадеживает и Концепция долгосрочного развития до 2020 года, предложенная МЭРом в 2008 году, которая все время дорабатывается и обновляется. В документе Минэкономразвития прогнозируется, что реальные доходы населения вырастут до 2020 г. на 80% в инерционном сценарии (самом нежелательном, предполагающем консервацию сырьевой модели экономики) и на 140% — в инновационном, когда пятую часть ВВП будут делать высокотехнологичные секторы. В этом случае средняя зарплата вырастет в 2,5 раза и составит \$1000, а ВВП на душу

населения — до \$30 000. «Это приблизительно соответствует текущему уровню развития стран еврозоны», — говорится в концепции. — А разрыв с США по душевому доходу сократится с трех до двух раз. Средняя зарплата в Чехии составляет сейчас \$1000, в Великобритании — 2011 фунтов стерлингов (\$3947)⁶¹.

Рис. 15. Средняя зарплата в странах G8 (\$ тысяч)

Между тем наблюдается четкая зависимость между уровнем доходов и возможностями для развития человеческого потенциала его реализации в человеческий капитал. Это видно на примере отдельных социальных групп, использующих Интернет (табл. 29).

Так, если в первой группе имеют доступ к Интернету 11,3% граждан (при среднем по стране 34–35% в 2008–2009 гг.), то в седьмой, восьмой, девятой, десятой — более 44%.

Изменить ситуацию можно двумя способами — повысить уровень жизни всех категорий граждан (что, естественно, потребует времени) либо обеспечить бесплатное пользование Интернетом всем нуждающимся категориям граждан. И не только на работе, по месту учебы, но и дома. Пока что это было сделано только в школах и вузах, но целесообразно, на мой взгляд, сделать общенациональную программу обеспечения **всех граждан** не только бесплатным доступом, но и соответствующими программными средствами и даже **отечественными компьютерами**. Если исходить из того, что ниже черты бедности в России проживают 40% населения, то это потребует поэтапного обеспечения миллионов граждан.

Таким образом, мы изначально не только соглашались с сохраняющимся отставанием от развитых стран по уровню социального развития (который, повторим, и будет решающим критерием, определяющим темпы развития экономики и общества), но и игнорируем принцип социальной справедливости, который стал одним из базовых принципов современного мира. Не случайно сокращение разрыва между богатыми и бедными социальными группами даже не стоит на повестке дня.

Важная задача заключается в максимально полном использовании национальных ресурсов. Вплоть до 2011 года такая задача даже не ставилась высшим руководством. Вместе с тем неиспользуемые ресурсы

Табл. 29. Доступ населения к услугам сети Интернет в 2008 году⁶²
(по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств*;
в % от общей численности опрошенных соответствующей группы)

	Имеют доступ к сети Интернет	в том числе				
		из дома	по месту ра- боты	по месту учё- бы	Интернет- кафе	другое
Все домохозяйства, имеющие доступ к сети Интернет	33,5	23,9	14,3	3,3	1,0	0,9
в том числе:						
проживающие в городской местности	39,8	29,4	17,4	3,2	1,1	1,1
проживающие в сельской местности	16,0	8,6	5,9	3,6	0,5	0,5
Домохозяйства с детьми в возрасте до 16 лет, имеющие:						
1 ребенка	41,3	31,2	15,7	3,9	1,1	1,2
2 детей	32,9	25,0	9,2	2,5	1,2	0,6
3 детей	33,3	23,2	11,7	1,6	0,0	2,0
4 и более детей	12,7	8,2	2,0	1,7	0,0	1,2
Домохозяйства по 10-процентным группам обследуемого населения						
первая (с наименьшими распо- лагаемыми ресурсами)	11,3	6,0	3,9	2,6	0,6	0,3
вторая	18,2	11,0	5,9	3,1	1,2	0,7
третья	22,1	14,6	7,4	3,5	0,7	0,6
четвертая	25,6	16,7	8,9	3,4	0,9	0,8
пятая	30,1	20,3	10,2	4,1	1,1	1,0
шестая	33,5	24,6	13,5	4,2	0,9	1,3
седьмая	44,7	34,7	17,5	4,4	1,0	1,0
восьмая	49,3	38,8	21,2	2,7	0,7	1,1
девятая	44,6	34,1	23,0	2,0	1,0	0,8
десятая (с наибольшими распо- лагаемыми ресурсами)	44,4	29,8	23,9	3,3	1,3	1,5

¹ О выборочном обследовании бюджетов домашних хозяйств см. раздел 7.

огромны. Это недозагруженные мощности, неиспользуемые площади, незанятые граждане. Так, только по официальной статистике, в стране не работают почти 20 млн человек! Это по меньшей мере четверть

трудоспособных граждан⁶³ (табл. 30). В то же время показатель безработицы не является определяющим для развитых стран, где он колеблется от 3 до 10%⁶⁴ (табл. 31).

Табл. 30. Экономически неактивное население в трудоспособном возрасте по категориям (тыс. чел)

	Всего	из них							
		не выразили желание работать	в том числе				выразили желание работать	не искали работу	из них отчаялись найти работу
			обучающиеся и студенты	пенсио- неры	лица, ведущие домашнее хозяйство	другие			
Всего									
2010 март	19 602	15 097	8040	2790	2521	1746	4504	3928	780
Мужчины									
2010 март	8625	6586	3782	1701	131	971	2039	1764	431
Женщины									
2010 март	10977	8511	4258	1089	2390	774	2465	2164	349

Табл. 31. Удельный вес общей численности безработных в численности экономически активного населения (в %)

	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2006
Россия, всего	9,4	9,8	8,5	7,8	7,9	7,1	6,7
мужчины	9,7	10,0	8,9	8,1	7,8	7,5	7,0
женщины	9,2	9,5	8,1	7,5	8,0	6,6	6,5
Европа							
Австрия, всего	3,7	3,6	4,0	4,3	4,9	5,2	4,7
мужчины	3,2	3,3	4,1	4,3	4,5	4,9	4,3
женщины	4,3	3,8	3,9	4,2	5,4	5,5	5,2
Бельгия, всего	9,3	7,0	7,5	8,2	8,5	8,4	8,2
мужчины	7,3	5,8	6,7	7,7	7,6	7,6	7,4
женщины	12,2	8,7	8,7	8,9	9,6	9,5	9,3
Болгария, всего	...	...	...	13,7	12,0	10,1	9,0
Венгрия, всего	10,2	6,4	5,8	5,7	6,1	7,2	7,5
мужчины	10,7	7,0	6,1	6,1	6,1	7,0	7,2
женщины	8,7	5,6	5,4	5,3	6,1	7,5	7,8
Германия, всего	10,1	7,9	8,7	10,0	11,0	11,1	10,3
мужчины	8,7	7,6	8,9	10,4	11,5	11,3	10,3
женщины	11,9	8,3	8,5	9,5	10,3	10,9	10,2
Греция, всего	10,0	11,2	9,9	9,3	10,2	9,6	8,8
Дания, всего	7,0	4,6	4,7	5,5	5,6	5,0	4,1
мужчины	5,6	4,0	4,4	5,0	5,2	4,6	3,5
женщины	8,6	5,2	5,1	6,2	6,1	5,5	4,7
Ирландия, всего	12,2	4,3	4,2	4,4	4,4	4,2	4,3
Испания, всего	22,9	13,9	11,5	11,5	11,0	9,2	8,5
мужчины	18,0	9,6	8,2	8,4	8,2	7,0	6,3
женщины	30,8	20,4	16,4	16,0	15,0	12,2	11,6
Италия, всего	11,3	10,5	9,0	8,7	8,0	7,7	6,8
мужчины	8,9	8,1	6,9	6,7	6,4	6,2	5,4
женщины	15,2	14,5	12,2	11,6	10,5	10,1	8,8
Латвия, всего	...	14,4	12,0	10,6	10,4	8,7	6,8
мужчины	...	15,4	12,9	10,7	10,6	9,0	7,2
женщины	...	13,5	11,0	10,5	10,3	8,4	6,4
Литва, всего	17,1	16,4	13,8	12,4	11,4	8,3	5,6
мужчины	...	18,8	14,6	12,7	11,0	8,2	5,8
женщины	...	13,9	12,9	12,2	11,8	8,3	5,4
Нидерланды, всего	7,1	2,9	3,2	4,4	5,1	5,2	...
мужчины	5,9	2,3	2,9	4,2	5,0	4,9	...
женщины	8,8	3,6	3,6	4,5	5,2	5,6	...
Норвегия, всего	4,9	3,4	3,9	4,5	4,5	4,6	3,4
мужчины	5,2	3,6	4,1	4,9	4,9	4,8	3,5
женщины	4,6	3,2	3,6	4,0	4,0	4,4	3,4

Табл. 32. Оптимистичный сценарий социально-экономического развития России

Разница в доходах между богатыми и бедными	в 15 раз	в 16 раз	в 13 раз
Количество людей, принадлежащих к среднему классу	24%	30%	37%
Количество людей с низким уровнем дохода	18%	14%	10%
Примечание: * — максимальный показатель	2004 г.	2010 г.*	2020 г.*

Источник: Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования

При этом в отличие от Китая, в основу стратегии развития которого заложен принцип «социальной гармонии», в России ставятся очень скромные задачи, которые не вызывают общественного оптимизма⁶⁵.

Табл. 33. Достижимо ли социальное равенство в России?

	Всего опрошенных
Безусловно, да	6
Скорее, да	23
Скорее, нет	40
Безусловно, нет	20
Затрудняюсь ответить	11

12 июля 2007 г. Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 7–8 июля 2007 г.

Между тем, особое значение в этой связи имеет сознательная ставка власти на стимулирование быстрого роста креативной социальной группы населения. Подчеркну, — не среднего класса, который определяется, прежде всего, уровнем дохода, а креативного класса — создателей качественно нового интеллектуального продукта.

К сожалению, государство и общество пока мало сделали для того, чтобы изменить ситуацию. Попытки президента РФ В. Путина «точно» улучшить положение врачей, учителей, ученых системным, а тем более — всеобъемлющим подходом не назовешь: эти меры в 2006 году затронули несколько процентов от числа того небольшого интеллектуального слоя общества, который пока еще сохраняется в России. Эксперты констатируют в стране социально-экономическую апатию среднего класса. Ее зафиксировал Институт социологии и подтверждает руководитель Института независимых социальных исследований Т. Малева. По ее словам, «Политика повышения зарплат в госсекторе привела к тому, что доходы многих представителей среднего класса фактически снизились. Корзина потребления для среднего класса дорожала в последнее время значительно быстрее, чем официальный уровень инфляции, что и стало основой для некоторого социального разочарования»⁶⁶.

Примечательно, что зачатки нового, передового социального слоя — слоя интеллектуалов — в России существуют, но они находятся в **наиболее невыгодных** экономических и социальных условиях. Этот слой сохраняется не благодаря, а вопреки действиям власти. Показательно в этом плане выступление В. Суркова

7 февраля 2006 года, где он выделил два ведущих социальных слоя: бизнесменов и бюрократов, ничего вообще не упомянув об интеллигенции. Позже, летом 2007 года, он скорректировал свою позицию, сделав акцент на социальной группе творцов. Лишь небольшая группа ее представителей смогла занять достойное место в элите российского общества — политике, бизнесе, культуре, СМИ, наукоемких технологиях, образовании. При этом из всех показателей развития человеческого капитала в наибольшей степени главным считается процент ученых в общей структуре населения. Эта небольшая социальная группа, составляющая в России около 0,3% от всего населения, — самый важный фактор развития информационного общества⁶⁷.

Но дело не ограничивается материальным положением креативного класса. Неизбежно придется пересматривать всю экономическую, да и правовую систему в его пользу. Ту систему, которая складывалась при капитализме в пользу владельцев капитала. Простой пример: очевидно, что существовавшее в течение столетий отношение к копирайту придется менять потому, что эта система была создана на 90% в пользу инвесторов (издателей и др.), а не в пользу авторов. Сегодня же, когда творцы, авторы неизбежно становятся владельцами копирайта, это положение потребует изменений. Общая тенденция такова: сегодня благодаря освобождению человека от тягот повседневного труда культурное производство становится гигантским. Все стремятся к творческой самореализации, к производству не утилитарных материальных вещей, а произведений искусства. Сейчас никого не нужно в эту сферу заманивать, все и так хотят в ней оказаться. Все и так бесплатно пишут блоги, стихи, снимают ролики и все что хотите. На ресурсе стихи.ру тысячи и тысячи тысяч одних только русскоязычных поэтов! Пространство переуплотнено, а продолжает действовать механизм, рассчитанный на то, чтобы заполнять его еще плотнее⁶⁸.

Наконец, огромное число авторов — как физических лиц, так и корпораций — все чаще передают безвозмездно продукцию своего творчества и интеллекта. Наиболее яркий пример, когда Массачусетский технологический институт передал в открытый доступ более 60 тысяч своих учебных курсов.

Соответственно, общество и государство должны не препятствовать, а поощрять, стимулировать безвозмездное распространение знаний, культурных и духовных ценностей, сделав доступ к этому богатству максимально легким для всех слоев населения.

5. Каким же путем идти?

У России, как не раз говорилось, пока нет четко оформленной **стратегии государственного развития**, которая является общей по отношению к решению частных управленческих задач. Нельзя

создавать структуру и механизмы управления в отрасли, не имея представления об общей стратегии развития. Даже самые простые согласования отраслевого министерства с Минфином, МЭРОм, а тем

более регионами, требуют согласованного общего понимания. Так, если строить дороги, их ремонтировать, то необходимо учитывать позицию Минсельхоза в отношении сельских дорог, ГТК — по таможне, МИДа — по международному сотрудничеству и т. д.

Отсутствие общей, точнее — общенациональной — стратегии, таким образом, негативно сказывается на всем комплексе управленческих решений. Сегодня есть набор хороших идей — приоритеты, изложенные президентом РФ в Посланиях Федеральному Собранию, выступлениях Д. Медведева, С. Иванова, В. Суркова, удачные частные решения. Позитивные результаты последних лет — это не более чем **восстановление разрушенного старого индустриального уклада** 90-х годов прошлого века, которые не пригодны в стратегическом плане для будущего. Они во многом результат «ручного управления», а не системы стратегического управления страной.

По многим ключевым проблемам уже сегодня мы сталкиваемся с потребностью их увязки и взаимосвязи, что особенно справедливо, если говорить о долгосрочной перспективе. И здесь опыт Китая весьма полезен и показателен. Так, развивая собственный ВПК в Китае в начале десятилетия поняли, что эта догоняющая модель не обеспечит им соответствующего качества вооружений и военной техники. Решение этой стратегически важной задачи станет возможным только при условии разработки и производственного освоения в Китае собственных нововведений, отвечающих мировому уровню.

Решению задачи будет способствовать реализация взятого в 2002 году Китаем курса на формирование собственной инновационной индустрии высоких технологий. Первым шагом в этом направлении стало принятие государственного закона «Об инновационной политике КНР». Он предусматривает законодательное и финансовое обеспечение программы, в соответствии с которой к 2010 году в Китае должна быть создана собственная инновационная система, к 2020 году — обеспечен выход Китая на мировой уровень по одиннадцати основополагающим направлениям научно-технического прогресса, а к середине XIX века — заложены основы экономики знаний⁶⁹.

Этот пример весьма показателен, ибо идеология, заложенная в эту стратегию еще Дэн Сяопином, стала той базой, на которой развивалось впоследствии стратегическое планирование Пекина.

Нынешняя российская практика уже не соответствует ни уровню развития экономики, ни задачам, которые стоят перед государством и обществом.

Как справедливо отметил С. Степашин, «Суть того нового, с чем имеет дело формирующаяся система стратегического управления, заключается в использовании инвестиционной логики мышления в наших управленческих структурах. Нам важно искать возможности консолидации ресурсов и управления рисками, связанными с реализацией инвестиционных проектов... Ни макроэкономические

параметры, ни традиционные ростовые показатели экономики, отражающие текущую экономическую деятельность не достаточны для определения ориентиров развития нашей страны. Нужны оценки национального экономического потенциала — национальных активов, — через призму способности приносить доходы на достаточно длительном отрезке времени. Такие показатели необходимы для стратегического аудита экономической и социально-политической стратегии развития».

Переосмысление, а тем более — переориентация на новые приоритеты пока окончательно не произошли, хотя есть и очень примечательные признаки. Так, выступая в январе 2007 года в Давосе, Д. Медведев заявил: «...наша страна находится в уникальной позиции. Имея возможность не догонять другие страны в способах производства товаров и услуг, Россия будет ориентироваться на создание экономики следующего технологического поколения: «Российская экономика будет не только в полной мере реализовывать наш исторический мандат энергетического и транспортного центра Евразии. Мы восстановим наши позиции как одного из крупнейших научных центров, а также превратим наш финансовый рынок в один из наиболее эффективных и востребованных в мире»⁷⁰.

Это, конечно же, выдающееся, но пока еще не типичное для политиков, заявление. Хотя нельзя не отметить, что и у А. Кудрина, и у Г. Грефа стали звучать более амбициозные нотки.

По мнению некоторых критиков, это означает, что де-факто общество, государство и политическая элита следуют пока **инерционному сценарию** развития. По своей идеологической сути он леволлиберальный. Макроэкономический подход устарел, даже по оценкам самих либеральных экономистов. Такой сценарий заведомо **программирует наше** отставание от стремительно развивающихся стран-лидеров глобализации. Лучше всего об отставании можно судить по положению образования. Оно в России по-прежнему катастрофически недофинансировано. Суммарные поступления в эту систему (из государственных и негосударственных источников) составляют около одного процента ВВП. В Европе эти расходы находятся на уровне двух процентов ВВП, а в США — на уровне трех процентов ВВП. Если же учесть многократную разницу в ВВП на душу населения между Россией и странами ОЭСР, то получится десятикратное расхождение в уровне финансирования⁷¹.

Концепция «энергетической сверхдержавы», предложенная на встрече «большой восьмерки» в 2006 году, по сути, отражает этот подход: Россия, выбирая конкурентные преимущества, по сути ничего иного предложить Западу не может. Вместе с тем, совершенно справедливо утверждение, что «президент Путин понял раньше многих лидеров Запада особенность нового столетия: энергетическая власть переходит от транснациональных добывающих ком-

паний к странам-производителям энергоресурсов, а спрос на них все больше зависит от новых экономических гигантов, таких, как Индия и Китай, и все меньше от Европы и США. Энергетика сейчас — главный политический вопрос. Страна-производитель отныне может смело принимать любые вызовы. Вот, собственно, почему столь „вызывающе“ ведут себя на мировой арене такие лидеры „третьего мира“, как Уго Чавес в Венесуэле или Махмуд Ахмадинежад в Иране. По той же причине глубоко задумалась над тем, как вести себя дальше даже верный союзник США — Саудовская Аравия. „А вот западные правительства, как говорят в Давосе, видимо, пока не в курсе“, — иронизирует по этому поводу газета „Коррьере дела сера“. Да нет, в том-то и дело, что и они уже в курсе. Иначе итоги Давоса–2007 не были бы столь многообещающими для России»⁷².

Суть состояния проблемы выбора стратегии для России хорошо охарактеризовал С. Степашин применительно ко всему периоду 2000–2007 годов: «Руководство нашей страны приняло тогда (в 2000 году. — А. П.) принципиальное решение о необходимости самостоятельной стратегии развития через капитализацию экономических богатств страны, в том числе и через глубокую интеграцию в систему мировых экономических связей. Однако новое состояло не только в стремлении самостоятельно определять баланс приоритетов экономической эффективности и национальной безопасности.

Не менее важным стало понимание того, что стратегия развития для России — это не набор деклараций, а объединение перспективы, воли и ресурсов в конкретном организационно-техническом формате — в виде крупных национальных проектов. При этом необходимо рассматривать в комплексе все национальные активы как потенциальный источник доходов через призму инвестиционной логики, искать возможности консолидации ресурсов и управления рисками».

Таким образом, в политико-идеологической области (а значит и в стратегии развития страны) соседствуют два подхода. Один — инерционный, опирающийся на сырьевую базу страны, который игнорирует приоритеты развития информационного общества. Другой, отвечающий современным требованиям, ставит задачу развития интеллекта нации и потенциала личности в целом. И этот второй подход с трудом вытесняет первый, ресурсный. Скорее даже не вытесняет, а отбивает у него один маленький плацдарм за другим. Этот процесс, к сожалению, идет медленно. Настолько медленно, что угрожает растущим отставанием России.

Преодолеть эту тенденцию можно **только** политико-идеологическими методами, когда приоритеты внедряются административно-политически, а закрепляются — идеологически.

2007–2008 годы означают не только хронологически (новый политический сезон), но и **идеоло-**

гически качественно новый рубеж развития России, ее экономики и общества. Можно сказать, что завершение восстановительного этапа вплотную и неотвратимо поставило вопрос об **идеологическом выборе** — выборе идеологии и стратегии опережающего развития, а не только реагирования на возникающие угрозы, перехода от «ручного управления» к системному, идеологическому управлению на долгосрочной основе.

XXI век для России начинается **именно на рубеже 2007–2008** годов. Они должны стать поворотным пунктом, точнее точкой бифуркации. Ныне для России становится принципиально важным **ускорение процесса осознания** ключевых реалий, ценностей и факторов развития, создания идеологии и модели нового и эффективного государства, равно как и формирование **стратегической программы развития страны и общества**. Ускорение процесса привлечения и вовлечения в созидательный процесс уже не только элиты, но и всего общества. Примечательно, в этой связи, признание О. Дерипаски: «...потенциал реформ сверху в основном исчерпан. Власть сейчас должна понять, какие проблемы есть внизу, и помочь изыскать пути их решения. Это касается и региональных властей, а также бизнеса, общественных институтов, научного сообщества. На мой взгляд, власть сегодня ждет таких инициатив»⁷³.

У этой проблемы есть и другая сторона, а именно — **кризис доверия к институтам власти**, который не удалось преодолеть в этом десятилетии. За исключением В. Путина (и, отчасти, изменений в положительную сторону в пользу правительства), общество в основном не доверяет ни государственным институтам, ни политикам. Примечателен в этой связи соцопрос лета 2007 года⁷⁴.

Табл. 34. Кому из членов избирательных комиссий вы можете полностью доверять (в %)?
(любое число ответов)

Учителям, преподавателям	39
Врачам	26
Юристам	25
Военным	19
Работникам библиотек, других культурно-просветительских учреждений	19
Своим родственникам, знакомым	19
Работникам органов власти	11
Представителям политических партий	8
Никому	15
Другое	4
Затрудняюсь ответить	15

Всероссийский опрос ВЦИОМа проведен 17–27 мая 2007 года. Опрошено 3000 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%

Идеологический выбор неизбежен. Хотя бы потому, что неизбежен выбор политический. И здесь никуда не деться от ответа на фундаментальные вопросы о социальной справедливости, которые лежат в основе **любой** политической системы. «Каким бы ни было общественное устройство, оно живо только

до того момента, пока осознается самим обществом как справедливое, — совершенно правильно считает А. Громов⁷⁵. Идеологический выбор в пользу той или иной политико-идеологической модели откладывать больше нельзя. Понятно, что я выступаю в пользу выбора социально-консервативной идеологии.

6. О будущей модели государства⁷⁶

Китайцы, в отличие от нас, живут категориями столетий, вечностями⁷⁷.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

...на смену физическому капиталу приходит человеческий капитал⁷⁸.

Л. Туроу

Кризис 2008–2012 годов показал, что прежние формы государственного устройства и международных отношений не соответствуют современным реалиям. Поиск новых форм, моделей, которые отличались бы прежде всего эффективностью от предыдущих, уже начат. Эти модели должны иметь стратегическую перспективу, так же, как, например, в Китае.

Радикальные перемены в экономике и научно-технической области, происходящие последние десятилетия, неизбежно приведут к **изменению имеющихся моделей общественного и государственного устройства**. В том числе и в отношениях собственности. Так, по справедливому замечанию некоторых авторов, человеческий капитал отличается от физического капитала тремя важными особенностями.

1. Человеческий капитал не может быть собственностью. Капиталисты не делают инвестиций в вещи, которые им не могут принадлежать.
2. Инвестиции в человеческий капитал часто требуют намного более длительного периода времени, чем это допускает капитализм и отдача обычно значительно выше.
3. Инвестиции в знания, необходимые для порождения искусственной интеллектуальной промышленности, должны быть сделаны в социальном контексте, совершенно чуждом индивидуалистической ориентации капитализма.

Другая сторона вопроса, которая претерпела радикальные изменения, это представления о безопасности, включая безопасность человека и национальную безопасность. Уже упоминавшаяся ранее профессор МГИМО(У) Л. Капица замечает: «большинство экспертов придерживаются мнения, что основными составляющими безопасности человека являются:

- экологическая безопасность;
- экономическая безопасность;
- социальная безопасность;
- политическая безопасность;
- культурная безопасность».

В пользу включения этих компонентов приводятся весомые аргументы. По мнению экспертов, окружающая среда, экономика, общество и государство представляют собой подсистемы, каждой из которых соответствует свой специфический режим. Эти подсистемы находятся в тесной взаимозависимости и воздействуют друг на друга через определенные каналы/механизмы (см. табл. 35).

Классическая формула К. Маркса $D - T - D$ претерпевает очевидное изменение в сторону формулы $ЧК - D - ЧК$, где изначально важно обладать не столько финансовыми ресурсами, сколько идеями, знанием и способностью к их реализации. Для государства, тем более, нации, эта формула приобретает следующий вид: **НЧК — D — НЧК**.

Важно отметить, что поиск новых моделей государственного устройства отнюдь не отменяет общих принципов и системы взаимосвязей, но лишь уточняет роль государства. Повторим эту схему (рис. 16) в очередной раз, имея в виду серьезные изменения, которые вносит в неё новая роль национального человеческого капитала.

Авторы В. Бушуев, В. Голубев, А. Тарко, в свою интересную работу «Качество жизни и его индексы: мир и Россия»⁷⁹ отмечают, что «до недавнего времени основным показателем развитости стран считался валовый внутренний продукт (ВВП). В действительности, уровень развитости определяется не только экономическими показателями, но и качеством жизни, и качеством человека. Доступность образования, здравоохранения, незагрязненная окружающая среда, безопасность, политические свободы, возможность проведения досуга и т. п. — важнейшие условия полноценной жизни. И они отнюдь не сводятся к доходам.

В западной экономической науке уже давно ведется дискуссия о необходимости изменения целевой функции экономики — **учета не только материальных, но и социальных потребностей человека**. Обсуждается необходимость отхода от «человека экономического», как субъекта экономики, к «человеку

Табл. 35. Анатомия и функционирование системы безопасности человека

	Окружающая среда	Экономика (состояние)	Общество (поддержание благосостояния, привязанность, уважение, корректировка)	Политика (власть)	Культура (знания, навыки)
Контекст	Естественная среда (биофизическое окружение социальной деятельности)	Модели развития	Общественные ожидания и традиции	Внутренний и внешний конфликты (способности и ожидания элиты и масс; суверенность или зависимость)	Образы физического и социального миров и коллективный опыт
Культура	Эко-культура (место природной среды в видении мира)	Экономические доктрины (понимание экономики)	Социальные (общественные) доктрины (система ценностей; принадлежность и идеальные модели, в том числе личности)	Идеологии (функции государства и его отношение к гражданам государства)	Философия (теология, аксиоматика, и т.д.) и этика
Структура	Ресурсы и территориальное размещение (отношения между окружающей средой и ресурсами)	Организованные единицы экономики (потребители и производители; трудовые и инвестиционные ресурсы)	Статус и роли (социальные структуры, группы, классы, фракции)	Агенты отношений и институты (группы лиц, объединенных общими интересами, партии, кланы, правительства, бюрократии)	Формальные и неформальные образовательные структуры (школы, университеты и другие образовательные заведения)
Процессы	Истощение (разрушение или регенерация) воздуха, воды, почвы, флоры и фауны..	Производство и распределение товаров и услуг	Взаимодействие конфликта (консенсус, репрессии, восстание, тупиковое состояние)	Разрешение конфликта (консенсус, репрессии, восстание, тупиковое состояние)	Приобретение знаний (формирование сознания, аккумуляция и передача знаний, выработка и усвоение фундаментальных ценностных установок, методы и способы освоения, теология)
Эффекты	Устойчивость или энтропия (хаос)	Благосостояние или бедность	Справедливость или несправедливость	Порядок и уважение закона или насилие	Просвещенность или незнание

социальному». Важное значение в этом аспекте имеют исследования по человеческому капиталу.

Богатство страны и ее развитость определяются не только ВВП, но и многими другими показателями — индикаторами, характеризующими как человека, так и среду (социальную и природную) его обитания.

Индикаторы измеряются непосредственно на практике: средняя продолжительность жизни, рождаемость, реальная заработная плата и т. д. Наряду с ними для характеристики развитости используются **индексы** — более сложные интегральные показатели, которые конструируются и рассчитываются

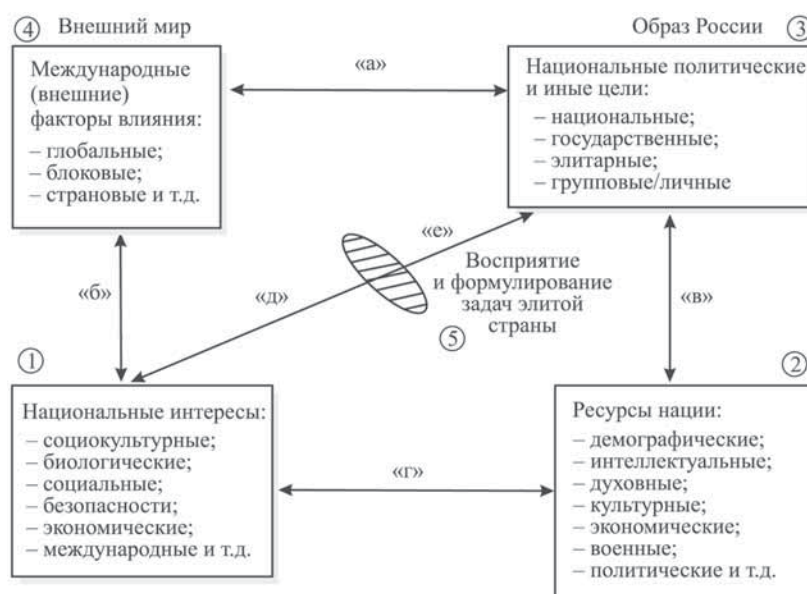

Рис. 16. Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

на основе частных индикаторов. Если число индикаторов велико (в США используется 400 индикаторов), то индексов мало.

До настоящего времени индексы **конструируются индуктивным методом — от частного к общему**. Это связано с отсутствием физической теории со-

циума и человека. При этом не удается избежать субъективного фактора — индексы конструируются исходя из здравого смысла, интуиции, удобства и т. п. Роль некоторых факторов развития при этом может быть преувеличена, других принижена, а третьи вообще не учтены.

Табл. 36. Матрица «старо» и «новой» модели государства

Базовые принципы и элементы	«Старое» государства	«Новое» государство
1. Роль государства:	Минимальная роль	
а) в политической;	а) в экономической;	а) основной инвестор и институт, обеспечивающие экономические и пр. условия для развития НЧП;
	Ограничительная роль	
б) и экономической жизни нации	б) в политической жизни	б) институт, обеспечивающий максимальную свободу для развития общества
2. Основные цели:	2. Основные цели:	2. Основные цели:
а) безопасности;	а) доминирование, усиление позиций, включая использование военной силы;	а) новая система безопасности: – идентичность; – конкурентноспособность; – лидерство в НЧП.
б) международной области;	б) обеспечение участие в союзах;	б) неучастие в союзах и коалициях, создание условий для развития НЧП;
в) внутривнутриполитической области	в) сохранение суверенитета и контроля над обществом	в) содействие развитию общества и нации, их ценностей
3. Основные ресурсы:	3. Основные ресурсы:	3. Основные ресурсы:
а) финансовые;	а) военные;	а) человеческие (НЧП);
б) экономические;	б) экономические;	б) нравственные, духовные;
в) военные	в) технологические	в) социальные
4. Правящая элита	4. Финансово-политическая бюрократия	4. Творческие социальные слои
5. Основные социальные силы	5. Финансовая элита, средний класс	5. Творческий класс
6. Основные критерии развития	6. Макроэкономические показатели*	6. Индексы развития национального человеческого капитала
7. Основные ценности		
8. Основные национальные интересы		

* См., например: табл. Основные макроэкономические показатели, 2006–2010 гг.

Табл. 37. Основные макроэкономические показатели, 2006–2010 гг.

	2006	2007	2008	2009	2010	
					январь–апрель	апрель
Рост ВВП, %	7,7	8,1	5,6	–7,9	2,9	—
Рост промышленного производства (к соответствующему периоду прошлого года), %	6,3	6,3	2,1	–10,8	6,9	10,4
Рост инвестиций в основной капитал (к соответствующему периоду прошлого года), %	16,7	22,7	9,8	–17	–2,3	2,3
Баланс федерального бюджета, % ВВП (конец периода) ²	7,4	5,4	4,1	5,9	–3,4	–3,4
Индекс потребительских цен (ИПЦ), %, конец периода	9	11,9	13,3	8,8	3,5	0,3
Текущий счет платежного баланса, млрд долларов США	94,7	77	102,3	47,5	33,9	—
Безработица, % (определение МОТ) (средняя за период)	7,2	6,1	6,4	8,4	8,7	8,2
Цена нефти марки Юралс, \$ за баррель (средняя за период)	61,2	69,5	95,1	61,5	77,1	82,8
Золотовалютные резервы на конец периода, млрд USD	303,7	478,8	427,1	439,0	461	461

Доклад об экономике России. Представительство Всемирного банка в России. М. 2010. Июнь. С. 6 / URL: <http://www.worldbank.org.ru>

Естественно, что должны претерпеть изменения и существующие сегодня модели государственного устройства, являющиеся производными от экономических, социальных и нравственных форм предшествующего периода. Государство — как наиболее эффективный и важный инструмент, созданный обществом — может и должно сыграть особую роль в этих изменениях. Оно может либо содействовать основным тенденциям развития (и тогда должно меняться), либо препятствовать, мешать им.

Осознание элитой и выбор идеологии обязательно предшествуют выбору модели государственного и общественного устройства. После идеологического выбора неизбежно предстоит **выбор модели государства**. Этот выбор будет означать, во-первых, **отказ** от нынешних, кажущихся совершенных неоллиберальных ценностей, защищаемых государством, и самого государства, а, во-вторых, выбор нового государственного устройства, при котором прежние принципы — демократия, частная собственность, права человека и т. д. — будут неизбежно пересмотрены. Революционно или эволюционно.

Идеология и стратегия, как вектор развития, должны быть осознанным **политическим** выбором элиты и всего общества страны. Они должны сформулировать на этой основе **будущую модель государства и общества**. Пока этот выбор формулируется, например, В. Сурковым, между «суверенной демократией» и «олигархическим капитализмом», и отражает только политический срез сегодняшнего дня, хотя тот же В. Сурков уже ставит задачу значительно шире — **создания модели будущего общества**.

В 1991 году этот выбор был сделан в пользу леволиберального, прозападного и откровенно антисоциального государства. Во многом этот выбор объяснялся эффективностью модели развития ведущих государств в 1980–1990-е годы. Образ и модель были столь привлекательны, что казались идеальными. Уверенность существовала вплоть до начала кризиса 2008 года. Вот почему эта идеологическая задача выбора российской элиты в 2010 году стала принципиальной. Как справедливо заметил А. Торкунов, «большая часть нашей политической и бизнес-элиты живет с пониманием международных отношений на уровне XIX — первой половины XX века, мыслит терминами двухсторонних отношений, „великих держав“, „большой игры“, забывая, что за годы советской автаркии мир наполнился сложными институциональными связями. И без осознания этих связей трудно решить задачу наращивания экономического потенциала в мировой системе»⁸⁰.

Но уже тогда были видны и социальные недостатки неоллиберализма, от которого в чистом виде к началу кризиса ведущие государства уже отказались. Социальные обязательства стали проблемой дефицита бюджетов в 2008–2012 годы. Анализ состояния государства и общества показывает: создание **современного социального общества** в России не

только возможно и необходимо, а с исторической точки зрения даже **неизбежно**. Но выбор этот может быть поддержан лишь в случае опоры на национальные приоритеты и ценности. Что, кстати, подчеркнул В. Путин в своем президентском послании 2005 года.

К 2010 году проблема выбора обострилась как в связи с декларацией Д. Медведева о модернизации, так и с откровенной ставкой нового субъекта международных отношений — Евросоюза — на продвижение своих ценностей. Так, в начале 2007 года центром Ю. Левады был проведен соцопрос в 46 регионах. Характерно, что 71% ответивших не считают себя европейцами и почти половина из них вообще уверены, что ЕС представляет угрозу для России. За последние три года доля тех, кто считает, что Россия — часть Западной Европы, снизилась и сейчас не превышает 10%. Зато число уверенных в том, что у нас свой путь развития, за аналогичный период осталось на прежнем уровне — 75%. «Люди боятся, что ЕС «поможет» нам потерять свою национальную идентичность. Они обеспокоены вероятной потерей страной политической независимости», — прокомментировал результаты опроса директор Аналитического центра Л. Гудков.

По его словам, заметные изменения в отношении россиян к Европе отчетливо проявились после дефолта. Если в 2000 году 35% россиян считали, что западная демократия губительна для России, то через шесть лет (в конце 2006 г.), этот показатель вырос до 42%. По мнению россиян, европейцы относятся к России в первую очередь как к сырьевому придатку (40%), источнику мозгов для западных компаний, и научных организаций (25%) и месту выгодных инвестиций (24%).

Более того, политически явный социальный заказ на формулирование новой модели государства определился еще осенью 2005 года, когда стало ясно, что период восстановления экономики России заканчивается. Ныне уже совершенно ясно: наиболее эффективный алгоритм развития передовых государств — социально ориентированная, фактически **социалистическая модель капитализма**. Ее успешно демонстрируют Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия, ставшие **лидерами даже среди передовых государств**. Именно эти страны сегодня определяют передовые рубежи развития. Не случайно, именно эти государства стали в 2007–2010 годах лидерами в развитии НЧК.

Другая сторона проблемы политического выбора — окончательный отказ от инерционной модели развития, ресурсной экономики, ставки на будущую «энергетическую сверхдержаву». В данном случае мы должны осознать и сделать **политический выбор** в пользу инновационной модели ускоренного развития, признать, что мы **стремительно отстаем** по главным критериям — образованию, интеллекту, инновациям, НИОКР и т. д. Как признает известный эксперт в этой области Т. Настас, «Наши данные опровергают

тезис о том, что российские НИИ, а также средний и малый бизнес обладают великолепными технологиями, а инвесторы просто не могут разглядеть их потенциал. На самом деле у институтов и бизнеса есть прекрасные **идеи**, но, увы, потребители покупают не идеи, а **продукты**. Венчурные капиталисты, вопреки распространенному мнению, редко вкладывают деньги в научные исследования. Им интересны выгодные предприятия, а не концепции»⁸¹.

Эта политико-идеологическая проблема, которая до сих пор не решена. Более того, ускорение развития за 2000–2007 годы привело к иллюзии того, что этот количественный рост равноценен развитию, что, конечно же, не одно и то же. В 2009–2010 годах, казалось, что Д. Медведеву удалось решить эту проблему выбора, но инерционность такова, что даже после провозглашения курса на модернизацию реалии (прежде всего уже принятые программы, например, ФЦП, правовые нормы), а, главное, практическая деятельность власти фактически работают на ресурсную, а не на инновационную экономику.

Не только экономике, но и обществу, государству, его институтам сегодня нужно именно **развитие**, которое, заметим, неизбежно будет сопровождаться и количественным ростом ВВП. Развитие ни в коей мере не может быть компенсировано ростом. Более того, в будущем рост будет мешать развитию. Иногда создавать непреодолимые проблемы, как это происходит, например, с ростом энергоемких производств. Соответственно и роль государства в этом развитии НЧП чрезвычайно высока.

Во-первых, как идеолога и организатора, способного обеспечить необходимые, в т. ч. правовые условия для такого развития.

Во-вторых, как фактически единственного инвестора НЧП: данные показывают, что ни отечественный, ни зарубежный бизнес не являются инвесторами. Их доля не превышает 3–5%.

Для того чтобы предложить российскому обществу **новые идеологию и программу развития**, необходимо создать **российскую национальную стратегию**, которая включает в себя все важнейшие, системообразующие элементы — от идеологии до экономики и внешней политики.

Национальная стратегия — это «российская прикладная идеология», отвечающая на вполне конкретные, прагматические вопросы о том, какие цели и какими средствами мы будем достигать в достаточно долгосрочной перспективе. Иными словами, это область политического искусства, т. е. эффективного управления.

Базируясь на основных идеологических категориях, национальная стратегия соотносится с идеологией так же, как военная стратегия и военная доктрина. Если военная доктрина — совокупность официально принятых взглядов на цели и характер войны, способа ее ведения (т. е. общетеоретические, идеологические аспекты), то военная стратегия это

искусство добиваться решающих результатов с минимальными издержками. Тем более, если речь идет только об экономическом результате в ущерб социальному. Так, эксперты Всемирного банка, например, порекомендовали в своем докладе в 2010 году повышение акцизов на табак и алкоголь в целях повышения доходов российского бюджета. Критикуя эту рекомендацию, российский эксперт высказал возражение, в соответствии с которым рост за 2007–2010 годы акцизов на 29% привел к снижению поступлений на 10%⁸². Соответственно, следуя логике, с экономической точки зрения этого делать не следует, однако с социальной точки зрения, — рекомендация Всемирного банка вполне оправдана, если ее реализация приведет к увеличению здоровья и в целом ЧП.

Очевидно, что национальная стратегия — такое же искусство (прежде всего управленческое) добиваться в оптимальные сроки с минимальными издержками максимально возможных результатов в основных областях жизнедеятельности государства и общества. В современном мире это имеет огромное значение, ибо достижение цели «любой ценой» (любими издержками) ведет к неконкурентоспособной стратегии. Как следствие — такой же экономике и обществу.

При этом эффективность стратегии (управления) во многом зависит от людей, прежде всего тех, кто управляет страной. Именно сейчас справедливо утверждение, высказанное в известной книге «Проект Россия»: «Сегодня главная задача — поиск людей, способных мыслить стратегически — Веками, Континентами, Цивилизациями. Вопрос даже не в том, чтобы доказать верность наших постулатов, а в том, чтобы найти тех, кто способен мыслить масштабно»⁸³.

Собственно, на отсутствии такой конкурентоспособной стратегии основывается вся критика нынешних оппонентов власти. Они, опираясь на тезис об отсутствии идеологии и стратегии, делают далеко идущий вывод относительно умения управлять, и тех, кто управляет: «...это значит, что опять никто не будет думать о стратегии развития страны, о том, что будет с ней и ее народом через десятилетие–другое. Какое уж тут будущее страны, когда деньги делить надо сейчас. Сегодня все больше говорят о том, что России нужен настоящий национальный лидер, но национальные лидеры никогда не рождаются в борьбе нескольких глубоко коррумпированных групп за президентское кресло. Зато так, кстати, появляются хунты, как бы они ни назывались. Всему миру хотелось бы, чтобы этого не произошло в России, но от него, мира, это мало зависит...»⁸⁴.

В этой критике очень много искусственного, несправедливого по отношению к В. Путину и его окружению. Но даже самые авторитетные авторы — сторонники власти — вынуждены признать, что «есть очевидные тупики нашей общественной и политической жизни», к коим они причисляют «экономическую политику и идеологию, отсутствие будущего видения страны»⁸⁵.

Для того чтобы сформулировать адекватную и масштабную национальную стратегию, необходимо определиться, прежде всего, с несколькими критериями, имеющими очевидную **идеологическую направленность**. Именно идеологическую, а не макроэкономическую, политическую, финансовую или иную.

Во-первых, нужно ответить на вопросы, каковы **основные мировые тенденции развития**? Какие из них определяют в решающей степени будущее человечества, наций и государств, т. е. объективные, магистральные пути развития экономики и общества в первой четверти XXI века. Именно определяют, а не навязывают.

Рис. 17. Сфера формирования национальной стратегии

Именно такие тенденции задают рамки национальной стратегии, делают ее не только реалистичной, но и эффективной. Можно, конечно, плыть и против ветра, но гораздо быстрее, легче и проще «поймать ветер». В этом во многом и заключается искусство политика, который должен очень чутко реагировать на доминирующие в общественном развитии тенденции.

При этом важно не только не бороться с этими тенденциями, но и не «отдаться воле стихии», которая сделает плавание неуправляемым: учет мировых тенденций и национальное целеполагание становятся ключевым фактором в выборе эффективной национальной стратегии.

Во-вторых, надо определить реальное место России, ее перспективу в мире, **особенности** развития, основные проблемы, стоящие сегодня перед страной. Это предполагает, прежде всего, выявление **слабых и сильных** сторон, конкурентных преимуществ и минусов. В целом необходимо определить направления правильного эффективного использования потенциала и ресурсов нации.

Учет всех этих факторов важен именно с идеологической точки зрения: национальная стратегия России не может не ставить амбициозных целей. Пу-

ританская нравственность и протестанская этика не входят в число российских ценностей. При этом надо учитывать и высокую социальную самооценку россиян, которые уверены:

- а) в ближайшие 15–20 лет страна станет великой державой (46%),
- б) она все еще великая держава (11%)⁸⁶.

Это связано с определенной переоценкой реальной роли России в мире и ее возможностей, «самоутверждением» нации в целом и отдельных представителей ее элиты. «Доктрина самоутверждения», по мнению Л. Шевцовой, основывается на сырьевых ресурсах (экспорт несырьевых товаров и услуг, и технологий составляет соответственно 1,7% и 0,3%)⁸⁷. На самом же деле — и в этом ошибка «критиков режима» — на уверенности в нации, ее предназначении, гордости за историю и культуру, веру в великое будущее.

В-третьих, требуется предложить **новую идеологию**, т. е. набор ценностей для общества и, наконец, **новый алгоритм государственного развития**, т. е. собственно **программу, как совокупность приоритетов, идей, механизмов и способов решения задач**, т. е. именно идеологическое решение.

Сразу необходимо уточнить: речь идет не о партийной идеологии, а тем более идеологии отдельной социальной группы или каких-то авторов, а об общенациональной идеологии, чьи основные идеи и ценности разделяются большинством нации.

В-четвертых, необходимо (как **часть** общенациональной идеологии и государственной стратегии) предложить долгосрочную программу социального развития страны. Любая власть существует до тех пор, пока общество считает, что ее управление справедливо и имеет законные основания. Долгосрочная программа развития должна исходить из этого приоритета, даже если в основу любого иного сценария положены экономические факторы роста.

Ниже мы рассмотрим подробнее три возможных сценария ближайшего развития России — инерционный, экстенсивный и интенсивный. Из них и предстоит сделать выбор. Подчеркнем, однако, что этот выбор, прежде всего, **идеологический, социальный**. Хотя того авторы этих сценариев или нет. Выбор должен быть сделан между леволиберальным, «макроэкономическим», инерционным сценарием; государственно-корпоративным, экстенсивным; социальным и интенсивным сценариями развития. О них я впервые писал еще в 2001–2004 годах⁸⁸.

В-пятых, особо необходимо отметить фактор, на который в последние десятилетия по известным причинам сознательно не обращалось внимания, а именно: **сознательное слабое развитие гуманитарных областей науки и образования**, прежде всего общественных наук, которые находились в последние годы исключительно в неблагоприятном положении, как с точки зрения общественного внимания, так и финансирования.

Замечу, что только после встречи В. Путина с учителями и обществоведами в июне 2007 года в этой области намечилось первое движение. Надо понимать, однако, что степень запущенности проблемы за последние 20 лет создала критическую фазу в ее возможном решении: два поколения граждан «выпали» из процесса образования и воспитания.

Напомним, что сразу после «ухода» государства из идеологии в 1990-е годы оно «ушло» и из истории, философии, политологии и других областей науки и образования, **предоставив возможность** «войти» в эти области как иностранным инвесторам, так и отечественным спекулянтам. В результате отечественная научная мысль оказалась практически вытесненной западными грантодателями и российскими коммерсантами от науки, которые, в конечном счете, и стали определять в 1990-е годы основные направления гуманитарного развития. Как справедливо сказал профессор К. Плетнев, «Отметим также, что уход от высокой степени идеологизированности, характерной для советского периода, никак не снимает с повестки дня вопрос о формировании в России так называемого гражданского общества, способствующего, объединяя его усилия с усилиями государства, эффективному развитию экономики страны. Это требует подготовки в высшей школе не просто высококвалифицированных специалистов в различных областях науки, техники, технологий, прежде всего настоящих граждан своей Родины, что невозможно без самой широкой **опоры на ученых практиков по гуманитарным и общественным дисциплинам**»⁸⁹.

Идеологический выбор во многом предопределяется позицией ученых-обществоведов: политологов, историков, философов, социологов и др., которые создают содержательный контент, концепции, образы. Вообще-то прав был советский фантаст И. Ефремов, сказавший в свое время, что будущее цивилизации будет в решающей степени определяться историками, роль которых возрастет до уровня генераторов национальных концепций. Именно ученых-историков и обществоведов, а не макроэкономистов и финансистов. А именно тех обществоведов, которые способны выйти на уровень крупных обобщений.

Можно привести немало примеров выдвижения справедливых идей и сегодня. Они, однако, не находятся пока еще в центре общественного внимания. Как подчеркивает Л. Абалкин: «С точки зрения теории социальных альтернатив, у России, если говорить обобщенно, есть три сценария ее вероятного развития: комплексное решение проблем переходного периода и поэтапное создание современной экономики с высоким качеством жизни населения; оттеснение ее в число второразрядных держав, формально независимых и обслуживающих своими ресурсами страны „золотого миллиарда“; трагический для страны и мирового сообщества, но вполне реальный распад России на ряд мелких государств»⁹⁰.

При этом необходимо идеологически опреде-

литься с очень важной проблемой, все острее стоящей перед Россией, — ростом диспропорций в доходах отдельных социальных групп. Рост благосостояния сопровождался в 2000–2007 годы дальнейшим усилением диспропорций в доходах самых бедных и самых богатых граждан. Если говорить коротко, то эти диспропорции выражались в том, что основной прирост доходов приходится на группу богатых и обеспеченных граждан, а группы бедных и нищих получали наименьшую часть «среднестатистического роста дохода». Ситуация хорошо иллюстрируется ростом доходов сверхбогатых граждан, которая видна из публикаций Forbes⁹¹. С точки зрения управленческой, это означает, что власть, государство в России пока не способны перераспределять доходы в интересах всех граждан. Эта управленческая задача не решена. Но не решена она, прежде всего, из-за идеологических мотивов, когда, уравнивая налоги и другие подати сознательно господствовал сверхлиберальный принцип пропорционального налогообложения.

Табл. 38. Россияне в списке Forbes

Год	Всего россиян	Суммарное состояние (\$ млрд.)
1997	6	9
1998	1	1,6
1999	0	0
2000	0	0
2001	8	12,4
2002	7	14,8
2003	17	36,6
2004	26	81,3
2005	28	92,6
2006	34	174,2
2007	53	282,4

К 2007 году это стало вопиющим противоречием, которое ставит под сомнение саму идею социального государства. Из публикации, в частности, видно, что с 1997 по 2007 год (причем преимущественно с 2001 по 2007 год) суммарное состояние наиболее богатых россиян выросло с 1–10 млрд до 282 млрд долл., **т. е. в 30–40 раз!** Понятно, что их доходы занимают существенную часть общенационального прироста доходов российских граждан. Что, естественно, не может не сказаться на социальной и внутривнутриполитической стабильности в России, а, главное, на возможности ускоренного развития человеческого потенциала. Решить эту задачу в будущем российская элита будет вынуждена в любом случае. И даже ясно как.

Сегодня в нашей стране пока что не решена ни одна из этих четырех задач. Вся национальная стратегия пока фактически сводится к элементам финансовой, точнее, макроэкономической политики. За исключением нацпроектов, «выпадающих» из

этой логики. Более того, отчасти, идея макроэкономической стабильности — это идея прямо противоположная концепции опережающего развития. Это странное сочетание «стабильности» и «развития», что в принципе алогично. Ибо любое движение, тем более быстрое, изначально предполагает нарушение стабильности.

Подчеркнем, что, только ясно ответив на эти идеологические вопросы, составляющие основу национальной стратегии, можно перейти к **формированию экономических средств** достижения этих целей, например, бюджетной и социально-экономической политики России. Именно **приоритеты** национальной стратегии должны находиться в основе формирования социально-экономической политики государства, реформирования его институтов, принятия законов, формирования бюджетов и других концептуальных решений. Не случайно, что отсутствует и набор курирующих стратегических концепций.

Эту ситуацию пока не меняет и появление «партийной идеологии» (концепции) «Единой России». По разным причинам. И потому, что эта идеология еще не формализована. И потому, что она не стала идеологией всего правительства.

По большому счету дела не меняет то обстоятельство, что у других партий вообще нет идеологии. У КПРФ — смесь псевдокоммунистических догм 50-х годов с вкраплениями вынужденных признаний современных реалий. У «Яблока» — идеи оппонирования власти с псевдолиберальных позиций. У «Справедливой России» — набор социалистических идей, не связанных единой концепцией. Как справедливо отметил 7 февраля 2006 года В. Сурков, «Что касается основных задач партии, я, прежде всего, хотел бы выделить еще раз и еще раз подчеркнуть: овладевайте ее идеологией, вы ее знаете, но она слабо вербализована, мы мало ей уделяем внимания. А у наших оппонентов как раз нет идеологии. Хотя они вам говорят: „У вас ее нет“. У них ее нет. Не понимаю, как могут левые говорить о демократии и нести одновременно портреты Сталина. Как могут либералы говорить о либеральной судьбе России и одновременно идти в общем строю с нацистами. Мне это непонятно».

Действительно, непонятно. Современные стратегические концепции, адаптированные к России, ее реалиям и ценностям отсутствуют. Их подменяет эклектический набор идей, наскоро объединенных

в партийные программы, не учитывающие международных и российских реалий. Главное, что их объединяет — предвыборная риторика, жажда власти. Прав, безусловно, В. Сурков, когда говорит, что «у них нет идеологии, у них есть только паранойя: они к власти хотят вернуться любой ценой. Или как один известный политический мусорщик и его соратники: то они призывают запретить все еврейские организации, то вдруг приглашают на работу евреев, чтобы вместе бороться с ксенофобией, а заодно борются с олигархами на деньги олигархов... Вот их идеология. Это не идеология, это цинизм, замешанный на страшной жажде поругать. А как раз у нас идеология есть, и, повторю, она очень четко очерчена в многочисленных документах, и партийных, и президентских. Вы просто по больше этому уделяйте времени, особенно те из вас, кто непосредственно отвечает за идеологическую работу»⁹².

Сегодня, хотя процесс формирования национальной стратегии наконец стал публичным, в него еще широко не привлечены эксперты и общественность. Он носит декларативно-политический характер. В то же время, учитывая тенденцию укрепления системы партийной демократии, именно партии, включая оппозиционные, должны создать **рынок конкурентоспособных идеологических программ и национальных стратегий**, но программ обоснованных, глубоких, экспертных. Выборы — уникальная возможность озвучить эти программы, если, конечно же, есть, что озвучивать. Только в широкой дискуссии конкурентоспособных программ возможен «идеологический прорыв» всей нации, формирование национальной стратегии. В итоге такой дискуссии естественным образом формируется национальная стратегия страны, которая должна стать со временем официальным документом, подводящим итоги общенациональной дискуссии.

Именно тогда все институты власти и все исполнители — от законодательной и судебной власти до чиновников на местных уровнях — будут ориентированы на приоритеты, идеологию и логику действий, решать не только принципиальные, но и частные задачи, соизмеряя и соотнося их с общим стратегическим планом развития общества и государства. Это означает, что идеологический кризис будет не только преодолен, но и, как следствие, преодолен кризис управленческий.

¹ Аузан А.А. Национальная формула модернизации [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://polit.ru/lectures/2009/10/16/>

² Медведев Д. Послание Президента России Федеральному Собранию. Цит. по: Миронов С.М. За нами Россия / отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: Ключ-С. 2010. С. 109.

³ Латухина К. Скорая помощь // Российская газета. 2010. 26 апреля. С. 2.

⁴ В 2006 году я написал объемистую работу, посвященную этому периоду и этой теме, в которой подробно рассматривал завершающий период президентства В. Путина. См.: М. Карпенко и др. Приоритетные национальные проекты и новая идеология. М.: СГА, 2006. Т. 1. С. 362. Т. 2. С. 296.

⁵ Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Вестник МГИМО(У). 2010. № 3 (12). С. 51.

- ⁶ Мир и Россия. Глава XVII [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.worldbank.org/depweb>
- ⁷ Явлинский Г. Экономика без права // Независимая газета. 2007. 14 августа. С. А4.
- ⁸ Третьяков В. Чертеж Суркова // Политический класс. 2007. Январь. С. 30.
- ⁹ Пискунов А. Технологическая модернизация России // Национальная оборона. 2006. Июнь. С. 64.
- ¹⁰ Информация о социально-экономическом положении России. Январь-февраль 2010 года. М.: Росстат, 2010. С. 84–85.
- ¹¹ Третьяков В. Чертеж Суркова // Политический класс. 2007. Январь. С. 32.
- ¹² Бронзина Л. Постмодернизм: сущностные идеи и их представители // Вестник МГИМО(У), 2010. № 3 (12). С. 97.
- ¹³ Гонтмахер Е. Удвоение среднего класса // Российская газета. 2007. 26 июня. С. 4.
- ¹⁴ «Заражение модернизации» // Мир и политика. 2010. № 2 (41). С. 5.
- ¹⁵ Чесноков А. Роль идеологии в условиях глобализации [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.intelros.ru/2007/04/03/
- ¹⁶ Кокошин А. Тезисы выступления в ИНСОР. 2010. Июнь.
- ¹⁷ Сванидзе Н., Сванидзе М. Медведев. СПб.: Амфора, 2008. С. 225.
- ¹⁸ Мировая статистика научно-технического развития: Китай рвется вперед, Россия сдает позиции [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://allkotlas.ru/poslednie-novosti>. 27.01.2010
- ¹⁹ Лавров А., Иваницкий А. Лучший ВВП на всю «восьмерку» // Газета. 2007. 15 августа. С. 11.
- ²⁰ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М. 2009. С. 198–201.
- ²¹ Естественный прирост населения. Российская Федерация [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://statinfo.biz/HTML/WIFI/4025A2043L/>
- ²² [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.statinfo.biz/HTML/M1F14023A2616L1.aspx>
- ²³ Вардуль Н. В какую сторону течет время // Газета. 2007. 10 мая. С. 10.
- ²⁴ Национальная программа демографического развития. Общественная палата Российской Федерации (проект). 2007. Февраль. С. 3–4.
- ²⁵ Глазьев С. Не играть на чужой свадьбе // Политический журнал. 2007. № 9/10. С. 11.
- ²⁶ Цит. по: Корицкий А. В. Введение в теорию человеческого капитала. Учебное пособие. СИБУП, 1999.
- ²⁷ Россия и страны мира. 2008. Стат.сб. / М.: Росстат, 2008. С. 26.
- ²⁸ Опасности беспорядка // Известия. 2010. 29 апреля. С. 4.
- ²⁹ Лучший ВВП на всю «восьмерку» // Газета. 2007. 15 августа. С. 11.
- ³⁰ Россия и страны мира. 2008. Стат.сб. / М.: Росстат, 2008. С. 80.
- ³¹ Россия и страны мира. 2008. Стат.сб. / М.: Росстат, 2008. С. 80.
- ³² Россия и страны мира. 2008. Стат.сб. / М.: Росстат, 2008. С. 95–98.
- ³³ Полтерович В. др. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика / вопросы экономики. 2007. № 6. С. 6.
- ³⁴ Ваганов А. Инновационная матрица // Независимая газета. 2007. 24 января. С. 13.
- ³⁵ И. Склярова. Случилось чудо // Время новостей. 2007. 29 января. С. 2.
- ³⁶ Цит. по: Догнать и перегнать СССР // Независимая газета. 2007. 29 января. С. 6.
- ³⁷ Балдин В., Данилов Н. И. Паспорт — понятие универсальное // Независимая газета. 2007. 15 августа. С. 5.
- ³⁸ Мигунов Д. Диагноз — отсталость // Новые Известия. 2007. 27 июня. С. 3.
- ³⁹ Сторчак С. «Наши недостатки становятся нашими преимуществами» // ВВП. 2010. № 7 (57). С. 71.
- ⁴⁰ Расчет цен выполнен автором согласно ЦБСД базы данных Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс] <http://www.gks.ru>.
- ⁴¹ Примечательно послевоенное развитие экономики США (Гражданская война 1861–1865 гг.) с 1865 по 1879 гг. Это годы мощного подъема промышленности, железнодорожного и дорожного строительства, объема производства, валового национального продукта и реального дохода на душу населения. В период с 1865 по 1873 гг. количество национальных банков увеличилось с 1294 до 1968, а банков штатов с 349 до 1330. Объем денежной наличности в этот период вырос с 835 млн долл. в 1865 г. до 1,964 млрд долл. 135,2% или на 16,9% в год, а с 1873 по 1878 гг. объем банковских денег увеличился с 1,964 млрд долл. до 2,221 млрд долл., т.е. на 13,1%, или на 2,6 % в год. В период с 1869 по 1879 г. имел место рост ВВП США в текущих ценах на 3% в год, в неизменных ценах 6,8% в год, а ВВП на душу населения в неизменных ценах увеличивался на 4,5% в год. По оценкам Милтона Фридмана и Анны Шварц, в период с 1869 по 1879 г. общий уровень цен снижался на 3,8% в год, на самом деле цены падали с конца Гражданской войны по 1879 г. Хотя денежная масса росла за период цены снижались, это можно объяснить существенным сокращением издержек, как следствие внедрения разработок НТП, экономическим ростом и всеобщим повышением уровня жизни. А цифры следующего десятилетия, с 1879 по 1889 г., поразительно красноречивы, цены продолжали падать каждый год десятилетия на 1,0%, а заработанная плата выросла на 23%, без учета дефляции. По некоторым показателям, 1880 г. были самым продуктивным десятилетием в истории США, ВВП удвоился почти в два раза, рост инвестиций 500%, и все это в условиях общего падения уровня цен и увеличения денежной массы примерно на 10% в год.
- ⁴² По данным официального сайта Центрального Банка РФ.

- ⁴³ Россия в цифрах. 2010. Федеральная служба государственной статистики.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Расчет цен выполнен автором согласно ЦБСД базы данных Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс] <http://www.gks.ru>.
- ⁴⁶ Все данные взяты с официального сайта Федеральной службы государственной статистики, Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/vvcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/data/base/cbsd/>
- ⁴⁷ Ильинский И. В. Инвестиции в будущее: образование в инновационном воспроизводстве: монография. СПб.: СПбУЭФ, 1996. С. 163.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Классификация и виды человеческого капитала в инновационной экономике URL: <http://creativeconomy.ru/library/prd165.php>
- ⁵⁰ Мусеев Р. С. К вопросу о теориях «человеческого» и «природного» капиталов [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.terrakamchatka.org/publications/article1.htm>
- ⁵¹ Каница Л. М. С. 189–194.
- ⁵² Индекс настоящего прогресса был разработан в США в 1995 г. Его создатели — американские эксперты: Клифф Кобб, Крейг Риксфонд, Тед Холстед, Джонатан Роув. В 1998 г. индекс был принят к использованию правительством США и стал называться индексом настоящего прогресса США.
- ⁵³ Научный семинар Е. Ясина, 22.02.2005. URL: <http://www.libecab.ru/sitan>
- ⁵⁴ Россия и страны мира. 2008. Стат. сб. / М.: Росстат, 2008. С. 41.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. С. 104.
- ⁵⁷ Там же. С. 43.
- ⁵⁸ Там же. С. 54.
- ⁵⁹ Человеческий капитал. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2007/14/medvedev_i_chelovecheskiy_kapital/
- ⁶⁰ Лавров А., Иваницкий А. Лучший ВВП на всю «восьмерку» // Газета. 2007. 15 августа. С. 11.
- ⁶¹ Петрачкова А. Бедных почти не останется // Независимая газета. 2007. 26 июня. С. 1.
- ⁶² Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. сб. / М.: Росстат, 2009. С. 424.
- ⁶³ Обследование населения по проблемам занятости. I квартал 2010 года. М.: Росстат, 2010. С. 39.
- ⁶⁴ Россия и страны мира. 2008. Стат. сб. / М.: Росстат, 2008. С. 67.
- ⁶⁵ В чем дело // Политический журнал. 2007. 23 июля. С. 9.
- ⁶⁶ Стагнация среднего класса // Независимая газета. 2007. 24 января. С. 4.
- ⁶⁷ Ваганов А. Инновационная матрица // Независимая газета. 2007. 24 января. С. 13.
- ⁶⁸ Долгин А. Копирайт вошел в противоречие со своими изначальными целями // Время новостей. 2007. 14 августа. С. 6.
- ⁶⁹ Каменнов П. От «третьей линии» к мировому уровню // Время новостей. 2007. 16 августа. С. 6.
- ⁷⁰ Кузьмин В. Вопросы Давоса // Российская газета. 2007. 29 января. С. 1.
- ⁷¹ Гуриев С. Не самое высшее образование // Независимая газета. 2007. 29 января. С. А4.
- ⁷² Юнанов Б. Оттепель в Давосе // Новые Известия. 2007. 29 января. С. 4.
- ⁷³ Дерипаска О. Потенциал реформ сверху исчерпан // Независимая газета. 2007. 29 января. С. А5.
- ⁷⁴ Романов И. Учителя побеждают политиков // Независимая газета. 2007. 16 августа. С. 3.
- ⁷⁵ Громов А. Справедливость и буржуазное общество // Взгляд. 2007. 15 августа.
- ⁷⁶ **Модель** — мысленно представляемая или **материально реализованная система**, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте. См., подробнее: Краткий философский словарь, А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев и др.; 2-е изд., перераб. И доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2004. С. 228.
- ⁷⁷ Торкунов А. Дипломатия как двигатель модернизации. 5 августа 2010 г. / URL: <http://opes.ru/1301637.html>
- ⁷⁸ Туроу Л. Будущее капитализма. Цит. по: Маслов А. Инвестиции в человеческий капитал / URL: <http://www.polit.unov.ru/2006/11/07>
- ⁷⁹ Бушуев В. В., Голубев В. С., Тарко А. М. Качество жизни и его индексы: мир и Россия. Уровень жизни населения регионов России. 2010. Январь. № 1 (143). С. 2.
- ⁸⁰ Торкунов А. Дипломатия как двигатель модернизации. 5 августа 2010 г. / URL: <http://opes.ru/1301637.html>
- ⁸¹ Настас Т. Курс на инновации // Независимая газета. 2007. 25 июня. С. А4.
- ⁸² Башкатова А. Рецепты счастья от Всемирного банка // Независимая газета. 2010. 17 июня. С. 4.
- ⁸³ Проект Россия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2007. С. 5.
- ⁸⁴ Новая газета. 2007. № 3. С. 9.
- ⁸⁵ Фадеев В. Год осознания себя как нации // Эксперт. 2007. № 1–2. С. 9.

⁸⁶ Зубченко Е. Мечта патриота // Новые Известия. 2007. 25 января. С. 2.

⁸⁷ Шевцова Л. Доктрина самоутверждения // Независимая газета. 2007. 18 января. С. А4.

⁸⁸ См., например, Подберезкин А. И., Коровников А. В. Россия и глобализация. М.: Финансовый контроль, 2003; Подберезкин А. И., Абакумов С. А. Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004.

⁸⁹ Плетнев К. Инновационные аспекты приоритетного национального проекта «Образование» // Государственная служба. 2007. № 2(46). С. 31.

⁹⁰ Абалкин Л. Взгляд в завтрашний день. М.: Институт экономики РАН, 2005. С. 3.

⁹¹ Миклашевская А., Бутрин Д. Россия — светлое будущее миллиардеров // Коммерсант. 2007. 10 марта. С. 5.

⁹² Стенограмма выступления заместителя руководителя Администрации президента — помощника президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 г.

ГЛАВА 3

ЦЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ — ЭФФЕКТИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ НЧП

Политики — это те, кто думает о следующих выборах.
Государственные деятели — это те, кто думает о будущем.
У. Черчилль

...буря ради бури ничего не стоит...¹.
З. Мигранян

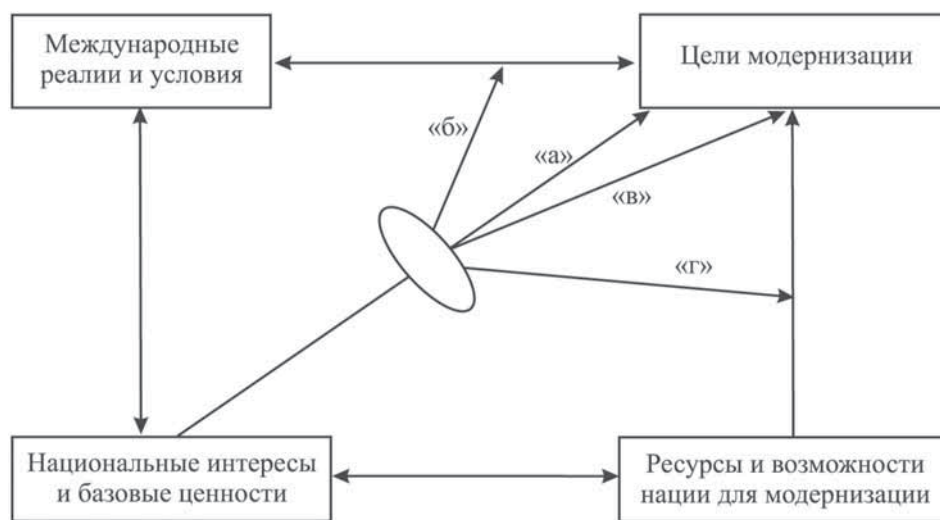

Рис. 1.

Как видно из рис. 1, принципиальное значение при построении адекватной модели модернизации имеют три группы факторов:

- **национальные интересы** (потребности, выгоды, прибыль);
- осознание этих интересов элитой в четкие цели и задачи;
- адекватное распределение ресурсов для достижения поставленных целей.

Надо сказать, что у самой правящей элиты в 2008–2012 годах никакой ясности по отношению к модернизации не было. Нет ее и сейчас. Ни по отношению к **национальным интересам**, ни к целям, ни к ресурсам. Этот вопрос стал еще острее в середине 2012 года во время самых главных выборов (активизация политической борьбы за власть и рычаги управления), когда победил В. Путин — перед ним эти задачи уже стояли, и он создал почву в качестве

стабилизации внутреннего общественного устройства и гражданского консенсуса в обществе, и укрепления вертикали власти для того, чтобы уже сейчас совершить тот самый **качественный скачок** в ускорении умного экономического роста², к которому мы стремимся уже долгое время. Поэтому разработка идеологии способной совершить этот скачок в настоящее время стоит наиболее остро, и не следует думать, что эти задачи не выполнимы (в свое время мы заводы и даже целые отрасли с запада на восток перевозили и здания перемещали) — следовательно, именно идеология развития человеческого капитала способна обеспечить этот скачек.

К 2010 году российская элита в основном и достигла согласия относительно необходимости модернизации. Во всяком случае, — внешне. Вместе с тем основные положения стратегии модернизации оказались не ясными. Это же утвержденные вполне допустимо и по отношению к ресурсам, которыми должно было быть обеспечено достижение этой цели. То есть стратегия модернизации была сформулирована вполне абстрактно. То, что наверняка было ясно в 2011 году это:

- основные идеи предлагались теми же людьми, которые в 90-е и последующие годы предлагали финансовые и экономические реформы и оставались «экономическими идеологами» все это время. Удивительно, что, проваливая каждый раз, они все равно оставались главными поставщиками идей и концепций (потребность в карди-

нальном изменении состава команды управления страной);

- модернизация технологий преимущественно с учетом опыта и возможностей развитых стран Евросоюза и США;
- в минимальной степени планировалось задействовать национальный научный, культурный и образовательный потенциал;
- политика модернизации рассматриваются как политика заимствований западных знаний, опыта и технологий (и что хуже всего — ценностей);
- такая стратегия предполагала, что модернизация в минимальной степени затронет национальный человеческий потенциал как возможный главный ресурс развития, традиционные обрабатывающие отрасли и ресурсную структуру страны.

Графически «стратегию» модернизации, избранную российской элитой к 2011 году, можно изобразить следующим образом (рис. 2).

Как видно из рисунка, у такой «стратегии» (точнее — антистратегии) российской элиты существует два фундаментальных недостатка.

Во-первых, игнорирование главного ресурса модернизации — человека и НЧП в целом, что выражается в минимальном внимании в политическом, медийном и финансовом планах к развитию компонентов национального человеческого потенциала.

Во-вторых, в отсутствии как общего плана (идеологии), так и стратегии модернизации. Именно стратегии, а не частных модернизационных концепций.

Рис. 2.

1. Модель модернизации

...люди держатся, поскольку власть им обещала, что вот-вот, еще немного и цены стабилизируются, заработает рыночная экономика, получившая, наконец, настоящего хозяина, пойдут инвестиции и начнется предусмотренный курсом реформ долгожданный экономический рост...³.

В. Келле

Наука у нас есть. Это ВШЭ.
Других ученых нам не надо⁴.

М. Делягин

Как ни странно, но неудачи экономических реформ и попытки модернизации объясняют лучше всего философы, а не экономисты. Они-то понимают, что без внятного образа, модели, наконец, цели никакой рабочей концепции не сделаешь. Ни модернизационной, ни инновационной, ни любой иной. Но особенность российской правящей элиты, взявшей за модернизацию, заключается именно в том, что мировоззренческие (а, по большому счету, — политические) проекты ей не под силу и не нужны. С начала 90-х годов и по сей день исполнителями таких политических концепций, как правило, выступают узкие специалисты по макроэкономике и финансам, не обладающие ни широким политическим кругозором, ни практическим опытом, но зато успешно использующие имидж «штатных генов». Как заметил М. Делягин: «Наука у нас есть. Это Высшая школа экономики. Других ученых нам не надо».

В политике, идеологии, наконец, в стратегии модернизации чрезвычайно важно четко сформулировать **цель**, которая оформлена в понятный образ, а еще лучше — в ясную модель. Прежде всего, идеологическую модель. И не стоит путать, как это случается сегодня в России, со средствами достижения цели.

Если это образ «Москва — Третий Рим», то, как минимум, становится ясной не только роль православия, но и государства в мире. В свое время эта идеологическая модель стала точкой отсчета построения великого государства, программой действия самых различных политических и социальных сил в России. Прежде, при КПСС, была другая великая модель — построения коммунистического общества, которая при всей нынешней критике, смогла стать осознанной целью и инструментом мобилизации национальной воли и ресурсов и самое главное национальных идей, которые были успешны в мире.

И сегодня не менее важно сформулировать перед нацией такую идеологическую цель, создать такую идеальную модель, которая бы отражала как реальный потенциал России, так и ставила бы ясную стратегическую «сверхзадачу», стремление достичь которую оправдывала бы существование.

Глупо ожидать, что энтузиазм масс, особенно креативной части общества, будет мобилизован для того, чтобы Р. Абрамович купил себе еще одну яхту

или футбольный клуб на западе. Происходит как раз наоборот — отсутствие великой цели в 2008–2012 годы привело к невиданному бегству из России уже не только воровского капитала, но и утечке верхних и даже нижних слоев среднего класса за рубеж, которые не верят в будущее России, а, соответственно не верят ни правящей элите, ни ее планам модернизации общества и экономики. При безусловном улучшении экономической ситуации для верхних слоев нации по сравнению с 90-ми годами, отток «мозгов» и финансов **не сократился**. Как и в последнем десятилетии он составляет от 70 до 90 тыс. человек в год. Подчеркну — лучших людей, убегающих из России.

Между тем мировой опыт показывает, что это не просто возможно, но и необходимо.

В Китае сегодня такая цель — создание государства «социальной гармонии». В США — распространение своих идеалов за пределы страны. В Европе — справедливое и комфортное общество. В России — вот уже много лет — достижение «макроэкономической стабильности». Как видно, политико-идеологические цели заменены на макроэкономические, причем в поверхностном понимании макроэкономике. Странно, но элита не понимает, что лозунг «борьбы с инфляцией» не может никого воодушевить и мобилизовать. И не только потому, что нет результата, но и потому, что это в принципе невозможно.

Модернизация экономики сама по себе не может быть целью как создание разбухших бюджетов и растрат, ибо прямо, непосредственно не соответствует потребностям (интересам общества). Тем более национальным интересам и потребностям. Возвращаясь к известной схеме идеологии, мы можем определить в ней место модернизации как **процесса «усовершенствования, отвечающего современным требованиям»**.

Как видно из рис. 3, в принципе возможны различные варианты модернизации, каждый из которых зависит от того, насколько правящая элита адекватно воспринимает национальные интересы и потребности;

— вариант «а» (неолиберальный), нынешний, слабо отражающий национальные интересы. На рисунке видно, что он, во-первых, неадекватен,

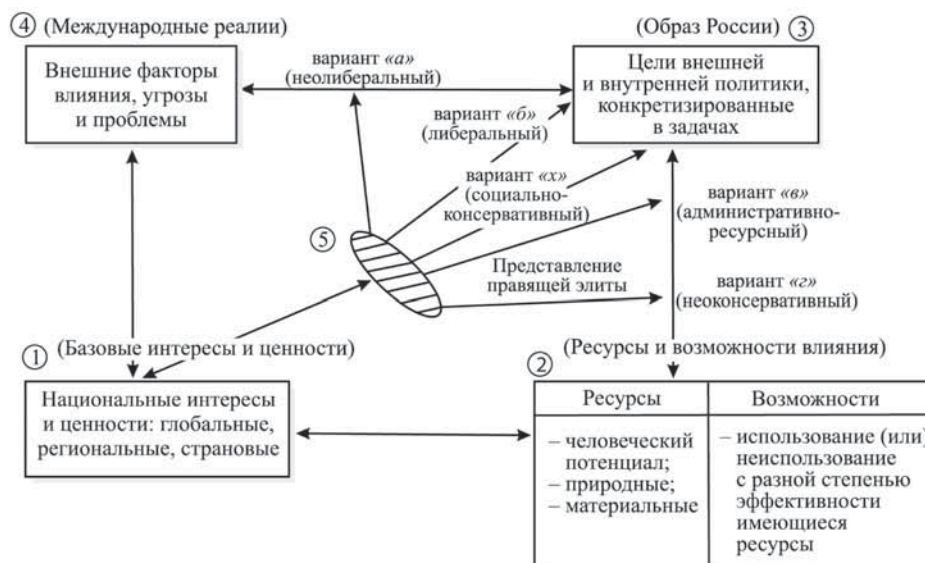

Рис. 3. Модель идеологии как системы

а, во-вторых, во многом зависит от доминирующих факторов международного влияния, однако некоторые наработки этого варианта как свобода конкуренции и равных правах и возможностях следует не забывать;

- вариант «г» (неоконсервативный), который можно назвать политикой «опоры на собственные силы», — малоэффективен, так как изоляционизм вообще противоречит модернизации, хотя в большей степени нам требуется устремить взгляд на внутреннее региональное развитие собственной страны;
- вариант «х» (социально-консервативный), отражающий, на мой взгляд, наиболее адекватно современные реалии и цели модернизации. Такой вариант опирается на социальную идеологию и отражает национальные интересы. Его еще можно было бы назвать «вариантом идеологии русского социализма»;
- остальные варианты — промежуточные, — учитывают в разной степени те или иные аспекты указанных основных трех вариантов.

Если же мы вместо идеологических (и политических) вариантов выбираем некий вариант, при котором в качестве цели развития становится модернизация сама по себе, то мы — политически — должны ответить на «неудобные» вопросы, о которых сегодня элита не задумывается:

1. Зачем мне, лично, нужна модернизация? Что она мне, лично, дает. Каков мой, личный, интерес?
2. Каков интерес моей социальной группы, тех людей, с которыми я работаю и живу?
3. Наконец, каков национальный интерес в модернизации?

Пока мы не дадим ясного ответа на эти вопросы, все «сигналы» обществу, которые ежедневно по телевидению посылают Д. Медведеву и В. Путину, останутся лишь телевизионными картинками.

Теперь о самой экономической модернизации. Во-первых, мы должны ясно определить, что значит «современные требования», а, во-вторых, признать, что этот процесс является всего лишь **одним из элементов стратегии**. Не более того. Причем даже не самым важным. «Современные требования», на мой взгляд, — это высокое качество жизни. Но не только. Это еще и **осмысленное, общественно значимое** качество жизни, которое определяется многими параметрами, о которых сегодня спорят (и всегда спорили) политики, философы, ученые. Если говорить коротко, то, на мой взгляд, «современные требования» это максимально благоприятные условия для самореализации личности в этой жизни. В жизни, которая дается один раз, и которую нужно максимально использовать в целях развития самой личности. В работе эту цель можно рассматривать как стремление максимально реализовать человеческий потенциал нации, т. е. **приблизить показатель НЧП к НЧК**⁵. В идеале — сделать их тождественными. Этот вывод стал банальным уже много лет назад. Во всяком случае, для развитых стран. Не раз об этом в прошлом писал и я. В принципе эффективность элиты и ее экономического управления сегодня определяется:

- во-первых, насколько **полно** реализуется национальный человеческий потенциал в общественно и экономических целях, превращаясь в национальный человеческий капитал;
 - во-вторых, насколько эффективно элита может увеличивать абсолютно и относительно (других частей национального богатства) величину НЧП.
- В простом виде эта формула может быть выражена тождеством.

$$\text{НЧП} = \text{НЧК}$$

где: **НЧП** — должен увеличиваться абсолютно и относительно других частей национального

богатства и, прежде всего, в таких своих критических составляющих, как

- **демография** — (ожидаемая продолжительность образования и доля лиц с высшим образованием);
- **образование** — (продолжительность образования и доля лиц с высшим образованием);
- **наука** — (объемы финансирования и результаты научной деятельности);
- **культура** — (доля граждан, имеющих доступ к достижениям культуры);
- **здравоохранение** — (снижение смертности от отдельных заболеваний);
- **духовность и нравственность** — (способность нации к самоидентификации и стремлению к нематериальным ценностям).

Но реализация НЧП, его превращение в НЧК, во многом предопределяется политикой элиты. Сам по себе НЧП может быть велик. Даже расти. Но до тех пор, пока он не превратится в общественную (национальную) пользу, не станет НЧК, он остается лишь неиспользованным ресурсом.

Если цель и задачи сформулированы элитой достаточно адекватно национальным интересам (потребностям), а в нашем случае я предполагаю, что главной целью общества и государства выступает максимальное развитие национального человеческого капитала, то обязанность власти и элиты разработать **эффективную стратегию достижения этой цели**, опираясь на **все имеющиеся ресурсы**, т. е. превратить НЧП в НЧК. Лучше всего на 100%.

Здесь важно помнить, что, во-первых, ресурсы всегда ограничены (и кризис это показал), а, во-вторых, что эффективная стратегия использует все, а не только часть ресурсов и все имеющиеся экономические методы через эклектику международного опыта и создание новых. У нас часто говорят о ресурсах, ассоциируя их, прежде всего, с бюджетом государства, что не вполне соответствует реалиям и заведомо снижает, причем очень серьезно, возможности национальных ресурсов и эффективность стратегии. «За скобками» остаются многие национальные ресурсы. Прежде всего воля нации, ее мобилизационная способность, творческий потенциал и желание развиваться именно в России.

Но и собственно бюджетные ресурсы (расходная часть уже превышает 600 млрд долл. в год), которые находятся в эпицентре внимания, используются не эффективно.

Сегодня, если воспринимать буквально Бюджетное послание президента России Д. Медведева (а это подтверждают и другие документы), «основными целями и задачами бюджетной политики в 2011–2013 годах» являются следующие⁶:

1. Обеспечение макроэкономической стабильности.
2. Координация долгосрочного стратегического и бюджетного планирования.

3. Обеспечение нацеленности бюджетной системы на достижение конкретных результатов.
4. Разработка и внедрение инструментов поддержки инноваций.
5. Повышение качества человеческого потенциала.

То, что человеческий потенциал находится в системе приоритетов на пятом, последнем, месте — не случайно. Это означает, что и финансироваться он будет не в приоритетном порядке, а по остаточному принципу. Что и подтверждает практика 2009–2011 годов, когда недофинансирование культуры (менее 1% ВВП), например, прямо противоречит закону, в котором предусмотрено финансирование культуры не менее, чем на 2% ВВП страны. Та же самая ситуация наблюдается в науке и образовании, где предполагаемый рост расходов (около 1%) даже не компенсирует темпов инфляции (9%) и роста стоимости жизни.

Заявленные цели и задачи, конкретизируются в объявленных **приоритетах бюджетных расходов**, которые противоречат основным целям. Так, первый приоритет — «повышение эффективности социальной защиты населения» и второй — «оценка возможностей повышения фондов оплаты труда бюджетникам» — противоречат главной цели — обеспечению макроэкономической стабильности, — если, конечно, такие приоритеты не рассматривать просто как пожелания совершенствования бюджетных механизмов.

Налицо путаница в определении целей, приоритетов и средств их достижения, которая, видимо, происходит из-за отсутствия ясного представления и стратегии развития страны. Не объясняет ситуации и заявленный курс на модернизацию, который не конкретизирует это понятие. Пока что, с точки зрения бюджетной политики, оно воспринимается просто как заимствование новой техники и технологий из-за рубежа.

Практические рекомендации нашей элите, представители которой сегодня в очередной раз «модернизируют» стратегию развития и модернизации, заключаются в следующем:

Во-первых, если этим занимаются те же люди (эксперты и чиновники), которые уже не раз и даже не пять раз за последние 20 лет доказали свою несостоятельность, то начинать надо именно с людей. Необходимо формирование **новой команды экспертов**, способных предложить **новые идеи и концепции**, а не скорректировать в очередной раз неolibеральную макроэкономическую политику.

Во-вторых, необходимо не шараться от слов «нация», «национальные интересы» и «идеология», которые лежат в основе **любой** национальной и государственной стратегии в любой стране — США, Китае, Франции и даже Гонконга. Необходимо ясно и конкретно определить национальные интересы и максимально четко сформулировать и национальные цели, формирующие будущий облик России.

При создании такого будущего образа для России, а тем более идеологической модели страны, очень важно абстрагироваться от сиюминутных, тактических соображений. В том числе макроэкономического порядка. Даже очень верных, таких, например, как «сбережение нации», а тем более — «модернизация». Спасение нации от ошибок прежнего руководства, как стратегическая цель, не может ни вдохновлять, ни мобилизовать. Необходимо что-то более масштабное и долгосрочное, например, превращение России в мирового культурного и научного и экономического лидера.

В-третьих, необходимо отделить политическую конъюнктуру, момент сегодняшнего дня от долгосрочных интересов нации. Из смысла эпиграфа, в котором цитируется У. Черчилль, видна принципиальная разница двух идеологий — «публично-политической» и национальной, отражающей долгосрочные общенациональные интересы (которая, отнюдь, не всегда и не всеми отражается в публичной форме). Для нации, естественно, принципиальное значение имеет не публично-политическая, а общенациональная реальная модель⁷ будущего, том числе модель модернизации, которая может стать **консолидирующей общество целью развития**, хотя, надо признать ее контуры в последние годы просматриваются.

Сегодня правящая элита не может внятно показать нам будущую модель:

- нации, отрицая само это понятие и вводя неуклюжие и неприемлемые термины вроде «россияне» или «народы России». Споры об этом обострились в 2010–2012 годах, что свидетельствует о замалчивании и стыдливом уходе от этой проблемы и не способны ее решить.

Я, например, полагаю, что национальная модель может быть построена только на развитие русской культурной общности, — когда нация определяется общностью:

- а) языка;
- б) культуры;
- в) истории;
- г) интересов;
- д) представлениями об общем будущем.

- У элиты нет внятного ответа и о будущей модели государства, в частности, нет определенности в отношении:

- а) его федеративного устройства;
- б) социальной политики;
- в) внешнеполитических интересах;
- г) отношения к постсоветскому пространству и т. д.

У этой модели есть, как минимум, два важных принципа:

- во-первых, Россия должна внятно заявить о том, что она выбирает имперскую модель государства, в т. ч. и по отношению к бывшим советским республикам;

- во-вторых, она должна взять ответственность за всех брошенных и разбежавшихся по миру русских;

- у элиты нет внятного ответа и на вопрос о будущем модели общества. Если сегодня продолжают модернизировать и усиливать всё ту же социальную несправедливость, которая была реальной политикой элиты, то у такого общества, кроме крошечного меньшинства воров и коррупционеров, не будет никакой социальной поддержки.

Пока что все разговоры о гражданском обществе в России остаются пустым звуком. У него нет ни власти, ни ресурсов. Ни даже авторитета. И такое псевдodemократическое, либеральное общество может, как уже показали последние 20 лет, **только уничтожить нацию**.

В интересах нации, на мой взгляд, является усиление авторитаризма, даже введение новой мягкой диктатуры, как меры борьбы с разрывыванием национального богатства и неспособностью элиты к управлению.

В нынешней России в программах партии и заявлениях лидеров такие модели, к сожалению отсутствуют. В лучшем случае звучат пусть правильные, но тактические, очень заземленные лозунги, ориентированные на то, чтобы направить элите и сообществу некие «сигналы». Но этого мало. Нужны не сигналы к модернизации, а модель всей национальной политической, общественной и экономической системы модернизации.

Программы партий и отдельных политиков, на которые влияют сиюминутные, конъюнктурные цели, как правило, ориентируются на ближние и срочные тактические цели — выборы. В этом смысле, они имеют не только ограниченный — тактический — временной настрой, но и, как правило, в них отсутствуют сколько-нибудь стратегические перспективы. Их подменяют выступления политологов, футурологов, культурологов и прочих экспертов. А между тем значимый результат требует времени. Например, Методология ФРАСКАТИ, основанная на детальной информации в США о затратах на науку, начиная с 1920 г., в ней учитывался временной лаг между периодом осуществления НИОКР и периодом их воплощения в накопленном человеческом капитале как приросте запаса знаний и опыта. Средний срок службы этого вида капитала был принят равным 18 лет. Результаты расчетов оказались близки к результатам других исследователей. Алгоритм расчетов был следующим.

1. Суммарные текущие расходы на науку (на фундаментальные исследования, прикладные исследования, ОКР).
2. Накопление за период.
3. Изменения в запасах.
4. Потребление за текущий период.
5. Валовое накопление.
6. Чистое накопление.

Табл. 1. Интенсивность труда в разных странах

	Работают часов в год	Производительность труда на одного работающего, тыс. долл.
Американец	1820	60,7
Француз	1550	52,5
Немец	1460	42,5
Россиянин	1740 (2000 г.)	11,1 (2001 г.)

Представляется, что в качестве стратегической цели развития России можно предложить свою идеологическую модель, основанную на российских интересах и ценностях, но способную впитать лучшие достижения современной цивилизации. Эта цель — создать **лучший в мире национальный человеческий потенциал**, основанный на достижениях национальной культуры и духовности, но, одновременно, учитывающий современные реалии. И второе. Суметь реализовать НЧП, превратить его в НЧК. Соответственно должна быть сформирована и **структура приоритетов финансирования**, которая должна отражать структуру инвестиций в человеческий потенциал, а именно:

1. Образование, подготовка на производстве.
2. Здравоохранение.
3. Мотивация.
4. Поиск информации и миграция.
5. Фундаментальные научные разработки.
6. Экология и здоровый образ жизни.
7. Культура и досуг.
8. Рост доходов через повышение заработной платы.

Особое значение в тактическом, «сегодняшнем» плане, имеет политика стимулирования роста доходов и расходов граждан. Сегодня, под предлогом борьбы с инфляцией, доходы населения растут медленно и очевидно не обеспечивают ни рост НЧП, ни покупательную способность, ни развитие рынка, ни рост производительности труда. Необходимы немедленные решения:

- о росте минимальной зарплаты, которая должна составлять, как минимум, три прожиточных минимума (который, кстати, должен быть пересмотрен);
- о росте стипендий, пособий и пенсий в разы, а не на проценты, которые сегодня не компенсируют даже темпы инфляции;
- об увеличении заработной платы представителям творческого класса, прежде всего, ученым, инженерам, преподавателям до общеевропейского уровня.

Понятно, что реализовать такие решения одновременно невозможно. Поэтому план их реализации возможен на среднесрочную перспективу и реализацию уже сегодня. В этом случае разрывается и порочный круг дефицита бюджета: рост заработной платы ведет к росту производительности труда, которая, напомним, в 3–4 раза ниже, чем в развитых странах. Кроме того, растет внутренний спрос, качество жизни, душевой ВВП, а, в конечном счете, НЧП.

Наконец, инвестиции в НЧП ведут к быстрой отдаче и настоящей инновационной политике, когда здравоохранение, например, сможет стать отраслью, определяющей уровень научно-технического прогресса и инноваций. Как это уже случилось в Европе. И не только со здравоохранением, но и образованием, и наукой.

И последнее. Если национальный человеческий капитал составляет до 75% национального богатства развитых государств, то логично предположить, что и масштабы финансирования должны распределяться, как минимум, пропорционально, а с учетом предыдущего недофинансирования, — в еще больших пропорциях. Это означает, что расходы всех видов бюджетов — федерального, регионального, местных — должны составляться таким образом, чтобы на финансирование НЧП шло **не менее 75%**. Остальное — государственным институтам на обеспечение их деятельности. Сегодня происходит с точностью наоборот.

Инвестиции в человеческие ресурсы в развитых странах мира выступают важнейшим фактором экономического роста и повышения конкурентоспособности как на микро-, так и на макроуровнях. При этом инвестиции в человека, в его интеллектуальный потенциал обладают безусловной выгодой, ибо дают длительный, ограниченный лишь биологическими параметрами времени, интегральный эффект.

Главным условием достижения устойчивого развития экономики является накопление и сохранение человеческого капитала, проведение в жизнь стратегий, побуждающих людей совершенствовать свои навыки и умения на протяжении всей жизни посредством непрерывного обучения и профессиональной подготовки⁸.

Другими словами, инвестиции в НЧП можно и нужно рассматривать как самые приоритетные, эффективные и беспроигрышные инвестиции государства, в данном случае консолидированного бюджета, способные обеспечить быстрый и, главное, качественный экономический рост. Его влияние изображено на рис. 4⁹. Это справедливо как для государства, так и отдельных корпораций.

Подобные выводы предполагают, что модель модернизации может быть построена на основе модели приоритетного развития и эффективного использования НЧП и во взаимосвязи со всей системой идеологии, которая графически может быть представлена следующим образом (рис. 5).

Возвращаясь к мысли об эффективности реализации НЧП, превращении его в НЧК, необходимо

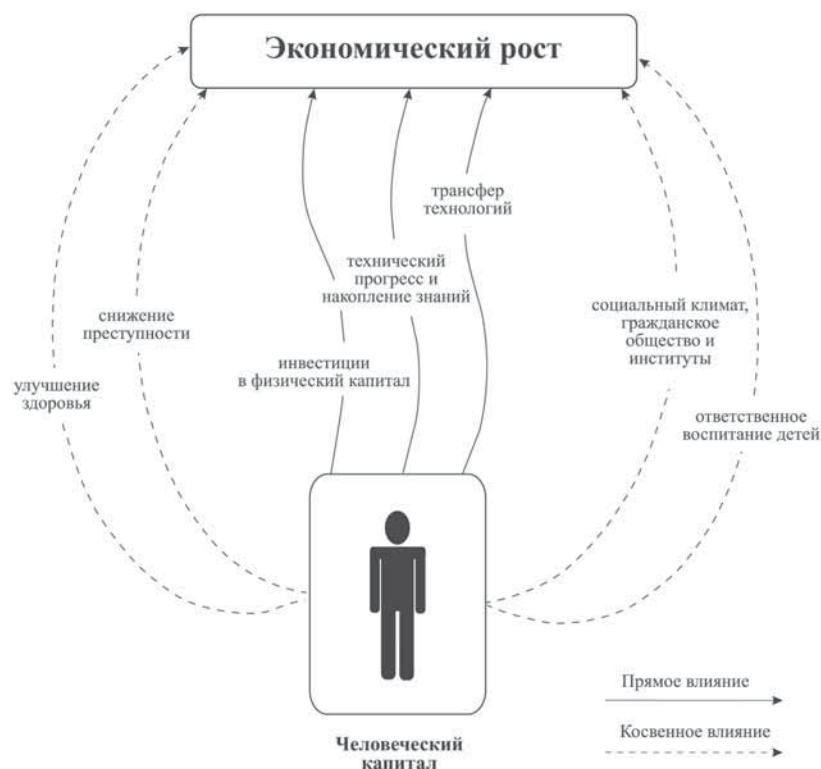

Рис. 4. Каналы влияния человеческого капитала на экономический рост

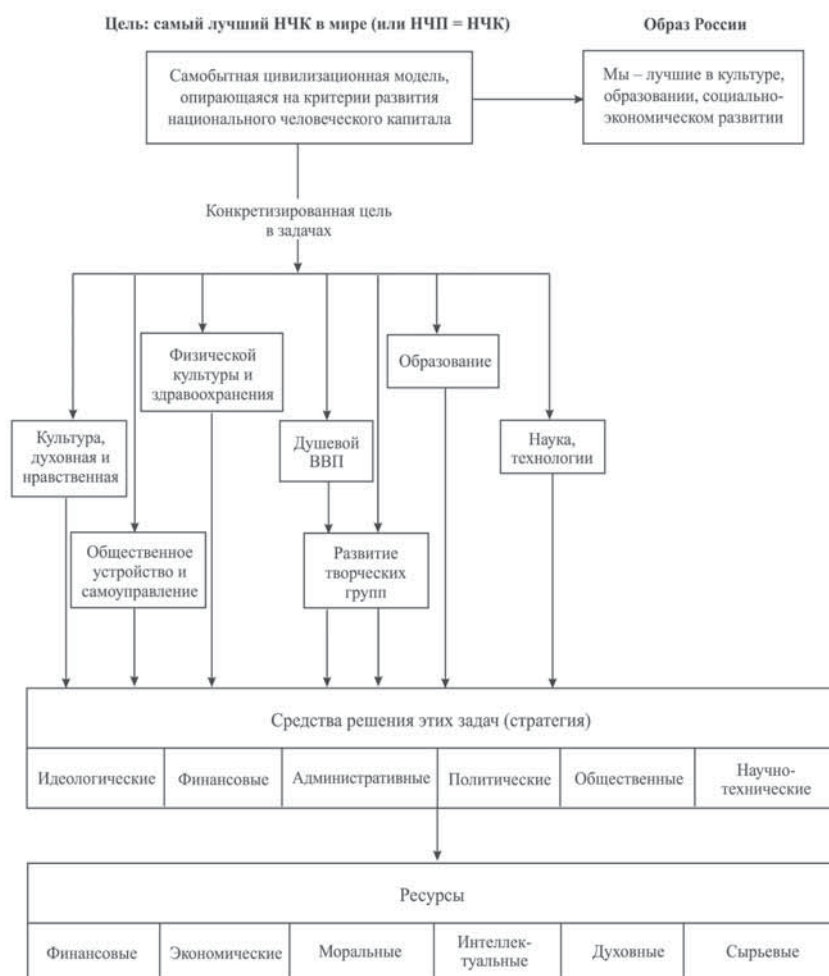

Рис. 5. Модель модернизации России

сказать, что здесь очень многое зависит от эффективности управления правящей элитой нацией (а не только государственными и общественно-политическими институтами). Эта эффективность, условие, может быть очень низкой или высокой. В конечном счете, все зависит от степени реализации поставленных задач. Так, условно, это можно изобразить следующим образом (рис. 6).

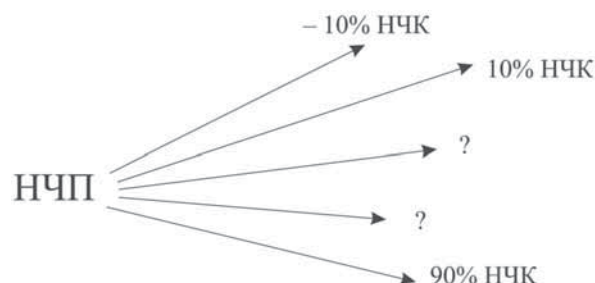

Рис. 6. Эффективность реализации НЧП

Критерий эффективности — общественная и экономическая польза, которая, как мы видим, может быть очень разной. Если сегодня, как свидетельствуют некоторые данные, «откаты» достигают 60%, а иногда (чему есть немало примеров) средства целиком разворовываются, то можно говорить, что эффективность реализации вряд ли превышает 10–15%. При этом у нации сохраняются огромные неиспользованные ресурсы НЧП. Даже на первый взгляд они выглядят внушительно:

- безработные и частично безработные — 5–10 млн чел.;
- часть активного населения, не участвующая в производственной деятельности вообще — 10 млн чел.;
- сокращение научного персонала — на 60%;
- сокращение сроков обучения — 1–2 года;
- сокращение продолжительности жизни и значительное число смертности от разных причин (наркомания, алкоголизм, травматизм и т. д.) — 50 тыс. ежегодно.

Такая модель должна решить две важнейших задачи:

Во-первых, идеологически и политически заменить доминирующую макроэкономическую модель, существующую в России последние двадцать лет с точки зрения приоритетов — экономических, бюджетных, социальных и, в конечном счете, идеологических, — определить главную цель социально-экономического развития, вытекающую из этой цели задачи, соответственно перераспределить ресурсы и настроить механизм государственного управления на решение этих задач. Пока что, как видно из Бюджетного послания президента на 2011–2013 годы, признается, что главной целью объявляется «всесторонняя модернизация экономики», для чего в качестве **самой приоритетной задачи** заявляется «обеспечение макроэкономи-

ческой стабильности» (сбалансированный бюджет, снижение бюджетного дефицита, «предсказуемая инфляция»). Этой цели фактически подчинена вторая и третья задачи — координация бюджетного планирования и ориентация бюджетной системы на результат. И только третья и четвертая задачи посвящены «созданию инновационного климата» и человеческому капиталу¹⁰.

Пока что все «инновационные усилия» власти не привели ни к чему. Точнее — к провалу, как признают исследователи МГИМО(У): «...динамика инновационной активности предприятий подтверждает генеральный вывод о **стагнации** в сфере инноваций в 2002–2008 годах. Удельный вес фирм, осуществляющих технологические инновации, в общем числе промышленных предприятий не превышал 3–10%, тогда как в Германии этот индикатор составлял 69,7%, Испании — 37% и даже Румынии — 21,9%, а среднее значение по Евросоюзу — 40%»¹¹. Таким образом, **макроэкономическая модель развития** с инновационной точки зрения за 2002–2012 годы **оказалась провальной**. Это был вынужден признать в 2010 году даже Д. Медведев.

Странно, но «исправить» эту модель поручили тем же, кто ее и разрабатывал — МЭР и «общественным независимым экспертом во главе с В. Мау, который поспешил привлечь дополнительные силы из среды все тех же либеральных экономистов — Е. Гонтмахера и других.

Примечательно, что недостатка в рекомендациях не было и нет. Причем такие, как из Нью-Йоркской академии наук предлагают и существенные коррективы¹². Но все эти концепции и даже инновационные модели предназначены либо для отдельных регионов, либо исключительно для внедрения инновационных технологий. Тем более, они не ориентированы в качестве национальной политической программы. Видимо, предполагается, что такая программа и стратегия страны не нужны.

Замена макроэкономической модели на модель, ориентированную на развитие НЧП, необходима **по политическим причинам** и в соответствии с **политическими особенностями** развития России. Профессор МГИМО(У) М. Мунтян, например, выделяет, как минимум, восемь таких особенностей **политической модернизации**, без которой невозможна технологическая модернизация. «Сразу же подчеркну, — пишет профессор, — что эти политические условия модернизации решаются **только и исключительно политико-идеологическими мерами**, которые в сегодняшней политике власти присутствуют слабо. Изложу их в своем, личностном понимании»¹³.

Первая особенность — «нерасчлененность» политических и экономических, а также социальных и личностных отношений. Политика пронизывает все сферы жизни общества, когда ни один, в том числе экономический, вопрос не решается без властных структур.

Вторая особенность — отсутствие единства элиты в реализации поставленной цели модернизации и в целом — единой системы ценностей.

Третья особенность — отсутствие реальной политической стабильности, инструкторизованность политического процесса, когда малейшие изменения в элите ведут к конфликтам, смене (порой радикальной) приоритетов и политики.

Четвертая особенность — слабая обратная связь общества с властью, когда интересы различных социальных групп «не слышат». Это относится прежде всего к творческим социальным слоям, которые не создали инструментов политического влияния, а власть обращается к ним только в том случае, когда сама этого захочет.

Пятая особенность — монополизм власти, когда принимаемые решения выглядят необоснованно, т. е. «непрозрачность» процесса принятия решений по важнейшим вопросам, которые «спускаются сверху» и ответственность за которые не ясна.

Шестая особенность — преобладание «политических клиентов», лоббирования своих узкогрупповых интересов, иногда во вред общенациональным.

Седьмая особенность — острое противоборство элиты, ориентированной на совершенно **разные системы ценностей** — от коммунистической до либеральной. Создание относительно единой системы ценностей, объединенных в идеологию для элиты, — неотложная и приоритетная задача. На мой взгляд, ее в состоянии сегодня решить только социально-консервативная идеология, ориентированная на развитие национального человеческого капитала.

Наконец, **восьмая особенность** — маргинализация российского общества, когда лидеры и элита вынуждены учитывать позицию и мнения тех социальных групп, которые не определяют эффективный вектор развития.

Действительно, как либеральная, так и коммунистическая части элиты, «оффшорная элита», либерально-демократическая и проч., не способны адекватно воспринимать национальные интересы и реализовывать эффективную стратегию, но они — следует признать — участвуют в политическом процессе. Монополизм «Единой России» — мнимый. Не объединенная идеологией, раздираемая элитами, эта партия не способна противопоставить маргинальным группам, в т. ч. «оффшорной элите» внятную идеологию и стратегию развития.

Можно, конечно, во многом не соглашаться с М. Мунтяном, но факт остается фактом: отсутствие консолидированной позиции элиты во многом объясняется тем, что **отсутствует идеология для такой консолидации**. Более того, этого правящая элита даже не понимает и не хочет понимать, увлекаясь «частными» концепциями, деталями, технологиями и «сигналами».

Отсутствие долгосрочных идеологических целей и реалистичных моделей, образов, сформули-

рованных перед нацией, представляет возможность другим силам (в т. ч. за рубежом) «рисовать» наше будущее, а через это и объяснить настоящее. «Модель модернизации» воспринимается иногда прямо противоположно. Так, например, бывший советник В. Путина А. Илларионов сделал «стратегический прогноз» развития России и ее места в мировой экономике после Международного форума в С.-Петербурге в июне 2007 года, который заканчивается вполне определенным политико-идеологическим выводом: «У России сохраняется исторический шанс, если нынешний политический и экономический курс, исполнителями которого сегодня выступают оба первых вице-премьера, будет свернут. У России нет шанса, если этот курс будет продолжен»¹⁴.

По сути, он вступил в идеологическую дискуссию с Д. Медведевым и С. Ивановым, которые в своих выступлениях на форуме нарисовали вполне оптимистическую картину будущего России. Накануне кризиса 2008–2010 годов. Так, главный тезис Д. Медведева был сформулирован абсолютно адекватно современным реалиям и, может быть, впервые прозвучал из уст одного из руководителей Правительства: «Главная цель государства — развитие потенциала человеческой личности». Не возражая ему по существу, А. Илларионов «просто» записал его в число сторонников «ресурсной экономики», которая обречена вместе с проводимым курсом. Это — чисто идеологическая уловка, «обставленная» экономическими аргументами, однако работает до тех пор, пока у того же Д. Медведева нет ясно сформулированной модели будущего.

Дискуссия о модернизации продолжалась все последующие годы. Причем с полярных позиций. Общих точек соприкосновения находилось крайне мало, что свидетельствует о том, что в политическом плане Россия продолжает оставаться в «переходном периоде», а также, что система ценностей до конца еще так и не определена. Модернизация **в таких политических условиях обречена**. Что, собственно, и происходит. Общеизвестно, что нынешняя политика модернизации результатов не приносит.

Сегодня возвращение в программы политиков и публичную риторику адекватных стратегических и идеологических ориентиров, в данном случае образа будущей России, **становится важнейшей задачей**. Эта проблема все чаще становится предметом обсуждения в СМИ, как правило, теми немногими авторитетными экспертами, как, например, С. Капица, поднявшим эту тему на первом канале 11 февраля 2011 года. И, надо, наконец-то, признать открыто — задачей политико-идеологической. Пока что это констатируют только некоторые эксперты. Повторю, что на общенациональном уровне такие попытки отсутствуют. Так, на состоявшемся еще 13 марта 2007 года круглом столе «Человеческий потенциал в стратегии развития», в котором принял участие Д. Медведев, тема стратегического выбора звучала особенно остро. Один из участников, политолог В. Никонов,

в этой связи заметил, что «созрел не только запрос на идеологию и моральную политику», но и этот запрос «надо реализовать в рамках долгосрочной идеологической концепции». Действительно, социальный запрос на будущую модель созрел. И этот запрос очевидно идеологический. Но с тех пор практически так ничего и не изменилось, хотя прошедшие годы только подтвердили актуальность задачи¹⁵.

Этот вопрос прямо связан с выбором и распределением средствами достижения поставленных целей. Формулируя правильную, адекватную времени цель, мы, как правило, уже вплотную подходим к правильному выбору **средств её достижения**. Не удивительно, что, не сформулировав такой цели, предлагаемые средства модернизировать Россию оказываются неэффективными. Кризисные 2008–2010 годы показали, что отсутствие внятной идеологии развития НЧП привело в условиях кризиса к провалу социально-экономической и промышленной политики, и сильной зависимости извне. В те же годы Китай, Индия, Германия, Бразилия и ряд других стран успешно развивались.

Так, увеличивать ВВП можно по-разному. И, привычно, за счет продажи ресурсов или высоких темпов инфляции. Тогда мы увидим бешеные темпы роста ВВП, но стагнацию в инновациях. И за счет роста качества НЧП, в частности, образования. По некоторым оценкам, повышении продолжительности образования на один год ведет к увеличению ВВП на 5–15%¹⁶. Сомневаюсь, что это так, тем более, что нужно время для появления результата. Но, все же... Интересно, а сколько бы значил ВВП России, если бы выделенные банкам, госкорпорациям и другим институтам во время кризиса триллионы (!) рублей были потрачены на развитие НЧП (увеличение спроса, конечное потребление, образование, науку, культуру, разработку собственных технологий)?

Россия, миновав системный кризис, стала, как сказал Д. Медведев, в 2007 году «другой страной»¹⁷. Но вот какой? — вопрос остается до сих пор открытым. Еще труднее дается вот уже более четырех лет ответ на

вопрос: **какую** Россию мы хотим в будущем? Налицо **политико-идеологическая стагнация**, продолжающаяся, как минимум, с 2007 года по настоящее время. Прошли парламентские и президентские выборы, были выдвинуты и забыты концепции и стратегии, но, приходится признать, что **реального движения нет**. Буксует не только идея модернизации и инновации, хотя Д. Медведев и В. Путин за эти годы выдвинули сотни инициатив, создали десятки структур и институтов. Этот срок очень большой для того, чтобы убедиться в том, что есть существенная, системная ошибка. Именно с 2007 года движение остановилось и началась политико-идеологическая стагнация. Что, кстати, очень хорошо отмечается в общественном мнении, которое становится все более оппозиционным по отношению к тандему Д. Медведева — В. Путина.

Подтверждением перехода России в новое состояние стали два программных выступления в начале 2007 года — в Мюнхене — В. Путина и в Давосе — Д. Медведева, которые констатировали, что страна вышла из глубокого кризиса и вернулась в активную мировую политику. Но, вот, **какую** активную политику Россия будет проводить в мире и внутри страны, — этот вопрос остается во многом открытым до сих пор, а ведь прошло более четырех лет! Уверен, что отсутствие результата — вызвано во многом отсутствием **реального сдвига в общественных настроениях и элите по поводу** важнейших мировоззренческих вопросов, одним из которых является **выбор идеологической модели развития**. Налицо политико-идеологическая **стагнация**, которая сдерживает развитие страны последние годы, в т. ч. все идеи модернизации и инноваций.

Эта же стагнация отнюдь не сдерживает достаточно бурных идеологических и политических латентных (скрытых) процессов, которые могут вот-вот вырваться наружу. Как в Тунисе или Египте. Или на Манежной площади. Если властная элита не представит нации масштабный политико-идеологический проект. Заменить его очередной макроэкономической концепцией не удастся.

2. «Стратегия» стагнации 2007–2010 гг.

...это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии¹⁸.

Д. Медведев

Никакая модернизация не возможна без квалифицированных специалистов, талантливых ученых, без качественного образования и постоянного профессионального обучения¹⁹.

Д. Медведев

Следует признать, что Россия фактически остановилась в своем развитии в 2007–2010 годы, вступила в стойкую фазу стагнации. И не только из-за

того, что Россия хуже других стран перенесла кризис 2008–2010 годов, но и из-за того, что ресурсы экстенсивного развития были окончательно исчерпаны.

Даже рост цен на энергоносители в 2011 году свыше 100 долл. за баррель не исправляет ситуации.

Эта стагнация, как и кризис 2008–2010 годов, объясняются идеологическими причинами. Меньше всего, как ни странно, об этом говорили в России в период кризиса, из которого «выползли» за счет роста цен в 2010 году, дав крошечный прирост в 4%. Итоги развития России последних лет и последнего десятилетия иллюстрирует динамика ИРЧП за последние годы. Так, исследователь МГИМО(У) М. Гебеков, пишет, что с показателем ИРЧП, равным **0,719**, Российская Федерация в Докладе о развитии человека 2010 заняла 65 место, войдя в группу стран с высоким уровнем развития ИРЧП, и находится между Албанией «сверху» и Казахстаном «снизу». В лидирующую пятерку по уровню развития ИРЧП попали: Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, США, Ирландия с показателями, равными соответственно: **0,938; 0,937; 0,907; 0,902; 0,895**.

«За весь период исследования показатель ИРЧП РФ (данные за 1990–2010 гг.) в среднем рос на 0,19 % в год и смог достичь уровня 1990 г. только в 2005 г. Наибольшими темпами индекс рос во второй пятилетке двухтысячных годов, когда темпы его роста приблизились к темпам прироста наиболее быстро развивающихся стран (за период с 2005–2010 гг. индекс РФ переместился на три строки вверх, а среднегодовой прирост 2000–2010 гг. — 0,82%)». Хочу подчеркнуть, что при росте цен на нефть и экстенсивной модели роста ВВП. Россия фактически стояла на месте. В это время «...наибольшие успехи в гуманитарном развитии человека добились некоторые страны Западной и Восточной Европы, Северной Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, Персидского Залива, Латинской Америки». Хочется обратить внимание, — пишет М. Гебеков, — на Южную Корею, которая переместилась **на 8 строк выше с темпами прироста 1,18% за тот же период**, что отражает стремительный рост качественных составляющих экономики и образования за последние два десятилетия. Прирост ИРЧП Китая за период 1980–2010 гг. составил почти 2%, что является одним из самых высоких показателей, позволил переместиться в рейтинге за последние пять лет на 8 строк вверх и придвинуться вплотную к странам с высоким уровнем развития человеческого потенциала»²⁰.

Причины такого отставания также иллюстрирует ИРЧП. Как и наши слабые стороны: «Россия пока еще значительно опережает все страны БРИК, что связано с большой разницей в количестве населения, уровне образования и доходах на душу населения, однако по уровню долголетия мы уступаем Бразилии и Китаю и лишь не на много опережаем Индию. Также интересно то, что **по средней продолжительности обучения в 2010 г. нас опередили наши ближайшие соседи: Беларусь, Украина, Азербайджан, Казахстан**, не говоря уже о развитых странах, что показывает тенденции в падении уровня образования

в РФ (спасибо А. Фурсенко). Если учесть тот факт, что индекс продолжительности жизни в РФ снижался в период 90-х и стабилизировался на низких уровнях ближе к середине двухтысячных годов, следует отметить, что основной вклад в достаточно высоком росте ИРЧП в период 2000–2010 гг. внес **именно рост индекса доходов на душу населения в РФ, и значительная разница** между рыночным курсом рубля к курсу рубля по ППС, т.е. за счет фактического снижения уровня жизни населения.

Россия остается все эти годы все ещё без внятной идеологии, а, соответственно, и внятной стратегии развития, которых заменили, «модернизация» и «инновации» (а до этого «Стратегия 2020», о которой «забыли» после 2008 года). Вместе с тем нельзя говорить, как это бывало прежде, о шарахании руководства страны от одной системы ценностей к другой. Существует уже некий «ценностной коридор», в рамках которого происходит смена акцентов и уточнение приоритетов, некие «контуры» идеологии, когда **система взглядов** еще не устоялась (из-за политических особенностей, о которых говорилось выше), когда элита в своем большинстве **уже** знает и понимает, что **не надо** делать, но **еще не знает, что**, а, главное, **как** делать. Даже нашумевшая речь Д. Медведева в МИДе в июле 2010 года, когда заговорили о «полном развороте отечественной внешней политики в фарватер Запада»²¹, свидетельствовала о том, что внесенные коррективы — всего лишь очередная попытка Д. Медведева сконцентрировать внимание элиты на модернизации. Стагнация 2007–2010 годов характеризуется отсутствием реально реализуемой стратегией, ее подменной рефлекторными действиями, так называемым «ручным управлением», часто противоречивыми, бессистемными и, как следствие, безрезультативными действиями. «Подушка безопасности», ради которой до 2008 года финансы не инвестировались в экономику, оказалась очередной фантазией либералов».

Нельзя, на мой взгляд, говорить и о том, что у проводимого курса абсолютно нет никаких результатов. Все зависит от того, с чем сравнивать. И тут мой подход совпадает с подходом американского автора М. Адоманис, который считает, что «есть две причины, и обе довольно просты. Во-первых, сами русские смотрят в будущее с все большим оптимизмом, потому что они рожают больше детей, чаще вступают в брак, реже разводятся, дольше живут, меньше попадают в аварии и сталкиваются с несчастными случаями, реже напиваются до смерти, и все реже убивают себя (и друг друга). Снижение преступности и количества самоубийств, а также рост рождаемости, числа браков, продолжительности жизни, что наблюдается в России с 2000 года, и особенно после 2004 года — вот чего можно ждать от общества, которое все больше уверено в себе и делает скромные успехи в социальной и экономической областях. На всем протяжении 1990-х и впервые годы

правления Путина суммарный коэффициент рождаемости твердо установился на уровне 1,2, а затем с 2006 года началось его существенное увеличение (согласно прогнозам, в 2010 году он составит около 1,6, что выше показателей большинства стран Центральной и Восточной Европы).

Во-вторых, и это, наверное, даже более важная причина, чем первая, в 1990-е годы ситуация была настолько ужасной, настолько катастрофической, столь непостижимо страшной и мрачной, что ниже опускаться было уже некуда, можно было только идти вверх. Многие западные представители до сих пор не осознают всю глубину падения России вместе с коммунизмом, потому что анализ краха общества крайне сложен и часто приводит в замешательство»²².

Но если взять период 2007–2010 годов, то ссылаться на такое сравнение уже нельзя. Пик 2007 года оказался пиком не только политики «прагматизма» В. Путина, но и тандема В. Путина — Д. Медведева. Далее ситуация — и общественная, и социально-экономическая — развивалась уже по нисходящей или, если так можно сказать, стагнирующей кривой. Повторю, что кризис 2008–2010 годов не объясняет в целом и окончательно причин этой стагнации, которые кроются в том, что модель экстенсивного развития России была исчерпана еще до кризиса.

Конечно же были и позитивные моменты в этот период развития страны, но они не объясняются управляющим воздействием элиты, скорее, действовали вопреки. Нельзя, например, игнорировать тот факт, что в самой запущенной сфере — информационных технологий — РАН готов закончить суперкомпьютер, производительностью в тысячу триллионов операций, для которого создали самые экономичные алгоритмы²³. Но подобные примеры являются скорее исключением, чем положительной тенденцией. Общее отношение к образованию в 2007–2011 годы, безусловно, сказалось и на его качестве, и на информатизации в целом. Тем более, что между ними обнаружилась прямая зависимость. Как признают эксперты ИНСОР, исследования показали, что уровень развития **ИКТ в значительной степени корре-**

лирует с численностью студентов. В силу сложившейся образовательной инфраструктуры и особого статуса Москва и Санкт-Петербург служат центрами притяжения студентов из других субъектов РФ. В Санкт-Петербурге на 1000 жителей приходится 98,5 студента, в то время как Ленинградская область по числу студентов занимает 81-е место, опережая лишь Ненецкий и Чукотский АО. В итоге, несмотря на достаточно высокую численность исследователей в составе рабочей силы (26-я строка в рейтинге субъектов РФ), Ленинградская область оказалась на одном из последних мест по уровню развития человеческого капитал» (рис. 7)²⁴.

Эта же «стратегия» стагнации продолжалась уже и по завершении кризиса. Казалось бы, нужно было сделать выводы, но инерция стагнации продолжалась уже когда кризис завершался, а именно в 2010 году. Так, в Бюджетном послании на 2011–2013 годы президент России включил в число приоритетных задач (пятой по счету и последней по приоритетности) задачу «повышения качества человеческого потенциала», которую он конкретизировал следующим образом:

«Никакая модернизация не возможна без квалифицированных специалистов, талантливых ученых, без качественного образования и постоянного профессионального обучения.

Необходимо стремиться к росту научного потенциала нашей страны, накоплению объектов интеллектуальной собственности, обеспечению в этих целях преемственности поколений в сфере научных исследований и технологических разработок, привлечения и закрепления в ней молодежи.

Помимо развития собственных научных школ, следует уделять внимание привлечению высококвалифицированных иностранных специалистов, а также способствовать повышению квалификации российских специалистов в зарубежных учебных заведениях»²⁵.

Этот дежурный реверанс в сторону НЧП президентом оказался не подкрепленным реально ни финансами, ни административно. Даже хуже,

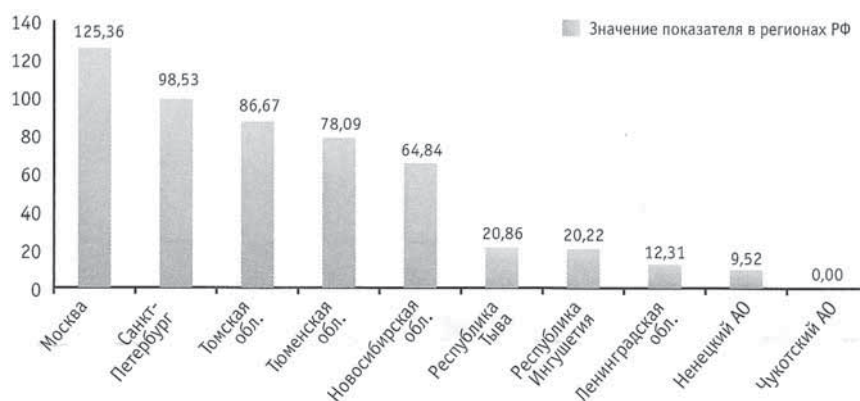

Рис. 7. Наибольшие и наименьшие значения показателя числа студентов на 1000 человек населения у регионов России, начало 2007/2008 уч. г.

финансирование компонентов НЧП в 2011 году фактически сократилось (с учетом инфляции), т. е. ситуация на 2011 год сохранилась в том же положении, как и в предыдущие годы.

Это видно на примере деградирующего образования: сокращение продолжительности образования, даже кризис во всей системе образования России в 2010–2011 годы резко контрастирует с оценкой приоритетов Д. Медведевым в Бюджетном послании: «Серьезнейшее внимание должно быть уделено как образованию, так и улучшению здоровья граждан, формированию здорового образа жизни, созданию условий для повышения трудовой и творческой активности»²⁶.

Внешнее, публичное внимание к приоритетам НЧП оказывается не подкрепленным реальной политикой и стратегией в 2007–2010 годы. Вместе с тем отражает внимание, что в этой среднесрочной (на три года) постановке задач Д. Медведевым ясно расставлены приоритеты, которые свидетельствуют о **его действительном понимании** роли бюджетной политики государства:

- во-первых, обеспечение макроэкономической стабильности...;
- во-вторых, координация долгосрочного стратегического и бюджетного планирования...;
- в-третьих, разработка инструментов поддержки инноваций;
- в-четвертых, (!) развитие человеческого потенциала...²⁷.

Таким образом, созданная им в бюджетном послании модель модернизации рассматривает НЧП лишь как **одну из важных задач**, требующих решение (причем на пятом месте по приоритетности), в то время как, на мой взгляд, это должно стать **целью модернизации**. «Пятый» приоритет, особенно после пресловутого приоритета макроэкономической

стабильности, означает, что в реальности развитие НЧП **не находится** в системе приоритетов вообще. Точнее, — о нем знают, может быть, даже понимают его значение, но реальное политическое и финансовое внимание достается «по остаточному принципу».

Для того, чтобы преодолеть инерцию «стратегии» стагнации необходимо превратить приоритет развития НЧП в реальный, самый важный приоритет и стратегическую цель.

В этом случае решение остальных задач обеспечивают достижение этой цели. Так, обеспечение макроэкономической стабильности важно не само по себе (опыт показывает, что и в условиях инфляции и роста госдолга, как в США, такое развитие очень даже возможно), а постольку поскольку **это способствует** развитию человеческого потенциала. Жаль, что заклинания по поводу макроэкономической стабильности, которыми сопровождается весь период правления В. Путина и Д. Медведева, ни к чему хорошему так и не привели. Более того, политика макроэкономической стабилизации в реальности привела к тому, что за последние 20 лет НЧП России в целом **ухудшился** относительно ведущих стран мира. Его более чем скромный рост в 2005–2010 годы можно назвать стагнацией.

Между тем, если мы хотим быстрого (опережающего) качественного роста экономики, инновации, роста доходов, наконец, то инвестировать надо, как уже говорилось выше, прежде всего национальный человеческий потенциал.

Национальный человеческий потенциал является самостоятельным и сложным интенсивным фактором развития, собственно, фундаментом роста ВВП в сочетании с инновациями и высокими технологиями в современных условиях. Важнейшими его компонентами в последнее десятилетие выступают наука, образование и информационно-коммуника-

Рис. 8. Структура подынтекса «человеческий капитал»

ционные технологии. Причем, подчеркну, имеющие национальное происхождение. Так, эксперты ИНСОР выделили этот компонент в специальный подындекс НЧП²⁸ от которого во многом зависело развитие НЧП в 2007–2010 годы.

В этой отрасли можно было ожидать быстрого промышленного и научно-технического роста. Как минимум, 35–40% в год. Но этого не произошло из-за того, что все указанные выше переменные практически не росли, а некоторые (также, как доля исследователей) даже существенно сокращались. Попытки Д. Медведева внедрить в 2007–2010 годы в школы широкополосный Интернет в рамках ПНП «Образование» были, как он сам говорил «пилотным проектом», давшим неплохой результат, но не всей отрасли ИКТ, а тем более науки и образованию в целом, отразились слабо.

Отличие такого сложного интенсивного фактора как НЧП от природных ресурсов, классического труда и обычного капитала состоит в необходимости постоянных повышенных инвестиций в него и существование значительного временного лага в отдаче от этих инвестиционных вложений. Эта понимают на Западе, где в развитых странах мира в последние годы в человеческий капитал вкладывалось более 70% всех средств, а в физический капитал — только около 30%.

Причем, **основную долю инвестиций в человеческий капитал в передовых странах мира осуществляет и стимулирует государство**. И именно в этом состоит одна из **его важнейших функций в части государственного регулирования экономики**, т. е. приоритеты бюджетов расставлены именно таким образом. Так, в «Стратегии национальной безопасности США от 2010 года, Б. Обама выделил в качестве главного приоритета США образование и привлечение иностранных специалистов из-за рубежа. Это решение явилось **продолжением** стратегии США последних трех десятилетий, причем, подчеркну, в рамках именно национальной стратегии»²⁹.

Анализ процессов смены технологических укладов экономики и типов общественного устройства показывает, что человеческий капитал, циклы его роста и развития являются главными факторами генерации инновационных волн развития и циклического развития мировой экономики и общества. Что не поняла российская элита в 2007–2010 годах. Особенно важно это признание в период «фазового перехода» человечества из одного состояния в другое. Этот качественный переход не означает только нового этапа научно-технической революции, но и смены мировоззренческих и идеологических моделей, экономических укладов, даже изменений в психической и физиологической областях.

При низком уровне и качестве человеческого капитала инвестиции в высокотехнологичные отрасли **не дают отдачи**. Собственно к такому выводу в конечном счете и пришли в 2010 году. Сравнительно быстрые успехи финнов, ирландцев, японцев, китайцев, корейцев, новых европейских развитых стран

(Ирландия, Греция, Испания, Португалия) подтверждают вывод о том, что фундаментом для формирования человеческого капитала является **высокая национальная культура основной массы населения этих стран**, темпы развития образования. Это особенно заметно на Ирландии, которая за 20 лет превратилась из отсталой страны в мирового лидера по ИРЧП. До этого, сделав главным приоритетом образование, такой же путь прошли США.

Стоимость национального человеческого капитала стран мира на базе затратного метода оценили специалисты Всемирного банка. Вновь хочу обратить внимание на определение «национальный».

Использовались оценки составляющих ЧК по затратам государства, семей, предпринимателей и разных фондов. Они позволяют определить текущие ежегодные затраты общества на воспроизводство национального человеческого капитала. Так, в США стоимость национального человеческого капитала в конце XX века составляла 95 трлн долл. или 77% национального богатства (НБ) и 26% всего мирового итога стоимости ЧК. Это существенно выше, чем доля США в мировом ВВП (20%). Всего же стоимость мирового ЧК составила 365 трлн долл. или 66% мирового богатства, или 384% к уровню США.

Для Китая эти показатели составляют: 25 трлн долл., 77% от всего национального богатства (НБ), 7% мирового ЧК и 26% — к уровню США. Для Бразилии соответственно: 9 трлн долл.; 74%, 2% и 9%. Для Индии: 7 трлн; 58%, 2%; 7%.

Для России показатели равны: 30 трлн долл.; 50% — национального богатства; 8% — мирового ЧК; 32% — по отношению к США. Примечательно, что по НЧП Россия отстает от США в 3 раза, а по ВВП — в 10 раз!

На долю стран «семерки» и ЕЭС на расчетный период приходилось 59% мирового ЧК, что составляет 78% от их национального богатства.

Таким образом национальный человеческий капитал в большинстве стран превышал половину накопленного национального богатства (исключение — страны ОПЕК). На процентную (относительную) долю ЧК существенно влияет стоимость природных ресурсов. В частности, для России доля стоимости природных ресурсов сравнительно велика, что объективно снижает долю НЧК России, но не является главной причиной низкого уровня НСК относительно других стран. Скорее — это огромный резерв, с помощью которого можно ускоренно развивать НЧП. Если, конечно, это понимает и хочет делать правящая элита.

Период 2007–2010 годов показал, что они этого не понимают и делать не хотят. Огромные средства, полученные от экспорта сырья, вкладывались в фонды, выделялись для стабилизации финансовой системы, но лишь по остаточному принципу вкладывались в НЧП. При том, что накопленное недоинвестирование в 1990–2005 годы в НЧП уже составляло

огромный реальный долг перед НЧП, прежде всего в области науки, образования и культуры.

Основная часть мирового человеческого капитала сегодня сосредоточена в развитых странах мира. Это связано с тем, что инвестиции в ЧК в последние полвека в этих странах значительно опережают инвестиции в физический капитал. В США соотношение «инвестиций в человека» и производственных инвестиций (социальные расходы на образование, здравоохранение и социальное обеспечение в % к производственным инвестициям) в 1970 году составляло 194%, в 1990 году 318%. В 2005 году инвестиции в НЧП США из бюджета превысили 50%.

Известно, что Россия не входит в число стран-лидеров по ИРЧП, поэтому сравнивать ее можно лишь с теми странами, которые входят в ее подгруппу. Если мы посмотрим на динамику изменения ИРЧП России и этого индекса других стран подгруппы, то увидим, что с 1990 года по 1995 год наблюдался обвал индекса, который удалось почти преодолеть лишь к 2007 году. При том, что среднесрочный прирост индекса был практически отрицательным.

Позже, после 2007 года, среднесрочный прирост стал немного положительным, что позволило России подняться с 73-го места в 2007 году до 65-го — в 2010. Но вызвано это было не реальным ростом, а преодолением того обвала, который произошел в 1990-е

годы. В целом же долгосрочная тенденция за 20 лет означает стагнацию. Что выражается как в отсутствии роста ИРЧП, так и сохранением за Россией места в своей группе стран, которые по всем показателям относят не к развитым, а развивающимся государствам (см. табл. 2).

Россию опережают не только Панама, Болгария и Румыния, но и Черногория и Албания.

2007–2010 годы не стали, к сожалению, для России ни рывком в ее развитии, ни даже развитием вообще. Что свидетельствует об очень многом, но прежде всего о неэффективности ее стратегии, разработанной неолибералами. «Стратегия–2020», принятая в марте 2008 года, как и множество других стратегий и концепций, оказались не просто формальными документами, а не реальными стратегиями, но и были проигнорированы в последующем. В качестве реально действующей стратегии оказалась «стратегия стагнации» или очередного застоя, которая иллюстрируется прежде всего застоем в ИРЧП России на уровне 2007 года.

Предпринятые Д. Медведевым и В. Путиным в конце 2010 и начале 2011 года попытки вырваться из застоя, вряд ли будут успешны. Прежде всего потому, что «новую» стратегию будут готовить те же авторы, которые готовили все предыдущие стратегии, в т. ч. «стратегию стагнации».

Табл. 2. Тенденции развития индекса человеческого потенциала³⁰ до кризиса 2008 г.

Рейтинг страны по ИРЧП	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2006	2007	Рейтинг	Изменение в рейтинге	Уровень среднего годового прироста (%)		
											Долгосрочное	Среднесрочное	Краткосрочное
									2006	2006–2007	1980–2007	1990–2007	2000–2007
...													
60 Панама	0,759	0,769	0,765	0,784	0,811	0,829	0,834	0,840	61	1	0,38	0,55	0,50
61 Болгария					0,803	0,829	0,835	0,840	59	–2			0,65
62 Сент-Китс и Невис						0,831	0,835	0,838	60	–2			
63 Румыния			0,786	0,780	0,788	0,824	0,832	0,837	64	1		0,37	0,87
64 Тринидад и Тобаго	0,794	0,791	0,796	0,797	0,806	0,825	0,832	0,837	63	–1	0,19	0,30	0,53
65 Черногория					0,815	0,823	0,828	0,834	65	0			0,34
66 Малайзия	0,666	0,689	0,737	0,767	0,797	0,821	0,825	0,829	66	0	0,81	0,69	0,56
67 Сербия					0,797	0,817	0,821	0,826	67	0			0,51
68 Беларусь			0,795	0,760	0,786	0,812	0,819	0,826	69	1		0,22	0,70
69 Сент-Люсия						0,817	0,821	0,821	68	–1			
70 Албания					0,784	0,811	0,814	0,818	70	0			0,61
71 Российская Федерация			0,821	0,777		0,804	0,811	0,817	73	2		–0,03	
72 Бывшая Югославская Респ. Македония				0,782	0,800	0,810	0,813	0,817	72	0			0,30

Рейтинг страны по ИРЧП	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2006	2007	Рей- тинг	Изменение в рейтинге	Уровень среднего годового прироста (%)		
											Долго- срочное	Средне- срочное	Кратко- срочное
											1980– 2007	1990– 2007	2000– 2007
73 Доминика						0,814	0,814	0,814	71	–2			
74 Гренада						0,812	0,810	0,813	74	0			
75 Бразилия	0,685	0,694	0,710	0,734	0,790	0,805	0,808	0,813	75	0	0,63	0,79	0,41
76 Босния и Герцеговина						0,803	0,807	0,812	76	0			
77 Колумбия	0,688	0,698	0,715	0,757	0,772	0,795	0,800	0,807	82	5	0,59	0,71	0,63
78 Перу	0,687	0,703	0,708	0,744	0,771	0,791	0,799	0,806	83	5	0,59	0,76	0,63
79 Турция	0,628	0,674	0,705	0,730	0,758	0,796	0,802	0,806	78	–1	0,93	0,79	0,87
80 Эквадор	0,709	0,723	0,744	0,758			0,805	0,806	77	–3	0,48	0,47	
81 Маврикий			0,718	0,735	0,770	0,797	0,801	0,804	79	–2		0,67	0,63
82 Казахстан			0,778	0,730	0,747	0,794	0,800	0,804	81	–1		0,20	1,05
83 Ливан						0,800	0,800	0,803	80	–3			
СТРАНЫ СО СРЕДНИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА													
84 Армения			0,731	0,693	0,738	0,777	0,787	0,798	85	1		0,51	1,12
85 Украина					0,754	0,783	0,789	0,796	84	–1			0,76
86 Азербайджан						0,755	0,773	0,787	88	2			
...													

3. Основная причина «Стратегии» стагнации 2007–2010 годов

Наша стратегия начинается с признания того, что наша сила и влияние за рубежом начинаются с шагов, которые мы предпринимаем у себя дома³¹.

Б. Обама

Основная причина стагнации в развитии России 2008–2012 годов отнюдь не только мировой экономический кризис, который затронул в той или иной степени все страны, но Россию все-таки в большей мере, что отразилось 8 процентным падением ВВП, а пренебрежение российской правящей элитой приоритета развития **национального человеческого потенциала**.

Правящие финансово-экономические власти категорически не признают ни систему национальных интересов и ценностей, ни значение НЧП. Они продолжают, как и в 90-е годы, управлять экономикой и финансами страны, не подпуская к решению этих вопросов даже политическое руководство. Они являются яркими сторонниками неолиберальной модели развития, не допуская необходимости ее смены.

Очень важно наметить контуры будущей модели, хотя в ее восприятии немало принципиальных расхождений в элите. Еще до кризиса часть элиты

стала понимать бесперспективность неолиберальной модели развития и в 2006 году в этом вопросе наметились вполне определенные сдвиги в пользу «почвеннической», или «имперской» модели. Как отмечали в начале 2007 года социологи, примерно поровну раскололось общественное мнение при ответе на вопрос о взаимоотношении российской и европейской цивилизации. Поддерживаемая западниками точка зрения, согласно которой «Россия — часть Европы и в XXI веке их судьбы будут все теснее переплетаться», находила поддержку 38% россиян.

Альтернативная точка зрения, поддерживаемая «почвенниками», согласно которой «Россия не является в полной мере европейской страной и никогда не сможет стать частью Европы», разделяли 45% россиян. Таким образом, вечный спор между западниками и почвенниками, проходящий через всю историю общественной мысли России, остается актуальным и сегодня³². Стагнация 2007–2010 годов была во многом следствием того, что неолиберальный

подход сохранил свое абсолютное превосходство над национальным в финансах и экономике. Это и стало, повторю, основной причиной «стратегии стагнации» 2007–2010 годов. Между тем, не только опыт современного Китая и Индии, но и кризис 2008–2010 годов говорит в пользу национально-ориентированной модели развития. Именно этим странам, сохранившим свою специфику в условиях глобализации, удалось добиться наиболее заметных успехов. Выбор России, таким образом, это не только выбор между Европой и Азией, это, прежде всего, выбор наиболее эффективной и оригинальной модели социально-экономического развития.

Сегодня этот вопрос актуален как никогда. От его решения зависит множество более частных вопросов — от вступления в ВТО, реконструкции международных институтов до реализации социально-экономических задач. Так, оценку своего материального положения, уровня доходов россияне во многом уже сравнивают с аналогичными показателями за рубежом. Когда, например, прошла забастовка на АвтоВАЗе, то требования повысить зарплату обь-яснялись не столько зарплатами в отрасли, сколько доходами на таких же предприятиях за рубежом³³.

Табл. 3.

Сколько получают рабочие на автозаводах в России	
Предприятие	Средняя зарплата, руб.
АвтоВАЗ	13 200
ГАЗ	11 000
Иж-Авто	10 000
«Автофрамос» (Renault)	20 000
«Форд Мотор Компани»	17 500
СП «GM-АвтоВАЗ»	14 000
В среднем по России	13 500
...и за границей	
Страна, компания	Средняя зарплата, руб.*
Турция, Ford	17 200
Германия, VW	200 000
США, GM	114 000
США, Toyota	86 000
Канада, Ford	90 300
Бразилия, Renault	30 000

* Рассчитано исходя из 8-часового рабочего дня, по курсу ЦБ РФ
Источник: данные компаний и «Известий»

Глобализация, растущие международные связи превращают любую страну в часть общего мира, но при этом угрожают не только суверенитету, но и самому национальному самосознанию. Решить этот вопрос не просто, но примеры такого решения, безусловно, есть. Это Индия и Китай, которые умело сочетают строгое сохранение национального наследия и инновационный путь развития, использующий преимущества глобализации.

Поэтому будущая модель России, прежде всего ее идеологическая модель, это **синтез традиционных ценностей, в т. ч. роли государства, и успешное использование преимуществ глобализации** для достижения **главной цели** — сделать гражданина России личностью, обладающей максимальными возможностями для самореализации по сравнению с любой страной мира. Сочетание этих противоречивых аспектов будет главной проблемой не только идеологов, но и практиков, реализующих политику, — от внешней и военной до социальной политики внутри страны. Это искусство политика будущей России будет наиболее востребовано.

Практически это означает, **как минимум**, выйти в лидеры по критерию ИРЧП, а в будущем и по другим, не менее важным критериям ЧП. Для того, чтобы совершенно конкретно сформулировать **частные задачи**, а не придумывать их, достаточно обратиться к апробированной вот уже много лет методике определения ИРЧП и его составляющих (улучшение показателей которых и может стать конкретной задачей) (табл. 4).

Примечательно, что к 2007 году в России за несколько лет вырос как показатель душевого ВВП, так и реальные доходы граждан, что, однако не отразилось заметно на ее индексе ЧП (табл. 5).

Темпы роста ВВП России в эти годы, хотя и превышали среднемировые, но были недостаточны для того, чтобы даже компенсировать падение экономики после 1990 года.

Примечательно, что в 2000–2007 годы достаточно радикально менялись представления россиян и по другим вопросам. Так, менялись, например, и представления граждан России относительно политики по отношению к бывшим республикам СССР. «Имперское» сознание становилось все более прагматичным, а альтруизм сменился вполне рыночным подходом³⁴. Эта эволюция стала особенно заметной на примере взаимоотношений с Украиной, Грузией, Эстонией. Можно даже говорить о новом изоляционизме, когда Россия все больше концентрируется на внутренних проблемах. На самом деле, как мне кажется, речь идет не о национализме или изоляционизме, а о самоконцентрации.

	2005 г.	2007 г.
России следует стремиться к доминированию на всей территории бывшего СССР	33	26
Отношения России со странами бывшего СССР должны быть такими же, как с любой другой страной мира	57	67
Затрудняюсь ответить	10	7

По сути, появился запрос на имперскую, объединительную идею, имеющую в немалой степени и советские корни, в основе которой лежит идея «собиранья земель». Бывший помощник президента

Табл. 4. Индекс развития человеческого потенциала 2007 и его компоненты³⁵

	Значение индекса развития человеческого потенциала	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	Уровень грамотности взрослого населения 15 лет и старше, (%)	Общий показатель обучающихся в учебных заведениях, (%)	ВВП на душу населения (ППС в долл. США)	Показатель ожидаемой продолжительности жизни	Индекс уровня образования	Показатель ВВП	ВВП на душу населения минус рейтинг по ИРЧП
Рейтинг страны по ИРЧП	2007	2007	1999–2007	2007	2007	2007	2007	2007	2007
СТРАНЫ С ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА									
1 Норвегия	0,971	80,5	...	98,6	53 433	0,925	0,989	1,000	4
2 Австралия	0,970	81,4	...	114,2	34 923	0,940	0,993	0,977	20
3 Исландия	0,969	81,7	...	96,0	35 742	0,946	0,980	0,981	16
4 Канада	0,966	80,6	...	99,3	35 812	0,927	0,991	0,982	14
5 Ирландия	0,965	79,7	...	97,6	44 613	0,911	0,985	1,000	5
6 Нидерланды	0,964	79,8	...	97,5	38 694	0,914	0,985	0,994	8
7 Швеция	0,963	80,8	...	94,3	36 712	0,930	0,974	0,986	9
8 Франция	0,961	81,0	...	95,4	33 674	0,933	0,978	0,971	17
9 Швейцария	0,960	81,7	...	82,7	40 658	0,945	0,936	1,000	4
10 Япония	0,960	82,7	...	86,6	33 632	0,961	0,949	0,971	16
11 Люксембург	0,960	79,4	...	94,4	79 485 ^e	0,906	0,975	1,000	–9
12 Финляндия	0,959	79,5	...	101,4	34 526	0,908	0,993	0,975	11
13 США	0,956	79,1	...	92,4	45 592	0,902	0,968	1,000	–4
14 Австрия	0,955	79,9	...	90,5	37 370	0,915	0,962	0,989	1
15 Испания	0,955	80,7	97,9	96,5	31 560	0,929	0,975	0,960	12
16 Дания	0,955	78,2	...	101,3	36 130	0,887	0,993	0,983	1
17 Бельгия	0,953	79,5	...	94,3	34 935	0,908	0,974	0,977	4
18 Италия	0,951	81,1	98,9	91,8	30 353	0,935	0,965	0,954	11
19 Лихтенштейн	0,951	...	...	86,8	85 382	0,903	0,949	1,000	–18
20 Новая Зеландия	0,950	80,1	...	107,5	27 336	0,919	0,993	0,936	12
21 Соединенное Королевство	0,947	79,3	...	89,2	35 130	0,906	0,957	0,978	–1
22 Германия	0,947	79,8	...	88,1	34 401	0,913	0,954	0,975	2
23 Сингапур	0,944	80,2	94,4	...	49 704	0,920	0,913	1,000	–16
24 Гонконг, Китай (САР)	0,944	82,2	...	74,4	42 306	0,953	0,879	1,000	–13
25 Греция	0,942	79,1	97,1	101,6	28 517	0,902	0,981	0,944	6
...	0,937	79,2	...	98,5	24 801	0,904	0,988	0,920	9
СТРАНЫ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА									
39 Бахрейн	0,895	75,6	88,8	90,4	29 723	0,843	0,893	0,950	–9
40 Эстония	0,883	72,9	99,8	91,2	20 361	0,799	0,964	0,887	3
41 Польша	0,880	75,5	99,3	87,7	15 987	0,842	0,952	0,847	12
42 Словакия	0,880	74,6	...	80,5	20 076	0,827	0,928	0,885	3
43 Венгрия	0,879	73,3	98,9	90,2	18 755	0,805	0,960	0,874	3
44 Чили	0,878	78,5	96,5	82,5	13 880	0,891	0,919	0,823	15
...									
71 Российская Федерация	0,817	66,2	99,5	81,9	14 690	0,686	0,933	0,833	–16³⁶

Табл. 5. Номинальные и реальные денежные доходы населения³⁷

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Номинальные денежные доходы населения						
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	5170	6410	8112	10 196	12 603	14 939
В процентах к:						
2003	100	124	157	197	244	289
2004	—	100	127	159	197	233
2005	—	—	100	126	155	184
2006	—	—	—	100	124	147
2007					100	119
Реальные денежные доходы населения						
В процентах к:						
2003	100	111	124	142	160	166
2004	—	100	112	127	144	150
2005	—	—	100	114	129	134
2006	—	—	—	100	113	117
2007					100	104
Реальные располагаемые денежные доходы населения						
В процентах к:						
2003	100	110	124	141	158	161
2004	—	100	112	128	143	146
2005	—	—	100	113	127	130
2006	—	—	—	100	112	114
2007					100	102

Б. Ельцина Э. Паин по этому поводу отметил: «Одна из наиболее популярных точек зрения, звучащих в наших сегодняшних идеологических спорах, состоит в том, что России на роду написано быть империей. Предполагается, что «изначальная сущность» цивилизаций исключает выбор народами своего политического пути и предопределяет для них на вечные времена тип государственного устройства. Скажем, русским (и — шире — евразийцам или евроазиатам), согласно этой теории, положена только империя, а представителям некой «евроамериканской цивилизации» дозволено (кем-то, какой-то высшей силой) строить республиканский режим. Марлен Леруа назвала такую доктрину «цивилизационным национализмом»³⁸. Эта доктрина в полной мере соответствует русской традиции, которой всегда было чуждо как насилие, так и классически имперское отношение к другим народам.

Я думаю, что интерес к «империализму» вызван не только «собираанием земель», но и «собираанием людей». За последние 20 лет русские, как нация, потеряли миллионы людей, которые не только погибли в «бурные 90-е», но и остались вдруг за рубежом Родины. Это был, наверное, самый мощный исход образованных и творческих граждан, обладавших повышенным чувством мобильности. Кроме того, Россия является одной из немногих крупных стран

мира (и единственной европейской страной), в которой в 1920-х годах была уничтожена физически или изгнана за пределы страны элита общества. Затем периодически уничтожалась оставшаяся прежняя и новая элита внутри страны. Произошло отторжение от земли и уничтожение лучших представителей основной в прошлом массы населения — крестьянства. В результате ликвидации элиты, отбор которой осуществлялся веками, в России произошло резкое снижение уровня и качества человеческого капитала как производительного фактора. И, соответственно, снижение качества труда в сравнении с дореволюционным периодом, не говоря уже о качестве и производительности труда в развитых странах.

При этом важно подчеркнуть, что такой идеологический запрос, очевидно, появился в связи с выбором будущего алгоритма государственного развития. Как, впрочем, и запрос на «народную монархию». Инерционная модель 2000–2007 годов уже не устраивала не только экспертное сообщество, но и общество в целом. Как отметил редактор журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянов, «... полтора десятилетия Россия действительно догоняла. Только не кого-то, а саму себя, правда, в своей прежней, советской ипостаси. Дело, конечно, не в идеологии, как раз ее у современной России нет вовсе, а о роли на международной арене. Речь в Мюнхене

была призвана зафиксировать качественное изменение: президент Путин принял у предшественника ослабленную региональную державу, преемнику же передаст державу глобальную, интересы которой простираются практически по всему миру»³⁹.

Она, Россия, перестала быть региональной державой, но еще не стала глобальной. Пока только заявила о намерениях. Их еще необходимо подтвердить. И не только ресурсами (роль которых преувеличена), но и ясными внешнеполитическими (идеологическими, прежде всего) целями. Очевидно, будущее России зависит от многих факторов, — объективных и субъективных, — но, прежде всего, от того, насколько российская элита учитывает объективные реалии мирового развития и способна выстроить адекватную идеологию опережающего развития страны, в основе которой находится модель будущей России. Модель, образ уже не столько «для себя», сколько «для других». Эта модель должна быть привлекательной. Так же, как в свое время российская империя, которая могла обеспечить безопасность многим народам.

Быстрое развитие страны в 2000–2007 годы, т. е. экономические реалии, лишь ускорили этот процесс. Так, резкое увеличение потребительского спроса и инвестиций в экономику страны привело некоторых западных экспертов к мысли о сравнении России с послевоенной Европой, куда США вложили (в нынешних ценах) порядка 125 млрд долл.⁴⁰ Цифра, кстати, вполне сопоставимая с нынешними зарубежными инвестициями в Россию (150 млрд долл.).

Огромное значение при выборе идеологической модели имеет определение роли государства не только в экономической, или политической, но и личной

жизни граждан. Традиционно в России государство всегда играло важную роль, которую никто не пытался ставить под сомнение. Естественно процесс передачи части функций институтам гражданского общества, наконец, самой личности, в этой связи будет встречать определенные трудности. С этим нельзя не считаться, ведь и через 17 лет после смены политической системы граждане традиционно возлагают всю ответственность на государство, власть. Так, по опросам социологов летом 2007 года, почти две трети граждан полагали, что они не смогут прожить без опеки государства⁴¹.

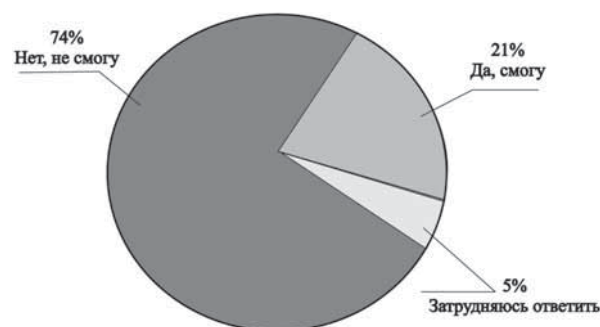

Рис. 9. Сможете ли вы прожить без опеки государства?

При этом следует отметить, что Россия отнюдь не является благополучной страной с точки зрения социального обеспечения граждан, а доля населения, проживающего в бедности и нищете, превышает 40%. Да и с точки зрения мировых сопоставлений ситуация в этой области никак не выглядит благоприятной (см. табл. 6).

Табл. 6. Нищета населения и бедность по доходам⁴²

Рейтинг страны по ИРЧП	Индекс нищеты населения (ИНН-1)		Вероятность, не дожить до 40 лет (% по когорте) 2005–2010	Уровень неграмотности взрослого населения (15 лет и старше, %) 1999–2007	Население, не имеющее устойчивого доступа к улучшенным источникам воды (%) 2006	Дети с пониженной для своего возраста массой тела (в возрасте до 5 лет, %) 2000–2006 ^c	Население, живущее ниже черты бедности по доходам (%)		HPI-1 rank minus income poverty rank
	Рейтинг	Значение (%)					1,25 USD в день 2000–2007 ^c	2 USD в день	
								National poverty line 2000–2006	
23 Сингапур	14	3,9	1,6	5,6	0	3			
24 Гонконг, Китай (САР)			1,4						
26 Корея, Респ.			1,9		8		<2	<2	
27 Израиль			1,9	2,9	0				
29 Словения			1,9	0,3			<2	<2	
30 Бруней Даруссалам			2,6	5,1					
31 Кувейт			2,5	5,5		10			
32 Кипр			2,1	2,3	0				
33 Катар	19	5,0	3,0	6,9	0	6			
35 Объединенные Арабские Эмираты	35	7,7	2,3	10,0	0	14			

Рейтинг страны по ИРЧП	Индекс нищеты населения (ИНН-1)		Вероятность, не дожить до 40 лет (% по когорте) 2005–2010	Уровень неграмотности взрослого населения (15 лет и старше, %) 1999–2007	Население, не имеющее доступа к улучшенным источникам воды (%) 2006	Дети с пониженной для своего возраста массой тела (в возрасте до 5 лет, %) 2000–2006 ^c	Население, живущее ниже черты бедности по доходам (%)			HPI-1 rank minus income poverty rank
	Рейтинг	Значение (%)					1,25 USD в день 2000–2007 ^c	2 USD в день	National poverty line 2000–2006	
36 Чешская Республика	1	1,5	2,0		0	1	<2	<2		
37 Барбадос	4	2,6	3,0		0	6				
38 Мальта			1,9	7,6	0					
СТРАНЫ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА										
39 Бахрейн	39	8,0	2,9	11,2	0	9				
40 Эстония			5,2	0,2	0		<2	<2	8,9	
41 Польша			2,9	0,7	0		<2	<2	14,8	
42 Словакия			2,7		0		<2	<2		
43 Венгрия	3	2,2	3,1	1,1	0	2	<2	<2	17,3	2
44 Чили	10	3,2	3,1	3,5	5	1	<2	2,4	17,0	6
45 Хорватия	2	1,9	2,6	1,3	1	1	<2	<2		1
46 Литва			5,7	0,3			<2	<2		
47 Антигуа и Барбуда				1,1	9 ^d	10				
48 Латвия			4,8	0,2	1		<2	<2	5,9	
49 Аргентина	13	3,7	4,4	2,4	4	4	4,5	11,3		–18
50 Уругвай	6	3,0	3,8	2,1	0	5	<2	4,2		4
51 Куба	17	4,6	2,6	0,2	9	4				
52 Багамские Острова			7,3		3					
53 Мексика	23	5,9	5,0	7,2	5	5	<2	4,8	17,6	16
54 Коста-Рика	11	3,7	3,3	4,1	2	5	2,4	8,6	23,9	–13
55 Ливийская Арабская Джамахирия	60	13,4	4,0	13,2	29	5				
56 Оман	64	14,7	3,0	15,6	18 ^d	18				
57 Сейшельские Острова				8,2	13	6				
58 Венесуэла (Боливарианская Респ.)	28	6,6	6,7	4,8	10	5	3,5	10,2		–5
59 Саудовская Аравия	53	12,1	4,7	15,0	10	14				
60 Панама	30	6,7	5,9	6,6	8	7	9,5	17,8	37,3	–15
61 Болгария			3,8	1,7	1		<2	2,4	12,8	
62 Сент-Китс и Невис				2,2	1					
63 Румыния	20	5,6	4,3	2,4	12	3	<2	3,4	28,9	13
64 Тринидад и Тобаго	27	6,4	8,4	1,3	6	6	4,2	13,5	21,0	–7
65 Черногория	8	3,1	3,0	3,6	2	3				
66 Малайзия	25	6,1	3,7	8,1	1	8	<2	7,8		17
67 Сербия	7	3,1	3,3	3,6	1	2				
68 Беларусь	16	4,3	6,2	0,3	0	1	<2	<2	18,5	11
69 Сент-Люсия	26	6,3	4,6	5,2	2	14	20,9	40,6		–35
70 Албания	15	4,0	3,6	1,0	3	8	<2	7,8	25,4	10
71 Российская Федерация	32	7,4	10,6	0,5	3	3	<2	<2	19,6	24

Таким образом, в 2007–2010 годы идеологически Россия так и не смогла преодолеть кризис. Она не сделала выбор: авторитарная или демократическая, имперская или республиканская, антиглобалистская или проглобалистская, либеральная или социальная модели общественного и экономического устройства будут превалировать в будущем. Этот веер выборов направлений, векторов, возможностей означает, что будущая идеологическая модель еще не выстроена, ее контуры даже не просматриваются. «...Партия власти сейчас ищет идеологию, формулирует свою идеологию»⁴³, — считает Е. Примаков. Отчасти справедливо, но не совсем точно. Точнее было бы сказать, «оформляет» идеологию, «формализует», «ищет форму» ее подачи.

То, что пока ей не удавалось, не удавалось в последние годы ни советской, ни российской элите. В последние десятилетия, как оказалось, у элиты не было вполне адекватного представления о том, в каком направлении развивается современное общество, прежде всего идеологически, какая модель у будущей России. Естественно, что на этот идеологический выбор будет влиять и политическая кампания 2007–2008 годов. Долгосрочный прогноз, подготовленный в январе 2007 года рейтинговым агентством S&P, кстати, вполне подтверждает эту мысль. Главный вывод его доклада «Что будет с суверенными рейтингами России: путь к благоденствию или скольжение вниз?» таков: «несмотря на то, что преемственность власти на предстоящих в марте

2008 года выборах президента неоспорима, именно с ним связаны основные факторы неопределенности и риски». Проблема, по мнению S&P, — в чрезмерной «централизации власти в Кремле: «Смена руководства сопряжена с повышенной политической нестабильностью и риском нарушения преемственности экономического курса»⁴⁴.

Справедливо, в этой связи, замечание Э. Паина, который полагает, что «рост национализма обусловлен и массовым разочарованием в реформах, и неуверенностью в будущем. Романтическая вера 90-х годов, что европейская демократия, свобода, капиталистический рынок принесут реальные материальные блага, улетучилась. Идет хаотический, часто спекулятивный поиск нового «русского пути»⁴⁵.

Вместе с тем то, что Э. Паин называет «хаотическим» поиском, является вполне естественным процессом. Столь любимый Э. Паином западнический либерализм оказался непригодной моделью для российского общества — ни экономически, ни социально, ни культурно. Но и прежние — имперские и коммунистические — модели не вызывают в обществе массовой симпатии. Вместе с тем, как показывают соцопросы (см. табл. 7), еще до начала массовых политических кампаний в первой половине 2007 года существуют уже **устойчивые тенденции** в российском обществе в пользу политики В. Путина и, пусть неясной, но ощущаемой, политики «Единой России»⁴⁶.

В этих конкретных условиях, на мой взгляд, необходимо абстрагироваться от текущих событий

Табл. 7. Представьте себе, что в следующее воскресенье состоится очередные выборы в Государственную думу. Скажите, пожалуйста, как, за какую партию Вы бы проголосовали?
(Карточка, один ответ)

Единая Россия	31	41	14	9	28	34	33	32	28	26	30	33	34	36	30	32	25	32	30	29	36
Коммунистическая партия РФ (КПРФ)	7	6	9	15	9	6	2	7	14	10	5	7	8	7	10	5	8	7	6	6	8
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	5	4	7	5	7	3	7	5	2	3	6	5	3	6	3	6	4	6	5	5	4
Справедливая Россия: Родина / Пенсионеры / Жизнь (СРРПЖ)	3	4	3	1	2	5	1	3	7	4	3	3	5	3	6	2	4	4	3	4	3
Союз правых сил (СПС)	1	1	1	4	1	1	1	1	0	0	1	1	1	0	1	2	1	1	1	1	0
Яблоко	1	1	1	4	1	1	1	2	1	0	1	1	2	0	0	2	3	1	1	1	0
Аграрная партия России	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	0	0	1	1	1	1
другая партия	1	1	2	1	1	1	1	1	1	0	1	1	2	1	1	1	1	0	1	1	1
не пошел(-а) бы на выборы	23	16	33	47	24	22	23	26	18	20	23	24	23	19	21	26	27	22	27	25	17
затрудняюсь ответить	27	26	30	13	26	27	30	24	27	36	29	23	22	26	28	24	25	24	25	28	28

и попытаться посмотреть на будущую идеологическую модель России — государства, общества, экономики. Как известно, глобальные прогнозы способны радикально повлиять на развитие государств и роль человека и общества. Так, в начале XXI века стал стремительно формироваться третий участник (или фактор) развития — симбиоз Homo sapiens с быстроразвивающимися современными технологиями, который некоторые ученые назвали «еНОМО». По их мнению, «мы у порога нового этапа цивилизации, касающегося как всего человечества, так и каждого человека, его личности, тела, образа жизни и даже души. В такой перспективе кажется не столь уж важным, кто будет управлять огромным муравейником еНОМО: искусственный интеллект или еНОМО из числа высшего руководства»⁴⁷.

Между тем различия, в том числе футурологические прогнозы, помогают многое понимать. Хотя бы то, что развитие человечества идет не линейно, но серьезно зависит от результатов НТР, а также воли

отдельных лиц, формирующих историю. Интересно, например, представление о будущем А. Кларка (табл. 8), который уже не раз (спутники, радиолокации, интернет, высадка на Луне и т. д.) оказывался прав. Во всяком случае, прав он оказывался чаще, чем некоторые современные ему экономисты.

Вот почему необходима идеологическая модель, основанная на стратегическом прогнозе, который, насколько это сегодня возможно, научно обоснован. Сегодня такого прогноза и модели у России нет. В то время как у большинства государств она есть. Во всяком случае, у развитых, а тем более активно развивающихся, таких, например, как КНР. Российский ученый Я. Бергер отмечает, «...при анализе нынешней большей стратегии Китая возникает немаловажный вопрос: на какой исторический период она рассчитана? Сегодня можно сказать с достаточной определенностью, что ближайшим рубежом является 2020 год. К этому времени намечено всестороннее построение общества «сяокан», или достижение уровня средне-

Табл. 8.

2009	2012	2015
В одной из стран третьего мира взорвется атомная бомба, после чего ООН примет решение об уничтожении ядерного оружия.	Регулярные рейсы космических самолетов	Расцвет нанотехнологий, полный контроль над атомным строением вещества, получение золота из других металлов, торжество алхимии
2010	2014	2016
Развертывание системы тотального электронного слежения для искоренения преступности и появление портативных квантовых генераторов, извлекающих энергию прямо из вакуума	На орбите будут открыты космические гостиницы	Введение единой мировой валюты — киловатт-часа
2020	2023	
Искусственный интеллект достигнет уровня человеческого, на Земле будут сосуществовать два вида разума, но один будет развиваться быстрее другого	Клонирование динозавров благодаря воспроизведенной на компьютере структуре ДНК. Мелкие особи динозавров заменят сторожевых собак	
2016	2025	
2021 — высадка людей на Марсе	Открытие механизмов функционирования органов чувств. Замена носа, глаз, кожи на более эффективные искусственные органы.	
2036	2045	
Китай превосходит США по валовому внутреннему продукту	Создание жилища замкнутого цикла с полным самообеспечением и с переработкой отходов жизнедеятельности	
2040	2050	
Воспроизведение молекулярных дубликатов любых предметов и веществ. Из уличной грязи можно будет делать продукты, одежду, бриллианты. Промышленность и сельское хозяйство теряют смысл. Человек уходит в искусство, образование и развлечения	Массовое замораживание людей, которые в крионическом сне устремляются в будущее	
2051	2095	
Поселения на Луне для пенсионеров, которым прописана низкая гравитация	Создание аппаратов со скоростью, близкой к световой	
2090		
Наступление нового ледникового периода, человек начнет интенсивно сжигать топливо, чтобы создать парниковый эффект		

развитых стран. Не случайно, наверное, этот срок совпадает со столетней годовщиной образования Коммунистической партии Китая в 1921 году»⁴⁸.

Эффективная стратегия государства формируется также **с учетом** объективных тенденций (научно-технических, демографических и т. д.) в развитии человеческого общества, который сегодня вполне научно обоснован. Ведь даже отраслевые российские прогнозы (например, энергосистем и атомной промышленности) уже «уходят» на 20–25 лет. Но анализа мировых тенденций развития (кроме некоторых попыток ученых ИМЭМО РАН или СВОП — РИО-центра) нет. Тем более, эти прогнозы не стали базой для создания стратегии России, определении ее модели в будущем. Их игнорирование неизбежно ведет к резкому снижению темпов развития или даже кризису,

разрушению государств и уничтожению наций. Не менее опасны и вредны наивные и непрофессиональные суждения, а тем более действия политиков, военных, финансистов. Пример СССР — лишь одно из подтверждений этого правила, существовавшего всегда.

Характерен такой пример... В ответ на выход бездарного пятитомника И. Блюха «Будущая война» выдающийся российский военный теоретик А. Снесарев сказал: «Теперь, когда мы перенесли так много и многое поняли из нашего прошлого, мы можем создать убежденное представление и о нашей всегда забронированной в тиши канцелярской политике, и об отсутствии патриотизма в массах, и о тех даровых развратителях, которые под красивыми нравственными фразами несли в руках факел Герострата...»⁴⁹.

4. Что же подходит России? Сверхзадача

Но у людей не было ни отчаяния, ни страха. Напротив, ответом со стороны нашего народа стала собранность и сплоченность. На защиту России, ее территориальной целостности встали не только военнотруженики, но и само общество. Не получавшие долгими месяцами зарплату врачи и учителя преданно исполняли свой долг. Рабочие, инженеры, предприниматели трудились на своих местах, пытались вывести экономику из состояния стагнации и развала⁵⁰.

В. Путин

Действительно, сегодня как-то забылось, что в ответ на террористическую войну вначале с приходом В. Путина произошла мобилизация нации. Террористы на какое-то время не только ее сплотили, но даже помогли избавиться от той социальной деформации — бандитизма, коррупции, безразличия, — которая стала нормой в 1990-е годы. Не надолго, к сожалению, но память о том коротком периоде национальной мобилизации и подъема осталась. Может быть именно такой подъем позволил заявить В. Путину о такой амбициозной сверхзадаче России, которая «...должна стать самой привлекательной для жизни страной»⁵¹.

Ничего этого, к сожалению, не произошло. Как ни странно, но после стратегических выступлений и концепций 2008 года в России началась стагнация. Конечно, виноват в этом мировой кризис, который болезненней всего затронул осенью 2008 года именно Россию, но это только видимая причина. Реальная же может заключаться в том, что:

1. Была не верна стратегия, не точно сформулированы цели и распределены ресурсы.
2. Были бездарные исполнители, не способные реализовать стратегию.
3. Не было механизма реализации, не была проведена национальная мобилизация.
4. Наконец, что вероятнее всего, все три причины вместе взятые.

Сегодня важно, чтобы идеологический хаос 1990-х гг. и стагнация нулевых не повторились, а зна-

чит необходимо иметь не только лучшую экономику, лучших лидеров, но и лучшие идеи, стратегии и **лучшие планы на будущее**. Причем планы масштабные. Ясные планы, **разработанные также масштабными людьми**, представляющими национальные интересы. Примечательно признание авторов работы «Проект Россия». Говоря о разделе собственности в 90-х годах, они признают, что выбор лиц, которым эта собственность передавалась, определялся прежде всего «отсутствием у них масштаба», а также тем, что «никто из них не имел внятной идеологии»⁵². А еще корысти и безнравственности.

Сегодня, когда мы обязаны предложить будущий образ России, ее идеологическую модель, нужен не только огромный масштаб, но и прежде всего люди, способные также мыслить масштабно. Пока что таких масштабных проектов и людей не видно: предполагаемые проекты выглядят в лучшем случае как оценки неглупых экономистов, способных вполне профессионально оперировать макроэкономическими характеристиками. В начале первого десятилетия XXI века идеи, их авторы остались те же, что и были в 1990-х годах.

Но этого явно недостаточно. Тем ценнее редкие мысли на этот счет. Так, обращает на себя внимание оценка роли России крупным менеджером А. Ключниковым: «Остается Россия. Видимо, это наиболее удачный выбор судьбы, учитывая то обстоятельство, что на протяжении столетий России принадлежала традиционная роль лидера Евразии, интегратора огромных территорий в двух частях света.

Конечно, чтобы быть мировым центром кристаллизации, Россия должна стать в представлении наших соседей по планете страной с сильной экономикой, мощными вооруженными силами, передовой наукой и самой привлекательной культурой.

Невзирая на сегодняшнюю относительную слабость, у России есть уникальный опыт мирного собирания земель... Если следовать логике, то предел

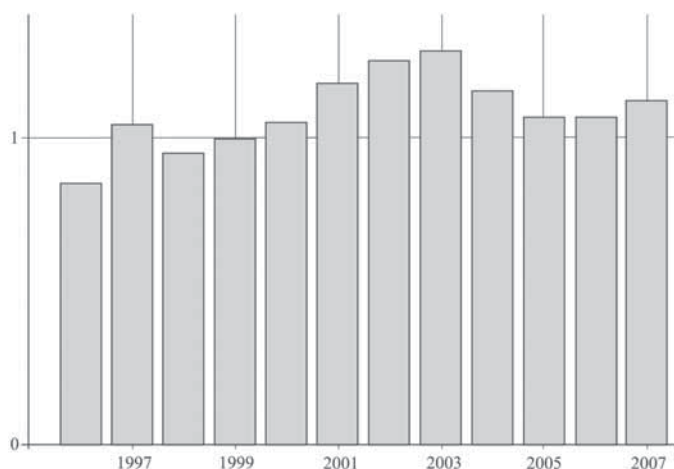
„собиранья земель“ — создание единого мирового государства, в котором все религии и конфессии будут существовать на условиях баланса интересов, дающего возможность максимальной реализации потенциала и запросов любой группы населения»⁵³.

Эта фантастическая идея, однако, не лишена смысла, а именно: Россия как **мировой культурный и духовный лидер, государство — миротворец**

Табл. 9.

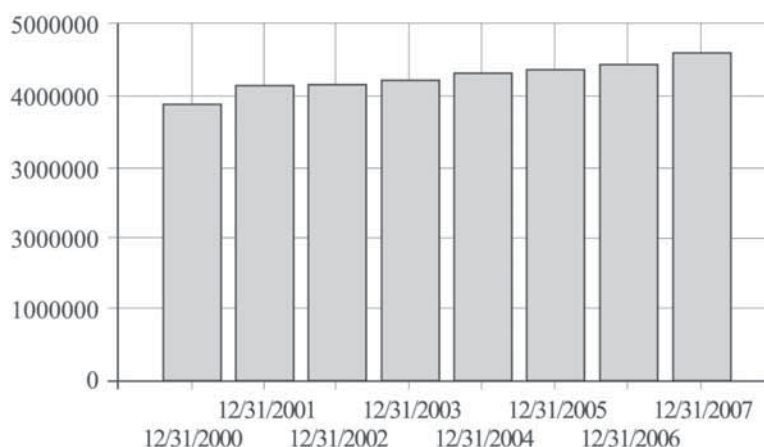
Главная цель:	Национальный человеческий потенциал как представитель мирового интеллектуального, культурного и духовного наследия страны — лидер, интегрирующий Восток и Запад на основе традиционных ценностей и новейших достижений НТР*.
Социальная цель:	Создание общества, в котором будет доминировать креативный класс — производитель новых знаний, культурных и духовных ценностей
Роль государства:	Обеспечить максимально благоприятные условия для развития национального потенциала человеческой личности
Экономическая цель:	Создание высокотехнологичной, наименее ресурсо- и энергоемкой, экологичной экономики, обеспечивающей высокие темпы роста при минимизации издержек
Роль в мире:	Синтезатор, гармонизатор отношений между странами, признанный интеллектуально-культурный лидер
Основные средства и ресурсы:	Развитие национального человеческого потенциала, использование огромных интеллектуальных, культурных и духовных ресурсов нации. Природные ресурсы становятся дополнительными, вспомогательными ресурсами развития, чья роль постепенно, но быстро снижается
Государственное устройство:	Сильная президентская республика с переносом центра управления и распределения ресурсов на уровни местного самоуправления. Империя, «собирательница людей»

* Потенциал отдельной личности, измеряемый конкретными показателями — экономическими, демографическими, информационными и т. д., должен быть самым высоким в мире. Соответственно, совокупность таких личностей (потенциалов) дает наивысший потенциал нации.

Значение	Дата	В % к предыдущему периоду	В % к аналогичному периоду предыдущего года
1,12	за 2007	104,67	104,67
1,07	за 2006	100	100
1,07	за 2005	93,04	93,04
1,15	за 2004	89,84	89,84
1,28	за 2003	102,4	102,4
1,25	за 2002	105,93	105,93
1,18	за 2001	112,38	112,38
1,05	за 2000	105	105
1	за 1999	105,26	105,26
0,95	за 1998	91,35	91,35
1,04	за 1997	100	100

Рис. 10. Внутренние расходы на исследования и разработки (в процентах к ВВП), %

Значение	Дата	В % к аналогичному периоду предыдущему года
4 621 360	31.12.2007	104
4 443 681	31.12.2006	101,78
4 366 065	31.12.2005	101,04
4 321 266	31.12.2004	103,2
4 187 087	31.12.2003	100,9
4 149 721	31.12.2002	99,65
4 164 320	31.12.2001	106,34
3 916 000	31.12.2000	100

Рис. 11. Численность занятых в R&D (эквивалент полной занятости), чел.

и интегратор, «сердце Евразии» и т. д. Эта идея соединения Востока и Запада, объединения наций новыми институтами, которые не являются инструментами чьей-то внешней политики, вполне созвучна сути России, ее геополитическому положению, ее истории и культурно-духовному измерению. Можно попробовать нарисовать такой образ (табл. 9).

Как видно из приведенных контуров будущей идеологической модели, все они без исключения вызывают критику нынешней элиты. В лучшем случае, они могут разделяться в некоторых аспектах отдельными группами. Далеко не всегда доминирующими. Хотя за 2006–2010 годы можно увидеть и существенный прогресс в понимании и согласовании этих контуров. Прогресс частный, может быть, даже не принципиальный, но все-таки прогресс. Так, в послании В. Путина 2007 года уже говорилось о базовых культурных и духовных ценностях. Об этом же говорили не раз Д. Медведев и С. Иванов. Примечательно, что в отчете министра культуры на правительстве 2 августа 2007 года эти ценности уже отмечались как базовые в деятельности министерства. Но пока что этот прогресс не подкреплён реальными политическими и экономическими решениями. В частности, в бюджете на 2008–2010 годы расходы на культуру будут значительно отставать от расходов на другие цели. Еще хуже — с наукой и образованием (рис. 10)⁵⁴.

Об этом же свидетельствует и численность занятых в НИОКР (рис. 11).

Выйти по показателям здоровья и образования на ведущую позицию в мире. Сегодня реальная

ситуация иная. Как следует из «доклада о развитии человека 2009», место России в седьмом десятке государств (табл. 10).

Четвертая группа целей — экономика и социальное равенство, показатели которых также должны соответствовать лучшим показателем в мире. Сегодня они также относятся к категории государств, скорее догоняющего развития (табл. 11).

Примерно также обстоят дела и с другими элементами (контурами) новой идеологической модели. Так, признавая усиление роли государства, нынешняя политика пока что не ориентирует наше государство на конкретную и главную задачу — развитие потенциала человеческой личности. По оценке А. Волкова, например, ситуация с целевыми ориентирами в образовании и реальное положение дел выглядит следующим образом.

№1 Доля мирового рынка образования 10% (доход от обучения иностранных студентов в Российских вузах не менее 5 млрд долларов)

емкость рынка 50-60 млрд долл., США – 30%, Великобритания свыше 20%, Германия – 10%, Франция – 10%, Россия – 0,2-0,3% мирового рынка

в 2005/2006 в РФ обучалось 1% иностранцев от общей численности студентов (оценка дохода 120 млн долл. в год), в Новой Зеландии – 28,3%, Великобритании – 16,2%, Германии – 11,2%, Франции – 11%

№2 Годовой доход профессорско-преподавательского состава в ведущих университетах на уровне высокоразвитых государств

США – 80-120 тыс. долл. в год, Германия – 60-80 тыс. долл. 170–250 тыс. долл. — зарплата в первой сотне ВУЗов
Нехватка квалифицированных преподавателей в США!

Рис. 12.

Табл. 10. Здоровье и образование*

Рейтинг страны по ИРЧП	Гос. расходы на здравоохранение		Гос. расходы на образование		Помощь, выделен- ная соц. секторам в % к по- мощи в целом	Образовательные уровни (% населения в возрасте 25 лет и старше)			Здо- ровая жизнь, ожида- емая при рожде- нии (лет)	Ожида- емая не- здоровая жизнь в % к ожидае- мой про- должи- тельности жизни
	на душу населения ППС, USD	в % от об- щих гос. расходов	на 1 ученика начальной школы ППС, USD	в % от общих гос. расходов		Низкий	Средний или среднее спец-е	Высокий		
	2006	2006	2003– 2006	2000– 2007	2007	2000– 2007	2000– 2007	2000– 2007	2007	2007
СТРАНЫ С ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА										
1 Норвегия	3780	17,9	7072	16,7		14,5	53,8	31,7	74	8
2 Австралия	2 097	17,2	5 181	13,3					75	8
3 Исландия	2758	18,1	7788	18,0		37,4	30,3	27,6	75	8
4 Канада	2585	17,9		12,5		23,7	38,1	38,2	75	7
5 Ирландия	2413	17,3	5100	13,9		40,0	31,2	26,4	74	7
6 Нидерланды	2768	16,4	5572	11,5		34,8	38,6	26,0	74	7
7 Швеция	2533	13,4	8415	12,9		20,7	51,1	27,0	75	7
8 Франция	2833	16,7	5224	10,6		42,6	35,9	19,8	76	6
9 Швейцария	2598	19,6	7811	13,0		21,4	52,3	26,2	76	7
10 Япония	2067	17,7		9,5		26,1	43,9	30,0	78	6
СТРАНЫ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА										
39 Бахрейн	669	9,5				50,3	38,4	11,2	66	13
40 Эстония	734	11,3	2511	14,6		27,9	42,3	27,5	71	3
41 Польша	636	9,9	3155	12,7					70	7
42 Словакия	913	13,8	2149	10,8		19,2	67,6	13,2	70	6
43 Венгрия	978	10,4	4 479	10,9		36,5	48,9	14,7	69	6
44 Чили	367	14,1	1287	16,0	34,0				72	8
45 Хорватия	869	13,9	2197	10,0	72,3	40,2	45,4	13,9	70	8
46 Литва	728	13,3	2 166	14,7		23,5	50,8	25,7	68	5
47 Антигуа и Барбуда	439	11,3			91,3				66	
48 Латвия	615	10,2		14,2		19,7	60,0	20,3	68	6
49 Аргентина	758	14,2	1703	13,1	54,7	65,7	23,2	11,1	69	8
50 Уругвай	430	9,2		11,6	51,4	75,3	15,1	9,6	70	8
51 Куба	329	10,8		14,2	77,5	59,6	31,0	9,4	71	10
52 Багамские острова	775	13,9		19,7		28,9	70,2	0,3	68	7
53 Мексика	327	11,0	1604	25,6	67,7	69,7	15,3	14,9	69	9
54 Коста-Рика	565	21,5	1623	20,6	26,2	64,7	18,5	15,0	71	10
55 Ливийская Арабская Джамахирия	189	6,5			51,6				66	11
56 Оман	321	5,4		31,1	22,8				67	11
57 Сейшельские острова	602	8,8	2399	12,6	39,4	51,8	36,8	7,4	65	
58 Венесуэла (Боливарианс- кая Республика)	196	9,3	583		71,0	63,9	21,7	12,8	68	8

окончание табл. 10

Рейтинг страны по ИРЧП	Гос. расходы на здравоохранение		Гос. расходы на образование		Помощь, выделен- ная соц. секторам в % к по- мощи в целом	Образовательные уровни (% населения в возрасте 25 лет и старше)			Здо- ровая жизнь, ожида- емая при рожде- нии (лет)	Ожида- емая не- здоровая жизнь в % к ожидае- мой про- должи- тельности жизни
	на душу населения ППС, USD	в % от об- щих гос. расходов	на 1 ученика начальной школы ППС, USD	в % от общих гос. расходов		Низкий	Средний	Высокий		
	2006	2006	2003– 2006	2000– 2007	2007	2000– 2007	2000– 2007	2000– 2007	2007	2007
59 Саудовская Аравия	468	8,7		27,6	78,8	65,8	19,2	14,9	64	12
60 Панама	495	11,5		8,9	47,1	66,0	23,1	10,4	68	10
61 Болгария	443	11,9	2045	6,2		40,4	41,3	18,0	69	6
62 Сент-Китс и Невис	403	9,5		12,7	58,7				67	
63 Румыния	433	12,4	941	8,6		47,3	43,6	9,0	68	6
64 Тринидад и Тобаго	438	6,9		13,4	69,9				64	8
65 Черногория	93	20,1			50,8	22,6	61,4	16,1	66	11
66 Малайзия	226	7,0	1324	25,2	30,9	61,3	27,1	8,0	66	11
67 Сербия	373	14,3			60,6				66	11
68 Беларусь	428	10,2	1196	9,3	85,4				66	4
69 Сент-Люсия	237	10,2	949	19,1	14,7				69	6
70 Албания	127	11,3		8,4	67,2	63,0	29,6	7,4	64	16
71 Российская Федерация	404	10,8		12,9					65	2
72 Македония (Бывшая Югославская Республика)	446	16,5		15,6	57,4	52,2	35,6	12,2	66	11

Примечание: Данные по показателям уровня смертности детей в возрасте до 5 лет (на 1 тыс. живорожденных): квинтилю благосостояния (низший и высший за 2000–2007 гг.) и образовательному уровню матери (низший /нет образования/ и высший /среднее или высшее/ за 2000–2007 гг.) отсутствуют.

Табл. 11. Экономика и неравенство

Рейтинг страны по ИРЧП	ВВП			ВВП на душу населения			Среднегодовое изменение индекса потребительских цен (%)		Доля дохода или потребления (%)		Диапазон неравенства	
	Млрд USD 2007	ППС USD 2007	USD 2007	К* ежегодного роста в постоянных ценах (%) 1990–2007	Высшее значение за период 1980–2007 ППС USD*	Год высшего значения	1990–2007	2006–2007	Беднейшие 10%	Богатейшие 10%	Богатейшие 10% к беднейшим 10%	К* Джини
СТРАНЫ С ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА												
1 Норвегия	388,4	251,6	82480	2,6	53433	2007	2,1	0,7	3,9	23,4 ^e	6,1	25,8
2 Австралия	821,0	733,9	39066	2,4	34923	2007	2,5	2,3	2,0 ^e	25,4 ^e	12,5	35,2
3 Исландия	20,0	11,1	64190	2,5	35742	2007	3,5	5,1				
4 Канада	1329,9	1180,9	40329	2,2	35812	2007	2,0	2,1	2,6 ^e	24,8 ^e	9,4	32,6
5 Ирландия	259,0	194,8	59324	5,8	44613	2007	3,0	4,9	2,9 ^e	27,2 ^e	9,4	34,3
6 Нидерланды	765,8	633,9	46750	2,1	38694	2007	2,4	1,6	2,5 ^e	22,9 ^e	9,2	30,9

Рейтинг страны по ИРЧП	ВВП			ВВП на душу населения			Среднегодо- вое измене- ние индекса потребитель- ских цен (%)		Доля дохода или потребле- ния (%)		Диапазон неравенства	
	Млрд USD 2007	ППС USD 2007	USD 2007	К* ежегод- ного роста в постоян- ных ценах (%) 1990– 2007	Высшее значе- ние за период 1980– 2007 ППС USD*	Год вы- сшего знач-я	1990– 2007	2006– 2007	Бед- ней- шие 10%	Богатей- шие 10%	Богатей- шие 10% к бед- нейшим 10%	К* Джини
7 Швеция	454,3	335,8	49662	2,3	36 712	2007	1,5	2,2	3,6 ^е	22,2 ^е	6,2	25,0
8 Франция	2589,8	2078,0	41 970	1,6	33 674	2007	1,6	1,5	2,8 ^е	25,1 ^е	9,1	32,7
9 Швейцария	424,4	307,0	56 207	0,8	40 658	2007	1,2	0,7	2,9 ^е	25,9 ^е	9,0	33,7
10 Япония	4384,3	4297,2	34 313	1,0	33 632	2007	0,2	0,1	4,8 ^е	21,7 ^е	4,5	24,9
СТРАНЫ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА												
39 Бахрейн	15,8	20,3	21 421	2,4	29 723	2005	0,5	-5,5				
40 Эстония	20,9	27,3	15 578	5,3	20 361	2007	10,3	6,6	2,7	27,7	10,4	36,0
41 Польша	422,1	609,4	11 072	4,4	15 987	2007	13,6	2,4	3,0	27,2	9,0	34,9
42 Словакия	75,0	108,4	13 891	3,4	20 076	2007	7,3	2,8	3,1	20,8	6,8	25,8
43 Венгрия	138,4	188,6	13 766	3,3	18 755	2007	13,4	7,9	3,5	24,1	6,8	30,0
44 Чили	163,9	230,3	9878	3,7	13 880	2007	5,7	4,4	1,6	41,7	26,2	52,0
45 Хорватия	51,3	71,1	11 559	3,0	16 027	2007	32,4	2,9	3,6	23,1	6,4	29,0
46 Литва	38,3	59,3	11 356	3,0	17 575	2007	11,8	5,7	2,7	27,4	10,3	35,8
47 Антигуа и Барбуда	1,0	1,6	11 664	1,8	19 085	2006						
48 Латвия	27,2	37,3	11 930	4,7	16 377	2007	13,3	10,1	2,7	27,4	10,3	35,7
49 Аргентина	262,5	522,9	6644	1,5	13 238	2007	7,3	8,8	1,2	37,3	31,6	50,0
50 Уругвай	23,1	37,3	6960	1,5	11 216	2007	19,7	8,1	1,7	34,8	20,1	46,2
51 Куба												
52 Багамские Острова	6,6		19 844				1,9	2,5				
53 Мексика	1022,8	1484,9	9715	1,6	14 104	2007	13,2	4,0	1,8	37,9	21,0	48,1
54 Коста-Рика	26,3	48,4	5887	2,6	10 842	2007	13,1	9,4	1,5	35,5	23,4	47,2
55 Ливийская Арабская Джамахирия	58,3	88,4	9475				1,2	3,4				
56 Оман	35,7	56,6	14 031	2,3	22 816	2006		6,0				
57 Сейшельские Острова	0,7	1,4	8560	1,4	16 771	2000	2,5	5,3				
58 Венесуэла (Боливарианс- кая Респ.)	228,1	334,1	8299	-0,2	12 233	1980	34,3	18,7	1,7	32,7	18,8	43,4
59 Саудовская Аравия	381,7	554,1	15 800	0,3	36 637	1980	0,5	4,2				
60 Панама	19,5	38,1	5833	2,6	11 391	2007	1,1	4,2	0,8	41,4	49,9	54,9
61 Болгария	39,5	86,0	5163	2,3	11 222	2007	55,7	8,4	3,5	23,8	6,9	29,2
62 Сент-Китс и Невис	0,5	0,7	10 795	2,8	14 481	2007	3,2	4,4				
63 Румыния	166,0	266,5	7703	2,3	12 369	2007	56,4	4,8	3,3	25,3	7,6	31,5
64 Тринидад и Тобаго	20,9	31,3	15 668	5,0	23 507	2007	5,2	7,9	2,1	29,9	14,4	40,3
65 Черногория	3,5	7,0	5804	3,8	11 699	2007						

продолжение табл. 11

Рейтинг страны по ИРЧП	ВВП			ВВП на душу населения			Среднегодо- вое измене- ние индекса потребитель- ских цен (%)		Доля дохода или потребле- ния (%)		Диапазон неравенства	
	Млрд USD 2007	ППС USD 2007	USD 2007	К* ежегод- ного роста в постоян- ных ценах (%) 1990– 2007	Высшее значе- ние за период 1980– 2007 ППС USD*	Год вы- сшего знач-я	1990– 2007	2006– 2007	Бед- ней- шие 10%	Бога- тей- шие 10%	Богатей- шие 10% к бед- нейшим 10%	К* Джини
66 Малайзия	186,7	358,9	7033	3,4	13 518	2007	2,8	2,0	2,6	28,5	11,0	37,9
67 Сербия	40,1	75,6	5435	0,0	13 137	1990	36,4	6,4				
68 Беларусь	44,8	105,2	4615	3,4	10 841	2007	114,2	8,4	3,6	22,0	6,1	27,9
69 Сент-Люсия	1,0	1,6	5834	1,3	9786	2007	2,6	2,5	2,0	32,5	16,2	42,6
70 Албания	10,8	22,4	3405	5,2	7041	2007	13,0	2,9	3,2	25,9	8,0	33,0
71 Российская Федерация	1290,1	2087,4	9079	1,2	14 690	2007	44,4	9,0	2,6	28,4	11,0	37,5
72 Македония (бывшая Югос- лавская Респ.)	7,7	18,5	3767	0,4	9096	2007	4,8	3,5	2,4	29,5	12,4	39,0
73 Доминика	0,3	0,6		1,4	7893	2006	1,6	3,1				
74 Гренада	0,6	0,8	5724	2,4	7557	2005	2,1	4,2				
75 Бразилия	1313,4	1833,0	6855	1,2	9567	2007	67,6	3,6	1,1	43,0	40,6	55,0
76 Босния и Герцеговина	15,1	29,3	4014	11,2	7764	2007			2,8	27,4	9,9	35,8
77 Колумбия	207,8	377,7	4724	1,2	8587	2007	13,6	5,4	0,8	45,9	60,4	58,5
78 Перу	107,3	218,6	3846	2,7	7836	2007	12,5	1,8	1,5	37,9	26,1	49,6
79 Турция	655,9	957,2	8877	2,2	12 955	2007	56,5	8,8	1,9	33,2	17,4	43,2
80 Эквадор	44,5	99,4	3335	1,2	7449	2007	30,1	2,3	1,2	43,3	35,2	54,4
81 Маврикий	6,8	14,2	5383	3,7	11 296	2007	6,2	8,8				
82 Казахстан	104,9	168,2	6772	3,2	10 863	2007	24,3	10,8	3,1	25,9	8,5	33,9
83 Ливан	24,4	41,4	5944	2,4	10 137	2004						
Арабские государства	1347,1	2285,8										
Центральная и Восточная Европа и СНГ	3641,3	5805,0										
Восточная Азия и Тихий океан и Кариб- ский бассейн	5661,6	11 184,6										
Латинская Америка	3610,5	5576,6										
Южная Азия	1727,5	4622,5										
Африка к югу от Сахары	804,0	1481,7										
ОЭСР	40 378,6	38 543,3										
Европейский союз (EC27)	16 843,0	14 811,7										
ССАППЗ	761,4	1034,4										
Страны с очень высоким уровнем РЧП	39 078,8	36 438,4	39 821	1,8								

Рейтинг страны по ИРЧП	ВВП			ВВП на душу населения			Среднегодо- вое измене- ние индекса потребитель- ских цен (%)		Доля дохода или потребле- ния (%)		Диапазон неравенства	
	Млрд USD 2007	ППС USD 2007	USD 2007	К* ежегод- ного роста в постоян- ных ценах (%) 1990– 2007	Высшее значе- ние за период 1980– 2007 ППС USD*	Год вы- сшего знач-я	1990– 2007	2006– 2007	Бед- ней- шие 10%	Бога- тей- шие 10%	Богатей- шие 10% к бед- нейшим 10%	К* Джини
Очень высокий уровень РЧП: страны ОЭСР		35 194,8										
Очень высо- кий уровень РЧП: страны — не члены ОЭСР		1243,6										
Страны с высоким уровнем РЧП	7929,2	11 321,4	8470	2,1								
Страны со средним уровнем РЧП	7516,8	16 837,5	1746	4,8								
Страны с низким уровнем РЧП	147,4	312,4	380	0,0								
Мир в целом	54 583,8	64 909,7	8257	1,6								

* К — Коэффициент

В любом случае, даже если мы и не согласны с чьей-то моделью будущей России, мы должны ясно понимать, что анализ, прогноз будущего, формирование в этих условиях образа России, ее народа и экономики обязательны в качестве условия эффективного управления страной. Если мы отказываемся это делать, то такой образ будет сделан **без нас и за нас**. И не потому, что кто-то уж очень хочет нам внедрить неверную модель, а потому, что разработка прогнозов и моделей стало обязатель-

ной частью всего процесса подготовки и принятия политических решений. Так, например, новые экономические тенденции в стратегическом прогнозе Национального разведывательного сообщества США представлены следующим образом: «Мировая экономика, вероятно, продолжит возрастать, поражая воображение: к 2020 году она предполагается приблизительно на 80% большей, чем была в 2000 году, а средний доход населения будет примерно на 50% выше».

5. Неизбежность оригинального выбора: новая дискуссия о модернизации

Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности⁵⁵.

*Стратегия национальной
безопасности России до 2020 года*

К сожалению Стратегия, впервые зафиксировавшая приоритеты национального развития и переход к новой государственной политике. Остается не реализованной. Как и многие другие хорошие нормативные документы она оторвана от реальной политической практики, в особенности социально-экономической, существующей как бы сама по себе. Типичный пример этому — программная речь на

Госсовете В. Путина 9 февраля 2008 года, подводящая итоги его президентства. Сегодня, в 2011 году, она интересна тем, что, с одной стороны, можно согласиться с В. Путиным относительно положительных и масштабных итогов, а, с другой — удивиться тому, насколько его планы оказались нереализованными в последующие годы, насколько нелогична, непоследовательна и сумбурна была предложенная

им стратегия развития страны на будущее. Но сначала о действительно впечатляющих итогах развития России за 2000–2008 года, которые стали пока что пиком достижения нынешней элиты.

«Ценой немалых усилий нам удалось предотвратить распад страны и остановить войну на Северном Кавказе...

Мы восстановили единое правовое пространство страны. Региональная правовая база приведена в соответствие с федеральным законодательством.

Мы не только вновь стали единой страной, но все эти годы вели целенаправленную работу по развитию федеративных отношений.

Было проведено чёткое разграничение полномочий Федерации, регионов и местного самоуправления.

Укреплена материальная база и реальная независимость судов...

И весь этот период мы последовательно работали над формированием устойчивой, дееспособной политической системы...

Нам удалось избавить страну от порочной практики принятия государственных решений под давлением сырьевых и финансовых монополий, медиамагнатов, зарубежных политических кругов и оголтелых популистов, когда не только национальные интересы, но и элементарные потребности миллионов людей цинично игнорировались...

Сейчас можно твёрдо сказать: с политическим бесправием народа покончено...

И, наконец, Россия вернулась на мировую арену как сильное государство — государство, с которым считаются и которое может постоять за себя...

Мы накопили серьёзный внешнеполитический капитал, и он работает на развитие страны, защиту интересов граждан и национального бизнеса.

Приведу только несколько цифр. За последние восемь лет накопленный объём иностранных инвестиций в российскую экономику вырос не на какие-то проценты — в 7 раз. Напомню, что в предыдущий период чистый отток капиталов — и вы это хорошо знаете — ежегодно составлял 10–15–20, а то и 25 миллиардов долларов. А в 2007 году отмечен рекордный абсолютный приток капитала в Россию — 82,3 миллиарда долларов.

Капитализация фондового рынка по отношению к 1999 году выросла вообще фантастически — в 22 раза!...

Товарооборот России с зарубежными странами увеличился более чем в 5 раз. Ежегодно за границей бывает более 6 миллионов наших граждан.

Сегодня мы уже полностью восстановили и утраченный за 90-е годы уровень социально-экономического развития. Реальные доходы граждан превысили дореформенные показатели. Устойчиво растёт экономика...».

На мой взгляд, дискуссия о выборе между Востоком и Западом, «почвенниками» и «западниками», «Азией» и «Европой», продолжающаяся все последние

годы, — упрощенный подход, который не имеет практического значения и решения. России в процессе модернизации (а лучше бы еще до начала этого процесса) придется, во-первых, формировать собственную, **оригинальную модель развития, собственный образ будущего**, а, во-вторых, это все равно придется сделать, это объективно неизбежно. Хочет того правящая элита, или нет, хотя бы из-за существования совершенно реальных проблем, непосредственно угрожающих существованию нации.

Одна, наверное, важная из них, — демографическая. Как видно из доклада, Российская Федерация находится в исключительно неблагоприятном положении. По коэффициенту естественного прироста населения (в %) она уступает практически всем странам мира (компанию ей составляют лишь Беларусь, Украина и Болгария). В конечном счете этот агрегированный показатель говорит обо всем, в том числе и о реальных результатах политики власти за последние 20 лет. О выборе, который заключается не в выборе модели модернизации, а в выборе цивилизационной модели сохранения и развития нации.

Как видно из таблицы 12, до 2020 года ожидается абсолютное сокращение численности населения России почти на 13 млн человек. Напомню, что демографический показатель — главный в период «фазового» перехода и основной показатель НЧП. Собственно нация без граждан и страна без населения — не имеют смысла.

Другой аспект — качество населения или, точнее, качество человеческого потенциала нации: уровень образования, продолжительность жизни, культуры, информационного оснащения и т. д. Но в любом случае выбор модели модернизации, пути развития несет значительные **последствия для нации**. Если в результате политики модернизации ослабляется или даже уничтожается национальная идентичность, то такая политика, даже самая успешная, нации и государству не нужна, ибо, в конечном счете, приведет к исчезновению и нации, и государства, т. е. бессмысленна.

На самом деле успешная модернизация вне национальных интересов и ценностей невозможна потому, что превращается в перерождение всей системы ценностей, т. е., опять же, теряется смысл всей модернизации. Если, конечно, модернизация не является самоцелью, самоценностью.

Неизбежность оригинального решения пока еще не очевидна для российских политиков и экспертного сообщества. Думается, что она и не будет очевидной до тех пор, пока усилия «приспособить» нашу страну к Западу или Востоку не окажутся окончательно безуспешными.

Этот неизбежный выбор — объективная потребность, которая вытекает из адекватного анализа и прогноза развития глобальных тенденций: экономических, финансовых, социальных и др.

Или национальных политик самодостаточных стран. Таких, как США, Китай, Индия, различия

Табл. 12. Демографические тенденции в некоторых странах мира

Рейтинг страны по ИРЧП	Общая численность населения (млн)			К* ежегодного естественного прироста населения (%)		Чистый К* международной миграции (%)		Городское население (% общего числа)		К* демографической нагрузки детей		К* демографической нагрузки пожилых		Общий К* фертильности (рождения на одну женщину)	
	1990	2007	2020	1995	1990	1990	1990	1990	2010	1990	2010	1990	2010	1990	2005
60 Панама	2,4	3,3	4,0	2,0	1,6	0,1	0,1	53,9	74,8	58,8	45,0	8,4	10,4	2,9	2,6
61 Болгария	8,8	7,6	7,0	-0,3	-0,5	-0,8	-0,1	66,4	71,7	30,5	19,6	19,7	25,5	1,5	1,4
62 Сент-Китс и Невис	0,0	0,1	0,1					34,6	32,4						
63 Румыния	23,2	21,5	20,4	0,0	-0,2	-0,5	-0,2	53,2	54,6	35,7	21,8	15,8	21,3	1,5	1,3
64 Тринидад и Тобаго	1,2	1,3	1,4	1,1	0,7	-0,4	-0,3	8,5	13,9	56,8	28,3	9,2	9,5	2,1	1,6
65 Черногория	0,6	0,6	0,6	0,7	0,2	0,5	-0,2	48,0	59,5	40,2	28,3	12,7	18,8	1,8	1,6
66 Малайзия	18,1	26,6	32,0	2,3	1,6	0,3	0,1	49,8	72,2	63,5	44,0	6,2	7,3	3,5	2,6
67 Сербия	9,6	9,8	9,8	0,4	0,0	0,9	0,0	50,4	52,4	34,6	25,9	14,3	21,1	2,0	1,6
68 Беларусь	10,3	9,7	9,1	0,0	-0,5	0,0	0,0	66,0	74,3	34,8	20,4	16,1	18,6	1,7	1,3
69 Сент-Люсия	0,1	0,2	0,2	1,8	1,1	-0,6	-0,1	29,3	28,0	65,4	38,3	13,4	10,1	3,2	2,0
70 Албания	3,3	3,1	3,3	1,7	0,9	-2,6	-0,5	36,4	48,0	53,0	34,0	8,6	14,4	2,8	1,9
71 Российская Федерация	148,1	141,9	135,4	-0,2	-0,4	0,3	0,0	73,4	72,8	34,3	20,8	15,1	17,9	1,5	1,4

* К — Коэффициент

между которыми определялись **их** собственными национальными интересами, а не только мировыми тенденциями. У США, — как пишет Р. Каплан, — «стремлением распространить свою идеологию», а у Китая — «обеспечить свои потребности в энергоресурсах и сырье»⁵⁶.

Ни одна из этих глобальных или национальных тенденций не может быть эффективно использована Россией, если она попытается вписаться в нее на чужих условиях — политических или экономических. Это видно уже сегодня. Как только мы начинаем играть по чужим правилам (будь то США, МВФ или ВТО), Россия немедленно остается в проигрыше. Как только мы начинаем использовать чужие идеологические модели (в их коммунистической или неоллиберальной форме, например), мы всякий раз оказываемся в тупике. Последний пример — абсолютизация макроэкономических показателей и чужих прогнозов, которая в России была доведена до абсурда.

В США, как видно, всерьез занимаются долгосрочным прогнозированием мировых тенденций развития, на основе и с учетом которых формируется долгосрочная стратегия страны.

Адекватная оценка ресурсов и соотношения сил позволяет правящей элите ставить реальные цели перед обществом и государством. Так, очевидно, например, что Россия, отставая от США на порядок, т. е. в 10 раз по ВВП и объему экспорта (а по численности населения в 2 раза) не может в качестве реальной поставить задачу «догнать и перегнать Америку». Во всяком случае, в ближайшие 30–50 лет, но вполне

может поставить задачу вплотную приблизиться к ней через 20 лет.

Соответственно, необходимо предположить, что высокие темпы роста ВВП у КНР, сохраняющиеся уже несколько десятилетий, сделают соотношение экономик России и КНР уже не 1:6, а 1:10, или даже 1:15 в ближайшие 20–25 лет. Даже с учетом относительно высоких темпов роста ВВП России в последние годы.

Более того, из простого анализа видно, что даже при темпах роста США в 90-е годы и начале XXI века (порядка 3,5% в год) **только ежегодный прирост равен всей российской экономике образца 2003 года**. Поэтому идея «удвоения ВВП» появилась у В. Путина как неизбежная реакция на необходимость сокращения этого разрыва. Кстати, темпы роста ВВП России в 2007 году составили более 7% (для «удвоения» надо 7,2%), что выглядит вполне реалистично, как и рост душевого ВВП в России за 2006–2007 годы в несколько раз.

Подобные глобальные оценки и прогнозы важны хотя бы потому, что они позволяют правящей элите формировать **адекватные внешнеполитические цели**, соизмеримые с реальными экономическими и военными возможностями. Они также важны и при формировании стратегии социально-экономического развития страны, когда очевидное отставание в социальном положении граждан становится уже не просто очевидным, но и недопустимым, требующим принятия неотложных мер.

Другой пример критической оценки возможностей: крупная (но отнюдь не гигантская по западным меркам) кампания «Рено» получила в 2005 году доход

Табл. 13. Доля отдельных стран и групп в ВВП, в экспорте и населении мира в 2002 г., %

Страны	Число стран	ВВП	Экспорт	Население
Развитые экономики	29	55,7	74,8	15,4
Основные индустриальные страны:	7	44,0	45,0	11,5
США		21,1	12,4	4,7
Япония		7,1	5,2	2,1
ФРГ		4,4	9,1	1,3
Франция		3,2	5,1	1,0
Италия		3,0	4,0	0,9
Великобритания		3,1	5,1	1,0
Канада		2,0	3,8	0,5
Европейский союз	15	19,7	38,8	6,2
Развивающиеся страны:	125	38,1	20,3	78,2
Китай		12,7	4,6	20,7
Индия		4,8	0,9	17,0
Страны с переходной экономикой:	28	6,3	4,8	6,4
Россия		2,7	1,5	2,3

более 40 млрд евро. Это сопоставимо со стоимостью всей машиностроительной продукции в 2005 году в России и в 10 раз превышает ее экспорт вооружений, техники и услуг за рубеж⁵⁷. Поэтому, когда в 2005 году говорили о росте экспортных возможностей России в области машиностроения, следует понимать насколько в действительности этот экспорт мал не только по сравнению с экспортом США и КНР, но даже отдельной европейской компании.

Этот прогноз будущего соотношения сил в мире имеет прямое отношение к России, в частности, к главному приоритету, сформулированному президентом, — удвоению ВВП. При таком «среднем» росте душевого ВВП в мире, в США он, вероятно, вырастет, — по моей оценке — с **40 тыс. долларов** до **70–80 тыс. долларов** к 2020 году, а в России — с 15 тыс. долларов до 20–35 тысяч.

По оценкам экспертов ИМЭМО РАН, к 2020 году ранжирование стран по объему ВВП в ценах и по ППС 2005 г. будет выглядеть следующим образом: КНР (23%), США (18%), Индия (8,4%), Япония (4,6%), Россия (3,2%), Германия (2,9%), Бразилия (2,4%) — в скобках указана доля стран в мировом ВВП. Эти разные страны объединяет активный поиск национальных и многосторонних моделей адаптации к реалиям глобальной и постиндустриальной экономики. В сочетании с замедлением роста населения, они приводят к резкому, более чем двукратному по сравнению с 90-ми приросту ВВП на душу населения. В результате в 2020 г. почти половина населения Земли (48,8%) будет жить в стране со среднедушевым ВВП более \$10 000 в год, тогда как в 2005 г. в таких странах проживало 1,5 млрд человек, или 23,2% населения мира. При сохранении значительной дифференциации в доходах в средний класс может превратиться до 40% населения планеты.

По ВВП на душу населения, характеризующему не только количественные, но и качественные параметры развития, США увеличат свой отрыв от других крупных стран. Россия в 2020 г. по ВВП на душу населения займет 40-е место (\$27 000), Китай — 52-е (\$19 000) — в ценах и по ППС 2005 года⁵⁸. И вот тут мы вступаем в полосу предположений.

Если «удвоение» ВВП будет достигнуто к 2012 году, то очередное «удвоение» — к 2020 году, т. е. мы можем предположить, что к тому времени, когда процветающие Соединенные Штаты будут пользоваться всеми возможностями, предоставляемыми душевым ВВП в 70–80 тыс. долларов, граждане России останутся на уровне 20 тыс. (или 35 тыс.?), т. е. **не достигнут даже нынешнего уровня развитых стран**. Таких, как Греция и Португалия. Уровня, подчеркнем, начала XXI века. Согласны ли мы с такой перспективой не только для себя, но и для наших детей и внуков?

Более того, вполне вероятно, что государства и нации, обладающие к 2025–2040 годам душевым доходом в 20 тыс. долл., не смогут вообще сохранить ни своего суверенитета, ни национальной идентичности в полном объеме, т. е. эти государства и нации могут вообще исчезнуть либо станут в полной мере зависимыми.

Вывод таков: исторический вызов для России заключается в том, чтобы воспользоваться новой волной мирового экономического роста, использовать потенциал глобализации в своих интересах. Как отмечают ученые ИМЭМО, «По оценкам, Россия имеет серьезные шансы для вхождения в лидирующую пятерку мировых экономических держав. Достижение этого результата возможно, если до 2020 г. среднегодовые темпы роста ВВП будут не ниже 5,5%. Внешние условия для этого благоприятны: не ожидается

драматического падения мировых цен на углеводороды, Россия граничит с новым полюсом мирового экономического роста — Китаем, кроме того, имеет многовекторные и растущие хозяйственные связи с крупнейшими центрами мировой экономики»⁵⁹.

Разумеется, будущее определяется не только количественными макроэкономическими показателями. Сегодня, например, крайне важно понять, что развитые страны находятся на грани перехода от индустриально-технологического этапа развития к интеллектуально-духовному (культурному), на котором **новые** факторы развития, **новые** критерии будут определять условия функционирования общества и государства⁶⁰. Это значит, что в передовых странах будет создана не только качественно новая экономика, но и качественно новое общество. Какими они будут? Какими будут общество и экономика?

Ответ не так прост, как кажется. У авторитетных социологов и футурологов сегодня немало не только оптимистических, но и пессимистических оценок, в т. ч. и по отношению к развитым странам. Так, американский социолог Э. Тоффлер считает политические перспективы развития уже не оптимистическими: «Граждане проявляют больше, чем гнев, — отвращение и презрение к своим политическим лидерам и правительственным чиновникам. Они чувствуют, что политическая система, которая призвана быть штурвалом или стабилизатором в меняющемся стремительном обществе, сама разрушена, крутится и машет крыльями без всякого контроля»⁶¹.

Другими словами, у ведущих государств мира через 20–25 лет отнюдь не обязательно будет совершенная политическая система, мудрые лидеры и разумная политика. Что произойдет, если у власти у новых экономических (и военных) гигантов окажутся не мудрые политики, а авантюристы, либо деятели, которые будут готовы любыми средствами отвоевывать то, что им будет казаться национальными интересами? Мир отнюдь не идеален. Более того, авторитетные западные специалисты прогнозируют рост социальной и политической напряженности. Как пишет обозреватель Financial Times М. Вульф, «По всему миру расслоение между трудом и капиталом углубилось. Новые «высокостимулированные» менеджеры, свободные от комплексов, чувствуют себя вправе получать доходы с растущим количеством нулей. Финансовые спекулянты способны «сделать» миллиарды долларов не за всю жизнь, а за один-единственный год. Политическое напряжение растет. Демократические политики, власть которым дало большинство, уверены, что концентрации доходов и изобилия необходимо противодействовать»⁶².

К сожалению, реальная политика, ее современная история, говорят в пользу того, что мощная держава не очень-то считается с чужими национальными интересами или принципами гуманизма. Простой пример. Недавно российские ученые обнаружили в Северном Ледовитом океане огромную территорию

в 1,2 млн кв. км, которая, как они полагают, феноменально богата полезными ископаемыми. Если России удастся расширить свой континентальный шельф, то она приобретет огромные дополнительные ресурсы. Добавим, если ей это удастся⁶³. Зависеть это будет, прежде всего, от того, насколько она будет сильна.

Трезвый, ответственный политик в России должен отчетливо понимать, что если в среднесрочной перспективе — 10–15 лет — нам не удастся войти в число передовых государств, то наша участь неизбежно будет печальна. Устаревший военно-технический потенциал, отсталые технологии и низкий интеллектуально-духовный уровень нации не смогут быть компенсированы ни природными ресурсами, ни политическим искусством для преодоления разрыва с передовыми странами.

Вот почему перед нами стоит проблема **оценки** возможности такого разрыва. Не случайно, что именно в 2006–2007 годах у В. Путина, Д. Медведева, С. Иванова и других политиков не раз звучала в выступлениях мысль о том месте, которое должна занимать Россия в 2020–2025 годы в мире.

Очевидно, что возможный разрыв будет не просто огромный по масштабу, но и очень эффективный, принципиально, качественно иной. Когда государства и общества отличаются друг от друга по уровню развития, то неизбежно возникает вопрос о свободе выбора, да и свободе, независимости нации вообще. Если сегодня попытаться представить себе масштабы этого разрыва в 2025 году, то можно предположить, что:

С точки зрения **экономической**, например, энерго- и ресурсопотребление передовых государств сократится на 50–70%, при росте ВВП на 80%, а в случае вероятных революционных изменений, и на 500–1000%. С учетом вероятного появления новых источников энергии, это будет означать для России полную ликвидацию рынков продаж своих углеводородов, т. е. краха экономики в ее нынешнем виде.

С точки зрения **социальной**, небольшая часть населения, возможно всего 20%, сможет воспроизводить все необходимое не только для развития страны опережающими темпами, но и для всех остальных стран мира.

Чем будут заняты остальные человеческие ресурсы в развитых странах? Видимо, креативной деятельностью и свободным творчеством. Это означает, что потенциал человеческой личности может развиваться невиданными темпами, **создавая нового человека, новое общество и новое государство**. Естественно, и новое отношение к человеку.

Примечательно в этой связи сравнение, хорошо характеризующее отношение в России к человеку труда. На каждый доллар, который зарабатывает российский работник, отдача для предприятия составляет в среднем 2,6 доллара. Таким образом, россияне работают эффективнее европейцев более, чем в полтора раза, где отдача составляет всего 1,14 доллара,

сообщают «Ведомости» со ссылкой на независимые исследования AXES Management и Price Waterhouse Coopers (PWC).

Понятен и основной вектор развития — **человеческий потенциал**. В прямом и переносном смысле человек становится дороже для общества и государства. Он уже не только главная движущая сила, но и во многом **критерий эффективности развития государства и общества**. Сегодня уже именно эти параметры становятся определяющими. Так, в конце 2006 года ЮНИСЕФ представил рейтинг **качества жизни детей в разных странах** на основании 40 показателей, среди которых уровень благосостояния, семейных отношений и здравоохранения⁶⁴ отдельных стран (в порядке убывания) выглядит следующим образом (табл. 14)

Табл. 14.

1.	Нидерланды
2.	Швеция
3.	Дания
4.	Финляндия
5.	Испания
6.	Швейцария
7.	Норвегия
8.	Италия
9.	Ирландия
10.	Бельгия
11.	Германия
12.	Канада
13.	Греция
14.	Польша
15.	Чешская Республика
16.	Франция
17.	Португалия
18.	Австрия
19.	Венгрия
20.	США
21.	Великобритания

Этот рейтинг (в котором Россия вообще не присутствует) говорит о многом, но, прежде всего о том, что к 2025, когда сегодняшние дети станут главной движущей силой развития, именно их потенциал будет определять потенциал наций. Надо понимать, что в будущем обществе и экономике знаний **новое качество человека** не появится ниоткуда. Оно формируется сегодня, сейчас. И не только социально-экономическими условиями, но и уровнем образования, здравоохранения, культуры в стране. И если в этом рейтинге ЮНИСЕФ российские дети не присут-

ствуют, то будущее у России вполне очевидно. Если, конечно же, сегодня не удастся немедленно внести радикальные изменения в ситуацию в России.

Вот почему 2006–2007 годы я считаю рубежом в радикальном изменении не только в финансовой и демографической политике, но, прежде всего, в **идеологии элиты**. Удалось добиться главного — демографическая ситуация была осознана, и ее изменение стало одним из политических приоритетов. Будущая модель России стала представляться собой нечто более адекватно современным реалиям, т. е. ориентированной на человека. Не случайно уже в июне 2007 года на форуме в Санкт-Петербурге Д. Медведев определил развитие потенциала человеческой личности как главную задачу государственной политики.

Другой пример, иллюстрирующий значение качества человеческого потенциала. Нынешний Стабфонд равен примерно 100 млрд долл., т. е. порядка 1 тыс. долл. на каждого гражданина РФ. Это богатство создавалось несколько лет, хотя, если бы за эти же годы каждый из трудоспособных граждан производил продукции всего лишь на 200 долл. в месяц больше, то дополнительного богатства было бы произведено **вдвое больше**. Причем, не за счет продажи ресурсов, а **за счет труда**. При этом чем качественнее труд, тем выше доход. Очевидно, что чем больше активных, ориентированных на расширение производства личностей, тем богаче экономика, сильнее государство. Не сырье, таким образом, а личность — главный ресурс нашего века. Япония, которая по площади меньше одной Архангельской области, и вовсе не имеет природных ресурсов, но дает приют населению, сравнимому по численности с нашим (127 млн человек — у них, 142 — у нас), производит в четыре раза больший ВВП — 4 трлн долл. против 1 трлн⁶⁵.

Соответственно менее развитые государства будут вынуждены концентрировать все свои ресурсы, в т. ч. ресурсы потенциала человеческой личности, на обеспечении выживания, а не развития, все больше и больше отставая по качественным показателям от развитых стран. Этот вывод не противоречит прогнозам опережающего экономического развития развивающихся стран, прежде всего принадлежащих к группе БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), в ближайшее десятилетие. Если им не удастся качественно изменить динамику развития, их количественный рост ВВП мало что изменит в соотношении сил в будущем. Ни в науке, ни в технологиях, им так и не удастся догнать передовые страны.

Поэтому вопрос о качественно новом этапе развития и соответствующей модели — принципиален. В США, например, полагают, что формирование основных элементов информационного общества завершится к 2015 году. На самом деле, это может произойти и скорее. Для нас важно, что к тому времени России еще только войдет в информационный этап развития. Тот, который была начат в США еще в 80-е годы, т. е. разрыв сохраняется **на целый этап**.

Соответственно в будущей модели развития мы должны закладывать параметры, которые соответствуют не уходящего — информационному — этапу, а следующему. Это означает, что наше видение будущей России предполагает образ некой идеальной страны, мирового лидера на постинформационной стадии развития человечества.

В 2007 году российская экономика демонстрирует рекордные темпы экономического роста. Достигнутые результаты позволяют руководству страны вновь поставить вопрос об ускоренной модернизации России, необходимость в которой ощущается, может быть, острее, чем когда бы то ни было в прошлом. Для этого важно ясно видеть тот образ, ту модель, которая будет соответствовать не сегодняшним представлениям, а уровню 2015–2020 годов.

Как известно, в своем историческом развитии наша страна прошла через несколько витков модернизации — начиная со времен Петра I и заканчивая советской научно-технической революцией. И каждый раз в повестку дня ставился один и тот же вопрос: догнать и (если удастся) перегнать наиболее развитые в экономическом и военно-техническом отношениях страны Запада.

И каждый раз поставленная задача, несмотря на, казалось бы, грандиозные успехи, оказывалась невыполненной, а модернизация — незавершенной. России так и не удалось попасть в элитный клуб наиболее развитых экономик мира. Последняя неудача — крах советской модели модернизации — стоила народу особенно дорого: распада СССР с последующим многолетним кризисом, отбросившим страну на десятилетия назад.

С этой точки зрения создание модели будущей России имеет огромное значение. Весь опыт СССР и России свидетельствует: как только намечается процесс оздоровления и перспектива умеренного развития в жизни страны сразу же появляются деструктивные силы, которые уведат страну с правильного пути. Политическая ситуация в России в 2007–2008 годах в очередной раз может подтвердить эту тенденцию. Поэтому создание перспективной идеологической модели страны имеющей стратегический, долгосрочный характер, безусловно, способствует не только стабилизации и сохранению преемственности позитивного курса, но и неизбежно нивелирует вмешательство деструктивных сил.

В наши дни наиболее приоритетная задача — ускоренная модернизация, т. е. преодоление разрыва в уровне социально-экономического развития между нашей страной и странами-лидерами. Эта задача должна быть заложена в качестве стержневой в модель будущего государства. Дело в том, что неравномерность развития различных государств и регионов мира в последние годы резко возросла как следствие научно-технической революции. Группа наиболее развитых стран («золотой миллиард») входит в период создания общества знаний, в котором

наука становится основной производительной силой, а уровень развития человеческой личности — основным показателем развитости общества. В то же время большая часть человечества еще находится на индустриальной (или даже доиндустриальной — традиционной) стадии развития.

При формировании модели следует иметь в виду: ускорение научно-технического прогресса достигло таких темпов, что страны-аутсайдеры рискуют отстать «навсегда», т. е. лишиться шанса в исторически обозримой перспективе преодолеть свое отставание. А следствием социально-экономического отставания становится отставание военно-техническое с перспективой утраты государственного суверенитета. Это в полной мере относится и к нашей стране. Стало очевидно: нельзя упустить время для модернизации России, без которой ей не сохранить себя в жесткой мировой конкуренции.

Таким образом, сегодня перед нами стоят очень серьезные задачи. Решение их — ключ к долгосрочному росту российской экономики. При этом, среди таких задач особое значение имеет развитие человеческого капитала, потенциала человеческой личности. С точки зрения развития российской экономики, главным условием также является развитие человеческой личности: талант, способности личности играют сегодня определяющую роль в экономической жизни. Именно в таком аспекте и следует рассматривать реализуемые сегодня в России приоритетные национальные проекты: «Образование», «Здоровье», «Развитие агропромышленного комплекса», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России!». В силу остроты сложившейся в нашей стране демографической ситуации меры по преодолению демографического кризиса были также приравнены к приоритетному национальному проекту. Но общим для всех нацпроектов знаменателем выступает потенциал человека.

Масштаб этих социальных инициатив впечатляющий. Данные проекты подразумевают существенные дополнительные расходы в названных сферах — на сумму около 0,5–0,6% ВВП ежегодно. Одновременно проводятся структурные и институциональные реформы. В целом расходы составляют около 9% ВВП, или 30% всех бюджетных затрат, что, однако, еще недостаточно, ведь в США, например, на эти цели тратится уже более 50% бюджета.

Реализация нацпроектов не означает простого, механического увеличения ассигнований на те или иные программы. Речь идет о развитии **творческого начала у граждан страны**, руководителей всех уровней. Проявляется такая направленность в сознательной ставке на лидеров, что характерно для всех нацпроектов. Проект «Образование», например, предполагает стимулирование наиболее способных учеников и педагогов, самых продвинутых школ и вузов.

В проекте «Доступное и комфортное жилье — гражданам России!» поддержку получают в первую

очередь те семьи, муниципалитеты и субъекты федерации, которые готовы вкладывать в строительство жилья собственные средства, содействовать — организационно, законодательно, финансово — внедрению этих проектов.

А в проекте «Развитие АПК» предусматривается льготное кредитование строительства крупных животноводческих комплексов, но опять-таки тех, в которые собственники готовы инвестировать капитал.

Таким образом, нацпроекты помогают выявить наиболее перспективные точки роста в соответствующих сферах народного хозяйства и, стимулируя их, добиваться общего прогресса.

Другой принципиальной особенностью программы нацпроектов является их инновационная направленность: государственную поддержку получают именно те направления развития, которые связаны с использованием и внедрением самых передовых технологий. Здесь и компьютеризация всех без исключения школ, обеспечение доступа к Интернету, снабжение медицинских учреждений самым передовым (прежде всего диагностическим) оборудованием, финансовая поддержка вузов, использующих современные методы и формы обучения.

Иными словами, сверхзадачей приоритетных национальных проектов является создание в России социально-экономической инфраструктуры, адекватной требованиям новой инновационной экономики — экономики знаний. Одновременно обеспечивается общий подъем всей социальной сферы, общего уровня жизни населения, что, в свою очередь, способствует накоплению так называемого «человеческого капитала».

Напомню, что в развитых государствах вложения в образование, науку, культуру, здравоохранение в разы превышают вложения в машины, оборудование, здания, сооружения. Соответственно и основной прирост национального богатства **определяется сегодня, прежде всего качеством жизни и условиями, созданными для раскрытия человеческого потенциала.** Этот подход должен возобладать и в

России. Эта позиция должна стать ключевой и при построении модели будущей России, ее экономического и социального устройства.

Модель нового общества должна отрицать инерционность, заданность в прогнозах и темпах развития экономики. Следует помнить, что успешная реализация стратегии ускоренной модернизации России будет означать переход всей нашей экономической и социальной сферы в новое качество, которое в разы будет превосходить нынешний уровень экономики. Следствием построения в России экономики знаний и соответствующего ей общества, повторю еще раз, будет резкое, в разы, повышение экономического и оборонного потенциала страны. Из этих новых возможностей следует исходить, прогнозируя будущее соотношение сил в мире. Поэтому самые смелые прогнозы, например Д. Медведева, о роли России в мире, вполне обоснованы. Если, конечно, удастся в полной мере реализовать фактор «человеческого потенциала» уже в нынешний период. Так, воля, работа по реализации нацпроекта «Доступное жилье» привели к росту строительной отрасли за 2006 год более чем на 15%. В 2007 году видно, что этот рубеж будет заметно превышен. Может быть до 23–26%. Таких темпов роста у отрасли не было никогда за всю историю СССР и России.

Одновременно это позволяет еще раз подчеркнуть, что при желании — проявленной политической воле — такой рост возможен не для одной, а для многих отраслей, регионов и подотраслей. Более того, для всей экономики в целом. Именно возможности и необходимость таких темпов роста должны быть заложены в модель будущего государства и его экономики.

Перечисленные характеристики модели будущей России, конечно же, не исчерпывают всех ее параметров. Особенно социальных, которые в не меньшей степени, чем экономические влияют на темпы развития экономики и общества. Они дают лишь самые общие контуры модели, того образа, который мы должны себе представить, говоря о будущей России.

¹ Мигранян З. А. Идеология и поэзия. Английский романтизм в России: Байрон против Саути // Вестник МГИМО(У). 2010. № 3 (12). С. 203.

² Прим. Авт.: Умная экономика — саморазвивающаяся система экономических взаимоотношений внутри страны, когда они реализуются с использованием новейших экологических и максимально прибыльных технологий, методов управления, позволяющая в значительной степени удовлетворять потребности общества и национальные интересы на базе соответствующего уровня развития науки.

³ Келле В. Ж. Духовность и интеллектуальный потенциал / В сб. «В диапазоне гуманитарного знания». Серия «Мыслители», выпуск 4, СПб.: СПб философское общество, 2001 URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kelle/kagan_03.html

⁴ Личный разговор.

⁵ См., например: Подберезкин А. И., Карпенко М. П. Глава III. Реализация потенциала личности — единственный эффективный способ и цель развития общества. В кн.: XXI век: стратегия для России. М.: СГА, 2005. С. 133–157.

⁶ Медведев Д. А. Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011–2013 годах. Июнь, 2010 г. URL: <http://www.viperson.ru/639627>

⁷ **Модель** — зд. мысленно представляемый объект, в упрощенной форме отражающий его важнейшие свойства, в данном случае, конкретный образ будущего для нации, государства и общества.

⁸ Лукиных Т. Н. Человеческие ресурсы в условиях информационной экономики URL: <http://humanff.tsu.ru/e-journal/3/>

- ⁹ Шульгина Е. В. Развитие человеческого потенциала. Практика работы с бизнес-корпорациями. Доклад URL: <http://www.dvforum.ru/2008>
- ¹⁰ Медведев Д. Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011–2013 годах URL: <http://www.viperson.ru=639627>
- ¹¹ Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики и формированию внутреннего инновационного спроса. Отчет о НИР. МГИМО(У). 2010. Июль. С. 22.
- ¹² Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science, August 20. 2010.
- ¹³ Мунтян М. А. Политология: курс лекций для студентов вузов. М.: МАКС, 2008. С. 391–392.
- ¹⁴ Илларионов А. Бананотехнологии // Коммерсант. 2007. 15 июня. С. 2.
- ¹⁵ Очень аргументированы, например, доклады ПРООН. См.: Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов. М.: Весь Мир, 2010.
- ¹⁶ Человеческий капитал URL: <http://abc.informburoe.au.com.eaieoae>
- ¹⁷ Медведев Д. Национальные проекты и приоритеты развития // Коммерсант. 2007. 7 февраля.
- ¹⁸ Медведев Д. А. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. Цит. по: Миронов С. М. За нами Россия. М. 2010. С. 1009.
- ¹⁹ Медведев Д. А. Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011–2013 годах. Июнь, 2010 г. URL: <http://www.viperson.ru/639627>
- ²⁰ Гебеков М. Итоги развития ИРЧП за период 1980–2010 гг. «Рейтинг персональных страниц», 19 января 2011 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.viperson.ru>
- ²¹ Вопрос, как ни странно, о Ленине. 22.07.2010 URL: <http://dikanag.livejournal.com/262511/>
- ²² Адоманис М. Российская демографическая статистика, как и сама страна, медленно идет на поправку. Teue/Slant. 01.08.2010.
- ²³ Латухина К. Абсолютное ноу-хау // Российская газета. 2010. 16 апреля. С. 2.
- ²⁴ Индекс готовности регионов к информационному обществу. 2007–2008 / под ред. Ю. Е. Хохлова, С. Б. Шапошникова. М.: ИНСОР, 2009. С. 27.
- ²⁵ Латухина К. Абсолютное ноу-хау // Российская газета. 2010. 16 апреля. С. 2.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Индекс готовности регионов к информационному обществу. 2007–2008 / под ред. Ю. Е. Хохлова, С. Б. Шапошникова. М.: ИНСОР, 2009. С. 17.
- ²⁹ В частности, Б. Обама прямо сказал: «Попросту говоря, мы должны понимать, что американские инновации составляют американскую мощь» // The National Security Strategy. Wash., May. 10. 2010.
- ³⁰ Тенденции индекса развития человеческого потенциала. Доклад о развитии человека. 2008. С. 168.
- ³¹ The National Security Strategy. Wash.: May. 2010. Р. 1.
- ³² Бызов Л. Народные империалисты // Время новостей. 2007. 13 марта. С. 4.
- ³³ Известия. 2007. 2 августа. С. 2.
- ³⁴ Рейтинг ВВП на душу населения выше, чем рейтинг ИРЧП, т. е. «нефтянка» и тут нам помогает.
- ³⁵ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. сб. / М.: Росстат, 2009. С. 108.
- ³⁶ Кириллов Н. Предмобилизационная готовность // Политический журнал. 2007. № 9/10. С. 60.
- ³⁷ Индекс развития человеческого потенциала 2007 и его компоненты. Доклад о развитии человека 2009. ПРООН, 2009. С. 171.
- ³⁸ Паин Э. Сумерки либеральной империи // Независимая газета. 2007. 15 июня. С. 10.
- ³⁹ Лукьянов Ф. Статья великой державой // Независимая газета. 2007. 19 февраля. С. А4.
- ⁴⁰ Байер А. Экономика «Большого скачка» // Независимая газета. 2007. С. А4.
- ⁴¹ Васильева К. Тотальная забота // Новые Известия. 2007. 15 августа. С. 4.
- ⁴² Доклад о развитии человека. 2009. С. 176.
- ⁴³ Примаков Е. Небезопасная тенденция // Стратегия России. 2006. № 8 (32). С. 11.
- ⁴⁴ Шарипова А. Президентские выборы опасны для рейтинга // Коммерсант. 2007. 24 января. С. 2.
- ⁴⁵ Костилов В. Научиться быть русским // АиФ. 2006. № 51. С. 8.
- ⁴⁶ Социологический бюллетень «Доминанты». ФОМ. 2007. 14 июня. № 24. С. 17.
- ⁴⁷ Нариньяни А. Очень искусственный интеллект // Независимая газета. 2006. 22 февраля. С. 14.
- ⁴⁸ Бергер Я. Перспективы сотрудничества // Стратегия России. 2005. № 10(22). С. 7.
- ⁴⁹ Снесарев А. Е. Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 10.
- ⁵⁰ Путин В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 г. / www.kremlin.ru
-

- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Проект Россия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2007. С. 15.
- ⁵³ Ключников А. Зачем нужна Россия // Стратегия России. 2006. № 9(33). С. 89.
- ⁵⁴ Внутренние расходы на исследования и разработки [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.statinfo.biz/html/M1F6003A6500L1.aspx>
- ⁵⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 / [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>
- ⁵⁶ Скосырев В. Китайская угроза напугала Вашингтон // Независимая газета. 2010. 21 апреля. С. 1.
- ⁵⁷ Губский А. Карлос Гон разгоняет Renault // Независимая газета. 2006. 10 февраля. С. 6.
- ⁵⁸ Дынкин А. Новая логика роста // Независимая газета. 2007. 27 июня. С. А4.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Баяхчева С.Л., Илларионов С.И. Идеология гражданского общества. М.: ПрофЭко, 2006. С. 11–31.
- ⁶¹ Тоффлер Э. Третья война. М.: АСТ. 1999. С. 625.
- ⁶² Вульф М. Капиталистическая революция // Независимая газета. 2007. 26 июня. С. А4.
- ⁶³ Реут А. Россия подрастет на 1 200 000 кв. км. Арктики // Известия. 2007. 27 июня. С. 1.
- ⁶⁴ Сотников И. Дети разных народов // Газета. 2007. 15 февраля. С. 8.
- ⁶⁵ Орешкин Д. Богатая страна бедных людей // АиФ. 2007. № 7. С. 8.

ГЛАВА 4

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДУХОВНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ МИРА: РОЛЬ НЧП

Я не могу себе представить настоящего ученого, который не обладал бы глубокой верой. Это можно выразить и так: нельзя верить в безбожную науку», «безбожная наука хромает»¹.

А. Эйнштейн

История — это не наука о прошлом, а наука об историческом процессе².

Г. Кваша

Национальный человеческий потенциал — не просто потенциал суммы личностей, населяющих ту или иную территорию, даже не сумма граждан. Он включает в себя очень важную составляющую — культурную, нравственную и духовную основы нации. Собственно то, что и делает нацию нацией.

В начале 2011 года в России развернулась дискуссия по поводу попытки ввести понятие «российской» национальности как некой общегражданской общности, промежуточной между понятиями «гражданин РФ» и представитель какой-либо нации. Реакция в основном была крайне негативной. И не случайно: все попытки размыть самоидентификацию, построить мультикультурное общество в последние десятилетия провалились. Как справедливо заметил А. Малашенко, «Это открыто признают лидеры европейских государств, **забывая об обязательной политкорректности. Если мусульмане попадают в чужую среду, пусть даже по своей воле, они считают, что другие должны соблюдать их требования...** Ситуация для Европы безвыходная, рецепт никто предложить не может»³.

Отрицание понятия «нация» равнозначно отрицанию понятий «национальные интересы» и «нацио-

нальные ценности». На фоне усиления этих понятий в самосознании других стран подобные попытки выглядят не просто бессмысленными, но и опасными.

Другое дело — соотношение понятий «национальные ценности» и «модернизация», пропорции, которые необходимо сохранять и развивать. Это — проблема спора и серьезной дискуссии, развернувшейся в России в последние годы. Причем проблема практическая, затрагивающая абсолютное большинство граждан. Она проявляется и в частных случаях, например, дискуссии о модернизации РАН — по «американо-университетской» модели, как предлагается в Стратегии инновационного развития России до 2020 года, либо о сохранении и модернизации существующей структуры⁴.

Я убежден, что на новом, интеллектуально-духовном этапе развития современного общества стремительно возрастает роль НЧП и его национально-ценностных составляющих. В особенности именно тех компонентов национального человеческого потенциала, которые связаны с духовно-нравственной, интеллектуальной, психической и творческой деятельностью человека и всей нации. Это, можно сказать, общая тенденция, которая, на мой взгляд,

проявляется по-разному, но ее доминирование, даже в экономике, становится все более очевидным.

Отрицание необходимости общенациональной идеологии и игнорирование значения национальных ценностей, характерное для России последних десятилетий, в этой связи становится все более опасным. И отнюдь не только в мировоззрении. Так, три важнейшие проблемы, стоящие перед российским обществом, — терроризм, коррупция, недостаточная эффективность госуправления, — невозможно решить, не создав **систему** устойчивых взглядов элиты и общества, основанную именно на национальной системе ценностей и национальных интересах. Как справедливо заметил В. Третьяков, «...если мы не хотим заводить себе специальную (наново изобретенную) политическую (гражданскую) идеологию, то вынуждено должны обратиться к православной, пусть в несколько расцерковленном виде»⁵. Примечательно, что этот вывод признал представитель элиты, который много лет выступал как против общенациональной, так и против православной идеологии.

Другое дело в сочетаемости этих ценностей с идеями модернизации. На мой взгляд, это вполне не только возможно, но и необходимо. Нужен синтез традиций, основ и инноваций. Этот синтез не удалось сделать в последнее столетие: «Результаты массовой,

в течение многих десятилетий **дерационализации национального сознания** печальны». Директор Института социологии РАН, член-корреспондент РАН М. Горшков утверждает: «Если модернизация в форме индустриализации 1930–1960 годов вывела СССР в число наиболее промышленно развитых стран, **то социокультурная модернизация отстала от экономической — на целый век. В итоге в 70-е — начале 80-х годов „захлебнулась“ и технико-технологическая модернизация.** Выполненные исследования свидетельствуют: среди населения современной России последовательные **традиционалисты и тяготеющие к ним по большинству значимых ценностных ориентаций составляют порядка 73–75%**».

Более того, в обществе идут мощные процессы социального воспроизводства сознания подданных. Память поколений о государственных репрессиях и стремление уберечь потомков на случай ужесточения политического режима — причина того, **что лишь 1% современных российских семей считают важным воспитывать у детей демократические ценности, а формировать гражданственность и убеждения — менее чем 7% сем ей.** Тем самым массово воспроизводятся такие характеристики человеческого потенциала, которые препятствуют инновационно-демократической модернизации»⁶.

1. Рост значения национальных ценностей и духовности⁷ как компонентов НЧП в XXI веке

Собственную русскую (российскую) политическую идеологию завести, если не хотим погибнуть, все равно придется. И кроме гражданского православия ничего иного в России быть не может. Иначе это будет не Россия. Или: иначе не будет России»⁸.

В. Третьяков

На протяжении чуть более ста лет Россия в третий раз оказалась перед цивилизационным вызовом, перед необходимостью нового модернизационного рывка... возможности следующей попытки просто не будет»⁹.

А. Николаев

Духовный потенциал нации и человека отличается от всех иных потенциалов. Он всегда играл важную роль в истории человечества, но в XXI веке с ростом значения НЧП начинает занимать особое место.

Разрабатывая эффективную стратегию развития нации, мы не должны упустить из виду основные мировые тенденции развития, которые проявились в начале XXI века, прежде всего рост значения национальных ценностей как важнейших компонентов НЧП. Эффективная стратегия решает не только сегодняшние, тактические задачи (или проблемы ближайшего будущего), но и закладывает предпосылки для будущей стратегии, ориентированной на долгосрочную перспективу. Развития нации. Именно эта национальная перспектива и должна быть главной целью такой стратегии.

Для этого, как мне кажется, важно понимать, **на каком этапе** развития человечества мы находимся и **какие факторы развития** становятся решающими. Далеко не всегда они очевидны, а тем более учитываются правящими элитами государств. В том числе и российской правящей элитой. Более того, есть все основания утверждать, что российская правящая элита (как и советская) не сделала выводов из прежних ошибок. Так, анализ по параметру «социальное качество»¹⁰, по мнению С. Магарила, «свидетельствует: макросоциальные стратегии основных групп современного российского общества вновь направлены на его дезорганизацию, а потому и дезинтеграцию»¹¹.

Сегодня в процессе корректировки Стратегии–2020 учитывается множество макроэкономических, финансовых и отчасти социальных факторов.

Но продолжается отрицание таких базовых ценностей, как духовность, культура, нравственность, творчество. Их критическая недооценка — традиция последних 20–25 лет, которая превратилась в трудно-преодолимую тенденцию для правящей элиты. Последняя отказывается понимать, что терроризм, коррупция, слабое госуправление являются следствием не каких-то частных упущений, а системной ошибкой игнорирования необходимости воссоздания общенациональной системы ценностей и идеологии.

В результате предпринимаются меры, которые в лучшем случае способны смягчить последствия этой системной ошибки. Действительно, наказав милиционеров за теракт в Домодедово и созданием поста замминистра по безопасности на транспорте проблема не решается. Появление смертников в других местах эти решения не нейтрализуют. То же самое и по отношению к коррупции, когда отсутствие духовно-нравственных норм, а в конечном счете идеологии, не может быть компенсировано никакими административными или правовыми репрессиями. Следует признать, что все последние десятилетия сама власть и элита воспитывали нацию и самих себя, сознательно создавая коррупционную атмосферу и правила «повседневного поведения и жизни «по понятиям».

Все это необходимо понимать, создавая новую стратегию развития нации в условиях, когда духовно-нравственные факторы начинают играть такую же важную роль в развитии мировой экономики и общества, какую в последние 30–40 лет играли информационные технологии и технологии связи. Их развитие, измеряемое скоростью обработки и передачи информации, памятью и др. факторами, достигло такого уровня, когда встал вопрос о переходе в новое качество, измеряемое уже другими критериями.

Стратегия модернизации, реализуемая сегодня российской элитой, не использует огромные национальные ресурсы, которые таятся в духовности, культуре и творческом потенциале нации. Иногда даже складывается впечатление, что правящая элита **упорно не хочет замечать**, что у нации есть такие фантастические ресурсы, а значит и возможности. Так, говоря о «первом в нашей стране опыте модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии»¹², президент страны не говорит почему-то о **национальных ценностях** — традициях, истории, культуре, религии, — без которых любая модернизация превращается в простое «усовершенствование». Именно эти ценности делают человека — человеком, а значит прямо влияют как на личностный человеческий потенциал, так и, тем более, — национальный.

В целях справедливости следует признать, что в Стратегии-2020 отмечались особенности «социально-ориентированного типа роста», имеющего **«качественные и количественные характеристики»** (подч. — Авт.). Отмечается, что этот «рост происходит на основе»:

- « — **диверсификации экономики**, в структуре которой ведущая роль переходит к отраслям «экономики знаний» и высокотехнологичным отраслям промышленности. Доля высокотехнологичного сектора и «экономики знаний» в ВВП должна составлять не менее 17–20% (2006 год — 10,5%), вклад инновационных факторов в годовой прирост ВВП — не менее 2–3 процентных пунктов (2006 год — 1,3);
- **повышения эффективности и конкурентоспособности экономики**, без существенного наращивания производственных ресурсов. Производительность труда должна увеличиться к 2020 году в 2,4–2,6 раза (в отдельных ведущих секторах в 3–5 раз), а энергоэффективность — в 1,6–1,8 раза;
- **высокой инновационной активности компаний**, связанной с освоением новых рынков, обновлением ассортимента продукции, освоением новых технологий, созданием новых форм организации бизнеса. Доля промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна возрасти до 40–50% (2005 год — 9,3%), а инновационной продукции в объеме выпуска — до 25–35% (2005 год — 2,5%);
- **активизации фундаментальных и прикладных исследований и разработок при кардинальном повышении их результативности**. Внутренние затраты на исследования и разработки должны подняться до 3,5–4% ВВП в 2020 году (2006 год — 1 % ВВП);
- **повышения качества человеческого капитала и эффективности его использования**, что характеризуется опережающим ростом заработной платы квалифицированных работников. Среднемесячная заработная плата в экономике повысится в 2020 году до 2700 долларов США (2007 год — 526 доллара США);
- **опережающего роста отраслей, обеспечивающих развитие человеческого потенциала**, прежде всего, образования и здравоохранения. Расходы на образование за счет государственных и частных источников — 5,5–6% ВВП в 2020 году (2006 год — 4,6%), на здравоохранение — 6,5–7% ВВП в 2020 году (2006 год — 3,9 %), что сопоставимо с уровнем наиболее развитых стран»¹³.

Как видно из Концепции, пожалуй, впервые правящая элита признала важность человеческого потенциала, но, во-первых, этот потенциал ограничен узким набором компонентов и не учитывает такие факторы, как духовность, культура, нравственность, творчество. А, во-вторых фактически **исключается** система национальных ценностей и интересов.

Эти же ценности могут способствовать, либо мешать превращению личностного и национального ЧП в капитал, т. е. общественную пользу и экономическую выгоду. Так, говоря о терроризме, коррупции, теневой экономике, вывозе капиталов за границу

и других проблемах России, ее элита предполагает борьбу с ними фискальными, правовыми и правоохранительными мерами, тогда как **самые эффективные меры** — идеологические, базирующиеся на национальных ценностях. Примечательно, что есть прямая зависимость между ростом теневой экономики, например, и приверженностью к национальным ценностям. Так, согласно результатам исследования ВБ, проведенного за восемь лет — с 1999 по 2007 год, — удельный вес теневой экономики во всем мире за анализируемый период постоянно возрастал и достиг уровня в 35,5% ВВП.

Самый маленький удельный вес теневой экономики при этом наблюдался в Швейцарии (8,6% ВВП), США (8,8%) и Австрии — 9,8%. Наивысший уровень был зафиксирован в Грузии — почти 70% ВВП. Чуть лучше ситуация в Боливии и Азербайджане — 68,1% и 63,3% соответственно. Россия в этом списке занимает 130-е место: доля теневой экономики в отечественном ВВП составляет 48,6%¹⁴.

Здесь, правда, следует сделать оговорку: национальная система ценностей рассматривается не только как традиционная, но и как утвердившаяся (в том числе и при помощи власти) **в современном общественном сознании**.

Традиционные и духовные ресурсы нации, являясь важнейшей **частью** НЧП, будут играть возрастающую роль в XXI веке, что также следует учитывать при формулировании сегодняшних целей стратегии модернизации. Более того, не только науки и человеку, но и вера станут решающими факторами развития. Это относится, прежде всего, к мобилизации общества и нации в решение модернизационных задач. Примечательно, что самые «технологические» проекты модернизации уже учитывают этот фактор во втором десятилетии XXI века. Так, специалисты Нью-Йоркской академии наук подчеркивают в выводах своего доклада: «После того, как национальная стратегия определена и приоритеты выбраны, необходимо донести сделанный выбор до населения и заручиться поддержкой ключевых игроков. К последним относятся органы государственной власти, инвесторы, бизнес и ведущие ученые со всего мира»¹⁵.

Строительство общества и государства принципиально не отличается от архитектуры: общество, его элита не только должны знать, какое общество и государство они хотят иметь в будущем, но и какие внешние факторы будут влиять на их создание, каковы основные долгосрочные тенденции мирового развития. Даже генеральные планы городов, формирующиеся с перспективой на 25–50 лет, учитывают будущие запросы общества, общие тенденции градостроительства, тенденции в развитии энергетики, материаловедения, уровень развития инфраструктуры, потребности страны и т. д. Что же говорить о государстве? Ведь никто в здравом уме и твердой памяти не будет планировать в Москве строительство квартала из юрт, или чумов, соответствующих

традициям других народов, и наоборот. Но никто не может безнаказанно переносить и чужую традицию в политическую, общественную или экономическую жизнь страны: запрет на строительство минаретов в Швейцарии, градостроительные ограничения в США и странах Европы, — не случайность.

Применительно к цели настоящей работы — значению НЧП в современном развитии России — сказанное имеет прямое отношение. Использование огромного духовного и традиционного ресурса **нации** при развитии национального человеческого потенциала не является пожеланием, а **обязательным условием**. Будучи осознано и выполнено национальной элитой, это поможет не только вписаться в общий тренд мирового развития, но и резко повысить эффективность реализации НЧП.

В разное время и различным аспектом этой проблемы я посвятил несколько работ. Еще в 2005 году я писал, например, о том, что ключевой вопрос нового мировоззрения — совместимость, **сочетаемость веры вообще, и православия, в частности, с процессами научно-технической революции** (подч. — А. П.). Более того, я и сегодня убежден, что подлинные общественные, экономические и научно-технические «прорывы», необходимые России, «возможны только **на стыке научного знания и веры** (подч. — А. П.)»¹⁶. В 1999 году я поставил эпиграфом к разделу «Духовность». «Плохо, если у человека нет чего-нибудь такого, за что он готов умереть» в своей книге «Русский путь». А мысль И. Солоневича: «Каждая государственность мира, и в особенности каждая великая государственность мира, отражает в себе основные психологические черты нации-строителя»¹⁷, наиболее полно отражает общность этих людей на основе неосозаемой веры в народ.

И сегодня мы видим, что ключевые проблемы, стоящие и не решаемые в России, не могут быть решены иначе, как через осознание и развитие системы национальных ценностей. Это относится, как уже говорилось, к коррупции. Но это же в полной мере относится и к терроризму, казнокрадству, хамству и другим проблемам.

Наконец, крайне важно понимать, что модернизация (если ее рассматривать как создание нового общества, новой экономики и нового государства на базе реальных национальных потребностей и ценностей) должна формировать, по Солоневичу, как «психологические черты нации-строителя», так и сознательно создавать максимально широкий социальный слой творцов. Именно их совокупность в конечном счете определяет уровень НЧК и положение каждого гражданина в России. Но это же во многом предопределяет и **новое место** России в мире. Как видно из нижеприводимых данных (табл. 1–2), учитывая индексы духовности, культуры и креативности, мы получаем универсальный индекс человеческого капитала (УИЧК), который **меняет место**, занимаемое Россией в мире. Россия, занимая 65 место

Табл. 1. Расчет индекса развития человеческого потенциала для России по методике ПРООН

Исходные данные	Мин	Мах	Значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	25	85	67,6
Уровень грамотности взрослого населения, %	0,0%	100,0%	98,7%
Совокупная доля учащихся начальных, высших и средних уч. заведений, %	0,0%	100,0%	69%
Реальный ВВП на душу населения, \$	\$ 100,00	\$ 5448,00	\$ 5184,00
Индекс ожидаемой продолжительности жизни			0,710
Индекс грамотности			0,987
Индекс доли учащихся			0,690
Индекс уровня образования			0,888
Индекс ВВП			0,951
Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)			0,850

Табл. 2. Дополнительные индексы для России и других стран

	Значение	Вес	Индекс	По весу
Положительные				
1. Индекс духовности (% населения, считающего себя верующими)	50	0,3	0,500	0,150
2. Индекс культуры (% населения, регулярно читающего книги, посещающего театры, музеи, библиотеки)	70	0,3	0,700	0,210
3. Индекс креативности (% работников творческих профессий, включая представителей науки, культуры, образования, предпринимательства и инженерных работников)	20	0,4	0,200	0,080
4. Индекс безопасности человека		1		
Отрицательные				
1. Индекс преступности (% заключенных)	7	-0,6	0,070	-0,042
2. Индекс здоровья (% инвалидов)	10	-0,3	0,100	-0,030
3. Индекс свободы (% чиновников)	20	-0,1	0,200	-0,020
		-1	1,77	
Дополнительный национальный индекс (Доп. НИ)				0,348

по ИРЧП повышается в рейтинге до группы ведущих государств мира. Это не натяжка, а реальная перспектива для нации и страны, которая может стать мировым культурным, духовным и идеологическим лидером в XXI веке.

Таким образом, реальное положение России в мире совершенно другое. Тем более — **может быть** совершенно другим, а именно:

$$\begin{aligned} &\text{Универсальный} \\ &\text{индекс человеческого капитала для России} \\ &\text{УИЧК} = (\text{ИРЧП} + \text{Доп. Ни}) / 2 \quad \quad \quad \mathbf{0,599} \end{aligned}$$

Если считать по этому индексу, т.е. учитывать огромные национальные ресурсы духовности, нравственности, творчества, которые не учитываются и не используются пока что правящей элитой, то место

России будет не в седьмом, а в первом десятке наиболее развитых стран мира. Это видно из оценок, сделанных экспертами МГИМО(У), в соответствии с которыми Россия занимает не 65-е место по ИРЧП, а 14-е — по универсальному индексу, значительно опережая «признанных» лидеров по ИРЧП (табл. 3).

Если же попытаться перевести оценки в методику, когда учитывается национальное богатство — история, культура, духовность (а не только природные ресурсы), — то Россия даже сегодня устойчиво претендует на роль в первой десятке развитых стран. Проблема в том, что никто в сегодняшней России это не только **не использует, но и не учитывает**. В этом кроется главная причина, почему остаются нереализованными намеченные стратегии и планы. В нации не проведена идеологическая мобилизация. Эти концепции так и остались документами, подготовленными **частью** элиты для узкой части той же

Табл. 3. ИРЧП

Место в 2007	Страна	ИРЧП данные 2007(опубл. 2009)	Доп. НИ	НИЧК = (ИРЧП + Доп. НИ) / 2
1.	Франция	0,961	0,775	0,868
2.	Италия	0,951	0,775	0,863
3.	Нидерланды	0,964	0,700	0,832
4.	Дания	0,955	0,700	0,828
5.	Республика Корея	0,937	0,700	0,819
6.	Канада	0,966	0,635	0,801
7.	Япония	0,960	0,635	0,798
8.	Австралия	0,955	0,635	0,795
9.	Новая Зеландия	0,950	0,635	0,793
10.	Гонконг	0,944	0,635	0,790
11.	Швеция	0,963	0,535	0,749
12.	Бельгия	0,953	0,535	0,744
13.	Израиль	0,935	0,535	0,735
14.	Россия	0,817	0,599	0,708
15.	Швейцария	0,960	0,450	0,705
16.	Австралия	0,970	0,435	0,703
17.	Лихтенштейн	0,951	0,450	0,701
18.	Финляндия	0,959	0,435	0,697
19.	Германия	0,947	0,435	0,691
20.	Норвегия	0,971	0,350	0,661
21.	Люксембург	0,960	0,350	0,655
22.	Исландия	0,966	0,335	0,652
23.	Великобритания	0,947	0,350	0,649
24.	США	0,956	0,335	0,646
25.	Сингапур	0,944	0,335	0,640

элиты. Не только общества и нация, но даже значительная часть самой элиты не рассматривают такие концепции в качестве программы действий, обязательных (не только нормативно, но, прежде всего, нравственно) для исполнения.

Отрицание системы национальных ценностей, как и общенациональной идеологии, не дает развиваться нации и по другим направлениям превращения НЧП в НЧК. Так, учет национально-культурных и духовных особенностей и ценностей неизбежно складывается и на **индексе безопасности человека** (ИБЧ), который также является частью Универсального индекса человеческого капитала (УИЧК). В него входят такие составляющие, как «культурная» и «социальная безопасность», являющиеся во многом производными от культурного и духовного потенциала нации и его ценностей.

Подытоживая, можно сказать, что тезис Д. Медведева, высказанный в Послании Федераль-

ному Собранию в 2009 году о том, что «первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии»¹⁸, далеко не полно раскрывает суть модернизации. «Ценности демократии» для нации, конечно, имеют значения, но национальные ценности — значат гораздо больше. В том числе и для модернизации, и для самого выживания нации, а, главное, для развития национального человеческого капитала, имеющего, безусловно, свои цивилизационные особенности. Которые отличают его как от западной, так и восточной систем ценностей.

Примечательно, что только современная российская элита отказывается это признавать. Как справедливо признает А. Николаев, «И в трудах основоположников марксизма, и в работах теоретиков российского большевизма отчетливо прослеживается признание цивилизационной преемственности при переходе от капитализма к социализму»¹⁹.

2. Специфика момента: нравственно-духовная составляющая НЧП как непризнанный фактор развития

...история становится областью геополитической перегруппировки субъектов международных отношений²⁰.

А. Торкунов

Именно... нежелание идти на жертвы, отказ от аскетизма — причина того, что Россию сдают²¹.

Удивительно, но нравственный и духовный потенциал современного российского общества совершенно не учитывается правящей элитой. Если, конечно, не считать попытки тех или иных партий поставить этот вопрос в качестве темы для дискуссии на очередном круглом столе.

Между тем еще в советское время, преимущественно в военно-научной литературе этому фактору уделялось огромное значение при анализе соотношения военных сил. Этой теме были посвящены целые разделы учебников и книги по военно-политической проблематике. Причем «моральный фактор» (так он в то время назывался) ставился по своему значению не ниже военно-экономического потенциала или численности вооруженных сил. Примечательно, что А. В. Суворов, Л. Н. Толстой полагали этот фактор важнейшим условием успеха в сражении, важнейшим ресурсом любой (а не только военной) стратегии.

Понятно, что в основе нравственно-духовного потенциала находятся самодостаточные национальные ценности, идеи, идеалы которые могут быть для каждой нации разнообразными. Как заметил в свое время известный русский военный теоретик Е. И. Мартынов, «Каждый народ в известную эпоху имеет свой политический идеал», которые «так же разнообразны, как бесконечно разнообразны условия жизни различных государств, потребности и вкусы их населения». И далее: «Если мы видим народ, который не имеет уже никаких политических целей впереди, которому нечего желать и не за что бороться, то мы можем быть уверены, что он уже выполнил свою роль в истории, что он клонится к упадку, находится в периоде вырождения»²².

Таким образом, национальные ценности, идеи и принципы, лежащие в основе нравственно-духовного потенциала являются огромным национальным ресурсом, к которому всегда и во всех странах прибегали правящие элиты и лидеры, когда они хотели мобилизовать нацию для достижения великих целей.

Парадоксально, но эта очевидная истина не приходит в голову представителям правящей российской элиты, которые предлагая различного рода стратегии и концепции, совершенно не учитывают возможности нации. Вместо этого предлагаются по сути ложные и, как правило, временные ценности, такие, например, как «демократические», «обще-

человеческие», «ценности рыночной экономики». Соответственно таким ценностям стратегии опираются и на ресурсы, опять же, сомнительные по своей целесообразности использования. Так, принимая в 2008 году Стратегию 2020, опирались на «неограниченность» сырьевых ресурсов, но уже в январе 2011 года А. Кудрин заявил, что на них уже не стоит рассчитывать.

Собственно российская специфика во втором десятилетии и заключается в том, что правящая элита должна **увидеть, адекватно оценить и осознать** огромные возможности духовно-нравственного компонента НЧП, понять, что без этого она будет не в состоянии реализовать ни одну из своих стратегий развития и модернизации.

Особую актуальность этому выводу придает то обстоятельство, что весь мир объективно вступил на этап своего нравственно-духовного развития, когда успехи неудачи отдельных государств и наций будут определяться успехами и неудачами в развитии НЧП. И, прежде всего, их нравственно-духовными составляющими, которые будут делать из этих стран мировых лидеров — нравственных, идеологических, технологических и экономических.

И, наоборот, те страны, которые не обладают достаточным духовно-нравственным потенциалом, будут постепенно превращаться в аутсайдеров, исчезать с мировой арены.

Эта тенденция видна уже сегодня, ведь достаточно привести примеры с теми странами, где система национальных ценностей и нравственно-духовный потенциал позволяет заявить о себе как об идеологических и экономических лидерах. Конечно, это, прежде всего, Китай, но во многом похожа ситуация и с Индией.

Отдельно стоит вопрос об исламских государствах и их системе ценностей, доказавшей, безусловно, свою устойчивость и способность к экспансии в самых различных формах. Духовно-нравственный потенциал народов Ирака, Афганистана, Туниса, Египта, других стран исламского мира оказался вполне достаточным для сохранения национальной идентичности даже в условиях сильного внешнего влияния.

Россия — также пример того, как игнорирование нравственно-духовных ценностей нации правящей элитой на протяжении десятков лет привело к тому,

что в войне с террористами страна проигрывает одно сражение за другим. Противостояние, лежащее в плоскости ценностей, идеологии, идентичности перенесено на уровень рядовых контртеррористических операций. Вот почему современная стратегия модернизации требует от элиты и общества прежде всего идеологической работы.

Не случайно академик А. Торкунов продолжает: «В системной модернизации важнейшую роль играет... „перезагрузка“ ценностно-смысловых приоритетов как внутри страны, так и в мировом контексте»²³.

Формирование стратегии модернизации предполагает понимание ключевых особенностей и специфики будущего этапа мирового развития. Идеологическая модель будущего страны должна, таким образом, пусть в общих чертах, отражать понимание элитой не только национальных интересов и потребности в ресурсах, но и тех объективных процессов, которые происходят и будут происходить в мире. Процессы, которые, по сути своей, объективны. В данном случае речь идет о значительном усилении роли нравственности в мировой политике. Пусть даже в некоторых случаях она и служит прикрытием вполне прагматичных интересов.

Но восприятие национальных интересов и происходящих в мире процессов у российской элиты — отнюдь не объективное. У нее отсутствует своя сколько-нибудь стройная концепция мирового развития. Как, впрочем, и развития собственно России. Во всяком случае я ее не знаю. Предлагаемые варианты документов вполне традиционны и не являются результатом социально-политического анализа. Более того, такое восприятие может лишь в какой-то — большей или меньшей — степени соответствовать действительным национальным интересам именно из-за не вполне адекватного понимания того, куда движется человечество.

В зависимости от качества элиты, ее профессионализма и нравственности, такое соответствие может быть более или менее полным, либо вовсе не отражать существующие реалии. Как это было при М. Горбачеве и Б. Ельцине. Ошибки в оценке мировых реалий — самые тяжелые и трудноисправимые. Так, «миротворчество» Чемберлена стало одной из причин не только его отставки, но и начала Второй мировой войны. Неадекватность советского руководства закончилась крахом не только СССР, но и мировой социалистической системы. Гегемонизм США стал причиной поражения во Вьетнаме и многочисленных военных авантюр.

Правящая элита может и вообще действовать против национальных интересов, если ее нравственные принципы и нормы не отвечают требованиям. К сожалению, значительная часть российской элиты перестала быть национальной. Она сконцентрировалась на своих личных инте-

ресах. И тому есть неоспоримое подтверждение в виде бегства не только капиталов (которое стало привычным), но и десятков тысяч человек ежегодно из России.

Другой, российский пример. Летом 2007 года 10 академиков обратились к В. Путину с письмом «Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны», которое вызвало бурную дискуссию в обществе. Не обсуждая здесь основные идеи и ход дискуссии, следует, однако, заметить, что главным требованием академиков было дистанцировать образование от религии. Это дистанцирование означает дистанцирование не от религии, а от нравственности.

На мой взгляд, это выступление академиков находится в абсолютном диссонансе с основной тенденцией развития современного общества — его перехода на более высокую нравственно-духовную и культурную стадию развития. И религия, ее институты, тем более традиционные, являются союзниками. Непонимание этого сродни непониманию того, какие основные движущие силы общественного и экономического развития будут решающими в ближайшие годы.

Это непонимание сродни непониманию у советской элиты роли информатики и технологий в последней четверти XX века. Это уже не спор между верующими и агностиками, а попытка повлиять с целью неверного выбора. Как справедливо заметил А. Привалов, «не все в жизни охватывается наукой (нобелевский лауреат Фейнман, начиная свои знаменитые лекции по физике, с удовольствия заметил, что любовь — не наука), а школа — не вестибюль лаборатории, а ворота в жизнь»²⁴.

Человечество в XXI веке сможет освоить такие психические и интеллектуальные возможности, о которых сегодня только приходится мечтать. И произойдет это на стыке знаний и веры, технологий и нравственности. Без нравственности, воплощенной в принципы новой идеологии, человеческая цивилизация будет обречена. Так же, как сегодня обречена безнравственная российская элита, представители которой в своем большинстве давно уже не ассоциируют свои личные и групповые интересы с национальными. Эта элита неизбежна должна быть заменена. Просто потому, что она антинациональна²⁵.

Эту «антинациональность» элиты неизбежно придется изменить. «Сверху» или «снизу», но придется, ведь нельзя же до бесконечности тратить страну и издеваться над нацией. «Манеж» в декабре 2010 года продемонстрировал, что у нации есть силы, чтобы противостоять этому процессу уничтожения страны. Мне, как человеку хорошо знающему элиты 1980-х — 2010 годов, — приходится признать: многочисленные примеры свидетельствуют о том, что правящая российская элита безнравственна. Хуже, она возводит этот принцип в основу своей деятельности. Но ведь

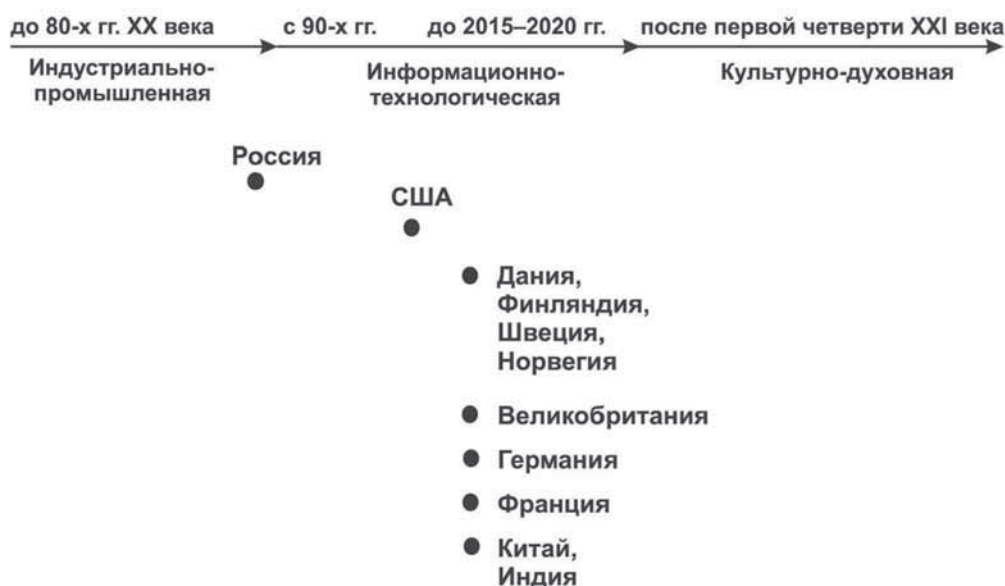

Рис. 1. Три фазы развития современного общества и место отдельных государств

так продолжаться не может. Лимит терпения нации исчерпан.

Сегодня поэтому особенно важно — с точки зрения идеологии и выбора будущей стратегии — адекватное восприятие нашей элитой будущего этапа, его специфики в развитии человечества. Приходится, правда, признать, что российской элите некогда думать о будущем нации. Она думает и готовит свое будущее. Объективные мировые тенденции и процессы развития человечества естественно влияют на формирование не только национальных интересов, но и **будущих условий** развития нации. Если элита это вполне адекватно осознает, способна прогнозировать, то и будущий образ страны, общества будет вполне объективно соответствовать ведущим мировым тенденциям. Так, если будущая мировая экономика и общественное устройство будут зависеть, прежде всего, от качества человеческого потенциала, то и идеологическая модель развития, естественно, должна, прежде всего, основываться на этом факторе. Конечно, с разной национальной спецификой. Как, например, в Китае и Норвегии. Другое дело, если антинациональная элита этого не признает. Поэтому я обращаюсь к той ее части, которая думает о будущем нации.

Кроме того, при принятии политических решений, имеющих стратегическое значение (т. е. направленных в будущее на несколько десятилетий), крайне важно определиться адекватно **на каком этапе развития общества**, экономики и государства мы сегодня находимся. Еще важнее — знать, где мы **хотим** находиться именно при развитии этих объективных процессов. Ибо на каждом из этапов развития есть свои базовые факторы, узловые точки, которые и определяют ход объективных процессов в развитии общества и государства.

Мудрость элиты по большому счету и заключается в том, чтобы понимать ход объективных мировых процессов. Интересно, что российская элита в своем большинстве этим просто не интересуется. Отдельные ее представители размышляют над этими процессами. Но их единицы, т. е. российская элита не думает о будущем. Во всяком случае не связывает его с будущим нации.

Я, например, считаю, что в XX веке человечество уже прошло две основные фазы в своем развитии: индустриально-промышленную (которая исчерпала себя ко второй половине 80-х годов) и информационно-технологическую (которая уже завершается в развитых странах в первом десятилетии XXI века). Ныне можно наблюдать признаки того, что в недрах информационного общества формируется новая, **третья фаза — интеллектуально-духовная** — развития общества, экономики и государства. Сейчас, наверное, трудно наверняка сказать, каким будет это общество, экономика и государство. Ясно одно: оно будет еще больше отличаться от предыдущих стадий развития человечества, чем, например, информационное общество начала XXI века от индустриального — 30-х годов XX века.

Страны, способные опережающими темпами пройти путь развития, вступив в культурно-духовную стадию: Индия, Китай и потенциально Россия.

Эти оценки имеют мало общего с макроэкономическими показателями, включая душевой ВВП, хотя и учитывают их. Главное — способность синтезировать традицию и новейшие достижения НТР, «использовать» глобализацию, накопленный уровень культуры и духовности, а также потенциал роста человеческого капитала.

Для лиц, принимающих стратегические решения сегодня, осознание неизбежного наступления этого этапа уже в недалеком будущем имеет важнейшее

значение. Ведь эти управленческие решения будут реализованы уже в новых общественных и экономических условиях. Будь то решения о развитии энергосистемы страны, какого-то региона или стратегических наступательных вооружений, которые полностью будут реализованы в 2020–2030 годах, либо любые иные стратегические решения. Важно понимать, что в те годы мировая экономика и общество будут находиться на принципиально иной стадии развития, когда решающими будут принципиально иные факторы. Предположить, спрогнозировать эти факторы становится принципиально важно потому, что сегодня в России стремительно растет количество отраслевых, региональных, корпоративных и иных стратегических концепций, которые **не увязаны друг с другом** в единую стратегию развития. Да и сама Стратегия–2020 не связывает эти концепции друг с другом.

Так, например, в 2007 году в России стала остро ощущаться нехватка мощностей и кадров практически во всех отраслях промышленности. При том, что кадровый голод стал острым еще в 2006 году. Запас мощностей, который до недавнего времени создавал «запас свободного хода», объясняемый восстановительным периодом, — оказался к началу 2007 года исчерпанным²⁶. Накануне кризиса 2008 года мы думали, что промышленный подъем наконец-то наступил. Он не наступил. И не из-за кризиса 2008–2010 годов, а из-за того, что мы не смогли найти новые направления экономического развития. Точнее, — не захотели, ведь так просто было рассчитывать на рост цен на энергоресурсы в 2007–2008 годах! Как, впрочем, и в 2011 году, который обеспечил подъем той же тенденции.

В результате, острейшим образом вновь встал вопрос об инвестициях, без которых российская промышленность перестанет быть конкурентоспособной. Это — общепризнанный и известный факт, о котором достаточно много говорят. Но на эту проблему необходимо смотреть и с другой точки зрения, о чем говорят значительно реже: **в какие отрасли необходимы инвестиции прежде всего?**

Существующий подход пока дает однозначный и неправильный ответ — прежде всего в существующие традиционные добывающие и обрабатывающие отрасли: машиностроительную, строительную, пищевую и т. д. Логика формирования бюджета в 2008–2010 года развивалась именно в этом направлении: приоритет отдавался добывающим отраслям и финансовому сектору, затем (если что-то оставалось) — обрабатывающим отраслям промышленности. Отчасти — социальным сферам, что было выгодно с точки зрения пропаганды и телевизионной картинки: повышение пенсий, предоставление жилья военнослужащим и т. д.

Инвестиции в НЧП носили второстепенный характер. Особенно в период кризиса 2008–2011 годов и последующие месяцы. Инвестиции в образование,

науку и культуру фактически были снижены. Так, в бюджете 2011 года на культуру выделялось менее 0,8%, хотя даже законодательно эта норма не должна была быть ниже 2%.

На мой взгляд, если смотреть дальше, хотя бы на 5–10 лет вперед, то инвестиции в приоритетном порядке должны вкладываться в новейшие и формирующиеся отрасли, которые пока еще не играют ключевой роли, но обязательно будут определять будущее лицо экономики и общества. Это отрасли, связанные с культурно-духовным этапом в развитии человечества, — образование, культура, наука, духовность. Пока же даже при составлении рейтинга конкурентоспособности, российские эксперты выделяют три группы факторов — общеэкономические, финансовые, инфраструктурные, — забывая о моральном и нравственном потенциале общества²⁷.

В истории уже были примеры, когда мощности строились вдалеке от источников сырья и энергии, когда потребности многократно (как оказывалось) превосходили прогнозируемые объемы, когда города создавались в тех местах, где вымирало население и прекращалась экономическая деятельность. Именно поэтому сегодня надо понимать, что единая стратегическая концепция включает не только экономические, но и социальные и иные показатели. А главное — она должна объективно отражать особенности и потребности будущего этапа развития человечества. Этапа, который наступит через 15–25 лет. Но ведь, именно этого-то и нет: ни одна из концепций или стратегий 2005–2011 годов не учитывает ни внешние объективные изменения, ни основные тенденции, ни, наконец, нравственно-духовные факторы, которые становятся решающими факторами развития. В Стратегии-2020, например, полностью игнорируется такое понятие, как «нация», а ресурсы НЧП сводятся исключительно к критериям образования и здравоохранения. Культура, духовность, творческий потенциал нации остаются «за скобками» Стратегии.

Примечательно, что развернувшаяся дискуссия о Стратегии развития России после кризиса, в том числе и о необходимости внесения «Корректив» в Стратегию-2020, вновь поставила на повестку дня такие вопросы, как национальные интересы и ценности, которые стали предметом активного обсуждения в 2010–2011 годах. Причем под углом зрения модернизации как стратегии отказа от национальных интересов и ценностей.

А между тем особенности развития человечества на новом этапе требуют как раз обратного — возврата к национальной системе ценностей. Прежде всего, речь идет об изменениях в **возможностях человека**, которые произойдут благодаря развитию технологий и духовных, а также психофизических возможностей. Но не абстрактной личности, а части нации. Индивидуум, проживающий в новом обще-

стве, будет другим. Если за последние 3000–4000 лет человек, его возможности изменились мало (за исключением информвооруженности, его интеллектуальные, духовные и физические способности выросли незначительно), то на новой стадии развития он будет обладать иными, даже качественно иными, способностями. Причем эти способности будут иметь вполне определенную национальную специфику. Так, вера (для русских — православная), как считают некоторые эксперты, «становится одной из способностей человека — наряду с разумом»²⁸. Синтез накопленных знаний и веры может дать совершенно необычный, синтезированный эффект, который будет превосходить способности человека конца XX века. Даже вооруженного суперкомпьютером.

Соответственно и общество, и нация, и государство, которые объединят новые личности, будут качественно отличаться от предыдущих. Насколько? В разы или на порядки? Мы пока еще не знаем, но уже можем предполагать, что такие общества могут стать качественно новой цивилизацией. Она будет отличаться от существующей также, как люди XX века от неандертальцев.

Соответственно, уже сегодня начинается процесс переоценки в системе ценностей, возможностей человека и факторов развития. Если на прежних этапах развития решающим фактором была промышленность, а затем технология, то ныне уже очевидно: им будет сам человек, развитие его **возможностей**, прежде всего творческих, креативных, а также возросшее значение факторов **духовности и нравственности**. И это важно увидеть сейчас. И не ошибиться, как в 1990-е годы, создавая — сознательно, с помощью элиты и остатков государства — безнравственное и бездуховное общество. Как справедливо отметил патриарх (в то время владыка) Кирилл, выступая на XI Всемирном русском народном соборе 7 марта 2007 года, «Да, Россия нуждается в модернизации. Но реформы 1990-х годов и до сих пор идущие в их русле государственные мероприятия дали отрицательный опыт модернизационных усилий. Для очередного раунда совсем не подходит тупая вестернизация России»²⁹.

Понятно, что коррупция, беспрецедентная социальная несправедливость, нищета — прямые результаты безнравственных решений 90-х годов. Но, что важно подчеркнуть: эти решения идут вразрез и с мировыми тенденциями развития. И не только социальными, но и экономическими, и политическими. Россия на время «выпала» из стремительно набирающей силу тенденции переориентации общества, государства и экономика в сторону Человека, развития его потенциала. Это оказалось не просто безнравственно, но и политически, и экономически ошибочно.

Более того, безнравственная политика 90-х годов привела к явлению, последствия которого

для нации и ее генофонда еще не исследованы: психологическому шоку, когда в той или иной степени все население подверглось жесточайшему внешнему воздействию. Воздействию, последствия которого сегодня сродни посттравматическому шоку. Массовые психические и иные заболевания, самоубийства, наркомания, алкоголизм — все эти последствия приобрели для России характер эпидемии.

Появившиеся в 2005–2007 годы симптомы «возвращения в мейнстрим», особенно в связи с приоритетными национальными проектами, — признак того, что российская элита осознала ошибочность прежнего курса. Не случайно, в 2007 году В. Путин, Д. Медведев и другие политики неоднократно возвращались к теме духовности и нравственности, огромного значения воспитания в жизни общества, семейных ценностей.

Думается, при всей важности экономических и финансовых составляющих, доминировавших в XX веке на предыдущих двух этапах развития современной цивилизации, социальный фактор, в т. ч. **социальной справедливости**, будет играть решающую роль. Общество, состоящее преимущественно из творческих и духовных личностей, не сможет удовлетвориться прежними социальными отношениями и уровнем управления, включая отношение власти и граждан. Это подтверждают и данные соцопросов: «Что бы кто ни говорил о падении нравов в современной России, у значительной части нашего общества есть представление о том, что для него является недопустимым, — заявил директор по коммуникациям ВЦИОМа И. Эйдемман. — Есть и понимание того, что только государство обладает необходимым рычагами воздействия на тех, кто нарушает общепринятые запреты и позволяет себе недопустимое. А недопустимым подавляющее большинство россиян (от 70 до 90%) называют детскую беспризорность по вине родителей, пьянство и наркоманию, проституцию и жестокое обращение с животными, а также обогащение одних за счет других. Со всем этим властям предлагается покончить в первую очередь. И это действительно серьезно»³⁰. Значит даже в нынешних российских условиях фактор нравственности и духовности остается важнейшей ценностной категорией.

Эти рассуждения уже сегодня имеют вполне конкретное и прикладное экономическое значение: Россия, которая стремительно наверстывает экономическое отставание, вынуждена проходить как завершающую стадию индустриализации, так и ускоренно технологический этап, который развитые страны прошли за последние десятилетия. Важно, однако, иметь в виду, что такое «наверстывание прошлого» должно идти, как минимум, параллельно с вхождением в новый этап развития цивилизации. В противном случае мы будем обречены все время догонять лидеров.

3. Наши конкурентные преимущества: вера, образование, наука, культура, творческие люди

...традиционное, специфически российское не вымывается, не отмирает, а приспосабливается к заимствованному ..., порождая тот синтез, который и определяет особенности нашей демократической модели³¹.

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

На культурно-духовном этапе развития человечества разные ресурсы играют разную по своему значению роль. Так, у России есть уникальные конкурентные преимущества и ресурсы, которые необходимо использовать в интересах развития и модернизации:

- природные ресурсы;
- интеллект, образованное население;
- географическое расположение;
- культурное и духовное наследие, причем этот вид ресурсов надо поставить по приоритетности на первое место. Но именно на них и обращают меньше всего внимания.

Проблема однако заключается в том, чтобы правильно их использовать. Правильно — значит, во-первых, эффективно, а, во-вторых, целенаправленно, во имя великой, конкретной цели. В предлагаемом мной варианте — ради развития национального человеческого потенциала (НЧП) и человеческого потенциала каждой конкретной личности, составляющей НЧП.

Сегодня этого нет. Мы неэффективно, расточительно, а, главное, бесцельно используем наше природное богатство; мы недооцениваем и недоиспользуем наш интеллектуальный потенциал и в целом НЧП; мы совершенно недооцениваем наши геополитические преимущества; наконец, мы игнорируем наши культурные и духовные ценности, которые могут стать ресурсом развития.

Сегодня ставшее классическим восприятие экономического роста заключается (и справедливо) в оценке роли НЧК, занимаемым им в национальном богатстве. Эта концепция удачно изложена в известном докладе о развитии человеческого потенциала³².

Быстрый экономический рост последних десяти лет **впервые позволил сформулировать для России долгосрочную цель развития, которая ранее не выглядела реалистично**. Концепция социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. предусматривает выход России на стандарты благосостояния, соответствующие развитым странам мира (среднедушевой ВВП — 30 тысяч долларов США). Согласно нашим оценкам, достижение поставленной цели возможно в случае поддержания среднегодовых темпов экономического роста порядка 7% на протяжении всего рассматриваемого периода.

В принципе, для страны с ВВП по ППС в пределах 10–15 тыс. долл. в год на душу населения поддержание устойчивых ежегодных темпов роста на уровне 7% — вполне достижимая задача. С 1950 года такие темпы роста на протяжении не менее чем 25 лет продемонстрировали **13 стран мира**, включая Бразилию, Гонконг, Малайзию, Тайвань, Таиланд, Сингапур, Южную Корею и Японию. Но в мировой истории нет ни одного примера страны, которая на протяжении 15 лет подряд имела бы темпы роста на уровне 7% в год при ежегодном снижении трудоспособного населения на 1%, как это будет, согласно имеющимся прогнозным оценкам, происходить в России.

В докладе Всемирного банка 2006 года содержатся оценки вклада различных активов в прирост общественного богатства значительной части стран мира. Один из основных выводов этого доклада состоит в том, что **по мере роста уровня экономического развития снижается вклад природных ресурсов в создание общественного богатства**. В бедных стра-

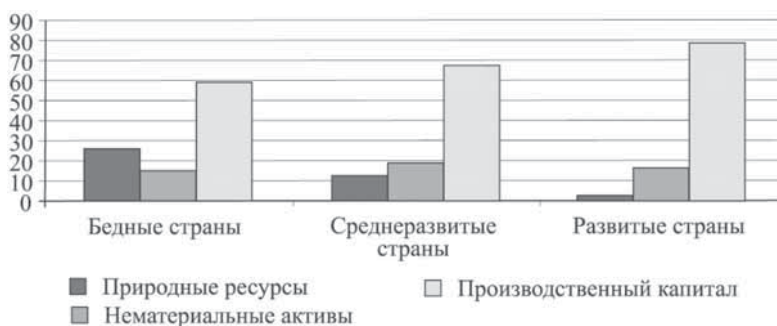
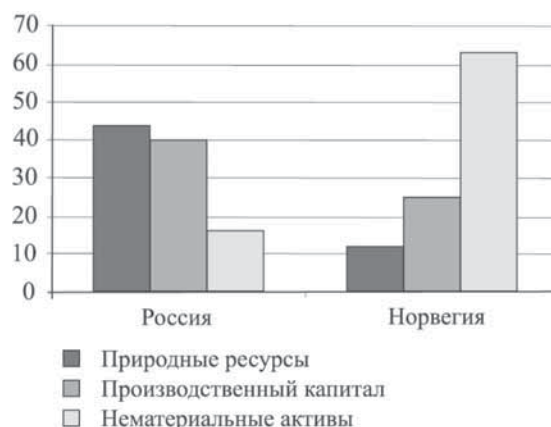

Рис. 2. Источники общественного богатства в зависимости от уровня экономического развития

Источник: Where is the Wealth of Nations: Measuring Capital for the 21st Century. The World Bank. Washington DC, 2006.

Рис. 3. Источники общественного богатства в России и Норвегии

нах вклад природных ресурсов, в среднем, достигает 26%, в среднеразвитых — порядка 13%, а в развитых странах — около 2% (рис. 2). Одновременно происходит увеличение вклада нематериальных активов, к которым в основном относятся различные составляющие человеческого капитала.

Россия на этом фоне выглядит **крайне неблагоприятно**. По вкладу природно-сырьевых ресурсов она намного превосходит не только развитые страны, но и большинство самых бедных стран мира. По вкладу же **нематериальных активов Россия** примерно в четыре раза уступает среднему показателю бедных стран мира, не говоря уже о развитых странах. Ближайшими соседями России по этим показателям являются Гайана, Молдавия, Венесуэла, Габон, Сирия, Алжир, Нигерия, Конго.

Входя в образовательной компоненте индекса развития человеческого потенциала ПРООН в 15% наиболее развитых стран мира, по показателю вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства **Россия относится к 15% наименее успешных стран**.

Можно предположить, что низкий вклад нематериальных активов обусловлен повышенной ролью сырьевой ренты в российской экономике. Но среди развитых тоже есть страны, экономика которых вовлечена в масштабную эксплуатацию сырьевых ресурсов. Например, в Норвегии вклад природных ресурсов в создание общественного богатству составляет **12%, что в шесть раз превышает среднее значение для развитых стран**. Тем не менее, в Норвегии вклад нематериальных активов в создание общественного богатства в четыре раза выше, чем в Российской Федерации (рис. 3).

Повышение вклада человеческого потенциала России в создание общественного богатства до уровня хотя бы среднеразвитых стран в период до 2020 года, при прочих равных условиях, было бы эквивалентно примерно n м процентным пунктам экономического роста ежегодно. Это соответствует

разнице между темпами роста в инновационном (наилучшем) и инерционном (наихудшем) сценариях.

Однако задача повышения вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства в России существенно осложняется вследствие неблагоприятных демографических изменений и вытекающего из них ухудшения положения на рынке труда. Как вектор, так и темпы макроэкономической динамики всегда сильно зависят от ситуации на рынке труда, а рынок труда, в свою очередь, опосредует влияние макроэкономического развития на благосостояние населения и на протекание большинства социальных процессов.

Снижение численности населения в трудоспособном возрасте ведет к нарастанию дефицита предложения на рынке труда, усилению имеющихся на нем структурных диспропорций и, в конечном счете, становится серьезным негативным фактором, который сдерживает повышение вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства и делает проблематичной реализацию оптимистического сценария экономического роста.

Важно отметить, что на этом новом этапе у России есть вполне серьезные конкурентные преимущества. Поскольку потенциал нового этапа, его возможности во многом будут определяться культурно-духовным и образовательным потенциалом той или иной нации, то у России, обладающей огромным общекультурным наследием, есть явные преимущества. Важно их знать и использовать. Так, например, за последние годы было восстановлено более 17 тысяч церквей. Стремительно растет движение снизу, направленное на возвращение обществу его ценностей.

Но главное, все-таки, люди, их численность и качество, что и определяет в конечном итоге не только демографический потенциал, но и все национальное богатство — человеческий капитал, материальные активы, природные ресурсы бессмысленны, если нет конкретных граждан, личностей, объединенных в нацию.

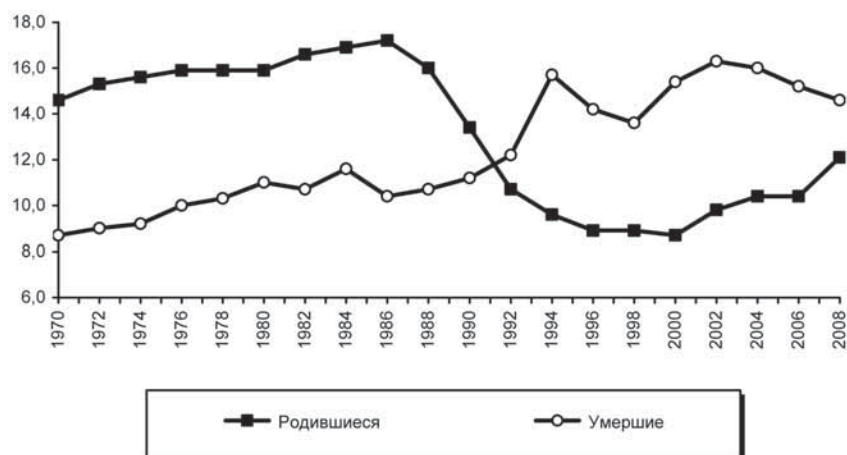

Рис. 4. Общие коэффициенты рождаемости и смертности
(родившиеся и умершие на 1000 чел. населения)

Количественные показатели демографии в целом выглядят удручающими, хотя в последние годы благодаря сознательной политике и утвердилась положительная тенденция. В целом она выражена в известном графике (рис. 4), отражающем динамику рождаемости и смертности³³.

Как видно, динамика изменилась, но она еще только может войти в положительную зону по итогам 2010–2011 годов (табл. 4).

Абсолютная убыль начала уменьшаться с 2006 г., достигнув (по оценкам) нулевого роста в 2010 году.

Важно увидеть этот потенциал в сопоставлении и сравнении с аналогичными данными в других странах. В данном случае с европейскими³⁵ (табл. 5–6).

Важно понимать причины такой низкой продолжительности жизни, к числу которых относятся болезни и внешние причины (табл. 7).

Табл. 4. Родившиеся, умершие и естественный прирост населения³⁴

Годы	Всего, человек				На 1000 человек населения			Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми
	родившиеся	умершие	из них умершие в возрасте до 1 года	естественный прирост, убыль (–)	родившиеся	умершие	естественный прирост, убыль (–)	
	Все население							
1970	1 903 713	1 131 183	43 511	772 530	14,6	8,7	5,9	23,0
1979	2 178 542	1 490 057	49 146	688 485	15,8	10,8	5,0	22,6
1989	2 160 559	1 583 743	39 030	576 816	14,6	10,7	3,9	17,8
2002	1 396 967	2 332 272	18 407	–935 305	9,7	16,2	–6,5	13,3
2003	1 477 301	2 365 826	18 142	–888 525	10,2	16,4	–6,2	12,4
2004	1 502 477	2 295 402	17 339	–792 925	10,4	16,0	–5,6	11,6
2005	1 457 376	2 303 935	16 073	–846 559	10,2	16,1	–5,9	11,0
2006	1 479 637	2 166 703	15 079	–687 066	10,4	15,2	–4,8	10,2
2007	1 610 122	2 080 445	14 858	–470 323	11,3	14,6	–3,3	9,4
2008	1 713 947	2 075 954	14 436	–362 007	12,1	14,6	–2,5	8,5

Табл. 5. Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения
(на 1000 человек населения)

	Число родившихся			Число умерших			Естественный прирост, убыль (–)		
	2006	2007	2008	2006	2007	2008	2006	2007	2008
Россия	10,4	11,3	12,1	15,2	14,6	14,6	–4,8	–3,3	–2,5
Европа									
Австрия	9,4	9,2	9,3	9,0	9,0	9,0	0,4	0,2	0,3
Беларусь	9,9	10,7	11,1	14,2	13,7	13,8	–4,3	–3,0	–2,7

окончание табл. 5

	Число родившихся			Число умерших			Естественный прирост, убыль (–)		
	2006	2007	2008	2006	2007	2008	2006	2007	2008
Бельгия	11,5	11,4	11,7	9,6	9,5	9,5	1,9	1,9	2,2
Болгария	9,6	9,8	10,2	14,7	14,8	14,5	–5,1	–4,9	–4,3
Венгрия	9,9	9,7	9,9	13,1	13,2	13,0	–3,2	–3,5	–3,1
Германия	8,2	8,3	8,3	10,0	10,1	10,3	–1,8	–1,7	–2,0
Дания	12,0	11,7	11,8	10,2	10,2	9,9	1,7	1,6	1,9
Италия	9,5	9,5	9,6	9,5	9,7	9,7	0,0	–0,2	–0,1
Латвия	9,7	10,2	10,6	14,5	14,5	13,7	–4,7	–4,3	–3,1
Литва	9,2	9,6	10,4	13,2	13,5	13,1	–4,0	–3,9	–2,6
Нидерланды	11,3	11,1	11,2	8,3	8,1	8,2	3,0	2,9	3,0
Норвегия	12,6	12,4	12,7	8,9	8,9	8,7	3,7	3,5	3,9
Польша	9,8	10,2	10,9	9,7	9,9	10,0	0,1	0,3	0,9
Республика Молдова	10,5	10,6	10,8	12,0	12,0	11,8	–1,5	–1,4	–1,0
Румыния	10,2	10,0	10,3	12,0	11,7	11,8	–1,8	–1,7	–1,5
Словакия	10,0	10,1	10,6	9,9	10,0	9,8	0,1	0,1	0,8
Словения	9,4	9,8	10,5	9,1	9,2	9,2	0,4	0,6	1,3
Соединенное Королевство (Великобритания)	12,4	12,7	12,9	9,4	9,4	9,4	2,9	3,2	3,5
Украина	9,8	10,2	11,0	16,2	16,4	16,3	–6,4	–6,2	–5,3
Финляндия	11,2	11,1	11,2	9,1	9,3	9,2	2,0	1,8	2,0
Франция	13,0	12,7	12,9	8,5	8,4	8,6	4,5	4,3	4,3
Чешская Республика	10,3	11,1	11,5	10,2	10,1	10,1	0,1	1,0	1,4
Швеция	11,7	11,7	11,9	10,0	10,0	9,9	1,6	1,7	1,9
Эстония	11,1	11,8	12,0	12,9	13,0	12,4	–1,8	–1,2	–0,5

Табл. 6. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)

	Годы	Все население	Мужчины	Женщины
Россия	2007	67,5	61,4	73,9
	2008	67,9	61,8	74,2
Европа				
Австрия	2007	80,4	77,5	83,1
Беларусь	2008	70,5	64,7	76,5
Бельгия	2007	79,9	77,1	82,6
Болгария	2007	73,0	69,5	76,7
Венгрия	2007	73,6	69,4	77,8
Германия	2007	80,1	77,4	82,7
Дания	2007	78,4	76,2	80,6
Италия	2006	81,5	78,5	84,2
Латвия	2007	71,2	65,8	76,5
Литва	2007	70,9	64,9	77,2
Нидерланды	2007	80,4	78,1	82,5
Норвегия	2007	80,6	78,3	82,9

	Годы	Все население	Мужчины	Женщины
Польша	2007	75,4	71,0	79,8
Республика Молдова	2008	69,4	65,6	73,2
Румыния	2007	73,2	69,7	76,9
Словакия	2007	74,6	70,6	78,4
Словения	2007	78,4	74,7	82,0
Соединенное Королевство (Великобритания)	2006	79,6	77,3	81,7
Украина	2008	68,3	62,5	74,3
Финляндия	2007	79,6	76,0	83,1
Франция	2006	81,0	77,4	84,4
Чешская Республика	2007	77,0	73,8	80,2
Швеция	2007	81,1	79,0	83,1
Эстония	2007	73,1	67,2	78,8

Табл. 7. Стандартизованные коэффициенты смертности по основным классам причин смерти
(число умерших на 100 000 человек населения)

	Годы	Инфекционные и паразитарные болезни	Злокачественные новообразования	Болезни системы кровообращения	В том числе		Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины смерти
					ишемическая болезнь сер- дца	церебро-вас- кулярные болезни			
Россия	2007	19,9	125,3	461,0	230,7	151,9	36,4	42,5	146,5
	2008	19,8	124,7	453,2	228,9	146,2	36,5	43,3	136,9
Европа									
Австрия	2002	2,8	127,2	204,1	91,6	42,3	15,9	24,0	38,5
Беларусь	2002	34,0	143,1	591,9	396,6	151,8	40,5	25,4	154,0
Бельгия	2002	7,7	148,4	162,1	70,1	39,3	33,7	26,1	44,7
Болгария	2002	7,8	125,0	554,5	195,1	153,8	12,9	23,2	42,2
Венгрия	2002	4,9	200,9	363,7	175,0	98,6	21,0	61,8	67,3
Германия	2002	7,9	141,1	211,2	95,9	42,3	18,2	27,9	29,4
Греция	2002	3,5	131,5	258,4	76,2	89,7	29,1	12,6	34,9
Дания	2002	5,6	167,2	182,5	87,2	42,3	45,1	32,8	39,7
Ирландия	2002	5,5	150,7	214,3	115,6	44,8	39,9	19,8	34,9
Испания	2002	10,1	131,4	137,0	54,1	38,4	39,6	23,9	31,4
Италия	2002	5,4	133,9	174,5	68,2	47,1	20,7	20,4	28,6
Латвия	2002	27,6	156,3	482,4	243,2	172,4	11,2	31,4	132,1
Литва	2002	13,0	161,0	391,3	253,5	87,9	19,5	32,3	135,9
Нидерланды	2002	7,4	155,2	171,2	67,8	40,9	28,5	19,7	23,2
Норвегия	2002	6,7	136,9	180,5	87,5	42,6	24,1	16,6	35,3
Польша	2002	5,9	180,1	324,2	141,1	78,0	15,9	30,5	53,3
Португалия	2002	24,4	140,5	208,2	59,8	104,2	31,1	26,9	32,7
Республика Молдова	2002	22,7	116,5	618,8	423,6	170,6	41,6	100,5	97,4
Словакия	2002	3,7	169,7	370,8	200,7	60,4	15,9	39,9	50,1
Словения	2002	4,5	159,6	227,9	86,5	61,2	22,2	45,9	59,1

Очевидно, что социальный состав нового общества — люди, представляющие творческий потенциал, интеллект, знания — в основном будет иным. Поэтому качество человеческого потенциала имеет решающее значение. Уровень образования, культуры, креативности — станет решающим. По оценкам некоторых специалистов, уже к 2025 году именно этот социальный слой будет обеспечивать не только нужды всего общества, но и неизбежно претендовать на функции управления, включая государственную власть. Можно прогнозировать не только стремительное развитие институтов гражданского общества,

рост их влияния в стране, но и передачу части функций этим организациям. Прежде всего, в сфере, связанных непосредственно с человеком — **образовании, науке, здравоохранении и т. д. Именно в этих областях у России есть серьезные конкурентные преимущества.**

Уже сегодня капитал современной компании оценивается во многом исходя из оценки человеческого капитала, который в России может развиваться особенно быстрыми темпами.

Человеческий капитал компании с n числом работников оценивается как:

$$ЧК = \sum_{i=1}^n (ПС_i - СУЗ_i + СПЗ_i + \gamma_3 * СИ_i + СЗН_i),$$

где: $ПС_i$ — первоначальная стоимость i -го сотрудника;

$СУЗ_i$ — стоимость устаревших знаний сотрудника, которая определяется по формуле $СУЗ_i = \gamma_1 * ПС_i$;

$СПЗ_i$ — стоимость приобретенных знаний сотрудника, которая определяется по формуле

$$СПЗ_i = \gamma_2 * ПС_i;$$

$СИ_i$ — стоимость инвестиций в i -го сотрудника;

$СЗН_i$ — стоимость неявных знаний сотрудника, которая определяется по формуле $СЗН_i = \gamma_4 * ПС_i$;

$\gamma_1, \gamma_2, \gamma_3, \gamma_4$ — весовые коэффициенты, определенные экспертным путем.

При этом знания сотрудников переоцениваются исходя из влияния следующих факторов:

- инвестиции в развитие персонала;
- корректировка знаний на коэффициент устаревания и забывания части накопленных знаний;
- корректировка знаний на коэффициент приобретенного опыта и профессионализма;
- корректировка знаний с учетом индивидуальных особенностей сотрудника.

Представление о структуре и стоимости человеческого капитала позволит:

- использовать в финансово-хозяйственной деятельности ключевой актив современного бизнеса — «человеческий капитал», что поможет повысить конкурентоспособность компании;
- защитить бизнес от неблагоприятных внутренних и внешних факторов;
- управлять интеллектуальными активами, наращивать интеллектуальный потенциал и тем самым повышать капитализацию компании.

Базовым показателем в этой связи становится качество высшего образования (что все признают) и доля граждан, имеющих высшее образование (что признается далеко не всеми), определяемой численностью студентов на 1000 человек и процентным отношением лиц, имеющих высшее образование к общему числу населения³⁶.

Как видно (табл. 8), в количественном отношении Россия не уступает ведущим государствам мира. Но уступает, во-первых, часто в качестве, а, во-вторых, в продолжении образования после ухода из университета.

На новом, будущем этапе истории, главным критерием развития станет уровень и темпы развития

потенциала человека, возможности его самореализации, а не объем ВВП, структура экспорта или иные макроэкономические показатели. Причем на первый план выйдут не только известные потребности — еда, одежда, жилье, — но и новые культурные, образовательные, информационные возможности. Это — бесконечная череда быстро сменяемых поколений РС и программного обеспечения, средств связи, развлечений. Это способность к передвижению, доступ к достижениям мировой науки, культуры. И стартовые позиции у России есть.

Достаточно оценить образовательный потенциал нации, которые не уступают потенциалам развитых стран (табл. 9). Во всяком случае пока еще не уступает³⁷.

Это и появление искусственного интеллекта или новых источников энергии, новых возможностей НТР. Принципиально новые возможности и будут преимущественно создавать **новое качество жизни и условия для развития человеческого потенциала**, которые в итоге приведут к появлению новой цивилизации.

Нынешнее положение дел в России прямо противоречит этим тенденциям. Приведем два примера. Во-первых, сегодня в России инвестиции в инновации составляют менее одного процента ВВП. В результате ее доля в выпуске наукоемкой продукции в мире — всего лишь 0,3%, тогда как в США этот показатель приближается к 15%. Это означает, что, если отставание России по душевому ВВП от США в последние годы сократилось с 10 раз до 2–3 раза, то в наукоемкой области отставание осталось на уровне 40–50 раз. По оценкам экспертов, к 2010 году объем мирового рынка наукоемкой продукции возрастет

Табл. 8. Численность студентов (на 1000 человек населения)

	2003	2004	2005	2006	2007
Россия	64	67	69	70	71
Европа					
Беларусь	51	53	55	57	59
Болгария	29	31	31	34	35
Венгрия	42	43	43	43	...
Германия	28	29	...	...	...
Италия	34	35	35	35	...
Латвия	55	57	57	57	...
Нидерланды	33	35	36	36	...
Польша	54	55	56	56	...
Португалия	38	36	35	35	...
Республика Молдова	34	38	43	44	43
Румыния	32	34	39	43	...
Соединенное Королевство (Великобритания)	38	38	39	39	...
Украина	51	55	58	60	61
Финляндия	58	59	59	59	...
Франция	36	36	36	36	...
Чешская Республика	31	33	33	35	...
Азия					
Азербайджан	22	22	23	22	22
Армения	34	36	40	42	44
Грузия	42	46	39	39	30
Индия	9	11	12	13	...
Казахстан	61	72	77	79	78
Китай	14	16	18	19	...
Киргизия	46	49	52	53	56
Таджикистан	21	22	24	25	26
Турция	28	30	33	34	...
Узбекистан	15	...	...	...	...
Япония	32	32	32	32	...

Табл. 9. Численность учащихся и студентов на различных ступенях образования в 2006–2007 учебном году (на начало учебного года)

	Число лиц, получающих образование						
	ступень 1 МСКО 1997 (начальное образование)			ступени 2 и 3 МСКО 1997 (среднее образование)		ступени 5 и 6 МСКО 1997 (высшее образование)	
	всего, тыс. чел.	удельный вес лиц женского пола в общей численности учащихся, %	число учащихся, на одного преподавателя, чел.	всего, тыс. чел.	удельный вес лиц женского пола в общей численности учащихся, %	всего, тыс. чел.	удельный вес лиц женского пола в общей численности студентов, %
Россия	5006,4	49	17	11 247,8	49	9974,2	56
Европа							
Австрия	347,2	48	12	777,8	48	261,0	54
Беларусь	361,5	48	16	823,3	49	556,5	57
Бельгия	732,4	49	11	825,3	48	393,7	55

	Число лиц, получающих образование						
	ступень 1 МСКО 1997 (начальное образование)			ступени 2 и 3 МСКО 1997 (среднее образование)		ступени 5 и 6 МСКО 1997 (высшее образование)	
	всего, тыс. чел.	удельный вес лиц женского пола в общей численности учащихся, %	число учащихся, на одного преподавателя, чел.	всего, тыс. чел.	удельный вес лиц женского пола в общей численности учащихся, %	всего, тыс. чел.	удельный вес лиц женского пола в общей численности студентов, %
Болгария	267,6	48	16	633,3	48	258,7	54
Венгрия	399,3	48	10	937,3	49	431,6	58
Германия	3311,3	49	14	7981,8	48	...	...
Дания	415,8	49	...	475,1	49	232,2	58
Италия	2820,2	48	10	4553,2	48	2033,6	57
Латвия	121,3	48	...	195,7	50	129,5	64
Литва	143,8	48	13	393,9	49	199,9	60
Нидерланды	1280,6	48	...	1444,1	48	590,1	51
Норвегия	430,7	49	...	419,7	48	215,2	60
Польша	2484,8	49	11	3205,8	48	2146,9	57
Республика Молдова	160,5	49	16	367,6	50	148,4	57
Румыния	919,4	48	17	1954,1	49	928,2	56
Словакия	230,5	49	15	617,1	49	218,0	59

до 3,5 трлн долл. и обеспечит основной прирост ВВП. Поэтому, если России удастся реализовать отечественный научно-технический потенциал, то она сможет претендовать на 8–12% этого рынка, или на 280–420 млрд долл. в год³⁸. Хотя это и выглядит фантастично, но это, пожалуй, единственный вариант для нас.

Другой пример. Положение с квалифицированными кадрами, дефицит которых уже в 2008 году стал

одной из важнейших проблем России. Кризис «исправил» эту ситуацию, но проблема осталась.

По оценке В. Мау, основные тенденции в профессиональном образовании крайне настораживающие. Сегодня уже видно разительное расхождение между ростом экономики и падением уровня образования, что совершенно недопустимо для экономике знаний.

Табл. 9. Основные показатели деятельности системы начального профессионального образования

Показатели системы НПО	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2005/ 2000, %
Число учреждений НПО	4166	3893	3872	3843	3798	3686	3392	87,1
В % от общего числа учреждений профессионального образования	46,8	43,6	43,2	42,2	41,8	40,9	38,4	
Численность учащихся в учреждениях НПО, тыс. чел.	1689	1679	1649	1651	1649	1604	1509	89,9
В % от общего числа учащихся и студентов профессионального образования	26,1	18,9	17,0	16,0	15,2	14,3	13,3	
Принято учащихся, тыс. чел.	928	845	837	842	823	783	688	81,4
В % от общего числа принятых в систему профессионального образования	40,3	27,7	26,0	25,6	24,1	23,2	21,3	
Подготовлено (выпущено) квалифицированных рабочих, тыс. чел.	841	763	759	745	722	708	703	92,1
В % от общего выпуска профессионального образования	48,6	38,1	35,9	32,6	29,7	28,1	27,3	

Рис. 5. Тренды в экономике и образовании

Но еще больше это недопустимо на новом этапе развития человеческой цивилизации, когда высшее образование станет фактически всеобщим (по некоторым оценкам, численность лиц с высшим образованием к 2025 году вырастет с 22–23% до более, чем 50%), а система переподготовки кадров будет охватывать весь период человеческой жизни.

Неизбежен в этих условиях и рост социальной активности населения. Нарождающийся креативный класс, способный обеспечить себя всем необходимым самостоятельно, объективно **формирует активную гражданскую позицию**. Пока что нередко она носит неформальный характер и проявляется в неожиданных акциях. Но вместе с тем, видно, что эта тенденция идет в **унисон с глобальной** тенденцией человеческого развития: общественные организации, институты гражданского общества **становятся все более активными игроками на политической и экономической арене**. Они уже вытесняют государство из тех сфер, где оно действует неэффективно или наносит вред. По признанию Л. Алексеевой, в 2007 году уже порядка 40% бюджетов социальных организаций финансировалось мелким и средним бизнесом³⁹.

В будущем такое вытеснение государственных институтов возможно и насильственными методами, что будет сопровождаться ломкой государственных и международных институтов, включая институты власти. Таким образом, политические революции будут **неизбежным следствием борьбы нового класса за власть**. Вопрос для России в том, чтобы эти социальные и политические изменения, в т. ч. революционные, не приводили к очередным радикальным ломкам, кровавым событиям.

Для сегодняшней России, ее правящей элиты, а точнее тех, кто беспокоится, прежде всего, о государственных и национальных интересах, а не о сиюминутной политической выгоде, важно осознать ответственность нынешнего момента: Россия может **либо успеть**, предприняв амбициозные усилия, догнать страны-лидеры, **либо остаться** на прежнем этапе развития, застрять где-то на начальном информационно-технологическом этапе. Сегодня, когда все внимание сосредоточено на наукоемких технологиях, важно помнить, что это **уже прошлая** реальность, которая была пройдена развитыми странами в 90-е годы. Новая реальность будет определяться уже не

только технологиями, **но и достижениями фундаментальной науки, духовности, нравственности, т. е. качественными показателями**. Прежде всего, от них будет зависеть **качество** человеческого потенциала, **качество** госуправления, **качество** общественных институтов экономики и, как следствие, **качество** военной силы.

Для федеративной России национальные ценности традиции имеют особое значение. И не только с внутривластной точки зрения. В основе межнациональных отношений в России лежит **взаимоуважение** — как признание целостности миров и права за другими на состоятельность, независимо от экономических, религиозных, либо этнических качеств. Но это еще и одно из обязательных условий сохранения стабильности и развития общества. Сегодня это еще и **условие эффективной модернизации**.

В качестве приоритетной задачи ставится задача ускоренной модернизации общества и экономики. При этом наша концепция модернизации предполагает не только заимствования чужих знаний и технологий, но и использование огромного культурного и духовного потенциалов всех народов России, т. е. **синтез новейших (мировых) знаний и традиционных (национальных) ценностей**. Подчеркну — всех народов. Культурные и духовные ценности всех народов России мы рассматриваем не просто как традицию, а **как потенциал развития, потенциал модернизации**. Поэтому наша задача сегодня научиться его эффективно, т. е. полностью использовать. Решать эту задачу с помощью чиновников, а тем более из Москвы — невозможно.

Межнациональное согласие в такой огромной стране, как Россия, это, конечно, важное условие политической стабильности, но это еще и важный **ресурс развития** всей страны. Взаимное обогащение культур, их разнообразие — это не недостаток, не проблема, которую нужно преодолевать с помощью государства, а огромное достояние, богатство нашего общества. Умение распорядиться этим богатством — задача всего общества и власти.

Вообще-то «толерантность» имеет прекрасный синоним — русское слово «взаимоуважение». Приведу пример того, как взаимоуважение оказывается еще и эффективной стратегией. В 1974 году философ и психолог А. Рапапорт из университета Торонто сформулировал идею, согласно которой наиболее эффективным способом поселения в отношении другого человека или нации являются: 1) сотрудничество; 2) взаимоуважение; 3) прощение. Другими словами, когда человек, или группа встречают другого человека, или группу, они заинтересованы в том, чтобы предположить альянс, затем согласно правилу взаимоуважения дать, другому то, что получил от него. Если другой помогает, ему тоже помогают, если другой агрессивен, он получает в ответ такую же агрессию. Затем необходимо простить и вновь предложить сотрудничество.

В 1979 году математик Роберт Аксельрод организовал турнир между автономными компьютерными программами, способными вести себя как живые люди. Единственное требование: каждая программа должна быть снабжена стандартным коммуникационным обеспечением, подпрограммой, позволяющей общаться с соседями. Каждая программа была 200 раз противопоставлена каждому из конкурентов. Всех победила программа Анатолия Рапапорта, одобренная правилом поведения: сотрудничество, взаимоуважение, прощение (СВП).

Более того, Программа СВП, помещенная наугад среди других программ, вначале проигрывала агрессивным программам, но в итоге побеждала и даже становилась «заразной», если ей давали достаточно времени. Соседние программы, видя, что она наиболее эффективна, в конце концов начинали применять тот же подход. Так что **в долгосрочной перспективе правило СВП является наиболее эффективной стратегией. Со временем этот метод обязательно окупается.** И это не вежливость, это в ваших собственных интересах. Что и было подтверждено с помощью компьютера.

Сегодня эта стратегия России не только в международных, **но и международных отношениях.**

Наша программа модернизации предполагает, прежде всего, **развитие потенциала человеческой личности**, доля которого в национальном богатстве развитых стран превышает 70%. Как известно, этот потенциал состоит из многих компонентов, включая

такие, как продолжительность жизни, уровень образования, качество здравоохранения, доступ к культурным и духовным ценностям, информации и др. Важно, что **основными критериями определения качества жизни и человеческого потенциала являются уровень культуры и образования, которые, в свою очередь, достигаются воспитанием в семье и школе, наконец, общими усилиями деятелей культуры, науки и образования.**

Таким образом задачи модернизации нашей экономики и общества прямо зависят от того, насколько быстро мы сможем создать **максимально благоприятные условия в этих областях для развития потенциала человеческой личности.** Это же в конечном счете предопределяет успех нашей модернизации.

Адыгея — уникальный регион, где сплав культур, религий, традиций дает возможность создания исключительно эффективного потенциала для развития экономики и общества. Именно потому, что здесь есть и простор для инноваций, но и сохранены культурные и духовные традиции.

Таким образом, межнациональное согласие сегодня это не просто стабильность, мир и процветание в России. Я бы сказал, что этого мало. Межнациональное согласие это основа для национального возрождения страны и ее модернизации, которые основываются на единстве принципов традиций и прогресса. Это — мощный стимул развития национального самосознания и условие модернизации.

4. Фактор времени и модернизация: роль НЧП

Немыслимо создавать глобальные программы или экономические доктрины, не понимая, ради кого это все делается...⁴⁰.

*М. Горшков,
директор Института социологии РАН*

Возможность успешно преодолеть вызовы современности теснейшим образом связана с тем, какие ценности возобладают в российском обществе...⁴¹.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Решение проблемы потери Россией темпов, как ни странно, тесно связана с формированием стратегии модернизации на базе духовно-нравственных ценностей, которые могут стать — если их захотеть использовать — не просто мощным ресурсом развития, но, пожалуй, **единственным** средством, с помощью которого Россия сможет компенсировать свое отставание. Известно, что по большинству научно-технических и экономических показателей Россия относится к развивающимся странам мира. Это отставание стало формироваться, наверное, еще в 70-е годы XX столетия, но особенно усилилось на информационно-технологическом этапе мирового

развития. Поэтому компенсировать это отставание традиционными методами не удастся в ближайшие десятилетия.

Однако по уровню развития национального человеческого потенциала Россия отстает значительно меньше, чем по уровню экономического и технологического развития. Более того, в некоторых областях, например, культуре, духовности, говорить об отставании нельзя, а в образовании и науке отставание объясняется временными причинами игнорирования элитой этих сфер деятельности последних 20 лет.

Очевидно, эти конкурентные преимущества, а также известная способность русской нации

к мобилизации могут значительно быстрее сократить существующий разрыв. В том случае, конечно, если в полной мере будет использован человеческий потенциал русской нации.

Ориентировочные оценки и расчеты показывают, что значимый, весомый результат от инвестиций в ЧП и смены политического курса можно получить через 18–20 лет. Это может показаться слишком долго, но, во-первых, если бы мы не занимались горбачевско-ельцинскими глупостями, а реальным делом, то как раз сегодня мы бы пожинали плоды этих инвестиций. Ну, а, во-вторых, выбора, на самом деле, нет. Экономика знаний, как и человек, проходит три стадии развития. В том числе и по уровню инвестиций, потребления. Причем критическая — первая стадия, когда человек взрослеет и получает образование и подготовку. От этой стадии, как сегодня доподлинно известно, зависит его будущий доход (вторая стадия) и старость (третья стадия).

Также и с нациями, национальное богатство которых сегодня (как уже не раз говорилось) на 80% определяется национальным человеческим капиталом. Если на первой стадии вы вложите достаточно средств, внимания и воли, то через 18–20 лет вы получите конечный результат от этих человеческих и финансовых инвестиций. Причем этот результат будет соответствовать поставленной цели.

Представляется, что только используя сознательно конкурентные преимущества России на новом этапе развития человечества, можно добиться опережающего развития, как общества, так и экономики. Мы, очевидно, отстали на предыдущем этапе.

Уже не догнать. Вот почему требуется «заглянуть в будущее» лет на 10–20 вперед, понимая, что уже сегодня можно создавать площадку под будущую конкурентную среду. Временной отрезок в 15–20 лет — это то **максимальное время**, которое отпущено на исправление предыдущих ошибок, в т. ч. последних 20–25 лет. Как прогнозируют ряд авторов, «...наиболее тяжелым и даже критичным для России будет период 2013–2017 гг., когда она вполне может подвергнуться массивному давлению с Востока или с Запада, провоцирующему ее на открытый военный конфликт». При этом авторы прогноза подчеркивают, что основным вопросом страны будет идеологический: «Главная проблема России, как и сейчас, будет состоять в неконсолидированности российского общества, в отрыве политической элиты от массовых слоев и в наличии множества идейно-политических расколов и размежеваний»⁴². Все вместе это означает, что за период в 8–10 лет России необходимо не только завершить индустриальный этап, но и проскочить технологический в своем развитии, **параллельно создавая основы** для будущего развития.

Напомним, что сегодня мы отстаем от лидеров, как минимум, на 15–20 лет. Мы еще только вышли на уровень развития РСФСР, от ВВП, соответствующий 1990 году. Но даже не это главное. Мы отстали на целый этап — информационно-технологический — в своем развитии.

Напомним в этой связи, что если на первом, индустриальном, этапе, определяющими были показатели индустриально-промышленного развития (вспомним пятилетки, миллионы тонн стали, це-

Табл. 10. Рейтинг экономического положения стран бывшего СССР

	Рост ВВП (2000–2006 гг.)	Инфляция	Прямые и портфельные иностраные инвестиции	ВВП по ППС	Безработица и трудовая миграция	Бедность	Неравенство	Общий показатель
Эстония	7	2	2	1	6	1	12	1
Латвия	6	5	4	3	12	7	3	2
Литва	8	1	7	2	10	5	6	3–4
Казахстан	4	8	5	5	5	2	7	3–4
Азербайджан	2	6	1	9	1	10	11	5
Белоруссия	10	14	9	7	2	3	2	6
Россия	13	12	15	4	3	5	4	7
Армения	3	4	3	10	13	11	15	8
Туркмения	1	9	14	6	10	14	14	9
Украина	9	11	12	8	9	4	4	10
Грузия	11	7	8	11	15	12	13	11
Таджикистан	5	10	10	15	8	15	8	12
Узбекистан	14	15	12	14	4	8	1	13
Молдавия	12	13	11	12	7	9	10	14
Киргизия	15	3	6	13	14	13	9	15

ППС — паритет покупательной способности.

Источник: «Ренессанс Капитал»

Табл. 11. Перспективная модель корпоративной отчетности в режиме реального времени

Сегодняшняя система корпоративной отчетности	Модель предоставления корпоративной отчетности в режиме реального времени
Поквартальная отчетность	Отчетность в режиме реального времени
Стандартный формат отчета	Формы отчета, настраиваемые индивидуально для каждого пользователя
Отчет по доходам	Инновации, способные удовлетворить потребности клиента
Балансовый отчет	Менее жесткие требования к отчетности по нематериальным и др. активам

мента), то на втором — наукоемкие (прежде всего информационные) технологии. Перелом произошел где-то в середине 80-х годов, когда стоимость новых отраслей, прежде всего информационных ресурсов, превысила стоимость старых, сырьевых. Именно эти отрасли последние 15–20 лет определяли темпы развития стран, роста ВВП и качества жизни граждан.

Пример с бывшими советскими республиками Прибалтики — очень показателен. Не имея природных ресурсов, они дали наивысший из всех бывших республик СССР качественный прирост⁴³(табл. 10).

Как видно из приведенных данных, до кризиса бывшие прибалтийские советские республики добились наилучших результатов практически по всем основным параметрам экономического и социального развития. На наш взгляд, это свидетельствует, прежде всего, о том, какие ресурсы и резервы заложены в экономике, не имеющей сырьевой направленности.

Сегодня уже не только многие политологи, но и финансисты говорят о том, что новые факторы — интеллектуальные и духовные ресурсы человека — стремительно **вытесняют фактор капитала**. Происходит быстрое превращение капиталистической экономики в экономику знаний. Происходят радикальные социальные структурные изменения в обществе. Во многом эти тенденции пока идут параллельно с наращиванием информационных возможностей общества. Так, по оценке А. В. Короткова, к 2010 году обеспеченность компьютерами населения на 100 человек увеличилась с 10 до 42, а количество пользователей Интернета возросло с 12% до 45%. Но гораздо важнее другое — стремительное накопление качественных, институциональных изменений как в отдельных секторах экономики, так и в экономике и в обществе в целом. В банковской сфере, в частности, происходит переход всей системы на работу в режиме реального времени⁴⁴. Это показательно не только для банковской сферы, но и для всей экономики в целом. По сути, вся экономика, а также госуправление, переходят на уровень оперативного принятия решений при сохранении полного контроля над ситуацией.

В этой связи вопрос стоит о неизбежном переходе количественных изменений в области информатизации и социализации достижений НТР в **качественные**, т. е. переходе от этапа информационно-технологического к этапу **синтеза частных революционных изменений в некое новое качество**.

И в экономике, и в общественном устройстве, и в государственном управлении. Пока что ни в России, ни даже в США этого не произошло. Более того, и в США, и в России нравственные, социальные показатели абсолютно не соответствуют новому этапу развития общества. Так, согласно исследованиям американских ученых, **экономическое неравенство ведет к росту преступности, ухудшению состояния здоровья населения** (уже сегодня до 20% американцев не могут позволить себе медицинское страхование) и разрушает национальную идентичность американцев. Другими словами, **все больше американцев перестают ощущать себя полноценными гражданами США**⁴⁵.

Таким образом, проблемы социальные, нравственные, духовные, вероятно, станут самыми сложными для завершающего этапа формирования информационного общества. Без их решения невозможен переход к новому этапу. Вероятно, такой переход должен произойти в развитых странах где-то после 2015 года, когда задачи создания информационного общества и новой экономики в основном будут решены. Но, повторю, при условии решения нравственных и духовных задач.

Естественно, что такие радикальные перемены находят свое отражение в изменении общественного сознания. Пока что, к сожалению, преимущественно на уровне политологов. Но неизбежны и очень серьезные идеологические сдвиги, даже «идеологические прорывы». Так, если либеральные и другие традиционные идеологии уходят навсегда, то возникает вопрос о том, **какая** новая идеология в наилучшей степени будет соответствовать экономике знаний и новой структуре общества?

Правомерен и другой вопрос: если идеология лежит в основе стратегического прогноза и планирования, то **отставание в ее формировании неизбежно ведет к неверным прогнозам и ошибкам**. Так, например, если решающими факторами развития становятся интеллектуальный и духовный потенциалы, то именно эти характеристики должны лежать в основе прогноза и планирования, а не макроэкономические показатели, чья роль стремительно обесценивается⁴⁶. Сегодня же мы видим, что, формируя трехлетний бюджет. Планируя на три года социально-экономическое развитие, мы исходим из тех же макроэкономических предпосылок и данных, которыми привыкли оперировать с 90-х годов прошлого века.

5. Национальные ценности, НЧП и модернизация

Источником угроз становится также политический, культурный и экономический плюрализм современного мира⁴⁷.

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Даже в самом многонациональном обществе не бывает равенства культур. В США англосаксонская культура, а в России... — православие⁴⁸.

Патриарх Кирилл

Проблема соотношения национальных ценностей и модернизации остро встала в 2009–2010 годы. Почему-то у целой влиятельной социальной группы публицистов, ученых и политиков сложилось мнение, что Россия должна отказаться от национальных ценностей в интересах модернизации. Точнее, модернизация потребует переноса ценностей развитых стран на российскую почву.

У этой проблемы я бы отметил две стороны. Первая — прикладная, заключается в том, что настоящая модернизация (т. е. создание качественно новых продуктов и услуг мирового уровня) в принципе невозможна без опоры на национальную систему ценностей. Заимствования способны на какое-то время и в каких-то областях дать определенный результат, но принципиально новые продукты можно создавать только на основе национальных научных, образовательных и культурных школ.

Другая проблема заключается в том, что на новом — культурно-духовном — этапе развития человечества национальные ценности будут играть особенно важную роль. Именно они будут определять нравственные и духовные основы общества и составлять все возрастающую долю НЧП.

А кроме того конфликты в международных отношениях и новые вызовы и угрозы, например, международный терроризм, этнический национализм и т. д., так или иначе всегда были связаны с конфликтом национальных систем ценностей. «Действительно, — считает академик А. Торкунов, — различные системы ценностей и политические культуры далеко не всегда

мирно сосуществуют друг с другом. Напротив, история международных отношений, в том числе история XX века дает немало примеров того, как конфликты несовместимых ценностей и идеологий порождали конфликты политические, а последние часто перерастали в вооруженные столкновения и войны. Собственно, и Вторая мировая война, и последовавшая за ней „холодная война“, постоянно выливавшаяся в многочисленные локальные войны в периферийных районах биполярной международной системы, были порождены в основе своей **столкновением принципиально несовместимых идеологий, антагонистических ценностей и общественных систем**»⁴⁹.

Для России ситуация существенно осложняется разницей, сложившейся в оценках и самооценках социальных групп. Которые могут стимулировать относительно небольшую (до 15%), но очень активную (и опасную) группу националистически настроенных граждан. Поэтому оценка социального самочувствия нации имеет огромное значение. В частности, по многолетним замерам социологов, она меняется к лучшему после 2000 года⁵⁰.

«...стянутая в единое целое узами глобализации комбинация традиционных обществ и обществ, которые входят, по сути дела, в постмодернистский период развития, обладает мощным дестабилизирующим потенциалом».

Столкновение различных систем ценностей как основа конфликта — аксиома, исторический факт. Но когда происходит изменение в соотношении сил в мире, то сильная сторона пытается навязать,

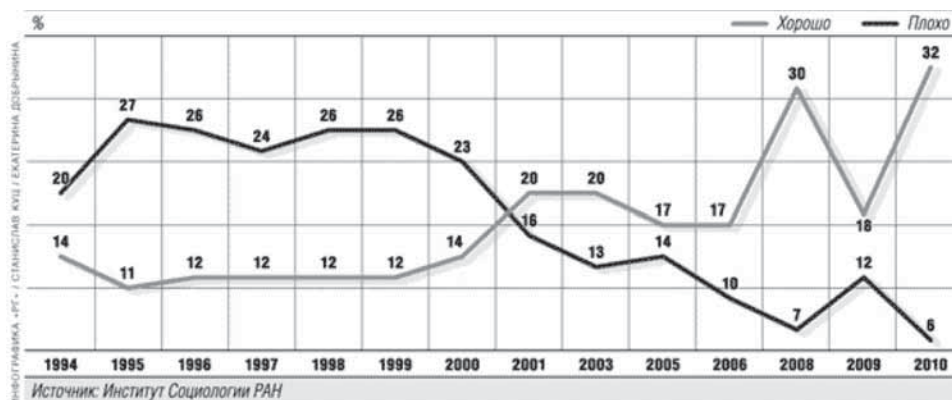

Рис. 6. Как, по самооценкам россиян, в целом складывается их жизнь

в т. ч. насильственными способами (не обязательно военными) свою ценностную систему.

Многие исследователи приходят к выводу о том, что первые десятилетия XXI века будут периодом тяжелого кризиса, конечный итог которого непредсказуем. Впереди видится длительный, **растягивающийся, возможно, на десятки лет переходный период.**

Ситуация осложняется тем, что существующая система миропорядка себе изжила. И кризис 2008–2010 годов лишний раз это показал. Начался переходный период к новому состоянию, который будет определяться не только соотношением сил, но и соотношением систем ценностей, т. е. в конечном счете преимуществом в идеологии. Видный американский социолог И. Валлерстайн писал: «...Современная миросистема как система историческая вступила в стадию завершающегося кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет. Однако, поскольку результаты кризиса не могут быть определены заранее, мы не знаем, станет ли пришедшая на смену новая система (или системы) лучше или хуже той, в которой мы живем ныне. Но что мы действительно знаем — это то, что переходный период будет грозным временем потрясений, поскольку цена перехода крайне высока, его перспективы предельно неясны, а потенциал воздействия небольших изменений на итоговый результат исключительно велик»⁵¹.

На будущем этапе России необходима идеология, опирающаяся на национальные, культурные и духовные ценности, которые становятся базовыми факторами развития и сохранения самой нации. В XXI веке, как оказалось, национальная система ценностей обеспечивает внутреннюю стабильность, межнациональный и межконфессиональный мир. Не случайно Д. Медведев с 2009 года постоянно делал шаги навстречу РПЦ и другим традиционным религиям. Глава государства подчеркнул, что одна из главных задач Русской православной церкви, решения которой ждет российское общество, — поддержание мира между представителями **разных религий и национальностей**. Диалог религиозных общин и организаций, по словам президента, является «действенным средством предотвращения межэтнических конфликтов». По мнению Медведева, именно этой цели служит экспериментальный школьный курс по преподаванию основ мировых религиозных культур и светской этики, в который входит модуль «Основы православной культуры».

В условиях глубокого нравственного и духовного кризиса, в котором оказалась Россия с начала 90-х годов, именно «духовное и нравственное воспитание и просвещение всегда было основным заслоном для зла»⁵², — сказал Д. Медведев, обращаясь к архиереям РПЦ в феврале 2011 года. Это проблема не только сохранения нации в условиях глобализации, но и проблема опережающего социально-экономического развития, т. е. вполне конкретная, прикладная проблема.

Наконец, это и проблема **стратегического развития**, когда национальное руководство, опираясь на национальные ценности, ставит цели на десятилетия, даже столетия. Как, например в Китае. «Китайцы, в отличие от нас, — признает А. Торкунов, — живут категориями столетий, вечностями»⁵³. Таким образом модернизационный проект должен не только основываться на национальных ценностях, их синтезе с новейшими достижениями, но и сами ценности являются стратегическими приоритетами в развитии нации, позволяют не только «не сбиться с курса», но и лучше понять национальные интересы в тактической перспективе.

Духовный потенциал, таким образом, являются важнейшей частью НЧП, которая в XXI веке будет расти как относительно, так и абсолютно. Что, кстати, хорошо понимают в Китае, где интерес к истории и национальным ценностям у молодежи приобрел в последние годы огромное значение, своего рода форму страсти изучения примеров «унижения иностранцев», т. е. политическое значение!⁵⁴ Примечательно, что в Институте Дальнего Востока была сделана прекрасная работа — шеститомное издание «Духовная культура Китая», — но до сих пор такой работы для России нет⁵⁵.

Не случайно общество интуитивно ощущает потребность в самоопределении, выборе своего собственного алгоритма, своей стратегии. Это, а не механическое использование опыта успешных стран, становится ключом к процветанию. Примечательно, что к 2007 году стало ясно, что, большинство россиян считают себя не европейцами, а представителями отдельной цивилизации. Очень многие Европы боятся и не разделяют ценности, которые традиционно принято считать европейскими. Причем отчуждение от Европы растет, а не уменьшается. Таковы результаты исследования, проведенного в декабре 2006 г. «Левада-центром» по заказу брюссельской некоммерческой организации EU — Russia Centre.

Не считают себя европейцами 71% опрошенных, а почти половина (45%) уверены, что Евросоюз несет потенциальную угрозу для России (чуть меньше — 37% с ними не согласны и не видят подобной угрозы; 18% затруднились с ответом). Структура этих фобий населения выглядит следующим образом: на первом месте стоит страх перед утратой Россией финансовой и промышленной независимости (об этом заявили 39% опрошенных, согласных с тем, что от ЕС исходит угроза для России), на втором — насаждение чуждой культуры (24%), на третьем — утрата политической независимости (24%), и замыкает этот список «военная угроза» (13%)⁵⁶.

На фоне этих настроений определенно нарастает угроза внутривнутриполитической стабильности. Но не только. Власть неизбежно будет вынуждена учитывать эти настроения. И очень важно, чтобы нарастающая угроза радикализма не привела в очередной раз к смене социально-экономического или

внешнеполитического курса. Указанные фобии и угрозы могут стать политическим мотивом, уведя в очередной раз страну от магистрального пути развития. Подчеркну: у России нет гарантий того, что в очередной раз к власти не придет «группа товарищей», которые на десятилетия уведут ее с магистрального пути развития. Такие гарантии может дать только идеология развития, которая разделяется большинством нации и ее элиты.

Модернизация, которая предстоит России, базируется на национальных ценностях и интересах и том конкретном материальном фундаменте, на котором предстоит ее делать. Общее представление о социально-экономическом положении России в 2009 году дают следующие данные (табл. 12)⁵⁷.

В целом можно констатировать положительную динамику развития за последние годы (за исключением числа — зарегистрированных преступлений).

Табл. 12. Основные показатели социально-экономического развития РФ

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
ОСНОВНЫЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ						
Валовой внутренний продукт (ВВП), млрд руб.	13 243,2	17 048,1	21 625,4	26 903,5	33 111,4	41 668,0
на душу населения, тыс. руб.	91,6	118,5	151,1	188,8	233,0	293,5
в % к предыдущему году	107,3	107,2	106,4	107,7	108,1	105,6
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млрд руб.:						
добыча полезных ископаемых	...	...	3062	3721	4489	5272
обрабатывающие производства	...	...	8872	11 185	13 978	16 877
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	...	...	1691	2162	2146	2545
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году	108,9	108,0	105,1	106,3	106,3	102,1
Индекс производства продукции сельского хозяйства, в % к предыдущему году	101,3	103,0	102,3	103,6	103,4	110,8
Оборот розничной торговли, млрд руб.	4529,7	5642,5	7041,5	8711,9	10 869,0	13 919,6
в % к предыдущему году	108,8	113,3	112,8	114,1	116,1	113,5
Платные услуги населению, млрд руб.	1430,7	1789,7	2271,7	2798,9	3424,7	4083,4
в % к предыдущему году	106,6	108,4	106,3	107,6	107,7	104,4
Индекс потребительских цен, декабрь (к декабрю предыдущего года, %)	112,0	111,7	110,9	109,0	111,9	113,3
Ввод в действие общей площади жилых домов, млн м ²	36,4	41,0	43,6	50,6	61,2	64,1
в % к предыдущему году	107,7	112,6	106,1	116,1	121,1	104,6
Доходы консолидированного бюджета, млрд руб.	4138,7	5429,9	8579,6	10 625,8	13 368,3	16 003,9
в % к ВВП	31,2	31,9	39,7	39,5	40,4	38,4
в % к предыдущему году	117,6	131,2	...	123,8	125,8	119,7
Расходы консолидированного бюджета, млрд руб.	3964,9	4669,7	6820,6	8375,2	11 378,6	13 991,8
в % к ВВП	29,9	27,4	31,6	31,1	34,4	33,6
в % к предыдущему году	115,9	117,8	...	122,8	135,9	123,0
Профицит, дефицит (–) консолидированного бюджета, млрд руб.	173,8	760,2	1759,0	2250,6	1989,7	2012,1
в % к ВВП	1,3	4,5	8,1	8,4	6,0	4,8
Поступление средств в государственные внебюджетные фонды, млрд руб.	1138,8	1373,7	1884,8	2323,8	2844,8	3790,2
в % к ВВП	8,6	8,1	8,7	8,6	8,6	9,1
в % к предыдущему году	119,8	120,6	137,2	123,3	122,4	133,2
Расходование средств государственных внебюджетных фондов, млрд руб.	1098,3	1305,3	1797,8	2207,3	2687,8	3437,1
в % к ВВП	8,3	7,7	8,3	8,2	8,1	8,2
в % к предыдущему году	104,5	118,8	137,7	122,8	121,8	127,9

продолжение табл. 12

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Оплата труда наемных работников, включая скрытые оплаты труда и смешанные доходы, млрд руб.	6231	7845	9474	11 986	15 304	19 010
в % к ВВП	47	46	44	44	46	46
в % к предыдущему году	123,0	125,9	120,8	126,5	127,7	124,2
Располагаемый доход домашних хозяйств, млрд руб.	7657	9615	12 110	14 835	18 044	...
на душу населения, руб.	52 967	66 853	84 614	104 118	126 966	...
в % к предыдущему году	107,3	113,2	111,8	111,6	111,6	...
Социальные трансферты в натуральной форме, млрд руб.	1170	1409	1801	2273	2841	3393
на душу населения, руб.	8090	9795	12 585	15 951	19 995	23 900
в % к предыдущему году	101,8	99,5	102,5	101,0	102,3	100,2
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств, млрд руб.	7710	9814	12 391	15 161	18 742	23 447
на душу населения, руб.	53 330	68 240	86 582	106 401	131 882	165 170
в % к предыдущему году	106,7	110,2	110,5	109,9	112,0	109,6

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**Демографическая ситуация**

Численность населения (на конец года), млн чел	144,2	143,5	142,8	142,2	142,0	141,9
в % к предыдущему году	99,5	99,5	99,5	99,6	99,9	99,9
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет:						
все население	64,9	65,3	65,3	66,6	67,5	67,9
мужчины	58,6	58,9	58,9	60,4	61,4	61,8
женщины	71,8	72,3	72,4	73,2	73,9	74,2
Общий коэффициент рождаемости (на 1000 человек населения)	10,2	10,4	10,2	10,4	11,3	12,1
Общий коэффициент смертности (на 1000 человек населения)	16,4	16,0	16,1	15,2	14,6	14,6
Естественный прирост, убыль (–) населения, тыс. человек	–888,5	–792,9	–846,5	–687,1	–470,3	–362,0
на 1000 человек населения	–6,2	–5,6	–5,9	–4,8	–3,3	–2,5
Коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте (на 100 000 чел. населения соответствующего возраста)	810,6	807,1	826,5	746,1	695,4	685,7
Коэффициент младенческой смертности (на 1000 родившихся живыми)	12,4	11,6	11,0	10,2	9,4	8,5
Коэффициент детской смертности (до 5 лет; на 1000 родившихся живыми)	15,7	14,5	13,9	13,0	11,8	10,8
Общий коэффициент брачности (на 1000 человек населения)	7,6	6,8	7,5	7,8	8,9	8,3
Общий коэффициент разводимости (на 1000 человек населения)	5,5	4,4	4,2	4,5	4,8	5,0

Экономическая активность населения

Среднегодовая численность занятых в экономике, млн чел.	66,0	66,4	66,8	67,2	68,0	68,5
в % к предыдущему году	100,6	100,6	100,6	100,6	100,9	100,7
Численность безработных, тыс. чел.	5683	5775	5208	4999	4246	5289
Численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения, тыс. чел.	1639	1920	1830	1742	1553	1522

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Доходы населения и социально-экономическая дифференциация						
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	5170	6410	8112	10196	12603	14939
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему году	115	110	112	113	112	102
Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения, %:						
1-я группа (с наименьшими доходами)	5,5	5,4	5,4	5,2	5,1	5,1
5-я группа (с наибольшими доходами)	46,2	46,7	46,7	47,3	47,9	47,9
Коэффициент фондов, в раз	14,5	15,2	15,2	16,0	16,8	16,9
Коэффициент Джини	0,403	0,409	0,409	0,416	0,423	0,423
Среднемесячная начисленная заработная плата одного работника, руб.	5499	6740	8555	10634	13593	17290
Реальная начисленная заработная плата одного работника, в % к предыдущему году	111	111	113	113	117	111
Средний размер назначенных пенсий, руб.	1637	1915	2364	2726	3116	4199
Реальный размер назначенных пенсий, в % к предыдущему году	105	106	110	105	105	118
Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения, руб. в месяц	2112	2376	3018	3422	3847	4593
в % к предыдущему году	117	113	119	113	112	119
Покупательная способность (количество наборов прожиточного минимума):						
среднедушевых денежных доходов	2,45	2,70	2,69	2,98	3,28	3,25
среднемесячной начисленной заработной платы	2,39	2,59	2,63	2,88	3,27	3,48
среднего размера назначенных пенсий	1,02	1,06	0,98	1,00	1,02	1,15
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, млн чел.	29,3	25,2	25,2	21,5	18,7	18,5
в % от общей численности населения	20,3	17,6	17,7	15,2	13,3	13,1
в % к предыдущему году	82,3	86,0	87,7	85,3	87,0	98,9
Дефицит денежного дохода, млрд руб.	235,4	225,6	286,9	276,6	270,3	319,5
в % от общего объема денежных доходов населения	2,6	2,1	2,1	1,6	1,3	1,2
Минимальный размер оплаты труда (в среднем за год), руб.	487,5	600,0	746,7	1000,0	1500,0	2300,0
Питание						
Энергетическая ценность пищевого рациона, на душу населения, ккал в сутки	2488	2458	2630	2554	2564	2550
в % от общей энергетической ценности:						
продукты животноводства	28,3	28,4	27,3	28,6	29,6	30,3
продукты растениеводства	71,7	71,6	72,7	71,4	70,4	69,7
Содержание в потребленных продуктах питания животных белков, на душу населения, г в сутки	36	36	39	40	42	43

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Жилищные условия						
Общая площадь жилых помещений, приходящая в среднем на 1 жителя, м ²	20,2	20,5	20,9	21,3	21,5	22,0
Число семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в % от общего числа семей	11	10	7	6	6	6
Состояние здоровья						
Зарегистрировано больных с впервые установленным диагнозом на 1000 чел. населения	748,6	744,9	745,9	763,9	771,0	772,0
Коэффициент смертности от самоубийств (число умерших на 100 000 чел. населения)	36,1	34,3	32,2	30,1	29,1	27,1
Медицинское обслуживание						
Численность врачей на 1000 чел. населения	4,8	4,8	4,9	4,9	5,0	5,0
Число больничных коек на 10 000 чел. населения	111,6	112,5	111,3	109,2	107,2	98,61
Образование						
Число государственных и муниципальных дневных общеобразовательных учреждений	63 759	62 474	60 771	58 669	55 710	53 568
В них численность учащихся, тыс. человек	17 254	16 098	15 113	14 291	13 695	13 363
Число государственных и муниципальных учреждений среднего профессионального образования	2627	2637	2688	2631	2566	2535
Численность студентов в государственных и муниципальных учреждениях среднего профессионального образования на 10 000 чел. населения	174	174	173	168	161	151
Число государственных и муниципальных высших учебных заведений	652	662	655	660	658	660
Численность студентов государственных и муниципальных высших учебных заведений на 10 000 чел. населения	388	408	419	431	437	438
Культура						
Число посещений театров на 1000 чел. населения	201	196	196	201	206	214
Число посещений музеев на 1000 чел. населения	511	517	528	556	555	569
Издание книг, брошюр на душу населения в год, экз.	5	5	5	4	5	5
Издание журналов на душу населения в год, экз.	8	7	8	8	10	11
Туризм и отдых						
Численность лиц, обслуженных в специализированных средствах размещения, тыс. чел.	9002	9711	10 281	10 493	10 763	11 031
Число выездов российских граждан в страны дальнего зарубежья с целью туризма, тыс. поездок	4615	5791	6405	7132	9039	10822
Недвижимость						
Удельный вес жилищного фонда в частной собственности граждан, %	68	70	74	77	78	79
Средства передвижения						
Число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения, шт.	153	159	169	178	195	214
Правонарушения						
Число зарегистрированных преступлений за год, тыс.	2756	2894	3555	3855	3583	3210
Коэффициенты смертности от убийств (число умерших на 100 000 чел. населения)	29,1	27,3	24,9	20,2	17,9	16,7

Вместе с тем эта динамика очевидно не соответствует темпам, которые сегодня необходимы России...

Кроме того, видно, что государство явно недооценивает значение культуры, здравоохранения и образования по сравнению с другими развитыми странами⁵⁸.

Рис. 7. Структура расходов консолидированного бюджета Российской Федерации на социально-культурные мероприятия*

* С учетом бюджетов государственных внебюджетных фондов.

Особое значение для России всегда имело пространство, «Русская земля». Оно нередко заменяло и понятия «государство» и «нация». Но огромные пространства России сегодня слабо заселены и освоены, что означает прямую геополитическую угрозу: желающих воспользоваться этим пространством и ресурсами немало.

Кроме того, экономически не освоенные пространства низко эффективны. Строительство дорог, развитие инфраструктуры вообще, экономически невыгодно, если ей пользуется мало граждан. Вот

почему демографическая проблема России становится реальной угрозой национальной идентичности. «Размываемая» нация, которая заселяет огромные территории, в конечном счете становится слишком разделенной, не способной реализовать свой культурный потенциал. В России, напомним, к 2007 году качественных изменений в обществе, в т. ч. идеологических, пока еще не произошло, а значит различные «развороты» отнюдь не исключены. Структура экономики страны остается по-прежнему сырьевой, а демографическая ситуация — катастрофической. Это означает, что **физическая основа** человеческого потенциала стремительно сокращается. А его **качество** ухудшается. Достаточно сказать, что если демографическая ситуация не будет исправлена, то в России к 2030 году может проживать уже не 140, а 100 млн человек. Что еще хуже — больных, малообразованных, социально опасных. По мнению, например, директора Независимой психиатрической ассоциации России Л. Виноградовой, в нашей стране в помощи психиатров уже нуждается 20–25% населения⁵⁹.

Осознание этого факта — критическая точка в оценке нынешнего положения России. Сегодня и по структуре экономики, и по социальной структуре общества, и по социальным стандартам мы можем относить себя только к тому этапу развития, где передовые страны находились 25–30 лет назад. Но, главное, менталитет элиты пока остается на том же уровне.

Важно подчеркнуть, что иностранный капитал в принципе не является инвестором развития ЧП в России. Его доля составляет в лучшем случае несколько процентов от общего объема инвестиций. С учетом этого, а также неготовности отечественного бизнеса реально инвестировать в человеческий потенциал, в качестве единственного инвестора остается только государство. Именно поэтому доля

Табл. 13. Расходы консолидированного бюджета Российской Федерации на социально-культурные мероприятия в 2008 г.

	Миллиардов рублей			В процентах к ВВП		
	консолидированный бюджет*	из него федеральный бюджет	консолидированные бюджеты субъектов РФ	консолидированный бюджет*	из него федеральный бюджет	консолидированные бюджеты субъектов РФ
Всего	7122,1	1015,7	3060,9	17,1	2,4	7,3
в том числе на:						
образование	1658,1	355,0	1292,2	4,0	0,9	3,1
культуру, кинематографию, средства массовой информации	310,6	88,9	221,7	0,7	0,2	0,5
здравоохранение, физическая культура, спорт	1546,3	278,2	784,5	3,7	0,7	1,9
социальную политику	3607,1	293,6	762,5	8,7	0,7	1,8

* С учетом бюджетов государственных внебюджетных фондов.

инвестиций в ЧК в консолидированном бюджете инвестиции носят спекулятивный характер, что стало особенно заметно в период кризиса. Как видно из доклада Всемирного банка, капиталы иностранных инвесторов быстро «покинули» Россию (табл. 14) ⁶⁰.

Особенно заметно хотя бы на примере недооценки роли социальной политики, о которой в последнее время вроде бы много говорят. На деле, например, в бюджете на 2008–2010 годы ситуация выглядит иначе (табл. 15).

Если учесть прогнозируемую инфляцию, то реальное увеличение произойдет разве что в здравоохранении, физической культуре и спорте, — справедливо считает Е. Гонтмахер. Но, может быть,

прогресс будет обеспечен за счет территориальных бюджетов: ведь за их счет обеспечивается 76% расходов на образование и здравоохранение, более 90% — на культуру? Учитывая эти доли, а также включив сюда расходы на ЖКХ и социальную помощь, можно оценить величину затрат на социальную сферу в консолидированном бюджете на уровне 11,2–11,7% ВВП. Если прибавить к ним межбюджетные трансферты на социальные цели и трансферты государственным внебюджетным фондам, то **совокупная величина на социальные цели в консолидированном бюджете составит величину, равную 17–18% ВВП.**

Много это или мало? В развитых странах доля государственных социальных расходов составляет

Табл. 14. Чистые потоки капитала (в млрд долл. США), 2006–2010 гг.

	2006	2007	2008	2009	2009 1 кв	2010 1 кв
Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором	41.4	81.7	–133.9	–56.9	–35	–12.9
Чистый ввоз/вывоз капитала банками	27.5	45.8	–56.9	–31.4	–6.9	0.8
Чистый ввоз/вывоз капитала прочими секторами	13.9	35.9	–77.0	–25.4	–28.1	–13.7

Источник: Банк России.

Табл. 15. Что получают отрасли социальной сферы (доля расходов, %)

Отрасль	2007	2008	2009	2010
Образование				
Доля расходов в бюджете	5,7	4,7	4,3	4,4
К расходам 2007 года	100,0	111,2	113,5	122,7
Здравоохранение, физическая культура и спорт				
Доля расходов в бюджете	3,8	3,3	3,2	3,6
К расходам 2007 года	100,0	105,8	113,5	133,1
Культура, кинематография и СМИ				
Доля расходов в бюджете	1,2	1,3	1,0	0,9
К расходам 2007 года	100,0	122,0	103,5	99,6

Табл. 16. Производительность труда, располагаемые доходы, зарплата и безработица, 2006–2010 годов ⁶¹

	2006	2007	2008	2009	2010	
	янв–дек	янв–дек	янв–дек	янв–дек	янв–дек	апрель
Рост ВВП, %	7.7	8.1	5.6	–7.9	2.9a	n/a
Занятые, млн человек	68.8	70.5	70.9	69.4	68a	68.9
Рост занятости (к соответствующему периоду прошлого года), %	0.8	2.4	0.5	–2.1	–0.3a	n/a
Рост производительности труда (к соответствующему периоду прошлого года), %	6.9	5.5	5.0	–5.9	3.2a	n/a
Рост реальных располагаемых доходов (к соответствующему периоду прошлого года), %	13.5	12.1	1.9	1.9	6.5	3.7
Рост реальной заработной платы (к соответствующему периоду прошлого года), %	13.3	17.2	11.5	–2.8	3.8	6.0
Среднемесячная заработная плата, в долларах США	392.5	533.2	692.1	593.0	659.9	695.9
Уровень безработицы %, (на конец периода, по определению МОТ)	6.9	6.1	7.8	8.2	8.2	8.2

не ниже 25–30% ВВП. И это при том, что перед этими странами не стоит актуальная **для нас проблема спасти деградирующий человеческий потенциал.**

Естественно, что это отражается на доходах граждан, которые в разы уступают развитым странам (табл. 16).

С политико-идеологической точки зрения, как видно, радикальных изменений не произошло. Мы пока упорно не хотим видеть закономерностей развития общества, ставших очевидными в первом десятилетии XXI века. А это означает, что **идеологически мы отстаем еще больше, чем технологически.** В этих условиях внутривластная

стабильность, уверенность в сохранении нынешнего курса развития могут быть обеспечены **только идеологически**, через развитие в обществе норм, правил и идей, свойственных самой современной идеологии развития — идеологии развития человека, его потенциала, его интеллекта и духовности. Идеология, которая, добавлю, соответствует будущему этапу в развитии общества.

Идеология, культура, духовность в первой четверти XXI века для России, таким образом, становятся главными факторами укрепления внутривластной стабильности, подготовки «площадки» для будущего рывка.

¹ «Безбожная наука хромает» // АиФ. 2007. № 31. С. 38.

² Кваша Г. Принципы Истории. Россия: от Востока через Империю к Западу. М.: Поколение. 2006. С. 11.

³ Малащенко А. Лучший джихад — сказать правду // Известия. 2011. 9 февраля. С. 7.

⁴ Инновационная Россия–2020 (проект). М.: МЭР, 2010.

⁵ Третьяков В. Идеология антитеррора // Известия. 2011. 13 февраля. С. 6.

⁶ Магарил С. Поиски социального качества // НГ-наука. 2011. 9 февраля. С. 12.

⁷ **Духовность** — зд. важная составная часть НЧП, характеризующая преобладание духовных, нравственных и интеллектуальных интересов на материальными.

⁸ Третьяков В. Идеология антитеррора // Известия. 2011. 3 февраля. С. 6.

⁹ Николаев А. Н. Модернизация и цивилизационные особенности России // Мир и политика. 2010. № 2 (41). С. 9.

¹⁰ **Социальное качество** — зд. способность больших групп общества и элиты вносить позитивный вклад в его развитие, выживание и благополучие.

¹¹ Магарил С. Поиски социального качества // НГ-наука. 2011. 9 февраля. С. 12.

¹² Медведев Д. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. 2009.

¹³ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭР, 2008. Март. С. 12–13.

¹⁴ Башкатова А. Всемирный банк бросил тень на Россию // Независимая газета. 2010. 23 июля. С. 1, 4.

¹⁵ Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science, August 20. 2010. P. 110.

¹⁶ Подберезкин А. И., Карпенко М. П. XXI век: стратегия для России. М.: СГА, 2005. С. 125.

¹⁷ Подберезкин А. И. Русский Путь. М.: РАУ-Университет, 1999. С. 17.

¹⁸ Медведев Д. Послание Президента Федеральному Собранию // Парламентская газета. 2009. № 60.

¹⁹ Николаев А. Н. Модернизация и цивилизационные особенности России // Мир и политика. 2010. № 2 (41). С. 12.

²⁰ Торкунов А. Школа российской идентичности // Независимая газета. 2009. 14 октября.

²¹ Вопрос, как ни странно, о Ленине. 22.07.2010 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://dikauag.livejournal.com/262511/html>.

²² Мартынов Е. И. Политика и стратегия. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 15.

²³ Торкунов А. Школа российской идентичности // Независимая газета. 2009. 14 октября.

²⁴ Привалов А. Об академическом антиклерикализме // Эксперт. 2007. 13–19 августа. С. 18.

²⁵ О беспринципности, жадности и антинациональном характере российской элиты написано немало. И не только публицистами, но и серьезными учеными. См., например: Гаман-Голутвина О. В.: «Приватизация государства в условиях „демократии беспорядка“ 1990-х гг.». В кн.: Политические элиты России. М.: Росспэн, 2006. С. 317–344.

²⁶ Цухло С. Жажда инвестиций // Российская газета. 2007. 14 августа. С. 4.

²⁷ См., например: Рейтинг факторов и показателей конкурентоспособности регионов России. Прогноз. М.: ВТБ, 2009. С. 8–9.

²⁸ Косачев П. Восточный плюрализм // Политический журнал. 2007. № 1/2. С. 66.

²⁹ Володихин Д. Всемирный русский... // Политический журнал. 2007. № 9/10. С. 19.

³⁰ Ильичев Г. Пороки, которые мы выбираем // Известия. 2007. 14 февраля. С. 2.

³¹ Торкунов А. Европейский выбор и национальный интерес // Космополис. 2007–2008. № 3 (19). С. 36.

³² Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М. 2009. С. 121–122.

³³ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. сб. / М.: Росстат, 2009. С. 57.

³⁴ Там же. С. 56

- ³⁵ Там же. С. 478.
- ³⁶ Там же. С. 47.
- ³⁷ Там же. С. 46.
- ³⁸ Тихонов Е. Льготы для инноваций // Российская газета. 2007. 13 февраля. С. 1.
- ³⁹ Алексеева Л. Лет через 10–15 // Независимая газета. 2007. 20 февраля. С. А4.
- ⁴⁰ Добрынина Е. Десять лет без права на склероз // Российская газета. 2011. 4 февраля. С. 11.
- ⁴¹ Торкунов А. Школа российской идентичности // Независимая газета, 2009. 14 октября.
- ⁴² Пантин В., Лапкин В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс, 2006. С. 424.
- ⁴³ Шаповалов А. Свобода не заменит нефти // Коммерсант. 2007. 12 февраля. С. 2.
- ⁴⁴ Коротков А. Банковский бизнес России в условиях глобализации электронных технологий и финансов / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. М.: АНХ, 2006. Декабрь. С. 16.
- ⁴⁵ Америка расслаивается // Эксперт. 2007. № 8. С. 37.
- ⁴⁶ См., например: Краснова В. Когда демократия соберется с духом // Эксперт. 2007. № 3. С. 27–33.
- ⁴⁷ Торкунов А. Мировые реалии начала XXI века и внешняя политика России. Аналитические записки. МГИМО(У). 2004. № 1. С. 1.
- ⁴⁸ Клиш Б. Третий путь Патриарха Кирилла // Известия. 2010. 23 июля. С. 3.
- ⁴⁹ Торкунов А. Мир становится другим // Мир и политика. 2009. Январь. № 1(28).
- ⁵⁰ Добрынина Е. Десять лет без права на склероз // Российская газета. 2011. 4 февраля. С. 11.
- ⁵¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос. 2003. С. 5–6.
- ⁵² Кузьмин В. Служить и проповедовать // Российская газета. 2011. 4 февраля. С. 2.
- ⁵³ Торкунов А. Дипломатия как двигатель модернизации. 2010. 5 августа. URL: <http://opes.ru/1301637.html>.
- ⁵⁴ Тавровский Ю. Проблема северных территорий — ящик Пандоры // Независимая газета. 2011. 9 февраля. С. 3.
- ⁵⁵ Осипов Ю. Это — безумие — ломать сложившуюся систему организации науки в России // Российская газета. 2011. 8 февраля. С. 14.
- ⁵⁶ Орджоникидзе М., Гудков А. Пропасть растет // Ведомости. 2007. 28 февраля. С. А4.
- ⁵⁷ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. сб. / М.: Росстат. 2009. С. 28–32.
- ⁵⁸ Там же. С. 34.
- ⁵⁹ Важаева Н. Великая депрессия // Новые Известия. 2007. 30 января. С. 1.
- ⁶⁰ Доклад об экономике России. Представительство Всемирного банка в России. 2010. Июнь. URL: <http://www.worldbank.org.ru>. С. 18.
- ⁶¹ Там же. С. 10.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому тому	
Роль идеологии в модернизации России.	3

КНИГА ПЕРВАЯ

Человеческий капитал и посткоммунистическая идеология

Предисловие	
Человеческий капитал и посткапиталистическая идеология	11

Глава 1

Что ждет Россию? — Зависит от выбора идеологии.	15
1. Из чего выбирать? Контуры «Большой стратегии»	18
2. Прагматизм36 правящей элиты как идеология	23
3. Будущий образ России: Евразия?	29
4. Интеграция на евразийском пространстве.	36
5. Инструменты евразийской интеграции	40
6. Стратегия евразийской интеграции	45
7. Нарастающее отставание России как следствие идеологического кризиса	50
8. Идеологическое отставание России и национальный человеческий капитал	58

Глава 2

Россия: влияние глобализации	69
1. Глобализация и идеология: необходимость идеологического лидерства	74
2. Глобализация и «ключевая идея» России, способная обеспечить идеологическое лидерство	79
3. Ставка на развитие национального потенциала человека как эффективная внешнеполитическая идеология	85
4. Роль власти и государства в формировании национальной идеологии в условиях глобализации.	93
5. «Мягкая сила» и идеология.	98
6. «Фазовый переход» и кризис современной идеологии глобализации.	102

Глава 3

Образ России: национальные приоритеты и ценности как факторы влияния на мировое развитие	111
1. Стратегия национального развития как основа для формирования образа России	113
2. Значение фундаментальных ценностей для формирования образа России	116

3. Синтез традиций и инноваций в идеологии	120
4. Соотношение основных ценностей в современных идеологиях при формировании образа России	126
5. Образ России и её позиционирование в мире	132
6. Образ России, креативный класс и либеральная идеология	138
7. Образ России и социально-консервативная альтернатива	142
Глава 4	
Алгоритм стратегии национального развития как производное от идеологии.	149
1. Идеология и стратегия национального развития	151
2. Алгоритм политической идеологии национального развития	153
3. Субъективность элиты и стратегия национального развития	157
4. Алгоритм стратегии национального развития	160
5. Неудачные попытки переоценки алгоритма национальной стратегии развития после 2006 года	166
6. Модернизации, инновации и алгоритм национальной стратегии развития после 2012 года	170
Глава 5	
Выбор элитой алгоритма идеологии предопределяет выбор алгоритма стратегии развития после 2011 года	179
1. Алгоритм идеологии и алгоритм стратегии	180
2. Адекватность идеологического восприятия правящей элитой российских реалий второго десятилетия XXI века	185
3. Идеологический прогноз как определяющий элемент алгоритма стратегии развития нации	192
4. Стратегический прогноз и политическая реальность	198
5. Полное использование национальных ресурсов как важнейшее условие реализации национальной стратегии опережающего развития: «забытые» ресурсы и возможности	205
6. Приоритетность задач при распределении национальных ресурсов во втором десятилетии XXI века	212
7. Проблема «фазового перехода» и идеология будущей России	216
8. Национальная идея и стратегический прогноз для России	220
9. Опережающее развитие НЧП как национальная идея и основа стратегического прогноза	226
Глава 6	
Вглядываясь в будущее: макроэкономические прогнозы против идей	237
1. Политическая идея как стратегический национальный прогноз	240
2. Кто формулирует идеи и создает новые продукты и смыслы?	246
3. Бесполезность макроэкономического прогноза для стратегии национального развития	250
4. Современные университеты — основной институт социального потенциала креативного класса	258
5. Рейтинги как механизм манипуляции	267
6. Право и идеология: ложная магия Закона	273

КНИГА ВТОРАЯ

Роль национального человеческого капитала в период «фазового перехода» человечества

Предисловие.....	287

Глава 1

Идеология опережающего развития национального человеческого потенциала.....	293

1. Модель модернизации как модель развития НЧП
«Инновационная деятельность — непрерывный процесс»
Руководство Осло 294
2. Идеология модернизации: новая реальность..... 297
3. Что же такое НЧП..... 299
4. Критерии и индексы НЧП как показатели эффективности элиты..... 306
5. Модернизация как культурный национализм..... 313
6. Государство, нация и модернизация..... 317
7. Идеология как инструмент управления НЧП 319
8. Идеология развития НЧП как стратегия модернизации 320

Глава 2

Модернизация в России как антиидеология.....	327

1. Модернизация — как продолжение деидеологизации?..... 328
2. Национальный человеческий потенциал: нынешняя реальность 334
3. Поиск новых критериев развития..... 342
4. Что делать с отсталой социальной структурой? 361
5. Каким же путем идти? 377
6. О будущей модели государства 380

Глава 3

Цель модернизации — эффективная реализация НЧП.....	391

1. Модель модернизации 393
2. «Стратегия» стагнации 2007–2010 гг. 401
3. Основная причина «Стратегии» стагнации 2007–2010 годов 407
4. Что же подходит России? Сверхзадача 415
5. Неизбежность оригинального выбора: новая дискуссия о модернизации 422

Глава 4

Интеллектуально-духовный этап развития мира: роль НЧП.....	433

1. Рост значения национальных ценностей и духовности
как компонентов НЧП в XXI веке..... 434
2. Специфика момента: нравственно-духовная составляющая НЧП как
непризнанный фактор развития 439
3. Наши конкурентные преимущества: вера, образование, наука, культура,
творческие люди 444
4. Фактор времени и модернизация: роль НЧП..... 453
5. Национальные ценности, НЧП и модернизация 456

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

В пяти томах

Том 1

Роль идеологии в модернизации России

Редакторы: *Т. Ф. Тищенко*

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 28.08.12.

Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Усл. печ. л. 58,5. Уч.-изд. л. 42,5.

Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз. Заказ № 489

Издательство «МГИМО–Университет»

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76